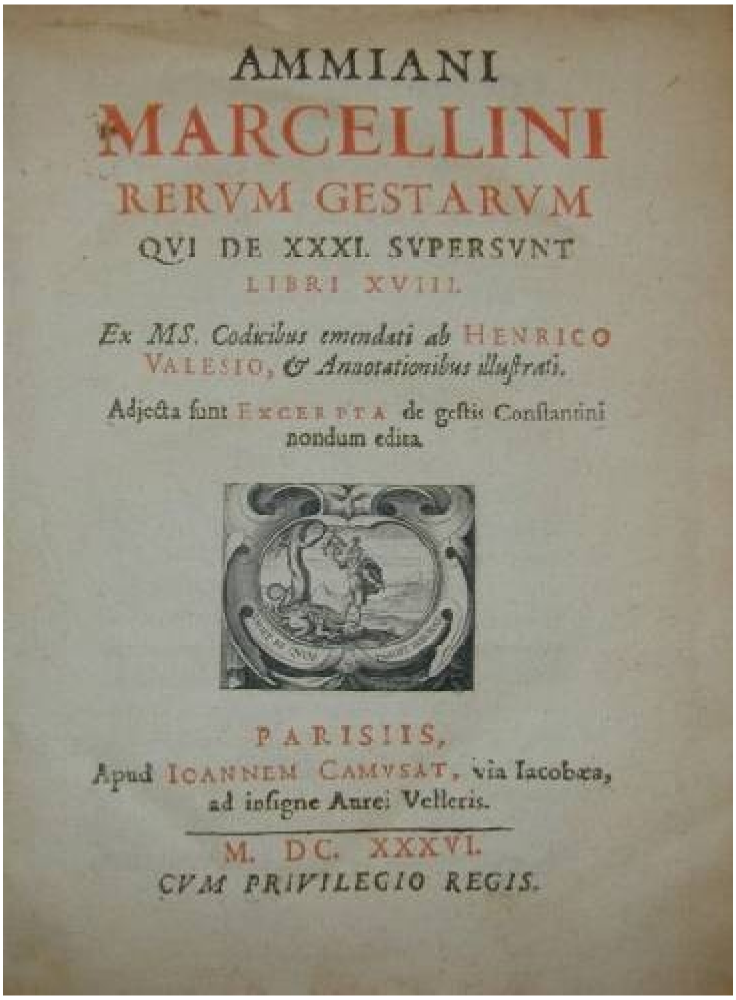
Аммиан Марцеллин

Римская история



АММИАН МАРЦЕЛЛИН.
РИМСКАЯ ИСТОРИЯ. (Res Gestae)

В фигурные скобки {} здесь помещены номера страниц (окончания) издания-оригинала.

В основу настоящего издания положен перевод, сделанный профессором Киевского университета им. св. Владимира Ю. Кулаковским при участии профессора А. Сонни, опубликованный в Киеве в 1906–1908 гг.: Аммиан Марцеллин, «История» (т. 1–3). Перевод заново сверен по последним изданиям текста (Ammiani Marcellini rerum gestarum..., edidit W. Seyfart, Leipzig, 1978 и Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Bd 1–4. Berlin, 1968–1971) и отредактирован. При подготовке издания полностью оставлены комментарии Ю. Кулаковского и добавлено минимально необходимое количество новых пояснений.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН И ЕГО ВРЕМЯ

Произведение Аммиана Марцеллина «История», в оригинале «Res Gestae» («Деяния»), принадлежит к числу наиболее значительных в исторической литературе Древнего Рима. Эта книга является достойным продолжением сложившейся благодаря Титу Ливию и Тациту традиции описания исторических событий. Более того, она представляет собой последнее выдающееся произведение этого жанра, а Марцеллин по праву именуется «последним великим историком Рима». К сожалению, до сегодняшнего дня это сочинение оставалось малоизвестным русскому читателю, поскольку единственное полное издание в переводе Ю. Кулаковского и А. Сонни вышло минимальным тиражом в 1906–1908 гг. и стало уже библиографической редкостью, а помещавшиеся в различных сборниках и антологиях отрывки мало способствуют достаточно полному представлению об этом произведении. Настоящее издание имеет целью восполнить данный пробел.

Аммиан Марцеллин жил и действовал в IV в. н. э., в эпоху, ключевую для всей дальнейшей истории Европы, когда в жесточайшей борьбе уходили в прошлое языческие и имперские ценности и общество обретало иные, совершенно новые духовные основы для своего дальнейшего функционирования, когда формировались новые человеческие сообщества, примером которых в недалеком будущем могут служить германские королевства, когда совершалось великое переселение народов из восточных степей, когда доминирующее значение обретало христианство в форме православия. Однако римский имперский дух, был еще жив, и Марцеллин, примкнув к кружку «последних римлян», стал одним из величайших его выразителей.

Эпоха, о которой идет речь, вошла в историю под названием домината, системы, близкой к самодержавному правлению и в корне отличавшейся от принципата, существовавшего в первые века империи. Впервые назвал себя dominus («господин») император Аврелиан, правивший в 270–275 гг., человек, восстановив-{*5* }ший империю из руин. Он ввел в Риме культ бога Солнца, стал его верховным жрецом, возложил на себя царскую диадему и присвоил себе титул dominus et deus natus («господин и богорожденный»). Однако ему не удалось заложить новые духовные и организационные основы общественной жизни империи, и эту задачу решили уже совершенно другие люди, использовавшие принципиально иные средства. С рассмотрения ситуации, с которой столкнулись эти новые люди, и прежде всего император Диоклетиан (284–305 гг.), получив верховную власть, мы и начнем свое изложение.

Кризис III в. и его итоги

Эпоха, предшествовавшая захвату власти полководцем, сыном вольноотпущенника из Далмации Диоклетианом (как император – Цезарь Гай Аврелий Валерий Диоклетиан Август), вошла в литературу под названием «Кризис III века». Основания для такого именования были самые веские – ведь за предшествующие 50 лет ни один император не умер своей смертью, и менялись они зачастую по нескольку раз в год, да и часто легионы провозглашали в разных частях империи одновременно несколько «солдатских императоров», которых иногда тут же и убивали.

Собственно, предпосылки для такого положения дел сложились гораздо раньше, еще в конце правления династии Антонинов, когда 31 декабря 192 г. был убит сын Марка Аврелия Коммод, прославившийся своей громадной физической силой, жестокостью и полной неспособностью управлять страной. Провозглашенный императором Пертинакс был вскоре убит преторианской гвардией, и в лагере последней состоялся позорный торг за императорский титул. Победителем в этом торге оказался римский богач Дидий Юлиан, и лишь железная рука выходца из Африки Септимия Севера остановила беспредел преторианцев. Император Септимий Север (193–211 гг.) резко ограничил права преторианцев и попытался провести ряд реформ, целью которых было создание жесткой военной монархии, стабилизация экономики и упорядочение всей жизни империи. Реформы удались, однако правление династии Северов стало последним относительно спокойным периодом. В 235 г. был убит последний ее представитель Александр Север, в 238 г. погиб сменивший его Максимин, а также боровшиеся против последнего в Африке отец и сын Гордианы (впрочем, отец покончил с собой сам, узнав о поражении и гибели сына) и свергшие Максимина «сенатские императоры» Пупиен и Бальбин. Во главе империи оказался 13-летний Гордиан III, бывший всего лишь игрушкой в руках противоборствующих сил. В 244 г. во время похода в Персию {*6* } в результате заговора был убит и он, а императором стал префект претория Филипп Араб, воздвигнувший в качестве доказательства своей непричастности к убийству грандиозную гробницу Гордиана. При нем в 248 г. было торжественно отмечено 1000-летие со дня основания Рима, но это празднование стало «пиром во время чумы».

После убийства Филиппа в 249 г. окончательно рухнула вся система управления империей. Центральная власть утратила свою силу, и император Галлиен (253–268 гг.), невзирая на свои выдающиеся военные и организаторские способности, не смог восстановить ее. Он побеждал узурпаторов, но на их месте сразу же появлялись новые. Время Галлиена вошло в анналы как время «тридцати тиранов», самыми значительными из которых были Постум в Галлии и Оденат (а после его смерти в 266 г. – его жена Зенобия) на Востоке, в Пальмире.

Другой важнейшей проблемой III в. было резкое обострение ситуации на границах империи и участившиеся вторжения варваров. На Востоке после прихода к власти династии Сасанидов, в 226 г. сменившей чужеземную династию Аршакидов, усилилось новоперсидское царство, начавшее агрессию в отношении империи. Так, например, царь Сапор I дважды захватывал столицу Востока Антиохию (в 256 и 260 гг.). На севере оживились многочисленные племена германцев, стремившихся поселиться на пустующих землях в пределах империи. В сражении с ними в 251 г. погиб император Деций.

Наконец, и экономическое положение империи оставляло желать лучшего. Рухнула хозяйственная система, сложившаяся в золотой век Антонинов, невыгодным стало ведение сельскохозяйственных работ, в особенности с использованием рабского труда, что привело к повсеместной замене его в крупных поместьях наемным (т. н. колонат). Города пришли в запустение из-за отсутствия поставок продовольствия, колоссальных налогов и иных общественных повинностей. Пребывание в курии (городском совете), ранее почетное и прибыльное, стало рассматриваться как жесточайшее наказание, из-за которого

обеспеченные люди бросали свое имущество и бежали с семьями куда придется. Грандиозных размеров достигла инфляция, резко снизилось содержание золота в монетах. Хозяйство империи постепенно превращалось в натуральное.

Первые успехи в борьбе с внешним врагом были достигнуты только в 269 г., когда бывший полководец Галлиена император Клавдий (268–270 гг.) разгромил вторгшихся готов. Восстановление империи, по крайней мере чисто юридическое, осуществил упомянутый выше император Аврелиан, совершивший грандиозные походы на Восток и в Галлию и в 274 г. справивший в Риме свой {*7* } триумф по образцу древних полководцев. Итак, перед Диоклетианом стояли следующие основные задачи: окончательно отразить натиск варваров на империю, ликвидировать последних узурпаторов и нормализовать хозяйственную и общественную жизнь страны. Реформы проводили и его ближайшие последователи, однако получить желаемые результаты в полной мере не удалось. Империя была смертельно больна, и ее крах оставался лишь вопросом времени.

Диоклетиан и его преемники

Диоклетиан был провозглашен императором войсками в Никомедии в Малой Азии 17 ноября 284 г. Согласно предсказанию, которое было дано ему в молодости в Галлии, он должен был стать императором, убив кабана. На воинской сходке после смерти императора Нумериана, когда префект претория Апр (aper по-латыни – «кабан») претендовал на императорский титул, Диоклетиан выхватил меч, поразил его и воскликнул: «Наконец-то я убил назначенного роком кабана!». Солдаты возвели его на престол и, одолев императора Запада, брата Нумериана Карина, Диоклетиан стал единоличным правителем империи.

Однако, сознавая шаткость и сложность своего положения, он не воспользовался единоличной властью. Оставшись в Никомедии и сделав ее своей столицей, уже в 285 г. он провозгласил Цезарем на Западе своего друга Марка Аврелия Валерия Максимиана; в 286 г. тот стал Августом, т. е. приобрел равные с Диоклетианом права и назначил своей резиденцией Медиолан (ныне Милан). Максимиан подавил охватившее Галлию восстание багаудов, разгромил вторгшиеся на территорию империи германские племена франков и аламаннов и усмирил выступление начальника флота Караузия, захватившего Британию и провозгласившего себя Августом.

1 марта 293 г. Августы назначили себе соправителей и предполагаемых наследников в ранге Цезарей. Диоклетиан выбрал Гая Галерия Валерия Максимиана, сына простого пастуха, выдвинувшегося благодаря своим военным заслугам, а Максимиан – потомка знатного рода Гая Флавия Валерия Констанция Хлора. Империя фактически оказалась разделенной на четыре части, и установилась так называемая тетрархия (четверовластие). Диоклетиан управлял Фракией, Азией, Сирией и Египтом, Галерий – Балканским полуостровом (кроме Фракии), Максимиан – Италией, Испанией и Африкой, а Констанций Хлор – Галлией и Британией. Диоклетиан установил себе и Максимиану срок правления до 305 г., когда на их место должны были заступить Цезари и в свою очередь назначить себе преемников. {*8* }

Императоры успешно боролись с внешними и внутренними врагами: Диоклетиан подавил так называемое восстание Ахилея в Египте и изгнал оттуда кочевые племена блеммиев, Галерий разгромил персов и вернул империи Месопотамию, а также укрепил границу по Дунаю, Максимиан вел войны с маврами в Африке, и, наконец, Констанций одолел очередного узурпатора в Британии Аллекта.

1 мая 305 г. Августы, согласно заранее принятому решению, сложили с себя полномочия, а Галерий и Констанций заняли их посты. Назначение новых Цезарей произвел Галерий. Ими стали на Западе Флавий Валерий Север, а на Востоке – Валерий Максимин Даза. Именно такое решение послужило причиной краха всей власти тетрархов, поскольку при этом оказались обойденными сыновья Максимиана и Констанция – соответственно Максенций и Константин. Когда летом 306 г. в Британии умер Констанций Хлор, по всей империи заполыхала гражданская война. Войска немедленно провозгласили Августом Константина, Галерий признал его в этом качестве, а в Риме вспыхнуло восстание, в результате которого Цезарем был провозглашен Максенций, а Максимиан вернулся к власти, объявив себя Августом. Галерий в ответ на это назначил Августом и главнокомандующим в войне с Максенцием Севера, а после гибели последнего – Валерия Лициниана Лициния.

Итак, в результате отречения Диоклетиана империя оказалась охваченной пламенем сразу нескольких гражданских войн. Бывший император попытался исправить это положение, вернувшись к власти. Источники по данному вопросу дают разноречивые сведения, но известно, что в 308 г. Диоклетиан был консулом. Очевидно, его попытки установить мир в империи оказались безуспешными, и в 313 г. он покончил с собой, пережив крах всей своей реформаторской деятельности.

Лициний после смерти Галерия в 311 г. стал старшим августом и заключил соглашение с Константином о совместной борьбе с узурпаторами. Аналогичное соглашение заключили и их противники – Максенций и Максимин Даза. Константин вступил в Италию, двинулся на Рим и разгромил в решающей битве у Мильвиева моста 28 октября 312 г. Максенция. Последний во время бегства утонул в Тибре. Лициний, в свою очередь, в 313 г. победил Максимина Дазу. Итак, все императоры, кроме Константина и Лициния, были мертвы, и предстояла схватка между ними за единодержавную власть.

В ходе ряда войн в 314–316 гг. Константин отнял у Лициния большую часть Балканского полуострова. В битве при Адрианополе в 324 г. Лициний потерпел решающее поражение, сдался на милость {*9* } победителя, был сослан в Фессалоники и через год казнен. В результате Константин Великий стал единоличным правителем государства, а своими преемниками и соправителями назначил собственных детей. В 324–326 гг. он провозгласил Цезарями своих четырех сыновей. Флавий Юлий Крисп (сын от первого брака) стал править Галлией, но в 326 г. был казнен вследствие интриг своей мачехи Фаусты, которая также вскоре была казнена. Константину младшему, будущему Константину II, было поручено управлять Испанией, Галлией и Британией, Константу – Италией, Иллириком и Африкой, а Констанцию – Азией и Египтом. Себе Константин оставил Балканский полуостров.

В 337 г. император умер в разгар приготовлений к войне с персами, и вновь началась борьба между его преемниками. Констанций жестоко расправился со всеми своими родственниками и стал единоличным

повелителем Востока, уничтожив двух братьев Константина и семь его племянников. На Западе между тем началась война между Константом и Константином II. Последний был разбит в 340 г. в битве при Аквилее и погиб. Итак, к 340 г. империя оказалась разделенной на две части: на Востоке правил Констанций II, а на Западе – Констант. Единственными уцелевшими родственниками Константина были его племянники Галл и Юлиан, впоследствии император Юлиан Отступник.

Однако борьба на этом не закончилась. Франк Флавий Магненций, прошедший в римской армии все должности от простого солдата до комита, в 350 г. был провозглашен войсками императором на Западе и приказал убить Константа. Началась затяжная война, в ходе которой Магненций потерпел решающее поражение от Констанция в битве при Мурсе в 351 г., а в 353 г., оставленный всеми своими соратниками, покончил с собой.

Таким образом, в 353 г. Констанций II стал единоличным повелителем всей империи в ранге Августа. Именно с этого момента начинается повествование Аммиана Марцеллина. Дальнейшие события излагаются историком достаточно подробно и точно, поэтому далее мы останавливаться на них не будем. Однако необходимо рассмотреть те системы управления и общественной жизни, которые сложились в империи в результате проведенных Диоклетианом и Константином реформ.

Государственное управление в IV веке

С именами Диоклетиана и Константина связаны административные реформы, а точнее – введение системы иерархического управления. Вся империя была разделена на четыре префектуры, которые возглавляли префекты претория (praefecti praetorio). Рим {*10* } и, с 330 г., Константинополь были выделены из состава префектур, и ими управляли собственные «префекты города» (praefecti urbis). Все эти префекты имели высший чин в государственной табели о рагнах и титул viri illustres («сиятельные мужи»). Префектуры состояли из диоцезов (dioeceses), которых во всей империи насчитывалось двенадцать. Диоцезы управлялись подчиненными префектам сановниками с титулом викариев (vicarii). Викарии имели второй ранг и титуловались viri spectabiles («высокородные мужи»). Викарий Востока именовался comes Orientis («комит Востока»), а Египта – praefectus Augusti или сокращенно – Augustalis. Каждый из диоцезов включал несколько провинций, общее число которых вместе с Римом при Диоклетиане составляло 101 и достигло 120 к концу IV в. Во главе провинций стояли ректоры (rectores; часто в виде общего названия используется и термин iudices), которые в зависимости от статуса их провинций имели титулы проконсулов, консуляров, корректоров и президов (praesides). Правители провинций именовались viri clarissimi («светлейшие мужи»), т. е. наделялись титулом, который в эпоху принципата был высшим и который имели только сенаторы. Правители, имевшие титул проконсулов, принадлежали к рангу viri spectabiles, т. е. к тому же, что и викарии. Это различение правителей по титулам и рангам восходило к самым первым векам империи, когда к управлению провинциями наряду с сенаторами были допущены и представители всаднического сословия; последние имели

звание прокураторов и управляли менее значимыми провинциями.

Префекту претория Галлии, имевшему резиденцию в Тревирах (ныне Трир), подчинялись викарий Испании, викарий семи германских и галльских провинций и викарий Британии. Префекту претория Италии (резиденция в Риме) были подчинены викарий Италии, викарий Иллирика (в пределах Далмации, Паннонии и Норика) и викарий Африки. Префекту претория Иллирика (резиденция в Сирмии) подчинялись викарии Македонии и Дакии (на правобережье Дуная). Префекту претория Востока с резиденцией в Константинополе подчинялись комит Востока (Палестина, Финикия и Сирия), префект Августал (Ливия, Египет), викарии Понта и Фракии. В особую категорию были выделены провинции Азии и Африки (в древности – проконсульская Африка), они были подчинены непосредственно императору и управлялись его «друзьями» (comites primi ordinis); этот титул был эквивалентен титулу проконсула. Позднее, при Константине, аналогичный статус получила Ахайя, а при Феодосии – Палестина.

Включение Италии в категорию провинций повлекло за собой утрату ее былых привилегий – свободу от налогов и повинностей. При Диоклетиане она была разбита на 8 округов: Транспадана, {*11* } Венеция-Истрия, Эмилия-Лигурия, Фламиния-Пицен, Этрурия-Умбрия, Кампания-Самний, Лукания-Бруттий, Апулия-Калабрия. Ими управляли особые чиновники – корректоры (correctores). Корректорами назывались также направляемые императорским двором для контроля за деятельностью местной администрации чиновники. Контрольные функции принадлежали также императорским, или тайным, агентам.

Городская администрация в Риме сохранилась примерно в таком же виде, в каком она была в первые века империи. Во главе города стоял городской префект, снабжением заведовал префект анноны (praefectus annonae или praefectus frumenti dandi) и т. д. Существовали различные комиссии – по хлебо– и водоснабжению, постройке храмов, общественных и частных зданий и т. д. Специальные комиссии занимались регулированием русла и ремонтом берегов Тибра, очисткой и уборкой города.

Специально следует сказать о муниципальных советах (куриях), существовавших во всех городах. На их членов – декурионов, или куриалов, возлагалась ответственность за поступление налогов, распределение повинностей и т. д. Зачисление в курию считалось большой неприятностью и несчастьем в связи с существованием принципа круговой поруки.

Центральные органы управления

Органы центрального управления существовали при императорском дворе и включали огромное количество чиновников разных рангов.

Высший ранг (vir illustris) имели препозит императорской спальни (praepositus sacri cubiculi), «начальник служб» (magister officiorum), или, своего рода, «гофмаршал», квестор (quaestor), выполнявший законодательные функции, комит финансов (comes sacrarum largitionum), комит государственных доменов (comes rerum privatamm) и два комита доместиков (comites domesticorum), командовавшие конными и пешими отрядами императорской гвардии.

Ранг viri spectabilis имели примицерий императорской спальни (primicerius sacri cubiculi), примицерий нотариев (primicerius notariorum), castrensis sacri Palatii, ведавший дворцовыми работами и различными службами, и четыре начальника канцелярий (magister scriniorum).

Магистру оффиций подчинялась дворцовая гвардия, делившаяся на схолы, в составе которых различались скутарии, арматуры и гентилы, многократно упоминаемые Марцеллином. Гвардия набиралась практически исключительно из германцев. Особую схолу {*12* } составляли agentes in rebus, «императорские агенты», выполнявшие контрольные и полицейские функции. Эта схола при Диоклетиане заменила так называемых фрументариев, ранее выполнявших аналогичные обязанности. Также особую схолу составляли нотарии, которые вели протоколы заседаний императорского совета, включившего чиновников высшего ранга, и ведали гражданским и военным чинопроизводством. Кроме того, на них возлагались особые поручения.

Финансовая и налоговая политика

К концу III в. назрела необходимость реформ в сфере денежного обращения. Проведенная Диоклетианом в 286 г. денежная реформа в основном повторяла попытки проведения таковой во времена Аврелиана. Целью ее было повышение курса денег и стабилизация их обращения. В Древнем Риме из 1 римского фунта (327 грамм) золота чеканилось 40 полновесных золотых монет denarius aureus, или просто aureus. В III в. в золотых монетах не стало золота, а в серебряных – серебра. Для восстановления действительного соотношения между ценностью денег и их весом Диоклетиан постановил из фунта золота чеканить 60 золотых монет, из фунта серебра – 96 серебряных денариев, а из фунта меди – 30 медных монет. В соответствии с установленным курсом 1 фунт золота соответствовал 60 золотым, 1500 серебряным и 24000 медным монетам, а 1 серебряная монета была равна 16 мешкам (folles) мелких разменных монет. Таким образом, золотой денарий стал содержать 5,5 грамма золота.

Однако денежная реформа не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Из-за завышенного курса золотых монет они стали вымываться из обращения, увеличилось число низкопробных, что привело к еще большему обесцениванию денег и росту инфляции. На этой почве неоднократно возникало недовольство, переходившее в открытые восстания, примером которых может служить упомянутое выше восстание Ахилея в Египте.

Налоговая политика была реформирована в условиях нарастающей натурализации хозяйства империи. Еще в III в. значительная часть государственных налогов стала выплачиваться натурой. При Диоклетиане этот процесс продолжался. Однако ранее провинции с точки зрения налогообложения находились в разном положении. Некоторые платили фиксированную ставку налогов деньгами, а другие – отдавали определенную часть урожая натурой, сохраняя право выплат соответствующей суммы в денежном исчислении. При этом в связи с постоянным обесцениванием денег предписывалось производить государственные выплаты не в ходячей монете, {*13* } а в специально выпущенной для этой цели государственной монете с твердым курсом

(pecunia signata forma publica Romani). Прибегали также к экстраординарным обложениям провинций натурой, и взимались такие налоги на основании специальных императорских декретов – индикций (indictiones). Первое время эти поступления шли исключительно на содержание населения Рима и назывались curae annonae. В дальнейшем под анноной (annona) стали понимать годовую подать, взимавшуюся с населения натурой.

Диоклетиан экстраординарные налоги возвел в общее правило и распространил их на всю империю, в том числе и на ранее освобожденную от налогов Италию, за исключением ее юга, приписанного к Риму. В 289–290 гг. была проведена генеральная перепись и, согласно ей, произведена раскладка налогов (census). Ценз повторялся каждые пять лет, три цензовых (индикционных) года составляли индикционный цикл в 15 лет, по которому производилась генеральная перепись и счет лет.

В цензовые списки заносились и налогообложению подлежали люди, земля и имущество. Платежной единицей считалась «голова» (caput). К ней приравнивался один взрослый мужчина-земледелец, независимо от его социального статуса, две женщины, определенное количество обработанной земли, скота, лугов и лесов. В зависимости от качества земля делилась на несколько разрядов, по тому же принципу производилось деление виноградников, оливковых посадок и т. д.

Аннона стала чисто земельной податью, поэтому ею было обложено только сельское население, горожане же от ее уплаты освобождались.

Наряду с обычными налогами существовал также ряд специфических, например, налог на торговлю (negotiatorum collatio), ремесла (chrysargyrum) и другие статьи хозяйства. Сельское население было освобождено от уплаты всех налогов, кроме анноны. Назначенные на провинции налоги распределялись по куриям, и куриалы считались лично ответственными за их поступление в казну.

В связи с колоссальным ростом инфляции Диоклетианом была проведена реформа рыночных отношений. В 301 г. был издан эдикт о твердых рыночных ценах и заработной плате (Edictim de pretiis rerum venalium), целью которого было восстановление нарушенного кризисом равновесия между номинальной ценой денег и реальной их стоимостью и между ценами на товары и оплатой труда. В эдикте был представлен список норм или тарифов, продажных цен и оплат труда (pretia statuta), за несоблюдение которых полагалось суровое наказание (вплоть до смертной казни). Однако этот эдикт оказался малоэффективным. {*14* }

Армия

До Диоклетиана римская армия состояла из легионов, расквартированных по границам, по пограничным лагерям (castra) и крепостям (castella). В ходе войн III–IV вв. выявились все недостатки подобной организации. Пограничные армии, предоставленные самим себе, были тяжеловесны, плохо вооружены, врастали в свое окружение и с трудом снимались с обжитых мест. К тому же они имели тенденцию постоянно выдвигать из своей среды различных узурпаторов и претендентов на престол. В итоге большая часть функций пограничных войск была возложена на так называемые мобильные, императорские

(comitatenses) войска, размещенные во внутренних городах и легко перебрасываемые с одного места на другое. Пограничные войска – лимитаны – продолжали существовать, но по отношению к мобильным они заняли второстепенное положение. Для подкрепления лимитанов на особо опасные участки границ посылались вспомогательные полки, сформированные по типу комитатов и называвшиеся pseudo-comitatenses.

Старые 6-тысячные легионы исчезли, и вместе с ними исчезло и звание legatus legionis. Численность воинских подразделений уменьшилась до 1000 или 500 человек в зависимости от строя и других условий. Назывались они legiones, vexillationes, auxilia, cohortes, alae, cuneis, а также numeris и equites. Командовали ими офицеры в звании трибуна (tribunus) или префекта (praefectus). Заметим, что исчезло и разделение офицерских чинов на низшие – центурионы, и высшие – трибуны, префекты и легаты, доступные только лицам всаднического и сенатского сословий.

Вся империя была разделена на военные округа (дукаты), во главе которых стояли дуксы, – Восток, Фракия, Иллирик и т. д. Это деление не совпадало с административным. Дуксы имели второй ранг и титуловались viri spectabiles.

Верховным главнокомандующим военными силами империи считался император. Во главе армии стояли два высших офицера с титулом magistri militum. Один из них, более высокий по рангу, командовал всей пехотой и именовался magister peditum, другой командовал конницей и назывался magister equitum. Оба имели чин первого ранга и титуловались так же, как и префекты претория, viri illustres. Они занимались всеми работами, связанными с организацией военных действий, снабжением армии и т. д. При Констанции II был назначен еще ряд магистров для командования вооруженными силами отдельных территорий.

Поскольку со времени Диоклетиана император не имел постоянной резиденции, а всегда находился в походе, его двор приобрел статус ставки верховного главнокомандующего, и в этом смысле {*15* } назывался comitatus. В связи с этим титул comes стал применяться ко всем высшим военным чинам империи, состоявшим при этой ставке, в том числе и к магистрам армии. Специально же комитами назывались офицеры второго ранга (viri spectabiles), постоянно или временно командовавшие соединением нескольких отрядов.

В Риме и Константинополе стояли гвардейские части – дворцовые войска (auxilia palatina) и свита императора (protectores domestici), предназначенные для охраны особы императора. Они заменили собой старую преторианскую гвардию, распущенную при Константине.

Ядро римской армии составляли наемные войска, комплектовавшиеся путем добровольного поступления на службу. Только в чрезвычайных ситуациях при недостатке добровольцев прибегали к принудительному зачислению римских граждан и варваров на военную службу. Армия совершенно потеряла свою привлекательность для граждан, и основное ее пополнение происходило за счет варваров, в особенности германского происхождения. Результатом явилась варваризация армии, заметно отразившаяся на ее боеспособности и организации. Уже при Константине большую часть офицерских постов в армии занимали германцы. При Констанции эта тенденция продолжалась, что легко установить из текста Аммиана Марцеллина.

Религиозные реформы Диоклетиана и Константина

Еще одним кризисом, охватившим империю в III в., был религиозный. Проблема состояла в том, что с падением значения Рима в управлении империей, в особенности после знаменитого эдикта Каракаллы 212 г. о даровании гражданских прав всем жителям империи (Constitutio Antoniniana de Civitate), традиционная римская религия, по сути своей глубоко чуждая подавляющему большинству населения империи, с утратой италиками своих привилегий стала открыто отвергаться новыми гражданами. В связи с этим возникла проблема проведения религиозных реформ. На место всемирной или по крайней мере всеимперской религии в течение III в. претендовал ряд восточных культов, наиболее мощными среди которых были христианство, митраизм и различные солярные культы, а также имевшие иранское происхождение дуалистические системы, важнейшими из которых стали манихейство и гностицизм. Определенный вес приобретала сформировавшаяся на основе древней эллинской религии синкретическая религиозная система, поддерживавшаяся философами-неоплатониками.

На первых порах неоспоримый перевес был на стороне солярных культов. Напомним, что уже в начале III в. император Гелиогабал {*16* } (Элагабал) был жрецом Солнца. Окончательно оформилась языческая религиозная реформа в правление императора Аврелиана, которому, по преданию, во время осады Тианы во сне явился философ, маг и волшебник I в. Аполлоний Тианский; одним из повелений последнего стало строительство в Риме храма Солнца. Император выполнил это распоряжение и основал в Риме соответствующий культ, став его верховным жрецом. Однако этот культ в гражданской среде просуществовал недолго и укрепился только в армии, где тесно переплелся с поклонением богу Митре.

Христианство в течение II–III вв. приобретало все большую популярность в империи, особенно в среде наименее обеспеченной и образованной его части. При этом оно относительно мирно сосуществовало с имперскими государственными структурами. Однако при императоре Деции, тяготевшем к древней римской религии, это сосуществование сменилось открытой враждой и вылилось в гонения на христиан. Аналогичные гонения имели место и при императоре Валериане (253–259 гг.), когда христианская церковь была объявлена антигосударственным учреждением, а христианство – враждебной религией.

Диоклетиан, придя к власти, показал себя ярым приверженцем древней римской религии. Он принял титул Jovius – «Сын Юпитера», а его соправитель Максимиан – Herculius – «Сын Геркулеса». Началось активное строительство храмов языческих богов, и на эти храмы расходовались громадные суммы государственных денег. Главное обвинение, выдвигаемое императором против христианских проповедников, было то, что они «совращают, пользуясь легковерием людей, общественные нравы всякого рода надеждами на будущее и возбуждают умы народа». Открытая война началась 23 февраля 303 г., в день Термина, бога границ и пределов. Поводом для преследования послужил пожар, охвативший императорский дворец в Никомедии, виновниками которого сочли христиан. Диоклетиан обвинил

христианское духовенство в направленном против него колдовстве, из-за которого срываются все его начинания. Гонения продолжались с той или иной интенсивностью вплоть до 311 г., когда Галерий незадолго до своей смерти отменил их.

Константин и Лициний, придя к власти, издали в 313 г. знаменитый Миланский эдикт, согласно которому христианство уравнивалось в правах с государственной языческой религией. Признание такого равноправия фактически открывало зеленую улицу церкви, которая обладала крепкой организационной структурой и потому имела значительное преимущество перед своими соперниками. Константин, провозглашенный за это деяние Святым, Равноапостольным и Великим, стал активно принимать участие в делах церкви, хотя сам почти до смерти оставался язычником и в итоге принял {*17* } крещение у ариан. В 325 г. для урегулирования догматических споров по его инициативе был созван Никейский собор, где решались богословские вопросы и был принят Символ веры. Таким образом, при Константине решительную победу одержало православие. Однако внутри христианства продолжались ожесточенные споры и сражения, зачастую доходившие до уличных драк и побоищ. В конечном итоге победу одержали ариане, которых активно поддержал ревностный приверженец их учения Констанций. Описанные Аммианом Марцеллином события происходят именно во времена господства ариан, конец которому был положен позднее, при императоре Феодосии Великом (379–395 гг.).

Языческая религия при Констанции оказалась фактически под запретом. Закрывалось, разрушалось и перестраивалось под нужды церкви все больше храмов богов, а имущество последних изымалось в пользу государства. Последней цитаделью язычества стал Рим, где сформировался кружок так называемых «последних римлян». Христианство проникло даже в здание римского сената, откуда по повелению императора Грациана (375–383 гг.) были вынесены статуя и алтарь Победы, стоявшие там с незапамятных времен. Любые безобидные и ранее широко распространенные магические действия, например, гадание, стали служить причиной для обвинения в «колдовстве», а наказание за него было одно – смертная казнь. Попытка языческой реакции на происходившее имела место единственный раз, когда во главе империи встал Юлиан, прозванный Отступником (361–363 гг.). Впрочем, события его правления подробно излагает Марцеллин.

Аммиан Марцеллин и его книга

Аммиан Марцеллин, «солдат и грек», как он себя называет в самом конце своего повествования, родился в Антиохии, главном городе Востока, что явствует из письма к нему его друга, знаменитого ритора Либания. Время рождения Аммиана достоверно неизвестно, но можно высказать гипотезу, что это было самое начало 30-х годов IV в. Вообще, биографию его в основном можно восстановить только на основании его собственного труда. Службу в армии он начал в звании протектора, что свидетельствует о знатности его рода. В 353 г. Аммиан состоит в свите магистра конницы Урзицина, сопровождая его в различных поездках: в Антиохию, в Медиолан, в Галлию для борьбы с узурпатором Сильваном. В 357 г. Марцеллин вместе с Урзицином отправляется на Восток, где участвует в войне с персами. В 359 г. он находится в Амиде, где

становится непосредственным свидетелем осады и гибели этого города. В 363 г. Аммиан принимает участие в персидском походе {*18* } императора Юлиана, а затем, после гибели последнего, – в позорном отступлении римской армии. Вероятно, по возвращении из Персии он выходит в отставку и живет некоторое время в Антиохии. Скорее всего, следующий период его жизни прошел в путешествиях, во время которых он смог актуализировать полученные в юности сведения по географии и истории отдельных стран, что пригодилось ему при написании книги. В 80-е годы он приезжает в Рим и остается там навсегда. Вечный город привлекал его по многим причинам – как оплот исчезающего язычества, как место древней римской славы и, вероятно, не в последнюю очередь, – как место, где не надо было думать о хлебе насущном, поскольку государство обеспечивало всех жителей своей древней столицы бесплатным питанием. Именно в Риме Марцеллин пишет свою книгу, которая, скорее всего, была закончена около 390 г., поскольку при описании Серапеума в Александрии писатель не упоминает о его разрушении христианами в 391 г. Год смерти историка неизвестен, но, очевидно, он не дожил до начала нового века.

Из величайшего исторического произведения поздней античности до нас дошли только последние 18 книг, с 14 по 31, где описываются события 353–378 гг. Заканчивается оно описанием несчастной для римлян битвы при Адрианополе и гибели императора Валента. По свидетельству автора, свое описание римской истории он начинает с восшествия на престол императора Нервы, т. е. с 96 г. Таким образом, предшествующие 353 году 250 лет Аммиан должен был вместить всего в 13 книг. Возможно, данному сочинению предшествовало другое, в котором излагались события до воцарения Констанция. Впрочем, это только гипотеза, и никаких достоверных данных о том сочинении нет.

Итак, Марцеллин начинает свое изложение с 96 г. Напомним, что именно этим годом и, точнее, описанием гибели Домициана заканчивает свои «Анналы» и «Историю» Тацит, последовательно изложивший события, начиная со смерти Августа в 14 г. Аммиан в ходе своего повествования ни разу не ссылается на Тацита как своего предшественника, однако его зависимость от того достаточно очевидна – и дело тут прежде всего в самом принципе анналистического изложения истории, в концепции исторического повествования. Таким образом, можно представить себе Марцеллина прежде всего как продолжателя дела Тацита.

Однако язык и стиль книги радикально отличаются от прозрачной классической латыни последнего. Хотя, безусловно, латынь Марцеллина хороша, она несет на себе явный отпечаток родного языка автора – греческого. Стиль изложения отличается искусственностью и манерностью, мы можем найти в нем множество явных и скрытых заимствований из других писателей. Но все это {*19* } не принижает достоинств книги как литературного произведения – она все равно отличается целостностью и красотой.

Произведение Марцеллина важно и как исторический источник. Сведения здесь тщательно подобраны, проверены, и на них вполне можно полагаться. Невзирая на любовь к анекдотам, автор, однако, не злоупотребляет ими, но пользуется всегда к месту, не нарушая стройности изложения. Более того, исторические данные тщательно проанализированы, и им дана достаточно точная и адекватная оценка,

что не может не вызвать симпатию у читателей. Во всяком случае, если сравнивать труд нашего историка с другим, безусловно, примечательным историческим произведением примерно того же времени – так называемые «Scriptores historiae Augustae» (SHA) «Писатели истории Августов», то нетрудно по достоинству оценить работу Марцеллина.

Аммиан Марцеллин, несомненно, был выдающимся человеком. Сам тот факт, что он, представитель знатного греческого рода, а отнюдь не варвар-наемник, выбрал карьеру простого солдата, свидетельствует о неординарности его личности, о том, что он не пожелал следовать духу времени и наслаждаться, пока это возможно, спокойной жизнью. Подтверждением его несомненных дарований может служить и владение латынью, которая была мало распространена среди гражданского населения на Востоке. Конечно, можно сослаться на службу в армии, где будущий историк вполне мог освоить язык – но разве в его сочинении мы можем найти хоть один след «командирской речи»? Нет, язык Марцеллина – это плод длительной и кропотливой работы над собой.

Аммиан не только грек по рождению – он и чувствует себя вполне эллином, язычником. Он неоднократно пишет «мы», подразумевая под этим «мы, греки», особенно часто при изложении тех или иных религиозных положений или объяснении значений слов. Историк несомненно глубоко образованный человек, причем не только и не столько благодаря традиционному воспитанию, сколько в силу своей яркой индивидуальности. Он убежденный язычник, более того, поклонник неоплатонизма и герметизма и в то же время невероятно терпим в религиозных вопросах – как будто в противовес христианам, на глазах у него выясняющим вопросы церковной догматики в уличных драках.

В книге Марцеллина множество героев, и одними, такими как Урзицин и Юлиан, он восхищается, а других презирает, но отличает его прежде всего непредвзятость, причем подчеркнутая, словно продиктованная нежеланием цивилизованного человека следовать оценкам, даваемым варварами. В этом смысле героем его повествования является не какая-то отдельная личность, но Империя в целом. Империя как сплав римской организации и греческой ду-{*20* }ховности, Империя, которая давала место и защиту всякому человеку. Империя, которая на глазах у историка уходила в небытие...

Л.. Ю. Лукомский {*21* }

АММИАН МАРЦЕЛЛИН.
ИСТОРИЯ

КНИГА XIV

(годы 353–354)

1. Свирепость Цезаря Галла.
2. Набеги исаврийцев.
3. Неудавшийся замысел персов.
4. Вторжения сарацин и их нравы.
5. Казни приверженцев Магненция.

6. Пороки сената и народа Рима.

7. Жестокость и свирепость Цезаря Галла.

8. Описание провинций Востока.

9. О Цезаре Констанции Галле.

10. Август Констанций дарует мир аламаннам по их просьбе.

11. Август Констанций вызывает Цезаря Констанция Галла и карает его смертью. {25 }

1.

1. Окончился трудный поход[1][2]; успокоилось напряжение партий, надломленных разнообразными опасностями и трудами. Но не успел еще смолкнуть звук боевых труб, не разошлись еще по зимним квартирам солдаты, а государство было вновь потрясено другими волнениями, которые воздвигла жестокая судьба в виде множества тяжких злодеяний Цезаря Галла. [3]Вознесенный в расцвете юности неожиданным скачком из пучины бедствий до высоты власти, он превышал предоставленные ему полномочия и во всех своих действиях проявлял невероятную жестокость. Родство с императорской фамилией и принадлежность к роду Констанция возбуждали его надменность, и, будь он сильнее, то мог бы, казалось, отважиться на враждебные действия против виновника своего благополучия. 2. Его свирепости содействовала в значительной степени супруга, чрезмерно гордившаяся тем, что она сестра императора. Раньше по воле своего отца, императора Константина, она была замужем за царем Ганнибалианом, сыном его брата.[4]Мегера в человеческом облике, она постоянно поощряла бешенство Галла, будучи не менее жадной до человеческой крови, чем ее супруг. Приобретя с течением времени опытность в злодеяниях, супруги выведывали ложные, входившие в их расчеты, слухи через действовавших тайно коварных собирателей сплетен, которые имеют дурную привычку прибавлять легкомысленные измышления к тому, что им удалось узнать. На основании такого рода материала супруги стали возбуждать против ни в чем не повинных людей клеветнические обвинения в стремлении к верховной власти и в колдовстве. 3. Возмутительное убийство Клемация, одного знатного алек-{*26* }сандрийца, выдалось из ряда злодеяний менее значительных и по своей жестокости вышло далеко за пределы обычных преступлений. Теща Клемация, влюбленная в него до безумия, когда ей не удалось

1 **1.** Имеется в виду конец борьбы с узурпатором Магненцием (350–353 г.). Здесь и далее даются примечания Ю. А. Кулаковского (1906 г.), если это не оговорено иначе.

2 **2.** Прим. ред.: Магненций провозгласил себя императором на Западе в 350 г. Констанций победил его в сражениях при Мурсе на Драве в 351 г. и в Коттиевых Альпах. Будучи оставлен своими приверженцами, М. покончил с собой.

3 **3.** Прим. ред.: В Поздней Римской империи титул Цезаря присваивался принцам из императорского дома. и, соответственно, соправителям императора. Флавий Клавдий (Юлий) Констанций Галл был племянником Константина Великого, сводным братом Юлиана и сыном Юлия Констанция, сводного брата Константина.

4 **4.** Имп. Константин предоставил ему Понт, т. е. северо-восточную часть Малой Азии со старинным титулом rex regum, но через несколько месяцев после смерти Константина он был убит вместе со своим братом Далмацием.

склонить его к связи с собой, проникла, как рассказывали, во дворец через потайную дверь и, поднеся царице драгоценное ожерелье, добилась того, что к Гонорату, тогдашнему комиту Востока, [5]был послан для исполнения смертный приговор, и ни в чем не повинный Клемаций был убит, не успев и рта раскрыть, чтобы сказать хоть слово в свою защиту.

4. После этого гнусного злодеяния, которое заключало в себе опастность для других, предоставлен был словно полный простор жестокости, и несколько человек было осуждено на основании совершенно призрачных подозрений. Одни из них были казнены, другие наказаны конфискацией имущества. Эти последние изгонялись из своих домов на улицу, на долю их оставались только жалобы и слезы, и жили они на добровольные подаяния других. Когда основанное на законе и справедливости правление заменилось кровавым произволом, стали приходить в запустение богатые и знатные дома. 5. В этой громаде злодейств не искали даже обвинителей, хотя бы подставных, чтобы пусть для вида, предъявлять обвинения, согласно определениям закона, как иногда это делали жестокие государи[6]; но что решал в каждом данном случае свирепый Цезарь, то немедленно приводилось в исполнение, словно для этого было решение, строго и обдуманно согласованное с законом. 6. Было придумано еще следующее. Никому не известные люди, не вызывавшие ни в ком опасения из-за своего ничтожества, были направлены по всем концам Антиохии для собирания слухов и сообщения о них. Мимоходом и незаметно они появлялись в кружках людей с положением, проникали в дома богачей в одежде бедных просителей и все, что им удавалось узнать или тайком прослышать, доносили во дворец, имея доступ с заднего крыльца. Проявляя единодушное между собою согласие, они кое-что присочиняли, а то, что узнавали, преувеличивали в дурную сторону, причем однако умалчивали о похвалах Цезарю, которые у многих, вопреки их мыслям, исторгал страх пред грозившими бедствиями. 7. Случалось иной раз так, что если отец семейства во внутренних покоях дома говорил что-нибудь на ухо своей жене, причем не было никого из домашней прислуги, то на следующий же день об том узнавал Цезарь, словно получал откровения от Амфиарая или Марция, [7]некогда знаменитых прорицателей. Стали бояться даже стен, единственных свидетелей чего-либо тайного. 8. Упорное стремление выведывать тайны все росло благодаря поощрению со стороны царицы, толкавшей своего мужа в пропасть; а ей следовало бы, по свойственной женской природе мягкости, вернуть его по-{*27* }лезным советом на путь правды и гуманности, как поступала некогда супруга Максимина,

5 **5.** Прим. ред.: Комиты первоначально были помощниками при высших римских магистратурах, а позднее – доверенными лицами императора в определенных областях. Они имели различный ранг и занимали должности при дворе и в центральном и провинциальном управлении.

6 **6.** Прим. ред.: Автор подразумевает таких императоров, как Домициан или Коммод, которых он называет в аналогичном контексте в 21,16, 8.

7 **7.** Прим. ред.: Амфиарай в греческих мифах известен как знаменитый прорицатель. Он принимал участие в походе Семерых против Фив, в котором он и погиб (Павсаний 1, 34, 4 и далее, 2, 13, 7). Марций предсказал поражение римлян в битве при Каннах (Ливий 25,12, 5).

[8]памятного своею жестокостью государя, о чем я рассказывал при изложении истории Гордианов. [9]

9. Наконец Галл посягнул на новый компрометирующий поступок, которым некогда в Риме уронил себя, как рассказывают, Галлиен. [10]В сопровождении нескольких товарищей, носивших под платьем оружие, он шатался по вечерам по харчевням и людным перепутьям и, вполне владея греческим языком, расспрашивал каждого, что он думает о Цезаре. И он смело проделывал это в городе, где ночное освещение улиц почти равнялось дневному свету. В конце концов, будучи не раз опознан и понимая, что дальнейшие его выходы не останутся незамеченными, он стал появляться только днем, открыто и для выполнения дел, которые считал важными. Такое поведение Галла вызывало у многих скорбный ропот.

10. А тогдашний префект претория Талассий, [11]человек и сам высокомерный, хотя и видел, что жестокость Галла растет на погибель многим, тем не менее не пытался сдерживать его добрыми советами, как смягчали иной раз сановники жестоких государей. Напротив, возражая ему и вступая с ним в спор как раз в неподходящее время, он доводил его до бешенства и в частых донесениях Августу описывал с преувеличениями поступки Галла, стараясь – неизвестно по каким побуждениям – чтобы это не оставалось в тайне. Такой образ действий еще более ожесточал Цезаря; он заходил все дальше в своем упорстве и, забыв о своих и чужих интересах, стремился вперед, подобно быстрому потоку низвергая все на своем пути.

2.

1. И не одна эта беда сковывала различными несчастьями Восток. Исавры, которые то держатся спокойно, то причиняют большие беспокойства неожиданными набегами, стали изредка предпринимать разбойничьи нападения и, становясь благодаря безнаказанности все более и более наглыми, перешли от разбоев к настоящей войне. Мятежный дух возрастал в их буйных движениях уже давно; но, как они заявляли, их поднял взрыв негодования в ответ на то, что несколько их

8 **8.** Прим. ред.: Годы правления 235–238.

9 **9.** Прим. ред.: Гордиан I и Гордиан II (сын первого) были провозглашены императорами в Африке в 238 г. В сражении с верными Максимину войсками погиб Гордиан II, причем причиной его поражения по преданию была поднявшаяся над полем битвы пыль. Узнав о поражении сына, Гордиан I покончил с собой. В память о них в том же году в Риме одновременно с провозглашением Пупиена и Бальбина Августами, Цезарем был объявлен малолетний внук Гордиана I Гордиан III, который после гибели Максимина и своих соправителей стал единоличным правителем вплоть до 244 г., когда во время похода в Персию он был убит заговорщиками. Его преемник, Филипп Араб воздвиг ему грандиозную гробницу на Евфрате.

10 **10.** Прим. ред.: Римский император в 253–268 гг.

11 **11.** Прим. ред.: Должность префекта претория была, начиная с Константина, высшей в иерархии гражданских чинов. Префекты претория существовали в четырех частях империи: на Востоке, в Италии, в Иллирике и в Галлии. Талассий занимал этот пост на Востоке с 15.3.351 по начало 354 г. Он происходил из богатой антиохийской семьи и состоял в родстве с Либанием, был христианином.

земляков, взятых в плен, были вопреки обычаю брошены в амфитеатр на съедение диким зверям в писидийском городе Иконии [12]2. Как сказал когда-то Цицерон,[13]даже дикие звери, будучи томимы голодом, обычно возвращаются на то место, где они однажды покормились; так и эти люди {*28* } спустились, как вихрь, со своих недоступных и крутых гор и устремились в приморские местности. Скрываясь там в излучинах дорог и ущельях; с приближением ночи – а луна была еще в первой фазе и потому светила еще не полным блеском – высматривали они мореходов. Когда же они замечали, что команды судов объяты сном у якорных канатов, то подползали на четвереньках, осторожно шагая, влезали в лодки и неожиданно появлялись на кораблях. Корысть разжигала их свирепость: они не щадили даже сдававшихся и, перебив всех до одного человека, грабили дорогие товары, как ничего не стоящие предметы, не встречая никакого сопротивления. Но это длилось недолго. 3. Когда стали находить трупы ограбленных и убитых, то никто уже не приставал на стоянку в тех местах, этого берега стали избегать, словно грозящих смертью скал Скирона, [14]и совершали плавание, придерживаясь берегов Кипра, который лежит напротив скалистых берегов Исаврии. 4. Время шло, и не было никакой поживы с моря; и вот исаврийцы, покинув морской берег, направились в смежную с их областью Ликаонию и там, затаясь по дорогам в сети постов, промышляли добром местного населения и ратников. 5. Эта дерзость раздражала солдат, расквартированных во многих соседних городах и укреплениях. Каждый старался по мере сил давать отпор разбойникам, которые проникали все дальше и дальше; но как в тех случаях, когда собирались в шайки, так и когда действовали врассыпную, они имели перевес своим несметным количеством. Родившиеся и выросшие среди крутых утесов и пропастей, они передвигались в горах, как на равнине, издали поражая выступавших против них метательными снарядами и устрашая их диким криком. 6. Наши пехотинцы, вынужденные иногда во время преследования взбираться на высокие горы, кое-как добирались до вершин, скользя и хватаясь руками за кусты и растения, но не могли в тесных и труднопроходимых местах развернуть строй, или даже стать твердой ногой; а враги между тем разбегались и скатывали сверху обломки скал. Таким образом, наши или бывали избиваемы валившимися на них огромными камнями, или же, храбро сражаясь в последней крайности, терпели поражение и с большой опасностью отступали по круче. 7. Поэтому с течением времени они стали действовать с бóльшей осторожностью и, когда разбойники забирались на горные крутизны, то наши солдаты не преследовали их, из-за пересеченной местности. Когда же удавалось захватить их на равнине, что случалось довольно часто, то их избивали, как скотину, не давая времени поднять руку и замахнуться дротиком, которых они носят по два – по три.

8. И вот разбойники, опасаясь Ликаонии, которая представляет собою

12 **12.** Ныне Кония.

13 **13.** Cic. pro Cluentio, c. 25. § 67.

14 **14.** Прим. ред.: Скирон, легендарный разбойник, был по преданию убит Тесеем. Он подстерегал путников в скалах между Аттикой и Мегарой, заставлял их мыть ему ноги, а затем сталкивал в море. {525}

по большей части равнину, и зная по многократному опыту {*29* } встреч с войсками, что в правильных схватках они окажутся слабее наших, направились по труднопроходимым горным тропам в Памфилию. Эта область долгое время не подвергалась никаким нападениям, а в последнее время, ввиду опасения грабежей и разбоев, ее охрана была еще усилена повсеместно расквартированными большими гарнизонами. 9. Желая быстротою предупредить слухи о своем появлении, они очень спешили; но и при полной уверенности в своей силе и ловкости лишь с большой медленностью добирались по извилистым тропам до вершин хребта. Когда они с большими трудностями добрались до верховьев глубокой и стремительной реки Мелана [15]которая своим течением, как бы стеной, защищает местных жителей, то, ввиду глубокой ночи, вообще увеличивающей страх, дали себе краткий отдых, ожидая рассвета. Они надеялись беспрепятственно переправиться и неожиданным набегом опустошить все окрестности. Но напрасно они перенесли эти тяжкие труды. 10. Когда взошло солнце, переправу задержала глубина потока, хотя он и не был широк; а пока они искали рыбачьи лодки и готовились переправиться на наскоро связанных плотах, выступили легионы, зимовавшие в Сиде, и быстро атаковали их. Построившись в боевой порядок на берегу реки и готовясь к битве лицом к лицу, солдаты прикрылись сдвинутыми один к другому щитами. Без труда наши перебили и тех, которые, надеясь на свое уменье плавать или пользуясь выдолбленными стволами деревьев, пытались незаметно переправиться через реку. 11. В минуту опасности разбойники прибегали к разным хитростям, но ни одна из них не удалась; сила и внушенный им страх отразили их, и не зная куда направиться, они подошли к городу Ларанде [16]12. Здесь они подкрепились пищей и отдохнули, а когда прошел страх, напали на богатые селения. Случайно оказавшиеся поблизости когорты всадников напали на них. Не пытаясь оказать сопротивление на просторной равнине, они отступили и вызвали к себе на подмогу всю свою молодежь, оставшуюся дома. 13. Так как они испытывали большой недостаток продовольствия, то направились к городу по имени Палея, который обращен к морю и укреплен надежной стеной – пункт этот служит и до наших дней местом расположения складов провианта, который заготовляется для солдат, оберегающих всю границу Исаврии. Три дня и три ночи простояли разбойники вокруг этого укрепления. Невозможно было взобраться на эту крутизну, не подвергая себя смертной опасности, ничего нельзя было достигнуть подкопами и не удавались {*30* } никакие другие военные хитрости, которые применяются при осаде. И вот они в огорчении отступили, но только с тем, чтобы под гнетом крайности приняться за дело, превышавшее их силы. 14. Отчаяние и голод доводили их до остервенения, и умножив свои сипы, они пошли в неудержимом порыве на Селевкию [17]мать городов, чтобы ее разрушить. Там стоял комит Кастриций с тремя легионами, закаленными в боевых трудах. 15. О приближении исаврийцев были заранее осведомлены надежными разведками командиры; они дали обычный сигнал и быстро

15 **15.** ныне Менавгат-су.

16 **16.** Ныне Ларенда или Караман.

17 **17.** Название сохранилось и ныне в форме Селефке.

вывели все свои силы. Поспешно перешли они через мост на реке Каликадна [18]глубокие воды которого омывают башни города, и выстроили войска в боевой порядок. Никто однако не отважился броситься вперед и не получил разрешения сойтись с врагом: такой страх внушала эта остервеневшая толпа, превосходившая численностью наши силы и готовая ринуться на мечи, не думая о своей жизни. 16. Когда разбойники издали увидали выстроившееся против них войско и услыхали звуки сигналов, они замедлили шаг, на некоторое время приостановились, угрожающе потрясая мечами, и затем стали медленно наступать. 17. Солдаты, готовые встретить врага, стояли развернутым строем и ударяли копьями о щиты, что возбуждает гнев и ожесточение сражающихся, а ближайших они пугали и жестами. Но командиры отозвали назад своих солдат, уже вполне готовых вступить в схватку, считая несвоевременным подвергаться риску сражения, когда близко находились стены, которые могли служить надежной защитой для всех. 18. По этим соображениям бойцы были отведены внутрь стен города, все ворота заперты, люди заняли свои места у бойниц и зубцов стен, имея при себе запасы камней и стрел, чтобы в случае, если бы кто-нибудь отважился подойти ближе, закидать его метательными снарядами и камнями. 19. Тем не менее запершиеся были удручены, так как исавры, захватив суда, подвозившие запасы провианта, оказались его обладателями; а сами они, потребляя имевшиеся в городе запасы, стали испытывать ужас перед надвигавшимся бедствием голода. 20. Далеко разошлась об этом молва, и частые донесения заставили Цезаря Галла послать им помощь. Поскольку магистр конницы [19]находился в этот момент далеко, комит Востока Небридий [20]получил приказ, стянув отовсюду военные силы для освобождения от опасности этого богатого и столь важного по своему положению города, как можно быстрее спешить к нему. {*31* } Узнав об этом, разбойники отступили, не совершив более ничего значительного, и, рассеявшись, как это у них принято, направились в свои неприступные крутые горы.

3.

1. Так обстояли дела в Исаврии. Между тем, персидский царь был [21]занят войной с соседями и отгонял от своих границ дикие народы, которые, в своем изменчивом настроении, часто наступают на него, а иной раз, когда он идет на нас войной, оказывают ему помощь. В ту пору на некоего Ногодареса, персидского вельможу, было возложено

18 **18.** Современные имена этой реки: Салеф, Гиюк, Ерменек-су.

19 **19.** Прим. ред.: Должности магистров конницы и пехоты были введены Константином Великим после того, как префект претория утратил свои военные полномочия. Здесь имеется в виду Урзицин.

20 **20.** Преемник на этом посту упомянутого выше (14, 1, 3) Гонората.

21 **21.** Прим. ред.: Сапор II, персидский царь (310–379), величайший противник римских императоров в 4 в. Страх перед ним вынудил Констанция назначить в 351 г. Галла Цезарем. Пребывание последнего в Антиохии имело целью ослабление давления царя на Востоке.

поручение делать набеги на Месопотамию, всякий раз, как представится такая возможность, и он тщательно высматривал, не найдется ли места, где бы можно было прорваться неожиданным набегом. 2. И так как вся граница Месопотамии из-за постоянной опасности охранялась сторожевыми постами и фортами, то он направил свой путь влево и остановился на границах Осдроэны, придумав новый и вряд ли когда-либо применявшийся маневр. Если бы эта затея удалась, то Ногодарес опустошил бы все с быстротой молнии. План его состоял в следующем.

3. Город Батна, построенный в Антемузии [22]македонянами, лежит недалеко от реки Евфрат. В нем очень много богатых купцов. Туда сходится в начале сентября великое множество людей из различных сословий для закупок товаров, присылаемых индийцами и серами[23]и всяких других, которые свозятся сюда по морю и по суше. 4. В определенное для ярмарки время названный выше полководец собирался напасть на этот город, двигаясь через пустыню и по заросшим берегам реки Аборы[24]Но его выдали свои же люди, бежавшие к римлянам из страха наказания за совершенное злодеяние, и его выступление не имело никакого успеха, а потом он уже оставался в полном бездействии.

4.

1. Однако сарацины, [25]которых нам лучше бы не иметь ни друзьями ни врагами, в своих налетах то там, то здесь в один миг опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если завидят сверху добычу, похищают ее стремительным {*32* } налетом, а если не удастся схватить, летят прочь. 2. Хотя я, помнится, сообщал уже о нравах и обычаях этого народа в истории императора Марка [26]и несколько раз далее, но хочу изложить кое-что кратко и теперь. 3. У этих племен, область проживания которых, начинаясь от Ассирии, простирается до порогов Нила и границы с блеммиями[27]все люди без различия – воины. Полуголые, покрытые до бедер цветными плащами, на быстрых конях и легких верблюдах передвигаются они с места на место как во время мира, так и в пору военных тревог. Никто из них никогда не берется за плуг, не сажает деревьев, не ищет пропитания от обработки земли. Они постоянно кочуют на широких пространствах без дома, без определенного местожительства, без законов. Не выносят они долго одного и того же места под небом, не нравится им никогда долго одно и то же

22 **22.** Это имя принадлежало собственно одному городу в Месопотамии, а от имени города получил название целый округ.

23 **23.** Под этим именем древним были известны китайцы со стороны материка, а с моря и со стороны Индии – под именем синов, Sinae.

24 **24.** Ныне Хабур.

25 **25.** Прим. ред.: Собственно, название племени бедуинов, жившего поблизости от Египта. В позднейшее время сарацинами называли арабов.

26 **26.** Прим. ред.: Имп. Марк Аврелий Антонин, правил в 161–180 гг.

27 **27.** Один из народов Нубии.

пространство земли. 4. Жизнь их проходит в вечном передвижении. Жен они берут себе за плату по договору на время; а чтобы это имело подобие брака, будущая жена подносит мужу в виде приданого копье и палатку; по желанию она может уйти после определенного срока. Страстность в любви того и другого пола у них прямо невероятна. 5. Они проводят всю жизнь в столь далеких скитаниях, что женщина на одном месте выходит замуж, на другом рожает, а детей уводит с собой вдаль, не имея возможности никогда успокоиться. 6. Пищей всем им служит мясо диких зверей, молоко, которое у них имеется в изобилии, а также различные травы и птицы, каких удается поймать силком. Я сам видел многих из них, и им было совершенно неизвестно употребление хлеба и вина. 7. Вот что хотел я на этот раз сообщить об этом зловредном народе, а теперь возвращаюсь к своему изложению.

5.

1. Пока на Востоке происходили описанные события, Констанций [28]зимовал в Арелате[29]С большим великолепием дал он там игры в театре и цирке: 10 октября заканчивался тридцатый год его правления. [30]Высокомерие его все более разрасталось. Всякий донос, сомнительный или даже заведомо ложный, он принимал за чистую монету. Так, он покарал тяжкой ссылкой Геронция, комита партии Магненция, подвергнув его предварительно пыткам. 2. И как на болезненный организм сильно действуют даже ничтожные потрясения, так он, при своей ограниченности и подозрительности, все, о чем ни доходили до него вести, считал совершенным или *{33 }* задуманным на гибель ему, и убийствами невинных делал кровавым свое торжество. 3. Стоило только возникнуть слуху, что кто-нибудь из военных чинов или гражданских властей, или просто какой-нибудь видный в своей среде человек стоял на стороне вражеской партии, как его заковывали в цепи и тащили, как дикого зверя, хотя бы с обвинением выступал личный недруг данного человека, или даже не оказывалось обвинителя вовсе; словно было достаточно, что его называл слух, что был сделан донос, что он отдан под суд, чтобы произнести над ним смертный приговор, присудить к конфискации имущества или к ссылке на острова.

4. К жестокости императора в случаях, когда речь шла об умалении или оскорблении величества, и к его вспыльчивости и возбужденной подозрительности присоединялась кровожадная лесть придворных, которые преувеличивали разные случайные происшествия и притворно выражали глубокую скорбь по поводу опасности для жизни государя, от благоденствия которого, по их льстивым заявлениям, непосредственно зависит благосостояние вселенной. 5. Поэтому когда ему подносили на

28 **28.** Прим. ред.: Констанций II, римский имп. 337–361 гг., сын Константина Великого, здесь впервые становится действующим лицом.

29 **29.** Ныне Арль.

30 **30.** Прим. ред.: Правление Констанция исчисляется с 8 октября 323 г., когда он был провозглашен Цезарем вместе со своими братьями Константином и Криспом. Вместе с Константином II и Константом он был провозглашен Августом в 337 г., единолично правил с 350 по 361 г.

утверждение, согласно обычаю, приговор, он никогда, как рассказывают, не миловал осужденных за эти и тому подобные проступки, что делали нередко даже самые жестокие государи. Эта гибельная черта, которая у других с течением времени смягчается, у него крепла с годами, и толпа льстецов поджигала его в этом направлении.

6. Между ними выделялся нотарий [31]Павел, испанец по происхождению; его гладкое лицо ничего не выражало, но он обладал удивительным умением выискивать тайные пути на погибель людям. Будучи послан в Британию, чтобы привезти оттуда некоторых военных людей, которые посмели принять участие в заговоре Магненция, будучи вынуждены к тому обстоятельствами, он свободно вышел за пределы своих полномочий, словно вздувшийся поток, подмыл благополучие многих и понесся, и за ним следовали разрушения и опустошения. Благородных люден он заключал в темницу, а иных из них заковывал в кандалы, насочинив множество преступлений, далеких от истины. Благодаря ему было совершено страшное злодеяние, наложившее на время Констанция пятно вечного позора. 7. Управлявший за префектов [32]теми провинциями Мартин глубоко сокрушался о страданиях невинных людей и не раз умолял Павла пощадить ни в чем не повинных лиц; когда же его просьбы оказывались безуспешными, он угрожал, что сложит с себя свои полномочия, чтобы злобный сыщик, опасаясь хоть этого, перестал наконец подвергать очевидной опасности людей, {*34* } настроенных самым мирным образом. 8. Но Павел, видя в этом помеху своему служебному рвению, как большой художник в запутывании разных дел, откуда и дано было ему прозвище Катена (цепь), сумел распространить общие опасности и на самого викария, продолжавшего защищать подчиненных ему людей. Он стал настаивать на том, чтобы доставить в цепях в главную квартиру императора викария вместе с трибунами и многими другими лицами. Возмущенный этим и предчувствующий свою гибель викарий, выхватив кинжал, бросился на Павла; но поскольку слабость руки помешала ему ранить того насмерть, то он направил обнаженное лезвие в собственную грудь. Такой ужасной смертью окончил свою жизнь безупречный правитель, отважившийся облегчать тяжкие бедствия многих. 9. После таких злодеяний обагренный кровью Павел вернулся к императорскому двору и привел с собою много людей, закованных в цепи, истомленных и отчаявшихся. К их прибытию расставили дыбы, и палач приготовил крюки и другие орудия пытки. Многие из них подверглись конфискации имущества, другие отправлены в ссылку, а некоторые были осуждены на смертную казнь. Вряд ли кто вспомнит, чтобы существовали оправданные при Констанции, в правление которого подобные дела возбуждались на основании пустых слухов.

31 **31.** Прим. ред.: Должность нотария возникла от должности придворного стенографа. Константин Великий учредил schola notariorum, высшую императорскую канцелярию, первый чин в которой назывался primicerius, а второй – tribunus ac notarius. Нотарий в качестве должностного лица занимал весьма высокое положение и по поручению императора направлялся в провинции для контроля и руководства деятельностью чиновников, особенно в вопросах судопроизводства. Выполняли нотарии и дипломатические функции.

32 **32.** Т. е. в звании викария, как его и называет автор в § 8.

6.

1. В это время префектом Вечного города [33]был Орфит[34], возносившийся в своей гордыне выше предела предоставленного ему сана. Человек он был разумный и очень сведущий по судебной части, но для знатного человека недостаточно образованный. В его управление возникли большие беспорядки из-за недостатка вина: чернь, привыкшая к неумеренному его потреблению, нередко производит по этому поводу жестокие возмущения.

2. А так как, быть может, те, кто не жил в Риме и кому доведется читать мою книгу, удивятся, почему в случаях, когда мое повествование доходит до событий в Риме, речь идет только о волнениях, харчевнях и тому подобных низких предметах, то я вкратце изложу причины этого, никогда намеренно не уклоняясь от истины. 3. Когда впервые воздымался на свет Рим, которому суждено жить, пока будет существовать человечество, для его возвышения заключили союз вечного мира Доблесть и Счастье, которые обычно бывают разлучены, а если бы хотя бы одной из них не было налицо, то Рим не достиг бы вершины своего величия. 4. Со своего начала и до конца времени детства, т. е. почти в течение 300 лет, римский народ выдерживал войны вокруг стен города. Затем, войдя в возраст, после многообразных невзгод на {*35* } полях битв он перешел через Альпы и через морской пролив; а, став юношей и мужем, стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, входящих в необъятный круг земной; склоняясь к старости и нередко одерживая победы одним своим именем, он обратился к более спокойной жизни. 5. Поэтому-то достославный город, согнув гордую выю диких народов и дав законы, основы свободы и вечные устои, словно добрый, разумный и богатый отец, предоставил управление своим имуществом Цезарям, как своим детям. 7. И хотя трибы давно бездействуют, центурии [35]успокоились, нет борьбы из-за подачи голосов, и как бы вернулось спокойствие времен Нумы Помпилия, [36]но по всем, сколько их ни есть, частям земли чтят Рим, как владыку и царя, и повсюду в чести и славе седина сената и имя римского народа.

7. Но этот великолепный блеск Рима умаляется преступным легкомыслием немногих, которые, не помышляя о том, где они родились, так словно им предоставлена полная свобода для пороков, впадают в заблуждения и разврат. По словам поэта Симонида, [37]первое условие

33 **33.** Прим. ред.: Должность городского префекта существовала в Риме уже при царях, затем она была упразднена и восстановлена при Августе, а затем при Тиберии. Ее занимали консуляры в течение не регламентированного законом времени.

34 **34.** Прим. ред.: Мемий Витразий Орфит Гонорий, опора языческой оппозиции в Риме, префект города в 353–356 и 357–359 гг.

35 **35.** Прим. ред.: В древности граждане Рима по родовому признаку делились на трибы, а по имущественному – на центурии. По трибам и центуриям проводилось голосование на народных собраниях.

36 **36.** Прим. ред.: Нума Помпилий, полулегендарный второй царь Рима, прославившийся своей мудростью и добродетелью, с его именем связывают проведение реформ управления.

37 **37.** Прим. ред.: Симонид Кеосский (556–468 гг. до н. э.) – великий греческий

счастливой жизни – слава Отечества. 8. Некоторые из них, полагая, что они могут себя увековечить статуями, страстно добиваются их, словно в медных мертвых изображениях заключена награда более высокая, нежели заключенная в сознании за собой честной и благородной деятельности. Они хлопочут о позолоте этих статуй, почет, который впервые был присужден Ацилию Глабриону, когда он силою оружия и своей умелостью победил царя Антиоха. [38]А как прекрасно, пренебрегая этими мелочами, взбираться на вершину истинной славы по крутому и длинному пути, как сказал некогда аскрейский поэт (Гесиод[39]), это показал цензор Катон. [40]Когда его однажды спросили, почему нет его статуи среди множества других, он сказал: «Я предпочитаю, чтобы разумные люди удивлялись, почему я этого не заслужил, чем чтобы они про себя с осуждением толковали о том, чем я это заслужил; это было бы много обиднее».

9. Другие, почитая высшее отличие в необычно высоких колесницах и великолепии одевания, потеют под тяжестью плащей, застегнутых на шее и прихваченных у пояса. Делая их из чрезвычайно тонкой материи, они дают им развиваться, откидывая их частыми движениями руки, особенно левой, чтобы просвечивали широкие бордюры и туника, вышитая изображениями различных звериных фигур. 10. Третьи, напуская на себя важность, преувеличенно хвалятся, когда их о том и не спрашивают, размерами своих поместий, умножая, например, ежегодные доходы со своих плодородных полей, раскинувшихся с самого востока и до крайнего запада; при этом они забывают, что предки их, благодаря которым достигло таких размеров римское государство, стяжали славу не {*36* } богатствами, а жестокими войнами: ни в чем не отличаясь от простых солдат по имуществу, пище и одежде, доблестью сокрушали они всякое сопротивление. 11. Поэтому расходы на погребение Валерия Публиколы [41]были покрыты в складчину; вдова Регула, [42]оставшись без средств с детьми, жила на пособия от друзей ее мужа; дочери Сципиона [43]из

эпический поэт.

38 **38.** Прим. ред.: Марк Ацилий Глабрион разгромил сирийского царя из династии Селевкидов Антиоха III Великого при Фермопилах в 191 г. до н. э. (Ливий 40, 34, 5).

39 **39.** Прим. ред.: «Труды и дни» 289–290. Гесиод происходил из города Аскры в Беотии.

40 **40.** Прим. ред.: Марк Порций Катон Старший (ок. 234–149 до н. э.), прославившийся своей ревностной защитой древних римских традиций, нравов и обычаев.

41 **41.** Прим. ред.: Публий Валерий Публикола (Попликола), легендарный гражданин Рима, участвовавший в изгнании из Рима царей, один из консулов в первые годы существования республики, ум. в 503 г. до н. э. (Ливий 2,16,7).

42 **42.** Прим. ред.: Марк Атиллий Регул, консул 267 и 256 гг. до н. э., в I Пунической войне нанес поражение Карфагену в морском сражении при Экноме (Южная Сицилия), однако после высадки в Африке был разгромлен и попал в плен. После пяти лет плена по преданию был отправлен в Рим для переговоров о мире и в речи перед сенатом отверг предложения карфагенян, за что и был предан мучительной смерти.

43 **43.** Прим. ред.: Вероятно, имеется в виду Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235–183 гг. до н э.). См. Валерий Максим 4,4,10.

государственной казны было выдано приданое, так как знати было стыдно, что остается не замужем девушка во цвете лет из-за продолжительного отсутствия своего неимущего отца.

12. А теперь, если ты, как новый в Риме человек благородного сословия, явишься для утреннего приветствия к какому-нибудь богатому, а потому и зазнавшемуся человеку, то он примет тебя в первый раз с распростертыми объятиями, станет расспрашивать о том и сем и заставит тебя лгать ему. И удивишься ты, что человек столь высокого положения, которого ты никогда раньше не видел, оказывает тебе, человеку скромного состояния, такое изысканное внимание, так что, пожалуй, и пожалеешь, что ради такого преимущества на десять лет раньше не прибыл в Рим. 13. Но если ты, польщенный этой любезностью, сделаешь то же самое и на следующий день, то будешь ожидать, как незнакомый и нежданный посетитель, а твой вчерашний любезный хозяин будет долго соображать, кто ты и откуда явился. Если же ты, будучи наконец признан и принят в число друзей дома, будешь три года неизменно исполнять обязанность утреннего приветствия, а затем столько же времени будешь отсутствовать и вернешься опять к прежним отношениям, то тебя не спросят, где ты был и куда, несчастный, уезжал, и понапрасну будешь ты унижаться весь свой век, заискивая перед этой высокомерной дубиной. 14. Когда же начнутся приготовления к бесконечным зловредным пирам, устраиваемым время от времени, или раздача ежегодных спортул, то с большой опаской идет обсуждение того, следует ли пригласить кроме тех, для кого этот пир является ответной любезностью, также и чужого человека. И если, после тщательного обсуждения, решатся это сделать, то пригласят того, кто шатается у дверей возниц цирка, мастерски играет в кости или выдает себя за человека, знакомого с тайнами науки чернокнижия. 15. А людей образованных и серьезных избегают как скучных и бесполезных; следует отметить и то, что номенклаторы [44]обычно продают эти и другие подобные приглашения и, взяв деньги, позволяют участвовать в прибылях и пирах безродным проходимцам, пуская их со стороны.

16. Я не стану говорить об обжорстве за столом и разных излишествах, чтобы не затянуть своего изложения; но отмечу, что некоторые из знати носятся сломя голову по обширным площадям {*37*} и мощеным улицам города, не думая об опасности, мчатся, как курьеры, волоча за собой толпы рабов, словно шайку разбойников, не оставляя дома даже и шута, как выразился комический поэт.[45]Подражая им, и многие матроны мечутся по всему городу, пусть и с закрытым лицом и в носилках. 17. Как опытные полководцы ставят в первую линию густые ряды людей посильнее, за ними легковооруженных, далее стрелков, а позади всех вспомогательные войска, чтобы они могли прийти на помощь при необходимости: так и начальники подвижной праздной городской челяди, которых легко узнать по жезлу в правой руке, тщательно расставляют свою команду, и, словно по военному сигналу, выступает впереди экипажа вся ткацкая мастерская, к ней примыкает закопченная

44 **44.** Прим. ред.: Номенклаторами назывались в Риме рабы, которые подсказывали своим господам имя, положение и занятие встреченного гражданина; в поздние времена в их обязанности входило составление списков приглашенных на пиры. {526}

45 **45.** Terent. Eun. 780.

дымом кухонная прислуга, затем уже вперемешку всякие рабы, к которым присоединяется праздное простонародье из числа соседей, а позади всего – толпа евнухов всякого возраста, от стариков до детей с зеленоватыми, безобразно искаженными лицами. В какую сторону не пойдешь, наткнешься на толпы этих изуродованных людей, и проклянешь память Семирамиды, [46]знаменитой древней царицы, которая впервые кастрировала юных отроков, совершая насилие над природой и отклоняя ее от предначертанного пути; между тем как природа, уже при самом рождении живого существа влагая зародыши семени, дает им как бы указание на пути продолжения рода.

18. При таких условиях даже немногие дома, прежде славные своим серьезным вниманием к наукам, погружены в забавы позорной праздности и в них раздаются песни и громкий звон струн. Вместо философа приглашают певца, а вместо ритора – мастера потешных дел. Библиотеки заперты навечно, как гробницы, и сооружаются гидравлические органы, огромные лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие орудия актерского снаряжения.

19. Дошли наконец до такого позора, что, когда не так давно из-за опасности недостатка продовольствия принимались меры для быстрой высылки из города чужестранцев, представители знания и науки, хотя число их было весьма незначительно, были немедленно изгнаны без всяких послаблений, но оставлены были прислужники мимических актрис [47]и те, кто выдали себя за таковых на время; остались также три тысячи танцовщиц со своими музыкантами и таким же числом хормейстеров. 20. И в самом деле, куда ни кинешь взор, повсюду увидишь немало женщин с завитыми волосами в таком возрасте, что если бы они вышли замуж, то {*38* } могли бы по своим годам быть матерями троих детей, а они до отвращения скользят ногами на подмостках в разнообразных фигурах, изображая бесчисленное множество сцен, которые сочинены в театральных пьесах.

21. Нет сомнения в том, что пока Рим был обиталищем всех доблестей, многие знатные люди старались удержать при себе, – как гомеровские лотофаги сладостью своих ягод [48]– разными любезностями благородных чужеземцев. 22. А теперь многие в своем надутом чванстве считают низким всякого, кто родился за пределами городских стен за исключением бездетных и холостых: просто невероятно, с какой изобретательностью ухаживают в Риме за людьми бездетными! 23. И так как у них в столице мира свирепствуют болезни, в борьбе с которыми оказывается бессильно всякое врачебное искусство, то придумали спасительное средство: не посещать заболевших друзей, а к прочим предосторожностям прибавилась еще одна, довольно действенная: рабов, которых посылают наведаться о состоянии здоровья пораженных болезнью знакомых, не пускают домой, пока они не очистят тело в бане. Так боятся заразы, даже когда ее видели чужие глаза. 24. Но если их

46 **46.** Прим. ред.: Имя царицы Шаммурат (конец 9 в. до н. э.), происходившей из Вавилонии, жены ассирийского царя Шамшиадада V. С ее именем обычно связывают одно из чудес света – т. н. «висячие сады Семирамиды».

47 **47.** Держимся чтения mimarum, у Гардтгаузена minimarum.

48 **48.** Hom. Od. 9, 84 сл.

пригласят на свадьбу, где гостям раздают золото[49]то те же самые люди, соблюдающие такие предосторожности, готовы, даже если и плохо себя чувствуют, скакать хотя бы в Сполетий. [50]Таковы нравы знати.

25. Что же касается людей низкого происхождения и бедняков, то одни проводят ночи в харчевнях, другие укрываются за завесами театров, которые впервые ввел Катул [51]в свое эдильство[52]в подражание распущенным нравам. Кампании режутся в кости, втягивая с противным шумом воздух, с треском выпускают его через ноздри, или же – и это самое любимое занятие – с восхода солнца и до вечера, в хорошую погоду и в дождь обсуждают мелкие достоинства и недостатки коней и возниц. 26. Удивительное зрелище представляет собой эта несметная толпа, ожидающая в страстном возбуждении исхода состязания колесниц. При таком образе жизни Рима там не может происходить ничего достойного и важного. Итак, возвращаюсь к моему повествованию. {*39* }

7.

1. Проявляя все шире и свободнее свой произвол, Цезарь стал невыносим для всех порядочных людей и, не зная удержу, терзал все области Востока, не давая пощады ни царским сановникам, ни городской знати, ни простым людям. 2. Наконец, он приказал в одном общем приговоре казнить всех видных людей антиохийского сената. Пришел же он в ярость из-за того, что на его настойчивые требования установить низкие цены на продукты в неподходящее время, когда грозил недостаток продовольствия, был дан ему более резкий ответ, чем можно было допустить. И они бы все до одного погибли, если бы не воспротивился самым настойчивым образом Гонорат, бывший в ту пору комитом Востока. 3. Очевидным и наглядным свидетельством свирепости Галла было и то, что он находил особенное удовольствие в кровавых зрелищах. Вид шести – семи кулачных бойцов в цирке, когда они, прибегая к запрещенным законом приемам, наносили друг другу удары и обливались кровью, приводил его в такой восторг, как если бы на его долю выпала большая прибыль. 4. И без того уже возбужденную склонность вредить другим разожгла одна женщина низкого происхождения. Она просила о доступе во дворец, была допущена и донесла Галлу, будто против него тайно злоумышляют какие-то совершенно неизвестные солдаты. Констанция торжествовала, словно теперь уже жизнь ее супруга в безопасности; она щедро одарила эту женщину, приказала посадить ее в повозку и вывезти через ворота в город, чтобы тем самым подвигнуть и других на подобные или более важные доносы. 5. Когда Галл вскоре после этого собирался

49 **49.** Plin Ep. X 116; 117. – Современник Аммиана Симмах упоминает в одном своем письме (IV 55) об обычае одаривать золотыми монетами приглашенных на свадьбу.

50 **50.** Прим. ред.: Город в Умбрии, ныне Сполето.

51 **51.** Прим. ред.: Имеется в виду Квинт Литиций Катул, сын носившего то же имя консула 102 г. до н. э. Указанное действие относится к 67 г. до н. э.

52 **52.** Val. Max. II 4, 6. Автор разумеет завесы, которыми от солнца и дождя затягивалось сверху открытое здание театра.

отправиться в Гиераполь, [53]чтобы хотя бы для вида присутствовать при походе, антиохийская чернь слезно молила его устранить страх перед голодом, наступление которого ожидали по многим серьезным причинам. Он, однако, не сделал распоряжений, какими государи с их широким кругом власти могут иногда врачевать подобные бедствия, поражающие отдельные местности, и не отдал приказания подвезти провиант из соседних провинций; но указал взволнованной грозным бедствием черни на стоящего рядом с ним консуляра [54]Сирии Феофила, настойчиво повторяя, что никто не будет нуждаться в съестных припасах, если на то не будет воли правителя провинции. 6. Эти слова возбудили дерзость черни: когда недостача провианта стала еще чувствительнее, голодная и возбужденная толпа подожгла великолепный дом некоего Евбула, одного из местной знати, и напала на правителя, который как бы был ей выдан императорским суждением. Набросившись на него с кулаками, преследуя пинками и избив до полусмерти, чернь растерзала его на куски. После этой достойной слез кончины всякий видел в этом {*40* } событии прообраз собственной опасности и боялся такого же конца. 7. Примерно в то же время бывший дукс Серениан, [55]по оплошности которого, как я ранее рассказывал [56]была опустошена Цельза в Финикии, был совершенно правильно привлечен к ответственности по обвинению в государственной измене. Неизвестно, при помощи каких ухищрений удалось ему добиться оправдания, хотя он был полностью уличен в том, что отправил одного своего приятеля с шапкой, которую носил сам и над которой были произведены колдовства, в прорицалище, чтобы вопросить самым определенным образом, предстоит ли ему обладание прочной верховной властью, как он того желал, и притом надо всей империей. 8. Так, в одни и те же дни произошло два несчастья: погиб жестокой смертью ни в чем не повинный Феофил и достойный всеобщего проклятия Серениан ушел от обвинения оправданным, несмотря на весьма заметный протест общественного мнения.

9. Время от времени об этом доходили вести до Констанция; кое-что знал он из донесений Талассия, который, как это было всем известно, ненавидел Галла. Констанций писал Цезарю ласковые письма, а между тем удалил мало-помалу почти все войска под предлогом опасений, как бы солдаты, всегда склонные в мирное время к бунтам, не подготовили заговор против него. Так он ограничил его дворцовыми схолами и протекторами с скутариями и гентилами. [57]А Домициану, бывшему комиту

53 **53.** Прим. ред.: Имеется в виду город в Сирии близ переправы через Евфрат, ныне Менбидж.

54 **54.** Прим. ред.: В предшествующие времена титул консуляра соответствовал бывшему консулу; в IV в. н. э. присваивался лицам, направляемым для управления провинциями.

55 **55.** Прим. ред.: Дукс в Поздней Римской империи – главнокомандующий войсками провинции.

56 **56.** В недошедшей до нас части сочинения.

57 **57.** Прим. ред.: Дворцовые схолы – охраняющие дворец военные отряды, подчиненные magister officiorum, протекторы-доместики – телохранители в чине офицера, к их числу принадлежал сам Аммиан Марцеллин. Скутарии – военные отряды, получившие свое название от носимых ими щитов. Гентилы набирались из варваров.

финансов, [58]а тогда префекту, он поручил, по прибытии в Сирию, деликатно и вежливо уговорить Галла спешно приехать в Италию, куда он сам уже не раз звал его. 10. Во исполнение этого приказания Домициан поспешил в Антиохию. По прибытии туда он проехал мимо дворца, не оказав внимания Цезарю, к которому ему надлежало явиться, и направился в торжественном шествии в преторий[59]. Отговариваясь болезнями, он долго не являлся во дворец и не показывался на улицах. Скрываясь у себя в доме, он стремился погубить Галла и к донесениям, которые время от времени посылал императору, делал разные лишние добавления. 11. Когда наконец Галл сам позвал его во дворец, и он был введен в консисторий, то без всяких околичностей сказал ему с легкомысленной неосторожностью: «Поезжай, Цезарь, как тебе приказано, и знай, что если ты станешь медлить, то я тотчас прикажу задержать отпуск сумм как на твое содержание, так и на твой дворец». Сказав только это вызывающим тоном, он гневно вышел вон и не являлся более, несмотря на неоднократные вызовы. Рассердившись на это и усмотрев в этом несправедливую и ничем не вызванную обиду, Галл {*41* } поручил своим доверенным протекторам держать под стражей префекта. 12. Узнав об этом, Монций, бывший тогда квестором, [60]хотя и уклончивый по характеру человек [61]но склонный к мягким мерам, в интересах общественного спокойствия созвал на совещание наиболее видных людей из дворцовых схол и мягко обратился к ним, внушая, что это не подходящий и не полезный образ действий а затем уже строгим голосом прибавил, что, если уж на то пошло, безопаснее покушаться на жизнь префекта, предварительно низвергнув статуи Констанция. 13. Узнав об этом, Галл, словно змей, раненный стрелой или камнем, который, чувствуя уже свой конец, старается как только возможно спасти свою жизнь, приказал собрать всех военных людей, и пока они стояли в тревоге, говорил, скрежеща зубами: «Помогите мне, храбрые люди в опасности, которую вы разделяете со мною. 14. С неслыханном дерзостью Монций в своей злобной речи обвиняет нас как бунтовщиков, восставших против величества императора, рассердившись на то, конечно, что я, только для устрашения, приказал отдать под стражу дерзкого префекта, который делает вид, что не знает, чего требует порядок». 15. Солдаты, которые нередко жадно ловят всякий повод к беспорядкам, немедленно напали сначала на жившего неподалеку Монция, слабого и болезненного старика; жесткими веревками связали они его по ногам и, опрокинув навзничь, поволокли бездыханного до самого претория. 16. В том же самом диком возбуждении они сбросили с лестницы Домициана, связали

58 **58.** Прим. ред.: Comes sacrarum largitionum начиная с Константина заведовал финансами.

59 **59.** Прим. ред.: Имеется в виду место проживания и отправления должностных обязанностей префектом претория.

60 **60.** Прим. ред.: Квестор – низшая магистратура в Древнем Риме, связанная с управлением финансами. Во времена Поздней Империи – чисто номинальная должность.

61 **61.** Предпочитаем конъектуру Валезия vafer; Гардтгаузен принял в текст конъектуру Кисслинга: Afer.

его веревками и бегом потащили их обоих вместе по всему городу. Когда была нарушена связь их суставов, они истоптали их и, как бы насытившись, бросили обезображенные тела убитых в реку. 17. Дошедших до безумия в своем остервенении людей еще более возбуждал некто Луск, куратор города, [62]внезапно появившийся здесь: частыми окриками, словно надсмотрщик грузчиков, он подстрекал солдат к завершению того, за что они принялись. За это он и был вскоре сожжен живым.

18. Так как Монций, прежде чем испустить дух под руками своих мучителей, несколько раз с порицанием называл имена Епигона и Евсевия, не называя ни профессии их, ни ранга, то был объявлен строжайший розыск о том, кто они такие. Чтобы не дать остыть делу, схвачены были – из Ликии философ Епигон и из Эмезы – Евсевий, по прозвищу Питтака, оратор, известный своим возбуждающим красноречием. Но квестор (Монций) имел в {*42* } виду не их, а трибунов оружейных фабрик, которые обещали выдать оружие, если бы стало известно, что подымается бунт.

19. В то же время Аполлинарий, зять Домициана, который недавно еще состоял управляющим дворцом Цезаря, будучи отправлен своим тестем в Месопотамию, производил усердные розыски в легионах, не было ли там получено каких-либо тайных писем Галла, выдававших его мятежные замыслы. Узнав о происшедшем в Антиохии, он тайком пробрался через Малую Армению в Константинополь, но там был схвачен протекторами и содержался под строжайшим караулом.

20. Среди этих событий пришло известие, что в Тире тайно занимались тканьем императорского облачения, неизвестно, по чьему заказу и для кого. Поэтому отец Аполлинария, носивший то же самое имя, который состоял тогда правителем этой провинции, был привлечен к ответственности как соучастник, а с ним вместе было арестовано много других людей из разных городов, на которых и обрушилось обвинение в тяжких преступлениях.

21. Прозвучал уже сигнал внутренних волнений, и сбившийся с правого пути Цезарь свирепствовал, уже ничем не прикрываясь, как то было ранее. Никто не производил правильного следствия о проступках, действительно совершенных или вымышленных, не различались виновные и невинные, словно всякая справедливость была изгнана из судов, умолкла законом установленная защита, и по всем провинциям Востока повсеместно царил палач – посредник грабежа, казни, конфискации имущества.

Здесь я считаю уместным описать эти провинции, за исключением Месопотамии, о которой я рассказывал в повествовании о Парфянских войнах, а также Египта, который, по необходимости, оставляю до другого раза.

8.

1. Если перевалить за горы Тавра, [63]которые круче подымаются к

62 **62.** Прим. ред.: Куратор города – должность, введенная Траяном. Первоначально в его обязанности входило управление городом от имени императора; в дальнейшем в основном управлял финансами.

63 **63.** Прим. ред.: Тавр – горный хребет на юге Малой Азии.

востоку, то там на широкой равнине расстилается Киликия, страна, богатая всякими благами; с правой стороны к ней примыкает Исаврия, которая также богата роскошными виноградниками и плодами; через середину Исаврии протекает судоходная река Каликадн. 2. В числе других городов Исаврию украшают два: Селевкия,[64]создание царя Селевка, и Клавдиополь,[65]колония основанная Клавдием Цезарем. [66]Что до Исавры,[67]то этот некогда *{43 }* чрезвычайно могущественный город подвергся разрушению за свой ожесточенный мятеж и носит в настоящее время лишь скудные следы своей прежней славы. 3. А Киликию, гордую своей рекой Кидном, прославляет Тарс, город весьма видный. По преданию его основал Персей, [68]сын Юпитера и Данаи, или же, что более вероятно, пришелец из Эфиопии, некто Сандан, богатый и знатный человек. Другие важные города Киликии – Аназарб, сохранивший имя своего основателя, и Мопсуестия [69]место проживания знаменитого прорицателя Мопса, который в походе аргонавтов, когда они, похитив золотое руно, возвращались назад, сбился с пути и был прибит к африканскому берегу, где его и настигла внезапная смерть. С тех пор останки этого героя, скрытые под пунийским дерном, лечат различные болезни, принося в большинстве случаев исцеление. 4. Эти две провинции некогда, во время войны с пиратами, кишели шайками морских разбойников; проконсул Сервилий [70]покорил их, и они стали данницами римского народа. Обе эти страны лежат на большом выступе материка и отделены от остального Востока Аманскими горами.

5. Восточная граница империи тянется на большом протяжении в прямом направлении от берегов реки Евфрата до берегов Нила, соприкасаясь слева с племенами сарацин, а справа открываясь к морскому прибою. Эти земли подчинил себе Селевк Никатор [71]и весьма возвысил их, когда после смерти Александра Македонского он получил по праву наследования персидское царство; то был царь чрезвычайно удачливый в своих предприятиях, как указывает его прозвище[72]6.

64 **64.** Ныне Селефке.

65 **65.** Ныне Эрекли.

66 **66.** Прим. ред.: Император Клавдий, 41–54 гг. н. э.

67 **67.** Ныне Серки-Серай (?)

68 **68.** Прим. ред.: Персей, сын Зевса и Данаи, по преданию убивший Медузу Горгону.

69 **69.** Ныне Мессис.

70 **70.** Прим. ред.: Публий Сервилий Ватий Исаврийский победил в 78–74 гг. до н. э. пиратов, в 74 г. до н. э. первым из римлян перешел Тавр и покорил племя исавров.

71 **71.** Прим. ред.: Селевк Никатор (Победитель, ок. 356–281 гг. до н. э.) – полководец Александра Македонского, впоследствии один из диадохов, основатель династии Селевкидов; царь с 304 г. до н. э. В 301 г. до н. э. после победы над Антигоном Одноглазым захватил Сирию, а после победы в 281 г до н. э. на Лисимахом – Малую Азию. В том же году был убит во время похода против Македонии своим приемным сыном Птолемеем Керавном.

72 **72.** Никатор – победитель.

Властвуя над огромным множеством народа, которым он долго правил в мире, он превратил селения в богатые и укрепленные города; хотя большинство этих городов и доныне носят греческие названия, которые дала им воля основателя, но они не утрачивают и своих первоначальных имен, какими нарекли их на ассирийском языке их древние основатели.

7. После Осдроэны, которую, как сказано, я исключил из этого обзора, прежде всего простирается, слегка подымаясь, Коммагена, ныне Евфратензис. Она славится двумя большими городами: это Гиераполь,[73]в древности Нин, и Самосата[74]8. Далее расстилается прекрасной равниной Сирия. Она славна Антиохией, известным {*44* } всему миру городом, с которым нелегко мог бы тягаться какой другой как местными, так и стекающимися сюда богатствами, – а также Лаодикеей,[75]Апамеей [76]и Селевкией, которые с самого своего основания находятся в процветающем состоянии. 9. За Сирией лежит примыкающая к Ливанскому хребту Финикия, страна красивая и прелестная, прославленная большими и прекрасными городами. Приятностью положения и знаменитостью имени выдается между ними Тир[77]далее – Сидон [78]и Берит[79]а также равные с ними Эмисса [80]и Дамаск, основанные в древности. 10. Эти провинции, через которые протекает река Оронт, которая, пройдя у подножия крутого Кассиева хребта, впадает в Парфенийское море, – присоединил к римской державе Гней Помпей, [81]отделив их от Армянского царства после победы над Тиграном. [82]

11. Последняя из сирийских провинций – Палестина, простирающаяся на большом протяжении и изобилующая прекрасно обработанными землями. Много в ней благоустроенных городов, из которых многие процветают, ничем не уступают друг другу и могут поспорить между собою. Таковы Кесария, которую построил в честь

73 **73.** Ныне Мембедж.

74 **74.** Шамсат.

75 **75.** Ладики.

76 **76.** Калат-эль-Мудин.

77 **77.** Сор или Сур.

78 **78.** Сайда.

79 **79.** Бейрут.

80 **80.** Гомс.

81 **81.** Прим. ред.: Гней Помпей Магн (Великий, 106–48 гг. до н. э.) после серии войн с Митридатом VI Евпатором, начатых его предшественником Лукуллом, в 64 г. до н. э. окончательно присоединил Восток к империи.

82 **82.** Прим. ред.: Тигран Великий, царь Армении в 95–55 гг. до н. э. после серии успешных войн захватил Сирию, Киликию, Каппадокию, расширив пределы армянской державы. В 66 г. до н. э. был побежден Помпеем и оставил завоеванные земли.

императора Октавиана [83]Ирод, [84]Елевтерополь, Неаполь[85]а также Аскалон и Газа, сооруженные в более древнее время. 12. В этой местности нет ни одной судоходной реки, но во многих местах бьют из земли горячие ключи, воды которых пригодны для исцеления разных болезней. Тот же Помпей обратил в провинцию и эти области после победы над иудеями и взятия Иерусалима и установил в них римское управление.

13. С Палестиной соседствует Аравия, которая с другой стороны граничит с набатеями. Она изобилует разнообразными товарами и покрыта крепостями и фортами, построенными здесь для отражения нападений со стороны соседних племен на удобных и безопасных высотах, благодаря тщательной заботливости древних. Помимо небольших городов здесь находятся и огромные: Бостра[86]Гераза [87]и Филадельфия, которые защищены крепкими стенами. Сделать эту страну провинцией, дать ей правителя и тем заставить пови-{*45* }новаться нашим законам – было делом императора Траяна, которому пришлось не раз укрощать буйный дух местных жителей, когда он вел славную войну с парфянами[88]

14. Находящийся далеко от материка богатый гаванями остров Кипр, помимо многих других расположенных на нем городов, особенно славен двумя – Саламином и Пафом[89]первый знаменит храмом Юпитера, второй – Венеры. Благодаря плодородию своих земель этот остров настолько изобилует всякими продуктами, что, не нуждаясь в привозе извне, снаряжает грузовые корабли от килевой балки и до самых верхних парусов и с полной оснасткой спускает их в море. 15. Приходится сознаться, что римский народ завладел этим островом, скорее поддаваясь корысти, нежели имея на то справедливые причины. Состоявший с нами в союзе царь Птолемей [90]был лишен своих прав на владение не за какую-либо вину, а только из-за скудости нашей казны. Он добровольно покончил с собой, приняв яд. Остров стал нашим данником, и его сокровища, словно военная добыча, были привезены в Рим Катоном. [91]А теперь я возвращаюсь к повествованию о событиях.

83 **83.** Прим. ред.: Император Август, принципат в 27 г. до н. э. – 14 г. н. э.

84 **84.** Прим. ред.: Ирод Великий, царь Иудеи 37–4 гг. до н. э., получив от Августа место для постройки города, возвел здесь в 10–9 гг. до н. э. величественные постройки и назвал вновь отстроенный город в честь императора. С 6 г. н. э. здесь располагалась резиденция наместника Иудеи.

85 **85.** Древний Сихем, ныне Наблус.

86 **86.** Бусра.

87 **87.** Джераш.

88 **88.** Dio Cass. LXVIII 32.

89 **89.** Бафа.

90 **90.** Прим. ред.: Птолемей Сотер II, сын Птолемея IX, царь Кипра 80–58 гг. до н. э. В ходе войны с пиратами вступил в конфликт с Римом и был вынужден покончить с собой.

91 **91.** Прим. ред.: Марк Порций Катон Утический (95–46 гг. н. э.) исполнял эти обязанности в 58–56 гг. до н. э. в качестве легата.

9.

1. В то время как происходили эти разнообразные бедствия, Урзицин был вызван из Нисибиса, [92]где находилась его главная квартира; императорским приказом я был прикомандирован к нему. Против своего желания Урзицин был вынужден разбирать причины этого губительного раздора, и хотя он уклонялся, но целая толпа льстецов заглушала его протест. Он был боевым человеком, всегда служившим отечеству оружием, хорошим полководцем, но не был знаком с судопроизводством. Опасаясь за себя, в тревоге глядел он на выползавших из одних и тех же нор обвинителей и судей, пребывавших во взаимном согласии. Тайное и явное он доводил до сведения Констанция, умоляя его в секретных донесениях о помощи, чтобы можно было внушить страх зазнавшемуся, как то всем было ясно, Цезарю. 2. Но эта чрезмерная осторожность навлекла на него большие беды, о чем я расскажу ниже: его завистники сумели возбудить тяжкое подозрение против него у Констанция, который вообще был сносный государь, но стоило кому-нибудь, хотя бы и безвестному человеку, шепнуть ему на ухо что-нибудь подобное, как он становился жесток, неумолим и вообще в делах подобного рода не похож на себя. {*46* }

3. И вот в заранее назначенный для печального допроса день магистр конницы (Урзицин) восседал в качестве судьи только по видимости, так как остальные члены комиссии заранее были подучены, что им следует делать. Тут и там стояли нотарии, сразу доносившие Цезарю, какой поставлен вопрос и какой дан ответ. По его свирепому приказу и наущению царицы (Константины), которая время от времени подслушивала за завесою, много обвиняемых было приговорено к смерти, не получив разрешения разоблачить предъявляемое им обвинение и не сказав ни слова в свою защиту. 4. Первыми подвергли суду Епигона и Евсевия, которые были схвачены по одному лишь совпадению имен. Я сказал, что Монций при своем последнем издыхании винил носивших эти имена трибунов оружейных фабрик, которые обещали свое содействие на случай волнения. 5. Епигон, философ, как оказалось, только по одеянию, тщетно пытался прибегнуть к мольбам; будучи подвергнут пытке, из страха смерти он сделал позорное признание, будто был участником заговора, которого вовсе не существовало, хотя он ничего не видел и не слышал, будучи совершенно далек от общественных дел. А Евсевий упорно отрицал предъявленное ему обвинение и на пытке остался таким же твердым, громко восклицая, что это не суд, а разбой. 6. Как сведущий в законах человек, он настойчиво требовал обвинителя и соблюдения установленных форм судопроизводства. Узнав об этом, Цезарь усмотрел в его твердости дерзость и приказал пытать его как дерзкого упрямца. Истерзанный так, что не оставалось уже живого места на его теле, он взывал к небу о справедливости, бросал грозные взоры с твердым сознанием своей правоты и не возвел обвинения ни на себя, ни на кого-либо другого. Так, не будучи доведен до признания вины и ни в чем

92 **92.** Прим. ред.: Нисибис (Низибис), ныне Нусайбин, – главный город Мигдонии в Месопотамии. Принадлежал римлянам с 163 г., при Септимии Севере стал римской колонией. В 3–4 вв. – основной опорный пункт в борьбе с персами. Отдан последним Иовианом в 363 г. по условиям мирного договора.

уличен, он был казнен вместе со своим низким товарищем. Неустрашимо шел он на казнь, проклиная современную неправду подобно Зенону, знаменитому стоику древности: тот, когда его долго мучили, чтобы вынудить ложное показание, откусил свой язык и кровавой слюной плюнул в лицо допрашивавшего его кипрского царя. [93]

7. Затем производилось расследование дела о царском одеянии. Рабочие пурпурной фабрики под пыткой сознались, что была соткана пурпурная безрукавка [94]Тогда был вызван на суд некто по имени Марас, дьякон, как именуют его христиане. Предъявлено было его письмо, написанное по-гречески начальнику Тирской ткацкой фабрики, в котором он настоятельно просил поторопиться с изготовлением заказа, не обозначая, какого именно. Он также {*47*} был замучен до смерти, но и от него не добились никакого признания. 8. Расследование было распространено на людей разного состояния, и так как кое-что оставалось сомнительным, а в отношении кое-чего готовы были смотреть не так строго, то после многих казней, отправлены были в изгнание оба Аполлинария, отец и сын. Но когда они прибыли в местность, называемую Кратеры, на их собственную виллу, находившуюся на расстоянии 24 миль [95]от Антиохии, то, согласно приказу, им перебили голени и предали их смерти. 9. После их казни Галл, свирепствуя по-прежнему, словно лев, отведавший человеческого мяса, продолжал подобные розыски. Не стоит однако рассказывать о них по отдельности во избежание длинноты, чего не должно допускать.

10.

1. Пока длились эти страдания Востока, Констанций в консульство – свое седьмое и третье [96]Цезаря [97]– с наступлением весны выступил из Арелата[98]и направился в Валенцию[99]Он был намерен двинуть войска против аламаннских братьев – царей, Гундомара и Вадомария, опустошавших частыми набегами пограничные области Галлии. 2. Пока он там оставался, дожидаясь провианта, подвозу которого из Аквитании

93 **93.** Прим. ред.: Известный в античности анекдот. Тиран Кипра Никокреонт приказал пытать философа за то, что тот смертельно оскорбил его у могилы Александра Великого. Подобную историю рассказывает Клемент Александрийский (Strom. IV 56,1), но {527} называет здесь Зенона Элейского, философа, жившего на 200 лет раньше основателя стоической философии Зенона Китийского (ок. 335 – ок. 265 гг. до н. э.) Аналогичный рассказ существует про Анаксарха Абдерского (Диоген Лаэрций 9, 10).

94 **94.** Туника без рукавов – colobium, *κολόβιον*.

95 **95.** Тысяча шагов, mille passuum, как единица измерения, равняется 1,48 километра; таким образом 24 мили – 34,52 км., т. е. несколько более 32 верст.

96 **96.** Прим. ред.: В тексте, очевидно, неточность: консульство Галла названо iterum (вторым).

97 **97.** Год 354.

98 **98.** Ныне Арль.

99 **99.** Ныне Валанс.

препятствовали дожди, более частые, чем обычно в это время года, и высокий уровень воды в реках, прибыл Геркулан, протектор-доместик, сын Гермогена, бывшего магистра конницы, который во время бунта черни в Константинополе был растерзан толпою, как я о том рассказывал выше[100]Он представил императору отчет о действиях Галла. Сожалея о прежних его поступках и опасаясь за будущее, император, сколько мог, сдерживал свою душевную тревогу. 3. Между тем собравшаяся в полном составе в Кабиллоне [101]армия, тяготясь продолжительной задержкой, приходила во все большее возбуждение, тем более, что не хватало провианта, так как обычный подвоз был задержан. 4. Из-за этого тогдашний префект претория Руфин [102]подвергся смертельной опасности. Ему было приказано лично отправиться к войскам, которые находились тогда в крайнем возбуждении вследствие недостатка продовольствия, и вообще всегда {*48* } выказывают, словно по исконному обычаю, дерзость и грубость в отношении гражданских властей; он должен был успокоить их и объявить, какие причины вызвали замедление доставки хлеба. Имелся тут хитрый умысел, а именно: погубить этим коварным способом дядю Галла, чтобы он, человек весьма влиятельный, не мог оказать тому поддержки в его преступных замыслах. Но были пущены в ход разные воздействия, и план был отложен. В Кабиллон был отправлен препозит царской опочивальни Евсевий с большой суммой денег. Тайной их раздачей главарям бунта было успокоено возбуждение солдат и спасена жизнь префекта. Когда затем доставлен был в изобилии провиант, то в назначенный день войска выступили в поход. 6. Преодолев много препятствий и двигаясь по порогам, которые по большей части были еще завалены снегом, они подошли у Раврака [103]к берегам реки Рейн. Но тут они получили отпор, и скопища аламаннов оказались настолько значительными, что римляне не могли навести моста на судах: стрелы летели со всех сторон наподобие града. Признав неосуществимым этот план, император чувствовал себя в большом затруднении и не знал, на что решиться. 7. Но вот неожиданно прибыл проводник, хорошо знакомый с местностью, и за денежную награду показал ночью брод, где можно было совершить переправу. Переправившиеся через реку войска могли бы произвести страшные опустошения неожиданно для неприятеля, который сосредоточил свое внимание на другом пункте, если бы некоторые офицеры высокого ранга, происходившие из того же племени, не подали тайком вести своим землякам. Так, по крайней мере, думали многие. 8. Это подозрение тяготело над Латином, комитом доместиков, Агилоном, трибуном царской конюшни, и Скудилоном, командиром скутариев, которые тогда пользовались таким уважением, словно на них было основано спасение государства. 9. Варвары действовали сообразно обстоятельствам, и, быть может, по решению своих прорицателей, или вследствие религиозного препятствия к битве, оставив боевой задор, с

100 **100.** В недошедшей до нас части труда.

101 **101.** Ныне Шалон на Соне.

102 **102.** Прим. ред.: Вулкаций Руфин, консул 347 г., брат Галлы, жены Юлия Констанция, брата Константина Великого, матери Цезаря Галла.

103 **103.** Ныне Аугст близ Базеля.

которым они столь дерзко сопротивлялись, отправили старейшин своего племени просить прощения за проступки и дарования им мира. 10. Послы обоих царей были задержаны. Долго обдумывалось дело в большой тайне, и так как при опросе мнений все единогласно признавали правильным дать им мир, которого они просили на справедливых условиях, и все высказывались за то, что он будет выгоден, то император созвал войско на сходку, чтобы произнести соответствующую обстоятельствам речь, взошел на трибунал и, окруженный свитой высших сановников, сказал так. {*49* }

11. «Пусть не покажется никому из вас удивительным, что я как будто внезапно изменил свои намерения и склоняюсь к миру как раз в то время, когда под знаменем вашей храбрости я дошел до самой родины варваров, когда совершен трудный подвиг продолжительного похода и в достаточном количестве доставлено продовольствие. 12. Пусть каждый из вас вдумается в свои обязанности и свои помыслы: он признает, что солдату всегда, даже при полной крепости сил, приходится думать лишь о себе самом и защищать только свою собственную жизнь; а полководец, верный своему долгу, обязан заботиться обо всех и, будучи поставлен стражем чужого благополучия, не может не понимать, что его личная безопасность полностью зависит от благополучия его людей. Поэтому его нравственный долг – неукоснительно пользоваться всем, что посылает благое Провидение, коль скоро данная мера [104]представляется выгодной при данном положении дел. 13. Чтобы я мог вкратце объяснить и показать вам, почему я созвал вас всех сюда, мои верные боевые товарищи, выслушайте благосклонно то, что я расскажу с возможной краткостью. Истина всегда понятна и проста. 14. Цари и племена аламаннов в страхе перед нашей прославленной доблестью, о которой разрастающаяся все далее и далее молва донесла весть до жителей самых отдаленных окраин, с поникшими головами просят через послов, которых вы видите, о снисхождении к прошлому и о мире. Как человек, склонный принимать решения медленно, осторожный и советующий то, что полезно, я по разным соображениям полагаю, что следует им даровать мир, если на то будет ваше согласие, во-первых, чтобы избежать превратностей войны; во-вторых, чтобы из противников сделать их помощниками, как они то обещают; далее, чтобы, не проливая кровь, укротить те порывы их свирепости, которые столь часто бывают гибельны для наших провинций; и, наконец, принимая во внимание еще следующее: кроме той победы, когда, враг падает в бою, пораженный силою оружия и натиска противника, есть еще другая, много более безопасная, а именно: не позволяя раздаться бранному звуку трубы, заставить добровольно склониться под ярмо противника, который по опыту знает, что у нас нет недостатка ни в храбрости по отношению к нарушителям мира, ни в милосердии – по отношению к молящим о пощаде... 15. Одним словом, я ожидаю вашего решающего совета как миролюбивый государь, который полагает, что при удаче не следует превозноситься. Не трусости, но умеренности и человечности будет приписано, верьте мне, это зрело обдуманное решение». {*50* }

16. Как только он закончил свою речь, все, охотно склоняясь к тому, чего желал император, стали хвалить его решение и согласились на мир.

104 **104.** Принимаем чтение: rationes et.

Самым сильным мотивом было то, что по частым походам знали, что счастье было на стороне Констанция только в междоусобных войнах, а когда он предпринимал внешние войны, то обычно его постигали неудачи. После этого был заключен договор по международному обычаю, и когда это торжество было отпраздновано, император вернулся на зимние квартиры в Медиолан. [105]

11.

1. Сбросив там бремя своих остальных забот, Констанций принялся обдумывать, как ему всеми средствами низвергнуть Цезаря; задача, представлявшая собою какой-то страшно запутанный узел. С близкими людьми он вел по ночам секретные совещания о том, как и каким образом осуществить это, прежде чем тот утвердится в своих дерзких замыслах насчет государственного переворота, и было решено заманить Галла ласковым письмом под предлогом важного и не терпящего отлагательств дела, чтобы, лишив его поддержки со стороны, погубить безо всяких затруднений. 2. Против этого плана возражали тесно сплотившиеся между собою льстецы; среди них был Арбецион, завзятый и страстный интриган, и Евсевий, тогдашний препозит царской спальни, любитель всяких каверз. Они выставляли в качестве предлога то, что оставление на Востоке Урзицина после устранения Цезаря явится серьезной опасностью, если не будет никого, кто бы мог оказать противодействие его далеко идущим замыслам. 3. К ним присоединились также евнухи, корыстолюбие которых в ту пору не знало никаких границ. На своей службе в непосредственной близости к императору они давали пищу подозрительности Констанция таинственными намеками на разные вымышленные преступления. Они старались тяжелыми обвинениями погубить этого храброго мужа (Урзицина), рассказывая, будто его взрослые уже сыновья, вызывавшие к себе всеобщие симпатии своей красотой и юностью, питают преступные замыслы, будто они щеголяют своими всесторонними знаниями в военном деле и намеренно выставляют на всеобщее обозрение в ежедневных воинских учениях свою силу и ловкость, будто Галл, свирепый от природы, был вовлечен через подставных людей в преступления с тем расчетом, чтобы, когда он по достоинству заслужит всеобщую ненависть, верховная власть могла перейти к детям магистра конницы.

4. Эти и тому подобные речи доходили до слуха Констанция, который был склонен внимать такого рода сплетням; после некоторого колебания между различными планами он избрал наконец {*51* } следующий, как наилучший. Прежде всего он отозвал к себе с большим почетом Урзицина под тем предлогом, будто неотложные обстоятельства требуют совместного с ним обсуждения вопроса о том, как усилить войска, чтобы сокрушить напор угрожавших войною парфянских народов [106]5. А чтобы не вызвать каких-либо опасений со стороны Урзицина, был отправлен в качестве заместителя до его возвращения комит Проспер. После

105 **105.** Прим. ред.: Медиолан, ныне Милан. Со времен Диоклетиана здесь располагалась одна из резиденций римских императоров.

106 **106.** Аммиан нередко называет парфянами персов.

получения письма и разрешения воспользоваться государственной почтой, мы направились большими переездами в Медиолан. 6. Оставалось теперь, чтобы затем выехал по вызову и Цезарь. Во избежание возможности подозрений, Констанций в очень ласковом письме, наполненном множеством любезностей далеко не искренних, убеждал свою сестру, жену Галла, приехать наконец к нему, так как, мол, он очень хочет с ней повидаться. Хотя она и колебалась, опасаясь нередких у него проявлений жестокости, тем не менее в надежде, что ей удастся смягчить своего брата, отправилась в путь. Доехав до Вифинии, она умерла на станции Кен Галликанский от внезапного приступа сильной лихорадки. Супруг ее сознавал, что с ее смертью пала единственная его опора, и пребывал в нерешительности и тревожных мыслях о том, как ему поступить. 7. В этом затруднительном положении все сводилось у него к мысли об одном, что Констанций, относившийся ко всему по-своему, не примет извинения и не простит ему его провинностей, но с обычной своей жестокостью в отношении родственников, расставит ему втайне силки, и, если он даст себя поймать, то не миновать ему смертной казни. 8. Оказавшись в такой ситуации и предполагая возможность рокового исхода, если он сам не примет мер предосторожности, Галл начал помышлять провозгласить себя императором, если бы представилась такая возможность; однако он опасался предательства своих близких по двум причинам: они боялись его как кровожадного и легкомысленного человека и верили в счастливую звезду Констанция в междоусобных войнах. 9. Помимо пребывания в этих мучительных тревогах, он постоянно получал письма императора, в которых тот убеждал и просил его приехать к нему, косвенно давая понять, что государство не может и не должно быть разделено, но что каждый обязан по мере своих сил служить ему в трудных обстоятельствах настоящего времени, подразумевая под ними опустошение Галлии. 10. Он ссылался на не столь еще давний пример: Диоклетиану и его соправителю [107]Цезари служили как помощники, не оставаясь на одном месте, но разъезжая туда и сюда, и однажды в Сирии облеченный в пурпур Галерий [108]{*52* } целую тысячу шагов (милю) пешком шел впереди колесницы гневавшегося на него Августа. 11. После многих других посланцев прибыл трибун скутариев Скудилон, скрывавший под своим простоватым видом искусное умение уговаривать. Льстивой речью, перемешанной с серьезными аргументами, он один сумел склонить Галла к путешествию, принимая притворное выражение лица и неоднократно заверяя, что двоюродный брат страстно желает видеть Галла, что он по своей мягкости и милосердию простит, если тот в чем-либо по необдуманности провинился, сделает его участником своей верховной власти и, таким образом, Цезарь станет товарищем в трудах, которых требовали давние бедствия северных провинций. 12. И как бывает обыкновенно, что человек, на которого рок налагает свою руку, теряет ясность соображения и тупеет, так и Галл поддался на эту приманку, воспрянул надеждами, и, покинув в недобрый час Антиохию, попал по старой пословице, из огня да в полымя. Прибыв в

107 **107.** Прим. ред.: Имп. Диоклетиан (284–305 гг.) в 286 г. взял себе в соправители Аврелия Валерия Максимиана.

108 **108.** Прим. ред.: Гай Валерий Максимиан Галерий, Цезарь с 293 г., Август с 305 г. Умер в мае 311 г.

Константинополь, он устроил колесничные состязания, как будто дела его были в наилучшем состоянии, и на голову одержавшего победу возницы Торакса собственноручно возложил венец. 13. Когда об этом узнал Констанций, гнев его не знал границ, и чтобы Галл, беспокоясь о будущем, не стал предпринимать чего-либо ради своего спасения, удалены были из городов, лежавших на его пути, все расквартированные там войска. 14. В то же самое время Тавр, отправлявшийся в звании квестора в Армению, вызывающе проехал мимо него, не поприветствовав его и не повидавшись с ним. Однако некоторые лица явились к нему по приказу императора под предлогом разных служебных дел; они должны были тайно сторожить его, чтобы он не имел свободы действий и не сделал попытки что-либо предпринять. Среди них были Леонтий, впоследствии префект Рима[109], откомандированный к нему в качестве квестора, Луциллиан [110]под видом комита доместиков и трибун скутариев по имени Байнобавд. 15. Сделав несколько больших переездов по равнине, Галл прибыл в Адрианополь, город у гор Гема, называвшийся ранее Ускудама, и расположился там на двенадцатидневный отдых. Тут он узнал, что фиваидские легионы[111], зимовавшие в соседних городах, отправили к нему депутатов, которые имели поручение, давая свое поручательство, посоветовать ему остаться здесь и довериться значительным силам, расположенным на соседних стоянках. Но из-за неукоснительной близости своих приближенных, Галл не мог найти возможности тайком повидаться с ними и выслушать их предложение. 16. В письмах, следовавших одно за другим, император требовал его выезда, и он отправился далее на десяти повозках государственной почты, как было предписано, оставив всех придворных, за исключением немногих служителей спальни и стола, {*53* } взятых им с собою из Антиохии. Покрытый дорожной пылью, он был вынужден по настоянию многих спешить, то и дело проклиная свою опрометчивость, которая принизила его и подчинила власти самых последних слуг. 17. И ночной покой его тревожили видения тени убитых с Домицианом и Монцием впереди хватали его – как ему во сне казалось – и бросали на мучения фуриям. 18. Дело в том, что дух, освобождаясь от уз тела, остается бодрствующим во время сна и под воздействием дум и забот воспринимает ночные видения, которые мы (греки) называем фантазиями.

19. Его несчастный жребий направил его на путь, где ему было предопределено потерять и жизнь, и власть. Меняя на станциях лошадей, он проехал большое пространство и прибыл в Петовион, город Норика [112]Там уже был открыт весь тайный умысел. Внезапно появился комит Барбацион, который при его особе командовал доместиками, и с ним императорский агент Аподемий. С ними были солдаты, обязанные императору разными благодеяниями; сам он их выбрал, будучи уверен в

109 **109.** Прим. ред.: В 356 г.

110 **110.** Прим. ред.: Тесть будущего имп. Иовиана (см. 25, 8, 9).

111 **111.** Прим. ред.: Фиваидские легионы в 354 г. пополнялись за счет рекрутов в окрестностях Адрианополя. Их название связано с местом, где они были сформированы (Фиваида в Египте).

112 **112.** Ныне Петтау на Драве в Штирии.

их верности и в том, что нельзя будет ни подействовать на них подачками, ни вызвать в них сострадание.

20. Теперь уже были оставлены всякие хитрости, и дворец был окружен военной охраной с той стороны, где он выступал за стены. Войдя к Галлу поздно вечером, Барбацион снял с него императорское облачение, одел его в простую тунику и обыкновенный плащ, и, несколько раз клятвенно заверив его якобы по приказу императора, что ему ничто не грозит, произнес: «Сейчас вставай», посадил его на частную повозку и повез в Истрию в окрестности города Полы, где некогда, как известно по рассказам, был убит Крисп, сын Константина. 21. Там его содержали под строжайшей охраной, полумертвого от страха пред близящейся гибелью. Туда поспешили к нему Евсевий, препозит царской спальни, нотарий Пентадий и Маллобавд, трибун арматур [113]чтобы согласно приказу императора побудить его представить подробный отчет о том, на каком основании предал он смерти всех убитых им в Антиохии. 22. Смертельно бледный, как Адраст[114]. Галл мог только сказать, что большинство казней он совершил по наущению жены своей Константины. Очевидно, он не слыхал о том разумном ответе, который дал Александр Великий, когда мать его потребовала казни одного невиновного и, надеясь настоять на своем, сказала ему, что она носила его девять месяцев под сердцем, – а именно: «Проси, {*54* } дорогая матушка, другой награды, жизнь человека не искупается никаким благодеянием».

23. Узнав об этом ответе Галла, император исполнился гневом и скорбью и ради собственной безопасности признал необходимым устранить его. Он отправил Серениана, который, как я раньше рассказал, вышел, благодаря разным секретным махинациям, оправданным из обвинения в оскорблении величества, а также нотария Пентадия и императорского агента Аподемия, поручив им произвести смертную казнь. И вот, связав ему за спиной руки, как какому-нибудь разбойнику, они обезглавили его и оставили лишенное головы, составляющей красу человека, тело того, кто еще недавно внушал страх городам и провинциям. 24. Но высшая правда Божьего суда проявила свое действие как на нем, так и на его палачах. И Галла погубили его собственные жестокие деяния, и вскоре погибли страшной смертью те, кто хитростью и клятвопреступлением обрекли его на смерть. Скудилон умер от разложения печени, вследствие кровотечения из легких, а Нарбацион, который уже давно возводил на Галла ложные обвинения, по навету зложелателей, внушавших императору, будто он, достигнув сана магистра пехоты, метит выше, был осужден на смерть и своей, не вызвавшей слез, кончиной явился искупительной жертвой тени коварством завлеченного на смерть Цезаря.

25. Такие и бесчисленное множество других подобных дел совершает воздающая за зло, а иной раз (о если бы это было всегда!) за добро

113 **113.** Маллобавд был командиром одной из схол, именовавшейся armaturae, другие носили названия scutarii, третьи – gentiles. – Маллобавд был родом франк царского происхождения. В 377 г. он состоял в звании комита доместиков. См. 31, 10, 6.

114 **114.** Прим. ред.: Аргосский царь, принимавший участие вместе со своим зятем Полиником в походе Семерых против Фив, который единственный остался после него в живых. Через десять лет возглавил новый поход эпигонов – сыновей погибших, в результате которого Фивы были разрушены.

Адрастия, которую мы также называем другим именем – Немезида[115]. Высшая правда воздействующего на мир божества заключается, по людским представлениям, в лунном круге, или, по определению некоторых, является индивидуальным духом-покровителем, направляющим судьбу каждого человека от его рождения; древние теологи признают ее дочерью Справедливости и учат, что она из таинственной вечности взирает на все совершающееся на земле. 26. Она, как царица всех причин, вершительница всех дел, мешает жребии в урне судьбы, изменяя последовательность событий, приводя наши начинания иногда к результату, противоречащему нашим намерениям, и в вечной смене вершит разные дела. Нерасторжимыми узами необходимости опутывает она человеческую тщетно воздымающуюся гордыню, возвышая и низвергая, как она сама захочет, то подавляет и топчет надменное высокомерие, то с самого низа возносит к счастливой жизни достойных. Потому-то в древних сказаниях приданы ей крылья, чтобы указать этим на быстроту, с которой она поспевает всюду налету, в руки дан руль и под ноги подставлено колесо, дабы ясно было, что она правит миром, проникая во все стихии. {*55* }

27. Так преждевременно окончил опостылевшую ему самому жизнь Галл на 29 м году жизни после четырех лет правления. Родился он в Тусции в Массе Ветернинской; отцом его был Констанций, брат императора Константина, а мать – Галла, сестра Руфина и Цериалия, которые оба достигли консульского сана и префектуры. 28. Он был очень видный мужчина с изящными формами тела, очень хорошо сложен, его русые волосы были мягки, борода лишь недавно стала пробиваться; тем не менее он в молодом возрасте имел солидную внешность. Различие между ним и его нравственно совершенным братом Юлианом было столь же велико как между Домицианом и Титом[116]. 29. Будучи вознесен на вершину счастья, он испытал изменчивость судьбы, которая, играя людьми, то поднимает их до неба, то погружает в глубины Коцита[117]. Из бесчисленного множества примеров я приведу лишь немногие 30. Та же переменчивая и непостоянная судьба сделала сицилийца Агафокла [118]из горшечника царем, а Дионисия[119], некогда грозу народов, поставила учителем школы в Коринфе. 31. Она Андриска из Адрамития[120],

115 **115.** Прим. ред.: Немезида – богиня греческой мифологии, дочь Никты, олицетворение Судьбы. Адрастея (греч. «неизбежная», «неминуемая») – ее эпитет. Она воздает людям по их вине за гордыню и несправедливость. «Мы» у Марцеллина, как правило, значит «греки». Последующие рассуждения, как и все подобные места у Марцеллина окрашены в неоплатонические тона.

116 **116.** Прим. ред.: Противопоставление имп. Домициана (81–96 гг.) как воплощенной жестокости и несправедливости его брату имп. Титу (79–81 гг.) было широко распространено в античности.

117 **117.** Прим. ред.: Коцит – река в подземном царстве, приток Стикса или Ахеронта (см. Гомер, Одиссея 10, 513–514).

118 **118.** Прим. ред.: Агафокл – тиран Сиракуз в 317–289 гг. до н. э.; по его завещанию в Сиракузах было восстановлено демократическое правление.

119 **119.** Прим. ред.: Дионисий Младший, сын Дионисия Старшего, тиран Сиракуз с 367 г. до н. э.

120 **120.** Прим. ред.: Андриск, объявивший себя сыном последнего царя Македонии

родившегося в валяльной мастерской, вознесла до имени Лже-Филиппа [121]а законного сына Персея научила кузнечному ремеслу ради снискания хлеба насущного. 32. Она же предала Манцина нумантинцам [122]после того, как он облечен был властью главнокомандующего[123]выдала Ветурия [124]суровым самнитам [125]Клавдия [126]– корсиканцам[127]она принесла Регула [128]в жертву жестокости Карфагена; благодаря ее несправедливости Помпей, удостоившийся имени Великий за свои славные подвиги, был убит в Египте [129]по произволу евнухов[130]33. И Эвн, раб из эргастула, был предводителем беглых рабов на Сицилии[131]. Сколько знатных людей, по прихоти той же самой богини, обнимали колени Вириата[132][133]и Спартака[134][135]! Сколько голов, пред которыми трепетали народы, пало под

Персея, возглавил борьбу против римлян в 149–148 гг. до н. э. В 148 г. до н. э. потерпел поражение и был выдан римлянам.

121 **121.** Flor. I. 30.

122 **122.** Прим. ред.: Гай Гостилий Манцин, консул 137 г. до н. э., потерпев поражение в войне с жителями иберийского города Нуманция, заключил с ними договор, не утвержденный сенатом. В 133 г. до н. э. Нуманцию взял и разрушил до основания Сципион Эмилиан Африканский Младший.

123 **123.** Id. I 34.

124 **124.** Прим. ред.: Тит Ветурий Кальвин, консул 334 г. до н. э., был окружен при Кавдии самнитами во время их войны с римлянами.

125 **125.** Liv. IX 10.

126 **126.** Прим. ред.: Марк Клавдий заключил в 236 г. до н. э. постыдный мир с корсиканцами.

127 **127.** Valer. Max. VI 3, 3.

128 **128.** Прим. ред.: См. прим. 27.

129 **129.** Прим. ред.: Гней Помпей Магн, потерпев поражение от Цезаря при Фарсале, пытался скрыться в Египте, где и был умерщвлен по приказу малолетнего направляемого евнухами царя Птолемея XII. По преданию голова его была преподнесена в подарок Цезарю.

130 **130.** Dio Cass. XLII 4, 5.

131 **131.** Прим. ред.: Эвн из Апамеи в Сирии возглавил войну против римлян в 136–132 гг. до н. э.

132 **132.** Flor. I 32, 15.

133 **133.** Прим. ред.: Вирулат, вождь лузитанов, племени, проживавшего на территории нынешней Португалии, возглавлял партизанскую войну против римлян в 147–139 гг. до н. э.

134 **134.** Id. II 8.

135 **135.** Прим. ред.: Спартак, вождь восстания рабов в Италии в 73–72 гг. до н. э. {528}

позорным топором палача! Один попадает в тюрьму, другой облекается властью, о которой он и не мечтал, третий низвергается с высоты своего положения, 34. Пытаться перечислить все эти разнообразные и часто повторяющиеся случаи было бы таким же безумием, как попытка счесть морской песок или точно взвесить громады гор. {*56* }

КНИГА XV

(годы 354–355)

1. О смерти Цезаря Галла сообщается императору.

2. Возбуждается обвинение в оскорблении величества против Урзицина, магистра конницы на Востоке; Юлиана, брата Цезаря Галла, и Горгония, препозита спальни Цезаря.

3. Наказание друзей Цезаря Галла и его слуг.

4. Аламаннское племя лентиензы перебиты или обращены в бегство Августом Констанцием.

5. Франк Сильван, магистр пехоты в Галлии, провозглашается Августом в Колонии и на 28-й день власти коварным образом устраняется.

6. Друзья и соучастники Сильвана предаются казни.

7. Подавление бунтов римского народа Леонтием, префектом Рима. Смещение с кафедры епископа Либерия.

8. Юлиан, брат Галла, возведен Августом Констанцием, его дядей по отцу, в сан Цезаря и поставлен во главе Галлии.

9. О происхождении галлов; откуда идут названия кельтов и галатов; об их ученых.

10. О галликанских Альпах и о различных через них проходах.

11. Краткий обзор территории Галлии. Течение Родана.

12. О нравах галлов.

13. О Музониане, префекте претория Востока. {*57* }

1.

1. Насколько я мог разузнать истину, я изложил последовательно как то, что довелось мне видеть как современнику, так и то, что можно было выведать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе. Дальнейшее повествование я постараюсь вести по мере сил еще более детально, не опасаясь упреков в излишней растянутости изложения, потому что краткость только тогда заслуживает признания, когда, устраняя излишние подробности, она не причиняет ущерба постижению смысла событий.

2. Не успели еще в Норике [136]снять с Галла императорское облачение, как Аподемий, который, пока был жив Галл, являлся самым яростным его врагом, повез снятые с него пурпурные сапоги и так быстро мчался на сменных почтовых лошадях, что загнал многих насмерть. Явившись с предварительным донесением в Медиолан, он вошел во дворец и бросил

136 **136.** Прим. ред.: Норик – область в восточных Альпах, присоединенная к империи при Августе в 15 г. до н. э.

эти сапоги у ног Констанция, словно доспехи, снятые с убитого царя парфян. При этой внезапной вести о том, что трудная задача благополучно решена так, как того желал император, высшие придворные чины, проявляя, как обычно, величайшее усердие в лести, стали славить до небес храбрость и счастье императора, по мановению которого, правда, в разное время два государя, Ветеранион [137]и Галл, так легко были лишены своего звания, как будто речь шла о простых солдатах. 3. Эта изысканная лесть возымела свое действие, и в полной уверенности, что в будущем он уже неподвластен всяким человеческим бедам, Констанций настолько уклонился от правого пути, что не раз употреблял в разговоре выражение «моя вечность», а в написанном собственной рукой называл себя «владыкой всего круга земного». А ему бы следовало с негодованием относиться к тому, что другие употребляли о нем такие выражения, так как {*58* } он, по собственным словам, горячо стремился уподобиться своей жизнью и поведением императорам гражданского духа. 4. Если бы он правил бесконечными мирами Демокрита, о которых под влиянием Анаксарха мечтал Александр Великий, [138]то и тогда ему следовало бы сообразить, – о чем он мог читать или слышать, – что, согласно учению всех математиков, объем Земли, которая кажется нам огромной, является по отношению ко всей Вселенной одной лишь маленькой точкой.

2.

1. Тотчас же после жалкой кончины Цезаря Галла был дан сигнал для судебных расследований, возбуждено было обвинение в оскорблении величества против Урзицина, и зависть, враг всех хороших людей, все более настойчиво стала покушаться на его жизнь. 2. Положение Урзицина было тем труднее, что император был глух к справедливой и основательной защите, но чрезвычайно восприимчив к разным тайным наветам интриганов, которые внушали ему, что имя Констанция совершенно забыто на Востоке империи и что там все с вожделением ожидают Урзицина как человека, внушавшего страх персам. 3. Но этот человек высокого духа оставался невозмутим и опасался лишь ущерба для своего достоинства; в глубине сердца скорбел он о том, что даже невинный не пребывает в безопасности. Одно его огорчало: друзья, раньше столь многочисленные, переметнулись к более сильным в ту пору людям, подобно тому, как при смене должностных лиц переходят к преемнику ликторы. 4. Его товарищ Арбецион, поднаторевший в интригах против прямодушных людей и в ту пору не в меру могущественный, толкал его, под видом искреннего расположения, на гибель тем, что нередко публично называл его храбрым. Подобно тому как змея,

137 **137.** Ветеранион или Ветранион, как он называется у Зосима и на монетах, командовавший войсками в Иллирике, посягнул на императорскую власть в 350 году и вскоре сам ее сложил. См. Zos. II 44.

138 **138.** Прим. ред.: Демокрит из Абдер (ок. 460 – ок. 370 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, создатель атомизма, известный, в частности, своими путешествиями к магам, гимно-софистам и др., на которые, очевидно, намекает Марцеллин, говоря о «мирах Демокрита». Во всяком случае, положение о бесконечном числе миров относится, скорее, к Эпикуру, а в сохранившихся фрагментах Демокрита об этом ничего не говорится. Анаксарх, последователь Демокрита, сопровождал Александра в его походе на Восток.

укрываясь в подземной норе, следит оттуда за проходящими мимо, внезапно бросается на них и жалит одного за другим, так и этот человек, прошедший путь от низшего звания до высших[139]чинов, не будучи сам ни оскорбленным, ни задетым, осквернял себя необъяснимой склонностью вредить другим. 5. И вот вместе с несколькими префектами на тайном совещании в присутствии императора... было решено увезти Урзицина на следующую ночь от солдат и убить без суда, как убит был некогда в позорное время правления Нерона верный и осторожный защитник провинций Домиций Корбулон[140]6. Когда уже было принято такое {*59* } решение, и люди, на которых было возложено исполнение этого злого умысла, ожидали назначенного срока, император склонился к более мягким мыслям и отдал приказ отложить нечестивое дело до повторного обсуждения. 7. После этого клеветники обратились к Юлиану, впоследствии превосходному государю, который тогда только что был принят при дворе. Против него были выдвинуты два опасных обвинения: первое, что он из любви к наукам переехал в Азию [141]из поместья Мацелл в Каппадокии, и второе, что он встречался с братом своим Галлом, когда тот проезжал через Константинополь. 8. Хотя он опроверг эти обвинения и объяснил, что на оба эти поступка было высочайшее соизволение, тем не менее он бы погиб под натиском позорной клики льстецов, если бы по внушению самого Бога не заступилась за него императрица Евсевия. Он был отправлен в город Комум поблизости от Медиолана и, после недолгого там пребывания, получил разрешение отправиться в Грецию для продолжения образования, к чему он страстно стремился.

9. Среди последующих событий, связанных с описанными, были и такие, которые нельзя не признать вполне благоприятными, когда кара постигала людей действительно виновных, или же падали пустые и ни на чем не основанные обвинения. Но иногда богатые, прибегая к помощи влиятельных лиц и обвиваясь вокруг них, как плющ вокруг высокого дерева, покупали оправдание за огромные деньги, а бедные люди, имеющие лишь незначительные средства на выкуп своей жизни или вовсе ими не обладающие, были неправедно приговорены к смерти. Таким образом и правда затемнялась ложью, и ложь иной раз сходила за истину.

10. Отдан был под суд тогда и начальник спальни Галла, Горгоний, и хотя даже из его собственных показаний иногда было очевидно, что он являлся участником и подстрекателем злодеяний Галла, но сговорившиеся между собою евнухи сумели своей согласной ложью прикрыть истину, и он вышел из опасного положения совершенно оправданным.

3.

1. Пока в Медиолане происходили эти события, в Аквилею были доставлены военные чины Галла и множество придворных с Востока. Исстрадавшись в оковах, едва влача свое существование, проклинали они

139 **139.** Восполняем пропуск одного слова.

140 **140.** Dio Cass. LXIII 17.

141 **141.** Термин Asia обозначал провинцию Азию, Asia proconsularis.

мучительную отсрочку смерти. Их обвиняли в том, что они были орудиями свирепых деяний Галла, что они {*60* } растерзали Домициана и Монция и в дальнейшем погубили других. 2. Снять с них допрос отправлены были Арборей и Евсевий, тогдашний препозит царской опочивальни, оба – легкомысленные самохвалы, равно несправедливые и кровожадные. Нисколько не разобравшись в деле, не различая правых и виноватых, одних они притворили к ссылке после предварительного наказания палками и пыток, других разжаловали в низший военный чин, остальных ранили. Оставив после себя груды трупов, они, торжествуя, вернулись назад и доложили о своих деяниях государю, который в подобных делах выказывал всегда неумолимую суровость. 3. Как будто желая задержать предначертанный ход судьбы, Констанций с тех пор еще свободнее отдавался во власть людей, строивших козни другим. И вот появилось вдруг множество собирателей слухов, хватавших своей звериной пастью сначала богатых, а потом бедных и богатых без разбора; не так, как те Верресовы кибираты, что лизали трибунал одного легата[142]эти – терзали все тело государства, пользуясь случавшимися бедствиями. 4. Среди этих людей выделялись Павел и Меркурий, перс по происхождению, родившийся в Дакии[143]Павел был нотарий, а Меркурий – служитель царского стола. Павел, как было выше упомянуто, был прозван Катена (цепь) за то, что в искусстве вязать и составлять самые злостные оговоры проявлял цепкую злостность и был удивительно изобретателен, подобно тому, как некоторые ловкие атлеты ухитряются в борьбе пяткой держать противника[144]5. Меркурия прозвали «комит сновидений», потому что он, как злой и коварный пес, который, скрывая свою злобу, подобострастно виляет хвостом, умел втираться на пиры и собрания, и если кто рассказывал своему другу о том, что он имел то или иное видение во сне, когда свободно расходится фантазия, Меркурий расцвечивал это своим ядом и доводил до сведения императора, охотно внимавшего слухам, а в результате возникало обвинение в тяжком и неискупаемом преступлении. 6. Когда молва распространила о том вести, то не только перестали рассказывать о ночных видениях, но и в присутствии чужих даже не признавались, что спали, а некоторые ученые люди даже выражали сожаление, что не родились среди атлантов, где, как говорят, никто не видит снов[145]– факт, исследование причин которого предоставляю людям науки. {*61* }

7. Пока происходили эти ужасы сыска и казней, разыгралась в Иллирике новая трагедия, подвергшая опасности многих, хотя началось дело с пустых слов. На пирушке у Африкана, правителя Второй Паннонии в Сирмии[146]некоторые гости, выпив лишнего, не стесняясь поносили правительство за большие притеснения, не догадываясь о присутствии

142 **142.** Два брата, уроженцы города Кибиры во Фригии, приспешники Верреса. Cic. in Ver. II 4, 14–15.

143 **143.** Считаем излишней вставку ille, сохраненную Гардтгаузеном. Ср. 14, 5, 6–9.

144 **144.** Принимаем чтение calce tenere.

145 **145.** Herod. 4, 184; Plin. 5, 8, 45.

146 **146.** Ныне Митровице на Саве.

каких-либо наблюдателей; другие утверждали на основании каких-то примет близость желанного государственного переворота; некоторые в ослепленном безумии предсказывали сами себе повышение. 8. Присутствовавший там императорский агент Гауденций со свойственной ему глупой поспешностью донес обо всем этом как о серьезном деле Руфину, занимавшему тогда место начальника канцелярии префекта претория, – то был человек, доходивший до всяких крайностей и известный своей злобностью. 9. Немедленно, точно на крыльях, поспешил он в главную квартиру государя и, при большой склонности Констанция к такого рода подозрениям, так его распалил, что безо всякого обсуждения приказано было привлечь к суду Африкана и всех участников той роковой пирушки. За это доносчик, жаждавший, как все люди, запретного, получил приказание остаться в должности еще на два года, как он того и желал. Арестовать их был послан Тевтомер, протектор-доместик, с одним товарищем. 10. Согласно приказу, он заковал их в цепи и направил в главную квартиру. Но когда по пути прибыли они в Аквилею, Марин, бывший раньше кампидуктором[147], а в ту пору состоявший трибуном, – он то и завел эти опасные разговоры, – человек вспыльчивый, воспользовавшись тем, что был оставлен в гостинице, пока собирались в дальнейший путь, случайно найдя нож, всадил его себе в бок и тотчас умер, выпустив себе внутренности. 11. Остальные были доставлены в Медиолан, и, так как под тяжкими пытками сознались, что вели за столом дерзкие речи, то приказано было держать их в тюрьме, причем была дана надежда, хотя и слабая, на возможность оправдания. Протекторам приказано было отправиться в изгнание за то, будто они позволили Марину лишить себя жизни; но за них просил Арбецион, и они были прощены.

4.

1. После того как это дело закончилось таким образом, объявлена была война... лентиензам, аламаннскому племени, которое позволяло себе нередко большие вторжения в пограничные области {*62* } империи. В поход выступил сам император. По прибытии на Канинские Поля в Рэции[148]признано было после долгих совещаний наиболее подходящим и целесообразным магистру конницы Арбециону направиться вперед с частью армии и немедленно атаковать варваров, сосредоточив главные силы на побережье Бригантского озера. Топографию этой местности я обрисую вкратце, насколько это возможно в данном случае.

2. Среди крутых горных громад берет свое начало мощным потоком Рейн... принимая в себя другие реки, подобно тому как быстрым падением через пороги изливается Нил. От самого истока Рейн мог бы быть судоходен при своем обилии воды, если бы не являлся скорей стремительным горным потоком, чем рекой. 3. Высвободившись из гор и протекая среди крутых берегов, он впадает в большое круглое озеро, которое живущие по его берегам реты зовут Бриганцией. Это озеро,

147 **147.** Прим. ред.: Инструктор высшего ранга, обучавший солдат военному искусству.

148 **148.** Ныне территория швейцарского кантона Граубюнден.

имеющее 460 стадий в длину [149]и почти столько же в ширину, кроме того места, где древняя римская доблесть благоразумно проложила широкую дорогу[150], малодоступно из-за густых лесов, а также противодействия варваров, неблагоприятного рельефа местности и суровости климата. 4. Пенящимися волнами с шумом вливается река в это озеро и протекает через стоячие воды озера по самой его середине, точно по отвесу. Как бы чуждая стихия, она выносит ту же самую массу воды, которую внесла, не увеличив и не уменьшив ее, под тем же самым именем, с той же самой силой, и, не получая затем никакого притока, погружается в волны океана. 5. Особенно удивительно, что воды озера от быстрого протока реки не приходят ни в какое движение, и быстрое течение реки не замедляется илистой водой озера, с которой вода реки ни мало не смешивается. Если бы в этом не убеждало непосредственное наблюдение, то нельзя было бы поверить, что это именно так. 6. Подобно этому берущий свое начало в Аркадии Алфей, охваченный страстью к источнику Аретузе, рассекая Ионийское море, стремится к возлюбленной... (нимфе)[151].

7... (Арбецион) попал в засаду и остановился, смущенный этим неожиданным несчастьем... 8. Враги выскочили из-за прикрытий и без пощады поражали всякого рода метательным оружием все, что попадалось. Никто из наших не мог оказать сопротивления, и спасти жизнь можно было только быстрым отступлением. Думая только о том, чтобы избежать поражения, солдаты метались туда и сюда и подставляли спину под удары. Однако многие, рассеявшись по тесным тропинкам, спаслись от опасности под защитой темной {*63* } ночи, и когда рассвело, с новыми силами присоединились каждый к своей части. В этом печальном и неожиданном приключении мы потеряли значительное число солдат и десять трибунов. 9. Аламанны, приободренные этим успехом, стали более дерзкими и ежедневно, когда утренняя мгла скрывала свет, ходили поблизости от римских укреплений с мечами в руках, с бахвальством выкрикивая угрозы. Однажды скутарии сделали внезапно вылазку, но остановились на месте, будучи отражены отпором вражеской силы, и стали настойчиво вызывать на битву всех своих товарищей. 10. Недавние потери устрашали многих, и сам Арбецион пребывал в нерешительности, опасаясь неблагоприятного исхода. Тут бросились вперед со своими отрядами три трибуна вместе: Аринфей, заменявший командира арматур, Сениавх, командовавший турмой комитов и Баппон, командир промотов[152]11. Ринувшись на врага, словно

149 **149.** Прим. ред.: Около 88 км.

150 **150.** Прим. ред.: Древняя римская дорога проходила вдоль южного берега совр. Боденского озера из Арбор Феликсовых (совр. Арбон) в Виндомиссу.

151 **151.** Прим. ред.: Алфей, река в Элиде в Греции, согласно древним преданиям, проложил тайную дорогу под дном моря, чтобы соединиться со своей возлюбленной – нимфой источника Аретуза на острове Ортига, находящемся в бухте г. Сиракузы на Сицилии. См. Вергилий, Энеида 3, 694–696.

152 **152.** Термин comites употреблялся, помимо своего технического значения – оруженосец, в более общем, как специальное имя некоторых отрядов, германского или вообще варварского происхождения. Специальным именем многих кавалерийских частей является также термин promoti. См. Notit. dign.

стремительный поток, не становясь в боевую линию, а бросаясь в одиночку... они обратили всех в постыдное бегство. Аламанны расстроили свои ряды, бросали щиты в поспешном отступлении, а наши рубили их мечами и кололи копьями. 12. Много лежало убитых вместе с лошадьми, и мертвые сидели они на спинах своих коней. Увидев это, высыпали из лагеря все, опасавшиеся до этого броситься в бой вместе с товарищами; забыв теперь обо всякой осторожности, избивали они варваров, топтались в кучах мертвых тел, забрызганные кровью павших; только немногие варвары спаслись от смерти бегством. После такого результата этой битвы император с ликованием и торжеством возвратился на зимние квартиры в Медиолан.

5.

1. При этом общем печальном положении дел поднялась новая буря бедствий, не менее горестная для провинций, и все оказалось на краю гибели; но благодетельная властительница людских судеб Фортуна положила скорый конец в высшей степени грозному бунту. 2. Когда Галлия из-за продолжительного попустительства власти подвергалась жестоким убийствам, грабежам и пожарам со стороны свободно бродивших по ней варваров, и никто не приходил ей на помощь, отправился туда по приказу императора магистр пехоты Сильван[153], человек, которого считали способным поправить поло-{*64* }жение дел. Всячески старался ускорить его отъезд Арбецион, чтобы устранить соперника...

3 ... Некий Динамий, актуарий императорских вьючных лошадей, попросил у него (Сильвана) рекомендательные письма к друзьям, чтобы представить себя его близким приятелем. Получив письма от Сильвана, который по простоте душевной ничего не подозревал, Динамий спрятал их, чтобы совершить со временем нечто гибельное. 4. Сильван проходил походами по Галлии, сообразуя их с потребностями времени, и разгонял варваров, которые сбавили в своей наглости и стали чувствовать страх. Между тем Динамий, человек хитрый и поднаторевший в обманах, придумал безбожное коварство, причем помощником и соучастником ему был, по темным слухам, префект претория Лампадий, а также Евсевий, бывший комит государственных имуществ, имевший прозвище Mattyocopa[154], и Эдесий, бывший магистр императорской канцелярии рескриптов и прошений[155]– им обоим префект устроил приглашение на

153 **153.** Прим. ред.: Сильван, франк родом, сын Бонита, который проявил себя при Константине Великом в войне против Лициния, был воспитан в римских традициях и как христианин. При узурпаторе Магненции был трибуном, но перед битвой при Мурсе перешел к Констанцию, за что и был назначен магистром пехоты.

154 **154.** Прим. ред.: Евсевий был комитом при императоре Константе (см. прим. 12) в 342 г. Его прозвище имеет греческое происхождение и означает «обжора», «чревоугодник».

155 **155.** В придворном ведомстве состояло четыре канцелярии scrinium, под общим начальством сановника, именовавшегося – magister scriniorum. Во главе каждой канцелярии стоял свой магистр, подчиненный первому. Канцелярии эти назывались: memoriae, epistolarum, libellorum и epistolarum graecarum. Первая из них ведала за императорские рескрипты и ответы на прошения.

торжество вступления консулов в должность как своим близким друзьям. Смыв кисточкой текст писем Сильвана и оставив только подпись, они написали на них совершенно отличный от прежнего текст, как будто Сильван в двусмысленных выражениях просил и убеждал своих друзей, состоявших при дворе, и частных лиц – в числе их Туск Альбин и многие другие, – помочь в затеваемом им государственном перевороте и посягательстве на верховную власть в скором времени... .5. Этот пакет вымышленных писем, сочиненных с целью погубить невиновного, Динамий передал префекту для представления императору, жадному до расследования подобных дел... Улучив подходящее время, префект, надеясь показать себя бдительным стражем жизни императора, испросил аудиенцию с глазу на глаз... и прочитал ему эти хитро сочиненные письма. Немедленно отдан был приказ взять под стражу трибунов и доставить из провинции частных лиц, имена которых значились в письмах.

6. Командир гентилов Маларих[156], негодуя на эту гнусную интригу, немедленно созвал своих коллег, страшно возмущался и кричал, что преданных империи людей безбожно обходят партийными интригами и обманом. Он просил разрешения немедленно отправиться и привезти Сильвана, который никогда не замышлял того, что приписывают ему его злые враги, причем он предлагал взять в заложники за себя свою семью и представлял поручительство трибуна арматур {*65* } Маллобавда в том, что он вернется, или же предлагал на таких же условиях позволить отправиться Маллобавду, который выполнит то, что он сам брался сделать. 7. Заявлял он также с полной уверенностью, что если не пошлют к Сильвану его соплеменника, то тот, вследствие склонности проявлять опасливость даже в случаях, когда нет ничего угрожающего, может вызвать восстание.

8. Хотя совет этот и был полезен и целесообразен, но речь его была выброшена на ветер. По совету Арбециона послан был вызвать Сильвана с письменным приказом Аподемий, давний и жестокий враг всех хороших людей. Прибыв в Галлию, Аподемий... отступил от данных ему при отъезде предписаний, не повидался с Сильваном, не передал ему письменного приказа возвратиться ко двору, но, пригласив к себе начальника денежной части, стал преследовать клиентов [157]и рабов магистра пехоты (Сильвана) с таким враждебным высокомерием, как будто тот был уже проскрибирован и приговорен к смерти. 9. Пока ждали скорого прибытия Сильвана, а Аподемий производил смуту в Галлии, Динамий, желая подкрепить свою подлую интригу надежными аргументами, переслал от имени Сильвана и Малариха трибуну кремонской оружейной фабрики сочиненное им самим письмо, близкое к тем, которые он доставил императору через префекта. Письмо содержало предписание трибуну как соучастнику тайны поспешить с подготовкой дела. 10. Прочитав это письмо, трибун долго недоумевал, чтобы это значило, так как не мог вспомнить, чтобы авторы письма когда-либо беседовали с ним на подобную тему. И вот он через того же посланца, который принес письмо, приставив к нему одного солдата, отослал письмо

156 **156.** Прим. ред.: Маларих был, как и Сильван, франк родом.

157 **157.** Прим. ред.: Имеются в виду лица, состоящие в определенной имущественной зависимости от Сильвана. Разумеется, здесь не идет речь о древней римской клиентеле.

к Малариху, с настойчивой просьбой объяснить открыто и без загадок, чего он хочет. Он заявлял, что, как человек простой и необразованный, не понимает речей намеками.

11. Маларих, которого продолжали угнетать тяжелые заботы и тревоги за судьбу своего земляка Сильвана, а также и свою собственную, получив это письмо, пригласил к себе франков, которых было много и которые имели силу при дворе, держал перед ними возбужденную речь и жаловался, что интрига, ставшая теперь ясной, направлена против их жизней.

12. Поставленный в известность об этом император повелел произвести следствие по этому делу общей комиссией придворных и всех высших военных чинов. Поскольку судьи не захотели вникнуть в дело, Флоренций, сын Нигриниана, исполнявший тогда обязанности магистра оффиций, тщательно рассмотрев документ, заметил остатки прежних записей и заключил отсюда, что после уничтожения прежнего текста, с злостным умыслом был написан другой. 13. Когда таким образом было разоблачено мошенничество и был представлен точный отчет императору, он приказал, лишив долж-{*66* }ности префекта (Лампадия), отдать его под суд; но усиленное заступничество многих лиц спасло префекта. Евсевий, бывший комит государственных имуществ, показал под пыткой, что эта интрига была ему известна. 14. Эдесий упорно отрицал, что ему было нечто известно по этому делу, и был освобожден от ответственности. Таким образом, дело кончилось освобождением всех причисленных к ответственности по доносу об этом преступлении. А Динамий, как будто он зарекомендовал себя с лучшей стороны, послан был управлять Тусцией в звании корректора[158].

15. Сильван тогда находился в Агриппине[159]и получал непрерывно сведения о том, что затевал на его погибель Аподемий. Зная переменчивый нрав императора и опасаясь заочного осуждения без суда и следствия, он подумывал в своем трудном положении отдаться под защиту варваров. 16. Но ему отсоветовал это Ланиогайз, бывший тогда трибуном, тот самый, о котором я выше сообщал, что он один присутствовал при смерти Константа [160][161], будучи тогда в звании кандидата. Он доказывал Сильвану, что франки, к которым он принадлежал по происхождению, или убьют его, или выдадут за деньги. Не находя из сложившихся обстоятельств никакого выхода, Сильван почувствовал себя вынужденным прибегнуть к последнему средству: тайно переговорив с наиболее влиятельными офицерами и склонив их на свою сторону обещаниями больших наград, он провозгласил себя

158 **158.** Прим. ред.: Корректоры управляли в 4 в. малыми провинциями. Эта должность с середины 4 в. стала вытесняться должностью консуляра.

159 **159.** Ныне Кельн.

160 **160.** Младший брат Констанция, которому имп. Константин предоставил Иллирик, Италию и Африку; после войны со старшим братом, Константином II, в 340 г., Констант завладел всей западной половиной империи и правил до 350 года, когда против него восстал Магненций.

161 **161.** Прим. ред.: Флавий Юлий Констант, младший сын Константина Великого от Фаусты, родился в 323 г. Цезарь с 333 г., Август в 337–350 гг. Погиб во время бегства от Магненция в 350 г.

императором, временно воспользовавшись пурпурными тканями, снятыми с драконов и других знамен[162]. 17. Пока в Галлии происходили эти события, однажды вечером принесено было в Медиолан неожиданное известие о том, что Сильван уже открыто, не довольствуясь своим рангом магистра пехоты, привлек на свою сторону армию и провозгласил себя государем. 18. Констанций был поражен этим известием, словно ударом грома; все сановники были созваны на совет во вторую стражу ночи [163]и поспешили во дворец. Никто ничего не мог ни придумать, ни сказать, и лишь шепотом произнесено было имя Урзицина, человека выдающихся военных талантов, которому безвинно была нанесена тяжкая обида. Немедленно он был приглашен через магистра приемов – что являлось наиболее почетным способом приглашений – и когда он вошел в зал совета, более любезно, {*67* } чем когда-либо прежде, позволено было ему поцеловать пурпур. Этот способ приветствия учредил впервые по обычаю чужеземных царей император Диоклетиан, тогда как ранее государей приветствовали так же как и сановников. 19. И тот, которого недавно резко преследовали, называя его пожирателем Востока и обвиняя в намерении овладеть через своих сыновей верховной властью, был теперь предметом заискиваний как самый опытный полководец, боевой товарищ Константина Великого, единственный, кто может подавить восстание, – что и было правильно, хотя при этом имелись и тайные умыслы, а именно: прилагали все старание сокрушить Сильвана, сильного военной доблестью мятежника, или же, если бы это не удалось, добить пошатнувшегося уже Урзицина, чтобы совсем устранить этого человека, внушавшего большой страх. 20. И вот когда он, принимая спешные меры для ускорения сборов в путь, хотел представить возражение против выставленных против него обвинений, император остановил его любезной речью, что, мол, теперь не время разбирать спорные дела, когда грозные обстоятельства требуют взаимного согласия партии и необходимо предупредить возможность дальнейших осложнений.

21. На совещаниях дело было обсуждено со всех сторон, и особенно тщательно был рассмотрен вопрос о том, каким способом устроить так, чтобы Сильван думал, что император не знает о случившемся. Чтобы сделать это вероятным, сочинили любезный рескрипт, приглашавший его вернуться ко двору, сохранив все свои полномочия и передав командование Урзицину. 22. Когда это было подготовлено, Урзицин получил приказ немедленно выезжать. По его требованию, ему дана была свита из трибунов и десяти протекторов-доместиков для исполнения поручений по государственному делу. Среди них был и я с моим товарищем Веренианом. Все остальные... 23... каждый, боясь за себя, провожали его при отъезде. И хотя нас, словно бестиариев[164], бросали навстречу диким зверям, понимали мы, однако, что бедствия в прошлом

162 **162.** Прим. ред.: Потребность в пурпурных тканях возникла, т. к. пурпурная одежда представляла собой императорскую прерогативу. Эпизод о снятии пурпура со знамен встречается в жизнеописании Гордианов (SHA, v. Gord. 8, 3).

163 **163.** Ночь делилась на четыре стражи, vigiliae, т. е. четыре смены часовых. Вторая стража соответствует приблизительно 9 часам вечера.

164 **164.** Прим. ред.: Бастиарии – гладиаторы, боровшиеся в римских цирках, как правило, с дикими зверями обнаженными или безоружными.

имеют ту хорошую сторону, что за ними следует радость, и восхищались изречением Цицерона, возникшим из глубин истины: «Хотя самым желанным является непрерывное благополучие, но такое правильное течение жизни не дает того чувства, какое появляется, когда мы возвращаемся к благополучию из тяжелого положения и жестоких бед»[165]

24. Итак, мы торопимся, совершая большие переезды, чтобы наш начальник прибыл в подозрительные области раньше, чем в пределах Италии мог бы распространиться какой-либо слух о по-{*68* }явлении самозванца. Но как мы ни спешили, летевшая пред нами словно на крыльях молва выдала нас и, прибыв в Агриппину, мы нашли дело в состоянии, уже не соответствовавшем нашим замыслам. 25. Отовсюду стекалось множество народа, все спешили поддержать Сильвана, стянуто было много войск. В данных обстоятельствах казалось более подходящим, чтобы наш начальник смиренно подделался под мысли и желания нового государя, для вида увеличив его силы своим ложным присоединением. Таким способом можно было надеяться, усыпив его осторожность разными прикрасами лести, провести его, не вызывая в нем никаких подозрений. 26. Удача этого плана представлялась весьма сомнительной, так как приходилось с величайшей осторожностью поджидать удобного момента, не опередив его и не упустив. Если бы наши намерения обнаружились не вовремя, то было бы ясно, что все мы разом будем обречены на смерть.

27. Наш командир был принят весьма любезно; подчиняясь обстоятельствам, он преклонил на торжественном приеме колени перед возгордившимся, облеченным в пурпур самозванцем. Сильван оказывал ему большое уважение и обращался с ним, как с близким другом. Свободно допуская его к себе и приглашая к императорскому столу, Сильван стал приглашать его на тайные совещания относительно способов достижения единовластия. 28. Он жаловался на то, что недостойных людей возвышают до консулата и высших постов, а что он сам и Урзицин после многих тяжких трудов, перенесенных на благо государству, попали в такую немилость, что сам он был позорно оскорблен следствием над друзьями и обвинен в оскорблении величества, а Урзицин отозван с Востока и предан ненависти своих врагов. Эти жалобы он повторял не раз и с глазу на глаз, и публично. 29. Такие шли разговоры, а нас между тем все более пугал доносившийся отовсюду ропот солдат, которые жаловались на нехватку всего и горели желанием форсировать со стремительной быстротой теснины Коттиевых Альп[166].

30. При этом опасном настроении умов мы обсуждали на тайных совещаниях способ привести в исполнение наш план; не раз менялись решения под воздействием страха, и мы остановились наконец на следующем. Тщательно отыскали мы осторожных исполнителей дела и, взяв с них клятву, стали склонять на свою сторону бракхиатов и корнутов[167]которые не отличались особенной верностью и которых можно было за высокую плату склонить к чему угодно. 31. Таким образом дело

165 **165.** Cic. ad Quir. p. red. I 2.

166 **166.** Прим. ред.: Т. е. вторгнуться в Италию.

167 **167.** Названия отрядов.

было совершено через по-{*69* }средников из простых солдат, которые подходили для такого дела даже своей безвестностью и были подкуплены обещанием щедрой награды. И вот внезапно, на первом рассвете едва забрезжившего утра, собрался отряд вооруженных людей и, проявляя, как это обыкновенно бывает в рискованных предприятиях, невероятную дерзость, проник во дворец и перебил стражу. Сильван спрятался от страха в часовне; его вытащили оттуда и, когда он попытался укрыться в месте собраний христианской общины, зарубили мечами.

32. Так окончил свою жизнь полководец, имевший за собой немалые заслуги. Интриги преступников опутали его, когда он отсутствовал, и, чтобы спасти свою жизнь, он решился на крайнее средство. 33. Констанций был ему очень обязан за переход на его сторону во главе тяжеловооруженной конницы перед битвой при Мурзе[168]но Сильван опасался неустойчивости и непостоянства Констанция, хотя имел за себя громкие дела отца своего Бонита, который, будучи франком по происхождению, много раз сражался в междоусобной войне против партии Лициния на стороне Константина.

34. Еще до этих событий, разыгравшихся в Галлии, в Риме в цирке однажды – неизвестно, на основании ли каких-либо данных или просто по предчувствию, – раздались громкие крики: «Сильван побежден!»

35. Гибель Сильвана в Агриппине, как я о ней рассказал, преисполнила императора радостью, и так как главными чертами его характера были гордость и чванство, то он приписал эту удачу исключительно своему счастью: совершавших храбрые дела людей он всегда ненавидел, как Домициан, и старался перещеголять каким-либо качеством, не имеющим отношения к личному мужеству. 36. Он был настолько далек от мысли похвалить за успешное выполнение дела, что обронил в своем письме несколько слов о захваченных будто бы галльских сокровищах, которых никто не касался. Он отдал приказ произвести строжайшее следствие, допросив Ремигия, который был тогда казначеем при нашем начальнике. Этот самый Ремигий позднее при Валентиниане был казнен через повешение по делу о триполитанском посольстве[169]37. По окончании этого дела Констанций стал еще более чваниться, словно он сравнялся с небом и повелевает судьбою; его превозносили льстецы, число которых он преумножал, выказывая презрение недостаточно искусным и отстраняя их от себя. Про Креза читали {*70* } мы, что он прогнал из своего царства Солона за неумение льстить[170], и Дионисий угрожал смертью поэту Филоксену [171]за то, что тот, когда Дионисий читал свои плохие и нескладные стихи, и все их хвалили, единственный не выразил никакого одобрения. 38. Лесть – кормилица всяких пороков.

168 **168.** Ныне Эссек на Драве в Венгрии. Здесь произошла 28 сентября 351 г. большая и страшно кровопролитная битва между войсками Констанция и Магненция. Победа осталась на стороне Констанция. Zos. II 42–54.

169 **169.** 28, 6; 30, 2, 9–12.

170 **170.** Прим. ред.: Относительно лидийского царя Креза и визита к нему афинского мудреца Солона см. Геродот, 1, 33.

171 **171.** Прим. ред.: Имеется в виду Дионисий Старший, тиран Сиракуз в 405–367 гг. до н. э. Филоксен из Киферы (ок. 434 – ок. 380 гг. до н. э.) – дифирамбический поэт; по преданию за критику Дионисия сослан им в каменоломни.

Только такая хвала должна быть угодна властителю, когда может оказаться место и для осуждения за нехороший поступок.

6.

1. По восстановлении спокойствия начались, как обычно, сыски, и многие, словно преступники, были закованы в оковы и цепи. В дикой радости вознесся Павел, этот дьявольский доносчик, и дал широкий простор своим ядовитым козням. Следствие по делу вели гражданские и военные чины императорского совета, и было приказано подвергнуть пытке Прокула, доместика [172]Сильвана, человека слабого физически и болезненного. Всех охватил страх, как бы он, под воздействием на слабое тело страшной муки пыток, не обвинил в тяжких преступлениях всех без разбора. Но вышло совсем иначе, чем ожидали. 2. Помня о сне, в котором ему было запрещено, как он утверждал, давать показания против кого-либо невиновного, он не назвал и не выдал никого, хотя и был замучен до полусмерти. Упорно оправдывал он деяние Сильвана и давал самые неопровержимые доказательства того, что не честолюбие, а необходимость вынудила его замыслить то, на что он посягнул. 3. Он выставлял аргумент, удостоверенный показаниями многих, а именно: за пять дней до того, как Сильван возложил на себя императорскую повязку, он выдал жалование войску от имени Констанция и обратился с речью к солдатам, внушая им быть храбрыми и сохранять верность. Было ясно, что если бы он собирался посягнуть на императорский венец, то раздал бы эту большую сумму золота от своего имени.

4. После Прокула осужден был на смертную казнь Пэмений. Выше было рассказано о нем, что когда тревирцы заперли ворота своего города перед Цезарем Деценцием, он возглавил организацию обороны[173]Затем казнены были комиты Асклепиодот, Луттон, {*71* } Маудион и вместе с ними многие другие, так строго в те времена преследовались дела, подобные описанному.

7.

1. Пока свирепствовала эта буря бедствий, в Вечном городе правил Леонтий, показавший себя образцовым судьей. Скорый в допросах, весьма справедливый в разбирательствах, он отличался по самой своей натуре благожелательностью, хотя своей заботой о сохранении авторитета казался некоторым строгим и слишком расположенным к обвинительным приговорам.

2. Первый повод к бунту против него был самый пустой и ничтожный. Он приказал взять под стражу возницу Филорома. Собравшаяся на его защиту чернь, стремившаяся вырвать из рук властей своего любимца,

172 **172.** При всех высших чинах, особенно военного звания, состояли доместики, начальники личной охраны и ближайшие доверенные. Институт этот – германского происхождения; из него выросли мажордомы франкских королей.

173 **173.** В недошедшей до нас части сочинения. – Деценций – брат претендента Магненция, с которым Констанций боролся с 351 по 353 год. Магненций назначил своих братьев Дезидерия и Деценция Цезарями. Деценций правил в Галлии и в 353 г., будучи разбит аламаннским царем Хонодомарием, лишил себя жизни.

бушевала и наступала на префекта, считая его робким человеком. Но тот, твердый и решительный, направил в толпу своих служителей, схватил несколько человек, подверг их пытке и покарал ссылкой на острова[174]Никто не посмел возмущаться и оказывать сопротивление. 3. Несколько дней спустя чернь проявила опять свой обычный буйный дух под предлогом недостатка вина. Толпа собралась к Септемзодию, знаменитому строению, где император Марк (Аврелий) воздвиг великолепный Нимфей[175]Туда направился префект. Друзья его и стража горячо уговаривали его не показываться наглой и угрожающей толпе, которая к тому же была ожесточена еще с прошлого бунта. Не зная чувства страха, он прямо въехал в толпу, причем его покинула часть свиты, поскольку он шел на очевидный риск. 4. С полным самообладанием посмотрел он острым взглядом с колесницы на лица отовсюду напиравшей взволнованной толпы, словно в глаза змей, и выслушал множество оскорблений. Тут он узнал возвышавшегося над другими человека огромного роста с рыжими волосами и спросил его, не он ли Петр по прозвищу Вальвомер. Когда тот дерзким голосом дал утвердительный ответ, префект, узнав в нем давно известного ему зачинщика беспорядков, приказал, несмотря на громкий протест множества людей, скрутить ему руки за спиной и в таком виде подвесить. 5. Когда его на глазах у всех подняли на высоту, и он тщетно взывал о помощи к товарищам, толпа, только что напиравшая, рассыпалась по всему городу и исчезла. Зачинщик волнения тут же был подвергнут телесному наказанию, как будто перед {*72* } судейским трибуналом, и сослан в Пицен. Позднее он там обесчестил знатную девушку и по приговору консуляра Патруина был приговорен к смертной казни.

6. В правление того же Леонтия Констанций отдал приказ прислать на главную квартиру христианского епископа Либерия как оказавшего неповиновение повелениям императора и решению большинства епископов. Я расскажу вкратце об этом деле. 7. Тогда в Александрии был епископ Афанасий, который считал себя более значительным, чем имел на то право, и совался не в свои дела, как то подтверждали упорные слухи. Съезд многих епископов – христиане называют его синодом – лишил его сана. 8. О нем рассказывали, что, обладая большими познаниями в искусстве предсказания и разных тонкостях авгурской науки, он несколько раз предсказывал будущее. Кроме того ему вменяли в вину другие отступления от предписаний веры, которую он представлял. 9. Либерий должен был подтвердить своей подписью вместе с другими низложение Афанасия с епископского трона. Несмотря на приказ императора и вопреки уговорам, он упорно отказывался это сделать и не раз громко заявлял, что считает величайшей несправедливостью осудить человека, не увидев и не выслушав его. Таким образом, он открыто сопротивлялся императорской воле. 10. Хотя император знал, что Афанасий, к которому он всегда относился враждебно, уже низложен, тем не менее, он настойчиво желал, чтобы это низложение было подтверждено высшим авторитетом епископа Вечного города. И все-таки

174 **174.** Insulari poena multavit – ссылка на острова, как уголовная кара, появилась в начале императорского режима и вошла позднее в число уголовных наказаний.

175 **175.** Т. е. фонтан. – Septemzodium, очевидно, то же самое, что Septizonium. Сооружений с таким названием было в Риме несколько. Suet., v. Titi, 2; Capit. Sev., 19.

он этого не добился; а Либерий с большими трудностями был увезен из города ночью из-за страха перед народом, который был к нему очень расположен.

8.

1. Итак, вот что происходило, как я рассказал, в Риме. А Констанция беспокоили постоянные известия о том, что галльские провинции на краю гибели, так как варвары, не встречая никакого отпора, разоряют и уничтожают все. Долго он раздумывал, как справиться ему с этим бедствием и остаться при этом самому в Италии, как он того хотел, считая опасным удаляться на отдаленную окраину. Наконец он нашел правильный выход из положения, а именно: задумал взять в соправители своего двоюродного брата Юлиана, который недавно был вызван из Ахайи [176]и носил еще греческий плащ. 2. Обеспокоенный грозящими бедствиями, Констанций поделился этой мыслью с ближайшими к нему людьми и открыто признался – чего никогда раньше не делал, – что изнеможет в своем одиночестве от стольких и столь частых несчастий; а те, привычные к изысканному подобострастию, сбивали его с { *73* } толка, утверждая, что нет ничего столь трудного, чего бы не одолели, как всегда дотоле, его великая доблесть и его неземное счастье, а многие, сознавая за собой разные провинности, добавляли, что следует впредь опасаться титула Цезаря и напоминали о случившемся при Галле.

3. Их настойчивым наветам оказала противодействие лишь императрица. Трудно сказать, из боязни ли дальнего путешествия, или вследствие врожденного разумного понимания государственных интересов она всем заявляла, что необходимо предпочесть родственника. После долгого обсуждения, принято было твердое решение, оставлены были пустые споры и решено было принять Юлиана в соправители. 4. Когда он появился в назначенный заранее день, созваны были все войска, император взошел на высокий трибунал, окруженный орлами и знаменами, и, держа Юлиана правой рукой, произнес такую речь милостивым тоном.

5. «Мы стоим перед вами, славные защитники отечества, по делу, которое одинаково касается всех, и я расскажу вам его вкратце, как перед справедливыми судьями. 6. После гибели бунтовщиков, которых подвигло на их посягательства бешеное безумие, варвары, словно совершая римской кровью поминки по их нечестивым теням, нарушив мир на границах, разоряют области Галлии. Их наглость находит себе поддержку в том, что тяжелые обстоятельства удерживают нас в отдаленных от тех мест пределах. 7. Это бедствие касается уже вовсе не только пограничных местностей. Если мы сойдемся с вами в твердой решимости дать отпор, пока есть еще время, то вынудим дерзкие племена склонить свою голову, и неприкосновенными пребудут границы империи. Остается только, чтобы вы осуществили надежду, которую я питаю. 8. Я хочу предоставить власть Цезаря Юлиану, моему, как вы знаете, двоюродному брату; его скромность, делающая его столь же дорогим мне, как и мое с ним родство, стяжали ему признание, и в нем виден молодой человек

176 **176.** Прим. ред.: Имеется в виду римская провинция Ахайя, образованная в 146 г. до н. э. и включавшая в себя Македонию и Грецию, где в это время учился Юлиан.

выдающейся энергии. Свое желание сделать его соправителем я ставлю в зависимость от вашего согласия, если вы считаете это полезным для отечества».

9. Он пытался говорить и дальше, но крики одобрения со стороны всего собрания прервали его; как бы в предвидении будущего, раздавались возгласы о том, что это решение самого верховного божества, а не человеческого разума. 10. Неподвижно стоял император, ожидая, пока установится тишина и уже с большей уверенностью продолжал свою речь так: «Так как ваш радостный крик свидетельствует о вашем одобрении, то пусть взойдет на высшую ступень почета молодой человек, обладающий спокойствием духа и мощной энергией, моральные качества которого достойны подражания и не требуют хвалы. Его превосходные дарования, развитые { *74* } научным образованием, отметил я достаточно, как кажется, уже тем, что выбрал его. Итак, я облеку его в императорское одеяние, уверенный в видимом указании перста Божия».

11. После этих слов он облачил Юлиана в дедовский пурпур и провозгласил его при ликовании всего войска Цезарем. С выражением серьезной сосредоточенности на лице стоял Юлиан, когда император обратился к нему с такими словами. 12. «Ты получил, мой возлюбленнейший брат, во цвете своей юности блистательнейшее отличие твоего рода. Я признаю в этом преумножение блеска моей собственной славы: то, что я справедливо предоставляю моему знатному родственнику верховную власть, более возвеличивает меня, нежели то, что я сам обладаю этой властью. 13. Итак, раздели со мной опасности и труды, прими на себя управление и охрану Галлии и постарайся всяческими добрыми деяниями облегчить тяжелое положение этих областей. Если будет необходимо схватиться с врагом, твердой стопой становись среди самих знаменоносцев, придавай бодрость нападающим на врага, когда это нужно, поощряй сражающихся, выступая сам вперед, соблюдая, конечно, осторожность; приходи на помощь дрогнувшим, скажи вовремя слово порицания робеющим и будь как для храбрых, так и для трусов беспристрастным свидетелем их поведения в бою. Иди же, храбрый муж, так как опасность наступила, и веди за собой таких же храбрецов! Связанные прочными узами любви, мы будем помогать друг другу, будем вместе воевать и с равным участием и благожеланием будем править умиротворенной вселенной, если только Бог пошлет свое соизволение в ответ на наши молитвы. Для меня ты будешь всегда со мной, и я буду с тобой во всех твоих делах. Шествуй, шествуй же, напутствуемый обетами всех нас! Спеши, чтобы ревностной заботой отстоять доверенный тебе самим отечеством пост!»

15. Никто уже не хранил молчания после этих слов императора. Страшный шум подняли солдаты, ударяя щитами по наколенникам – это знак полного одобрения, в то время как, напротив, удар копьем о щит служит выражением гнева и скорби, – с невероятным ликованием одобрили все, за исключением очень немногих, решение императора и с восторгом глядели на Цезаря, стоявшего перед ними во блеске императорского пурпура. 16. Вглядываясь в его глаза, ласковые, но в то же время и властные, в его благообразные черты лица, старались прочитать на них, каков он будет, как будто изучали древние книги, знакомство с которыми позволяет определить характер человека по его наружности. Похвалы, которые ему при этом воздавали, сохраняя должное почтение, не переходили границ и не были ниже того, что

приличествовало ему: можно было подумать, что слышишь голоса цензоров, а не солдат. 17. При-{*75* }глашенный взойти вместе с императором на колесницу по дороге во дворец, он шептал про себя стих Гомера: –

«Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь» [177]

Событие это произошло 6-го ноября в год консульства Арбециона и Моллиана[178]18. Несколько дней спустя совершено было бракосочетание Цезаря с Еленой, сестрой Констанция, а затем, когда закончены были все приготовления, которых требовал спешный отъезд, Юлиан с небольшой свитой отправился в путь 1-го декабря. Август проводил его до места расположения двух колонн, между Лаумеллом (Лаумелло) и Тицином (Павия). Юлиан доехал, но останавливаясь, до Тавринов (Турин). Здесь ему сообщили тревожное известие, которое было получено при дворе незадолго до его отъезда, но намеренно скрыто от него, чтобы не вносить изменения в задуманный план. 19. Известие это состояло в том, что Колония Агриппина, весьма важный город Второй Германии [179]после упорной осады была взята огромными силами варваров и разрушена. 20. Юлиан был поражен этой вестью как предзнаменованием грядущих бедствий, и окружающие его слышали, как он про себя сетовал, что своим возвышением достиг лишь права умереть в хлопотах. 21. При его прибытии в Виенну люди всех возрастов и положений устремились к нему навстречу, чтобы приветствовать его как желанного и храброго правителя. Весь народ и все население окрестных мест, завидев его еще издали, обращались к нему, называя его милостивым и несущим счастье императором, и все с восторгом взирали на приезд законного государя: в его прибытии видели исцеление всех бед и кричали, что когда дело стало на край гибели, явился гений-спаситель. 22. Когда в это время одна слепая старуха спросила, кто прибыл, и ей сказали: «Цезарь Юлиан», то она воскликнула: «Он восстановит храмы богов!»

9.

1. Так, используя выражение величавого мантуанского певца[180]

«Больших событий чреда для меня зачинается ныне,

Бóльший подъемлю я труд» –,

я считаю уместным рассказать о географическом положении галльских областей, чтобы при описании быстрых походов и разнообразных случайностей военных событий, объясняя что-либо не-{*76* }которым неизвестное, не оказаться похожим на нерадивых матросов, которым приходится чинить поврежденные паруса и канаты при буре и волнении, хотя можно было все это свободно сделать раньше.

2. Древние писатели, не имевшие определенных сведений о происхождении галлов, оставили лишь неясные сообщения. Но позднее

177 **177.** Hom. Il. 5, 83.

178 **178.** 355 год.

179 **179.** Прим. ред.: Две германские провинции образованы при имп. Домициане в 90 г.

180 **180.** Verg. Aen. 7, 44. – Перевод Фета.

Тимаген [181]с греческой тщательностью и на греческом языке собрал из разных книг данные, долго остававшиеся неизвестными. Полагаясь на него, я изложу с полной ясностью и определенностью собранные им сведения. 3. Некоторые авторы утверждали, что в тех краях существовало местное население, которое названо было по имени своего любимого царя кельтами, а по имени его матери – галатами, – так и теперь называют греки галлов; другие, что дорийцы последовали за древним Геркулесом и населили местности, соседствующие с океаном. 4. Дразиды (друиды) рассказывают, что часть народа действительно была коренным населением, но стеклись также пришельцы с отдаленных островов и из зарейнских областей, которые были изгнаны со своей родины частыми войнами и разливами бушующего моря. 5. Некоторые говорят, что после разрушения Трои, рассеявшиеся повсюду греки в небольшом числе заняли эти местности, бывшие тогда незаселенными. 6. А местные жители более всего склоняются к другому преданию, и я сам читал его в виде надписей, высеченных на памятниках в Галлии. Сын Амфитриона, Геркулес[182], спешил, чтобы сразиться со свирепыми тиранами Герионом и Тавриском[183], из которых первый терзал Испанию, второй – Галлию. Победив обоих, он сходился с благородными женщинами и имел много детей, которые и назвали страны, где они повелевали, своими именами. 7. Азиатский народ из Фокеи, убегая от свирепого Гарпала, наместника царя Кира[184], направился на судах в Италию. Часть этих беглецов основала в Лукании Велию, другая в Виеннской области – Массилию. Затем в следующие века, увеличившись по численности своего населения, они основали немало городов. Но достаточно этих различных мнений, которые невольно вызывают даже чувство досады. 8. Когда люди постепенно освоились в этих местах, у них возникли занятия науками, начало которым положили барды, евгаги и дразиды. Барды воспевали храбрые подвиги славных мужей в эпических стихах под сладкие звуки лиры; евгаги предавались исследованию явлений и тайн природы и пытались их объяснить. Превосходя умом тех и других, дразиды, составив союзы, как было установлено авторитетом Пифагора, поднялись до исследования высоких и таинственных вещей; с презрением относясь к земному, они провозгласили бессмертие души. {*77*}

10.

1. Будучи окружена крутыми горами, покрытыми вечными снегами, территория Галлии оставалась за исключением прибрежных областей

181 **181.** Прим. ред.: Тимаген из Александрии, живший в Риме во времена Августа, перу которого принадлежали не дошедшие до нас «История Александра Великого» и «История кельтов».

182 **182.** Прим. ред.: По преданию, Геркулес (лат. форма греч. «Геракл») был сыном Зевса и Алкмены, жены Амфитриона, царя Фив. {529}

183 **183.** Прим. ред.: Герион – трехглавый великан с острова Эритейя на западном краю земного круга, владевший угнанным Гераклом стадом быков. Упоминание о Тавриске встречается только у Аммиана Марцеллина.

184 **184.** Прим. ред.: Гарпал (Гарпаг), наместник персидского царя Кира (ум. в 529 г. до н. э.) покорил ионийские города в малой Азии.

почти неизвестной жителям остальных частей Земли, так как со всех сторон ее окружают природные, но словно воздвигнутые искусством, преграды. 2. С юга она омывается Тирренским и Галльским морями; со стороны, где она смотрит на Медведицу[185], она отделена волнами Рейна от диких народов; где обращена к западным созвездиям, ее окружает океан и высокий Пиренейский хребет; где страна поднимается к востоку, она упирается в Коттиевы Альпы. Когда уже все галлы были покорены, царь Коттий один скрывался в ущельях, полагаясь на их неприступность, наконец смирившись, он был принят в качестве друга императором Августом и в благодарность за милость предпринял большие сооружения для устройства прямых и удобных для путников дорог, которые проходят посередине между другими, издревле известными Альпами, и о них я позднее расскажу то, что мне удалось точно узнать. 3. В этих Коттиевых Альпах, которые начинаются от города Сегузиона [186]поднимается высокий хребет, через который можно перебраться только с опасностью для жизни.

4. Если двигаться со стороны Галлии, то этот хребет круто спускается вниз, представляя грозный вид со своими нависающими с обеих сторон скалами. Переход по его обрывающимся в пропасть ущельям особенно страшен в весеннее время, когда от теплых ветров тает лед и растапливаются снега: ступая неверным шагом по скрытым под надвинувшимися льдинами прогалинам, люди, животные и повозки проваливаются в бездну. Чтобы избежать гибели, найден один только способ: к повозкам привязывают крепкие канаты, позади ставят лошадей или быков, при помощи которых и спускают повозки шаг за шагом, уменьшая тем самым опасность. Так бывает, как я сказал, весной. 5. А зимой, когда скованная морозом земля покрывается гладким слоем льда и становится скользкой, спускающиеся скатываются по уклону, и обширные ущелья, прикрытые на всем своем протяжении обманчивым снегом, пожирают иной раз путников. Потому-то знакомые с местностью люди отмечают более надежные места, устанавливая деревянные столбы, чтобы путник мог безопасно ориентироваться по ним. Если же эти столбы завалит снегом или снесет с дороги горным потоком, то можно лишь с трудом выбраться при помощи проводников из местных жителей. 6. От высшей точки подъема со стороны Италии {*78* } простирается равнина шириной в семь миль до станции Марс, а затем поднимается другая крутая гора, еще более высокая и труднопроходимая, до вершины Матроны [187]– имя это дал месту несчастный случай с одной знатной женщиной. Отсюда идет крутой, но более удобный путь до укрепления с названием Вирганция [188]7. Гробница царька, соорудившего, как я сказал, эту дорогу, находится вблизи стен Сегузиона, и его память чтят по двум основаниям: за то, что он был весьма справедливый правитель, и за то, что, став союзником римской державы, обеспечил вечный мир своему племени.

185 **185.** Прим. ред.: Т. е. с севера.

186 **186.** Ныне Суза.

187 **187.** Ныне Mont Genèvre.

188 **188.** Ныне Бриансон.

8. Хотя этот путь, лежащий посередине, самый прямой и наиболее оживленный, но есть и другие, сооруженные много раньше в разные времена. 9. Первый из них проложил фиванец Геркулес поблизости от приморских Альп, когда он, как я уже упоминал, медленно двигался, собравшись погубить Гериона и Тавриска. Эти Альпы он и назвал Морскими. Он также соорудил крепость и гавань Монэка [189]на вечную о себе память. Много столетий спустя Пэнинские Альпы получили свое название по следующей причине. 10. Когда Публий Корнелий Сципион, отец Старшего Африкана, направлялся на помощь славным своими несчастьями и своею верностью сагунтинцам[190], которых теснили упорной осадой карфагеняне, то стал переправлять в Испанию флот, на который посажена была большая армия. Но так как Сагунт тем временем был взят силой и разрушен, и Сципион не мог настигнуть направлявшегося в Италию Ганнибала, который за три дня до его высадки переправился через Родан[191]то он быстро сделал небольшой переезд обратно по морю, чтобы наблюдать у лигурийского города Генуи за Ганнибалом, когда тот будет спускаться с гор, и если представится случай, сразиться с ним на равнине, не дав ему времени оправиться после трудного перехода через горы. 11. Но, правильно понимая интересы государства, он приказал направиться в Испанию своему брату Гнею Сципиону, чтобы тем воспрепятствовать Газдрубалу привести в исполнение свое намерение выступить оттуда вслед за Ганнибалом. Ганнибал узнал от перебежчиков о планах Сципиона; быстро и находчиво оценив положение, он направился, взяв проводников у тавринов, через область трикасинов вдоль границы с воконцами в Трикорийские горы. Оттуда он проложил новый путь, по которому раньше никто не ходил. При этом он взрывал огромные скалы страшной высоты, раскаляя их большим пламенем и поливая {*79* } затем уксусом. Он перешел через реку Друэнцию [192]трудную для переправы из-за водоворотов, и попал в этрусскую область. На этом я окончу описание Альп и перейду к остальной территории.

11.

1. В древности, когда те страны, как варварские, были совершенно неизвестны, они делились, как рассказывают, на три части по национальности населения: кельты, они же галлы, аквитаны и белги, различавшиеся по языку, обычаям и законам. 2. Галлов или кельтов от аквитанов отделяет река Гарумна (Гаронна), которая, беря начало в Пиренейских горах, минует в своем течении многие города и впадает в океан. 3. От белгов отделяет их Матрона (Марна) и Секвана (Сена), реки, равные по своей величине. Протекая по Лугдунской провинции и окружив, словно остров, крепость паризиев Лутецию (Париж), они сливаются и у крепости Констанции (Гарфлер) впадают в море. 4. Самыми

189 **189.** Ныне Монако.

190 **190.** Прим. ред.: Пересказываются события 2-й Пунической войны.

191 **191.** Ныне Рона.

192 **192.** Ныне Durance.

храбрыми считались у древних белги, так как они были дальше всех от культурных стран, не знали изнеживающего влияния привозных благ и долго боролись с зарейнскими германцами. 5. Наоборот, аквитаны, к берегам которых благодаря их близости и доступности, привозятся чужеземные товары, смягчились в своих нравах и легко были покорены римлянами. 6. С того времени, как после непрерывных войн [193]Галлия подчинилась диктатору Юлию Цезарю, страна эта была разделена на четыре провинции: Нарбоннская включала в себя область Виенны и Лугдунума, другая охватывала всех аквитанов; Верхняя и Нижняя Германии и белги образовывали в то время две юрисдикции. 7. В настоящее время в Галлии существуют следующие провинции. Первой областью, начиная с востока, является Вторая Германия; ее защищают большие и богатые города Агриппина (Кельн) и Тунгры (Тонгерн). 8. Затем следует Первая Германия, где в числе других городов находятся Могонциак (Майнц), Вангионы (Вормс), Неметы (Шпейер) и Аргенторат (Страсбург), прославленный поражениями варваров. 9. За этими областями простирается Первая Белгика с городами Медиоматрики (Мец) и Тревиры (Трир), славная резиденция государей. 10. Граничит с нею Вторая Белгика, где находятся в числе других городов Амбианы (Амиен), Кателауны (Шалон на Марне) и Ремы (Реймс). 11. В области секванов мы встречаем наиболее значительные города: Бизонтии (Безансон) и Равраки (Аугст). Первую Лугдунскую провинцию украшают города: Лутдун (Лион), Кабиллон (Шалон на Соне), Сеноны (Санс), Би-{*80* }туриги (Бурж) и огромная старинная крепость Августодун (Отен). 12. Во Второй Лугдунской провинции замечательны города: Ротомаги (Руан), Турины (Тур), Медиолан (Эврё) и Трикасины (Труа). В провинциях Альпы Грайские и Пэнинские, кроме других менее замечательных городов, находятся... Авентик (Аванш), запустевший в настоящее время, но не лишенный значения в прежнее, как свидетельствуют о том полуразрушенные теперь здания. Таковы провинции и знаменитые города Галлии.

13. В аквитанской области, которая обращена к Пиренейским горам и той части океана, которая омывает Испанию, первая провинция – Аквитания, прославленная своими большими городами. Не говоря о многих других, замечательны здесь Бурдигала (Бордо), Арверны (Клермон), Сантоны (Сентонж) и Пиктавы (Пуатье).

14. Провинция Новемпопулана известна городами Ауски (Ош) и Вазаты (Базас). В Нарбонской провинции первое место среди городов занимают Элуза, Нарбона и Толоза (Тулуза). В Виеннской провинции очень много прекрасных городов; наиболее замечательны из них сама Виенна, Арелат (Арль) и Валенция (Валанс). К ним присоединяется Массилия (Марсель), которая, как мы читаем, не раз оказывала поддержку Риму в трудные времена его жизни, пребывая с ним в союзе. 15. Поблизости от этих городов лежат Саллувии, Никея (Ницца), Антиполь (Антиб) и Стехадские острова.

16. Так как в своем последовательном рассказе я дошел до этих мест, то неудобно и неловко было бы ничего не сказать о знаменитой реке Родан. Вытекая обильным истоком из Пэнинских Альп и в стремительном падении вниз к более ровным местам, скрывает она своей массой воды

193 **193.** Прим. ред.: 58–51 гг. до н. э.

берега и впадает в озеро по имени Леманн (Женевское); проходя его, она не смешивается с другими водами, пробиваясь по поверхности более медленной воды озера и, ища выхода, прокладывает себе путь мощным стремлением. 17. Затем, ничего не теряя в своей массе воды, река направляется через Сапаудию (Савойя) и землю секванов; в дальнейшем своем течении касается левым берегом провинции Виеннской, а правым – Лугдунской; затем после множества извивов она принимает реку Арар, которую называют также Савконной (Сона), берущую начало в Первой Германии. Место их слияния есть начало Галлии. Отсюда расстояния измеряются не в милях а в левгах[194]. 18. До этого места по Родану, ставшему полнее от пришлой воды, могут подниматься очень большие корабли, которые нередко страдают от бурь. Закончив свое течение в положенных природой пределах, Родан, пенясь, вливается в Галльское море через широкий лиман, {*81* } который называется Ad gradus (Грас), на расстоянии почти 18 миль от Арелата. На этом я закончу описание страны. Теперь я расскажу о внешности и обычаях населения.

12.

1. Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы; взгляд у них живой и угрожающий; они страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы. Когда один из них поссорится с другим, и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил. 2. Голос у большинства звучит резко и угрожающе, спокойно ли они говорят, или сердятся; все они вообще опрятны и чистоплотны, и в тех областях, а особенно у аквитанов, редко можно встретить даже самую бедную женщину в лохмотьях, как в других местах. 3. Для военной службы годятся у них люди любого возраста, и равным образом выступает в поход как старик, так и юноша, поскольку они закалены морозом и непрестанным трудом и способны вынести много трудных испытаний. Никогда у них не бывает случая, чтобы кто-нибудь из страха перед военной службой отрубил себе большой палец на руке, как случается это в Италии, где таких людей зовут по-местному murci[195]. 4. Они большие любители вина и умеют готовить различные похожие на вино напитки. Некоторые из них, принадлежащие к низшим слоям населения так одурманивают себя постоянным опьянением, которое Катон определил в известном изречении как вид добровольного помешательства, что начинают метаться в разные стороны; таким образом, находит себе подтверждение замечание Цицерона в его речи за Фонтейя: «Придется галлам пить вино, примешивая больше воды, что они считают ядом»[196].

5. Эти области, особенно граничащие с Италией, постепенно без

194 **194.** Прим. ред.: В то время, как римская миля равнялась 1000 двойных шагов, т. е. 1480 м, галльская левга (лига) составляла 2250 м.

195 **195.** Прим. ред.: Т. е. увечный, калека.

196 **196.** Прим. ред.: Цицерон, «В защиту Фонтейя» 4, 9.

большого труда попали под власть Рима. Первые шаги в этом направлении сделал Фульвий; далее повел дело в незначительных битвах Секстий; наконец совершенно подчинил их Фабий Максим [197]Полная победа, когда разгромлено было суровое племя аллоброгов, дала Фабию прозвище по этому имени (Allobrogicus). 6. Всю Галлию за исключением некоторых недоступных вследствие болот местностей, {*82* } связал, по свидетельству Саллюстия[198], вечными договорами с нашим государством Цезарь в консульство Сульпиция и Марцелла после взаимных потерь и поражений в течение десяти лет войны. Я сделал большое отступление и вернусь, наконец, к своему повествованию.

13.

1. После того как Домициан погиб ужасной смертью[199]его преемник Музониан управлял Востоком в звании префекта претория. Он был знаменитым оратором на греческом и латинском языках. За это он и поднялся выше, чем можно было ожидать. 2. Когда Константин хотел точнее ознакомиться с сектами манихеев [200]и тому подобными, и не удавалось найти подходящего переводчика, он остановился на Музониане, которого ему рекомендовали как подходящего человека. После того, как тот хорошо справился с этим поручением, император даровал ему имя Музониан, а до этого он звался Стратегием. Затем, последовательно проходя почетные звания, он дошел до префектуры. Человек он был разумный, сносный для вверенных ему провинций правитель, мягкий и ласковый; но при малейшей возможности и особенно в процессах – что самое гнусное – проявлял страшное корыстолюбие. Это обнаружилось как во многих других случаях, так с особенной очевидностью на следствии о смерти Феофила, консуляра Сирии[201]который из-за предательства Цезаря Галла, был растерзан набросившейся на него толпой черни. Тогда были осуждены бедняки, которые могли доказать свое отсутствие в то время, а богатые, действительно виновные в этом деле, отдав свое состояние, вышли из-под суда оправданными. 3. С Музонианом равнялся Проспер, командовавший армией, заняв место магистра конницы (Урзицина), пребывавшего тогда в Галлии; человек, постыдно бездеятельный и, по слову комика, открыто грабивший, пренебрегая уловками воров[202]4. Оба эти человека

197 **197.** Марк Фульвий Флакк вел войну в южной Галлии в 125–124 гг. до Р. Х., Гай Секстий Кальвин – в 123–122, Квинт Фабий Максим победил аллоброгов и арвернов в 121 г. В результате этих войн появилась провинция – Gallia Narbonensis от имени колонии Narbo Martius, основанной в 118 г. до Р. Х.

198 **198.** Прим. ред.: Знаменитый римский историк, современник Цезаря.

199 **199.** 14, 7, 16.

200 **200.** Прим. ред.: Дуалистическое религиозное направление, основанное в 3 в, персидским пророком Мани, с которого по преданию живым содрали кожу. В 3–4 вв. распространилось в Сирии, Северной Африке и Италии.

201 **201.** 14, 7, 5–6.

202 **202.** Plaut. Epid. 12. Th. Minus iam furtificus sum quan antehac. – Ep. Quid ita? – Th. Rapio propalam.

действовали в полном согласии и оказывали друг другу взаимные услуги. Персидские командиры, стоявшие по соседству с пограничными реками, тревожили наши территории грабительскими налетами, в то время как царь был занят в крайних областях своих земель. Они совершали дерзкие набеги то на Армению, то – еще чаще – на Месопотамию. А римские военачальники в то же самое время заняты были грабежом имущества покорного населения. {*83* }

КНИГА XVI

(годы 356–357)

1. Похвала Цезарю Юлиану.

2. Цезарь Юлиан нападает на аламаннов, разбивает их, берет в плен и обращает в бегство.

3. Юлиан отбивает у франков взятую ими Колонию и заключает там мир с франкскими царями.

4. В городе Сенонах Юлиан осажден аламаннами.

5. Доблести Цезаря Юлиана.

6. Привлечение к суду и освобождение консуляра Арбециона.

7. Препозит опочивальни Цезаря Юлиана, Евтерий, защищает его перед императором против Марцелла. Похвала Евтерию.

8. Доносы и клевета на главной квартире Августа Констанция; корыстолюбие придворных.

9. Переговоры о мире с персами.

10. Август Констанций вступает с войсками и якобы с триумфом в город Рим.

11. Цезарь Юлиан нападает на франков на островах Рейна, куда они укрылись, и отстраивает против них Три Таберны.

12. Цезарь Юлиан нападает на семь аламаннских царей, притеснявших Галлию и разбивает варваров под Аргенторатом. {*84* }

1.

1. Так непрерывной чередой происходили в римском мире события. Цезарь, находившийся тогда в Виенне, удостоен был консульства вместе с императором, который возлагал на себя этот сан в восьмой раз. В нем бушевала врожденная энергия, он слышал вокруг себя шум битвы, бредил поражениями варваров и уже готовился собрать воедино обломки провинции, если его появление на поле действий состоится в добрый час. 2. Совершенные им в Галлии подвиги, в которых его доблесть была равна его счастью, превзошли многие храбрые деяния древности, и я постараюсь поэтому рассказать о них по отдельности во временной последовательности, приложив к этому все силы моего слабого дарования, если только они будут достаточны для такой задачи. 3. И весь мой рассказ, чуждый всяких хитросплетений лжи, покоящийся на незыблемых основах только правды, перейдет, тем не менее почти в панегирик. 4. Казалось, какая-то счастливая звезда сопровождала этого молодого человека от его благородной колыбели до последнего его

вздоха. Быстрыми успехами в гражданских и военных делах он так отличился, что за мудрость считали его вторым Титом (сын Веспасиана), славою военных дел он уподобился Траяну, милосердием был как Антонин, углублением в истинную философию был близок к Марку[203], поступки и нравственный облик которого он представлял своим идеалом. 5. Цицерон сказал [204]что ко всем великим качествам мы относимся как к деревьям: нас восхищает высота, а не ствол и корни. Так первые проявления великолепного дарования этого человека оставались скрытыми в глубокой тени. Но их подобает поставить выше многих его удивительных дел, совершенных позднее, потому что он в годы нежной юности, как Эрехфей, воспитанный под сенью храма Минервы[205], явился на поле брани не из боевой палатки, а из тенистых аллей Академии, и, покорив {*85* } Германию, умиротворив течения холодного Рейна, тут пролил кровь, там заковал в кандалы руки царей, запятнанных убийством.

2.

1. Проведя в напряженной деятельности зиму в вышеназванном городе, Юлиан узнал из долетавших постоянно слухов, что варвары внезапно напали на древнюю крепость Августодун[206]укрепления которой, весьма впечатляющие по своим размерам, пришли к этому времени в ветхость. При этом сообщалось, что находившийся там гарнизон проявил полную бездеятельность, но собравшийся отряд ветеранов своим мужественным отпором отстоял город; как часто случается, отчаяние в собственном спасении, достигнув высшей своей степени, содействует победе над величайшими опасностями. 2. Не оставляя без внимания дела и не поддаваясь рабской лести, с которой его приближенные склоняли его к приятной и роскошной жизни, Юлиан сделал все нужные приготовления и 24-го июня прибыл в Августодун, с энергией и предусмотрительностью испытанного вождя, собираясь напасть на бродивших повсюду варваров, как только представится удобный случай. 3. Проведено было совещание с участием знакомых с местностью людей для обсуждения вопроса, какой избрать самый безопасный маршрут. Мнения разделились: одни утверждали, что следует идти на Арбор... а другие на Седелавк [207]и Кору. 4. При этом некоторые указывали, что недавно магистр пехоты Сильван прошел с восмью тысячами человек, – хотя и с большими затруднениями, – по более близкой дороге, пролегающей через

203 **203.** Прим. ред.: Имеются в виду римские императоры Тит (79–81 гг.), Траян (98–117 гг.), Антонин Пий (138–161 гг.), Марк Аврелий (161–180 гг.).

204 **204.** Cic. De orat. III 46; 179: Quid in arboribus, in quibus non truncus, non rami, non folia sunt denique nisi ad suam retinentiam conservandamque naturam? Nusquam tamen est ulla pars nisi venusta.

205 **205.** Прим. ред.: Эрехфей (Эрехтей), один из легендарных древних царей Афин, прославился как создатель многих искусств. По преданию, был воспитан Афиной (Минервой, см. Гомер, Илиада 2,546–548). Его могилу можно было видеть в Эрихтейоне, древнем храме Афины на Акрополе.

206 **206.** Ныне Отен (Autun).

207 **207.** Ныне Солиё (Saulieu) в департаменте Кот д’ор.

труднопроходимые леса, – и Цезарь настаивал на том, чтобы последовать примеру этого храброго полководца.

5. Чтобы не получилось какой-либо задержки, Юлиан взял только катафрактариев и баллистариев[208]мало подходящих для охраны особы командующего, и пройдя по этому пути, прибыл в Аутосиодор (Оксерр). 6. Дав здесь непродолжительный, по своему обычаю, отдых войскам, он направился к Трикасинам (Труа). Поскольку целыми толпами угрожали ему варвары, он, опасаясь их численного превосходства, тщательно охранял свой фланг; а других, заняв заранее удобную позицию, без труда сам разогнал, напав на них; некоторых, сдававшихся из страха, он взял в плен; остальным, полагавшим свои шансы в быстром отступлении, он {*86* } позволил уйти безнаказанно, так как не мог гнаться за ними со своим тяжеловооруженным отрядом. 7. Уверившись в том, что ему удастся отразить их вторжения, он дошел, преодолев много опасностей, до Трикасин и прибыл туда столь неожиданно, что, когда он почти стучался в ворота, ему открыли их не без смущения из страха перед бродившими повсюду шайками варваров. 8. Задержавшись здесь на некоторое время, чтобы дать отдых своему утомленному отряду, он, считая несвоевременным промедление, направился в город Ремы: там приказано было собраться всей армии и с запасами провианта на один месяц ожидать его прибытия. Во главе этих войск стоял Марцелл, преемник Урзицина, и сам Урзицин, которому было приказано находиться в тех местах до окончания похода. 9. После некоторого колебания между различными планами военных действий, решено было идти на аламаннов через Децемпаги[209]и сомкнутыми колоннами, в бодром настроении солдаты двинулись на врага. 10. День был дождливый и сумрачный, ничего нельзя было разглядеть даже на близком расстоянии, и враг, пользуясь лучшим знанием местности, по обходному пути вышел в тыл Цезарю, и напав на два легиона арьергарда, едва их не уничтожил; но внезапно раздавшийся крик их призвал к ним на помощь товарищей. 11. Поняв теперь, что ни при движении вперед, ни при переправе через реки не миновать засад, Юлиан стал предусмотрительно медлителен, – превосходное качество выдающихся полководцев, обычно идущее на пользу и спасение армиям. 12. Выяснив, что вокруг городов Аргенторат, Бротомаг, Таберны, Салисон, Неметы, Вангионы, Могонциак [210]варвары заняли территорию и заселяют ее, – городов они избегают, словно это опутанные сетями гробницы – Юлиан занял прежде всего Бротомаг. Но при самом его прибытии туда против него выступил германский отряд и вызвал его на битву. 13. Юлиан построил боевую линию полукругом; обе стороны сошлись лицом к лицу, и начался бой. Враг был побежден на обоих флангах; одни были захвачены в плен, другие пали в бою, остальные бежали, положившись в спасении на быстроту ног.

208 **208.** Cataphractarii, cataphracti – панцирная конница; ballistarii – солдаты, состоявшие при метательных машинах, баллистах, выделившиеся в те времена из прежних легионов в особые отряды; они соответствуют нашей артиллерии.

209 **209.** Ныне Диэз близ Меца.

210 **210.** Argentoratum – Страсбург, Brotomagus – Брумат, Tabernae – Рейнцаберн, Saliso – Сельц, Nemelae – Шпейер, Vangiones – Вормс, Mogontiacum – Майнц.

3.

1. Так как после этого никто не оказывал сопротивления, Юлиан решил отвоевать Агриппину, разрушенную варварами до его прибытия в Галлию. В этих местностях нет ни городов, ни {*87* } укреплений кроме Ригомага[211]расположенного у Конфлюэнтес , – так называется место впадения реки Мозеллы [212]в Рейн, – и башни, одиноко стоящей подле самой Колонии (Агриппины). 2. Вступив в Агриппину, он воспользовался тем, что наглость франкских царей уменьшилась под воздействием страха, и не покидал этот город, пока не заключил с ними мир, который должен был дать хотя бы временное облегчение государству, и, таким образом, обеспечил свое обладание этой сильной крепостью. 3. Радуясь этому первому своему успеху, он двинулся назад через Тревиры[213]чтобы перезимовать в Сенонах[214]как в подходящем в данное время городе. Неся один, как говорится, на своих плечах все бремя полнившихся войн, он разрывался между различными заботами: как вернуть назад на опасные места солдат, покинувших свои лагеря, как разгромить племена, соединившиеся по общему договору на гибель Риму, как избежать недостатка продовольствия для войска, которому предстояло совершить поход по дальним местностям.

4.

1. Такие его занимали заботы, когда на него напали значительные силы врагов, воодушевленных надеждой взять город. Уверенность в успехе придавали им полученные от перебежчиков сведения, что при Юлиане нет ни скутариев, ни гентилов, которые были размещены в разных городах для бóльшего удобства их снабжения. Но когда...2. Распорядившись запереть ворота города и укрепить слабые участки стен, Юлиан днем и ночью находился на глазах у всех солдат на башнях и зубцах стен. Гнев в нем кипел, и со скрежетом зубовным негодовал он на то, что его постоянное стремление сделать вылазку встречало препятствие в малочисленности наличных сил. Наконец, варвары, простояв 30 дней, отступили в печали, упрекая сами себя за тщетную и глупую попытку осадить город. 3. Но прямым позором было то, что магистр конницы Марцелл, находившийся поблизости, не оказал помощи оказавшемуся в опасности Цезарю, хотя он был обязан в случае нападения на город, не будь там даже Цезаря, поспешить на выручку. 4. Освободившись от осады, Цезарь со всей своей энергией прилагал все старание к тому, чтобы утомленные продолжительными трудами солдаты отдохнули не продолжительное, но достаточное для восстановления сил время, хотя земля, пострадавшая {*88* } от частых опустошений, была совершенно разорена и приносила лишь самое малое количество продовольствия. 5. Отнесясь и к этой беде с самым серьезным вниманием

211 **211.** Ремаген.

212 **212.** Кобленц.

213 **213.** Трир.

214 **214.** Санс.

и дав надежду на лучшие времена, он и сам приободрился духом и готовился совершить много великих дел.

5.

I. Прежде всего Юлиан наложил на себя трудный обет – умеренности; он соблюдал ее так, как будто подчинялся в своей жизни законам против роскоши, которые были перенесены в Рим из ретр и аксонов [215]и долго там соблюдались; а когда постепенно были забыты, то их восстановил диктатор Сулла, исходивший из принципа Демокрита: «Счастье устраивает роскошную трапезу, а доблесть – скромную». [216]2. То же самое положение Катон из Тускула, получивший за свой строгий образ жизни прозвание Цензория, выразил в такой верной формуле: «Большая забота о пище – большое небрежение к доблести». 3. Внимательно перечитывал Юлиан расписание стола, которое собственноручно составил Констанций, словно отчим, отправляющий в учение пасынка, определив самовластно расходы на стол Цезаря, – и сам запретил покупать и подавать фазанов, свиную матку и вымя, довольствуясь простой и случайной пищей рядового солдата. 4. При таком умеренном образе жизни Юлиан делил свои ночи между тремя занятиями: отдых, государство и музы. То же самое делал, как мы читали, Александр Великий, но Юлиан шел много дальше. Тот ставил возле ложа раковину и в протянутой руке держал серебряный шарик, так что, когда сон ослаблял напряжение мускулов, звон упавшего шарика будил его. 5. А Юлиан просыпался без всякого приспособления столько раз, сколько хотел; в полночь он всегда поднимался – не с перин и не с шелковых тканей переливчатых цветов, но с войлока и бараньего тулупа, который называется в просторечии susurna; затем он тайно молился Меркурию[217], который, по определению теологов, будучи движущим началом мира, приводит в действие человеческий разум, и посвящал полное свое внимание государственным делам, находившимся в столь сложном положении. 6. Окончив эти трудные и серьезные дела, он обращался к упражнению своего ума, и просто невероятно, с каким жаром он одолевал трудную науку возвышенных истин и, как бы отыскивая пищу для своего стремившегося к возвышенному духа, тщательно изучал все части философии. 7. Хотя {*89* } его познания в высших науках достигли совершенства, тем не менее он не пренебрегал и ниже стоявшими дисциплинами: так он уделял некоторое внимание поэтике и риторике (о чем свидетельствует безукоризненное изящество его речей и писем, соединенное с серьезностью), а также истории нашего государства и чужих. Кроме того он обладал также в достаточной мере искусством латинской изящной речи. 8. Если верно, – о чем говорят

215 **215.** «Ретрами» назывались законоположения, приписываемые Ликургу; αξονεζ – доски, поворачивающиеся на осях; этим именем обозначались в Аоннах законы Солона.

216 **216.** Прим. ред.: Луций Корнелий Сулла (138–78 гг. до н. э.), знаменитый римский полководец и диктатор, противник Мария в гражданской войне, принял постановления против чрезмерных расходов на званые обеды и похороны (Плутарх, Сулла 35). Приведенное изречение едва ли принадлежит Демокриту.

217 **217.** Прим. ред.: Здесь имеются в виду занятия герметическими науками, в особенности изучение трудов Гермеса Трисмегиста.

многие писатели, – что царь Кир, лирик Симонид и элеец Гиппий, самый тонкий из софистов[218], потому обладали такой великолепной памятью, что укрепляли ее особыми снадобьями, то, пожалуй, Юлиан уже взрослым выпил целую бочку снадобья памяти, если такое вообще существует. Таковы свидетельства его целомудренности и добродетелей в часы ночных бдений. 9. А о том, какие в течение дня держал он изящные и остроумные речи, что делал для подготовки военных действий и совершал в самом бою, какое благородство и свободу духа проявил в делах гражданского управления, – обо всем этом будет сказано по отдельности в свою очередь. 10. Поскольку ему, философу, приходилось теперь как государю выполнять приемы военного учения и обучаться искусству маршировать на манер пиррихи [219]под звуки флейт, он произносил про себя, нередко произнося имя Платона, старую пословицу: «Седло надели на быка! Не по нам это бремя».[220]11. В один торжественный день были созваны в приемную дворца имперские агенты для раздачи им денег; когда один из них не подставил, как полагалось, полу своего плаща, а взял деньги в обе пригоршни, император сказал: «Хватать, а не получать деньги умеют агенты». 12. Получив однажды жалобу от родителей об изнасиловании их дочери, Юлиан, когда доказана была вина преступника, приговорил его к ссылке. Поскольку те остались недовольными и усмотрели оскорбление для себя в том, что их обидчик не подвергся смертной казни, Юлиан сказал: «Пусть право сделает мне упрек в мягкосердии, но законы милосердия императора должны стоять выше остальных».[221]13. Нередко при самом выступлении в поход обращались к нему разные люди с жалобами на обиды; он отправлял их для производства дела к правителям провинций, а по возвращении требовал отчета о том, что каждый правитель сделал по этим жалобам, и с врожденной ему мягкостью уменьшал строгость наказаний за проступки. 14. Не говоря уже о победах, одержанных им над варварами, продол-{*90* } жавшими свои дерзкие грабежи, победах, которые принесли значительное облегчение доведенным до отчаяния галлам, польза от его управления сказалась в следующем: прибыв впервые в эту страну, он обнаружил там прямую подать в размере 25 золотых с одного капитула, а когда он покидал Галлию, то все налоги вместе составляли 7 золотых.[222]Поэтому галлы, ликуя и восторгаясь, говорили, что над их

218 **218.** Прим. ред.: Кир Старший, сын Камбиза I, основатель персидской державы, по преданию помнил имена всех своих солдат. Поэт Симонид известен как создатель мнемотехники. Гипатий – софист, современник Сократа. Определение «самый тонкий из софистов» прилагается Авлом Геллием к Протагору.

219 **219.** Пирриха – военный танец людей вооруженных.

220 **220.** Ср. Cic. ad Attic. V 15.

221 **221.** Сохраняем рукописное чтение ceteris, не изменяя его на severis (конъектура Келлербауэра, принятая в тексте Гардттаузеном). Изречение изысканно и не вполне вразумительно, но оно еще темнее при поправке – severis.

222 **222.** По всей вероятности, Аммиан допустил здесь погрешность, исправить которую весьма затруднительно. Единицей обложения был caput, т. е. известное количество земли, колебавшееся в зависимости от ее качества. Слагались ли capita в capitula, об этом ничего не известно. Налог в 25 золотых, а потом в семь золотых с одной единицы обложения – невероятно велик, потому поправка capitula на capita, принятая и Гардтгаузеном, дела не улучшает. См. Seeck, Rhein. Mus. 49 (1894), стр. 630–632.

землей заблистало солнце после черного мрака. 15. Известно о нем и то, что до самого конца правления и жизни он соблюдал полезное правило, – не позволять образоваться недоимкам путем так называемых индульгенций. [223]Он знал, что от индульгенций выигрывают только богатые, тогда как бедняки вынуждены безо всяких послаблений уплачивать налоги полностью в самом начале индикта.

16. При таких принципах управления, которые заслуживают подражания со стороны добрых государей, увеличивалась однако все больше дерзость варваров. 17. Как дикие звери, привыкшие нападать на стада из-за небрежности пастухов, не перестают делать то же самое после устранения прежних стражей и замены их на более бдительных и смелых, но, вынуждаемые голодом, нападают на стада крупного и мелкого скота; так и германцы, потратив все, что награбили, и чувствуя вновь голод, бросались снова на добычу, а иногда даже погибали прежде, чем им удавалось чем-нибудь поживиться.

6.

1. Таковы были кампании этого года в Галлии; начатые с малой надеждой на успех, они завершились вполне благоприятным исходом. А на главной квартире Августа зависть приводила ко всяческому очернению Арбециона, как будто он осуществлял всякие махинации для того, чтобы захватить верховную власть. С большой яростью нападал на него комит Вериссим, бросавший ему прямо в лицо обвинения в том, что, начав простым солдатом и достигнув высшего военного звания [224]и не довольствуясь этим, он стремится к императорскому достоинству. 2. Особенно преследовал его некто Дор, бывший медик скутариев, который, как я сообщал[225]был {*91* } назначен при Магненции центурионом по охране памятников искусства в Риме[226]; он выступал обвинителем городского префекта Адельфия[227]якобы стремившегося к верховной власти. 3. Когда же дошло до следствия, приняты были необходимые предварительные меры для производства дела, и все ожидали подтверждения виновности, совершенно неожиданно, благодаря старанию спальников, как гласила упорная молва, сразу отпущены были из оков лица, подвергнутые предварительному заключению по обвинению в соучастии. Дор исчез и смолк вдруг Вериссим, словно на сцене, когда опущен занавес.

7.

223 **223.** Прим. ред.: Т. е. налоговых льгот, вероятно, связанных с отсрочкой платежа до конца индикта – 15-летнего периода налогообложения.

224 **224.** Ср. 15, 2, 4.

225 **225.** В недошедшей части сочинения.

226 **226.** Прим. ред.: Эта должность известна нам только со слов Марцеллина.

227 **227.** Адельфий был префектом в 351 году.

1. Примерно в то же время до Констанция дошли слухи о том, что Марцелл не помог Цезарю, когда тот был осажден в Сенонах. За это он уволил Марцелла из армии и приказал ему удалиться на родину. Усмотрев в этой отставке тяжкую для себя обиду, Марцелл стал строить козни против Юлиана, рассчитывая на податливость императора ко всяким наговорам.

2. Поэтому после отъезда Марцелла из Галлии, послан был немедленно препозит опочивальни Евтерий с поручением уличить его, если он что-либо сочинит. А тот, не зная об этом, вскоре явился в Медиолан и поднял шум, как человек пустой и чуть ли не сумасшедший. Будучи допущен на аудиенцию, он стал обвинять Юлиана в вызывающей дерзости и в том, будто он примеряет на себя крылья для более высокого полета. Такие речи держал он, сопровождая их страшно возбужденными жестами. 3. Он еще предавался своему свободному сочинительству, когда допущен был в залу совета Евтерий по своей просьбе. Получив разрешение говорить, Евтерий начал почтительно и спокойно разъяснять, что истина затемнена здесь ложью. Несмотря на то, что магистр оружия (Марцелл) намеренно, как все думали, не оказал поддержки, Цезарь благополучно выдержал осаду в Сенонах благодаря своей предусмотрительности и энергии и отразил натиск варваров; а за то, что Юлиан до конца жизни будет верным слугой возвеличившего его государя, Евтерий ручался своей головой. 4. Это обстоятельство дает мне повод сказать еще несколько слов об Евтерии, что, быть может, не найдет веры, поскольку даже если бы сами Нума Помпилий и Сократ сказали доброе слово об евнухе, и свои слова заверяли клятвой, то их все-таки стали бы обвинять в пренебрежении истиной. Но среди терниев растут розы, и между дикими зверями {*92* } встречаются ручные. Поэтому я хочу вкратце изложить важнейшие события его жизни, насколько они мне известны. 5. Родом он был из Армении и родился у свободных родителей; еще ребенком он был взят в плен соседним вражеским племенем, оскоплен и, будучи продан римским купцам, попал во дворец Константина. Подрастая там, он выказывал прекрасные моральные качества и деловитость; приобрел достаточное для своего положения научное образование, проявлял чрезвычайную остроту ума и сообразительность при изучении трудных и глубоких предметов и обнаруживал невероятную память. Стремящийся к добрым делам, он был всегда наготове с добрым советом. Если бы император Констант слушался благородных и разумных советов Евтерия, ставшего уже взрослым человеком, то за ним не было бы проступков, или только самые простительные. 6. Состоя при Юлиане в должности препозита опочивальни, Евтерий иногда делал даже ему замечания, если тот проявлял легкомыслие вследствие привычки к азиатским обычаям. Наконец он вышел в отставку; но потом был причислен ко двору и, отличаясь всегда здравомыслием, соблюдал столь неукоснительную честность и воздержание, эти великие добродетели, что никогда не выдал ничьей тайны, разве только чтобы спасти жизнь другого, никогда не навлек на себя обвинения в корыстолюбии либо стяжании в отличие от остальных евнухов. 7. Поэтому когда он изредка посещал Рим и позднее поселился там в годы старости, то, при неизменном сопутствии своей чистой совести, он пользовался и пользуется почтением и любовью всех слоев общества; обыкновенно же подобные люди, нажив неправедно большие богатства, стараются, подобно страдающим светобоязнью,

скрыться в какое-нибудь недоступное место, избегая взоров обиженных ими людей.

8. С каким из евнухов древности сравнить мне его, не мог я найти, хотя производил старательные розыски во многих книгах. Были в древности, хотя и очень мало, верные и честные евнухи, но на всех них было какое-нибудь пятно. При тех добрых качествах, какие имел каждый от природы или приобрел собственным старанием, они или отличались корыстолюбием, или заслуживали презрения за свою жестокость, имели склонность вредить другим, или были слишком податливы для людей своей партии, или возгордились в сознании своего влияния. Но я, признаюсь, никогда не читал и не слышал о таком во всех отношениях превосходном человеке, в установлении чего могу с уверенностью сослаться на общее суждение нашего поколения. 9. Если же какой-нибудь дотошный знаток древней истории противопоставит нам Менофила, евнуха Митридата, царя Понтийского, то пусть вспомнит, что о нем ничего не известно кроме одного подвига, который был им славно совершен и момент крайней опасности, а именно: 10. когда этот царь, {*93* } разбитый в решающем сражении римлянами, возглавляемыми Помпеем, бежал в царство колхов, то оставил в крепости Синорни [228]свою тяжело больную дочь Дрипетину, вверив ее заботам самого Менофила. Вылечив девушку всеми средствами медицинской науки, Менофил самым внимательным образом берег ее, чтобы возвратить отцу. Когда же укрепление, в котором он находился, осадил Манлий Приск, легат главнокомандующего, и доходили вести, что гарнизон помышляет о сдаче, то, опасаясь, как бы знатная девушка не попала в плен и не оказалась изнасилованной на позор ее отцу, Менофил убил ее и затем всадил меч в свои внутренности[229]Но возвращаюсь к тому, на чем я прервал свой рассказ.

8.

1. Опасность со стороны Марцелла, как я сказал, была устранена, и он вернулся в Сердику [230]откуда был родом. Между тем при дворе Августа совершалось много позорных дел под предлогом охраны императорского величества. 2. Стоило кому-либо обратиться с вопросом к знатоку по поводу свиста полевой мыши,[231]встречи с лаской или подобного знамения, стоило прибегнуть для облегчения болезни к старушечьим заговорам, – способ лечения, который допускает даже медицинская наука, – тотчас следовал с той стороны, откуда нельзя было и ждать этого, суд и смертная казнь. 3. В это время..., жена некоего Дана, рассчитывая только попугать своего мужа, пожаловалась на него за какие-то мелкие проступки... Против этого ни в чем не повинного человека злоумышлял Руфин, состоявший и тогда за свое подобострастие старшим в канцелярии

228 **228.** На границе Большой и Малой Армении.

229 **229.** Valer. Max. I 8.

230 **230.** Ныне София, столица Болгарии.

231 **231.** Plin. Hist. nat. VIII 57, 223: Nam sorieum occentu derimi auspicia annalii refertos habemus.

префекта претория.[232]Выше я сообщил, что по доносу Руфина, воспользовавшегося какими-то сведениями, полученными от имперского агента Гауденция, был казнен тогдашний консуляр Паннонии Африкан вместе со своими сотрапезниками. 4. Как сам Руфин с хвастовством рассказывал, он соблазнил легкомысленную жену Дана и вовлек ее в опасное мошенничество: он убедил ее разной ложью обвинить своего невиновного мужа в оскорблении величества и сочинить, что Дан украл с гробницы Диоклетиана пурпурное покрывало и скрывал его вместе с несколькими лицами. 5. Подготовив таким образом погибель многим и надеясь этим {*94* } возвыситься, Руфин помчался на главную квартиру, чтобы, как обычно, пустить там в ход свою клевету. Когда он сделал доклад, Маворций, состоявший тогда префектом претория, человек неукоснительно твердый, получил приказ произвести строжайшее расследование этого преступления, а в товарищи к нему для допроса был назначен Урсул, комит финансов, отличавшийся также строгостью. 6. Дело значительно разрасталось по духу того времени. Многие были подвергнуты пыткам, но дело нимало не продвигалось, и судьи оказывались в полном недоумении. Наконец выяснилась долго скрываемая истина, и та женщина созналась, что Руфин был виновником всей этой интриги, не скрыла и позора своего прелюбодеяния. Тотчас сообразно с действующими на сей предмет законоположениями... оба были осуждены на смертную казнь, как того требовали порядок и справедливость. 7. Известие об этом привело Констанция в ярость, и, скорбя о гибели Руфина, являвшегося как бы охранителем его благополучия, он послал верховых курьеров с грозным приказом Урсулу вернуться ко двору и явиться к ответу.[233]Но тот, не обращая внимания на преграждавших ему доступ к императору, бесстрашно проник к нему и, войдя в консисторий, смело и правдиво разъяснил дело. Эта отвага заткнула рты льстецам, и Урсул спас от страшных опасностей как префекта, так и себя самого.

8. Тогда случилось в Аквитании событие, наделавшее много шума. Какой-то негодяй был приглашен на богатый и роскошный пир, которые нередко даются в тех местах. Там он увидел два покрывала на обеденных ложах с такими широкими пурпурными полосами, что при искусной драпировке они казались пурпурной нитью, такими же скатертями был покрыт и стол. Оттянув снизу обеими руками переднюю часть своего плаща, он драпировался так, что оказался словно облеченным в императорское одеяние. Этот случай погубил богатое состояние. 9. Такой же коварный поступок совершил один имперский агент в Испании, будучи также приглашен на пир. Когда он услышал обычный возглас слуг, вносивших вечерние светильники: «Да будет наша победа!»[234]злостно истолковал эти слова и погубил знатное семейство.

10. Такие случаи становились тем более часты, что Констанций, со своей чрезмерной подозрительностью, постоянно грезил

232 **232.** Ср. 15, 3, 8 – Должность эта исполнялась обыкновенно в течение двух лет.

233 **233.** Переводим так неясное выражение: sistere veritati.

234 **234.** После слова: vincamus в оригинале стоит начало какого-то слова: perun и затем приходится лакуна. – Возглас: tu vincas был приветствием императору и сохранялся в Византии в VI веке, а вероятно и позднее. Ср. Theoph. Chr. p. 182 de Boor.

поку-{*95* }шениями на свою жизнь. Он уподобился в этом знаменитому сицилийскому тирану Дионисию, который из-за этой своей слабости научил своих дочерей парикмахерскому искусству, чтобы не поручать бритье своего лица кому-либо чужому. Тот же Дионисий окружил маленький домик, который служил ему обычно местом ночного отдыха глубоким рвом, через который был перекинут разборный мостик; отходя ко сну, он уносил с собою разобранные балки и доски этого моста, а утром опять водворял их на место, чтобы иметь возможность выйти. [235]11. Раздували пламя общественных бедствий также и влиятельные при дворе лица с тем, чтобы присоединить к своему имуществу добро осужденных и иметь возможность расширять свои земельные владения, включая в них соседние участки. 12. На основании совершенно ясных свидетельств можно утверждать, что впервые Константин дал открыть пасть своим приближенным, а Констанций кормил их до отвала самым мозгом провинций. 13. При нем первые люди всех рангов пылали ненасытной жаждой обогащения без всякого стеснения перед правдой и справедливостью. Среди гражданских лиц выделялся в этом отношении префект претория Руфин, а среди военных – магистр конницы Арбецион, препозит царской опочивальни... квестор..., а в Риме Аниции... которые, следуя примеру предков, никогда не могли насытиться, хотя состояние их непрерывно возрастало.[236]

9.

1. Между тем на Востоке персы захватывали людей и скорее путем воровского разбоя, нежели в правильных боевых схватках, как то было в прежнее время. В одних случаях им удавалось поживиться благодаря неожиданности нападения, в других – они терпели урон, преодоленные численностью наших солдат, а иногда наши не давали им возможности высмотреть, где бы можно им было чем-нибудь поживиться. 2. Префект претория Музониан,[237]человек, как я раньше отметил, высокообразованный, но продажный и легко отступавшийся от истины ради денег, разузнавал о планах персов через умелых и ловких в обмане соглядатаев. Советником в этих делах он привлекал Кассиана, дукса Месопотамии, закаленного продолжительной службой и всякого рода опасностями.

3. Когда они узнали из достоверных и подтверждающих друг друга сообщений лазутчиков, что Сапор, несмотря на понесенные им тяжелые потери в людях, с трудом отражает на дальних рубежах {*96* } своего царства враждебные народы, то попытались начать тайные переговоры через каких-то солдат с персидским военачальником Тамсапором, который командовал в пограничных с нами областях. Они подстрекали Тамсапора обратиться, если представится удобный случай, к своему царю

235 **235.** Прим. ред.: Сиракузский тиран Дионисий Старший (род. в 432 г. до н. э., ум. в 367 г. до н. э., тиран с 405 г. до н. э.) был в античности действующим лицом во множестве анекдотов. Приводимый здесь встречается в такой же или в подобной форме у Плутарха (Дион 9), Диодора (20, 63, 3) и Цицерона (Туск. беседы 5, 58–59).

236 **236.** Ср. Zos, 6, 7.

237 **237.** Ср. 15, 23.

с письмом и посоветовать ему заключить, наконец, мир с римским императором, что дало бы царю возможность, обезопасив себя на всех флангах, напасть на тревоживших его непрестанно врагов. 4. Тамсапор послушался и, полагаясь на них, написал царю, что Констанций, подавленный жестокими войнами, умоляет его заключить мир. Много прошло времени, пока это письмо дошло в область хионитов и евсенов, где проводил зиму Сапор.

10.

1. Пока в восточных областях и в Галлии принимались по обстоятельствам такие меры, Констанций, как будто он запер храм Януса [238]и поверг всех врагов, захотел посетить Рим, чтобы после гибели Магненция справить триумф над римской кровью, не принимая никакого титула. 2. Самолично он не победил никакого народа, находившегося в войне с Римом, не получил также вести о поражении какого-нибудь народа благодаря доблести своих полководцев, не прибавил новой области к римской державе, никогда не видели его в трудную минуту на поле брани первым или в числе первых. Но он хотел показать блистательную процессию, сверкающие золотом знамена, великолепную свиту мирному народу, не имевшему надежды увидеть когда-либо что-нибудь подобное и даже не мечтавшему об этом. 3. Вероятно, он не знал, что некоторые императоры древности в мирное время довольствовались ликторами[239], а когда пыл брани не допускал бездействия, один доверился во время страшного вихря рыбацкому челноку[240]другой, по примеру Дециев, [241]отдал свою жизнь за спасение государства[242]третий [243]лично осмотрел с простыми солдатами лагерь врага[244]и вообще многие прославились блистательными деяниями и тем создали себе славную память у потомков.

4. Не стану рассказывать об огромных расходах на приготовления...

238 **238.** Прим. ред.: В Древнем Риме ворота храма бога Януса закрывались только во время мира.

239 **239.** Прим. ред.: Ликторы были судебной свитой в Риме, начиная с царских времен. Они назначались из числа вольноотпущенников. Со связками прутьев – фасциями, а сперва и с топорами, они выступали перед высшими должностными лицами

240 **240.** Юлий Цезарь.

241 **241.** Прим. ред.: Римская история знает двух Дециев, отдавших свою жизнь за отечество: Публия Деция Муса времен ранней республики и имп. Гая Мессия Квинта Деция Траяна (249–251 гг.), погибшего в битве с готами и карпами у Абритта в Мезии. Имп. Клавдий Готский (268–270 гг.) умер от чумы, а вовсе не погиб в сражении.

242 **242.** Клавдий Gothicus.

243 **243.** Прим. ред.: Цезарь Галерий совершил этот поступок во время одного из походов против персов в Большой Армении (Евтропий 9, 25, 1).

244 **244.** Галерий Максимиан.

во вторую префектуру Орфита[245]пройдя через Окрикул[246]любуясь оказываемыми ему великими почестями, окруженный грозной военной охраной, словно армией в боевом порядке, совершал {*97* } Констанций свой путь, и взоры всех были прикованы к этому зрелищу. 5. Когда он приближался к столице, сенат вышел ему навстречу, и он с радостным видом принимал почтительные приветствия сената, разглядывал почтенные лики людей патрицианского происхождения и не думал, как Кинеас, посол Пирра, [247]что перед ним собралось в одно место множество царей[248]но что тут место сбора всего мира. 6. Перенося свои взоры на народ, он приходил в изумление, с какой быстротой съехались в Рим люди со всех концов земли. И, как бы желая устрашить Евфрат и Рейн видом оружия, он вслед за двойным рядом знамен восседал один на золотой колеснице, украшенной различными драгоценными камнями, игравшими на солнце переливающимся светом. 7. Вслед за длинным строем передней части свиты несли драконов с пурпурными нашивками, прикрепленных к верхушкам копий, блиставшим золотом и драгоценными камнями; колеблемые ветром, они, словно разъяренные, шипели своей огромной пастью, и хвосты их вились в воздухе длинными извивами. 8. По обеим сторонам шел двойной ряд воинов со щитами, в шлемах, на которых переливчатым светом играли султаны и в блестящих искрящихся панцирях. То тут, то там видны были закованные в доспехи всадники, которых называют клибанариями; покрытые панцирем и опоясанные железными полосами, они казались изваянными рукой Праксителя [249]статуями, а не живыми людьми. Тонкие железные колечки, скрепленные между собою, охватывали все части тела, приспосабливаясь к их изгибам, так что при каком угодно движении тела одеяние плотно облегало его части.

9. Приветственные выкрики его императорского имени и отдававшиеся звуки рогов оставляли его невозмутимым, и он выказывал себя таким же величавым, каким видели его в провинциях. 10. Будучи очень маленького роста, он наклонялся однако при въезде в высокие ворота, устремлял свой взор вперед, как будто его шея была неподвижна, и, как статуя, не поворачивал лица ни направо, ни налево; он не подавался вперед при толчке колеса, не сплевывал, не обтирал рта, не сморкался и не делал никаких движений рукой. 11. Хотя это было для него привычными манерами, но как это, так и кое-что другое из его личной жизни являлось показателем большой выдержки, на которую, как можно думать, только он был способен. 12. А то, что в течение всего времени своего правления он никогда никого не посадил рядом с собою

245 **245.** 357 год, первая его префектура – 354 год.

246 **246.** Ныне Отриколи, у подошвы горы S. Oreste, в древности Соракте.

247 **247.** Прим. ред.: Фессалийский ритор Кинеас был министром при дворе воевавшего в Италии эпирского царя Пирра. Он был послан в Рим для переговоров после победы царя {530} при Аускуле в 279 г. до н. э. (знаменитая «Пиррова победа»). См. Плутарх, Пирр 19.

248 **248.** Flor. I 18.

249 **249.** Прим. ред.: Пракситель – один из величайших греческих скульпторов, происходивший из Афин и живший во 2-й трети 4 в. до н. э.

на колесницу, ни с одним лицом неимператорского дома не разделил консулата, как делали то покойные императоры, и многое другое подобное, что он со времени своего возвышения на трон соблюдал как священ-{*98* }нейшие законы, – это все я опускаю, имея в виду, что я упоминал об этом при подходящем случае.

13. Вступив в Рим, обитель мирового владычества и всех доблестей, и дойдя до ростр[250], он был поражен обилием дивных памятников, свидетелей древнего могущества, красовавшихся на форуме, повсюду, куда бы ни направлялся его взор. В курии он обратился с речью к знати, к народу – с трибунала; затем отправился во дворец, провожаемый восторженными криками, и получил то наслаждение, которое ожидал. Часто веселил его, когда он давал конные игры, острый язык римской толпы, не впадавшей в дерзкий тон, но и не терявшей в то же время прирожденного ей чувства свободы, и сам он соблюдал в отношениях с народом должную меру внимания. 14. Так, он не определял лично исхода состязания по собственному усмотрению, как то делал в остальных городах империи, но, согласно обычаю, предоставлял это игре случая. Осматривая части города, расположенные на семи холмах по склонам и на равнине, а также предместья, он находил, что все, что он видел впервые, затмевает все остальное: храм Юпитера Тарпейского, [251]представлявшийся ему настолько выше всего другого, насколько божественное выше земного; здания общественных бань, обширные как целые провинции; громада амфитеатра, сложенная из тибуртинского камня и такой высоты, что ее едва достает человеческий взор; Пантеон, [252]круглое громадное здание, заканчивающееся вверху сводом; высокие столбы с внутренней лестницей, на которых воздвигнуты статуи консулов и прежних императоров; храм города Рима[253], Форум Мира, [254]театр Помпея, [255]Одеон, [256]Стадий [257]и другие красоты Вечного города. 15. Но когда он пришел на Форум Траяна, [258]сооружение единственное в целом мире, достойное, по-моему, удивления богов, он остолбенел от изумления,

250 **250.** Прим. ред.: Т. е. до ораторской трибуны на римском форуме, украшенной носами взятых в качестве трофеев вражеских кораблей.

251 **251.** Прим. ред.: Древний римский храм на Капитолии, воздвигнутый по преданию при царе Тарквинии Гордом (6 в. до н. э.).

252 **252.** Прим. ред.: Храм всех богов, построенный в 27 в. до н. э. Марком Агриппой и перестроенный во времена Адриана.

253 **253.** Прим. ред.: Построен при имп. Адриане.

254 **254.** Прим. ред.: Храм Мира, построенный при имп. Веспасиане в 71–74 гг.

255 **255.** Прим. ред.: Построен в 55 г. до н. э. Первый постоянно действующий театр в Риме.

256 **256.** Прим. ред.: Построен при имп. Домициане.

257 **257.** Прим. ред.: Построенный при имп. Домициане стадион вмещал до 15000 зрителей.

258 **258.** Прим. ред.: Крупнейшее сооружение времен империи; его строительство началось в 113 г. и было закончено уже при имп. Адриане.

обводя взором гигантские строения, которые невозможно описать словами и которые никогда не удастся смертным создать во второй раз. Оставив всякую надежду соорудить что-либо подобное, он сказал, что хочет и может воспроизвести только помещенного в середине атрия Траянова коня, на котором красовалась фигура императора. 16. Стоявший рядом с ним царевич Ормизда, [259]о бегстве которого из Персии я раньше упоминал[260]сказал на это с свойственным его народу остроумием: «Сначала прикажи, император, построить такую конюшню, если можно; конь, которого ты собираешься соорудить, должен так же широко шагать, как и тот, который перед нами». Этот самый Ормизда на вопрос, как он находит Рим, отвечал, что ему понравилось здесь только то, что, { *99* } как он узнал, и здесь умирают люди. 17. Осмотрев многое с величайшим изумлением, император жаловался на бессилие и злую молву, которая, вообще все преувеличивая, при описании чудес Рима оказывается слабой. Долго обсуждал он вопрос, что бы ему соорудить, и решил умножить красоты города обелиском в Большом Цирке. [261]О происхождении и форме этого обелиска я расскажу в подходящем месте.

18. В то же время царица Евсевия подвергала преследованиям Елену, сестру Констанция, жену Цезаря Юлиана, которая была приглашена в Рим под видом сердечного к ней расположения. Будучи сама бесплодной всю свою жизнь, Евсевия коварством заставила ее выпить особое снадобье, чтобы каждый раз, как она забеременеет, у нее случался выкидыш. 19. Уже до этого Елена потеряла ребенка мужского пола, который родился у нее в Галлии: подкупленная повивальная бабка урезала ему больше, чем нужно, пуповину и этим его убила. Такую ревностную заботу прилагали для того, чтобы не дать появиться потомству от доблестного мужа (Юлиана).

20. Хотя император имел сильнейшее желание подольше побыть в этом священнейшем месте, чтобы наслаждаться невозмутимым покоем и всеми радостями, его тревожили непрерывные и вполне достоверные вести о том, что свевы делают набеги на Рэцию, квады на Валерию, сарматы, наиболее поднаторевшее в грабежах племя, разоряют Верхнюю Мезию и Вторую Паннонию. Встревоженный этими вестями, Констанций покинул город на тридцатый день по прибытии туда, 29 мая, и через Тридент поспешно направился в Иллирик. 21. Оттуда он послал на место Марцелла Севера, опытного в военном деле и уже пожилого полководца, а Урзицина вызвал к себе. Получив с радостью письмо императора, Урзицин отправился со своею свитой в Сирмий. После продолжительного обсуждения мероприятий в случае мира с персами, на заключение которого дал надежду Музониан, император отослал Урзицина на Восток с полномочиями магистра. Старшие из моих товарищей получили повышение и были назначены на офицерские должности в армии; а нам, младшим, было приказано следовать за Урзицином для исполнения служебных поручений, которые он на нас возложит.

259 **259.** Прим. ред.: Ормизда, сын носившего то же имя персидского царя (302–309 гг.) бежал в 324 г. к Константину Великому.

260 **260.** В недошедшей до нас части сочинения.

261 **261.** Прим. ред.: Первый и крупнейший цирк Рима, перестроенный во времена империи. Вмещал до 200 тыс. зрителей.

11.

1. Тревожную зиму провел Цезарь в Сенонах, и в год девятого консульства Августа и второго своего [262]когда со всех сторон раз-{*100* }давались угрозы германцев, покинул при добрых знамениях зимние стоянки и бодро поспешил в Ремы [263]Настроение его было тем радостнее, что армией командовал Север, человек не склонный к ссорам и не высокомерный, приученный долгим военным опытом к повиновению, который будет готов как дисциплинированный солдат следовать за вождем, указывающим правильный путь. 2. С другой стороны, Барбацион, назначенный после гибели Сильвана магистром пехоты, пришел по приказу императора из Италии с армией в 25 тысяч человек в Рawраки [264]3. Приняты были продуманные меры для осуществления плана, состоящего в том, чтобы аламаннов, которые тогда свирепствовали больше обычного и предпринимали далекие грабительские походы, взять с обоих флангов двумя армиями как бы в тиски и перебить их. 4. Когда уже приступили к скорейшему выполнению этого хорошо разработанного плана, леты-варвары, умевшие поймать момент для грабежей, прошли незаметно между лагерями той и другой армии и напали на не чаявший беды Лугдун [265]они едва не разграбили и не сожгли его внезапным нападением, но ворота успели закрыть, и им пришлось, таким образом, ограничиться разорением того, что можно было найти вне города. 5. Получив известие об этом несчастье, Цезарь сразу отрядил три эскадрона легкой конницы из самых храбрых людей для наблюдения за тремя дорогами, по которым, как он предполагал, должны были прорываться назад грабители. И этот план удался. 6. Все те, кто шел по тем дорогам, были перебиты, добыча отобрана вся полностью; спаслись только те, которые прошли через вал Барбациона. Им удалось ускользнуть лишь благодаря попустительству трибуна скутариев Целлы, прикомандированного на этот поход к Барбациону. Для наблюдения за валом были отряжены трибуны Байнобавд и Валентиниан, будущий император, с находившимися под их командой конными силами; но Целла не позволил им занять дорогу, по которой, как стало известно, возвращались германцы. 7. Бездеятельный магистр пехоты (Барбацион), упорный завистник военной славы Юлиана, не довольствуясь тем, что сознательно отдал приказ в ущерб интересам римлян, – это удостоверил Целла, когда его привлекли к ответственности, – обманул еще Констанция в своем донесении: он придумал, будто эти трибуны под видом заботы об общем деле явились собственно для того, чтобы агитировать среди солдат, которых он привел с собою. Поэтому трибуны были лишены своего звания и как частные люди отправлены на родину. {*101* }

8. В то же самое время поселившиеся на нашей стороне Рейна варвары, напуганные приходом наших войск, частью нарубив огромных

262 **262.** 357 год.

263 **263.** Реймс.

264 **264.** Аугст близ Базеля.

265 **265.** Лион.

деревьев, старательно загородили дороги, и без того трудно проходимые и от природы крутые; частью заняв многочисленные острова на Рейне, подняли зловещий вой, понося римлян и Цезаря. Возмущенный этим, Цезарь потребовал от Барбациона, для поимки некоторых из них, семь кораблей из тех, которые тот, собираясь устроить переправу, изготовил для наведения мостов. Но Барбацион чтобы ни в чем не содействовать ему, сжег все свои суда. 9. Наконец, Цезарь узнал со слов недавно захваченных лазутчиков, что в наступившую уже сухую пору лета можно перейти реку вброд; он обратился с уговорами к вспомогательным легковооруженным войскам и послал их с трибуном корнутов Байнобавдом совершить, если посчастливится, достойное памяти дело. Перебираясь вброд, а кое-где вплавь на щитах, как на челноках, они выбрались на ближайший остров, вышли на берег и перебили всех мужчин и женщин без различия возраста, как скотину. Захватив пустые челноки, они пустились на них вплавь по реке, несмотря на их утлость, пробрались в очень много таких мест, и когда им надоело убивать, вернулись все невредимые назад, нагруженные богатой добычей, часть которой они еще потеряли из-за сильного течения реки. 10. Остальные германцы, узнав об этом, покинули небезопасное убежище, которое представляли острова, и увезли подальше вглубь страны семьи, запасы и свое варварское имущество.

11. Тогда Юлиан занялся восстановлением Трех Таберн [266]– так называлось укрепление, которое было недавно разрушено яростным нападением врагов. Можно было рассчитывать, что восстановление этого укрепления создаст препятствие для обычных набегов германцев внутрь Галлии. Он закончил работы быстрее, чем предполагал, и оставил там запасы продовольствия на целый год для гарнизона, который намеревался там оставить. Руками солдат был собран с полей варваров хлеб, причем дело не обошлось без столкновений с врагом. 12. Не ограничившись этим, Юлиан собрал также продовольствие на двадцать дней для своей армии. Его солдаты с большим удовольствием потребляли добытое собственными руками, разгневанные тем, что из запасов, которые были недавно для них доставлены, им не удалось получить ничего: обоз проходил поблизости от Барбациона, и тот высокомерно захватил себе часть этих запасов, а остальное свалил в кучу и предал огню. По необдуманности ли и глупости позволял он себе такие поступки, дерзкие и преступные, или имел на то приказ от императора, – {*102* } осталось и доселе неясным. 13. Но тогда повсюду ходила молва, будто Юлиан был избран в Цезари не с тем, чтобы облегчить трудное положение Галлии, но чтобы погубить его самого в жестокой войне, так как думали, что, при своей полной неопытности в военном деле, он не вынесет самого звука оружия. 14. Пока быстро возводились лагерные укрепления и часть солдат вела караульную службу на развернутых в линию постах, а другие собирали хлеб, принимая меры предосторожности против засад, полчища варваров с быстротою, предупредившей всякие слухи, внезапно напали на Барбациона, который, как уже сказано, стоял со своей армией за Галльским валом, [267]и погнали бегущих до Рavраков и дальше, насколько

266 **266.** Ныне Эльзас – Цаберн (Saverne).

267 **267.** Прим. ред.: Система рвов и земляных валов, обозначавшая границу между Галлией и Германией.

было возможно. Захватив большую часть обоза и вьючных животных с погонщиками, германцы вернулись домой. 15. А Барбацион, как будто поход был благополучно закончен, разместил своих солдат по зимним стоянкам и вернулся на главную квартиру императора, чтобы там, по своему обычаю, интриговать против Цезаря.

12.

1. Когда распространились вести об этом постыдном отступлении, цари аламаннов Хонодомарий и Вестральп, а также Урий и Урзицин с Серапионом, Суомарием и Гортарием, собрали в одном месте все свои силы и избрали позицию близ города Аргентората, (предполагая, что Цезарь, опасаясь окончательного поражения, отступил, тогда как он тогда был занят завершением укреплений своего лагеря. 2. Их наглость, высоко поднявшую свою голову, усилил один перебежчик-скутарий, который перешел к ним после отступления бежавшего вождя (Барбациона) из страха наказания за совершенное им преступление. Он сообщил, что с Юлианом осталось только 13 тысяч человек – такое число и было с ним в действительности, хотя варвары в диком бешенстве стягивали отовсюду исполненные боевым задором силы.

3. Перебежчик много раз подтверждал свое заявление; это подзадоривало германцев, и они отправили к Цезарю посольство с высокомерным требованием освободить земли, которые они приобрели силой оружия и своей храбростью. Не ведая страха, чуждый гнева и печали, относясь лишь с насмешкой к высокомерию варваров, Юлиан задержал послов до окончания работ по укреплению лагеря и оставался непоколебим в своей твердости.

4. Душой и зачинщиком всего движения был царь Хонодомарий, который вел усиленную агитацию, появляясь повсюду, вмешиваясь во все и побуждая к опасным предприятиям. Он держал себя крайне надменно, гордясь своими неоднократными удачами. 5. Он {*103* } победил Цезаря Деценция, [268]встретившись с ним в правильном бою, захватил и опустошил много цветущих городов и, не встречая никакого противодействия, прошел всю Галлию своими дерзкими набегами. Усилению его наглости содействовало недавнее бегство римского полководца, армия которого превосходила его и числом и силою. 6. По знакам различия на щитах аламанны признали в солдатах Барбациона тех самых, из-за которых лишь немногие из их грабительских банд вернулись на родину, тех самых, от которых они не раз, когда приходилось сталкиваться лицом к лицу, убегали с большими потерями. Все усиливающееся движение германцев беспокоило Цезаря, так как после отступления Барбациона в самое трудное время ему приходилось с небольшой, хотя и храброй армией выдерживать напор весьма многочисленных орд.

7. Уже золотящими лучами блистало солнце, когда под звуки труб стала медленным шагом выступать пехота, прикрытая на обоих флангах кавалерией, среди которой были отряды катафрактариев и стрелков, грозный род оружия. 8. И так как расстояние от места, с которого

268 **268.** Прим. ред.: Брат узурпатора Магненция, назначенный им на пост правителя Галлии.

двинулось римское войско, до вала варваров было 14 левг, т. е. 21 миля [269]то, в разумной заботе как о пользе дела, так и безопасности. Цезарь отозвал ушедшую было вперед легкую кавалерию и, водворив обычными возгласами спокойствие, держал к расположившимся вокруг него клиньями войскам такую речь в свойственном ему любезном тоне:

9. «Забота о нашем общем благе – чтобы выразиться как можно мягче – создает необходимость для вашего Цезаря, преисполненного в душе своей бодрости, убеждать и просить вас, мои боевые товарищи, чтобы вы, питая полную уверенность в нашей могучей храбрости, предпочли поспешному и рискованному образу действия более безопасный путь к перенесению и отражению предстоящих нам опасностей. 10. Подобает юным воинам быть в опасностях бодрыми и отважными, но когда того требуют обстоятельства, они должны проявлять послушание и рассудительность. Итак, если вы согласны меня выслушать, и ваше справедливое негодование на врага может повременить, с удовлетворением изложу вкратце свои мысли.

11. День приближается уже к полудню, а нас, ослабленных из-за утомительного перехода, ожидают трудные и темные тропинки, ночь на ущербе луны, не освещенная звездами, почва, опаленная зноем и не обещающая нам в поддержку никаких водных истоков. Допустим переход не представит никаких затруднений: но что будет с нами, когда на нас бросятся полчища врагов, {*104* } отдохнувших и подкрепившихся пищей и питьем? С какими силами встретим врага мы, истомленные голодом, жаждой и трудами? 12. Своевременное распоряжение часто выручало в труднейших обстоятельствах, и при помощи разумного совета, благосклонно принятого, не раз спасала божеская помощь поколебавшееся уже положение дел. Так отдохнем же здесь, под охраной рва, вала и расставленных сторожевых постов, подкрепим себя по мере возможности сном и пищей и подымем – говорю с упованием на Бога – наших победоносных орлов и наши победные знамена, когда забрезжит дневной свет».

13. Солдаты не дали ему закончить своей речи. Скрежеща зубами и выказывая свое боевое воодушевление ударами копий о щиты, просили они вести их на показавшегося уже неприятеля, уверенные в благоволении Бога небесного, в своем мужестве и в известных доблестях своего счастливого вождя. Как показал результат, некий спасительный гений побуждал их к бою, незримо присутствуя, пока мог быть с ними.

14. Это бодрое настроение поддержано было полным сочувствием высших чинов, особенно префекта претория Флоренция, который полагал, что немедленное вступление в бой, хотя и является делом рискованным, имеет под собой серьезное основание, пока варвары стоят в густых колоннах. Если же они рассеются, то – говорил он – при свойственной солдатам склонности к возмущениям, не удержать их от бунта; они возмутятся, что победа вырвана у них из рук, и могут решиться на опрометчивые поступки. 15. Уверенность нашим придавали два соображения. Они помнили, во-первых, что в прошедшем году, во время далеких передвижений римлян по зарейнским местностям, никто не выступил на защиту своего очага и не оказал сопротивления: преградив повсюду дороги частыми завалами из срубленных деревьев, варвары в

269 **269.** 30 километров.

суровую зимнюю стужу ушли далеко и кое-как влачили существование. Во-вторых, наши не забыли, что когда император вступил на земли варваров, последние не посмели ни сопротивляться, ни показаться ему на глаза но униженными просьбами вымолили себе мир. 16. При этом никто, однако, не принимал в расчет, что обстоятельства изменились. Тогда варварам грозила гибель с трех сторон: император напирал через Рэцию, стоявший поблизости Цезарь не давал им никуда уйти, соседние племена, из-за каких-то несогласий оказавшиеся во враждебных с ними отношениях, теснили с тыла окруженных с той и другой стороны. Но потом император, даровав им мир, удалился; соседние народы, прекратив раздоры, жили с ними в согласии; а постыдное отступление римского полководца (Барбациона) восстановило их прирожденную воинственность. 17. Кроме того, положение римлян было отягчено еще следующим {*105* } обстоятельством. Два брата-царя, связанные узами мира, который с ними в прошлом году заключил Констанций, не смели ни восставать, ни предпринять что-либо. Но, немного времени спустя, один из них, Гундомад, который был могущественнее и лучше хранил нам верность, был коварно убит, а весь его народ заключил соглашение с нашими врагами; а сразу после этого народ Вадомария... как он утверждал, самовольно присоединился к полчищам воюющих с нами варваров.

18. И вот, когда все, и высшие и низшие чины, считали данный момент наиболее удобным для битвы и всеобщее возбуждение не уменьшалось, вдруг воскликнул знаменоносец: «Шествуй, счастливейший Цезарь, куда тебя ведет благорасположенная судьба. В твоем лице – давно желанное зрелище! – идут на битву храбрость и разум. Иди впереди нас, как счастье предвещающий и храбрый передовой воин. Ты на опыте узнаешь, что может проявить в возбуждении своей силы солдат на глазах воинственного предводителя, непосредственного свидетеля подвигов, только бы была помощь Бога вышнего». 19. После этого возгласа не было уже времени для проволочек. Войска тронулись вперед и дошли до отлогого холма, покрытого спелым уже хлебом, находящегося недалеко от берега Рейна. С его вершины сорвались неприятельские разведчики, три всадника, и поспешили к своим, чтобы известить о приближении римского войска; а один пехотинец, который не мог за ними последовать, был захвачен быстрым нападением наших и показал, что германцы переходили через реку три дня и три ночи. 20. Когда наши командиры увидели, что враги уже поблизости строятся в тесные клинья, они остановились и выстроили несокрушимую стену из людей первой шеренги, шеренги со знаменами и старших в рядах. С такими же предосторожностями стали и враги в своем строю по клиньям. 21. И когда они увидали, что вся конница, как раньше сообщил о том вышеназванный перебежчик, выставлена против них на правом крыле, все, что у них были конные силы, они поместили на левом крыле в сомкнутых рядах. Но среди всадников разместили они легкую пехоту, что было вполне целесообразно. 22. Они знали, что конный боец, как бы ни был он ловок, в схватке с нашим клибанарием, держа узду и щит в одной руке и копье на весу в другой, не может причинить вреда нашему закованному в железо воину; а пехотинец в опасную минуту боя, когда все внимание сражающегося сосредоточено на противнике, незаметно подкрадываясь по земле, ударом в бок коню может свалить всадника, если тот не побережется, и без затруднения убить его.

23. Построившись таким образом, варвары укрепили свой правый

фланг хитро укрытыми засадами. Предводительствовали над всеми воинственными и дикими полчищами Хонодомарий и Сера-{*106* }пион, превосходившие властью других царей. 24. Преступный зачинщик всей этой войны, Хонодомарий, с пунцовым султаном на голове, смело выступал, полагаясь на свою огромную силу впереди левого крыла, где предполагался наиболее ожесточенный бой. Конь под ним был в пене, в руке его торчало копье ужасающих размеров, блеск от его оружия распространялся во все стороны; прежде – храбрый солдат, теперь – полководец, далеко превосходивший всех остальных. 25. Правое крыло вел Серапион, тогда еще юноша с едва опушившимися щеками, но не по летам деятельный и энергичный. Он был сын брата Хонодомария, Медериха, который в течение всей своей жизни проявлял по отношению к Риму величайшее вероломство. Свое имя он получил потому, что его отец, пробыв долго в качестве заложника в Галлии и познакомившись с некоторыми греческими таинствами, [270]дал такое имя своему сыну, называвшемуся ранее на родном языке Агенарихом. 26. За ними следовали ближайшие к ним по власти цари, числом пять, десять царевичей, большое количество знатных и 35 тысяч воинов, которые были собраны из разных племен отчасти по найму за деньги, отчасти по договору в силу обязательства взаимной помощи.

27. И уже при грозном звуке труб Север, командовавший левым крылом римлян, приблизился к рвам, служившим прикрытием для неприятелей: по их военному плану, оттуда должны были внезапно появиться залегшие в засаду и произвести полное замешательство. Север бестрепетно остановился и, заподозрив военную хитрость, не пытался ни отступать, ни двигаться вперед.

28. Жаждавший великих опасностей Цезарь увидел это и со свитой в двести всадников в карьер бросился к пешему строю, чтобы обратиться, как требовал того опасный момент, к людям. 29. Говорить ко всем не позволяло широкое протяжение поля битвы и густое построение стянутой в одно место значительной части войска; да кроме того он хотел избежать тяжкого обвинения, будто он посягает на то, что рассматривал как свою прерогативу Август. [271]Он мчался среди вражеских стрел, соблюдая при этом, конечно, осторожность, и призывал к храбрым подвигам как знакомых ему в лицо, так и незнакомых: 30. «Пришел момент сразиться, давно желанный для меня и для вас, который раньше вы сами вызывали вашим буйным требованием вступить в бой». 31. А когда подъезжал к другим, построенным во второй линии в самом хвосте, то говорил так: «Вот, товарищи, настал давно желанный день, который побуждает нас всех вернуть римской державе подобающий ей блеск, смыв все прежние пятна позора. Вот они, варвары, которые в своей ярости и диком безумии отважились выступить навстречу нашей доблести на гибель себе». 32. Старых бойцов, закаленных продолжительной службой, он, выравнивая их строй, поощрял такими {*107* } словами: «Вперед, храбрые мужи, и устраним храбростью, которой требует настоящий момент, нанесенный нашей армии ущерб, он был у меня пред глазами, когда я долго не

270 **270.** Прим. ред.: Имя принца, очевидно, происходит от имени бога Сераписа, почитавшегося в качестве объекта эллинизированного египетского культа Осириса-Аписа, введенного по приказу Птолемея I в начале 3 в. до н. э. в Египте.

271 **271.** Прим. ред.: Т. е. выступление с речью перед строем всех войск.

решался принять титул Цезаря». 33. А к тем, кто легкомысленно требовал сигнала к бою, и относительно которых он мог опасаться, что они своими беспокойными движениями нарушат дисциплину, он обращался с такими словами: «Прошу вас, не помрачите славу грядущей победы слишком ретивым преследованием обращающегося в бегство врага, но пусть также никто не отступает без крайней необходимости. Если вы побежите, то я, конечно, покину вас; но если вы будете рубить спину врага, я буду нераздельно с вами, если конечно, вы будете вести себя и тогда с должной осмотрительностью».

34. Повторяя подобные обращения, которые он многократно произносил перед солдатами, Юлиан выстроил большую часть армии против первой линии варваров. Вдруг раздался негодующий ропот аламаннских пехотинцев. В один голос кричали они, что царевичи должны сойти с коней и встать в ряды с ними, чтобы, в случае неудачи, нельзя им было покинуть простых людей и легко ускользнуть. 35. Узнав об этом, Хонодомарий сам тотчас соскочил с коня и его примеру последовали без промедления и остальные; никто из них нисколько не сомневался в том, что победа будет на их стороне.

36. И вот, по обычному сигналу труб о начале боя, сошлись обе стороны с большим напором. Сначала полетели стрелы, и германцы бросились вперед быстрым бегом, не думая об осторожности; размахивая оружием в правых руках, они ринулись, скрежеща зубами, на турмы наших всадников; развевающиеся их волосы от чрезвычайного ожесточения становились дыбом, яростью пылали их глаза. Наши воины не подались назад; закрыв свои головы щитами, они устрашали врага взмахами мечей и смертоносными выстрелами. 37. В самый разгар боя всадники храбро держали свой тесный строй, пехота укрепляла свои фланги, образуя фронт тесно сплоченной стеной щитов. Поднялись густые облака пыли, и сражающиеся передвигались с места на место: наши то оказывали сопротивление, то подавались назад. Некоторые варвары, опытнейшие бойцы, припадая на одно колено, старались так отбросить врага. Упорство с обеих сторон было чрезвычайное, и рука сходилась с рукой, щит сталкивался со щитом, небо оглашалось громкими криками торжествующих и падающих. В то время как левое крыло, наступая, опрокинуло страшным натиском огромную силу напиравших германцев и с громким криком шло на варваров, наша конница, занимавшая правый фланг, неожиданно в беспорядке попятилась назад. Но первые шеренги бегущих задержали последние, и прикрытая легионами конница оправилась и вошла опять в бой. 38. Это произошло потому, что во время перестройки {*108* } рядов панцирные всадники увидели, что их командир легко ранен, а один их товарищ свалился через голову своей упавшей лошади и был раздавлен тяжестью вооружения. Они бросились врассыпную и произвели бы полный беспорядок, топча пехотинцев, если бы те, собравшись в тесный строй и поддерживая друг друга, не устояли недвижимо на месте.

39. Когда Цезарь издали увидал, что конница ищет спасения в бегстве, он погнал во весь опор своего коня и задержал ее, словно задвинув засов. Узнав его по прикрепленному к верхушке длинного копья пурпурному лоскутку, остатку разорванного дракона, трибун одной турмы остановился и смущенный и бледный поспешил назад, чтобы восстановить боевую линию. 40. И, как обычно поступают при сомнительных обстоятельствах. Цезарь высказал им свой упрек в мягкой

форме: «Куда это, храбрецы, мы отступаем? Или вы не знаете, что бегство, которое никогда не приносит спасения, показывает только глупость тех, кто делает столь бесполезную попытку? Вернемся к нашим, чтобы хоть разделить их будущую славу, если мы их неразумно оставили в их борьбе за благо государства».

41. Этими мягкими словами он вернул всех к исполнению воинского долга, взяв пример – не говоря о различиях – с древнего Суллы. Когда тот, утомленный в жаркой битве против Архелая, полководца Митридата, был покинут всеми своими солдатами, то устремился в первую линию, схватил знамя и бросил его в сторону врага со словами: «Ступайте, вы, которых я избрал себе товарищами в опасностях, если вас спросят, где остался ваш полководец, отвечайте по правде: в Беотии, один, проливая в бою свою кровь за нас всех». [272]

42. Когда аламанны отбросили и рассеяли нашу конницу, то навалились на строй пехоты в надежде, что теперь, когда сломлена уже бодрость сопротивления, им удастся погнать ее назад. 43. Но когда они сошлись лицом к лицу, то долго шел бой с равными шансами успеха для обеих сторон. Корнуты и бракхиаты, закаленные в боях, нагонявшие страх уже внешним своим видом, издали громкий боевой клич. Начинаясь в пылу боя с тихого ворчанья и постепенно усиливаясь, клич этот достигает силы звука волн, отражающихся от прибрежных скал. Дротики и стрелы со свистом летели тучей с той и другой стороны, и среди пыли, поднявшейся от движения людей и не оставлявшей никакого просвета, скрестились мечи, столкнулись тела. 44. В пылу гнева расстроив свои ряды, варвары вспыхнули как пламя и старались ударами мечей разбить заслон щитов, который закрывал наших на манер черепахи. 45. Заметив это, на помощь товарищам поспешили быстрым бегом батавы вместе с «царями» (страшный {*109* } отряд, который может вырвать находящихся в самой крайней опасности из пасти смерти, если благоволит случай) и грозно раздавались трубные сигналы, и люди бились с напряжением всех сил.

46. Но аламанны, яростно вступив в бой, все более воодушевлялись и в порыве бешенства готовы были уничтожить все, что стояло у них на пути. Тучей продолжали лететь метательные копья, дротики и стрелы с железными наконечниками; в бою лицом к лицу бились кинжалами, сокрушали мечами панцири, и раненые, не потерявшие еще всей своей крови, поднимались с земли, чтобы биться с еще большим остервенением.

47. Равные сошлись здесь с равными: аламанны были сильнее телом и выше ростом, наши – ловчее благодаря огромному опыту; те – дики и буйны, наши – спокойны и осторожны; те полагались на свой огромный рост, наши – на свою храбрость.

48. Римлянин иногда отступал под натиском оружия с тем, чтобы снова подняться, а аламанн, если чувствовал слабость в ногах, припадал на левое колено и сам бросал вызов врагу – высшая степень упорства. 49. Внезапно вынесся вперед с боевым воодушевлением отряд знатнейших, среди которых сражались и цари. Сопровождаемый простыми воинами, он дальше других врезался в наш боевой строй и, открывая себе путь, дошел до легиона приманов, который был помещен посередине нашего боевого

272 **272.** Прим. ред.: Имеется в виду битва при Орхомене в Беотии в 86 г. до н. э. с войсками понтийского царя Митридата VI Евпатора под командованием Архелая. См. Плутарх, Сулла 21.

порядка – эта позиция называется «преторианским лагерем». Но наши солдаты укрепили свой строй, сплотившись в рядах, и представляя из себя как бы крепкую башню, с бóльшим воодушевлением возобновили бой; уклоняясь от ударов и прикрываясь по способу мирмиллионов [273]они кололи врага в бок мечом, если тот в гневе открывался. 50. Аламанны, готовые пожертвовать жизнью за победу, пытались прорвать сомкнувшийся строй наших. Из-за множества мертвых тел, падших под ударами приободрившихся римлян, выступали уцелевшие еще варвары; но повсюду раздававшиеся стоны умирающих заставили их в ужасе остановиться.

51. Наконец аламанны пали духом: остатка энергии хватило только на бегство. Они спешили уходить как можно скорее по различным тропинкам, подобно тому как из середины волн бурного моря моряки и кормчие спешат выбраться, не разбирая, куда их уносит ветер. Но то, что спасение было скорее мечтой, нежели надеждой, признают все, кто там тогда был. {*110* }

52. За нас было милостивое решение благосклонного божества. Если у наших солдат, поражавших отступающих в спину, гнулся меч и не хватало орудия рубить, то они вонзали в варваров их же собственное оружие. И никто из наносивших удары не утолил досыта своей ярости кровью, не пресытил свою десницу убийствами, никто не сжалился над молившим о пощаде и не оставил его в живых.

53. И вот многие лежали, пораженные насмерть и жаждали избавления в скорейшей кончине; другие, полумертвые, с ослабевающим уже дыханием, ловили потухающими взорами луч света; у иных головы были разбиты метательным оружием наподобие бревна и, склоненные на бок, еле держались на шейном хряще; другие, пробираясь по скользкой глине, падали, поскользнувшись на крови раненых и, хотя и не получили никаких ран, гибли под тяжестью груды падавших на них трупов.

54. Добившись такого успеха, победители стали еще яростнее наступать; от частых ударов притуплялись у них острия мечей, под ногами валялись блестящие шлемы и щиты. Варвары, напротив, оказались в крайне опасном положении, и так как груды трупов преграждали им выход, то они искали спасения в протекавшей позади них реке, представлявшей единственный путь для спасения. 55. Наши солдаты, двигаясь бегом в полном вооружении, без устали теснили врагов. Некоторые из тех, полагая, что могут спастись от гибели своим умением плавать, бросались в реку. Предвидя со свойственной ему быстротою соображения возможность опасных последствий, Цезарь с трибунами и другими командирами удерживал строгим окриком своих, чтобы никто из них в пылу преследования не бросился в быструю пучину реки. 56. Подчиняясь этому распоряжению, наши, стоя на берегу, поражали германцев метательным оружием, и те, кто быстротой своей успел спастись от смерти, бросаясь в реку, погружались под тяжестью своего тела на самое дно. 57. И как на каком-нибудь театральном представлении, когда открывается занавес и предстают разные удивительные картины, так можно было теперь, не испытывая никакого страха, видеть многие трагические сцены: как за умеющих плавать цеплялись неумеющие; как

273 **273.** Так назывался особый вид гладиаторов. Вооруженный щитом и кинжалом мирмиллион должен был уклоняться от врага, который старался накинуть на него сеть.

других уносило течение наподобие бревен, когда их покидали более ловкие; как некоторых поглощали волны, словно река вступала с ними в борьбу. Лишь немногие, плывшие на щитах, могли преодолеть силу течения, направляясь наискосок, и с разными трудностями достигали противоположного берега. Пенясь варварской кровью, изменившая свой естественный цвет река сама должна была дивиться своему необычайному разливу.

58. Между тем царь Хонодомарий нашел возможность бежать. Пробираясь через груды мертвых тел, он с небольшим числом {*111* } телохранителей спешил по возможности быстрее уйти в свой лагерь, который он смело разбил поблизости от римских укреплений Трибунков и Конкордии[274]Там были заранее заготовлены на случай неудачи суда, на которых он надеялся уйти в недоступные части страны. 59. А так как он не мог достигнуть своих земель иначе, как переправившись через Рейн, то уходил тайно, скрывая свое лицо, чтобы не быть узнанным. Когда он уже приближался к берегам реки, ему пришлось обходить топкое место, залитое болотной водой. Тут он попал на вязкий грунт и свалился с коня, но тотчас выбрался, несмотря на тяжесть своего тучного тела, на соседний холм. Но как только его узнали – а скрыть, кто он был, он не мог, так как его выдало прежнее высокое положение, – тотчас бегом бросилась за ним когорта с трибуном во главе и оцепила поросшую лесом возвышенность, опасаясь нападать открыто, чтобы в густых зарослях не попасть в засаду. 60. Увидев это, Хонодомарий совершенно пал духом, вышел один и сдался на милость победителя. Его свита численностью 200 человек и три близких друга, считая бесчестьем пережить царя и не умереть за него, если выдастся такая судьба, дали схватить себя.

61. Поскольку у варваров в характере унижаться в несчастьях и превозноситься в счастье, Хонодомарий шел теперь, как раб чужой воли, бледный от волнения, онемев от сознания своих преступлений. Как бесконечно не похож был он на того Хонодомария, что совершил столько ужасных зверств в Галлии и, неистовствуя на ее пепелище, изрекал свои свирепые угрозы.

62. И вот, когда благоволением верховного божества делу было дано такое завершение, раздался на закате дня сигнал трубы к отходу. Неохотно возвращались солдаты. Расположившись на берегу Рейна и окружив место стоянки увеличенным по сравнению с обычным числом охранных цепей, римляне подкреплялись пищей и сном. 63. Пало в этой битве с римской стороны 243 солдата и 4 офицера: трибуны корнутов Байнобавд и Лайпсо, командир катафрактариев Иннокентий и один офицер в звании трибуна, имя которого мне неизвестно. Из аламаннов насчитали 6000 трупов, лежащих на поле брани, и целые груды мертвых тел унесла река в своих волнах. Возвеличившись выше занимаемого им положения и более могущественный благодаря совершенным им подвигам, чем предоставленной ему властью, Юлиан провозглашен был Августом [275]единодушным криком всей армии. Но он выразил за это солдатам порицание, назвав их поступок дерзостью, и с клятвой заверял,

274 **274.** Конкордия лежала в 18 римских милях от Аргеитората, нынешний Вейсенбург (?)

275 **275.** Прим. ред.: Войско провозгласило Юлиана «императором» в древнеримском смысле этого слова – как заслуженного полководца.

что не ожидает этого повышения и не имеет никакого желания {*112* } достигнуть его. 65. Чтобы увеличить радость от счастливого события, он созвал совет, назначил награды и в ласковых выражениях приказал привести к себе Хонодомария. Сначала низко склонившись, а потом пав ниц, Хонодомарий просил на родном языке прощения и получил ободряющий ответ. 66. Через несколько дней его отправили на главную квартиру императора, откуда он был отослан в Рим. Там он жил в лагере иноземных солдат, расположенном на Цэлийском холме, и вскоре умер от одолевшего его упадка духа.

67. Несмотря на столько успешных деяний Юлиана, при дворе нашлись люди, очернившие его. Заискивая перед императором, они называли его в насмешку Викторином за то, что он в своих приказах по войскам упоминал, хотя и в сдержанных выражениях, о своих неоднократных победах над германцами. 68. Преувеличенными пустыми хвалами, в которых просвечивала ложь, они, как обычно, возбуждали в императоре высокомерие, к которому он был склонен от природы, и приписывали все, что ни случалось во всех концах земли, его счастливому предводительству.

69. Будучи польщен этими широковещательными речами льстецов, Констанций и тогда, и впоследствии допускал в своих эдиктах высокомерную ложь: он один – хотя и не был на месте событий – сражался, одерживал победу, поднимал с земли простершихся пред ним с мольбой царей вражеских племен. Если, например, когда он был в Италии, какой-либо полководец добивался успеха в персидской войне, Констанций в пространном отчете об этой победе опускал имя победителя и, рассылая отчет в виде лавром увитого, убыточного для провинций [276]рескрипта, заявлял в нем с противной хвастливостью, будто он сам был среди первых. 70. В императорских архивах хранятся его эдикты... с повествованием о событиях и превознесением себя до небес. Хотя во время битвы Юлиана с аламаннами Констанций находился в сорока дневных переходах от Аргентората, но в описании сражения он ложно утверждает, будто сам выстраивал боевую линию, стоял среди знаменосцев, обратил варваров в стремительное бегство; будто к нему привели Хонодомария, и – о позорнейший поступок! – умалчивает о славных деяниях Юлиана. Он бы совершенно их стер и из памяти, если бы не молва, которая не умеет замалчивать великие дела, хотя бы этого хотели очень многие. {*113* }

КНИГА XVII

(годы 357–358)

1. Цезарь Юлиан, перейдя Рейн, предает грабежу и огню селения аламаннов, восстанавливает там укрепления Траяна и предоставляет варварам перемирие на десять месяцев.

2. Юлиан осаждает франков, опустошавших Вторую Германию, и вынуждает их к сдаче голодом.

276 **276.** Имеется в виду обычай подношений императору по случаю победы, aurum coronarium.

3. Старания Юлиана облегчить положение галлов, подавленных податями.

4. По приказу Августа Констанция в Риме в Большом Цирке воздвигается обелиск; об обелисках и иероглифических знаках.

5. Август Констанций и царь персидский Сапор безуспешно ведут переписку и посылают посольства о мире.

6. Ютунги, аламанское племя, разбиты и обращены в бегство римлянами в Рэции, где они производили опустошения.

7. Разрушение Никомедии землетрясением и о том, сколько есть видов землетрясений.

8. Цезарь Юлиан принимает в подданство франкское племя салиев; разбивает одних из хамавов, а других берет в плен, остальным предоставляет мир.

9. Он восстанавливает три укрепления на Мозе, разрушенные варварами, и подвергается оскорблениям и угрозам со стороны солдат, терпящих голод.

10. Цари аламаннов Суомарий и Гортарий после выдачи пленных получают от Цезаря Юлиана мир.

11. Цезарь Юлиан, после удачных действий в Галлии, подвергается осмеянию во дворце Августа Констанция своими завистниками; его называют вялым и робким.

12. Август Констанций принуждает к выдаче заложников и возвращению пленных сарматов – некогда господ, а теперь изгнанников, и квадов, опустошавших Паннонию и Мезию; он {114 }ставит царя сарматам-изгнанникам, возвратив им свободу и жилища предков.

13. Август Констанций вынуждает пограничных сарматов-рабов, произведя большое избиение их, выселиться из своих пределов и обращается с речью к солдатам.

14. Римское посольство о мире, не достигнув цели, возвращается из Персии, так как Сапор требует назад Месопотамию и Армению. {115 }

1.

1. После окончания описанных мной разнообразных событий, юный питомец Марса, которому уже не причинял больше тревог Рейн, после битвы при Аргенторате мирно несший свои воды, приказал предать погребению всех павших без различия, чтобы хищные птицы не исклевали трупы, а затем, отпустив послов, которые, как я выше сказал, принесли ему гордые предложения еще до битвы, вернулся в Три Таберны [277]2. Отсюда он приказал препроводить добычу вместе со всеми пленными в Медиоматрики [278]и оставить там до его возвращения. Сам он предполагал направиться в Могонциак [279]чтобы, перейдя реку по наводному мосту, атаковать варваров в их собственной земле, поскольку уже не оставалось ни одного из них в наших пределах. Но тут он встретил было сопротивление в армии; однако ему удалось привлечь солдат на

277 **277.** Эльзас – Цаберн.

278 **278.** Мец.

279 **279.** Майнц.

свою сторону убедительностью и дружелюбием своей речи. Любовь к нему, увеличившаяся под влиянием того, чему солдаты сами были свидетелями, побуждала их охотно следовать за тем, в ком они видели товарища по всем своим трудам и авторитетнейшего полководца, взвалившего, как все воочию убедились, больше обязанностей на самого себя, чем на солдата. Вскоре пришли к указанному месту, перешли по наводному мосту через реку и вступили на вражескую территорию. 3. Варвары были приведены в крайнее расстройство грозной опасностью. Чувствуя себя в полном покое, они никак не предполагали возможности нападения, и так как гибель других вызывала в них тревогу за собственную судьбу, то они стали притворно просить мира, чтобы отклонить от себя стремительность первого натиска. Они отправили послов с заявлением о том, что они обязуются нерушимо соблюдать договоры. Но неизвестно, какие соображения или обстоятельства изменили их настроение: через других послов, отправленных с большой быстротой, они стали угрожать нашим ожесточеннейшей войной, если они не уйдут из их областей. {*116* }

4. Получив об этом вполне точное сообщение, Цезарь в начале ночи посадил на небольшие быстроходные суда 800 солдат с тем, чтобы они вели патрулирование с возможной быстротой вверх и вниз по реке и, высаживаясь в разных местах, предавали огню и мечу все, что попадется им навстречу. 5. Когда эти меры были приняты, и на рассвете были обнаружены варвары на вершинах гор, наши солдаты в бодром настроении двинулись на высоты; но они никого там не нашли: предвидя нападение, варвары поспешно отступили. Но тут издали показались огромные клубы дыма, свидетельствовавшие о том, что наши проникли на вражескую территорию и предали ее опустошению. 6. Это обстоятельство сломило боевой дух германцев: покинув засады, которые они устроили нашим в тесных и труднопроходимых местах, они поспешили за реку Мен [280]на помощь своим семействам. 7. Как случается в сомнительных и тревожных обстоятельствах, варвары, опасаясь, с одной стороны, атаки наших всадников, а с другой – внезапного нападения солдат, прибывших на судах, нашли быстрый способ уйти, пользуясь своим знанием местности. После их отступления наши солдаты, беспрепятственно наступая, грабили богатые скотом и хлебом селения и никому не давали пощады. Захватывая людей в плен, солдаты предавали пламени все жилища, тщательно выстроенные по римскому образцу. Пройдя вперед приблизительно десять миль, наши подошли к непроходимому темному лесу. 8. Тут Цезарь остановился и долго не решался двигаться дальше, так как имелись показания одного перебежчика о том, что в подземных пещерах и шедших в разных направлениях рвах пряталось много варваров, чтобы сделать вылазку, выждав удобный момент. 9. Наши, однако, смело шли вперед; но оказалось, что дороги преграждены засеками из срубленных дубов, ясеней и елей. Поэтому они осторожно двинулись в обход, но с величайшей досадой заметили, что пройти вперед они могут только по дальним и крутым окружным путям. 10. И так как вследствие холодной погоды борьба с величайшими опасностями оказалась бы тщетной, – осеннее равноденствие уже миновало, и в тех местах снега покрыли и горы и равнины, – то принялись за достойное

280 **280.** Майн.

памяти деяние. 11. Пока никто не оказывал противодействия, спешно восстановлено было укрепление, подвергавшееся в давние времена ожесточенным нападениям варваров; воздвиг его на земле аламаннов еще Траян, [281]который и назвал его от своего имени[282]Там помещен был в соответствии с требованиями данного времени гарнизон и собраны {*117* } запасы провианта из самых глубин земли варваров. 12. Видя, что эта спешная работа совершается на их погибель, варвары в страхе перед осуществлением предприятия быстро собрались и через посланных просили мира в самом униженном тоне. Цезарь, с большой точностью обставив дело и приведя целый ряд правдоподобных оснований, дал им мир на десятимесячный срок. При этом он предусмотрительно принимал во внимание то, что укрепление, занятое против ожидания беспрепятственно, нужно было снабдить осадными орудиями и обеспечить сильным снаряжением. 13. В силу этого соглашения явились три самых диких царя, из тех что посылали помощь побежденным при Аргенторате, которые наконец почувствовали страх. Они дали клятву по формуле, соответствующей их национальным обычаям, что они не причинят никаких беспокойств, но будут соблюдать договор до условленного дня согласно нашему требованию, сохранять укрепление невредимым и на своих плечах доставлять провиант, если гарнизон даст им знать, что испытывает в нем недостаток. И они исполнили то и другое обязательство, так как страх обуздывал их вероломство. 14. Эта памятная война, заслуживающая сравнения с пуническими и тевтонскими, [283]но законченная с самыми ничтожными потерями с римской стороны, привела Цезаря в самое радостное и восторженное настроение. Можно было поверить клеветникам, которые сочиняли, будто он потому действовал повсюду так храбро, что предпочитал умереть славной смертью в бою, чем подвергнуться осуждению и казни, как его брат Галл, на что они надеялись; но опровержением служит то, что он и впоследствии оставался таким же, как после смерти Констанция и прославился достойными удивления делами.

2.

1. Уладив прочно, насколько позволяли обстоятельства, эти дела, Юлиан возвратился на зимние квартиры, где его ожидали тяжелые

281 **281.** Прим. ред.: Имп. Марк Ульпий Траян (98–117 гг.).

282 **282.** Укрепление это лежало близ впадения Нидды в Майн. В недавнее время оно было открыто Wolff, Berl. Phil. Wochenschrift. 1892, № 6, стр. 161–163.

283 **283.** Прим. ред.: Пунические войны происходили в 3–2 вв. до н. э. между Римом и Карфагеном. В ходе 1-й Пунической войны (264–241 гг. до н. э.) Карфаген потерял все свои владения на Сицилии и Сардинии, во 2-й Пунической войне (218–201 гг. до н. э.), которую вел со стороны Карфагена знаменитый Ганнибал, римляне после ряда серьезных поражений одержали решающую победу при Заме в Африке в 202 г. до н. э. и вынудили Карфаген капитулировать, в результате чего он лишился всех колоний вне Африки. После 3-й Пунической войны (149–146 гг. до н. э.) Карфаген был разрушен, а все его жители обращены в рабство. Тевтонские войны происходили в конце 2 в. до н. э. Римляне после ряда поражений разгромили вторгшиеся на их территорию германские племена кимвров и тевтонов под руководством Гая Мария, в ходе этих войн 6 раз подряд становившегося консулом.

заботы. Магистр конницы Север на своем пути в Ремы [284]через Агриппину [285]и Юлиак [286]наткнулся на сильный отряд франков в 600 легковооруженных, как это выяснилось позднее, который опустошал оставшиеся без защиты местности. Отважиться на это злодейство побудило их то обстоятельство, что они надеялись поживиться богатой добычей, пока Цезарь будет занят в глубине земли аламаннов и никто им не будет мешать. Но в страхе перед возвратившейся армией они заняли два укрепления, уже давно {*118* } заброшенные, с тем, чтобы обороняться в них, пока это будет возможно. 2. Юлиан, возмущенный этим неожиданным событием и понимая что может получиться из этого, если он пройдет мимо, оставив их в покое, задержал солдат и решил осадить варваров... Укрепления эти лежат на реке Моз[287]Осада затянулась на пятьдесят четыре дня и шла в декабре и январе, так как варвары оборонялись с удивительным упорством. 3. Цезарь, с отличавшей его предусмотрительностью опасался, как бы варвары, дождавшись безлунной ночи, не перебрались через замерзшую реку. Поэтому он отрядил солдат, которые должны были ежедневно от заката солнца до рассвета разъезжать вверх и вниз по реке на сторожевых судах и, взламывая смерзающийся ледяной покров, не давать никому возможности ускользнуть. Эта мера привела к тому, что варвары, утомленные голодом и караулами, дойдя до полного отчаяния, сами сдались. Они были немедленно отосланы на главную квартиру императора. 4. На выручку им выступил значительный отряд франков; но когда они узнали, что те взяты в плен и уведены, то не осмелились ничего предпринять и возвратились обратно. Покончив с этим, Цезарь вернулся в Паризии, чтобы провести там зиму.

3.

1. Так как можно было ожидать, что многие племена соединят в большем возмущении свои силы, то опасаясь переменчивости военного счастья, Юлиан как осторожный начальник чувствовал на себе непомерное бремя забот. Как ни непродолжительно и хлопотливо было время перемирия, он занялся расчетом податей, желая прийти на помощь разоренным землевладельцам. 2. В то время как префект претория Флоренций после тщательной, как он заявлял, проверки, настаивал на том, чтобы недоимки поземельной подати пополнить экстренными взысканиями, Юлиан с полным знанием дела заявил, что он скорее готов умереть, чем разрешить произвести эти взыскания. 3. Он знал, что подобного рода взыскания, или, правильнее выражаясь, вымогательства, наносят провинциям неизлечимые раны, доводя их до крайней нищеты – такими взысканиями, как я расскажу ниже, был совершенно разорен Иллирик. 4. Возражая на это, префект претория запальчиво заявлял, что он не потерпит, чтобы обманщиком выставлялось лицо, которому

284 **284.** Реймс.

285 **285.** Кельн.

286 **286.** Юлих.

287 **287.** Мозель.

император доверил такой высокий пост. Юлиан его успокаивал и точным подсчетом доказал ему, что сумма поземельной подати не только покрывает необходимые расходы на {*119* } содержание армии, но и превышает их размеры. 5. Тем не менее ему был представлен много позже текст указа об усилении обложения; но он не стал подписывать и даже читать его и бросил на пол. На основании донесения об этом префекта император прислал ему в письме внушение не позволять себе резких поступков, чтобы не показалось, будто Флоренций не пользуется достаточным доверием. Но Юлиан ответил императору, что следует радоваться, если провинциалы, разоряемые со всех сторон, платят положенные подати, не поднимая вопроса о надбавках, которых нельзя было бы вырвать у бедных людей никакими казнями.

Так было достигнуто твердостью одного человека, что тогда и после никто не пытался вымогать у галлов в ущерб справедливости что-либо помимо обычных налогов... 6. Цезарь упросил префекта предоставить ему – чему не было примеров – управление Второй Белгикой, пострадавшей от различных бедствий, на условии, что ни один чиновник префекта или правителя провинции не будь принуждать никого к уплате податей. Почувствовав это облегчение все... без дополнительных напоминаний платили то, что с них причиталось, раньше установленного срока.

4.

1. В ту пору как в Галлии занималась заря лучших дней, в Риме во вторую префектуру Орфита воздвигнут был в большом Цирке обелиск. Считаю уместным сообщить о нем некоторые сведения. 2. В отдаленные века был основан город, славный большой протяженностью своих стен и своими ста вратами. От этого последнего обстоятельства его основатели назвали его Стовратыми Фивами; [288]по имени города и до наших дней провинция называется Фиваидой. 3. В первые годы усиления Карфагена пунийские вожди разрушили его внезапным набегом, а позднее, когда он был восстановлен, персидский царь Камбиз, [289]жадный в течение всей своей жизни до чужого и свирепый, ворвавшись в Египет, напал на этот город, чтобы похитить оттуда огромные богатства, не щадя даже приношений богам. 4. Когда он бросался туда и сюда в толпе грабителей, то запутался в своем широком одеянии и упал на землю, причем его собственный кинжал, который он носил у правого бедра, выпал из ножен и ранил его почти насмерть. [290]5. Много времени спустя, когда римским государством правил Октавиан, Корнелий Галл, будучи прокуратором [291]Египта, ущемлял этот город своими многочисленными грабежами.

288 **288.** Прим. ред.: Имеется в виду столица Египта в эпоху Нового царства.

289 **289.** Прим. ред.: Камбиз, сын Кира, присоединил Египет к персидской державе в 525 г. до н. э.

290 **290.** Прим. ред.: Геродот связывает смерть Камбиза с безумием (или эпилепсией), поразившим его после убийства священного для египтян быка Аписа. {531}

291 **291.** Прим. ред.: Гай Корнелий Галл был не прокуратором, а первым префектом Египта, объявленного достоянием Августа лично, т. е. ставшего не сенатской, а императорской провинцией.

Когда по возвращении в Рим он был привлечен к судебной ответственности за обворовывание и грабеж провинции, то в страхе перед возмущенной знатью, которой император предоставил это дело на расследование, он бросился на {*120* } свой меч. Если я не ошибаюсь, то это тот самый поэт Галл, которого воспевает чувствительными стихами в своей последней буколике Вергилий.

6. В Фивах, наряду с огромными бассейнами и колоссальными изваяниям, изображающими египетских богов, я видел много обелисков, из которых некоторые лежат в обломках на земле. Древние цари Египта по случаю покорения чужих народов или в гордой радости о цветущем состоянии государства, высекали обелиски, отыскивая подходящую породу камня иногда даже на краю земли, и, воздвигнув обелиск, посвящали его верховным богам. 7. Обелиск – это чрезвычайно твердый камень, поднимающийся наподобие пирамиды на большую высоту и постепенно утончающийся, так как он изображает луч Солнца; четырехугольный внизу, он постепенно суживается к острой верхушке; наружные его площади искусно отшлифованы. 8. Множество фигур – их называют иероглифами, – высеченных на всех его площадях, – создание древней первобытной мудрости 9. Высекая многообразные изображения птиц и зверей даже других частей света, египтяне хотели сохранить и распространить память о событиях для грядущих веков и таким способом увековечивали обеты, данные или исполненные их царями. 10. В настоящее время определенное число легко запоминаемых букв выражает всякую мысль человека; но древние египтяне писали не так: у них отдельные знаки соответствовали отдельным именам и словам, а иногда обозначали и целые предложения. 11. Пояснение этого я дам в двух примерах. Изображением ястреба они обозначают слово «природа», и это потому, что, по свидетельству естествоиспытателей, среди этих птиц нельзя отыскать самцов; изображением производящей мед пчелы обозначают царя, показывая тем самым, что правитель должен вместе с мягкостью обладать также и жалом. И другие знаки подобны.

12. Льстецы, постоянно напевавшие на уши Констанцию, твердили без конца, что Октавиан Август перевез два обелиска из египетского города Гелиополя, [292]из которых один поставлен был в Большом Цирке, а другой – на Марсовом Поле; а этого, который недавно привезен, Октавиан не решился ни коснуться, ни сдвинуть с места ввиду трудностей, которые представляли его громадные размеры. Но пусть же узнают те, кому это неведомо, что тот император древнего времени, перевезя несколько обелисков, оставил этот нетронутым потому, что он, специально посвященный Богу-Солнцу и установленный внутри святилища великолепного храма, на которое нельзя было наложить руку, представлял собою как бы венец всех остальных сооружений 13. Но Константин не придал этому значения, сдвинул эту громаду с ее основания, правильно понимая, что он не совершит религиозного проступка, если унесет {*121* } это чудо из одного храма и посвятит его в Риме, т. е. в храме всего мира. Однако он долго пролежал, пока делались приготовления к перевозке. Его сплавили по Нилу и доставили в Александрию, где был выстроен корабль необычайных размеров,

292 **292.** Прим. ред.: Знаменитый город в Нижнем Египте, где находились храмы, посвященные Солнцу.

рассчитанный на 300 гребцов. 14. Когда эти приготовления были закончены, названный император скончался и вместе с тем остыл пыл к этому делу. Теперь, наконец, его погрузили на корабль и повезли через моря и по реке Тибр. И Тибр, казалось, боялся, что ему не удастся по своему извилистому руслу доставить в стены своего родного города дар, который посылал почти неведомый Нил. Так доставлен был обелиск в селение Александра [293]в трех милях от города. Там он был водружен на подставки и медленно втащен через Остийские ворота, [294]а затем через Общественный Водоем доставлен в Большой Цирк. 15. Теперь оставалось только его установить, на осуществление чего было мало или даже почти никакой надежды. Уставлены были перпендикулярно высокие балки, представлявшие собою словно лес машин; к ним привязали толстые и длинные канаты и сплели их между собою; образовалась сетка, закрывающая своим густым переплетом небо. К ним подвязали эту исписанную иероглифами громаду и стали мало-помалу подымать ее вверх. Долго она висела в воздухе, пока тысячи людей приводили в движение ворот вроде тех, что употребляются на мельницах, и, наконец, обелиск был водружен на середине площади. На вершине укреплен был бронзовый шар, блиставший покрывавшими его золотыми пластинками. Так как вскоре этот шар был разбит ударом молнии, то его убрали и на обелиске установлено было бронзовое позолоченное изображение факела, как бы горевшего ярким пламенем.

16. Позднее перевезены были и другие обелиски; один из них воздвигнут на Ватикане, другой в садах Саллюстия, два – на Мавзолее Августа. 17. Я приведу здесь текст, высеченный на древнем обелиске, который мы видим в Цирке. Заимствую его из книги Гермапиона, [295]где он приведен в греческом переводе.

Начало на южной стороне в переводе гласит так:

Стих первый.

18. «Гелиос царю Раместе: [296]я даровал тебе радостно царствовать по всей вселенной. Тебя любит Гелиос и Аполлон. Могучий друг истины, сын Герона, богом рожденный основатель вселенной. Тебя избрал Гелиос, мощный царь Арея Раместа. Тебе подчинена {*122* } вся земля с силою и мощью. Царь Раместа, сын Гелиоса, вовек живущий.

Второй стих.

19. Аполлон могучий, покоящийся на истине владыка диадемы, стяжавший со славою Египет, озаривший светом город Гелиоса и создавший остальную вселенную и почтивший богов, утвержденных в городе Гелиоса, которого любит Гелиос.

Третий стих.

20. Аполлон, могучий сын Гелиоса, все освещающий, которого избрал Гелиос и одарил могучий Арей, коего блага пребывают во всякое время,

293 **293.** Прим. ред.: Один из пригородов Рима, происхождение названия которого неизвестно.

294 **294.** Прим. ред.: Южные ворота Рима в стене, построенной вокруг города при имп. Аврелиане в 275 г.

295 **295.** Прим. ред.: Гермапион известен только из упоминания его имени Аммианом.

296 **296.** Прим. ред.: Раместа – фараон Рамзес II.

коего любит Аммон. Ты исполнил благ храм Феникса. Тебе даровали боги время жизни.

Аполлон, мощный сын Герона, царь вселенной, Раместа, охранивший Египет, победил иноземцев. Тебя любит Гелиос. Тебе долгий срок жизни даровали боги, владыка вселенной Раместа, во век живущий.

Другой второй стих.

21. Гелиос, великий бог, владыка неба. Тебе даровал жизнь, которой ты вечно не насытишься. Аполлон, могучий владыка диадемы, несравненный, который воздвиг в этом царстве изображения богов, владыка Египта, и равным образом украсил город Гелиоса и самого Гелиоса, владыку неба. Дело благое совершил сын Гелиоса, царь вечный.

Третий стих.

22. Бог Гелиос, владыка неба, царю Раместе: я даровал силу и власть надо всем. Тебя Аполлон, друг истины, владыка времен, и Гефест, отец богов, избрали благодаря Арею. Царь, любезное чадо Гелиоса и возлюбленный Гелиосом.

Первый стих на восточной стороне.

23. Великий бог города Гелиоса, в небесах обитающий Аполлон, могучий сын Герона, которого направлял Гелиос, которого почтили боги, царствующий над всей землею, которого Гелиос избрал, {*123* } мощный через Арея царь. Тебя любит Аммон и светоносный избрал вечным царем» – и т. д.

5.

1. В консульство Дациана и Цереалия [297]в Галлии проявлялось в распоряжениях властей заботливое внимание к интересам населения, и страх перед недавними событиями сдерживал нападения варваров. В это время царь персидский, все еще находившийся на границе своего царства с самыми отдаленными народами, собирался уже вернуться домой, заключить союзный договор с хионитами и геланами, племенами, отличавшимися особой воинственностью. Тут он получил письмо Тамсапора, извещавшего его о том, что римский император просит о мире. 2. Полагая, что такие действия предпринимаются только из-за ослабления государства, Сапор, возгордясь больше прежнего, заявил, что он соглашается на мир, но условия предложил тяжелые. Он отправил послом к Констанцию некоего Нарсея с дарами и письмом, которое было написано со свойственным ему высокомерием. Содержание письма было, по моим сведениям, таково:

3. «Я, царь царей, Сапор, сопричастник звезд, брат Солнца и Луны, шлю Констанцию Цезарю, моему брату, привет.

Радуюсь и вполне одобряю, что ты вернулся наконец на правильный путь и прислушался к неподкупному голосу справедливости, изведав на деле, какие несчастья иногда приносит упорное стремление овладеть чужим. 4. Так как язык истины должен быть ничем не связан и свободен, и так как людям высокого положения подобает, чтобы слова их вполне соответствовали их мыслям, то я вкратце выскажу свое решение, напоминая, что я имел случай не раз говорить то, что намерен сказать

297 **297.** 358 год.

теперь. 5. О том, что мои предки владели территориями до реки Стримон [298]и границ Македонии, свидетельствуют даже ваши старые записи. Требовать прежних границ подобает мне, так как я – никто не сочтет высокомерным мое заявление, – превосхожу древних царей блеском и множеством выдающихся подвигов. На сердце у меня прежде всего чувство правды; придерживаясь его, я никогда не сделал ничего такого, в чем бы приходилось каяться. 6. Я должен поэтому возвратить себе Армению и Месопотамию, которые были коварно отняты у моего деда. [299]Никогда не будет принято у нас правило, которого вы высокомерно придерживались, а именно: не делая {*124* } различия между храбростью и обманом, одобрить всякий благополучный исход войны. 7. Одним словом, если ты хочешь послушать моего разумного совета, откажись от небольшой области, являющейся вечным предметом борьбы и кровавого спора, чтобы спокойно править остальным царством; пойми, что и врачи иногда жгут, режут и отсекают отдельные части тела, чтобы было возможно пользоваться здоровыми частями. То же самое проделывают и дикие звери: если они поймут, ради чего именно их ловят, они с тем расстаются по доброй воле, чтобы можно было затем жить без страха. 8. Во всяком случае, я тебе заявляю: если это мое посольство вернется без всякого результата, то по окончании времени зимнего отдыха я поспешу со всей возможной быстротой выступить против тебя со всеми своими силами и буду питать надежду на успех в уверенности в своем счастье и сознании справедливости предлагаемых мною условий».

9. В течение долгого времени письмо это обсуждалось, а затем был составлен ответ с благородной гордостью и полной осмотрительностью.

10. «Я, Победитель на суше и на море, Констанций, Август вовеки, шлю привет моему брату царю Сапору.

Приветствую твое благополучие, как будущий твой, если захочешь, друг; но твою жадность, никогда не убывающую и все ширящуюся, жестоко порицаю. 11. Ты требуешь Месопотамию как свою собственность, а также и Армению и советуешь отнять от живого тела некоторые его части, чтобы тем обеспечить его благополучие на последующее время. Этот совет лучше сразу отклонить, чем поддерживать его согласием в какой-либо форме. Узнай поэтому истину без всякой хитрой притаенности, в прозрачной ее чистоте, истину, которую нельзя запугать никакими пустыми угрозами. 12. Мой префект претория, полагая, что он предпринимает дело, направленное к общему благополучию, завел без моего ведома с твоим полководцем через каких-то людей низкого состояния речи о мире. Я не отказываюсь и не отвергаю мира, только бы он был почетный и благородный, и ни в каком отношении не ронял ни моей чести, ни моего величия. 13. В ту пору, когда волны зависти, не раз воздымавшиеся на меня, умиротворены целым рядом моих подвигов,

298 **298.** Марица.

299 **299.** Прим. ред.: Сапор II был внуком персидского царя Сапора I и сыном царя Нарсеса. Последний в 298 г. потерпел решающее поражение от Галерия и вынужден был уступить империи значительные части Армении и Месопотамии.

когда по уничтожении тиранов [300][301]весь римский мир повинуется мне, нелепо и бессмысленно было бы отрекаться от того, что я долго сохранял нерушимым, когда еще правил только в восточных областях[302]Так пусть же прекратятся запугивания, с {*125* } которыми подступают к нам по обычаю. Ведь не может быть сомнения в том, что иной раз мы не из трусости, а по чувству самообладания вели скорее оборонительную, чем наступательную войну. А когда нас задевают, то мы отстаиваем наше достояние с мужественным воодушевлением доброго дела. По опыту и из истории мы знаем, что лишь изредка в некоторых битвах колебалось римское дело, но конечный исход войн никогда не оказывался в ущерб для римлян».

15. Посольство ничего не добилось и было отпущено, – да и нельзя было ничего больше ответить на наглые требования царя, – а через несколько дней вслед за посольством Сапора уехали комит Проспер [303]трибун и нотарий [304]Спектат, а также, по совету Музониана [305]философ Евстафий, имевший репутацию мастера убеждать[306]Они везли письмо императора и подарки. На них было возложено поручение задержать всеми способами военные приготовления Сапора, чтобы укрепить по возможности обороноспособность северных провинций.

6.

1. В тревожных обстоятельствах пограничное с Италией племя аламаннов ютунги, позабыв о мире и договорах, которых они добились усиленными просьбами, стало производить страшные опустошения в Рэции и притом столь нагло, что, вопреки обыкновению пытались осаждать города. 2. Для их отражения отправлен был с сильным отрядом Барбацион, возведенный в сан магистра пехоты на место Сильвана, человек малоэнергичный, но мастер говорить. Сумев сильно поднять дух солдат, он истребил большую часть вторгшихся варваров; с трудом ускользнули лишь немногие, обратившиеся в бегство из страха перед опасностью, и вернулись назад в слезах и стенаниях. 3. В этой битве, как утверждают, участвовал Невитта, впоследствии консул, в ту пору командир турмы, и отличился блестящей храбростью.

300 **300.** Этот термин применяли к претендентам на императорскую власть их победители.

301 **301.** Прим. ред.: Имеется в виду борьба с Магненцием.

302 **302.** По разделу империи имп. Константином между тремя сыновьями Констанций получил Восток.

303 **303.** Ср. о нем 14, 11, 5; 15, 13, 3.

304 **304.** Высший класс нотариев, notarii principis, имел титул трибунов, см. Zos. 5, 40.

305 **305.** Ср. о нем 16, 9, 2.

306 **306.** Ученик Ямвлиха, Евнапий, v. Aedesii, рассказывает о его посольстве к Сапору и том обаянии, которое он производил на людей своей речью.

7.

1. Примерно в те же времена страшное землетрясение прошло по Македонии, Азии и Понту, и повторные подземные удары {*126* } поколебали многие города и горы. Из числа многих запоминающихся несчастий выделялась гибель Никомедии, главного города Вифинии, и я хочу дать кратко точный отчет об этом разрушении. 2. 24-го августа на рассвете густые клубы черных туч закрыли ясное до того времени небо, потух блеск солнца и нельзя было ничего различить ни подле себя, ни непосредственно перед собою: взор затемнялся, и черная непроницаемая тьма покрыла землю. 3. Затем поднялся страшный ураган, словно верховное божество метало губительные молнии и поднимало ветры из самых недр их. Слышны были стоны гор, поражаемых напором бури, грохот волн, бивших о берег; последовавшие затем молнии и смерчи со страшным сотрясением земли до основания разрушили город и предместья. 4. И так как большинство домов было построено на склонах холмов, они сползали вниз и падали один на другой при ужасном грохоте всеобщего разрушения. Между тем на вершинах звучали возгласы людей, разыскивавших жен и детей или вообще близких людей. 5. После второго часа дня, задолго до исхода третьего [307]атмосфера опять очистилась, и предстала скрытая до тех пор картина печального разрушения. Одни были раздавлены тяжестью падавших сверху обломков и погибли под ними; другие были засыпаны до шеи и могли бы остаться в живых, если бы оказали им помощь, но погибали из-за отсутствия таковой; некоторые висели, пронзенные выдавшимися концами брусьев. 6. Один удар сразил множество людей, и те, кто только что были живыми людьми, теперь представали взору в виде груды трупов. Рухнувшие верхние части домов погребли некоторых невредимыми внутри зданий и обрекли их на гибель от удушья и голода. Из числа последних был Аристенет, управлявший в звании викария недавно столь завидной диэцезой, которая получила от Констанция в честь его супруги Евсевии название «Pietas» (благочестие): он скончался после долгих мучений в таких условиях. 7. Некоторые, засыпанные страшными обвалами, лежат под ними и доселе. Другие с разбитой головой, оторванными руками или ногами, находясь между жизнью и смертью, взывали о помощи к другим, находившимся в таком же положении, но в ответ раздавались лишь громкие жалобы на то же самое. Бóльшая часть храмов, частных жилищ и людей могла бы уцелеть, если бы не свирепствовавший повсюду в течение пяти дней и ночей огонь, который истребил все, что только могло гореть.

9. Я полагаю, что здесь подходящий случай изложить предположения, которые высказаны были древними о землетрясениях. В {*127* } тайну, скрывающую истину об этом явлении, не проникли не только мы, профаны, но и естествоиспытатели, продолжающие свои бесконечные споры, несмотря на продолжительные исследования. 10. Поэтому и в ритуальных и жреческих книгах дано предостережение не навлекать на себя греха призыванием одного бога вместо другого, когда неизвестно, кто из них сотрясает землю, и жрецы строго придерживаются этого предписания. 11. Относительно происхождения землетрясений

307 **307.** День делился на 12 часов от восхода и до захода солнца; таким образом в конце августа третий час почти соответствует девятому по нашему счету.

существуют следующие мнения, между которыми не решился сделать выбора сам Аристотель: [308]они происходят или от того, что в маленьких подземных пустотах, которые мы по-гречески зовем «сирингами», происходит более частый напор прибывающей воды; или же, как утверждает Анаксагор, [309]вследствие силы ветров, проникающих во внутренность земли: если они попадают на сгустившуюся плотную массу и не находят нигде выхода, то сотрясают те части почвы, куда проникло их влажное дыхание. Поэтому-то наблюдается обыкновенно во время землетрясения отсутствие всякого дуновения ветра, так как ветры в ту пору пребывают в глубине земли. 12. Анаксимандр [310]говорит, что земля, высохшая от чрезмерного зноя, или же после страшных дождей, дает широкие трещины, в которые проникает верхний воздух, сильный и мощный, и, будучи сотрясаема через эти щели, колеблется в своих основаниях. Поэтому такие ужасы приключаются в жаркое время или во время крайнего избытка небесных вод. Вот почему древние поэты и теологи называли Нептуна, властителя влажной стихии, «Энносигеем» «Сисихтоном» (потрясатель земли). [311]

13. Землетрясения происходят четырьмя способами. Они бывают «брасматические», которые, сотрясая землю изнутри, толкают вверх огромные массы; так поднялись из моря Делос, Гиера, Анафа и Родос, который в древние времена носил имена Офиуса, а также Пелагия, некогда облитая золотым дождем, Элевсин в Беотии, в Тирренском море Вулкан и многие острова. Второй вид – «климатические», которые, действуя наклонно, сравнивают с землей города, здания и горы; третий – «хасматические», которые внезапно сильным толчком раскрывают пропасти и поглощают целые части земли: в Атлантическом океане остров, более обширный, чем вся Европа, в Крисейском заливе Гелика и Бурд, в итальянской области Циминии город Саккум увлечены были в глубины Эреба и погружены в вечный мрак. 14. Наряду с этими тремя видами землетрясений различаются еще «микематические» (мычащие), которые сопровождаются грозным грохотом, когда стихии, [312]вследствие распадения своих сочетаний, сами летят вверх или падают вниз вследствие провала земли. Тогда шум и грохот земной дает звук, похожий на мычание быка. Но возвращаюсь к продолжению моего рассказа. {*128* }

8.

1. Во время своей зимовки в Паризиях Цезарь прилагал все свое старание к тому, чтобы предупредить аламаннов: хотя они еще не

308 **308.** Прим. ред.: Аристотель, Метеорологика 2, 8.

309 **309.** Прим. ред.: Анаксагор, ионийский философ, род. ок. 500 г. до н. э.

310 **310.** Прим. ред.: Философ из Милета.

311 **311.** Прим. ред.: Эти эпонимы принадлежат отнюдь не римскому Нептуну, а греческому Посейдону.

312 **312.** Прим. ред.: Имеются в виду четыре стихии, или, согласно Эмпедоклу, «корни всего», (огонь, воздух, вода, земля), из которых по античным представлениям состоят и возникают все тела.

объединились в один союз, но все доходили до безумия в своей дерзости и озлоблении. Ожидая месяца июля, когда обыкновенно начинаются походы в Галлии, он находился в постоянном напряжении, но не мог выступить прежде, чем из Аквитании не подвезут хлеб, когда летний зной растопит лед и снега [313]2. Но ведь почти не бывает затруднений, которые нельзя было бы победить при разумном усердии, и Юлиан, тщательно и всесторонне обдумав дело, признал наконец единственно правильным напасть на варваров неожиданно, не дожидаясь жатвы. Утвердившись в своем плане, он приказал из всего хлеба на 20 дней, который подлежал потреблению на месте стоянок, изготовить так называемые сухари, пригодные для употребления в течение долгого времени, и солдаты охотно взвалили их себе на плечи. Полагаясь на этот запас, он выступил в поход при благоприятных, как и прежде, знамениях в надежде, что ему удастся совершить в течение пяти или шести месяцев две настоятельно необходимые экспедиции. 3. Так подготовившись, он двинулся прежде всего на франков, а именно на тех, которых принято называть салийскими; они нагло позволили себе уже ранее прочно обосноваться на римской земле близ Токсиандрии [314]Когда он прибыл в Тунгры [315]его встретили послы вышеназванных франков, которые полагали, что застанут императора еще на зимних квартирах. Они предлагали мир при том условии, чтобы никто не трогал и не тревожил их, пока они мирно живут на своей якобы территории. Юлиан внимательно рассмотрел этот вопрос и, поставив со своей стороны запутанные условия, отпустил послов с подарками, делая вид, что останется на месте до их возвращения. 4. Когда же они отбыли, он последовал за ними с быстротой молнии, отправив полководца Севера по берегу, и внезапно напал на все их племя. Обрушившись на них, как гроза, он встретил с их стороны не столько сопротивление, сколько просьбы о пощаде, не стал пользоваться плодами победы и, склонившись к милосердию, принял их в подданство с детьми и имуществом. 5. Точно таким же образом напал он на хамавов, которые отва-{*129* }жились на такой же поступок, как и франки, и с той же быстротой одних разбил, а других, несмотря на их ожесточенное сопротивление, взял живыми в плен и заковал в оковы; остальным, которые бросились в стремительном бегстве на свою землю, он на этот раз позволил безнаказанно уйти, чтобы не утомлять солдат продолжительным походом. Вскоре после этого прибыли их послы, чтобы изложить ему свои просьбы и переговорить о своих делах; они пали перед ним ниц, и он даровал им мир, дав заверение в том, что они могут рассчитывать на вполне беспрепятственное возвращение в свою землю.

9.

1. Пока, таким образом, все шло по его желанию, Юлиан постоянно

313 **313.** Аммиан, как родившийся в другом климате, привел совершенно ложный аргумент: ему следовало связать подвоз хлеба из Аквитании с временем его уборки; из дальнейшего очевидно, что он это именно и разумел, а только выразился неправильно по склонности и пристрастию к цветистым оборотам.

314 **314.** Главный город токсиандров, в северной части Фландрии.

315 **315.** Толгерн в бельгийской провинции Лимбург.

поглощенный заботами о том, чтобы всячески поднять благосостояние провинций, признал своевременным восстановление трех расположенных на одной линии по берегам реки Мозы [316]укреплений, давно уже превращенных в развалины упорными нападениями варваров. И он тотчас же их восстановил, отложив на время военные действия. 2. Чтобы немедленно подкрепить это разумное мероприятие, он приказал оставить в этих укреплениях часть того продовольствия на 17 дней, которое несли на себе солдаты, рассчитывая, что удастся восполнить то, что оставлено, из урожая в земле хамавов. 3. Но вышло совсем иначе. Хлеб еще не созрел; между тем солдаты, израсходовав то, что несли с собою, и не находя никакого продовольствия, стали нападать на Юлиана с угрозами и бранью: называли его изнеженным азиатом, хвастливым греком, обманщиком, дураком под видом философа. И, поскольку обыкновенно встречаются среди солдат люди острые на язык, то и пошли такие речи: 4. «Куда это нас гонят? Нет надежды на лучшее! Мы терпели в снегах жестокие и невыносимые бедствия, вынесли лютые морозы! Но теперь – о ужас – когда мы наступили врагу на горло, мы сохнем от голода, – позорнейший вид смерти. 5. Никто не вправе сказать, что мы поднимаем бунт: мы заверяем, что возвышаем голос лишь за свою жизнь; не просим мы золота и серебра, которых давно уже нам не удавалось ни получать на руки, ни даже видеть; нам в них отказывают, словно мы уличены в том, что приняли на себя столько трудов и опасностей в борьбе не за государство, а против него». 6. И действительно, были основания для жалоб. После целого ряда счастливых предприятий и опасных тревог, солдаты, потрудившиеся в галльских походах, не {*130* } получили ни донатива [317]ни жалованья с тех пор, как прислан был Юлиан; причиной тому было то, что у самого Юлиана не было казны, а Констанций не разрешал делать этих обычных подачек. 7. В этом заключался злой умысел, а не простая скаредность. Выяснилось же это так: один простой солдат попросил, как это случается, денег у Юлиана, чтобы побриться; тот дал ему какую-то мелочь, но это навлекло на него злостную клевету со стороны Гауденция, бывшего тогда нотарием, который давно находился в Галлии, чтобы наблюдать за его поступками. Впоследствии Юлиан приказал его казнить, как будет о том рассказано в соответствующем месте.

10.

1. Наконец волнение было успокоено при помощи различных кротких уговоров. По наведенному через Рейн мосту совершена была переправа, и войска вступили на землю аламаннов. Но тут магистр всадников Север, выказывавший до того воинственность и энергию, внезапно проявил бездействие. 2. И тот, кто часто увлекал целые армии и отдельных людей на храбрые подвиги, теперь советовал не вступать в битву, являясь

316 **316.** Маас.

317 **317.** Donativum – экстренный денежный подарок солдатам римской армии, получивший еще при Августе характер учреждения. Одним из наиболее обычных поводов для его применения было вступление во власть нового императора; важные для интересов династии события сопровождались обыкновенно подачками солдатам с целью обеспечить их верность.

достойным презрения трусом, быть может, под влиянием страха перед приближением смерти: так в книгах Тагета и Вегоны [318]написано, что люди, которым предстоит быть пораженными ударом молнии, приходят в такое расслабление, что неспособны слышать ни гром, ни другой какой-нибудь даже более громкий звук. И сам поход он совершал с необычной для него робостью: бодро шедших вперед проводников он пугал угрозой казни, если они единодушно не заявят, что совершенно не знают местности. В страхе перед этим властным запретом они потом уж и вовсе не шли вперед.

3. Во время этих проволочек царь аламаннов Суомарий неожиданно сам появился со своими людьми. Прежде свирепый и ожесточенный враг римлян, он был готов в тот момент считать неожиданной удачей, если ему будет позволено оставить за собою то, что ему принадлежало. Так как выражение его лица и вся осанка выдавали {*131* } смирение, то он был принят Юлианом, который его ободрил и успокоил, а тот, не предъявляя со своей стороны никаких требований, на коленях молил его о мире. 4. И мир был ему дан с забвением прошлого при том условии, чтобы он возвратил наших пленных и каждый раз, когда понадобится, доставлял нашим солдатам продовольствие и получал лишь расписки о доставленном как простые поставщики: если же он не предъявит вовремя расписок, то должен знать, что против него будут опять приняты меры принуждения.

5. Это благоразумное распоряжение было без затруднений приведено в исполнение. Теперь предстояло отправиться в область другого царя, по имени Гортарин. Нужны были только проводники, и Цезарь приказал Нестике, трибуну скутариев, и Хариеттону, человеку выдающейся храбрости, приложить все усилия к тому, чтобы поймать и привести к нему пленного. Вскорости был пойман молодой аламанн и представлен ему. При условии дарования жизни и свободы он обещал показать дорогу. 6. По его указаниям войско тронулось в путь, но тотчас же встретило препятствие в виде засек из огромных деревьев. Дальними и извилистыми обходными путями пришли тем не менее в земли Гортария. Рассвирепевшие солдаты предавали поля огню, угоняли скот, а людей, оказывавших сопротивление, убивали безо всякой пощады. 7. Расстроенный этими бедствиями и имея перед глазами грозные силы легионов и остатки сгоревших селений, царь видел уже свою окончательную гибель и тоже стал просить о прощении. Он давал клятвенные обещания исполнить все, что ему будет приказано, и вернуть всех пленных. На последнем особенно настаивал Юлиан, но Гортарий задержал бóльшую часть их и выдал лишь немногих. 8. Узнав об этом, Юлиан воспылал справедливым негодованием, и когда царь явился, чтобы получить обычный дар, Юлиан приказал задержать четырех людей его свиты, услугами и верностью которых тот более всего дорожил, и не отпускал их, пока не вернулись все пленные. 9. Когда же он был приглашен Цезарем для переговоров, то с растерянным взором приветствовал его и, подавленный видом своего победителя, принял на себя бремя тяжких условий, а именно: так как после стольких успехов необходимо было восстановить города, разрушенные нападениями

318 **318.** Ритуальные книги этрусков, приписываемые Тагету и Вегоне, существовали в латинском переводе и обработках. Следы этого материала есть в комментарии грамматика Сервия к Энеиде Вергилия.

варваров, то ему предложено было доставить подводы и материал на свои средства и средства своих подданных. После того как он дал это обещание и произнес заклятие искупить своей кровью, если допустит в чем вероломство, ему разрешено было вернуться к себе. Нельзя было требовать от него доставки хлеба, как от Суомария, потому что после окончательного разорения его области нельзя было бы ничего получить.

10. Так эти цари, некогда нагло высокомерные и привыкшие обогащаться грабежами наших земель, склоняли свои укрощенные {*132* } головы под ярмо римского могущества и, словно родились и выросли среди платящих подати, беспрекословно подчинялись приказаниям. Окончив так эти дела, Цезарь распустил солдат по гарнизонам и вернулся на зимние квартиры.

11.

1. По мере того как при дворе Констанция получали известия об этих событиях (Цезарь должен был, как слуга, доводить до сведения Августа обо всем, что происходило), – все более влиятельные при дворе лица, искушенные мастера в угодничестве, поднимали на смех столь хорошо задуманные и удачно исполненные предприятия Юлиана, нашептывая без конца глупые остроты такого типа: «Противен стал со своими победами этот двуногий козел», намекая на его длинную бороду, [319]называли его болтливым кротом, наряженной в пурпур обезьяной, греческим пустомелей. Напевая постоянно эти и тому подобные остроты на уши императору, который находил в этом большое удовольствие, они старались бессовестными речами затемнить доблести Юлиана, поносили его, как бездеятельного труса, ученого педанта, разукрашивающего цветистыми словами неудачные предприятия. Юлиан не первый подвергся подобной участи. 2. Против всех выдающихся людей направляет свое жало зависть. В истории записано, что и у великих вождей древности зложелатели, задетые их великими подвигами, выдумывали пороки и преступления, если их нельзя было отыскать у них. 3. Так обвиняли Кимона, сына Мильтиада... человека, который как прежде не раз, так и близ Евримедонта, реки в Памфилии, уничтожил несчетное количество персов и вынудил народ, всегда отличавшийся надменностью, униженно молить о мире. [320]Точно так же обвиняли в бездеятельности Сципиона Эмилиана завидовавшие ему зложелатели, хотя благодаря его удивительной предприимчивости снесены были с лица земли два могущественных города, ополчившиеся против Рима. [321]4. Поскольку злые

319 **319.** Прим. ред.: Ношение бороды было почти исключительно греческим обычаем; римляне обычно были гладко выбриты.

320 **320.** Прим. ред.: Кимон, афинский адмирал, сын Мильтиада, главнокомандующего в битве при Марафоне в 490 г. до н. э., когда были разгромлены войска персидского царя Дария I, одержал победу одновременно в морской и сухопутной битве над персидскими войсками при Эвримедонте в Памфилии в 468 г. до н. э.

321 **321.** Прим. ред.: Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший, сын победителя в битве при Пидне в 168 г. до н. э., родился в 184 г. до н. э. и был усыновлен своим дедом по матери Сципионом Африканским Старшим, победителем Ганнибала. В 146 г. да н. э. в ходе 3-й Пунической войны он взял штурмом Карфаген, а в 133 г. до н. э. – Нуманцию.

завистники, нападавшие на Помпея, не могли, несмотря на всяческое старание, найти ничего, за что бы следовало его порицать, то выискали следующие две достойные смеха мелочи: что он как-то по своему чесал голову одним пальцем и что в течение некоторого времени обвязывал белой повязкой колено, чтобы прикрыть безобразную язву. В первом видели проявление распущенности, во втором пристрастие к новшествам; неважно – так гласили их неостроумные наветы – на какой части тела носить отличие царского достоинства. [322]{*133* } Так преследовали человека, не имевшего себе равных по своей храбрости и любви к отечеству, чему есть неопровержимейшие доказательства.

5. Пока происходили описанные события, Артемий, состоявший вице-префектом, стал префектом вместо Басса, который умер вскоре после вступления в должность. Время его правления отмечено бурными волнениями, но, вообще, не случилось ничего примечательного.

12.

1. Пока Август мирно проводил зиму в Сирмии, один за другим являлись к нему вестники с сообщениями о том, что сарматы и квады, племена-соседи, близкие между собой по обычаям и вооружению, соединившись, делают набеги отдельными отрядами на обе Паннонии и Вторую Мезию. 2. У этих племен больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны; они вооружены длинными пиками, носят панцири из нарезанных и выглаженных кусочков рога, нашитых наподобие перьев на льняные рубашки; кони у них по большей части холощены, чтобы не бросались при виде кобыл и, когда приходится засесть в засаду, не бесились, выдавая ездоков усиленным ржанием. 3. Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля, или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстановить их силы.

4. И вот, после весеннего равноденствия, император собрал значительные военные силы и с добрыми знамениями отправился в поход. Дойдя до удобного пункта, он приказал навести мост на судах на реке Истр, [323]которая разлилась вследствие весеннего таяния снегов. Переправившись, император начал разорять земли варваров. Быстрота нашествия застала их врасплох: они не предполагали, что в эту пору года могла собраться армия, а между тем исполненный боевого духа неприятель наступил уже им на горло. Не смея даже отдохнуть, не то чтобы выступить против, они рассыпались, чтобы избежать неожиданной гибели, и бросились в бегство. 5. Большинство однако было перебито, так как страх сковывал их движения: а те, кого спасла от смерти быстрота, спрятались в уединенных горных долинах и смотрели оттуда, как гибла от меча их родина: они бы сумели защитить ее, если бы оказали сопротивление с тем же усердием, с каким бежали. 6. Это произошло в той части Сарматии, которая обращена ко Второй Паннонии. С таким же

322 **322.** Очевидно, острота основана на значении слова диадема – повязка и на том, что царская диадема была именно белого цвета.

323 **323.** Прим. ред.: Дунай.

ожесточением военная гроза разоряла достояние варваров в местностях, сопредельных с провинцией Валерией, предавая все попадавшееся на пути расхищению и огню. {*134* } 7. Это страшное разорение заставило сарматов оставить свое желание скрыться. Они разделились на три отряда и, делая вид, что хотят просить мира, задумали напасть на наших, если бы те вели себя беспечно, так чтобы не дать им возможности ни взяться за оружие, ни прикрыться от ударов, ни прибегнуть к последнему средству в крайней опасности – обратиться в бегство. 8. Тут явились на помощь сарматам их союзники в опасностях квады, которые часто бывали их неразлучными товарищами в набегах. Но не помогла им их отвага, толкнувшая их на очевидную опасность. 9. Большинство было перебито, а часть, которой удалось уцелеть, ускользнула по знакомым тропинкам. Этот успех поднял силы и дух наших, отдельные отряды соединились, и войско направилось в царство квадов. Опасаясь на основании прошлых бедствий ужасов в будущем, они решили униженно просить мира и, будучи уверены в помиловании, явились, чтобы предстать перед императором, который в подобных случаях проявлял большую снисходительность. В день, назначенный для установления условий мира, Зизаис, тогда еще царевич, [324]молодой человек огромного роста, выстроил сарматов в боевом порядке для предъявления просьбы. Увидев императора, он бросил оружие и пал всем телом, как мертвый, на землю. От страха он потерял голос в тот самый момент, когда должен был изложить свою просьбу. Несколько раз пытался он заговорить, но рыдания мешали ему, и он не мог объяснить, чего он хочет. Это обстоятельство вызвало к нему особое сострадание. 10. Наконец он оправился, голос вернулся, и, получив приказание встать, он на коленях взывал к милосердию и молил о прощении проступков. Сопровождавшая его толпа, допущенная с той же целью, стояла в немом страхе, пока судьба их начальника была неизвестна. Когда же ему приказано было подняться с земли, он подал своим людям давно ожидаемый знак просить о пощаде. Тогда все бросили на землю щиты и копья, протянули с мольбою руки вперед и старались смиренностью мольбы превзойти царевича. 11. Этот последний привел с прочими сарматами Румона, Зинафра и Фрагиледа, царских вассалов, и многих знатных людей, чтобы изложить такие же просьбы с надеждой на успех. Радуясь тому, что им дарована жизнь, они обещали компенсировать допущенные ими враждебные действия принятием на себя тяжких условий мира и готовы были предоставить во власть римлян себя самих со своим достоянием, детьми, женами и всеми своими землями. Но возобладала милость в сочетании со справедливостью: им позволено было сохранить за собою свои земли с обязательством возврата всех наших пленных. Они представили также и заложников, которых от них потребовали, и дали ручательство на дальнейшее время неукоснительно повиноваться приказаниям. 12. Приободренные этим примером мягкости {*135* } с нашей стороны, поспешили явиться царевичи Арагарий и Узафер со всеми своими людьми. Они принадлежали к самой высокой знати и были военачальниками у своих земляков; один из них командовал частью трансюгитанов и квадов, другой – частью сарматов, – эти народы сближало между собой соседство по месту жительства и дикость нравов.

324 **324.** Прим. ред.: Зизаис впоследствии стал царем сарматов (см. 17, 12, 20).

Опасаясь, чтобы собравшаяся толпа под видом заключения мира не подняла внезапно оружия, император приказал ей разделиться и тем, кто просил за сарматов, отойти в сторону на то время, пока будет рассмотрено дело Арагария и квадов. 13. Последние предстали, стоя склонившись, как обвиняемые, и, не будучи в состоянии оправдаться в тяжких проступках, боялись тягчайшей кары. От них потребовали заложников, и они их дали, хотя никогда прежде не соглашались предоставлять такого обеспечения верности договору. 14. Когда было принято столь снисходительное и милостивое решение, Узаферу было позволено высказать свои просьбы, хотя этому упорно противился Арагарий, утверждая, что условия данного ему мира должны быть распространены и на Узафера, как на подчиненного ему союзника, привыкшего повиноваться его приказаниям. 15. При всестороннем рассмотрении вопроса было объявлено решение об освобождении сарматов от подчинения чужой власти. Их признали исконными клиентами римлян и обязали дать заложников как ручательство сохранения мира. Сарматы приняли это решение с громкими выражениями благодарности. 16. Когда стало известно, что Арагарий не подвергся наказанию, стали собираться целыми толпами стекавшиеся отовсюду племена и цари, молившие убрать уже занесенный над их шеей меч. Им также дарован был мир, о котором они просили. Скорее, чем можно было ожидать, представили они в заложники сыновей знатнейших семейств из самых далеких царств, а также, согласно требованию, наших пленных, которых они отдавали с не меньшим горем, чем своих единоплеменников. 17. Когда приняты были эти меры, обращено было внимание на сарматов, которые заслуживали скорее сострадания, нежели гнева, и это принесло им великое благополучие, так что на этом примере подтвердилась справедливость мнения, что власть государя или побеждает злой рок, или сама является таковым. 18. Могущественны и славны были некогда обитатели этого царства, но рабы составили тайный заговор и устроили восстание. И так как у варваров право на стороне сильного, они победили своих господ, будучи столь же храбры, как и те, но имея численный перевес. 19. Не зная в страхе, что предпринять, сарматы бежали к далеко живущим виктогалам, предпочитая в беде лучше служить своим защитникам, нежели быть в рабстве у своих рабов. Когда они получили прощение и были приняты в римское подданство, то {*136* } стали жаловаться на прошлую обиду и просить защиты своей свободы. Император был тронут их несчастьем, и, созвав их, в присутствии всей армии обратился к ним с милостивыми словами и повелел им подчиняться только ему самому и римским командирам. 20. Желая с бóльшим достоинством обставить восстановление свободы, он дал им в цари Зизаиса, человека, вполне подходившего, как выяснилось на деле, для этого высокого сана и сохранявшего верность императору. Впрочем, и после этих славных деяний никому не было позволено уйти раньше, чем, согласно требованию, не возвратятся наши пленные. 21. Таковы были действия на варварской земле. Затем император двинул армию в Брегецион[325]чтобы и тут слезами и кровью залить пламя войны, еще не угасшее у живших в этой местности квадов. Когда их царевич Витродор, сын царя Видуария, вассал его Агилимунд и другие знатные

325 **325.** Шёни в Венгрии, недалеко от Коморна.

люди и судьи, стоявшие во главе различных племен, увидали войско во внутренних областях царства на своей родной земле, то повергли\u0441ь ниц перед солдатами и. получив прощение, подчинились всем приказаниям. Они выдали своих детей заложниками в ручательство того, что исполнят наложенные на них условия, и, достав мечи, которые они чтут как богов, клялись на них сохранять верность.

13.

1. После благополучного окончания описанных предприятий интересы государства потребовали скорейшего похода против лимитантов, сарматов-рабов: отсутствие наказания их за многие преступные деяния являлось прямым позором. Когда вторглись сарматы-свободные, то они, словно забыв о прежнем, воспользовались удобным моментом и прорвались через римскую границу, проявляя согласие со своими господами и врагами только в этом преступном предприятии 2. Однако и в отношении к ним решено было ограничиться более мягкими мерами, чем того требовала тяжесть преступлений: отмщение предполагалось ограничить тем, чтобы переселить их в отдаленные местности и лишить тем самым возможности тревожить наши пределы. Но сами они, сознавая за собой давнишние провинности, опасались серьезной кары. 3. Подозревая поэтому, что огромные военные приготовления будут произведены против них, они готовились пустить в ход коварство, оружие и просьбы. Но вид нашего войска поразил их как удар грома и, видя перед собою неминуемую гибель, они стали просить даровать им жизнь, давая со своей стороны обещание платить ежегодную дань, по-{*137* }ставлять свою сильную молодежь в войска и оказывать полное повиновение; но в случае приказания переселиться на другое место, они приготовились отказаться, как показывали то жестами и выражением лиц, считая безопасными для себя те местности, где они спокойно поселились после изгнания своих владык. 4. В этих землях протекает в извилистом русле Партиск [326]и впадает в Истр. Там, где Партиск течет свободно один, он проходит по широким степям, которые сужаются только к устью. От нападения римлян защищает население русло Дуная, а от вторжений варваров закрывает своим течением Партиск. Местности здесь по большей части болотистые, и вследствие разлива рек тут много топей, заросших лозой, так что пройти может только очень хорошо знакомый с местностью человек. Кроме того при впадении Партиска главная река (Дунай) делает изгиб и образует остров, совершенно отрезанный от остальной территории. 5. По вызову императора они явились со свойственным им высокомерием на наш берег реки не для того, как показал исход дела, чтобы исполнить приказание, но чтобы не казалось, будто они испугались присутствия солдат. С вызывающим видом стояли они, показывая, что явились для того только, чтобы отвергнуть все требования. 6. Предвидя такую возможность, император незаметно разделил армию на множество отрядов и окружил быстро передвигавшихся варваров строем своих войск. Стоя на высоком валу с небольшой свитой под прикрытием отряда телохранителей, он дружески убеждал их смириться. 7. Но из-за непостоянства настроения

326 **326.** Тиса.

они склонялись к различным решениям и, одновременно прибегая к хитрости и впадая в дикую ярость, они готовы были просить пощады или начать войну. Собираясь сделать на наших нападение на близком расстоянии, они нарочно бросили подальше от себя щиты, чтобы, затем приблизившись, постепенно подобрать их и незаметно продвинуться вперед, не выдавая своего коварного умысла.

8. Поскольку день склонялся уже к вечеру и уходящий свет побуждал положить конец промедлению, наши солдаты, подняв боевые значки, в едином порыве понеслись на врага. Варвары, скучившись и еще более уплотнив свой строй, направили свою атаку на самого императора, который, как было сказано, стоял на возвышении, и бросились на него с остервенелыми взорами и дикими криками. 9. Этой безумной дерзости не могли стерпеть наши солдаты, пришедшие в большую ярость: построившись клином, что в просторечии у солдат называется «свиная голова», они разнесли мощным натиском угрожавшего императору врага, и справа пехотинцы рубили толпы пеших, слева всадники врезались в легкие {*138* } отряды конных. 10. Императорская гвардия, прикрывая со всех сторон Августа, поражала нападавших в грудь, а потом отступавших в спины. Варвары проявляли страшное упорство, и те, кто падал в борьбе, ужасным ревом показывали, что не такие страдания причиняет им собственная смерть, как успех наших. Кроме убитых лежало на земле много врагов с разрубленными поджилками, которые лишены были возможности бежать, другие с отрубленными правыми руками, некоторые хоть и не раненые, но опрокинутые тяжестью упавших на них, и все они в глубоком молчании терпели страдания. 11. И никто из них среди различных ужасов не молил о пощаде, не бросал оружия, не просил скорейшей смерти; все упорно удерживали в руках оружие, даже поверженные наземь, считая меньшим позором быть побежденным силой другого, чем признаться в этом. Порой слышались их крики, что происшедшее случилось по капризу судьбы, а не по их вине. Так в течение получаса разыгралась эта битва; в этот короткий срок пало столько варваров, что лишь сама победа свидетельствовала о том, что было сражение.[327]

12. Как только было смято вражеское войско, тотчас погнали целым стадом родственников убитых, вытаскивая их из жалких хижин, людей разного возраста обоих полов. Исчезла теперь прежняя их спесь, и они попали в низкое положение рабов. Итак, по прошествии самого незначительного промежутка времени представились взору груды убитых и толпы пленных. 13. К бранному задору присоединилось желание поживиться от победы, и солдаты принялись за тех, кто бежал с поля битвы или скрывался в хижинах. Жадные до варварской крови солдаты, придя в те места, стали раскидывать легкие сооружения и избивать всех; даже жилища, сооруженные из самых крепких бревен, никого не спасли от смерти. 14. Наконец стали все предавать огню, и никто не мог больше укрываться, так как уничтожено было все, что могло служить убежищем. Кто упорно скрывался, тот погибал в огне; если же человек, спасаясь от смерти в огне, выходил, то, избежав одной смерти, падал под ударами неприятельского меча. 15. Некоторые, однако, спасшись от меча и

327 **327.** Автор, вероятно, хочет сказать, что неожиданность и краткий срок битвы сделали ее словно незаметной, и только поле, устланное трупами, говорило о том, что была битва.

всеобщего пожара, бросались в волны реки в надежде, как искусные пловцы, достигнуть противоположного берега. Но большинство из них утонуло; другие погибли, пронзенные стрелами, так что кровь обильно окрасила волны огромной реки. Так гнев и доблесть победителей губили сарматов и в одной, и в другой стихии. {*139* }

16. После такой расправы принято было решение лишить всех уцелевших еще представителей этого народа всякой надежды и радости жизни. Когда жилища были преданы огню и семейства взяты в плен, приказано было собрать лодки для розыска тех, кого укрыл от нашего нападения другой берег. 17. Чтобы не дать остыть боевому пылу солдат, тотчас же были посажены на лодки наши легковооруженные; пройдя по укрытым местам, они заняли потайные убежища сарматов, которых обмануло внезапное появление местных лодок со знакомым способом гребли. 18. Когда же они издали по блеску оружия поняли, что приближается опасность, которой они боялись, то бросились искать убежища в болотистых местах. Но наши солдаты настойчиво преследовали их и, перебив очень многих, одержали победу там, где, как до сих пор предполагали, нельзя было ни стать твердой ногой, ни осуществить нападение.

19. После того как амицензы были почти истреблены или рассеяны, тотчас же обратились против пицензов, названных так по имени соседних местностей. Бедствия соплеменников, о которых дошли до них немедленно слухи, сделали их более осторожными. Из-за полного незнания дорог, трудно было преследовать их, когда они рассеялись по разным местам, и для того чтобы подавить их, прибегли к помощи тайфалов, а также свободных сарматов. 20. Так как условия местности вынуждали разделить силы, то наши войска избрали для себя местности, прилегающие к Мезии; тайфалы направились в области, ближайшие к их территории; а свободные сарматы заняли земли, лежащие против их местожительства.

21. Лимиганты, напуганные примером покоренных и убитых земляков, долго не могли прийти к определенному решению: следует ли им оказать сопротивление, или же просить милости – для того и другого были достаточно веские основания. Однако наконец победило по настоянию старшин решение сдаться. Таким образом, к иным победным лаврам присоединилось изъявление покорности со стороны народа, который оружием отвоевал себе свободу, презрел своих господ, победив их и считая неспособными воевать; теперь же остатки его склонили свои головы пред теми, которые оказались сильнее их. 22. Получив помилование, бóльшая часть лимигантов покинула укрывавшие их горные высоты и, рассыпавшись по широким степям, поспешила к римскому лагерю с родителями, детьми и женами, а также с жалким своим домашним скарбом, который они могли наспех захватить с собой. 23. И те, о ком думали, что они скорее расстанутся с жизнью, чем будут вынуждены переселиться, так как в свободе они видели отсутствие всяких притеснений, согласились теперь повиноваться распоряжениям и перейти на другие места обитания, спокойные и безопасные, где не могла их тревожить война и не грозили внутренние раздоры. Пере-{*140* }селившись туда, как казалось, по собственному желанию, они некоторое время оставались спокойны. Но позднее они отважились по своей природной дикости на гибельное злодеяние, как о том будет

рассказано в соответствующем месте [328]

24. Благоприятным исходом этих предприятий была укреплена необходимая оборона Иллирика в двух смыслах, и, как ни трудна была двойная задача, возложенная на себя императором, он справился с ней благополучно... Он вернул изгнанное племя и водворил его на место жительства предков; и хотя оно отличалось беспокойным нравом, можно было надеяться, что оно станет вести себя более мирно. В завершение своей милости он поставил им царя, и это был не какой-нибудь простой человек, а избранный ими самими и выделявшийся внешними и внутренними достоинствами царевич. 25. Этот ряд удачных дел освобождал Констанция от всяких тревог, и при полном единодушии своих солдат он принял во второй раз титул «Сарматского» по имени покоренного народа. Собираясь уже уходить оттуда, он созвал все когорты, центурии и манипулы, взошел на трибунал и, окруженный знаменами и орлами, а также собравшимися высшими чинами, держал такую речь, встретившую, как обычно, всеобщее сочувствие.

26. «Верные защитники римской державы! Воспоминания о славных делах, которые для храбрых выше всяких радостей, побуждают меня с полным смирением припомнить то, что мы, с Божьею помощью победители, совершили до битв и во время самого пыла браней. Что прекраснее и что по всей справедливости более достойно памяти потомков, как не радостное сознание солдата проявленной им храбрости, а военачальника – того, что он сумел предусмотрительно распорядиться? 27. Дерзкий враг хозяйничал в Иллирике, нагло пользуясь нашим отсутствием, пока мы заняты были обороной Италии и Галлии. Он опустошал пограничные области, предпринимая набеги различными способами, то переезжая на выдолбленных стволах деревьев, то вброд переходя реки. Не дерзал он сразиться, не полагался на оружие и свои силы, но производил привычные ему тайные грабежи, наводя страх на наших предков с самого своего поселения в этих местах своей хитростью и изобретательностью в воровских уловках. Находясь далеко, мы сносили это, насколько это было возможно, питая надежду, что энергия наших военачальников сможет оградить нас от этих не очень важных потерь. 28. Когда же зло, возрастая вследствие безнаказанности дошло до тяжких, постоянно повторяющихся бедствий, постигавших целые провинции, мы, укрепив проходы в {*141* } Рэцию, упрочив предусмотрительными предприятиями безопасность Галлии и не оставив в тылу никакой опасности, пришли в Паннонии, чтобы, согласно велению вечного Бога, поддержать то, чему грозила гибель. Приняв все подготовительные меры, как вы знаете, мы выступили в поход в начале весны и принялись за тяжкие труды. Прежде всего нам пришлось добиться того, чтобы вражеские выстрелы не помешали нам навести мост. Совершив это дело без особого труда, мы увидели перед собой вражескую территорию и вступили на нее. Пытавшихся оказать отчаянное сопротивление сарматов мы разбили без потерь с нашей стороны. Сокрушили мы также и явившихся на помощь сарматам квадов, которые с такой же дерзостью ринулись на ряды наших славных легионов. Испытав после тяжких потерь во время своих нападений и грозных попыток сопротивления силу нашей доблести, они выбросили оружие и дали связать за спиной руки, готовые к

328 **328.** Ср. 19, 11.

бою; признав, что единственная надежда для них – просьба о пощаде, припали они к стопам милосердного Августа, военное счастье которого не раз изведали. 29. Справившись с ними, мы с равной доблестью победили лимигантов, перебили бо́льшую их часть, а других заставили искать спасения от опасности в болотах. 30. Когда мы благополучно покончили с этими делами, настал момент проявить снисхождение. Лимигантов мы заставили переселиться в отдаленные места, чтобы в дальнейшем они не могли уже пускаться в какие-либо предприятия во вред нам. Мы пощадили большую часть свободных сарматов и поставили над ними царем Зизаиса, который будет нам предан и верен. Мы придаем больше значения тому, чтобы избрать царя для варваров, чем устранить такового, и это наше действие получило больший блеск от того, что им был дан правитель, которого они сами раньше избрали и приняли. 31. Итак, в одном походе достигли мы и государство успеха в четырех отношениях: наказали прежде всего преступных разбойников; затем, в избытке будут у вас пленники из числа врагов, так как храбрые воины имеют право на то, что добыто их потом и их собственными руками. 32. На нашу долю достались большие средства и большие сокровища. Наши труды и наша храбрость должны сохранить невредимым достояние всех. Это – забота хорошего государя, это результат благополучных предприятий. 33. Наконец, и лично я имею свою долю добычи: во второй раз титул Сарматского, который вы, – я могу сказать это, не навлекая тем на себя упрека в высокомерии, – дали мне по заслугам».

По окончании этой речи войска пришли в необычайное вобуждение; приведенные в восторг надеждами на лучшее будущее и выгоды, солдаты подняли радостные крики во славу императора; клялись, как обычно, призывая в свидетели Бога, что Констанций непобедим и с ликованием разошлись по палаткам. Император {*142* } проследовал в царскую палатку и после двухдневного отдыха с триумфом вернулся в Сирмий, а войска разошлись по отведенными им местам расквартирования.

14.

1. Примерно в то же самое время Проспер, Спектат и Евстафий, назначенные послами в Персию, как я выше об этом рассказывал [329]получили аудиенцию у царя, когда он вернулся в Ктесифон. [330]Они передали ему письмо и подарки императора и просили мира на условиях сохранения существующего положения. Придерживаясь данных им инструкций, они твердо стояли на страже интересов Рима и достоинства государства: настаивали на том, что мир должен быть заключен при непременном условии не возбуждать вопроса о положении Армении и Месопотамии. 2. Долго они там задержались, и так как убедились, что царь в своем упорстве настаивал на том, что согласится на принятие мира, только если ему будет предоставлена власть в этих областях, то вернулись назад, ничего не достигнув. 3. После этого с целью добиться мира на тех же неизменных условиях отправлены были комит Луциллиан

329 **329.** См. 17, 5, 15.

330 **330.** Прим. ред.: Столица древнего парфянского царства, в которой в описываемое время находилась резиденция персидского царя.

и Прокопий, бывший тогда в звании нотария, тот самый, что впоследствии, попав под власть тяжкого рока, поднял знамя бунта. [331]{*143* }

КНИГА XVIII

(год 359)

1. Цезарь Юлиан принимает меры в интересах галлов и заботится о том, чтобы все повсеместно соблюдали закон.

2. Он восстанавливает стены взятых им крепостей на Рейне и опустошив враждебную часть Аламаннии, заставляет пять аламаннских царей просить мира и выдать пленных.

3. За что отрублены были головы по приказу Августа Констанция магистру пехоты Барбациону и его жене.

4. Царь персидский Сапор собирается всеми силами напасть на римлян.

5. Протектор Антонин бежит со всем своим семейством к Сапору и подстрекает его к войне с римлянами, которую тот собирался начать и сам.

6. Магистр пехоты Урзицин, будучи отозван с Востока и доехав до Фракии, отправлен назад в Месопотамию. Вернувшись, Урзицин через Марцеллина узнает о приближении Сапора.

7. Сапор вступает в Месопотамию вместе с царями хионитов и албанов. Римляне сами поджигают свои поля, сгоняют крестьян в города и укрепляют правый берег Евфрата крепостями и фортами.

8. Семьсот иллирийских всадников, захваченные врасплох, обращены персами в бегство. От персов ускользают в одном месте Урзицин, в другом Марцеллин.

9. Описание Амиды и число находившихся там в ту пору в гарнизоне легионов и турм.

10. Сапору сдаются два римских укрепления. {*144* }

1.

1. Таковы события, случившиеся в разных частях земли в течение одного и того же года. В Галлии положение дел улучшилось, и, в год, когда консульский титул увенчал братьев Евсевия и Гипатия[332], Юлиан, прославившись целым рядом блестящих успехов, отложил на время пребывания на зимних квартирах военные заботы и с не меньшим вниманием проводил различные мероприятия на пользу провинциям. Он бдительно следил за тем, чтобы никто не оказался чрезмерно задавленным под тяжестью податей, чтобы властные люди не притесняли низших, чтобы не играли роли лица, наживавшиеся на государственный счет, чтобы никакой судья не отступал безнаказанно от справедливости.

331 **331.** Прим. ред.: Прокопий, двоюродный брат Юлиана, был провозглашен в 365 г. Августом в Константинополе. (См. 26, 6, 12 и далее).

332 **332.** Прим. ред.: 359 г.

2. Последнего он легко достиг тем, что сам разбирал тяжбы, когда того требовала важность дела или высокое положение судящихся лиц, неукоснительно отличая правду от неправды. 3. Много можно указать похвальных поступков и слов его в подобного рода процессах, но достаточно будет привести один пример того, как он действовал. 4. Нумерий, недавно бывший наместником Нарбоннской провинции, был привлечен к ответственности за хищения, и Юлиан с необычной, прямо цензорской строгостью заслушал его дело, допустив в суд всех желающих. Так как обвиняемый отпирался и не удавалось ни в чем изобличить его, то Дельфидий, весьма горячий обвинитель, жестоко на него нападавший, расстроился от того, что доказательства оказывались недостаточными, и воскликнул: «Может ли кто-либо оказаться виновным, о блистательный Цезарь, если достаточно отрицать обвинение?» На это Юлиан немедленно дал остроумный ответ: «Может ли кто оказаться невинным, если достаточно предъявить обвинение?» Этот случай, как и многие другие свидетельствует о его гуманном образе мыслей.

2.

1. Будучи уверен, что некоторые общины аламаннов вынашивают враждебные замыслы и отважатся на дерзкие поступки, если {*145* } не покорить и их по примеру прочих, Юлиан собирался в поход, который считал неотложным, и находился в раздумьях, с какой силой и быстротой предпринять ему нападение, как только представится удобный момент, чтобы явиться неожиданно, опередив слухи о своем приближении. После продолжительного обдумывания дела со всех сторон, он остановился, наконец, на решении сделать попытку, которую вполне оправдал исход дела. 2. Он послал, не сказав об этом никому, Гариобавда, трибуна на вакансии, человека испытанной верности и храбрости, под видом посла к царю Гортарию, который теперь заключил уже мирный договор с Римом [333]2. Оттуда посланный должен был пройти по областям пограничным с теми, на которых предполагалось прежде всего сделать нападение, и, пользуясь отличным знанием местного языка, разузнать, что затевают варвары. 3. Гариобавд отправился в путь, чтобы исполнить возложенное на него поручение, а сам Юлиан, дождавшись удобного для похода времени года, выступил с войсками, которые были стянуты отовсюду. Но прежде всего он считал необходимым занять, пока не началась война, давно разрушенные города, восстановить их стены и построить новые склады вместо сожженных, чтобы можно было разместить там запасы, которые обычно доставлялись из Британии. То и другое удалось ему осуществить и к тому же быстрее, чем можно было ожидать. 4. И склады были быстро построены, и достаточное количество провианта было в них запасено, и городов было занято семь: Лагерь Геркулеса, Квадрибургий, Трицензимы, Новезий, Бонна, Антеннак и Бингион [334]Сюда весьма кстати прибыл префект Флоренций с частью армии и провиантом в таком количестве, что его было достаточно на долгое время.

333 **333.** Ср. 17, 10, 7.

334 **334.** Castra Herculis – укрепление, лежавшее неподалеку от Гейссена (Huyssen) напротив Арнгейма; Quadriburgium – Шенкеншанц, Tricensimae – Келлен, Novesium – Нейс, Bonna – Бонн, Antennacum – Андернах, Bingion – Бинген.

5. После того как это удалось сделать, оставалось насущно необходимое дело – восстановить стены занятых городов, пока еще никто этому не препятствовал, и тут обнаружилось с полной очевидностью, что в ту пору варвары из страха, а римляне из любви к своему командиру дружно работали на пользу римских государственных интересов. 6. Соблюдая условия договора прошлого года, цари прислали на своих подводах много разного строительного материала, а солдаты вспомогательных отрядов, которые обычно относятся с недовольством к таким работам, склонившись к послушанию под воздействием ласковых слов Юлиана, без ропота носили на своих плечах бревна 50 и более футов длины и оказывали большую помощь при возведении строений. 7. Пока таким образом {*146* } спешно велись эти работы, вернулся Гариобавд. Он узнал все, что было нужно, и представил об этом донесение. После его прибытия вся армия спешно направилась в Могонциак [335]Флоренций и Лупицин, преемник Севера, настаивали на том, что следует переправиться по построенному там мосту; но Цезарь настойчиво возражал, утверждая, что не следует вступать в области племен, с которыми заключен мирный договор, так как солдаты по своей дикости станут грабить все на своем пути, и это создаст возможность неожиданного нарушения договоров.

8. Но аламанны, против земель которых был направлен поход, понимая близость опасности, угрожали царю Суомарию, который стал нам другом со времени последнего договора, и потребовали от него не допускать римлян к переправе через Рейн, к правому берегу которого примыкала его область. На его заявление, что он один не в силах оказать сопротивление, варвары собрались в огромном числе и явились в окрестности от Могонциака с тем, чтобы силой воспрепятствовать переправе нашей армии. 9. Таким образом, план Цезаря, советовавшего выбрать для сооружения моста более подходящее место, оказался удобным в двух отношениях: он предупреждал, во-первых, возможность разорения территории племен, находившихся с нами в мире, и, во-вторых, – сопряженное со значительными потерями сооружение моста при сопротивлении воинственных полчищ варваров. 10. Догадываясь не без проницательности о нашем замысле, варвары понемногу продвигались вперед на противоположном берегу и, когда видели издали, что наши разбивают палатки, останавливались сами и стерегли всю ночь самым бдительным образом, чтобы с нашей стороны не было попытки устроить переправу. 11. Приблизившись к намеченному месту, наши остановились и разбили лагерь со рвом и валом. Цезарь позвал на совет Лупицина и затем отдал приказ нескольким трибунам выделить по 300 легковооруженных солдат с копьями, не сообщая им ничего ни о времени, ни о месте действий. 12. Глубокой ночью они были собраны и все, кто как мог разместиться, посажены на сорок легких судов – больше не было тогда при армии. Им было приказано спускаться вниз по реке, соблюдая возможную тишину, придерживая даже весла, чтобы всплески воды не привлекли внимания варваров, и, напрягая все силы тела и духа, прорваться на противоположный берег реки, пока враги будут заняты наблюдением за нашими огнями.

13. В то самое время, когда наши спешно совершали это, царь

335 **335.** Майнц.

Гортарий, который был нашим союзником и не замышлял измены, {*147* } но сохранял дружественные отношения со своими соседями, созвал к себе на пир всех царей, царевичей и мелких князей. По их народному обычаю пир затянулся до третьей смены ночной стражи[336]. Когда гости разъезжались, на них неожиданно напали наши, но им не удалось ни убить, ни взять в плен никого из знатных варваров: последние под покровом ночной темноты и пользуясь тем, что были на конях, ускакали, куда кому удалось. Но наши солдаты перебили следовавших за ними пешком слуг и рабов, за исключением немногих, спасшихся от гибели благодаря темноте. 14. Переправившись, римляне считали свои трудности значительно облегченными, как и во время прежних походов, когда им удавалось войти в соприкосновение с врагом. Цари же со своим народом, бдительным надзором старавшиеся воспрепятствовать постройке моста, были страшно поражены, узнав о переходе римлян, и в ужасе бежали, рассеявшись в разные стороны. Смирив свой необузданный нрав, они спешили перевезти свои семьи и свой скарб подальше в глубину страны. Поскольку благодаря этому устранены были все препятствия, мост был наведен с быстротой, превзошедшей ожидания встревоженных племен; солдаты немедленно появились на варварской земле и стали проходить через царство Гортария, не позволяя себе никаких грабежей. 15. Но когда наши вступили в области царей еще враждебных, то уже безо всяких опасений рассеялись по всей стране неприятеля, опустошая все огнем и мечом.

Сожжены были жалкие плетеные хижины варваров, множество людей перебито: одни падали под мечом, другие молили о пощаде. Когда пришли в местность, носившую имя Капеллатии или Палас, где пограничные камни отделяют область римлян от бургундов, разбит был лагерь с той целью, чтобы в полной безопасности принять родных братьев, царей Макриана и Гариобавда, которые, видя приближение верной погибели, в страхе пришли просить о мире. 16. За ними следом явился и царь Вадомарий, имевший место своего жительства напротив Раураков[337]. Он показал письмо Августа Констанция, составленное в весьма лестных для него выражениях, и, как подобало, был милостиво принят в качестве давно признанного самим Августом клиента Римской державы. 17. Допущенный вместе со своим братом в лагерь, Макриан с изумлением рассматривал знамена и разнообразные украшения оружия, которые видел тогда впервые, и молил за свой народ. Вадомарий, знакомый с нашими учреждениями, так как он жил по соседству с границей империи, удивлялся также снаряжению блестяще подготовленного похода; но он помнил, что с ранней юности ему приходилось не раз видеть подобное. 18. По основательному размышлению единогласно принято было решение предоставить мир Макриану и Гариобавду. Вадомарию же, который явился не только ради соб-{*148* }ственной безопасности, но также в качестве посла, как проситель от имени царей Урия, Урзицина и Вестральпа, чтобы вымолить мир и для них, не оказалось возможным дать немедленно благоприятный ответ из-за опасения того, что варвары по своей склонности к

336 **336.** Прим. ред.: Т. е. да полуночи.

337 **337.** Прим. ред.: Т. е. римской колонии Августа Рауракорум.

вероломству, ободрившись после ухода наших войск, не станут вести себя мирно, если добьются мира при посредстве другого лица. 19. Когда вслед за тем их поля и жилища были сожжены, и многие из их племени взяты в плен и перебиты, названные цари сами прислали послов и так смиренно молили о мире, как будто все это совершили они против нас. Тогда и им был дан мир примерно на тех же условиях. Особенно настойчиво при этом выставлялось требование, чтобы они возвратили всех пленных, которых захватили во время своих нередких набегов.

3.

1. Пока божие благоволение так благополучно направляло дела в Галлии, при дворе Августа поднялась новая буря. Дело началось с пустяка, а привело к великому горю и тяжелым стенаниям. В дом Барбациона, командовавшего тогда пехотой, залетел рой пчел. Встревоженный, он обратился по этому поводу за советом к толкователям предзнаменований. Ответ гласил, что это предвещает большую опасность. Основанием для такого толкования служит, очевидно, то соображение, что пчел, когда они слепят соты и наносят меду, выгоняют дымом и шумным звуком кимвалов[338]. 2. Жена его по имени Ассирия, была женщина болтливая и неразумная, и когда муж ее отправился в поход и тревожился по поводу данного ему предсказания, она по своей женской глупости, при помощи одной рабыни, попавшей к ней в наследство от Сильвана, которая хорошо знала тайнопись, написала мужу в совсем неподходящее время слезное письмо, заклиная его, чтобы он после близящейся уже смерти Констанция, когда достигнет, как можно надеяться, верховной власти, не отверг ее и не предпочел вступить в брак с Евсевией, тогдашней императрицей, которая выделялась своей красотой. 3. Письмо было отправлено в глубокой тайне, но рабыня, писавшая его под диктовку госпожи, когда все вернулись из похода, побежала с копией этого письма в начале ночи к Арбециону, была немедленно принята и передала рукопись. 4. Ухватившись за этот донос, Арбецион, обладавший большим умением создавать обвинения, доложил о происшедшем императору. Дело было возбуждено, как обычно, без малейшего промедления, следствие велось без задержки, и так как Барбацион сознался, что получил письмо, а жена его уличена была неоспоримыми доказательствами в авторстве этого письма, то оба были подвергнуты {*149* } смертной казни через отсечение головы. 5. Когда их казнь была совершена, следствие пошло дальше и дальше, и пострадали многие – как виновные, так и невинные. Среди них был Валентин, бывший примицерий протекторов, а тогда трибун; хотя он совершенно ничего не знал о деле, но вместе со многими другими был, как соучастник, неоднократно подвергнут пытке. Он выжил и в компенсацию за обиду и опасность был назначен дуксом в Иллирике.

6. Барбацион был человек грубый, склонный к дерзким замыслам. Многим он был ненавистен за то, что, будучи командиром доместиков протекторов при Цезаре Галле, коварно предал его, а после его гибели,

338 **338.** Прим. ред.: Кимвал – ударный музыкальный инструмент, состоявший из двух металлических тарелок. Использовался в культовых действах.

возгордившись из-за своего высокого воинского звания[339], замышлял такое же предательство и против Юлиана и часто, к негодованию благомыслящих, нашептывал разные дурные вещи Августу, который был охоч до подобных речей. 7. Не знал он, конечно, мудрого изречения Аристотеля, который, посылая к царю Александру Каллисфена[340], своего ученика и родственника, часто внушал ему, чтобы он как можно реже и только в благожелательном тоне говорил перед человеком, который носит на кончике своего языка право жизни и смерти. 8. Чтобы не удивляться тому, что люди, разум которых родственен небожителям, иной раз могут правильно различать полезное и вредное, следует принять во внимание то, что лишенные разума животные сохраняют иногда свою жизнь глубочайшим молчанием, как поясняет это весьма известный пример. 9. Когда дикие гуси, покидая при наступлении жары восток и устремляясь на запад, достигнут Тавра, где во множестве гнездятся орлы, то в страхе перед этими сильными птицами они берут в клюв камешек, чтобы даже самая крайняя нужда не могла извлечь из их рта никакого звука; а когда они в быстром полете минуют эти горы, то бросают камешки и спокойно продолжают свой путь.

4.

1. Пока в Сирмии с великой тщательностью производилось по этому делу следствие, Судьба Востока затрубила в страшную трубу, возвещая о грозных опасностях. Царь персидский, усилив свою армию вспомогательными отрядами диких народов, которых он покорил, пламенея нечеловеческой страстью увеличить свое царство, готовил оружие, войска и провиант; он общался с силами подземного мира, вопрошал всех кудесников о будущем и, подготовив все это в достаточной степени, собирался с началом весны совершить страшное нашествие.

2. Сначала пошли об этом слухи, потом получены были достоверные известия, и великий страх охватил всех, с тревогой ожидавших надвигающихся бедствий. Между тем придворная клика днем и ночью непрестанно разводившая, как говорится, все одну {*150* } и ту же музыку по указке евнухов, представляла Урзицина подозрительному и боязливому императору в виде страшного лика Горгоны[341]: то и дело заводилась речь о том, что Урзицин, будучи послан на охрану восточных областей после гибели Сильвана, якобы за отсутствием лучших, вынашивает дерзкие замыслы. 3. Этими мерзкими интригами многие старались купить расположение Евсевия, тогдашнего препозита царской опочивальни, который – если говорить правду – имел большое влияние на Констанция

339 **339.** Прим. ред.: Чин магистра пехоты в 4 в. был высшим в иерархии армейских должностей.

340 **340.** Прим. ред.: Каллисфен из Олинфа был племянником Аристотеля. Он сопровождал Александра Македонского в его походе на Восток.

341 **341.** Прим. ред.: Горгоны, дочери Форикса и Кето, Сфено, Эвриала и Медуза обитали по преданию на острове на крайнем западе ойкумены. Каждый, кто только бросал взгляд на их лица, превращался в камень. Медуза Горгона была убита Персеем, который отрубил ей голову, глядя на ее отражение в медном щите. {532}

[342]Евсевий имел двойное основание для своей смертельной ненависти к вышеназванному магистру конницы: во-первых, то, что тот один не нуждался в его помощи, как остальные, и во-вторых, что он не уступил ему своего дома в Антиохии, несмотря на самые настойчивые требования. 4. Словно преисполненная ядом ехидна, которая учит уже жалить своих едва ползающих детенышей, он посылал кубикуляриев-евнухов, чтобы они, оказывая услуги в личной жизни, своими вкрадчивыми и независимо от возраста вечно детскими голосами порочили этого храброго мужа разными инсинуациями, нашептывая их на уши императору, жадно ловившему подобные вещи. Это поручение они вскоре исполнили. 5. Отвращение к подобным мерзостям заставляет помянуть добрым словом древнего императора Домициана: далеко не похожий на своего отца и брата, он запятнал свое имя несмываемым позором; но он прославился весьма популярным законом, по которому под угрозой строгого наказания запрещалось кастрировать мальчиков в пределах действия римского права [343]Не будь этого запрета, кто бы мог переносить толпы евнухов, если даже небольшое количество их оказывается тяжким бременем? 6. Действовал Евсевий, однако, с большой осторожностью, чтобы Урзицин, в случае вторичного отозвания ко двору, тем страхом, который он внушал, не расстроил всех планов, что Евсевий считал возможным, он предпочитал поджидать удобного случая, чтобы покуситься прямо на его жизнь.

7. Так при дворе выжидали и колебались; мы же стояли с некоторого времени в Самосате, славной некогда столице царства Коммагены[344], как вдруг стали доходить одно за другим достоверные известия о новых волнениях. Я расскажу об этом в дальнейшем своем повествовании.

5.

1. Некий Антонин, прежде богатый купец, затем чиновник по счетной части при duксе Месопотамии, а теперь протектор, опытный {*151* } и умный человек, пользовавшийся большой известностью повсеместно в тех областях, попал в большие долги из-за корыстолюбия каких-то людей. Опасаясь, что процессы с важными персонами окончательно его погубят вследствие несправедливости рассматривающих дело судей, которые склонны оказывать покровительство влиятельным людям, он, чтобы не лезть на рожон, пошел на уступки и признал себя должником в сумме, которая была по соглашению занесена в счетные книги казначейства. Теперь он готов был решиться на все. Он стал секретно добывать сведения изо всех частей государства и, владея обоими языками[345], занялся исчислениями и составлял точные записи о том, какие войска и где стоят, какова сила отдельных частей и куда они должны двинуться во

342 **342.** Аммиан иронизирует, хотя и нельзя сказать, чтобы остроумно.

343 **343.** Suet. Dom. 7; Dio Cass. 67, 2.

344 **344.** Прим. ред.: При Диоклетиане Коммагена была превращена в римскую провинцию Евфратерию. В Самосате в описываемое время находился Урзицин со своей свитой.

345 **345.** Прим. ред.: Оба языка – греческий и латынь.

время похода; путем расспросов он узнавал, имеются ли в достаточном количестве запасы продовольствия и другого военного снаряжения. 2. Ознакомившись в точности с состоянием дел на Востоке империи, он узнал и то, что бо́льшая часть военных сил сосредоточена в Иллирике, где император был задержан серьезными делами. Между тем приближался для него срок уплаты по долгу, который он под влиянием страха и угроз письменно признал своим, и он видел, что к нему со всех сторон подступили опасности: комит казначейства в угоду другому лицу неотступно требовал уплаты. Тогда Антонин решил бежать к персам вместе с женой, детьми и со всеми своими близкими. 3. Чтобы не обратить на себя внимания наших сторожевых постов, он купил за небольшую цену имение в Гиаспиде, местности, лежащей на реке Тигр[346]. Благодаря этой хитрой выдумке, раз уж он был собственником земли, никто не смел требовать отчета о том, почему он со всем своим большим семейством направляется на самую границу; а он между тем через верных друзей, умевших хорошо плавать, вел тайные переговоры с Тамсапором, который тогда в звании командующего охранял всю территорию на другом берегу реки и был знаком с ним раньше. И вот Тамсапор послал из персидского лагеря отряд ловких людей. Антонин разместил на лодках все, что было ему дорого, и в начале ночи переправился на другой берег, уподобившись древнему Зопиру, предателю Вавилона[347], только в обратном смысле.

4. Так обстояли дела в Месопотамии, а придворная клика затянула свою старую песню на нашу погибель и нашла, наконец, предлог вредить прославленному своей храбростью мужу (Урзицину), причем направление и поощрение исходило от целого скопища евнухов – всегда безжалостные и жестокие, лишенные всяких кровных связей, они испытывают чувство привязанности только к богатству, как к самому дорогому их сердцу детищу. 5. У них был составлен такой план: послать на Восток в чине главнокомандующего Себастьяна, совсем уже пожилого человека, очень богатого, {*152* } но бездеятельного, неопытного в военном деле и до сих пор по своей безвестности, далекого ото всяких видов на сан магистра, а Урзицина назначить на место Барбациона в звании магистра пехоты и вернуть ко двору, где он со своими планами устроить государственный переворот, – как они громко о том говорили, – встретит серьезных и страшных врагов.

6. Пока при дворе Констанция организовывали такое дело, словно устраивали игры или представляли театральную пьесу, а посыльные распределяли деньги за столь внезапно проданную высокую должность между домами сильных людей, Антонин прибыл в зимнюю резиденцию персидского царя и был принят как желанный посетитель. Ему предоставлено было почетное право носить тиару, а эта честь дает право на участие в царском столе, голос на совещаниях с царем и подачу мнения на советах, и он не при помощи шестов и канатов, как говорится, т. е. не какими-нибудь обходными путями, а на всех парусах понесся против своего отечества и стал разжигать царя. Как некогда Магарбал[348],

346 **346.** Прим. ред.: На границе с Персией.

347 **347.** Прим. ред.: Зопир, сын Мегабиза, помог Дарию I захватить Вавилон, изобразив себя перебежчиком (Геродот 3, 153–158).

348 **348.** Прим. ред.: Полководец Ганнибала, командовавший карфагенской конницей в битве при Каннах.

упрекавший Ганнибала в мягкотелости, Антонин постоянно говорил царю, что побеждать он может, а пользоваться победой не умеет. 7. Выросший в условиях тех стран, знакомый со всеми тамошними обычаями, он умел привлечь к себе внимание слушателей и зачаровывал их так, что они – мало сказать, хвалили его, но наподобие гомеровских феаков[349], в молчании ему дивились. Он рассказывал им историю за последние сорок лет и выставлял на вид, что после непрерывного ряда войн и особенно событий при Гилейе и Сингаре [350]где в ожесточенной ночной битве наши войска потерпели жесточайшее поражение, персы не завладели еще Эдессой [351]не захватили мостов на Евфрате, словно какой-нибудь фециал [352]рознял враждующие стороны. А между тем, благодаря своему военному превосходству и блистательным успехам, персы должны были именно так расширить свое государство и особенно в такое время, когда римская держава страдала от продолжительных внутренних междоусобных войн, и римская кровь лилась и на Востоке и на Западе.

8. Такие речи вел этот изменник, оставаясь сам трезвым на пирах, где у персов, как у древних греков, велись совещания о военных приготовлениях и других серьезных предметах. Он побуждал царя, который и без того был охвачен воинственным пылом, к тому, чтобы он, как только окончится зима, начал военные действия, полагаясь на свою счастливую звезду. При этом Антонин самоуверенно обещал царю свое содействие во многих важных делах. {*153* }

6.

1. Примерно в то же время Сабиниан, гордый внезапно доставшейся ему властью, вступил в Киликию и передал своему предшественнику [353]письмо императора, в котором тот предлагал ему спешить на главную квартиру, чтобы там получить высший сан. И это было сделано при таких обстоятельствах, при которых, будь Урзицин где-нибудь на острове Фуле [354]его, ввиду серьезности положения, следовало бы вызвать, как старого боевого командира, который лучше других на своем продолжительном опыте был знаком с военным искусством персов. 2. Это известие вызвало большое волнение в провинциях: декурионы и граждане городов старались декретами и множеством аккламаций [355]чуть ли не силою

349 **349.** Прим. ред.: См. Гомер, Одиссея 13, 1–2.

350 **350.** Общепринятая дата особого события – 348 г., но в недавнее время сделана авторитетная попытка отнести его к 345 году (Bury, Byz. Zeitschr. V, 1896. 302–305).

351 **351.** Ныне Оррое или Орфа.

352 **352.** Прим. ред.: Фециалы – жреческая коллегия из 20 жрецов, существовавшая в Риме с царских времен. В ее обязанности входило помимо всего прочего урегулирование тяжб.

353 **353.** Прим. ред.: Урзицину.

354 **354.** Остров на далеком севере, край земли.

355 **355.** Прим. ред.: Декреты – постановления городского совета (курии), аккламации – возгласы одобрения или неодобрения на заседании курии, которые было принято

задержать у себя защитника отечества. Они помнили, что Урзицин, будучи оставлен для их защиты с ничтожной армией, представлявшей лишь подобие военной силы, в течение целых десяти лет не допустил никаких потерь, а вместе с тем они испытывали страх за свою жизнь, так как узнали, что в такое тревожное время явился на смену ему человек слабый и бездеятельный. 3. Я верю – и в том нельзя сомневаться, – что молва летает на крыльях по воздушным путям. Она сообщила весть о происшедшем персам, и они обсуждали новое положение дел на своем военном совете. Были высказаны различные суждения, и по совету Антонина было решено после удаления Урзицина, не обращая внимания на нового главнокомандующего, не заниматься опасными осадами городов, а форсировать переправу через Евфрат и идти вперед, чтобы таким образом, предупредив быстротой движения молву, захватить провинции, которые во всех предшествующих войнах, кроме времен Галлиена [356357], оставались неприкосновенными и разбогатели благодаря продолжительному миру. Антонин ручался, что с помощью Божьей он будет наилучшим проводником. 4. Этот план был одобрен и скреплен всеобщим единодушным согласием, и с таким же единодушием принялись за спешные приготовления: продовольствие, солдаты, оружие и остальное снаряжение, – все, чего требовал предстоящий поход, готовили в течение всей зимы.

5. А мы, между тем, задержавшись на некоторое время по эту сторону Тавра, спешили согласно приказу императора в Италию. Когда мы доехали до реки Гебра, берущей начало в горах одризов [358]мы получили там письмо императора с приказанием безо всяких промедлений вернуться в Месопотамию, чтобы вести опасную войну, {*154* } хотя мы не располагали сами никакими средствами, так как вся власть была передана другому. 6. Это подстроено было коварными интригами с той целью, чтобы, в случае если персы безо всяких успехов вернутся к себе, приписать заслугу храбрости нового вождя; если же дело примет плохой оборот, возбудить против Урзицина обвинение в измене. 7. После этой бестолковой спешки, потеряв много времени, возвратились мы назад и встретились с Сабинианом. То был человек высокомерный, среднего роста, до крайности ограниченный, который едва ли без страха способен был перенести веселый шум пирушки, не говоря уже о шуме битвы.

8. Но так как лазутчики в полном согласии с перебежчиками утверждали, что враги настойчиво и непрерывно ведут приготовления, а тот человечек все зевал, то мы поспешно отправились в Нисибис [359]с целью предпринять необходимые меры, чтобы персы, втайне подготовив

заносить в протокол.

356 **356.** Годы правления 253–268.

357 **357.** Прим. ред.: Имелся в виду захват Сирии, которая неоднократно оккупировалась персами во времена ослабления империи в правление имп. Галлиена (эпоха «30 тиранов»). Тогда, например, Антиохия была дважды взята штурмом: в 256 и 260 г.

358 **358.** Марица в Болгарии.

359 **359.** Ныне Низибин.

осаду, не захватили города врасплох. 9. Пока мы в стенах города делали с возможной поспешностью нужные приготовления, со стороны Тигра в направлении Кастра Мaврорум (лагерь Мавров [360]Сизары и остальных соседних местностей до самого города то и дело подымались клубы дыма, вспыхивали в большем, чем обычно, числе огни: это показывало, что грабительские шайки, перейдя реку, ворвались в наши пределы. 10. Потому предупреждая занятие ими дорог, мы спешно выступили вперед. Едва прошли мы две мили, как увидели на самой дороге мальчика благородной наружности, с золотой цепью на шее, приблизительно 8 лет, сына какого-то благородного человека, как он говорил; он сидел на дороге и плакал. Мать его бежала в ужасе от неприятеля и, растерявшись, оставила его одного. Командир пожалел мальчика и был тронут его положением. Он приказал мне отвезти его в город, и пока я ехал, взяв его к себе на коня, грабители уже подступили к самому городу. 11. И так как я боялся ужасов осады, то, ссадив мальчика у полуоткрытых задних ворот, поскакал во весь опор догонять наш отряд, причем едва не попал в плен. 12. Конный вражеский отряд преследовал одного трибуна по имени Абдигид, убегавшего вместе со своим конюшим; господин во время бегства упал, слугу схватили и в тот момент, когда я пронесся мимо них, они спрашивали его, какой это выехал сановник. Услышав, что это Урзицин, недавно вступивший в город, направляется на высоты Изалы, они убили конюшего, собрались в толпу и стали меня преследовать. 13. Благодаря быстроте своего коня я оказался впереди их. Близ Амудиса, незначительного форта [361]{*155* } увидел я наших; они беззаботно отдыхали, пустив коней пастись. Протянув вперед руку, скрутив концы плаща и подняв их вверх, я подавал условный знак, что неприятель близко. Я присоединился к своим, и мы вместе поскакали, хотя мой конь начал уже уставать. 14. Полнолуние и ровная, отлого поднимающаяся местность вызывали у нас беспокойство, так как не было никакой возможности скрыться в случае, если бы оказалось необходимым к этому прибегнуть: не видно было нигде ни деревьев, ни кустов, ничего кроме невысокой травы. 15. И вот мы решили поставить на вьючную лошадь горящий светильник, привязав его, чтобы не свалился, и погнать ее без ездока налево; а мы сами направились к горным отрогам, лежавшим справа. Таким образом, персы должны были подумать, что этот светильник освещает дорогу медленно продвигающемуся вперед командиру, и двинуться вслед. Если бы не эта хитрость, то мы были бы окружены, взяты в плен и попали бы во власть врага.

16. Спасшись от этой опасности, мы прибыли в лесистую местность с виноградниками и плодовыми садами, называющуюся Мейакарире, – это имя дали ей холодные ключи. Все жители бежали отсюда, но мы нашли одного солдата, спрятавшегося в укрытии. Его привели к командиру; в испуге он давал противоречивые показания и вызвал тем против себя подозрение. Когда ему пригрозили, он в страхе рассказал всю правду: родился он в Паризиях в Галлии и, будучи на службе в конном полку, боясь наказания за какой-то проступок, бежал и переметнулся к персам; там он женился и родил детей; когда убедились в его честности, то стали

360 **360.** Кафартута арабских географов.

361 **361.** Ныне Тель Амудэ.

посылать лазутчиком в наши пределы, и он часто приносил совершенно точные известия. И теперь он был послан Тамсапором и Ногодаром, персидскими вельможами, которые привели сюда шайки грабителей; к ним он теперь и возвращался, чтобы донести им все, что разведал. После этого он сообщил нам то, что ему было известно о военном плане персов, а затем был казнен.

17. Со всевозрастающей тревогой мы спешно направились, – при данных обстоятельствах это казалось наилучшим, – в Амиду, город, прославленный последовавшими затем несчастиями [362]Туда вернулись наши разведчики; они принесли от Прокопия, – который, как я выше рассказывал [363]вместе с комитом Луциллианом был отправлен послом в Персию, – пергамент, исписанный тайнописью и спрятанный в ножнах меча. Писал он намеренно неясно, на тот случай, чтобы дело не вызвало тяжких последствий, если бы {*156* } посыльные попали в плен и было расшифровано его письмо. [Писал он следующее]: 18. «Далеко отослав греческих послов, может быть даже с целью предать их смерти, престарелый царь, не довольствуясь Геллеспонтом, намерен навести мосты на Гранике и Риндаке и наводнить Азию многочисленными народами. И сам по себе он вспыльчив и свиреп, а тут еще его возбуждает и поощряет преемник римского императора Адриана. Пришел конец Греции, если она не будет настороже»[364].

19. Этот текст значил, что персидский царь перейдет через Анзабу [365]и Тигр и под влиянием уговоров Антонина хочет стать владыкой всего Востока. С трудом разобрав смысл письма вследствие его неясности, задумали мы такой разумный план.

20. В ту пору сатрапом Кордуэны, которая находилась под властью Персии, был некто Иовиниан, получивший это имя, когда в молодости жил на римской территории. Он втайне был на нашей стороне, потому что, став по жребию заложником и будучи поселен в Сирии, пристрастился к наукам и сгорал пламенным желанием вернуться в нашу землю. 21. К нему был отправлен я с одним надежным центурионом, чтобы получить более точные сведения о том, что предпринималось, и прибыл к нему через труднопроходимые горы и крутые теснины. Увидев меня, он узнал меня и любезно принял. Причину своего прихода я рассказал ему с глазу на глаз. Он приставил ко мне человека, хорошо знавшего местность, на молчание которого можно было положиться, и послал на крутые скалы, находившиеся оттуда довольно далеко. С этого наблюдательного пункта можно было разглядеть самый маленький предмет, если только не подводило зрение, на 50 миль вокруг. 22. Там мы оставались два дня, и когда в третий раз взошло солнце, мы увидели все окружающее пространство до того, что по-гречески называется «горизонт», заполненным несчетной массой войск, а во главе – царя,

362 **362.** Ныне Диарбекир.

363 **363.** 17, 14, 3.

364 **364.** Прим. ред.: Письмо наполнено намеками на греко-персидские войны 5 в. до н. э. «Преемник Адриана» – Антонин, перешедший к персам, тезка имп. Антонина Пия, сменившего имп. Адриана.

365 **365.** Ныне Заб.

блиставшего пурпуром своего одеяния. Рядом с ним с левой стороны ехал Грумбат, новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед. С правой стороны ехал царь албанов [366]равный с первым по месту и почету, а позади – различные командиры, выделяющиеся по уважению и власти, за ними следовали в огромном количестве отобранные люди из отборных сил соседних народов, приученные продолжительными упражнениями переносить всякие тяготы войны. 23. Доколе станешь ты, любительница сказаний Греция, рассказывать нам о Дориске, {*157* } фракийском городе, и исчислении войска [367]путем поочередного загона в загородки [368]Но нет, я предпочитаю быть осторожным и даже, признаюсь, робким и ничего не преувеличиваю, а говорю только то, что засвидетельствовано точными и достоверными показаниями очевидцев.

7.

1. Цари прошли мимо Ниневии, большого города Адиабены, и затем на середине моста через реку Анзабу закланы были жертвенные животные, и так как внутренности их принесли благоприятные знамения, то переход совершился в радостном возбуждении. Понимая, что основная масса войск едва ли сможет переправиться менее, чем за три дня, я с этого места сразу вернулся к сатрапу и отдохнул у него, встретив самый радушный прием. 2. От него я вернулся через места столь же пустынные и необитаемые, находя утешение в сознании необходимости. Путь этот я проделал скорее, чем можно было ожидать, и приободрил впавших в нерешительность, когда они узнали, что цари, не совершая обхода, перешли по одному наводному мосту. 3. Тотчас отправлены были курьеры к Кассиану, дуксу Месопотамии, и тогдашнему правителю провинции Евфронию с предложением приказать сельскому населению с семействами и всем скарбом перейти в более безопасные местности, быстро оставить город Карры [369][370], имевший слабые стены, а кроме того сжечь все поля, чтобы лишить врага возможности добывать продовольствие на месте. 4. Приказание было немедленно исполнено, сделан был поджог, и рассвирепевшая стихия спалила все хлеба с наливающимся уже зерном и роскошные травы так, что от самых берегов Тигра до течения Евфрата не было никакой зелени. Тут сгорело много диких животных и особенно львов, страшно свирепых в тех местах. Они обычно погибают или мало-помалу теряют зрение следующим образом. 5.

366 **366.** 3 Прикавказское племя, жившее по течению р. Куры между Иверией (Грузией) и Каспийским морем.

367 **367.** Прим. ред.: В Дориске во Фракии во время похода на Грецию персидским царем Ксерксом был произведен подсчет своих войск, численность которых была определена в 1 700 000 человек. 20. В 53 г. до н. э. в битве при Каррах парфяне разгромили римское войско под командованием Марка Красса, победителя Спартака и одного из триумвиров (наряду с Цезарем и Помпеем).

368 **368.** Herod. VII 60.

369 **369.** Харран или Гаран.

370 **370.** Прим. ред.: Слово «марра» на их языке означало «смерть».

В камышах рек Месопотамии и зарослях водятся львы в огромном количестве. Они не причиняют никакого вреда в течение зимы, которая в тех местах бывает очень мягкая; но когда наступает лето, они страдают от жары в выжженных солнцем местах и от огромных комаров, роями которых все наполнено там. И так как эти насекомые атакуют глаза, светящиеся и влажные места на теле, и жалят в веки, измученные укусами львы бросаются в реки, чтобы избавиться от этой боли, и тонут в волнах, или же сами лишают себя зрения, выцарапывая {*158* } глаза когтями, и впадают тогда в полное бешенство. Если бы этого не случалось, то весь Восток был бы переполнен этими зверьми.

6. Пока, как выше сказано, сжигали поля, были отправлены трибуны с протекторами, чтобы укрепить правый берег Евфрата фортами, палисадами и всякими сооружениями, расставив тяжелые орудия в удобных местах, где течение реки не представляло своей стремительностью затруднений для переправы. 7. Пока спешно принимались упомянутые меры, Сабиниан, столь вовремя избранный главнокомандующим в годину тяжелой войны, когда нужно было пользоваться каждой минутой для отражения грозившей всему государству опасности, проявлял свою обычную беспечность и распущенность: для своего удовольствия он, вместо театральных представлений, преспокойно устраивал на кладбище города Эдессы военную пляску под звуки музыки[371], воображая, вероятно, что ничто ему не страшно, если он умилостивит мертвецов, – затея, являющаяся и сама по себе, и по месту исполнения дурным предзнаменованием. Подобные предосудительные поступки, о которых и рассказывать тяжело, предвещают грядущие бедствия; проникнемся же на будущее убеждением, что честный человек обязан избегать таких действий.

8. Между тем цари миновали Нисибис, оставив после себя лишь незначительные следы опустошения; а так как пожар распространялся все далее и далее, находя себе пищу в виде высохшей растительности, то, во избежание недостатка в пастбищах, они двигались у подошвы горного хребта по поросшим травой долинам. 9. Так они достигли селения, называющегося Бебаза [372]отсюда до города Константины, находящегося в 100 милях [373]вся местность представляет собой пустыню, и только в колодцах имеется немного воды. Долго оставались они в нерешительности, что им предпринять, и уже готовы были, полагаясь на закаленность своих солдат, двинуться через пустыню, когда один надежный лазутчик сообщил, что уровень воды в Евфрате поднялся вследствие таяния снегов в горах, и река широко разлилась, так что нельзя перейти ее вброд. 10. Обманувшись против ожидания в этой надежде, они решили воспользоваться случаем и на военном совете, поспешно собранном из-за затруднительного положения, предложили Антонину высказать свое мнение. Он посоветовал свернуть вправо, чтобы

371 **371.** Прим. ред.: См. выше 14, 5, 8 и 15, 3, 4.

372 **372.** Н. Тель-Беш в 40 километрах от Дары.

373 **373.** 100 римских миль равно 148 километров.

напасть на крепости Барзалон [374]и Клавдии [375]Вызвавшись быть провод-{*159* }ником, он предупреждал, что необходимо сделать большой обход; но зато путь предстоит через местность, изобилующую всяким продовольствием, которая до сих пор сохранена римлянами, полагавшими, что враг двинется по прямому пути. Реку же будет легко перейти вброд, так как в тех местах, вблизи ее истоков, она маловодна и узка, не получив еще массы воды от своих притоков. 11. Этот совет был одобрен; Антонину приказано было вести путем, который он знает, и все войско, отказавшись от прежнего маршрута, последовало за ним.

8.

1. Узнав об этом из надежных разведок, мы приняли решение поспешить в Самосату и, перейдя там через реку, разрушить мосты у Зевгмы и Каперсаны и таким образом, если нам посчастливится, отразить неприятельское нашествие. 2. Но случилось позорное несчастье, которое стоило бы предать всяческому забвению. На охране в тех местах стояли две турмы всадников – приблизительно 700 человек, – недавно присланные из Иллирика для усиления обороны Месопотамии. Люди были слабы и трусливы. Опасаясь ночных нападений, они отходили далеко от дороги по вечерам, когда нужно с особенной тщательностью оберегать все тропинки. 3. Увидев, что они одурманены вином и сном, персы в числе почти 20 тысяч человек перешли под командованием Тамсапора и Ногодара, не будучи никем замечены, и, готовые к бою, укрылись за высокими холмами по соседству с Амидой. 4. Между тем мы, как я сказал, направлялись в Самосату. Лишь только стало рассветать, как с одной возвышенности ударил нам в глаза блеск оружия. Раздался возбужденный крик, что враг перед нами. Дан был обычный сигнал готовиться к бою, и мы встали в тесном строю. Было одинаково опасно бежать, имея перед собой готового к преследованию неприятеля, и вступать в бой с превосходившим нас конницей и численностью противником, – и мы предвосхищали верную смерть. 5. В этой крайней опасности мы решились все-таки сразиться, а пока мы еще собирались и готовились, пало несколько наших, бросившихся безо всякой оглядки на неприятеля. Обе стороны надвигались друг на друга, и Антонин выступал впереди строя. Его узнал Урзицин и громко обругал, называя предателем и негодяем. Тот снял тиару, которую, как знак отличия, носил на голове, сошел с коня и, склонившись всем телом и почти коснувшись лицом земли, приветствовал Урзицина, называя его патроном и владыкой, и держа руки за спиной, что у ассирийцев является жестом просителя, сказал: [376]«Прости, блистательный комит! Крайность, а не собственная воля привела меня к тому, что я сам {*160* } признаю преступным. Несправедливые кредиторы меня погубили, как ты сам знаешь. Ведь и ты сам, со своим высоким положением, заступавшийся за меня в моей

374 **374.** Н. Берзель.

375 **375.** Крепость Клавдии лежала между Мелитеной (Малация) и Самосатой (Шемисат).

376 **376.** Прим. ред.: Каллисфен из Олинфа был племянником Аристотеля. Он сопровождал Александра Македонского в его походе на Восток.

нужде, не смог положить предела их корыстолюбию». Сказав это, он стал отходить, не поворачиваясь к нам спиной, почтительно отступая назад и держа руку на груди, пока не исчез из вида.

7. Так прошло около получаса, и вдруг в задних рядах нашего строя, который стоял выше от нас по склону горы, раздались крики, что виден другой отряд катафрактов позади и что он приближается к нам во весь опор. 8. И вот, как случается в трудные минуты, никто не разбирал, куда ему нужно или можно направиться, и во всеобщей давке мы все рассыпались; всякий на свой страх и риск пытался спастись от большой опасности; рассеявшись, кто куда мог, мы столкнулись с нападавшим неприятелем. 9. Отчаявшись в спасении своей жизни, мы бились храбро и были оттеснены к крутым берегам Тигра. Одни бросались вниз, но под тяжестью вооружения застревали на мелких местах русла реки; другие попадали в водовороты и тонули; некоторые сходились с врагом и бились с переменным успехом; а некоторые в ужасе перед множеством вражеских отрядов, бросились на ближайшие отроги горной цепи Тавра. 10. Среди этих последних был и сам командир. Его узнали, и целая толпа врагов окружила его. Но благодаря быстроте коня, ему удалось уйти вместе с трибуном Айадальтом и одним конюшим.

11. Я сам, оказавшись в стороне от своих товарищей, придумывал, что мне предпринять. Тут ко мне приблизился Веренианн, доместик-протектор, раненный стрелой в бедро. Пока я пытался по настоятельной просьбе товарища, извлечь стрелу, я был окружен наступавшими персами со всех сторон и поскакал во весь опор в город, который с той стороны, откуда на нас нападали, находится на возвышенности и имеет только один очень узкий подъезд, еще более суженный укреплениями, возведенными в ущельях для перекрытия дороги. 12. Здесь, смешавшись с персами, которые одновременно с нами бросились на эти высоты, мы простояли без движения до восхода солнца в такой тесноте, что трупы убитых, сжатые столпившимися людьми, не могли найти места, чтобы упасть на землю, и один солдат передо мной, которому удар меча разрубил голову на две половины, стоял на месте, сжатый отовсюду, словно столб. 13. Множество снарядов изо всяких метательных орудий летели с зубцов стен, но наша близость к стенам спасала нас от опасности. Наконец я проник через боковой вход в город и обнаружил, что он переполнен множеством людей обоих полов, пришедших из окрестностей. 14. Случайно как раз в эти дни в предместье была обычная ежегодная ярмарка, и кроме приезжих { *161* } купцов было множество съехавшихся сюда крестьян. Страшный шум стоял повсюду: одни оплакивали погибших, другие стонали, будучи ранены насмерть, а многие просто звали кого-то из своих близких, кого не могли найти в тесноте.

9.

1. Этот город (Амида) был раньше весьма небольшим. Когда же Констанций, тогда еще Цезарь, заложил Антониополь[377], то одновременно окружил большими стенами и башнями также и Амиду, чтобы окрестное население могло найти там надежное убежище. Сооружением арсенала

377 **377.** Прим. ред.: Очевидно, выполняя предписания, связанные с отправлением какого-то древнего сирийского культа.

для стенобитных орудий он сделал Амиду грозным для неприятеля местом и хотел дать городу свое имя. 2. С южной стороны Амиду омывает, делая здесь изгиб, река Тигр, которая неподалеку отсюда имеет свой исток; со стороны, откуда на нее дует Евр она обращена к равнине Месопотамии; где она открыта для Аквилона протекает река Нимфей и возвышаются вершины Тавра, который отделяет Армению от племен, обитающих за Тигром; со стороны дуновения Зефира [378]она соприкасается с Гуматеной, областью плодородной и прекрасно возделанной, где находится селение по имени Абарна, известное своими горячими целебными ключами. В самой середине города Амиды под цитаделью пробивается обильный источник; вода в нем пригодна для питья, но во время летнего зноя имеет иногда противный запах. 3. Обычный гарнизон города составлял Пятый Парфянский легион со значительным конным отрядом местных жителей. Но теперь еще шесть легионов форсированным маршем поспешили предупредить вторжение персов и встали на его крепких стенах, а именно: легионы Магненция и Деценция, которые, по окончании междоусобной войны, император из-за их ненадежности и буйного духа переместил на Восток, где опасность грозит только от внешних войн; далее – Тринадцатый легион, Десятый Фретензес, Супервенторы и Превенторы под командой Элиана, получившего уже ранг комита. Я уже рассказал о них выше [379]как, будучи еще свежими новобранцами, по внушению того же Элиана, тогда еще протектора, сделали они вылазку из Сингары и перебили множество погруженных в сон персов. 4. Была также в городе бóльшая часть комитов-сагиттариев, – так называются кавалерийские отряды, в которых служат исключительно свободорожденные варвары, отличающиеся силой и отборным оружием. {*162* }

10.

1. В то время как первое нападение окончилось для нас столь неожиданной бедой, царь со своим народом и другими племенами, которые он вел, изменил от Бебазы[380]направление пути, отклонившись вправо, как посоветовал Антонин, и пошел на Горру, Мейакарире и Харху, словно намеревался оставить в стороне Амиду. Проходя мимо укреплений, из которых одно называлось Реман, другое Бузан, он узнал от перебежчиков, что в этих местах из-за их недоступности хранится имущество многих лиц; добавляли и то, что там находится одна красивая женщина с маленькой дочерью и драгоценным имуществом, жена некоего Краугазия из Нисибиса, который в сенате своего родного города занимал видное положение благодаря своему происхождению, репутации и влиянию. 2. Жадность к чужому добру побудила царя спешно предпринять штурм этих укреплений. Гарнизон, приведенный в ужас армией с разнообразным вооружением, покорился воле царя и выдал всех, кто прибег под его защиту. Получив приказание удалиться, он

378 **378.** Евр – восточный ветер, Аквилон – северный. Зефир – западный.

379 **379.** В недошедшей до нас части сочинения.

380 **380.** Тель-Беш.

тотчас поднес царю ключи от ворот. Как только открыт был вход, стали вытаскивать все добро, которое было там собрано; женщины, пораженные ужасом, дети, хватавшиеся за матерей, обреченные испытать тяжкие бедствия в столь юном возрасте, приведены были к царю. 3. Когда царь, спрашивая, чья кто жена, узнал жену Краугазия, которая уже боялась насилия над собой, то приказал ей смело подойти ближе. Она подошла, покрытая черным покрывалом до самого рта, и царь заговорил с ней ласково, поддерживая в ней надежду встретиться опять с мужем и обещая, что на ее честь не будет посягательств. Он слышал, что муж страстно влюблен в нее, и надеялся ценой ее возвращения мужу купить предательскую сдачу Нисибиса. 4. Других оказавшихся там девушек, посвятивших себя по христианскому обычаю служению Богу[381], царь приказал не трогать и предоставил им беспрепятственно отправлять свой культ. На самом деле он только до поры до времени притворялся милосердным с тем расчетом, чтобы все, кого он раньше устрашал своей бесчеловечной жестокостью, оставили страх и по собственному почину явились к нему, узнав из недавних случаев, что в величии своего счастья он стал проявлять гуманность и мягкость. {*163* }

КНИГА XIX

(год 359)

1. На попытку Сапора склонить к сдаче гарнизон Амиды, ему отвечают стрелами и черепицами; во время такой же попытки царя Грумбата убивают его сына.

2. Сапор осаждает Амиду и в течение двух дней подвергает ее дважды штурму.

3. Урзицин делает безуспешную попытку ночью прийти на помощь осажденным, встретив сопротивление со стороны магистра армии Сабиниана.

4. Появившееся в Амиде моровое поветрие прекращается на десятый день благодаря небольшому дождю. О причинах и видах моровой язвы.

5. По указаниям перебежчика осада Амиды ведется как с помощью штурма, так и через подземный ход.

6. Вылазка галликанских легионов, нанесшая большой урон персам.

7. Персы придвигают к стенам города башни и другие осадные сооружения; римляне предают их огню.

8. Возведя непосредственно близ стен высокие валы, персы штурмуют Амиду и вторгаются в крепость. После взятия города Марцеллин бежит ночью и направляется в Антиохию.

9. Одни командиры в Амиде преданы казни, другие заключены в оковы. Нисибиец Краугазий из любви к попавшей в плен жене переходит к персам.

10. Римская чернь, опасаясь недостатка хлеба, бунтует.

11. Сарматы-лимиганты притворно просят мира и нападают на императора; страшное их избиение.

12. Многие привлекаются к ответственности по обвинению в

381 **381.** Прим. ред.: Т. н. virgines Christi имелись уже в первые века христианства.

оскорблении величества и осуждаются.

13. Лаврициий, комит исавров, прекращает их разбои. {*164* }

1.

1. Царь был очень обрадован горестным пленением наших. Ожидая и в будущем подобных успехов, он выступил оттуда и, приближаясь мало-помалу, подошел на третий день к Амиде. 2. При первых лучах наступившего дня все окрестности, насколько хватал глаз, блистали сверкающим оружием, и закованная в железо конница наполняла поля и холмы. 3. Верхом на коне, возвышаясь над другими, сам царь ехал впереди всех своих войск, с золотой диадемой в форме бараньей головы, украшенной драгоценными камнями; его окружали разные высшие чины и свита из разных племен. Можно было ожидать, что он ограничится попыткой уговорить гарнизон сдаться словесным предложением, так как он, по совету Антонина, спешил в другое место. 4. Но Провидение пожелало ограничить несчастья всего римского государства границами лишь одной местности и внушило страшно возомнившему о себе царю представление, что стоит ему показаться, как все осажденные в ужасе прибегут к нему с мольбой о пощаде. 5. Он разъезжал перед воротами в сопровождении своей блестящей свиты; но когда он в гордой уверенности подъехал слишком близко, так что можно было разглядеть черты его лица, то едва не погиб: стрелы и другое метательное оружие обратились на него из-за блеска его одеяния; однако пыль помешала стрелявшим верно прицелиться, и удар копья проделал лишь дыру в его облачении. Он ушел невредимым, чтобы затем истребить множество людей. 6. Придя в страшную ярость на нас, словно мы были повинны в наглом святотатстве, он кричал, что совершено посягательство на владыку стольких царей и народов, и грозил приложить все усилия к тому, чтобы снести этот город с лица земли. Главные командиры просили царя, чтобы он не отступался от своих славных начинаний, поддаваясь чувству гнева. Смягчившись благодаря просьбам своих вельмож, он решил на следующий день предложить гарнизону сдаться.

7. И вот, как только рассвело, царь хионитов Грумбат, взявший на себя проведение переговоров, смело приблизился к стенам, {*165* } окруженный отборным отрядом телохранителей. Когда опытный наводчик одного орудия заметил, что он находится в поле его обстрела, то натянул свою баллисту и пробил выстрелом панцирь и грудь юному сыну Грумбата, находившемуся рядом с отцом. Высоким ростом и красотой этот юноша превосходил своих сверстников. 8. Как только он упал, все его соплеменники обратились в бегство, но вскоре вернулись опасаясь, чтобы наши не захватили тело павшего, и нестройными криками призвали к оружию множество людей. Тут началась ожесточенная сеча, и стрелы летели тучами с той и другой стороны. 9. Кровопролитный бой затянулся до самого конца дня, и уже в начале ночи через кучи трупов и потоки крови едва удалось вынести тело под покровом темноты, как некогда в Трое жестоко бились над трупом спутника (Патрокла) фессалийского вождя (Ахилла). [382]10. Эта смерть повергла в горе царский дом, все вельможи были тяжело поражены вместе с отцом внезапной утратой;

382 **382.** Прим. ред.: См. Гомер, Илиада 17.

объявлена была приостановка военных действий, и стали оплакивать по местному обычаю юношу, выделявшегося своей знатностью и пользовавшегося любовью. В военном облачении был он вынесен и помещен на обширном высоком помосте; вокруг было расставлено десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо изготовлены, что совершенно походили на покойных. В течение десяти дней все люди пировали, разделившись на группы по палаткам и отрядам, и пели особые погребальные песни, оплакивая царственного юношу.

11. А женщины скорбными стенаниями по своему обычаю оплакивали надежду народа, погибшую во цвете юности, подобно тому как можно видеть проливающими слезы жриц Венеры на празднике Адониса, – по мистическим толкованиям этот праздник является символом созревания хлебов. [383]

2.

1. Когда труп был предан огню, и кости собраны в серебряную урну, чтобы, согласно воле отца погибшего юноши, отвезти их для предания родной земле, принято было на военном совете решение совершить умилостивительную жертву манам [384]убитого разрушением и сожжением города, так как Грумбат не допускал самой возможности идти дальше, не отомстив за смерть единственного сына. 2. На отдых было дано два дня, в течение которых выслано было много отрядов, чтобы опустошить открытые, как в мирное время, богатые и хорошо обработанные поля, а затем город был окружен пятью линиями щитов. На рассвете третьего дня конные воины в сверкавших на солнце доспехах заполнили все окрестности, сколько хватало глаз, и, медленно продвигаясь вперед, заняли {*166* } предназначенные им позиции. 3. Персы обложили город по всей окружности стен: восточная часть, где пал тот роковой для нас юноша, досталась хионитам, южная сторона была отведена..., северную сторону заняли албаны, а против западных ворот поставлены были сегестанцы, самые храбрые из всех воины; с последними медленно выступал, высоко возвышаясь над людьми, отряд слонов с сидевшими на них вооруженными бойцами. Морщинистые чудовища представляли собой, на что я уже не раз указывал, ужасное зрелище, наводящее неописуемый страх.

4. Видя перед собой несметное количество людей давно уже собранных на погибель римского государства, а теперь обращенных против нас, мы оставили всякую надежду на спасение и думали только о славной смерти, которая была уже для всех нас желанной. 5. С восхода солнца и до конца дня люди стояли в строю неподвижно, как вкопанные, ни один человек не сходил с места, не слышно было ржания коней; отходили они в том же порядке, как и приходили, и, подкрепившись пищей и сном, еще до окончания ночи по сигналу трубачей окружили

383 **383.** Прим. ред.: Адонис – восточный бог плодородия, культ которого распространился в Ионии в 6 в. до н. э. и был связан с культом Афродиты (рим. Венеры). Адонис считался возлюбленным последней, погибшим на охоте. Праздник Адониса справлялся в Афинах в середине лета, а в Антиохии – осенью.

384 **384.** Прим. ред.: Маны в римской мифологии считались богами загробного мира, а позднее – обожествленными душами предков, покровительствующими потомкам.

страшным кольцом город, обреченный на гибель. 6. Как только Грумбат по обычаю своего народа и наших фециалов [385]бросил обагренное кровью копье, как войско, потрясая оружием, устремилось к стенам, и тотчас разгорелась кровавая сеча; в стремительной атаке полчища врагов понеслись в бой, а наши со своей стороны с возбужденной решимостью выступили им навстречу.

7. Огромные камни из скорпионов [386]раздавили множество врагов, пробив им головы. Одни усеяли своими телами землю, пробитые стрелами или пронзенные копьями; другие раненые быстрым бегством спешили назад к своим. 8. Не меньше скорби и смерти было в городе; стрелы стеной закрывали небо, и орудия, которыми овладели персы, разграбив Сингару, [387]нанесли многим раны. 9. Осажденные напрягали все свои силы, вновь и вновь возвращались в бой; некоторые падали, опасно раненные в великом напряжении борьбы и, пораженные насмерть, увлекали своим падением стоящих по соседству или, оставаясь живыми, звали к себе на помощь тех, кто умел извлекать из тела вонзившееся в него оружие. 10. Сцены смерти одна за другой тянулись до самого конца дня, и ночной мрак не положил им конца, так как с обеих сторон сражались с величайшим упорством.

11. Когда уже встала на свои посты ночная стража в боевом вооружении, холмы оглашались громким криком с той и другой стороны: наши прославляли доблести императора Констанция, как {*167* } верховного владыки мира, персы именовали Сапора Saansan и Pirosen, что означает на их языке царь, повелевающий царями, и победитель в битвах.

12. Еще до рассвета были со всех сторон созваны по сигналу труб несметные полчища на такой же жаркий бой и неслись, словно птицы. Насколько видел глаз, в полях и долинах ничего не было видно, кроме сверкавшего оружия диких племен. 13. Вскоре, подняв крик, все бросились вперед, огромная туча стрел понеслась со стен, и можно было думать, что падая в эту тесную массу людей, ни одна из них не выпускалась напрасно. В одолевавших нас бедствиях поощряли себя мы не желанием найти спасение, как я сказал, но погибнуть славной смертью. С раннего утра и до наступления темноты ни с той, ни с другой стороны не было отступления, и мы бились с остервенением, но без какого-либо плана. Раздавались крики падающих и нападавших, и в ожесточении боя едва ли кто-нибудь мог спастись от ран. 14. Наконец ночь прекратила убийства, и пресыщение ужасами боя дало обеим сторонам более продолжительный отдых. Но и когда нам дана была возможность отдохнуть, непрерывный труд и бессонница истощили остаток наших сил, а кроме того нас терзали своим видом кровь и бледные лица умиравших товарищей. Теснота не позволяла даже отдать им последний долг погребения; в стены сравнительно небольшого города были втиснуты семь легионов, толпа горожан и пришельцев и некоторое число других еще солдат, всего около 20 тысяч человек. 15. Каждый по

385 **385.** Прим. ред.: Фесциалы (см. прим. 14 к кн. 17) при объявлении войны бросали обагренное кровью копье через колонну, стоявшую перед воротами храма Беллоны в Риме.

386 **386.** Описание этого орудия см. 23, 4, 4–7.

387 **387.** Прим. ред.: См. 18, 5, 7.

возможности лечил свои раны сам или при помощи лекарей; некоторые, получившие тяжкие увечия, боролись со смертью и испускали дух от потери крови, другие пронзенные насквозь, лежали ничком на земле и, когда они испускали дух, их отбрасывали в сторону; некоторые были так страшно изранены, что сведущие во врачебном искусстве не позволяли касаться их, чтобы не усиливать еще более их страдания без всякой пользы; у иных извлекались из тела стрелы, и при этой рискованной процедуре они терпели страдания более тяжкие, чем сама смерть.

3.

1. Пока у Амиды обе стороны бились с таким ожесточением, Урзицин, раздосадованный тем, что он находился в зависимости от произвола другого лица, много раз внушал главнокомандующему Сабиниану, который все еще занят был могилами, собрать все легковооруженные войска и идти быстрым маршем по укрытым дорогам у подножия гор. С этими силами он бы мог, если бы ему улыбнулась Судьба, уничтожая сторожевые посты, напасть на ноч-{*168* }ные пикеты, которые огромным кольцом стояли вокруг стен, или же отвлечь частыми нападениями силы, которые сосредоточились на осаде города. 2. Сабиниан отверг этот план как рискованный, официально ссылаясь на письмо императора, в котором тот повелевал во всех военных предприятиях по возможности щадить солдат; а в глубине своего сердца он хранил наставление, которое ему неоднократно давалось при дворе: не предоставлять своему сгоравшему любовью к славе предшественнику никакой возможности отличиться, даже в тех случаях, когда это могло бы идти на пользу государства. 3. До такой степени стремились, хотя бы на гибель провинций, к тому, чтобы этот человек войны не мог быть назван причиной или участником какого-нибудь славного дела. Расстроенный такими бедствиями, он неоднократно посылал к нам разведчиков, хотя из-за жесткой осады никому не удавалось без затруднений проникнуть в город, и предлагал много полезных мероприятий, но безуспешно. Он был похож на льва, устрашающего своей величиной и дикой силой, который не может спасти от опасности своих попавших в сети детенышей, потому что у него вырваны когти и зубы.

4.

1. А в городе между тем количество лежащих повсюду на улицах трупов было так велико, что не было возможности исполнить в отношении них последний долг предания земле. И вот к стольким бедам прибавилась чума, которую вызвало разложение кишащих червями трупов, жаркие испарения и истощение людей. (По этому поводу) я расскажу коротко, отчего происходят такие болезни. 2. Философы и знаменитые медики высказали мнение, что заразные болезни возникают от чрезмерного холода или тепла, влажности или сухости. [388]Поэтому население местностей болотистых или сырых страдает кашлем, глазными и тому подобными болезнями, а, наоборот, жители жарких стран сохнут от жара

388 **388.** Прим. ред.: Например, таково мнение основателя научной медицины Гиппократа.

лихорадки. Но насколько огонь более сильная стихия, чем остальные, настолько сухость быстрее губит людей. 3. Так, когда греки страдали в Десятилетней войне ради того, чтобы чужеземец (Парис) не остался безнаказанным за расторжение брака царя (Менелая), во время такого мора много людей погибло от стрел Аполлона, под которым подразумевается Солнце. [389]4. И та чума, что поразила множеством смертей афинян в начале Пелопоннесской войны, как рассказывает Фукидид, охватила Аттику, постепенно переходя из жарких областей Эфиопии. [390]5. Другие полагают, что воздух, как это часто бывает, и вода, зараженные трупным разложением и по другим подобным причинам, теряют бо́льшую часть своих добрых качеств или также, что внезапная перемена погоды вызывает более легкую {*169* } заболеваемость. 6. Некоторые утверждают, что воздух, сгустившийся вследствие более сильного испарения земли, препятствуя испарению через кожу, оказывает иногда смертоносное действие; поэтому кроме людей умирают также внезапно и животные, как свидетельствует Гомер [391]и как это подтверждается многими позднейшими наблюдениями в случаях подобного поветрия.

7. Первый вид чумы называется «пандемос», под ее действием жителей жаркого пояса часто посещает лихорадка; второй вид – «эпидемос», которая, появляясь, временами притупляет зрение и вызывает опасные опухоли; третья – «лимодес» [392]которая появляется также временами, но сопровождается быстрым смертельным исходом. 8. Эта гибельная чума посетила теперь нас; но погибли лишь немногие, от чрезмерной жары в местах, где оказалась чрезвычайная теснота. Наконец, в ночь, последовавшую за десятым днем, небольшой дождь разогнал тяжелый густой воздух и вернул нам телесную бодрость.

5.

1. Между тем персы спешно окружали город фашинным бруствером и начали возводить валы. Они строили высокие башни с железной фронтовой частью и наверху помещали по одной баллисте, чтобы сбивать защитников с зубцов стен. В то же время пращники и стрелки ни на миг не прекращали перестрелки. 2. С нами были два легиона Магненция, недавно, как я сказал выше, переведенные из Галлии,– люди храбрые, ловкие и умелые в бою на открытом поле; но для того рода войны, на который были обречены мы, они были не только непригодны, но и сами создавали большие затруднения. Они не только не помогали никому на машинах и при проведении работ по обороне, но делали бессмысленные вылазки, храбро вступали в бой и возвращались в меньшем числе, принося столько пользы, сколько приносит, по пословице, на огромном пожаре вода, доставленная в пригоршне одного человека. 3. Наконец,

389 **389.** Прим. ред.: См. Гомер, Илиада I.

390 **390.** Прим. ред.: Фукидид 2,47–53.

391 **391.** Прим. ред.: Гомер, Илиада 1, 50: смерть сперва поражает мулов и собак.

392 **392.** πάνδημοζ – всенародный, ’επιδημοζ – народный, туземный, λοιμώδηζ – заразный, чумный.

когда ворота были крепко заперты и трибуны запретили выходить, они, будучи лишены возможности делать вылазки, в ярости скрежетали зубами, как дикие звери. Но в следующие дни они блистательно отличились своей храбростью, как я о том сейчас расскажу.

4. На отдаленном выступе южной части стен, которая обращена к реке Тигру, находилась высокая башня; под ней зияла такая пропасть, что нельзя было смотреть вниз без сильного головокружения. С самого низа этой пропасти по подземному, пробитому {*170* } внутри скалы, ходу вела лестница в город, чтобы можно было тайком брать воду из русла реки. Эта лестница была высечена с большим искусством, которое я видел во всех больших крепостях того края, прилегающих к рекам. 5. Один перебежавший к персам горожанин провел через этот темный ход, который оставался без особой охраны из-за его малой доступности, семьдесят персидских стрелков из царской гвардии, людей испытанных и смелых. В тишине отдаленного места, в полночь внезапно поднялись они один за другим до третьего этажа башни. Там они спрятались и на рассвете подняли плащ пурпурного цвета, что служило сигналом для начала боя. Когда они увидели, что их войска со всех сторон плотной массой окружают город, они сняли колчаны, бросили их к ногам своим и, подняв вой, стали посылать стрелы с величайшим искусством. Вслед за тем все силы врага густой толпой с бóльшим, чем прежде, ожесточением двинулись на город. 6. Сначала мы были в колебании и нерешительности, против кого нам следует прежде всего обратиться – против стоящих наверху, или против того множества, которое, поднимаясь по приставным лестницам, уже овладевало парапетами стены. Но затем мы разделились: пять более легких баллист было переставлено и направлено против башни; сыпавшиеся из них деревянные стрелы пронзали иногда двух человек разом; одни, будучи тяжело ранены, падали вниз, другие, бросаясь с высоты в страхе перед скрипящими орудиями, разбивались насмерть. 7. Быстро справившись в этом пункте и установив орудия на обычных местах, мы все уже с большей уверенностью обратились к защите стен. Преступное деяние перебежчика усилило раздражение солдат, и они бросали метательные снаряды всякого рода своими мощными руками с такой силой, как будто действовали на открытом поле. К полудню варварские полчища были отброшены и понесли тяжелый урон и, оплакивая смерть многих товарищей, в страхе отступили назад к своим палаткам.

6.

1. То была как бы ласковая улыбка нам Фортуны, когда мы прожили день без ущерба с нашей стороны при больших потерях у неприятеля. Остаток этого дня посвятили мы отдыху и сну. На рассвете следующего дня мы увидели с акрополя огромную толпу, которую гнали во вражеский стан после взятия укрепления Зиаты. В эту крепость, весьма большую и хорошо защищенную – в окружности она имела десять стадий [393][394], – собрался всякий народ. {*171* } 2. И другие укрепленные места были взяты

393 **393.** Около полуторы версты.

394 **394.** Прим. ред.: Ок. 1800 м.

в те дни и преданы огню. Много тысяч людей было оттуда выведено, и они шли теперь в рабство; среди них было много дряхлых стариков и престарелых женщин. По той или иной причине доходили многие до полного истощения сил, утомившись из-за продолжительного пути, и если теряли силы жить, то их бросали по дороге, надрезав им икры или пятки.

3. При виде этой жалкой толпы людей галльские солдаты в порыве понятном, но несвоевременном, потребовали, чтобы им была предоставлена возможность сразиться лицом к лицу с неприятелем. На запрет со стороны трибунов и старших они отвечали угрозой убить их. 4. И, как зубастые звери в клетках, разъяренные запахом еды, бьются в надежде выбраться о вращающиеся прутья, так и они рубили мечами ворота, которые, как я сказал, были заперты. Их тревожило опасение, что они погибнут после взятия города, не совершив никакого блестящего дела; или, если он спасется от опасности, то не будет упомянуто, что они совершили нечто достойное галльской отваги, хотя и прежде часто во время своих вылазок, когда они делали попытки помешать сооружению валов, неся смерть в ряды врага, совершали они достойные галльской славы подвиги. 5. Мы не знали, на что решиться, и недоумевали, какую преграду можно воздвигнуть их неистовству, и вот на чем остановились, с трудом добившись от них на то согласия. Так как их уже невозможно было удержать, то им было разрешено спустя некоторое время напасть на сторожевые посты неприятеля, которые были расположены на расстоянии немного больше дальности полета стрелы, и, прорвав их, двинуться дальше. Было ясно, что, если им выпадет удача, то они произведут страшную резню среди неприятеля. 6. Пока они готовились к вылазке, мы деятельно принимали всякие меры к защите стен, расположив сторожевые посты и орудия так, чтобы во все стороны метать стрелы и камни. Взятие города подготавливалось последовательным возведением осадных сооружений: два огромных вала было воздвигнуто руками пехоты персов. Против них наши с величайшим старанием воздвигли высокие сооружения, которые равнялись по высоте вражеским валам и могли выдержать тяжесть великого множества защитников.

7. Между тем галлы, с трудом дождавшись назначенного срока, опоясались секирами и мечами и вышли через боковые ворота, вознося к Богу молитвы о благоволении и помощи. Ночь была темная и безлунная. Задерживая дыхание, приблизились они к неприятелю, соединились в тесный строй и бросились бежать. Они перебили несколько передовых постов, затем напали на внешние караулы лагеря, которые, не предвидя никакой опасности, поко-{*172* }ились во сне; избивая их, они втайне помышляли уже о том, чтобы в случае удачи подойти к самой ставке царя. 8. Но шум их шагов, хотя и легкий, и стоны убитых разбудили многих: они вскочили, каждый выкрикивал призывы к оружию, и наши воины остановились, не смея двинуться дальше. Раз те, на кого была устроена засада, уже проснулись, то не имело смысла подвергаться открытой опасности, тем более что со всех сторон спешно подходили на бой отряды разъяренных персов. 9. Галлы, крепкие телом и отважные, держались несокрушимо, сколько могли, и рубили мечами противника. Но часть их была перебита или изранена летевшими отовсюду стрелами. Увидев, что занимаемому ими месту грозит опасность со всех сторон, и что отовсюду сбегаются вражеские войска, галлы начали отступление, не поворачиваясь однако тылом. Не будучи в состоянии сдержать натиск все яростнее наступавших неприятельских отрядов, они были мало-помалу

вытеснены за вал и отступали, шагая как бы в такт звукам лагерных труб. 10. В городе тоже зазвучали рога, и открылись ворота, чтобы впустить своих, если они будут в силах дойти туда. Метательные орудия стояли приготовленными, не выбрасывая однако снарядов, чтобы галлы, отступая с передовых отрядов после гибели товарищей, не остались в неведении, где за ними стены, и чтобы было можно принять храбрецов невредимыми в ворота. 11. Благодаря этой хитрости галлы недалеко перед рассветом вошли в ворота – правда, потерпев потери. Некоторые были тяжело ранены, другие – легко; общие потери были четыреста человек. Не Реза, не фракийцев, стоявших лагерем под стенами Трои [395]но самого царя персов, охраняемого сотней тысяч воинов, могли бы они убить в его собственной палатке, если бы не помешали тому неблагоприятные обстоятельства. 12. После гибели города император приказал воздвигнуть их кампидукторам [396]как виновникам этих храбрых деяний, в Эдессе на людном месте статуи в боевом вооружении, которые и доселе сохраняются в целости.

13. На следующий день выяснились потери персов; среди убитых оказались вельможи и сатрапы. Нестройные крики и вопли, раздававшиеся в разных местах, обнаруживали эти потери; повсюду слышны были скорбные возгласы царей, полагавших, что римляне прорвались через стоявшие у стен города передовые посты. По соглашению обеих сторон заключено было перемирие на три дня, и мы получили возможность перевести дух. {*173* }

7.

1. Неожиданность этого нападения поразила и озлобила неприятеля. Так как взять город силой не удавалось, то, оставив всякое колебание, они уже решились довершить дело с помощью осадных сооружений. Воинский пыл был возбужден до крайности: все готовы были погибнуть славной смертью, или разрушением города справить тризну по убитым.

2. Работы были доведены до конца при всеобщем воодушевлении, и на рассвете стали продвигать к стенам сооружения разного рода с окованными железом башнями. На верхних этажах были установлены баллисты, которые сметали стоявших ниже защитников. 3. С рассветом железные доспехи закрыли от нас весь горизонт, и боевая линия в тесном строю стала надвигаться не беспорядочно, как прежде, но равномерно под тихий звук труб; их прикрывали штурмовые крыши, а впереди находились фашинные прикрытия.

4. Когда, приближаясь к нам, они оказались на расстоянии выстрела, персидская пехота, с трудом отбивая щитами стрелы, летевшие из орудий со стен, раздвинула свой фронт, так как почти ни один снаряд не падал понапрасну. Даже катафракты пришли в расстройство и своим отступлением придали нашим бодрости. 5. Но неприятельские баллисты, поставленные на окованных железом башнях, стреляли сверху вниз, и неравному положению соответствовал неодинаковый результат: на нашей стороне кровь лилась ручьями. Когда с наступлением вечера обе стороны

395 **395.** См. Илиада, X 435 и сл.

396 **396.** Низший офицерский чин, заменивший центурионов древнего времени.

позволили себе отдохнуть, большая часть ночи употреблена была на то, чтобы придумать какой-нибудь способ борьбы с грозным бедствием.

6. Так и сяк рядили мы и, наконец, остановились на решении, которое являлось самым надежным, благодаря возможности быстрой реализации, а именно, мы решили против тех четырех баллист выставить скорпионы. Перенеся их с другого места, мы принялись со всей тщательностью за их установку, что требует большого искусства. Тут начался горестный для нас день, который осветил нам полчища персов с целым строем слонов, рев и ужасный вид которых являются самым страшным, что может себе представить человек. 7. Со всех сторон нас теснили вооруженные люди, осадные сооружения и громады этих зверей. Но из железных пращей скорпионов с зубцов стены полетели круглые камни на башни неприятеля; ими разбиты были скрепы башен, и баллисты вместе со своей прислугой полетели вниз, так что одни погибли от падения, даже не будучи ранены, другие нашли смерть под обрушившимися на них обломками. Слоны также были отброшены: на них мы со всех сторон бросали брандеры. [397]Когда огонь коснулся их тела, {*174* } они попятились назад, и вожаки не могли их сдержать. Сожжены были, наконец, и сами осадные машины. И тем не менее бой не прекращался. 8. Царь персидский, который обычно не участвует лично в битве, так распалился от этих неудач своих войск, что сам, как простой солдат, – неслыханный дотоле случай – бросился в густую толпу своих, и так как даже издали можно было различить его по огромной свите телохранителей, то на него было направлено множество выстрелов. Перебито было много людей из его свиты; сам он остался невредим и деятельно перестраивал ряды своих. До самого конца дня не устрашил его ужасный вид стольких убитых и раненых, и только с наступлением ночи разрешил он своим войскам краткий отдых.

8.

1. Ночь развела сражающихся, и мы освежили свои силы кратким сном. А когда заблистал день, царь, распаленный гневом и досадой, желая достигнуть намеченной цели и не сдерживаясь никакими соображениями человечности, погнал на нас свои полчища. Осадные башни персов были, как я сказал выше, сожжены; они поэтому попытались вести бой с ближайших к стенам высоких насыпей. Но наши напрягли все силы и соорудили внутри стен высокие дамбы; оттуда они оказывали сопротивление, не уступая врагу в этом трудном положении.

2. Кровавый бой длился долго, и страх смерти никого не удерживал от боевого задора. Мы бились все с тем же упорством, но судьба бесповоротно решила исход дела: наше сооружение, долго выдерживавшее удары, провалилось, словно от сотрясения земли. Пространство, представлявшее собой глубокую впадину между стеной и возведенными врагом насыпями, выровнялось; образовалась как бы насыпь для дороги или перекинутый через пропасть мост. Таким образом открылся для неприятеля проход, не прегражденный никаким препятствием, а большая часть солдат или была задавлена при обвале, или в изнеможении прекратила битву. 3. Однако со всех сторон

397 **397.** Прим. ред.: Имеются в виду наполненные нефтью и подожженные горшки.

сбежались люди для отражения этой страшной опасности; но при такой спешке один задерживал другого, и отвага неприятеля росла от самого успеха. 4. Царским повелением были созваны все грабительские шайки. Дрались лицом к лицу на мечах, с той и другой стороны кровь лилась целыми потоками, рвы заполнились телами убитых, и таким образом образовался более широкий путь. Город наполнили стремительно хлынувшие силы неприятеля, исчезла всякая надежда на бегство и всякая возможность отпора, и персы избивали, как скотину, всех вооруженных и безоружных без различия пола. {*175* }

5. Уже наступил вечерний мрак, и все еще, хотя судьба решила дело, можно было разглядеть много наших в жестокой сече с врагом. Я укрылся с двумя другими товарищами в глухой части города и под покровом темной ночи вышел через боковые ворота, которые не охранялись, и благодаря моему знанию труднопроходимых мест в окрестностях и ловкости моих товарищей, достиг десятого милевого столба. [398]6. На этой станции мы немного отдохнули и затем направились дальше. Когда я уже изнемогал от длительной ходьбы, как непривычный к этому человек благородного звания, мне открылось ужасное зрелище, которое, однако, при моем страшном утомлении представило мне весьма своевременное облегчение. 7. На быстром коне без седла и уздечки ехал какой-то обозный; чтобы не упасть, он, как это делается, крепко завязал на левую руку повод; но лошадь вскоре его сбросила, и так как он не мог развязать узла, то и разбился о камни и склоны, а теперь удерживал тяжестью своего мертвого тела усталого коня. Воспользовавшись столь кстати попавшим мне конем, я, превозмогая утомление, прибыл с теми же самыми спутниками к горячему верному источнику. 8. Жара вызвала у нас страшную жажду, и долго мы, ползая, искали воду, и нашли, наконец, глубокий колодец. Глубина его не позволяла нам спуститься в него, веревок у нас не было, крайняя нужда подсказала нам разрезать льняное платье, в которое мы были одеты, на длинные полосы; связав их, мы прикрепили к одному концу шерстяную шапку, которую один из нас носил под шлемом; опуская ее в колодец и давая ей пропитаться водой наподобие губки, утолили мы томившую нас жажду. 9. Оттуда мы быстро пошли к реке Евфрат, собираясь переправиться на тот берег на судне, которое там издавна содержалось для переправы людей и скота на этой дороге. 10. Но вот мы издали увидали рассыпавшийся римский отряд с конными значками, который преследовали большие силы персов, неизвестно откуда столь внезапно появившиеся в тылу отступавших. 11. Этот случай показал мне, что эти «сыны земли» не возникли из недр земных, но появились благодаря своей чрезвычайной быстроте; я имею в виду тех, которых склонная вообще к сказочным преувеличениям древность называла «спартами», [399]полагая, что они вышли из-под земли, так как они неожиданно появлялись в разных местах[400]12. Эта встреча заставила нас еще более спешить, так как теперь спасение было для нас

398 **398.** Прим. ред.: По дороге из Амиды в Антиохию. {533}

399 **399.** Прим. ред.: Аммиан производит греческое слово spartoi от глагола speirein (сеять), используя излюбленный в античности прием этимологизации.

400 **400.** Намек на миф о Кадме, сеявшем зубы убитого им дракона, из которых выходили люди.

только в быстроте. Мы устремились через кустарник и леса к высоким горам, а оттуда прибыли в Мелите-{*176* }ну[401]город Малой Армении. Там я застал командира со свитой уже готовыми тронуться в путь и с ним вместе прибыл в Антиохию.

9.

1. Надвигавшийся уже конец осени и появление на небе созвездия козлов [402]препятствовали продолжению похода; поэтому Сапор и персы собирались вернуться домой с пленными и добычей. 2. Во время убийств и грабежа взятого города комит Элиан [403]и трибуны, благодаря энергии которых так долго оборонялся город и так умножились потери персов, были злодейским образом распяты на крестах; Яков и Цезий, счетные чиновники, состоявшие в штате магистра всадников, и другие протекторы были уведены в плен, со связанными за спиной руками. С большой тщательностью были разысканы все люди с той стороны Тигра [404]и все до одного без различия высших и низших перебиты.

3. Жена Краугазия [405]на честь которой не было сделано никаких покушений и к которой относились с большим почтением, как к знатной матроне, горевала при мысли, что ей предстоит переселение как бы в чужой мир без супруга, хотя она, судя по всему тому, что происходило с ней до сих пор, и могла надеяться на блестящее положение. 4. Беспокоясь о своей судьбе и задолго предвидя, что будет, она чувствовала мучительную тревогу, считая для себя одинаково тяжелым как оставаться вдовою, так и вступить в новый брак. Поэтому она тайком послала близкого ей верного человека, знакомого с Месопотамией, чтобы он проник в Нисибис через хребет Изалу между двумя сторожевыми укреплениями Маридой и Лорной. Она поручила посланному сделать Краугазию устные сообщения и передать ему предметы, напоминавшие об их интимной семейной жизни, чтобы Краугазий, узнав о судьбе своей супруги, прибыл к ней для совместной жизни. 5. Посланный отправился в путь через горные тропинки и леса, быстро добрался до Нисибиса. Там он сказал, что не видел нигде своей госпожи, что она, быть может, погибла, и что он ушел из вражеского лагеря, когда представился к тому удобный случай. Поэтому на него не обратили никакого внимания, и он мог передать обо всем Краугазию. Получив уверение, что Краугазий охотно последует за своей супругой, если можно будет это сделать, не подвергая себя опасности, посланный ушел из Нисибиса и принес жене его желанное известие. Узнав об этом, она через полководца Тамсапора просила царя, чтобы {*177* } тот, если это возможно, прежде чем выйти из римских пределов, милостиво повелел принять под свою власть и ее супруга.

401 **401.** Ныне Малация.

402 **402.** Прим. ред.: Конец сентября.

403 **403.** См. 18, 9, 3.

404 **404.** Прим. ред.: Т. е. подданные империи.

405 **405.** См 18, 10.

6. Неожиданное исчезновение внезапно появившегося пришельца, который, вернувшись из вражеского плена, тотчас же скрылся втайне ото всех, возбудило подозрение у командовавшего в Нисибисе Кассиана и других тамошних начальствующих лиц. Заявляя, что как приход этого лица, так и уход совершился не без воли Краугазия, они подступили к нему с угрозами самой тяжкой кары. 7. Опасаясь попасть под обвинение в измене и весьма озабоченный тем, чтобы какой-нибудь перебежчик не сообщил, что его жена находится живая и пользуется самым почтительным вниманием со стороны неприятеля, Краугазий стал для вида свататься к девушке из другого знатного дома. Под видом приготовления того, что нужно для брачного пира, он поехал на свою виллу в восьми милях от города и бежал верхом на коне к грабительскому отряду персов, о прибытии которого ему стало известно. Когда персы узнали с его слов, кто он такой, они приняли его любезно и на пятый день доставили к Тамсапору, а тот представил его царю. Ему было возвращено все его имущество и весь штат его людей вместе с супругой, которую, впрочем, он потерял через несколько месяцев. Он получил при дворе второе место после Антонина, хотя, по слову великого поэта, «на далеком от него расстоянии »[406]8. Тот, как человек даровитый и хорошо знакомый с делами, проявлял большое умение во всем, за что брался; а этот, менее талантливый от природы, имел, однако хорошо известное имя. Вся эта история с Краугазием случилась немного позднее.

9. Хотя царь на лице своем выказывал полное спокойствие и, казалось, был рад взятию города (Амиды), но в глубине души он глубоко волновался, понимая, что во время осады он многократно перенес горестные потери и вообще потерял гораздо больше людей, чем взял в плен наших или, по крайней мере, перебил в разных битвах. Так случалось несколько раз под Нисибисом и под Сингарой, а также и теперь, когда он в течение 73 дней осаждал с огромной армией Амиду, он потерял 30 тысяч воинов. Этот подсчет был сделан несколько позже трибуном и нотарием Дисценом, который использовал следующий способ, чтобы установить различие: трупы наших убитых сейчас же разлагаются и принимают такой вид, что через четыре дня нельзя уже вовсе узнать лица умершего; тела же убитых персов высыхают как колоды: члены не загнивают и не разлагаются, истекая гнойными соками, что является следствием более умеренной жизни и того, что земля, где они рождаются, прожжена зноем. {*178* }

10.

1. Пока на крайнем Востоке шли быстрой чередой описанные бурные события, Вечный город с тревогой предвидел затруднения из-за надвигающегося недостатка хлеба; и грозный гнев черни, ожидавшей голода, этого самого ужасного из всех бедствий, несколько раз обрушивался на тогдашнего префекта Тертулла. Это было совершенно безосновательно, так как не от него зависело, чтобы вовремя прибыли корабли с хлебом: необычно дурная погода и мешающие плаванию ветры загнали их в ближайшие заливы, и из-за грозившей на море опасности

406 **406.** Verg. Aen. 5, 320.

они не могли войти в гавань Августа[407]2. Так как на префекта неоднократно происходили нападения и все в бóльшую ярость приходила чернь, которую приводил в возбуждение ужас надвигавшегося голода, то префект не имел уже, как ему казалось, никакой надежды спасти свою жизнь, и ему пришла счастливая мысль, которая нередко приходит на ум благодаря какой-нибудь случайности, предоставить волновавшейся черни своих малолетних сыновей. 3. «Вот,– сказал он со слезами,– ваши сограждане, которым предстоит – да не допустят этого боги небесные! разделить с вами несчастье, если не явится нам более счастливая судьба. Если их убийством вы надеетесь предотвратить тяжкое испытание, то они в вашей власти!» – Эта жалостливая речь подействовала на чернь, которая вообще склонна к состраданию; она смолкла и спокойно ожидала грядущей судьбы. 4. Промыслом Провидения, которое возвеличило Рим от самой его колыбели и обещало ему вечность, когда Тертулл приносил в Остии жертву в храме Кастора, [408]на море настало спокойствие, буря сменилась тихим южным ветром, корабли вошли в порт на всех парусах и наполнили житницы хлебом.

11.

1. Во время этих тревожных событий Констанций все еще спокойно пребывал на зимних квартирах в Сирмии. Тут его потрясла тяжелая и грозная весть о том, чего он тогда особенно боялся, а именно, что лимиганты-сарматы, – те, что, как я раньше рассказывал [409]выгнали своих господ из земли их отцов, – оставили мало-помалу местности, которые в прошлом году были им предоставлены, чтобы они благодаря своей подвижности не могли начать враждебных против нас действий. Было получено известие {*179* } о том, что они заняли области, соседние с нашими пограничными землями, свободно кочуют по своему обычаю и могут скоро произвести страшные беспорядки, если их не прогнать. 2. Полагая, что, если промедлить с решительными действиями, то наглость их возрастет, император собрал отовсюду много испытанных в бою солдат и в самом начале весны выступил в поход. Ему придавало бодрости, во-первых, то соображение, что войско, обогатившись добычей за прошедшее лето, будет воодушевлено для удачных действий надеждой на подобную же поживу; а во-вторых – то обстоятельство, что Анатолий, управлявший тогда Иллириком в звании префекта, заранее заготовил все необходимое для похода, благодаря чему все имелось в изобилии безо всяких насильственных действий в отношении кого бы то ни было. 3. В самом деле, и раньше ни при каком другом префекте, как это всем известно, северные провинции не находились в таком цветущем состоянии во всех отношениях, как при Анатолии. Благожелательный и деловитый, он сумел восстановить расстроенную общественную жизнь края. Он облегчил тяжелое бремя почтовой повинности, [410]от которой

407 **407.** Гавань в устье Тибра.

408 **408.** Прим. ред.: Ок. 1800 м.

409 **409.** Ср. 17, 13.

410 **410.** Прим. ред.: Введенный во 2 в. налог на общественные работы, в частности на содержание почтового ведомства и ремонт дорог.

погибло много состояний, и дал населению твердую надежду на уменьшение прямых податей. Счастливо, не терпя обид и не производя беспорядков, могло бы жить население того края, не имея никаких поводов для жалоб, если бы впоследствии не были придуманы самые возмутительные налоги, увеличившиеся из-за раздоров между плательщиками и сборщиками, причем первые старались иметь на своей стороне представителей власти, а вторые не считали себя обеспеченными, пока не разорили всех плательщиков, так что несчастные люди или подвергались изгнанию, или решались на самоубийство.

4. И вот император, решив совершить настоятельно необходимое дело, выступил, как я сказал, в поход, прекрасно его подготовив, и прибыл в Валерию, которая, будучи некогда частью Паннонии, выделена была в особую провинцию и названа так в честь дочери Диоклетиана Валерии. [411]Разместив войска в зимних палатках по берегам реки Истр, он наблюдал за варварами, которые замышляли под прикрытием дружбы осуществить с целью грабежа нашествие на Паннонию в самую суровую пору зимы, когда не растаявшие еще от весеннего тепла снега делают реку проходимой повсюду, а наши люди из-за морозов тяжело переносят пребывание под открытым небом. 5. Итак, послав немедленно к лимигантам двух трибунов с двумя переводчиками, он спросил в мягкой форме, зачем они, оставив место жительства, отведенное им по их же просьбе после заключения мирного договора, бродят по разным местам и вопреки запрету беспокоят нашу границу. 6. Выставляя пустые и несостоятельные объяснения, – страх заставлял их лгать, – {*180* } они просили императора о прощении, умоляя, чтобы он, оставив свой гнев, разрешил им перейти к нему через реку и объяснить, какие неудобства они терпят. При этом они заявляли о своей готовности занять в пределах римского мира самые отдаленные земли, если это будет им разрешено, чтобы, пользуясь благами долговременного мира и почитая покой за спасительное божество, нести податные тяготы и стать данниками. 7. Это известие, принесенное возвратившимися трибунами, император принял с радостью, так как дело, считавшееся неразрешимым, улаживалось без всяких затруднений. Он дал разрешение явиться всем. Побуждало его к тому корыстолюбие, которое раздувала шайка льстецов, усиленно напевавших ему в уши, что он, успокоив внешнее волнение и водворив повсюду мир, приобретет много людей, готовых лично нести военную службу, и получит возможность набирать сильных рекрутов, провинциальное же население охотно будет откупаться от личной службы деньгами. Такого рода расчет не раз ввергал в тяжкие бедствия римское государство. [412]8. Близ Ациминка [413]был сооружен окоп, в нем воздвигнуто возвышение наподобие трибунала, и несколько судов с легионерами на борту получили приказание держаться на реке близ нашего берега под

411 **411.** Прим. ред.: Валерия, дочь имп. Диоклетиана, родилась незадолго до его восшествия на престол (284 г.), позднее стала женой Галерия и Августой. После смерти мужа была казнена вместе со своей матерью по приказу Лициния.

412 **412.** Прим. ред.: См. описание событий, предшествовавших трагически окончившейся битве при Адрианополе (кн. 31).

413 **413.** Ныне Саланкемен близ Петровардейна в Венгрии.

командованием некоего Иннокентия, землемера, – он и предложил этот план, – чтобы, как только они заметят, что варвары что-нибудь затевают, внезапно напасть на них с тыла, пока их внимание приковано к другому пункту. 9. Хотя лимиганты и знали об этих предупредительных мерах, однако они не сумели ничего придумать, кроме притворной мольбы и стояли, покорно склонив головы; но совсем другое скрывали они в глубине души, чем то, о чем свидетельствовали их смиренный вид и слова.

10. Когда они увидели на высоком помосте императора, который уже собирался начать милостивую речь и обратиться к ним, как к покорным на будущее время подданным, вдруг один из них в злобной ярости бросил сапогом в трибунал и воскликнул: «марра, марра», [414]– это у них боевой клич. Вслед за тем дикая толпа, подняв кверху свое знамя, вдруг завыла диким воем и бросилась на самого императора. 11. Со своего возвышения император увидел, что пространство вокруг занято волнующейся толпой вооруженных копьями людей, и заблестевшие мечи и выставленные вперед верруты [415]грозят ему смертью: посреди смешавшейся толпы чужих и своих нельзя было узнать, кто он, солдат или полководец. Не время было тянуть или медлить: он сел на быстрого коня и умчался {*181* } во весь опор. 12. Но несколько телохранителей, пытавшихся оказать сопротивление устремившимся с быстротой огненной стихии варварам, были ранены насмерть или раздавлены под ногами напиравших. Царское сидение с золотой подушкой было захвачено варварами без противодействия.

13. Как только стало известно, что император подвергся крайней опасности и стоит на краю гибели, солдаты сочли своим священнейшим долгом выручить его, – они еще не знали, что он спасся от опасности. Воодушевившись до полного презрения к смерти, они хотя и были не в полном боевом снаряжении вследствие внезапности этого дела, тем не менее, подняв громкий боевой клич, бросились на полчища варваров, которые твердо решились умереть на месте. 14. И так как наши ринулись с тем, чтобы смыть позор своей храбростью и пылали гневом на вероломного врага, то без всякой пощады убивали всех, кто попадался навстречу, топтали ногами живых, умирающих, убитых; прежде, чем насытилась их ярость кровью варваров, воздвиглись целые груды мертвых тел. 15. Взбунтовавшиеся варвары были раздавлены: одни пали в бою, другие в ужасе разбежались; часть этих последних возымела тщетную надежду вымолить жизнь просьбами; но их убивали, нанося удар за ударом. Когда все были перебиты, затрубили отбой. Тут оказались убитые из наших, хотя и немного; они были или смяты во время страшного натиска, или же их постиг рок, когда они, оказывая сопротивление ярости врага, открывали свои не покрытые панцирями бока. 16. Особенно выделялась среди других смерть Целлы, трибуна скутариев, который в самом начале схватки первый среди всех бросился в самую середину толпы сарматов.

17. После этого жестокого побоища Констанций предпринял нужные меры для обеспечения границ, настоятельно требовавшиеся обстоятельствами, и вернулся в Сирмий в сознании того, что заслуженно

414 **414.** Прим. ред.: Слово «марра» на их языке означало «смерть».

415 **415.** Так назывался дротик длиною 1,16 метра (древко имело 5 римских футов длины, а острие – 3,5 унции). См. Veg., de re mil. II 15.

покарал вероломного врага. Наскоро отдав распоряжения, не терпевшие отлагательств, он выехал оттуда и направился в Константинополь, чтобы, находясь ближе к Востоку, ликвидировать последствия поражения, полученного при Амиде, усилить войска подкреплениями и сдержать тем напор царя персов, противопоставив ему равные силы: было очевидно, что Сапор, если не удержит его Провидение и тщательное принятие многообразных мер, оставит Месопотамию в тылу и откроет военные действия на более широком просторе. {*182* }

12.

1. Среди этих тревожных событий, как бы по воспринятому в древности обычаю, прозвучал грозный сигнал: не междоусобная война поднималась на этот раз, но ложные обвинения в оскорблении величества. Для разбирательства и решения послан был известный нотарий Павел, [416]которого мне приходится часто вспоминать [417]Поднаторевший в кровавом деле, он получал барыши и доходы от дыбы и палача, как торговец гладиаторами от погребений и поминальных игр. 2. И так как все его помыслы и стремления были направлены на то, чтобы повредить людям, то он не останавливался даже перед подлогом, возбуждая против ни в чем не повинных людей грозящие смертью обвинения, лишь бы обогатиться столь ужасным образом. 3. Мелкое и незначительное обстоятельство дало повод без конца растянуть сыски. На краю Фиваиды [418]есть город Абид.[419]Здесь оракул бога, который по-местному назывался Беза, открывал будущее и был почтен в соседних областях издревле установленным культом. 4. Так как одни лично, а иные через других, посылая письменное изложение своих желаний, вопрошали бога в определенно составленных мольбах, то иногда и после получения данных богом ответов оставались в храме куски бумаги или пергамента, содержавшие вопросы. 5. Некоторые из этих текстов были отправлены со злым умыслом к императору, и он, как человек мелочный, проявлявший нечувствительность в иных делах, даже чрезвычайно важных, но в этом оказывавшийся, по пословице, мягче ушной мочки и крайне подозрительным, воспалился всей своей желчью. Немедленно послал он на Восток Павла, с широкими полномочиями, чтобы тот, как мастер, прославленный опытностью в таких делах, направил процессы по своему усмотрению. 6. Привлечен к этому был также и Модест, [420]бывший в ту пору комитом Востока, как пригодный для этих и тому подобных дел. А Гермоген Понтик, тогдашний префект претория, был обойден, как человек слишком мягкий.

7. И вот, согласно приказанию, Павел отправился, выдыхая пламя

416 **416.** Прим. ред.: См. выше 14, 5, 8 и 15, 3, 4.

417 **417.** Ср. 14, 5, 6; 8; 15, 3, 4; 6, 1.

418 **418.** Прим. ред.: В Египте.

419 **419.** Развалины этого города лежат близ селения Эль-Бирбэ.

420 **420.** Прим. ред.: Флавий Домиций Модест, друг Либания, христианин, на время правления Юлиана перешедший в язычество.

смертельной ненависти, и так как был предоставлен полный простор клевете, то привлекли к суду множество людей чуть ли не со всех концов земли, знатных и простых; одних заковали в оковы, других заморили в темницах. 8. Местом этих кровавых мучений избран был город Палестины Скифополь [421][422], который был признан наиболее подходящим по двум соображениям: во-пер-{*183* }вых, потому что он лежит в стороне, и во-вторых, – находится на середине пути между Антиохией и Александрией, откуда были привлечена к суду большая часть обвиняемых.

9. В числе первых предстал перед судом Симплиций, сын Филиппа, бывшего префекта и консула.[423]Он был обвинен в том, что, как говорили, вопрошал оракула о том, как ему достичь верховной власти. По приказу императора, который в подобных делах даже заслуженным людям никогда не прощал ни погрешности, ни ошибки, Симплиций был подвергнут пытке. Судьба пощадила его: он не был искалечен. Его приговорили к ссылке.[424]10. Затем привлечен был Парнасий, бывший префект Египта, человек прямой и честный. Опасность для него была столь велика, что обвинение грозило смертной казнью; но и он был приговорен к ссылке. Часто слышали, как он задолго до этого рассказывал следующее: когда он покидал Патры, город Ахайи, где он родился и жил, чтобы заслужить какую-нибудь должность, он увидел сон, будто много теней в костюмах трагических актеров устраивают ему проводы. 11. Далее был вызван на суд и прекрасный поэт Андроник, известный учеными занятиями; но так как совесть его была чиста и нельзя было возвести на него никаких подозрений, да и он сам с уверенностью настаивал на своей невиновности, то был оправдан. 12. Точно также и философ Деметрий, по прозвищу Хитра[425], глубокий старик, но человек крепкий телом и духом, был уличен в том, что несколько раз приносил жертвы богу Безе. Он не мог этого отрицать, но утверждал, что делал это с ранней юности ради умилостивления бога, но никак не с целью посягать на что-либо высшее, да и не знал он, чтобы вообще кто-либо имел такие замыслы. В течение долгого времени он был подвешен на дыбе, и с полной твердостью, не меняя своих показаний, неустрашимо говорил одно и то же. Оправданный по суду, он получил разрешение вернуться в Александрию, откуда был родом.

13. Справедливая Судьба, соратница правды, спасла их и некоторых других от грозившей им гибели. Но так как обвинения распространялись все дальше, и сети козней растягивались без конца, то одни приняли смерть во время пытки, другие приговорены были к самым тяжелым

421 **421.** Ныне Бейсан или Бисан.

422 **422.** Прим. ред.: Город носил это название с 3 в. до н. э. Ранее это был известный из Ветхого завета и египетской литературы Бет Шеан.

423 **423.** В 348 году.

424 **424.** Автор употребляет выражение fuga lata. Закон различал три вида ссылки: 1) воспрещение жить в определенных местностях, 2) ссылка в одно определенное место – fuga lata, 3) ссылка на острова. См. Dig. 48, 22–5 (Marcianus).

425 **425.** Прим. ред.: По-видимому, идентичен кинику Хитру, упоминаемому Юлианом (Речи 7, 224d).

наказаниям с конфискацией имущества. Павел являлся душой этих жестокостей; у него был неисчерпаемый запас всяких ухищрений и зловредных козней, и я готов сказать, {*184* } что от его кивка зависела жизнь всех обитателей земли. 14. Носил ли кто на шее амулет от перемежающейся лихорадки или другого недуга, подавали ли на кого зложелатели донос, будто он вечерней порой переходил через могилу, тотчас привлекали его к ответственности, как отравителя или колдуна, имеющего дело с ужасами мира мертвых и блуждающих по свету душ, – и над ним произносился смертный приговор. 15. Дело велось с такой серьезностью, как будто множество людей обращались в Кларос, к Додонским дубам и в славные некогда Дельфы[426], злоумышляя на жизнь императора. 16. А шайка придворных изощрялась в измышлениях отвратительной лести, утверждая, что Констанций окажется недосягаемым для бедствий, которым подвержены обыкновенные люди, и восклицая громким голосом, что его счастье, всегда мощное и бодрое, блистательно проявило себя в подавлении покушений на его особу.

17. Ни один разумный человек не станет порицать того, что эти дела вызывали строгие розыски. Мы не сомневаемся в том, что жизнь законного государя, защитника и охранителя всех добрых граждан, от которого зависит благополучие других, обязаны отстаивать все соединенными силами. Для большей ее обеспеченности в делах, где защищается от оскорбления священная особа императора, Корнелиевы [427]законы [428]не допускают освобождения от сысков, хотя бы и кровавых, ни для кого. 18. Но давать без всякой меры волю преследованию в этих несчастных случаях не подобает, чтобы не могло показаться, будто подданными управляет произвол, а не законная власть. Следовало бы брать пример с Туллия (Цицерона), который заявляет, что, имея возможность пощадить или покарать, выискивал основания простить, а не наказать[429]. И это свойственно судье спокойному и вдумчивому.

19. После этого в Дафне, приятном и роскошном предместии Антиохии, родился урод, на которого столь же неприятно было посмотреть, как противно и писать о нем: ребенок с двойным лицом, в каждой челюсти по два зуба, бородой, четырьмя глазами и двумя маленькими ушами. Этот столь ужасный урод указывал на то, что государство приходит в безобразное состояние. Уроды такого рода рождаются довольно часто, и их рождение указывает на тот или иной исход событий. Так как теперь из-за них не приносится очистительных жертв, как это делалось в древности от имени государства, то они остаются незамеченными, и о них мало кто узнает. {*185* }

426 **426.** Прим. ред.: Кларос – оракул Аполлона на побережье Эфесского залива на Колофоне. Додонские дубы – имеется в виду Додонский оракул при храме Зевса в Эпире; будущее определяли женщины-жрецы по шелесту листьев священных дубов. Дельфы – самый знаменитый оракул в Греции в святилище Аполлона в Фокиде.

427 **427.** Прим. ред.: Введены Суллой в 81 г. до н. э.

428 **428.** У Цицерона названа – in Pison. c. 21, § 50 – Lex Cornelia maiestatis; дальнейшее юридическое развитие установленных этим законом положений дано было Юлием Цезарем, lex Julia maiestatis.

429 **429.** Прим. ред.: См. Цицерон, Письмо к Аттику 1, 13, 5.

13.

1. В то самое время исавры, долго остававшиеся спокойными после событий, о которых я рассказывал раньше [430]и их попытки осадить город Селевкию, мало-помалу оправились и, как змеи, выползающие весной из своих нор, спустились со своих крутых и недоступных горных высот. Соединившись в сильные шайки, они стали тревожить соседнее население грабежами и разбоями. Наши сторожевые военные посты они при этом обходили, умея, как горцы, легко рассыпаться по скалам и зарослям. 2. Успокоить их силой или мерами общего характера был отправлен правитель провинции Лавриций, будучи представлен в звание комита. То был дельный администратор, который, усмирив беспорядки скорее угрозами, чем суровыми мерами, справился так хорошо, что за время его продолжительного управления этой провинцией не случилось ничего такого, о чем бы стоило упомянуть. {*186* }

КНИГА XX

(год 360)

1. Магистр армии Лупицин послан с войском в Британию для отражения вторжений скоттов и пиктов.

2. Магистр пехоты при особе императора Урзицин уволен в отставку вследствие интриг клеветников.

3. Затмение Солнца и о двух Солнцах. Причины затмений Солнца и Луны. О разных изменениях Луны и ее фазах.

4. Галльские солдаты, которых Констанций приказал забрать у Цезаря Юлиана и перевести на Восток против персов, насильно провозглашают Юлиана Августом в Лутеции Паризиев, где он имел свою зимнюю резиденцию.

5. Август Юлиан произносит речь перед солдатами.

6. Осада и взятие Сингары Сапором. Горожане, конные вспомогательные полки и два легиона, составлявшие гарнизон, уведены в Персию. Город разрушен.

7. Сапор завоевывает город Безабду, гарнизон которой составляли три легиона; он укрепляет ее гарнизоном и снабжает провиантом. Тщетные попытки Сапора овладеть крепостью Вирта.

8. Август Юлиан извещает письмом Августа Констанция о совершившемся в Лутеции.

9. Август Констанций повелевает Юлиану довольствоваться титулом Цезаря, но галльские легионы единодушно отвергают это.

10. Август Юлиан, сделав неожиданный набег на франков-аттуариев, живших за Рейном, взял в плен и перебил много народа, а остальным предоставил мир, уступив их просьбам.

11. Август Констанций осаждает Безабду со всей своей армией и отступает, не достигнув успеха. О радуге. {*187* }

430 **430.** 14, 2.

1.

1. Так шли дела в Иллирике и на Востоке. А в год, когда Констанций принял консульство в десятый раз и Юлиан в третий[431], дикие племена скоттов и пиктов в Британии нарушили заключенный с ними мирный договор и, совершая набеги, стали опустошать пограничные местности. Ужас охватил провинции, истомленные целым рядом минувших бедствий. Цезарь, проводивший зиму в Паризиях, имел тогда много разнообразных забот и не решался идти сам на помощь за море, – как сделал это некогда Констант[432], о чем я рассказывал в соответствующем месте [433]– чтобы не оставить галльские провинции без правителя в то время, когда раздраженные аламанны все еще грозили войной. 2. Он распорядился поэтому отправить туда Лупицина, состоявшего тогда магистром армии [434]чтобы тот уладил дело мирным путем или военной силой. То был человек боевой и опытный в военном деле; но он поднимал брови, словно рога, и выступал, как говорится, на трагическом котурне [435][436]; преобладало ли в его характере корыстолюбие или жестокость, в этом долго сомневались. 3. Двинув в путь легкие отряды, т. е. эрулов и батавов, а также два полка мезиаков, названный командир прибыл в Бононию [437]когда кончалась уже зима. Собрав корабли и посадив на них всех солдат, он выждал благоприятный ветер и пристал на противоположном берегу у Рутупий [438]Затем он направился в Лундиний [439]чтобы оттуда, составив план действий в соответствии с обстоятельствами, немедленно начать поход.

2.

1. После осады Амиды Урзицин вернулся на главную квартиру императора в звании магистра пехоты (выше я сказал, что он был {*188* } преемником Барбациона [440]Здесь на него набросились клеветники,

431 **431.** Прим. ред.: 360 г.

432 **432.** Прим. ред.: Флавий Юлий Констант был младшим сыном Константина Великого, Августом на Западе до 350 г. Его поход в Британию состоялся в 343 г.

433 **433.** В недошедшей до нас части сочинения.

434 **434.** 18, 2, 7.

435 **435.** Автор хочет сказать, что Лупицин был надменный и надутый человек.

436 **436.** Прим. ред.: Котурн – высокий закрытый сапог из мягкой кожи. Котурны использовались актерами при исполнении трагических ролей, т. к. такие сапоги увеличивали их рост и придавали величественность фигуре.

437 **437.** Булон-сюр-мер.

438 **438.** Ричборо.

439 **439.** Лондон.

440 **440.** 18, 3; 14, 11, 19–24.

которые сначала распускали про него злостные сплетни, а потом стали открыто обвинять его в вымышленных преступлениях. 2. Император, зависевший в своих суждениях от слухов и поддававшийся интригам, поверил сплетням и поручил Арбециону [441]и магистру оффиций Флоренцию [442]произвести следствие о причинах гибели города. 3. Арбецион и Флоренций оставили в стороне ясные и вполне вероятные причины, так как опасались задеть тогдашнего препозита императорской опочивальни Евсевия, если они выставят данные, обличавшие с очевидностью, что причиной приключившегося несчастья было упорное бездействие Сабиниана; поэтому они отклонились от существа дела и занимались расследованием мелочей, которые не имели к нему никакого отношения.

4. Оскорбленный этой несправедливостью обвиняемый (Урзицин) сказал: «Хотя император выказывает ко мне пренебрежение, но дело настолько важно, что только на суде при участии самого главы государства можно его разбирать и вынести по нему приговор. Пусть дойдут до него мои пророческие слова: предаваясь скорби о том, что он узнал из точного отчета касательно Амиды, и позволяя влиять на себя евнухам, он не сможет в будущую весну спасти от разгрома Месопотамию, даже если бы явился туда сам со всеми силами своей армии». 5. Слова эти были переданы Констанцию с добавлениями и в заведомо ложном истолковании. Он страшно рассердился и, не разбирая дела и тем самым не допуская раскрытия того, что оставалось ему неизвестным, приказал оклеветанному Урзицину выйти в отставку. На его место был назначен трибун гентилов-скутариев [443]Агилон, – повышение по рангу совсем необычное.

3.

1. Примерно в то же время в восточных областях наблюдалось затемнение неба густым мраком и отчетливое мерцание звезд от утренней зари и до полудня. Ужас этого грозного явления увеличивался еще и потому, что, когда наступила полная темнота и исчез солнечный диск, все оробели и стали опасаться чрезвычайно продолжительного затмения. Но вот сначала появился серп наподобие лунного, который затем увеличился до половины диска, а {*189* } потом заблистал целый диск в обычном виде. 2. Это явление происходит так отчетливо только тогда, когда Луна на своем изменчивом месячном пути вернется через известный, промежуток времени к тому же самому пункту, т. е. когда в пределах того же самого созвездия Луна целиком окажется ниже Солнца по совершенно прямой линии и на некоторое время останавливается в тех пунктах, которые носят в геометрии название «части частей»[444]. 3. И хотя обращение и движение обоих светил, по наблюдениям исследователей

441 **441.** 15, 2, 4; 18, 3, 4.

442 **442.** 15, 5, 12.

443 **443.** Гардтгаузен читает: Gentilium et Scutariorum, но вставка et есть недоразумение, так как трибун был командир одной схолы, а не двух.

444 **444.** Прим. ред.: См. Плиний Старший, Естественная история 2, 48.

природы, совершаются на всегда неизменном расстоянии, однако, Солнце не всегда затмевается в эти дни, но лишь тогда, когда Луна становится совершенно прямо между огненным диском Солнца и нашим кругозором. 4. Короче говоря, Солнце затмевается, теряя свой блеск, когда оно само и наиболее низкое из всех небесных тел, Луна, сопровождая друг друга и двигаясь каждое по собственной окружности в определенном отношении высоты, оказываются, – как вполне точно и научно определяет это Птолемей[445], – на расстояниях, которые по-гречески зовутся ʼαναβιβάζοντεζ και καταβιβάζοντεζ κλιπτικοι σύνδεσμοι[446], т. е. узлы затмений. Если Солнце и Луна окажутся в пунктах, близких к этим узлам, то затмение будет неполное. 5. Если же они будут находиться в самих узлах, которые связывают восхождения и нисхождения, то полный мрак покроет небо, и воздух в такой мере потеряет свою прозрачность, что нельзя будет различить даже самых близких к нам предметов. 6. Двойное Солнце бывает видимо, как полагают, тогда, когда выше обычного уровня поднявшееся облако, получая освещение от соседства вечного огня (Солнца), образует другой блестящий диск, словно в чистом зеркале.

7. Теперь перейдем к Луне. – Видимое и ясное затмение Луна испытывает только в том случае, когда, находясь в фазе полнолуния, она противостоит Солнцу на 180 градусов, т. е. проходит седьмое от него созвездие[447]. И хотя это случается в каждое полнолуние, но затмение происходит не каждый раз. 8. Так как Луна находится поблизости от пути Земли и среди всей красы небес (т. е. звезд) является последней, то иногда она оказывается относительно падающего на нее солнечного света закрытой тенью Земли, оканчивающейся узким конусом. В таком случае она на некоторое время скрывается от нас, будучи затемнена тенью и окутана черными клубами, если Солнце, находясь на нижней кривизне сферы и встречая препятствие в противостоящей Земле, не может осветить ее своими лучами; то что Луна не имеет собственного света, это доказано различными способами[448]. 9. А если Луна сходится с Солнцем под одним и тем же созвездием на прямой линии, то она, как сказано, затмевается, и блеск ее совершенно исчезает. Это называется по-гречески μήνηζ ουοδοζ (встреча Луны). 10. Ново-{*190* }луние бывает, когда Луна при малом отклонении имеет над собой Солнце почти перпендикулярно. Появляющийся на небе серп Луны представляется людям сначала очень тонким, когда, отклоняясь от Солнца, она переходит во второе (т. е. соседнее) созвездие. Когда же она продвинется дальше и, уже сильно блестит в виде рога, она зовется μηνοειδή (луновидная). А когда она станет далеко отклоняться от Солнца и дойдет до четвертого созвездия, то воспримет более сильный свет от обращающихся на нее

445 **445.** Прим. ред.: Клавдий Птолемей (после 183 – после 161 г.) – великий античный астроном, астролог, математик и географ, живший в Александрии. Создатель геоцентрической модели мироздания.

446 **446.** Прим. ред.: Дословный перевод: «возводящие и низводящие эклиптические узлы».

447 **447.** Прим. ред.: Имеется в виду проименованное созвездие в Зодиаке.

448 **448.** Прим. ред.: Научное обоснование этого факта восходит к Анаксагору. Платон (Кратил 409 ab) считает его известным с относительно недавних пор.

лучей Солнца и становится, как гласит греческий термин, διχόηνις, появляясь в форме полуокружности. 11. Идя вперед все дальше от Солнца и попадая в пятое от него созвездие, она получает форму, которая называется «амфикирт», так как с обеих сторон выдаются горбы. Когда же она становится прямо против Солнца, то, находясь в пределах седьмого созвездия, будет сиять полным светом; все еще находясь в нем и мало-помалу продвигаясь вперед, она понемногу уменьшается, и этот ее вид мы (греки) зовем ’απόκρουδιζ[449], она воспроизводит, убывая, те же самые формы. Разнообразные доказательства установили то положение, что затмения происходят только в полнолуние.

12. Выше я сказал, что Солнце находится то в эфире, то в нижних пределах. По этому поводу нужно знать, что небесные тела, если брать их по отношению ко Вселенной, не заходят и не восходят, но что это лишь явление нашего наблюдения с Земли, которая находится в подвешенном состоянии действием некоего внутреннего духа. По отношению ко Вселенной она является ничтожной точкой, а звезды, которые находятся в строю, установленном от века, мы то воспринимаем нашим смертным взором как неподвижные, то нам кажется, что они уходят со своих мест. Но вернемся к нашей задаче.

4.

1. Доблестные деяния Юлиана не переставали волновать Констанция во время спешных его сборов к выступлению на Восток, спокойствию которого, по единогласным заявлениям перебежчиков и лазутчиков, угрожало вторжение персов. Переходившая из уст в уста молва разносила среди разных племен и народов славу о великих трудах и подвигах Юлиана, вознося ему хвалу за то, что он разрушил несколько аламаннских царств и возвратил римской державе галльские города, разграбленные и разрушенные теми самыми варварами, которых он теперь сделал данниками Рима. 2. Встревоженный всем этим и опасаясь, чтобы слава Юлиана не возросла еще больше, Констанций, по наущению, как утверждали, Флоренция, послал Деценция, трибуна и нотария, чтобы тот не-{*191* }медленно забрал из армии Юлиана вспомогательные отряды эрулов и батавов, кельтов с петулантами и по 300 человек из других легионов. Выступление приказано было ускорить под предлогом необходимости их участия ранней весной в походе против парфян (персов).

3. Приказ о скорейшем отправлении вспомогательных войск и отрядов по 300 человек из полков был дан только на имя Лупицина, о походе которого в Британию не было еще известно при дворе; а отобрать лучших людей из скутариев и гентилов и доставить их приказано было Синтуле, который состоял в ту пору трибуном конюшни цезаря (Юлиана).

4. Юлиан не возражал и спокойно подчинился решению верховной власти; но он не мог оставить неоговоренным и не высказаться против насилия над теми людьми, которые оставили свои жилища и семейства за Рейном и перешли к нам под тем условием, что их никогда не поведут за Альпы. Он высказывал опасение, что варвары, которые часто при этом именно условии переходят к нам и вступают в ряды наших войск, когда

449 **449.** Прим. ред.: «Отражение».

станет известен этот случай, не станут больше переходить к нам. Но слова его не возымели действия. 5. Трибун не придал значения жалобам Цезаря и, исполняя приказ Августа, отобрал самых сильных и ловких людей и выступил с ними в надежде продвинуться в своей карьере.

6. Юлиан, размышляя о том, как ему поступить с остальными людьми, которых было приказано послать, пребывал в нерешительности. Он полагал, что дело это следует вести очень осторожно. С одной стороны, его тревожила дикость варваров, с другой, стеснял авторитет приказа. Отсутствие магистра конницы (Лупицина) еще более усиливало его нерешительность, и он приказал вернуться назад префекту претория (Флоренцию), который отлучился в Виенну под предлогом обеспечения заготовки провианта, а на самом деле чтобы быть подальше от волнения в войсках. 7. Он считал его вероятным согласно тому донесению, которое, как думали, он послал ко двору. В нем он советовал отозвать из галльской охранной армии храбрые отряды, ставшие уже страшными варварам. 8. Он получил письмо Цезаря с настойчивым требованием ускорить свое возвращение, чтобы помочь своим советом в делах государственного значения; но он упорно уклонялся, хотя и чувствовал себя в большом смущении, так как в письме Юлиана было ясно сказано, что префект при тревожном положении дел ни в коем случае не должен удаляться от особы императора. В письме было еще добавлено, что если префект будет уклоняться от исполнения своих обязанностей, то сам Юлиан сложит с себя знаки верховной власти, так как он считает более почетным принять смерть, нежели допустить, чтобы его считали виновным в гибели провинций. Но {*192* } префект остался непреклонным в своем упорстве и не пожелал подчиниться разумным требованиям Юлиана.

9. Так, в отсутствие Лупицина и боявшегося бунта солдат префекта, Юлиан остался без советников. После долгих колебаний он признал лучшим решением ускорить сбор войск, выступивших со своих зимних стоянок. 10. Когда это стало известно, кто-то подбросил у знамен петулантов воззвание, в котором среди прочего было написано: «Нас гонят на край земли, словно преступников и осужденных. Опять будут в рабстве у аламаннов наши жены и дети, которых мы спасли из прежнего положения после многих кровопролитных битв». 11. Этот текст был доставлен в главную квартиру; Юлиан прочитал его и, признав жалобы основательными, отдал приказ, чтобы солдаты отправлялись на Восток с семьями, для чего и разрешил воспользоваться грузовыми повозками государственной почты [450]а так как долго не могли договориться относительно маршрута, то решено было по совету нотария Деценция, чтобы все прошли через Паризии, где до сих пор безвыездно находился Цезарь. 12. Так это и было сделано. Подходившие отряды Юлиан встречал, как это обычно делалось, в предместьях: обращался со словом похвалы к тем, кого знал лично, вспоминал о храбрых подвигах отдельных лиц и в ласковых выражениях побуждал их бодро идти к Августу, который при своих полномочиях высшей власти воздаст достойные награды за понесенные труды. 13. Он пригласил офицеров к обеду, желая оказать большее внимание перед далеким предстоящим им путешествием, и предложил им просить у него то, что угодно каждому. После такого любезного приема они разошлись, испытывая двойное огорчение, так как

450 **450.** Clabularis cursus.

немилосердная судьба разлучала их с добрым командиром и родной землей. В таком настроении вернулись они на свои обычные квартиры. 14. А с наступлением ночи вспыхнул открытый бунт. Во всеобщем возбуждении, вызванном непредвиденным приказом Августа, все взялись за оружие и взбунтовались. Со страшным шумом все двинулись к дворцу, оцепили его кругом, чтобы никто не мог уйти, и начали с громкими криками провозглашать Юлиана Августом, настойчиво требуя, чтобы он вышел к ним. Вынужденные дожидаться, пока забрезжит свет, они заставили наконец его выйти. Крики возобновились при виде его, и с величайшим единодушием он был приветствован как Август. 15. Юлиан упорно сопротивлялся настояниям всей толпы, а также отдельных лиц: он то выказывал негодование, то простирал руки, моля и заклиная, чтобы после многих счастливых побед не {*193* } совершили они недостойного дела и чтобы несвоевременное безрассудство и поспешность не послужили поводом к нарушению мира. Наконец, когда ему удалось кое-как умерить шум, он обратился к ним с такими словами в снисходительном тоне. 16. «Сдержите немного, прошу вас, свой пыл. Без раздора и бунта легко достигнуто будет то, чего вы требуете. Вас удерживает любовь к родине, страшат чужие и неведомые земли. Так возвращайтесь же немедленно на ваши стоянки и не увидите вы земель, лежащих за Альпами, так как этого не желаете. Я вполне сумею оправдать это в глазах мудрейшего Августа, который принимает заслуживающие внимания основания».

17. Крики, раздававшиеся со всех сторон, стали после этого еще громче; единое воодушевление овладело всеми, и среди неистовых возгласов, к которым примешивались брань и упреки, Цезарь вынужден был уступить. Его поставили на щит из тех, которые носят пехотинцы[451], и подняли высоко. Раздался единодушный крик, в котором Юлиан был провозглашен Августом. Требовали диадему, и на его заявление, что такой он никогда не имел, – какого-нибудь шейного или головного украшения его супруги. 18. На его замечание, что женское украшение было бы неподходящей приметой для первого момента власти, стали искать конской фалеры, чтобы корона на его голове могла представить хоть отдаленный намек на верховную власть. Но когда он отверг и это как неподобающее, то некто, по имени Мавр, в ту пору гастат [452]петулантов, – впоследствии он в чине комита потерпел поражение в теснине Сукков [453]– сорвал с себя цепь, которую носил как знаменоносец и дерзко возложил ее на голову Юлиана. Чувствуя шаткость своего положения и понимая, что если он будет противиться, то жизнь его окажется в опасности, Юлиан обещал всем солдатам по пяти золотых и по фунту серебра [454]

19. Из-за всего происшедшего Юлиан чувствовал себя в еще более тревожном положении, чем раньше, и, предвидя с отличавшей его быстротой соображения возможность всяких случайностей, не носил диадемы, не выступал публично и не принимался даже за самые

451 **451.** Прим. ред.: Ср. Тацит, История 4, 15.

452 **452.** Звание, соответствующее унтер-офицеру нашего строя.

453 **453.** См. 31, 10, 20–21.

454 **454.** Т. е. обещал выдать донатив, как то издавна было обычно в таких случаях.

неотложные дела. 20. Когда он, поддаваясь страху перед последствиями совершившегося переворота, скрывался во внутренних покоях дворца, декурион палация – это особый чин – прибежал в лагерь петулантов и кельтов и возбужденно, стал кричать, что совершено страшное злодеяние: убит провозглашенный ими нака-{*194* }нуне Август. 21. При этой вести солдаты, приходившие в одинаковое возбуждение как от верных, так и от ложных слухов, бросились к дворцу – одни размахивая копьями, другие угрожая обнаженными мечами, не соблюдая ни военного строя, ни порядка, как это бывает при внезапных нападениях, и в один миг заняли дворец. Дворцовая стража [455]трибуны и сам комит доместиков, по имени Экскубитор, испугавшись ужасного шума и опасаясь вероломства переменчивых в своем настроении солдат, искали в бегстве спасения от грозившей им смерти. 22. Среди глубокой царившей повсюду тишины ворвавшиеся стояли некоторое время спокойно с оружием в руках и на вопрос, в чем причина их бессмысленного и внезапного бунта, долго молчали, находясь еще в неведении насчет жизни государя, и разошлись не раньше, чем были допущены в приемный зал и увидели его в блеске императорского одеяния.

5.

1. Когда весть о провозглашении Юлиана Августом дошла до тех солдат, которые, как я сообщал, ушли вперед под командой Синтулы, они спокойно возвратились назад в Паризии вместе с командиром. Юлиан отдал приказ, чтобы на следующее утро все войска сошлись на месте сбора[456], и, выступив с большей против обыкновения торжественностью, взошел на трибунал: орлы, знамена и значки окружали его, и когорты в боевом вооружении составляли его охрану. 2. Некоторое время он хранил молчание, внимательно вглядываясь в выражение лиц присутствующих, и, убедившись, что все бодры и веселы, обратился к ним с речью, сказанной намеренно просто, чтобы всем было понятно; слова его действовали на войска, как звук трубы.

3. «Храбрые и верные защитники моей личности и государства, вы, которые со мной вместе не раз подвергали опасности вашу жизнь ради благосостояния провинций! Трудное положение дел вынуждает меня, раз вы твердым решением подняли вашего Цезаря на высшую ступень власти, вкратце объяснить некоторые вещи, чтобы при изменившемся положении дел можно было принять правильные и осмотрительные меры. 4. Едва войдя в годы юности, облаченный лишь для вида, как вы знаете, в пурпур, я был божеским изволением вверен вашей охране и никогда не отступал от велений долга. Вы меня видели вместе с собой во всякой опасности, когда дикие народы дали простор своей наглости, и, после разгрома городов и гибели бесчисленного множества людей, {*195* } оставшееся в живых незначительное население провинций, едва влача свое существование, томилось в несчастиях. Считаю излишним напоминать, сколько раз суровой зимой под холодным небом, когда суша и море

455 **455.** Excubitores – гвардейский отряд, основанный Константином Великим.

456 **456.** Прим. ред.: Плац в середине римского военного лагеря.

свободны от Марсова дела[457], мы сокрушали силы непобедимых раньше аламаннов и отражали их. 5. Но было бы несправедливо промолчать о том дне, который заблистал нам близ Аргентората, словно навек возвещая Галлии свободу. Я разъезжал среди тучи стрел, а вы, полагаясь на свою силу и длительный военный опыт, разили врагов, неистово напиравших, как бурный поток, повергая их наземь мечом или топя в волнах глубокой реки. Лишь немногие из наших остались тогда на поле брани, и предание их земле мы почтили скорее громогласной хвалой, нежели скорбным стенанием. 6. После таких славных подвигов ваши заслуги перед государством прославят, думаю я, среди всех народов потомки, если за того, кого вы вознесли на высоту верховной власти, вы будете стоять в случае какой-либо беды всей силой вашей доблести. 7. А чтобы установить правильный порядок, обеспечить за храбрецами в целости их награды и не допускать, чтобы почетные места доставались по тайным проискам, вот что я постановляю перед лицом вашего почтенного собрания: ни гражданский чиновник, ни военный командир не получат повышения по какой-либо рекомендации, кроме собственных заслуг, и каждый, кто позволит себе ходатайство за кого-нибудь другого, да будет посрамлен».

8. Солдаты низших рангов, давно не видевшие повышений и наград, были особенно воодушевлены этим заверением. Ударами копий о щиты и громким криком они единодушно выражали одобрение словам и начинаниям императора. 9. И тотчас, чтобы не упустить момента нарушить это разумное решение Юлиана, петуланты и кельты стали просить, чтобы их актуарии [458]были отправлены в звании правителей в провинции по его усмотрению. Им было отказано, и они удалились без обид и огорчения.

10. В ночь накануне провозглашения Августом, как рассказывал сам Юлиан ближайшим людям своей свиты, он имел видение в образе Гения государства[459], который сказал ему с упреком такие слова: «Давно уже, Юлиан, я тайно стерегу двери твоего дома, желая возвысить твое достоинство, и уже несколько раз я удалялся, словно отринутый. Если и теперь я не буду принят, когда столько людей единодушно желают тебя возвысить, то я уйду в унижении и горе. Вот что, однако, сохрани в глубине своего сердца: после этого я уже не останусь с тобой». {*196* }

6.

1. В то время, как в Галлии совершались эти важные события, царь персов, свирепый Сапор, которого раньше подзадоривал Антонин, а теперь еще и новый перебежчик Крaугазий, горел желанием овладеть Месопотамией, пока Констанций со своей армией был далеко. Умножив

457 **457.** Прим. ред.: Т. е. когда не проводятся регулярные военные действия.

458 **458.** Актуарии в боевых частях несли обязанности по истребованию довольствия людям из государственных запасов хлеба. Раздачей хлеба в легионах заведывали особые чины, optiones.

459 **459.** Прим. ред.: Гений (греч. демон), хранитель римского государства, – издревле известный образ. Гений являлся Констанцию и Юлиану незадолго до их смерти (см. 21, 14, 2 и 25, 2, 3). {534}

свои боевые средства, Сапор торжественно перешел через Тигр и приступил к осаде Сингары. Город этот, как думали начальствовавшие в тех областях лица, был в достаточном количестве снабжен военными силами и всем нужным. 2. Увидев издали врага, солдаты гарнизона заперли поскорее ворота и в бодром настроении разошлись по башням и зубцам стен, запасались камнями, расставляли орудия и, сделав все приготовления, стояли на местах в боевом снаряжении, готовые отразить неприятеля, если тот осмелится подойти к стенам.

3. Приблизившись к городу, царь сделал сначала попытку через допущенных ближе к стенам вельмож склонить на свою сторону защитников путем мирных переговоров; когда же это оказалось безуспешным, он дал один день на отдых. На рассвете следующего дня дан был сигнал красным знаменем: войска окружили город, одни солдаты несли лестницы, другие готовили осадные орудия, а главная масса под прикрытием фашин и штурмовых щитов старалась приблизиться к стенам, чтобы повредить их основание. 4. Со своей стороны осажденные, стоя в высоких бойницах, камнями и всякого рода метательным оружием отражали тех, которые дерзко прорывались к стенам.

5. В течение нескольких дней шла борьба с переменным успехом. На той и другой стороне было много убитых и раненых. Наконец, когда бой разгорелся и наступил вечер, был подведен помимо множества других осадных орудий самый сильный таран и стал поражать частыми ударами круглую башню, с которой в прошлую осаду, как я о том сообщал [460]город открылся для римлян.

6. Защитники собрались здесь и сражались в тесноте. Отовсюду летели факелы, горящие смоляные снаряды и стрелы с огнем, чтобы поджечь грозящее бедой орудие; с той и другой стороны неслась туча стрел и кусков свинца. Сила тарана преодолела, однако, все усилия защиты. Он сокрушал соединения камней, недавно сложенных и еще слабо державшихся из-за сырости, 7. В то время как бились еще железом и огнем, рухнула башня и открыла путь в город. Защитники оставили это место и разбежались из-за этой крайней опасности; а полчища персов, не встречая более {*197* } никакого сопротивления, двинулись вперед со страшным криком и заполнили все части города. Там и сям лежали убитые, но их было очень немного, а все остальные были по приказанию Сапора взяты в плен и отправлены в самые отдаленные области Персии.

8. Гарнизон города составляли два легиона: Первый Флавиев и Первый Парфянский, [461]и множество местных жителей вместе со вспомогательным конным отрядом, которые укрылись там из-за внезапного бедствия. Всех их увели, как я сказал, со связанными руками, и с нашей стороны им не было оказано никакой помощи. 9. Бóльшая часть нашей армии стояла лагерем на охране Нисибиса, который находится далеко от Сингары. И прежде никто никогда не мог оказать помощи Сингаре во время постигавших ее бедствий, так как все окрестности ее представляют собой безводную пустыню. Хотя еще в древности сооружена была здесь крепость из-за удобства места для наблюдения за неприятелем и внезапными его вторжениями, но римскому государству

460 **460.** В недошедшей до нас части сочинения.

461 **461.** Прим. ред.: Известно, что Первый Парфянский легион располагался в Сингаре еще при имп. Септимии Севере, т. е. до 211 г.

она приносила большой ущерб, так как при неоднократных взятиях города погибали его гарнизоны.

7.

1. После разрушения Сингары царь из осторожности обошел Нисибис: он помнил, конечно, о неудачах, которые потерпел там не один раз. [462]Он отправился направо, чтобы захватить Безабду [463]– древние основатели называли ее Фенихой, – предполагая покорить ее силой или переманить на свою сторону гарнизон заманчивыми обещаниями. То была чрезвычайно сильная крепость, сооруженная на небольшой возвышенности, склон которой был обращен к берегам Тигра, и защищенная двойной стеной в местах слабых и низких. Для ее охраны выделено было три легиона: Второй Флавиев, Второй Армянский, а также Второй Парфянский со значительным числом стрелков из Забдицены; эта область была тогда нам подвластна, и в ее пределах и сооружен был этот город. 2. Как только царь подошел к Безабде, он немедленно начал исследование укреплений. Окруженный свитой панцирных всадников в блестящих доспехах и хорошо заметный среди них, он смело приблизился к самому краю рва. На него были направлены тщательно намеченные удары баллист и туча стрел; но под прикрытием сомкнутых наподобие «черепахи» щитов он ушел невредимый. 3. Он подавил свой гнев и, послав по обычаю переговорщиков, старался побудить осажденных к тому, чтобы они, ради спасения своей жизни, предупредили осаду заблаговременной сдачей, вышли, открыв ворота, и смиренно {*198* } сдались победителю народов. 4. Переговорщики дерзнули подойти совсем близко, но стоявшие на стенах защитники не стреляли в них, потому что те вели перед собой знакомых им свободнорожденных пленников, взятых в Сингаре. Из сострадания к ним никто не натянул лука; но переговорщики не получили также никакого ответа на предложение мира.

5. Выждав в спокойствии целые сутки, персы на рассвете следующего дня бросились всей своей массой на яростный приступ на вал, оглашая окрестности грозными, криками. Дерзко подошли они к самым стенам и вступили в бой с храбро оборонявшимися защитниками. 6. Среди персов было много раненых, потому что они, как слепые, двигались вперед с лестницами и продвигали перед собой осадные щиты; не обошлось без потерь и с нашей стороны. Стрелы целыми тучами неслись на наших и тем вернее попадали, чем теснее стояли люди. После захода солнца обе стороны разошлись с равными потерями. А на рассвете следующего дня еще с большим ожесточением, чем накануне, разгорелась битва под раздававшиеся повсюду звуки труб. Потери были одинаковы с обеих сторон, так как те и другие сражались с одинаковым упорством.

7. На следующий день по обоюдному согласию был дан отдых после стольких потерь. Осажденным грозили всякие ужасы, столь же большие опасности грозили и персам, и вот христианский епископ показал жестами и кивками, что он хочет выйти из города. Получив заверение, что ему будет позволено вернуться невредимым назад, он направился к

462 **462.** Прим. ред.: Персы трижды безуспешно осаждали Нисибис в 337, 350 и 359 г.

463 **463.** Ныне Джезире-ибн-Умар.

царской ставке. 8. Когда ему было разрешено сказать чего он хочет, он стал миролюбиво уговаривать персов, чтобы они вернулись домой; он говорил, что после больших потерь с обеих сторон можно опасаться в будущем едва ли не больших бедствий. Но эти и другие его слова не подействовали на ожесточенное безумство царя, который упорно клялся, что отступит лишь после разрушения крепости. 9. А против епископа возникло подозрение, неосновательное, как я думаю, хотя и настойчиво поддерживавшееся многими, как будто в тайной беседе он дал указания Сапору на какие части стен, как более слабые, ему следует направить атаку. И это казалось правдоподобным, так как сразу на виду у всех осадные орудия врагов с торжеством стали поражать слабые и выветрившиеся части стен, словно их направляли люди, знавшие город изнутри.

10. И хотя тесные дороги делали весьма затруднительным доступ к стенам, и готовые к действию тараны с большим трудом продвигались вперед, так как неприятель боялся метаемых руками камней и стрел, не переставали действовать ни баллисты, метавшие стрелы, ни скорпионы, бросавшие камни; летели и обмазанные смолой и нефтью горящие снаряды. Под непрерывным градом {*199* } выстрелов, направляемых сверху, орудия застряли на месте, словно пустили глубокие корни, а горящие стрелы и брандеры поджигали их. 11. При таком положении дел и значительных потерях с обеих сторон осаждающие горели желанием снести с лица земли еще до зимы город, укрепленный самой природой и огромными защитными сооружениями, будучи уверены, что гнев царя без этого не успокоится. Поэтому ни страшное кровопролитие, ни вид множества смертельно раненых не лишали остальных отваги. 12. Долго бились насмерть, подвергая себя самым крайним опасностям; когда принимались за тараны, их останавливали тучи огромных камней и огненные снаряды всякого рода. 13. Но вот один таран, более высокий, чем другие, покрытый мокрыми воловьими шкурами и менее подверженный поэтому действию огня метательных снарядов, выдвинувшись перед другими, подполз к стене, благодаря чрезвычайным усилиям, стал разрывать своим огромным острием связь камней, расшатал одну башню и опрокинул ее. Она упала со страшным треском и увлекла в своем падении стоявших на ней людей. Низвергнутые внезапным разрушением башни, они были разбиты, раздавлены или засыпаны и погибли смертью столь же различной, сколь и неожиданной. Вооруженная толпа врагов нашла безопасный доступ в город и ворвалась в него.

14. Вой персов со всех сторон поразил слух уцелевших защитников, и внутри стен разгорелась жестокая сеча. Толпы врагов и наших бились врукопашную, сходились лицом к лицу с мечом в руках, никому не было пощады. 15. Напрягая все свои силы, осажденные долго оставляли неизвестным исход боя: наконец они были рассеяны массой напиравшего неприятеля. Яростно рубили враги всех, кто попадался навстречу, резали младенцев, вырывая их из рук матерей, убивали и самих матерей; никто не осознавал, что он делал. Среди этих ужасов только жажда грабежа, еще более свойственная персам, чем жестокость, могла удержать от убийства, и они с ликованием вернулись в свои палатки, нагруженные всякого рода добычей, ведя перед собою огромную толпу пленных.

16. Царь был вне себя от радости, так как он уже давно горел желанием взять Фениху, столь важную по своему местоположению

крепость. Он покинул ее лишь после того, как самым надежным образом укрепил поврежденные части стен, оставил там достаточный запас провианта и поместил на охрану людей, славных своим происхождением и испытанных в военном деле. Он опасался, – как оно и вышло, – что римляне не примирятся с потерей такой важной крепости и придут осаждать ее с огромными силами.

17. Возгордясь больше прежнего, царь надеялся овладеть любым городом, который попадется ему на пути. Захватив несколько незначительных укреплений, он решил подступить к Вирте. [464]Это {*200* } очень древняя крепость, ее считают сооруженной Александром Македонским; расположена она на самой границе Месопотамии. Окружавшие ее стены изгибались выступами, и сооружения всякого рода делали ее неприступной. 18. Царь действовал разными способами: то старался переманить на свою сторону гарнизон обещаниями, то грозил страшными карами; несколько раз принимался строить валы и пытался подвести осадные орудия. Потерпев больше потерь, чем нанеся вреда неприятелю, он оставил, наконец, безнадежные попытки и отступил.

8.

1. Таковы были события, разыгравшиеся в тот год между Тигром и Евфратом. Констанций получал частые донесения, но, не смея выступить в поход против персов, провел зиму в Константинополе и с большой предусмотрительностью снабжал восточную границу всяким боевым снаряжением. Он делал запасы оружия, набирал рекрутов, пополнял крепкими молодыми солдатами легионы, которые пользовались на Востоке славою за свое участие не в одной большой битве, а кроме того вызывал вспомогательные отряды скифов (готов) за деньги или просьбами, собираясь с началом весны выступить из Фракии и немедленно усилить нуждавшиеся в подкреплении пункты.

2. Между тем Юлиан, находясь на зимних квартирах в Паризиях, пребывал в тревожном ожидании того, каков будет исход совершенного им переворота. Обдумывая со всех сторон положение, он понимал, что Констанций, относившийся к нему с величайшим презрением, никоим образом не признает свершившегося факта. 3. Внимательно обдумав положение дел, он решил отправить к нему послов, чтобы они доложили ему о случившемся; он вручил им также письмо, в котором откровенно рассказывал о происшедшем и излагал свои соображения насчет того, какие действия следовало предпринять в дальнейшем.

4. Хотя он предполагал, что император давно уже знал все из донесений Деценция, недавно вернувшегося ко двору, а также и от кубикуляриев, которые должны были вернуться из Галлии, передав Цезарю часть сборов с этой страны [465]В тоне его письма не было ничего ни вызывающего, ни оскорбительного, чтобы не могло показаться, что он сгоряча сделал переворот. Содержание письма было приблизительно таково.

464 **464.** Прим. ред.: Вероятно, тождественна Бирте, или Македонополису, как этот город называет Птолемей.

465 **465.** Сохраняем чтение ad Caesarem, Гардтгаузен исправил: ad Caesaream.

5. «Я сохранял, сколько было возможно, непоколебимую верность своим принципам в своем личном поведении, как и в вы-{*201* }полнении взятых на себя обязательств, и это с очевидностью ясно из множества фактов. 6. С того момента, как ты, предоставив мне достоинство Цезаря, послал меня на грозный шум битвы, я довольствовался предоставленной мне властью и, как верный твой слуга, доводил до твоего сведения частые вести о следовавших одна за другой желанных удачах, нимало не придавая значения опасностям, которым я лично подвергался. Хотя можно было бы с несомненностью доказать, что в воинских трудах на обширной территории германцев, где живут в смешении разные племена, меня видели первым, а в отдохновении от трудов – последним. 7. Если же теперь произошла, как ты думаешь, некоторая перемена, то позволю себе, с твоего разрешения, сказать следующее. Солдаты, жертвовавшие собой во многих тяжелых походах без видов на награду, исполнили свое давнее решение: они тяготились командиром второго ранга, полагая, что им не дождаться от Цезаря наград за продолжительный труд и многочисленные победы.

8. Раздражение их по поводу того, что они не получали ни повышения в чине, ни ежегодного жалованья, усилилось из-за неожиданного приказания им, людям привычным к климату холодных стран, двинуться в отдаленные области Востока, покинуть жен и детей и совершать переход без денег и экипировки. И вот, раздраженные сверх меры, они, собравшись ночью, окружили дворец и стали громко кричать: Юлиан Август! 9. Признаюсь, меня охватил ужас. Я ушел от них подальше и, пока это было возможно, искал спасения в молчании, скрываясь в отдаленных покоях. Но когда уж нельзя было оттягивать решение, я вышел под щитом, если можно так выразиться, моей чистой совести и встал на виду у всех, полагая, что удастся успокоить волнение авторитетом и ласковым увещанием. 10. Но они были возбуждены до предела и дошли до того, что когда я попытался сломить их упорство просьбами, не раз бросались на меня, угрожая смертью. Я был, наконец, побежден, и, успокаивая себя сознанием того, что другой, если меня убьют, с радостью провозгласит себя императором, я дал им свое согласие, надеясь успокоить эту вооруженную силу.

11. Вот как все это случилось, и я прошу тебя, отнесись к этому спокойно. Верь, что мое сообщение совершенно точно, и не слушай зложелательных наушников, которые по своему обычаю раздувают ссоры между государями в своих личных интересах; напротив, отогнав прочь лесть, которая всегда является кормилицей пороков, дай силу справедливости, этой самой высшей среди всех добродетелей. Прими благожелательно справедливые условия, которые я предлагаю, и признай, что это будет на пользу как римскому государству, так и нам самим, которые связаны между собою единством крови и высотою верховного сана. 12. Прости {*202* } меня, но я не столько желаю видеть осуществленными эти разумные требования, сколько знать, что ты их одобряешь и признаешь полезными; а сам я со своей стороны готов в будущем почтительно принимать твои указания.

13. В нескольких словах я расскажу тебе, что необходимо сделать. Я буду тебе поставлять упряжных лошадей из Испании и для укомплектования гентилов и скутариев посылать молодых летов из варварских семейств, живущих по нашу сторону Рейна, или также из тех варваров, которые добровольно к нам переходят. Я принимаю на себя

обязательство исполнять это не только с охотой, но и с величайшим рвением до самой моей смерти. 14. Назначение префектов претория из людей, известных своей честностью и заслугами, будет делом твоего милостивого усмотрения; назначение же остальных гражданских чиновников и офицеров армии правильно будет предоставить мне, как и прием людей в мою свиту. Ведь было бы неразумно, если есть возможность действовать предусмотрительно, приближать к особе императора таких людей, характер и настроение которых ему неизвестны.

15. Вот что, однако, позволю себе заявить без малейшего колебания: галлы, пострадавшие от продолжительных тревог и испытавшие много тягчайших бедствий, не будут в состоянии ни по своей воле, ни по принуждению поставлять рекрутов в далекие чужие земли; они уже сейчас подавлены воспоминаниями о прошлых событиях, и если их молодые силы будут истощаться, то они придут в полное отчаяние в предвидении грядущей гибели. 16. Не подобает вызывать отсюда вспомогательные отряды для борьбы с парфянскими племенами, когда до сих пор не устранена здесь угроза варварских нашествий и когда, если позволишь сказать правду, эти провинции, истерзанные непрерывными бедствиями, сами нуждаются в помощи извне, и даже значительной.

17. Я изложил мои советы, и думаю, полезные, мои требования и просьбы. Не хочу показаться высокомерным, но знаю, из каких трудных и отчаянных положений благополучно выводило государство согласие государей, уступавших друг другу, и мне ясно из примеров прошлого наших предков, что правители, державшиеся такого образа мыслей, находили всегда путь к благополучной жизни и оставили самым отдаленным потомкам добрую о себе память».

18. К этому письму Юлиан приложил другое, секретное, для передачи Констанцию втайне, содержавшее в себе порицания и едкие нападки. Получить точные сведения насчет его содержания я не имел возможности; а если бы она и была, то не стоило бы разглашать его.

19. Для выполнения этого поручения избраны были Пентадий, магистр оффиций, человек авторитетный, и Евтерий[466], бывший в ту пору препозитом царской спальни. Им было приказано рассказать {*203* } Констанцию после подачи письма все, что они видели без малейшей утайки, и в том, что дальше может случиться, действовать твердо и решительно.

20. Между тем разыгравшиеся события были уже представлены в превратном освещении Констанцию бежавшим из Галлии префектом Флоренцием. Предчувствуя бунт из-за вызывающего поведения солдат, уже ясного из разговоров, он намеренно удалился в Виенну под тем предлогом, что забота о провианте вынуждает его покинуть Цезаря; а на самом деле он боялся Юлиана, так как нередко бывал с ним недостаточно вежлив. 21. Когда же он узнал, что тот получил верховную власть, то в ужасе мало надеялся, и даже вовсе терял надежду спасти свою жизнь. Пользуясь тем, что находился далеко, он устранился от бед, которых опасался, и, оставив всю свою семью, поспешно отбыл к Констанцию; а чтобы выставить себя ни в чем не повинным, стал возводить на Юлиана всякие обвинения, выставляя его бунтовщиком. 22. После его отъезда Юлиан со свойственным ему благородством и желая дать понять, что он

466 **466.** Прим. ред.: См. 16, 7, 4–10.

бы его пощадил, если бы тот остался, приказал отправить на Восток его семью и имущество, оставшееся в неприкосновенности, предоставив для этого право использовать государственную почту.

9.

1. Быстро собрались в путь послы Юлиана с поручениями, о которых я сказал. Но когда во время путешествия им приходилось встречаться с чинами высшего ранга, они испытывали разные затруднения. После продолжительных и неприятных задержек в Италии и Иллирике они переправились, наконец, через Боспор, подвигались вперед в медленных переездах и застали Констанция все еще в Кесарии Каппадокийской. Этот город назывался некогда Мазака; [467]удобно расположенный и многолюдный, он находится у подошвы Аргейских гор. 2. Будучи допущены к императору, послы передали ему письма Юлиана. Император прочел их и воспылал страшным негодованием: смерть метал послам взор его косящих глаз. Ни о чем не спросив их и ничего сам не сказав, он приказал им удалиться. 3. Как бы ни был он раздражен, он пребывал, однако, в тяжелых сомнениях: приказать ли ему войскам, на верность которых он мог рассчитывать, двинуться против персов, или же против Юлиана. После долгих колебаний он отдал, однако, приказ двинуться в поход на Восток, согласившись с мнением некоторых разумных советников. 4. Посольство Юлиана он немедленно отправил назад и приказал своему квестору Леоне спешно отправиться в Галлию к Юлиану с письмом, в котором он заявлял, что никоим образом не дает своего соизволения на совершившийся {*204* } переворот, и внушал Юлиану, если тот дорожит жизнью своей и своих близких, оставить высокомерные притязания и довольствоваться саном и властью Цезаря.

5. А чтобы вызвать страх перед своими угрозами, он как бы показывая уверенность в своих силах, назначил префектом претория на место Флоренция Небридия, бывшего тогда квестором при Юлиане, магистром оффиций – нотария Феликса и сделал еще несколько назначений на другие должности. А Гумоария еще до того, как стало известно об этих событиях, он назначил магистром армии на место Лупицина.

6. Леона по прибытии в Паризии был принят соответственно своему рангу и почтенным качествам. На следующий день на военный плац вышел император, окруженный многочисленными воинами и толпой простого народа, которую он умышленно созвал, взошел на трибунал, чтобы быть более на виду, и приказал вручить письмо Констанция. Когда же, приступив к чтению с начала, он дошел до места, где Констанций, порицая все действия Юлиана, предлагал ему остаться Цезарем, отовсюду загремели грозные крики: 7. «Август Юлиан, ты избранник провинциалов, солдат, государства – государства, которое восстало к новой жизни, но до сих пор пребывает в страхе перед варварскими вторжениями». 8. Нечего было больше слушать Леоне: с письмом Юлиана, в котором значилось то же самое, он беспрепятственно пустился в обратный путь. Одного лишь Небридия Юлиан допустил к префектуре, так как он еще в своем прежнем письме к Констанцию, до переворота,

467 **467.** Прим. ред.: Ср. Страбон 12, 537–539.

сам заявил, что это назначение кажется ему подходящим. Магистром оффиций он сам уже раньше назначил Анатолия, который стоял во главе канцелярии прошений; было еще несколько назначений лиц, которых он считал подходящими и для себя полезными.

9. Хотя Лупицин во время этих событий отсутствовал и все еще находился в Британии, но его боялись, как человека гордого и несговорчивого, допуская возможность, что, узнав за морем обо всем происшедшем, он может поднять знамя бунта. И вот был отправлен в Бононию [468]нотарий для строгого надзора за тем, чтобы никто не переправлялся через пролив в Британию. Благодаря этому запрету Лупицин вернулся в полном неведении обо всем случившемся и не мог вызвать никаких затруднений.

10.

1. Радуясь своему возвышению и преданности солдат, Юлиан был озабочен тем, чтобы их рвение не остыло, и они не стали {*205* } поносить его самого за трусость и бездействие. Поэтому, отправляя посольство к Констанцию, он выступил в поход к границам Второй Германии. Снабженный всяким снаряжением, которого требовало предстоящее ему дело, он поспешил к городу Трицезимам[469]Переправившись там через Рейн, он сделал набег на область аттуарийских франков, беспокойного народа, который совершал дерзкие набеги на окраины Галлии. Франки вовсе не ожидали нападения, чувствуя себя в полной безопасности, так как каменистые дороги затрудняли к ним доступ и они не помнили, чтобы когда-либо на их территорию вступал какой-либо император. Победа досталась Юлиану без труда, множество народа было перебито или взято в плен. Уцелевшие просили мира, и Юлиан предоставил им мир на таких условиях, которые счел подходящими, имея при этом в виду интересы пограничного населения. 3. С такой же быстротой переправившись через реку на обратном пути, он внимательно осматривал и исправлял пограничные укрепления и так дошел до Равраков [470]Захватив вновь местности, которые были захвачены варварами и до этого оставались в их власти, и побеспокоившись наилучшим образом об их укреплении, Юлиан вернулся через Безанцион [471]в Виенну.

11.

1. Так шли дела в Галлии. Пока Юлиан действовал здесь с таким успехом и осторожностью, Констанций вызвал к себе армянского царя Арсака, принял его чрезвычайно любезно и всячески убеждал оставаться нашим верным другом. 2. Он слышал, что персидский царь не раз делал попытки, прибегая к коварству, угрозам и хитрости, побудить Арсака оставить союз с Римом и перейти на его сторону. 3. Арсак многократно

468 **468.** Булон-сюр-мер.

469 **469.** Келлен близ Клеве.

470 **470.** Местность нын. Базеля.

471 **471.** Безансон.

клялся, что он скорее положит свою жизнь, чем переменит свой образ мыслей. Констанций щедро одарил его самого и его свиту. Арсак вернулся в свое царство и не посмел потом изменить своим обещаниям, будучи связан с Констанцием многообразными проявлениями милости к нему императора. Так, между прочим, он выдал за Арсака замуж Олимпиаду, дочь Аблаба, занимавшего некогда пост префекта претория, которая была невестой его брата Константа. 4. Отпустив Арсака, Констанций двинулся из Каппадокии через Мелитену[472]город Малой Армении, Лакатены и Самосату, переправился через Евфрат {*206* } и прибыл в Эдессу [473]Там он ожидал подходившие к нему со всех сторон воинские отряды, делал большие запасы провианта и промедлил довольно долго. Только после осеннего равноденствия он выступил в направлении Амиды [474]

5. Когда он подошел близко к этому месту, то, рассматривая обгоревшие развалины и следы разрушения, стонал и плакал, вспоминая о бедствиях, постигших несчастный город. Случайно находившийся рядом Урсул, заведовавший государственной казной, воскликнул в глубоком волнении: «Вот с каким мужеством защищают города солдаты, на жалование которым расходуются средства государства». Позднее в Халкедоне припомнили ему военные люди это жесткое слово, и оно принесло ему гибель. [475]

6. От Амиды Констанций двинулся дальше, ведя войска плотными колоннами. Подойдя к Безабде, он разбил лагерь и, окружив его валом и глубоким рвом, стал издали объезжать окрестности этой крепости, причем он слышал от многих, что укрепления, пришедшие в негодность от отсутствия заботы, обветшавшие, восстановлены наилучшим образом. 7. Чтобы не упустить ничего, что можно было сделать перед началом военных действий, он послал умелых людей и предложил гарнизону на выбор: или, оставив без кровопролития чужой город, вернуться к своим, или перейти на сторону римлян, с верной надеждой на повышения и награды. Но так как защитники принадлежали к знатным родам и были проверены в боевых трудах и опасностях, то пришлось готовиться к осаде.

8. Тесным строем, при ободряющем звуке труб, войска с воодушевлением подошли к городу со всех сторон. Легионы построились небольшими отрядами и, под прикрытием сдвинутых щитов мало-помалу продвигаясь вперед, пытались штурмовать стены. Но так как снаряды всякого рода тучей сыпались на подходящих и пробивали прикрытие сдвинутых щитов, то дан был отбой, и войска отошли. 9. Следующий день дан был на отдых. На третий день римляне, старательно подготовив штурмовые щиты, пытались со всех сторон подойти к городу, поднимая повсюду бранный крик. Хотя защитники, чтобы не быть на виду у неприятеля, скрывались за протянутыми киликийскими войлочными завесами, однако всякий раз, когда того требовала необходимость, смело высовывая руки, метали вниз камни и стрелы. 10. А когда наши отважно продвигали вперед фашины и они оказывались у самых стен, то сверху

472 **472.** Ныне Малация.

473 **473.** Ныне Офра.

474 **474.** Об осаде и взятии этого города персами см. 19, 2, 3–14.

475 **475.** Прим. ред.: См. 22, 3, 7–8.

падали бочки, огромные камни, обломки колонн. Эти страшные тяжести валились на осаждавших, их прикрытия получали {*207* } большие проломы и они отступали с величайшей опасностью. 11. На десятый день после начала военных действий, когда уверенная отвага наших вызывала большое уныние внутри крепости, было решено придвинуть к стенам огромный таран, ударами которого персы некогда разрушили Антиохию. [476]Они увезли его оттуда, но потом оставили в Каррах. Внезапное появление этого превосходно сделанного орудия так удручающе подействовало на осажденных, что они почти готовы были к капитуляции; но воспрянули духом и стали принимать меры защиты против этой грозной машины. 12. Тут обе стороны проявили в равной мере как дерзкую отвагу, так и разумную осторожность. Пока устанавливали старый, разобранный на части для удобства перевозки [477]таран, осаждающие, применяя все приемы военного искусства и напрягая все силы, крепко и настойчиво его защищали; выстрелы орудий, тучи камней и стрел убивали множество народа с той и с другой стороны. Насыпные валы быстро росли ввысь, осада со дня на день становилась все ожесточеннее. С нашей стороны много людей гибло от того, что, сражаясь на глазах императора, они в надежде на отличия снимали шлемы, чтобы можно было узнать их в лицо; тут-то и поражали их меткие стрелки неприятеля. 13. Днем и ночью самым бдительным образом отправляли с той и другой стороны караульную службу. Персы со страхом следили за увеличением высоты насыпей, с ужасом взирали на огромный таран, за которым уже следовали меньшие. Они прилагали величайшие усилия, чтобы сжечь все осадные орудия, но стрелы с огнем и брандеры, которые они метали, не давали результата, потому что деревянные части были в основном покрыты мокрыми кожами и попонами, а другие тщательно смазаны квасцовым раствором в предупреждение действия падавших на орудия огненных снарядов. 14. С большой отвагой продвигали римляне свои тараны, и хотя охрана их требовала величайших усилий, но в пламенном желании овладеть городом, они не отступали перед самыми очевидными опасностями. 15. Защитники крепости со своей стороны, когда самый большой таран был уже совсем близко и готов был начать громить возвышавшуюся перед ним башню, ловко ухитрились поймать сетью его выступающий вперед железный лоб, который действительно имеет вид бараньей головы, и задержали его длинными канатами, так что нельзя было дать ему размаха, отводя его назад, и громить стену учащенными ударами. Кроме того они лили расплавленную смолу. И долго стояли в бездействии наши продвинутые вперед орудия, осыпаемые огромными камнями и стрелами. {*208* }

16. Насыпи росли все выше и выше; защитники, имея уже перед глазами верную гибель, если они не примут особых мер предосторожности, решились на последнее средство и сделали внезапно вылазку. Бросившись на наши передовые посты, они метали со всей силы на тараны факелы и наполненные горючим материалом горшки. 17. После ожесточенной схватки нападавшие, ничего не достигнув, были отброшены в город и опять появились на зубцах стен; но римляне поражали их с

476 **476.** Прим. ред.: Антиохия была взята персами дважды: в 256 и 260 г., однако какой именно штурм имеет в виду Марцеллин, неясно.

477 **477.** После veheretur ставим запятую, которой нет у Гардтгаузена.

валов стрелами, камнями из пращей и огненными снарядами. Эти последние перелетали через крыши башен, но падали, не причиняя, как правило, вреда, так как наготове стояли пожарные команды.

18. Число бойцов уменьшалось с той и с другой стороны, и гибель грозила персам, если не выручит их какое-либо чрезвычайное усилие. И вот они решились сделать вылазку, подготовив ее самым тщательным образом. Целыми толпами вышли они из ворот; лучшие бойцы, разместившись между солдатами, которые несли горючие материалы, стали метать в деревянные части орудий железные корзины, наполненные горючими составами, хворост и другие легко воспламеняющиеся вещества. 19. Черные тучи дыма закрывали всякий просвет; по боевому сигналу труб быстрым шагам пошли в бой легионы. Битва разгоралась все жарче, и когда дошло дело до рукопашной, вдруг все осветило зарево пожара: огонь побежал по орудиям, все они горели, кроме самого большого тарана. Этот последний, разрубив канаты, которыми его опутали, храбрецы с величайшим напряжением всех сил еле-еле оттащили в полуобгорелом виде.

20. Когда ночной мрак положил конец битве, войскам дан был короткий отдых. Едва они подкрепились пищей и непродолжительным сном, командиры подняли их на ноги и приказали отодвинуть подальше от стены осадные орудия, так как теперь предполагалось вести бой с высоких насыпей, которые были уже закончены и поднимались выше стен. А для того, чтобы легче сгонять со стен защитников, были поставлены на самых высоких пунктах валов две баллисты, и можно было предполагать, что в страхе перед ними никто не посмеет даже выглянуть. 21. По окончании этих подготовительных работ на самом рассвете дня наши войска построились в три колонны; грозно колыхались султаны на шлемах, солдаты несли штурмовые лестницы и шли на приступ. Раздался гром труб, лязг оружия, и начался бой с равным ожесточением с обеих сторон. Шире раздвинули свой строй римляне, видя, что персы прячутся в страхе перед поставленными на валах баллистами, и стали громить тараном башню; с кирками, секирами, ломами и лестницами подходили они к стене; тучи снарядов летели с той и с другой стороны. 22. Однако персы терпели больший урон, так как снаряды баллист, падавшие с высокого сооружения, летели на {*209* } них, как по отвесу. Видя перед собой неизбежную гибель, они шли на верную смерть. Они разделили между собою, насколько допускало отчаянное положение дел, ратный труд: одни оставались для защиты стен, а большая часть, незаметно открыв ворота, выступила из крепости с мечами наголо, и за ними следовали люди, несшие горючие материалы. 23. Пока римляне атаковали отступавших и бились врукопашную с бросавшимися вперед, те, что несли горючие материалы, добравшись наперерез ползком, подсунули угли в скрепы вала, состоявшие из брусьев различных деревьев, лозняка и пучков камыша. Пламя быстро охватило этот сухой горючий материал, и наши солдаты с большой опасностью успели очистить вал и спасти баллисты. 24. Когда же наступление вечера положило конец битве, и обе стороны разошлись на краткий отдых, император стал колебаться в своих мыслях: с одной стороны, самые основательные мотивы побуждали его настаивать на взятии Фенихи, потому что эта крепость являлась неодолимой твердыней против вражеских нашествий, с другой стороны, позднее время года заставляло помышлять о возвращении назад. Он решил задержаться здесь еще на

некоторое время, не доводя дела до серьезного боя: у него была надежда, что, быть может, недостаток продовольствия заставит персов сдаться. Но его ожидания не оправдались. 25. Пока продолжалась война в этом ослабленном виде, наступило влажное время года, и дождевые тучи навели на землю грозный мрак. Почва так размокла от постоянных дождей, что глинистый грунт тех мест с его жирным растительным слоем превратился в сплошную невылазную грязь. Беспрерывные раскаты грома и постоянные молнии нагоняли ужас на робкие умы. 26. К тому же на небе постоянно виднелись радуги. Кратко я объясню, в чем причина такой формы этого явления природы. Более теплые испарения земли и влажный пар собираются в тучи. Разреживаясь в виде мелких капель и становясь светлыми от смешения с лучами солнца, эти пары громоздятся против самого солнечного диска. Так образуют они радугу, которая принимает круговую форму, потому что возникает в надземном пространстве, которое, по учению физиков, имеет вид полусферы. 27. Первый круг ее представляется человеческому глазу красным, второй – желтым или оранжевым, третий – пурпурным, четвертый – фиолетовым, пятый – голубым, отливающим в зеленый цвет [478]28. Причина этого изящного сочетания цветов, как понимает это человеческий разум, состоит в том, что первая полоса радуги пред-{*210* }ставляется, вследствие воздействия цвета воздуха, более бледной, следующая полоса – желтая, т. е. окрашена сильнее, чем первая, третья – пурпурная, потому что она, будучи противопоставлена блеску солнца, в соответствии с восприимчивостью воздуха, втягивает в себя самый чистый блеск; четвертая потому фиолетовая, что блеск солнца, из-за густоты мелькающих капелек, как бы тухнет и производит на глаз впечатление огненно-красного цвета, который по мере рассеяния переходит в голубой и зеленоватый.

29. Другие ученые полагают, что появление радуги тогда бывает видно на земле, когда лучи солнца, проникнув в густую, ниже обычного опустившуюся тучу, вольют в нее жидкий свет, который, не находя выхода и сгущаясь, блестит от чрезвычайного трения и притом цвета приближающиеся к белому заимствует от выше над ним стоящего солнца, а зеленоватые получает от уподобления с находящейся над ним тучей. Подобное явление замечается на море, где белы те волны, которые бьют о берег, а более далекая от берега масса воды представляется безо всякого смешения голубой.

30. И так как радуга является знамением перемены погоды, как я сказал, предвосхищая в сухую погоду клубы туч, или же наоборот, водворяя на закрытом раньше небе ясную радость; то у поэтов Ирида [479](радуга) посылается с неба, когда необходимо изменить существующее положение дел. Есть и разные другие мнения, перечислять которые было бы теперь излишне, и я спешу вернуться к своему повествованию, на том месте, где его прервал.

31. Император, из-за изложенных обстоятельств, колебался между страхом и надеждой, так как зима близилась, и в этих бездорожных

478 **478.** Чтобы снять с себя ответственность за порядок цветов спектра: приведем слова автора: prima lutea visitur, secunda flavescens vel fulva, punicea tertia, quarta purpurea, postrema caerulo concreta et viridi.

479 **479.** Прим. ред.: В гомеровской поэзии – крылатая вестница богов, прислуживающая Гере и сходящая по радуге.

местностях легко можно было ожидать засад; тревожила его мысль о возможности бунта раздраженных солдат. Кроме того его мучило сознание, что он как бы постоял перед открытой дверью богатого дома и вынужден, ничего не достигнув, вернуться назад. 32. Итак, он отказался от безнадежного предприятия. Намереваясь зимовать в Антиохии, он вернулся в бедствовавшую Сирию, потерпев жестокий удар, оставшийся неотомщенным и долго возбуждавший скорбные воспоминания. Как будто в силу неблагоприятного расположения звезд, когда Констанций лично выступал на войну с персами, судьба ему не благоприятствовала. Поэтому он стремился одержать над ними победу хотя бы в лице своих полководцев, что действительно удавалось ему несколько раз. {*211* }

КНИГА XXI

(годы 360–361)

1. Август Юлиан празднует в городе Виенне пятилетие своего правления. О том, как он узнал, что Август Констанций скоро умрет. О различных способах узнавать будущее.

2. Август Юлиан в Виенне выдает себя за христианина, ради привлечения на свою сторону народной массы и в праздничный день молится Богу в церкви среди христиан.

3. Царь аламаннов Вадомарий, нарушив договор, опустошает с помощью высланных отрядов границы империи. Убийство комита Либинона и нескольких наших воинов.

4. Август Юлиан, перехватив письмо Вадомария к Августу Констанцию, организовал захват его на пиру. Перебив одних аламаннов, а других приняв в подданство, он заключил с остальными мирный договор.

5. Август Юлиан произносит речь перед своими солдатами и приводит их всех к присяге на свое имя, собираясь начать войну с Августом Констанцием.

6. Август Констанций женится на Фаустине. Он пополняет новыми контингентами свое войско, привлекает на свою сторону дарами царей Армении и Иберии.

7. Август Констанций, находясь тогда в Антиохии, удерживает под своей властью Африку через нотария Гауденция. Перейдя через Евфрат, он направляется с войсками в Эдессу.

8. Август Юлиан, устроив дела в Галлии, направляется к берегу Дуная и посылает вперед части своих сил через Италию и Рэцию.

9. Консулы Тавр и Флоренций, они же префекты претория, первый в Иллирике, второй – в Италии, бегут при приближении Августа Юлиана. Захват магистра конницы Луциллиана, который собирался дать отпор Юлиану. {212 }

10. Август Юлиан принимает под свою власть Сирмий, столицу западного Иллирика, вместе с его гарнизоном и посылает в сенат письмо, направленное против Констанция.

11. Два легиона Констанция, которые перешли к Августу Юлиану в Сирмии, будучи посланы им в Галлию, захватывают Аквилею с согласия горожан и запирают ворота перед войсками Юлиана.

12. Осада Аквилеи, ставшей на сторону Констанция. Когда позднее

стало известно о смерти Констанция, Аквилея сдалась Юлиану.

13. Сапор отводит домой свои войска, так как предзнаменования говорили против войны. Август Констанций держит в Гиераполе речи перед своими солдатами, собираясь начать поход против Юлиана.

14. Предсказания смерти Августа Констанция.

15. Смерть Августа Констанция в Мобсукренах в Киликии.

16. Хорошие и дурные качества Августа Констанция. {*213* }

1.

1. В то время как Констанций из-за неудачного хода военных действий, был оттеснен за Евфрат, Юлиан, находившийся в Виенне, проводил дни и ночи за выработкой плана действий на ближайшее будущее. Стараясь, насколько это позволяли скудные средства, поднять свое значение, он, однако, постоянно находился в сомнениях насчет того, следует ли ему достигать всеми способами соглашения с Констанцием, или же самому начать наступательные действия, чтобы внушить ему страх. 2. Тщательно обдумывая это, он боялся и того, и другого: в дружбе Констанций был жесток, а в междоусобных войнах часто имел успех, – то и другое пугало Юлиана. Особенную тревогу вызывала в нем участь его брата Галла, которого погубили его собственная бездеятельность и клятвопреступные и обманные действия некоторых людей. 3. Иногда он чувствовал твердую решимость действовать и считал наиболее безопасным открыто выступить против того, чей образ мыслей он, как умный человек, угадывал по его прежним поступкам и кого он достаточно хорошо знал для того, чтобы не дать завлечь себя в ловушку притворной дружбой. 4. Не придав значения тому, что Констанций написал ему через Леону [480]и не признав ни одного из сделанных им назначений за исключением Небридия, он отпраздновал, уже как Август, пятилетие своего правления. [481]Теперь он стал появляться в великолепной диадеме, блиставшей драгоценными камнями, тогда как в начале своего принципата надевал простой венец и скорее походил на ксистарха [482]в пурпуре, чем на императора. 5. В это время он отправил в Рим останки своей покойной жены Елены [483]для погребения вблизи города на Номентанской дороге, где была похоронена также ее сестра Константина, жена Галла. {*214* }

6. Значение имело еще одно обстоятельство, пробуждавшее в нем желание теперь, когда в Галлии был установлен мир, напасть первому на Констанция, а именно то, что на основании разных примет, разгадывать которые он был мастер, и видений во сне, он предвидел близость его кончины. 7. Так как желающие зла люди приписывают этому ученому и стремящемуся ко всяким знаниям государю преступные способы узнавать

480 **480.** 20, 9, 3–8.

481 **481.** Прим. ред.: С момента провозглашения Цезарем.

482 **482.** Т. е. посредник в состязаниях.

483 **483.** Прим. ред.: Елена, сестра Констанция, была выдана замуж за Юлиана в 355 г., когда он был провозглашен Цезарем (см. 15, 8, 18; 16, 10, 18). Позднее Юлиана обвиняли в отравлении жены. См. Либаний, Речи 37, 3–11.

будущее, то мне придется дать краткое объяснение того, каким образом мудрый человек может приобрести и этот важный вид знания.

8. Проникающее все элементы (стихии), как тела, вечно прибывающие, духовное начало, обладая всегда и везде живой силой предчувствия, сообщает нам дар непосредственного предвидения на основании тех явлений, которые мы стараемся постигнуть путем разных наук [484]А субстанциальные силы (демоны), умилостивление которых производится разными способами, дают смертным вещие слова как бы из никогда не иссякающих родников. Властвует над ними, как полагают, Фемида, [485]названная так потому, что она наперед открывает неизменные решения рока, которые по-гречески называются τευειμένα. Поэтому древние теологи и поместили ее на ложе и престоле Юпитера, знаменующего животворящую силу.

9. Авгурии и ауспиции [486]исходят не от птиц, не знающих будущего, – ведь этого не станет утверждать даже самый ограниченный человек, – но бог направляет полет птиц так, что исходящий из клюва звук и быстрое или медленное движение крыльев открывают будущее. Ибо благое божество – потому ли, что люди этого заслуживают, или же потому, что оно сочувствует им, – любит и этими способами открывает им грядущее.

10. Точно так же люди, умеющие исследовать вещие внутренности животных, которые могут открывать несчетное разнообразие изменений, узнают по ним будущее. Эту науку открыл некто Тагет, который, как гласит предание, внезапно появился из недр земных в Этрурии.

11. Открывает грядущее и дух человеческий, когда он находится в состоянии вдохновения и изрекает божественные глаголы. Причина этого в том, что Солнце, мировой разум по определению физиков, источает из себя наши души, как искры, и когда оно сильнее их воспламенит, то делает их способными познавать будущее. Потому-то и сивиллы [487]часто говорят о себе, что они пылают, сжигаемые мощным пламенем. Кроме того, много знамений дают случайно раздающиеся голоса, встречающие человека явления, особенно удары грома, молния, а также падающие звезды. {*215* }

12. Можно было бы вполне и без всяких сомнений полагаться на сны, если бы истолкователи не ошибались в объяснениях. Иногда, как утверждает Аристотель, [488]сны вполне достоверны, а именно: когда зрачок

484 **484.** Изысканный подбор слов выражает мысль, по-видимому, не совсем ясную для самого автора. После слова corporum следует поставить запятую.

485 **485.** Прим. ред.: Фемида – титанида, греческая богиня права и законного правопорядка. Первая жена Зевса.

486 **486.** Прим. ред.: Авгурии – гадание различными способами; в позднейшее время авгурии представляли собой формальную процедуру, осуществляемую коллегией жрецов-авгуров перед началом всякого дела, имевшего государственную важность, с целью заранее узнать мнение богов о его исходе. Ауспиции – гадание по полету птиц.

487 **487.** Прим. ред.: Сивиллы – ясновидящие, прорицающие в состоянии экстаза. Всего в античности известно около 10 сивилл, появлявшихся в разное время в разных местах. Особой известностью пользовался сборник на греческом языке, озаглавленный «Сивиллины оракулы».

488 **488.** Прим. ред.: Ссылка на Аристотеля неясна.

крепко спящего человека, не отклоняясь ни в ту, ни в другую сторону, смотрит совершенно прямо. 13. Невежественные простаки иной раз подымают голос и наивно ставят вопрос так: если бы существовало предчувствие и некое знание будущего, то почему тот не знал, что ему предстоит пасть в сражении, а другой, что ему грозит то или иное бедствие. На это достаточно будет дать такой ответ: и грамматик иной раз выразится неправильно, и музыкант возьмет иной раз фальшивую ноту, и врач ошибется в лекарстве, но это не мешает существовать грамматике, музыке, медицине. 14. Прекрасно, как всегда, высказался по этому поводу Туллий (Цицерон): «Знамения будущего даются нам богами. Если кто ошибся в них, то причина погрешности не в богах, а в человеческом толковании»[489]Но чтобы не утомить читателя этим далеко ушедшим в сторону отступлением, возвращусь к изложению дальнейших событий.

2.

1. Когда однажды в Паризиях Юлиан, будучи еще Цезарем, совершенствовался на поле для упражнений в разных воинских приемах со щитом, выскочило деревянное покрытие, обрамленное кругом, и в руке у него остался один обод; крепко держа его, он продолжал делать приемы. 2. Все присутствующие испугались дурного предзнаменования, но он сказал: «Нечего пугаться: крепко у меня в руке то, что я держал». Потом, когда однажды в Виенне он отошел ко сну совершенно трезвый, в страшный полночный час перед ним во блеске предстало видение, которое изрекло совершенно ясно, хотя он не просыпался, следующие гекзаметры и несколько раз их повторило. Эти стихи внушили ему уверенность, что никакое несчастье не грозит ему в будущем:

«Когда Зевс совершит движение по широкому пределу славного Водолея, а Сатурн пройдет на 25 градусов созвездие Девы, тогда царь Асийской земли Констанций будет у предела жизненного пути, и его постигнет тяжкая горестная смерть».

3. Юлиан не занимался пока никакими изменениями существующего порядка, но с полным спокойствием разбирался во всх текущих делах, стараясь исподволь укрепить свое положение, чтобы возрастание сил шло в соответствии с возвышением его сана. {*216* } 4. Желая расположить к себе всех без исключения, он притворялся, что привержен к христианскому культу, от которого втайне давно отошел. Он отдавался, – о чем знали немногие посвященные в его секреты, – гаруспицине, [490]авгуриям и соблюдал все то, что всегда чтили поклоняющиеся богам. 5. А чтобы сохранить это пока в тайне, в праздник, приходившийся в январе месяце, который христиане зовут Епифании, [491]он посетил церковь и вышел из нее лишь по окончании службы.

489 **489.** Cic., De nat. deorum II, 4, 12: in his si qul erraverunt, non deorum natura, sed hominum coniectura peccavit.

490 **490.** Прим. ред.: Гаруспики гадали по внутренностям жертвенных животных.

491 **491.** Прим. ред.: Имеется в виду Рождество (6–7 января), отмечавшееся тогда по юлианскому календарю.

3.

1. Между тем, когда была уже близка весна, одно неожиданное известие повергло его в печаль и горе. Он узнал, что аламанны, выступив из области Вадомария, откуда после заключения договора нельзя было опасаться никакого нападения, грабят местности, пограничные с Рэцией, и, рассеявшись в грабительских набегах, производят страшные опустошения. 2. Оставить это без внимания значило бы создать опасность возобновления войны. Поэтому Юлиан отправил некоего комита Либинона с кельтами и петулантами, зимовавшими вместе с ним, чтобы тот поступил согласно обстоятельствам на месте. 3. Либинон быстро подошел к городу Санкционy [492]Издалека видели его варвары и, желая вступить в битву, укрылись в долинах. Ободрив своих солдат, которые были неравны варварам по численности, но горели желанием сразиться, Либинон без должной осмотрительности напал на германцев и был убит первым, в самом начале боя. Его смерть усилила дерзость варваров, воспламенила римлян желанием отомстить за вождя. Битва была очень упорной, но, подавленные численностью неприятеля, наши были рассеяны, потеряв несколько человек убитыми и ранеными.

4. С этим Вадомарием и его братом Гундомадом, который был так же царем, Констанций как уже было сказано[493]заключил мир. По смерти Гундомада Констанций, предполагая иметь в лице Вадомария верного союзника и молчаливого и деловитого исполнителя его тайных приказов, возложил на него, если только можно поверить молве, поручение, и писал ему, чтобы он время от времени тревожил, как бы в нарушение мирного договора, пограничные соседние с ним области; имелось при этом в виду воспрепятствовать Юлиану оставить охрану Галлии.

5. Согласно этим, как можно полагать, указаниям, Вадомарий наносил эти и подобные обиды. С ранней юности он был ловок на {*217* } всякого рода обманы и хитрости, и показал это и впоследствии, когда в звании дукса управлял Финикией [494]Но на этот раз он воздержался, будучи уличен одним обстоятельством, а именно: наши форпосты захватили нотария, которого он послал к Констанцию, и при обыске нашли у него письмо Вадомария, в котором тот помимо многого другого писал следующее: «Твоего Цезаря еще не вышколили». А в письмах к Юлиану он титуловал его владыкой, Августом и богом.

4.

1. Такое положение дел заключало в себе большую опасность, и Юлиан видел, что оно может оказаться для него гибельным. Поэтому он сосредоточил на нем все свои мысли. Он задумал силой захватить Вадомария, чтобы тем самым обеспечить безопасность себе и провинциям. Для этого он придумал такой план. 2. Он послал в те пределы нотария Филагрия, бывшего впоследствии комитом Востока, на

492 **492.** Ныне Секинген.

493 **493.** 18, 2, 16.

494 **494.** 26, 8, 2.

предусмотрительность которого он полагался на основании прежнего опыта. В числе других поручений, которые тот должен был исполнить по обстоятельствам, он дал ему запечатанное письмо и приказал не открывать и не читать его, прежде чем не встретится лично с Вадомарием по эту сторону Рейна. 3. Филагрий отправился, в путь, как ему было приказано. Когда он находился на месте и был занят различными делами, Вадомарий без малейшей опаски, как будто был глубокий мир, переправился через реку (Рейн) и вел себя так, как будто не знал за собой никакой вины. Встретившись с командиром расквартированных там солдат, он по обычаю обменялся с ним несколькими словами и, чтобы не оставить после своего отъезда ни малейшего подозрения против себя, обещал прийти к нему на обед, на который приглашен был также и Филагрий. 4. Как только последний вошел и увидел царя, он тотчас вспомнил слова императора. Под предлогом спешного и не терпящего отлагательства дела он вернулся на свою квартиру, прочитал письмо, из которого узнал, что он должен сделать, и, вернувшись на обед, занял свое место за столом среди гостей. 5. Когда обед окончился, он схватил Вадомария и приказал командовавшему там офицеру держать его под стражей у знамен. Затем он прочитал подлинный приказ императора и предложил свите Вадомария вернуться домой, так как относительно их не было никаких распоряжений. 6. Царь был препровожден в главную квартиру государя и утратил было всякую надежду на прощение, когда узнал, что его нотарий перехвачен, и стало известно все, о чем он {*218* } писал Констанцию. Но Юлиан, не упрекнув его ни одним словом, препроводил его в Испанию. Он имел в виду главным образом то, чтобы этот дикий человек, когда ему самому придется уйти из Галлии, не возмутил опять спокойствие провинций, которое стоило ему таких трудов. 7. Юлиан был очень доволен, что ему удалось скорее, чем можно было надеяться, захватить царя, которого он боялся в предвидении предстоящего похода в дальние страны. Теперь, не теряя времени, он решил сделать набег на варваров, которые, как я рассказал, убили в стычке комита Либинона и нескольких солдат. 8. А чтобы слух о его приближении не прогнал их в более отдаленные местности, Юлиан переправился через Рейн глубокой ночью с легким отрядом вспомогательных войск и окружил их, когда они не ожидали ничего подобного. Пока они, проснувшись от лязга вражеского оружия, осматривали свои мечи и стрелы, он быстро их атаковал. Одни были перебиты, других, просивших пощады и предлагавших вернуть добычу, он принял в подданство, а остальным, уцелевшим в схватке и дававшим обещание сохранять полное спокойствие, предоставил мир.

5.

1. Во время этих оживленных военных действий Юлиан не упускал из виду того, какой тяжелый внутренний переворот он вызвал, и вполне правильно понимал, что для внезапных предприятий самое важное условие – это быстрота действий. Поэтому он полагал, что для него будет безопаснее открыто объявить о своем отпадении от Констанция. А так как он не был вполне уверен в верности ему солдат, то, совершив тайно жертву Беллоне, [495]созвал трубным сигналом войска на собрание и, встав

495 **495.** Прим. ред.: Беллона – древнеримская богиня войны.

на каменный помост, очевидно уже с бо́льшей уверенностью держал такую речь более громким, чем обычно, голосом.

2. «Давно уже, полагаю, вы, мои благородные товарищи, из-за совершившегося дела столь большой важности, размышляете каждый про себя и хотите узнать о плане действий, в котором должны быть взвешены ожидающие нас события и предупреждены с опасной для нас стороны. Солдату, сроднившемуся со славными деяниями, более подобает слушать, чем говорить, а честному полководцу принимать только такие решения, которые по достоинству можно хвалить и одобрять. Я хочу вам прямо сказать, что я задумал, и прошу вас, выслушайте благосклонно мою краткую речь.

3. Изволением бога небесного я в ранней моей юности вошел в вашу среду. Я прекратил постоянные набеги аламаннов и франков, сокрушил их непрестанную дерзость, открыл общими нашими усилиями для римских войск Рейн и сделал его проходимым во всякое время; против угрожающих слухов и дерзких нашествий мощных {*219* } народов стоял я недвижимо, опираясь на твердыню вашей храбрости. 4. Галлия – свидетельница трудов, нами понесенных; она, обновленная после стольких бедствий и потерь, столь тяжких и длившихся столь долго, восславит нас перед потомством из века в век. 5. А теперь, когда авторитет вашего суждения и сила обстоятельств вознесли меня до сана Августа, я должен с божьей помощью и при вашей поддержке, если судьба будет благоприятствовать моим начинаниям, увеличить свои задачи, вменяя себе в заслугу признание армии, прославившейся своею верностью долгу и воинской мощью, что в мирное время я проявил умеренность и спокойствие, а в непрестанном ряде войн с целым союзом племен – осмотрительность и осторожность. 6. А чтобы нашим тесным единодушием предупредить несчастные случайности, следуйте моему спасительному, как я думаю, совету, пока общее положение дел соответствует нашим намерениям и нашей воле. Пока иллирийские области не имеют еще усиленной охраны, мы беспрепятственно двинемся вперед и займем Дакию до самых ее границ, а потом примем, смотря по успехам, дальнейший порядок действий. 7. А вы, командиры войска, по обычаю доверяющих своему полководцу воинов, клятвенно обещайте мне прочное согласие и верность; я же, как всегда, буду прилагать самое настойчивое старание, чтобы ни в чем не было необдуманности или небрежения, и на деле докажу каждому, кто бы того ни потребовал, самую щепетильную совестливость в том, что сознательно не предприму и не попытаюсь предпринять ничего кроме того, что будет иметь целью общую пользу. 8. Заклинаю и прошу вас, чтобы никто из вас в порыве возбуждения не доходил до притеснения частных лиц. Знайте, что наши бесчисленные победы над врагом прославили нас в такой же мере, как и неприкосновенность и благосостояние провинций».

9. Эта речь императора, принятая с таким одобрением, точно откровение какого-нибудь оракула, произвела сильное впечатление на собрание; солдаты, жаждущие политических переворотов, в полном единодушии подняли дикий крик, к которому примешивался страшный лязг щитов; они называли Юлиана великим и вознесенным вождем и – что знали на опыте – счастливым покорителем племен и царей. 10. Когда был отдан приказ всем присягнуть на имя Юлиана, солдаты, приблизив мечи к

своим шеям, клялись по формуле со страшными заклятиями переносить за него всякие беды до последнего издыхания, если того потребует необходимость; после солдат офицеры и все ближайшие к государю чины клялись ему в верности с подобными религиозными обрядами. 11. Из числа присутствовавших только префект Небридий воспротивился и выказал тем твердость своего характера: он заявил, что никоим образом не может связать себя клятвой против Констанция как человек, обязанный ему частыми и различными благодеяниями. {*220* } 12. Когда это услышали близко стоявшие солдаты, то страшно возмутились и бросились на него, угрожая ему смертью; но император, к коленям которого тот припал, прикрыл его своим военным плащем. Когда же по возвращении во дворец Небридий приблизился к Юлиану и, пав на землю, молил его протянуть ему руку, чтобы освободить от страха, Юлиан сказал: «Какое же преимущество останется моим друзьям, если ты коснешься моей руки? Уходи отсюда спокойно, куда хочешь». Услышав эти слова, Небридий удалился к себе домой в Тусцию (Этрурию).

13. Принимая эти меры в своих интересах, как требовала того важность дела и зная по опыту, как важно в тревожных положениях опередить своего противника, Юлиан отдал приказ выступить в Паннонию и, двинув армию в поход, бросился навстречу превратностям судьбы.

6.

1. Теперь будет уместно вернуться назад и вкратце рассказать о событиях при дворе и в армии Констанция во время его зимовки в Антиохии, пока описанные события происходили в Галлии. Среди множества чинов высшего ранга были назначены для почетной службы при особе императора во время его пребывания в далекой окраинной области знатнейшие трибуны. 2. На торжественной встрече при возвращении его из Месопотамии Амфилохий, бывший трибун, родом из Пафлагонии, – он служил еще у Константа, и близкие к очевидности подозрения выставляли его виновником обострения раздора между царственными братьями, – позволил себе дерзко выступить, претендуя быть допущенным к участию в этой церемонии. Его узнали и отстранили; поднялся шум, и многие кричали, что этот нахальный изменник недостоин видеть свет солнца. На это Констанций с необычной для него мягкостью сказал: «Перестаньте нападать на человека, который, как я думаю, виноват, но еще не изобличен со всей очевидностью, и помните, что если он действительно виноват, то под моими взорами его накажет укор собственной совести, от которой он не может укрыться». Тогда его оставили в покое. 3. На следующий день на играх в цирке тот самый человек стоял против императора, как обычно. Вдруг поднялся крик в момент начала ожидаемого состязания: сломалась решетка, на которую он опирался как и многие другие. Все упали на землю, ранены были лишь немногие, а он один нашел свою смерть. Оказавшийся как бы провидцем будущего, Констанций торжествовал.

4. Примерно в то же время Констанций женился на Фаустине, [496]так

496 **496.** Прим. ред.: Фаустина была третьей и последней женой Констанция. Уже после его смерти она родила дочь Констанцию (21, 15, 6), впоследствии ставшую женой имп. Грациана.

как незадолго до этого умерла его жена Евсевия. Братья этой последней, Евсевий и Гипатий, были консулярами. Среди своих {*221* } современниц Евсевия выделялась красотой и нравственными качествами и при своем высоком положении проявляла гуманность: я имел случай упомянуть, что ее справедливое покровительство спасло Юлиана от преследований и доставило ему звание Цезаря [497]

5. В те же дни состоялось назначение Флоренция, который бежал из Галлии, боясь разыгравшегося государственного переворота [498]Так как недавно умер Анатолий, префект претория в Иллирике, то на его место был назначен Флоренций, принявший инсигнии [499]высшей магистратуры (консульства) одновременно с Тавром, префектом претория в Италии.

6. Беспрепятственно шли между тем приготовления как к внешней, так и к внутренней войне: увеличивали количество конных легионов и вместе с тем укомплектовывали легионы привлекаемыми из провинций новобранцами; люди всех классов и всех профессий подвергались всяким поборам: все были обязаны доставлять одежду, оружие и орудия, а также золото и серебро, запасы различного провианта и транспортные средства всякого рода. 7. И так как со стороны персидского царя, который прекратил военные действия только из-за тягот зимнего времени, опасались с наступлением весны грозного нападения, то были отправлены к царям и сатрапам за Тигром послы с богатыми дарами, чтобы расположить их в нашу пользу и убедить их не замышлять против нас никакого коварства и вероломства. 8. А прежде всего старались купить великолепными одеждами и разнообразными дарами Арсака и Мерибона, царей Армении и Иверии [500]которые могли причинить вред римскому делу, если бы при тогдашних сомнительных обстоятельствах переметнулись на сторону персов. 9. Среди этих тревожных обстоятельств умер префект Гермоген и на его место был назначен Гельпидий родом из Пафлагонии. Это был человек весьма непримечательный и не речистый, но прямой по характеру, неспособный пролить чужую кровь и склонный к состраданию до такой степени, что когда однажды в его присутствии Констанций приказал подвергнуть пытке одного невиновного, он совершенно спокойно стал просить снять с него сан и поручить другим, более сильным, людям вести это дело согласно желанию государя.

7.

Трудное положение дел смущало Констанция, и он долго колебался, обратиться ли ему против Юлиана и направиться в далекие {*222* } страны, или сражаться с парфянами (персами), готовыми уже, как они грозились, перейти через Евфрат. Наконец, после многократных совещаний с командирами армии, он склонился к тому, чтобы, окончив ближайшую войну или, по крайней мере, ослабив ее грозу и не оставляя в

497 **497.** 15, 2, 8.

498 **498.** 20, 4, 8.

499 **499.** Прим. ред.: Знаки отличия.

500 **500.** Грузия.

тылу у себя никого, кто бы мог внушать страх, совершить поход через Иллирик и Италию и захватить, как он думал, Юлиана во время первых сборов, как затравленного на охоте зверя. Так он выражался иной раз о нем, желая успокоить своих людей. 2. Но, чтобы не пребывать в бездействии и не вызвать впечатления, будто он совершенно лишил своего внимания войну на одной стороне, он повсюду распространял ужас своего прибытия и, опасаясь, как бы в его отсутствие не подверглась нашествию Африка, провинция, обладание которой предоставляло большие удобства для государей при всяких случайностях, [501]он распустил слух о своем выступлении из восточных областей. На самом же деле он лишь послал в Африку морем Гауденция, того самого, о котором я раньше упоминал, что он был некоторое время приставлен в Галлии к Юлиану, чтобы следить за его поведением [502]3. Констанций имел два основания полагаться на ревностную исполнительность с его стороны: во-первых, то, что Гауденций боялся противной партии, как ее обидчик, и, во-вторых, то, что он, конечно, не упустит этого удобного случая угодить Констанцию, в окончательной победе которого он был убежден, как в ту пору решительно все вообще питали в том полную уверенность. 4. Когда Гауденций явился в Африку, то, в соответствии с поручением государя, письменно сообщил комиту Крециону и остальным командирам войск о положении дел, стал собирать отовсюду лучших солдат, перевел из обоих Мавританий [503]легкую кавалерию и учредил самую тщательную охрану побережья против Аквитании и Италии. 5. Эти предупредительные меры увенчались для Констанция желательным результатом: пока он оставался в живых, никто из противников не высадился в тех местах, хотя сицилийский берег от Лилибея до Пахина занимали значительные военные силы, готовые переправиться при первой возможности.

6. Когда Констанций устроил сообразно с обстоятельствами и своими желаниями эти менее важные дела, он получил устные и письменные донесения от начальников войск о том, что персидская армия сосредоточена в одном пункте и направляется уже под начальством своего надменного царя к берегам Тигра; неизвестно было лишь то, в каком именно месте она намерена осуществить вторжение. 7. Встревоженный этими известиями Констанций, чтобы {*223* } иметь возможность, находясь поблизости, отражать грозившие со стороны персов предприятия, с возможной поспешностью покинул зимние квартиры, стянул отовсюду конницу и лучшие силы пехоты, на которые мог полагаться, перешел через Евфрат близ Каперсаны[504]по наводному мосту и направился в богатую всякими запасами и хорошо укрепленную Эдессу [505]Там он выжидал некоторое время, пока лазутчики и

501 **501.** Прим. ред.: Особое значение Африки состояло прежде всего в том, что именно из этой провинции осуществлялись государственные поставки в Рим хлеба и масла.

502 **502.** См. 17, 9, 7.

503 **503.** Прим. ред.: Ситифенская и Цезарейская Мавритании – две римские провинции, завоеванные в ходе Пунических и Югуртинских войн; свое название они носили по главным городам.

504 **504.** 18, 8, 1.

505 **505.** Диарбекир.

перебежчики не дадут знать о движении во вражеском лагере.

8.

1. Между тем Юлиан, приняв меры, о которых я раньше рассказывал, и собираясь выступить из Рavраков, назначил префектом Саллюстия и послал его в Галлию. На место Небридия он поставил Германиана, Невитту сделал магистром оружия, так как боялся старого предателя Гумоария. Этот последний, как он слышал, будучи командиром скутариев, тайно устроил предательство своего государя Ветраниона[506]. Иовия, о котором было упомянуто в повествовании о Магненции [507]он сделал квестором. Мамертину поручил управление финансами, Дагалайфа сделал командиром доместиков, а многим, чьи заслуги были ему известны, и на кого он мог положиться, предоставил по своему усмотрению военные командования. 2. Собираясь двинуться через Марциевы леса [508]и пройти по дорогам, шедшим по берегам реки Истр, он пребывал в нерешительности при быстром ходе событий. Его пугала мысль, как бы немногочисленность шедших с ним сил не вызвала к нему презрения и не пришлось бы ему встретить сопротивление больших масс. 3. Чтобы предупредить это, он принял разумное решение разделить свои войска: одну часть под командой Иовина и Иовия он послал форсированным маршем в Италию по обычной дороге; другая, под командой магистра конницы Невитты, должна была двинуться через середину Рэции. Таким образом его войска, рассыпавшись по разным местам, должны были вызвать представление о несметном числе и повсюду распространить страх и ужас. И Александр Великий, и многие опытные вожди после него так, именно и поступали по требованию обстоятельств. 4. Тем не менее он отдал приказ командирам, когда они выступят в поход, идти с большой осторожностью, как если бы предстояла скорая встреча с {*224* } неприятелем, велел ставить ночные дозоры и патрули, чтобы не подвергнуться неожиданному нападению врага.

9.

1. Распорядившись обо всех этих делах надлежащим, как представлялось, образом, Юлиан смело двинул вперед свою армию, тем способом передвижения, который он не раз применял с полным успехом в походах через земли варваров. 2. Когда он дошел до места, где река стала судоходной, он посадил войска на лодки, которых, по счастливой случайности, оказалось много, и стал спускаться вниз по течению. Ему удалось остаться незамеченным, так как он мог обходить города и крепости: будучи очень нетребователен, он не нуждался в изысканной пище, вполне довольствуясь самой простой едой в умеренном количестве. В своем поведении он воплощал в жизнь прекрасное слово древнего царя

506 **506.** Прим. ред.: См. 15, 1, 2.

507 **507.** В недошедшей до нас части сочинения.

508 **508.** Шварцвальд.

Кира. Когда Кир зашел к одному человеку и тот спросил его, что приготовить для него на обед, царь просил дать ему только хлеба, так как он надеется пообедать у ручья. 3. Молва, которая, по слову поэта [509]тысячью своих языков удивительно преувеличивает события, разносила по всему Иллирику весть о том, что Юлиан после побед, одержанных над множеством царей и народов, наступает с огромной: армией в гордом сознании своих успехов. 4. Этот слух поверг в ужас Тавра, префекта претория, и он заблаговременно уехал, как будто приходилось бежать от нашествия внешнего врага. Меняя с возможной поспешностью лошадей на почтовых станциях, он переехал через Юлиевы Альпы и увез с собою также префекта Флоренция. 5. Военными силами в той местности командовал тогда комит Луциллиан, имевший свою ставку в Сирмии [510]Лишь только до него дошли первые слухи о движении Юлиана, он немедленно стянул войска, которые можно было наскоро собрать с их стоянок, и намеревался оказать сопротивление, когда тот появится. 6. Но Юлиан, спешивший к своей цели с быстротой факела или пылающего брандера, лишь только дошел до Бононии, находящейся в 19 милях от Сирмия, под покровом темной ночи, – луна была сильно на ущербе, – неожиданно вышел на берег и немедленно послал Дагалайфа с легким отрядом, чтобы тот вызвал к нему Луциллиана или привел его силой, если тот будет противиться. 7. Луциллиан в этот момент спал в постели. Будучи разбужен грозным шумом и увидев вокруг себя незнакомые лица, он понял, {*225* } в чем дело, и из страха перед именем императора поневоле повиновался приказанию. По чужому приказу он, незадолго перед тем гордый и суровый магистр конницы, был посажен на первого попавшегося коня и как самый простой пленник доставлен к государю, едва будучи в состоянии собрать свои мысли от страха. 8. Но когда он предстал перед Юлианом и заметил, что император предлагает ему поцеловать пурпур, то, овладев собой, смело сказал Юлиану: «Неосторожно, государь, и необдуманно вступил ты в чужую область с такими малыми силами». Горько улыбнувшись, Юлиан отвечал на это: «Эти мудрые речи ты сохрани для Констанция. Я протянул тебе отличие императорского величества не для того, чтобы просить у тебя совета, а чтобы положить конец твоему смущению».

10.

1. Когда Луциллиан был таким образом устранен, Юлиан, полагая, что не следует ничего затягивать и задерживать, и будучи по своему характеру смел и решителен, быстро двинулся к Сирмию, который, как он предполагал, готов был ему сдаться. Когда он приближался к обширным и широко раскинувшимся предместиям этого города, солдаты и люди всякого звания огромной толпой встретили его с факелами и гирляндами цветов и, с радостными криками называя его Августом и владыкой, проводили во дворец. 2. Обрадованный этим успехом и таким предзнаменованием, он стал еще больше надеяться на будущее, полагая, что по примеру многолюдной и славной метрополии его примут и в

509 **509.** Ovid. Metamorph. 12, 55.

510 **510.** Митровица на Сане.

прочих городах, как счастливую звезду. Он устроил на следующий день конное состязание к великой радости народа, а на рассвете следующего дня, не допуская излишней траты времени, двинулся вперед по государственной дороге, занял без малейшего сопротивления своим гарнизоном Сукки и поручил охрану этого прохода Невитте, как человеку испытанной верности. Своевременно будет описать здесь природу этого места [511]

3. Сближающиеся между собой высоты хребтов Гема [512]и Родопы, из которых первый начинается от берегов Истра, а другой – {*226* } от левого берега реки Аксия[513]сходятся крутыми склонами в теснину и отделяют Иллирик от Фракии. С этой стороны за ними лежит Средиземная Дакия [514]и город Сардика [515]а к югу Фракии и Филиппополь. Оба эти города большие и весьма важные. Сама природа как бы предназначила подчинение окрестных племен власти Рима, дав проходу как бы намеренно такой вид: прежде он был лишь узкой расщелиной и лишь позднее, с возрастанием римской власти и могущества, стал доступен для колесного движения; а когда по нему закрывали доступ, то удавалось отражать натиск великих полководцев и целых народов. 4. Обращенная к Иллирику сторона не имеет крутых подъемов, и восхождение здесь не представляет больших затруднений. Но со стороны Фракии горы обрываются в крутых стремнинах, и подъем здесь по обрывающимся тропинкам крайне затруднителен даже тогда, когда никто не препятствует движению. У подошвы этих горных масс с обеих сторон простираются широко раскинувшиеся равнины; верхняя из них тянется до Юлиевых Альп; нижняя до такой степени отлога, что не представляет никакого препятствия для заселения вплоть до самого Боспорского пролива [516]

5. Устроив все дела, как подобало при таких серьезных обстоятельствах, и оставив в Сукках магистра конницы (Невитту), император возвратился в Нэсс [517]богатый город, чтобы там беспрепятственно распорядиться всеми делами соответственно своим интересам. 6. Он вызвал туда историка Виктора[518], которого встретил в

511 **511.** Позднее проход этот назывался «Железные ворота», Σιδηρ у византийцев, Демир-Кану у турок. В настоящее время через него проходит железная дорога (Белград-Константинополь).

512 **512.** Балканские горы.

513 **513.** Река Вардар в Македонки.

514 **514.** Dacia mediterranea, область на правом берегу Дуная, выделенная из состава провинции Верхней Мезии, когда имп. Аврелиан отказался от исторической Дакии на левом берегу Дуная и переселил римское и романизованное население за Дунай.

515 **515.** София в Болгарии.

516 **516.** Босфор.

517 **517.** Имя этого города в других наших источниках обыкновенно звучит Naissus. Ныне – Ниш в Сербии.

518 **518.** Прим. ред.: Секст Аврелий Виктор, римский историк, автор «Книги о Цезарях», где излагалась краткая история императоров от Августа до Констанция.

Сирмии, назначил его консуляром Второй Паннонии и почтил бронзовой статуей этого человека, достойного зависти за свой разумный образ мыслей – много позднее он был префектом города Рима [519]7. Становясь все увереннее в себе и понимая, что никакой мир с Констанцием для него невозможен, Юлиан послал в сенат резкую обличительную речь против него, в которой поносил его и расписывал его недостатки. Когда Тертулл, бывший в ту пору префектом города, читал ее в курии, высшая знать выразила свое благородство верным и благожелательным отношением к императору: раздался общий единодушный возглас: «Просим уважения к тому, кто тебя возвысил». {*227*}

8. Тогда же Юлиан потревожил память Константина, обличая в нем любителя новшеств и разрушителя старых законов и древних обычаев. Он ставил ему в вину то, что тот впервые стал возвышать варваров до консульских фасцев и трабеи [520]Это было неразумно и легкомысленно, так как он сам вместо того, чтобы избегать того, на что так резко нападал, вскоре присоединил в консулате к Мамертину Невитту [521]Этот человек не мог равняться ни по роду, ни по опытности в делах, ни по славе с теми, кому Константин придавал консульское достоинство, и был, напротив, невоспитан и грубоват и – что еще возмутительнее – злоупотреблял своим высоким саном для совершения разных жестокостей.

11.

1. Пока Юлиан был занят такими мыслями и находился в тревожном ожидании исхода своего важного и серьезного предприятия, его поразило страшное и неожиданное известие, указывавшее на существование дерзких замыслов у некоторых лиц, которые угрожали задержать его в пылком стремлении вперед, если бы ему не удалось своей бдительностью ослабить их, прежде чем они окрепнут. Я расскажу об этом вкратце.

2. Юлиан направил в Галлию два легиона Констанция, которые он застал в Сирмии, вместе с когортой стрелков. Имея основания опасаться за их верность, он послал их под предлогом настоятельной необходимости. Люди двинулись в путь лениво, и в страхе перед огромным расстоянием и постоянными военными действиями против диких германцев, стали замышлять бунт; зачинщиком и подстрекателем был Нигрин, трибун турмы всадников, родом из Месопотамии. В секретных разговорах дело было подготовлено и окрепло в глубокой тайне; а когда отряд пришел в Аквилею, город значительный по своему положению и средствам, окруженный крепкими стенами, то внезапно заперты были с враждебными намерениями городские ворота. Мятежное настроение поддержала городская чернь, у которой Констанций пользовался в ту пору расположением. 3. Заняв подходы и оснастив оружием башни и бойницы, бунтовщики готовили все нужное для

519 **519.** 388–389 г.

520 **520.** Т. е. назначал консулами. Фасцы – пучки роз, которые носили перед консулом ликторы, как символ власти; трабея – парадное, затканное золотом и драгоценными камнями одеяние, отличие консульского сана.

521 **521.** Год 362.

предстоявшей борьбы, а пока предавались на свободе всякому распутству. Этим столь дерзким поступком они возбуждали население Италии встать на сторону Констанция, о смерти которого еще не было известно. {*228* }

12.

1. Известие об этом бунте Юлиан получил во время своего пребывания в Нэссе, когда в тылу не предвиделось никакой опасности. Ему приходилось и читать и слышать, что город Аквилея, хотя и подвергался несколько раз осаде, никогда однако не был ни взят силой, ни сдан. Поэтому, пока еще дело не разыгралось серьезнее, он всячески спешил склонить город на свою сторону хитростью и разными способами лести.

2. Он приказал Иовину, магистру конницы, который переходил через Альпы и вступил уже в Норик, вернуться назад и принять все меры к тому, чтобы устранить возгоревшуюся опасность. А чтобы не оказалось недостатка в силах, он приказал задерживать всех проходивших через Нэсс солдат, принадлежали ли они к императорской гвардии или армии, чтобы они по мере сил оказывали помощь.

3. Отдав такие распоряжения, он получил вскоре известие о смерти Констанция и, быстро проехав через Фракию, вступил в Константинополь. Зная на основании неоднократного опыта, что осада Аквилеи не столь опасна, сколь медленна, он поручил это дело Иммону с другими комитами отозвав оттуда Иовина, на которого он собирался возложить другие, более важные и настоятельные предприятия.

4. Аквилея была окружена двойным кольцом осаждающих. По единодушному решению вождей признано было уместным склонять защитников к сдаче то угрожающими заявлениями, то льстивыми словами. Много было разговоров с той и с другой стороны, но ожесточение страшно возрастало, и ни к чему не приводившие переговоры были прерваны. 5. И так как ничего уже не предвиделось, кроме боя, то обе стороны, подкрепив себя пищей и сном, на рассвете, ожесточившись на взаимную погибель, при трубных сигналах ринулись друг на друга с громкими криками, демонстрируя скорее необузданность, чем обдуманный образ действий, б. Осаждающие, двигая перед собой осадные щиты и густо сплетенные фашины, выступали медленно и осторожно с тем, чтобы попытаться подкопать множеством железных инструментов основания стен; многие несли лестницы соответствующей стенам вышины. Они уже были у самых стен, но тут одних смяли скатившиеся отвесно камни, других пронзили свистящие дротики. Дрогнули передние и в своем отступлении увлекли назад всех остальных, у которых пропал боевой задор перед опасностью такой же участи. 7. Эта первая стычка подняла боевой дух осажденных. Уверившись, что дальше дело пойдет еще лучше и не размышляя уже о дальнейшем, они укрепились в своем настроении: поставили орудия на удобных местах, тщательно несли караульную службу и принимали прочие меры для охраны. 8. Со своей стороны осаждающие, хотя испы-{*229* }тывали страх перед опасностями, стыдились, однако, показаться неумелыми и бездеятельными; а так как приступ давал мало шансов на успех, то они обратились к помощи осадных орудий. Нигде однако не оказывалось удобного места, чтобы придвинуть таран, соорудить машины или подойти

с подкопами, а недалеко от города протекала речка Натисон [522]и вот они задумали план, достойный удивления наряду с древними военными хитростями. 9. Поспешно соорудили они деревянные башни, поднимавшиеся выше зубцов стен, и поместили их на связанные вместе три лодки. Выстроившиеся на башнях вооруженные люди, дружно сплотившись, старались общими усилиями столкнуть со стены защитников, а ниже них стоявшие легковооруженные, выйдя из внутренних помещений башен и перекинув заранее заготовленные мостки, спешили вместе перейти на стену. Пока над ними стоящие перекидывались бы с защитниками метательным оружием и камнями, перешедшие по мосткам без всякой помехи могли бы разломать часть стены и открыть тем доступ внутрь города.... 10.... Эта хитрая выдумка не увенчалась успехом. Маллеолы, облитые смолою, обвязанные камышом, тростником и различным горючим материалом, осыпали башни при их приближении, и вскоре их охватил огонь. Стоявшие на верхней площадке люди пришли в замешательство, под их тяжестью башни потеряли равновесие и упали в реку, а некоторые из воинов погибли на верхнем ярусе от выстрелов из орудий. 11. Пешие солдаты после гибели товарищей на судах, лишившись их помощи, были раздавлены огромными камнями, спаслись из них лишь немногие, успевшие бежать из самой пасти смерти по трудной дороге. Сражение затянулось до вечера; наконец дан был отбой, и обе стороны, разойдясь, провели остаток дня в различном настроении. 12. Скорбные крики осаждавших, которые горевали о смерти своих товарищей, увеличивали надежды осажденных на победу, хотя и они оплакивали потерю нескольких своих. Ожесточение осаждавших, однако, не ослабло. Ночь целиком отведена была на восстановление сил пищей и сном, а на рассвете по сигналу труб завязалась вновь битва. 13. Одни подняв щиты над головой, чтобы вступить в бой, другие, неся как прежде, на плечах лестницы, стремительно шли вперед, подставляя грудь под выстрелы; третьи принялись ломать железные запоры ворот, но на них падали огненные стрелы, или они находили смерть под низвергаемыми камнями. Некоторые, исполнившись отваги, пытались перейти через ров; но их опрокидывал натиск неприятеля, выходившего незаметно через боковые ворота, и одни {*230* } падали в бою, а другие отступали израненные. Неприятель имел возможность отходить к крепостной стене, а сложенный впереди нас из дерна вал позволял, не подвергаясь опасности, организовывать засаду. 14. Осажденные, не имевшие кроме стен никакой поддержки со стороны, превосходили своих противников закалкой и боевым опытом. Лучшие люди из армии осаждавших, с трудом вынося задержку, составили отборный отряд, обходили все предместья и тщательно разыскивали место, где бы можно было открыть доступ в крепость штурмом или при помощи осадных орудий. 15. Но так как обнаружились неодолимые препятствия, то осада продолжалась уже с меньшим рвением. Оставлены были караулы и сторожевые посты, а солдаты опустошали соседние поля, запасались всем в изобилии, не обделяя при этом и своих однополчан. Чрезмерное пищевое довольствие и пьянство ослабляли их энергию.

16. Узнав об этом из донесения Иммона и его товарищей, Юлиан,

522 **522.** Натизоне.

который все еще находился на зимней стоянке в Константинополе, искал подходящий способ поправить дело и немедленно отправил в Аквилею магистра пехоты Агилона [523]имевшего в ту пору большую известность, чтобы появление столь почтенного человека и принесенное им известие о смерти Констанция положило конец осаде.

17. Осада между тем продолжалась, и осаждающие, видя бесплодность своих усилий, решили вынудить к сдаче столь яростно оборонявшийся гарнизон жаждой. Они отрезали водопроводы, но это только еще больше ожесточило сопротивление осажденных. Тогда они отвели с великим трудом реку. Не помогло и это: когда сократились способы снабжения водой, осажденные, которых загнало в заключение собственное неразумие, кое-как обходились водой из колодцев.

Так обстояло дело, когда явился по приказу Юлиана Агилон. Под густым прикрытием щитов он смело подъехал к стенам города. В обстоятельном и правдивом рассказе он сообщил осажденным о смерти Констанция и утверждении власти Юлиана; но те разразились в ответ бранью, принимая его слова за ложь. И никто не поверил его рассказу о событиях, пока он, оговорив свою безопасность, не поднялся на бойницу один и там, дав клятвенное заверение в правдивости своих слов, не повторил своего сообщения. 19. Тогда открылись ворота и после долгих бедствий все высыпали за стены и радостно приняли вождя-миротворца. Стараясь оправдаться в его глазах, они выдали Нигрина как зачинщика безумного начинания и нескольких других и требовали, чтобы их казнью искуплены {*231* } были измена государю и бедствия города. 20. Несколько дней спустя, после тщательного расследования, произведенного тогдашним префектом претория Мамертином, Нигрин, как главный виновник бунта, был сожжен живым. А после него были казнены члены городского совета Ромул и Сабостий, уличенные в том, что они, не заботясь об опасных последствиях, поддерживали бунт. Все же прочие, кого необходимость, а не собственная воля вела на бой, остались без наказания. Такое решение принял император, склонный к милосердию и снисхождению, справедливо взвесив все обстоятельства дела. 21. Но это случилось уже потом. Когда же Юлиан был еще в Нэссе, его угнетали тяжкие заботы, и он видел опасность с двух сторон. Во-первых, он боялся того, чтобы внезапное восстание солдат в Аквилее не повело к захвату проходов в Юлиевых Альпах и не лишило его провинций и тех средств, которые он оттуда ожидал со дня на день. 22. Во-вторых, его очень смущали военные силы Востока, так как до него дошло известие, что расквартированные во Фракии солдаты были поспешно созваны, чтобы действовать против его внезапного нападения, и что под командой комита Марциана они уже подходят к местностям, близким к Суккам. В соответствии с надвигавшейся грозой он проявлял живую деятельность и успешно стягивал закаленные в боевых трудах иллирийские войска, которые были готовы примкнуть в бранных состязаниях к воинственному вождю. 23. В это трудное время он, однако, не оставлял без внимания интересы частных лиц, выслушивал запутанные дела, особенно муниципальных властей. В отношении к последним он проявлял особенное благоволение и в обход закона предоставлял многим

523 **523.** См. 20, 2, 5.

из них государственные должности [524]24. В Нэсс прибыли на обратном пути с Востока видные сенаторы Симмах [525]и Максим, которые были отправлены римской знатью послами к Констанцию, и возвращались назад. Юлиан устроил им почетный прием и в обход первого из них назначил Максима префектом Вечного города на смену Тертуллу. Он хотел этим сделать приятное Руфину Волькацию, так как знал, что Максим был сыном сестры Руфина. В правление Максима продовольственное снабжение в Риме было в блестящем состоянии, и прекратились постоянно раздававшиеся жалобы народа. 25. Чтобы обезопасить себя в этом тревожном положении и поддержать доверие подданных, Юлиан назначил консулом Мамертина, префекта пре-{*232* }тория в Иллирике, а с ним вместе – Невитту, хотя сам же недавно поносил Константина, как первого виновника позорного возвышения варварской челяди.

13.

1. Пока Юлиан, живя между страхом и надеждой, расширял круг своих дел, Констанций, находившийся в Эдессе, получал противоречивые донесения от своих разведчиков, приходил в смущение и находился в колебании между двумя противоречивыми решениями: то располагал свои войска для правильной битвы с врагом, то собирался, если представится возможность, приступить к решительной осаде Безабды; и он был прав, так как нельзя было оставить открытой Месопотамию перед предстоящим походом в северные страны. 2. Различные обстоятельства не давали ему выйти из этой нерешительности и, в частности, то, что персидский царь медлил за Тигром, пока знамения не позволят выступить в поход. Если бы Констанций перешел через реку, то, не встретив никакого сопротивления, он бы мог без всяких затруднений дойти до Тигра. Но, щадя своих солдат для междоусобной войны, он боялся подвергать их опасностям осады городов, зная на опыте о крепости стен и храбрости защитников.

3. Однако, чтобы не оставаться в бездействии и не подвергнуться обвинению в трусости, он приказал магистрам пехоты и конницы Арбециону и Агилону поспешно выступить с большими силами не с тем, чтобы вызвать персов на битву, а чтобы связать местности западного берега Тигра цепью кордонов и следить за тем, в каком направлении намерен сделать вторжение царь. В устных и письменных приказах он неоднократно указывал им поскорее отступать, в случае если враги начнут переходить реку. 4. И пока вожди охраняли порученную им пограничную область и выведывали тайные замыслы этого коварнейшего народа (т. е. персов), он сам, оставаясь с главными силами армии, принимал неотложные меры на случай генерального сражения и охранял города. Лазутчики и являвшиеся время от времени перебежчики сообщали противоречивые известия. Они оставались в неведении

524 **524.** От IV века сохранился целый ряд императорских указов (Codex Theodosianus, XII 1), преграждавших муниципальной знати путь к чиновной карьере. Государственная власть преследовала при этом интересы фиска.

525 **525.** Отец знаменитого носителя того же самого имени, видного представителя языческого мира в конце IV века, бывшего префектом Рима при Грациане. См. 27, 3.

относительно будущего, потому что у персов, которые чтут особое божество молчания, никто не посвящается в планы военных предприятий, кроме надежных и умеющих молчать вельмож. 5. Вышеназванные вожди постоянно обращались к императору, прося его прийти к ним на помощь. Они заявляли, что выдержать натиск этого пламенного врага (т. е. царя Сапора) можно только при том условии, что все силы будут сосредоточены в одном пункте. 6. При таких тревожных обстоятельствах стали одно за другим приходить самые достоверные вести непреложно {*233* } удостоверявшие, что Юлиан, быстро пройдя Италию [526]и Иллирик, занял тем временем теснины Сукков и лишь ожидает созванные со всех сторон подкрепления, чтобы, собрав вокруг себя значительные силы, пройти через Фракию. 7. Весть об этом повергла Констанция в глубокую скорбь; утешение он находил лишь в сознании того, что ему всегда удавалось справляться с внутренними замешательствами. Хотя серьезность положения затрудняла вообще возможность принятия определенного плана действий, но он признал, однако, за лучшее отправлять войска мало-помалу вперед, посадив людей на повозки государственной почты для того, чтобы скорее встретить лицом к лицу угрожающее бедствие. 8. Это решение было всеми одобрено, и, согласно приказу, отряды налегке двигались вперед. Император был еще занят этими распоряжениями, когда на следующий день получено было известие, что царь со всеми бывшими при нем силами двинулся по указанию небесных знамений назад в свои земли. Таким образом, Констанций освободился от этой заботы; он отозвал и сам все войска, кроме обычного гарнизона Месопотамии, и вернулся в Гиераполь [527]

9. Не будучи уверен в исходе дела с Юлианом, Констанций, когда все войска были стянуты в один пункт, созвал все центурии, манипулы и когорты на собрание. При звуках труб все поле наполнилось солдатами, и Констанций, чтобы вызвать в них большую готовность исполнять его приказания, взойдя на высокий трибунал, окруженный большей, чем обычно свитой, держал такую речь с выражением спокойствия и уверенности на лице.

10. «В непрестанных заботах о том, чтобы каким-нибудь необдуманным поступком или словом не допустить чего-либо не соответствующего своей незапятнанной чести, и уподобляясь осторожному кормчему, который в зависимости от волн то поднимает руль, то его опускает, я вынужден теперь перед вами, возлюбленные мужи, сознаться в своих ошибках, или, скорее, если можно сказать правду, в добродушии, которое, как я думал, должно было послужить на благо общему делу. А чтобы стало понятнее, для чего созвано это собрание, выслушайте, прошу вас, беспристрастно и благожелательно.

11. В ту пору, когда старался вызвать всеобщую смуту в государстве Магненций, которого сокрушила ваша доблесть, я облек моего двоюродного брата Галла властью Цезаря и послал его на {*234* } охрану Востока. Когда же он отступил от справедливости и позволил себе действия, равно возмущавшие как свидетелей, так и тех, кто о них только

526 **526.** Италия в смысле диэцезы включала в себя области Рэции и Норика, т. е. часть нынешней южной Германии и Австрии. Поход Юлиана не коснулся местностей южнее Аквилеи, и то случайно.

527 **527.** Ныне Мембедж.

слышал, его постигла кара по закону. 12. О, если бы этим удовольствовалась ненависть, жестокая возбудительница смут! Меня бы мучало только одно воспоминание о пережитом и не вызывающем уже тревог бедствии. А теперь случилось нечто другое, смею сказать, горшее прежнего, и лишь помощь свыше сокрушит это зло через присущую вам храбрость. 13. Я поставил Юлиана на охрану Галлии в ту пору, когда вы отражали нападения чужих народов, угрожавшие со всех сторон Иллирику. И вот, возомнив о себе, как безумец после легких стычек, которые он выдержал с кое-как вооруженными германцами, он составил заговор на погибель государству, договорившись с несколькими пособниками, которые по своей дикости и из-за отчаянного своего положения готовы были на самую безумную дерзость. Он попрал справедливость, мать и кормилицу римского мира, и она, отмщая за нечестивые деяния, как видел я сам на опыте, и как заставляют в то верить повествования древних времен, в прах сотрет его гордыню. 14. Что же нам делать, как не идти навстречу налетевшему на нас шквалу, чтобы быстрыми средствами раздавить при самом зарождении ярость войны, прежде чем она разгорится сильнее? При помощи Бога вышнего, который от века карает неблагодарных, нечестиво поднятый меч, как я уверен, должен обратиться на гибель тем, кто, не будучи вынуждены обидой, а, напротив, возвеличены множеством благодеяний, дерзнули начать междоусобную войну на гибель невинным гражданам. 15. Предчувствие моего духа и обещание, которое дает справедливость, позволяют мне поручиться вам в том, что если мы сойдемся лицом к лицу, то их повергнет в оцепенение такой ужас, что они не вынесут ни грозного блеска ваших взоров, ни первого звука вашего бранного клика».

16. Эта речь пришлась всем по сердцу, и солдаты, гневно потрясая копьями, стали выражать ему чувства преданности и расположения и требовать, чтобы их тотчас вели против бунтовщика. Это проявление расположения обратило императора от страха к надежде. Распустив тотчас собрание, он приказал Арбециону, которого считал на основании прежних его дел наиболее пригодным для подавления междоусобной войны, идти вперед с ланцеариями и маттиариями [528]и отрядами легковооруженных, а Гумоарию выступить с летами. Этот последний должен был встретить наступавших при приближении их к теснине Сукков. Констанций {*235* } оказал предпочтение Гумоарию потому, что он был личным врагом Юлиана за пренебрежение, оказанное ему в Галлии [529]

14.

1. При таких охвативших Констанция бедствиях его Счастье приостанавливалось, застревало и указывало ясными, чуть ли не говорящими, знамениями на приближение конца его жизни. Так, его пугали ночные видения. Однажды, когда он не совсем еще погрузился в сон, ему привиделось, будто тень его отца поднесла ему прекрасного младенца; взяв его на руки, он посадил его к себе на колени, а тот выбил

528 **528.** Имена легионов.

529 **529.** См. гл. 8, 1.

у него из правой руки державу [530]и далеко отбросил ее. Это являлось знамением государственного переворота, хотя толкователи объясняли это видение в благоприятном смысле. 2. После этого он признался самым близким своим людям, что перестал видеть некий таинственный образ, который иногда являлся ему в неясных очертаниях, и это было понято так, что его гений-хранитель [531]оставил его, так как ему скоро предстоит покинуть этот мир. 3. Теологи утверждают, что всякому человеку при самом рождении независимо от ожидающей его судьбы дается такое божество как бы для того, чтобы направлять его поступки; являются же они в видимом образе лишь очень немногим, тем, кто выделились особенными добродетелями. 4. Об этом говорят оракулы и надежные свидетели, среди которых даже комик Менандр, у которого читаются такие два сенария: [532]

«При самом рождении приставляется к каждому человеку демон, мистагог его жизни».

5. Точно так же бессмертные поэмы Гомера дают понять, что не боги небесные беседовали с героями, помогали им в боях и поддерживали их: в общении с героями состояли их гении. Благодаря особенным их внушениям возвысились, как рассказывают, Пифагор, Сократ, Нума Помпилий, старший Сципион и, как некоторые полагают, Марий и Октавиан, тот, что первый получил титул Августа; точно так же Гермес Трисмегист, Аполлоний Тианский и Плотин[533], который в своих творениях решился истолковать эти мистические вопросы и глубоким анализом показал, на каких основаниях эти гении, связанные с душами смертных людей, как бы приняв их в свое лоно, охраняют их, насколько это возможно, и дают им высшие знания, если увидят, что они чисты и свободны от скверны, которая возникает от соединения с телом. {*236* }

15.

1. Ускоренными переездами Констанций прибыл в Антиохию, готовый с обычной для него в междоусобных войнах быстротой принять нужные меры. Сделав все приготовления, он ужасно спешил с выступлением, хотя большинство его окружающих этого не одобряло, ограничиваясь, впрочем, лишь ропотом. Никто не отваживался открыто отсоветовать или противиться. 2. Была уже глубокая осень, когда он выехал. В предместье,

530 **530.** Прим. ред.: Шар как символ императорской власти; представлен на позднеантичных статуях и монетах.

531 **531.** Прим. ред.: Ангел-хранитель, трактуемый Марцеллином в языческом духе.

532 **532.** Прим. ред.: Менандр – аттический комедиограф конца 4 – начала 3 в. до н. э. Сенарий – шестистопный стих, вариант греческого ямбического триметра.

533 **533.** Прим. ред.: Гермес Трисмегист (Трижды Величайший) – полумифическая личность, гипотетический автор многочисленных т. н. герметических сочинений, весьма популярных в эпоху поздней античности, легендарный создатель и покровитель астрологии и алхимии; часто отождествляется с египетским богом мудрости Тотом. {535} Аполлоний Тианский – полулегендарный философ-неопифагореец, маг и волшебник I в.; ему посвящена написанная в начале 3 в. книга Флавия Филострата «Жизнь Алоллония Тианского». Плотин (204–269) – великий греческий философ, создатель неоплатонизма. Аммиан чувствует к нему глубокое расположение.

называемом Гиппокефал и расположенном в 3 милях от Антиохии, он увидел на рассвете труп убитого человека без головы, лежавший справа от него и простертый к западу. Это предзнаменование очень его испугало, и хотя судьба явно готовила ему конец, он тем решительнее спешил вперед и прибыл в Тарс. Там он почувствовал легкую лихорадку и, полагая, что нездоровье могло бы пройти от движения в пути, поехал по трудным дорогам в Мобсукрены, последнюю на пути из этих мест станцию Киликии, расположенную у подножия Таврских гор. На следующий день он предполагал поехать дальше, но усилившаяся болезнь его задержала. Жар был так велик, что нельзя было дотронуться до его тела, пылавшего, как жаровня. Лекарства не действовали; чувствуя себя при последнем издыхании, он оплакивал свой конец и, будучи еще в полном сознании, назначил, как говорят, Юлиана преемником своей власти. 3. Затем он замолчал, начался предсмертный хрип, душа, готовая покинуть тело, долго боролась со смертью, и он умер 5 октября, на 38 году правления, прожив 44 года и несколько месяцев[534]

4. Затем был совершен со стенанием последний призыв его к жизни, и началось слезное оплакивание. Тогда первые сановники двора стали обсуждать, что им делать и что предпринять. Некоторые завели потихоньку речь об избрании императора, по наущению, как говорили, Евсевия, которого мучило сознание своей вины. Но так как Юлиан имел полную возможность сломить мятежные замыслы, то и отправили к нему Теолайфа и Алигильда, бывших тогда комитами, чтобы объявить ему о смерти родственника и просить, чтобы он, без всякого промедления, пришел и взял под свою руку готовый ему повиноваться Восток. 5. Ходил рассказ и передавался темный слух, будто Констанций выразил свою последнюю волю в завещании, в котором он назначил Юлиана, как я сказал, наследником и выделил фидеи-комиссы и легаты [535]тем, кого любил. 6. Жену свою он оставил {*237* } беременной; родившаяся после его смерти дочь была названа его именем, и впоследствии, когда достигла брачного возраста была выдана замуж за Грациана [536]

16.

1. Здесь будет уместно остановиться на достоинствах и недостатках Констанция, строго отдаляя одни от других; сначала я скажу о первых. Он умел сохранить во всем величие своего сана. Искание популярности претило его гордости. На дарование высших отличий он был очень скуп, а что касается увеличения окладов, то не допускал вообще никаких изменений за исключением очень немногих случаев, военным чинам не позволял величаться. Ни один дукс не получил при нем титула clarissimus. Они были, как я сам то помню, perfectissimi[537]. Правители

534 **534.** Счет годов правления ведется со времени назначения Цезарем. Самостоятельно правил Констанций 25 лет, с 337 года, когда умер его отец.

535 **535.** Прим. ред.: Два типа наказов наследникам, впоследствии объединенных Юстинианом в простое завещание.

536 **536.** Ср. 29, 6, 7.

537 **537.** Прим. ред.: Clarissimus («светлейший») – титул, присваивавшийся только сенаторам и членам их семей. Perfectissimus – «благородный господин».

провинций не являлись на прием к магистру конницы и не допускали с его стороны вмешательства в гражданские дела. Но все военные и гражданские чины, по старым понятиям иерархии, видели вершину всех чинов в префектах претория. 3. В деле содержания армии он был чрезвычайно заботлив, а в оценке заслуг иногда слишком осторожен; придворные должности распределял с такой тщательностью, будто мерил по ниточке, и в его правление никто не появлялся на видном посту при дворе внезапно, или не будучи достаточно известен; а кто после десятилетней службы был назначен магистром оффиций, начальником финансового ведомства или кем-нибудь подобным, того он знал уже насквозь. Как никогда редко случалось, чтобы кто-нибудь из военных переходил в гражданское управление, и наоборот, только закаленные в бранных трудах получали военные командования. 4. Ему очень хотелось слыть ученым; но так как его тяжелый ум не годился для риторики, то он обратился к стихотворству, не сочинив, однако, ничего достойного внимания. 5. Бережливый и трезвый образ жизни и умеренность в еде и питье сохраняли ему силы так хорошо, что он болел очень редко, но каждый раз с опасностью для жизни. Частое наблюдение на опыте и исследования врачей показали, что именно так бывает с организмами, берегущими себя от разврата и излишеств. 6. Он мог довольствоваться очень кратким сном, когда требовали того обстоятельства. В течение продолжительных промежутков времени он так строго хранил целомудрие, что о том, чтобы он находился в любовной связи с кем-либо из мужской прислуги, не могло даже {*238* } возникнуть никакого подозрения [538]хотя проступки этого рода злоречие сочиняет, даже когда в действительности их не находит, относительно высоких особ, которым все дозволено. 7. В езде верхом, метании дротика, особенно искусстве стрелять из лука, в упражнениях пешего строя он обладал большим искусством. А то, что никогда не видели, чтобы он обтирался платком, сморкался на людях, плевал, поворачивая лицо то в ту, то в другую сторону, ел когда-либо за всю свою жизнь яблоки, – об этом я не говорю, так как не раз уже имел возможность об этом упомянуть[539]

8. Вкратце перечислив хорошие качества, о которых я мог получить сведения, перейду к изложению его недостатков. Если в некоторых отношениях его можно сравнить с императорами средних достоинств, то в тех случаях, когда он находил совсем ложный или самый незначительный повод подозревать покушение на свой сан, он вел следствие без конца, смешивал правду и неправду и свирепостью превосходил, пожалуй, Калигулу, Домициана и Коммода[540]. Взяв себе за образец этих свирепых государей, он в начале своего правления совершенно истребил всех связанных с ним узами крови и родства. 9. Беды несчастных, против которых появлялись доносы об умалении или оскорблении величества,

538 **538.** Текст в этом месте испорчен, и поправку Гардтгаузена amaro ministro, вместо mare ministro, не считаем удачной.

539 **539.** Ср. 16, 10, 10–11.

540 **540.** Прим. ред.: Калигула был имл. в 37–41 гг., Домициан, сын Веспасиана, – в 81–96 гг., Коммод, сын Марка Аврелия, – в 181–192 гг. Их имена стали в римской литературе как бы синонимами бессмысленной жестокости и самодурства.

отягчали его жестокость и злые подозрения, которые в таких делах направлялись на все возможное. И если становилось известным что-нибудь подобное, он вместо спокойного отношения к делу, приступал с жаром к кровавому розыску, назначал свирепых следователей, старался растянуть саму смерть в случаях казни, если это позволяли физические силы осужденных, и вообще на таких процессах превосходил свирепостью даже Галлиена. 10. Против последнего не раз возникали бунты: Авреола, Постума, Ингенуя, Валента, по прозванию Фессалоника, и многих других, и все-таки он иной раз карал эти заслуживающие смерти злодеяния со снисходительностью[541]. Констанций даже сомнительные и мнимые преступления доводил чрезмерной тягостью пыток до того, что они казались совершенно доказанными. 11. Хотя он чрезвычайно заботился о том, чтобы его считали справедливым и милостивым, но в делах этого рода не знал справедливости. И как искры, летящие из сухого леса при легком дуновении ветра беспрепятственно стремясь вперед, несут гибель селениям, так и он мельчайшие поводы превращал в громады бедствий, действуя совершенно противоположно досточтимому императору Марку (Аврелию). Когда Кассий [542]посягнул в Сирии на {*239* } императорский сан, Марку была доставлена захваченная связка писем, адресованных Кассием заговорщикам, так как взят был в плен тот, кто должен был их доставить. Марк, не распечатывая, приказал тут же ее сжечь, находясь еще в Иллирике, чтобы не узнать своих противников и против воли не возненавидеть их [543]12. Некоторые разумные люди высказывали мнение, что Констанций мог бы проявить большее величие духа, если бы без пролития крови отступился от власти, которую отстаивал с такой жестокостью. 13. Так и Туллий (Цицерон) говорит в одном письме к Непоту[544], упрекая Цезаря в жестокости: «Благополучие есть не что иное, как удача в благородных деяниях, или, давая иное определение: счастье есть судьба, помогающая добрым советом; а кто им не следует, тот никоим образом не может быть счастлив. Поэтому в нечестивых и гибельных планах, которых держался Цезарь, не могло быть никакого счастья. Счастливее, по-моему, изгнанник Камилл[545], чем его современник Манлий[546], даже если бы, как он того жаждал, ему удалось сделаться царем». 14. Ту же самую мысль высказывает и Гераклит

541 **541.** Прим. ред.: Имеется в виду т. н. «эпоха 30 тиранов», когда в правление Галлиена в 253–268 гг. империя практически распалась на множество самостоятельных государств. См. SHA, биографии Галлиена и 30 тиранов.

542 **542.** Прим. ред.: Имеется в виду узурпация императорской власти Авидием Кассием в 160-е гг.

543 **543.** Cassius Dio, LXX 26; 28.

544 **544.** Прим. ред.: Корнелий Непот, историк I в. до н. э., автор жизнеописаний знаменитых полководцев, друг Цицерона. Цитируемое письмо нам неизвестно.

545 **545.** Прим. ред.: Марк Фурий Камилл, римский полководец 4 в. до н. э. См. его жизнеописание у Плутарха.

546 **546.** Прим. ред.: Марк Манлий Капитолин, защитник Капитолия во времена захвата Рима галлами (ок. 390 г. до н. э.). В 384 г. до н. э. был обвинен в стремлении к царской власти и казнен.

Эфесский [547]в своем замечании, что иногда достойнейших людей побеждали по капризу судьбы негодяи и трусы; а что самое высокое проявление доблести следует видеть в том, когда могущественная власть возьмет как бы под ярмо страсти, увлекающие на проявления ненависти, гнева к ярости, и воздвигнет славный трофей в твердыне победителя духа.

15. Насколько во внешних войнах этот государь терпел урон и потери, настолько он возносился удачами в междоусобицах и был весь забрызган гноем, истекавшим из внутренних нарывов государства. За этот достойный скорее сожаления необычный успех он воздвиг себе на развалинах провинций с большими расходами триумфальные арки в Галлии и Паннонии, расположив на них записи с перечислением своих подвигов для поучения читающих, пока будут стоять эти памятники. 16. В отношении своих жен, евнухов с их льстивыми речами и некоторых придворных он оказывался весьма податливым, когда те аплодировали каждому его слову и ловили, когда он скажет «да» или «нет», чтобы поскорее с ним согласиться.

17. Тяжесть его правления усиливалась ненасытною жадностью сборщиков податей, которые доставляли ему больше ненависти, чем денег. И это было в глазах многих тем невыносимее, что он сам никогда не разбирал тяжб и не принимал мер для облегчения положения провинциального населения, когда его угнетало увеличение податей и повинностей. Кроме того он нередко отнимал дарованное им же самим. 18. Христианскую религию, которую {*240* } отличает цельность и простота, он сочетал с бабьим суеверием. Погружаясь в толкования вместо простого принятия ее, он возбудил множество споров, а при дальнейшем расширении этих последних поддерживал их словопрениями. Целые ватаги епископов разъезжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на так называемые синоды, стремясь наладить весь культ по своим решениям[548]. Государственной почте он причинил этим страшный ущерб.

19. Сложение его и внешний вид были таковы: темно-русый, с блестящими глазами, острым взглядом, с мягкими волосами, с гладко выбритыми и изящно блестевшими щеками; туловище от шеи и до бедер было длинновато, ноги очень коротки и искривлены; поэтому он хорошо прыгал и бегал [549]

20. Набальзамированный труп почившего был положен в гроб, и Иовиан, в ту пору протектор-доместик, получил приказ сопровождать останки с императорскими почестями до самого Константинополя, чтобы его похоронить возле его родственников. 21. Когда он восседал на колеснице, везшей останки императора, как делается это государям, ему предоставляли образцы хлебного довольствия солдат или, как это называют, пробы, выставляли на смотр лошадей государственной почты, и народ по обычаю встречал его толпами. Все это и тому подобное

547 **547.** Прим. ред.: Гераклит Эфесский «Темный», великий греческий философ 6 в. до н. э., которому принадлежит изречение «все течет».

548 **548.** Прим. ред.: Констанций был арианином, и во время его правления разворачивалась серьезнейшая борьба между православием, исповедовавшим Символ веры, принятый на Никейском соборе в 325 г., и арианством.

549 **549.** Вероятно, это вставка позднейшего читателя, прибавленная не без иронии.

предрекало Иовиану императорский сан, но, так как он являлся лишь исполнителем погребальных церемоний, то лишь пустую видимость и тень этого сана. {*241* }

КНИГА XXII

(годы 361–362)

1. Август Юлиан из страха перед Августом Констанцием делает остановку в Дакии и тайно совещается с гаруспиками и авгурами.

2. Узнав о смерти Констанция, Юлиан проходит через Фракию, вступает в Константинополь и без битвы овладевает всей Римской империей.

3. Осуждение некоторых приверженцев Констанция, одних по заслугам, других – вопреки справедливости.

4. Август Юлиан прогоняет из дворца всех евнухов, брадобреев и поваров. О пороках придворных евнухов и падении военной дисциплины.

5. Август Юлиан открыто и свободно исповедует почитание богов, которое раньше скрывал, и возбуждает раздоры между христианскими епископами.

6. При помощи какой хитрости он заставил удалиться домой множество сутяжников из Египта, которые ему наскучили.

7. Юлиан часто отправляет правосудие в курии в Константинополе. К нему являются различные посольства чужеземцев.

8. Описание провинций Фракии, а также областей и народов, живущих около Понта.

9. Август Юлиан укрепляет Константинополь сооружениями и направляется в Антиохию; по пути он отпускает деньги никомедийцам на восстановление города из развалин, в Анкире находит время для участия в судебных процессах.

10. Во время зимовки в Антиохии Юлиан издает законы и никого не притесняет из-за религии.

11. Язычники волокут по улицам епископа александрийского Георгия вместе с двумя другими лицами, разрывают его на куски и сжигают безнаказанно его останки. {*242* }

12. Юлиан готовит поход в Персию и, с целью заранее знать исход, обращается к оракулам, приносит несчетное число жертв, всецело отдавшись гаруспицине и авгуриям.

13. Пожар храма Дафнейского Аполлона Август Юлиан неправильно вменяет в вину христианам и приказывает закрыть главную церковь в Антиохии.

14. Август Юлиан совершает поклонение и приносит жертву Юпитеру на горе Касии. Почему он рассердился на антиохийцев и написал «Мисопогон».

15. Описание Египта; о Ниле, крокодиле, ибисе и пирамидах.

16. О пяти провинциях Египта и о знаменитых городах, в них расположенных. {*243* }

1.

1. Пока изменчивая судьба разворачивала такую цепь событий в разных частях земли, Юлиан среди множества разнообразных дел в Иллирике ревностно предавался исследованию внутренностей жертвенных животных и наблюдал полет птиц, стараясь узнать наперед исход событий; но ответы были сомнительны и неясны, и, он пребывал в неизвестности относительно будущего. 2. Наконец, один галльский оратор Апрункулий, назначенный впоследствии правителем Нарбоннской Галлии, человек опытный в гаруспицине, открыл ему грядущее, узнав его из рассмотрения, как он сам говорил, печени, которая оказалась покрытой двойной пленкой. Так как Юлиан опасался, что измышляют знамения применительно к его страстному желанию, то и находился в мрачном расположении духа, пока сам не увидел гораздо более радостного предзнаменования, в котором совершенно ясно была предсказана смерть Констанция. В тот самый момент, когда Констанций умер в Киликии, солдат, который подсаживал Юлиана правой рукой на коня, споткнулся и растянулся на земле. Тут Юлиан в присутствии многих громко воскликнул, что упал тот, кто вознес его на высоту. И хотя он считал это радостным знамением, тем не менее, твердо придерживаясь принятого им плана действий, оставался в пределах Дакии и чувствовал себя очень тревожно, считая рискованным доверяться предположениям, которые, быть может, получат совсем противоположное истолкование в своем осуществлении.

2.

1. Так он жил между страхом и надеждой, как вдруг явились отправленные к нему послами Теолайф и Алигильд. Они объявили ему о смерти Констанция, добавив, что император в последнем предсмертном слове назначил его преемником своей власти. 2. Эта весть чрезвычайно ободрила его, освободив от мучительных тревог и грозных боевых опасностей. Уверовав теперь в предзнаменования {*244* } и испытав на опыте, какую пользу сослужила ему несколько раз в его делах быстрота, он отдал приказ идти во Фракию. Спешно двинув вперед войска, он прошел ущелье Сукков и со всей своей армией направился в Филиппополь, древнюю Эвмольпиаду. [550]3. Бодро и весело следовали за ним солдаты, так как увидели, что к Юлиану сверх ожиданий перешла по праву верховная власть, добывать которую они шли с риском подвергнуться величайшим опасностям. И как молва обычно раздувает неожиданные события, он спешил вперед в приподнятом настроении духа словно на колеснице Триптолема, [551]которую древние сказания снабдили из-за быстроты ее передвижения крылатыми драконами, летающими по воздуху. Грозный на суше и на море, не встречая задержки ни в каких

550 **550.** Прим. ред.: Город Филиппополь был основан в 342 г. до н. э. македонским царем Филиппом II во Фракии с целью контроля над только что завоеванной территорией. Аммиан называет его Эвмольпиадой в память о легендарном фракийском царе Эвмольпе, по преданию положившем начало элевсинским мистериям; от него происходил знатный афинский род Эвмольпиадов.

551 **551.** Прим. ред.: Греческий бог (или герой) Триптолем считался покровителем земледелия и изображался со связкой колосьев на запряженной змеями колеснице.

стенах, он вошел в Гераклею-Перинф [552]4. О его прибытии тотчас узнали в Константинополе; стар и млад, мужчины и женщины высыпали ему навстречу, словно ожидая увидать человека, сошедшего с неба. 11 декабря почтительно приветствовал его сенат при единодушном ликовании народной толпы, и, окруженный толпой солдат и граждан, он шел как бы в боевом строю. Все взоры были устремлены на него не только с живым любопытством, но и с величайшим восхищением. 5. Казалось каким-то сном, что этот совсем еще молодой, небольшого роста человек, прославленный великими делами, после кровавого истребления царей и племен, переходил с чрезвычайной быстротой из города в город, получая на каждом шагу новые средства и силы, – без затруднений захватывал все с быстротой пламени [553]и достиг наконец предоставленного ему волей небес принципата безо всяких потерь со стороны государства.

3.

1. Вскоре после этого он назначил Секунда Саллюстия префектом претория и поручил ему как верному человеку производство следствия, составив комиссию из Мамертина, Арбециона, Агилона и Невитты, а кроме того Иовина, который недавно был назначен магистром конницы в Иллирике. 2. Все они переправились в Халкедон и там при содействии командиров и трибунов иовинианов и геркулианов [554]вели следствие с большой строгостью в ущерб справедливости; исключить можно лишь некоторые случаи, так как было немного дел, в которых сама правда выдавала очень скомпрометированных подсудимых. 3. Прежде всего они пригово-{*245* }рили к изгнанию в Британию Палладия, бывшего магистра оффиций, который только по подозрению обвинялся в том, что в бытность свою магистром оффиций при Цезаре Галле настраивал против него Констанция. 4. Затем приговорили к изгнанию в Верцелл бывшего префекта претория Тавра [555]проступок которого перед лицом судей, отличавших правду от неправды, мог показаться вполне простительным. Чем он прегрешил, если в страхе перед начинавшимся движением бежал под защиту своего государя? Ужас вызвало чтение протокола его процесса, который начинался с таких слов: «В консульство Тавра и Флоренция, Тавр был приведен глашатаями на суд»... 5. Такое же бедствие грозило Пентадию[556]Ему вменяли в вину то, что он, в качестве уполномоченного Констанция, составил точную запись ответов Галла, которые тот, будучи на краю гибели, давал во время допроса. Но так как Пентадий умело защищался, то в конце концов вышел из процесса без наказания. 6. Столь же несправедливо сослан был на далматинский остров Боа [557]Флоренций, сын Нигриниана, бывший в ту пору магистром

552 **552.** Ныне Эски-Эрекли на Мраморном море.

553 **553.** Предпочитаем чтение flammae instar.

554 **554.** Легионы, сформированные Диоклетианом и Максимианом.

555 **555.** 21, 6, 5; 9, 4.

556 **556.** 20, 8, 19.

557 **557.** н. Буа.

оффиций. А другой Флоренций, в прошлом префект претория и в тот год консул, который в страхе перед внезапно наступившим переворотом спасся от опасностей вместе с женой, долго скрывался и не мог вернуться до смерти Юлиана, был заочно приговорен к смертной казни. 7. Точно также Евагрий, комит императорской казны, Сатурнин, бывший заведующий дворцом, и бывший нотарий Пирин были отправлены в изгнание. Казнь Урсула, комита государственного казначейства, оплакивала, думаю я, сама Справедливость, обличая императора в неблагодарности. Когда Юлиан был послан в западные области в звании Цезаря, причем его желали всячески ущемить и не предоставили никакой возможности делать подачки солдатам, и тем самым солдаты могли скорее пойти на всякий бунт, тот самый Урсул дал письменный приказ начальнику галльской казны выдавать без малейших колебаний суммы, каких бы ни потребовал Цезарь. 8. Юлиан почувствовал, что эта казнь выставила его на поношение и проклятия многих. Он думал, однако, что это неизгладимое преступление может быть не приписано ему из-за его заявления, что убийство произошло без его ведома и что Урсула погубило раздражение против него военных людей, запомнивших приведенные мною выше слова, вырвавшиеся у него при виде развалин Амиды [558]9. Он проявил в этом случае свою растерянность и непонимание того, {*246* } что подобало его положению, поскольку поставил во главе этой следственной комиссии Арбециона, человека всегда ненадежного и страшно тщеславного, прочие члены комиссии и командиры легионов состояли в ней только для вида; а Юлиан знал что именно Арбецион, как храбрый участник побед Констанция в междоусобных войнах, был избран для действий против него. 10. Если сообщенные мною факты вызвали осуждение даже среди сторонников Юлиана, то дальнейшие случаи применения строгости были вполне заслужены. Так, бывший имперский агент Аподемий, который, как было в соответствующем месте это указано, усердно старался, чтобы погубить Сильвана и Галла [559]и нотарий Павел, по прозвищу Катена , имя которого многие называли с глубокими вздохами, были сожжены живыми, судьба, какой и следовало ожидать. 11. Кроме этих лиц был приговорен к смертной казни Евсевий, который состоял начальником опочивальни Констанция. То был гордый и жестокий человек. Из самого низкого положения он был вознесен до такого, на котором мог, так сказать, приказывать императору, и был тем невыносимее. Адрастия [560]взирающая на человеческие деяния, дергая, как говорится, за ухо, внушала ему вести себя скромнее; а так как он не послушался, то она низвергла его как бы с высокого утеса в пропасть.

4.

1. После этого император занялся придворным штатом во всем его наличном и возможном составе, но поступил не совсем как философ,

558 **558.** 20, 11, 5.

559 **559.** 15, 1, 2; 4, 8.

560 **560.** Ср. 14, 11, 25–26.

назвавший своим призванием исследование истины. 2. Он заслуживал бы похвалы, если бы оставил только людей разумных испытанной честности, хотя бы немногих. Нельзя не признать, что большая часть придворного штата являлась питомником всяких пороков, так что они заражали государство дурными страстями и раздражали многих более даже примером, чем безнаказанностью преступлений. 3. Одни из них промышляли грабежом языческих храмов и, вынюхивая каждый случай, где можно было воспользоваться чем-нибудь, поднялись из крайней бедности до колоссальных богатств. Усвоив привычку захватывать чужое, они не знали никакой меры в дарениях, грабеже и расточении. 4. Здесь зародилась распущенная жизнь, клятвопреступления, равнодушие к общественному мнению и то, что бессмысленная спесь осквернила позорным {*247* } корыстолюбием свой кредит. 5. Отсюда произросло дикое обжорство пиров, и вместо победных триумфов появились столовые торжества, широкое использование шелка, расширение ткацкого ремесла, особая забота о кухне; под роскошные дома занимались все более широкие пространства, так что если бы консул Квинкций (Цинцинат) [561]оказался обладающим таким количеством пахотной земли, то утратил бы и после своей диктатуры славу бедняка.

6. К этим мерзостям присоединились нарушения воинской дисциплины. Вместо бранного клича солдат распевал развратные песенки; не камень, как прежде, был постелью для воина, но пуховики и складные кровати; солдаты разыскивали кубки более тяжелые, чем их мечи, – уже стыдно было пить из глиняной посуды; жить желали только в мраморных дворцах. А в древней истории написано, что спартанский воин был строго наказан за то, что во время похода его видели под крышей.

7. Солдаты тогда позволяли себе наглость и грабежи в отношении своих сограждан, а перед неприятелем проявляли трусость и бессилие; в полной праздности они обогащались путем разных происков и умели самым точным образом распознавать качества золота и драгоценных камней в полную противоположность недавнему прошлому. 8. Известно, что при Цезаре Максимиане, когда однажды был разграблен укрепленный лагерь персидского царя, один простой солдат нашел парфянский мешок с жемчугом; выбросив по своему неведению жемчуг, он пошел прочь, довольный блестящей кожей мешка.

9. Случалось в те дни, что Юлиан приказал позвать брадобрея постричь ему волосы. К нему вошел какой-то парадно одетый господин. Увидев его, Юлиан изумился и сказал: «Я приказал позвать не придворного кассира, а брадобрея». На вопрос императора о том, какое вознаграждение он получает за свое ремесло, последовал ответ: по двадцати рационов хлеба ежедневно, столько же рационов фуража для лошадей, так называемый capita, большой годичный оклад, а кроме того много богатых подачек. 10. Обратив на это внимание, Юлиан отправил в отставку всех таких людей, а также поваров и других подобных, обычно получавших такое же вознаграждение, как людей, мало ему нужных, и разрешил им идти, куда хотят [562]

561 **561.** Прим. ред.: Луций Квинкций Цинцинат, консул 460 г. до н. э., диктатор 458 г. до н. э. по случаю войны с эквами, по преданию, жил в деревне в глубокой бедности.

562 **562.** По свидетельству Либания, брадобреев было 1000, равно как и столько же поваров.

5.

1. Хотя Юлиан с раннего детства был склонен к почитанию богов и, по мере того, как он мужал, в нем становилась все сильнее {*248* } эта потребность, из-за разных опасений он отправлял относящиеся к богопочитанию культы по возможности в глубочайшей тайне. [563]2. Когда же исчезли всякие препятствия, и он видел, что настало время, когда он может свободно осуществлять свои желания, он раскрыл тайну своего сердца и издал ясные и определенные указы, разрешавшие открыть храмы, приносить жертвы и восстановить культы богов. 3. Чтобы придать бóльшую силу своим распоряжениям, он созвал во дворец пребывавших в раздоре между собой христианских епископов вместе с народом, раздираемым ересями, и дружественно увещевал их, чтобы они предали забвению свои распри и каждый, беспрепятственно и не навлекая тем на себя опасности, отправлял свою религию. 4. Он выставлял этот пункт с тем большей настойчивостью в расчете, что когда свобода увеличит раздоры и несогласия, можно будет не опасаться единодушного настроения черни. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях. Часто он говорил: «Слушайте меня, кого слушали аламанны и франки», думая что он подражает изречению императора Марка (Аврелия). Но он не замечал, что положение было совсем иным. 5. Рассказывают, что когда Марк Аврелий на пути в Египет проезжал через Палестину, то, испытывая отвращение к вонючим и нередко производившим смуты иудеям, скорбно воскликнул: «О маркоманны, о квады, о сарматы! Наконец я нашел людей хуже вас».

6.

1. Примерно в то же время прибыло ко двору под влиянием разных слухов много египтян. Любители каверз, которым доставляет величайшее удовольствие запутывать тяжбы, египтяне имеют особенное пристрастие требовать многократного возмещения, если они что-нибудь заплатили сборщику податей, стараясь при этом добиться уменьшения своего долга или удобной отсрочки для уплаты того, что с них взыскивается, или же испугать богатых людей тем, что они привлекут их к ответственности за взяточничество. 2. Все они, сбившись в кучу и перебивая друг друга, делали заявления префектам претория и самому императору и каркали, как вороны, высчитывая чуть ли не за 70 лет назад суммы платежей, которые были взысканы с них многими лицами по закону или в его нарушение. 3. Так как они не давали ничем заниматься, то Юлиан в специальном указе повелел им всем переехать в Халкедон [564]и обещал вскоре туда явиться, чтобы разобрать окончательно все их {*249* } дела. 4. Когда они переправились на тот берег пролива, отдано было приказание начальникам судов, ходивших от одного берега к другому, не сметь

563 **563.** Прим. ред.: Греческий бог (или герой) Триптолем считался покровителем земледелия и изображался со связкой колосьев на запряженной змеями колеснице.

564 **564.** Кадыкиой на азиатском берегу Босфора.

перевозить египтян. Строгое соблюдение этого запрета освободило Константинополь от сутяжничества египтян, и, обманувшись в своей надежде, все они вернулись домой. 5. Этот случай привел к изданию закона, продиктованного самой справедливостью, по которому запрещалось привлекать к ответственности суффрагатора за то, что он получил по праву [565]

7.

1. Когда подошел день январских календ и имена Мамертина и Невитты были внесены в списки консулов, император снизошел до того, что при консульском выходе шел пешком вместе с почетными чинами. Одни хвалили этот поступок, другие порицали как унизительную аффектацию.

2. Затем, когда во время цирковых игр, которые давал Мамертин, проксим приемов [566]ввел, согласно обычаю, рабов, подлежавших освобождению, Юлиан сам произнес обычную формулу предоставления свободы. Когда же ему заметили, что в этот день юрисдикция принадлежит другому лицу, он сам наложил на себя за эту оплошность штраф в десять фунтов золота.

3. Посещая лично сенат, он поднимал там много вопросов, вызывавших разные реформы. Однажды, когда он разбирал в сенате дела, ему сообщили, что прибыл из Азии философ Максим. [567]Он выскочил, нарушая приличия, и забылся до такой степени, что быстро побежал далеко от крыльца ему навстречу, поцеловал, почтительно приветствовал его и провел сам в собрание. Этим он выказал неуместную погоню за популярностью, позабыв прекрасное изречение Туллия (Цицерона), в котором тот порицает таких людей: 4. «Философы даже на тех книгах, которые они пишут о презрении к славе, сами подписывают свое имя и таким образом {*250* } выражают желание, чтобы их называли по имени и хвалили там, где они выражают презрение к похвале и прославлению» [568]

5. Вскоре после того два имперских агента из числа тех, которые были отправлены в отставку, дерзко явившись к нему, обещали указать, куда скрылся Флоренций[569]если им будет возвращено их служебное

565 **565.** Текст указа сохранился в Феодосиевом Кодексе, II, 29. Нельзя не прибавить, что из сообщения Аммиана совершенно не видно, какую связь мог иметь указ с описанным выше сутяжничеством египтян. Император воспрещает возбуждать иски о возврате сумм, выданных частными лицами как suffragium. Под этим словом понимали плату, которую давали за ходатайство о назначении на ту или иную должность. При системе оплаты должностей при вступлении в них, suffragia были обычным явлением. Перемена особы императора, и притом путем революции, делала тщетными все suffragia, полученные отдельными лицами. Указом Юлиана было воспрещено возбуждать иски о возвращении suffragia под угрозой не только потерять уплаченное, но еще подвергнуться штрафу в таком же размере в пользу казны.

566 **566.** Придворный чин вроде церемониймейстера.

567 **567.** Прим. ред.: Философ-неоплатоник, учитель Юлиана.

568 **568.** Cic. pro. Arch. 11, 26.

569 **569.** См. гл. 3, 6.

положение. Но он резко отверг их и назвал доносчиками, добавив, что недостойно императора путем бесчестных доносов разыскивать человека, который скрылся из страха смерти и которому из-за возможного прощения, быть может, недолго придется скрываться. 6. Свидетелем всех этих его поступков был сенатор Претекстат, сочетавший благородный образ мыслей с древнеримской важностью [570]Он случайно оказался по личным делам в Константинополе, и Юлиан по собственному убеждению назначил его правителем Ахайи с проконсульской властью.

7. Занимаясь с полным вниманием упорядочением дел гражданского ведомства, Юлиан не упускал из виду и дел военных. На посты командиров он назначал только проверенных людей; во всех городах Фракии и пограничных крепостях исправлял укрепления и заботился всячески о том, чтобы расположенные по берегу Истра для отражения набегов варваров войска, которые, как он услышал, несли свою службу бдительно и храбро, не имели недостатка в оружии, одежде, провианте и не страдали от задержки уплаты им жалования. 8. Так разделял он свои заботы и не позволял ничего запускать. Когда близкие к нему люди советовали напасть на соседних готов, часто проявлявших коварство и вероломство, он отвечал, что ищет лучшего врага: довольно для них и галатских купцов, [571]которые повсеместно продают их в рабство, не разбирая их сословных различий.

9. Таково было его управление государством и среди чужих племен пошла о нем молва, как о государе, выделяющемся своей храбростью, умеренностью, знанием военного дела и всякими достоинствами; распространяясь мало-помалу, она наполнила весь мир. 10. Страх перед его приходом широко распространился среди соседних и далеко живущих народов, и отовсюду скорее обычного съезжались посольства. Народы, жившие за Тигром, и армяне молили его о мире, индийские племена до дивов и серендивов друг перед другом поспешно слали к нему своих старейшин с дарами, на юге мавры сами предлагали себя на службу римскому государству, с севера и пустынных пространств, по которым впадает в море Фазид [572]ехали {*251* } посольства боспорцев [573]и других неведомых ранее народов с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли.

8.

1. Полагаю, здесь будет уместно, раз уж мне пришлось в моем повествовании о великом государе упомянуть об этих странах, изложить ясно и достоверно некоторые сведения о землях между крайними

570 **570.** 27, 9, 8; 28, 1. 24.

571 **571.** Прим. ред.: Из Галатии в Малой Азии.

572 **572.** Ныне Рион.

573 **573.** Боспор, древний Пантикапей (ныне Керчь), был центром царства, состоявшего в вассальных отношениях к империи. Лет за сорок до Юлиана там прекратилась царская династия и прервались, по-видимому, связи и сношения с империей.

границами Фракии и положении Понта, [574]поскольку я знаком с теми краями по личному наблюдению и по книгам.

2. Известная высокая гора в Македонии Афон, через которую некогда прошел мидийский (персидский) флот [575]и Кафарей, утес на Эвбее, где Навплий, отец Паламеда, [576]вызвал крушение аргивского флота, хотя и лежат на большом расстоянии один против другого, отделяют, однако, Эгейское море от Фессалийского. Первое, постепенно расширяясь, с правой стороны на большом просторе усеяно островами Спорадскими и Кикладскими, названными так потому, что они лежат вокруг Делоса, прославленного рождением богов, [577]с левой стороны оно омывает Имброс, Тенедос, Лемнос, Фасос и при сильном ветре мощно поражает своими волнами Лесбос (Митилена). 3. Отраженными волнами оно обходит храм Аполлона Сминфийского, [578]Троаду и славный гибелью героев Илион, и образует к западу Меланский залив, у начала которого можно видеть Абдеру, родину Протагора [579]и Демокрита, кровавое местожительство фракийца Диомеда [580]и долины, по которым впадает в него Гебр (Марица), далее – Маронея, Энос, город, который начал строить при дурных предзнаменованиях Эней и, вскоре оставив его, поспешил под руководством богов в древнюю Авзонию (Италию).

4. С этого места Эгейское море мало-помалу суживается и по соединительному протоку, как бы устроенному самой природой, вливается в Понт; присоединив к себе его часть, оно образует фигуру в виде буквы Ф; затем отделяет Геллеспонт от Родопы, протекает подле Киноссемы, где, по сказаниям, погребена Гекуба, [581]Келы, Сеста и Каллиполя (Галиполи). С противоположной сторон оно касается могил Ахилла и Аякса, городов Дардана, Абидоса, где Ксеркс, построив мост, прошел по морю пешком, далее – {*252* } Лампсака, который был подарен Фемистоклу персидским царем,[582]и Пария, сооруженного Парисом, [583]сыном Ясиона. 5. Затем море суживается с обеих сторон в полукруг и,

574 **574.** Прим. ред.: Понт Эвксинский, ныне Черное море.

575 **575.** Herod. 7, 21 – рассказ о прорытии Ксерксом канала во избежание проезда подле Афона.

576 **576.** Прим. ред.: Навплий, сын Посейдона и Амимоны, царь Эвбеи, по преданию из мести за своего сына Паламеда, побитого камнями за разоблачение Одиссея, зажег на берегу ложный маяк, что привело к гибели возвращавшегося из-под Трои ахейского флота.

577 **577.** Прим. ред.: Лето (Латона) родила здесь Аполлона и Артемиду.

578 **578.** Прим. ред.: Культ Аполлона Сминфийского (от греч. sminthos – полевая мышь), истребителя названных грызунов был распространен в Троаде.

579 **579.** Прим. ред.: Знаменитый софист 5 в. до н. э.

580 **580.** По сказанию, Диомед кормил своих коней человеческим мясом.

581 **581.** Прим. ред.: Гекуба – жена Приама, троянского царя, мать Гектора, Париса, Кассандры и др. троянских героев.

582 **582.** Corn. Nep., Themist. 10.

583 **583.** Прим. ред.: Париос, сын Ясиона, согласно культу Деметры, был вместе с

открывая вид на широкий простор суши, омывает растекающимися вокруг волнами Пропонтиды с восточного берега Кизик и Диндимы, священный храм Великой Матери богов, Апамею и Киус, где Гилас... и Астак, впоследствии названный по имени царя Никомедией; на западе оно омывает Херсонес и Эгоспотамы, [584]где Анаксагор предсказал каменный дождь, Лисимахию и город, построенный Гераклом и посвященный им памяти своего спутника Перинфа (Гераклея-Перинф, Эски-Эрекли).

6. А в довершение полного сходства с буквой Ф в самой середине окружности лежит продолговатый остров Проконес (Мармара) и Бесбик (Калолимни). 7. Где эта форма (буква Ф) оканчивается, море опять суживается и, разделяя Европу и Вифинию, проходит подле Халкедона (Кадыкиой), Хризополя (Скутари) и других незначительных поселений. 8. На левом его берегу лежат гавань Атира, Селимбрия (Силиври), Константинополь, древний Византий, [585]колония афинян, и мыс Керас, на котором сооружена высокая башня, светящая кораблям. По имени последнего холодный ветер, дующий обыкновенно отсюда, называется Кератас.

9. Встречая здесь преграду и заканчиваясь соединением двух морей, водная стихия становится спокойнее и расстилается широкой гладью до самого горизонта. 10. Окружность моря, если плыть по побережью, как вокруг острова, измерена в 23 тысячи стадий,[586]как утверждают Эратосфен, [587]Гекатей, [588]Птолемей и другие авторитетнейшие специалисты в этого рода знаниях; и все географы единогласно уподобляют вид моря скифскому луку с натянутой тетивой. 11. Со стороны, где восходит солнце, оно замыкается болотами Меотиды, а где солнце склоняется к вечеру, окаймлено римскими провинциями; на той его стороне, откуда смотрит полярная звезда, живут люди различных языков и разных обычаев; южный его берег сведен легким изгибом. 12. На этих широких пространствах, рассеяны греческие города. Все они, за исключением немногих, основаны в разные времена милетянами, колонистами афинян. Милет же основан много раньше в числе других ионийцев в Азии Нелеем, сыном знаменитого Кодра, [589]который, как гласит сказание, пожертвовал собой за отечество во время войны с дорийцами.

13. Оконечности лука образуют с обеих сторон два узких Боспора,

Триптолемом ее любовником, за что его и поразил Зевс. В тексте ошибочно назван Парисом.

584 **584.** Прим. ред.: Имеется в виду Херсонес Фракийский. {536}

585 **585.** Прим. ред.: Константинополь был основан в 330 г. по повелению Константина Великого на месте древней греческой колонии Византия.

586 **586.** 4071 километр.

587 **587.** Прим. ред.: Греческий географ и математик 3 в. до н. э. из Александрии.

588 **588.** Прим. ред.: Греческий логограф 6 в. до н. э. из Милета.

589 **589.** Прим. ред.: Кодр – легендарный последний царь Афин. Получив предсказание, что город не погибнет, если погибнет его царь, он переоделся нищим, затеял драку с наступавшими на Афины дорийцами и был в ней убит.

лежащие друг против друга, Фракийский и Киммерийский [590]{*253* } Имя Боспора носят они потому, что некогда дочь Инаха, превращенная, по словам поэтов, в корову, перешла через них в Ионийское море [591]14. Справа от искривления Фракийского Боспора лежит берег Вифинии, которую древние называли Мигдонией. В ней находятся области Тиния и Мариандена, племя бебриков, которых храбрый Поллукс освободил некогда от свирепого Амика [592]и удаленная местность, где грозно летавшие Гарпии устрашали некогда прорицателя Финея. [593]На этом берегу, образующем изогнутый [594]продолговатый залив, впадают в море реки Сангарий (Сагари), Филис, Лик и Ребас. Напротив устьев этих рек лежат черные Симплегады, два утеса, круто спускающиеся к морю. В древние времена они сталкивались с ужасающим шумом и, отступая назад мощным толчком, возвращались на то место, откуда срывались. Эти скалы расступались и сближались с такой быстротой, что даже если пролетала птица, то никакая быстрота полета не спасала ее, и она гибла раздавленной. 15. Но с тех пор, как корабль «Арго», направлявшийся к колхам, чтобы похитить золотое руно, впервые прошел между этими скалами невредимым, они стали неподвижными и, утратив свою ярость, срослись воедино, так что тот, кто их видит теперь, не мог бы поверить, что они некогда были разъединены, если бы не были согласны в своих повествованиях об этом все поэты древности. [595]

16. За Вифинией простираются провинции Понт и Пафлагония, в которых лежат Гераклея (Эрекли), Синоп, Полемоний и Амиз, значительные города Тиос и Амастрида (Амастра), – все они основаны предприимчивыми греками, – Кераз (Киризонт), откуда Лукулл привез плоды, носящие имя этого города[596]скалистые острова, на которых расположены небезызвестные города Трапезунд и Питиунт (Пицунда). 17. Недалеко от этих мест есть Ахерузская пещера, которую местные жители называют μυκοπότιον, и гавань Акона, а также различные реки: Ахеронт, он же Аркадий, Ирис, Тибрис, а также Парфений, – все они стремительным течением впадают в море. Ближайшая к ним река – Термодонт (Термех); стекая с Армонских гор, он проходит по Темисцирейским рощам, в которые некогда вынудила переселиться амазонок вот какая причина.

18. В древние времена амазонки непрерывно опустошали кровавыми вторжениями области своих соседей. Возгордившись от {*254* } своих успехов, в сознании превосходства своих сил над соседями, на которых

590 **590.** Босфор и Керченский пролив.

591 **591.** Боспор – βοός πόρόζ,, бычий брод. Известное сказание об Ио, дочери Инаха. См. Ovid. Metam. l, 568.

592 **592.** Apollodor. Bibl. 1, 9.

593 **593.** Прим. ред.: Финей – слепой фракийский царь, наказанный некогда богами тем, что гарпии отбирали и оскверняли его пищу.

594 **594.** Сохраняем чтение curvata, Гардтгаузен читает curvatus.

595 **595.** Прим. ред.: См. Алоллоний Родосский 2, 317–605.

596 **596.** Cerasus – вишня.

они часто нападали, они зашли слишком далеко, пробившись через множество народов, вступили в войну с афинянами. В жестокой сече они были убиты, и так как лишились своих коней, то и пали в бою. 19. Когда стало известно об их гибели, остальные, оставшиеся дома, как негодившиеся для войны, оказались в очень трудном положении и, спасаясь от губительных нападений соседей, мстивших им за прежние обиды, перешли на более спокойное местожительство на Термодонте. Там их потомство очень увеличилось и с мощной ратью они вернулись в родные места, став впоследствии грозой для народов не одного с ними племени. 20. Недалеко оттуда отлого поднимается гора Карамбис (Керембе), напротив Гелики, и на расстоянии 2500 стадий[597]находится Криуметопон (Бараний лоб), мыс Таврики. От этого места весь морской берег, начиная от реки Галиса (Кизил-Ирмак), как бы вытянутый в длину по прямой линии, представляет собой нечто вроде тетивы, прикрепленной к концам лука. 21. Соседствуют с этими областями даги, самые воинственные из всех, и халибы: они первые начали добывать и обрабатывать железо. За ними занимают широкие пространства бизары, сапиры, тибарены, моссинэки, макроны и филиры, народы, с которыми у нас нет никаких отношений.

22. Недалеко от них находятся памятники славным мужам, где погребены Стелен, Идмон и Тифий: первый – спутник Геракла, насмерть раненый в битве с амазонками, второй – прорицатель аргонавтов, а третий – весьма искусный кормчий корабля «Арго». 23. За названными областями находится Авлийская пещера и река Каллихор, названная так потому, что Вакх, [598]после того как он за три года покорил индийские народы, вернувшись в эти местности, восстановил на зеленых и тенистых берегах этой реки древние оргии и пляски. Некоторые полагают, что священнодействия этого рода называются триетерическими (трехлетними) [599]Далее лежат густо населенные области камаритов, и река Фазид (Рион) в своем шумном течении касается колхов, происшедших в глубокой древности от египтян. Там среди других городов есть Фазид, названный так по имени реки, и до наших времен известная Диоскуриада, основателями которой считаются спартанцы Амфит и Церций, возницы Кастора и Поллукса; от них произошло племя гениохов. 25. Неподалеку от них живут ахейцы, которые по окончании какой-то более ранней войны под Троей, – не той, когда спорили за Елену, – были загнаны, по словам некоторых писателей {*255* } встречными ветрами в Понт. Встречая повсюду врагов и нигде не находя места для прочного поселения, они засели на вершинах гор, покрытых вечным снегом. Страдая от ужасного климата, они привыкли собирать, добывать себе пропитание грабежом с опасностью для жизни. Потому-то и стали они свирепы выше всякой меры. О керкетах, которые с ними граничат, нельзя сообщить ничего достойного внимания.

26. Позади них живут обитатели Киммерийского Боспора; там находятся колонии милетян и как бы мать их всех – Пантикапей, который омывает река Гипанид, обильная собственными водами и впадающими в

597 **597.** 442,5 километра.

598 **598.** Прим. ред.: Бог Дионис.

599 **599.** Ср. Verg. Aen. 4, 302.

нее извне [600]27. На довольно далеком расстоянии отсюда живут по обоим берегам Танаиса (Дона) амазонки вплоть до самого Каспийского моря. Танаис вытекает из кавказских скал, течет широкими излучинами и, отделяя Азию от Европы, исчезает в меотийских болотах. 28. По соседству с Танаисом находится река Ра (Волга). На ее берегах водится корень одного растения, одноименный с этой рекой, который широко употребляется в медицине. 29. За Танаисом широко раскинуты савроматы; в их земле протекают непересыхающие реки: Марабий, Ромбит, Теофаний и Тотордан. Другое племя савроматов живет на большом расстоянии оттуда в прибрежной полосе, через которую впадает в море река Коракс.

30. Неподалеку отсюда лежит Меотида (Азовское море), занимающая весьма большое пространство. Много воды из ее обильных источников прорывается через Пантикапейский пролив в Понт, на правом берегу которого лежат острова Фанагур и Гермонасса, застроенные стараниями греков [601]31. Вокруг этих крайних и отдаленных болот обитает множество народов, весьма различных между собою по языку и обычаям: яксаматы, меоты, язиги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны и агафирсы, у которых находятся обильные залежи камня-адаманта. За этими народами еще дальше обитают другие, нам неведомые, так как они живут дальше всех вглубь материка. 32. А на левой стороне Меотиды есть полуостров, заполненный греческими колониями. Поэтому население живет там спокойно и миролюбиво, полагает свои заботы в земледелии и питается плодами земли.

33. Недалеко от них за различными царствами живут тавры; среди них арихи, синхи и напеи страшны своей дикостью, и так как продолжительная безнаказанность усиливала их свирепость, {*256* } то от того и пошло имя морю «Негостеприимное». Если его называют наоборот Евксинским (гостеприимным), то это ирония, подобно тому как мы, греки, называем благодушным глупого, благожелательницей – ночь, Евменидами (добромыслящими) – Фурий. [602]34. Эти народы добывали милости богов человеческими жертвами и, закалывая пришельцев в жертву Диане, которая у них зовется Орсилохой, прибивали головы убитых на стенах храма, как вечные памятники славным деяниям.

35. Близ Таврики [603]лежит необитаемый остров Левка [604]посвященный Ахиллу. Если кто случайно попадет туда, тот, осмотрев памятники древности, храм и дары, посвященные этому герою, возвращается вечером на корабль. Говорят, что там нельзя проводить ночь, не подвергая опасности свою жизнь. На острове есть пруд и водятся белые

600 **600.** Гипанид – Кубань. Очевидно, карта Аммиана передавала неточно географические отношения тех мест.

601 **601.** Фанагория и Гермоносса – древние греческие колонии. Почему они названы островами, остается неясным. Вряд ли Аммиан мог иметь точные сведения о лиманах и озерах Таманского полуострова.

602 **602.** Прим. ред.: Римские богини мщения, соответствовавшие греческим Эриниям.

603 **603.** В тексте читается: In hac Taurica.

604 **604.** Фидониси или Змеиный, против устья Дуная.

птицы, похожие на зимородков, о происхождении которых, как и о времени битв на Геллеспонте я буду рассказывать в другом месте [605]36. В Таврике есть несколько городов; более значительные среди них – Евпатория, Дандака и Феодосия; есть и другие, поменьше, не оскверненные человеческими жертвоприношениями.

37. В этих местах находится самый угол лука. Теперь я прослежу по порядку дальнейшую его кривизну, обращенную к северу, до левого берега Фракийского Боспора. Замечу при этом, что тогда как у всех прочих народов луки имеют более плоскую кривизну, только скифские и парфянские луки своими сведенными с обеих сторон внутрь широкими кривыми рогами с натянутой посередине прямой круглой тетивой представляют вид луны на ущербе.

38. В самом начале этого материка, там, где кончаются Рифейские горы, живут аримфеи, праведные и известные своем миролюбием люди. Область их омывают реки Хроний и Висула (Висла). По соседству с этим народом обитают массагеты, аланы и саргеты, а также многие неизвестные народы; но нам неведомы даже названия их, не то что обычаи.

39. На значительном расстоянии оттуда простирается Каркинитский залив, течет река с тем же названием и находится почитаемая в тех местах роща Тривии. 40. Далее, вытекающий из гор нервиев Борисфен, многоводный от самых своих истоков и обогащающийся впадением многих рек, вливается в море бурливыми волнами. На его лесистых берегах лежат города Борисфен, Кефелонес и Жертвенники, посвященные Александру Великому и Це-{*257* }зарю Августу[606]41. Вдалеке оттуда есть полуостров, который заселяют синды, известные только тем, что после несчастий, постигших их господ в Азии, они овладели их женами и имуществом. [607]К их земле примыкает узкая береговая полоса, называющаяся у местных жителей «Ахиллово ристалище», так как здесь некогда упражнялся в беге этот фессалийский вождь. В непосредственной близости от него находится Тир, колония финикийцев [608]которую омывает река Тира (Днестр).

42. В среднем пространстве лука, представляющем собой весьма широкую протяженность, в 15 дней пути для хорошего пешехода, живут европейские аланы, костобоки и бесчисленные племена скифов, область которых тянется до земель с неизвестными нам границами. Небольшая часть их питается плодами полей; все же остальные кочуют по широким степям, не тронутым сохой, не знавшим посева, одичалым и покрытым инеем. Они питаются по-звериному; свои семейства, жилища и скудный домашний скарб они укладывают на кибитки, покрытые корой, и когда появится желание, беспрепятственно передвигаются, направляя свои телеги, куда вздумают.

605 **605.** Гардтгаузен изменяет рукописное чтение desseremus на desserabamus.

606 **606.** На карте Птолемея значатся в восточной части Европейской Скифии города этого наименования.

607 **607.** Прим. ред.: См. Алоллоний Родосский 4, 321 и далее.

608 **608.** Очевидно, Аммиан был введен в заблуждение сходством имен Τυροζ и Τυραζ. Греческая колония Тира, одноименная с рекой, лежала на месте нынешнего Аккермана.

43. Если подойти к другому обильному гаванями заливу, которым заканчивается фигура лука, то здесь выступает остров Певка, вокруг которого живут троглодиты, певкины и другие менее многочисленные народы. Там же лежат Истр, некогда весьма могущественный город, Томы (Кюстендже), Аполлония, Анхиал, Одисс (Варна) и много других, расположенных на берегах Фракии. 44. А река Данубий, имеющая свои истоки поблизости от Равраков, на пограничных с Рэцией горных высотах, протекает по широкому пространству земель, принимая в себя 60 притоков, которые почти все судоходны, а на этом скифском берегу впадает семью устьями в море. 45. Первое из них образует вышеназванный остров Певку, остальные, которые называются в греческом переводе так: второе – Наракустома (устье Нарака), третье – Калонстома (Прекрасное устье), четвертое – Псевдостома (Ложное устье); Борионстома (Северное устье) и затем Стеностома (Узкое устье), имеют более медленное течение, чем другие, а седьмое – почти стоячее и представляется черным, как болото.

46. Весь Понт по своей окружности часто покрывается туманами, имеет воду более пресную, чем в других морях и изобилует {*258* } отмелями. Это имеет место оттого, что вследствие частых испарений влаги сгущается воздух, масса впадающих вод опресняет воду моря, и так как множество впадающих в него рек несут ил и песок, то образуются нагромождающиеся наносы. 47. Известно, что из самых дальних пределов нашего моря (Средиземного) стаями устремляются в эту даль рыбы ради метания икры, чтобы вырастить свое потомство более здоровым образом благодаря пресной воде, и в безопасных затонах, которых там очень много, спасти их от прожорливых морских чудовищ, так как в Понте не видели ничего подобного за исключением безвредных дельфинов, и то в малом числе. 48. А та часть Понтийского залива, которую поражает Аквилон и снега, подвержена такому холоду, что реки промерзают, как полагают до дна, люди и животные не могут ходить по неверной и проваливающейся поверхности, – подобное бедствие никогда не постигает чистое море, но лишь смешанное с водами рек. После этого отступления, которое получилось более длинным, чем я предполагал, возвращаюсь к дальнейшему повествованию.

49. В завершение радостных событий момента случилось то, чего давно ждали, но что затягивалось различными проволочками. Агилон и Иовий, бывший впоследствии квестром, сообщили, что защитники Аквилеи, измученные продолжительной осадой, узнав о смерти Констанция, открыли ворота, вышли и выдали виновников бунта. Эти последние, как я уже упоминал, были сожжены живыми, а всем остальным дано было помилование и прощение их проступка [609]

9.

1. Возгордившись от этих удач, Юлиан чувствовал себя, как бы сверхчеловеком. Он счастливо избавился от непрерывных опасностей и, казалось, сама Фортуна с рогом изобилия в руках оказывала ему, спокойно властвовавшему над римским миром, всяческое благоволение и сулила славу. К прежним его победам прибавляла она и то благополучие,

609 **609.** Ср. 21, 12, 20.

что, когда он стал единодержавным правителем империи, ему не приходилось бороться с внутренними врагами, и ни один варварский народ не выходил из своей земли. Все народы, со свойственной людям страстью корить прошлое за грехи и обиды, единодушно слагали ему хвалу.

2. Устроив после надлежащего размышления все дела согласно обстоятельствам и времени и воодушевив солдат для предстоящих предприятий многократными речами и уплатой соответствующего {*259* } жалования, Юлиан в гордом сознании всеобщего к себе расположения, покинул Константинополь, решив направиться в Антиохию. Он много сделал для благосостояния Константинополя; там он родился и любил этот город как свою родину и почитал его. 3. Итак, он переправился через пролив, и миновав Халкедон и Либиссы, где погребен карфагенянин Ганнибал, [610]прибыл в Никомедию. Этот славный издавна город предшествующие императоры так расширили, не останавливаясь для этого в расходах, что, по мнению сведущих людей, великое множество частных и общественных зданий придает ему облик одной из частей Вечного города (Рима). 4. Когда он увидел, что стены этих великолепных сооружений лежат в жалком прахе, молчаливая слеза выдала скорбь его духа, и медленным шагом направился он к дворцу. Скорбь его усилило то обстоятельство, что блиставшие некогда благосостоянием сенат и народ этого города вышли ему навстречу в жалких одеждах. Он узнавал в некоторых своих старых знакомых, так как он был воспитан там под руководством епископа Евсевия, своего отдаленного родственника. 5. Отпустив значительные средства на устранение разрушений, произведенных землетрясением, он прибыл через Никею к границам Галлогреции. [611]Взяв оттуда направо, он заехал в Пессинунт, чтобы посетить древний храм Великой Матери богов. Из этого города во время Второй Пунической войны по указанию Кумской Сивиллы, [612]Сципион Назика перевез изваяние богини в Рим [613]6. В рассказе о правлении императора Коммода я поместил краткий экскурс о прибытии этого изваяния в Италию и о других относящихся к этому обстоятельствах. Относительно того, почему город носит такое название, писатели говорят по-разному: одни утверждают, будто город назван πότοῦπεσετυ, что значит по-латыни «падать», так как изображение богини упало с неба; другие повествуют, что так назвал это место Ил, сын Троса, царь Дардании [614]Теопомп говорит, что это сделал не Ил, а Мидас, столь

610 **610.** Прим. ред.: В 195 г. до н. э. Ганнибал был вынужден покинуть Карфаген и переселиться сначала в Сирию к Антиоху III Великому, а затем в Вифинию, где в 183 г. до н. э. он и покончил с собой.

611 **611.** Прим. ред.: Галатия.

612 **612.** Прим. ред.: Согласно преданию, сивилла (см. прим. 5 к кн. 21) из г. Кумы привела Энея в подземное царство, а позднее передала царю Тарквинию Древнему три книги своих пророчеств. Публий Корнелий Сципион Назика (ум. в 132 г. до н. э.) был римским наместником в Пергаме; в 133 г. до н. э. он возглавлял римских сенаторов, убивших Тиберия Гракха.

613 **613.** Liv. 29, 10–11.

614 **614.** Herodian. 1, 14.

могущественный некогда царь Фригии. [615]

8. Почтив богиню, совершив жертвы и дав обеты, Юлиан вернулся в Анкиру[616]На дальнейшем пути оттуда его беспокоила толпа просителей: одни молили о возвращении отнятого у них насилием, другие жаловались, что они несправедливо включены в состав курии, [617]некоторые, рискуя подвергнуться опасности, доходили в своем озлоблении до того, что возводили на своих противников обвинения в преступлениях оскорбления величества. {*260* } 9. Проявляя строгость кассиев и ликургов [618]Юлиан с полным беспристрастием вникал в подробности каждого дела, воздавая каждому должное. Особенную строгость проявлял он к клеветникам, к которым относился с ненавистью, так как, занимая еще низкое положение и будучи частным лицом, он на себе самом испытал, до какой наглости доходят часто люди этого сорта. 10. Как на пример терпения, проявленного Юлианом в такого рода деле, можно указать в числе множества других на следующий случай. Один человек настойчиво доносил на другого, с которым он был в жестокой ссоре, обвиняя его в преступлении оскорбления величества. Император не обращал на него внимания, а тот изо дня к день повторял свой донос, и когда наконец Юлиан спросил его, на кого он возводит это обвинение, он отвечал, что это богатый горожанин. Услышав это, император сказал с улыбкой: «На каком основании пришел ты к этому заключению?» 11. Тот ответил: «Он готовит себе пурпурное одеяние из шелкового плаща». Так как этот человек низкого общественного положения возводил на другого такого же, как он сам, столь тяжкое обвинение, то император приказал ему молчать и идти своей дорогой, не взыскивая с него. Но тот продолжал настаивать на своем. В досаде на эту назойливость Юлиан обратился к оказавшемуся поблизости комиту государственного казначейства и сказал: «Прикажи выдать этому опасному болтуну пару пурпурных сапог, чтобы он их снес своему противнику. Насколько я понял, он говорит, что тот сделал себе хламиду этого цвета; так пусть он узнает, как мало значат жалкие тряпки без обладания высшей властью».

12. Если подобные поступки были достойны похвалы и заслуживают подражания хороших государей, то было жестоко и достойно порицания то, что при нем лишь с трудом добивались, своего права люди, зачисленные в курию, хотя бы они могли сослаться на привилегии, число лет службы и доказать свое совершенно иное происхождение. Вследствие этого многие в страхе откупались тайными подарками от тяготы этого звания.

13. Продолжая свой маршрут, Юлиан прибыл в Пилы, город,

615 **615.** Прим. ред.: Теопомп (Феопомп) с Хиоса (4 в. до н. э.) – ритор и историк, ученик Исократа. Мидас – мифический царь Фригии, известный своим богатством.

616 **616.** Ангора.

617 **617.** Прим. ред.: В 4 в. включение в состав курии (городского совета) влекло за собой колоссальные издержки, из-за чего его избегали всеми способами вплоть до бегства.

618 **618.** Прим. ред.: Кассий – здесь имеется в виду Кассий Лонгин, префект Рима в 27 г. до н. э. проконсул Азии в 40 г. до н. э., прославившийся своей суровостью и неподкупной справедливостью. Ликург – полулегендарный спартанский законодатель (8 в. до н. э.).

расположенный на границе Каппадокии и Киликии. Правителя провинции, по имени Цельз, он встретил поцелуем, – он знал его со времени своего обучения в Афинах, – и, усадив его в свой экипаж, приехал вместе с ним в Тарс. 14. Спеша увидеть Антиохию, изящный венец Востока, он направился туда по обычному пути. При приближении к городу, он был принят с общественными обетами, словно какое-нибудь божество, и был поражен криком огромной толпы, вопившей, что воссияло Солнце над восточными областями. 15. Как раз в эти дни совершался ежегодный, издревле установленный праздник, называвшийся Адонии в честь любимца {*261* } Венеры (Адониса), который, как гласит сказание, погиб от клыков кабана, – это символ жатвы дозревших злаков. Можно было принять за печальное знамение, что при первом вступлении императора в этот огромный город, резиденцию государей, слышны были отовсюду завывающие звуки и скорбный плач. 16. Здесь проявил он свою терпеливость и мягкость, в случае, правда, незначительном, но достойном удивления. Он питал ненависть к некоему Талассию, бывшему императорскому секретарю [619]который интриговал против его брата Галла. Так как ему запрещено было участвовать вместе с другими почетными лицами во встрече и приеме императора, на следующий день его враги, с которыми он вел судебные тяжбы, собрав праздную толпу и приблизившись к императору, кричали: «Талассий, враг твоего величества, насилием ограбил нас».

17. Понимая, что тут представлялся случай погубить этого человека, он дал, однако, такой ответ: «Я признаю, что человек, которого вы называете, это есть и мой обидчик; но приличнее помолчать вам, пока он не даст удовлетворения мне, его первому противнику». И он приказал присутствовавшему префекту претория, чтобы тот не приступал к разбору их тяжбы, пока он сам не помирится с Талассием, что вскоре и последовало.

10.

1. В Антиохии Юлиан приятно провел зиму, поддаваясь искушениям страстей, которые столь обильны повсюду в Сирии. Под видом отдыха он отдавал все свое внимание судебным делам, не менее трудным и требовавшим не менее глубокого внимания, чем дела военные. При этом он, проявил самое ревностное старание разобраться в них, чтобы воздать каждому должное и справедливыми приговорами наложить на злодеев умеренные наказания, а невиновным обеспечить неприкосновенность их имущества. 2. И хотя при разбирательстве он иногда нарушал порядок, спрашивая не вовремя, какую веру исповедывал каждый из тяжущихся, среди его приговоров нет ни одного несправедливого, и нельзя было его упрекнуть в том, что он хоть раз отступил от стези справедливости из-за религии или чего-либо иного. 3. Желательным и справедливым приговором является такой, в котором после всестороннего изучения дела определяется, что одно справедливо, а другое несправедливо; уклоняться от этого принципа Юлиан остерегался, как спасается кормчий перед крутыми прибрежными утесами. Он мог этого достигнуть потому, что, зная за собой склонность увлекаться, он {*262* } позволял префектам

619 **619.** Proximus libellorum.

и своим приближенным смело удерживать его порывы, направлять их к должному и обуздывать их своевременным советом. Он открыто выражал сожаление о своих ошибках и с радостью принимал исправление. 4. А когда защитники на тяжбах прославляли громкими аплодисментами его превосходное понимание права, он, как говорят, сказал с глубоким чувством: «Я всегда радовался и гордился, когда меня хвалили те люди, которые могли бы меня порицать, если бы я погрешил словом или делом». 5. Из многих примеров его милосердия в судебных делах достаточно будет привести один, очень характерный и не лишенный интереса. Одна женщина, явившись в суд, увидела, что ее противник, который был из числа отставных придворных, носил, против ее ожидания, пояс [620]По поводу этой дерзости она подняла громкий крик. Император сказал на это: «Излагай свою жалобу, женщина, если ты считаешь себя в чем-нибудь обиженной; а этот человек так подпоясан, чтобы ему легче было ступать по грязи; это не может повредить твоему делу». 6. Эти и подобные факты, как он сам часто говорил, позволяли думать, что в его правление вернулась на землю та древняя богиня справедливости, о которой Арат [621]говорил, что оскорбленная человеческой неправдой, она поднялась на небо. Но к сожалению, кое в чем он руководствовался не законом, а своим произволом, и кое-какими погрешностями омрачил широкий и светлый ореол своей славы. 7. Между прочим, он улучшил редакцию некоторых законов и, устранив двусмысленности, придал им полную ясность в том, что они повелевают и что запрещают. Но жестокой и достойной вечного забвения мерой было то, что он запретил учительскую деятельность риторам и грамматикам христианского вероисповедания.

11.

1. В это время нотарий Гауденций, которого Констанций, как я сказал, послал в Африку для противодействия Юлиану, а также ревностный приверженец той же партии, бывший викарий тех областей, Юлиан были привезены в оковах и преданы смертной казни. 2. Тогда же был казнен и бывший дукс Египта Артемий по обвинению его александрийцами в тяжких преступлениях. После него был публично казнен сын бывшего магистра конницы и пехоты Марцелла за покушение на верховную власть. Наконец были отправлены в ссылку Роман и Винценций, трибуны первой и второй схолы скутариев, которые были уличены в не соответствовавших {*263* } их положению замыслах. 3. Немного времени спустя, после того как александрийцы узнали о смерти Артемия, возвращения которого с прежней властью они опасались, так как он угрожал отомстить многим за обиду, они обратили свой гнев против епископа Георгия [622]который неоднократно уязвлял их – позволю

620 **620.** Cingulum – пояс, символ состояния на службе, отсюда выражение cingulum adimere – дать отставку.

621 **621.** Прим. ред.: Арат из Сол в Киликии (ок. 315–245 гг. до н. э.), ученик стоика Зенона, писатель, которому принадлежала дидактическая поэма «Явления», написанная по приказу македонского царя Антигона Гоната. Эта поэма пользовалась большой популярностью в Риме.

622 **622.** Преемник изгнанного Афанасия, поборника православия и врага арианства.

себе так выразиться – своим змеиным жалом. 4. Сын шерстобитного мастера из киликийского города Епифании, он возвысился на горе многим, на несчастье себе и общему делу, и был назначен епископом Александрии, города, который нередко без повода со стороны и без достаточных оснований приходит в бурное волнение, как о том свидетельствуют даже оракулы. 5. Для этих горячих голов Георгий сам по себе явился сильным возбудительным средством. Перед Констанцием, который имел склонность допускать наушничество, он оговаривал многих, будто они не повинуются его приказаниям, и, забыв о своем призвании, которое повелевает ему только кротость и справедливость, он опустился до смертоносной дерзости доносчика. 6. Говорят, будто он между прочим злостно донес Констанцию, что в этом, городе все стоящие на его земле здания должны по справедливости платить налог в казну, как выстроенные основателем Александрии Александром Македонским с затратой крупных сумм государственных денег. 7. К этим злым делам он прибавил еще одно, которое вскоре низвергло его в пучину погибели. Когда он, вернувшись с императорской главной квартиры, с большой, по обычаю, свитой проходил мимо великолепного храма Гения, [623]то, обратив свой взор на храм, воскликнул: «Долго ли будет еще стоять эта гробница?» Эти слова поразили многих, как удар грома. Стали бояться, как бы Георгий не предал разрушению и этот храм и в тайных кознях всячески не работал на его гибель. 8. И вот, когда неожиданно пришло радостное известие о смерти Артемия, вся чернь в возбуждении от неожиданной радости устремилась с ужасным криком в дом Георгия. Его вытащили, подвергли всякого рода истязаниям, волокли по земле и до смерти затоптали ногами.

9. Вместе с ним были убиты начальник монетного двора Драконций и некто Диодор, имевший звание комита, – их волокли по улицам, связав ноги веревками. Первый провинился тем, что на монетном дворе, которым он управлял, приказал разрушить недавно воздвигнутый там жертвенник, второй – тем, что заведуя постройкой церкви, очень ревностно стриг волосы подросткам, полагая, что длинные волосы имеют отношение к культу богов. 10. Не удовольствовавшись этим, бесчеловечная толпа возложила растерзанные трупы убитых на верблюдов, отвезла их на берег моря и, предав немед-{*264* }ленно огню, бросила в море пепел. В громких криках мучители выражали опасение, что христиане, собрав их останки, воздвигнут им церкви, подобно тому как и тем, кого зовут теперь мучениками; эти последние, будучи побуждаемы отпасть от своей религии, переносили мучительные казни и, сохраняя незапятнанной свою веру, шли на славную смерть. Когда этих несчастных вели на страшную казнь, их могли бы защитить христиане, если бы ненависть к Георгию не была всеобщей. 11. Император, получив известие об этом ужасном злодействе, хотел сначала самым жестоким образом покарать виновных. Но ближайшие его советники смягчили его гнев и он ограничился тем, что издал указ, в котором в резких выражениях порицал совершенное злодеяние и угрожал самыми страшными наказаниями, если и впредь будут попытки совершить что-либо, равно воспрещаемое справедливостью и законами.

623 **623.** Прим. ред.: Храм покровителя города (ср. 23, 1, 6).

12.

1. Сам он готовился между тем к походу против персов, который в своих широких замыслах задумал уже давно. Его возбуждало желание отомстить за прошлое, так как он знал и слышал, что этот дикий народ в течение почти 60 лет терзал наш Восток жесточайшим грабежом и разбоем, и наши армии нередко были истреблены до последнего человека. 2. Его снедала жажда брани по двум причинам: во-первых, потому что он не выносил вообще покоя и бредил боевыми сигналами и сражениями, во-вторых, потому что, будучи в годы ранней юности, послан на битву с дикими народами, теперь, когда в результате происков царей и царевичей (персидских?) поднимался опять их боевой задор, а их князья и цари вновь старались разжечь войну и, как можно было думать, скорее готовы были дать себя победить, чем протянуть руки с мольбой о мире [624]он горел желанием присоединить к своим славным военным отличиям титул Парфянского.

3. Трусливые и зложелательные хулители Юлиана, видя эти огромные и поспешные приготовления, возбуждали злостные толки о том, что недостойно и опасно, чтобы смена государя на троне принесла с собой такое несвоевременное потрясение для государства. Они прилагали все усилия, чтобы отложить поход. В присутствии тех, кто мог передать их речи императору, они говорили, что если он не будет вести себя спокойно, то в избытке своего счастья сам принесет себе гибель, как слишком пышный рост хлебов губит {*265* } урожай. 4. Эти их старания и интриги остались тщетными; он не обращал никакого внимания на тайные обиды, как Геракл на пигмеев или Тиодаманта, грубого лидийца. [625]5. Как человек выдающейся инициативы, он продолжал с той же настойчивостью составлять грандиозный план военных действий и прилагал все силы для того, чтобы заготовить в соответствующем количестве запасы.

6. Однако слишком уж часто и обильно он поливал жертвенники кровью животных: иной раз он закалывал по сто быков, без счета приносил в жертву множество разного скота и белых птиц, которых отыскивали на суше и на море, так что каждый почти день можно было видеть, как наедавшихся без меры мяса и напившихся до бесчувствия солдат тащили по улицам в казармы на своих плечах прохожие из общественных зданий с пиров, которые следовало бы скорее запретить, чем допускать. Особенно отличались кельты и петуланты, распущенность которых превзошла в ту пору всякие пределы. 7. Безмерно увеличивались религиозные церемонии, совершавшиеся с огромными и совсем необычными расходами. Заявлять себя предсказателем можно было всякому, знал ли он дело, или нет, без определенной цели и установленных правил; всем разрешалось вопрошать оракулы и копаться во внутренностях животных, которые иногда дают указания на будущее; на всякий лад с преувеличенным разнообразием усиленно выискивали

624 **624.** Текст, очевидно, испорчен и мысль остается не вполне ясной.

625 **625.** Прим. ред.: Борьба пигмеев с Гераклом была популярным сюжетом в античности (см. Филострат, Картины 2, 22). Тиодаманта в его стычке с Гераклом называют лидийцем только Марцеллин и Филострат (Картины 2, 24).

предсказания в пении и полете птиц и других знамениях.

8. При таком всеобщем настроении Юлиан, проявлявший во всем большую настойчивость, задумал нечто новое, а именно: открыть вещие воды Кастальского источника. [626]Говорят, что закрыл его каменной плотиной Цезарь Адриан, сам он узнал о предстоящей ему верховной власти благодаря вещим водам и опасался, чтобы и другим не было такого же знамения. Юлиан немедленно приказал перенести оттуда погребенные рядом трупы, с соблюдением того же обряда, который использовали афиняне для очищения Делоса. [627]

13.

1. Примерно в то же время, 22 октября, огромный храм Аполлона Дафнейского был уничтожен внезапным пожаром. Построил его Антиох Эпифан, этот царь, известный своим злобным и свирепым характером, и поставил в нем статую бога по образцу Юпитера Олимпийского, имевшего такие же размеры. [628]2. Этот неожиданный и неприятный случай привел императора в такое раздражение, что он приказал произвести особенно строгое следствие и велел запереть самую большую церковь в Антиохии. Он подозревал, что пожар произвели христиане из зависти, так как они с неудовольствием {*266* } видели, что вокруг этого храма возводился великолепный портик.

3. Был, однако, ничем, правда, не доказанный слух, будто храм сгорел по следующей причине: философ Асклепиад, [629]о котором я упоминал в рассказе о Магненции[630]прибыл издалека с целью повидать Юлиана и остановился в этом предместье. Он поставил у ног большой статуи маленькое серебряное изображение Небесной богини[631]которое повсюду носил с собой, и, возжегши по обычаю перед ним восковые свечи, ушел из храма, а после полуночи, когда никого не было в храме и никто не мог прийти на помощь, вылетавшие искры упали на старое дерево, вспыхнувший в сухом материале огонь разгорелся и пожрал все до самого верха здания.

4. В том же самом году еще наступила страшная засуха, так что пересохли некоторые ручьи и иссякли источники, бившие с большой силой; позднее, однако, они пришли в прежнее состояние. 5. А 2 декабря,

626 **626.** Прим. ред.: Кастальский источник – родник на горе Парнас около Дельф; по его воде совершались предсказания будущего.

627 **627.** Прим. ред.: Перед введением Делийских игр в 425 г. до н. э.

628 **628.** Прим. ред.: Антиох Эпифан правил в Сирии в 175–164 гг. до н. э., но на самом деле храм был возведен еще при Селевке Никаторе в 281 г. до н. э. Статуя Зевса Олимпийского – прекраснейшее творение Фидия.

629 **629.** Прим. ред.: Асклепиад был философом-киником и известен также благодаря Юлиану (Речи 7, 224) и Симмаху (Письма 5, 31). «Небесная богиня» – вероятно, финикийская Астарта, которая именовалась греками «Афродита Урания». См. диалог «Пир» Платона.

630 **630.** В недошедшей до нас части сочинения.

631 **631.** Venus urania.

когда день уже клонился к вечеру, обрушилась от землетрясения уцелевшая раньше часть Никомедии [632]а также и значительная часть Никеи.

14.

1. Хотя эти несчастья очень огорчали заботливого государя, но он не забывал и о тех настоятельных нуждах, которые предстояло удовлетворить до начала желанной войны. Среди этих важных и серьезных забот казалось совершенно неуместным, что он хлопотал без всякого основательного повода, но исключительно ради популярности, о дешевизне продуктов; а дело это такое, что если неудачно его повести, то обычно в результате бывает голод. 2. Хотя антиохийский сенат открыто заявил, что установить низкие цены в ту пору, когда требовал того император, совершенно невозможно, тем не менее он настаивал с таким же упорством, как и брат его Галл, хотя и не доходил впрочем, до пролития крови. Рассердившись из-за упорства и противодействия, оказанного городским сенатом, он сочинил памфлет под названием «Антиохийская речь или Враг бороды»; в нем он с раздражением перечислял всякие грехи города и допустил при этом немало преувеличений в нарушение истины. Ему пришлось, однако, потом услышать много острых шуток на свой счет; и так как он вынужден был в тот момент промолчать, то тем сильнее было его раздражение. 3. Его называли в насмешку Кекропсом (обезьяной), карликом, который выставляет вперед свои {*267* } узкие плечи и свою козлиную бородку, ходит огромными шагами, как будто будучи братом Ота и Эфиальта, которым Гомер приписывает невероятно большой рост; называли его не почитателем богов, а виктимарием [633]так как многие высмеивали его частые жертвы. Эти насмешки попадали в цель, так как он, желая выставить напоказ свое усердие, сам подносил вместо жрецов священную утварь и совершал моления, окруженный толпой женщин. И хотя все это возбуждало его негодование, но он молчал, сдерживал свой гнев и продолжал отправлять религиозные церемонии.

4. Наконец в установленный день празднества он взошел на поросшую лесом гору, называющуюся Касий. Гора эта, поднимающаяся вверх на значительную высоту, представляет собой конусообразное возвышение; при вторых петухах с нее можно видеть восход солнца. Когда он приносил здесь жертву Юпитеру, он вдруг увидел простершегося на земле какого-то человека, который умоляющим голосом просил его даровать ему прощение и жизнь. На вопрос, кто он такой, получен был ответ, что это бывший гиерапольский председатель курии. Когда среди других почетных лиц он принимал участие в проводах Констанция, выступавшего из их города, низко льстя императору как несомненному победителю, с притворными слезами и воплями просил его прислать к ним голову неблагодарного изменника, подобно тому, как на его памяти носили повсюду голову Магненция. 5. Выслушав его признание, Юлиан

632 **632.** Ср. 17, 7.

633 **633.** Victimarius – прислужник при жертвоприношении, убивавший жертвенное животное.

сказал: «Я слышал рассказ об этом от многих, но ступай себе с миром домой. От всякого страха освобождает тебя милосердие государя, который мудро решил уменьшать число врагов и сам ревностно старается увеличить число своих друзей».

6. Когда он, совершив жертвоприношение, спустился с горы, ему представили донесение правителя Египта, в котором тот докладывал, что после продолжительных и тщательных розысков удалось найти быка Аписа, что, по представлениям тамошних жителей, считается добрым предзнаменованием и предсказывает хороший урожай и блага всякого рода. 7. Уместно будет сообщить кое-что по этому поводу. Среди животных, которым издревле воздается культ, наиболее известны Мневис и Апис. Первый посвящается Солнцу, но о нем ничего невозможно сообщить примечательного; второй – Луне. Апис должен иметь различные врожденные отметины, особенно его отличает пятно в виде полумесяца на правом боку. Когда, прожив некоторое число лет, он издохнет, будучи погружен в священный источник, а продолжать его век {*268* } дальше определенного срока не позволяют тайные указания мистических книг, убивают с подобными церемониями и ту корову с определенными отметинами, которую к нему приводили. После смерти одного ищут другого при всенародном трауре, и когда удается найти быка со всеми нужными приметами, то ведут его в Мемфис, многолюдный город, прославленный культом божества Эскулапа. [634]8. Когда же сто жрецов посвятят его и введут в особое помещение, он становится священным и, как говорят, дает откровения будущего определенными знаками, а некоторых из обращающихся к нему он, по-видимому, отвергает косвенными указаниями. Так, мне пришлось читать, что когда Германик Цезарь подносил ему корм. Апис отвернулся, и этим предсказал быстро постигшую его потом кончину [635]

15.

1. Этот подходящий случай побуждает меня представить краткое описание Египта, о котором я подробно рассказывал в истории Адриана и Севера, [636]большей частью на основании того, что сам видел. 2. Египетский народ, древнейший из всех, – разве только со скифами спорит он своей древностью [637]– имеет южной границей Большие Сирты, мысы Фик и Борион, гарамантов и другие народы; с востока он простирается в направлении эфиопских городов Элефантины и Мероэ, Катадун, Красного моря и сценитских арабов, которых мы зовем теперь сарацинами [638]с севера он связан с материком, где начинается Азия и сирийские провинции; с запада он отделен Иссиакским морем, которое некоторые зовут Парфенийским. 3. Прежде чем вести речь о других

634 **634.** Прим. ред.: Греческий бог Асклепий.

635 **635.** Plin. h. n. 8, 46.

636 **636.** Прим. ред.: Эта часть сочинения не дошла до нас.

637 **637.** Iust. 2, 2.

638 **638.** Ср. 14, 3.

достопримечательностях этой страны, уместно будет сделать краткое сообщение о благодетельной реке Нил, которую Гомер называет Египтом. [639]4. Истоки Нила, как мне думается, останутся неизвестны и последующим поколениям, как было то до сих пор. Но так как поэты в своих рассказах и расходящиеся в своих показаниях между собой географы высказываются весьма различно по этому темному вопросу, то я кратко изложу суждения, которые, по моему мнению, близки к истине. 5. Некоторые физики утверждают, что на севере, когда все сковывает зимний холод, образуется масса снегов; а когда они начинают таять под влиянием летнего тепла, то образуются облака, содержащие испарения. Под дуновением пассатов они направляются в южные страны и от сильного зноя дают обильную {*269* } прибыль воды Нилу. 6. Другие говорят, что проливные дожди в Эфиопии, которые в тех местностях очень сильны во время летнего зноя, вызывают в определенные сроки наводнения Нила. Оба мнения расходятся с истиной. Засвидетельствовано, что у эфиопов или вовсе не бывает дождей, или же они идут через большие промежутки времени. 7. Более распространено иное мнение, а именно: непрерывно дующие «продромы», а затем в течение 45 дней пассаты гонят назад течение реки, и уровень воды, из-за задержки ее быстрого течения, поднимается от прибывающей воды. Вода прибывает все больше от противодействия встречного ветра; с одной стороны ее гонит назад сила ветра, а с другой напирает течение родников. И вот река, поднимаясь выше, покрывает все, скрывает от взора людского землю и становится как бы морем над низкой низменностью. 8. Царь Юба, [640]опираясь на показания карфагенских писателей, утверждает, что истоки Нила находятся в горах, лежащих в Мавритании напротив океана. Он подтверждает это тем, что в тамошних водных бассейнах встречаются те же самые рыбы, животные и растения. 9. Протекая на пространстве Эфиопии под различными именами, которые ему дают многочисленные народы на его круговом течении, Нил достигает огромной массой воды порогов, т. е. крутых скал, с которых он не стекает, а, правильнее сказать, стремительно низвергается. Обитавшие здесь некогда аты от постоянного грохота глохли и потому вынуждены были переселиться в более тихие места. 10. Затем Нил течет более спокойно в семи протоках, из которых каждый имеет облик реки и судоходен. В Египте Нил не принимает никаких притоков до самого впадения в море. Кроме множества рукавов, вытекающих из главного русла и впадающих друг в друга, семь протоков многоводны и судоходны. Древние дали им такие имена: Гераклеотский, Себеннитийский, Больбитикский, Патмитикский, Мендезийский, Танитикский и Пелузиакский. 11. От этого места Нил течет из болот до катарактов, образуя множество островов, из которых некоторые так обширны, что течение реки покидает их едва на третий день. 12. Особенно знамениты из них два: Мероэ и Дельта, названная так от треугольной формы этой буквы. От вступления Солнца в созвездие Рака и до перехода его в

639 **639.** Прим. ред.: В «Одиссее» 4, 477, 581; 14, 257, 258; 17, 427. См. Геродот 2, 19–20.

640 **640.** Прим. ред.: Юба – сын одноименного нумидийского царя, союзника римлян, живший в I в. до н. э. в Риме и составивший на греческом языке описание Африки (Ливии).

созвездие Весов река поднимается, и вода стоит на высоком уровне в течение ста дней. Затем вода начинает постепенно убывать, и вместе, со спадом вод, там, где ходили суда, появляются теперь всадники. 13. Чрезмерный разлив столь же губителен, как и недостаточный, так как слишком долгое стояние воды замедляет обработку земли, а недостаточный разлив угрожает плохим урожаем. Ни один землевладелец никогда не хотел, чтобы река поднималась выше 16 локтей. При умеренном разливе сделанный на влажной жирной почве посев дает семиде-{*270* }сятое зерно. [641]Нил – единственная река, которая не порождает никаких воздушных течений.

14. Египет богат различными видами животных; есть среди них земноводные и водяные, а также и такие, которые живут как на суше, так и в воде, почему и называются амфибиями. В сухих местах водятся газели, буйволы, очень забавные спинтурниции[642]и другие странные виды животных, которых нет нужды здесь перечислять.

15. Среди живущих в воде животных в огромных количествах водятся повсюду в тех местах крокодилы, зловредные четвероногие, живущие в обеих стихиях. Они лишены языка, подвижна у них только верхняя челюсть, усеянная рядами зубов; своими страшными зубами они крепко держат все, что схватят; размножаются они яйцами, похожими на гусиные. 16. Если бы при своих когтях они имели еще большие пальцы, то обладали бы достаточной силой для того, чтобы опрокидывать корабли. Они достигают в длину 18 локтей. Ночи они проводят в воде, а дни на суше, чувствуя себя в безопасности благодаря своему кожному покрову, который настолько крепок, что его чешую едва пробивает снаряд орудия. 17. Как ни свирепо это животное, оно перестает быть диким и свирепым в течение семи торжественных дней, когда жрецы в Мемфисе празднуют рождение Нила. 18. Кроме тех, которые дохнут от случайных причин, одни крокодилы гибнут от того, что водящиеся в Ниле, похожие на дельфинов животные распарывают им брюхо жесткими спинными плавниками, другие же вот по какой причине. 19. Маленькая птичка трохил, разыскивая себе корм, летает возле лежащего крокодила, ласкается к нему и, раздражая приятным щекотанием его щеки, доходит до самой глотки. Когда это видит энидр, род ихневмона, он вслед за птичкой проникает в открытую пасть и, разодрав ему живот и внутренности, пробивается наружу. 20. Крокодил очень смел, когда убегают от него, но очень труслив, когда встречает сопротивление. Когда он на суше, он имеет очень острое зрение. В течение четырех зимних месяцев он не принимает, как говорят, никакой пищи.

21. Водятся в тех странах также гиппопотамы, самые смышленые из бессловесных животных. Внешне похожие на лошадь, они имеют раздвоенные копыта и короткие хвосты. Чтобы показать их смышленость достаточно будет привести два примера. 22. Это животное устраивает себе логово в высоком и очень густом камыше, очень старательно охраняет свою безопасность и, когда представляется возможность, выходит кормиться на засеянных полях. А {*271* } когда, наевшись, уходит назад, то оставляет в различных направлениях много следов, чтобы

641 **641.** Прим. ред.: Т. е. урожай сам-семьдесят.

642 **642.** Вид обезьян.

охотник не имел возможности выследить его по прямому следу и убить. 23. Если от чрезмерной жадности у гиппопотама раздуется живот и он ослабеет, то волочит ноги и ляжки по свежескошенному камышу, чтобы выпущенная из израненных ног кровь облегчила раздувшееся от обжорства тело, а израненные места обмазывает грязью, пока раны не зарубцуются. 24. Римский народ впервые увидел этих неведомых дотоле чудовищ в эдильство Скавра, отца того Скавра, которого защищал Цицерон, в своей речи приказывая населению Сардинии присоединиться в суждении об этой знатной фамилии к мнению о ней всего мира[643]В последующие времена нередко доставляли гиппопотамов в Рим, а теперь их нигде нельзя найти. Местные жители рассказывают, что они перебрались в страну блеммиев, спасаясь от множества преследователей.

25. Среди египетских птиц, разнообразные породы которых нельзя даже сосчитать, священным считается милая птица ибис. Она полезна тем, что носит птенцам своим в гнездо змеиные яйца и содействует, таким образом, уменьшению количества этих смертоносных гадин. 26. Та же птица выступает против стай крылатых змей, которые напитываются ядом из болот Аравии. Прежде чем те успеют выйти из своих пределов, ибисы дают им битву на воздухе и пожирают их. Об ибисе рассказывают, что он кладет яйца через клюв. 27. И в самом Египте водится чрезвычайно много змей и притом страшно ядовитых: василиск, амфисбэна, скитала, аконтия, дипсада, ехидна и много других. Всех их превосходит размерами и красотой аспид, который никогда сам не покидает вод Нила [644]

28. Много в тех странах такого, что стоит посмотреть. Отмечу лишь немногое. Повсюду там храмы огромных размеров. Ко всем чудесам света причисляются пирамиды, медленность и трудность сооружения которых описал Геродот. Это башни, превышающие высотой все сооружения, воздвигнутые человеческими руками, очень широкие у основания и заканчивающиеся острой вершиной. 29. Фигура эта потому носит у геометров название пирамиды, что кверху она сужается конусом наподобие огня, τουπυρό по-гречески. Так как их громада, воздымаясь на огромную высоту, постепенно сужается, то она, в соответствии с рассчетом механики, дает сокращающуюся тень.

30. Есть там и подземные каналы, и извилистые подземные ходы. Рассказывают, что знатоки древних обычаев, предвидя в {*272* } будущем потоп и опасаясь исчезновения памяти о религиозных церемониях, с великим трудом соорудили их в разных местах. На гладко обтесанных стенах высечены были изображения многих видов птиц и зверей и всяких других животных, что и получило название иерографических письмен...

31. Далее находится Сиена (Асуан). Во время солнцестояния, когда Солнце начинает свой летний путь, его лучи, освещая все перпендикулярно, не позволяют тени выходить за пределы тела. Поэтому если поставить прямо палку или посмотреть на стоящего человека или дерево, то можно заметить, что тень заканчивается в очертаниях самого предмета. Совершенно такое же явление происходит и в Мероэ, лежащей в Эфиопии в непосредственной близости к тропику, где в течение 90 дней

643 **643.** Cic. pro M. Aemillo Scauro, 20.

644 **644.** По истолкованию Валезия, – ошибочно понятое свидетельство Лукана 9, 704–7.

тень падает в сторону противоположную, чем у нас; поэтому и жителей тамошних зовут «антискиями» (противотенными). 32. Но так как обилие достопримечательностей Египта далеко выходит за план, намеченный мной для своего труда, то предоставляю описание их людям высоких талантов, а сам расскажу лишь кое-что о провинциях.

16.

1. В древние времена в Египте было три провинции: собственно Египет, Фиваида и Ливия; впоследствии прибавились две: от Египта отделена была Августамника и от безводной Ливии – Пентаполь. 2. В Фиваиде среди многих других городов нам более известны Гермополь (Ахмуним), Копт (Кефт) и Антину(поль), который построил Адриан в память юноши Антиноя; [645]а стовратные Фивы знает, конечно, всякий.

3. В Августамнике есть знаменитый город Пелузиум [646]Он был основан, как рассказывают, Пелеем, отцом Ахилла, когда внушением богов ему было приказано совершить над собой обряд очищения в озере, омывающем стены этого города, чтобы избавиться от Фурий, преследовавших его после убийства им брата по имени Фока. Далее там расположены города Кассий (Эль-Катиех), где находится гробница Помпея Великого, Остракина и Ринокорура (Эль-Ариш).

4. В Ливии-Пентаполе лежит Кирена, древний, ныне пришедший в запустение город, основанный спартанцем Баттом, [647]Птолемаида (Толомета), Арсиноя, она же Тевхира (Тохира), Дарнида и Береника (Бенегази), которую называют также Гесперидами. А в безводной Ливии – Парэтоний (Аль-Беретун), Хэрекла и Неаполь (Лебида), кроме еще нескольких незначительных городов. {*273* }

6. Собственно Египет, который со времени присоединения к Римской державе управляется префектами, славится величайшими городами Атрибис (Атриб), Оксиринх (Бехнезе), Тмуис (Тмэйэль-Эмдид) и Мемфис (Мериф). Кроме того в нем много меньших городов.

7. Венец всех городов – Александрия. Славу ее возвышало многое: и великое имя основателя, и искусство архитектора Динократа. При закладке огромных и великолепных ее стен Динократ, из-за отсутствия в данный момент извести, заменил ее мукой. Это случайное обстоятельство оказалось знамением будущего, а именно, что город этот будет изобиловать съестными припасами. 8. Господствующие там воздушные течения благоприятны для здоровья, воздух мягок и приятен, и, как выяснено на опыте, не проходит почти ни одного дня, чтобы жители этого города не видели ясного солнца. 9. Так как берег моря в этом месте со своей ненадежной и коварной линией, подходя к суше, причинял раньше много бедствий мореходам, Клеопатра решила соорудить в порту высокую башню, которая называется Фаросом [648]по названию места, и по ночам

645 **645.** Прим. ред.: Возлюбленный имп. Адриана, умерший совсем молодым.

646 **646.** Развалины этого города находятся близ города Тинех, неподалеку от Дамиетты.

647 **647.** Прим. ред.: См. Геродот 4, 159. {537}

648 **648.** Прим. ред.: Маяк на Фаросе был воздвигнут при царе Птолемее II ок. 280 г. до н. э.; признавался одним из чудес света.

она светит кораблям. А раньше мореходы, прибывавшие из Парфенийского и Ливийского морей, не имея в качестве ориентира ни гор, ни холмов на широком и плоском берегу, попадали на мягкие и засасывающие отмели и терпели крушение.

10. Та же самая царица построила гептастадий, здание удивительное как по скорости сооружения, так и по громадным размерам. Повод для этого известен и вполне основателен. Остров Фарос, где, как подробно рассказывает об этом Гомер [649]пребывал со стадами тюленей Протей, лежит от берега в 1000 шагах. Он платил дань родосцам. 11. Когда однажды сборщики податей явились туда и потребовали огромную сумму, царица с отличавшей ее изобретательностью на всякие хитрости под предлогом религиозного праздника увезла их в одно из предместий и приказала начать работу и вести ее без малейшего перерыва до конца. В семь дней был сооружен мол в семь стадий длиною и суша выиграла это пространство за счет моря [650]Затем царица проехала на колеснице до самого Фароса и заявила родосцам, что они пребывают в заблуждении, так как имеют право требовать пошлину с островов, а не с континента.

12. В городе есть очень высокие храмы. Выделяется среди них Серапей. [651]Моя речь бессильна описать его. Обширные, окруженный колоннадами дворы, статуи, дышащие жизнью, и множество других {*274* } произведений искусства, все это украшает его настолько, что после Капитолия, которым увековечивает себя достославный Рим, ничего более великолепного не знает Вселенная. 13. В этом храме были помещены книжные сокровища неоценимого достоинства. Но древние писатели единогласно свидетельствуют, что когда, во время Александрийской войны при диктаторе Цезаре, город подвергся разграблению, сгорело 700 тысяч томов, которые были собраны неусыпными трудами царей Птолемеев.

14. В 12 милях от Александрии находится Каноп (Абукир), который получил свое название, по свидетельству древней истории, по имени погребенного там кормчего Менелая. Город имеет роскошные храмы и веселые гостиницы; воздух здесь до такой степени приятен и здоров, что можно подумать, будто находишься вне пределов нашего мира, когда, пребывая там, услышишь под открытым небом ласкающий шум ветра.

15. Сама Александрия не вырастала, как другие города, постепенно, но при самом основании заняла огромное пространство. Часто страдала она от внутренних волнений, и, наконец, в правление Аврелиана раздоры между гражданами дошли до кровавых столкновений; стены были разрушены, и город потерял бо́льшую часть квартала, называвшегося Брухион, который служил в течение долгого времени местом жительства выдающихся мужей. 16. Отсюда происходили знаменитый грамматик Аристарх, глубокий исследователь науки Геродиан, учитель Плотина Аммоний Саккас и многие другие писатели, создавшие себе имя в

649 **649.** Hom. Od. 4, 400.

650 **650.** 7 стадий = 1,249 километра.

651 **651.** Прим. ред.: Храм Сераписа-Осириса в Александрии, существовавший на этом месте еще до прихода в Египет Александра Македонского. Разрушен христианами в 391 г.

литературе. Среди них выделялся Дидим Халкентер, известный обилием разнообразных познаний. В шести своих книгах, в которых он иногда неудачно нападает на Цицерона, он подражал силлографам, популярным писателям. Однако, по мнению ученых, он производит такое впечатление, как если бы щенок издали со своим слабым голоском лаял на страшно рыкающего льва. 17. И хотя кроме названных мной ученых прославилось здесь и много других еще в древности, но и теперь не умолкли в этом городе разные науки. Есть еще дух жизни в учителях наук, циркуль геометра раскрывает там разные тайны, не иссякла у них вовсе и музыка, не смолкла гармония, поддерживают некоторые доселе, хоть и немногие, наблюдение мирового движения и течения небесных светил, немало есть ученых, занимающихся числами, а кроме того есть специалисты по части раскрытия путей судеб. 18. А что до медицины, помощь которой так часто бывает нужна в нашей неумеренной и нетрезвой жизни, то ее изучение со дня на день усиливается настолько, что, хотя в этой области дело само показывает мастера, врачу вместо любого доказательства своей опытности достаточно в виде рекомендации о своем искусстве заявить, что он изучал медицину в {*275* } Александрии. 19. Но довольно об этом. Если же кто желает достичь разумения божественного и бодрым разумом постичь начало предчувствий, то он увидит, что познания этого рода распространились по всему миру из Египта. 20. Здесь впервые люди задолго до других дошли до различных, так сказать, инкунабул религии и тщательно охраняют первые основы священнодействий, заключенные в тайных писаниях. 21. Усвоив эту мудрость, Пифагор, воздававший богам сокровенное поклонение, сумел придать всему, что говорил или намеревался сделать, высший авторитет и часто показывал свое золотое бедро в Олимпии [652]и его видели беседующим с орлом. 22. Благодаря египетской мудрости Анаксагор смог предсказать каменный дождь и, потрогав ил из колодца, – предстоящее землетрясение. И Солон, воспользовавшись изречениями египетских жрецов, издал свои справедливые законы и оказал ими великую помощь римскому праву. Из этих источников черпал, не повидав Египта, Иисус в возвышенном полете своих речей, он – соперник Юпитера, герой достославной мудрости.

23. Жители Египта в основном смуглы, имеют лицо скорее черноватое, чем мрачное, тонки и сухопары телосложением, легко приходят в возбуждение по любому поводу, спорщики и жестокие упрямцы. У них стыдится тот, кто не может показать множество шрамов на теле за отказ платить подати, и до сих пор не могли еще изобрести орудия пытки, которое могло бы у какого-нибудь закоренелого разбойника в этой стране вырвать против воли настоящее его имя.

24. Известно, что Египет, как свидетельствуют об этом древние летописи, находился прежде под властью дружественных Риму царей. Но когда в морской битве при Акции побеждены были Антоний и Клеопатра, Октавиан Август овладел Египтом [653]и сделал его провинцией. Безводную Ливию мы унаследовали по завещанию царя Аниона; Кирену с остальными городами ливийского Пентаполя мы получили, благодаря щедрости Птолемея. Позволив себе это длинное отступление, вернусь

652 **652.** Пифагор выдавал себя за воплощение Аполлона См. Iamblichi De vita pythagorica, 19, 91 сл.; 27, 103 (Nauck, p. 67–69, 99).

653 **653.** Прим. ред.: В 30 г. до н. э.

назад к моему повествованию. {*276* }

Книга XXIII

(год 363)

1. Август Юлиан делает тщетную попытку восстановить давно разрушенный храм в Иерусалиме.

2. Он приказывает царю Армении Арсаку готовиться к войне с персами и со своей армией и вспомогательными войсками скифов переходит через Евфрат.

3. Когда Август Юлиан проходил через Месопотамию, царьки сарацинских племен поднесли ему золотую корону и сами предложили вспомогательные отряды. Римский флот из тысячи ста судов приводит в ужас Евфрат.

4. Описание стенобитных машин: баллисты, скорпиона или онагра, тарана, гелеполия и огненосных снарядов.

5. Август Юлиан переходит по наводному мосту реку Абору у Цирцезия со всеми своими войсками и держит речь перед солдатами.

6. Описание 18 важнейших провинций персидского царства, а также городов в каждой из них и обычаев населения. {*277* }

1.

1. Таковы были важнейшие события истекшего года. В новом году Юлиан, бывший уже три раза консулом, принял в четвертый раз этот высший сан, взяв себе в товарищи по трабее [654]префекта Галлии Саллюстия. Новостью казалось товарищество частного человека с Августом, так как никто не помнил, чтобы это случалось после консульства Диоклетиана и Аристобула. [655]2. Предусматривая возможность всякого рода неожиданных случайностей Юлиан самым настойчивым образом и с большим усердием вел приготовления к походу. Но в то же время он умел выказать заботу обо всех сторонах жизни государства и, желая оставить для будущих веков память о своем правлении великими сооружениями, задумал восстановить славный некогда иерусалимский храм, не жалея для этого никаких расходов. Веспасиан, а затем Тит выдержали целый ряд кровавых битв, прежде чем удалось осадить это здание и взять его штурмом. [656]Спешное исполнение этого предприятия Юлиан поручил антиохийцу Алипию, который был до того вице-префектом Британии. 3. Алипий усердно принялся за дело; правитель провииции (Палестины) оказывал ему содействие, но страшные

654 **654.** Консульское одеяние, являвшееся отличием консульского сана.

655 **655.** Прим. ред.: Тит Аврелий Аристобул, префект претория при имп. Карине был выдвинут на 285 г. в консулы. Пришедший к власти Диоклетиан сохранил это назначение и стал сам консулом вместе с Аристобулом.

656 **656.** Прим. ред.: Иерусалим был осажден в 68 г. армией под командованием Веспасиана. После того, как последний в 69 г. стал императором, войну продолжил его старший сын Тит, который в 70 г. взял город штурмом и разрушил храм.

клубы пламени, вырывавшиеся частыми вспышками близ фундамента, сделали это место недоступным для рабочих, так как их несколько раз обожгло. Так и прекратилось это начинание из-за упорного сопротивления стихии.

4. Примерно в то же время император предоставил разные почетные посты членам посольства, отправленного к нему из Вечного города. То были люди, принадлежавшие по рождению к высшей знати и имевшие общественные заслуги. Апрониана он назначил префектом Рима, Октавиана – префектом Африки, Венусту предоставил викариат Испании, Руфина Арадия сделал комитом Востока вместо недавно скончавшегося дяди своего Юлиана. 5. Когда эти назначения были проведены надлежащим образом, {*278* } как раз в это время повергло его в ужас одно предзнаменование, которое, как оказалось впоследствии, было совершенно верным. Скоропостижно скончался комит государственного казначейства Феликс от истечения крови, а вскоре за ним скончался комит Юлиан, и чернь, читая надписи на статуях Юлиана произносила слова: Felix, Iulianus, Augustus. 6. До этого имело место другое дурное знамение. В самые январские календы, когда Юлиан восходил на ступени храма Гения, [657]один из жрецов, в более преклонных годах, чем другие, вдруг упал, хотя никто его не толкнул, и скоропостижно скончался. Присутствовавшие при этом то ли по неразумию, то ли желая польстить, говорили, что предсказание относится к старшему консулу, т. е. Саллюстию; но, как оказалось, то было знамение, что близится смерть не старшего по возрасту, а высшего по власти. 7. Кроме того и другие менее важные знамения указывали на будущее. Так, во время самого начала похода против персов пришло известие о землетрясении в Константинополе, и люди, сведущие в толковании знамений, говорили, что это нехорошее предзнаменование для государя, намеревающегося идти на чужую державу. Поэтому они советовали отказаться от несвоевеменного замысла, утверждая, что только тогда можно не обращать внимания на эти и подобные знамения, когда вторгается внешний враг: тогда действует один вечный закон, обязывающий защищать всеми способами благо государства, пренебрегая совершенно страхом смерти. Примерно в то же время император получил из Рима письменное донесение о том, что, согласно его приказанию, обращались с вопросом о предстоящей войне к Сивиллиным книгам и что получен был совершенно определенный ответ, что император не должен в этом году переступать границы своей державы.

2.

1. Между тем к Юлиану стали прибывать посольства от многих народов, которые предлагали ему свою помощь. Он оказывал им прием, но с подобающим достоинством давал ответ, что державе не подобает отстаивать себя пришлым вспомоществованием, но, напротив, самой защищать своими силами друзей и союзников, если необходимость заставит их просить о помощи. Только царю Армении Арсаку он предложил собрать большую армию и ожидать приказаний, куда ему направиться, обещая его в скорости известить, что он должен будет

657 **657.** Прим. ред.: Храм Гения города в Антиохии.

предпринять. Когда Юлиан собрал достаточные по своему мнению силы, он поспешил предупредить слух о своем вступлении в неприятельскую землю и еще в самом начале весны послал по отдельным отрядам приказ о походе и велел всем переходить через Евфрат. 3. Как только {*279* } приказ был получен, все выступили с зимних квартир и, собравшись на разных стоянках, ожидали прибытия государя. А сам он еще до своего отъезда из Антиохии поставил во главе юрисдикции сирийского округа некоего Александра из Гелиополя [658]человека вспыльчивого и сурового, и говорил, что не человек этот заслужил этот пост, но что такой именно судья – подходящий человек для корыстолюбивых и дерзких на язык антиохийцев. 4. Во время отъезда на проводы пришла огромная толпа людей разного звания и положения; все высказывали пожелания счастливого пути и славного возвращения и просили быть затем мягче и снисходительнее. Но гнев Юлиана на их насмешки и бранные клички еще не смягчился, и он отвечал в резком тоне, заявляя, что больше их не увидит. 5. Он говорил, что составил уже обратный маршрут и по окончании похода вернется на зимовку кратчайшим путем в Тарс киликийский; поэтому правителю провинции Меморию послано распоряжение сделать в этом городе все нужные приготовления. Это и случилось в скором времени: его труп был туда доставлен и в сопровождении самой скромной погребальной процессии предан земле в предместии, как он сам распорядился.

6. Когда солнце стало уже сильно греть, он выступил 5 марта и прибыл обычным путем в Гиераполь [659]при вступлении его в ворота этого огромного города внезапно обрушился левый портик; под страшной тяжестью рухнувших балок и камней погибло 50 находившихся там солдат, не считая множества раненых. 7. Здесь он собрал к себе все войска и с такой быстротой прошел Месопотамию, что, предупреждая молву о своем приходе – об этом он очень старался, – неожиданно занял Ассирию. Наконец, с армией и вспомогательными отрядами скифов (готов) он перешел Евфрат по наводному мосту и прибыл в Батны [660]муниципальный город Осдроены, где столкнулся со зловещим предзнаменованием. 8. Большая толпа фуражиров, собиравшая, как обычно, провиант, стояла около чрезвычайно высокой скирды пшеницы (в тех краях обыкновенно так складывают снопы). Напор рвавших снопы людей растряс скирду, она обвалилась и засыпала своим страшным обвалом также 50 человек.

3.

1. В глубокой печали двинулся он дальше и быстрым маршем прибыл в древний город Карры, прославленный гибелью Крассов [661]и римской армии. Здесь расходятся две дороги, ведущие в Персию: {*280* } левая – через Адиабену и Тигр, правая – через Ассирию и Евфрат. 2. Во время

658 **658.** Бальбек.

659 **659.** Мембедж.

660 **660.** Ср. 14, 3, 3. Хабур.

661 **661.** Прим. ред.: В 53 г. до н. э.

остановки в этом городе на несколько дней Юлиан занимался неотложными делами и совершил по местному ритуалу жертвоприношение богине Луны, которую чтут в тех областях. Рассказывают, что перед жертвенником без свидетелей он передал тайно своему родственнику Прокопию пурпурный плащ, поручив ему немедленно захватить верховную власть, если будет получена весть о его смерти в Персии. [662]3. И во сне тревожили здесь Юлиана сновидения, предвещавшие печальные события. Поэтому и он сам, и толкователи видений, принимая в расчет обстоятельства настоящего, признавали, что надо беречься следующего дня, которым было 19-е марта. Но, как стало известно позднее, в эту самую ночь в Вечном городе сгорел храм Аполлона Палатинского во время префектуры Апрониана, и если бы не были применены всевозможные противопожарные средства, то ярость пламени могла бы уничтожить даже Кумские (т. е. Сивиллины) книги.

4. Когда Юлиан был тут занят распоряжениями по войскам и заботами о провианте всякого рода, прискакали во весь дух разведчики и донесли ему, что конные отряды неприятеля, внезапно прорвавшись поблизости через границу, угнали добычу. 5. Пораженный этим неприятным известием, он тотчас же отрядил, как имелось это в виду по его военному плану, 30 тысяч отборных солдат и поставил их под начальство упомянутого выше Прокопия, к которому он прикомандировал с равными полномочиями комита Себастиана, бывшего дукса Египта. Он приказал им держаться по нашу сторону Тигра и бдительно следить, чтобы не произошло неожиданного нападения, как бывает нередко в подобных случаях, с той стороны, которая считалась совершенно безопасной; он поручил им также соединиться, если то возможно, с царем Арсаком и вместе с ним пройти через Кордуэну и Моксоэну, опустошить в быстром походе Хилиоком, плодородную местность Мидии, и другие области и соединиться с ним, пока он будет еще в Ассирии, чтобы поддержать его в случае надобности.

6. Распорядившись таким образом, Юлиан сделал вид, будто он намерен переправиться через Тигр, для чего специально заранее сделал распоряжения относительно устройства на этом пути провиантской части, а на самом деле выбрал направление направо. Проведя ночь спокойно, он потребовал наутро коня, на котором обычно ездил. Когда этот конь по имени Вавилонец был подведен, у него сделались колики: он упал на землю от боли и выпачкал чепрак, расшитый золотом и драгоценными камнями. Обрадованный этим предзнаменованием, Юлиан воскликнул при одобрительных криках близко стоявших: «Пал во прах Вавилон, растеряв все свои украшения». 7. Задержавшись на некоторое время, чтобы упрочить {*281* } это знамение гаданием на жертвенных животных, он прибыл в укрепленный лагерь Давану, где вытекает река Белий, впадающая в Евфрат [663]Подкрепившись здесь пищей и отдохнув, пришли на следующий день в Каллиник, город, весьма хорошо укрепленный и значительный по величине торгового оборота [664]Здесь провел Юлиан 27

662 **662.** Прим. ред.: См. кн. 26.

663 **663.** У других авторов эта река носит название Balicha, ее современное имя Белих.

664 **664.** Вероятно нынешний город Ракка, Forbiger, Handbuch der alten Geographie, II, стр. 630, прим. 48.

марта. В этот день ежегодно в Риме совершается торжественная процессия в честь Матери богов и обмывается водой реки Альмона колесница, в которой везут изваяние. Совершив священнодействие по древнему обычаю, Юлиан, воспользовавшись досугом, провел ночь в веселом и радостном настроении. 8. Выступив на следующее утро, он шел с армией, держась берега реки; уровень воды тогда был повышен от притока со всех сторон. Дойдя до одного места, он приказал разбить палатки. Здесь явились к нему царьки сарацинских племен. Они пали перед ним на колени, поднесли золотую корону, воздав ему поклонение, как владыке мира и своему властителю. Юлиан принял их очень любезно, так как знал их пригодность для партизанской войны. 9. Пока он держал перед ними речь, подошел флот, подобный тому, что снарядил некогда могущественный царь Ксеркс. [665]Командовали им трибун Констанциан и комит Луциллиан. Широкое русло Евфрата покрылось судами. Флот состоял из тысячи грузовых кораблей, построенных на различных верфях. Они были нагружены провиантом, оружием, осадными машинами. Кроме того было еще 50 боевых кораблей и столько же приспособленных для сооружения наводных мостов.

4.

1. Это обстоятельство дает мне повод сделать для людей, незнакомых с военным делом, краткое, но ясное описание военных орудий, насколько это позволяют мои скромные дарования. Начну с баллисты. Между двумя столбами приделывается большая крепкая полоса железа, вытянутая наподобие большого прав ла; к средней, цилиндрической части ее прилаживается далеко выступающий четырехугольный брус, в котором проделан прямой узкий канал. В этой части к брусу прикреплена толстая веревка из крученых жил, и он непосредственно соединен с двумя во́ротами. Около одного из последних становится наводящий, который осторожно кладет в углубление дышла деревянную стрелу с прикованным к ней боль-{*282* }шим железным наконечником. Когда это сделано, стоящие по обеим сторонам сильные люди быстро закручивают вороты. 3. Когда верхушка дойдет до конца веревок, стрела от внутреннего толчка летит так быстро, что ее едва может различить глаз, рассыпая иногда искры от чрезвычайной скорости. Часто случается, что прежде чем бывает видна стрела, ощущение боли дает знать о смертельной ране [666]

4. Скорпион, который в настоящее время называют онагром (дикий осел), имеет такую форму. Вытесывают два бревна из обыкновенного или каменного дуба и слегка закругляют, так что они подымаются горбом; затем их скрепляют наподобие козлов для пиления и пробуравливают на обеих сторонах большие дыры; через них пропускают крепкие канаты, которые дают скрепу машине, чтобы она не разошлась. 5. В середине этих канатов воздымается в косом направлении деревянный стержень

665 **665.** Прим. ред.: Во время греко-персидских войн, описываемых Геродотом, в 480 г. до н. э.

666 **666.** Описание баллисты так кратко и неясно, что составить себе понятие об этом орудии совершенно невозможно. Быть может, кое-что не уцелело в тексте. Орудие это гораздо сложнее, чем представляется в описании нашего автора и имеет больше частей, чем упомянуто у Аммиана Марцеллина.

наподобие дышла. Прикрепленные к нему веревки так его держат, что он может подниматься наверх и опускаться вниз. К его верхушке приделаны железные крючки, на которых вешается пеньковая или железная праща. Под этим деревянным сооружением устраивается толстая подстилка, набитый искрошенной соломой тюфяк, хорошо укрепленный и положенный на груду дерна или на помост, сложенный из кирпича. Если же поместить эту машину прямо на каменной стене, то она расшатает все, что находится под нею не из-за своей тяжести, но от сильного сотрясения. 6. Когда дело доходит до боя, в пращу кладут круглый камень, и четыре человека по обеим сторонам машины быстро вращают навойни, на которых закреплены канаты, и отгибают назад стержень, приводя его почти в горизонтальное положение. Стоящий наверху машины командир орудия выбивает тогда сильным ударом железного молота ключ, который удерживает все связи машины. Освобожденный быстрым толчком стержень отклоняется вперед и, встретив отпор в эластичном тюфяке, выбрасывает камень, который может сокрушить все, что попадется на его пути.

7. Эта машина называется tormentum, потому что напряжение достигается закручиванием (torquere),– скорпионом, потому что она имеет торчащее вверх жало; новейшее время дало ей еще название онагра, потому что дикие ослы, будучи преследуемы на охоте, брыкаясь назад, мечут такие камни, что пробивают ими {*283* } грудь своих преследователей или, пробив кости черепа, размозжают голову.

8. Теперь обратимся к тарану. Выбирают высокую ель или ясень и обивают один конец на достаточном протяжении толстым железом, придав ему форму бараньего лба, откуда происходит название этой машины [667]бревно подвешивают на поперечных балках, окованных железом, удерживая его в равновесии между ними. В соответствии с величиной бревна, приставляют к нему определенное число людей, которые то оттягивают его назад, то со всей силы толкают затем на сокрушение того, что находится впереди, наподобие того, как наскакивает и отступает баран. От частых ударов, как от одного за другим удара молнии, сооружения дают трещины и расшатанные стены обрушиваются. 9. Эта машина, если она приведена в действие со всей силой, лишает прикрытия защитников, приводит к концу осаду и открывает самые укрепленные города.

10. Вместо этих хитро придуманных таранов, которые из-за частого применения потеряли прелесть новизны, применяют машину, нередко упоминаемую в сочинениях исторических писателей, которую мы, греки, называем ’ελέπολιζ. Пользовавшийся ей часто и в течение долгого времени Деметрий, сын царя Антигона, завоевавший Родос и другие города, получил прозвище «Полиоркета» [668]11. Сооружают ее таким образом. Сбивают огромный штурмовой щит из толстых досок, скрепленных длинными железными гвоздями; покрывают его воловьими кожами и плетеньем из свежесрубленной лозы и обкладывают сверху мокрой глиной, чтобы обезопасить от брандеров и метательных снарядов. 12. С передней стороны насаживают отточенные тройные острия,

667 **667.** Aries значит баран.

668 **668.** Время его деятельности 317–283 годы до Р. Х.

примерно такие, какими живописцы рисуют или скульпторы высекают изображение молнии. Острия эти выковываются из железа, они очень массивны и сокрушают все, на что натолкнутся. 13. Это мощное сооружение ставится на колеса, и солдаты, разместившись за ним в значительном числе, направляют его движение канатами. Напрягая все силы, они придвигают его к более слабым частям стен, и, если защитники не в состоянии дать отпор, то эта машина сокрушает стены и открывает широкие проломы. 14. Маллеолы, род метательного оружия, изготовляются таким образом. К камышовому древку стрелы приделывается ниже острия коробка из железной проволоки, похожая по форме на женскую прялку, которой ткут полотняную пряжу; пустой ее желудочек со множеством мелких отверстий заполняется горючим материалом, закладывается также {*284* } и фитиль. 15. Если выпустить ее осторожно из слабо натянутого лука – фитиль тухнет от быстрого полета – и она вонзится во что-нибудь, то разгорается; от брызг воды пламя становится еще сильнее, и нет иного способа потушить огонь, как засыпать его песком. На этом я заканчиваю речь об осадных орудиях, из которых я описал лишь немногие. Теперь возвращаюсь к последовательности моего рассказа.

5.

1. Присоединив к себе вспомогательные отряды сарацинов, которые те предоставили с величайшей готовностью, Юлиан двинулся вперед ускоренным маршем и в самом начале апреля вступил в Керкузий [669]сильную крепость, заложенную по всем правилам военного искусства. Реки Абора [670]и Евфрат окружают ее стены, образуя как бы остров. 2. До Диоклетиана это был незначительный и слабый пункт; но этот император окружил его высокой стеной с башнями, когда усиливал охрану границ со стороны варваров, чтобы персы не могли разгуливать по Сирии, как случилось недавно с большим ущербом для этой области. 3. Так, когда однажды в Антиохии, во время глубокого мира один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки и публика залюбовалась изяществом исполнения, жена его вдруг сказала: «Если это не сон, то вот персы». Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась, кто куда мог. Город был подожжен, убито много мирно разгуливавших людей, в окрестностях произведены были страшные грабежи и поджоги, и враги с огромной добычей беспрепятственно ушли домой. Мариад, [671]который безумно привел их на гибель своих сограждан, был сожжен живым. Это случилось во времена Галлиена [672]

4. Пока Юлиан находился в Керкузии, чтобы переправить по надводному мосту на Аборе армию и весь обоз, он получил скорбное

669 **669.** Киркисия.

670 **670.** Хабур.

671 **671.** Прим. ред.: Мариад, куриал из Антиохии, был за растрату исключен из курии и перебежал к персам.

672 **672.** Годы правления: 253–268.

письмо от префекта Галлии Саллюстия, который умолял его отложить поход против персов и заклинал не рисковать столь несвоевременно и не вымолив мира богов, неизбежной гибелью. 5. Но Юлиан не обратил внимания на осторожный совет и смело шел дальше, так как никогда еще никакое человеческое могущество и никакая доблесть не могли спасти от предрешенного неизбежным роком. Сразу после перехода через реку он приказал разобрать {*285* } мост, чтобы ни один солдат не мог задумать уйти из своей части назад. 6. И здесь опять случилось неблагоприятное предзнаменование: простертый труп одного провиантского служащего, который был казнен рукой палача. Состоявший при императоре префект Саллюстий приговорил его к смертной казни за то, что он, пообещав доставить определенное количество провианта к некоторому сроку, вследствие случайной помехи этого не выполнил. Но на следующий день после того, как был казнен этот несчастный, подошел, как он и обещал, другой флот, обильно нагруженный провиантом.

7. Выступив оттуда, мы пришли в место именуемое Зайта, что означает в переводе «оливковое дерево» [673]Здесь мы увидели издалека заметную гробницу императора Гордиана [674][675]. В соответствующем месте я описал его деяния с ранней юности, счастливые походы во главе армий и злокозненное его убийство. 8. Юлиан, верный своему религиозному настроению, принес здесь жертву обожествленному государю [676]Когда затем, продолжая путь, он направлялся в запустевший город Дару, то разглядел издали отряд солдат и остановился на месте недоумевая, что они несут. И вот они поднесли ему льва огромных размеров, который напал на их строй и был пронзен множеством стрел. Ободренный этим предзнаменованием Юлиан преисполнился гордыми надеждами на будущее; но голос судьбы всегда неверен и исход дела оказался совсем иной. То было предвестие смерти царя, но оставалось неизвестным, которого. 9. В истории мы читаем, что даже ответы оракула бывали двусмысленными, и только последующие обстоятельства объясняли их смысл. Таково предсказание Дельфийского оракула, в котором предвещалось разрушение великого царства Крезом после перехода через реку Галис, а также другое, в котором афинянам для борьбы с мидянами (персами) сокровенно указано было на море. [677]Таково и позднейшее, несомненно, истинное, но не менее двусмысленное:

Aio te Aeacida Romanos vincere posse.[678]

10. Этрусские гаруспики, знатоки в деле предзнаменований, находившиеся в свите императора, давали неоднократно совет отменить

673 **673.** В 20 римских милях южиее Керкузия.

674 **674.** Годы правления 238–244.

675 **675.** Прим. ред.: Гордиан III после смерти был официально обожествлен в соответствии со сложившейся еще в первые века империи традицией.

676 **676.** Consecratio – формальный акт, которым умерший император становился divus, т. е. причислялся к лику богов римского государства.

677 **677.** Прим. ред.: См. Геродот 1, 53; 7, 140–143.

678 **678.** Смысл может быть двоякий: «я утверждаю, что ты, Эакид, можешь победить римлян» и «я утверждаю, что римляне могут победить тебя, Эакид».

этот поход. Но им не хотели верить. И вот они вынесли свои книги, относящиеся к военному делу, и свидетельствовали, что это знамение задерживающего значения и что оно неблагоп-{*286* }риятно для государя, предпринимающего наступательную, хотя бы и справедливую, войну в чужие пределы. 11. Но они были бессильны перед возражениями философов. Эти последние пользовались тогда влиянием на императора, хотя они часто ошибаются и часто упорно отстаивают свои мнения о вещах, с которыми мало знакомы. В качестве аргумента, подтверждающего свое толкование, они приводили факт из прошлого. Когда император Максимиан [679]собирался вступить в битву с Нарзесом, царем персидским, убиты были лев и огромный кабан и поднесены ему. Он одержал тогда победу и вернулся невредимым. Философы не учитывали того, что это знамение предвещало гибель наступающему, а тогда Нарзес первый занял Армению, находившуюся в зависимости от Рима. 12. На следующий день – это было 7 апреля, – когда солнце уже склонялось к закату, набежало маленькое облачко, вдруг сгустившее воздух и заставившее померкнуть свет. Грозно раздались один за другим удары грома, и молния убила солдата, по имени Иовиан, и двух лошадей, которых он вел назад, напоив в реке. 13. Вызваны были по этому поводу толкователи знамений и опрошены. Они настойчиво заявляли, что и это знамение воспрещает поход и утверждали, что эта молния – «советодательная» – так называются молнии, которые советуют что-либо или отсоветуют. Это знамение, по их мнению, было тем значительнее, что молния убила солдата, носившего столь великое имя [680]вместе с боевыми конями, а книги о молниях не позволяют ни смотреть на места, пораженные молнией, ни ступать на них. 14. Философы, напротив, говорили, что блеск священного, внезапно увиденного огня не заключает в себе никакого предзнаменования, что это только течение более сильного дуновения, направленного некоей силой из эфира вниз; если же отсюда можно получить указание на будущее, то этим предрекается императору в его славнолюбивых предприятиях возрастание его славы, так как известно, что пламя по самой своей природе без сопротивления воздымается вверх.

15. Когда мост, о котором я упоминал, был наведен и вся армия переправилась через реку, император счел своим долгом обратиться с речью к солдатам, которые неустрашимо рвались вперед и были исполнены уверенности как в себе, так и в своем предводителе. По сигналу трубы собрались все центурии, когорты и манипулы; император, встав на земляное возвышение, окруженный высшими сановниками, держал такую речь с радостным выражением лица при единодушном расположении к нему всего собрания. {*287* }

16. «Храбрые мои солдаты! Видя, что вы полны силы и бодрости, я решил обратиться к вам с речью, чтобы доказать вам разнообразными аргументами, что не теперь впервые, как нашептывают мои зложелатели, проникли римляне в Персидское царство. Не стану говорить о Лукулле или Помпее, [681]который, пройдя через земли албанов и массагетов

679 **679.** В 296 году.

680 **680.** Iovianus – производное от Iupiter, Iovis.

681 **681.** Прим. ред.: Походы Лукулла против понтийского царя Митридата VI Евпатора состоялись в 74–71 гг. до н. э. Позднее Помпей также провел здесь несколько военных

(которых мы называем теперь аланами [682]разбил и это племя (персов) и видел Каспийское море. Мы знаем также, что легат Антония [683]Вентидий дал в этих пределах много кровавых битв. 17. Но, оставляя древние времена, я разверну пред вами то, что сохранила новая история. Из этой страны вернулись с победами и трофеями Траян, Вер, Север; также вернулся бы и Гордиан Младший, памятник которому мы теперь почтили. Он победил и обратил в бегство персидского царя при Резайне, но, по проискам преторианского префекта Филиппа и нескольких преступных его пособников, его сразил преступный удар на том самом месте, где он погребен. [684]Недолго бродила его тень неотмщенной: сама справедливость выступила против посягнувших на него, и они погибли мучительной смертью. [685]18. Стремление к великим делам побудило этих государей совершить достопамятные подвиги. А нас призывают к этому предприятию горестная судьба недавно завоеванных городов, неотомщенные тени воинов погибших армий, страшные потери, утраты близких. Обеты всех побуждают нас уврачевать беды прошлого и, обеспечив за государством безопасность на этой границе, оставить потомству материал для прославления нашего имени. 19. С помощью бога вечного буду я с вами повсюду, как полководец со счастливыми, как надеюсь, ауспициями, и как воин, то впереди пешего строя, то в рядах наступающей конницы. А если изменчивая судьба застигнет меня в бою, с меня будет довольно того, что я пожертвовал собой за римский мир подобно древним Курциям, Муциям [686]и славному роду Дециев. Мы должны уничтожить этот враждебный нам народ, на мечах которого еще не высохла кровь наших близких. 20. Много поколений одно за другим проходили у наших предков, прежде чем они наконец истребляли тех, кто был их врагом. Лишь после тяжелых и продолжительных войн побежден был Карфаген, но славный вождь побоялся оставить город после победы. До основания разрушил Нумацию Сципион после тяжких испытаний осады. [687]Рим разрушил город Фидены, [688]чтобы {*288* } не дать вырасти сопернику своего владычества. Раздавил он фалисков и Вейи так, что нам

кампаний.

682 **682.** Албаны занимали область, прилегавшую к Каспийскому морю южнее Кавказского хребта. Аланы – кочевое население арийского племени на севере от Кавказского хребта. Остатком алан являются в настоящее время осетины. Позволю себе сослаться на свою работу: Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

683 **683.** Прим. ред.: Имеется в виду Марк Антоний, под юрисдикцию которого в соответствии с соглашением, приведшим к образованию 2-го триумвирата (Октавиан, Антоний, Лепид), попал Восток. Здесь он провел ряд военных походов против парфян и в итоге в 35 г. до н. э. потерпел решительное поражение и с трудом спас армию.

684 **684.** Прим. ред.: См. прим. 8.

685 **685.** Прим. ред.: Имп. Филипп Араб пал в 249 г. в битве с Децием под Вероной.

686 **686.** Liv. II 12; VII 6.

687 **687.** Прим. ред.: В 133 г. до н. э.

688 **688.** Прим. ред.: В 396 г. до н. э.

трудно поверить древним историкам, что эти общины были некогда могущественны [689]21. Вот что я вам рассказал, как близко знакомый с родной древностью. А теперь остается, чтобы каждый из вас, позабыв о корысти, которая нередко бывала гибельна для римских солдат, держался в походе своей части, и если дело дойдет до необходимости сразиться, следовал за своим знаменем. Знайте, что кто останется позади, тому враг подрежет жилы на ногах. Ничего я не боюсь, кроме коварства и засад нашего прославленного своей хитростью врага. 22. В заключение я даю обещание: после благополучного окончания этого похода, отказавшись от прерогативы государей, которые в силу своей власти считают справедливым все, что они скажут или постановят, дать отчет всякому, кто потребует, о своих удачных и неудачных мероприятиях. 23. Поэтому воспряньте, прошу вас, воспряньте духом в предчувствии грядущих успехов. В равной мере со мной примите вы на себя трудности, которые выпадут нам на долю, и будьте уверены, что победа всегда оказывается на стороне правды».

24. Такими бодрящими словами он закончил свою речь. Исполненные воинского духа солдаты, гордившиеся славою своего вождя и воодушевленные надеждой на удачу, подняли щиты и кричали, что не существует для них никаких опасностей и трудностей под командой самого императора, который берет на себя больше труда, чем возлагает на простого солдата, 25. С особенным воодушевлением выказывали свою радость галльские легионы, помнившие то, как не раз под его командой, когда он самолично объезжал ряды, на их глазах падали в прах или молили о пощаде варварские племена.

6.

1. Дойдя до этого места в своем изложении, я считаю уместным сделать отступление, чтобы описать географическое положение Персии. В народоописаниях (землеописаниях) имеются об этой стране подробные рассказы, но лишь в очень немногих сообщены верные сведения. Если мое описание будет несколько подробнее, то тем полезнее окажется оно для полного представления. Кто чрезмерно старается в повествовании о неизвестном быть кратким, тот озабочен не тем, что он хочет определенно выяснить, а тем, что он должен опустить. {*289* }

2. Это царство, некогда весьма небольшое по размерам и по причинам, которые я часто приводил, носившее различные имена, после того как рок похитил в Вавилоне Александра Великого, стало достоянием парфянина Аршака [690]То был человек низкого происхождения. [691]В юности он был атаманом разбойников, но постепенно возвысился в своих стремлениях и составил себе славное имя рядом блестящих деяний. 3. После многих славных и храбрых подвигов он одержал победу над

689 **689.** Ib. IV 17 сл.; V 25–27.

690 **690.** Iustin. XLI 4.

691 **691.** Прим. ред.: Аршак (Арсак), основатель парфянской династии Аршакидов, владевшей Персией с 228 г. до н. э., по 226 г. н. э., и в итоге свергнутой и замененной исконной персидской династией Сасанидов, происходил из кочевого племени парнов, вторгшихся в древнюю Парфию.

преемником Александра Селевком Никатором (победитель), [692]которому это прозвище принесли его многочисленные победы. Изгнав македонские гарнизоны, Аршак не нарушал мира и в отношении своих подданных проявлял милосердие и справедливость. 4. Все соседние области он победил силой, соображениями справедливости или страхом своего имени; Персию наполнил городами, крепостями и укреплениями, сделал ее грозной для соседних народов, перед которыми она раньше сама трепетала, и умер спокойной смертью, будучи еще среднего возраста. Знать и простой народ были единодушны в своем суждении о нем, и его первого присоединили к сонму звезд, как они это полагают в своих религиозных представлениях. 5. Поэтому и до нашего времени удержался обычай, что гордые цари этого народа именуются братьями Солнца и Луны; и подобно тому как нашим императорам приятно и желанно имя Августа, так для жалких и бесславных некогда парфянских царей под счастливыми ауспициями Аршака создались величайшие отличия, 6. И теперь еще воздают ему культ, как богу, и оказываемый ему почет ведет к тому, что и в наши дни потомки Аршака имеют преимущество перед всеми другими в наследовании верховной власти и во всякого рода междоусобицах, которые у них нередки, всякий перс боится, как святотатства, ударить своей рукой Аршакида, будь он воин или частный человек. [693]

7. Известно, что этот народ, одолев много других народов, расширил свое царство до Пропонтиды и Фракии; но высокомерие некоторых царей, питавших гордые замыслы и совершавших очень далекие походы, повергло царство в тяжкие бедствия и уменьшило его пределы. Таков прежде всего Кир. [694]С несчетной ратью он перешел Боспор; но скифская царица Томирида, горя жаждой мести за своих сыновей, истребила его полчища до последнего человека. 8. Позднее, когда Дарий, а за ним Ксеркс ополчились на Грецию и перенесли войну в другую стихию (море), потеряли они на море и на суше почти все свои войска и едва спаслись сами. Оставляю в стороне войны Александра и то, что по его завещанию весь народ перешел под власть единого преемника. {*290* }

9. В течение долгого времени в период республики и затем при императорах эти народы вели время от времени войну с нами; иной раз исход бывал нерешителен, в другой персы терпели поражение, а иногда оказывались победителями.

10. А теперь я хочу представить в очень кратком очерке, насколько это позволяет общий план моего сочинения, описание страны. Эти области имеют большую протяженность по долготе и широте. Они охватывают со всех сторон Персидское море, усеянное островами и весьма оживленное по морским сношениям. Утверждают, что вход в это последнее (из океана) настолько узок, что из Гармозонта, мыса Кармании, совершенно отчетливо виден противоположный мыс, который местные

692 **692.** Прим. ред.: Аммиан здесь путает Селевка I Никатора с его сыном Селевком II Калинником, воевавшим с Аршаком.

693 **693.** Прим. ред.: Явный анахронизм: династия Аршакидов была свергнута с персидского престола еще в 226 г.

694 **694.** Прим. ред.: Кир Великий, персидский царь в 559–529 гг. до н. э., основатель мировой персидской державы. См. Геродот 1, 204–215.

жители называют Маки. 11. За этим узким проливом море разливается широко и плаванье совершается до города Тередона, где впадает в море Евфрат, оскудевший по пути водой. Залив имеет вид круга, и его береговая линия достигает 20 тысяч стадий.[695]Вдоль побережья рядом друг с другом лежат города и селения, и по побережью идет живой морской оборот. 12. За проливом расстилается Караманский залив, лежащий к востоку. Южный залив называется Кантих. Неподалеку от него – другой, лежащий к западу, который называется Халит. Отсюда, мимо множества островов, из которых лишь немногие известны, достигают Индийского океана. Так как он первый принимает горячие лучи восходящего солнца, то температура воды в нем высока. 13. По чертежам географов весь вышеописанный круг земель имеет такой вид. С севера и до Каспийских ворот он граничит с кадусиями, многочисленными скифскими племенами и аримаспами, дикими одноглазыми людьми; с запада соприкасается с армянами горой Нифатом, живущими в Азии албанами, Красным морем и сценитскими арабами, которых позднее прозвали сарацинами; на юге он имеет перед собой Месопотамию, а прямо к востоку простирается до реки Ганга, который прорезает земли индийцев и впадает в южное море. 14. Важнейшие провинции Персии, которыми управляют витаксы, т. е. командиры конницы, цари и сатрапы, – перечислять множество меньших было бы затруднительно, да и излишне – следующие: Ассирия, Сузиана, Мидия, Персия, Большая Кармания, Гиркания, Маргиана и земли бактрийцев, согдианов и саков, далее Скифия по ту сторону Имая и до этой горы, Серика, Ария, Паропамисады, Дрангиана, Арахозия и Гедрозия.

15. Изо всех этих провинций как по численности населения, так и по территории и плодородию почвы первой является Ассирия. {*291* } Некогда эта область охватывала множество различных народов и крупных поселений, затем вошло в обычай обозначать их одним именем и теперь вся эта область зовется Ассирией. Помимо обилия древесных плодов и злаков, есть в этой стране и нефть близ озера, называющегося Сосингит. Озеро это поглощает реку Тигр, который течет затем под землей и на большом расстоянии выходит снова на поверхность. 16. Есть здесь и асфальт, густой, похожий внешне на смолу; он имеет также сходство с нефтью. Если на источник его сядет птичка, то как бы мала ни была, она теряет способность летать, погружается в него и тонет. Если эта жидкость воспламенится, то человеческий разум не найдет никакого способа потушить ее, кроме как присыпать землей.

17. В этой местности имеется трещина в земной поверхности, из которой поднимается смертоносный дух, убивающий тяжким запахом всякое живое существо, какое окажется поблизости. Если бы эта зараза, поднимающаяся из одного глубокого колодца выходила через более широкое жерло, то, прежде чем подняться кверху, она из-за своей вредности сделала бы необитаемыми соседние земли. 18. Трещина, похожая на эту, находилась в прежние времена, как рассказывают некоторые авторы, близ Гиераполя во Фригии. Исходящий из нее вредоносный дух убивал своим сильным запахом все, что оказывалось поблизости; безвредным же он был только для евнухов – дело физиков

695 **695.** 3540 километров.

объяснить причину этого особенного явления [696]19. А еще подле храма Асбамейского Юпитера в Каппадокии, где родился близ города Тианы знаменитый философ Аполлоний, [697]есть источник, вытекающий из озера, который временами то бьет очень сильно, то сам втягивает свою воду и никогда не выходит из берегов.

20. Внутри границ этой области (т. е. Ассирии) лежит Адиабена, которую в древности называли Ассирией, но уже с давних пор она получила это название потому, что, будучи расположена между судоходными реками Оной и Тигром, недоступна по сухопутью: переходить же по-гречески διαβαινειν [698]21. Так думают древние, а я полагаю, что имя это произошло оттого, что в этой области есть две непересыхающие реки, через которые я сам переходил по наводным мостам, Диабас и Адиабас [699]Поэтому я думаю, что Адиабеной область эта названа по рекам, подобно тому как по величайшим рекам – Египет у Гомера [700]Индия, Евфратская область, прежде называвшаяся Коммагеной, а также Иберия от Ибера {*292* } (Эбро), ныне Испания, и от известной реки Бетис (Гвадалквивир) провинция Бетика.

22. В Адиабене находится город Нин, некогда владыка Персии, сохранивший имя могущественного царя Нина, супруга Семирамиды; далее – Экбатана (Гамадан), Арбела (Арбиль) и Гавгамела (Кармелис), где Александр после жарких битв в ожесточенной сече разбил Дария.

23. В Ассирии много городов. Наиболее примечательны среди них Апамея, она же Месена (Корна), Тередон (Дора), Аполлония, Вологессия и много им подобных. Но самые блистательные и всем известные города – это следующие три: Вавилон, стены которого Семирамида [701]скрепила асфальтом, а цитадель воздвиг древнейший царь Бел, Ктесифон, который построил в древние времена Вардан, позднее царь Пакор [702]усилил количеством населения, построил стены, дал греческое имя и сделал лучшим образцом персидских городов, и, наконец, Селевкия – блестящее создание Селевка Никатора. 24. Во время разрушения последнего города войсками императора Вера[703], о чем было ранее рассказано [704]взята была со своего места статуя Комейского Аполлона и доставлена в Рим, где жрецы поместили ее в храме Аполлона Палатинского. Рассказывают, что, когда после похищения этой статуи солдаты подожгли город и

696 **696.** Ср. Dio Cass. 68, 27.

697 **697.** Прим. ред.: См. прим. 19 к кн. 21.

698 **698.** Alpha privativum.

699 **699.** Притоки Тигра Dijālā и Adaim (Streek. Pauly. Real–Encyclopädie, IX 301).

700 **700.** У Гомера Нил носит имя Египет.

701 **701.** Прим. ред.: См. прим. 30 к кн. 14.

702 **702.** Прим. ред.: Пакор – парфянский царь I в. до н. э.

703 **703.** Прим. ред.: Соправитель Марка Аврелия, воевавший с парфянами в 161–165 гг.

704 **704.** В недошедшей до нас части труда.

обыскивали храм, они наткнулись на узкую щель. Ожидая найти какие-нибудь драгоценности, они расширили ее. Тут из одного закрытого тайника халдейских [705]таинств выскочила на свет первичная чума. Заключая в себе зародыши неисцелимых болезней, она во времена того самого Вера и Марка Антонина прошлась от самых границ Персии до Рейна и Галлии, осквернив всю землю заразой и покрыв ее трупами.

25. Здесь лежит область халдеев, в которой родилась, как они утверждают, впервые древняя мудрость и возникло искусство верных предсказаний будущего. Из рек, протекающих через эти страны, наиболее значительны те, которые я уже назвал, а также Марзар, Царская река и самая важная из всех – Евфрат. Разделившись на три рукава, которые все три судоходны, Евфрат обтекает много островов, орошает благодаря искусству местных жителей их поля и делает последние пригодными как для обработки плугом, так и для разведения плодовых деревьев.

26. С этими областями граничат сузианы, у которых есть лишь немного городов. Выделяется среди них Суза (Шустер), которая часто служит резиденцией царей, Арсиана, Села и Араха. Остальные города малы и незначительны. А рек протекает через эти места {*293* } много, и наиболее важные среди них Ороат, Гаракс и Мозэй. В песчаных степях, которые отделяют Каспийское море от Красного, они образуют множество озер.

27. С левой стороны простирается Мидия, соприкасающаяся с Гирканским (Каспийским) морем. Эта страна, как можно прочитать об этом в книгах, до правления Кира Старшего и возвышения Персии, была царицей всей Азии после покорения ассирийцев: значительное число их областей, взятых силой оружия, получило общее имя Атропатены. 28. Мидяне народ очень воинственный, самый страшный после парфян, которые одни одерживают над ними победу. Страна имеет вид четырехугольника. Население этих земель занимает на широком пространстве равнины, над которыми высятся крутые горные хребты: Загр, Оронт и Иасий. 29. Обитатели западного склона высокого хребта Корона имеют в изобилии хлебные поля и виноградники; почва у них весьма плодородна и земля изобилует реками и родниками чистой воды. 30. Зеленеющие луга кормят благородную породу коней. Древние писатели рассказывают о них, и я сам видел, как вельможи в начале сражений гордо разъезжают на этих конях. Зовут их незейскими. 31. Мидия в равной степени изобилует богатыми городами, поселками, выстроенными наподобие городов и многочисленным населением. Короче говоря, страна эта – богатейшее обиталище царей.

32. В этих пределах лежат плодородные земли магов. Будет уместно, раз я упомянул о магах, сказать несколько слов об их секте и науках.

Знаменитый Платон, создатель великих идей, называет магию мистическим словом махагистрия: это самое совершенное богопочитание. В древние времена многое из этой науки значительно распространил из халдейских тайных учений бактриец Зороастр[706], затем царь Гистасп,

705 **705.** Прим. ред.: Имеются в виду жрецы племени халдеев, основавших Нововавилонское царство в 7 в. до н. э.

706 **706.** Прим. ред.: Зороастр (Заратустра), вероятно, легендарный персидский пророк середины 2 тысячелетия до н. э., создатель зороастризма как самостоятельной религии.

мудрейший отец Дария[707]. 33. Смело проникнув в неведомые области верхней Индии, прибыл Гистасп в уединенное лесное место, в спокойной тишине которого жили только брахманы, обладатели возвышенной мудрости. Под их руководством он постиг, насколько был в силах, законы мирового движения, течения звезд и чистые обряды священнодействий. Из того, что он усвоил, передал он кое-что магам, а эти последние из поколений в поколение передают это дальнейшим векам вместе с наукой предугадывания будущего. 34. С тех пор в течение многих столетий и до настоящего времени много поколений, происходящих из одного и того же рода, посвящается на служение богам. Рассказывают, – если только можно тому верить, – что маги хранят у себя на никогда негаснущих очагах упавший с неба огонь, маленькая частичка которого, как приносящая благополучие, была некогда подносима, как говорят, азиатским царям. 35. Число магов у древних было незначительным, {*294* } и услугами их пользовались персидские власти при совершении священнодействий. Было грехом приблизиться к жертвеннику или коснуться жертвы, прежде чем маг, произнеся по определенной формуле молитву, не совершит предварительных возлияний. Но постепенно маги размножились, сложились в целый класс населения, который и носит это имя. Маги живут в селениях, не укрепленных стенами, им разрешено жить по своим особым законам, и из уважения к религии они пользуются высоким почтением. 36. От семени магов семь человек, как сообщают о том древние книги, овладели персидским царством после смерти Камбиза; но они были низвергнуты партией Дария, которому доставило жребий правления ржанье коня[708].

37. В этой стране изготовляется мидийское масло. Если смазанная им стрела будет выпущена из слабо натянутого лука и вонзится во что-нибудь, то она разгорается сильным огнем – при быстром полете огонь тухнет; если кто захочет потушить огонь водой, то вызовет более сильное горение, и нет иного средства потушить, кроме как посыпать землей. 38. Изготовляется оно так: специалисты этого дела настаивают обыкновенное масло на особой траве и дают отстояться; когда оно сгустится, его делают еще гуще, примешивая к нему натуральный продукт, похожий на густое масло. Этот продукт имеется в Персии и называется, как было сказано, местным словом «нафта»[709].

39. В этих местах рвзбросано много городов. Наиболее известны из всех Зомбис, Патигран и Газака; по величине и богатству выделяются Гераклея, Арзакия (Рей), Европ, Кирополис, Экбатана. Все они лежат у подошвы Иасонийского хребта в земле сиромидийцев. 40. Много рек протекает через эти земли; самые большие из них Хоасп (Карун), Гинд, Амард (Кизил-Узен), Харинда, Камбиз и Кир. Название последней реке, довольно широкой и значительной, дал древний царь, любимец народа, Кир, предав забвению старое, когда он выступал на завоевание Скифского царства, потому что эта река имеет стремительность, качество, которым и он сам отличался. С такой же порывистостью, которую проявлял Кир, она сама пробивает себе путь и впадает в Каспийское море.

707 **707.** Прим. ред.: О Гистаспе ничего подобного не известно.

708 **708.** Прим. ред.: См. Геродот 7. {538}

709 **709.** Прим. ред.: Нефть.

41. Дальше к югу от этих мест в ближайшем соседстве лежит древняя Персия, богатая мелкими овощами, виноградной лозой и водой приятного вкуса, так как через нее протекает много рек, впадающих в названный выше залив; наибольшие из этих рек Батрадит (Наброн), Рогаманий, Бризоана и Баграда. 42. Большие города лежат внутри страны – неизвестно, почему на берегах не сооружено ничего примечательного, – знамениты среди них Персеполь, Ардея, Оброат и Трагоника. Островов там только три: Табиана, Фара и Александрия. {*295* }

43. С Персией соседят парфяне, обитающие под Аквилоном (т. е. к северу от них) в земле снегов и инея. Область их пересекает река Хроатр (Аджи-су), более обильная водой, чем другие. Среди городов более значительны Энуния, Мезия, Характ, Апамия, Артакана и Гекатомпилы. От последнего места по берегу Каспийского моря до Каспийских ворот считается 1040 стадий [710]44. Жители всех областей этой страны дики и воинственны. Войны и битвы им настолько по сердцу, что у них считается счастливым тот, кто пал в бою. А кто умирает своей смертью, того поносят бранью, как выродка и труса.

45. С юго-востока к ним примыкают счастливые арабы, названные так, потому что они богаты плодами, скотом, виноградной лозой и благовониями разного рода. Страна в большей своей части прилегает с правой стороны к Красному морю, с левой – к Персидскому, что позволяет населению пользоваться всеми благами обеих стихий. 46. Много есть там бухт и безопасных гаваней, торговые города, один поблизости от другого, великолепные и роскошно украшенные дворцы царей, весьма целебные горячие источники, множество ручьев и рек, весьма здоровый климат, так что по справедливости у них есть, по-видимому, все для полного блаженства. 47. Много в этой стране городов внутри нее и по берегам моря, богатых полей и долин; самые лучшие из городов – Геаполь (Горга), Наскон, Бараба, а также Нагара, Мэфа, Тапфара и Диоскурия. На обоих морях близко от берега лежит много островов, перечислять которые считаю излишним. Известнее других – Органа, где, как говорят, находится большой храм Сераписа.

48. За границами этого народа поднимается Большая Кармания со своими высокими хребтами, простирающаяся до Индийского моря; она богата плодами и древесными насаждениями, но стоит много ниже Аравии по славе и по пространству; не менее изобильна она реками и так же богата лугами. Из рек более известны здесь Сагарей, Саганис и Гидриан. Есть в ней и города, хотя их и немного, но они богаты всем, что нужно для жизни и удовлетворения всяких потребностей. Среди них блистает Кармана (Керман), первый у них город, а кроме того Портоспана, Александрия и Гермуполь.

50. Внутрь материка от Кармании живут гирканы, область которых омывает море с тем же названием. Так как в их тощей почве семя замирает, то земледелию уделяется мало внимания. Они живут охотой, которая у них удивительно разнообразна. Здесь тысячами водятся тигры и множество диких зверей. Выше, пом-{*296* }нится, я уже рассказывал, к каким разнообразным способам прибегают для их ловли. 51. Тем не менее местные жители не лишены знакомства с плугом: некоторые местности, где почва плодороднее, засеиваются; есть и древесные насаждения, где

710 **710.** 185 километров.

имеются для этого подходящие условия; многие живут здесь также и морской торговлей. 52. В этой области есть две очень известные реки: Окс (Аму-Дарья) и Максера, через которые иногда переплывают тигры, когда их томит голод, и производят неожиданные опустошения в соседних местах. Кроме многих незначительных городов гирканы имеют два значительных, расположенных на берегу моря: Соканда и Сараманна; другие лежат внутри страны: Асмурна, Сала и более известный чем эти – Гиркана.

53. Напротив этого народа к северу живут, как рассказывают, абии, весьма благочестивый народ, равнодушный ко всему человеческому, на которых, как говорит Гомер, Юпитер взирает с горы Иды [711]

54. Местности за гирканами выпали на долю маргианам, которые почти со всех сторон окружены высокими горами и потому отрезаны от моря. Хотя большая часть их земель пустынна вследствие недостатка влаги, есть у них, однако, несколько городов; более известны, чем другие Ясоний, Антиохия (Мерв) и Нигэя. 55. Соседние области занимают бактрийцы, в прежние времена воинственный и весьма могущественный народ, всегда враждовавший с персами, пока те не покорили все соседние племена и не распространили на них своего имени. А в древности там правили цари, которые были страшны даже Аршаку. 56. Бо́льшая часть тех земель, также как Маргиана, далеко находится от моря; но там водится множество животных и скот, что пасется там как по низким, так и по горным местам, очень крепок и силен; доказательством может служить то, что Митридат [712]оттуда привел верблюдов, которые римляне впервые увидели при осаде Кизика. 57. Бактрийцам подвластно много народов, первые среди них тохары. Страна эта, наподобие Италии, орошается многими реками; из них Артамис и Зариасп, соединившись в одно русло, а также Ох (Теджен) и Даргоман, после слияния между собою, преумножают своими водами громадную реку Окс (Аму-Дарья). 58. Есть и здесь города, расположенные на реках, меньших, чем выше названные: Хатрахарта, Аликорда, Астакана, Менапия и сама Бактра (Балх), откуда пошло имя народа и царства.

59. ... у самой подошвы гор, называемых Согдийскими (живут согдианы). В их земле протекают две реки, вполне удобные для {*297* } судоходства: Араксат [713]и Димас (Маргинан). Стремительно стекая через горы и долины на равнину, они образуют Оксийское озеро, имеющее большую протяженность в ширину и длину. Из городов более известны Александрия, Киресхата и столица страны Дрепса (Андераб).

60. С согдианами смежны саки, дикий народ, населяющий невозделанные земли, годные только для скотоводства. Поэтому нет там и городов. Над этой страной высятся хребты Асканимия и Комед, у подошвы которых через селение, именуемое Каменная башня (Lithinos pyrgos), проходит большой торговый путь, по которому ведутся сношения с серами (китайцами).

61. В местах, где оканчиваются горы, называемые Имавскими и Апурийскими, живут в пределах Персии скифы, которые граничат с

711 **711.** Hom. Ilias XIII 5.

712 **712.** Прим. ред.: Митридат VI Евпатор. Осада Кизика происходила в 74 г. до н. э.

713 **713.** Araxates следует поправить на Iaxartes (Сыр-Дарья).

азиатскими сарматами и соприкасаются с крайними пределами земли аланов. Заброшенные в отдаленный угол земли, привычные к пустыне, они живут в далеко отстоящих одно от другого обиталищах и довольствуются скудным и бедным пропитанием. 62. Эти пределы населяют различные народы, перечислять которые считаю в данном случае излишним, так как спешу перейти к другому предмету. Но следует отметить, что среди этих народов, почти недоступных из-за их чрезвычайной дикости и грубости, есть кроткие и благочестивые люди, каковы яксарты и галактофаги, о которых упоминает поэт Гомер в следующих стихах:

...дивных мужей гиппомолгов,

Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных [714]

63. Из множества рек, которые в этих землях природа или соединяет с более важными или доводит в собственном течении до моря, знамениты Римм (Газури), Яксарт (Аму-Дарья) и Даик (Урал). Из городов известны только три: Аспабота, Хавриана и Сага.

64. За этими землями обеих Скифий с восточной стороны высокие горные хребты, образуя округлую линию, охватывают область серов, которые известны плодородием своих обширных земель. С запада граничат они со скифами, с севера и востока примыкают к снежной пустыне, а с юга простираются до Индии и Ганга. Горные хребты тех мест носят имена: Анниба, Анзакий, Асмира, Емод и Опорокорра. 65. В этой стране, которая, будучи ограждена крутыми горами, постепенно переходит в огромную низменность, медленно протекают две реки: Эхард (Селенга?) и Баутис (Гоан-го). Природные условия различных местностей здесь {*298* } не одинаковы: в одном месте – ровная низменность, в другом – невысокая горная страна, и потому земля эта обильна хлебом, скотом и древесными насаждениями. 66. Плодородные земли населяют различные народы: в сторону севера и снегов – антропофаги, аннибы, сизиги, харды; к востоку – рабанны, асмиры и самые знаменитые из всех есседоны, к которым с запада примыкают афагуры и аспанары; с юга под крутыми склонами гор живут бэты. В этой стране городов хотя и не много, но они велики и богаты. Наибольшие из них: Асмира, Есседон, Аспакара и Сера; все они красивы и очень известны. 67. Серы живут в глубоком мире, не знают оружия и войны, и так как тихие и мирные люди более всего дорожат спокойствием, то они не причиняют никаких затруднений своим соседям. Климат у них приятный и здоровый, небо ясное, ветры легкие и приятные. Во многих местах растут редкие леса; плоды с деревьев они обрабатывают частым обрызгиванием, как скорняки шкуру, и из похожей на шерсть, размягченной водой массы вычесывают тонкие нити, ткут основу и изготовляют материю «серик» [715]раньше эту ткань использовали только вельможи, а в настоящее время она пошла в ход даже у самых простых людей. 68. Отличаясь удивительной умеренностью и дорожа спокойной жизнью, серы избегают общения с другими народами. Если же чужеземцы переправляются через реку ради покупки ткани или чего-то другого, то оценку предложенного товара производят только глазами, не произнося ни одного слова [716]Они настолько воздержаны, что,

714 **714.** Hom. Ilias XIII 5.

715 **715.** Шелк.

716 **716.** Ср. Herod. 4, 106 (о карфагенянах).

обмениваясь собственными продуктами, сами не покупают ничего чужеземного.

69. За серами живут ариане, открытые дуновениям Борея (к северу). Через их земли протекает судоходная река Ария, которая образует огромное озеро с тем же названием. В этой стране много городов; из них известны – Витакса, Сарматина, Сотира, Нисибис и Александрия; от этого последнего города водным путем до Каспийского моря 1500 стадий[717]

70. В непосредственной близости от ариан находятся паропамисады; к востоку от них лежит Индия, а к западу – Кавказ. Их земля примыкает к горам. Область их орошает река, не упоминаю меньших, Ортогордомарий, которая имеет свой исток в Бактрии. Есть у них несколько городов; более известные из них Газака (Газна), Навлиб и Ортоспана. От этого последнего города суще-{*299* }ствует водный путь к границам Мидии, ближайшим к Каспийским воротам, на расстоянии 2200 стадий [718]71. С вышеназванным народом (паропамисады) соединены цепью холмов Дрангианы...[719](река) по имени Арабий, названная так потому, что вытекает из этой страны (т. е. Аравии). Кроме других городов особенно известны у них, как богатые и славные, Профтасия и Ариаспа.

72. Напротив них видна Арахозия, обращенная с правой стороны к Индии. От Инда, величайшей из рек, по имени которого названа земля (Индия), отделяется много меньшая река; она достаточно многоводна и образует озеро, именуемое Арахотоскрена. И здесь есть города, из менее значительных выделяются Александрия, Арбака и Хоаспа.

73. В самой глубине Персии лежит Гедрозия, которая с правого края касается Индии. Кроме других, меньших, рек ее орошает река Арабий. Здесь оканчиваются Арбитанские горы; от их подножия берет начало несколько рек, которые несут свои воды в Инд и теряют свое имя в этой большой реке. И здесь есть города; кроме расположенных на островах более важными слывут: Седратира и «Гавань женщин».

74. Чтобы подробное описание морского берега на просторах Персии не заставило меня отклониться слишком далеко от общего плана моего труда, считаю достаточным сделать краткое замечание, что протяженность моря от Каспийских гор на северной стороне до упомянутой теснины определяется в 9000 стадий, а на южной стороне от устий реки Нила до того места, где начинается Кармания, – в 14000 стадий [720]

75. Среди этого множества различных народностей люди столько же различны между собою, как и местности. Чтобы дать общую характеристику телосложению и нравам населения [721]скажу, что вообще

717 **717.** 265,5 километра. В Александрии признают нын. Герат. Упоминание о «водном пути» до моря объясняется, вероятно, недочетами карты, которой располагал Аммиан Марцеллин.

718 **718.** 389,4 километра.

719 **719.** Валезий вставлял: quos flumen alluit.

720 **720.** 1593 и 2478 километров.

721 **721.** Не принимаем корректуры Гардтгаузена: primores и предпочитаем рукописное et mores.

они тонкого склада, с черноватой или бледно-желтого цвета кожей, взор у них козлоподобный, брови полукруглые и сросшиеся, бороды довольно благообразны, а волосы на голове длинные. Все они без различия даже на пирушках и в праздничные дни не появляются иначе, как с мечом на поясе. Этот обычай существовал также у древних греков и оставлен был впервые, по надежному свидетельству Фукидида[722], афинянами [723]76. Большинство из них склонно к любовным излишествам и с трудом удовлетворяется {*300* } множеством наложниц. Педерастии они не знают. Каждый по своим средствам заключает большее или меньшее число браков, поэтому у них любовь, разделяясь между различными предметами страсти, скоро угасает. Изысканных пиров, роскоши и особенно пьянства они избегают, как заразы. 77. Только для царского стола существует у них определенный час, а для всех остальных людей часами служит собственный желудок, и по его призыву каждый съедает то, что попадется под руку, а после насыщения никто не обременяет себя излишними яствами. 78. Достойна удивления их умеренность и осторожность. Так, проходя иногда во вражеской земле через сады и виноградники, они не чувствуют желания поживиться чем-нибудь или тронуть что-либо, опасаясь яда или колдовства. 79. Нелегко увидеть, чтобы перс остановился для того, чтобы отлить воду или присаживался в стороне для естественной надобности, до того тщательно они скрывают эти и другие неприличные отправления. 80. До того они подвижны, проявляют такую легкость членов и живость походки, что их можно принять за женоподобных, но они великолепные воины, впрочем скорее хитрые, чем храбрые, и более страшные издали. Они забрасывают противника множеством лишних слов, издают дикие и свирепые возгласы, велеречивы, несносны и противны; они грозятся в счастии и несчастии, хитры, горды и так жестоки, что присваивают себе право жизни и смерти в отношении рабов и людей низкого положения. Они снимают кожу с живых людей целиком или по частям. Слуге, прислуживающему или стоящему за столом, не разрешается раскрыть рот, промолвить слово или плюнуть; поэтому, когда разостланы кожи на сиденьях для обеда, губы всех сжаты. 81. Законы у них очень суровы; выделяются своей жестокостью постановления против неблагодарных и дезертиров, ужасны и другие, согласно которым за вину одного гибнет весь его род. 82. Судьями избираются люди опытные и честные, мало нуждающиеся в чужих советах. Поэтому они смеются над нашим обычаем, по которому иной раз за спиной невежественного судьи располагаются бойкие, ораторы и знатоки права. А то, будто судья должен был сидеть на коже судьи, осужденного за неправый суд, это или выдумка давних времен, или же этот существовавший некогда обычай в настоящее время вышел из употребления [724]83. Военная организация персов, их дисциплина, постоянные упражнения в военном строю и способ вооружения, нередко

722 **722.** Прим. ред.: Фукидид (460–396 гг. до н. э.) – великий греческий историк, афинский гражданин, один из создателей истории как науки, автор книги, посвященной Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н. э.).

723 **723.** Thucid. 1, 5, 6.

724 **724.** Herod. V 25.

устрашавшие нас, делают их грозными даже для очень больших армий. Сами они больше всего полагаются на храбрость своей конницы, в которой несет службу вся их знать. {*301* } Пехотинцы, вооруженные наподобие мирмиллонов [725]несут службу обозных. Вся их масса следует за конницей, как бы обреченная на вечное рабство, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками. Столь смелый и привычный к боевым трудам народ мог бы покорить множество племен помимо тех, которые он себе подчинил, если бы его не беспокоили постоянно междоусобные и внешние войны. 84. Одеваются они, как правило, в яркие и цветные материи, и хотя спереди и с боков платье развевается по ветру, от пяток и до макушки не видно ни одного непрекрытого места на теле. К ношению золотых запястий и ожерелий, а также драгоценных камней и особенно жемчуга, которого у них очень много, персы привыкли после победы над лидийцами при Крезе.

85. Остается сказать лишь несколько слов о происхождении жемчуга. Его находят у индийцев и персов в твердых белых морских раковинах. Он зарождается от присоединения росы в определенное время года. Живущие в раковинах улитки чувствуют как бы половой позыв и, быстро открываясь и закрываясь, принимают влагу, пропитанную лунным светом. Становясь от этого беременными, они зачинают по два или по три маленьких шарика, или один, как наблюдается это иногда в выловленных раковинах. Такой шарик бывает больше размерами, отсюда и происходит название unio. 86. Подтверждением тому, что жемчужины происходят скорее из эфира, чем от питания из моря, может служить то, что если на них брызнуть капли утренней росы, то они становятся светлыми и круглыми, а капли вечерней росы делают их угловатыми и рыжеватыми, а иногда даже пятнистыми. Маленькими или большими делаются они из-за различных случайностей соответственно качеству воспринятой влаги. Закрытые улитки часто засыхают от страха перед молниями, или дают плохой жемчуг, или, наконец, у них происходит выкидыш. 87. А то, что ловля их весьма трудна и опасна, и цены на них столь высоки, объясняется тем, что они избегают посещать людные берега из-за замыслов рыбаков и, как, предполагают, скрываются у труднодоступных утесов и пристанищ морских псов. 88. Небезызвестно, что в уединенных бухтах британского моря также водятся эти раковины [726]и что там их собирают, хотя они много ниже по качеству. {*302* }

Книга XXIV

(год 363)

1. Юлиан вступает с армией в Ассирию, овладевает крепостью Анафа на Евфрате и предает ее огню.

2. Император делает попытку овладеть некоторыми крепостями и городами, другие, покинутые жителями, предает пламени. Ему сдается Пирисабора, которую он разрушает огнем.

725 **725.** Один из видов гладиаторского вооружения.

726 **726.** Solin. 53, 28.

3. Август Юлиан обещает солдатам в случае успеха по сто денариев на человека и успокаивает сдержанной речью тех, которые негодовали на незначительность донатива.

4. Город Майозамальха взят приступом римлянами и разрушен.

5. Римляне берут крепость, неприступную по своему положению и весьма сильно укрепленную, и предают ее пламени.

6. После битвы, в которой пало 2500 персов, при наших потерях в 70 человек, Юлиан награждает многих венками перед строем всей армии.

7. После того как императора отговорили от осады Ктесифона, он необдуманно приказывает сжечь все корабли и удаляется от реки. 8. Когда уже нельзя было ни навести мосты, ни соединиться с частью своих сил, император решает вернуться через Кордуэну. {*303* }

1.

1. Убедившись в бодром настроении армии, которая с единодушным воодушевлением, призывая Бога в свидетели, восклицала, что такой государь не может не победить, Юлиан решил без промедления приступить к осуществлению своего плана и приказал после ночного отдыха дать сигнал к выступлению. Подготовив все в соответствии с великими трудностями такой войны, он вступил на рассвете в пределы Ассирии и, испытывая сам большее, чем другие, возбуждение, объезжал ряды и, вызывая соревнование с собою, побуждал всех к подвигам храбрости. 2. Как предводитель, умудренный опытом и наблюдением, он опасался из-за незнакомства с местностью засад и потому начал наступление, построив войска в боевом порядке. На некоторое расстояние вперед он выслал отряд легкой кавалерии в 1500 человек. Осторожно наступая на обоих флангах и со строя, они следили, чтобы не произошло неожиданного нападения. Сам он командовал пехотой центра, которая составляла главную силу его армии; нескольким легионам справа под командой Невитты он приказал держаться берегов Евфрата; а левое крыло с конными отрядами поручил Аринфею и Ормизде [727]приказав идти в тесном строю по низменным полям. Арьергард вели Дагалайф и Виктор, замыкал ряды дукс Осдроэны Секундин. 3. Затем, чтобы внушить врагам устрашающее представление о своей численности на случай, если бы они сделали набег или просто следили издали, он приказал расступиться отдельным частям и расположил конницу вдали от пехоты, так что люди последних рядов находились почти в 10 тысячах шагов[728]от передних знаменоносцев. К этому маневру с удивительным искусством прибегал, как говорят, Пирр, царь Эпира, [729]обладавший большим умением выбирать удобное место для разбивки лагеря, раздвигать или стягивать свою армию, чтобы, смотря по надобности, она казалась больше или меньше. {*304* }

4. Поклажу, обоз, нестроевых людей и всякого рода кладь он поместил между обоими флангами и отдал приказ двигаться вперед в

727 **727.** 16, 10, 16.

728 **728.** Ок. 15 верст.

729 **729.** Прим. ред.: Пирр (319–272 гг. до н. э.), царь Эпира с 306 г. до н. э., считался в античности лучшим полководцем всех времен.

строгом порядке, чтобы они, оказавшись без прикрытия, не могли быть захвачены внезапным набегом неприятеля, как это часто случалось. Флот, следовавший по извилистой реке, должен был двигаться так, чтобы не отставать и не уходить вперед.

5. После двухдневного похода мы подошли к расположенному на берегу реки покинутому городу Дуре. В этой местности показались стада оленей. Наши люди много их настреляли и набили тяжелыми веслами, так что все досыта наелись оленины. Но большая часть этих животных, привычных к плаванию, переплыла через быструю реку и беспрепятственно ушла в знакомые им пустыни.

6. Затем четыре дня мы шли неспешным маршем. Когда день склонялся к вечеру император отдал приказ комиту Луциллиану посадить на суда тысячу солдат и захватить крепость Анафу, которая, как и большинство других, омывается водами Евфрата. Корабли рассеялись, как было приказано, по удобным местам, остров был окружен, и облачная ночь прикрывала тайное нападение. 7. Но когда рассвело, вышедший из крепости за водой человек увидал внезапно врагов, поднял страшный крик, и разбуженный тревожным шумом гарнизон взялся за оружие. Изучив с высокого места план крепости, император быстро переправился через реку под охраной двух кораблей, а следом за ним подошло много судов, везших осадные орудия. 8. При приближении к стенам, он понял, что сражение может привести к немалым опасностям и стал то мягкой, то резкой и грозной речью склонять защитников к сдаче. Те попросили для переговоров Ормизду, и его обещания и клятвы вызвали у них широкие надежды на милость римлян. 9. Наконец, ведя перед собой увенчанного быка, что у персов служит знаком принятия мира, они спустились с умоляющими жестами вниз. Укрепление было тотчас предано огню; командир гарнизона Пузей, впоследствии бывший duксом Египта, получил чин трибуна, а остальные обитатели с семействами и домашним скарбом были отправлены в сирийский город Халкиду[730]10. Среди них оказался один римский солдат, оставшийся в тех местах по болезни во время вторжения в персидские пределы Максимиана[731]; в ту пору он был, по его словам, юношей с первым пушком на щеках. По обычаю племени (т. е. персов), он взял себе много жен, а теперь, согбенный уже старец с огромным потомством, немало содействовал сдаче крепости и, будучи приведен в лагерь, ссылался на свидетелей в том, что он давно знал и предсказывал, что почти столетним стариком {*305* } будет похоронен на римской земле. Вскоре после этого сарацинские разведчики к великой радости императора привели несколько взятых ими в плен врагов, и были щедро награждены им для поощрения.

11. На следующий день случилось опять несчастье. Налетел ураган, закружился вихрем и перемешал все, что было покрыто: палатки оказались разорванными, множество солдат было опрокинуто навзничь или лицом к земле, так как ветер был столь силен, что сбивал с ног. В тот же день случилось и другое опасное событие. Река внезапно выступила из берегов и потопила несколько грузовых кораблей, так как прорваны были шлюзы, построенные из камня с целью задерживать и спускать воду для

730 **730.** Киннесрин или Старый Алепио.

731 **731.** Прим. ред.: В 296 г.

орошения полей. Случилось ли это по злому умыслу неприятеля или от подъема уровня воды в реке, нельзя было выяснить.

12. Взятие и сожжение первого неприятельского города и переселение его жителей подняло дух армии. Возбужденными кликами солдаты славили императора в уверенности, что помощь неба будет с ними и в дальнейшем.

13. И если в неизвестной земле необходима была вообще особая осторожность, то здесь приходилось еще опасаться хитрости и разнообразных враждебных замыслов персов. Поэтому император с отрядом легковооруженных появлялся то впереди своей армии, то за арьергардом и, чтобы ничто не укрывалось от его внимания, он сам осматривал густые заросли и лощины и удерживал свойственной ему ласковостью, а то и угрозой, солдат от самовольных попыток уйти подальше в сторону от армии. 14. Неприятельские поля, богатые всякими злаками, он позволял поджигать вместе с посевами и хижинами не раньше, чем когда все солдаты в достатке запасались всем необходимым, и таким образом неприятель терпел урон, оставаясь о том в неведении. 15. Наши солдаты охотно брали себе то, что попадалось им в руки; делом храбрости считали они найти новое место запасов и были рады тому, что, не терпя ни в чем ни малейшего недостатка, могли сберечь провиант, которым были нагружены корабли. Здесь один пьяный солдат явил без всякого побуждения с чьей-либо стороны свою безрассудную дерзость: он переплыл на тот берег, но враги на наших глазах схватили его и убили.

2.

1. Двигаясь таким образом, мы достигли крепости, называемой Тилута. Расположенная на середине реки на очень крутой возвышенности, она в равной мере была укреплена как самой природой, так и рукой человека. Так как высота места делала эту {*306* } крепость совершенно неприступной, то были предприняты лишь осторожные попытки склонить жителей к сдаче. Они стояли на том, что их капитуляция была бы несвоевременной в данный момент, но заявили, что если римляне, продвигаясь вперед, займут внутренние области царства, то и они перейдут на сторону победителя, как придаток. 2. И после этого, сохраняя почтительное спокойствие, они смотрели, как наши корабли проходили под самыми их стенами. Оставив за собой эту крепость, мы пришли к другому укреплению с названием Ахайахала, которое также окружено рекой и расположено на крутизне. Получив и здесь такой же ответ, как и в первой крепости, мы отступили. На следующий день мы подошли к укреплению, которое было оставлено без охраны из-за слабости его стен. Предав его пламени, мы пошли дальше. 3. В течение следующих дней, пройдя 200 стадий [732]мы пришли в местность Бараксмальха. Перейдя затем реку, на седьмой миле от нее мы вступили в город Диакиру. Жители покинули его, оставив большие запасы хлеба и прекрасной блестящей соли. Тут мы видели очень высокий храм, поднимавшийся над цитаделью. Мы сожгли город, перебили несколько оказавшихся там женщин и, перейдя через источник бьющей из земли нефти, заняли город Озогардану, также покинутый жителями в страхе

732 **732.** 35,4 километра.

перед наступлением неприятеля. Там показывали трибунал императора Траяна [733]4. И этот город предали мы пламени и получили два дня на отдых. На исходе ночи второго дня сурена, [734]первое лицо у персов после царя, и эмир по имени Подосакий, филарх [735]ассанитских сарацин, знаменитый разбойник, который в течение долгого времени свирепствовал на наших границах, – устроили засаду Ормизде: они знали – неизвестно откуда, – что он выйдет на рекогносцировку. Не удался их замысел потому, что в этом месте нет возможности перейти вброд реку: она течет здесь в узких и крутых берегах и очень глубока. На рассвете мы впервые увидали врагов в их сверкающих шлемах и крепких панцирях. Наши солдаты, рвавшиеся в битву, храбро бросились на них. И хотя сила, с которой враги натягивали луки, и сверкание железа их панцирей нагоняли страх на наших, но гнев усиливал их храбрость и, тесно прикрывшись щитами, они не дали им выстрелить. 6. Ободренные этой первой победой, солдаты дошли до поселения Мацепракта. Там видны были полуразрушенные остатки стен. Рассказывают, что в древности эти стены имели большую протяженность и защищали Ассирию от нападений извне. {*307* } 7. Здесь отделяется от Евфрата многоводный рукав и направляется во внутренние области Вавилонии для орошения полей и близлежащих городов; а другой, по имени Наармальха, что значит река царей, протекает подле Ктесифона; в его начале стоит высокая башня наподобие Фароса. 8. По наведенным с большой осторожностью мостам перешла через этот рукав вся пехота, а всадники с лошадьми переправились вплавь с оружием, выбрав место на излучине, где течение было слабее. При этом на часть нашей конницы выпущена была внезапно туча стрел; но быстрый вспомогательный отряд, выйдя на берег, бросился на убегавших неприятелей и налетел на них, как хищная птица на свою добычу.

9. Блистательно завершив это дело, мы подошли к Пирисаборе, большому и весьма населенному городу, который окружен течением реки со всех сторон наподобие острова. Император сделал рекогносцировку города и его окрестностей и с величайшей осторожностью начал приготовления к осаде, как будто надеясь одним страхом отбить у населения охоту защищаться. Но когда после многократных попыток начать с ним переговоры никто не ответил ни на обещания, ни на угрозы, пришлось приступить к осаде. Тройная цепь вооруженных окружила стены, и в первый день до самого начала ночи шла перестрелка. 10. Защитники были достаточно сильны и отличались воодушевлением. С бойниц они повесили повсюду сбитые из шерсти прикрытия, чтобы ослабить силу удара метательных снарядов; прикрываясь щитами, сплетенными из крепкого лозника и покрыв их сырыми кожами, они оказывали самое деятельное сопротивление. Сами они производили впечатление людей из железа: полоски железа, точно прилаженные по форме, частей тела, одевали надежным покровом весь корпус. 11. Несколько раз они вызывали для переговоров Ормизду как земляка и человека царской крови, а когда он приближался, осыпали его бранью и

733 **733.** Поход Траяна в Персию – 114–117 год.

734 **734.** Прим. ред.: Визирь.

735 **735.** Филарх – глава племени, шейх, а в древности – малех.

попреками, как изменника и перебежчика. На это издевательство ушла бóльшая часть дня, а с началом сумерек были подведены различные осадные машины и наши приступили к засыпанию глубокого рва. 12. Внимательно следившие за всем защитники заметили это при неверном вечернем освещении, и так как к тому же угловую башню пробил мощный удар тарана, то они покинули двойные стены города и заняли примыкавшую к нему цитадель. Стояла эта последняя на плоской вершине крутой горы, середина которой, поднимавшаяся вверх, составляла своими округлыми очертаниями фигуру арголического щита; только на северной стороне не хватало кое-чего до округлой линии, но здесь еще более надежную защиту представляли собой обрывы скал, спускавшихся прямо в волны Евфрата. Сооруженные {*308* } из асфальта и обожженного кирпича стены, – постройка, не имеющая себе, как известно, равной по прочности, – представляли сами по себе опасную угрозу. 13. Наши солдаты, пылая боевой отвагой, прошли город, который нашли пустым, и ожесточенно сражались с горожанами, метавшими с цитадели всякие снаряды. Наши катапульты и баллисты теснили защитников; но и сами они со своей высоты храбро противопоставляли им огромные луки; широкие, с обоих концов выступавшие рога этих луков стягивались очень медленно, зато спущенная сильным ударом пальцев тетива метала окованные железом стрелы с такой силой, что, впиваясь в тело противника, они пронзали его насмерть. 14. Шел также с обеих сторон бой целыми тучами метаемых от руки камней. С равными шансами длилась жаркая битва с величайшим упорством с рассвета до начала ночи; закончилась она без решительного исхода. На следующий день возобновился упорный бой: с обеих сторон одинаковы были потери, и счастье не склонялось ни на чью сторону. Тогда император, готовый на любой риск при этих обоюдных потерях, построив клин и прикрываясь от выстрелов тесно сдвинутыми щитами, в быстром натиске бросился с отважными бойцами к вражеским воротам, которые оказались окованными толстым железом. 15. Хотя камни, метаемые от руки из пращей, куски свинца и стрелы угрожали его жизни, но он громко приказывал своим людям пробивать створы ворот, чтобы открыть доступ в крепость, и отступил назад лишь тогда, когда понял, что тучи метательных снарядов могут его совсем засыпать. 16. Он отошел со всеми своими людьми; лишь некоторые из них бьли легко ранены, сам он вернулся невредимым, но с краской стыда на лице. Он знал из истории, что Сципион Эмилиан с историком Полибием, [736]который был родом из Мегалополя в Аркадии, и тридцатью солдатами открыл подобным нападением ворота Карфагена. Этот подвиг, с полной достоверностью описанный в древней истории, нисколько не умаляет значения события нашего времени. 17. Эмилиан подошел к воротам под прикрытием каменной «черепахи» и, находясь в полной безопасности и сам будучи укрыт, пока неприятель не заметил это каменное сооружение, вторгся в лишенный защитников город. А Юлиан атаковал на открытом месте и отступил лишь тогда, когда небо над ним потемнело от тучи камней и снарядов. 18. До сих пор дело велось с торопливой поспешностью, и из-за

736 **736.** Прим. ред.: Полибий (ок. 200–120 гг. до н. э.) – древнегреческий историк из Мегалополиса в Аркадии. С 16-летнего возраста находился в качестве заложника в Риме, где и подружился со Сципионом Эмилианом, сопровождал того в походах и, в частности, присутствовал при взятии Карфагена в 146 г. до н. э.

несостоятельных забот о других делах не принимались за устройство виней и осадных щитов. Но тут Юлиан приказал срочно соорудить машину, так называемый «Гелеполис», о которой выше было сказано, что ею пользовался Деметрий, заво-{*309* }евавший при ее помощи много городов, за что и был назван Полиоркетом [737]

19. С тревогой напряженно всматривались защитники в это огромное сооружение, которое должно было оказаться выше зубцов высоких башен; понимая, с какой настойчивостью ведется осада, они вдруг запросили мира, и, рассеявшись по башням и зубцам стен, простирали руки в знак того, что они предаются римлянам, и просили пощадить их и даровать им жизнь. 20. Когда они увидели, что орудия бездействуют и что осаждающие ничего больше не предпринимают, то приняли это за верный знак мира и попросили, чтобы им дана была возможность переговорить с Ормиздой. 21. Это им было разрешено. Начальник гарнизона Мамерсид спустился по канату вниз и был отведен к императору. Получив от последнего формальное обещание, что он и его товарищи будут помилованы и им будет сохранена жизнь, как он о том просил, он был затем отпущен назад. Когда он объявил в крепости о результате своих переговоров, все жители обоих полов, поскольку были приняты все пункты требований, подтвердили заключение мира самыми страшными клятвами и, открыв ворота, вышли все с криками, в которых провозглашали, что Цезарь в своем величия и милосердии явился для них как Гений-спаситель. 22. Насчитано было сдавшихся 2500 человек; остальное население, предполагая возможность осады, удалилось заранее, переплыв реку на малых судах. В этой крепости найден был огромный запас оружия и провианта. Взяв оттуда то, что было нужно каждому, победители предали все остальное пламени вместе с самой крепостью.

3.

1. На следующий день после этого император, как раз когда он спокойно обедал, получил неприятное известие о том, что командовавший персами сурена неожиданно напал на три турмы нашей легкой конницы, находившейся в передовых разъездах. Пало с нашей стороны очень немного людей, но в их числе один трибун и потеряно было знамя. 2. Страшно вспылив и считая, что главный залог безопасности – быстрота действий, он бросился с вооруженным отрядом на неприятеля и наголову разбил его. Уцелевших двух трибунов он уволил в отставку за нерасторопность и трусость, а десять солдат из числа тех, которые бежали, он лишил, следуя древнему обычаю, воинского звания и приговорил к смертной казни. {*310* }

3. После того как город, что было упомянуто, был предан пламени, Юлиан приказал собраться армии и, взойдя на подготовленный трибунал, поблагодарил войска, побуждал всех поддерживать в себе тот же боевой дух и обещал выдать донатив по 100 серебряных монет на человека [738]Когда же он увидал, что солдаты, недовольные незначительностью

737 **737.** 23, 4, 10.

738 **738.** Около 20 рублей на наши деньги (1908 г.).

обещанной суммы, стали громко выражать свое неудовольствие, возвысил в негодовании голос и сказал такую речь. 4. «Вот перед вами персы, в избытке имеющие всякое добро. Их богатства могут перейти к вам, если мы будем соединять единодушие и храбрость. Верьте мне, Римское государство со своими колоссальными богатствами впало в крайнюю бедность из-за людей, которые в интересах личного обогащения научили государей возвращаться с войны, купив за золото мир у варваров. 5. Казна истощилась, города обезлюдели, провинции разграблены. Нет у меня ни личных средств, ни родни, хотя я и знатного рода; но в груди моей бьется не знающее страха сердце. Ничуть не стыдно императору, который полагает все блага в развитии духовных сил, признаться в своей благородной бедности. Ведь и Фабриции, [739]будучи бедняками, провели великие войны и стали богаты славой. Все это может оказаться у нас в изобилии, если вы, чуждые всякого страха, вверившись Богу и мне, который ведет вас, соблюдая по мере человеческого разумения осторожность, будете держать себя спокойно. Если же вы вернетесь к прежним позорным бунтам и будете мне сопротивляться, то это ваше дело. 7. Я один, как подобает императору, свершив ряд таких подвигов, умру на месте с презрением к жизни, которую может у меня вырвать и какая-нибудь ничтожная лихорадка, или по крайней мере сойду с этого поста: я ведь не так жил, чтобы нельзя мне было стать опять частным человеком. С гордостью и чувством радости могу я заявить, что с нами есть испытанные вожди, глубокие знатоки военной науки». 8. Эта спокойная речь императора, который сохранял самообладание как в счастье, так и в несчастье, в данную минуту успокоила солдат. Укрепившись в надежде на лучшее, солдаты давали обещание соблюдать дисциплину и с полным единодушием до неба превозносили его величие и возвышенность духа. Когда подобного рода заявления искренни и идут от сердца, то обычно это выражается легким стуком щитов. 9. После этого войска вернулись в свои палатки, подкрепились, насколько в данное время это было возможно, пищей и питьем, а также ночным сном. Юлиан воодушевлял своих солдат и тем, что постоянно клялся не тем, что ему было дорого, а величием своих начинаний: «Верно как то, что я сокрушу {*311* } персов»... «Верно как то, что я восстановлю потрясенный римский мир». Таким же образом, как рассказывают, имел обыкновение подтверждать свои слова Траян: «Верно как то, что я увижу Дакию превращенной в провинцию», «Как то, что я по мосту перейду Истр и Евфрат» и многое тому подобное.

10. После этого, пройдя 14 миль[740]мы пришли в местности, плодородие которых является результатом обильного орошения. Зная наперед, по какому пути мы направимся, персы открыли шлюзы и вызвали большой разлив воды. 11. Так как почва на большом протяжении превратилась в болото, Юлиан дал солдатам день на отдых, пошел сам вперед и, наведя мосты из мехов и кожаных лодок, а также нарубив пальмовых стволов, не без затруднений переправил войска.

12. В этих местностях много полей, засаженных виноградной лозой и разными плодовыми деревьями; в наибольшем числе произрастают здесь

739 **739.** Прим. ред.: Например, Гай Фабриций Лусцин, консул 282 и 278 г. до н. э., принадлежавший к бедному плебейскому роду. См. 24, 4, 24, 30, 1, 22.

740 **740.** Около 20 верст.

пальмы, которые образуют почти сплошной лес, простирающийся на обширных пространствах до самой Мезены и великого моря. На каждом шагу попадаются здесь срубленные ветви пальм с плодами и без них; из плодов производят в изобилии мед и вино. [741]Рассказывают, что пальмы взаимно оплодотворяются и легко можно различить пол дерева. 13. Добавляют и то, что женские деревья зачинают, будучи обмазаны семенем мужских и что они знают наслаждение взаимной любви. Это видно из того, что они склоняются друг к другу, и даже сильный ветер не может вывести их из этого положения. Если женское дерево не будет обмазано семенем мужского, то происходит выкидыш, и дерево роняет не созревшие плоды. Если неизвестно, к какому мужскому дереву питает любовь то или другое женское, то мажут ствол одного цветным соком другого и дерево воспринимает, согласно природе, сладость запаха. Эти явления подтверждают существование оплодотворения. 14. Насыщаясь плодами пальм, войско миновало много островов, и там, где, опасались недостатка пищи, там именно появлялся страх избытка и пресыщения. Неприятельские стрелки устроили было нападение на нас из засады, но оно не осталось без возмездия, и мы дошли до места, где главное течение Евфрата разбивается на много рукавов.

4.

1. В этой области мы подошли к городу[742], который покинули населявшие его иудеи из-за его низких стен, и раздраженные солдаты предали его пламени. После этого император двинулся {*312* } дальше со всевозрастающей верой в оказываемое ему, как он думая, покровительство божества. 2. Дойдя до Майозамальхи, большого города, окруженного сильными стенами, он приказал разбить палатки и принял самые тщательные меры предосторожности для того, чтобы обезопасить лагерь от внезапного нападения персидской конницы, перед храбростью которой на открытых местах трепещут все народы. 3. Сделав соответствующие распоряжения, он вышел сам пешком с небольшим отрядом легковооруженных, чтобы сделать точную рекогносцировку относительно расположения города, но попал в опасную засаду, из-за которой едва спас свою жизнь. 4. Через потайные ворота города вышло десять вооруженных персов; ползком они пробрались по подошве холмов и внезапно напали на наших. Двое из них бросились с обнаженными мечами на императора, выделявшегося своим внешним видом. Подняв вверх щит, он отразил удар и, нисколько не растерявшись, укрываясь за щитом, всадил свой меч в бок одного из нападавших, а другого зарубили его телохранители. Остальные, из которых некоторые были ранены, рассеялись в бегстве; с обоих убитых были сняты доспехи. Император привел назад в лагерь невредимыми своих боевых товарищей с доспехами врагов и был встречен всеобщим ликованием. 5. Торкват снял с убитого врага золотое ожерелье, дерзкого галла поразил с помощью птицы Валерий, прозванный потом Корвином, и эта слава сохранила их имена

741 **741.** Прим. ред.: Имеется в виду финиковая пальма.

742 **742.** Прим. ред.: Вероятно, город Битра.

для потомства. [743]Зависти нет тут места, но пусть и это славное деяние Юлиана встанет рядом с теми подвигами древности. 6. На следующий день настланы были мосты, войска переправились, и лагерь был разбит в другом более безопасном месте и окружен двойным валом из-за того, как я уже сказал, что открытая равнина внушала опасения. Затем он предпринял осаду города, так как считал опасным идти вперед, оставляя в тылу у себя страшного врага. 7. Пока шли энергичные приготовления к осаде, неприятельский вождь сурена напал на наших обозных лошадей, которые паслись в пальмовых рощах, но был отброшен нашими охранными когортами и ушел с небольшими потерями. 8. Население двух городов, расположенных на островах реки, не доверяя своим силам, в страхе ушло за стены Ктесифона: одни прошли через лесную чащу, другие пустились в путь на выдолбленных стволах деревьев по соседним болотам, считая это единственным и самым верным способом совершить предстоявший им длинный путь в далекие земли. 9. Некоторые из этих последних отстали, и наши солдаты перебили их. Они и сами проезжали на лодках и челноках по разным местам и время от времени приводили взятых в плен. То был хорошо обдуманный план Юлиана: пока пешие силы будут вести осаду стен, конные отряды, разделившись на малые отряды, должны были выходить на грабеж. Таким образом {*313* } достигалось то, что солдаты, не обременяя наших провинций, кормились с земель неприятеля.

10. Император приступил к решительной осаде города, имевшего двойные стены. Он окружил его тройной цепью щитов и был уверен в удаче, этого начинания. Но насколько необходимо было это предприятие, настолько же оно оказывалось трудноисполнимым. Все подступы были закрыты высокими скалами с крутыми выступами и обрывами, что делало крайне опасным и даже невозможным подход, а к тому же и башни, многочисленные и очень высокие, грозно равнялись с высотой природной скалы цитадели; спускавшийся к реке склон был также защищен сильными бастионами. 11. Сюда присоединялась еще другая немалая беда, а именно то, что многочисленный гарнизон, состоявший из отборных людей, оставался совершенно глух ко всяким попыткам склонить его к сдаче и оказывал сильное сопротивление, надеясь победить или сложить свои головы за родину. С трудом удавалось удерживать рвавшихся вперед солдат, которые требовали боя пусть даже на ровном месте и в правильном строю, и горели желанием схватиться с врагом, когда давали сигнал к отступлению.

12. Однако разумные меры, принятые с нашей стороны, преодолели великое напряжение сил противника. Работы были распределены, и все поспешно взялись за назначенное для каждого дело. Здесь воздвигали высокие насыпи, там засыпали глубокие рвы, в третьем месте копали в земле длинные траншеи, специальные мастера размещали осадные орудия, которым предстояло вскоре огласить воздух своим зловещим грохотом. 13. Работой над подкопами и осадными щитами руководили Невитта и Дагалайф, а распределение нападений и защиту машин от пожара и вылазок неприятеля принял на себя сам император. Все

743 **743.** Прим. ред.: Тит Манлий Империоз Торкват получил свое прозвище в 367 или в 361 г. до н. э. за то, что убил в бою галла и снял с него ожерелье (лат. torques). См. Ливий 6, 42, 5; 7, 9, 6–10, 14. Марк Валерий Корвин воевал в 349 г. до н. э. против галлов (Ливий 7, 26, 1–6).

приготовления к разрушению города были завершены многообразными трудами и раздались голоса, требовавшие битвы. Как раз в этот момент вернулся командир по имени Виктор, сделавший рекогносцировку до самого Ктесифона, и сообщил, что он нигде не встретил каких-либо препятствий. 14. Это известие воспламенило радостью всех солдат, возбуждение усилилось еще больше и, стоя в боевом вооружении, они ждали сигнала к битве.

15. И вот затрубили боевой сигнал и на обеих сторонах началось движение. С вызывающим, грозным криком римляне первые сделали несколько натисков на врага, который под своим покрытием из железных пластин наподобие легких перьев чувствовал себя очень смело, так как стрелы, попадая в твердую железную броню, отскакивали, не причиняя вреда. Сдвинутые над головами щиты, которыми римляне прикрывались с большим искусством, расходились иногда от постоянного движения и образовывали щели. А {*314* } персы, напротив, упорно стояли на стенах и прилагали все старания к тому, чтобы по возможности отразить и сделать тщетным грозный натиск. 16. Когда же осаждающие, двигая перед собой осадные щиты, напирали уже на стены, пращники со стрелками, а также и другие, скатывавшие огромные камни, метавшие факелы и маллеолы, пытались их отбить. Тут приведены были в действие со страшным шумом баллисты, приспособленные к метанию деревянных стрел, и стали сыпать тучи снарядов, а скорпионы под искусной рукой стрелявших из них стали метать круглые камни. 17. Несколько раз повторялись приступы, пока, наконец, полуденный жар огнем пылавшего солнца, все усиливаясь, не заставил прекратить бой утомленных и обливавшихся потом людей, которые с напряжением всех сил вели стрельбу и сражались.

18. В таком же настроении обе стороны и на следующий день упорно продолжали бой в различных схватках с равным напряжением и прекратили его без решительного исхода. Император побывал со своими солдатами во всяких переделках и настаивал на необходимости скорейшего взятия города, чтобы слишком продолжительная задержка около его стен не помешала осуществлению его великих замыслов. 19. Но в сомнительных и трудных обстоятельствах иногда даже самое ничтожное обстоятельство может оказаться против всяких ожиданий важным, решающим моментом. Однажды, когда уже, как случалось, обе стороны были готовы прекратить бой и сражались с меньшим воодушевлением, придвинутый к стенам незадолго перед тем таран чрезвычайно сильным ударом разбил самую высокую башню, весьма прочно сложенную из кирпича. Ее падение со страшным грохотом увлекло за собой часть примыкавшей к ней стены. 20. Создавшееся таким образом изменение условий выставило в самом блистательном свете бранный труд осаждающих и воодушевление осажденных. Гнев и ожесточение наших солдат не знали ничего трудного, а для боровшихся за свою жизнь защитников не было ничего страшного и отпугивающего. Долго длилась ожесточеннейшая битва, много крови было пролито с обеих сторон, конец сражению положил закат солнца, и тут только усталые люди подумали об отдыхе. 21. Пока дело происходило при свете солнца и на глазах у всех, императору, бдительно следившему за всем, доложили, что легионеры, которым поручено было проложить подземные ходы, прокопали и укрепили их столбами и, достигнув уже фундамента стен, ждут его приказа, чтобы выйти наверх. 22. Заполночь трубачи дали сигнал идти в бой, и все поспешили к оружию. Пошли на штурм стен с двух сторон,

добиваясь, чтобы защитники, пока для отражения опасности они разойдутся туда и сюда, не могли услышать стук железных орудий на подземных работах, а в то же время безо всякой помехи {*315* } мог внезапно выйти из подземных ходов проникший через них отряд. 23. Все было исполнено согласно этим распоряжениям, и пока защитники были заняты, пробит был выход из подземного хода, и первым выскочил Экссуперий, солдат из отряда Виктора, за ним трибун Магн и нотарий Иовиан, а следом за ними целый отряд храбрецов. Поразив кинжалами тех, кого они нашли в доме, через который вышли наружу, они осторожно пошли вперед и перебили караульных, которые по обычаю этого народа громкими голосами прославляли справедливость и счастье своего царя. 24. Древние верили, что сам Марс участвовал – если для божественного величия возможно смешаться с людьми – в штурме лагеря луканцев (Гайем Фабрицием) Лусцином. [744]Эта вера была вызвана тем, что во время штурма видели солдата огромного роста, который нес лестницу; а на следующий день, когда был произведен войсковой смотр, не могли его найти, несмотря на самые тщательные розыски, в то время как если бы это был солдат, то он сам объявил бы о своем доблестном подвиге. Но если тогда осталось неизвестным, кто совершил тот подвиг, то теперь отмечены были имена, отличившихся храбростью. Они были награждены осадными венцами и, по древнему обычаю, император, похвалил их перед строем всей армии.

25. Пробитые во многих местах стены не давали более защиты обреченному на гибель городу, а вступившие в него разгневанные победители рубили всех, не различая ни пола, ни возраста; некоторые жители в страхе перед неминуемой гибелью, под угрозой огня с одной стороны и меча – с другой, оплакав свой конец, сами бросились вниз со стен и, совсем разбившись, сохраняли некоторое время жизнь, более жалкую, чем смерть, пока не приканчивал их меч победителя. 26. Начальник гарнизона, Набдата, с восемьюдесятью телохранителями был взят живым; его привели к императору, и тот радуясь победе, милостиво приказал даровать жизнь ему и остальным.

Разделив добычу по заслугам и трудам каждого, Юлиан, довольствовавшийся вообще малым, взял себе немого мальчика, умевшего выразить все, что понимал, изящными жестами, и три золотые монеты, как приятную и радостную, по его представлениям, награду за одержанную победу. 27. А из взятых в плен девушек, весьма красивых, так как вообще в Персии женщины отличаются красотой, он не пожелал тронуть ни одной, или даже увидеть их. В этом он следовал примеру Александра [745]и Африкана, которые избегали прельщений этого рода; являя себя непобедимыми в трудах, они боялись, чтобы страсти не сокрушили их силы.

28. Во время этой осады в одного нашего инженера – имени его я не могу вспомнить, – стоявшего случайно позади скорпиона, {*316* } попал покатившийся назад камень, который неловко положил в машину наводчик орудия. Он был сбит с ног ударом в грудь и убит на месте причем камень так размозжил его тело, что нельзя было распознать

744 **744.** Прим. ред.: См. прим. 5.

745 **745.** Прим. ред.: Имеется в виду Александр Македонский.

отдельных членов

29. Когда император уже тронулся в путь, надежный доносчик сообщил ему, что возле стен разрушенного города в потайных пещерах, которых много в тех местах, затаился в засаде неприятельский отряд, чтобы, неожиданно выйдя оттуда, напасть на наш арьергард во время похода. 30. Тотчас были посланы пехотинцы испытанной храбрости, чтобы захватить засаду. Так как им не удавалось ни проникнуть во входы пещер, ни вызвать укрывшихся в них людей на битву, то они навалили у входов в пещеры кучи соломы и хвороста и подожгли этот горючий материал. Проникавший в тесноту пещер дым, становясь все гуще, задушил одних, а других вынудило выйти на верную смерть проникавшее к ним дыхание пламени. Так все бывшие в засаде погибли от огня или меча, и солдаты постепенно вернулись ко своим знаменам. Так большой и многолюдный город, взятый мощной храбростью римлян, превращен был в прах и развалины.

31. После этого славного дела мы прошли по непрерывному ряду мостов, частых в той местности из-за стечения многих рек, и подошли к двойному укреплению, высеченному в скале. Здесь сын персидского царя, выступивший из Ктесифона с вельможами и вооруженным отрядом, пытался преградить переход через реку командовавшему нашим передовым отрядом комиту Виктору, но отступил при виде приближавшейся армии.

5.

1. Продвигаясь дальше, мы подошли к рощам и полям, радовавшим взор разнообразными посевами. Там мы нашли дворец, сооруженный в римском стиле. Он нам очень понравился и потому мы его оставили невредимым. 2. В той же местности было обширное круглое пространство, обнесенное изгородью, в котором держали на потеху царя диких зверей: львов с волнистыми гривами, косматых кабанов, страшно свирепых медведей, каковы они вообще в Персии, и других отборных огромных зверей. Наши всадники сломали ворота и перебили всех этих зверей охотничьими дротиками и стрелами. 3. Вся эта местность весьма плодородна от природы, а также хорошо обработана. Недалеко от нее лежит Коха, называемая также Селевкией. [746]Тут мы поспешно окопали лагерь, в котором и дан был всей армии двухдневный отдых из-за удобства снабжения водою и хорошего пастбища. Юлиан пошел вперед с легким передовым отрядом, чтобы осмотреть покинутый город, {*317* } разрушенный некогда императором Каром. [747]Тут находится никогда не пересыхающий родник, образующий большое озеро, имеющее исток в Тигре. Император увидел здесь прибитые на крестах тела родственников того человека, который, как я рассказал выше[748]сдал нам город Пирисабору. 4. Здесь был сожжен живым и Набдат, который, как я упоминал, был вытащен из тайного убежища во взятом городе с 80

746 **746.** Прим. ред.: Селевкия на Тигре.

747 **747.** Прим. ред.: Кар был императором в 282–283 гг. Согласно Евтропию, он взял город штурмом, но не разрушил его.

748 **748.** См. гл. 2.

людьми [749]В начале осады он дал на тайных переговорах обещание сдать город; но вел оборону самым ожесточенным образом; а, получив сверх ожидания прощение, дошел в своей дерзости до того, что позволял себе всячески поносить Ормизду.

5. Когда мы прошли несколько дальше от этого места, нас поразило печальное обстоятельство. Пока три когорты наших легких передовых войск бились с отрядом персов, который неожиданна сделал вылазку из ворот соседнего города, другой отряд, перейдя с противоположного берега реки, застал врасплох наших вьючных лошадей, которые следовали за нами с небольшим числом людей. Не предвидя опасности, люди беспечно занимались фуражировкой. Они были перебиты.

6. Император был страшно разгневан и возбужден по этому поводу. Двигаясь дальше и приближаясь уже к территории Ктесифона, мы наткнулись на укрепление, расположенное на высоком месте и весьма сильное. Он решил сам подойти к нему для разведки, и с небольшим отрядом подъехал к стенам, предполагая, что его не узнают. Но когда он в своем запале оказался ближе, чем на полет стрелы, неприятели узнали, кто он. Тотчас он был осыпан целой тучей различных метательных снарядов и едва не погиб от выстрелов большого орудия; оруженосец, державшийся возле него, был ранен, а ему самому удалось уйти от этой большой опасности под прикрытием тесно сомкнутых щитов.

7. Страшно раздосадованный этим случаем, он решил осадить эту крепость. Но гарнизон приготовился к упорному сопротивлению. Люди были уверены в почти полной неприступности этого места и надеялись, что на днях прибудет персидский царь со значительными силами, который уже приближался ускоренным маршем. 8. Наши приготовили к действию винеи и остальные осадные орудия. Ночь была лунная, и стоявшим на стенах все было ясно видно. И вот в конце второй стражи неприятель, вдруг открыв ворота, сделал неожиданно вылазку большими силами и напал на нашу когорту. Много наших пало, и среди убитых был трибун, {*318* } пытавшийся отразить опасность. 9. Пока шла эта схватка, персы, как и прежде, переправившись с противоположного берега, напали на наших в другом месте, несколько человек убили, а кое-кого взяли в плен. Наши действовали при этом несколько нерешительно, испуганные неожиданностью, а также и поскольку предполагали, что неприятель явился в бóльшем числе. Но когда они приободрились и кое-как приготовились дать отпор, а другие войска, вызванные трубным сигналом, стали подходить с грозным шумом, нападавшие оробели и отступили без всяких потерь.

10. Император был очень разгневан и людей, уцелевших из той когорты, которая плохо выдержала нападение врага, перевел в пехоту, где служба тяжелее, и понизил их ранги. 11. Его охватило пламенное желание разрушить крепость, которая подвергла его смертной опасности; он сосредоточил на осаде ее все свои силы и заботы и не покидал цепи передовых бойцов, чтобы, сражаясь впереди, подавать пример храбрым солдатам, быть свидетелем и ценителем их подвигов. Долго и много трудился здесь Юлиан с большой опасностью для жизни; чередовались приступы и обстрелы, по тайному соглашению с осажденными крепость была, наконец, взята и предана пламени. 12. Затем, с учетом

749 **749.** См. гл. 4.

перенесенных уже и предстоящих в будущем трудностей истомленной чрезвычайными трудами армии предоставлен был отдых и в изобилии были розданы съестные припасы. Но с тех пор гуще укрепляли вал лагеря палисадом и глубже копали рвы, так как из недалекого Ктесифона можно было опасаться внезапных нападений и других неожиданностей.

6.

1. Отсюда мы пришли к каналу, называющемуся Наармальха, что значит «Царская река»; в данное время в нем не было воды. Траян и после него Север [750]с большими усилиями прокопали здесь большой канал, чтобы, пропустив воду из Евфрата в Тигр, открыть путь для судов. 2. Признано было самым удобным очистить эти места, которые персы, опасаясь соединения рек, закрыли каменной плотиной. Когда расчистили долину и напор воды выровнял ложе канала, флот совершенно свободно проплыл 30 стадий[751]и вошел в русло Тигра. Тотчас построены были мосты и, перейдя реку, армия направилась на Коху. 3. Чтобы дать своевременный отдых после крайне утомительного похода, мы сделали остановку в богатейшей местности, приятно зеленевшей древесными {*319* } посадками, виноградниками и кипарисами. В середине этого пространства стояло прелестное имение в густой тени зелени; по всем стенам дома были развешаны картины местного письма с изображениями царя, убивающего зверей на разного рода охотах. Вообще у персов живопись и скульптура имеют только один сюжет – убийство и война.

4. Таким образом, все шло по желанию императора, и он стал смелее относиться ко всякого рода трудностям и настолько полагался на свою счастливую доселе судьбу, что нередко отваживался на поступки, которые граничили уже с опрометчивостью. Так более крупные корабли из числа тех, которые везли провиант и машины, он приказал разгрузить и посадить на них по 80 вооруженных людей. Разделив свой флот на три эскадры, две он оставил при себе, а одной приказал под командованием комита Виктора отплыть в самом начале ночи и, быстро переправившись через реку, захватить вражеский берег. 5. Командиры частей в сильном беспокойстве пытались единодушными просьбами удержать императора от этого плана действий, но так как им не удалось сломить его упорство, то пять кораблей, подняв флаг, как было приказано, быстро снялись и скрылись из виду. Когда же они стали приближаться к вражескому берегу, то на них посыпался целый град факелов и всякого рода огненосных снарядов, и они сгорели бы вместе с солдатами, если бы император со свойственной ему порывистостью не приказал всему флоту как можно быстрее двинуться вперед, воскликнув, что это наши солдаты, согласно приказанию, дают сигнал, что они заняли берег. Следствием этого было то, что и корабли остались целы, и оставшиеся в живых солдаты, хотя с высоты их и громили камнями и всякого рода метательными снарядами, после ожесточенной схватки поднялись на высокие и крутые берега и удержали за собой позицию.

7. Историки удивляются Серторию, который в оружии и панцире

750 **750.** Прим. ред.: Имп. Траян и Септимий Север в ходе войн с парфянами.

751 **751.** 5,31 километра.

переплыл Рону. [752]Этот его поступок воодушевил солдат и, не желая остаться сзади, они, следуя данному примеру, легли покрепче на свои широкие и глубокие щиты и, кое-как их направляя, переплыли с быстротой кораблей пенившуюся в водоворотах реку.

8. Персы выставили против нас панцирных всадников в таком тесном строю, что при каждом движении тела тесно облегающие члены пластинки слепили глаза встречным; все лошади были также защищены кожаными покровами. В резерве были оставлены манипулы пехотинцев. Прикрываясь продолговатыми выпуклыми щитами, сплетенными из тростника и покрытыми сырой кожей, выступали они в тесном строю. Позади них слоны как перемещающиеся горы движением своих огромных туш грозили гибелью приближавшимся, наводя страх из-за воспоминаний о событиях прошлого. {*320* }

9. Поэтому император, следуя гомеровской тактике[753]поставил между первым и третьим строем более слабые подразделения, чтобы, оказавшись впереди, они в беспорядочном отступлении не увлекли всех остальных, или, будучи помещены сзади всех центурий и не имея никакой поддержки, не обратились тем легче в бегство. Сам он с вспомогательным отрядом легковооруженных разъезжал по переднему и заднему фронту.

10. Оба войска могли уже видеть друг друга. Римляне с развевающимися султанами на своих блистающих шлемах, потрясая щитами, спокойно выступали под звуки военной музыки в анапестическом такте [754]Передовая линия начала битву метанием копий, и земля, превращавшаяся под ногами людей в пыль, уносилась быстрым вихрем. 11. С обеих сторон раздался обычный боевой клич, бодрое настроение людей поддерживал звук труб, с той и другой стороны люди бились уже лицом к лицу копьями и мечами, и для каждого человека опасность быть пораженным стрелами миновала тем скорее, чем теснее он сходился с врагом. Подавшимся назад Юлиан спешил дать подкрепление, а отстававших старался подбодрить, как соратник и командир. 12. Первая линия персов подалась и стала отступать сначала медленным, а потом, когда бой разгорелся, быстрым шагом и спешила в близлежащий город. Наши солдаты, хотя они были также утомлены сражением, длившимся от восхода солнца и до конца дня под палящими лучами настойчиво напирали на отступавших, рубили врага в тыл и гнали противника вместе с Пиграном, суреной, и Нарцеем, главными вождями персов, до самых стен Ктесифона, нанося удары в спину и пятки. 13. Смешавшись с рядами бегущих, наши солдаты могли бы пройти через вход в крепость, но командир Виктор удержал их, подняв руки и возвышая голос. Сам он был ранен стрелой в плечо и опасался, что если, вырвавшись вперед, наши люди в беспорядке ворвутся внутрь стен и окажутся отрезанными от своих, то множество неприятелей легко сможет

752 **752.** Прим. ред.: Серторий (123–72 гг. до н. э.) – римский полководец, сторонник Мария и Цинны. После гибели последних бежал в Испанию, где в течение длительного времени вел борьбу против римлян. Приведенный анекдот Плутарх (Серторий 3.1) относит ко временам его молодости, когда он под руководством Мария участвовал в войнах с кимврами и тевтонами.

753 **753.** Hom. Il. IV 297 сл.

754 **754.** Анапест (U U –) – размер медленного марша.

их подавить.

14. Пусть древние поэты воспевают бой Гектора, пусть они возносят храбрость Фессалийского вождя (Ахилла), пусть целый ряд веков возглашает славу Софана, Аминии, Каллимаха, Кинегира, [755]этих светочей времен войны персов в Греции. Но по всеобщему признанию не меньшую доблесть проявили в тот день некоторые из наших. {*321* }

15. Чуждые всякому страху, попирая ногами трупы врагов, забрызганные кровью неприятеля, собрались солдаты к императорской ставке, прославляли Юлиана и благодарили за то, что он, являясь повсюду столь же вождем, сколь и воином-бойцом, так блистательно вел дело, что персов пало около 2500, при наших потерях в 70 человек. Юлиан вызывал из строя по имени многих солдат, неустрашимости и храбрости которых он сам был свидетелем и ценителем, и раздал им венцы морские, гражданские и лагерные.

16. В полной уверенности, что после этих удач последуют другие подобные, он готовил много жертв Марсу Мстителю. Но из десяти великолепных быков, которые были выведены для этой цели, девять, еще не будучи подведены к жертвенникам, сами жалостно простерлись на земле, а десятый оборвал веревку и убежал. С трудом привели его назад, и когда его принесли в жертву, знамения по внутренностям оказались неблагоприятными. Увидев это, Юлиан в сильном негодовании воскликнул, призывая в свидетели Юпитера, что он не будет более приносить жертв Марсу. И он сдержал свою клятву, похищенный вскоре смертью.

7.

1. На военном совете высших чинов об осаде Ктесифона некоторые высказывались в том смысле, что такое предприятие было бы слишком смело и несвоевременно, потому что положение города делает его неприступным, охрана его очень сильна и вскоре должен прибыть с несметным войском царь. 2. Это лучшее мнение взяло верх; император со свойственной ему проницательностью одобрил его преимущества и послал Аринфея с отрядом легкой пехоты на грабеж окрестных местностей, богатых скотом и всякими припасами. Вместе с тем Аринфей должен был усердно преследовать неприятеля, который за последнее время повсюду рассеялся по трудно проходимым дорогам и знакомым ему разным убежищам. 3. Но потом император поддался своему стремлению идти вперед, не стал обращать внимания на предостережения и упрекал своих командиров в том, что они из трусости и желания спокойствия советуют ему отказаться от завоеванного уже Персидского царства. Оставив слева реку и поверив неудачным проводникам, он отдал армии приказ двинуться быстрым маршем по направлению к югу. 4. И как если бы сама Беллона подбросила ему роковой факел, он велел предать пламени все корабли кроме 12 меньших, которые приказал везти на телегах на случай надобности в них для наводки моста. Это свое

755 **755.** Прим. ред.: Гектор и Ахиллес (Ахилл) – величайшие противники в Троянской войне. Софан проявил себя в 479 г. до н. э. в битве греков с персами при Платеях, Аминий, брат трагика Эсхила, – при Саламине в 480 г. до н. э. Каллимах и Кинегир погибли в сражении при Марафоне в 490 г. до н. э. при попытке захватить персидские корабли.

распоряжение он считал полезным, поскольку оставленный флот не мог послужить на пользу неприятелю и не отвлекались {*322* } более на греблю и охрану судов почти 20 тысяч воинов, как было с самого начала похода. 5. Каждый про себя выражал опасения, да и сама очевидность была за то, что в случае, если бы армия вынуждена была отступить из-за засухи ли, или высоты гор, она будет отрезана от воды. К тому же и перебежчики под пыткой сознались в своем обмане. Тогда был отдан приказ, собрав все силы, потушить пожар. Но страшно разгоревшееся пламя уже уничтожило большую часть судов и удалось сохранить невредимыми только 12, которые для спасения их от огня были отделены от остальных. 6. Таким образом, флот без всякой надобности был уничтожен. А Юлиан, с полным доверием к своей объединенной армии, когда уже ни один человек не был отвлечен на посторонние дела, увеличившись численно, двинулся во внутренние области страны, и богатые местности в изобилии доставляли нам продовольствие.

7. Узнав об этом, неприятель, чтобы истомить нас голодом, поджег траву вместе с поспевшим хлебом. Задержанные в своем движении пожаром, мы должны были выжидать в укрепленном лагере, пока огонь сам не потухнет. Персы, издеваясь над нами, то нарочно рассеивались на далеком расстоянии, то иной раз напирали на нас в густой боевой линии, так что, наблюдая издали, мы предполагали, что пришел со вспомогательным войском сам царь, и что они поэтому именно, как мы думали, отваживаются на дерзкие нападения и необычные предприятия. 8. Жалели, однако, как император, так и солдаты о том, что из-за неразумной утраты кораблей нельзя было ни навести мост, ни отражать набеги напиравшего на нас неприятеля, близость которого выдавал блеск оружия и брони, облекавшей все члены. К этому присоединялась и другая немалая беда, а именно: не появлялись вспомогательные отряды, которых мы ожидали с Арсаком[756]и нашими командирами, будучи задержаны причинами, о которых шла речь выше.

8.

1.Чтобы уменьшить тревогу солдат, император приказал вывести нескольких пленных, которые были, как и вообще все персы, тонкого сложения, да к тому же исхудали, и, оглядывая своих, сказал: «Смотрите вы, которых делает мужами отважный дух, на безобразных и грязных козлов, которые, как мы узнавали это не раз на деле, обращаются в бегство, бросив оружие прежде, чем дело доходит до рукопашного боя»[757]. 2. После этих слов, пленные {*323* } были уведены и он провел военный совет о положении дел. Высказывались различные мнения, а неразумная толпа стала кричать, что нужно вернуться назад тем путем, каким пришли. Император решительно воспротивился. Он сам, а с ним и другие, доказывали, что совершенно невозможно предпринять движение по широкой равнине, на которой уничтожен подножный корм и хлеба и

756 **756.** Ср. 21, 6, 8; 23, 2, 2.

757 **757.** Прим. ред.: Явная параллель с рассказом Ксенофонта в «Анабасисе» о том, как Кир приказал показать греческим наемникам пленных персидских вельмож раздетыми, чтобы они увидели, как те слабы и беспомощны, и тем самым поднять их боевой дух.

уцелели лишь жалкие остатки сожженных селений; к тому же после таяния снегов на горах вся почва размокла, уровень воды в реках поднялся, и они вышли из берегов. 3. К трудностям общего положения присоединилось и то, что в тех местах в жаркое время года все кишит роями мух и комаров, которые закрывают свет солнца днем и блистание звезд ночью. 4. Так как человеческий разум не указывал нам выхода в этих колебаниях и сомнениях, то, устроив жертвенники и принеся жертву, мы испрашивали совета богов, идти ли нам через Ассирию, или же, медленно продвигаясь у подошвы гор, неожиданно вторгнуться в Хилиоком близ Кордуэны. Но исследование внутренностей животных не давало нам надежды на удачный исход ни того, ни другого плана. 5. Наконец, поскольку всякая надежда на лучшее была нам отрезана, мы остановились на решении двинуться в Кордуэну. 16 июня, когда мы снялись с лагеря и с восходом солнца император ушел вперед, показался не то дым, не то смерч. Мы подумали, что это стадо диких ослов, которые водятся там в огромном множестве; они держатся большими стадами, чтобы отбиваться от нападений свирепых львов. 6. Другие думали, что это подходит Арсак и наши вожди из-за слухов, что император с большими силами осаждает Ктесифон, а некоторые утверждали, что это персы преградили нам путь. 7. В столь сомнительных условиях, во избежание какого-нибудь несчастия, дан был сигнал остановиться, и мы расположились в богатой травой долине близ речки; оградившись цепью из нескольких рядов щитов, мы разбили лагерь в форме круга. И до самого вечера нельзя было в густом воздухе разглядеть, что такое мерцало перед нами в неясных очертаниях. {*324* }

Книга XXV

(годы 363–364)

1. Римляне храбро отбивают персов, которые сделали на них нападение во время похода.

2. Армия страдает от недостатка хлеба и подножного корма. Юлиана устрашают знамения.

3. Когда император для отражения персов, напавших со всех сторон, бросился необдуманно без панциря в битву ему нанесена была рана копьем. Принесенный в палатку, он обратился с речью к стоявшим около него и, утолив жажду глотком холодной воды, скончался.

4. Доблести его и недостатки, сложение и осанка.

5. Императором избирают в спешке Иовиана, примицерия протекторов-доместиков.

6. Персы и сарацины тревожат частыми схватками римлян во время их спешного отступления, и римляне отражают неприятеля с большими потерями.

7. Голод и беспомощность римской армии побуждают Августа Иовиана заключить с Сапором вынужденный необходимостью, но весьма позорный мир, уступив ему пять областей с городами Нисибисом и Сингарой.

8. Перейдя через реку Тигр, римляне в течение долгого времени мужественно переносили полное отсутствие пищи и, наконец, достигли

Месопотамии. Август Иовиан устраивает по мере возможности дела в Иллирике и Галлии.

9. Знатный перс Бинез принимает от Иовиана именем Сапора неприступный город Нисибис; жители были вынуждены покинуть родной город и переселиться в Амиду. Согласно мирному договору, персидские вельможи вступили во владение пятью областями с городом Сингарой и шестнадцатью крепостями. {325 }

10. Опасаясь волнений в государстве, Иовиан спешно проезжает через Сирию, Киликию, Каппадокию и Галатию. В Анкире он вступает в консульство совместно с сыном своим, младенцем Варронианом, и вскоре вслед затем внезапно умирает в городе Дадастане. {326 }

1

1. Эту ночь, во мраке которой не блистала ни одна звезда, мы провели в настроении, соответствовавшем трудным и сомнительным нашим обстоятельствам; в страхе никто не смел ни присесть для отдыха, ни сомкнуть глаз и предаться сну. А когда рассвело, искрившаяся на солнце броня с железными ободками и издалека заметные блиставшие панцири оповестили нас, что перед нами царские войска. 2. Это зрелище возбудило наших солдат, и они рвались в бой, несмотря на отделявшую нас от неприятеля реку. Император сдержал этот пыл. Но неподалеку от лагерного вала столкнулись в жаркой стычке передовые отряды наши и персидские, и в ней пал командир одной нашей части Махамей. На помощь ему бросился брат его, бывший впоследствии дуксом Финикии, уложил на месте убийцу своего брата и, наводя страх на всех встречных, смог с большими усилиями, хотя и сам был ранен в плечо стрелою, вынести из рядов сражающихся Махамея, лицо которого уже покрыла предсмертная бледность. 3. И хотя невыносимый жар и одна за другой повторявшиеся атаки истощали силы обеих сторон, однако вражеская конница была, наконец, отражена и рассеяна. Когда мы стали продвигаться дальше, сарацины, которых отбила до этого наша пехота, вскоре соединившись с главными силами персов, сделали стремительный набег на наш обоз; но, увидев императора, вернулись к своим резервам.

4. Выступив с этого места, мы подошли к селению по имени Гукумбра. Тут мы в течение двух дней подкреплялись всякого рода пищей и вопреки ожиданиям наелись досыта хлеба, а затем, предав пламени все, что не могли увезти с собою, двинулись дальше. 5. На следующий день, когда наше войско медленно двигалось вперед, персы совершенно неожиданно напали на те наши отряды, которые в тот день несли арьергардную службу. Они могли бы легко их уничтожить, если бы ближайшие конные полки, быстро сообразив, в чем дело, не бросились на врага, широко рассыпавшись по низкой равнине, и не отразили этой страшной опасности, изранив нападавших. 6. В этой битве пал Адак, знатный сатрап, который {*327* } некогда удостоился милостивого приема у императора Констанция, как посол персидского царя. Убивший его солдат принес Юлиану его доспехи и был подобающим образом вознагражден. 7. В тот же день пехотные войска возбудили против конного отряда терциаков обвинение в том, что во время их наступления на вражеский строй терциаки мало-помалу рассеялись и едва не поколебали бодрого духа всей армии. 8. Император воспылал справедливым гневом, отнял у них знамена, приказал сломать их копья и всем, кто был изобличен в бегстве, занять место во время похода между обозом и пленными; командиру терциаков, который единственный храбро

сражался, вверено было командование другой турмой, трибун которой был изобличен в постыдном оставлении поля боя. 9. Лишены были также воинского звания еще четыре трибуна конных отрядов за подобное же преступление. Этой малой карой ограничился император, принимая в расчет предстоящие трудности. 10. Мы продвинулись затем на 70 стадий [758]вперед, и наш провиант все более уменьшался: травы и хлеба были сожжены, и каждый выискивал сам себе среди огня продовольствие и фураж, сколько мог увезти с собой. 11. Когда, продвигаясь дальше, вся армия сошлась в области, именуемой Маранга, на рассвете показались огромные полчища персов, с которыми были Мерен, начальник конницы, с двумя сыновьями царя и множеством знати. 12. То были закованные в железо отряды; железные бляшки так тесно охватывали все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела, и прикрытие лица так хорошо прилегало к голове, что все тело оказывалось закованным в железо, и попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, находившиеся против глаз, можно что-то видеть, или где через ноздри с трудом выходит дыхание. 13. Часть воинов, готовая сразиться копьями, стояла неподвижно, как будто люди были связаны медными цепями. Рядом с ними были расположены стрелки – этим искусством испокон веков сильны были персы. Широко разводя руки, они натягивали упругие луки, доводя тетиву до правого соска, и зажимая в левой руке стрелу, ловким и умелым толчком пальцев выпускали звонко свистевшие стрелы, наносившие смертельные раны. 14. За ними стояли лоснящиеся слоны; страшный их вид и ужасный хобот внушали едва преодолеваемый ужас; их храп и запах и непривычный для глаз вид еще более пугали коней. 15. Сидевшие на них вожаки, помятуя о страшном поражении, понесенном персами при Нисибисе, [759]имели на правой руке ножи с длинной ручкой; в случае если бы нельзя было справиться с разъяренным зверем, {*328* } чтобы слон не обратился против своих, как случилось тогда, и не потоптал много людей, вожак должен был сильным ударом рассечь ему позвоночник в том месте, где голова соединяется с шеей. Еще в давние времена брат Ганнибала Газдрубал узнал на опыте, что это самый быстрый способ лишить жизни этого зверя [760]16. Несмотря на устрашающий вид всего этого, император, окруженный тесным строем вооруженных когорт и главных командиров, находился в самом бодром настроении. Превосходство сил неприятеля и опасность возбуждали его мужество и он строил навстречу врагу манипулы полукругом с заходящими флангами. 17. Чтобы стрелки не могли разъединить отдельные части нашей боевой линии, он приказал наступать со всей возможной быстротой для скорейшего выхода из-под обстрела. Затем был дан обычный сигнал к битве, и в тесном строю римская пехота с величайшими усилиями пробила тесный фронт неприятеля. 18. Бой разгорался. Звон щитов, зловещий лязг оружия, грозные крики людей, все смешалось в одно; кровь и кучи трупов покрыли поле брани. Персов падало больше, так как они не обладали должной выдержкой и с трудом выносили бой лицом к лицу: им было более привычно сражаться на

758 **758.** Ок. 121/2 километров.

759 **759.** Прим. ред.: Имеется в виду осада Нисибиса Сапором в 350 г.

760 **760.** Liv. 27, 49.

расстоянии и, увидев, что дрогнул их строй, отступать с быстротой несущихся по небу туч, и удерживать врагов от преследования, направляя назад залпы стрел. Итак, с величайшим напряжением сил персы были отбиты, и солдаты, утомленные долгими часами боя под палящими лучами солнца, вернулись, когда был дан отбой, в палатки с гордой готовностью отважиться и на большее. 19. В этой битве, как уже сказано, потери персов были очень велики, а наши – весьма незначительны. Из различных событий этой битвы наиболее заметными была смерть Ветраниона, заслуженного боевого человека, который состоял командиром легиона зианнов. [761]

2.

1. После этого было заключено соглашение о трех днях перемирия, и в течение этого времени все залечивали раны свои или близких товарищей. Провиант у нас был на исходе, и мы страшно страдали от невыносимого уже голода, и так как посевы и пастбища были сожжены, и люди, и вьючный скот оказались в очень тяжелом положении, то совсем обнищавшим солдатам была роздана значительная часть того провианта, который везли обозные лошади трибунов и комитов. 2. Император, которому готовили на обед в его простой палатке не какие-нибудь изысканные яства по царскому {*329*} обычаю, но лишь порцию похлебки, которой не позавидовал бы и рядовой солдат, совершенно не думая о себе, приказал раздать беднейшим контуберниям [762]все, что было заготовлено для царского стола. 3. Если он и предавался на некоторое время тревожному сну, то по привычке срывался с постели и по примеру Юлия Цезаря садился за писание. Когда он однажды в ночной полутьме размышлял над одной великой идеей какого-то философа, он увидел, как рассказывал об этом приближенным, в смутных очертаниях образ Гения римского государства, который он видел в Галлии, когда принимал верховную власть [763]Голова и рог изобилия были закрыты, и видение грустно прошло через занавес его палатки. 4. На миг он впал в оцепенение; но будучи выше всякого страха, он поручил грядущее велениям неба и, поднявшись с разостланного на земле ложа еще среди глубокой ночи, совершил отвращающие бедствие священнодействия. Тут он увидел пламенеющий факел, который, казалось, падал с неба и, пролетев по воздуху, исчез. Ужас охватил его при виде этого явления, так как он боялся, не сам ли Марс столь открыто явил бедой грозящее небесное знамение.

5. Этот огненный светоч был тем, что мы (т. е. греки) зовем διαίσσων, [764]он никогда не падает на землю и земли не касается. Того, кто думает, будто с неба могут падать тела на землю, следует по справедливости считать наивным простаком. Явления подобного рода происходят по

761 **761.** Прим. ред.: Легион, набранный из варваров на Кавказе.

762 **762.** Contubernium – группа солдат, живших в одной палатке. Деление людей по таким сожительствам стояло в связи с размещением их в строю.

763 **763.** См. 20, 5, 10.

764 **764.** Прим. ред.: Дословно – «пролетающий».

различным причинам, и я приведу лишь некоторые объяснения. 6. Так, существуют мнения, что искры, воспламеняясь от эфира, сохраняют некоторое время силу в своем падении, но вскоре тухнут или же, что пламя лучей, падая на густые облака, выбивает сильным ударом искры, или что вообще световая материя задерживается в облаке. Принимая форму звезды, искра падает на землю, пока в ней поддерживается сила огня; но, ослабевая на громадном пространстве, разряжается в воздух, превращаясь в ту стихию, от сильного трения о которую произошло воспламенение. 7. И вот тотчас, еще до рассвета, созваны были этрусские гаруспики, и им был задан вопрос, что предвещает это необычное световое явление. Они дали ответ, что следует всячески воздерживаться от каких бы то ни было начинаний, и указали, что в Тарквитиевых книгах в главе о небесных явлениях указано: если на небе виден был огненный светоч, нельзя вступать в битву или решаться на что-либо подобное [765]8. Так как Юлиан отнесся к этому, как и многому другому, с пренебрежением, гаруспики {*330* } просили отложить по крайней мере на несколько часов выступление с места стоянки. Но и этого они не добились: император отверг всякую науку предсказаний, и так как уже занялся день, то армия тронулась в путь.

3.

1. При нашем выступлении отсюда персы сопровождали нас. После своих многократных поражений они боялись вступать в правильный бой с нашей пехотой, и незаметно сопровождали нас, устраивая засады, и, наблюдая за движением наших войск, шли по холмам по обеим сторонам нашего пути, так что наши солдаты, подозревая это, весь день не воздвигали вала и не устраивали прикрытия из палисада. 2. Фланги были хорошо прикрыты, и армия передвигалась в соответствии условиям местности в виде четырехугольника, причем колонны довольно далеко находились одна от другой. Вдруг император, который в этот момент вышел немного вперед для осмотра местности и был без оружия, получил известие, что на наш арьергард неожиданно сделано нападение с тыла. 3. Взволнованный этим неприятным известием, он забыл о панцире, схватил в тревоге лишь щит и поспешил на помощь арьергарду, но его отвлекло назад другое грозное известие о том, что передовой отряд, который он только что оставил, находится в такой же опасности. 4. Пока он, забыв о личной опасности, спешил восстановить здесь порядок, персидский отряд катафрактов совершил нападение на находившиеся в центре наши центурии. Заставив податься левое крыло, неприятель стремительно стал нас окружать и повел бой копьями и всякими метательными снарядами, а наши едва выдерживали запах слонов и издаваемый ими страшный рев. 5. Император поспешил сюда и бросился в первые ряды сражавшихся, а наши легковооруженные устремились вперед и стали рубить поворачивавших персов и их зверей в спины и сухожилия. 6. Забывая о себе, Юлиан, подняв руки с криком, старался показать своим, что враг в страхе отступил, возбуждал ожесточение преследовавших и с безумной отвагой сам бросался в бой. Кандидаты[766]которых разогнала паника,

765 **765.** Ср. 17, 10, 2, где упомянуты книги Тагета.

766 **766.** Candidati, ср. 15, 5, 16 – отряд телохранителей, состоявший в ведении magistri

кричали ему с разных сторон, чтобы он держался подальше от толпы бегущих, как от обвала готового рухнуть здания, и, неизвестно откуда, внезапно ударило его кавалерийское копье, рассекло кожу на руке, пробило ребра и застряло в нижней части печени. 7. Пытаясь вырвать его правой рукой, он {*331* } почувствовал, что разрезал себе острым с обеих сторон лезвием жилы пальцев, и упал с лошади. Быстро бежали к нему видевшие это люди и отнесли его в лагерь, где ему была оказана медицинская помощь. 8. Вскоре, когда мало-помалу утихла боль и прошел ужас, он, борясь смелым духом со смертью, потребовал оружия и коня, чтобы, вернувшись в ряды сражающихся, поднять боевой дух своих и показать, что он, забыв о себе, озабочен лишь судьбой других. Он проявил ту же силу духа, хотя и при других обстоятельствах, что и знаменитый вождь Эпаминонд; тот, когда, смертельно раненый при Мантинее, [767]был вынесен с поля битвы, с тревогой спросил о своем щите, а когда увидел его рядом с собой, умер от полученной раны с радостью. Бестрепетно расставаясь с жизнью, он со страхом думал лишь о потере щита. 9. Но так как силы Юлиана не соответствовали его стремлениям, и продолжалось кровотечение, то он остался неподвижным и оставил всякую надежду на жизнь, когда на вопрос о названии места, где он был сражен, узнал, что называется оно Фригия; то, что он здесь умрет, открыл ему раньше письменный жребий. [768]

10. Когда императора отнесли в палатку, солдат охватило невероятное воодушевление; ожесточение и горе побуждали их к мести, и они ринулись вперед, ударяя копьями о щиты, готовые умереть, если уж так суждено. Хотя густая пыль засыпала глаза, и палящий зной ослаблял быстроту членов, но, чувствуя себя как бы лишенными военного звания от потери своего командира, они бросались на мечи, не щадя своей жизни. 11. А приободрившиеся, наоборот, персы пускали такие тучи стрел, что закрывали ими себя от неприятеля; перед ними медленно выступали слоны и пугали людей и лошадей величиной своего туловища и своим страшным ревом. Далеко были слышны шум сходившихся лицом к лицу воинов, стоны падавших, ржание коней, лязг железа, пока, наконец, уже темная ночь не развела оба войска, в конец истомленные от ран. 13. Тут пало 50 вельмож и сатрапов персидских, помимо множества простых солдат, убиты были в этой свалке их главные командиры, Мерена и Ногодар. Пусть велеречивая древность дивится двадцати битвам Марцелла [769]которые он провел в разных местах; пусть она прибавит сюда Сициния Дентата, стяжавшего множество военных венцов, пусть она изумляется, кроме того Сергию, который, как рассказывают, был 23 раза ранен в разных боях, и ореол славы которого омрачил последний его

officiorum. В составе этого корпуса был много варваров, ср. 31, 15, 8.

767 **767.** Прим. ред.: Эпаминонд – фиванский полководец и государственный деятель. В 371 г. до н. э. в битве при Левктрах разгромил спартанскую армию, возглавляемую царем Агесилаем, а в 362 г. до н. э. – антифиванскую коалицию при Мантинее. В {539} последней битве погиб и сам. Изобрел ряд усовершенствований в военной тактике (например, «косой строй»).

768 **768.** Прим. ред.: См. описание у Зонары.

769 **769.** Плиний, h. n. 7, 92 говорит о 39 битвах.

потомок, Катилина, вечным позором [770][771]Но радостный результат битвы был {*332* } куплен тяжкими потерями. 14. Во время жаркого боя после удаления императора правое крыло нашей армии ослабло, убит был Анатолий, бывший тогда магистром оффиций; только благодаря счастливой случайности спасся бегством префект Саллюстий: в крайней опасности его спас один подчиненный и при этом был убит состоявший при нем советник Фосфорий. Некоторые солдаты, овладев после разных опасностей расположенным поблизости укреплением, могли соединиться с армией только на третий день после этого.

15. Пока продолжался бой, Юлиан лежал в своей палатке; вокруг него стояли его друзья, глубоко опечаленные и подавленные горем, и он простился с ними такой речью. «Слишком рано, друзья мои, пришло для меня время уйти из жизни, которую я, как честный должник, рад отдать требующей ее назад природе. Не горюю я и не скорблю, как можно думать, потому что я проникнут общим убеждением философов, что дух много выше тела, и представляю себе, что всякое отделение лучшего элемента от худшего должно внушать радость, а не скорбь. Я верю и в то, что боги небесные даровали смерть некоторым благочестивым людям, как высшую награду. 16. И мне дан этот дар, – я в этом уверен, – чтобы я не изнемог под бременем страшных затруднений, не унизился и не пал. Я знаю на опыте, что всякое горе сокрушает малодушных, оказываясь бессильным перед человеком твердого духа. 17. Мои поступки не дают мне повода раскаиваться в чем-нибудь, не томит меня воспоминание о каком-либо тяжком преступлении ни в то время, когда меня держали в тени и в забвении, ни когда я принял верховную власть. Эту власть, имеющую родство с небожителями, я сохранил, думается мне, незапятнанной; с полным беспристрастием направлял я гражданские дела, и, лишь тщательно взвесив основания, объявлял войну или отражал ее, хотя удача дела и целесообразность человеческих решений не всегда находятся в соответствии между собой, так как исход предприятий направляют высшие силы. 18. В сознании того, что цель хорошего правления – это выгода и благосостояние подданных, я был, как вы знаете, всегда более склонен к поддержанию мира, не позволял себе в действиях произвола, который является источником порчи отношений и нравов в государстве. Я хожу в радостном сознании того, что где бы ни выставляло меня государство как властный родитель на явные опасности, я стоял недвижимо, привыкнув одолевать бури случайностей. 19. И не стыдно мне будет сознаться, что я давно уже знал, что мне предстоит умереть от железа: таково было открытое мне вещее предсказание. С благодарностью склоняюсь я перед вечным богом за то, что ухожу из мира не из-за тайных козней, не от жестокой и продолжительной {*333* }

770 **770.** Почти дословная выписка из Солина, Collectanea § 105.

771 **771.** Прим. ред.: Марк Клавдий Марцелл был солдатом уже в 1-ю Пуническую войну и главнокомандующим в войне с Ганнибалом. Особенно прославило его взятие Сиракуз (212 г. до н. э.). Сициний Дентат, обычно называемый вместе с Сергием (например, Плинием Старшим 7, 101–106) был прославлен Авлом Геллием как римский Ахиллес (2,11,1). Его подвиги относятся к 5 в. до н. э. Луций Сергий был одним из послов, которых в 202 г. до н. э. послал в Карфаген Сципион для переговоров о капитуляции. Его потомок Луций Сергий Катилина в 63 г. до н. э. возглавил известный заговор, подавленный благодаря энергичным действиям Цицерона, в тот год бывшего консулом.

болезни и не смертью осужденного на казнь, но умираю в расцвете моей славы. По справедливому суждению, в равной мере малодушен и труслив тот, кто желает смерти, когда это не подобает, и кто бежит от нее, когда пришел его час. 20. Силы меня покидают, и хватит мне говорить. Из предосторожности я умалчиваю об избрании императора, чтобы по неведению не обойти достойного, или, назвав того, кого я считаю достойным, не подвергнуть его крайней опасности, если кто-то другой, быть может, будет ему предпочтен. Но как честный сын отечества, я желаю, чтобы после меня нашелся хороший правитель».

21. После этих слов, произнесенных с полным спокойствием, Юлиан, желая распределить свое личное имущество между наиболее близкими своими друзьями, спросил о магистре оффиций Анатолии. Когда префект Саллюстий ответил, что тот «уже счастлив», Юлиан понял, что он убит, и тяжко застонал о смерти друга, хотя и выказал сам только что столь высокое равнодушие к своей собственной участи. 22. Все присутствовавшие плакали, и Юлиан властным тоном порицал их даже в такой час, говоря им, что не достойно оплакивать государя, приобщенного уже к небу и звездам. 23. Тогда все умолкли, лишь сам он глубокомысленно рассуждал с философами Максимом и Приском [772]о высоких свойствах духа человеческого. Но вдруг шире раскрылась рана на его пробитом боку, от усилившегося кровотечения он впал в забытье, а в самую полночь потребовал холодной воды и, утолив жажду, легко расстался с жизнью на 32 году. Родился он в Константинополе. В самом раннем детстве он стал сиротой, так как его отца Констанция погубили вместе со многими другими после смерти брата его Константина интриги наследников верховной власти. Рано потерял он также и мать свою, Базилину, происходившую из старинного знатного рода. [773]

4.

1. То был человек, бесспорно достойный быть причисленным к героям, выделявшийся славой своих дел и прирожденной величественностью. По определению философов, есть четыре главные добродетели: умеренность, мудрость, справедливость и мужество, [774]к которым присоединяются другие, внешние, а именно: знание военного дела, властность, счастье и благородство. Все их вместе и каждую в отдельности Юлиан воспитывал в себе самым ревностным образом.

2. Так, прежде всего он блистал таким нерушимым целомудрием, что после смерти своей супруги не знал больше никогда никакой любви. Он ссылался на рассказ Платона о трагике Софокле. [775]Когда того в старости уже спросили однажды, имел ли {*334* } он еще дело с женщинами, он

772 **772.** Прим. ред.: Относительно Максима см. 22, 7, 3. Приск – философ-неоплатоник, знаток тайных учений, у которого Юлиан обучался в Афинах. Умер в 90-е годы 4 в.

773 **773.** Прим. ред.: Мать Юлиана была дочерью консула и родственницей епископа Никомедии Евсевия. Умерла вскоре после рождения сына.

774 **774.** Прим. ред.: См. например, Платон, Законы 964b.

775 **775.** Прим. ред.: Платон, Государство 329bc.

сказал, что нет, и прибавил, что считает счастьем освобождение от этой страсти, как от дикого и жестокого владыки. 3. Чтобы еще более определенно представить свои мысли в этом отношении, он часто повторял изречение лирика Вакхилида, [776]которого любил читать, имевшее такой смысл: как прекрасный художник придаст изящное выражение лицу, так скромность украшает жизнь человека, стремящегося к высшему идеалу. В полном цвете своей юности он с такой заботой сохранял себя от этой страсти, что даже ближайшие люди из прислуги не имели даже подозрения о каких бы то ни было его увлечениях, как это часто бывает.

4. Этот вид воздержанности возрастал в нем благодаря умеренности в пище и сне, что он соблюдал строжайшим образом как в домашней обстановке, так и вне дома. Во время мира его пища по количеству и качеству была столь незначительна, что близко знавшие его люди этому удивлялись, как будто он был намерен вскоре опять вернуться к плащу философа. А во время различных его походов нередко все видели, как он, не присаживаясь, по солдатскому обычаю принимал простую пищу в самом малом количестве. 5. Подкрепив кратким сном свое закаленное в трудах тело, он лично проверял караулы и пикеты, а затем обращался к серьезным занятиям науками. 6. И если бы возможно было призвать к свидетельскому показанию[777]ночной светильник, при свете которого он работал, то он бы, конечно, указал на огромную разницу между этим государем и другими, так как о нем известно, что удовольствиям он не отдавал даже того, что оправдывается потребностью природы.

7. Доказательства его мудрости нельзя даже перечесть, и будет достаточно привести лишь несколько. Он был глубоким знатоком в науке военного и гражданского дела. Будучи весьма склонен к простоте в отношениях, он требовал к себе внимания лишь настолько, насколько считал нужным устранить неуважительное отношение и нахальство. Он был старше доблестью, чем годами. Весьма тщательно вникал он во все процессы и иногда становился непреклонным судьею. Строжайший цензор в том, что касалось наблюдения за нравами, благожелательный, презиравший богатство, равнодушный ко всему преходящему, он любил такую поговорку: постыдно для мудрого искать славы от своих телесных качеств, когда у него есть душа.

8. Его справедливость блистательно засвидетельствована весьма многими доказательствами. Прежде всего, он был, применительно {*335* } к обстоятельствам и людям, веьма строг, но не жесток далее, карая немногих, он воздействовал сдерживающим образом на пороки и скорее грозил мечом правосудия, чем пользовался им. 9. Оставляя в стороне многое другое, укажу на то, что всем известно. К некоторым явным своим врагам и злоумышлявшим против него людям он относился столь снисходительно, что уменьшал по прирожденной своей мягкости строгость законной кары.

10. О его мужестве свидетельствует множество битв, его военный опыт и выносливость в отношении страшных холодов, а также и зноя. От солдата требуется напряжение тела, от полководца – работа духа. Но он

776 **776.** Прим. ред.: Вакхилид (505–450 гг. до н. э.) – греческий лирический поэт, соперник Пиндара.

777 **777.** Принимаем поправку Гутшмида – voce ulla testari.

сам, смело встретившись однажды лицом к лицу со свирепым врагом, сразил его ударом [778]иной раз он один удерживал отступавших солдат, встав грудью против них. Разоряя царства свирепых германцев и воюя на знойных песках Персии, он поднимал воодушевление своих, сражаясь в первых рядах. 11. Его знание военного дела засвидетельствовано множеством всем известных фактов; он предпринимал осаду городов и укреплений в самых опасных положениях, он умел разнообразными способами построить боевую линию, выбирал для разбивки лагеря здоровые и безопасные места, с правильным расчетом располагал форпосты и пикеты. 12. Его авторитет был столь силен, что его самым искренним образом любили, хотя вместе с тем и боялись. Являясь лично участником в трудах и опасностях, он в жарком бою приказывал казнить трусов. Еще будучи Цезарем, он мог, даже не платя жалованья, держать в руках своих солдат в войне с дикими народами, как я уже о том рассказывал. Бунт солдат он успокоил заявлением, что вернется к частной жизни, если они не перестанут волноваться. 13. Достаточно, наконец, вместо всего другого указать на то, что простой речью перед строем он так воздействовал на привычные к холодам и Рейну галльские войска, что увлек их за собой через отдаленные земли в жаркую Ассирию и в близость с мидянами. 14. Его счастье было чрезвычайным: как бы на плечах самой Фортуны, которая некоторое время была доброй направительницей его судьбы, он преодолел в победном шествии невероятные трудности. После его ухода из западной половины империи и пока он был в живых, все народы пребывали в спокойствии, как будто жезлом Меркурия успокоил весь мир.

15. Его щедрость доказана множеством самых очевидных фактов. Сюда относятся назначения низкой ставки податей, освобождение от «коронного золота»[779]прощение недоимок, накопившихся {*336* } с давнего времени, беспристрастие в тяжбах фиска с частными людьми, возвращение отдельным городам их косвенных налогов с земельными имуществами за исключением тех, которые были по праву проданы прежними государями. Он вовсе не хлопотал о накоплении денег и полагал, что они в лучшей сохранности находятся у собственников. Он ссылался нередко на Александра Великого, который на вопрос, где его сокровища, благожелательно отвечал: «У моих друзей». [780]

16. Рассказав о его хороших качествах, насколько они мне стали известны, перейду теперь к выяснению его недостатков, чтобы хотя бы вкратце сказать о них. По натуре он был человек легкомысленный, но зато имел хорошую привычку, которая смягчала этот недостаток, а именно: позволял поправлять себя, когда вступал на ложный путь. 17. Говорил он очень много и слишком редко молчал; в своей склонности разыскивать предзнаменования он заходил слишком далеко, так что в этом отношении мог сравниться с императором Адрианом. Скорее суеверный, чем точный в исполнении священных обрядов, он безо всякой

778 **778.** См. 24, 4, 4.

779 **779.** Aurum coronarium – так назывались суммы, которые подносились от провинций императорам при вступлении во власть.

780 **780.** Прим. ред.: Эти слова в древности приписывали не только Александру Македонскому, но и царю Египта Птолемею V Эпифану.

меры приносил в жертву животных, и можно было опасаться, что не хватит быков, если бы он вернулся из Персии. В этом отношении он был похож на императора Марка (Аврелия), в отношении которого сохранилась такая острота: «Белые быки шлют привет императору Марку. Если ты опять победишь, мы погибли». Рукоплескания толпы доставляли ему большую радость; не в меру одолевало его желание похвал за самые незначительные поступки; страсть к популярности побуждала его иной раз вступать в беседу с недостойными того людьми.

19. Тем не менее можно было бы признать правильным его собственное утверждение, что богиня справедливости, которая, по словам Арата, поднялась на небо, будучи оскорблена людскими пороками, в его правление опять вернулась на землю, если бы кое в чем он не допускал произвола и не становился непохожим на себя самого. 20. Изданные им указы, безоговорочно повелевавшие то или другое, или запрещавшие, были вообще хороши, за исключением немногих. Так, например, было жестоко то, что он запретил преподавательскую деятельность исповедывавшим христианскую религию риторам и грамматикам, если они не перейдут к почитанию богов [781]

21. Равным образом было несправедливо то, что он допускал включение в состав городских советов вопреки справедливости людей, которые были или чужими в тех городах, или же совершенно {*337* } свободны от этой повинности благодаря привилегиям или своему происхождению.

22. Внешность его была такова: среднего роста, волосы на голове очень гладкие, тонкие и мягкие, густая, подстриженная клином борода, глаза очень приятные, полные огня и выдававшие тонкий ум, красиво искривленные брови, прямой нос, рот несколько крупноватый, с отвисавшей нижней губой, толстый и крутой затылок, сильные и широкие плечи, от головы и до пяток сложение вполне пропорциональное, почему и был он силен и быстр в беге.

23. Так как его хулители вменяют ему в вину, будто он возбудил на общую погибель новые бури военных предприятий, то пусть сама истина откроет им с очевидностью, что не Юлиан, а Константин зажег пламя войны с персами, с жадностью ухватившись за выдумки Метродора, как я подробно рассказал о том в соответствующем месте [782]24. Отсюда – истребление наших армий, пленение иногда целых отрядов, разрушение городов, взятие укреплений или снесение их с лица земли, истощение провинций тяжкими поборами и приходившие в осуществление угрозы персов захватить все земли до самой Вифинии и берегов Пропонтиды. 25. А в Галлии, где войны непрерывно следовали одна за другой, рассеялись по нашей земле германцы и готовы были перейти Альпы, чтобы

781 **781.** Ср. 22, 10, 7.

782 **782.** В недошедшей до нас части сочинения. – В хронике Кедрина сохранился рассказ об авантюристе философе Метродоре. Под маской философа, он проник в Индию, где воспользовался дружеским приемом брахманов, но отблагодарил их тем, что выкрал из их храмов много драгоценных камней и жемчуга. От индийского царя он получил драгоценные подарки для императора Константина. По возвращении, на родину он передал Константину подарки от своего имени и рассказал, что еще лучшие вещи были им посланы вперед, но что их похитил персидский царь. Константин потребовал у Сапора в резком тоне возвращения похищенного, не получил ответа, и это послужило поводом к началу военных действий.

опустошить Италию, населению Галлии, претерпевшему уже страшные бедствия, предстояли только слезы и ужасы, когда даже воспоминание о прошлом было горько, и будущее грозило стать еще более печальным. И этот молодой человек, посланный в западные области в звании Цезаря, все это исправил с удивительной быстротой и обращался с царями, как с рабами. 26. И вот, чтобы таким же образом возродить Восток, он собрал войска против персов и принес бы себе отсюда триумф и почетный титул, если бы его планам и блестящим деяниям благоприятствовали решения неба. 27. И хотя мы видим в жизни, с какой опрометчивостью бросаются некоторые люди, один после поражения опять на войну, другой, потерпев в море крушение, вновь в море, и опять возвращаются к опасностям, под бременем которых они часто падали, находятся все-таки люди, которые поносят государя за то, что тот, {*338* } кто оставался повсюду победителем, поддался желанию новых победных лавров.

5.

1. Не было времени для стенаний и слез. О прахе его мы позаботились, насколько позволяли это обстоятельства и время, чтобы предать его погребению на месте, которое он раньше сам указал. А на рассвете следующего дня, – это было 27 июня, – когда неприятель рассыпался вокруг нас со всех сторон, главные начальники армии, пригласив командиров легионов и турм, собрались держать совет о выборе нового императора. 2. В собрании мнения резко разделились между разными лицами: Аринфей, Виктор и остальные из придворного штата Констанция искали подходящего человека из своей партии; напротив, Невитта, Дагалайф и знатнейшие галлы искали такого из своих соратников. 3. После долгих колебаний единогласно и при всеобщем сочувствии сошлись на Саллюстии. Когда тот стал отказываться, ссылаясь на свой преклонный возраст и болезни, один видный боевой человек [783]видя, как упорно тот отказывается, сказал: «Что стали бы вы делать, если бы император, как это часто бывает, поручил вам ведение этой войны, находясь сам в отсутствии? Не стали ли бы вы, отложив в сторону все прочие заботы, стараться спасти армию от грозных опасностей настоящего? Действуйте так и теперь, и если нам дано будет увидеть Месопотамию, то объединенные голоса обеих армий дадут нам законного государя».

4. Совещание длилось еще очень недолго в соответствии с важностью дела и высказанные мнения не были еще надлежащим образом взвешены, когда несколько горячих голов, как это часто случается в затруднительных обстоятельствах, выбрали императором Иовиана, командира доместиков [784]которому могли служить в некоторой мере рекомендацией заслуги его отца. Иовиан был сын весьма известного комита Варрониана, который лишь недавно, сложив воинское звание, удалился на покой.

5. Тотчас облекли его в императорские одежды, вывели из палатки, и он стал обходить по рядам готовившиеся к выступлению войска. 6. И так

783 **783.** Гиббон высказал догадку, что это и был сам Аммиан Марцеллин.

784 **784.** Domesticorum orsinis primus – primicerius domesticorum.

как армия была растянута на четыре мили[785]то передовые отряды, слыша крики: «Иовиан Август», повторяли их еще громче. Будучи введены в заблуждение сходством его имени с именем Юлиана, так как все различие заключается в одной {*339* } лишь букве, они подумали, что это выводят оправившегося Юлиана с криками радости и ликования, как это бывало обыкновенно. Но когда увидели, что подходит этот высокий и сутуловатый человек, то догадались, что случилось, и все разразились скорбными стенаниями и слезами.

7. Если строгий судья порицает какой-либо неосмотрительный поступок, совершенный в затруднении, то с тем большим правом он осуждал бы мореходов за то, что они, потеряв опытного кормчего, среди разошедшихся морских валов предоставили управление кораблем любому товарищу по опасности. 8. Так решило дело слепое счастье. Первым следствием этого выбора было то, что бежал к персам знаменоносец иовианов, которыми раньше командовал Варрониан. Бежавший был в плохих отношениях с новым государем, пока тот был еще частным человеком, так как позволял себе злые нападки на его отца, и опасался потому беды для себя от своего личного врага, который теперь возвысился надо всеми людьми. Когда ему дано было разрешение сказать то, что он знает, он сообщил царю Сапору, который уже приближался, что страшный его противник скончался и что возбужденная кучка обозных создала в лице бывшего протектора Иовиана, человека бездеятельного и слабого, тень императорской власти. Едва лишь услышал Сапор о событии, которое являлось всегда предметом его тревожных обетов, он приободрился от этого неожиданного успеха, и, присоединив значительное количество своей царской конницы к войскам, сражавшимся против нас, быстро двинулся вперед, чтобы напасть на арьергард нашей армии.

6.

1. Так готовились к действиям обе армии. За Иовиана были принесены жертвы, и на основании исследования внутренностей было объявлено, что он все потеряет, если останется за валом, как он предполагал поступить, и, наоборот, окажется победителем, если выступит вперед. 2. И вот, когда мы уже начинали наступление, нас атаковали персы, со слонами впереди строя. Вначале и люди, и лошади пришли в смятение от их рева и грозного наступления. Но иовианы и геркулианы [786]убили нескольких слонов и дали сильный отпор панцирной коннице. 3. К ним на помощь подошли легионы иовиев и викторов, когда их уже теснил неприятель, уложили двух слонов и немало людей. На нашем левом крыле пало несколько храбрых воинов: Юлиан, {*340* } Макробий и Максим, трибуны легионов, составлявших тогда главную силу нашей армии. 4. Мы их похоронили, как могли в нашем трудном положении, а когда уже при приближении ночи двигались быстрым маршем к укреплению Сумере [787]обнаружили мы труп Анатолия,

785 **785.** Ок. 6 верст.

786 **786.** Легионы, носившие имена в честь императоров Диоклетиана и Максимиана.

787 **787.** Позднее Самара, столица халифов династии Аббасидов.

распростертый на земле, и спешно похоронили его. Здесь к нам присоединились 60 солдат с несколькими лицами из придворного штата, которые, как было об этом сказано, укрылись в укреплении Ваккат[788]

5. На следующий день мы, по условиям места, которое нашли, разбили лагерь в долине, которая была как бы окружена со всех сторон стеной и имела один широкий выход; в последнем были забиты заостренные, как кинжалы, колья. 6. Увидев это, враги стали бросать в нас с поросших лесом высот разного рода метательные снаряды и поносить позорящими словами, называя нас изменниками и убийцами превосходного государя, так как и до них через перебежчиков дошел неопределенный слух, будто Юлиан пал от римской стрелы. 7. Между тем конные отряды, дерзко форсировали главные ворота лагеря и пробились почти до самой палатки императора, но, потеряв много людей убитыми и ранеными, были отброшены сильным натиском наших.

8. Выступив оттуда ближайшей ночью, мы заняли местность Харху [789]Тут мы были в безопасности, потому что здесь сооружены валы на берегу реки с целью преградить на будущее набеги на Ассирию сарацин, и никто не тревожил наши войска, как прежде.

9. Пройдя 30 стадий [790]от этого места, мы прибыли 1 июля в город по имени Дура [791]Так как лошади настолько выбились из сил, что всадники шли позади пешком, сарацины воспользовались этим обстоятельством, чтобы окружить их своими полчищами. Им грозила гибель, если бы отряды нашей легкой кавалерии не выручили их из беды. 10. Эти сарацины стали враждебны нам потому, что Юлиан запретил выдавать им крупные суммы под видом жалованья и подарков, как делалось прежде, а когда они явились к нему с жалобой, то услышали в ответ, что воинственный и бдительный государь имеет у себя железо, а не золото. 11. В этом месте персы своим упорством задержали нас на четыре дня. Как только мы трогались вперед, они нападали на нас и, повторяя эти нападения, вынуждали вернуться, когда же мы останавливались и выстраи-{*341* }вались для битвы, они медленно отступали и томили нас продолжительными задержками. И как вообще люди, находящиеся в крайней опасности, с радостью принимают пустые вымыслы, так и в нашей армии распространился слух, будто близко граница наших территорий. И вот все войско с настойчивыми криками требовало позволения переправиться через Тигр. 12. Император с командирами частей возражал против этого; указывая на реку, которая уже поднялась при восходе созвездия Пса, он упрашивал не доверять опасным пучинам, напоминал, что многие не умеют плавать, и добавлял, что неприятельские отряды заняли оба берега выступившей из своего русла реки. 13. Но так как настоятельные уговоры оставались бесплодными, и возбужденные крики солдат угрожали серьезным бунтом, то император оказался

788 **788.** См. выше: гл. 3, 14.

789 **789.** 18, 10, 1.

790 **790.** 5, 31 километра.

791 **791.** Город за Тигром, одноименный с помянутым раньше, – 23, 5, 8 (опечатки: Дора), 24, 1, 5, – городом на Евфрате.

вынужденным отдать приказ галлам, соединившись с северными германцами, первыми пойти на реку. В этом заключался такой расчет: или их унесет сила течения и это сломит упорство остальных, или же, если они благополучно переправятся, можно будет с большей уверенностью решиться на переправу. 14. Выбрали для этого дела подходящих людей, которые в отличие от остальных с детства привыкли переплывать большие реки на своей родине, и, пока тишина ночи давала возможность скрыть это предприятие, они пустились вплавь как по сигналу. Быстрее, чем можно было ожидать, заняли они противоположный берег, смяли и перебили много персов, поставленных для охраны тех мест, которые беспечно предались мирному сну. Поднятием рук и скрученных плащей наши смельчаки давали знаки о своей удаче. 15. Издалека увидели это солдаты, бредившие переправой, и задержать их могло только то обстоятельство, что инженеры обещали построить мосты на мехах из шкур.

7.

1. Пока производились тщетные попытки такого рода, царь Сапор, как прежде, пока он был еще далеко, так и теперь, когда подошел поближе, получал точные известия от своих разведчиков, а также и перебежчиков, о храбрых действиях наших войск, постыдных поражениях своих, убийстве стольких слонов, чего он не помнил никогда раньше. Он видел, что римская армия, закаленная в непрерывных трудах, думает после гибели своего славного вождя не о своем спасении, а лишь о мести и о том, чтобы покончить со своим трудным положением или великой победой, или достославной смертью. 2. Он учитывал многие тревожные обстоятельства: в обилии рассеянные по провинциям войска могут быть безо всяких затруднений собраны простой рассылкой приказа; он испытал на опыте и знал, что его подданные после столь страшных потерь {*342* } запуганы и деморализованы, а вместе с тем он узнал, что в Месопотамии оставлена армия, немного меньшая числом, чем та, что была в Персии. 3. Кроме того, его тревожные опасения усиливало и то, что 500 человек разом благополучнейшим образом переплыли через вздувшуюся реку, перебили сторожевые посты и поощряли своих товарищей к проявлению отваги.

4. Между тем стремительное течение не давало возможности навести мосты, было съедено все, что было съедобно, и два дня мы находились в самом жалком положении. Мучимые голодом солдаты приходили во все большее раздражение и готовы были к гибели скорее от меча, чем от голода, этого подлейшего рода смерти. 5. Однако бог небесный в своей вечной благости был за нас: персы против всяких ожиданий сделали первый шаг и прислали для переговоров об условиях мира сурену и другого вельможу. Они, очевидно, сами пали духом, и то обстоятельство, что римляне оказались победителями почти во всех сражениях, день ото дня все более ослабляло их бодрость. 6. Но условия, которые предлагали послы, были весьма тяжелы и сложны: они заявляли, что царь в своем милосердии разрешит вернуться восвояси остаткам армии из чувства человечности, если император со своими вельможами выполнит его требования. 7. С нашей стороны были отправлены Аринфей с префектом Саллюстием, и пока шли переговоры для более точного выяснения образа

действий, прошло четыре дня мучительной голодовки, более тяжелой, чем любая казнь. 8. Если бы император, прежде чем их послать, использовал время для того, чтобы мало-помалу выбраться из неприятельской земли, то, конечно, он успел бы дойти до сторожевых постов Кордуэны, страны весьма плодородной, которая была в нашем владении, а граница ее отстояла от места, где это происходило, на сто тысяч шагов [792]

9. Царь настаивал на возвращении ему, как он выражался, его владений, отнятых у него Максимианом, и, как выяснилось на деле, требовал в качестве выкупа за нас пять областей за Тигром: Арзакена, Моксоэна, Забдицена, а также Регимена и Кордуэна с 15 крепостями, а кроме того города Нисибис, Сингара и Кастра Мaврорум (лагерь Мавров) – эта весьма важная по своему расположению крепость[793]10. Нам следовало десять раз сразиться, прежде чем выполнить хотя бы одно из этих требований. Но на робкого государя влияла шайка льстецов: они называли ему грозное имя Прокопия [794]и утверждали, что если он в скорости не вернется, то Прокопий, узнав о смерти Юлиана, легко и не встречая сопро-{*343* }тивления, затеет государственный переворот со свежими войсками, состоявшими под его командованием. 11. Настроенный настойчивым повторением этих зловредных речей, Иовиан без колебания отдал все, что от него требовали, с трудом лишь оговорив условие, чтобы Нисибис и Сингара перешли во власть персов без жителей, и чтобы разрешено было римлянам удалиться из уступаемых укреплений под защиту наших пограничных постов. 12. К этому сделана была еще весьма тяжелая и вероломная добавка, а именно – чтобы после этого соглашения не оказывать помощи против персов нашему всегдашнему верному другу Арсаку, если он будет о ней просить. Тут был двойной умысел: наказать человека, который по поручению императора опустошил Хилиоком [795]и выждать случай совершить без затруднений нашествие на Армению. Поэтому и случилось впоследствии, что Арсак был взят живым в плен [796]и персы во время раздоров и волнений отняли у него значительное пространство земли на границе с мидянами и город Артаксату.

13. Когда был заключен этот постыдный договор, в предупреждение во время перемирия какого-либо действия, противоречащего условиям, видные люди с той и другой стороны были сделаны заложниками: от нас – Немота, Виктор и Белловедий, трибуны имевших боевое имя легионов, от противной стороны – Бинез из числа знатных вельмож и три другие сатрапа, люди небезвестные. 14. Так был заключен мир на тридцать лет, и обе стороны скрепили его клятвой. Поскольку местность вдоль реки была очень гориста, мы направились иным путем, на котором страдали не только от голода, но и от жажды.

792 **792.** Около 150 верст.

793 **793.** 18, 6, 9, – Кафартута.

794 **794.** 23, 3, 2.

795 **795.** 23, 3, 5.

796 **796.** 27, 12, 3.

8.

1. Этот мир, заключение которого было вызвано соображениями человечности, стал причиной гибели очень многих людей: некоторые, терзаемые до смерти голодом, тайком уходили вперед, гибли из-за неумения плавать в пучинах реки, или же, если, справившись с силою течения, добирались до берега, попадали в руки сарацин или персов, которых прогнали было, как я об этом говорил, германцы [797]их избивали как скотину или уводили вдаль, для продажи в рабство. 2. Когда громко раздавшийся звук труб дал сигнал для переправы через реку, все с дикой и неудержимой стремительностью кинулись, не разбирая опасности. Каждый, забывая о других, думал только о себе, спешил уйти от всех этих {*344* } ужасов: одни бросились на кое-как скрепленные плоты, держа за повод там и сям плывущих лошадей, другие сели на мехи, некоторые прибегли в затруднительном положении к разным другим способам, и вся эта толпа поплыла наискось через реку. 3. Сам император с небольшой свитой переправился на малых судах, которые остались, как я о том упоминал, после сожжения флота, и приказал, чтобы они ходили с берега на берег, пока не перевезут всех нас. Наконец мы все, кроме утонувших, оказались на другом берегу, спасенные в тяжких бедствиях милосердием бога вышнего от опасности.

4. Находясь еще под гнетом страха грозных бедствий, узнали мы от наших передовых конных разъездов, что персы наводят мосты вдали от нас, чтобы после заключения мирного договора, когда затихнут уже все тревоги войны, захватывать наших беспечно тащившихся сзади больных людей и уставших лошадей. Но заметив, что они разоблачены, они отказались от своего преступного замысла. 5. Освободившись от этой тревоги, пошли мы вперед быстрым маршем и подошли к Гатре, древнему городу, расположенному среди пустыни и уже давно покинутому. Воинственные государи Траян и Север [798]подходили к нему в разные времена, намереваясь его разрушить, и едва не погибли со всей своей армией, как я рассказывал при описании их деяний [799]6. Тут мы узнали, что на протяжении 70 тысяч шагов [800]на этой голой пустынной равнине нельзя найти воды за исключением соленой и вонючей, а из съедобного попадается только простая и горькая полынь и другие жалкие травы подобного рода. Мы наполнили сладкой водой все сосуды, которые были у нас, и, зарезав верблюдов и других вьючных животных, приготовили себе провиант, хотя и не вполне доброкачественный.

7. Шесть дней мы шли, не встречая никакого зеленого места для облегчения нашего ужасного положения. Возле персидской крепости Ур подошли к нам Кассиан, дукс Месопотамии, и посланный вперед навстречу трибун Маврикий. Они привезли с собой провиант,

797 **797.** См. гл. 6, 14.

798 **798.** Прим. ред.: Походы Траяна против парфян состоялись в 113–117 гг. Походы Септимия Севера происходили в 195 и 197–199 гг.

799 **799.** В недошедшей до нас части сочинения.

800 **800.** Ок. 109 верст.

сбереженный благодаря осторожному использованию запасов, сделанных для войск, которые были оставлены с Прокопием и Себастианом. 8. Отсюда посланы были в Иллирик и Галлию нотарий Прокопий (отличный от вышеназванного) и военный трибун Меморид, чтобы принести туда весть о смерти Юлиана и о том, что после его смерти верховная власть досталась Иовиану. Император возложил на них поручение явиться к его тестю {*345* } Луциллиану [801]который, выйдя в отставку, жил тогда в Сирмии, принести ему диплом о назначении его магистром конницы и пехоты, который он им вручил, и передать ему настоятельное предложение поспешить в Медиолан, чтобы обеспечить там спокойствие, а в случае каких-либо попыток государственного переворота, чего он особенно опасался, принять меры для их подавления. 10. Император дал им также и секретное письмо к Луциллиану, в котором предлагал ему взять с собой людей испытанной верности и деловитости, чтобы иметь в их лице себе опору по тем обстоятельствам, которые окажутся. 11. С весьма разумным расчетом он приказал находившемуся тогда по частным делам в Италии Малариху [802]принять от Иовиана командование войсками в Галлии и послал ему на это диплом. В этом заключался двойной расчет: во-первых, устранить генерала выдающихся заслуг, а потому и подозрительного, и во-вторых, большим повышением человека, не питавшего больших надежд, заставить его ревностно поработать над упрочением колебавшегося еще положения самого виновника этого возвышения. 12. Людям, на которых возложены были эти поручения, было приказано представить события в лучшем свете и, куда бы они не пришли, в полном согласии распускать слухи, что персидский поход окончился благополучно. Ради быстроты не прекращая езды и по ночам, они должны были вручить послание нового императора правителям провинций и командирам армий, тайным путем разведать их настроение и быстро вернуться с ответами, чтобы император, когда станет известно, что происходит в отдаленных частях государства, мог принять своевременные и тщательно обдуманные меры для укрепления своей власти.

13. Между тем опередившая этих посланцев молва, быстрый вестник печальных событий, облетала провинции и народы. Наиболее тяжким горем поразила она жителей Нисибиса, когда они узнали, что их город выдан Сапору. Они боялись его гнева и неприязни, вспоминая, сколько он каждый раз терял людей при своих частых попытках овладеть этим городом. 14. Было общеизвестно, что весь восточный край мог бы перейти во власть персов, если бы не препятствовал тому этот город своим превосходным расположением и размерами своих стен. И хотя несчастное население этого города тяжело томилось страхом перед грядущим, но его поддерживала однако слабая надежда, а именно, что император по собственному побуждению, или склонившись на их просьбы, {*346* } сохранит за собой город, который был самым крепким ключом Востока.

15. Пока различные слухи распространяли сведения о положении дел, армия успела израсходовать небольшие запасы провианта, который, как я раньше упоминал, был привезен, и отчаянное положение могло бы

801 **801.** 21, 9, 5–8.

802 **802.** 15, 5, 6.

вынудить людей обратиться к потреблению человеческого мяса, если бы не хватило на некоторое время мяса лошадей. Из-за этого была брошена значительная часть оружия и вьюков. Голод терзал нас так жестоко, что если где оказывался модий [803]муки, что случалось редко, то его покупали за десять золотых, и это считалось дешево.

16. Двинувшись оттуда в дальнейший путь, мы пришли в Тильсафаты, где вышли нам навстречу, соблюдая установленный обычай, Себастиан и Прокопий с трибунами и другими офицерами войск, назначенных им для охраны Месопотамии. Они были милостиво приняты и присоединились к нам. 17. Двинувшись затем ускоренным маршем, мы с радостным чувством увидали Нисибис. Император приказал разбить лагерь за городом, и на настойчивые просьбы многочисленного населения войти в город и по императорскому обычаю поселиться во дворце, ответил упорным отказом, так как ему было стыдно сдавать неприступный город ожесточенному неприятелю во время собственного пребывания в его стенах. 18. Тут в сумерки был схвачен во время обеда Иовиан, первый из нотариев, который, как я рассказал, во время осады города Майозамальхи был в числе первых, пробившихся внутрь города из подкопа [804]Его отвели в пустынное место, бросили в сухой колодец и завалили камнями. Поводом послужило, очевидно, то, что после смерти Юлиана раздалось несколько голосов за него, как достойного верховной власти; а после избрания Иовиана он держал себя недостаточно сдержанно: позволил себе, как слышали, неодобрительно отзываться о сделанном выборе и иногда приглашал боевых товарищей на обеды.

9.

1. Через день после этого Бинез, самый знатный из названных выше персов, торопясь исполнить поручение царя, настойчиво потребовал обещанного. С разрешения римского императора он вступил в город, водрузил над цитаделью знамя своего народа и объявил жителям о горестном для них выселении из отеческого города. 2. И так как им было приказано немедленно всем выселиться, то они {*347* } умоляли императора, простирая руки, чтобы не заставляли их уходить; они заявляли, что они одни, без поддержки со стороны государства и без солдат, могут за себя постоять, будучи совершенно уверены, что сама правда поможет им в борьбе за родину, как они не раз испытали это на деле. Слезно молили об этом сенат и народ, но слова их шли на ветер, потому что император отказывался взять на себя грех клятвопреступления, как он говорил для виду, опасаясь на самом деле другого. 3. Тогда выступил с возражениями некий Сабин, человек бойкий на язык, выделявшийся среди своих сограждан своим богатством и происхождением. Он говорил, что Констанций в пору страшного усиления войн, будучи побежден персами [805]и спасшись с немногими бегством в Гибиту, далеко не безопасное место, жил ломтем хлеба, который ему

803 **803.** Прим. ред.: 1 модий – 8,74 л.

804 **804.** 24, 4, 23.

805 **805.** Прим. ред.: Эпизод из времени войны 338–350 гг.

подала одна старая поселянка, но до самого смертного часа ничем не поступился, а Иовиан в самом начале своего правления отказался от оплота провинций, запоры которого с древности пребывали несокрушимыми. 4. Эти настояния были безуспешны, император упорно ссылался на святость клятвы. Когда после долгих отказов он вынужден был принять поднесенную населением города корону, то некто Сильван, адвокат, дерзко воскликнул: «Пусть так тебя венчают, император, и остальные города». Иовиан разгневался на эти слова и отдал приказ, в три дня всему населению покинуть город, и все проклинали такого государя.

5. И вот для изгнания откомандированы были солдаты, угрожавшие смертью тому, кто будет медлить. Стенания и крики наполнили весь город; по всем частям его стоял всеобщий стон; рвала на себе волосы женщина-изгнанница, которой предстояла разлука с богами-покровителями, под охраной которых она родилась и воспитывалась; потерявшая детей и овдовевшая женщина должна была уйти далеко от дорогих могил; достойные слез люди с плачем обнимали и целовали косяки и пороги домов. 6. Разные дороги наполнились переселенцами, уходившими кто куда мог. Торопясь, многие разоряли сами себя, собирали вещи, которые могли увезти, бросая много дорогого домашнего скарба, который приходилось оставлять из-за недостатка перевозочных средств.

7. По всей справедливости следует сделать тебе упрек, Фортуна римского мира, за то, что ты, когда бури одолевали государство, вырвала руль из рук опытного в делах кормчего и отдала его еще не созревшему юноше, который доселе решительно ничем не выказал себя, а потому несправедливо было бы как порицать его, так и хвалить. 8. Но вот что в самое сердце поразило каждого любящего отечество: опасаясь появления соперника своей власти и думая о том, что в Галлии и Иллирике часто выступали претенденты, он спешил предупредить слух о своем приходе и совершил {*348* } под предлогом страха клятвопреступления недостойное империи дело, предав Нисибис, город, который еще со времен царя Митридата оказывал сильнейшее сопротивление захвату Востока персами. 9. С самого основания нашего города нельзя, думается мне, найти в наших летописях случая, чтобы император или консул уступил какую-нибудь часть наших земель неприятелю, и честь триумфа присуждалась не за возвращение того, что было отнято, а лишь за увеличение государства. 10. Потому-то было отказано в триумфе Публию Сципиону за возвращение Испании, Фульвию – за взятие Капуи после долгой борьбы и Опимию за то, что он после многих битв с различными результатами, вынудил, наконец, к сдаче фрегелланов, бывших в ту пору заклятыми врагами Рима[806]. 11. Древняя история предоставляет нам также примеры того, что договоры, заключенные в отчаянном положении на постыдных условиях после того, как заключившие их стороны скрепили их клятвой, были немедленно расторгаемы возобновлением

806 **806.** Прим. ред.: Сципион Африканский Старший, впоследствии победитель Ганнибала, в 211– 206 гг. до н. э. провел серию войн в Испании, и в результате вернул провинцию под власть Рима. Квинт Фульвий Флакк, консул 212 г. до н. э., в 211 г. до н. э. отвоевал Капую, ранее перешедшую на сторону Ганнибала. Луций Опимий в 125 г. до н. э., воспользовавшись предательством, захватил отпавший от Рима город Фрагеллы в Лации.

военных действий. Так было в древние времена, когда римские легионы в Самнии были проведены под ярмом у Кавдинского ущелья[807], когда Альбин в Нумидии [808]преступно помышлял о мире, и когда виновник постыдно ускоренного договора Манцин был выдан нумантинцам.

12. Итак, жители были выселены, город сдан и откомандирован трибун Констанций для передачи персидским вельможам укрепленных мест с прилегающими к ним округами. После этого Прокопий получил приказ отправиться с останками Юлиана и предать их погребению в предместье Тарса, как распорядился сам Юлиан при жизни[809]13. Отправившись в путь с телом императора, Прокопий сразу после похорон исчез, и его не могли нигде найти, несмотря на самые тщательные поиски, пока он не появился вдруг, уже значительно позже в Константинополе в пурпурной одежде императора [810]

10.

1. Так окончив эти дела, мы продолжали путь и пришли в Антиохию. Там в течение нескольких дней подряд было много грозных знамений, словно бог являл свой гнев, и знатоки-предсказатели признавали в них указание на горестные события. 2. Так, у статуи Цезаря Максимиана, которая стояла в передней дворца, внезапно выпал бронзовый шар, имевший вид небесной сферы, который она держала в руке; в зале совета со страшным треском заскрипели балки; днем были видны на небе кометы, о природе {*349* } которых физики в своих догадках очень расходятся. 3. Одни думают, что кометы называются так потому, что, представляя собою сочетание многих звезд, испускают сплетающиеся, как волосы [811]лучи. Другие полагают, что они образуются из сухого испарения земли, которое, постепенно поднимаясь в верхние слои, воспламеняется. Некоторые придерживаются того мнения, что истекающие от солнца лучи, встречая препятствие на своем пути в нижние слои в виде противостоящего им густого облака, отдав свой блеск более плотной материи, являют человеческому взору свет, как бы исходящий от звезд. Некоторые твердо убеждены, что это явление происходит тогда, когда облако, поднявшись выше обычного уровня, получает свет вследствие соседства вечных огней, или, наконец, что кометы – это звезды, похожие на прочие, но человеческий разум не постиг, в какое время определено их восхождение и закат. Много и других мнений высказано о кометах в сочинениях писателей, изучающих устройство неба: но рассказывать об этом не могу я теперь, так как спешу перейти к другому.

4. Император недолго пробыл в Антиохии, так как удрученный

807 **807.** Прим. ред.: См. Ливий 9, 2–12.

808 **808.** Прим. ред.: Спурий Постумий Альбин воевал в 110 г. до н. э. с Югуртой в Нумидии.

809 **809.** 23, 2, 5.

810 **810.** 26, 5.

811 **811.** Κόςμη – косма, волосы.

тяжестью различных забот, горел желанием двинуться дальше. И вот, не щадя ни лошадей, ни солдат, выйдя оттуда в самый разгар зимы, хотя было, как я сказал, множество препятствующих тому знамений, он прибыл в Тарс, славный город Киликии, о начале которого я уже говорил выше [812]5. И отсюда он спешил выступить как можно скорее, но все-таки позаботился об украшении гробницы Юлиана, которая находилась близ дороги, ведущей к перевалу Тавра. Его останки и прах, если бы кто-нибудь рассудил по всей справедливости, надлежало видеть не Кидну, хотя это красивая и чистая река; для увековечения славы его подвигов возле его останков должен бы был струиться Тибр, проходящий своим руслом через Вечный город, обтекая памятники древним героям.

6. Отправившись затем из Тарса, Иовиан прибыл после продолжительного путешествия в каппадокийский город Тиану, где его уже встретили нотарий Прокопий и трибун Меморид и представили ему подробный отчет о своей поездке по порядку. Луциллиан приехал в Медиолан с трибунами Сениавхом и Валентинианом, которых он взял с собой, но, узнав, что Маларих отказался принять магистерство, как можно быстрее направился в Ремы [813]7. Предполагая здесь полное спокойствие населения, он потерял, как говорится, ориентацию и стал несвоевременно, пока не все еще было готово, преследовать по суду бывшего актуария по счетной части. {*350* } Тот, зная за собой мошенничества и растраты, бежал к войскам и распустил басню, будто Юлиан еще жив и какой-то незначительный человек поднял восстание. Эта ложь вызвала в войсках сильные волнения, и солдаты убили Луциллиана и Сениавха, а Валентиниана, который вскоре стал императором, когда он в страхе не знал, куда ему бежать, увез в безопасное место связанный с ним узами гостеприимства Примитив. 8. К этим печальным вестям присоединилась и радостная, а именно та, что находятся в пути отправленные Иоанном воины, которые на военном языке называются «головами схол», чтобы оповестить Иовиана, что галльская армия признает за ним императорский сан.

9. Узнав об этом, император предоставил Валентиниану, который вернулся с ними, командование второй схолой скутариев. Виталиан, состоявший в отряде герулов, причислен был к доместикам. Это был тот самый, кто много времени спустя, будучи возведен в звание комита, потерпел поражение в Иллирике. Немедленно был отправлен в Галлию Аринфей с письмом к Иовину, в котором император, оставив его на занимаемом посту, просил действовать твердо и в то же время возлагал на него поручение наказать вызвавшего волнения, а главных зачинщиков бунта заковать в кандалы и отправить на главную квартиру императора. 10. Распорядившись таким образом по этим неотложным делам, император принял в Аспуне, маленьком городке Галатии, прибывших из Галлии военных людей; они принесли приветствие на торжественном приеме; император поблагодарил их, сделал им подарки и приказал вернуться к своим частям.

11. По прибытии в Анкиру, император вступил в консульство, причем по возможности были сделаны необходимые приготовления для

812 **812.** 14, 8, 3.

813 **813.** Реймс.

торжественного выезда. Товарищем по консульству он объявил своего сына Варрониана, тогда еще младенца. Он плакал, упорно отбивался от того, чтобы его сажали на курульное кресло во время проезда, как требовал того обычай, и это явилось знамением того, чему суждено было скоро случиться.

12. Вскоре застал Иовиана предназначенный ему судьбой смертный час. Когда он прибыл в Дадастану, пограничный город между Вифинией и Галатией, его нашли ночью мертвым. По поводу его кончины возникло много сомнительных предположений. 13. Рассказывали, что его убил ядовитый запах оставшийся после побелки комнаты, в которой он ночевал, что он погиб от угара, возникшего от слишком сильно дымившей жаровни, и, наконец, что вследствие чрезмерного обилия пищи он получил смертельное несварение желудка. Умер он на 33 году жизни. Кончина его была такая же, как и Сципиона Эмилиана, [814]и известно, что не было произведено следствия о смерти ни того, ни другого. {*351* }

14. Осанка его при движении отличалась достоинством, лицо было очень приветливым, глаза голубыми, роста он был очень большого, так что долго не могли найти никакой подходящей ему царской одежды. Образцом для себя он избрал скорее Констанция (чем Юлиана), занимался иногда серьезными делами после полудня и имел привычку весело шутить в обществе близких людей. 15. Он был приверженец христианского закона и проявлял свое уважение к этой религии; образования был невысокого; по характеру был доброжелателен и, насколько можно было судить по немногим случаям сделанных им назначений, осторожен в выборе сановников. В пище он допускал излишества, имел склонность к вину и любовным утехам, – пороки, от которых, быть может, он бы и избавился из уважения к императорскому сану. 16. Рассказывали, что его отец Варрониан из откровения, полученного во сне, знал наперед судьбу сына и открыл это двум вернейшим друзьям, добавив и то, что ему самому будет дана консульская трабея. Одно свершилось, но другого он не мог достичь. О высокой судьбе своего сына он получил известие, но смерть постигла его раньше, чем он повидался с сыном. 17. И так как вещий сон открыл, что высшее звание предречено этому имени, то внук его, Варрониан, в ту пору еще младенец, был провозглашен консулом вместе со своим отцом Иовианом, как я рассказал выше. {*352* }

КНИГА XXVI

(годы 364–366)

1. Трибуну второй схолы скутариев, Валентиниану, отсутствовавшему в Никее, вручается с общего согласия гражданских сановников и военных людей верховная власть. О високосном годе.

2. Когда Валентиниан, вызванный из Анкиры, поспешно прибыл в Никею, он был избран императором единодушными возгласами всех и, украшенный пурпурным облачением и диадемой и провозглашенный

814 **814.** Прим. ред.: Сципион Эмилиан был найден утром в собственной спальне мертвым без следов повреждения на теле и признаков какой-либо болезни. Это произошло в 129 г. до н. э.

Августом, обратился с речью к армии.

3. О городской префектуре Апрониана в Риме.

4. Валентиниан назначает своего брата Валента в Никомедии трибуном конюшни, а потом в Константинополе в Гебдоме делает соправителем по верховной власти с согласия армии.

5. Императоры распределяют между собой комитов и военные части и вскоре после того вступают в первый консулат, один в Медиолане, другой в Константинополе. Аламанны опустошают Галлию. Прокопий на Востоке готовит государственный переворот.

6. Родина, род, характер и звания Прокопия; о том, что он скрывался при Иовиане и каким образом он был провозглашен императором в Константинополе.

7. Прокопий без кровопролития подчиняет себе фракийские области и обещаниями приводит к присяге на свое имя всадников и пехотинцев, проходивших через Фракию, а также присоединяет к себе иовиев и викторов, посланных против него Валентом, склонив их на свою сторону речью.

8. После освобождения от осады Никеи и Халкедона, Вифиния попадает под власть Прокопия, а затем и Геллеспонт, после взятия Кизика. {353 }

9. Прокопий, покинутый своими в Вифинии, Ликии и Фригии и выданный Валенту живым, казнен усечением головы.

10. Протектор Марцелл, его родственник, и многие из партии Прокопия подвергнуты смертной казни. {354 }

1.

1. С большим усердием довел я изложение хода событий до границ ближайшей современности и решил было не приступать к описанию того, что всем ближе знакомо. К этому склоняло меня как желание избежать опасностей, которые нередко настигают правдивых повествователей, так и опасение вызвать дальнейшим изложением суд непрошенных критиков, которые поднимают крик, как будто им нанесено оскорбление, если пропущено, что сказал за столом император, или не упомянуто, за что подвергнуты были взысканию простые солдаты где-нибудь в армии, или если, по их мнению, нельзя было умолчать при обстоятельном описании страны о каких-нибудь малозначимых укреплениях, или из-за того, далее, что названы имена не всех явившихся на первый выход городского претора и тому подобное. Мелочи такого рода не согласуются с принципами исторического изложения, которое обыкновенно остается на уровне важнейших событий и не вдается в детали. Тот, кто хотел бы получить сведения обо всем подобном, пожалуй, готов подумать, что можно исчислить неделимые тела, движущиеся в пространстве, атомы, [815]как мы (греки) называем их 2. Под влиянием подобных опасений некоторые древние историки не издавали при жизни своих подробно и тщательно обработанных сочинений, как утверждает это в одном письме к Корнелию Непоту [816]такой почтенный свидетель, как Туллий (Цицерон).

815 **815.** Прим. ред.: Учение об атомах было создано в 6–5 вв. до н. э. Левкиппом и Демокритом. В дальнейшем оно было поддержано и развито эпикурейцами, однако так и осталось чуждым основной проблематике древнегреческой философии.

816 **816.** Прим. ред.: См. прим. 25 к кн. 21.

Не стану, впрочем, придавать значения невежественным суждениям простаков и обращусь к рассказу о дальнейших событиях.

3. Когда описанные мной тяжкие несчастья закончились столь горестно и лишь краткий промежуток времени разделил смерть двух государей, совершены были погребальные церемонии над телом Иовиана, и прах его был отослан в Константинополь для погребения среди усыпальниц других императоров. Армия переместилась в Никею, главный город Вифинии, а высшие гражданские чины вместе с военными командирами, осознавая важность лежащей на них общей заботы, а некоторые из них обольщаясь при этом {*355* } пустыми надеждами, искали на царство человека, проверенного в делах и достойного.

4. Некоторые нашептывали имя Эквиция, бывшего в ту пору трибуном первой схолы скутариев. Но так как более достойные люди не одобрили этого кандидата как человека резкого и грубоватого, то сделана была нерешительная попытка выдвинуть родственника Иовиана, Януария, который заведовал провиантской частью армии в Иллирике. 5. Когда и этот был отвергнут из-за отдаленности его местонахождения, то по внушению бога небесного без возражений с чьей-либо стороны был избран, как вполне и во всем соответствующий тому, что требовалось, Валентиниан, командовавший тогда второй схолой скутариев, который остался в Анкире и, согласно приказу, должен был выступить следом за остальной армией. И так как это избрание не встретило возражений ни с чьей стороны и представлялось полезным для государства, то было отправлено посольство просить Валентиниана прибыть поскорее, а в течение десяти дней никто не держал кормила государственного корабля, – событие, о котором тогда же заявил гаруспик Марк в Риме на основании исследования внутренностей животного.

6. Между тем во избежание возможности каких-либо новых попыток, противоречащих принятому решению и того, чтобы изменчивое настроение солдат не склонилось в пользу кого-либо из бывших налицо, принимали самые тщательные меры Эквиций и вместе с ним Лев, который тогда заведывал денежным довольствием при магистре конницы Дагалайфе и был впоследствии зловреднейшим магистром оффиций. Как паннонцы и приверженцы вновь избранного государя, они старались удержать настроение всей армии в соответствии с принятым решением, насколько это было в их силах и зависело от их усердия.

7. Валентиниан прибыл в ответ на этот призыв, но в течение следующего дня никому не показывался и никуда не выходил из дома. Он давал понять, что имел какие-то предсказания относительно предстоявшей ему деятельности или повторявшиеся сновидения; но на самом деле он просто боялся добавочного дня в феврале, который как раз тогда был: он знал, что этот день нередко оказывался несчастным для римского государства. Об этом добавочном дне хочу я здесь представить точное пояснение.

8. Древние знатоки мирового и звездного вращения, среди которых выделяются Метон, Евктемон, Гиппарх и Архимед, [817]определяют год, как

817 **817.** Прим. ред.: Метон из Афин вместе со своим учеником Евктемоном разработал около 432 г. до н. э. систему согласования солнечного и лунного календарей, которая легла в основу всего древнегреческого календаря. Гиппарх из Никеи (190–125 гг. до н. э.) – знаменитый греческий астроном. Архимед (287–212 гг. до н. э.) – великий математик, астроном и инженер античности родом из Сиракуз. Погиб при штурме

время, в течение которого Солнце по вечному закону небесных тел совершает звездный круг – греки называют его ζωδιακός, – и по истечении 365 дней и ночей возвращается в ту же самую точку, как, например, поднявшись от второго градуса Овна, вернется опять к нему, совершив свой оборот. {*356* }

9. Но продолжительность года с полной точностью измеряется от полудня названным числом дней и шестью часами, и потому начало следующего года приходится вечером после шестого часа; третий год, начинаясь с первой ночной стражи, продолжается до шестого часа ночи; четвертый – с полуночи до полного рассвета.

10. Во избежание того, чтобы это исчисление с меняющимся началом года: один раз – с шестого часа дня, в другой – после шестого часа ночи, не привело в замешательство очевидную истину из-за разницы в счете, а с другой стороны, чтобы весенний месяц не оказался когда-нибудь осенним, было принято эти шесть часов, которые составляют за четыре года 24 часа, учесть в виде одних добавочных суток.

11. Эта глубоко продуманная система, с которой согласились многие ученые, привела к тому, что обращение года, приуроченное к одному точно определенному концу, свободно ото всякой неопределенности и неясности; исчисление солнечного обращения является уже совершенно свободным от какой-либо ошибки, и месяцы сохраняют один раз определенные для них сроки. 12. В течение долгого времени римляне, пока они еще не распространили широко своего владычества, не знали этого расчета и на протяжении многих столетий запутались в разных трудностях и оказались в глубоком мраке ошибок, особенно тогда, когда вручили жрецам право вставлять дни, так как те в угоду откупщикам или в интересах тяжущихся по своему произволу или укорачивали время, или продолжали его. 13. Из-за такого их отношения возникло множество других погрешностей (в календаре), упоминать о которых в этой связи я считаю в настоящее время излишним. Октавиан Август [818]исправил эти погрешности, присоединившись к грекам, и, устранив колебание, прекратил прежнюю неустойчивость. После основательного исследования он определил год в 12 месяцев и 6 часов, так как в течение этого времени Солнце, совершив свой вечный путь через 12 созвездий, заключает срок целого года. 14. Этот доказанный в своей истине счет вставного дня прочно утвердил Рим, которому суждено с помощью божьей жить во веки веков. Но обращаюсь к повествованию о дальнейших событиях.

2.

1. Когда миновал день, неудобный, как полагают некоторые, для великих начинаний, к вечеру по совету префекта Саллюстия, {*357* } встретившему всеобщее одобрение, было под угрозой смертной казни запрещено на следующее утро показываться на публике всем людям более высокого положения и таким, относительно которых существовало подозрение, что они питают высокие замыслы. 2. Когда, наконец, прошла

города римской армией под командованием Марцелла (см. прим. 6. к кн. 25).

818 **818.** Автор допустил ошибку: исправление календаря было делом Юлия Цезаря, а не Августа.

ночь, мучительная для тех, кого терзали несбывшиеся желания, на рассвете собраны были в одно место все войска, Валентиниан вышел на плац, вступил по приглашению на высокий трибунал, как в комициях, и при всеобщем и единодушнейшем сочувствии всех присутствующих был объявлен правителем государства, как человек, достойный этого своими завидными качествами. 3. Тотчас его облекли в императорское одеяние, возложили на него корону, и он был провозглашен Августом при громких криках хвалы ему, которые обыкновенно исторгает прелесть новизны. Он готовился произнести заранее обдуманную речь и, когда уже освобождал руку, чтобы свободнее говорить, начался страшный шум: кричали центурии и манипулы, и все солдаты всех когорт настойчиво требовали, чтобы немедленно был провозглашен и другой император. 4. Хотя некоторые думали, что это вызвали немногие подкупленные в угоду обойденным при выборе, но ошибочность этого очевидна была из того, что слышны были не отдельные голоса подкупленных, но единодушный крик всей толпы людей, требовавший одного и того же; здесь сказался внушенный последними событиями страх перед непрочностью земного величия. В грозных криках всего войска видно было страшное возбуждение, и приходилось бояться дерзкой распущенности солдат, которая прорывается иной раз в роковых поступках. 5. Валентиниан больше всех других опасался этого; но в счастливый момент поднял он правую руку для речи с силой государя, исполненного уверенности в себе, и, смело оборвав кое-кого за мятежный дух и упорство, произнес свою заранее обдуманную речь, и никто уже больше не прерывал его.

6. «Храбрые защитники провинций! Я счастлив, горжусь и всегда буду гордиться тем, что вы, столь заслуженные и достойные люди, вверили мне, который никоим образом этого не ожидал и не добивался, управление римским миром, как достойнейшему из всех. 7. Задачу, лежавшую на вас, пока не был еще избран новый правитель государства, вы исполнили славно и с пользой для дела вы поставили на вершине почестей того, кто с ранней юности и до этих зрелых лет своего века жил, как вы то сами видели, доблестно и безукоризненно. Так выслушайте же, прошу вас, спокойно то, что я считаю полезным в интересах общественного блага. 8. Необходимость избрать товарища с равной властью обусловливается множеством мотивов, в этом я не сомневаюсь и не возражаю против этого: я сам, как человек, испытываю страх перед множеством забот и {*358* } переменчивостью счастья. Но ведь долг наш – всеми силами ратовать за согласие, благодаря которому получает силу и самое слабое дело. Оно будет без труда достигнуто, если вы с подобающим доверием полностью предоставите мне то, что принадлежит мне по праву. 9. Судьба, способствующая благим советам, насколько осуществление этого дела в моих силах и власти, даст нам в тщательных розысках подходящего человека. Как учат мудрецы, не только в делах управления, где опасности столь велики и столь часты, но и в нашей частной обыденной жизни, каждый должен делать другом чужого человека лишь после суждения о нем, а не судить его тогда, когда он им стал. 10. Это обещание даю я вам с надеждой на лучшее будущее; а вы храните твердость и верность; пока позволяет спокойствие зимы, укрепляйте силы тела и духа. Обычный дар по поводу избрания Августа вы получите без промедления».

11. Окончив эту речь, впечатление от которой усилил неожиданно властный тон, император вызвал всеобщее к себе сочувствие; согласились

с его мнением и те, которые только что возбужденным криком заявляли иное требование. Осеняемый орлами и знаменами, окруженный с почетом отрядами всех частей и ставший уже грозным, Валентиниан был отведен во дворец.

3.

1. В то время как переменчивая судьба сплетала на востоке такую нить событий, префект Вечного города Апрониан, честный и строгий судья, во множестве серьезных дел, нередко отягчающих эту префектуру, обратил свое главное внимание на колдунов, которые, впрочем, обнаруживались в ту пору несколько реже. Тех, которые были схвачены и с очевидностью уличены следствием в том, что причиняли вред другим людям, он предавал смерти после выдачи ими своих сообщников, и казнью немногих старался навести страх перед такой же участью на остальных, если кому-то удавалось скрыться. 2. Говорят, что он развивал столь бурную деятельность в этом отношении потому, что будучи назначен префектом повелением Юлиана, бывшего в тот момент в Сирии, по дороге в Рим потерял один глаз и заподозрил, что это было следствием наведенной на него порчи. В справедливом, но превышающем меру раздражении он производил с величайшим усердием следствия об этих и подобных преступлениях. Некоторым он представлялся даже свирепым, так как иногда даже в амфитеатре, среди толпами стекавшегося народа, разбирал важные преступления.

3. После назначения многих наказаний за этого рода преступления, он приговорил к смертной казни некоего возницу Гиларина, который был уличен и сознался в том, что сына своего, едва {*359* } вышедшего из отроческого возраста, он отдал в обучение тайным, воспрещенным законами наукам, чтобы не прибегать за помощью к кому-нибудь на стороне и иметь их у себя дома. Воспользовавшись тем, что палач слабо держал его, Гиларин вырвался и убежал в христианскую церковь, но его немедленно вытащили оттуда и отрубили ему голову. 4. Из-за суровости кары эти и подобные преступления стали тогда реже, так что никто или лишь очень немногие, сведущие в этого рода злодействах, покушались на общественную безопасность; но в дальнейшем продолжительная безнаказанность вызвала ужасные злодеяния подобного рода, и дерзость дошла до того, что один сенатор, уличенный в том, что по примеру Гиларина чуть ли не по формальному контракту отдал специалисту по колдовству в обучение своего раба, откупился от наказания крупной суммой, как ходила о том усиленная молва. 5. И этот человек, добившийся оправдания, как гласила молва, именно таким путем, хотя ему бы следовало стыдиться за свою жизнь и свою вину, вовсе не помышлял о том, чтобы смыть оставшееся на нем пятно; но, как будто он один был чист от всякого проступка в толпе виновных, разъезжал на великолепно убранном коне по мостовым города и до сих пор таскает за собой толпы рабов и старается новым отличием привлечь к себе всеобщее внимание. Нечто подобное известно о древнем Дуиллии, [819]который после славной

819 **819.** Прим. ред.: Гай Дуиллий (Дуилий), консул 260 г. до н. э. в ходе 1-й Пунической войны командовал флотом и нанес карфагенянам сокрушительное поражение в морской битве подле Липарских островов.

морской битвы оговорил себе почетное право на то, чтобы при его возвращении из гостей с обедов играл перед ним флейтист.

6. Однако при этом Апрониане запасы провианта были настолько обеспечены, что ни разу не возникало ни малейших жалоб на недостаток припасов, что случается в Риме постоянно.

4.

1. Итак, Валентиниан был провозглашен императором в Вифинии, как я об этом рассказал. Он отдал приказ выступать на следующий день, а пока созвал к себе на совет лиц высшего ранга и, выставляя напоказ свою мнимую готовность следовать хорошим советам других, а не своим единоличным решениям, поставил вопрос о том, кого ему следует избрать соправителем. Все молчали, а Дагалайф, бывший тогда командиром конницы, дал такой прямолинейный ответ: «Если ты, добрейший государь, любишь своих родных, то есть у тебя брат, а если отечество, то ищи, кого облачить в пурпур». 2. Император разгневался на эти слова, но промолчал и, скрывая свои мысли, прибыл ускоренным маршем 1 марта в Никомедию. Здесь он назначил своего брата Валента начальником императорской конюшни в ранге трибуна. 3. Оттуда он прибыл в Константинополь. Обдумав различные обстоятельства {*360* } и сознавая, что государственные дела огромной важности, и притом неотложные, превосходят его силы, он решил далее не откладывать. И вот 28 марта он вывел Валента в предместье и при всеобщем одобрении, – по крайней мере никто не смел возразить, – провозгласил его Августом. Облачив его в императорские одежды и повязав диадему на его голове, он привез его во дворец в одной колеснице с собой как законного соправителя, но в действительности, как станет ясным это из моего дальнейшего изложения, подчинявшегося ему во всем настолько, как будто он был его подчиненным.

4. Едва устроилось благополучно это дело, как оба императора заболели тяжелой и продолжительной лихорадкой, а когда они оправились от болезни, то, будучи вообще более склонными к сыскам и следствиям, чем к упорядочению всяких дел, – поручили магистру двора Урзацию, грубому далматинцу, и Вивенцию из Сисции [820]который тогда состоял квестором, произвести строжайшее следствие о возможных причинах постигшей их болезни. Настойчиво ходившие слухи истолковывали это в том смысле, что целью было вызвать вражду к памяти императора Юлиана и к его друзьям, поскольку, мол, болезнь наведена на императоров колдовством. Но все это развеялось само собой, так как не нашлось ни малейшего намека на какие-либо тайные замыслы. 5. В это время по всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к ним границы. Галлию и Рэцию одновременно грабили аламанны, сарматы и квады – обе Паннонии; пикты, саксы, скотты и аттакотты терзали непрерывными бедствиями Британию; австорианы и другие племена мавров сильнее обычного тревожили Африку; Фракию грабили разбойнические шайки готов. 6. Царь персидский пытался наложить свою руку на армян и прилагал все усилия к тому, чтобы опять подчинить эту

820 **820.** н. Сиссек. Город Сисция лежал в пределах Паннонии.

страну своей власти под тем несправедливым предлогом, что после смерти Иовиана, с которым он заключил мирный договор, ничто не должно препятствовать ему завоевать все то, на что он указывал, как на принадлежавшее его предкам.

5.

1. Находившиеся в полном согласии между собой императоры, один поставленный выше избранием, другой – присоединенный только для вида, провели зиму на месте, а с началом весны прошли {*361* } через Фракию и прибыли в Нэсс [821]Там, в предместии Медиане, которое находится от города в трех милях, как бы собираясь немедленно расстаться, они поделили между собою комитов. 2. Валентиниан, которому принадлежал решающий голос, взял себе Иовина, которого еще раньше возвел Юлиан в сан магистра оружия в Галлии, и Дагалайфа, которого до того же сана возвысил Иовиан; следовать за Валентом на Восток назначен был Виктор, обязанный своим повышением тому же государю, и к нему был присоединен Аринфей. А Лупицин, назначенный также Иовианом магистром конницы, охранял восточные области. 3. Тогда же и Эквиций, бывший тогда не магистром, а только комитом, получил командование иллирийской армией, и Сарениан, сложивший уже давно военное звание, вновь поступил на службу и, как паннонец (т. е. земляк), сопровождал Валента в звании командира схолы доместиков. Приняв такое решение относительно командиров, императоры разделили между собой и легионы.

4. После этого оба брата выступили с войсками и поделили между собой столицы согласно желанию первенствовавшего: Валентиниан направился в Медиолан, а Валент – в Константинополь;

5. Во главе гражданского управления на Востоке в звании префекта состоял Саллюстий, в Италии, Африке и Иллирике – Мамертин, во главе галльских провинций – Германиан. 6. Оставаясь в названных городах, императоры в первый раз приняли оба консульские отличия, но весь этот год приносил тяжкие беды римскому государству. 7. Германские границы прорвали аламанны: причиной их необычайного ожесточения было следующее обстоятельство. Когда их послы явились на главную квартиру для получения определенных и обычаем установленных даров, им были переданы подарки в меньшем по сравнению с прежним количестве и худшего качества. Приняв подарки, они воспылали гневом и бросили их как унижающие их достоинство. Когда же Урзаций, бывший тогда магистром оффиций, человек вспыльчивый и горячий, обошелся с ними грубо, они уехали, преувеличили в своих рассказах случившееся и возбудили страсти в среде своих диких соплеменников, вызывая обиду за оказанное им будто бы грубое пренебрежение.

8. В то же время, или немного позднее, поднял на востоке бунт Прокопий. Валентиниан получил об этом известие в конце октября на пути в Паризии... в тот же день.

9. Против аламаннов император приказал выступить немедленно Дагалайфу. Они подвергли опустошению более близкие к ним {*362* } местности и далеко ушли, не потеряв ни одного человека. Относительно

821 **821.** н. Ниш в Сербии.

же того, как ему подавить выступление Прокопия, не дав ему разгореться, он колебался в своих мыслях; смущало его главным образом то, что он не знал, выступил ли Прокопий претендентом уже после смерти Иовиана, или при его жизни. 10. Дело в том, что Эквиций получил об этом донесение трибуна Антония, командовавшего Внутренней Дакией, который сообщил только о дошедшем до него неясном слухе, а потому и сам он не имел возможности ничего выяснить и только кратко уведомил государя. 11. Узнав об этом, Валентиниан возвел Эквиция в сан магистра и принял решение отступить в Иллирик, чтобы не дать возможности бунтовщику пройти через Фракию и, став уже страшным, сделать вражеское вторжение в Паннонию. С ужасом он думал о том, как недавно Юлиан, поднявшись против императора, имевшего славу победителя во всех междоусобных войнах, против всяких ожиданий переходил с невероятной быстротой от города к городу. 12. Но его горячее стремление вернуться назад встретило сопротивление в виде советов близких людей, которые упрашивали и молили его не оставлять Галлию грозившим смертью и истреблением варварам и под этим предлогом не предавать провинций, нуждавшихся в сильной защите. Посольства более значительных городов присоединили свои просьбы не оставлять их беззащитными в столь трудных обстоятельствах, так как якобы уже одним своим присутствием он сможет спасти их от грозных бедствий, внушая ужас германцам славой своего имени.

13. Наконец, внимательно взвесив относительную важность дел, он склонился к мнению большинства. Не раз он повторял, что Прокопий – враг только лично его самого и его брата, а аламанны – всего римского мира, и решил пока не покидать пределов Галлии. 14. Он прошел вперед до города Ремов [822]и, опасаясь внезапных вторжений в Африку, приказал Реотерию, который был тогда нотарием, а впоследствии достиг консульского сана [823]отправиться на ее охрану. С ним вместе был послан Мазавцион, доместик-протектор, с тем расчетом, что тот, выросший в доме отца своего Крециона[824]бывшего некогда комитом, знал все опасные местности в той стране. К ним император приставил Гауденция, своего оруженосца, человека, давно ему лично известного и преданного.

15. Из-за того, что одновременно в обеих половинах империи поднялись грозные бури, я расскажу о них по отдельности и последовательно: сначала опишу события на Востоке, а затем – войны с {*363* } варварами. Так как бо́льшая часть событий происходила на Востоке и Западе в одни и те же месяцы, то если бы я стал перескакивать с места на место в своем изложения, могла бы произойти большая путаница, и ход событий мог бы стать неясен в моем изложении.

6.

1. Прокопий происходил из знатной фамилии; родом он был из Киликии, где и получил воспитание. Родство с Юлианом, [825]который стал

822 **822.** Реймс.

823 **823.** В 390 году.

824 **824.** Ср. 21, 7, 4.

825 **825.** Прим. ред.: Мать Прокопия была сестрой Базилины, матери Юлиана. {540}

впоследствии императором, помогло его выдвижению, и уже с первого своего выступления на общественном поприще он был на виду. В частной жизни и характере он отличался сдержанностью, был скрытен и молчалив. Он долго и превосходно служил нотарием и трибуном и был уже близок к высшим чинам. После смерти Констанция во время переворота он, как родственник императора, возымел надежды на высшее положение и был включен в число комитов. Уже и тогда было очевидно, что, если когда-нибудь представится такая возможность, он выступит как возмутитель общественного спокойствия. 2. При вступлении в Персию Юлиан оставил его вместе с Сабинианом, предоставив последнему одинаковые права, в Месопотамии во главе значительных военных сил и поручил ему, как гласил смутный слух, – с уверенностью никто этого не утверждал, – действовать сообразно тем обстоятельствам, о которых узнает, и если бы до его сведения дошло, что римское дело постигла в Персии неудача, позаботиться о провозглашении себя императором. 3. Без всякого высокомерия и с большой осмотрительностью он исполнял возложенные на него обязанности. Когда же он узнал, что Юлиан был смертельно ранен и умер, что Иовиан получил верховную власть и что при этом распространился ложный слух, будто Юлиан при своем последнем издыхании высказывал желание, чтобы руль управления государством доверен был Прокопию, он стал бояться, как бы его не настигла по этой причине казнь без суда и решил скрыться. Еще больше напугала его смерть Иовиана, первого нотария. После смерти Юлиана некоторые военные люди называли его достойным императорского сана; он был заподозрен в мятежных начинаниях и погиб жестокой смертью [826]4. И так как Прокопий узнал, что его разыскивают весьма усердно, то, желая уклониться от бремени жестокой вражды, удалился в неизвестные отдаленные местности. Когда же он узнал, что Иовиан старательно разыскивает его убежище, а ему самому надоела звериная жизнь (так как он попал в такое жалкое положение с {*364* } высокого, какое занимал раньше, терпел голод в диких местах и был лишен человеческого общества), под гнетом крайней необходимости он пробрался окольными путями в область Халкедона. 5. Там он скрывался, считая это место надежным убежищем, у своего верного друга, некоего Стратегия, который раньше служил в дворцовых войсках, а теперь был сенатором. Оттуда он нередко наведывался в Константинополь, соблюдая величайшую осторожность, как выяснилось это из показания того же Стратегия, когда впоследствии не раз производилось следствие о соучастниках Прокопия. 6. Как самый бдительный разведчик, собирал он, никем не узнанный со своим обросшим бородой лицом и исхудавшим телом, слухи, усиливавшиеся в ту пору, так как многие, осуждая, как обычно, настоящее, поносили Валента, под тем предлогом, что он одержим страстью к грабежу чужого имущества. 7. Позорным подстрекателем Валента к жестокости был его тесть Петроний, возведенный внезапным скачком в патриции [827]из командиров легиона

826 **826.** 25, 8, 18.

827 **827.** Прим. ред.: В 4 в. в связи с исчезновением древнеримских патрицианских родов звание патриция стало почетным титулом, который присваивался лично императором за особые заслуги.

мартензиев, человек равно отвратительный душой и телом. Он горел желанием обобрать догола всех без разбора, присуждал виновных и невиновных после изысканных пыток к уплате вчетверо, разыскивая недоимки давних времен с императора Аврелиана, и впадая в отчаяние, если ему приходилось отпускать кого-нибудь, не осудив его. 8. К этим невыносимым качествам этого человека добавлялась и та беда, что, обогащаясь за счет чужих стенаний, он был неумолим, жесток и до крайности бессердечен, не способен ни сам кого-либо оправдать, ни принять оправдание. Он, был ненавистнее Клеандра [828]который, занимая пост префекта при императоре Коммоде, особенно бессердечно посягал, по свидетельству историков, на имущество разных лиц, и невыносимее, чем Плавциан[829]который также в звании префекта, но при Севере, в своем диком безумии привел бы все дела в полное замешательство, если бы его не поразил меч отмщения. 9. Эти горестные события, которые при Валенте благодаря Петронию привели в запустение много домов, как бедных, так и знатных, и ожидание еще более тяжелого положения в будущем до глубины души угнетали граждан и солдат, стонавших под одинаковым бременем; обеты о перемене настоящего положения вещей при помощи Бога вышнего приносились с единодушным стенанием, хотя, конечно, втайне и без слов. 10. Тайком наблюдал за всем этим Прокопий и, полагая, что, если ему улыбнется судьба, он без затруднений достигнет верховной власти, приседал, как хищный зверь, когда, завидев подходящую добычу, тот готовится сейчас же {*365* } сделать прыжок. 11. Между тем как он пламенел желанием ускорить то, к чему стремился, случай дал ему чрезвычайно подходящий повод. По окончании зимы Валент спешил в Сирию и уже вступил в пределы Вифинии, как вдруг он получил донесение пограничных начальников о том, что племя готов, которых в ту пору оставили в покое, что́ и усилило их буйный дух, объединилось и собирается проникнуть в соседние местности Фракии. Получив это известие, император, желая беспрепятственно продолжать намеченный путь, приказал двинуть в достаточном количестве конницу и пехоту в места, подвергшиеся опасности вторжений варваров. 12. Когда Валент ушел далеко, Прокопий, надломленный продолжительными бедствиями, пришел к мысли, что даже жестокая смерть легче тяготивших его бедствий, и решил сразу броситься навстречу всем опасностям. Готовый на все, отдавшись своему гибельному решению, он затеял дерзкое дело. Дивитенсы и тунгриканы-младшие [830]получили приказ вместе с другими спешить на войну, грозившую вспыхнуть во Фракии. Им предстояла на обычном маршруте двухдневная остановка в Константинополе. Прокопий вознамерился склонить к возмущению эти легионы через нескольких знакомых ему людей, служивших в них, и поскольку было опасно и трудно говорить со всеми, доверился немногим. 13. Соблазнившись надеждой на огромные награды, они дали ему под клятвой обещание сделать все, что он хочет, а также обещали ему поддержку своих ближайших товарищей, среди которых они во время совещаний занимали первое место, поскольку превосходили остальных

828 **828.** Dio Cass. 72, 12; 13.

829 **829.** ib. 75, 14–16.

830 **830.** Имена легионов.

размером жалованья и военными заслугами. 14. Согласно уговору, как только рассвело, Прокопий направился с тревогой в сердце в Анастасьевы бани, названные так по имени сестры Константина, где, как это было ему известно, квартировались те легионы. Там сообщили ему соучастники его тайных замыслов, что на ночной сходке все согласились встать на его сторону. Ему гарантирована была личная безопасность, он был охотно и с честью принят тесной толпой продажных солдат, но оказался среди них как бы пленником. Как некогда преторианцы после убийства Пертинакса приняли (Дидия) Юлиана, выторговавшего императорский сан [831832]так и эти солдаты брали теперь под свою защиту Прокопия, который полагал в их среде первое начало своего злосчастного правления, и сами бдительно высматривали при этом всякую возможную выгоду.

15. И вот стоял он бледный, как выходец с того света, и так как не удалось нигде найти пурпурного плаща, то он был одет в {*366* } вышитую золотом тунику, как придворный служитель, от пяток до пояса на манер благородного отрока, а ноги были обуты в пурпурные башмаки; в левой руке он держал копье, украшенное также куском пурпурной материи, – точно так же как на сцене в театре внезапно появляется блестяще убранное видение из-за занавеса или при помощи какого-нибудь театрального приспособления. 16. Поднятый на это посрамление всякой почести, он обратился с рабской речью к виновникам своего возвышения и, пообещав им большие богатства и всякие саны в связи с началом своего правления, вышел на улицу, окруженный тесным строем вооруженных солдат. Подняты были знамена, и он стал уже выступать смелее, а вокруг него раздавался страшный лязг от ударов щитов один о другой, издававших зловещий звук, так как солдаты, опасаясь, чтобы с верхних этажей не стали в них бросать камнями и кусками черепицы, прикладывали щиты к самым гребням своих шлемов.

17. Народ не выказывал Прокопию, набиравшемуся смелости по мере выступления вперед, ни сопротивления, ни сочувствия. Однако стало сказываться свойственное толпе увлечение новизной, чему содействовало то обстоятельство, что все единодушно ненавидели, как было сказано, Петрония, копившего себе богатства насилием, так как он во вред всем слоям общества опять вызывал к жизни давно погребенные дела и в тумане далекого прошлого возрождавшиеся долговые обязательства. 18. И вот Прокопий взошел на трибунал; при всеобщем оцепенении вокруг царило зловещее молчание. Сознавая, что теперь он встал на вернейший путь к смерти, он испытывал затруднения с речью из-за охватившей все его члены дрожи и долго стоял в безмолвии. Наконец он начал что-то лепетать прерывающимся, как у умирающего, голосом, выставляя на вид свое родство с императорским домом. Слабые возгласы подкупленных людей поддержаны были беспорядочными криками черни,

831 **831.** В 193 году.

832 **832.** Прим. ред.: После убийства имп. Коммода 31 декабря 192 г. его любовником атлетом Нарциссом императором 1 января 193 г. был провозглашен сын вольноотпущенника, консул 192 г., Пертинакс. В марте 193 г. он был в свою очередь убит преторианцами, выставившими титул императора на публичные торги, победителем на которых оказался богач Дидий Юлиан. В июне 193 г., когда к Риму подошли легионы во главе с Септимием Севером, объявившим себя мстителем за Пертинакса, Юлиан был свергнут с престола и убит.

провозглашавшей его императором. Затем он быстро направился в курию и, не найдя там никого из сенаторов, но лишь небольшую кучку простонародья, поспешно вступил преступной ногой во дворец.

19. Некоторые удивятся, конечно, тому, что это достойное осмеяния начало правления, затеянное столь неосторожно и легкомысленно, привело к таким скорбным бедствиям для государства; но они, по-видимому, не знают событий прошлого и полагают, будто это был первый такой случай. 20. Но так именно возвысился Андриск из Адрамитта, человек самого низкого звания, до имени Псевдофилиппа и к македонским войнам прибавил тяжкую третью [833]Так во время правления Макрина поднялся в {*367* } Антиохии явившийся из Эмесы Гелиогабал Антонин. [834]Так неожиданное восстание Максимина принесло смерть Александру Северу и Маммее, его матери. [835]Таким же образом в Африке возвели на трон Гордиана Старшего, но ужас надвигавшихся опасностей вынудил его петлей покончить свою жизнь [836][837]

7.

1. Поставщики провианта, придворные служители, настоящие и бывшие солдаты, отбывшие срок службы в военных частях и обратившиеся уже к более спокойной жизни, были привлечены, одни против воли, другие в согласии с ней, к сомнительной судьбе неожиданного претендента. Другие, считая все остальное более безопасным, чем настоящее, тайно покидали город и спешно направлялись в лагерь Валента.

2. Всех их опередил Софроний, тогда нотарий, а впоследствии префект Константинополя. Он застал Валента собирающимся покинуть Кесарию Каппадокийскую, чтобы из-за окончания тяжелой поры зноя в Киликии перебраться в Антиохию. Он рассказал ему о том, что произошло; Валент впал в сомнение, тревогу и смущение, но тому удалось направить его в Галатию, чтобы захватить возмущение прежде, чем оно успеет окрепнуть.

3. Пока Валент приближался форсированным маршем, Прокопий самым решительным образом работал днем и ночью. Он подговорил нескольких подставных лиц, которые с хитрой наглостью заявляли, будто они прибыли, одни с востока, другие из Галатии; сочинив небылицу, будто

833 **833.** Ср. 14, 11, 31.

834 **834.** Прим. ред.: Гелиогабал (Элагабал) был провозглашен императором в 218 г. благодаря проискам своей бабки Юлии Мезы, сестры Юлии Домны, вдовы имп. Септимия Севера. Он сменил Макрина, убийцу сына Септимия Севера Каракаллы (Севера Антонина).

835 **835.** Прим. ред.: Имп. Александр Север (222–235 гг.) был двоюродным братом имп. Гелиогабала; усыновлен им в 221 г. Императором стал благодаря своей бабке Юлии Мезе и матери Юлии Маммее. Вместе с последней был убит во время солдатского мятежа подле нынешнего Майнца. Императором после него стал генерал еще Септимия Севера Максимин (235–238 гг.).

836 **836.** В 238 году.

837 **837.** Прим. ред.: См. SHA, жизнеописание Гордиаиов.

Валентиниан умер, они заявили, что весь мир открыт новому государю.

4. Так как иной раз даже дерзкие замыслы усиливаются благодаря быстроте действий, то для спасения себя от опасных людей Прокопий немедленно заключил в тюрьму Небридия, который недавно назначен был, благодаря проискам Петрония, преторианским префектом на место Саллюстия: а также Цезария, городского префекта Константинополя. Управление городом приказано было взять на себя с обычными полномочиями Фронемию, а быть магистром оффиций – Евфрасию; оба были галлами, имевшими репутацию образованных людей. Управление военными делами было предоставлено Гумоарию и Агилону, которые были вновь призваны на службу. Исход дела показал всю опрометчивость этого последнего распоряжения. {*368* } 5. А так как возникало опасение, что комит Юлий, командовавший военными силами, расположенными во Фракии, если он узнает о бунте, выступит с ближайших стоянок с целью подавить мятеж, то придумали ловкую хитрость: от имени Валента под предлогом серьезного совещания относительно передвижений варваров, он был вызван вырванным силою письмом содержавшегося все еще в тюрьме Небридия. Заманив таким образом Юлия в Константинополь, его отдали под строжайший надзор. Посредством этого ловкого обмана приобретено было без пролития крови воинственное население Фракии и тем самым получена была великая подмога в мятежных предприятиях.

6. После этой счастливой удачи стал заискивать у Прокопия Араксий и, предоставляя ходатайство своего зятя Агилона, стал префектом претория; точно так же многие другие заняли различные должности при дворе или получили места по управлению провинциями, одни против воли, другие предлагая сами себя и внося деньги. 7. И как обыкновенно бывает при внутренних беспорядках, люди, принадлежавшие к подонкам общества, выдвинулись наверх самым дерзким образом, тогда как представители высшей знати низвергались со своего высокого положения и подвергались высылке и даже смертной казни.

8. Когда благодаря этим и подобным обстоятельствам партия, видимо, упрочилась, оставалось собрать военную силу в достаточном количестве, и то, что в государственных переворотах не раз ставило преграды смелым начинаниям, даже если их начало была полностью оправданным, на этот раз удалось без труда достигнуть. Пешие и конные части, которые были вызваны во Фракию для военных действий, при своем проходе через те местности встретили самый ласковый и заискивающий прием. Они были расквартированы все в одной местности и представляли вид уже целой армии. Поддавшись на щедрые обещания, солдаты под страшными заклятиями присягнули на имя Прокопия и обещали ему крепко стоять за него, защищая его даже ценой своей жизни.

10. Очень благоприятным обстоятельством для их привлечения оказалось то, что Прокопий обходил ряды войск, имея на руках маленькую дочь Констанция, память о котором высоко почиталась, и поддерживая тем самым родство с ним и с Юлианом. Очень кстати было для него и то, что он получил некоторые императорские инсигнии от матери этой девочки, Фаустины, [838]которая случайно была здесь. 11. Он

838 **838.** Прим. ред.: Последняя жена Констанция. Ее дочь от него родилась уже после смерти императора.

совершил еще одно действие для быстрого укрепления своего положения: выбрав несколько дерзких смельчаков, он отправил их для захвата Иллирика. Полагаясь вместо всего другого лишь на свою наглость, они распространяли золотые монеты с изображением нового государя и прибегали к другим соблазнам. {*369* } Но Эквиций, командир военных сил в тех пределах, приказал их схватить и предал разного рода казням. 12. Опасаясь подобных происков, он занял три тесных прохода, которые давали доступ в северные провинции: один – через Прибрежную Дакию, другой – самый известный – через Сукки, третий – через Македонию, который называют Акontисма [839]Эти меры предосторожности сделали тщетной надежду узурпатора захватить Иллирик, и вместе с тем от него ушли огромные военные средства.

13. Между тем Валент, который был очень смущен жестокой вестью, возвращался через Галлогрецию. [840]Услышав о том, что происходит в Константинополе, он продвигался вперед с опаской и в страхе. Поразивший его столь внезапно ужас лишил его всякой предусмотрительности. Он до того потерял голову, что помышлял сбросить императорские одежды, как тяжелую обузу; и, конечно, он бы это сделал, если бы не помешали его приближенные и не отговорили его от позорного шага. Поддержанный мнениями лучших, он приказал двинуться вперед двум легионам – то были иовии и викторы – и напасть на лагерь мятежников. 14. При их приближении сам Прокопий, только что возвратившийся из Никеи, куда он ездил, поспешил с дивитенсами и пестрой толпой дезертиров, которую ему удалось собрать за короткое время, к городу Мигду, расположенному на берегу реки Сангария [841]

15. Когда легионы уже сходились, готовые вступить в сражение, Прокопий, не обращая внимания на летавшие уже стрелы, как бы бросая вызов врагу своим выступлением вперед, один вышел между двух линий. По счастливой случайности он узнал во вражеском строе некоего Виталиана – знал ли он его действительно, существует сомнение, – приветствовал его по-латыни и дружески вызвал его из строя вперед: тут он подал ему руку, поцеловал и при всеобщем изумлении держал такую речь: 16. «Вот седая верность римских войск и религией скрепленная клятва! Вы миритесь, храбрейшие мужи, с тем, что за незнакомцев поднялось столько кинжалов своих людей! И для того, чтобы паннонский выродок, который все низвергает и попирает, обладал верховной властью, о которой он не дерзал и мечтать, нам оплакивать свои и ваши раны! Лучше последуйте за отпрыском царского рода, который с полным правом поднял оружие не за тем, чтобы похитить чужое, но чтобы восстановить величие предков».

17. Это спокойное слово подействовало на всех, и те, что пришли сюда на жаркий бой, склонив знамена и орлов, добровольно {*370* } перешли к нему. Вместо грозного крика, который варвары зовут barritus [842]они провозгласили его императором, тесно сплотились вокруг него и в

839 **839.** Проход Сукки см. 21, 10. 2; Акontисма – южный проход по берегу моря, неподалеку от древнего Неаполя, нынешней Кавалы.

840 **840.** Прим. ред.: Галатия в Малой Азии.

841 **841.** н. Сакари, у турок – Айала.

842 **842.** Ср. 16, 12, 43.

полном единодушии привели назад в лагерь, поклявшись по военному обычаю, что Прокопий будет непобедим.

8.

1. К этой удаче мятежников прибавилось другое радостное для них событие. Трибун Румиталька, привлеченный также на сторону Прокопия и принявший на себя общее управление двором, переплыл по заранее обдуманному плану с войском в Дрепанум, теперь именуемый Геленополь, и оттуда занял скорее, чем можно было ожидать, Никею. 2. Валент послал для осады этого города Вадомария, бывшего дукса (Финикии) и царя аламаннов [843]с опытными в подобных военных действиях людьми, а сам направился в Никомедию. Оттуда он приступил к решительной осаде Халкедона [844]Со стен этого города его осыпали бранью, и называли оскорбительной кличкой сабайярия. Сабайей называется в Иллирике приготовленный из ячменя или другого хлеба напиток, употребляемый простыми людьми. 3. Недостаток провианта и чрезвычайное упорство защитников довели его до того, что он собирался уже отступить, как вдруг люди, запертые в Никее, внезапно открыв ворота, сделали вылазку и, перебив значительное число осаждавших, под предводительством отважного Румиталька стремительно бросились вперед, чтобы зайти в тыл Валенту, который еще не успел уйти из предместья Халкедона; и они бы осуществили свой план, если бы неясный слух не предупредил Валента о грозящей опасности, и он не обманул врага, следовавшего по пятам за ним быстрым отступлением по Суноненскому озеру [845]и весьма извилистому течению реки Галла. Таким образом, и Вифиния перешла под власть Прокопия. 4. Когда Валент выбрался ускоренным маршем из Вифинии и прибыл в Анкиру, он получил известие, что с Востока подходит с значительными силами Лупицин. Воспрянув в надеждах, он отправил опытного полководца Аринфея навстречу врагам. 5. Дойдя до Дадастаны, где, как я упоминал, умер Иовиан, он неожиданно для себя узнал, что против него выставлен с войсками Гиперетий, который раньше был служителем при штате главной квартиры [846]{*371* } как своему личному другу, Прокопий поручил ему командование вспомогательными отрядами. Считая ниже своего достоинства побеждать в бою такого презренного противника и полагаясь на свой авторитет и внушительный рост, Аринфей приказал самим врагам связать их командира. Так этот призраку подобный начальник передовых отрядов был схвачен руками своих же людей.

6. Пока так шло дело, некто Венус, чиновник финансового ведомства при Валенте, задолго до этого посланный с деньгами в Никомедию, чтобы раздать жалование солдатам, находившимся в восточных областях,

843 **843.** См. 18, 2, 16; 21, 3, 4–5; 4, 2.

844 **844.** н. Кадыкиой.

845 **845.** н. Санандже.

846 **846.** Гардтгаузен удержал в тексте очевидную глоссу: id est ventris ministrum et gutturis, которую устранял из текста еще Валезий.

каждому на руки, узнав о печальных событиях и понимая, что время неблагоприятно, поспешил укрыться с выданной ему суммой в Кизике. 7. Там случайно оказался состоявший тогда комитом доместиков Серениан, посланный для охраны находившейся там казны. Издревле город этот был признан неприступным благодаря огромной линии своих укреплений, и, полагаясь на это, Серениан охранял его с наспех собранным гарнизоном. Прокопий, желая после захвата Вифинии присоединить к себе и Геллеспонт, откомандировал для завоевания этого города значительные силы. 8. Исполнение этого плана замедлялось тем, что нередко целые отряды осаждавших были поражаемы стрелами, свинцовыми снарядами и другим метательным оружием; к тому же защитники искусно заперли вход в гавань очень крепкой цепью, чтобы не могли войти военные корабли неприятеля, укрепив концы ее с той и другой стороны на материке. 9. После множества усилий солдат и их вождей, истомившихся в жестоких схватках, один трибун, по имени Ализон, испытанный и умелый боевой человек, прорвал эту цепь следующим способом. Связав три судна, он соорудил над ними штурмовое прикрытие такого вида: впереди на скамьях гребцов тесно друг к другу стояли вооруженные люди, держа щиты над головами; за ними в следующем ряду стояли люди несколько пригнувшись и еще ниже – в третьем ряду, а последние должны были присесть на корточки; таким образом в целом получался вид сводчатой постройки. Машины этого рода, применяемые в осадах, строятся такой формы с тем расчетом, чтобы метательные снаряды и камни спадали по склону и скатывались наподобие дождя. 10. И вот Ализон, имея некоторое прикрытие от метательных снарядов, применяя свою огромную физическую силу, засунул в эту цепь бревно и ударами двуострой секиры так разбил ее, что она разорвалась и открыла широкий доступ. Таким образом город оказался беззащитным пред неприятельским натиском. Поэтому, когда впоследствии после смерти виновника всего этого мятежа принимались жестокие меры против его соучастников, этот трибун за свое славное дело сохранил жизнь и остался на службе. Много времени спустя он пал в Исаврии в схватке с разбойничьей шайкой. {*372* }

11. Как только этот военный подвиг открыл ворота Кизика, туда прибыл с величайшей поспешностью Прокопий; он помиловал всех, кто принимал участие в обороне и только одного Серениана приказал в оковах отвести в Никею и держать его под строжайшей охраной. 12. Вскоре после этого он предоставил проконсульскую власть Ормизде, молодому, но уже известному человеку, сыну упомянутого выше царевича [847]поручив ему, как было в обычае у древних, управление как гражданскими, так и военными делами. Ормизда по своему мягкому характеру не проявлял большой энергии, и его едва не захватили внезапным нападением солдаты, которых послал Валент по обходным путям Фригии; но он ускользнул из их рук, проявив при этом большое присутствие духа; он не только сам ушел на корабле, который был приготовлен на всякий случай, но и сумел спасти, выпустив целую тучу стрел, свою жену, которая следовала за ним и была уже почти в руках врага. То была богатая и знатная женщина, которая своим внушавшим уважение поведением и прославившей ее настойчивостью впоследствии

847 **847.** Ср. 16, 10, 16; 24, 1, 2; 2, 5.

спасла своего мужа в крайне опасном положении.

13. Возгордившись свыше меры из-за удачи в Кизике и забывая, что самый счастливый человек от одного поворота колеса Фортуны может стать к вечеру самым несчастным, Прокопий приказал разграбить дом Арбециона, который он раньше берег, как свой собственный, предполагая, что обладатель его стоит на его стороне, – а дом этот был переполнен имуществом, имевшим несметную ценность. Разгневался же он на Арбециона за то, что тот не являлся к нему в ответ на неоднократные призывы под предлогом преклонных лет и болезней. 14. И хотя он от этого посягательства на чужое добро мог ожидать тяжких последствий, однако в ту пору он беспрепятственно и свободно, и даже при всеобщем одобрении мог распространить свою власть на восточные провинции, жаждавшие переворота, возмущаясь из-за строгого режима, который в них держался. Но он беспокоился о привлечений на свою сторону некоторых городов Азии, старался разыскать людей, владевших искусством добывать золото из россыпей, а также [848]таких, которые могли бы оказаться полезными сотрудниками в сражениях; последних он ожидал в большом числе и крупных размерах; так он терял время и сам затупил себя, как притупляется острый кинжал. 15. Так некогда Песценний Нигер, которого римский народ неоднократно призывал на спасение гибнущего государства, благодаря промедлению в Сирии, был побеж-{*373* }ден Севером [849]у Исского залива в Киликии, где Александр разбил Дария, [850]и, будучи обращен в бегство, пал от руки простого солдата в одном из пригородов Антиохии.

9.

1. Эти события приходятся на зиму того года, когда Валентиниан и Валент были консулами. [851]Когда же высший сан перешел к Грациану, который не носил еще никаких званий, и Дагалайфу, Валент в начале весны собрал свои силы и, присоединив к себе Лупицина, быстро двинулся с большим войском в Пессинунт, город, относившийся некогда к Фригии, а теперь – к Галатии. 2. Поспешно подготовив его к обороне на случай неожиданных обстоятельств в тех местностях, он направился у подножия высоких гор Олимпа по трудным горным дорогам в сторону Ликии, собираясь напасть на стоявшего там в полном бездействии Гумоария.

3. Он встретил очень упорное сопротивление, поддержанное многими, так как враг его возбудил большое ожесточение солдат: как я сообщил раньше, Прокопий возил с собою в носилках маленькую дочь Констанция и ее мать Фаустину, не отпуская их от себя как в походе, так

848 **848.** Вместо ut читаем aut.

849 **849.** Прим. ред.: Песценний Нигер, легат Сирии, был провозглашен императором легионами в 193 г.; в 194 г. потерпел поражение от Септимия Севера и погиб.

850 **850.** Прим. ред.: Дарий III, последний царь (336–330 гг. до н. э.) из династии Ахеменидов, потерпев поражение от Александра Македонского в битвах при Иссе и Гавгамелах, бежал и был убит.

851 **851.** Прим. ред.: 365 г.

и чуть ли не в строю, чтобы солдаты с тем бóльшим пылом сражались за отпрыска императорского дома, к которому он причислял и себя самого. Так некогда македоняне, вступая в битву с иллирийцами, поместили позади своего строя царя-младенца в колыбели и, опасаясь как бы он не попал в плен, тем отважнее бились с неприятелем. [852]

4. Против этих хитростей император нашел способ поддержать свое колеблющееся положение. Он приказал вызвать к себе бывшего консула Арбециона, который давно уже был в отставке, чтобы успокаивающе подействовать на возбужденное настроение внушительным присутствием полководца времен Констанция. Так оно и вышло. Глубокий старец, превосходивший всех своим достоинством, указывал многим, склонным к измене, на свои почтенные седины, публично называя Прокопия разбойником, а солдат, увлеченных его обманом, своими детьми и сотрудниками в прежних ратных трудах; он просил их последовать лучше за ним, как своим отцом, который известен им счастливыми походами, чем за жалким проходимцем, который уже стоит накануне падения. 6. Узнав об этом Гумоарий, хотя и мог ускользнуть от неприятеля и невредимым вернуться туда, откуда пришел, воспользовался, однако, близостью императорского лагеря и перешел к Валенту под видом пленного, как будто он совершенно неожиданно увидел себя окруженным кольцом нападавших. {*374* }

7. Приободрившись благодаря этой удаче, Валент двинулся во Фракию. Когда при Наколии дело дошло до сражения, вождь мятежников Агилон предал свою партию в сомнительный момент и внезапно перешел к врагам; за ним последовало множество других, которые размахивали уже копьями и потрясали мечи, готовые вступить в бой. С распущенными знаменами и повернутыми в обратную сторону щитами, чтó является самым ясным признаком измены, перешли они на сторону императора.

8. Это совершенно неожиданное для Прокопия зрелище уничтожило все его надежды на спасение. Он бежал и пытался скрыться в окрестных лесах и горах. Спутниками его были Флоренций и трибун Бархальба. Этот последний, стяжавший себе известность в самых жестоких сечах со времен Констанция, был вовлечен в преступление не по своей охоте, а в силу необходимости. 9. Прошла уже бóльшая часть ночи; луна, блиставшая на небе с вечернего своего восхода, увеличивала ужас положения, и Прокопий, не видя возможности куда-либо уйти, в полной беспомощности, как это обыкновенно бывает в тяжкой нужде, взывал к своей горестной и жестокой судьбе. Когда он был погружен в тяжкие думы, спутники внезапно схватили и связали его, а с наступлением дня отвели в лагерь императора. Молча и в оцепенении предстал он перед ним. Ему тотчас отсекли голову и тем самым похоронили возникшую было тревогу междоусобной войны. Так было с Перперной, который, после того как Серторий был убит на пиру, овладел было на короткое время верховной властью; его вытащили из кустов, где он скрывался, привели к Помпею, и тот приказал его казнить. [853]10. В порыве возбуждения казнены были тотчас, без рассмотрения дела, Флоренций и Бархальба, которые его привели. Если бы они предали законного государя, то сама

852 **852.** Прим. ред.: Вероятно, имеется в виду Эроп, правнук македонского царя Пердикки II (2-я половина 5 в. до н. э.), предок Александра Македонского.

853 **853.** Прим. ред.: См. Плутарх, Серторий 26.

богиня справедливости признала бы заслуженной их казнь. Поскольку же то был мятежник и нарушитель общественного спокойствия, как рассматривали Прокопия, то надлежало самым щедрым образом вознаградить их за их славное дело.

11. Умер Прокопий, прожив на свете 40 лет и 10 месяцев. Внешне он был человек представительный, выше среднего роста, сутуловатый и ходил, всегда опуская взор долу. Его скрытность и замкнутость делали его похожим на знаменитого Красса, о котором Луцилий и Цицерон свидетельствуют, что он только один раз в жизни смеялся.[854]. Достойно удивления в Прокопии то, что за всю свою жизнь он не обагрил себя кровью.

10.

1. Почти одновременно с этим протектор Марцелл, родственник Прокопия, державший оборону Никеи, получив известие об измене {*375* } солдат и гибели Прокопия, в полночь напал на заключенного во дворце Серениана и убил его. Смерть его была многим во спасение. 2. Если бы пережил победу этот грубый человек, горевший жаждой вредить другим, угодный Валенту, как благодаря существовавшему между ними сходству в характере, так и землячеству, он бы сумел погубить многих невиновных людей, угадывая тайные желания государя, который был вообще склонен к жестокости.

3. Совершив это убийство, Марцелл поспешил овладеть Халкедоном, будучи поддержан немногими теми, кого увлекали на путь преступления собственное ничтожество и отчаяние, он ухватился за тень жалкого принципата, обнадеженный двумя обстоятельствами, в равной мере обманчивыми. Во-первых, он предполагал, что ему удастся за небольшую плату привлечь на свою сторону три тысячи готов, посланных на помощь Прокопию царями, которых тот привлек на свою сторону указанием на родство с домом Константина, и во-вторых, что оставалось еще неизвестным случившееся в Иллирике.

4. При этих тревожных обстоятельствах Эквиций, осведомленный надежными разведками о том, что вся тяжесть войны перенеслась в Азию, прошел через проход при Сукках и пытался, опираясь на большие силы, открыть себе доступ в Филиппополь, древнюю Эвмольпиаду, где заперся вражеский гарнизон. Этот город являлся важным стратегическим пунктом. В случае, если бы Эквиций решился идти на помощь Валенту и двинулся в Гемимонт, оставив его позади себя, – он еще не знал о том, что произошло в Наколии, – то этот город мог бы представить весьма существенные для него затруднения. 5. Но он вскоре узнал о ничтожных потугах Марцелла и отправил смелых и решительных людей, которые его схватили и заключили в тюрьму, как преступного раба. Через несколько дней его вывели оттуда, подвергли жестоким пыткам и казнили. Такой же участи подверглось и несколько его соучастников. Одна лишь заслуга была за Марцеллом, а именно то, что он устранил Серениана, который был жесток, как Фаларид, [855]и склонен к тайным учениям (колдовству),

854 **854.** Прим. ред.: См. Cic. de fin. 5, 30, 92; Tisc. disp. 3, 15, 31. Луцилий – римский сатирический поэт (180–102 гг. до н. э.). Красс – Луций Лицииий Красс (140–91 гг. до н. э.). выдающийся оратор, учитель Цицерона.

855 **855.** Прим. ред.: Фаларид – тиран Акраганта (6 в. до н. э.), прославившийся своей

которые он применял по ничтожным поводам [856]

6. Гибелью вождя были предупреждены ужасы войны. Но тут началось свирепое преследование причастных к делу, и в отношении многих гораздо более жестокое, чем того требовали их заблуждения или проступки. Особенная жестокость применена была к защитникам Филиппополя, которые тогда лишь, и то после продолжительного {*376* } сопротивления, сдались сами и сдали город, когда увидели голову Прокопия, которая была отправлена в Галлию. 7. Из уважения к заступникам некоторые были наказаны слабее. Это особенно проявилось в отношении Араксия, который в самый разгар бунта достиг происками префектуры. Благодаря заступничеству зятя своего Агилона, он был наказан лишь ссылкой на остров, откуда однако вскоре бежал. 8. Евфрасий и Фронемий отправлены были на Запад, и их судьба предоставлена решению Валентиниана. Евфрасий был освобожден, а Фронемий сослан в Херсонес. Это неодинаковое отношение к людям при одинаковости их вины имело причиной то, что Фронемий пользовался расположением покойного императора Юлиана: его достопамятные доблести принижали братья-императоры, не будучи сами ни равны ему, ни даже похожи на него.

9. Сюда прибавились и другие последствия, более тяжкие и более страшные, чем ужасы войны. Палач, орудия пыток, кровавые допросы начали свое шествие, не различая ни возраста, ни сана. Среди людей всякого положения и всех слоев общества под предлогом установления мира правился ужасный суд, и все проклинали несчастную победу, более тяжкую, чем любая истребительная война. 10. В боевом строю, при звуке труб, равенство положения делает легче опасности, и воодушевление воинской храбрости или достигает поставленной цели, или же венчается внезапной смертью, которая, если и случится, то не будет заключать в себе ничего позорящего и приносит вместе с собой конец жизни и страдания. А где право и закон являются лишь маской для преступных целей и заседают судьи, прикрывающиеся видимостью Кассиевых и Катоновых приговоров, [857]а всякое дело, которое ведется, направляется сообразно желаниям высокомерного властителя и вопрос о жизни и смерти подсудимых решается по его прихоти, – там более тяжко угнетает смертельная опасность и чувствуется она сильнее. 11. Кто бы ни явился в ту пору во дворец с желанием награбить чужого добра, хотя бы он обвинял заведомо невиновного, принимался, как верный друг, которого и надлежало обогатить за счет чужого несчастия. 12. Император, более склонный причинять вред и охотно внимавший всяким обвинениям, принимал преступные доносы, и различного рода казни доставляли ему дикую радость. Неведомо ему было изречение Цицерона, что несчастны те люди, которые считают для себя все дозволенным. 13. Эта непримиримость в деле, которое само по себе было правым, но победа в котором была постыдна, передала многих невиновных в руки мучителей, и

жестокостью. Выражение «бык Фаларида», связанное с бронзовым быком, в котором он по преданию сжигал заживо своих врагов, стало нарицательным.

856 **856.** Текст здесь испорчен и смысл не вполне ясен. Ср. 14, 7, 7 о приверженности Серениана к колдовству.

857 **857.** Прим. ред.: Т. е. беспристрастных и справедливых.

они или склоняли головы на пытке, или умирали под ударом секиры свирепого палача. Если бы природа это допускала, то им было предпочтительнее хоть десять раз умереть в битве, чем, не будучи ни в чем виновными, с истерзанными боками, при всеобщем крике {*377* } ужаса, подвергнуться казни как будто за преступление оскорбления величества, а перед казнью подвергаться телесному истязанию, что страшнее самой смерти. 14. Когда же свирепость, побежденная причиненными ею страданиями, уже перекипела, пошли на высокопоставленных людей проскрипции, изгнания и другие кары, которые некоторые считают более легкими, хотя и они тяжки; и чтобы обогатить этого, тот другой, знатный родом и, быть может, более заслуженный, лишался обладания своим имуществом, подвергался изгнанию, обрекался на гибель или жил подаянием. И не было никакого предела этим ужасным бедствиям, пока сам император и его близкие не пресытились деньгами и кровью.

15. Еще при жизни того мятежника, дела которого и смерть я описал, 21 июля в год первого консульства Валентиниана с братом, начались вдруг по всему лицу земному ужасающие явления природы, которых не найти ни в сказаниях, ни в достоверных летописях древности. 16. Вскоре после рассвета раздались страшные, непрерывно следовавшие друг за другом удары грома и затем вся земля стала колебаться, море заволновалось, отступило от берегов, так что в открывшихся глубинах видны были увязшие в иле различные морские животные; тогда огромные долины и горы, вечно сокрытые в страшной глубине, впервые, вероятно, увидели лучи солнца.

17. Множество кораблей оказались как бы на сухом грунте, и люди свободно бродили по оставшимся лужам, собирая руками рыб и других морских животных. В то же время морские волны, как бы в гневе за свое удаление, опять поднялись и со страшной силой разлились через мелкие места по островам, затопили большие пространства континента и сравняли с землей множество зданий в городах и других местах. Все лицо земли было охвачено разразившейся борьбой стихий и повсюду наблюдались чудесные явления. 18. Страшный водоворот вызвало возвращение водной массы к берегам, и когда успокоилось волнение, оказалось, что погибло много кораблей, и тела погибших в кораблекрушениях людей лежали навзничь и ничком.

19. Огромные корабли были подняты напором воды и оказались на вершине зданий, как случилось это в Александрии; некоторые были заброшены за две мили от берега, – так было близ города Мотоны в Лаконике, где я сам видел, когда проходил в тех местах сгнивший и развалившийся корабль. {*378* }

КНИГА XXVII

(годы 367–368)

1. Аламанны, победив в бою римлян, убивают при этом комитов Хариеттона и Севериана.

2. Иовин, магистр конницы в Галлии, уничтожает две шайки аламаннов, напав на них врасплох; третий отряд варваров он разбивает в

битве при Каталаунах, уничтожив при этом шесть тысяч врагов и изранив четыре.

3. О трех префектах города Рима: Симмахе, Лампадии и Вивенции. Споры о римском епископате Дамаса и Урсина, бывшие при Вивенции.

4. Описание народов и шести провинций Фракии и знаменитых городов в каждой.

5. Август Валент предпринимает военные действия против готов, которые послали против него вспомогательный отряд Прокопию. Три года спустя он заключает с ними мир.

6. С согласия войска, Валентиниан нарекает Августом сына своего Грациана; облачив отрока в пурпур, он советует ему действовать мужественно и рекомендует его солдатам.

7. Раздражительность, суровость и свирепость Августа Валентиниана.

8. Пикты, аттакотты и скотты, убив дукса и комита, безнаказанно опустошают Британию; комит Феодосий разбил их и отнял у них добычу.

9. Племена мавров грабят Африку. Валент сдерживает разбои исавров. О городской префектуре Претекстата.

10. Август Валентиниан переходит Рейн и наносит поражение аламаннам, отступившим на крутые горы, в битве, сопровождавшейся потерями с обеих сторон; аламанны бежали.

11. О благородстве Проба, его средствах, добрых качествах и нравах.

12. Римляне и персы воюют из-за Армении и Иверии. {*379* }

1.

1. Пока описанные нами события протекали своим чередом в восточных пределах империи, аламанны, после тяжелых поражений и потерь, понесенных в многократных столкновениях с Юлианом, когда он был еще Цезарем, воспрянули, наконец, силами, хотя и далеки были от прежней своей мощи; по мотивам, изложенным выше [858]они стали переходить уже границы Галлии, наводя повсюду ужас. Тотчас после январских календ, когда над скованной холодом землей свирепствовала жестокая зимняя стужа, выступившие отдельными отрядами шайки стали свободно разгуливать по стране. 2. Навстречу первой партии их выступил состоявший тогда комитом обеих Германий Хариеттон во главе отборного войска. В участники боевых трудов он взял Севериана, состоявшего также в ранге комита, человека немощного и весьма пожилого, который командовал дивитенсами и тунгриканами в Кабиллоне [859]3. Соединив силы в один отряд и быстро наведя мост через небольшую речку, римляне издали увидели варваров и стали осыпать их стрелами и другими легкими снарядами, на что те со своей стороны решительно и упорно отвечали тем же. Когда же обе стороны сошлись ближе и, обнажив мечи, вступили в бой лицом к лицу, наш строй не выдержал сильного натиска варваров и не был в состоянии ни дать отпора, ни храбро вступить в бой; когда наши увидали, что Севериан упал с коня, пораженный стрелой в лицо, то, охваченные страхом, бросились в бегство. 5. Хариеттон смело задерживал отступавших собственной грудью и громкой бранью и, упорно оставаясь

858 **858.** 26, 5, 7.

859 **859.** Шалон на Соне.

на месте, старался избавиться от позора; но, наконец, он пал, насмерть сраженный стрелой. После его гибели взято было знамя эрулов и батавов; с торжеством и издевательством не раз высоко поднимали его вверх варвары, и только после продолжительного боя оно было отбито. {*380* }

2.

1. Весть об этом поражении была воспринята с глубокой скорбью, и Дагалайфу приказано было из Паризиев исправить дело. Долго он медлил, выставляя в свое оправдание невозможность напасть на варваров, рассеявшихся по разным местам; а когда вскоре затем он был отозван, чтобы принять консульские отличия вместе с Грацианом, тогда еще не имевшим никакого ранга, дело перешло к магистру конницы Иовину. Снарядившись и приготовившись, охраняя с большой бдительностью оба свои фланга, он дошел до места, называвшегося Скарпонна [860]Там он напал неожиданно на огромную шайку варваров, прежде чем она успела вооружиться, и за короткое время уничтожил ее до последнего человека. 2. Затем он повел своих солдат, гордившихся славой этого не стоившего им никаких потерь боя, для истребления другой шайки. Осторожно продвигаясь вперед, этот прекрасный командир узнал в надежных разведках, что разбойничий отряд, разграбив лежавшие поблизости виллы, расположился на отдых у реки. Приблизившись и будучи скрыт в густо заросшей лесом долине, он видел, что одни купались, другие красили по обычаю в рыжий цвет свои волосы, некоторые пьянствовали. 3. Выждав удобный момент и внезапно дав сигнал звуком труб, он ворвался в разбойничий лагерь. Германцы лишь нагло выкрикивали пустые угрозы и поднимали шум, но напиравший победитель не давал им ни взять в руки разбросанное оружие, ни выстроить боевую линию, ни воспрянуть силой. Пронзенные копьями, изрубленные мечами, пали почти все, за исключением тех, которые бежали и укрылись по извилистым и тесным тропинкам.

4. После этого блестящего дела, которое свершили доблесть и удача, Иовин с возросшей смелостью повел своих солдат против третьей оставшейся еще шайки, предприняв предварительно тщательные разведки. Он быстро двинулся вперед форсированным маршем и настиг ее всю близ Каталаунов [861]в полной готовности к бою. 5. Разбив лагерь на удобном месте, накормив своих людей и подкрепив их, сколько позволяло время, сном, он выстроил на рассвете боевую линию с большим искусством на открытой равнине, растянув ее так, что римляне, уступавшие числом, хотя и равные силами, заняв более широкое пространство, казались равными по численности с врагом. 6. Раздался трубный сигнал, и когда враги встретились лицом к лицу, германцы остались на месте, устрашенные непривычным видом блестящих боевых значков. Сначала {*381* } они дрогнули, но затем тотчас оправились, и бой затянулся до конца дня. Мощно напирали наши войска и могли бы без затруднений пожать уже плоды своей храбрости, если бы трибун арматур Бальхобавд, велеречивый и пустой человек, когда близился вечер, не

860 **860.** Шарпень на Мозеле.

861 **861.** Шалон на Марне.

отступил в беспорядке. Если бы остальные когорты отступили вслед за ним, то дело могло бы принять такой плохой оборот, что из наших не уцелел бы никто, чтобы принести весть о случившемся. 7. Но возбуждение наших солдат было столь велико, и они бились с таким ожесточением, что у неприятеля, при четырех тысячах раненых, оказалось шесть тысяч убитых, а с нашей стороны полегло тысяча двести и раненых было только двести.

8. Наступление ночи прекратило битву. Дав отдых людям, доблестный вождь на рассвете вывел войска в квадратном построении, и когда убедился, что варвары отступили под покровом ночной темноты, не опасаясь более никаких засад, повел свои войска по открытой местности, попирая ногами полуживых и окоченевших врагов, раны которых стянул жестокий холод и боль делала смертельными.

9. Так как при дальнейшем продвижении вперед он не встретил более ни одного врага, то повернул назад и тут получил весть о том, что аскарии [862]которых он отправил по другой дороге с приказанием разграбить палатки аламаннов, захватили царя вражеских отрядов с незначительной свитой и повесили его. Рассердившись на трибуна, позволившего себе такое распоряжение, не спросив у высшего начальства, он хотел его наказать и готов был осудить его на смерть, если бы не выяснилось совершенно очевидно, что это жестокое дело совершено было в порыве воинского задора.

10. Когда Иовин после славных своих подвигов возвратился в Паризии, его радостно встретил император, назначивший его позднее консулом. Радость государя была тем сильнее, что в те же самые дни он получил голову Прокопия, пересланную ему Валентом. Много было еще и других стычек в разных местностях Галлии, кроме тех, что описаны выше. Рассказывать о них было бы излишне, так как они не имели большого значения и не подобает растягивать историческое повествование изложением неважных мелочей.

3.

1. В это время или немного раньше случились знамения в Аннонарной Тусции[863]и знатоки в деле предзнаменований совер-{*382* }шенно не могли дать истолкование их смыслу. А именно: в Пистории[864]около 3-го часа на глазах у многих осел взошел на трибунал и усиленно ревел. Смутились все, кто тут был и кто слышал об этом от других; никто не сумел разгадать знамения, и только позднее выяснилось значение этого предзнаменования. 2. Этой провинцией управлял в звании корректора Теренций. То был человек низкого происхождения, родом из Рима, принадлежавший к корпорации хлебников, который был так награжден за то, что донес на бывшего префекта Орфита, обвинив его в растрате. С той же дерзостью он и потом отваживался на разные дела, но

862 **862.** Отряд этого наименования помянут в Notitia dignitatum среди auxilla Palatina.

863 **863.** Провинция Этрурия (Tuscia) была разделена на две части по реке Арно (Arnus); южная называлась suburbicaria, северная – annonaria. Эта последняя вошла ок. 400 г. в пределы провинции Эмилии.

864 **864.** Пистоя.

был уличен в мошенничестве по делу навикулариев [865]и, как говорят, погиб от руки палача, когда в Риме был префектом Клавдий[866]

3. Но много раньше, чем это случилось, Апрониана сменил Симмах [867]человек совершенно исключительной учености и высоких качеств. [868]Благодаря ему священный город процветал в спокойствии и изобилии в гораздо большей степени, чем обыкновенно. Он украсил город великолепным и весьма прочным мостом, который сам соорудил и открыл при великом ликовании сограждан, оказавшихся однако неблагодарными, как открыла это сама очевидность. 4. Через несколько лет они сожгли его великолепный дом в затибрском квартале, и побудило их к этому то, что какой-то ничтожный плебей [869]придумал, будто тот сказал без свидетелей, что охотнее сам своим собственным вином потушит известковые печи, чем продаст известь по той цене, по которой у него ее надеялись купить.

5. После него прибыл управлять городом Лампадий, бывший префект претория. Этот человек приходил в страшное негодование, если не слышал себе похвал, даже когда он плевал, словно и это он делал как-то особенно умно, не так, как другие. Подчас однако он проявлял серьезность и честность. 6. Когда в сане претора он давал великолепные игры и делал весьма щедрые подарки, то, тяготясь настойчивыми требованиями черни, которая вынуждала нередко раздавать большие подачки не заслуживавшим того людям, он одарил большими богатствами нескольких нищих, созванных с Ватикана, чтобы показать себя щедрым, но презирающим толпу. {*383* }

7. Достаточно будет, чтобы не распространяться больше об этом, привести один пример его тщеславия, хотя и мелкий, но достойный упоминания. По всем частям города на сооружениях, воздвигнутых различными государями, он писал свое имя, не как восстановивший, но как созидатель. Говорят, что подобным недостатком страдал император Траян, за что его прозвали травой, обрастающей стены.

8. Измучили этого префекта частые бунты и особенно один, когда толпа черни подожгла было его дом поблизости от бань Константина, [870]бросая в него факелы и маллеолы. Но быстро сбежавшиеся соседи и друзья разогнали толпу камнями и черепицей с крыш соседних зданий. 9.

865 **865.** Хлебное дело города Рима обслуживал целый ряд компаний и артелей, которые имели корпоративное устройство и с течением времени из свободных обществ превратились в принудительные союзы приписанных к данному делу семейств. Позволю себе сослаться на мое исследование: «Коллегии в древнем Риме» (Киев, 1882), где собраны свидетельства обо всех городских корпорациях, имевших отношение к экономической жизни Рима, стр. 61–80.

866 **866.** В 374 году.

867 **867.** 362–364 годы.

868 **868.** Прим. ред.: Отец знаменитого Симмаха, префекта Рима 384–385 гг., консула 391 г., одного из «последних римлян», язычника, боровшегося за восстановление статуи и алтаря Победы в римском сенате.

869 **869.** Прим. ред.: Плебей в смысле человека низкого происхождения. Собственно разделения общества на патрициев и плебеев в 4 в. уже не существовало.

870 **870.** Прим. ред.: Сооружены на Квиринале в 315 г. по приказу имп. Константина.

В страхе перед этим насилием, он удалился еще в самом начале бунта к Мульвийскому мосту (который, как рассказывают, был сооружен Скавром-старшим[871]) и выжидал там, чтобы стихло это движение, вызванное серьезными причинами. 10. Приступая к сооружению новых зданий или ремонту некоторых старых, он добывал материалы не из обычных источников, а поступал так: если нужно было железо, свинец, медь или что-нибудь подобное, то он посылал своих прислужников, которые под видом покупки отбирали всякие материалы, не внося никакой платы; не мог он поэтому избежать гнева раздраженных бедняков, обиженных частыми убытками.

11. Преемником ему явился бывший квестор двора [872]Вивенций, честный и разумный паннонец. Он управлял спокойно и мирно, и все продукты имелись в изобилии. Но и его напугали кровавые бунты народа, вызванные следующим обстоятельством. Дамас и Урсин горели жаждой захватить епископское место. Партии разделились, и борьба доходила до кровопролитных схваток и смертного боя между приверженцами того и другого. Не имея возможности ни исправить их, ни смягчить, Вивенций был вынужден удалиться за город. 13. В этом состязании победил Дамас благодаря усилиям стоявшей за него партии. В базилике Сицинина [873]где совершаются отправления христианского культа, однажды найдено было 137 трупов убитых людей, и долго пребывавшая в озверении чернь лишь исподволь и мало-помалу успокоилась.

14. Наблюдая роскошные условия жизни Рима, я готов признать, что стремящиеся к этому сану люди должны добиваться своей цели со всем возможным напряжением своих легких. По достижении этого сана им предстоит благополучие обогащаться добровольными приношениями матрон, разъезжать в великолепных {*384* } одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их блюда превосходят царский стол. 15. Они могли бы быть поистине блаженными, если бы, презрев величие города, которым они прикрывают свои пороки, они стали бы жить по примеру некоторых провинциальных пастырей, которые, довольствуясь простой пищей и проявляя умеренность в питье, облекаясь в самые простые одежды и опуская взоры свои долу, заявляют себя перед вечным Богом истинными его служителями, как люди чистые и скромные. Довольно будет этого отступления, а теперь возвратимся к последовательному изложению событий.

4.

1. Пока описанные события происходили в Галлии и Италии, во Фракии разгорелись новые войны. Валент, следуя плану, одобренному его братом, по указке которого он правил, поднял оружие на готов. Он имел к тому совершенно справедливый повод, а именно то, что те послали помощь Прокопию, когда он затевал междоусобную войну. Здесь будет уместно в кратком отступлении рассказать о судьбе и географическом

871 **871.** Прим. ред.: Этот мост был построен к 220 г. до н. э.; перестроен в цензорство Марка Эмилия Севера в 109 г. до н. э.

872 **872.** Гардтгаузен читает quaesitor, но о такой должности ничего не известно.

873 **873.** Церковь S. Maria Maggiore в Риме.

положении тех стран.

2. Описание Фракии было бы легким делом, если бы древние свидетельства были между собою согласны. Но так как неясность, возникающая из-за разноречивости их показаний, не подходит по характеру для труда, девиз которого – истина, то достаточно будет рассказать то, что я знаю по непосредственному своему знакомству. 3. Непреходящий авторитет Гомера учит нас, что эти земли представляли собой некогда равнины огромной протяженности и высокие горные хребты. Он говорит, что оттуда дуют Аквилон и Зефир [874]Это или сказка, или же название Фракии давали всему тому широкому пространству, которое заселено различными дикими народами. 4. Часть его заселяли скордиски, которые в настоящее время обитают далеко от провинций Фракии, племя некогда суровое и дикое, как свидетельствует древняя история; они приносили пленных в жертву Беллоне и Марсу, с жадностью пили человеческую кровь из обработанных человеческих черепов. Римское государство часто терпело ущерб от их дикости, вступало с ними во многие жестокие битвы и под конец потеряло в войне с ними целую армию вместе с командиром.

5. А в теперешнем своем виде эти земли представляют собой рогатый полумесяц наподобие изящно закругленного театра. На западной оконечности среди крутых гор открываются теснины Сук-{*385* }ков, которые образуют границу между фракийскими провинциями и Дакией. 6. Левую сторону, обращенную к северным созвездиям, закрывают возвышенности Гемимонта [875]и Истр, который на римском берегу течет мимо множества городов, крепостей и укреплений. 7. На правой, т. е. южной, стороне тянутся скалистые горы Родопского хребта, а со стороны, откуда появляется заря, границу образует пролив; последний протекает с бóльшей массой воды из Евксинского Понта и на дальнейшем своем протяжении встречается с волнами Эгейского моря, где и образуется узкая полоса земли [876]8. В восточном углу Фракия соприкасается с границами Македонии через узкие и крутые проходы, которые носят имя Акontисма [877]Ближайшая отсюда станция государственной почты – Аретуза, где показывают гроб Еврипида, прославившегося своими величественными трагедиями, и Стагира, где, как известно, родился Аристотель, который, по выражению Цицерона [878]излил из себя золотую реку. 9. И эти земли в древние времена населяли варвары, различавшиеся между собой по языку и по обычаям. Из них более всех по сравнению с другими памятны одрисы, как чрезвычайно дикое племя. Пролитие человеческой крови до такой степени вошло у них в обычай, что за недостатком неприятеля, они на пирах, насытившись и напившись, сами втыкали оружие в свои тела, будто чужие.

10. С возрастанием силы римского государства, еще при консулах,

874 **874.** Hom II. 9, 5.

875 **875.** Балканские горы.

876 **876.** Фракийский Херсонес.

877 **877.** Ср. 26, 7, 12.

878 **878.** Cic. Acad. II 38, 119.

Марк Дидий одолел после упорного сопротивления эти племена, которые оставались до тех пор неукрощенными и бродили в диком состоянии, не зная никаких законов; Друз заставил их ограничиваться пределами своей земли, Минуций разбил их в битве у реки Гебра, которая стекает с крутых гор одрисов, а затем остатки их были истреблены проконсулом Аппием Клавдием. Римский флот захватил города, расположенные на Босфоре и Пропонтиде. 11. После этого явился туда полководец Лукулл. [879]Он первый сразился с диким племенем бессов и в том же самом походе раздавил гемимонтанов, несмотря на их жестокое сопротивление. Под его угрозами вся Фракия перешла во власть наших предков, и таким образом после опасных походов приобретены были шесть провинций.

12. Первая из них, передняя, которая граничит с Иллириком, называется Фракией в собственном смысле слова. Ее украшают большие города Филиппополь, именовавшийся в древности Евмольпиалой, и Берёя. Далее – Гемимонт с большими городами Адриа-{*386* }нополем, который раньше назывался Ускудама, и Анхиалом. Затем – Мезия, где лежит Маркианополь, названный так от имени сестры императора Траяна, Доростор [880]Никополь и Одисс [881]Рядом с ней лежит Скифия, более известные города которой – Дионисополь, Томы [882]и Калатис. Крайняя провинция – Европа, в которой помимо небольших городов находятся известные два – Апры и Перинф, впоследствии названный Гераклеей. 13. Примыкающая к этой провинции Родопа имеет города Максимианополь, Маронею и Энос. Последний город был основан Энеем, который, оставив его, после долгих странствий, под непрестанным воздействием благих предзнаменований, поселился в Италии.

14. Известно, как о том идет всегдашняя молва, что почти все поселяне, которые живут на горных возвышенностях в вышеназванных областях, превосходят нас большей крепостью тела и как бы правом на более продолжительную жизнь. Полагают, что это связано с тем, что они воздерживаются от смеси кушаний... (и) горячей пищи, а также от того, что постоянно свежая роса действует стягивающим образом на их тело холодными брызгами, и они наслаждаются сладостью более чистого воздуха, а затем, – что они первые среди всех чувствуют на себе животворящие по самой своей природе лучи солнца, прежде чем они наполняются земными элементами и оскверняются. После этого объяснения обращаюсь к начатому повествованию.

5.

1. Когда Прокопий был побежден во Фригии и внутренние раздоры прекратились, магистр конницы Виктор был отправлен к готам, чтобы определенно установить, на каком основании народ, дружественный римлянам и связанный договором прочного мира, оказал поддержку

879 **879.** Прим. ред.: Описываются события, происходившие при покорении Фракии в 118–70 гг. до н. э.

880 **880.** Силистрия.

881 **881.** Варна.

882 **882.** Кюстендже.

человеку, начавшему войну против законных государей. В качестве полного оправдания своего образа действий готы представили письмо самого Прокопия, который заявлял, что он принял верховную власть, принадлежащую ему как близкому члену Константинова рода. В этом документе они признавали заслуживающее снисхождения оправдание своей ошибки.

2. Узнав об этом из доклада того же Виктора, Валент не придал никакого значения этому пустому оправданию и двинул против них войска. Готы получили о том заблаговременно сообщение. Стянув все силы в одно место в начале весны, Валент расположился {*387* } лагерем близ укрепления, называемого Дафна, и, наведя мост на палубах кораблей, переправился через реку Истр, не встретив никакого сопротивления. 3. Его самоуверенность выросла еще больше, когда он, предпринимая походы в разных направлениях, не встретил никого, кого бы мог победить или устрашить. А готы, в страхе пред приближением огромной армии, направились в горы серов, крутые и доступные для прохода только людям, хорошо знакомым с местностью. 4. Во избежание того, чтобы пришлось, потеряв все лето, вернуться назад безо всякого военного успеха, он выслал вперед Аринфея, магистра пехоты, с летучими отрядами, и тот захватил часть готских семейств, пока те, не успев еще достигнуть пересеченных горных местностей, скитались по равнине, где и могли быть взяты в плен. Только достигнув этого случайного успеха, он и вернулся невредимым со своими войсками, не нанеся чувствительных потерь противнику и сам не пострадав от него.

5. С таким же рвением сделал он попытку проникнуть на вражескую территорию и в следующем году. Но, встретив препятствие в виде более широкого разлива Дуная, оставался на одном месте до глубокой осени в постоянном лагере, который разбил близ одного селения карпов. Так как вследствие сильнейшего разлива вод нельзя было ничего предпринять, он вернулся оттуда в Маркианополь на зимние квартиры.

6. Проявляя ту же настойчивость и на третий год, Валент воздвиг у Новиодуна [883]мост на судах для переправы через реку, прорвался в землю варваров и после продолжительного похода напал на воинственное племя гревтунгов [884]обитавшее в отдаленных местах. После нескольких небольших стычек он встретился с самым могущественным в ту пору царем Атанарихом, который отважился оказать ему сопротивление с очень сильным, как ему казалось, войском. Атанарих был, однако, вынужден бежать, едва спасшись от гибели, а сам Валент со всеми своими вернулся в Маркианополь, как подходящий в тех местах пункт для зимовок.

7. После различных случайностей этого трехлетия были основания для окончания войны. Первое – то, что продолжительное пребывание императора на вражеской территории нагнало страх на варваров, второе – что запрет всяких торговых отношений ввергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом. И вот они несколько раз отправляли

883 **883.** Близ п. Исакчи на правом берегу нижнего Дуная.

884 **884.** Можно сомневаться в правильности этого сообщения автора. Вряд ли Валент доходил до областей, заселенных остготами, тем более, что, упомянув о гревтунгах, Аммиан говорит далее о войне с Атанарихом, царем тервингов, т. е. вестготов. См. ниже 31, 3.

послов с просьбой о прощении и {*388* } даровании им мира. 8. Император, человек недалекий, но вообще весьма трезво оценивавший положение дел, пока его не развратили льстецы, и он не истерзал государство достойными вечных слез убийствами, подверг этот вопрос тщательному обсуждению и решил, что следует дать готам мир.

9. И вот с нашей стороны были посланы к ним Виктор и Аринфей, состоявшие тогда магистрами пехоты и конницы. Когда они подтвердили в своих донесениях, что готы согласились на предложенные условия, выбрано было подходящее место для заключения мира. И так как Атанарих заверял, что он связан страшной клятвой и заветом отца своего никогда не ступать на римскую землю и нельзя было его заставить, а императору было непочетно переходить к нему, то решено было, что они встретятся на гребных судах на середине реки. Император с оруженосцами с одной стороны и Атанарих со своими людьми с другой встретились для заключения мира, согласно условиям. 10. Устроив это дело и получив заложников, Валент возвратился в Константинополь. Впоследствии Атанарих был изгнан из родной земли вследствие заговора близких ему людей, бежал в Константинополь, где и скончался. С подобающим великолепием его погребение было совершено по нашему обряду[885]

6.

1. Между тем Валентиниан страдал от тяжелой болезни и был при смерти. На частной пирушке галлы, состоявшие при особе императора, намечали кандидатом Рустика Юлиана, состоявшего тогда магистром императорской канцелярии рескриптов. То был человек, со звериным инстинктом жаждавший человеческой крови, что он доказал, когда в звании проконсула управлял Африкой. 2. Отправляя должность городского префекта, в которой он и окончил свою жизнь, чувствуя себя неуверенно из-за тревожных обстоятельств и опасаясь тирана [886]по воле которого он поднялся на такой высокий пост якобы из-за недостатка достойных людей, он вынужден был казаться мягким и кротким.

3. По сравнению с этой партией другие ратовали с большим рвением за Севера, бывшего в ту пору магистром пехоты, признавая в нем подходящие для императорского сана качества. Хотя он был суров и внушал страх, но во всяком случае был терпимее и предпочтительнее названного выше. {*389* }

4. Но эти планы оказались напрасными: благодаря применению различных лечебных средств император выздоровел и, едва оправившись от смертельной опасности, решил предоставить отличия императорской власти сыну своему Грациану, приближавшемуся уже к совершеннолетию. 5. Приняв все предварительные меры и побеспокоившись о том, чтобы солдаты приняли это с готовностью, Валентиниан по прибытии Грациана выступил на военное поле, взошел на трибунал и, окруженный блестящим кольцом высших сановников, вывел сына за руку на середину собрания и рекомендовал войску

885 **885.** т. е. языческому.

886 **886.** Имеется в виду время правления Максима после смерти Грациана.

предназначенного в императоры такой речью.

6. «Живым свидетельством вашего ко мне расположения является то, что я ношу это облачение императорского сана, которого я был удостоен, будучи предпочтен по сравнению со многими славными мужами. При вашем участии в моих решениях, при совместности наших обетов, собираюсь я своевременно совершить долг моей любви к отечеству, и в успехе дает ручательство само божество, всегдашней помощью которого будет вовеки стоять несокрушимо римская держава. 7. Итак, примите благосклонно, храбрые мужи, прошу вас, наше желание и знайте, что задуманное мной дело, которое освящает закон любви, хочу я не только совершить с вашего ведома, но желаю также, чтобы оно было одобрено и утверждено, как соответствующее нашим интересам и обещающее быть полезным в будущем.

8. Этого моего вступающего уже в годы юности сына Грациана, который долго жил среди ваших детей, которого вы любите, как наш общий залог, я собираюсь принять в соучастники верховной власти в интересах утверждения общественного спокойствия, если милосердное соизволение Бога небесного и ваше властное право поддержат то, что мне подсказывает чувство отцовской любви. Не в суровой обстановке с пеленок, как мы, он вырос; не свыкся он еще с перенесением бранных трудов; еще не по силам ему, как вы видите, дело Марса. Но он достоин славы своей семьи и славных дел его предков и – говорю это, опасаясь зависти – он совершит и большее, как нередко представляется это мне, когда я даю про себя оценку его характеру и наклонностям, пока не вполне еще сложившимся. 9. В ранней юности, как человек, прошедший курс образовательных наук, будет он чистым суждением взвешивать качество правых и неправых дел. Он будет поступать так, что разумные узнают, что он их понимает; он вознесется до славных подвигов, прирастая к боевым знаменам и орлам; он будет выносить палящий зной, снега, ночной холод, жажду, бессонные ночи; если вынудит необходимость, он будет защищать лагерь от неприятеля, жизнь свою положит за товарищей по опасности и – что является первым и высшим долгом па-{*390* }триотизма – будет уметь любить отечество, как свой отчий и дедовский дом».

10. Валентиниан еще не успел окончить свою речь, как солдаты, выслушав его слова с радостным согласием, спеша каждый со своего места один перед другим признать пользу дела и выразить свою радость, объявили Грациана Августом, примешивая сочувственный стук оружия к торжественному звуку труб. 11. Увидев это, Валентиниан преисполнился радостью, надел на сына корону и облачение высочайшего сана, поцеловал его и, обращаясь к нему, стоявшему во всем блеске своего сана и внимательно ловившему каждое слово, сказал такую речь: 12. «Вот, Грациан, ты теперь в императорском облачении, о чем мы все мечтали; оно поднесено тебе общим решением наших боевых товарищей при счастливых предзнаменованиях. Принимайся за дело, сознавая трудность положения, как товарищ твоего отца и дяди, и привыкай проникать с войсками за Истр и Рейн, проходимые по льду, стоять рядом с твоими оруженосцами, с разумом отдавать свою жизнь за тех, кем ты правишь, не считать чуждым для себя ничего, что касается блага римской державы. 13. В этот час довольно будет и этого наставления, и в своих советах я не откажу тебе в дальнейшем. А теперь прошу и заклинаю вас, защитники государства, храните вашей верной любовью подрастающего государя,

который поручен вашей чести».

14. После произнесения императором этих торжественных слов Евпраксий из Цезареи в Мавритании, бывший тогда магистром канцелярии рескриптов, первый воскликнул: «Семья Грациана этого заслуживает». Тотчас же он был произведен в квесторы. За ним числилось много проявлений надежной верности, заслуживавших подражания со стороны людей здравомыслящих; никогда он не отступался от бестрепетной правды, был всегда тверд и похож на законы, которые, как мы видим, при всем различии обстоятельств, говорят всем одним и тем же языком. При своем представлении о справедливости оставался он и тогда, когда вспыльчивый император грозно набрасывался на него за правильные советы.

15. После этого встали в честь старшего императора и нового – этого отрока, к которому располагали всех блеск его глаз, лицо, вся его симпатичная внешность и прекрасные качества его ума. Все это могло бы создать из него императора, достойного сравняться с наилучшими из древних, если бы позволили это судьба и ближайшие к нему люди, которые затуманили неустойчивые еще его прекрасные качества дурными деяниями.

16. В этом случае Валентиниан нарушил установленный издревле обычай тем, что нарек брата и сына не Цезарями, а Августами. До сих пор ни один император не брал себе товарища {*391* } с равной властью, кроме императора Марка, который сделал своего брата по усыновлению, Вера, соучастником императорского величия на полных правах равенства с собой. [887]

7.

1. Так все это устроилось согласно желанию государя и солдат. А через несколько дней бывший викарий [888]Авициан возбудил обвинение в казнокрадстве против префекта претория Мамертина, когда тот вернулся из Рима, куда ездил по служебным делам. 2. Из-за этого его заменил Вулкаций Руфин [889]человек во всех отношениях отличный, авторитет которого славно возвышала его почтенная старость, но который никогда не упускал удобного случая поживиться, если можно было надеяться, что это останется в тайне. 3. Получив аудиенцию у императора, он устроил возвращение из ссылки, с восстановлением прав на имущество, бывшему префекту Рима Орфиту [890]

4. Хотя Валентиниан, человек жестокий, в начале своего правления, желая ослабить мнение о своей суровости, сдерживал иногда свои дикие порывы, стараясь подчинить страсти разуму, этот его недостаток, который он скрывал и подавлял, подчас прорывался на гибель многим и

887 **887.** Прим. ред.: Марк Аврелий и Луций Вер унаследовали императорскую власть на равных основаниях согласно завещанию имп. Адриана после смерти имп. Антонина Пия в 161 г. {541}

888 **888.** В Африке.

889 **889.** 14, 10, 4–5; 21, 12, 24.

890 **890.** см. выше гл. 3, 2.

вспыльчивость его характера ухудшала дело. Ученые признают раздражительность продолжительной, а подчас и непрерывной, язвой духа, которая обычно возникает от чрезмерной впечатлительности, и приводят, как справедливый аргумент, в доказательство этого то, что больные раздражительнее здоровых, женщины – мужчин, старики – юношей и несчастные – счастливых.

5. В эту пору среди казней людей менее высокого положения выделялась смерть Диокла, бывшего комита финансов в Иллирике, которого за незначительные проступки император приказал сжечь живым; далее, Диодора, бывшего имперского агента, и трех канцеляристов управления викариата Италии. Они были преданы жестокой смерти по жалобе императору комита на то, что Диодор возбудил против него гражданский процесс, а чины его канцелярии по приказу судьи позволили себе, когда он отправлялся в путь, давать ему совет явиться на суд. Память их и до сих пор чтут христиане в Медиолане и называют место, где они погребены, «Ad innocentes» (у невинных).

6. Позднее, когда по делу некоего Максенция, родом из Паннонии, поскольку судья правильно сделал распоряжение ускорить исполнение приговора, император приказал казнить декурионов {*392* } трех городов, этому воспротивился тот же Евпраксий, бывший в ту пору квестором, и сказал: «Будь осторожен, благочестивейший государь: ведь тех, кого ты приказываешь убить, как преступников, христианская религия будет чтить, как мучеников, т. е. угодных Богу». 7. По его примеру ту же спасительную смелость проявил префект Флоренций. Когда по одному делу, заслуживавшему прощения, он услышал, что вспыливший император также приказал казнить по трое декурионов во многих городах, он сказал: «Что же делать, если в каком-нибудь городе не окажется столько декурионов? Нужно оговорить также и то, что они должны быть казнены, если они есть налицо в городе». 8. Эту суровость усиливала еще следующая ужасная несправедливость: если кто-то обращался к нему с просьбой избавить его от суда могущественного недруга и заменить одного судью другим, Валентиниан такой просьбы не удовлетворял, и пусть даже тот привел бы много основательных мотивов, отсылал его дело к тому самому судье, которого тот боялся. Ужасно было и другое: если ему сообщали, что какой-нибудь удручаемый бедностью должник ничего не может уплатить, он изрекал смертный приговор.

9. Эти и тому подобные проявления произвола позволяют себе некоторые государи, потому что они не признают за друзьями права возражать против их дурных решений и поступков, а врагов своих устрашают величием своей власти. Для того, кто считает великим подвигом все, к чему склоняется его воля, нет вопроса о несправедливости.

8.

1. Выступив из Амбиан, Валентиниан спешил в Тревиры [891]По дороге он получил тревожное известие, а именно, что Британия вследствие восстания варваров оказалась в крайней опасности, что Нектарид, комит морского побережья, убит и дукс Фуллофавд попал во вражескую засаду.

891 **891.** Амиен и Трир.

2. Эта весть повергла императора в большой ужас и он послал Севера, бывшего тогда еще комитом доместиков, с поручением поправить дело, если судьба представит желанный к тому случай. Вскоре, однако, Север был отозван назад и в те места отправился Иовин; он спешно послал вперед Провертвида, а сам был озабочен тем, чтобы набрать сильную армию, как того требовало трудное положение дел. 3. Наконец, поскольку с острова непрерывно поступали тревожные известия, приказано было отправиться туда Феодосию, известному своими боевыми {*393* } подвигами. [892]Собрав храброе войско из легионов и когорт, он отправился туда, и ему предшествовали блестящие надежды.

4. Так как в описании деяний императора Константа [893]я описал, насколько это было в моих силах, прилив и отлив океана и положение Британии, то возвращаться к тому, что один раз уже было изложено, считаю излишним, как гомеровский Улисс [894]боится у феаков вторично рассказывать о своих странствиях из-за чрезвычайной их трудности [895]5. Достаточно будет сказать, что в то время пикты, делившиеся на два племени, дикалидонов и вертурионов, а также весьма воинственный народ аттакотты и скотты, бродили повсюду и производили грабежи, а в приморских областях Галлии франки и соседние с ними саксы там, куда только могли прорваться с суши или с моря, производили грабежи и пожары, забирали людей в плен, убивали и все опустошали.

6. Чтобы положить конец этим бедствиям, если поможет счастливая судьба, направился в эти крайние области земного круга хороший полководец и прибыл в Бононию [896]где галльский берег отделен от Британии узким проливом. Море в том месте то вздымается страшными валами, то выравнивается как широкое поле, открывая безопасный путь мореходам. Осторожно переправился он через пролив и прибыл в спокойную гавань противоположного берега Рутупии [897]7. Когда следом за ним подошли батавы, герулы, иовии и викторы, легионы, дышавшие уверенностью в своих силах, он выступил вперед и направился к старому городу Лундинию, который позднее получил имя Августы. По дороге он разделил свою армию на много отрядов и напал на грабительские шайки врагов, отягченные поклажей. Быстро справившись с теми, которые вели связанных людей и гнали скот, он отнял добычу, достояние несчастного податного населения, и возвратил собственникам за исключением небольшой части, предоставленной измученным солдатам. С триумфом он вступил в город, угнетаемый дотоле тяжкими бедствиями, но теперь воспрянувший в надежде на спасение более скорое, чем можно было ожидать.

7. Удача придала ему бодрость для больших начинаний. Вырабатывая

892 **892.** Прим. ред.: Отец будущего имп. Феодосия Великого (379–395 гг.).

893 **893.** В недошедшей до нас части сочинения.

894 **894.** Прим. ред.: Улисс – латинский вариант имени Одиссея.

895 **895.** Hom. Od. 12, 452.

896 **896.** Булон-сюр-мер.

897 **897.** Ричборо.

безопасный план действий, он оставался в нерешительности, так как показания пленных и перебежчиков убеждали его, что нельзя справиться с рассеянными на широком пространстве племенами, и притом совершенно дикими, иначе, как неожиданными нападениями при помощи разных хитрых уловок. {*394* }

10. Наконец он издал приказ, которым звал под знамена дезертиров, обещая им безнаказанность, и многих других солдат, которые разбежались в разные стороны, пользуясь отпусками. По этому вызову вернулись очень многие; но, несмотря на это ободрение, его тревожили тяжелые заботы, и он попросил прислать к нему Цивилиса для управления Британией в звании префекта, – человек то был жестокий, но твердо державшийся правды и справедливости, а также Дульциция, полководца, прославившегося отличным знанием военного дела.

9.

1. Вот что происходило в Британии. А в Африке с самого начала правления Валентиниана свирепствовали варвары, совершавшие дерзкие набеги, сопровождавшиеся убийствами и грабежами. Положение дел ухудшало бездействие военной силы и жадность к чужому добру, особенно со стороны комита по имени Роман. 2. Этого человека, отличавшегося большой предусмотрительностью и великим искусством переносить ненависть на других, ненавидели очень многие за жестокость и особенно по той причине, что он старался превзойти врагов в опустошении провинций. Полагаясь на родство с Ремигием, тогдашним магистром оффиций, он составлял фальшивые и неправильные донесения императору, и тот при всей своей недоверчивости, которой он хвалился, долго оставался в неведении относительно тяжких бедствий африканцев. 3. Обо всем, что случилось в тех местностях, о смерти правителя области Рурика и его легатов и о прочих горестных событиях я подробно изложу, когда приведет меня к тому план моего повествования [898]

4. Так как есть полная возможность высказать свободно свое мнение, то я и скажу откровенно, что этот император, первый в ряду своих предшественников, увеличил высокомерие военных людей с большим вредом для государства, не в меру повышая их общественное и личное положение; гибельно было как для государства, так и для частных лиц то, что он с неумолимой жестокостью карал проступки простых солдат, а офицеров щадил, и последние, как будто им была дарована полная безнаказанность, стали позволять себе невероятные преступления и, возомнив о себе слишком много, стали думать, что судьба всех без исключения зависит от их кивка. 5. Ради обуздания их тяжелой для других надменности древние законодатели иногда предписывали карать смертной казнью {*395* } невиновных. И нередко случается, что за преступления толпы в силу несправедливости судьбы кара постигает невиновных – случай, выпадавший иной раз и на долю мирных граждан.

6. А в Исаврии [899]разбойники, расходясь шайками по соседним местам, с полной свободой предавали грабежу города и богатые виллы,

898 **898.** См. ниже: 28, 6.

899 **899.** 14, 2; 19, 13.

принося страшный вред Памфилии и Киликии. Состоявший в ту пору викарием Азии Музоний (раньше он был учителем риторики в Афинах) видел, что они, не встречая никакого отпора, грозят разорить всю Азию. Когда дело дошло до крайности и от распущенных солдат нельзя было ожидать никакой помощи, он сделал попытку напасть, если представится случай, на одну шайку грабителей, располагая лишь небольшим числом плохо вооруженных людей, которых называют диогмитами, [900]но, проходя через одно узкое извилистое ущелье, попал в засаду, из которой не было выхода, и пал вместе со всеми своими людьми. 7. Этот успех сделал разбойников еще наглее, и поскольку они теперь стали предпринимать свои набеги еще более дерзко, наши войска оставили, наконец, бездействие и, перебив некоторое число их, загнали прочих в горные теснины, где они живут. Так как им не давали и там покоя, и они не имели возможности добывать себе пропитание, то они стали, наконец, просить на некоторый срок мира по совету германикополитанцев [901]которые имели у них всегда значение, как их подстрекатели. Выдав заложников, как того у них потребовали, исавры долго держались спокойно, не отваживаясь ни на какие враждебные действия.

8. В это время префектуру города (Рима) отправлял с отличием Претекстат. Многообразными проявлениями своей неподкупности и высокой честности, которыми он прославился с ранней юности, он достиг того, что редко случается, а именно, что, хотя сограждане боялись его, он не потерял их любви, которая вообще не выпадает на долю чиновным лицам, внушающим к себе страх. 9. Своим авторитетом и правильными, самой истиной продиктованными приговорами он успокоил волнение, которое вызвали раздоры христиан. После изгнания Урсина водворилось глубокое спокойствие, являвшееся наиболее желанным для римских граждан. Множество полезных мероприятий этого прекрасного правителя умножали его славу. 10. Так, он уничтожил все так называемые мэнианы [902]сооружение которых было запрещено еще древними законами; заставил все частные дома, непочтительно примыкавшие к свя-{*396* }щенным зданиям, отступить от последних, по всем частям города установил единство мер веса, так как иначе нельзя было противодействовать корыстолюбию многих людей, устанавливавших весы по своему произволу, а в расследовании тяжб он достиг того, что с похвалой о Бруте отмечает Туллий [903]а именно: хотя он ничего не допускал в угоду кому-либо, однако все его действия были всем угодны.

10.

1. Тогда же Валентиниан выступил в поход и полагал, что он это сделал весьма предусмотрительно, однако аламаннский царек Рандон осуществил свой давнишний замысел и тайно проник с легким

900 **900.** Прим. ред.: Выполняли функции городской полиции.

901 **901.** Германикополь – главный город свободной Исаврии.

902 **902.** Так назывались выступавшие над улицами надстройки и пристройки к домам.

903 **903.** Cic. Orat. 10, 34: Quid enim tam distans, quam a sevcritate comitas? Quis tamen umquam te aut sanctior est nabitus aut dulcior?

грабительским отрядом к Могонциаку [904]не имевшему гарнизона. 2. И так как именно в это время праздновался христианский праздник[905]то он беспрепятственно увел в плен мужчин и женщин всякого звания и награбил много домашнего имущества.

3. Немного времени спустя неожиданно заблистала для римлян надежда на лучшее. Царь Витикабий, сын Вадомария, человек на вид слабый и болезненный, но сильный и храбрый, неоднократно поднимал против нас бранную бурю; поэтому прилагались всяческие усилия, чтобы каким бы то ни было способом устранить его. 4. Долго не удавались никакие попытки справиться с ним или ускорить его выдачу; наконец, он пал вследствие предательства своего приближенного слуги, подкупленного нами. После его смерти на некоторое время прекратились вражеские вторжения. Убийца из страха перед карой, которой он боялся в случае раскрытия дела, поспешил бежать на римскую почву.

5. После этого стали исподволь готовить поход на аламаннов в большем против обычного масштабе, стягивая военные силы разного рода. Этого настойчиво требовала общественная безопасность, так как опасались коварных нападений народа, который очень быстро оправлялся. Возбуждены были также и солдаты, не имевшие никогда отдыха вследствие подозрительного поведения аламаннов, которые то униженно молили о мире, то вскоре после этого выступали с самыми дерзкими угрозами.

6. И вот, стянута была отовсюду огромная армия, тщательно снабженная оружием и провиантом, призван был с иллирийскими {*397* } и итальянскими легионами командовавший ими Себастиан [906]и когда наступило теплое время года, Валентиниан вместе с Грацианом перешел Рейн. Не встретив неприятеля, император продолжал поход, разделив армию на три колонны; сам он находился в центре, полководцы Иовин и Север командовали на флангах; таким образом армия была в безопасности от внезапных нападений. 7. Передвигаясь по указаниям опытных проводников, производя разведки местности, медленно шли войска по обширной стране, и солдаты приходили все в большее раздражение и издавали грозные клики, как будто уже нашли врага. И так как в течение нескольких дней не могли найти никого, кто бы оказал сопротивление, то все посевы и строения, которые попадались на глаза, предавались пламени; исключение делалось только для пищевых продуктов, собирать и хранить которые побуждала неизвестность исхода предприятия. 8. Медленно продвигаясь дальше, император подошел к месту, которое называется Солициний [907]и остановился здесь, словно перед сильным препятствием, потому что он узнал из достоверного донесения передовых разъездов, что вдали увидели неприятеля.

9. Не видя никакого другого способа спасения, кроме как защитить себя быстрым нападением на наши силы, варвары, полагаясь на свое знакомство с местностью и в полном согласии между собой, заняли

904 **904.** Майнц.

905 **905.** Вероятно Пасха.

906 **906.** См. 26, 6, 2.

907 **907.** Швецингер близ Гейдельберга.

горные высоты, обрывающиеся крутыми холмами, неприступными со всех сторон, кроме северной, представлявшей собой отлогий и удобный для подъема склон [908]Наши войска остановились на месте; повсюду раздались призывы к оружию; чутко прислушиваясь к команде императора и командиров, стояли солдаты в ожидании поднятия знамени, что служит сигналом к началу боя.

10. Времени на размышление было мало, или даже вовсе не было; здесь нетерпение наших солдат вызывало тревогу, а там аламанны подняли свой страшный крик. В силу необходимости быстрого решения принят был такой план: Себастиан со своими войсками должен был занять северную часть горы, которая, как я сказал, представляла собой отлогий подъем, чтобы избивать бегущих германцев, если так решит судьба. Этот приказ был спешно исполнен. Грациан, который по своим юным годам еще не годился для бранных трудов, был оставлен позади при знаменах иовианов. Сам Валентиниан, как вождь осторожный и неторопливый, прошел с непокрытой головой по центуриям и манипулам. {*398* } Не открывая своего плана никому из высших офицеров и оставив позади большую часть своих телохранителей, он помчался с немногими, на храбрость и верность которых мог вполне положиться, чтобы осмотреть подошву подъема, заявив с обычной уверенностью в своей проницательности, что можно найти и другую дорогу на крутые холмы, кроме той, которую нашли разведчики. 11. И вот, когда он ехал по неизвестным местам через болотные заросли, без дороги, вражеский отряд, находившийся сбоку в засаде, напал на него с такой стремительностью, что гибель его была бы неминуема, если бы он не прибег в крайней опасности к последнему средству: он погнал коня во весь опор через болото и скрылся под защитой легионов, спасаясь от страшной опасности. Насколько он был к ней близок, видно из того, что спальник, везший его шлем, украшенный золотом и драгоценными камнями, совсем исчез вместе со шлемом и не был найден потом ни живым, ни мертвым.

12. Когда люди оправились и отдохнули, был подан обычный сигнал к началу битвы. Под звуки грозно звучавших труб двинулись войска, исполненные воодушевления; впереди шли два юноши, Сальвий и Лупицин, один – скутарий, другой из схолы гентилов, выбранные начать битву. Возбуждая своих грозным криком и потрясая копьями, бросились они на противолежащие скалы и, отбиваясь от аламаннов, полезли на самый верх. Следуя за этими застрельщиками, подошло все войско и с великим напряжением сил взобралось через крутизны по терновым зарослям на вершину горы. 13. С большим ожесточением обеих сторон начался бой: с одной стороны солдаты, более обученные военному искусству, с другой – варвары, напиравшие в своей дикой храбрости безо всяких предосторожностей, сошлись в рукопашной схватке. Разворачиваясь все шире, наша армия начала теснить врага на обоих флангах среди криков ужаса, ржания коней и звука труб. 14. Однако оправившись, варвары дали отпор, и на некоторое время шансы боя выравнялись. Битва шла со страшным упорством, и потери были очень значительны с обеих сторон [909]15. Наконец варвары были смяты

908 **908.** См. 28, 2, 5, где эти высоты названы nuns Pirus. По догадке Вагнера, это – Святая Гора близ Гейдельберга, der heilige Berg.

909 **909.** Гардтгаузен принимает чтение turmarum funeribus, что мне непонятно.

воодушевленным напором римлян, и в страхе смешались передние с задними и стали отступать. Тут их поражали дротики и метательные копья. Когда же, совершенно обессилевшие и истомленные, они побежали, то открыли преследующему неприятелю свой тыл, коленные суставы и сухожилия. Много было перебито, часть бежавших истребил Себастиан, стоявший со вспомогательным отрядом за хребтом горы, окружив ее со стороны, откуда варвары не ждали нападения. Остальные, рассеявшись, скрылись в чаще лесов. {*399* }

16. В этой битве были и с нашей стороны весьма чувствительные потери. Пал Валериан, первый офицер доместиков, и скутарий Натуспардо, столь выдающийся боец, что его сравнивали с древним Сицинием и Сергием [910]Этой кровавой битвой закончился поход; солдаты отправились на зимние квартиры, а императоры воротились в Тревиры.

11.

1. Примерно в это время скончался Вулкаций Руфин, состоявший в звании префекта претория. Для исполнения обязанностей префекта вызван был из Рима Проб. [911]Знатность рода, авторитет и колоссальное состояние принесли ему широкую известность в римском мире. Поместья он имел почти во всех провинциях. Заслуживал ли он или нет этой известности, решать об этом дело не моего слабого суждения.

2. Сама Богиня счастья несла его, как выражаются поэты, на быстрых крыльях, представляя его благодетелем, возвышавшим своих друзей, а затем – жестоким интриганом, доводившим свою злобу до пролития крови. Хотя он был весьма влиятелен в течение всей своей жизни благодаря как своим колоссальным щедротам, так и тому, что непрерывно занимал один за другим разные высокие посты, но иногда бывал труслив в отношении людей нахальных и высокомерен в отношении робких, так что когда он чувствовал свою силу, то, казалось, гремел с трагического котурна, а когда робел, – выступал приниженнее, чем на самом низком сокке [912]3. И как плавающие существа, будучи исторгнуты из своей стихии, недолго сохраняют дыхание на сухой земле, так и он хирел без префектур, принимать которые вынуждали его раздоры между знатными фамилиями, за которыми всегда водятся грехи из-за необузданных страстей: чтобы иметь возможность безнаказанно обделывать свои дела, они всегда выдвигали своего главу на высокий государственный пост. 4. Нужно признать, что он, с присущим ему благородством, никогда не приказывал совершить какой-нибудь незаконный поступок клиенту или рабу; но если доходило до его сведения, что кто-нибудь из них совершал какое-нибудь преступление, то, хотя бы сама правда возражала, он, не разобрав даже дела и отрешаясь от вопроса о чести и нравственности, являлся {*400* } защитником. Недостаток, порицая который, Цицерон

910 **910.** Ср. 25, 3, 13.

911 **911.** Прим. ред.: Петроний Проб, по легенде потомок имп. Проба (276–282 гг.).

912 **912.** Котурн и сокк – специальные виды обуви, первый – для актера, исполнявшего трагедию, второй – комедию. Эти термины вошли в переносном смысле в латинский язык, как обозначение высокого и низкого стиля и тона.

выражался так: «Какая разница между тем, кто побуждает к какому-либо поступку, и тем, кто его одобряет? И не все ли равно, желаю ли я, чтобы это случилось, или радуюсь, что оно случилось?» [913]Он был подозрителен и скрытен, не чужд был злобной насмешки и лести с целью нанести вред. 5. Эта дурная черта проявляется у таких характеров резче всего тогда, когда больше всего стараются ее скрыть. Он был неумолим и упрям. Если кого-то он задумывал обидеть, то уж нельзя было уговорить его и склонить его простить вину: для этого словно свинцом, а не воском залиты были его уши. Находясь на высоте богатства и почестей, он был всегда встревожен и озабочен, а потому всегда подвержен легким заболеваниям. Такова была череда событий в западных областях империи.

12.

1. Персидский царь Сапор, достигший уже преклонных лет и имевший пристрастие с самого начала своего правления к грабежам, после смерти императора Юлиана и по заключении того постыдного мирного договора [914]поддерживал дружбу с нами; но теперь, нарушив условия договора с Иовианом, стал налагать свою руку на Армению, чтобы подчинить ее своей власти, как будто обязательность условий договора была уничтожена. 2. Сначала он пускал в ход разные хитрости и, встретив сопротивление населения, стал наносить незначительные обиды и в то же время склонять на свою сторону сатрапов и некоторых вельмож, а иных брал в плен внезапными нападениями. 3. Потом он привлек на свою сторону самого царя Арсака, пустив в ход изысканные способы соблазна наряду с клятвопреступлением. Пригласив его однажды на пир, он приказал увести его через потайные двери, выколоть ему глаза, заковать в серебряные цепи, – что у них считается для более почетных лиц пустым утешением кары, – и сослать его в крепость с названием Агабана, где он после всяческих мучений был казнен. 4. Затем, распространяя свое вероломство, он изгнал Савромака, который римской властью был поставлен управлять Иверией, и передал управление этим народам некоему Аспакуре[915]предоставив ему право носить диадему [916]чтобы явно обозначить свое издевательство над нашим решением. 5. Осуществив эти свои нечестивые злоумышления, он предоставил Армению евнуху Килаку {*401* } и Артабанну, перебежчикам, которых он некогда принял к себе, – один из них был, как говорят, раньше префектом племени, другой – командиром армии. Он возложил на них поручение приложить все старания к тому, чтобы уничтожить Артогерассу, город с крепкими стенами и сильным гарнизоном, где хранились сокровища Арсака и находилась его жена с сыном. 6. Исполняя приказ Сапора, вожди приступили к осаде. Так как к этой крепости, расположенной на крутой вершине горы, невозможно было подступиться, когда зима сковала землю снегом и льдом, то евнух Килак, обладавший умением

913 **913.** Cic. Phil. II, 12, 29.

914 **914.** См. 25, 7, 9.

915 **915.** См. 30, 2.

916 **916.** Т. е. признав за Аспакурой царское достоинство.

уговаривать женщин, явился в сопровождении Артабанна под самые стены, получив заверения, что жизнь его не подвергнется опасности. Будучи допущен со своим товарищем внутрь крепости, как он того требовал, он с угрозами внушал царице и гарнизону смягчить быстрой сдачей раздражение Сапора, столь известного своей жестокостью.

7. Долго шли совещания, и под воздействием слез царицы, оплакивавшей жестокую судьбу своего супруга, люди, самым решительным образом стоявшие за сдачу города, поддались жалости и изменили свое мнение. В надежде на большую награду в будущем (от римлян), они договорились на тайном совещании, чтобы сильный отряд, открыв внезапно ворота, в условленный ночной час сделал вылазку и напал неожиданно на вражеский лагерь; они брались сами позаботиться о том, чтобы виновники остались неизвестными. 8. Скрепив свое решение клятвой, они ушли из крепости и заявили, что осажденные просят предоставить им два дня на размышления о том, как им поступить. Этим они вызвали у персов полную беспечность. И вот, глубокой ночью, когда все беззаботно спали крепким сном, открылись ворота города, быстро выступил оттуда отряд воинов и, подкравшись неслышными шагами с кинжалами наготове, вошел в лагерь не ожидавшего никакой беды неприятеля. Не встречая никакого сопротивления, нападавшие перебили множество спавших людей. 9. Это неожиданное предательство и внезапное избиение персов страшно усилили противостояние между нами и Сапором. Сюда прибавилось еще и то, что император Валент принял сына Арсака Пару, который по совету матери бежал к нему из крепости с небольшой свитой; император назначил ему место пребывания Неокесарию [917]известный город Полемоновского Понта, с соответствующим его званию содержанием и почетом. Милостивое отношение императора побудило Килака и Артабанна отправить посольство к Валенту с просьбой оказать помощь и дать им в цари этого самого Пару. 10. При тогдашних обстоятельствах {*402* } им было отказано в помощи, а Пара был доставлен в Армению полководцем Теренцием, чтобы принять управление страной, пока без всяких отличий царского сана. Это условие было вызвано вполне правильным соображением, а именно: желали избежать возможности обвинения в нарушении мирного договора.

11. Получив известие об этих событиях, Сапор пришел в зверскую ярость и, собрав большую армию, вторгся в Армению и подверг ее опустошению. Устрашенный его вторжением Пара, а с ним вместе Килак и Артабанн, не находя нигде помощи, бежали в крутые горы, которые отделяют наши пределы от Лазики. Там скрывались они в течение пяти месяцев в чаще лесов и в горных ущелиях, и все усилия царя схватить их оказались тщетными.

12. Так как царь должен был понять, что с наступлением зимних холодов он лишь напрасно потеряет время, то, предав пламени все плодовые деревья и поставив сильные гарнизоны во всех укреплениях и крепостях, которыми он овладел силой или благодаря предательству, он осадил всеми своими войсками Артогерассу. Когда гарнизон доведен был различными превратностями борьбы до полного истощения, крепость открыла ему ворота, и он предал ее пламени. Там была найдена жена

917 **917.** Никесар.

Арсака, которую он увез с собой вместе с царскими сокровищами.

13. По этим причинам император послал в те страны комита Аринфея с войском, чтобы оказать помощь армянам в случае, если персы сделают попытку потревожить страну вторичным нападением.

14. Между тем Сапор, отличавшийся невероятным коварством и в зависимости от того, что ему было выгодно, или пресмыкавшийся, или высокомерный, начал через тайных посредников переговоры с Парой под предлогом заключения союза на будущее и укорил его, что он не заботится о своих интересах и под прикрытием царского достоинства находится, в сущности, в рабстве у Килака и Артабанна. Поддавшись на эти льстивые речи. Пара предал их смертной казни и отослал головы убитых Сапору как свидетельство своей покорности ему.

15. Весть об этом убийстве широко разнеслась, и вся Армения была бы потеряна, если бы персы, устрашенные прибытием защитника Аринфея, не отложили нового вторжения в нее. Они ограничились тем, что послали к императору посольство с просьбой не защищать этого народа, как было условлено в договоре между ними и Иовианом. 16. Их просьба была отвергнута, и Савромак, который, как я выше упоминал, был изгнан из Иверийского царства, был отправлен туда с Теренцием и двенадцатью легионами. Когда он был уже близко от реки Кира [918]Аспакур стал просить его {*403* } учредить совместное правление и царствовать, как два двоюродных брата; свое предложение он оправдывал тем, что он не может ни отступиться от власти, ни перейти на римскую сторону, так как его сын Ультра до сих пор находится у персов в качестве заложника. 17. Получив сообщение об этом и желая успокоить грозящие отсюда смуты разумным решением, император благословил разделение Иверии на две части течением реки Кира с предоставлением Савромаку областей, пограничных с армянами и лазами, а Аспакуру – земель, соседних с Албанией и персами.

18. Сапор был этим крайне раздосадован; он заявлял, что ему нанесено оскорбление, так как армянам оказывается помощь вопреки тексту договора, и без его согласия и даже без его ведома принято было решение разделить Иверийское царство на две части. Посольство, которое он послал к императору для улаживания дела об Армении, было отозвано назад. Словно уже не было никакой возможности наладить дружественные отношения с Римом, он стал искать помощи у соседних народов и готовил к походу свое войско, чтобы с наступлением весеннего времени низвергнуть все, что устроили римляне в своих интересах. {*404* }

КНИГА XXVIII

(годы 368–370)

1. Многие, даже сенаторы и женщины из сенаторских родов, привлечены в Риме к суду по обвинению в колдовстве, разврате и прелюбодеяниях и преданы смертной казни.

2. Август Валентиниан укрепляет весь берег Рейна со стороны Галлии фортами, крепостями и башнями. Аламанны избивают римлян,

918 **918.** Кура.

строивших укрепление за Рейном. Разбойники маратокупрены в Сирии, по приказанию Августа Валента, уничтожены вместе со своими детьми и поселением.

3. Феодосий восстанавливает города Британии, разрушенные варварами, отстраивает укрепления и отбирает назад провинцию этого острова, которая получила имя Валенции.

4. О префектуре в Риме Олибрия и Амнелия и о пороках сената и римского народа.

5. Саксы в Галлии, после заключения перемирия, завлечены римлянами в засаду. Валентиниан, дав формальное обещание бургундам соединить с ними свои войска, навел их на Аламаннию; будучи обмануты, они перебили всех пленных и вернулись домой.

6. Несчастья, причиненные австорианами провинции Триполис, лептинцам и эиензам. Комит Роман скрыл их от Валентиниана обманом и они остались неотмщенными. {*405* }

1.

В то время, как вероломство персидского царя вызвало, как я рассказал о том выше, неожиданные для нас тревоги, и в восточных областях с новой силой разгорелась война, в Вечном городе через 16 с лишним лет после гибели Непотиана [919]стала свирепствовать сама Беллона и разожгла всеобщий пожар. Начавшись с малого, дело дошло до ужасных бедствий. Пусть бы их покрыло вечное молчание, чтобы не причинить вреда потомкам не столько описанием отдельных проступков, сколько изображением всеобщего падения нравов. 2. И хотя от подробного изложения этих кровавых событий меня удерживает справедливое опасение, связанное со многими различными соображениями, однако, будучи уверен в высшем уровне нравственности в настоящее время, я сообщу вкратце о том, что достойно памяти. Не будет также излишне коротко упомянуть об одном событии древнего времени, которое служило мне предостережением. 3. Когда, во время первой мидийской войны, персы опустошили Азию, то между прочим осадили с большими силами Милет. Угрожая осажденным мучительными казнями, персы довели их до такой крайности, что они все, придя в отчаяние от одолевших их бедствий, перебили сами свои семейства и, бросив в огонь все движимое имущество, стали один за другим бросаться в общий костер гибнущего отечества. [920]4. Немного позднее Фриних поставил этот сюжет на афинской сцене, [921]переработав его в трагедию. Сначала публика слушала пьесу с удовольствием; когда же дальнейшее развитие трагического действия стало производить слишком тяжелое впечатление, народ возмутился и присудил поэта к наказанию, полагая,

919 **919.** Непотиан, сын Евтропии, сестры Константина, погиб в 350 году. Он поднялся против «тирана» Магненция, но последний остался победителем, занял Рим и казнил как Непотиана, так и его мать.

920 **920.** Прим. ред.: Описываются события Ионийского восстания против персидского господства в начале 5 в. до н. э. Милет был взят и разрушен персами в 494 г. до н. э.

921 **921.** Прим. ред.: Трагик Фриних в 494 г. до н. э. поставил в Афинах трагедию «Взятие Милета».

что он собирался не утешить, а упрекнуть своих сограждан, дерзко выведя на сцену страдания, которые перенес славный город, оставленный безо всякой помощи со стороны {*406* } своих основателей. Милет был афинской колонией, которая в числе других ионийских городов была основана Нелеем, сыном Кодра, [922]который, как рассказывают, обрек себя на смерть за отечество во время войны с дорийцами. 5. Но возвращаюсь к своему рассказу. Максимин, исправлявший раньше должность викария префекта, родом из города Сопиан в Валерии [923]был человек низкого происхождения: его отец был счетным чиновником в канцелярии правителя провинции и род свой вел от карпов, которых разгромил Диоклетиан [924]на их старом месте жительства и переселил в Паннонию. 6. Пройдя недолгий курс обучения, он занялся адвокатурой, в чем не достиг особенных успехов, и был затем правителем Корсики, Сардинии, а потом Тусции. После этого он был повышен и заведовал хлебным снабжением Рима, и так как его преемник долго медлил в пути, то он оставил за собой управление Тусцией. Сначала он действовал с большой осторожностью, имея для этого тройное основание. 7. Во-первых, в его ушах звучали слова его отца, который был большой знаток разного рода знамений, связанных с полетом и пением птиц, гласящие, что он достигнет высот власти,... но погибнет от руки палача. Во-вторых, он связался с одним сардинцем, которого потом сам, как прошел о том слух, погубил коварным образом; человек этот был весьма сведущ в вызывании злых духов и получении предсказаний от душ умерших людей. Пока жив был этот человек, он боялся предательства с его стороны и был обходительнее и мягче. В-третьих, потому что он, подобно пресмыкающейся, гадине, держался в низких местах и не мог еще вызвать крупных кровавых дел..

8. Следующее обстоятельство дало ему повод расширить сферу действий. Бывший викарий Хилон и его жена по имени Максима подали тогдашнему префекту города Рима Олибрию [925]жалобу на то, что их пытались околдовать, они добились того, что те, кого они заподозрили, органный мастер Серик, учитель гимнастики Асболий и гаруспик Кампенсий были немедленно схвачены и посажены в тюрьму. 9. Но так как дело затянулось вследствие болезни Олибрия, то раздосадованные задержкой истцы подали прошение, чтобы расследование их дела было поручено префекту хлебоснабжения, на что и было дано разрешение для ускорения дела. 10. И вот, получив возможность вредить, Максимин дал простор прирожденной ему жестокости, дремавшей в его грубой натуре, как нередко проявляют ее дикие звери, которых держат для амфитеатров, когда им удается вырваться на свободу, сломав двери клетки. {*407* } Предварительное следствие по этому делу велось разными способами словно прелюдия к трагедии. От каких-то людей с исполосанными пыткой

922 **922.** Прим. ред.: Нелий, сын последнего легендарного афинского царя Кодра (см. прим. 17 к кн. 22), основал по преданию Милет и другие ионийские города в Малой Азии. Воевал с дорийцами.

923 **923.** См. 19, 11, 4 – восточная часть Паннонии.

924 **924.** Прим. ред.: Войну с племенем карпов победоносно завершил не Диоклетиан, а имп. Аврелиан в 273 г. Диоклетиан вел войны на Дунае в 285–287 гг.

925 **925.** В 368 году.

боками получены были показания против знатных лиц, будто они через своих клиентов и других низкого положения людей, известных как преступники и доносчики, обращались к колдунам. И вот этот дьявольский следователь, не довольствуясь предоставленными ему полномочиями, представил злонамеренный доклад императору о том, что только более тяжкими казнями можно расследовать и покарать гибельные злодейства, в которых очень многие лица в Риме оказались повинными. 11. Узнав об этом, император, относившийся к проступкам скорее с горячностью, чем с разумной строгостью, пришел в страшное раздражение и отдал приказ, высокомерно подводя под закон об оскорблении величества эти дела, подвергать в случае надобности пыткам даже всех тех, кого древнее право и указы императоров освобождали от кровавого следствия. 12. А чтобы удвоение власти и возвышение положения умножило несчастия, он предоставил Максимину право действовать с полномочиями префекта и для следствия, которое начиналось на погибель многих, приставил к нему нотария Льва, бывшего впоследствии магистром оффиций [926]который на своей родине, в Паннонии, занимался грабежом могил; зверская усмешка этого человека выдавала его жестокость, и не менее Максимина он жаждал человеческой крови. 13. Упорная решимость Максимина губить людей усилилась с получением подобного ему товарища и почетного для него указа императора с предоставлением высокого звания. Поэтому в восторге он ставил свои ноги то тут, то там, так что казалось, будто он танцует, а не ходит, стараясь подражать брахманам, которые, как рассказывают, шествуют между алтарями богов с высоко поднятой головой.

14. Зазвучал сигнал внутренних бедствий и предстоящие ужасы привели всех в оцепенение. Из множества кровавых и жестоких дел, разнообразие и количество которых нельзя перечесть, выделялась смерть адвоката Марина. Он был обвинен в том, что позволил себе искать руки некоей Гиспаниллы при помощи колдовства; после самого поверхностного рассмотрения достоверности доноса, он был приговорен к смерти.

15. Допуская возможность, что кто-нибудь из моих будущих читателей, тщательно разобрав дело, упрекнет меня в том, что сначала случилось одно, а не другое, или что вовсе пропущено то, чему он был очевидцем, – я замечу в оправдание, что не все, что касалось людей низкого положения, достойно рассказа, и если {*408* } бы пришлось описывать полностью все, то даже справки в государственном архиве не были бы вполне достаточны, поскольку разгорелось столько бедствий, и неслыханное бешенство безо всякой задержки поставило все вверх дном, когда всем было очевидно, что переживаемые ужасы были не судом, а приостановкой отправления правосудия.

16. Тогда же был привлечен к ответственности за прелюбодеяние сенатор Цетег и казнен через усечение головы; знатный юноша Алипий за незначительный проступок был отправлен в ссылку, и многие другие люди низшего звания подвергнуты публичной казни. В несчастьях этих людей всякий видел образ грозившей и ему самому опасности, и палач, оковы, мрачная тюрьма являлись всем даже в сновидениях.

17. В то же самое время был привлечен к ответственности Гиметий,

926 **926.** 26, 1, 6; 30, 2, 10.

муж прекрасных качеств. Ход этого дела был по моим сведениям таков. Когда он управлял Африкой в звании проконсула, то во время тяжкого голода, посетившего Карфаген, он выдал населению его хлеб из запасов, предназначенных для римского народа; немного позже, когда был большой урожай, он немедленно возместил все выданное. 18. Но так как он продавал нуждавшимся по десяти мадиев за один солид, а сам получал по тридцати, то излишек денег он внес в государственную казну. А Валентиниан, заподозрив, что он сделал при этом аферу лично для себя и прислал мало денег, наказал его конфискацией части его состояния.

19. В завершение его бедствий открылось в те же дни не менее гибельное для него обстоятельство. На гаруспика Аманция, пользовавшегося тогда большой известностью, был сделан тайный донос, будто его вызывал тот же Гиметий ради каких-то преступных деяний для жертвоприношения. Будучи привлечен к суду, Аманций, хотя и склонялся под тяжестью пыток, однако упорно все отрицал. 20. Так как он настаивал на своем отрицании, то из дома его были взяты секретные бумаги, и там оказалась собственноручная записка Гиметия, в которой тот просил его совершением торжественных обрядов расположить к нему императоров [927]в конце записки содержались резкие выпады против императора за его корыстолюбие и жестокость. 21. Узнав об этом из донесения судей, которые дали этому злостное истолкование, Валентиниан приказал произвести самое строгое следствие по этому делу. И так как состоявший советником при вышеназванном Гиметии Фронтин изобличен был в составлении этой записки, то он был подвергнут наказанию розгами и, после того как сознался в этом деянии, сослан в {*409* } Британию; а Аманций осужден был позднее по обвинению в уголовных преступлениях и казнен.

22. После этого ряда событий Гиметий был отправлен в Окрикул для допроса префектом Ампелием и викарием Максимином. Ему предстояла, как было очевидно, немедленная гибель; но, воспользовавшись предоставленной ему возможностью, он апеллировал к императору, и защита этим именем спасла ему жизнь. 23. Когда императору доложили об этой апелляции, он предоставил разобрать дело сенату. Сенат, рассмотрев его по всей справедливости, приговорил Гиметия к ссылке в Бои, местность в Далмации. Этим сенат навлек на себя тяжкий гнев императора, который страшно возмутился, когда узнал, что человек, обреченный, по его собственным предположениям, на смерть, подвергся более мягкой каре.

24. Эти и подобные бедствия, обрушившиеся на многих лиц, вызвали всеобщую панику. Чтобы эти бедствия, выползавшие тайными путями и распространявшиеся мало-помалу дальше, не повлекли за собой целой громады несчастий, по решению знати (т. е. сената), было отправлено к императору посольство. Бывший префект Претекстат, бывший викарий Венуст и бывший консул Минервий должны были подать императору прошение, чтобы кары не оказывались выше проступков и чтобы не подвергали пыткам сенаторов вопреки обычаю и праву. 25. Когда они были приняты на аудиенции и изложили свою просьбу, Валентиниан стал отрицать, что он сделал такое распоряжение, и начал кричать, что его оклеветали. Но квестор Евпраксий в деликатной форме доказал ему

927 **927.** Т. е. Валентиниана и Грациана.

противоположное и, благодаря этой его смелости, отменен был жестокий приказ, беспрецедентный по своей суровости.

26. В то же время, на основании строжайшего следствия, произведенного Максимином, сын бывшего префекта Лампадия, Лоллиан, только что вошедший в пору юности, был уличен в том, что он, в возрасте еще неокрепшего суждения, переписал книгу о чародействе. Ему предстояло, как предполагали, подвергнуться ссылке. По совету отца, он апеллировал к императору. Согласно последовавшему приказанию, он был доставлен на главную квартиру и попал, как говорится, из огня да в полымя: разбор дела был передан консуляру Бетики Фалангию, и Лоллиан умер от руки палача.

27. Кроме названных лиц были привлечены к ответственности следующие лица сенаторского звания: Тарраций Басс, впоследствии городской префект, брат его Камений, некто Марциан и Евсафий. Они были обвинены в том, что оказывали покровительство колесничному вознице Авхению, как соучастнику в колдовстве. Так как доказательства были сомнительны, то благодаря заступничеству, как рассказывала молва, Викторина, состоявшего в самой тесной дружбе с Максимином, они были оправданы. {*410* }

28. Даже на женщин простирались подобные несчастья. Многие матроны знатного происхождения были казнены по обвинению в прелюбодеяниях и безнравственности. Более известные из них были Кларитас и Флавиана. Когда одну из них вели на казнь, то с нее сорвали одежду, которая была на ней, и не позволили даже оставить ничего, чтобы прикрыть срамные части. За это палач, уличенный в совершении этого дикого злодеяния, был сожжен живым.

29. Далее, сенаторы Пафий и Корнелий, оба сознавшиеся в том, что осквернили себя колдовством, были казнены по приговору того же Максимина. Такая же участь постигла прокуратора монетного двора. Названных выше Серика и Асболия [928]он засек до смерти тяжкими ударами кнута со свинцом, так как, стараясь выманить у них имена соучастников, он дал им клятву, что не прикажет казнить их ни огнем, ни железом. После этого он осудил на казнь огнем гаруспика Кампенсия, не будучи по его делу связан никакой клятвой.

30. Здесь я считаю уместным рассказать, какая причина привела к гибели Агинация, человека, принадлежавшего, как гласила о том упорная молва, к самой древней знати, хотя и нельзя было подтвердить этого документально. 31. Все более наглея, Максимин, еще будучи префектом хлебоснабжения, найдя достаточный повод усилить свое нахальство, стал позволять себе презрительно обращаться с Пробом, который занимал самое высокое положение среди высших чинов и управлял разными провинциями на правах преторианского префекта [929]32. Агинаций возмущался этим и досадовал, что в судебных следствиях Олибрий предпочел ему Максимина, хотя он был викарием Рима. И вот в частном разговоре он намекнул Пробу наедине, что легко можно устранить этого тщеславного человека, который позволяет себе оскорблять заслуженнейших людей, если он согласен на это. 33. Проб, как

928 **928.** См. выше гл. 8.

929 **929.** 27, 11.

утверждают некоторые, послал письмо об этом к Максимину, так как боялся его как человека, искусного в злодеяниях и имевшего влияние у императора. Никто об этом не знал, кроме посланца, передавшего письмо. Прочитав его, этот дикий человек воспылал таким гневом, что пустил в ход против Агинация все интриги, и извивался, как змея, которую придавило колесо. 34. Сюда прибавился и другой важный повод для козней, которые сгубили Агинация. Он стал обвинять умершего уже Викторина, что тот, пока был в живых, продавал приговоры Максимина, и, хотя по {*411* } его завещанию он сам получил весьма значительный легат [930]тем не менее с той же дерзостью угрожал процессом его вдове Анепсии. 35. Опасаясь этого, она придумала для того, чтобы можно было рассчитывать на помощь Максимина, будто ее покойный муж в недавно составленном завещании оставил и ему 3000 фунтов серебра. Сгорая чрезвычайной алчностью – он не был свободен и от этого порока, – тот потребовал половины наследства. Но, не удовольствовавшись и этим, придумал другой способ, как казалось, благородный и безопасный, и чтобы не упустить представившегося удобного случая завладеть богатым состоянием, попросил в жены своему сыну дочь Анепсии, которой Викторин приходился отчимом. Мать дала согласие, и дело было быстро слажено.

36. В окружении таких и подобных равно достойных слез злодейств, которые изменяли самый облик Вечного города, шествовал вперед этот человек, имя которого можно произнести только со стоном скорби, нес гибель и разрушение благосостоянию многих домов и раздвигал сам себе рамки судебных полномочий. Рассказывают, что у него всегда висела из одного окна преторианского дворца веревка, к концу которой привязывали доносы [931]и хотя они не подтверждались никакими доказательствами, но могли повредить многим невинным. Несколько раз он приказывал выталкивать (для вида) из дому Муциана и Барбара, своих служителей, поднаторевших во всяких обманах. 37. Притворно оплакивая несчастья, якобы их удручающие, они громко кричали, преувеличивая жестокость судьи, и не раз повторяли одно и то же, что, мол, не остается никакого средства для привлекаемых к суду спасти свою жизнь, кроме как возбуждать тяжкие обвинения против знатных людей, так как, привлекая их как соучастников своих несчастий, можно надеяться тем самым на освобождение.

38. Эта неумолимая жестокость выходила за всякие границы, и множество людей попадало в оковы; знатные по происхождению люди облекались в простые одежды и каждый был в тревоге за себя. Нельзя даже поставить в упрек кому-нибудь из них, когда, приветствуя его, они сгибались чуть ли не до земли, слыша, как этот зверски свирепый разбойник кричал, что никто не может оказаться невиновным против его воли. 39. Эти слова, за которыми быстро следовало исполнение, устрашили бы, конечно, даже людей, похожих на Нуму Помпилия и Катона. Дела шли так, что не пересыхали слезы на глазах таких людей, которые страдали лишь от вида чужих бедствий, что случается во время особенных жи-{*412* }тейских невзгод. 40. Этот судья с медным лбом,

930 **930.** У римлян был обычай в завещаниях отказывать друзьям и близким людям ту или иную, смотря по состоянию, сумму денег.

931 **931.** Место это испорчено и смысл восстанавливается гипотетически.

нередко отступавший от права и справедливости, имел одно хорошее качество: иногда он, смягчаясь в ответ на просьбы, кое-кого щадил, что почти граничит с пороком, как написано это у Цицерона: «Где гнев неумолим, там господствует величайшая строгость; а где он легко сдается, – величайшая неустойчивость, которую, однако, хотя плохо то и другое, должно предпочесть суровости» [932]

41. Через некоторое время Максимин, как раньше Лев, получил преемника и был отозван на главную квартиру императора, будучи возведен в префекты претория. Он не стал от этого сколько-либо мягче и, как змея, старался вредить издали. 42. Тогда же, или немного раньше, появились зеленые побеги на метлах, которыми подметали зал заседаний сената, и это служило предзнаменованием того, что люди самого низкого звания поднимутся до высших чинов сановников.

43. И хотя уже пора вернуться к моему повествованию, однако, не нарушая последовательности изложения, я упомяну кратко о тех несправедливых деяниях, которые были совершены другими викариями префекта города Рима, потому что они действовали по указанию и воле Максимина, как покорные его слуги. 44. После него появился Урзицин, склонный вообще к более мягкому образу действий. Желая соблюдать осторожность и строгую законность, он послал донесение о том, что Езайя с другими, задержанными за прелюбодеяние с Руфиной, пытались обвинить в преступлении об оскорблении величества мужа Руфины, Марцелла, бывшего имперского агента. За это оказались им недовольны, как медлительным человеком, мало подходящим для решительных действий в отношении подобного рода преступлений, и он был отстранен от должности. 45. Его преемником стал Симпликий из Эмоны [933]Сначала школьный учитель, затем советник при Максимине, он после отправления этой должности не стал ни горд, ни надменен, но наводил страх своим косым взглядом. Мягкий на словах, он потихоньку замышлял злое против многих. Прежде всего он казнил Руфину со всеми виновными в прелюбодеянии и соучастниками этого дела, о котором, как я выше сказал, докладывал Урзицин; той же участи подверглись затем многие другие, безо всякого различия между виновными и невиновными. 46. Соревнуясь в кровавой борьбе с Максимином, как со своим образцом, он старался превзойти его в нанесении смертельных ран представителям знат-{*413* }ных родов и подражал древним Бузириду, Антею и Фалариду, [934]так что, казалось, недоставало ему только быка в Агригенте.

47. При таком общем течении дела некая матрона Гезихия, которая была отдана под арест в дом одного служителя канцелярии вследствие возбужденного против нее дела, в страхе перед ожидавшими ее всякими ужасами, вдавила свое лицо в пуховую подушку и, лишившись возможности дышать через нос, задушила себя сама.

48. Сюда прибавилось другое не менее жестокое дело. Евмений и

932 **932.** Cic. Ep. ad Qu. fr. 1, 13, 39.

933 **933.** Город в провинции Паннонии, ныне Лайбах.

934 **934.** Прим. ред.: Бузирид – в греческой мифологии – сын Посейдона, египетский царь, убивавший всех чужеземцев. Антей – сын Посейдона и Геи (Земли), вызывавший всех чужеземцев на поединок и убивавший их; обретал силу в прикосновении к земле. Убит Гераклом, оторвавшим его от земли. Фаларид – см. прим. 19 к кн. 26.

Абиен, оба члена сената, уже при Максимине были уличены в своей связи с Фаузианой, женщиной также знатного сословия. Пока жив был Викторин, они были в относительной безопасности, а после его смерти, устрашенные прибытием Симпликия, который грозился идти по следам Максимина, скрылись в тайном убежище. 49. Когда Фаузиана была осуждена, их привлекли к ответственности и вызвали в суд. Но они постарались скрыться еще тщательнее. Абиен скрывался долго в доме Анепсии. Как обычно бывает, что неожиданный случай отягчает несчастное положение, так было и здесь: раб Анепсии, по имени Апавдул, раздраженный тем, что была высечена его жена, ночью отправился к Симпликию и сделал донос. Тотчас были посланы служители, которые извлекли скрывавшихся из их убежища. 50. Абиен, вина которого отягчалась еще тем, что он обвинялся в прелюбодеянии с Анепсией, был казнен; а Анепсия, видя в отсрочке казни способ спасти свою жизнь, заявила, что она подвергалась насилию в доме Агинация при помощи колдовства. 51. Симпликий составил обо всем этом подробное донесение императору. Находившийся при дворе в ту пору Максимин питал вражду к Агинацию по поводу, о котором я выше сказал, и теперь, вместе с повышением в сане, еще больше ожесточился в своей злобе. Он стал настойчиво просить, чтобы император дал повеление казнить Агинация. И этот зловредный и влиятельный человек без труда добился желательного ему указа. 52. В то же время Максимин опасался усиления ненависти против себя, если по приговору Симпликия, его личного друга и советника, будет казнен человек патрицианского рода. Поэтому он задержал на некоторое время у себя императорское повеление, колеблясь и раздумывая, в ком ему найти верного и решительного исполнителя кровавого дела. 53. Наконец, как в пословице, рыбак рыбака видит издалека, он нашел некоего Дорифориана, галла по происхождению, человека дерзкого до безумия. Получив его обещание быстро справиться с этим делом, Максимин устроил назначение его викарием и передал ему вместе с дипломом о назначении тот рескрипт; а из-за неопытности этого свирепого человека указал ему, как безо всяких препятствий поскорее погубить Агинация, который, воспользовавшись какой-нибудь отсрочкой, мог бы спастись от наказания. {*414* }

54. Согласно приказанию, Дорифориан поспешил в Рим большими переездами и с самого начала отправления своей должности старательно выискивал способ, как ему без содействия с чьей-либо стороны, лишить жизни сенатора знатного рода. Узнав, что он уже давно найден и находится под арестом на собственной вилле, Дорифориан решил самолично провести его допрос как главы обвиняемых и Анепсии в самую полночь, когда человек обыкновенно чувствует себя в возбужденном и тревожном состоянии: не касаясь множества других примеров, я напомню, что Аякс у Гомера высказывает желание умереть скорее при дневном свете, чем испытывать усиление смертного ужаса страхом ночи[935]55. И так как этот судья, или, скорее, негодный разбойник, держа в уме только свое обещание, во всем переступал меру, то, приказав привести для допроса Агинация, он велел впустить туда же целую толпу палачей. При зловещем звякании цепей он мучил пытками до смерти рабов, утомленных продолжительным заключением, требуя от них

935 **935.** Hom. II 17, 645.

показаний против их господина, хотя милосердные законы запрещали делать это в следствиях о прелюбодеяниях[936].

56. Наконец, когда пытка, грозившая окончиться смертью, вырвала у одной рабыни неопределенные показания, он, не исследовав надлежащим образом правильность показания, немедленно изрек смертный приговор Агинацию. Тщетно тот апеллировал громким криком к императорам, его подхватили на руки и убили; по такому же приговору была казнена и Анепсия. Такие злодейства Максимина, как тогда, когда он находился в городе, так и тогда, когда действовал через своих приспешников, приходилось оплакивать Вечному городу. 57. Но не остались без возмездия последние проклятия убитых. Как я расскажу в подходящем месте, Максимин, дошедший до невыносимой наглости, был казнен при Грациане; Симпликий был убит в Иллирике, и Дорифориан был отдан под суд и заключен в Туллианскую тюрьму. По совету матери, император Грациан приказал его оттуда освободить; но когда он вернулся домой, там казнили его мучительной смертью.

Таково было положение дел в городе Риме. Возвращаюсь теперь к своему повествованию.

2.

1. Валентиниан, строивший обширные и полезные планы, укреплял все течение Рейна от начала Рэции и до океанского пролива большими плотинами, надстраивал стены крепостей и укреплений, {*415* } ставил на подходящих и удобных местах сторожевые башни по всему пространству Галлии, а кое-где и за рекой воздвигал сооружения на самых границах с варварами. 2. Когда он понял, что одно высокое и сильное укрепление, которое он сам возвел от основания, может быть мало-помалу подмыто сильным напором воды протекавшей возле него реки Никра [937]он задумал иначе направить само течение реки, привлек опытных в водном деле мастеров и приступил к выполнению этого трудного дела со значительным отрядом солдат. 3. В течение многих дней сколачивали ящики из дуба и опускали их в реку; и хотя вбивали и укрепляли возле них по нескольку рядов огромных свай, но поднимавшаяся в реке вода вырывала их и, двинув с места, ломала в водовороте. 4. Победили однако настойчивость императора и усилия послушных солдат. Часто во время работы им приходилось находиться до подбородка в воде, и были случаи возникновения смертельной опасности; но, наконец, укрепление было освобождено от разрушительного напора реки и крепко стоит и доныне.

5. Очень обрадованный этим успехом Валентиниан стянул опять войска, которые в связи с временем года разошлись уже по разным местам, и прилагал усилия на пользу государству, как и подобает государю. Для выполнения задуманного плана он принял решение спешно построить укрепление по ту сторону Рейна на возвышенности Пире [938]лежащей в земле варваров. И так как только быстрота могла

936 **936.** Прим. ред.: В древности в Риме вообще было запрещено пытать рабов с целью получения показаний против их господ.

937 **937.** Неккар, правый приток Рейна.

938 **938.** 27, 10, 9.

обеспечить благополучное осуществление этого предприятия, то он отдал приказ через Сиагрия, тогда нотария, а позднее префекта и консула, командиру Аратору приняться за это дело, пока повсюду царила глубокая тишина.

6. Аратор немедленно, согласно приказу, и переправился на ту сторону вместе с нотарием и начал земляные работы с солдатами, которых привел с собой. Он был сменен Гермогеном. В то же самое, время появились некоторые старейшины аламаннов, отцы заложников, которых мы держали, согласно условиям договора, как весьма серьезный залог продолжительного мира. 7. Преклонив колени, они молили, чтобы римляне, которые всегдашней верностью слову вознесли свою судьбу до небес, не отклонялись, пренебрегая собственной безопасностью, на ложный путь и не принимались за недостойное дело, поправ условия договора. 8. Эти и подобные речи их не были услышаны, и, видя, что им не получить успокоительного и мягкого ответа, они ушли, оплакивая гибель своих сыновей. Как только они удалились, из укрытого места на соседней {*416* } возвышенности появился отряд варваров, который, как легко было догадаться, дожидался там ответа, который получат старейшины. Бросившись на полуголых солдат, которые тогда носили еще землю, они выхватили мечи и перебили их, и с ними вместе были убиты и оба начальника. 9. Никто не уцелел, чтобы принести весть об этом, кроме Сиагрия, который после гибели всех остальных вернулся на главную квартиру. Разгневанный император лишил его военного звания, и он отправился к себе домой, подвергнувшись столь суровому приговору за то, что единственный уцелел.

10. Между тем в Галлии наглый разбой все усиливался на всеобщую погибель; особенно стали опасны большие дороги, и все, что обещало какую-нибудь поживу, расхищалось самым дерзким образом. Наконец, в числе множества других лиц, ставших жертвой этих коварных нападений, оказался Констанциан [939]трибун императорской конюшни, родственник Валентиниана, брат Цериалия и Юстины [940]его захватили из засады и вскоре после этого убили.

11. И как будто сами Фурии вознамерились вызвать повсеместно такие же бедствия, в другом далеком краю расхаживали жестокие разбойники маратокупрены. Так назывались жители селения с таким названием в Сирии близ Апамеи. При своей многочисленности они отличались большой ловкостью в разных хитростях и внушали большой страх, потому что под видом купцов и военных людей высокого звания, разъезжали, не вызывая огласки, повсюду и нападали на богатые дома, виллы и города. 12. Нельзя было спастись от их внезапного появления, так как они направились не в одно определенное место, а в различные и далеко отстоящие и врывались всюду, куда гнал ветер. Потому-то и саксы внушают больший страх, чем другие враги, вследствие внезапного своего появления [941]Хотя эти шайки ограбили очень многих и, словно в каком-то безумии, испытывая жажду крови не меньше, чем добычи, произвели страшные избиения, но, чтобы рассказом о мелких событиях ... не

939 **939.** Ср. 23, 3, 9.

940 **940.** Жена Валентиниана, ср. 30, 10, 4.

941 **941.** Ср. 30, 7, 8.

осложнить ход изложения, я упомяну лишь об одном коварно задуманном их злодеянии. 13. Собравшись в целый отряд под видом канцелярии чиновника казначейства с правителем провинции во главе, разбойники вошли вечером в город под зловещий крик глашатая и заняли вооруженной силой великолепный дом одного знатного человека под тем предлогом, что он приговорен к смерти с конфискацией имущества. Похитив драгоценную утварь, так как растерявшаяся от внезапного их появления прислуга не защищала своего господина, и перебив многих, {*417* } они поспешно ушли до наступления дневного света. 14. Но так как они, хотя и были отягощены награбленным у многих добром, не упускали случая пограбить еще, то их настиг отряд имперских войск, напал на них и перебил всех до единого. Равным образом было перебито их подрастающее поколение, чтобы, возмужав, не сделалось похожим на родителей. Разрушены были и дома их, которые они обставили с большой роскошью за счет ограбленных ими людей. Это случилось еще до описанных событий.

3.

1. Феодосий, именитый полководец, бодро начал поход из Августы, называвшейся прежде Лундиний, с отлично сформированной армией и оказал великую помощь угнетенным британцам. Повсюду он занимал удобные для засад места, опережая варваров, и не отдавал никакого приказания простому солдату исполнить что-либо, чего бы сам не начал со своей бодрой энергией. 2. Таким образом, исполняя сам обязанности дельного солдата и отличного полководца, он разбил и изгнал разные племена, которые нагло нападали на римские области, сознавая свою безнаказанность. Он восстановил города и крепости, которые пострадали от многочисленных бедствий, и обеспечил им безопасность на продолжительное время в будущем.

3. Пока он так действовал, случилось одно ужасное событие, которое могло бы привести к великим опасностям, если бы не было остановлено в самом начале.

4. Некто Валентин, брат жены Максимина, того ужасного викария, а позднее префекта, человек способный на высокие замыслы, проживавший в Валерии, области Паннонии, был сослан за тяжкое преступление в Британию. Не вынося покоя, этот зловредный зверь стал замышлять восстание и питал гнев на Феодосия, понимая, что только он может подавить его преступные замыслы. 5. Он выискивал тайком и открыто всякие способы для достижения своей цели: дерзкие замыслы его крепли и усиливались, и он начал агитировать среди сосланных и солдат, побуждая их к бунту обещанием наград в размерах, которые ему позволяли обстоятельства. 6. Замысел уже близился к осуществлению. Но Феодосий вовремя получил сведения от своих агентов и со свойственной ему быстротой действий и твердой решимостью покарать ставшее ему известным злодеяние, переслал Валентина с несколькими ближайшими соучастниками вождю Дульцицию для совершения над ними смертной казни. Его военная проницательность, которой он выделялся среди всех своих современников, побудила его, в предвидении будущего, запретить производство следствия о заговорщиках, чтобы не воз-{*418* }будить паники и не оживить только что успокоившихся тревог в британских

провинциях.

7. Ликвидировав всякую опасность, он занялся проведением разных необходимых мероприятий. Всем было известно, что счастье не изменяло никаким его предприятиям, и он стал восстанавливать города и укрепления, как я сказал, обеспечивать границы стражей и сторожевыми постами. Всем этим он настолько привел к прежнему виду провинцию, чуть не захваченную варварами, что по его докладу она получила законного правителя и по решению императора, который как бы справил триумф, называлась впоследствии Валенцией.

8. ... Ареаны [942]класс служащих, установленный с давних пор, о которых я кое-что рассказал в повествовании о Константе, стали мало-помалу позволять себе разные злоупотребления, и Феодосий устранил их с их постов. Они были изобличены в том, что, поддавшись соблазну полученной и обещанной им добычи, не раз сообщали варварам, что происходит у нас. Обязанности их состояли в том, чтобы совершать поездки в разных направлениях и сообщать нашим военачальникам о передвижениях соседних племен.

9. После того как Феодосий столь блистательно завершил эти дела, как и те, о которых я говорил выше, он был отозван ко двору. Провинции он оставил в блестящем состоянии, и его прославляли за многие спасительные победы, как Фурия Камилла или Папирия Курсора[943]. Всеобщее к нему расположение выразилось в проводах до самого пролива. Переправившись при легком ветре через море, он прибыл на главную квартиру императора, был принят с радостью и похвалами и назначен преемником Валента Иовина, состоявшего магистром конницы.

4.

1. Обилие событий внешней истории надолго отвлекло меня (в моем повествовании) от дел города Рима; к их изложению я возвращаюсь, начиная с префектуры Олибрия [944]которая протекала очень спокойно и безо всяких жестокостей. Олибрий никогда не отступал от требований человечности, относился с большой осторожностью к тому, чтобы никакое его дело или слово не оказалось жестоким. Он строго преследовал клеветников, пресекал, где мог, вымогательства чиновников фиска, точно и тонко отличал правду от неправды и выделялся большой мягкостью в обращении с под-{*419* }чиненными. 2. Эти его достоинства омрачал один недостаток, мало вредивший общему делу, но весьма позорный для сановника высокого звания, а именно: вся его жизнь до того времени при его склонности к роскоши прошла в театрах и любовных похождениях, которые, впрочем, не оскорбляли нравственности и

942 **942.** Этот термин нами не засвидетельствован в других источниках. Быть может следует читать Angarii.

943 **943.** Прим. ред.: Марк Фурий Камилл возглавил борьбу с галлами после разрушения ими Рима в 387 г. до н. э. и занимался восстановлением города, за что был удостоен титула «второго основателя Рима». Луций Папирий Курсор, пять раз подряд консул, дважды диктатор, возглавлял борьбу Рима с самнитами в конце 4 – начале 3 в. до н. э. Нанес врагам решающее поражение в 293 г. до н. э.

944 **944.** 368–370.

законов.

3. После него городом управлял Ампелий родом из Антиохии, также со страстью отдававшийся удовольствиям. После того, как он был магистром оффиций, он был два раза проконсулом и значительно позднее достиг высокого звания префекта. То был человек по своим общим качествам как бы созданный для того, чтобы привлечь к себе расположение народа, но подчас, тем не менее, слишком строгий и, к сожалению, неустойчивый в своих решениях. Он мог бы хотя бы отчасти сократить зло обжорства и пьянства, но предпочел попустительство и потому не приобрел прочной славы. 4. Он издал распоряжение, чтобы раньше четвертого часа [945]питейные заведения не открывались, никто из простых людей не согревал воды для горячего напитка, продавцы кушаний не предлагали вареного мяса и чтобы вообще никакой порядочный человек не позволял себе есть на улице. 5. Эти и другие еще более дурные обычаи, вследствие продолжительного попустительства, вошли в такую силу, что даже сам Эпименид Критский, [946]если бы он, как в мифе, восстал из могилы и вернулся к нам, не был бы в силах один отстоять город Рим: такое страшное падение нравов охватило большинство населения.

6. Теперь я хочу описать в беглом очерке, как я несколько раз делал раньше в соответствующих местах, пороки знати, а затем – простого народа. 7. Некоторые, блистая знатными, как они думают, именами, страшно гордятся тем, что зовутся Ребуррами, Флабуниями, Пагониями, Герсонами, Далиями, Таррациниями, Перразиями и другими столь приятно звучащими славными именами. 8. Некоторые величаются шелковыми одеждами и гордо выступают в сопровождении огромной и шумной толпы рабов, как будто их провожают на смерть или – чтобы выразиться, избежав дурного знамения – они замыкают строй выступающей перед ними армии. 9. Когда такие люди входят в сопровождении 50 служителей под своды терм, то грозно выкрикивают: «Где наши». Если же они узнают, что появилась какая-нибудь блудница, или девка из маленького городка, или хотя бы давно промышляющая своим телом женщина, они сбегаются наперегонки, пристают ко вновь прибывшей, говорят в качестве похвалы разные сальности, превознося ее, как парфяне свою Семирамиду, египтяне – Клеопатру, карийцы – {*420* } Артемизию или пальмирцы – Зенобию. [947]И это позволяют себе люди, при предках которых сенатор получил замечание от цензора за то, что позволил себе поцеловать жену в присутствии собственной их дочери, что тогда считалось неприличным [948]

945 **945.** Т. е. не раньше 9 час. утра по нашему счету.

946 **946.** Прим. ред.: Эпименид Критский, «жрец искупления», жил в Афинах ок. 500 г. до н. э.; был орфиком, душа его могла временно покидать тело и отправляться в странствия.

947 **947.** Прим. ред.: Семирамида – см. прим. 30 к кн. 1. Клеопатра – последняя царица Египта из династии Птолемеев; была возлюбленной Цезаря и Марка Антония. Вместе с последним покончила с собой после поражения от Октавиана в морской битве при Акции (30 г. до н. э.). Артемизия – царица Карии, участвовала в 480 г. до н. э. в походе Ксеркса против Греции. Зенобия – жена Одената, царица Пальмиры 3 в. Побеждена Аврелианом в 274 г. и прошла в его триумфе в Риме.

948 **948.** Плутарх в биографии Катона Старшего рассказывает, что во время своей

10. Некоторые из них, когда кто-нибудь хочет их приветствовать объятием, наклоняют голову вниз, словно собирающиеся бодаться быки, и предоставляют льстецам для поцелуя свои колени или руки, полагая, что и это должно их сделать счастливыми, а что касается чужого человека, которому они, быть может, даже в чем-то обязаны, то, по их мнению, выполнен весь долг вежливости, если они предложат ему вопрос, какие термы он посещает, какой водой пользуется, в чьем доме остановился.

11. Будучи столь важными и являясь, как они о себе воображают, почитателями доблестей, эти люди, если только узнают, что получено известие о предстоящем прибытии в Рим коней или возниц, с такой поспешностью бросаются, смотрят, расспрашивают, как их предки дивились некогда братьями Тиндаридами, когда они известием о победе в давние времена наполнили всех радостью [949]

12. Дома их посещают праздные болтуны, которые рукоплещут со всяческой лестью каждому слову человека высшего положения, играя шутовскую роль паразита древней комедии. [950]Как те льстят хвастливым солдатам, приписывая им осады городов, битвы, тысячи убитых врагов, уподобляя их героям, так и эти до небес превозносят знатных людей, восхищаясь высоко воздымающимися рядами колонн с капителями наверху и любуясь стенами, ослепляющими взор блеском мрамора.

13. Иной раз на пирах требуют весы, чтобы взвесить рыб, птиц и сонь, затем идут до тошноты повторяющиеся восхваления их величины, как будто никогда не виданной; а тут еще стоит при этом чуть не тридцать нотариев, с записными книжками, недостает только школьных преподавателей, чтобы произнести об этом речь.

14. Некоторые боятся науки, как яда, читают с большим вниманием только Ювенала и Мария Максима [951]и в своей глубокой праздности не берут в руки никакой другой книги; почему это так, решать не моему слабому рассудку. 15. А между тем, людям такого высокого положения и столь знатного происхождения следовало бы читать много различных сочинений. Ведь они наслышаны, {*421* } что Сократ, когда он уже был приговорен к смерти и заключен в темницу, услышав, как один музыкант распевал под аккомпанемент лиры стихи Стесихора, попросил того учить его, пока есть еще время; на вопрос певца, какая ему от этого польза, когда ему предстоит умереть послезавтра, Сократ ответил: «Чтобы уйти из жизни, зная еще чуть-чуть больше». [952]

16. Немногие среди них проявляют должную строгость во взысканиях за проступки. Так, если раб несколько опоздает, принося горячую воду, отдается приказ наказать его тридцатью ударами плети; если же он

цензуры он исключил из сената Манилия за такой поступок.

949 **949.** Автор делает намек на известное сказание о том, как Кастор и Поллукс известили римлян о победе при Регильском озере.

950 **950.** Прим. ред.: Паразит (греч. «сотрапезник») – в античности – характерный персонаж комедии – остряк, интриган, посредник.

951 **951.** Историк III века, написавший биографии императоров от Нервы до Элагабала по образцу Светония.

952 **952.** Прим. ред.: Лирический поэт Стесихор жил в 640–555 гг. до н. э. Данный анекдот рассказывает Цицерон (Cato maj. 8, 26).

намеренно убьет человека, и присутствующие настаивают, чтобы виновный был наказан, то господин восклицает: «Чего же и ожидать от подобного негодяя и мошенника? Если в другой раз он посмеет сделать что-нибудь подобное, то уж я его накажу».

17. Верхом хорошего тона считается у них, чтобы чужой человек, если его приглашают к обеду, лучше убил бы брата у кого-то, чем отказался от приглашения; сенатору легче потерять половину состояния, чем перенести отсутствие на обеде того, кого он решил пригласить после основательного и неоднократного рассмотрения этого вопроса.

18. Некоторые из них готовы сравнивать свои путешествия с походами Александра Великого или Цезаря, если им пришлось проехаться подальше для осмотра своего имения или для участия в большой охоте; если же они съездят из Аврернского озера на расписных лодках в Путеолы, в особенности, если это происходило во время тумана, то готовы уподобить себя Дуиллию [953]Если при этом на бахроме шелковых завес окажутся мухи, не захваченные золочеными опахалами, или через щель завес проникнет луч солнца, они изливаются в жалобах на то, что не родились они в стране киммерийцев. 19. Если кто-то выходит из бани Сильвана или целебных вод Маммеи, то немедленно вытирается тончайшими льняными простынями и принимается тщательно осматривать вынутые из-под пресса блистающие белизной одежды, – а приносят их столько, что можно было бы одеть одиннадцать человек. Наконец, отобрав несколько одежд и нарядившись, он берет кольца, которые отдавал рабу, чтобы не попортить их сыростью, разукрашивает ими пальцы и уходит.

20. Вернись же кто из них недавно со службы при особе императора или из похода, в его присутствии (никто не смеет открыть рот), он является как бы председателем. Все молча слушают, что он говорит ... он один, как глава дома, рассказывает {*422* } неподходящее, но приятное ему, и по большей части умалчивает о том, что действительно интересно.

21. Некоторые из них, хоть это и нечасто случается, не желают, чтобы их звали aleatores (игроки в кости) и предпочитают называться tesserarii (метатели костей), хотя разница между этими названиями такая же, как между словами «воры» и «разбойники». Следует однако признать, что при общей слабости в Риме дружеских отношений, прочны только те связи, которые возникают за игорным столом, как будто они приобретены по́том славных дел, и они-то поддерживаются с чрезвычайным азартом. Некоторые из игорных обществ живут в такой близости, что можно их признать братьями Квинтилиями [954]

Поэтому иной раз приходится видеть, как какой-нибудь человек, совсем простого звания, но сведущий в разных секретах игры, выступает с мрачным видом, словно Порций Катон, когда он провалился, вопреки всяким ожиданиям, на выборах в преторы, и это потому, что какой-нибудь проконсуляр посажен выше него за торжественным обедом или в собрании.

22. Некоторые заискивают перед богатыми людьми, старыми или молодыми, бездетными или холостыми, или даже такими, у кого есть и

953 **953.** Duilli certamen – конъектура Келлера; Гартгаузен принимает в тексте конъектуру Гиршфельда: velleris certamen.

954 **954.** Dio. Cass. 71, 5.

жена, и дети – в этом отношении не делается никакого различия – и склоняют их удивительно изворотливо к составлению завещания. Когда же те формулируют свою последнюю волю и свое имущество оставляют тем, в угоду кому написано завещание, тут они и умирают, как будто судьба ожидала от них этого именно поступка... .

23. Другой, хотя и состоит в невысоком сане, ходит, гордо откидывая голову назад, и лишь через плечо оглядывает своих прежних знакомых, как будто это возвращающийся после взятия Сиракуз Марцелл.

24. Многие из них, отрицая существование высшего существа на небе, не позволяют себе, однако ни выйти на улицу, ни пообедать, ни выкупаться, прежде чем из основательного рассмотрения календаря в точности не узнают, в каком созвездии находится, например, Меркурий, или какую часть созвездия Рака занимает на своем пути Луна.

25. Другой, если заметит, что его кредитор настойчиво требует уплаты долга, прибегает к нагло готовому на все цирковому вознице и устраивает так, что против кредитора возбуждается обвинение в колдовстве; кары тот избегает лишь в том случае, если разрешит переписать вексель и поплатится сам большими {*423* } расходами. Бывает еще и так, что кредитор попадает в тюрьму; как бы за долг ему, и его отпускают не раньше, чем он признает, этот мнимый долг.

26. С другой стороны, жена кует, по старой пословице, днем и ночью на одной и той же наковальне, заставляя мужа сделать завещание; точно так же и муж настойчиво пристает к жене, чтобы и она составила завещание. С двух сторон приглашаются юристы, чтобы составить взаимно себя исключающие документы, один – в спальне, другой, соперничающий с ним, – в обеденном зале. К юристам присоединяются опытные истолкователи знамений по внутренностям животных, противоречащие между собой в своих предсказаниях: те щедро сулят префектуры и погребения богатых матрон; а эти, как будто уже присутствуя при погребении мужчин, велят делать необходимые приготовления ... как говорит Цицерон: «Ничего на свете не признают они хорошим, кроме того, что приносит выгоду, и к друзьям относятся, как к животным: любят больше всего тех, от кого надеются получить пользу» [955]

27. Когда они хотят сделать заем, то ходят скромно, как на сокках [956]уподобляясь Миконам и Лахетам; а когда им напоминают об уплате, они держат высокий тон, как в трагедии, – подумаешь, что перед тобой Гераклиды Кресфонт и Темен. На этом я закончу о сенате.

28. А теперь перехожу к праздной и ленивой черни. И среди нее величаются иные, хоть и ходят без сапог, именами: Цимессоры, Статарии, Семикупы, Серапины, Цимбрика, Глутирина, Трулла, Луканика, Пордака, Сальзула. [957]29. Всю свою жизнь они проводят за вином и игрой в кости, в вертепах, увеселениях и на зрелищах. Великий цирк является для них и храмом, и жилищем, и местом собраний, и высшей целью всех их желаний. На площадях, перекрестках, на улицах и в гостиницах сходятся

955 **955.** Cic. de amic. c. 21, 79.

956 **956.** Soccus – обувь актера в комедии, низкая, в противоположность котурну – высокой обуви, употреблявшейся актерами трагедии.

957 **957.** Прим. ред.: Ироническая интерпретация древних патрицианских имен.

они в кружки, ссорятся и спорят между собой, причем один, как обычно, стоит за одно, другой – за другое. 30. Люди, успевшие пожить до пресыщения, ссылаясь на свой продолжительный опыт, клянутся Янусом и Эпоной, [958]что гибель грозит отечеству, если возница, за которого они стоят, на ближайшем состязании не выедет первым из-за загородки и, не натягивая вожжей, не обгонит меты. 30. Безделие так въелось здесь в нравы, что лишь только забрезжит желанный день конских ристаний и не успеет еще полностью взойти солнце, как все стремглав спешат чуть не наперегонки с самими колесницами, которые будут состязаться. Все в тревоге и {*424* } раздоре из-за своих обетов, которые приносят многим бессонные ночи [959]

32. А в каком-нибудь жалком театре прогоняют актеров свистом, если кто-то из них деньгами не купит себе расположения черни. Если театры в покое, то, следуя обычаю племени тавров, начинают реветь противными и бессмысленными голосами, что надо выгнать из города всех чужаков, хотя Рим во все времена был силен поддержкой пришлого элемента. Все это далеко не похоже на поведение и склонности древнего плебса, о котором предание сохранило много остроумных и изящных изречений. 33. А в наши дни появился обычай, что вместо усиленных аплодисментов на всяких зрелищах комедианту, гладиатору, вознице, всякого рода актеру, судьям малым и большим, и даже женщинам [960]наемные клакеры настойчиво кричат: «У тебя ему учиться», хотя никто не может объяснить, чему кто должен учиться.

34. Ужасно распространен порок обжорства. Ощущая запах съестного, под пронзительные крики женщин, с первыми петухами, как павлины, что пищат от голода, бегут люди со всех ног, едва касаясь земли, к трактирам и грызут себе пальцы, пока остывают блюда; другие упорно выдерживают неприятный запах сырого мяса, пока оно варится, и можно подумать, что это Демокрит с анатомами, разбирая внутренности убитого животного, учит о том, какими способами потомство может лечить внутренние болезни[961]

35. На этом я закончу свой обзор состояния города Рима и возвращусь теперь к повествованию о событиях, совершавшихся разнообразной чередой в провинциях.

5.

1. В третье консульство обоих Августов [962]саксы, уже не раз промышлявшие грабежом и убийствами наших, поднялись большими

958 **958.** Прим. ред.: Янус – бог дверей и ворот, входов и выходов. При обращении к богам имя Януса называлось первым. Эпона – богиня кельтского происхождения.

959 **959.** Обеты – за успех того или другого возницы, той или иной партии.

960 **960.** Indices celsi et minores – быть может распорядители на играх, при чем матроны – непонятно.

961 **961.** Демокрит назван исследователем природы. Смысл в общем совсем неясен. Вероятно, имеются в виду даровые угощения римской черни за счет государства.

962 **962.** 370 год.

полчищами и, преодолев трудности переправы через океан, быстро направились к нашему рубежу. Первую бурю этого вторжения выдержал комит Нанниен, начальствовавший в тех пределах, полководец, испытанный продолжительным бранным трудом. 2. Но теперь он встретил врага, который хотел победить или умереть, и понесенные им потери в людях и собственная рана заставили его {*425* } понять, что ему не по силам выдержать предстоящую борьбу. На запрос к императору, что ему делать, он получил ответ, что ему на выручку идет магистр пехоты Север [963]3. Когда он прибыл на место с достаточными силами, самою расстановкой своих войск так устрашил варваров еще до битвы, что они и не думали о сопротивлении, но, испуганные блеском знамен и орлов, стали просить прощения и мира. 4. После продолжительного рассмотрения дела со всех сторон, признано было выгодным для государства предоставить перемирие и разрешено было варварам беспрепятственно вернуться туда – откуда они пришли, после того как они отдали много своей молодежи, пригодной для военной службы.

5. С чувством полной безопасности саксы готовились идти назад. Но с нашей стороны тайно был послан отряд пехоты, чтобы устроить засаду в удаленной долине, откуда можно было без затруднений напасть на проходящих мимо. Дело однако вышло совсем иначе, чем предполагали.

6. Заслышав шум шагов, некоторые солдаты выскочили преждевременно. Как только варвары их увидели, они подняли свой зловещий боевой клич, не дали нашим времени приготовиться к бою, и те побежали, однако тотчас же остановились и встали в тесном строю; отчаянность положения вынуждала их напрягать все силы, хотя уже и ослабленные. В кровавой резне они все погибли бы до одного, если бы, услышав их жалобные крики, не прискакал быстро на помощь отряд катафрактов, который был также помещен с другой стороны у перекрестка пути. 7. Тогда началась более ожесточенная сеча; с той и другой стороны стали решительно напирать римляне и избивать мечами окруженного неприятеля. И никому из них не дано было увидать опять родной дом, никому не дали пережить избиение земляков. Какой-нибудь строгий судья осудит это дело, как вероломное и нечестное; но, взвесив все обстоятельства, не станет негодовать, что вредоносная шайка разбойников при удобном случае была уничтожена.

8. Столь благополучно покончив с саксами, Валентиниан обдумывал разные планы и чувствовал себя весьма тревожно, всячески придумывая, каким образом сокрушить ему надменность царя Макриана и аламаннов, которые своими постоянными вторжениями непрерывно наносили неисчислимый вред римскому государству. 9. Хотя этот дикий народ терпел с тех пор, как существовал, тяжелый урон в людях от различных несчастий, но он возрождался в своей силе так быстро, как будто оставался в течение долгих веков в неприкосновенности. Император останавливался то на одном {*426* } плане, то на другом и, наконец, принял решение вызвать на погибель им бургундов, народ воинственный и чрезвычайно многочисленный, а потому и страшный для всех соседей. 10. Через верных и умевших молчать людей он несколько раз посылал собственноручные письма к их царям, побуждая их напасть на аламаннов в условленное время и со своей стороны обещая перейти через Рейн с

963 **963.** Ср. 27, 6, 3.

римскими войсками и потеснить аламаннов в ту пору, когда они в страхе будут пытаться уйти от тяжелой и неожиданной войны.

11. Письма императора были дружелюбно приняты по двум причинам: во-первых, потому что уже с давних времен бургунды верят в свое римское происхождение, во-вторых – они часто бывали в ссоре с аламаннами из-за соляных варниц и границ. Они выслали отборные дружины и, прежде чем римские войска успели собраться в одном месте, прошли до берегов Рейна. Император был в тот момент занят сооружением укреплений, и появление бургундов вызвало большой страх. 12. Некоторое время они выжидали, но так как Валентиниан не явился в условленный день и не исполнил ни одного обещания, они отправили послов на главную квартиру с просьбой прислать им подкрепление, чтобы при возвращении назад иметь прикрытие с тыла. 13. Когда послы поняли по отговоркам и затягиванию дела, что им в этом отказывают, они ушли с огорчением и негодованием. Узнав об этом, цари их пришли в ярость, считая себя обманутыми, и, перебив всех пленных, вернулись в свои земли.

14. Цари носят у них одно общее имя «гендинос» и по старинному обычаю теряют свою власть, если случится неудача на войне под их командованием, или постигнет их землю неурожай. Точно так же и египтяне обычно возлагают вину за такие несчастья на своих правителей. Главный жрец у бургундов называется синист и сохраняет свое звание пожизненно, не подвергаясь никаким случайностям, как цари.

15. Чтобы не упустить этого удобного случая, Феодосий, в ту пору магистр конницы, сделал через Рэцию нападение на аламаннов, разбежавшихся в страхе перед бургундами. Много народу он перебил, некоторых взял в плен и послал их, согласно приказанию императора, в Италию, где они получили плодородные земли и живут теперь, как податное население, на реке По.

6.

1. Теперь, как бы перенесясь на другой конец мира, перейдем к рассказу о бедствиях провинции Триполис в Африке, над которыми, думаю я, плакала сама богиня Справедливости. С чего начались они, как разгоревшееся пламя, это я объясню в последо-{*427*}вательном рассказе. 2. Граничащее с этими пределами варварское племя австорианов, всегда готовое к быстрым набегам и привычное жить грабежом и разбоем, сохранило некоторое время спокойствие, но в силу врожденного своего характера, начало вновь беспорядки, выставляя как серьезное основание следующее обстоятельство. 3. Один соплеменник этих людей, по имени Стахаон, пользуясь миром, свободно ездил по нашей территории и позволял себе какие-то незаконные дела; серьезнее других его проступков один, а именно: он всяческими хитростями старался вызвать измену в провинции, и это было подтверждено несомненными данными. За это он был предан казни огнем.

4. Под предлогом мести за несправедливую, как они утверждали, казнь своего соплеменника они ринулись, как остервеневшие звери, из своих обиталищ еще в правление Иовиана, но так как они опасались подходить к Лептису, городу многолюдному и защищенному сильными стенами, то засели на три дня в подгородных местностях, изобиловавших

всяким добром. Они истребили много крестьян, которых внезапный страх привел в оцепенение или заставил искать спасения в пещерах, и, предав огню много всякого домашнего имущества, которое нельзя было увезти, вернулись к себе с огромной добычей и увели с собой взятого ими в плен одного из вельмож города, которого случайно застали в деревне вместе с семьей. 5. Устрашенные этим внезапным набегом, лептинцы, в ужасе перед бóльшими бедствиями, которыми еще грозили им в своей наглости варвары, просили защиты у Романа, назначенного недавно комитом Африки. Когда он подошел с военными силами и его просили помочь в трудном положении, он заявил, что тронется вперед не раньше, чем будет доставлен провиант в достаточном количестве и приготовлены 4000 верблюдов. 6. Несчастные горожане, изумленные этим ответом, заявили, что после опустошений и пожаров они не в состоянии искупать такими огромными жертвами грозящие им жестокие беды, и комит, пробыв там для вида сорок дней, ушел назад, не предприняв никаких военных действий. 7. Обманувшись в надежде на комита и опасаясь больших несчастий, триполитанцы, когда пришел установленный у них день собрания, которое бывает каждый год, избрали Севера и Флакциана депутатами для вручения Валентиниану золотых статуй богини Победы по случаю начала его правления и поручили им поведать ему с полной откровенностью о тяжких бедствиях провинции. 8. Узнав об этом. Роман послал курьера на быстром коне к магистру оффиций Ремигию [964]– он приходился ему род-{*428* }ственником и был участником его грабежей, – прося его устроить дело так, чтобы следствие было поручено викарию и ему. 9. Депутаты явились на главную квартиру и на аудиенции у императора изложили на словах, какие бедствия постигли их, а также представили письменный документ, в котором последовательно было изложено все дело. Император прочитал письмо, и так как он не доверял ни докладу магистра оффиций, покровительствовавшего Роману в его преступлениях, ни противоречащим показаниям послов, то обещал произвести полное расследование дела; но поскольку верховная власть обычно оказывается игрушкой в руках приближенных, следствие это откладывалось со дня на день. 10. Пока триполитанцы в тревоге и волнении ждали помощи от двора, шайки варваров явились опять, проявляя еще большую наглость вследствие безнаказанности в прошлом. Они прошли область Лептиса и Эи, подвергли их страшному опустошению и ушли с огромной добычей. При этом убито было много декурионов, из которых наиболее известными были Рустициан, бывший жрец провинции, и эдил Никазий. 11. Этому вторжению не был дан отпор, потому что, хотя по просьбе депутатов военная власть была передана правителю провинции Рурицию, но вскоре перешла к Роману. 12. Известие о новом несчастье было отправлено императору в Галлию и привело его в сильное раздражение. Поэтому отправлен был трибун и нотарий Палладий с поручением выдать расположенным в Африке солдатам задержанное жалованье, а также точно расследовать события в Триполисе.

13. Пока происходили эти проволочки и ожидание ответа от императора, австорианы, набравшись еще больше храбрости после повторной удачи, устремились, как хищные птицы, которых остервенил возбуждающий вкус крови. Они избивали всех, кому не удавалось бежать

964 **964.** 27, 9, 3.

от опасности, грабили все, что еще оставалось после прежних набегов, рубили плодовые деревья и виноградные лозы. 14. В эту пору некто Михон, знатный и влиятельный горожанин, был захвачен поблизости от города; он упал на землю и больные ноги не дали ему никакой возможности уйти, но прежде, чем его успели связать, он бросился в сухой колодец. При падении он сломал себе ребро. Варвары вытащили его из колодца и привели к городским воротам. Жена просила позволить ей выкупить его. Михон был поднят на канате на зубцы стен и через два дня умер. 15. Становясь все более наглыми, свирепые разбойники начали штурмовать стены Лептиса, и город, никогда раньше не испытывавший ужасов осады, оглашался жалобными стонами женщин. Восемь дней осаждали они город, и так как понесенные ими при этом потери в людях оказались совершенно напрасными, то они в огорчении вернулись в свою землю. 16. В тревоге за само свое {*429* } существование и испытывая последнее средство, лептинцы, хотя еще не вернулись посланные ими ко двору депутаты, отправили Иовина и Панкратия с поручением представить императору точный доклад обо всем, что они видели и что сами перенесли. В Карфагене эти новые послы встретили Севера и Флакциана, прежних депутатов, и на расспросы о том, что им удалось сделать, узнали, что им приказано было доложить о своем деле викарию и комиту. Север тут и умер от тяжелой болезни. Тем не менее названные выше послы поспешили в больших переездах ко двору.

16. Когда затем Палладий прибыл в Африку, Роман, заранее осведомленный [965]о возложенных на него поручениях и желая обеспечить свою безопасность, посоветовал офицерам легионов через тайных посредников предоставить ему, как человеку влиятельному и близкому к самым высоким чинам, бóльшую часть жалованья, которое он привез. Так и было сделано. 18. Обогатившись таким образом, он направился в Лептис и, чтобы разузнать о делах доподлинно, взял с собою Эрехтия и Аристомена, двух видных и красноречивых граждан, которые ему рассказали о бедствиях своих личных, своих сограждан и соседей, и отправился с ними на подвергшиеся опустошению места. 19. Они показали ему все, ничего не скрывая, и, осмотрев печальную картину опустошения провинции, он вернулся назад. Порицая Романа за его бездействие, он грозился доложить императору всю правду о том, что видел. Тот в гневе и печали заявил, что и он со своей стороны сделает доклад о том, что тот, будучи послан как честный нотарий, обратил в свою пользу весь донатив солдат. 20. Сознавая за собой это преступление. Палладий в дальнейшем ладил с Романом и, вернувшись ко двору, бесчестной ложью обманул Валентиниана, заявив, что триполитанцы жалуются понапрасну. Поэтому он был послан назад в Африку с Иовином, последним депутатом – Панкратий умер в Тревирах, – чтобы совместно с викарием рассмотреть заявления второго посольства. Кроме того император приказал отрезать языки Эрехтию и Аристомену, так как Палладий заявил, будто они сделали клеветнические заявления.

21. Согласно приказанию, нотарий следом за викарием прибыл в Триполис. Узнав об этом, Роман спешно отправил туда своего доместика [966]и происходившего из этой провинции члена своего совета Цецилия. Они

965 **965.** Удерживаю чтение praestructus, которое Гардтгаузен напрасно изменил в praestructurus.

966 **966.** Звание, о котором мы больше знаем в позднейшие времена, в V и VI веках. Его

сумели так настроить триполитанцев – обманом ли, или подкупом – это неизвестно, – что те стали обвинять {430 } Иовина и настойчиво заявляли, что не возлагали на него поручения сообщить государю о том, что он ему доложил. Дело так позорно запуталось, что сам Иовин на свою собственную погибель сознался, что он солгал государю. 22. Когда Палладий вернулся ко двору и Валентиниан узнал об этом от него, то, будучи вообще склонен к жестокости, приказал предать смертной казни Иовина как зачинщика, а Целестина, Конкордия и Луция как злостных соучастников обмана. Он велел также казнить правителя провинции Руриция за ложное известие, а кроме того и за то, что в его докладе, как полагали, были дерзкие выражения. 23. Рурицию был казнен в Ситифисе, над остальными произнес приговор викарий Кресцент в Утике. Флакциан еще до смерти депутатов был подвергнут допросу перед викарием и комитом. Когда он смело держал свою защитительную речь, его чуть не закололи раздраженные солдаты, нападавшие на него с криком и бранью: они утверждали, что триполитанцев нельзя было защищать, потому что сами они отказались доставить необходимые для похода припасы. 24. Поэтому его заточили в тюрьму до того времени, пока не решит, что с ним делать, сам император, к которому обратились с запросом. Подкупив, как можно было предположить, стражу, он бежал в город Рим и там скрывался, пока не умер своей смертью.

25. После этого запоминающегося окончания внешних и внутренних несчастий замолк измученный Триполис; но он не остался беззащитным, так как бодрствовало вечное око правды и возымели действие предсмертные проклятия депутатов и правителя провинции. Много времени спустя случилось следующее. Палладий получил отставку и, убавив спеси, которой он был надут, ушел на покой. 26. Когда славный полководец Феодосий прибыл в Африку с поручением раздавить опасные начинания Фирма и, согласно приказу, совершал обыск частного имущества вышеназванного Романа, среди его бумаг оказалось письмо некоего Метерия, которое начиналось с обращения: «Господину патрону Роману Метерий» и заключало в себе помимо многого, не относящегося к делу, следующее: «Тебя приветствует разжалованный Палладий, который думает, что разжалование постигло его за то, что он в деле триполитанцев солгал священной особе императора». 27. Когда это письмо было послано ко двору и там прочитано, Метерий был арестован по приказу Валентиниана и признал письмо своим. Вследствие этого Палладий был привлечен к ответственности; но, понимая, какую дьявольскую кашу преступлений он заварил, воспользовался отсутствием в начале ночи на гауптвахте стражи, которая в христианский праздник была на всенощной в церкви, и повесился.

28. Когда стал известен этот счастливый поворот судьбы и погиб главный виновник этих тяжких злодейств, появились на свет {431 } божий Эрехтий и Аристомен, которые скрывались в далеких потайных местах с того времени, как узнали, что приказано отрезать им языки за излишнюю болтливость. Смело сообщили они о преступном обмане императору Грациану – Валентиниан тогда уже умер – и были отосланы к проконсулу Гесперию и викарию Флавиану на допрос. Эти последние действовали с полным беспристрастием и справедливостью; Цецилий был

носил при Велизарии в Африке Соломон, сменивший его в командовании.

подвергнут пытке и сознался в том, что он сам посоветовал согражданам обвинить депутатов во лжи перед императором. В результате этого следствия был представлен доклад, в котором была открыта вся правда. Ответа на него не последовало.

29. В полное завершение этой страшной трагедии присоединилась еще следующая сцена. Роман отправился ко двору и привез с собой Цецилия, чтобы тот обвинил следователей в пристрастии в интересах провинциалов. Будучи благосклонно принят Меробавдом, он просил вызвать много нужных ему людей. 30. Когда они явились в Медиолан и доказали, что были вызваны под пустым предлогом, их освободили и отправили домой. Еще при жизни Валентиниана после тех событий, о которых я рассказывал выше, Ремигий получил отставку и повесился, и я расскажу об этом в соответствующем месте. {*432* }

КНИГА XXIX

(годы 371–373)

1. Нотарий Феодор покушается на верховную власть. Обвиненный перед Валентом в Антиохии в преступлении оскорбления величества и уличенный, он казнен вместе со многими соучастниками.

2. На Востоке против многих людей возбуждается обвинение в колдовстве и после обвинительного приговора они подвергнуты казни удушением, одни заслуженно, другие вопреки справедливости.

3. Различные примеры свирепости Августа Валентиниана и его дикой жестокости, имевшие место в западной части империи.

4. Август Валентиниан, пройдя по мосту из судов через Рейн, не смог неожиданно захватить царя аламаннов Макриана по вине солдат.

5. Магистр конницы в Галлии Феодосий побеждает во многих битвах мавра Фирма, сына царя Нубела, который изменил Валентиниану, и, когда тот вынужден был наложить на себя руки, восстанавливает мир в Африке.

6. Квады, раздраженные бесчестным убийством своего царя Габиния, опустошают огнем и мечом Паннонии и Валерию, действуя вместе с сарматами; при этом были почти уничтожены два легиона. О городской префектуре Клавдия. {433 }

1.

1. По окончании зимы персидский царь Сапор, страшно возгордившийся из-за успехов своих прежних побед, пополнил свои войска и, значительно усилив их, направил для вторжения в наши пределы катафрактов, стрелков и наемное войско. 2. Против этих полчищ выступил комит Траян и бывший царь аламаннов Вадомарий с очень сильной армией, собираясь, согласно приказанию императора, действовать против персов скорее оборонительным, нежели наступательным образом. 3. Когда они прибыли в Вагабанту, представлявшую большие удобства для расположения войск, им пришлось выдержать сильный натиск вражеских конных отрядов. Не желая принимать бой, они сначала намеренно отступили, чтобы не

оказалось, что они первыми нанесли ущерб неприятелю и явились виновниками расторжения мирного договора; только вследствие крайней необходимости они вступили в бой и вышли победителями, причинив неприятелю значительный ущерб. 4. Обе армии воздерживались от решительных действий, но несколько раз затевались с той и с другой стороны стычки с различными исходами. Затем было заключено по взаимному соглашению перемирие, и по окончании лета верховные командиры обеих сторон отступили в разных направлениях, сохранив взаимную вражду. Парфянский (персидский) царь вернулся в Ктесифон, чтобы провести там зиму, а римский император вступил в Антиохию. Пребывая там в безопасности от внешнего врага, он едва не пал жертвой внутренней измены, как покажет это дальнейшее изложение событий.

5. Некто Прокопий, неспокойный и всегда страстно преданный интригам человек, сделал донос на придворных Анатолия и Спудасия, которые были осуждены на возмещение растраченных ими казенных денег, как будто они покушаются на жизнь комита Фортунациана, проявлявшего большую настойчивость во взысканиях. Император вследствие жестокости своего нрава тотчас воспылал страшным гневом и, в силу высокого авторитета своей власти, отдал под суд префекта претория некоего Палладия, че-{*434* }ловека низкого происхождения, как нанятого вышеназванными лицами колдуна, и Гелиодора, толкователя судеб по гороскопу, чтобы заставить их выдать, что они знали по этому делу. 6. Когда производился строгий допрос об этом деянии или попытке, Палладий дерзко закричал, что дело, разбирательство которого происходит, пустое и не стоящее внимания; а что он, если позволено будет дать показания, разоблачит другое дело поважнее и пострашнее, для которого сделаны уже приготовления в широких размерах и которое может привести в смятение весь мир, если не будут приняты предупредительные меры. Получив приказание говорить свободно то, что он знает, он стал распутывать бесконечный клубок и утверждал, что бывший правитель провинции Фидустий с Иринеем и Пергамием тайно выведали имя того, кто будет императором после Валента. 7. Немедленно был схвачен Фидустий, находившийся случайно поблизости, и незаметно приведен в суд. Увидев доносчика, он не попытался скрыть уже разоблаченную тайну каким-либо запирательством и открыл всю горестную цель этого дела, откровенно сознавшись, что он обращался с вопросом о будущем государе вместе с опытным в деле прорицания Гилариеми и Патрицием, из которых Гиларий состоял на на дворцовой службе, и что полученный тайными способами ответ предсказал возвышение превосходного государя, а самим вопрошавшим – горестный конец. 8. Когда задумались, кто в ту пору превосходил всех силой духа, пришли к мысли, что превосходит других Феодор, достигший уже второго ранга среди нотариев. И он был в действительности таков, как о нем думали. Происходивший из древнего знатного рода в Галлии, с детских лет прекрасно воспитанный соответственно своему благородному происхождению, он отличался скромностью, рассудительностью, образованностью, располагающими манерами обращения, научными познаниями; он всегда казался выше того ранга и должности, которые занимал, и пользовался расположением, как у высших, так и у низших. Он был почти единственный в то время человек, чей язык не сковывал страх перед опасностью, так как он не давал воли языку, и всегда обдумывал то, что говорил.

9. Фидустий, замученный пыткой до полусмерти, добавил к своим показаниям, что при его посредстве об этом предсказании узнал Феодор через Евсерия, человека известного своей ученостью и пользовавшегося большим уважением, который незадолго до этого управлял Азией в звании вице-префекта. 10. Немедленно был арестован Евсерий, и все дело было, согласно обычаю, прочитано императору. Дикий гнев, словно пылающий факел, разгорелся в душе Валента, и многие еще разжигали его позорной лестью, а больше всех – тогдашний префект претория Модест. 11. Так как он со дня на день все больше опасался быть замененным, то и {*435* } старался разными способами расположить к себе Валента, человека простоватого, обволакивая скрытой и изукрашенной туманными словами лестью; простые и грубоватые речи Валента он называл цицероновскими цветами красноречия и для возбуждения его тщеславия вызывался предоставить в его распоряжение даже звезды, если он велит.

12. И вот отдан был приказ немедленно доставить Феодора из Константинополя, куда он отбыл по личным делам. А пока он был в пути, на основании разных предварительных распоряжений, которые выходили днем и ночью, пригоняли в Антиохию из различных областей множество людей, занимавших видное положение своим саном и знатностью. 13. Ни тюрьмы, ни частные дома не могли уже вместить толпу заключенных, задыхавшихся в страшной тесноте, так как бóльшая часть их содержалась в оковах, и всех обуял ужас за себя и своих близких. 14. Наконец прибыл и сам Феодор, полумертвый и в траурной одежде. Его разместили в глухом закоулке городской территории; было подготовлено все, чего требовало предстоящее следствие, и прозвучал сигнал к гражданскому кровопролитию.

15. И так как историк, сознательно умалчивающий о событиях, совершает, очевидно, не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не случавшееся, то я не отрицаю, – да в этом и нет сомнения, – что жизнь Валента была в крайней опасности, как и прежде нередко из-за тайных заговоров, так и тогда, и что меч, почти занесенный над ним военными людьми, отклонила судьба, предопределением которой он был обречен на горестный конец во Фракии [967]16. Так, когда он однажды после полудня уснул в лесной местности между Антиохией и Селевкией, на него покушался Саллюстий, бывший тогда скутарием. Не раз были в дальнейшем такие же случаи, но он благополучно спасался от этих покушений, так как определенный ему при самом рождении срок кончины не позволял свершиться этим жестоким дерзновениям. То же самое происходило при государях Коммоде и Севере, на жизнь которых бывали не раз самые дерзкие покушения, но первый после того как он благополучно избежал многих различных опасностей в самом дворце, получил почти смертельный удар кинжалом в амфитеатре, когда входил туда на представление, от сенатора Квинциана [968]человека преступного честолюбия, а второй, уже в преклонном возрасте, когда он лежал однажды в спальне, подвергся неожиданному нападению со стороны центуриона Сатурнина [969]по наущению {*436* } префекта Плавциана и был

967 **967.** 31, 13.

968 **968.** Herod. 1, 8; Dio Cass. 72, 4 (Pompeianus).

969 **969.** Dio Cass. 76, 2 (с некоторыми различиями).

бы заколот, если бы не оказал ему помощи его уже взрослый сын. 18. Поэтому простительно было, что Валент со всяческой предусмотрительностью защищал свою жизнь, на которую покушались изменники. Но непростительно было то, что он с царским высокомерием совершенно одинаково, не делая различия между заслугами, со злобой и натиском обрушивался на виновных и невиновных; под сомнением была еще сама виновность, а император уже не имел сомнения относительно кары, так что некоторые раньше узнавали о своем осуждении, чем о том, что на них пало подозрение. 19. Эта его упорная предвзятость усиливалась корыстолюбием как его собственным, так и придворных; последние держали открытой свою пасть, и если изредка произносилось слово «милосердие», то называли это слабостью; они развращали человека, носившего смерть на конце своего языка; как свирепый ураган обрушивались они на все и спешили до основания разрушить самые богатые дома. 20. Император открыл доступ к себе всем интриганам и кроме того был подвержен двум недостаткам: первый – что он впадал в страшный гнев именно тогда, когда он сам стыдился своего гнева, и второй – что он считал ниже своего царского достоинства проверять справедливость того, что выслушивал, с равнодушием частного человека как неопределенные слухи и принимал это за вполне достоверное. 21. Следствием этого было то, что многие под видом милости к ним, были совершенно беспричинно изгнаны из родного дома и отправлены в ссылку; их конфискованное в казну имущество превращалось отчасти в личные доходы императора, так что осужденные были обречены на жизнь за счет подаяния, угнетаемые ужасной нищетой, в страхе перед которой древний поэт, мудрый Феогнид, [970]советует нам даже бросаться в море [971]22. Если даже признать, что они это заслужили, то все-таки само отсутствие надлежащей меры было ненавистно. Поэтому справедливо отмечено, что нет более жестокого приговора, чем тот, который под видом пощады оказывается слишком строгим.

23. И вот, собрались с префектом претория во главе высшие чины, на которых возложено было производство следствия, расставлены были орудия пытки, заготовлены кнуты со свинцом и бичи; все оглашалось ужас наводящими дикими криками, и среди звона цепей слышались возгласы палачей: «держи, запирай, надави, накрой его»! 24. И так как на моих глазах многих после жестоких мук приговорили к казни, и все слилось теперь для меня в одну картину, как в покрытой туманом перспективе, то я в общих {*437* } чертах изложу, что могу в точности восстановить в памяти, которая не удержала все множество отдельных фактов.

25. Прежде всего вызван был на суд Пергамий, против которого, как я сказал, Палладий показал, что он выведывал будущее нечестивыми средствами. Ему предложено было несколько малозначимых вопросов. Как человек, владевший словом и склонный вообще давать волю языку во вред другим, Пергамий, пока судьи размышляли в какой последовательности производить им следствие, дерзко заговорил сам и

970 **970.** Прим. ред.: Феогнид из Мегар – знаменитый греческий поэт 2-й половины 6 в. до н. э.

971 **971.** Theogn. 175 сл.

без конца сыпал тысячами имен, требуя доставить великих преступников чуть ли не из самых отдаленных краев Атласа. После того как он был казнен как зачинщик слишком дерзких обвинений и вслед за ним казнены были другие целой толпой, подошли к делу самого Феодора, словно к состязанию за честь победы на Олимпийских играх. 26. В тот же день помимо множества других горестных событий случилось и следующее: Салия, незадолго до этого бывший комитом казначейства во фракийских областях, когда его собирались вывести на допрос из тюрьмы и он стал надевать сапоги, пораженный величиной обрушившегося на него ужаса, скончался на руках у поддерживавших его людей.

27. Так как на составленном для разбора этого дела судилище судьи, хотя и приводили предписания законов, но направляли дело по воле владыки, то всех обуял ужас. Совершенно отклонившись от пути справедливости и поднаторев уже в искусстве причинять вред, император доходил до крайнего бешенства, как зверь в амфитеатре, если от него ускользает приблизившийся к клетке человек.

28. Когда приведены были на допрос Патриций и Гиларий и было им предложено изложить ход дела, их показания с самого начала разошлись; их подвергли пытке; доставлен был также треножник, которым они пользовались; доведенные до крайности, они открыли полную истину с начала и до конца. Сначала давал показания Гиларий. Он сказал:

29. «Под дурными знамениями устроили мы, почтенные судьи, по образцу Дельфийского треножника этот злосчастный столик, который вы видите, из лавровых прутьев, произнесли над ним таинственные заклинания, долго и много волхвовали и привели, наконец, в движение. Сам же способ приведения в движение, когда обращаются с вопросом о таинственных вещах, был таков.

30. В середине дома, который предварительно был повсюду очищен арабскими благовониями, [972]устанавливался столик, а на него ставилось совершенно круглое блюдо, изготовленное из различных металлов. По окружности блюда искусно были вырезаны двадцать четыре буквы алфавита на точно отмеренных расстояниях. {*438* } 31. Один человек, одетый в льняное платье и обутый в такие же льняные сандалии с повязкой на голове и ветвями счастливого дерева в руках, произнеся по определенной формуле сложенную молитву божеству, от которого исходит откровение будущего, с точным соблюдением установленного обряда становится над треножником и держит на весу укрепленное на очень тонкой льняной нитке легкое кольцо, освященное магическими формулами. Оно останавливается скачками на отдельных буквах, проходя определенные промежутки, и образует эпические стихи, соответствующие вопросам и сложенные в ритме и размере, сходных с Пифийскими или получаемыми из прорицалища Бранхиадов. [973]32. Когда мы вопрошали, кто будет преемником нынешнего императора, то, так как ходили слухи, что он будет во всех отношениях превосходный человек и подскакивавшее кольцо захватило два слога: ФЕО, прибавив и последнюю буку алфавита; один из присутствующих воскликнул, что судьба указывает на Феодора. Дальше мы не вели нашего исследования, так как

972 **972.** Прим. ред.: Арабские благовония использовались при различных магических обрядах по крайней мере со времен Плавта (3 в. до н. э.).

973 **973.** Прим. ред.: В Бранхиадах находился знаменитый оракул Аполлона.

мы были уверены, что это тот, о котором мы спрашивали».

33. Представив с такой определенностью все дело перед глазами судей, он благожелательно прибавил, что Феодор пребывал обо всем этом в полном неведении. Когда затем спросили подсудимых, дал ли им оракул, к которому они обращались, откровение о том, чему они подвергаются в настоящее время, они произнесли в ответ известные стихи, в которых, с одной стороны, было ясно выражено, что это искание сверхчеловеческого в скором времени принесет им гибель, а с другой – и то, что самому императору вместе с его судьями угрожают Фурии, взывающие к убийствам и пожарам. Достаточно будет привести три последних стиха.

Мщенье постигнет того, кем кровь твоя
будет пролита:
Гнев Тисифоны ужасный скует им злую
судьбину
На Миманта полях чрез Арея, жестокого
в мыслях. [974]

После того, как были прочитаны эти стихи, оба виновника были подвергнуты жестоким мукам на пытке, испустили дух, и мертвые тела их были унесены прочь. 34. Затем, чтобы полностью раскрыть механизм задуманного злодеяния, вывели целую толпу людей высоких рангов, в которых видели главных руководителей дела. Так как каждый из них думал только о себе и свою гибель хотел свалить на другого, то с разрешения судей начал давать свои показания Феодор. Сначала он молил о прощении; затем, будучи вынужден давать определенные ответы, сказал, что, узнав {*439* } об этом деле от Евсерия, он несколько раз пытался донести о нем императору, но тот ему помешал, настаивая, что осуществление этой надежды обойдется без преступных попыток захвата верховной власти, а придет само собою, в силу решения неизменной судьбы. 35. Затем такие же показания дал под кровавой пыткой Евсерий. Но Феодора уличало его письмо к Гиларию, составленное в неясных выражениях, в котором он, укрепившись уже в своей надежде на основании пророчества, высказывал уверенность в осуществлении предреченного и лишь осведомлялся о времени исполнения своего желания.

36. Когда это следствие было закончено, вызван был в суд как соучастник заговора Евтропий, который тогда управлял Азией в сане проконсула, но он ушел оправданным. Его выручил философ Пасифил, который был подвергнут жесточайшей пытке, чтобы погубить Евтропия ложным обвинением, но не удалось поколебать твердость духа этого человека. 37. К ним был прибавлен философ Симонид, человек еще совсем молодой, но самый строгий на моей памяти ревнитель добродетели. На него был сделан донос, будто он слышал об этом деле от Фидустия. Когда он увидел, что следствие ведется не по правде, а по велению одного, он заявил, что знал о предсказании, но молчал о доверенной ему тайне, считая недостойным доносить об этом.

38. Когда следствие все это выяснило, император в ответ на доклад судей издал рескрипт, в котором изрек надо всеми безо всяких оговорок смертный приговор. Огромная толпа с ужасом взирала на жестокое

974 **974.** Прим. ред.: Тисифона – одна из Эриний, греческих богинь мщения.

зрелище, и к небу возносились жалобы, так как в страданиях отдельных лиц видели всеобщее бедствие. Всех осужденных повели на казнь и задушили кроме Симонида; последнего свирепый судья, взбешенный твердостью его духа, приказал сжечь живым. 39. Готовый скрыться от жизни, как от свирепой владычицы, с насмешкой над внезапным крушением дел мира сего, Симонид неподвижно стоял в пламени своего костра, следуя примеру знаменитого философа Перегрина, [975]звавшегося также Протеем. Когда тот решил уйти из мира, то на олимпийских состязаниях, на виду у всей Греции, взошел на костер, устроенный собственными руками, и сгорел в пламени.

40. И в следующие дни множество людей всяких званий, перечислить которых по именам было бы трудно, опутанных сетями клеветы, было замучено руками палачей. Силы их были сначала надломлены пытками, свинцом и кнутом; для некоторых казнь последовала без передышки и замедления, пока еще шло разбирательство того, следует ли их казнить; на глазах у всех убивали людей, словно резали скотину. {*440* }

41. Затем, было собрано множество рукописей и кучи книг, и все это предали огню в присутствии судей. Их принесли из различных домов как запрещенные писания, желая этим как бы смягчить впечатление от убийств, хотя это были в основном книги по свободным наукам или же относились к праву.

42. Некоторое время спустя был привлечен к ответственности знаменитый философ Максим, человек с великим именем в науке, из весьма содержательных лекций которого почерпнул свою ученость император Юлиан [976]Ему поставили в вину то, что он слышал о вышеуказанном предсказании. Он признал, что знал, но считал для себя обязательным молчать об этом и сам предсказал, что вопрошавшие оракул будут казнены. Его доставили на родину в Эфес и там отрубили голову, так что и он в свой смертный час испытал, что из всех преступлений самое тяжкое – это несправедливость судьи. 43. В сети преступного коварства был вовлечен и Диоген. То был человек знатного рода, больших дарований, блестящий судебный оратор, располагавший к себе всех приятностью обращения, недавно еще правитель Вифинии. Его казнили, чтобы конфисковать его богатое состояние. 44. В большую беду попал также и Алипий, бывший викарий Британии [977]человек кроткого нрава, вышедший уже в отставку – и сюда протянула свои руки неправда. Вместе со своим сыном Гиероклом, богато одаренным юношей, он был обвинен в колдовстве. Обвинителем против него выступил только один человек низкого происхождения, некто Диоген. Его подвергли всяческим мучениям, чтобы добиться слов, угодных государю, или, правильнее говоря, виновнику обвинения. Когда уже не оставалось на его теле живого места для пытки, он был сожжен живым. А сам Алипий после конфискации имущества был сослан в изгнание. Счастливый случай спас его сына, которого уже вели на казнь, и возвратил отцу.

975 **975.** Прим. ред.: Перегрин Протей, кинический философ 2 в. совершил в 165 г. на Олимпийских играх самосожжение. См. Лукиан «Жизнь Перегрина .

976 **976.** 22, 7, 3; 26, 3, 23.

977 **977.** 23, 1.

2.

1. Во все это время Палладий, открывший эту череду бедствий, который, как я раньше говорил, взят был под стражу Фортунацианом и был готов на все уже по своему низкому происхождению, нагромождал одну гибель на другую и повсюду распространял слезы и горе. 2. Получив возможность предъявлять всем, кому ему будет угодно без различия состояний, обвинения в занятиях колдовством, как сведущий в выслеживании следов диких зверей охотник, опутал {*441* } он многих своей гибельной сетью, обвиняя одних в причастности к колдовству, других в связи с лицами, повинными в оскорбления величества. 3. И чтобы не оставить женам времени оплакать своих несчастных мужей, немедленно посланы были агенты, которые, наложив печати на двери домов, во время обыска у приговоренного к казни подсовывали какие-нибудь старушечьи заклятия или издевательские любовные рецепты, рассчитанные на то, чтобы погубить невиновных. В суде, где ни закон, ни религия, ни справедливость не отличали истины от лжи, зачитывались эти документы, и этих людей, даже не допуская до защиты, после конфискации имущества, хотя за ними не было никакого проступка, безразлично, молодых или стариков, истерзав предварительно на пытках, на носилках уносили на казнь. 4. Следствием этого было то, что по всему Востоку, в страхе перед подобными бедствиями, каждый предавал огню свою библиотеку. Такой обуял всех ужас! Одним словом, мы все в то время топтались как будто в киммерийском мраке, страшась одинаковой участи с гостями сицилийского тирана Дионисия: насыщаясь яствами, более страшными, чем самый голод, они трепетали перед угрожавшими их затылкам мечами, которые были привязаны на конском волосе и спускались с потолка той залы, где они возлежали за столом[978]

5. Тогда же было возбуждено обвинение против Бассиана, принадлежавшего по происхождению к высшей знати, который состоял на службе в звании нотария первого ранга, в том, будто он пытался узнать, кто будет императором. Хотя он уверял, что искал предсказания относительно пола будущего своего ребенка, но лишь старания его влиятельной родни, заступившейся за него, спасли его от смерти, а его огромное состояние было конфисковано.

6. Еще раздавался грохот разрушения стольких знатных домов, когда в сотрудничестве с Палладием Гелиодор, этот дьявольский зачинщик всех бедствий, математик[979]как гласила молва в народе, вследствие тайных соглашений, исходивших из дворца, уже готов был высунуть свое смертоносное жало: всякого рода любезностями побуждали его выдать то, что он знал или выдумывал. 7. Самым заботливым образом его кормили изысканными яствами, снабжали большими суммами денег на подарки блудницам; он появлялся там и сям, выставляя повсюду свою безобразную рожу, и всем внушал ужас. Его наглость возросла еще более, потому что он был, согласно собственному желанию, прикомандирован к сералю и состоял во главе спальных служб; имея туда открытый доступ, {*442* } он

978 **978.** Cic. Tusc. 5, 21, 61–62.

979 **979.** Т. е. предсказатель по гороскопу.

охотно рассказывал там о приговорах отца отечества, [980]которые грозили гибелью многим. Он был адвокатом, и через него получал Валент указания, что ему следует сказать в начале речи, чтобы легче достигнуть успеха и произвести эффект, и какими изысканными фигурами надлежит отделать блестящие ее места.

9. И так как было бы слишком долго перечислять то, что совершил этот палач, я расскажу только про одно, с какой дерзкой наглостью он напал на самых столпов патрициата. Непомерно возгордившись от тайных бесед с придворными, о чем я упоминал, и будучи открыт по своей низости для подкупа ради любого злодеяния он донес на братьев Евсевия и Гипатия, блистательно отправлявших вместе консульский сан [981]родственников императора Констанция по первому его браку [982]будто они стремятся к верховной власти, строят планы относительно ее достижения и предприняли некоторые действия в этом направлении; это он и выставлял в качестве причины путешествия, которое он выдумал, и прибавлял, будто у Евсевия имеется даже наготове императорское облачение. 10. С жадностью ухватился за это свирепый и жестокий государь, считавший, что ему позволено все, даже несправедливое, почему и не следовало бы ему ничего позволять. Он приказал привести всех, на кого указывал с полной свободой обвинитель, освобожденный от действия законов, и распорядился начать следствие.

11. Долго пытались выяснить истину заключением и узами. Тот негодяй стоял на своем в своих коварных хитросплетениях; но и тяжелые пытки не могли вынудить признания, и было совершенно ясно, что эти люди далеки от подобного рода преступлений. И однако клеветник пользовался по-прежнему почтением, а те люди были наказаны штрафом и изгнанием. Вскоре, впрочем, они были возвращены с возмещением штрафа и сохранением прежних санов и почетных отличий.

12. Однако и после этого дела, которое должно бы было заставить одуматься, действовали столь же решительно и беззастенчиво, и наш не в меру властный государь не понимал, что разумный человек не должен даже в отношении своих врагов добровольно идти на злодейства и что нет ничего столь дикого, как соединение свирепого характера с гордым высокомерием верховной власти.

13. Но когда умер Гелиодор – неизвестно, от болезни, или от насилия (не хотел бы сказать этого, если бы само дело не говорило), приказано было идти в трауре перед гробом, который несли простые носильщики, многим сановным лицам и среди них и братьям-кон-{*443* }сулярам (Евсевию и Гипатию). 14. В этом случае обнаружилось еще определеннее все умственное убожество императора: хотя его умоляли успокоиться в неутешном горе, но он остался непреклонен, так что казалось, будто он залил воском свои уши, собираясь плыть мимо утесов сирен. [983]15. Когда, наконец, настойчивые просьбы его уломали, он все-таки приказал, чтобы

980 **980.** Прим. ред.: Этим титулом иронически называется Валент. {542}

981 **981.** Консулы 359 года. См. 18, 1, 1.

982 **982.** Констанций был женат на их сестре Евсевии, 21, 6, 4.

983 **983.** Прим. ред.: Сирены – люди-птицы, дочери Ахелоя (Фориса), своим пением заманивали проходящие мимо корабли к своему острову, где они и разбивались о камни.

одни с непокрытой головой и босыми ногами, а другие – со скрещенными руками шли впереди погребального кортежа этого палача. Теперь даже ужасно вспомнить, в каком унижении оказалось столько людей высшего звания и прежде всего – бывших консулов, после того как они были отличены жезлом, трабеей, занесением в фасты их имен, ставших известными всему миру. [984]16. Первый среди них – наш Гипатий, с отроческих лет блиставший добродетелями, муж разума и совета, поверявший все свои поступки абсолютным мерилом благородства; он приумножил своей славой знаменитость предков и достойными удивления делами своей префектуры, которую исправлял два раза, принес честь своему потомству на грядущие времена.

17. В то же время Валент присоединил к прочим своим достохвальным деяниям следующее: он, отличавшийся такой жестокостью, что с нетерпением ожидал окончания смертью медлящей кары, оставил безнаказанным некоего трибуна Полленциана, совершившего чудовищный поступок. Тот был уличен и сознался в том, что, разрезав живот живой женщины и вынув оттуда плод, с заклинанием духов дерзнул вопрошать о смене государя. Но в память прежних близких отношений император, невзирая на ропот всех слоев общества, сохранил ему жизнь, оставил за ним значительное его состояние и позволил сохранить беспрепятственно прежний чин на службе.

18. О благодетельное образование, благоволением неба предоставленное счастливцам, как часто ты перевоспитывало и дурные от природы характеры! Сколько добра ты могло бы совершить в те темные дни, если бы благодаря тебе Валент мог знать, что власть есть, по определению философов, не что иное, как забота о благосостоянии другого, что добрый правитель должен ограничивать свое имущество, бороться с порывами страсти и с побуждениями сильного гнева и знать, как говорил диктатор Цезарь, что воспоминание о жестокости – плохая опора в годы старости. А потому, когда приходится произнести приговор относительно жизни человека, который является частью мира и дополняет до целого число живых существ, следует долго и много помедлить и никогда не допускать поспешности в деле, которое непоправимо. Известный пример тому дает древность. 19. На суде проконсула Азии Долабеллы [985]в Смирне одна женщина созналась, что отравила {*444* } собственного сына и мужа за то, что они избили ее сына от другого брака. Когда во время повторного разбирательства совет проконсула, на рассмотрение которого дело было передано по закону, колебался, следует ли смотреть на это как на месть, или как на злодейство, обвиняемую отправили в афинский Ареопаг[986], к строгим судьям, справедливый приговор которых разрешал, как гласят предания, даже раздоры богов. Рассмотрев дело, Ареопаг приказал женщине явиться с ее обвинителем через сто лет, чтобы не пришлось ни оправдать отравительницу, ни покарать мстительницу за родичей. Итак, не считается никогда слишком запоздалым применение крайней меры.

984 **984.** Прим. ред.: Фасты – здесь годовые списки высших должностных лиц в Риме.

985 **985.** Прим. ред.: Публий Корнелий Долабелла, претор 69 г. до н. э., позднее проконсул в Азии.

986 **986.** Прим. ред.: Храм в Афинах, место заседания суда, носившего то же название.

20. При всех описанных несправедливостях и позорных следах пыток, оставшихся на теле живых свободных людей, бодрствовало недремлющее око Справедливости, судьи и вечного мстителя за человеческие деяния. Последние проклятия убитых, возбуждая своими справедливыми жалобами вечного бога, зажгли факел Беллоны, чтобы подтвердить правильность оракула, предсказавшего, что никакое преступление не остается безнаказанным.

21. Пока в Антиохии во время свертывания военных действий персами совершались описанные внутренние бедствия. Фурии, сотворив все эти многообразные несчастья, выступили грозной толпой из этого города и обрушились на всю Азию. Это случилось следующим образом. 22. Некто Фестин из Тридента, человек самого низкого и неизвестного происхождения, попал в большую милость у Максимина, который полюбил его как брата и сделал своим товарищем и сотрудником. По решению судеб он переехал на Восток, был правителем Сирии, магистром канцелярии рескриптов, оставил доказательства своей мягкости и уважения к законам и, получив управление Азией в звании проконсула, плыл, как говорится, на полных парусах в гавань славы. 23. Слыша, что Максимин стал врагом всех хороших людей, он иногда и сам порицал его поступки, называл их постыдными и бесчестными. Но когда он узнал, что казни невинных возвысили этого недостойного человека до префектуры, то почувствовал жажду совершить подобное и достигнуть того же. И, словно актер, вдруг сменивший маску, воспылав страстью вредить другим, он стал выступать со злыми выслеживающими глазами, предполагая, что тотчас достигнет префектуры, если и сам запятнает себя казнями невиновных. 24. Он совершил много различных жестоких, выражаясь мягко, проступков, но достаточно привести некоторые, получившие всеобщую известность, в которых он подражал тому, что совершено было в Риме. Действия, как дурные, так и хорошие, повсюду остаются такими же, хотя и различаются по степени. 25. Некоего философа Керания, [987]человека заслуженного, он замучил пытками до смерти лишь за то, что в личном письме к жене тот сделал приписку по-гречески: {*445* } «А ты думай, да не забудь набить подушку» – это обычная поговорка, когда обращают внимание собеседника на какое-либо более важное дело. 26. Одну простую старуху, которая умела лечить перемежающуюся лихорадку невинным заговором, он казнил как преступницу, хотя она с его ведома и по его приглашению вылечила его собственную дочь. 27. В бумагах одного почтенного горожанина, которые было приказано просмотреть по какому-то делу, отыскался гороскоп некоего Валента. Привлеченный к ответственности, он протестовал против клеветы, когда его упрекали в том, что он осведомлялся о гороскопе государя, давал обещание с полной достоверностью свидетельств доказать, что у него был брат Валент, который давно уже умер. Но не стали ожидать выяснения истины, и он был замучен на пытке. 28. В одной бане увидели юношу, который прикасался к мраморной облицовке пальцами обеих рук, каждым по очереди, и затем к своей груди и пересчитывал при этом семь гласных букв (греческой азбуки), считая это целебным средством против боли желудка. Его отвели в суд и после пыток отрубили голову.

987 **987.** Прим. ред.: Родом из Египта.

3.

1. Если я от этих ужасов обращу свое перо к Галлии, то нарушу порядок и последовательность событий, так как и там я встречу того же Максимина, уже в звании префекта; этот человек, пользуясь широкими полномочиями своего сана, являлся злым гением императора, омрачавшего доставшуюся ему верховную власть жестоким произволом. Читатель, принимая к сведению то, что я сообщаю, может сам сделать отсюда вывод об остальном, о чем я умалчиваю, и как благоразумный человек не вменить мне в вину, что я не охватил в своем повествовании всего того, что натворили злые советы преувеличением преступлений. 2. Суровый от природы Валентиниан постепенно все более и более подпадал под власть этого своего недостатка, который враждебен оправданным решениям. По прибытии Максимина, когда уже никто не склонял его к лучшему и не удерживал, Валентиниан переносился как бы под напором волн и бурь от одного ужаса к другому, так что, когда он раздражался, часто менялся его голос, походка, выражение и сам цвет лица. Из множества имеющихся вполне достоверных подтверждений этого достаточно будет привести несколько.

3. Одному юноше из тех, что зовутся педагогианами [988]было приказано держать на охоте спартанского [989]пса и наблюдать за {*446* } выгоняемой на охотников дичью. Он спустил пса раньше времени, так как тот бросился на него, пытаясь вырваться и стал его кусать. За это он был бит палками до смерти и в тот же день погребен. 4. Начальника оружейного завода, который принес ему великолепно отполированный панцирь и ожидал за это награды, он приказал казнить за то, что это железное изделие весило несколько меньше, чем он предписывал. Одного христианского священника из Эпира он приказал казнить за то, что тот дал убежище [990]Октавиану, бывшему проконсулу ...а доносчик получил разрешение, хотя и спустя некоторое время, вернуться восвояси. 5. Конюший Константин позволил себе обменять несколько предназначенных для армии лошадей из числа тех, для получения которых он был послан на Сардинию, и по приказу императора был за это побит до смерти камнями. Популярный в ту пору возница Афанасий возбудил подозрения императора своими легкомысленными поступками, так что тот пригрозил, что прикажет сжечь его живым, если он позволит себе что-нибудь подобное. Немного времени спустя он был обвинен в колдовстве и император приказал сжечь его живым, не будучи нисколько снисходителен к этому любимцу публики. 6. Африкан, усердно занимавшийся адвокатурой в Риме, после управления одной провинцией, стал просить о назначении в другую. Когда об этом подал ходатайство за него магистр конницы Феодосий, благочестивый государь ответил такими грубыми словами: «Иди, комит, и перемени голову тому, кто хочет переменить провинцию». И по этому приговору погиб человек, обладавший даром красноречия, который стремился, как и многие другие,

988 **988.** Пажи.

989 **989.** Прим. ред.: Порода собак, отличавшаяся силой, выносливостью и агрессивностью.

990 **990.** Так восстанавливает здесь смысл пропуска в рукописях Валезий.

повыситься в ранге. 7. Некто, заслуживавший презрения самим своим ничтожеством, обвинял Клавдия и Саллюстия, служивших в легионе иовиев и достигших чина трибуна, в том, будто они высказывались в пользу Прокопия, когда тот выступил претендентом на императорскую власть. Хотя самое тщательное следствие ничего не выяснило, император поручил производившим дознание магистрам конницы отправить Клавдия в ссылку, а Саллюстия приговорить к смерти, обещав при этом помиловать его, когда его будут вести на казнь. Как было условлено, так и сделали; но Саллюстий не ушел от смерти, а Клавдий только после кончины Валентиниана был освобожден из горестной ссылки (пропуск) хотя они и весьма часто подвергались пытке. 8. Один за другим следовали допросы, некоторые умерли, замученные чрезмерными пытками, но даже следа преступлений, о которых был донос, не было обнаружено. В этом {*447* } деле даже протекторы, которых посылали для производства ареста, были биты, вопреки обычаю, палками.

9. Ужас охватывает, если перечислять все по отдельности, и в то же время я опасаюсь, чтобы не показалось, что я намеренно отыскивал проступки государя, который в других отношениях обладал большими достоинствами. Но было бы неправильно обойти или умолчать следующий факт. У него были две свирепые медведицы, любительницы человеческого мяса. Золотая Крошка и Инноценция (Невинность). Он относился к ним с такой заботой, что клетки их поместил возле своей спальни, приставил к ним надежных сторожей, которые должны были следить за тем, чтобы злобная ярость этих зверей не ослабела по какой-нибудь случайности. Инноценцию, в конце концов, за ее заслуги он выпустил на свободу в лес, после того как на его глазах совершено было погребение немалого числа трупов растерзанных ею людей.

4.

1. Таковы доказательства, которые с полной очевидностью изобличают то, что по характеру он был весьма жесток. А что касается бдительности в делах государственных, то тут его ни в чем не упрекнет никто, даже самый непримиримый противник, так как нельзя не признать, что большая заслуга – управляться с варварами при помощи военной силы, чем изгонять их из пределов государства. И когда он дал (пропуск) и каждый враг, движения которого усматривали со сторожевых постов, падал под римским оружием.

2. Среди многообразных забот он придавал чуть ли не первоочередное значение тому, чтобы захватить живым, силой или хитростью, царя Макриана, как незадолго до этого поймал Юлиан Вадомария. Пока многократно менялись наши планы в отношении Макриана, он уже поднимался на нас со своими возросшими силами. Приняв меры согласно этому замыслу и обстоятельствам времени, узнав из показаний перебежчиков, где можно неожиданно захватить вышеназванного Макриана, Валентиниан, соблюдая всю возможную тишину, чтобы кто-либо не мешал в наводке моста, соединил на судах оба берега Рейна. 3. Магистр пехоты Север выступил с передовым отрядом в местность Маттиакских вод [991]но из-за малочисленности своего отряда,

991 **991.** Вероятно Висбаден.

побоялся идти дальше и сделал остановку, опасаясь, что если он не будет в состоянии оказать сопротивление, то напор множества вражеских сил его раздавит. {*448* } 4. Тут ему случайно попались навстречу торговцы [992]которые вели на продажу рабов; опасаясь, что через них может быстро распространиться весть о том, что они видели, он предал всех их смерти, отняв их товар. 5. Приободрившись благодаря прибытию больших сил, вожди на самое короткое время задержались в лагере. Ни у кого не было ни вьючной лошади, ни палатки, кроме императора, да и тому заменяли палатку попоны. Задержавшись немного на месте из-за ночной темноты, они двинулись дальше со знакомыми с местностью проводниками. Коннице приказано было идти впереди под командой Феодосия (пропуск) ему помешал шум, поднятый своими же людьми, хотя он постоянно внушал им воздерживаться от грабежей и поджогов, но не мог этого добиться. Треск огня и нестройные крики разбудили телохранителей Макриана, которые, догадавшись в чем дело, посадили царя на легкую повозку и увезли его в безопасное место по узкой тропе среди крутых высот. 6. Так не удалось это дело Валентиниану не по его вине и не по вине вождей, а вследствие своеволия солдат, которое многократно приносило тяжкие бедствия римскому государству. Предав огню земли врага до пятнадцатого милевого столба, император огорченный вернулся в Тревиры. 7. Там он, как лев, от которого убежал олень или коза, скрежетал голодными зубами, и, пользуясь тем, что паника рассеяла варваров, поставил вместо Макриана царем буцинобантов, аламаннского племени, сидевшего напротив Могонциака, Фраомария. Вскоре однако, поскольку недавний набег совершенно опустошил эту область, он перевел его в Британию и назначил в должности трибуна командиром аламаннского легиона, который в ту пору отличался многочисленностью и силами. Точно также он предоставил военное командование Битериду и Гортарию, знатным людям из того же племени. Но на Гортария вскоре был сделан донос дуксом Германии Флоренцием о том, что он состоит в изменнической переписке с царем Макрианом и варварской знатью. После того как это подтвердилось под пыткой, он был предан казни огнем.

5.

1. Теперь... я считаю уместным описать события (имевшие место в Африке) в непрерывном изложении, во избежание неясности, которая может возникнуть, если вставлять рассказы о других событиях, другого характера и совершавшихся в разных местах. {*449* }

2. Нубель, один из самых могущественных царей мавров, оставил, умирая, несколько сыновей, как законных, так и рожденных от наложниц. Один из последних, Замма, который пользовался расположением комита Романа, был коварно убит своим братом Фирмом. Это вызвало раздоры и войны. Комит, который с большим рвением спешил отомстить за его смерть, принял устрашающие меры на погибель убийце. Ходили упорные слухи, что к этому делу с большим вниманием относится двор, что донесения Романа, в которых он возводил на Фирма жестокие обвинения, охотно принимались и были прочитаны государю, причем многие

992 **992.** Аммиан употребляет слово scurrae.

придворные относились к ним с полным сочувствием. А те представления, которые делал через своих людей Фирм ради своего спасения, хотя и доходили до двора, но долго не доводились до сведения императора, так как Ремитий, тогдашний магистр оффиций, родственник и друг Романа, заявлял, что при наличии более важных и настоятельных дел докладывать такие излишние мелочи можно лишь при удобном случае.

3. Когда мавр понял, что его защитительные писания намеренно скрывают и почувствовал себя в крайней опасности, так как, из-за утаивания того, что он мог сказать в свою защиту, могли изречь над ним смертный приговор как над опасным бунтарем и предать смерти, то отпал от империи и (собрал) вспомогательные силы ...для опустошения (наших провинций?)... 4. Поэтому, чтобы не дать вырасти силам непримиримого врага, был отправлен магистр конницы Феодосий с небольшим отрядом войска [993]То был человек, доблести которого в ту пору выделялись своим блеском среди других как недосягаемые. Он был подобен из древних – Домицию Корбулону и Лузию[994]; первый из них при Нероне, а второй в правление Траяна прославились многими славными деяниями. 5. И вот он выступил с добрыми предзнаменованиями из Арелата[995]сделал переезд по морю с находившимся под его командованием флотом, и, предупредив слух о своем выступлении, пристал к берегу Ситифенской Мавритании в местности, которую местные жители называют Игильгитан [996]Там он случайно застал Романа, принял его любезно, сделал ему некоторое внушение по поводу того, что вызывало у него опасения, и отослал для организации сторожевых постов и пикетов на границе. 6. Когда тот отправился в Кесарийскую Мавританию, Феодосий послал Гильдона, брата Фирма, и Максима арестовать Викентия, который, будучи викарием {*450* } Романа, был участником его высокомерных деяний и казнокрадства. 7. Дождавшись, наконец, своих солдат, которых задержала долгая переправа через море, Феодосий поспешил в Ситифис и приказал протекторам взять под стражу Романа с его свитой. Находясь в этом городе, он чувствовал себя в большой тревоге и придумывал про себя всякие способы, которыми можно было ему вести по сожженным зноем землям привычных к холоду солдат и победить врага, привычного к постоянным передвижениям, совершавшего внезапные набеги и скорее полагавшегося на тайные засады, чем способного вступить в правильное сражение.

8. Когда узнал обо всем этом Фирм сначала по неопределенным слухам, а затем и по вполне надежным сообщениям, то, смущенный прибытием этого испытанного вождя, он стал через послов просить прощения и забвения прошлого; отправил он и письмо, в котором

993 **993.** Comitatensis militis, т. е. войск, состоявших в comitatus, действующей армии (в противоположность milites limitanei). Comitatenses включали в себя и гвардию, milites palatini.

994 **994.** Прим. ред.: Домиций Корбуллон был главнокомандующим римской армией при имп. Клавдии (41–54 гг.) и Нероне (54–68 гг.). Лузий Квет, мавр родом, командовал мавританскими вспомогательными отрядами в армии Траяна.

995 **995.** Арль на юге Франции.

996 **996.** Гигерн.

объяснял, что не по собственному побуждению дошел до того, что сам считал преступным, но его толкнули на это произвол и несправедливость, и брался доказать это. 9. Прочитав письмо и дав обещание не начинать военных действий, если будут предоставлены заложники, Феодосий продолжал путь с целью провести смотр легионов, на которые была возложена охрана Африки, в Панхарианский пост, где им приказано было собраться. Там он приободрил войска речью, исполненной достоинства и разума; вернулся затем в Ситифис, собрал там местных солдат, соединил их с теми войсками, которые привел с собой, и, не медля, поспешил как можно скорее выступить в поход. 10. Помимо многих других прославивших его распоряжений особую популярность принесло ему запрещение выдавать провиант войску населению провинции, причем он заявил с благородной гордостью, что жатвы и хлебные запасы неприятеля являются житницами доблестных солдат.

11. Сделав такое распоряжение на радость земледельцам, он продвинулся до города Тубусупта, расположенного близ Ферратского хребта, и отказался принять второе посольство Фирма, так как оно не привело с собой, вопреки уговору, заложников. С осторожностью разведав здесь все, как того требовало время и место, он устремился быстрым маршем на племена тиндензиев и масиниссензиев, которые знали только легкое вооружение и имели предводителями Масцизеля и Дия, братьев Фирма. 12. Когда эти быстрые враги были уже на виду, с той и с другой стороны понеслись сначала тучи стрел, а затем завязалась жесточайшая сеча. Среди стонов умирающих и раненых слышались воющие вопли пленных варваров. По окончании боя было разграблено и предано огню много селений. 13. Особенно тяжкому разорению, которое было произведено самым жестоким образом, подверглось имение по имени Пе́тра. Владелец его, Сальмаций, брат Фирма, {*451* } отстроил его наподобие города. Приободрившись от этого успеха, победитель занял с чрезвычайной быстротой город Ламфокту, лежавший на границе между двумя вышеназванными племенами. Там Феодосий разместил большой запас провианта, чтобы иметь возможность отдать приказ подвести его с близкого пункта, если бы при продвижении вглубь страны пришлось попасть в пустынные местности. Между тем Масцизель, восстановив свои силы, привел подкрепление от соседних племен и попытал счастья в новой битве с нашими. Но он потерпел тяжкий урон и сам едва спасся от смерти, и то лишь благодаря быстроте своего коня.

15. Фирм, надломленный печальным исходом обеих битв и пораженный в самое сердце, чтобы не оставить неиспробованным последнего средства, отправил посольство из священников христианского обряда с заложниками, чтобы просить мира. Послы были приняты благосклонно, и так как они обещали доставить нужный войску провиант, как им было приказано, то вернулись с милостивым ответом. Отправив вперед дары, мавр смело направился к римскому вождю верхом на коне, который мог выручить его в сомнительных случаях. Когда он приблизился, то блеск знамен и грозное лицо Феодосия поразили его: он соскочил с коня и, склонив шею, почти пригнулся к земле, порицал в слезных выражениях свою опрометчивость и молил о мире и прощении. 16. Феодосий встретил его ласково и облобызал, так как это входило в его планы, и Фирм совершенно приободрился, доставил провиант в достаточном количестве и, оставив несколько своих близких в качестве заложников, удалился, чтобы, согласно договору, возвратить пленных,

которых он захватил в самом начале волнений. И действительно, через два дня после этого он без промедления очистил город Икозий, об основателях которого я говорил выше [997]и, как было ему приказано, возвратил военные знамена, жреческую корону [998]и все остальное, что он захватил.

17. Затем наш вождь вошел в город Типозу, и когда послы мазиков, присоединившихся к Фирму, смиренно молили о прощении, дал им гордый ответ, что он немедленно двинется с войском против них за их измену. 18. Страх перед грозившей им опасностью привел их в оцепенение. Феодосий приказал им отправляться восвояси, а сам продолжал путь в Цезарею, город некогда богатый и знаменитый, о происхождении которого я также подробно рассказал при описании Африки. Когда он вступил в этот город, его взорам представилось зрелище страшного пожарища и торчащие {*452* } повсюду камни, поросшие мхом. Поэтому он распорядился, чтобы первый и второй легионы временно расположились там и приказал людям расчистить кучи мусора и держать охрану, чтобы город не подвергся новому нападению варваров.

19. Когда достоверные и не раз подтвержденные слухи разнесли весть об этих успехах Феодосия, правители провинций и трибун Викентий вышли из убежищ, куда они укрылись, и, освободившись, наконец, от страха, поспешно явились к вождю, который находился тогда в Цезарее. Встретив и приняв их с любезным вниманием, он удостоверился точным исследованием, что Фирм под видом страха и покорности питает тайный замысел напасть с внезапностью бури на войска, не опасавшиеся теперь никаких враждебных действий. 20. Поэтому, выступив из Цезареи, он двинулся к городу Сугабарриту, расположенному на склоне Трансцелленских гор. Там он нашел солдат четвертой когорты сагиттариев, которая перешла на сторону бунтовщика. Чтобы показать, что он довольствуется мягким наказанием, он перевел их всех в низший разряд солдат и приказал отправиться в Тигавии как им, так и части Константинова легиона вместе с их трибунами, из которых один возложил на голову Фирма свою шейную цепь вместо диадемы. 21. В это время вернулись Гильдон и Максим и привели с собой в оковах Беллена, одного из царевичей мазиков, и Фериция, начальника племени: они поддерживали дело возмутителя общественного спокойствия... 22. Когда названные выше отряды явились, согласно приказу, он вышел при первых лучах солнца и, увидев, что они окружены войсками, сказал такие слова: «Верные товарищи! Как по вашему мнению надлежит поступить с этими преступными изменниками?» Раздался крик с требованием кровавой кары, и он выдал солдатам служивших в Константиновом легионе на казнь по древнему обычаю; старшим из сагиттариев он отсек руки, а остальных покарал смертью. Он действовал по примеру строгого командира Куриона, сломившего этим видом казни ярость дарданцев, которая несколько раз возрождалась, наподобие голов Лернейской гидры. [999]23. Но зложелательные хулители, относясь с похвалой к тому древнему

997 **997.** Нет в дошедшем до нас тексте Аммиана.

998 **998.** Ср. 28, 6, 10.

999 **999.** Прим. ред.: Легендарное чудовище с 9 головами, жившее у источника Лерны в Аргосе. Ее убийство было 2-м подвигом Геракла.

деянию, порицают поступок Феодосия, как суровый и жестокий; они говорят, что дарданцы были ожесточенными врагами и понесли справедливую кару, а что с этими солдатами, находившимися на нашей службе, которые оказались виновны в одном лишь проступке, надлежало поступить мягче. Но я должен указать им на то, что они, может быть, и сами знают, а именно, что эта когорта была опасна как своим проступком, так и самим примером. 24. Вышеназванных Беллена и Фериция, которых доставил Гильдон, и трибуна сагиттариев Курандия он приказал казнить, потому что последний и сам никогда не хотел {*453* } нападать на врага и не побуждал к тому своих солдат. В своем образе действий Феодосий следовал лишь изречению Цицерона: «Спасительная строгость лучше, нежели пустая видимость мягкосердечия» [1000]

25. Выступив оттуда, он разбил при помощи таранов поселение, называющееся Гайонатис, окруженное крепкой стеной, которое служило самым безопасным убежищем для мавров. Все жители были перебиты и стены сравнены с землей. Двинувшись затем к крепости Тингису и пройдя через Анкорарские горы, он напал на мазиков, которые собрались здесь со всеми своими силами и уже обменивались с нашими тучей стрел 26. Обе стороны начали наступать друг на друга, и хотя мазики – народ воинственный и выносливый, но они не сломили наших сил и оружия и, будучи несколько раз отбиты с большим уроном, разбежались в позорном страхе. Бросившиеся бежать были перебиты за исключением тех, которые, найдя возможность уйти, смиренно молили о прощении и получили его, так как обстоятельства этого требовали. 27. Суггена, их предводителя ...преемнику Романа он приказал отправиться в Ситифенскую Мавританию с поручением организовать охрану, чтобы провинция не подвергалась нападениям. Сам же он, став еще смелее от своих удач, пошел на племя музонов. Эти грабители и убийцы присоединились к Фирму, который, как они того ожидали, вскоре должен был стать еще могущественнее.

28. Продвинувшись на некоторое расстояние вперед, до города Адды, Феодосий узнал, что много племен, хоть и различных по образу жизни и языку, но объединенных в единодушном порыве, собираются начать ожесточенную войну; побуждала же их к этому обещанием больших наград сестра Фирма по имени Кирия, которая, обладая большими богатствами и проявляя женский задор, решила помочь самым энергичным образом своему брату.

29. Поэтому Феодосий опасался принять неравный бой и не рисковал в битве своего небольшого отряда с несчетным множеством – под его командой было 3,500 человек – потерять всех своих людей, он боролся с двумя чувствами: стыдом перед отступлением и жаждой битвы, но напиравшие на него несметные полчища заставили его отступить. 30. Такой исход чрезвычайно воодушевил варваров и они упорно преследовали его... он бы и сам погиб, и потерял весь свой отряд, если бы нестройно наступавшие варвары, увидав издали вспомогательный отряд мазиков с несколькими римлянами впереди, не подумали, что против них выступает большая армия; они обратились в бегство и открыли нашим занятые ранее {*454* } проходы. 31. Так Феодосий вывел невредимыми

1000 **1000.** Cic. ad Brut. 1, 2, 5.

своих солдат. Прибыв в селение Мазук, он сжег живыми несколько дезертиров, искалечил других по примеру сагиттариев, которым отсекли правые руки, и в феврале прибыл в Типату. 32. Пробыв здесь подольше, он действовал, как тот древний «медлитель», [1001]надеясь, если представится случай, раздавить воинственного и столь опытного в метании стрел врага скорее при помощи разумных военных хитростей, нежели в опасных схватках. 33. При этом он не упускал случая послать опытных в искусстве убеждать посредников к окрестным племенам: байурам, кантаврианам, анастоматам, кафанам, даварам и другим, чтобы привлечь их к союзу страхом ли, или деньгами, а подчас и обещанием оставить безнаказанными их набеги ...сокрушая напор врага двусмысленным образом действий и промедлением, с тем чтобы его раздавить, как некогда Помпей Митридата. [1002]

34. Предвидя нежелательный результат своего дела, Фирм, хотя силы, которыми он располагал для защиты, были очень значительны, покинул свое войско, которое собрал за огромные деньги, и воспользовавшись ночным временем для того, чтобы скрыться, проник в отдаленные Капририенские горы, недоступные вследствие крутизны своих скалистых громад. 35. Его тайный уход имел следствием то, что его войско рассеялось и, расходясь по частям без командира, предоставило нашим возможность проникнуть в его лагерь. Разграбив лагерь и перебив тех, кто оказывал сопротивление, или взяв их в плен, наш осмотрительный вождь опустошил окрестности, и поставил над племенами, через территории которых он проходил, правителей испытанной верности. 36. Это неожиданное и столь смелое наступление так устрашило изменника, что он искал спасения в быстром бегстве в сопровождении лишь нескольких рабов, и чтобы не встретить в чем-либо помехи, бросил свой багаж с драгоценностями, которые он до этого увез. Его жена устала в постоянных передвижениях и... 37. Феодосий не давал пощады никому из появлявшихся и, приободрив своих солдат лучшим довольствием и выдачей жалованья, разбил в легкой стычке капририензиев и абаннов и подошел к городу... узнав от надежных вестников, что варвары заняли уже горы, которые воздымались высоко вверх, образуя со всех сторон обрывы, доступные только для местных жителей, очень хорошо знакомых с местностью, он отступил и тем дал возможность неприятелю усилиться во время перерыва военных действий, хотя и краткого, за счет больших вспомогательных войск соседних с ними эфиопов. 38. Огромными скучившимися массами с ужасным криком бросились они в бой, не щадя своей жизни, и грозным видом неисчислимых отрядов навели на него страх и вынудили отступить. Но вскоре бодрое настроение восстановилось, Феодосий вернулся {*455* } с обильным запасом провианта, войска построились густыми рядами и, грозно размахивая щитами, дали отпор врагу. 39. И вот, хотя наши манипулы, опирая о колено свои щиты, были готовы броситься на варваров, поднимавших страшный шум своим оружием, однако Феодосий, как осторожный и

1001 **1001.** Прим. ред.: Квинт Фабий Максим Веррукос, прозванный Кунктатор («медлитель»), ум. в 203 г. до н. э., консул 233 г. до н. э., диктатор 217 г. до н. э. После поражения римлян от Ганнибала при Тразименском озере вел сдерживающую войну, за что и получил свое прозвище.

1002 **1002.** Прим. ред.: В войне 67–64 гг. до н. э.

предусмотрительный боевой человек, не решился дать сражение из-за малого числа своих солдат: смело выступая в боевом строю, он повернул бестрепетно путь к городу Конто, где Фирм разместил наших пленных в расчете на то, что город этот лежит в стороне и расположен на крутой горе. Освободив всех пленных, Феодосий по своему обычаю применил строгие меры наказания к изменникам и приверженцам Фирма.

40. Пока он вел эти удачные действия с помощью верховного божества, надежный лазутчик сообщил ему, что Фирм бежал к племени исафлензиев. С целью потребовать выдачи его, брата его Мазуки и остальных родственников, Феодосий вступил в пределы этого племени и так как не мог добиться выдачи, то объявил войну. 41. Произошел жаркий бой. Яростный выше всякой меры напор варваров он отразил только тем, что выстроил свою боевую линию полукругом. Исафлензии подались под напором теснивших их отрядов, их пало очень много. Сам Фирм, хотя и бился с ожесточением и не раз бросался на прямую гибель, бежал на своем коне, привычном носиться по скалам и утесам, а брат Фирма Мазука был ранен и взят в плен. 42. Феодосий приказал отправить его в Цезарею, где он оставил следы своих злодеяний; но тот сам раскрыл шире свою рану и скончался. Его отрубленную голову доставили в вышеназванный город при великом ликовании населения. 43. Затем Феодосий, после того как было таким образом подавлено восстание исафлензиев, покарал его племя тяжкими наказаниями, как требовала того справедливость. Так, он предал казни огнем влиятельного гражданина Эвазия, его сына Флора и некоторых других, которые были полностью уличены в том, что тайно оказывали помощь нарушителю мира.

44. Продолжая затем свой поход вглубь страны, Феодосий с большим воодушевлением двинулся против племени юбаленов, откуда, как он узнал, был родом отец Фирма, Нубель; но высота гор и извилистые теснины заставили его остановиться. Он правда, напал на врага, перебил много народа и открыл себе путь, но так как опасался горных высот, где легко можно было устроить засаду, то отступил в Авдиенскую крепость, не потеряв ни одного человека. Там сдалось ему дикое племя иезалензиев и обещало доставить вспомогательный отряд и провиант.

45. Радуясь этим славным успехам, наш превосходный полководец с удвоенным воодушевлением двинулся против самого виновника возмущения и поэтому сделал продолжительную остановку возле укрепления, называющегося Медиан, рассчитывая путем раз-{*456* }личного рода переговоров уладить дело так, чтобы ему выдали мятежника. 46. Среди этих забот и тревог он узнал, что враг опять вернулся к исафлензиям. Не медля, как и прежде, он сделал на них быстрый набег. Ему навстречу выехал царь Игмазен, влиятельный и могущественный в тех местах человек, и дерзко задал ему вопрос: «Из какого ты места и за каким делом ты сюда явился? отвечай». Грозно взглянул на него Феодосий и сказал строгим тоном: «Я комит Валентиниана, владыки круга земного, и послан я, чтобы уничтожить зловредного разбойника. Если ты мне его не выдашь тотчас, то, согласно повелению непобедимого императора, ты погибнешь вместе с твоим племенем». Услышав эти слова, Игмазен разразился бранью на полководца и удалился в гневе и печали. 47. На рассвете следующего дня выступили вперед с той и другой стороны боевые силы в грозном воодушевлении. Варвары выставили на самом строе 20 тысяч человек,

скрыв в тылу вспомогательные отряды, чтобы неожиданно окружить наших, когда они мало-помалу поднимутся на гору. К ним присоединилось много вспомогательных сил от иезалензиев, которые, как я упоминал, обещали нашим помощь и провиант. 48. Напротив, римляне, хоть и очень немногочисленные, но в возбуждении отваги и в гордом сознании прежних побед, сплотив ряды на флангах, тесно сдвинули свои щиты наподобие черепахи и дали отпор, не отступая ни на пядь. Битва тянулась от восхода солнца до конца дня. Незадолго до вечера появился Фирм на высоком коне и, распустив пошире пурпурный плащ, громким голосом убеждал солдат, чтобы они, если хотят спастись от опасности, в которую попали, воспользовались случаем и выдали Феодосия, которого он при этом называл свирепым, суровым и жестоким изобретателем казней. 49. Эти неожиданные возгласы одних побудили биться еще ожесточеннее, а других соблазнили оставить бой. Когда настала ночь и устрашающий мрак скрыл обе стороны, Феодосий вернулся в Дуодиенское укрепление и сделал смотр солдатам; тех из них, которые из страха или вследствие речей Фирма оставили бой, он предал разным казням: одним отрубил правые руки, других сжег живыми.

50. Охранные караулы он расставил самым внимательным образом, и, когда варвары после захода луны в полной темноте возымели дерзость покуситься на его лагерь, одних отбросил, а других, которые дерзко напирали, взял в плен. Вступив затем быстрым маршем, он напал окольными путями на вероломных иезалензиев с той стороны, откуда меньше всего можно было этого ожидать, и предал их земли совершенному опустошению. Потом через города Кесарийской Мавритании вернулся в Ситифис. Там он подверг пыткам Кастора и Мартиниана, соучастников в преступлениях Романа, и затем приказал их сжечь живыми. {*457*}

51. После этого вновь началась война с исафлензиями, и когда в первой же битве варвары были отбиты и много их пало на поле сражения, царь их Игмазен, привыкший до того времени к победам, стал опасаться за свое положение. Поняв, что общение с мятежником, если он его не прекратит, грозит ему смертью, он со всяческими предосторожностями и в большой тайне, насколько это было возможно, выехал один из своего лагеря и, как только увидел Феодосия, униженно стал его просить, чтобы тот приказал явиться Мазилле, старейшине мазиков. 52. Его просьба была исполнена, и через него он вел тайные переговоры с нашим полководцем: он советовал Феодосию, который был упорен по своему характеру, продолжать войну с его земляками, чтобы дать таким образом возможность Игмазену выполнить свой план и непрерывностью войны нагнать на них страх, так как, при всей своей приверженности к изменнику, они истомлены множеством потерь. 53. Феодосий последовал его совету и так обессилил исафлензиев частыми битвами, что их избивали как скотину. Фирм тайком бежал от них, но в то время, когда пытался скрыться в недоступном и отдаленном месте, он был задержан Игмазеном и отдан под стражу. 54. Он узнал о тайных переговорах через Мазиллу, и, видя один лишь исход, решил побороть любовь к жизни добровольной смертью: напоив допьяна своих сторожей, когда те крепко уснули в ночной тишине, сам он не смыкая очей в ужасе перед неизбежной катастрофой, неслышными шагами покинул постель. Ползя на руках и коленях, он ушел подальше, закрепил на гвозде, вбитом в стену, случайно найденную веревку, которую послала ему судьба для

прекращения жизни, засунул голову в петлю и испустил дух, избежав тем самым мучений, в которых ему предстояло окончить жизнь.

55. Игмазен очень от этого огорчился и скорбел, что у него похищена слава, так как ему не удалось привести живым в римский лагерь изменника. Обеспечив себе неприкосновенность через Мазиллу, он повез возложенный на верблюда труп умершего. Когда он приблизился к нашему лагерю, который был расположен у Субикаренского укрепления, то переложил труп на вьючную лошадь и доставил Феодосию к большой его радости. 56. Созвав солдат и население, Феодосий спросил, узнают ли в этом трупе Фирма, и когда убедился, что все без малейшего колебания узнали его, то выступил после небольшой остановки и как триумфатор вернулся в Ситифис. Там его встретили с величайшим торжеством и признательностью люди всех возрастов и состояний [1003]{*458* }

6.

1. Пока вышеназванный полководец (Феодосий) совершал эти воинские подвиги в Мавритании и Африке, внезапно поднялись квады, народ, теперь вовсе не страшный, но в прежнее время невероятно воинственный и очень могущественный [1004]Об этом свидетельствуют их стремительные набеги, совершенные ими вместе с маркоманнами, осада Аквилеи, разрушение Опитергия и множество кровавых деяний, совершенных с чрезвычайной быстротой, так что достойный государь Марк (Аврелий), о чем я раньше рассказывал [1005]с трудом выдержал их напор, форсировав Юлиевы Альпы. [1006]И были у них, как у варваров, основательные причины для жалоб. 2. Валентиниан с самого начала своего правления пламенел похвальным, но и переходившим через край старанием укреплять границы. Он приказал соорудить сторожевые укрепления за рекой Истр на земле квадов, как будто она была уже подчинена римскому закону. Население негодовало на это, но, не желая подвергать себя опасности, старалось задержать эти работы лишь посольством к императору и ропотом. 3. Но Максимин, жадно хватавшийся за каждый повод к злодеянию и не умевший сдерживать прирожденную спесь, которая еще возросла от получения сана префекта, порицал Эквиция, состоявшего в то время магистром армии, отмечая его упрямство и бездеятельность в том, что не доведено до конца дело, которое решено было ускорить. Под предлогом заботы о государственных интересах, он заявил, что если бы власть дукса в Валерии была предоставлена его молодому сыну Марцеллиану, то укрепление было бы воздвигнуто без малейшего промедления. 4. То и другое было исполнено. Назначенный духсом Марцеллиан отправился в Валерию и, прибыв на место, бестактно надутый, как сын своего отца, не сделал никакой

1003 **1003.** Конец этой войны относится к 374 году. Автор предупредил читателя, что события в Африке он расскажет до конца, не прерывая изложения указаниями на то, что в это время происходило в других местах.

1004 **1004.** Ср. 17, 12, 21; 26, 4, 5.

1005 **1005.** В недошедшей до нас части сочинения.

1006 **1006.** Прим. ред.: Первая Маркоманнская война 166–175 гг.

попытки обратиться с ласковыми словами к тем, кого изгоняли из их земель по фальшивым соображениям никогда не слыханной политики, и принялся за достройку начатого укрепления, сооружение которого было приостановлено вследствие разрешения обратиться с просьбой к императору. 5. Царь Габиний почтительно просил не допускать никаких новшеств. Как бы давая надежду на соизволение, Марцеллиан пригласил с притворной вежливостью его и других к себе на обед, а когда тот возвращался после обеда, он приказал убить его, нечистиво нарушив священный обычай гостеприимства.

6. Слух об этом преступном деянии распространился повсеместно и ожесточил как квадов, так и соседние племена. Оплакивая {*459* } гибель царя, они объединились и послали грабительские отряды. Перейдя через Дунай в такую пору, когда не ожидали никаких враждебных действий, варвары напали на сельское население, занятое сбором жатвы, перебили большую часть, а оставшихся в живых увели вместе с множеством различного скота. 7. Едва не случилось в ту пору неизгладимое злое дело, которое пришлось бы причислить к позорнейшим несчастьям римского государства: чуть не попала в плен дочь Констанция; ее везли на бракосочетание с Грацианом и сделали остановку для обеда в государственном имении, называвшемся Пистра. По милости Божьей находившийся тут правитель провинции Мессала посадил ее в экипаж, предназначенный для чиновников, и помчался во всю прыть коней в Сирмий за 26 миль оттуда. 8. Этот счастливый случай спас девушку царского рода от опасности жалкого рабства. Если бы нельзя было устроить выкуп, попади она в плен, то это принесло бы великие бедствия государству.

Квады с сарматами, племена, отличавшиеся особой умелостью в деле грабежей и разбоев, распространяя все шире и шире круг своих набегов, уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь грудам пепла от сожженных селений, страданиям убитых жителей, и без всякой пощады избивали последних, нападая на них врасплох. 9. Страх перед подобными бедствиями распространился по всем соседним местностям, а находившийся тогда в Сирмии префект претория Проб, совершенно не знакомый с ужасами войны, до того был поражен печальным зрелищем, что едва смел поднять глаза. Он долго пребывал в нерешительности, недоумевая, что ему предпринять, и приготовил уже на ближайшую ночь быстрых лошадей для бегства из Сирмия. Но он внял, однако, лучшим советам и остался на месте. 10. Ему сказали, что все находящиеся в городе немедленно последуют его примеру, чтобы укрыться в подходящих убежищах, а если это случится, то город, без всякой попытки защищаться, попадет в руки врага. 11. Поэтому, уняв мало-помалу свой страх, он с решимостью принялся за необходимые настоятельные меры: вычистил рвы, заваленные мусором, принялся за ремонт стен, которые в большей своей части пришли вследствие продолжительного мира в запущение и завалились, снабдил их грозными башнями. Он имел пристрастие к постройкам, ускорению же дела содействовало то обстоятельство, что он нашел готовый материал, собранный уже давно для сооружения театра и оказавшийся теперь достаточным для возведения построек, с которыми приходилось спешить. К этим мероприятиям он прибавил еще одно: с ближайшего поста призвал в город когорту стрелков, чтобы в случае осады она могла защитить его.

12. Эти предосторожности отвратили варваров от осады города: они

не были достаточно искусны в этом роде войны, их обременяла {*460* } к тому же добыча, и они стали выслеживать Эквиция. Узнав из показаний пленных, что Эквиций ушел в очень отдаленные места Валерии, они поспешно направились туда, сердясь на него и злоумышляя на его жизнь за то, что, как они думали, он обманул их ни в чем не повинного царя. 13. Пока они в озлоблении спешили туда, двинуты были им навстречу два легиона, Паннонский и Мезийский, достаточно большая боевая сила. Если бы между ними было единодушие, то без всякого сомнения, они оказались бы победителями. Но у них вышли раздоры, они спорили о чести и достоинстве и спешили по отдельности напасть на разбойников. 14. Хитрые сарматы поняли это и, не ожидая формального сигнала к битве, напали сначала на Мезийский легион и, пока солдаты в смятении хватались за оружие, многих убили. Возгордившись от успеха и воспрянув духом, они прорвали боевую линию Паннонского легиона и, разделив силы отряда, вторичным ударом едва не истребили всех; лишь немногих спасло от смерти поспешное бегство.

15. Во время этих несчастий дукс Мезии Феодосий младший, тогда еще юноша с едва пробивавшейся бородой, а впоследствии славный император, несколько раз изгонял свободных сарматов, называемых так в отличие от восставших против них рабов[1007]и наносил им поражения во время их вторжений в наши пределы на другой стороне. Стекавшиеся их полчища, несмотря на храброе сопротивление, он разбил в многократных стычках так решительно, что насытил диких зверей и хищных птиц кровью множества павших. 16. Остальные, когда уже ослабел задор, стали бояться, что этот полководец, проявивший такую энергичную доблесть, разобьет или обратит в бегство их вторгающиеся шайки на самой границе, или устроит засаду в глуши лесов. После многих тщетных попыток прорваться, которые они предпринимали время от времени, они оставили свой бранный задор, просили о забвении прошлого и, чувствуя себя в данное время побежденными, не делали ничего противоречащего условиям предоставленного им мира. И тем более охватил их страх, что для охраны Иллирика прибыли большие силы из галльской армии.

17. Пока провинции страдали от стольких бедствий, проносившихся над ними непрерывной чередой, Вечным городом управлял Клавдий. В год его правления протекающий через середину города Тибр, который, приняв в себя городские каналы и много обильных водой рек, впадает в Тирренское море, разлился от чрезвычайного избытка дождей и, потеряв даже вид реки, затопил почти весь {*461* } город. 18. Части города, расположенные на равнине, превратились в озера, и только вершины холмов и более высокие дома были безопасны в этом ужасе. Так как высокий уровень воды прервал сообщение, то, во избежание голода, подвозили на лодках и челноках большое количество продовольствия. Но когда погода переменилась и река, сокрушив преграды, вошла в обычное русло, страх прошел, и не ожидали больше никаких несчастий. 19. Сам префект действовал с величайшим спокойствием. Предупреждая каждую справедливую жалобу, он не был вовлечен ни в какие бунты, и восстановил много древних зданий. Между прочим, он отстроил огромный портик, примыкавший к баням Агриппы, который получил название Доброго Исхода по той причине, что поблизости оттуда стоит храм этого

1007 **1007.** Ср. 17, 13; 19, 11.

имени. {*462* }

КНИГА XXX

(годы 374–375)

1. Царь армянский Пара, вызванный Валентом и отданный в Тарс под видом почетной охраны под стражу, бежит с тремя сотнями своих земляков. Обманув стороживших дороги, он возвращается в свое царство на коне. Вскоре после этого его убивает на пиру командир Траян.

2. Посольства Августа Валента и персидского царя Сапора, споривших о царствах Армянском и Иверийском.

3. Август Валентиниан, опустошив несколько областей Аламаннии, имеет свидание с аламаннским царем Макрианом и заключает с ним мир.

4. Префект претория Модест отстраняет Валента от участия в судопроизводстве; о судебных речах, юристах и различных видах адвокатов.

5. Валентиниан, намереваясь начать военные действия против сарматов и квадов, опустошавших Паннонию, отправляется в Иллирик. Перейдя Дунай, он опустошает области квадов, предает огню поселки и истребляет варваров без различия возраста.

6. Валентиниан, разгневавшись во время ответа послам квадов, оправдывавшим своих земляков, умирает от удара.

7. Кто был его отец и что он совершил как государь.

8. Его свирепость, корыстолюбие, ненависть и боязливость.

9. Его доблести.

10. Валентиниан-младший, сын Валентиниана, объявлен Августом в лагере близ Брегециона. {*463* }

1.

1. В то время, когда вероломство командира, совершившего преступное убийство царя квадов, вызвало на Западе серьезные осложнения, совершилось и на Востоке гнусное злодеяние: царь Армении Пара [1008]пал жертвой тайных козней. Главной причиной этого позорного дела послужило, по моим сведениям, следующее обстоятельство. 2, Злонамеренные люди, уже не раз извлекавшие выгоду из общественных бедствий, возводили пред Валентинианом разные обвинения на Пару, только что достигшего юношеского возраста. Среди них был командир Теренций; по внешнему виду то был человек скромный и всегда серьезный, но в течение всей своей жизни он повсюду возбуждал раздоры. 3. Сговорившись с несколькими местными жителями, которые пребывали в страхе перед карой за свои проступки, он в своих донесениях ко двору постоянно напоминал об убийстве Килака и Артабанна [1009]и добавлял, что юный царь, склонный вообще к высокомерным поступкам, проявляет чрезмерную жестокость в отношении своих подданных. 4.

1008 **1008.** Сын Арсака, см. 27, 12, 3.

1009 **1009.** См. 27, 12, 5.

Вследствие этого Пара под предлогом участия в предстоящем обсуждении мероприятий по текущим делам, был приглашен с соблюдением царского этикета; но в Тарсе, столице Киликии, под видом почетной охраны его взяли под стражу, и он не мог ни добиться приема у императора, ни узнать причину спешного вызова, встречая со стороны всех упорное молчание. Наконец он получил тайное донесение о том, что Теренций в письме советовал императору немедленно послать в Армению другого царя, чтобы этот народ, далеко для нас не безразличный, из ненависти к Паре и из страха перед его возвращением не переметнулся к персам, которые горят желанием захватить эту страну силой, угрозами или лестью.

5. Обдумывая это, Пара предвидел, что его ожидает жестокая гибель. Изощренный уже в коварстве и не усматривая другого пути к спасению, кроме как поспешное бегство, он по совету людей, которым доверял, собрал свою свиту, сопровождавшую его с родины {*464* } в числе 300 всадников на быстрых конях, и, приняв скорее дерзкое, нежели обдуманное решение, как это обычно бывает в важных и тревожных обстоятельствах, выступил из города, когда день уже склонялся к вечеру, и отважно бросился вперед, построив свой отряд клином. 6. Правитель провинции, по поспешному донесению о том прислужника, стоявшего на страже ворот, нагнал его поблизости от города и настойчиво просил остаться, но просьбы оказались тщетными, и сам он едва ушел живым. 7. Тотчас был выслан за ним целый легион; но когда он уже настигал беглецов, Пара, повернув назад, бросился на солдат с храбрейшими людьми, осыпая противника стрелами, как искрами, но намеренно не попадая ни в кого, и испуганные солдаты вернулись в город вместе со своим трибуном быстрее, чем выступили [1010]8. Свободный уже после этого от всяких опасений, после трудного похода в течение двух дней и двух ночей, Пара подошел к реке Евфрат. Не имея возможности переправиться через нее за недостатком судов, когда многие робели вследствие неумения плавать, сам он впал больше других в сомнения. И он остался там, если бы в числе разных способов, которые предлагал всякий, не найден был один, самый надежный в отчаянном положении. 9. К кроватям, которые оказались в жилищах, привязали по два меха, которых было много в стране, изобилующей виноградниками. Знатнейшие из свиты и сам царь, усевшись каждый в одиночку на ложе и таща за собой коней, пустились вплавь, держа направление наискосок, чтобы избежать напора встречных волн. Этим способом они, наконец, достигли противоположного берега, преодолев крайнюю опасность. 10. Все остальные, сев на лошадей, пустили их вплавь. Несшиеся вокруг волны не раз их захлестывали или уносили дальше; наконец их прибило к противоположному берегу, измученных и продрогших. Там они оправились и выступили затем в путь, чувствуя себя уже спокойнее, чем в предшествующие дни.

11. Известие о бегстве царя Пары поразило императора и, опасаясь, что, вырвавшись из петли, Пара нарушит верность Риму, он немедленно отправил Даниила и Барзимера, – первый был комитом, второй – трибуном скутариев, – с тысячей легковооруженных стрелков, чтобы они принудили

1010 **1010.** Хотя Аммиан употребляет термин «легион», но, очевидно, применяет это слово к конному отряду небольшой численности.

его вернуться. 12. Полагаясь на свое знакомство с местностью, они опередили его по сокращавшем путь долинам, так как Пара, чужой и необвыкший там человек, делал извилистые и круговые обходы. Разделив между собой войска, они перекрыли две ближайшие дороги, отстоявшие одна от другой на три мили, чтобы таким образом захватить его неожиданно, по {*465* }какой из двух дорог он бы ни направился. Но по следующей случайности план их не удался. 13. Какой-то путник, спешивший на ту сторону, увидев, что холм занят вооруженными солдатами и избегая встречи с ними, пробрался по обходной тропинке, заросшей кустарниками и терном, и натолкнулся на утомленных армян. Его отвели к царю, и в разговоре наедине он ему сообщил, что видел. Его задержали, не причинив никакой обиды. 14. Царь после этого, не выдавая своего страха, послал, никому о том не говоря, одного всадника направо от дороги, чтобы приготовить пристанище и пищу; как только тот уехал вперед, другому было приказано таким же образом как можно быстрее отправиться на левую сторону с той же целью, причем ему оставалось совершенно неизвестным, что другой послан в другом направлении. 15. Приняв эти благоразумные меры предосторожности, сам царь со своей свитой направился, пользуясь указаниями того путника, по тропинке, густо заросшей кустарником, по которой трудно было провести навьюченного коня, оставил солдат позади и ускользнул. А солдаты, захватив его слуг, которые и посланы были только для того, чтобы сбить с толку стороживших, собирались захватить царя чуть ли не распростертыми руками, как добычу на охоте. Пока они ждали, что он подойдет к ним, он беспрепятственно водворился в своем царстве. Принятый с великой радостью земляками, он сохранял нерушимую верность Риму и никому не проговорился об обидах, которые перенес.

16. Даниил и Барзимер вернулись ни с чем. Когда их стали преследовать оскорбительными насмешками за их неловкость и неумелость, они, словно ядовитые змеи, потерявшие свой яд от первого укуса, запасали его вновь, чтобы при первой возможности по мере сил причинить вред ускользнувшему от них царю Паре. 17. Чтобы ослабить свою вину или погрешность, в которую они впали благодаря искусному маневру царя, они стали нашептывать императору, ловившему всякие слухи, ложные обвинения против Пары, придумывая, будто он большой мастер в заклятиях Цирцеи, при помощи которых можно оборотить и расслабить человека. Они добавляли, что он совершил свой переход, наводя на них мрак и придав себе и своим людям другой облик, и что если ему пройдет безнаказанно это издевательство, то он причинит тяжкие беспокойства.

18. Таким образом была усилена непримиримая ненависть императора к Паре, и каждый день замышлялись новые уловки, имевшие целью лишить его жизни силой или тайным способом. Секретным приказом это дело поручено было командовавшему тогда военными силами в Армении Траяну [1011]19. Стараясь обмануть {*466* } царя коварными ухищрениями, он то передавал ему письма Валента в свидетельство его доброго расположения, то являлся сам к нему на обед и, наконец, когда предательство было полностью подготовлено, пригласил его самым вежливым образом к себе на обед. Не подозревая ни о какой

1011 **1011.** 29, 1, 2.

опасности, тот явился и расположился за столом на предоставленном ему почетном месте. 20. Были предложены изысканные кушания, обширный зал оглашался звуками струнных и духовых инструментов и пением, и начало уже действовать горячащим образом вино, когда сам хозяин пира вышел под предлогом какой-то физической надобности и впущен был какой-то варвар грозного вида из тех, что зовутся скуррами[1012]. С диким и угрожающим взором он размахивал вытащенным из ножен мечом, чтобы заколоть юного царя, которому отрезана была уже всякая возможность ускользнуть. 21. Увидев его, царь, как раз тогда случайно наклонившийся над ложем, встал и извлек кинжал, чтобы защищать чем возможно свою жизнь, но он пал с пронзенной грудью, как позорная жертва, постыдно исколотая повторными ударами. 22. Этим нечестивым деянием обманута была доверчивость: кровь чужеземца, брызнувшая под оком Бога гостеприимства на роскошные скатерти среди угощения, которое пользуется уважением даже в странах Евксинского Понта, прибавилась к пресыщению участников пира, разбежавшихся в великом ужасе. Если ушедшие из этой жизни могут испытывать страдание, то застонал бы в ужасе от этого деяния Фабриций Лусцин, вспомнив, с каким великодушием сам он оттолкнул Демарха, или, по другим сообщениям, Никию, царского слугу, который в тайном разговоре обещал убить Пирра, терзавшего тогда Италию ужаснейшей войной, поднеся ему кубок, отравленный ядом, и как он сам написал царю, чтобы тот принял меры предосторожности против своих ближайших слуг. [1013]С таким серьезным вниманием относились предки с их чувством правды к радостному насыщению пищей даже врага. 23. Старались, однако, это новое дикое и постыдное злодеяние извинить примером убийства Сертория. [1014]Но не знали, вероятно, льстецы, что никогда, как утверждает Демосфен, [1015]вечная слава Греции, позорное дело не может быть оправдано тем, что другое было на него похоже и осталось безнаказанным.

2.

1. Таковы достопримечательные события, совершившиеся в Армении. Когда же Сапор, скорбевший о поражениях своих войск в предшествующее время, узнал о смерти Пары, которого очень старался вовлечь в союз с собой, он был поражен тяжкой скорбью, тем более, что бодрый дух нашей армии вызывал в нем страх. {*467*} Опасаясь в будущем еще худшего, он отправил послом к императору Арсака с поручением предложить ему полностью оставить Армению, которая являлась постоянной причиной раздора. В случае, если бы это предположение не

1012 **1012.** Прим. ред.: Скуррами назывались германцы, служившие в римской армии.

1013 **1013.** Прим. ред.: Во время второго консулата Фабриция Лусцина (278 г. н. э.) эпирский царь Пирр вел войну в Италии. Относительно описанного эпизода см. Плутарх, Пирр 21.

1014 **1014.** Прим. ред.: См. его жизнеописание у Плутарха.

1015 **1015.** Прим. ред.: Афинский политический деятель, величайший греческий оратор, боровшийся против македонской экспансии при Филиппе II. Годы жизни – 384–322 г. до н. э.

было принято, он выставлял другое требование, а именно: прекратить разделение Иверии, устранить оттуда гарнизоны римской половины и предоставить царскую власть одному Аспакуру, которого он сам поставил над иверийцами [1016]3. На это Валент дал ответ, что он не может допустить никаких изменений в решениях, принятых с общего согласия и тем с большим рвением будет их отстаивать. На это достойное решение пришло уже в конце зимы ответное письмо царя, в котором он предъявлял лишь пустые и высокомерные претензии. Он утверждал, что невозможно с корнем вырвать поводы для раздоров, если не будут привлечены в качестве посредников люди, участвовавшие в заключении договора с Иовианом, из которых некоторые, как он знал, уже умерли.

4. Так как после этого отношения становились все тревожнее, то император, которому по силам было выбирать между предложенными мерами, а не придумывать свои, признал полезным для дела приказать, чтобы магистр конницы Виктор и дукс Месопотамии Урбиций немедленно отправились в Персию и доставили царю совершенно ясный и не допускающий сомнений ответ такого содержания: если царь стоит за справедливость и не посягает на чужое, как он нередко заявлял, то он совершает преступное дело, посягая на Армению, коль скоро населению позволено жить самостоятельно; если же гарнизоны, предоставленные Савромаку, не удалятся в начале следующего года, как было условлено, то царь будет вынужден выполнить то, что он промедлил сделать добровольно. 5. Посольство действовало твердо и смело; но оно погрешило тем, что согласилось, помимо прямого поручения, на принятие предложенных ему небольших округов в той самой Армении.

По возвращении нашего посольства, прибыл сурена, второе лицо в государстве после царя, и предложил императору те самые округа, которые, не задумываясь, приняли наши послы. 6. Ему был устроен любезный и пышный прием, но отпущен он был, не добившись того, чего требовал, и вслед за тем были начаты большие приготовления к военным действиям. Имелось в виду, что когда дело пойдет к весне, император вторгнется в Персию с тремя армиями, и для этого с величайшей поспешностью нанимали вспомогательные отряды скифов [1017]{*468* }

7. Сапор, не добившись того, на что рассчитывал в пустых надеждах, страшно рассердился, когда узнал, что наш государь готовится к походу. Презирая его гнев, он отдал приказание сурене отобрать вооруженной силой те округа, которые приняли комиты Виктор и Урбиций, если будет оказано сопротивление и войска, отряженные для охраны Савромака, окажутся в опасном положении. 8. Как он повелел, так и было это немедленно исполнено, и не было возможности ни исправить этого, ни отомстить за это, потому что на римское государство обрушился другой ужас, когда весь готский народ неудержимо наводнил Фракию. Об этих несчастьях я вкратце расскажу, если дойду в своем повествовании и до них [1018]

9. Такие события совершались в восточных пределах. Одновременно с этим отомстила за африканские несчастья и дала успокоение теням

1016 **1016.** 27, 12, 16.

1017 **1017.** Очевидно, под этим старым термином разумеются готы.

1018 **1018.** 31, 2–5.

послов Триполиса, все еще не отомщенным и блуждавшим доселе, вечная сила Справедливости. Хотя она и запаздывает иной раз, но все-таки является неукоснительным исследователем правых и неправых дел. Вышло это так. 10. Ремигий, который, как я рассказал, покровительствовал комиту Роману в его грабежах провинций, после того как вместо него стал магистром оффиций Лев, вышел в отставку и занялся хозяйством поблизости от Могонциака, откуда был родом. 11. Пока он там беспечно жил, префект претория Максимин, относясь к нему с полным пренебрежением, как находившемуся уже в отставке, задался целью, всякими, какими только мог, способами оскорблять его, а было ему свойственно обрушиваться на все, словно некоей жестокой заразе. С целью выведать побольше тайн, он схватил Цезария, который был раньше доместиком Ремигия, а потом нотарием государя, и подверг его допросу под кровавой пыткой, задавая вопрос, что делал Ремигий и сколько он получил за помощь в нечестивых деяниях Романа. 12. Узнав об этом, Ремигий, живший, как я сказал, в отставке, потому ли что его мучила совесть, или что страх перед наговорами отнял у него разум, лишил себя жизни, стянув горло веревочной петлей.

3.

1. На следующий год в товарищи по консульству Грациану дан был Эквиций. Валентиниан опустошил несколько областей Аламаннии и принялся за сооружение укрепления близ Базилии, именуемого местным населением Робур (сила) [1019]Тут он получил донесение префекта Проба о несчастьях в Иллирике [1020]2. Вни-{*469* }мательно прочитав его, как подобает осторожному главнокомандующему, он сильно встревожился и послал нотария Патерниана, поручив ему самым точным образом исследовать дело. Как только он получил от него достоверные известия о случившемся, то немедленно стал собираться в поход, чтобы раздавить, как он предполагал, первым шумом оружия варваров, посмевших потревожить границы. 3. Так как в конце осени имелось много серьезных затруднений на пути, то все придворные сановники прилагали старание к тому, чтобы многократными просьбами задержать его до начала весны. Они утверждали, во-первых, что нельзя двигаться по замерзшим дорогам, где невозможно найти ни подросшей травы для подножного корма, ни всего остального, что необходимо для обихода армии; во-вторых, указывали на свирепость соседних с Галлией царей и прежде всего Макриана, внушавшего в ту пору особенные опасения; о нем было известно, что, не будучи приведен к покорности, он дерзнет напасть даже на укрепленные города. 4. Указывая на эти обстоятельства и добавляя полезные советы, они склонили императора к более правильным мыслям. Тотчас, как того требовали государственные интересы, вышеназванный царь был приглашен вежливым письмом на свидание близ Могонциака (Майнц), и сам он был, казалось, склонен вступить в договорные отношения. Он прибыл в невероятно высокомерном настроении, как будущий верховный вершитель судеб мира, и в условленный день

1019 **1019.** Местность нын. Гюннингена

1020 **1020.** 29, 6.

переговоров встал у самого берега Рейна, высоко подняв голову, среди громкого шума щитов, который производили его земляки. 5. С другой стороны Август, окруженный также большой свитой военных людей, сел на речные суда и осторожно пристал к берегу среди блеска сверкающих знамен. Дикие жесты и шум варваров успокоились наконец, и после того как многое было сказано и выслушано с той и другой стороны, была установлена дружба, скрепленная взаимной клятвой. 6. Когда дело устроилось, удалился в свою сторону царь, устроитель разных замешательств, в смягченном настроении, с тем чтобы в будущем быть нашим союзником. И действительно, до самого конца своей жизни он давал в похвальных поступках доказательства своей твердой решимости жить с нами в согласии. 7. Впоследствии он погиб в земле франков. Прорвавшись туда в опустошительном походе, он попал в засаду, подстроенную ему воинственным царем Меллобавдом, и был убит. После торжественного заключения договора Валентиниан ушел на зимовку в Тревиры [1021]{*470* }

4.

Таковы были события в Галлии и на северной стороне. А в восточных частях империи, при полном внешнем спокойствии разворачивались внутренние бедствия из-за друзей Валента и приближенных к нему лиц, для которых личная выгода стоила дороже чести. Прилагались всяческие старания, чтобы отвлечь от участия в судопроизводстве императора, который отличался строгостью и охотно сам выслушивал тяжущихся. Побуждением к тому было опасение, чтобы не воспрянула, как было во времена Юлиана, невинность вследствие возможности защищаться, и не была сломлена надменность могущественных людей, которые под покровом безнаказанности утверждались в своей привычке не знать никаких границ. 2. По этим и подобным мотивам многие во взаимном согласии отговаривали его, особенно же префект претория Модест [1022]Этот человек, находившийся в полном подчинении у императорских евнухов и прикрывавший строгим выражением лица грубость своего духа, нимало не развитого знакомством с древней литературой, внушал императору, что вникать в мелочи частных тяжб ниже достоинства императорской власти. Валент, утвердившись в мысли, что личное участие в разборе дел принижает высоту верховной власти, как тот ему внушал, совершенно отошел от этого и широко раскрыл тем самым двери грабежам, которые усиливались день за днем вследствие подлости судей и адвокатов; действуя заодно, они продавали за деньги интересы людей непривилегированного звания командирам армии и влиятельным при дворе лицам, наживая богатства и высокие звания.

3. Профессию судебных ораторов великий Платон определяет так: *πολιτικ ς μωρίου ’είδωλον*, т. е. тень частицы политической науки, или как четвертую часть лести; Эпикур, называя ее *κακοτεχνία* (искусство обманывать), причисляет ее к дурным искусствам. Тизий называет ее

1021 **1021.** Трир.

1022 **1022.** 19, 12, 6.

орудием убеждения и с ним соглашается Горгий Леонтинский. [1023]4. Искусство, столь нелестно аттестованное древними, превратилось, благодаря мошенничеству неких восточных людей, в нечто ненавистное всякому порядочному человеку, вследствие чего ограничивают его пределами заранее установленного времени. Поэтому я, прежде чем вернуться к продолжению своего повествования, изложу вкратце вредоносные проявления этого искусства, что я видел на опыте во время пребывания в восточных областях. {*471* }

5. В древние времена трибуналы славились изяществом речей, когда ораторы, обладавшие блестящим даром слова, прилежно занимавшиеся науками, выделялись талантом, честностью, богатством и обилием красоты слова. Таков был Демосфен. Когда предстояло ему говорить, то, по свидетельству аттических историков, стекались люди со всей Греции, чтобы его послушать. Точно так же, когда Каллистрат вел знаменитое дело об Оропе, сам Демосфен пришел его послушать, оставив Академию и Платона. Таковы, далее, Гиперид, Эсхин, Авдокид, Динарх, а также тот Антифонт Рамнусийский, который первый, по свидетельству древних, взял плату за защиту дела. [1024]6. Равным образом такие люди, как Рутилий, Гальба, Скавр, славны были своей жизнью, характером, честностью, а затем в разное время следующего века много бывших цензоров и консулов, а также триумфаторов: Красс, Антоний, Филипп и Сцевола, [1025]и множество других, которые, блистательно закончив свои военные командования, после одержанных ими побед и воздвигнутых трофеев, стяжали себе лавры форума на знаменитых процессах и пользовались всеобщим почетом.

7. После них Цицерон, превзошедший всех, постоянно исторгавший потоками своего властного слова из пламени суда над какими-нибудь угнетенными, заявлял, что оставление людей без защиты, быть может, и не навлекает порицания, но небрежное ведение защиты есть преступление.

8. А теперь по всем странам Востока можно видеть целые толпы

1023 **1023.** Прим. ред.: См. Платон, Горгий 463b. Платон (427–346 гг. до н. э.) – величайший древнегреческий философ, создатель платонизма. Эпикур (341–270 гг. до н. э.) – афинский философ, создатель эпикуреизма. Тезий из Сиракуз – один из «открывателей» риторики в середине 5 в. до н. э. Горгий из Леонтин (485–380 гг. до н. э.) – знаменитый софист, персонаж упомянутого диалога Платона.

1024 **1024.** Прим. ред.: Аммиан приводит примеры знаменитых греческих ораторов. Каллистрат был политическим деятелем и оратором в Афинах в 70–60-е гг. 4 в. до н. э. В процессе об Оропе участвовал сам Демосфен. Гиперид (390–322 гг. до н. э.) – современник Демосфена и его соратник по антимакедонской партии. Эсхин (389–314 гг. до н. э.) – сторонник промакедонской партии того же времени. Андокид принадлежал к афинским олигархическим кругам и участвовал в политических интригах около 400 г. до н. э. Динарх – афинский логограф (составитель судебных речей) 2-й половины 4 в. до н. э. Антифон Рамнусийский – один из руководителей олигархического переворота в Афинах в 411 г. до н. э.

1025 **1025.** Прим. ред.: Римские ораторы: Публий Рутилий Руф, философ-стоик, политик и историк, консул 105 г. до н. э.; Сервий Сульпиций Гальба, консул 144 г. до н. э.; Мамерк Эмилий Скавр, современник имп. Тиберия (14–37 гг.); Луций Лициний Красс, консул 95 г. до н. э.; Марк Антоний, консул 99 г. до н. э.; Луций Меций Филипп, консул 91 г. до н. э.; Квинт Муций Сцевола, консул 95 г. до н. э., или его отец, носивший то же имя, консул 117 г. до н. э.

насильников и грабителей, которые бродят по всем площадям и осаждают жилища богатых, как спартанские или критские собаки, и, старательно вынюхивая всякие следы, вылавливают процессы в самом их логовище.

9. Первый класс в их среде составляют те, которые хвалятся тем, что посредством тысячи поручительств сеют различные тяжбы, обивая косяки вдов и пороги сирот. И стоит им только заметить хотя бы слабую зацепку к тому, чтобы вызвать раздражение, как они возбуждают страшнейшую вражду между живущими в полном согласии друзьями, близкими и родственниками. С течением времени эти дурные качества не слабеют, как бывает это с другими; напротив, они все больше и больше укрепляются. Оставаясь бедными при ненасытных своих грабежах, они оттачивают свой язык, как меч, для поимки изворотливыми речами верности присяге судей, само имя которых (index) происходит от слова «справедливость» (institia). 10. Свою дерзость они выдают за свободу, не знающую удержа наглость – за настойчивость и пустую болтливость языка – за красноречие. Сбивать этими скверными способами судей с толку есть прямой грех, как сделал о том замечание Цицерон. Вот его слова: «Так как нет ничего в государстве, что в такой {*472* } мере не должно подвергаться извращению, как голос в народном собрании и приговор в суде, то я не понимаю, почему достоин кары тот, кто их подкупил деньгами, а заслуживает даже славу тот, кто достиг того же самого красноречием. По моему мнению тот, кто совращает судью речью, делает больше зла, чем тот, кто его подкупает, так как честного человека никто не может подкупить деньгами, а речью может».

11. Второй класс составляют люди, которые, выдавая себя за специалистов в науке права, хотя она упразднена взаимной противоречивостью законов, молчат, словно на уста их наложены оковы, и своим упорным молчанием уподобляются собственным своим теням. Как люди, составляющие гороскоп, или толкователи прорицаний Сивиллы, они придают своему лицу серьезное и важное выражение и продают ту науку, которая вызывает у них самих зевоту. 12. Чтобы казаться глубокими знатоками права, они вспоминают Требация, Касцеллия, Алфена,[1026]законы Аврунков и Сиканов, давно уже забытые и похороненные вместе с матерью Эвандра [1027]за много веков до наших дней. И если представить, что ты умышленно убил свою мать, то все-таки они пообещают тебе привести сокровенные места законов для твоего оправдания, если только прослышат, что ты человек денежный.

13. Третью категорию составляют люди, которые ради того, чтобы продвинуться в своей тревожной профессии, изощряют свой продажный язык для опровержения истины и своим медным лбом и низким лаем обеспечивают, себе беспрепятственный доступ всюду, куда захотят. При многосложных тревожащих судей заботах они опутывают дело нерасторжимой сетью и стараются смутить покой всякого тяжбами. Они нарочно заваливают запутанными вопросами суды, которые являются храмами справедливости, когда действуют правильно, а когда развращаются, становятся обманными волчьими ямами: если кто в них попадет, то выберется только через много-много лет, высосанный до

1026 **1026.** Знаменитые юристы конца республики.

1027 **1027.** Verg. Aen. 8, 57 сл.

самого мозга костей.

14. Четвертая и последняя категория, бесстыдная, дерзкая и необразованная, состоит из тех, которые, раньше времени убежав из начальной школы, шатаются по закоулкам городов, занятые больше мимиамбами, чем тем, что нужно для помощи в процессах; обивают пороги богатых людей, гоняясь за тонкими обедами и изысканными кушаньями. 15. Отдавшись погоне за мерцающими выгодами и приобретением отовсюду денег, они убеждают каких-нибудь невинных простаков затевать попусту тяжбы. Будучи до-{*473* }пущены к защите дела, что случается редко, они узнают уже во время производства дела из самых уст противника о форме и содержании принятого ими на себя иска; тут они пускают в ход такую непроходимую околесицу, что можно подумать, будто ты слышишь противное словоизвержение Терсита [1028]16. Когда же они затрудняются обосновать нуждающиеся в доказательстве претензии, то пускаются в необузданную дикую брань. Поэтому случалось, что их самих привлекали к суду за упорные бранные речи против почтенных людей и обвиняли. Среди них есть такие невежды, что сами не помнят, владели ли они когда-либо книгами законов. 17. Если в кружке образованных людей назовут имя старого юриста, они принимают его за чужеземное название рыбы или чего-либо съедобного; а если какой-то человек, прибывший из другого места, спросит только одним словом Марциана [1029]с которым он раньше не имел дела, то все они сейчас станут заверять, что они Марцианы. 18. Они чужды всяких представлений о справедливости и правде, но, предавшись корысти и давно ею охваченные, дают лишь себе неограниченную свободу запрашивать. Стоит им кого-нибудь хоть раз захватить в свои сети, они опутывают его, как паутиной; притворяясь больными, намеренно затягивают дело; они готовы по семь раз за плату выступать на суде для того, чтобы попусту прочитать всем известные положения права, и без конца придумывают одну отсрочку за другой. 19. И когда для обираемых тяжущихся прошли дни, месяцы, годы, тогда, наконец, ставится на очередь состарившееся дело, выступают эти блестящие головы и выводят вместе с собой другие подобия адвокатов. Когда же они вступят за решетку суда и дело идет о состоянии или жизни кого-либо, и нужно стараться, чтобы отстранить от невинного меч или тяжкий убыток, то обе стороны долго стоят, наморщив лбы, делая жесты руками на актерский лад, хотя и нет за спиной флейты, которую применял Гракх во время речей [1030]Наконец, по предварительному уговору, тот, кто более дерзок на язык, начинает какое-нибудь сладкогласное вступление, обещающее поспорить красотами с речами за Клуенция или за Ктесифонта[1031]И когда все уже только и ждут того, чтобы он окончил, он в заключение заявляет, что адвокаты после трех лет, на которые затянулся процесс, еще не вполне разобрались в этом деле. До-{*474* }бившись затем отсрочки, они

1028 **1028.** Hor. II 2, 2, 11.

1029 **1029.** Имя известного юриста, употребленное здесь в смысле термина.

1030 **1030.** Cic. De orat. 3, 60.

1031 **1031.** Автор имеет в виду знаменитые речи Цицерона за Клуенция и Демосфена De corona.

настойчиво требуют платы за труд и опасность, как будто выдержали борьбу с древним Антеем.

20. При всем том адвокатское звание имеет немало неприятного, того, что едва ли может выдержать человек с развитым чувством собственного достоинства. Снизойдя до самых жалких доходов, они ссорятся между собой и дают прорываться, как я уже сказал, дикой ругани, причиняющей обиды многим. Полный простор дают они ей тогда, когда не могут подкрепить слабость вверенного им иска сильными аргументами. 21. Подчас им приходится иметь дело с судьями, которые получили свою выучку в актерском шутовстве Филистиона и Эзопа, а не вышли из школы Аристида, по прозвищу «справедливый», или Катона.[1032]Купив за большие деньги свое общественное положение, они высматривают, как назойливые кредиторы, какое бы то ни было имущество и исторгают у других добычу, отнимая чужое добро. 22. Наконец, тяжкая и жалкая сторона адвокатуры состоит в следующем: хотя дела проигрываются по тысяче различных случайностей, но можно сказать, всем тяжущимся как бы врождено представление, что неудачный исход процесса составляет вину адвокатов; им они приписывают всякий исход судоразбирательства и раздражаются не на недочеты иска, не на имеющую место иной раз несправедливость судей, но только на своих защитников. Но возвращаюсь к тому месту моего повествования, в котором я сделал отступление.

5.

1. С наступлением весны Валентиниан выступил из Тревиров и быстрым маршем двинулся по обычным дорогам. Когда он уже подходил к тем областям, куда направлялся, к нему прибыли послы сарматов. Распростершись у его ног, они обращали к нему миролюбивые моления, чтобы он в милостивом и кротком настроении шел к ним, так как он найдет их земляков невиновными ни в чем ни советом, ни делом. 2. На их многократные повторения одного и того же император, по соображениям данного момента внимательно обдумав это дело, дал им ответ, что приписываемые им поступки должны быть расследованы на месте их совершения самым тщательным образом и привести к денежному взысканию. Затем он вступил в иллирийский город Карнунт [1033]находящийся в настоящее время в запустении и в развалинах, но представлявший собой весьма удобный пункт для командира армии, так как с этой {*475* } близкой к границе стоянки, когда случай или расчет даст такую возможность, легко было задерживать варварские набеги.

3. Все пребывали в страхе и ждали, что по своей вспыльчивости и жестокости он покарает правителей, которые своим вероломством и трусостью вызвали запустение этой части Паннонии. Но когда он туда прибыл, то проявил такое равнодушие, что не стал производить следствия

1032 **1032.** Прим. ред.: Филистион – знаменитый мимический актер. Эзоп – греческий баснописец 6 в. до н. э., Аристид по прозвищу «Справедливый» – афинский государственный деятель 5 в. до н. э., принадлежал к аристократической партии и был противником Фемистокла, Катон – имеется в виду Катон Старший.

1033 **1033.** Между Дейч-Альтенбургом и Петронелем видны остатки этого города.

об убийстве царя Габиния [1034]и дознаваться, по чьему попустительству и небрежению государство потерпело такой ущерб. Тут проявлялась та его черта, что, суровый в применении наказаний к простым солдатам, он был слишком снисходителен по отношению к людям высшего ранга и ограничивался лишь резкими выражениями.

4. Одного только Проба он преследовал с ожесточенной ненавистью и не переставал с тех пор, как его увидел, угрожать ему с одинаковой резкостью. Причины этого были известны и имели серьезное основание. Поэтому, впервые достигнув звания префекта претория и желая подольше сохранить его за собой всякими и не всегда похвальными способами, Проб, в противоречии со славой своего рода, более радел о лести, нежели о собственном достоинстве. 5. Потворствуя стремлению государя отовсюду набирать деньги, не делая большого различия между правдой и неправдой, он не старался вернуть его на стезю справедливости, как нередко поступали разумные советники, но и сам следовал за ним на этом дурном пути, хотя император мог поддаваться внушению. 6. Отсюда тяжкие бедствия подданных, гибельные налоги с изысканными названиями, упадок крупных и мелких состояний, причем многолетняя привычка к злоупотреблениям находила все новые и новые более сильные оправдания. Наконец тяжесть податей и многократное увеличение налогов вынудили некоторых лиц из местной знати из страха окончательного разорения искать новые места для жительства; другие страдали от жестоких взысканий со стороны чиновников и, не имея возможности удовлетворить их требования, становились постоянными обитателями тюрем. Некоторые из последних, которым опротивел свет жизни, прибегали к повешению, как к желанному исцелению от бедствий. 7. Молва настойчиво твердила, что вымогательства совершались все с большей и более неприглядной жестокостью; но Валентиниан не знал про это, как будто уши его были залиты воском; проявляя полное безразличие, он лишь желал извлекать прибыль, хотя бы из самых ничтожных вещей, и думал только о том, что ему доставляли. Однако, быть может, он пощадил бы паннонцев [1035]если бы раньше дошли до его сведения те слез {*476* } достойные обиды, о которых он слишком поздно узнал по такому поводу. 8. По примеру других провинциалов, эпироты по распоряжению префекта также отправили посольство, чтобы принести императору благодарность. Эту обязанность был вынужден против своей воли исполнить философ Ификл, человек испытанной твердости убеждений. 9. Когда он предстал перед императором, тот узнал его и спросил о причине прибытия. Ификл держал ответ на греческом языке. На внимательные вопросы государя о том, действительно ли пославшие его хорошего мнения о префекте, тот сказал, как и подобало философу, служителю истины: «Со стоном и принуждением». 10. Как стрелой поражен был император этими словами и стал узнавать о его действиях, как ловкая ищейка, расспрашивая его на его родном языке о тех, кого знал: где, например, тот, что блистал среди своих почетом и именем, или тот богач, или тот, бывший первым в городском сенате. Когда он узнал, что один повесился, другой переселился за море, третий лишил себя

1034 **1034.** 29, 5.

1035 **1035.** Откуда был родом.

жизни иным способом, четвертый умер под кнутом, он страшно разозлился. Гнев этот всячески поддерживал магистр оффиций Лев. который – о ужас! – сам добивался префектуры, чтобы низринуться с большей высоты. Если бы он достиг ее, то можно было бы вознести до неба отправление должности префекта Пробом по сравнению с тем, на что бы тот мог посягнуть.

11. Находясь в Карнунте, император в течение целых трех летних месяцев был занят заготовкой оружия и провианта, собираясь, если представится благоприятный случай, пройти через землю квадов, виновников крупных беспорядков. В этом городе Фавстин, сын сестры преторианского префекта Вивенция [1036]состоявший нотарием при армии, после рассмотрения его дела Пробом, был подвергнут пытке и казнен рукой палача. Он был привлечен к ответственности за то, что убил осла: для колдовства, как утверждали обвинявшие его, а как сам он говорил, для изготовления средства против выпадения волос. 12. Со злым умыслом сочинили против него и другое обвинение, будто в ответ на обращенную к нему в шутку неким Нигрином просьбу сделать его нотарием, он, смеясь над ним, воскликнул: «Сделай меня императором, если хочешь этого достигнуть». Благодаря превратному истолкованию этой шутки, подверглись казни и сам Фавстин, и Нигрин, и другие.

13. Валентиниан послал вперед Меробавда с состоявшим под его командой отрядом пехоты, приказав ему опустошить и сжечь поселки варваров. Прикомандирован к нему был комит Себастиан. Сам Валентиниан быстро двинулся в Ацинк [1037]и экстренно собрав {*477* } много судов и быстро наведя мост, перешел с другой стороны на землю квадов. А те следили за его продвижением с крутых высот, куда большинство из них удалилось со своими семействами в нерешительности и неизвестности о возможных случайностях, и пришли в оцепенение, когда увидели на своей земле, против всяких ожиданий, императорские знамена. 14. И вот, пройдя ускоренным маршем вперед, насколько это позволяли обстоятельства, истребив без различия пола и возраста всех, кого внезапный набег захватил блуждающими, и предав огню жилища, император вернулся назад, не потеряв из своей армии ни одного человека. Задержавшись на некоторое время в Ацинке, где его захватила быстро наступившая осень, он стал искать удобных зимних квартир в этих местностях, где зимние холода сковывают все льдом. Кроме Сабарии [1038]он не мог найти другой удобной стоянки, хотя тогда этот город не представлял уже собой сильной крепости вследствие непрерывно обрушивавшихся на него бедствий. 15. Недолго пробыв здесь, он двинулся быстро оттуда, хотя важно было (дать отдых войскам), и направляясь по берегу реки и оставляя достаточные гарнизоны для усиления крепостей и фортов, прибыл в Брегицион [1039]Судьба, определившая уже давно час наступления упокоения для императора, указала в виде целого ряда набегавших знамений на предстоявшую ему кончину. 16. Так, за очень

1036 **1036.** 26, 4, 4; 27, 3, 11; 12; 30, 5, 11.

1037 **1037.** н. Будапешт.

1038 **1038.** Штейн на Ангере.

1039 **1039.** Шёни близ Коморна.

немного дней до этого события засияли на небе кометы, возвещающие кончину людей высокого положения. Происхождение комет я объяснял выше [1040]До этого в Сирмии, во время внезапно налетевшей бури удар молнии привел к пожару в части дворца, курии и рынка. В Сабарии, когда он там находился, сел на гребень крыши царской бани филин и начал свою песню, возвещающую смерть; хотя в него метали камни и стрелы опытные руки, не удалось, однако, сбить его оттуда. 17. Точно так же, когда из названного города Валентиниан направлялся в поход, он хотел выйти через те же самые ворота, через которые вступил в город, чтобы тем дать предзнаменование, что он скоро вернется в Галлию. Когда ради этого очищали одно заброшенное место от нагромоздившегося мусора, упала железная дверь и завалила выход; в течение целого дня множество людей не могло ее сдвинуть, напрягая все силы, и Валентиниан вынужден был выйти через другие ворота. 18. Ночью накануне того дня, когда ему предстояло умереть, он видел во сне, как бывает, свою отсутствующую жену сидевшей с распущен-{*478* }ными волосами и в трауре. Нетрудно было понять, что то была его судьба, готовившаяся расстаться с ним в траурном одеянии. 19. Когда он вышел рано утром из дома с мрачным и грустным лицом, ему подвели коня; но тот не позволял ему сесть на себя, взвившись на дыбы, чего никогда не делал. Со своей врожденной вспыльчивостью, так как был он человек жестокий, он приказал отсечь правую руку конюху, который нечаянно толкнул его, когда он вскакивал на коня. И этот молодой человек мог бы безвинно погибнуть жестокой смертью, если бы трибун конюшни Цериалий на свой риск не отсрочил исполнение жестокого приговора.

6.

1. После этого прибыли послы квадов; смиренно умоляли они предоставить им мир, предав забвению случившееся, и чтобы иметь возможность достигнуть этого безо всяких затруднений, давали обещание поставлять рекрутов, а также предлагали другие полезные для римского государства услуги. 2. Так как было решено принять их и, предоставив им перемирие, о котором они просили, вернуться назад, – недостаток провианта и позднее время года не позволяли продолжать военные действия против них, – то, по совету Эквиция,[1041]они были допущены в приемный зал. Они стояли, согнув спины, обессилевшие со страху и смущенные. Получив приказание изложить данное им поручение, они начали приводить обычные оправдания, подтверждая их клятвой; уверяли, что не было никаких проступков в отношении нас на основании общего постановления вождей их племени, что имевшие место правонарушения совершены чужими им разбойниками, жившими у реки (Дунай); прибавляли также, как достаточное оправдание случившегося и то, что начатое римлянами сооружение крепости, [1042]несправедливое и несвоевременное, вызвало ожесточение дикого народа. 3. Император

1040 **1040.** 25, 10, 3.

1041 **1041.** 26, 1, 4; 6; 5, 3; 7, 11; 29, 6, 3.

1042 **1042.** 29, 6.

страшно вспылил и, разволновавшись в самом начале своего ответа, начал поносить в бранном тоне все их племя, упрекая за то, что они не хранят в памяти полученных благодеяний и неблагодарны. Понемногу он смягчился и перешел на более мягкий тон, как вдруг, словно пораженный молнией с неба, потерял дыхание и голос и страшно побагровел лицом; из горла внезапно хлынула кровь и на теле выступил предсмертный пот. Чтобы не дать ему упасть на глазах у всех и в присутствии презренных варваров, приближенные слуги бросились к нему и увели во внутренние покои. {*479* } 4. Там его уложили в постель. Хотя дыхание было слабо, но он сохранял полное сознание, узнавал всех вокруг стоящих, которых созвали постельничие с величайшей поспешностью, чтобы никто не заподозрил их в убийстве. Из-за воспаления внутренностей необходимо было открыть жилу, но не могли найти ни одного врача по той причине, что сам император отправил их в разные места, чтобы лечить солдат, на которых напала чума. 5. Наконец нашелся один врач, но хотя и не раз вскрывал он жилу, не мог, однако, выпустить ни капли крови, поскольку внутренности были охвачены чрезвычайным жаром, или, как полагали некоторые, по той причине, что высохли органы вследствие закрытия каких-нибудь протоков (мы зовем их теперь гемороидами), замороженных ледяным холодом. 6. Под воздействием возраставшей силы болезни, он почувствовал, что настает его последний час. Он пытался сказать что-то или отдать приказание, как показывало частое подрагивание грудной клетки, скрежет зубов и движения рук, подобные тем, что совершают кулачные бойцы в борьбе, но обессилел, по телу пошли синие пятна, и после долгой борьбы он испустил дух на 55-м году жизни и 12-м без ста дней своего правления.

7.

1. Теперь уместно, как я уже поступал несколько раз, сделать отступление и в кратком обзоре изложить деяния этого государя, начиная с происхождения его отца и до его кончины, не обходя ни дурного, ни хорошего, что проявлено было на высоте верховной власти, которая всегда раскрывает внутренние качества характера человека. 2. Грациан-старший родился в паннонском городе Цибалах в семействе простого звания. В детстве он получил прозвище Фунарий (канатчик), потому что еще ребенком ходил продавать вразнос веревки, и никогда солдаты, хотя бы их было пять и они тянули со всей силы, не могли у него вырвать его веревок. Его можно было сравнить с Милоном Кротонским, [1043]у которого, если он держал в правой или левой руке яблоко, никакая сила никогда не могла его вырвать. 3. За свою телесную силу и искусность в борьбе на солдатский лад он стал многим известен и, пройдя звания протектора и трибуна, командовал в сане комита военными силами в Африке. Тут он был заподозрен в казнокрадстве и уволен со службы; много позднее в том же звании он командовал войском в Британии и, наконец, получив почетную отставку, вернулся на родину и жил там в полной тишине. Констанций покарал его конфискацией имущества за то,

1043 **1043.** Прим. ред.: Милон Кротонский – знаменитый древнегреческий борец, в 532–516 гг. до н. э. 6 раз одерживал победы на Олимпийских играх и 25 раз – на других состязаниях. {543}

что во время междоусобной войны он, по слухам, принимал в своем доме Магненция, когда тот, направляясь к своей армии, проезжал через его имение. {*480* }

4. Заслуги отца служили с юных лет Валентиниану рекомендацией, но он выдвинулся также и своими собственными доблестями и в Никее был облечен отличиями императорского величества. Он принял в соправители своего брата Валента, который был теснейшим образом связан с ним, помимо кровного родства, также единомыслием. В соответствующем месте моего труда я покажу, что относительно Валента трудно решить, принадлежал ли он к хорошим или к дурным государям. 5. Валентиниан пережил немало тяжелых опасностей, пока был частным человеком. В самом начале своего правления он направился в крепости и города, расположенные на пограничных реках, а также в Галлию, открытую для аламаннских набегов, которые очень участились, когда стало известно о смерти императора Юлиана: одного его боялись аламанны после Константа. 6. Валентиниан внушал им страх как тем, что значительно усилил войска дополнительными контингентами, так и тем, что повсюду укрепил Рейн сооружением или надстройкой крепостей и укреплений, чтобы неприятель нигде не мог остаться незамеченным при своем приближении к нашим областям.

7. Оставляя в стороне многое, что он совершил с авторитетом рачительного государя или с успехом осуществлял через дельных командиров, упомяну, что после принятия в соправители Грациана, он устранил царя аламаннов Витикария, сына Вадомария, юношу, только что вышедшего из лет отрочества, когда тот поднимал свое племя на бунт и войну. Так как нельзя было сделать этого открыто, то Валентиниан прибег к тайному убийству [1044]Сразившись с аламаннами при Солицинии,[1045]где он едва не погиб, будучи обманут коварным образом, он мог истребить их всех до одного, если бы быстрое бегство не спасло немногих в темноте ночи.

8. Кроме этих предпринятых с большой осторожностью мероприятий он имел дело с саксами. Этот народ дошел до безумной дерзости и беспрепятственно совершал неожиданные набеги во всех направлениях. Когда однажды саксы после похода в пограничные области возвращались назад, обогащенные награбленной добычей, он уничтожил их коварным, но успешным образом, отняв у грабителей их добычу.[1046]

9. Точно также британцам, которые не были в состоянии отбивать шайки одолевавших их врагов и теряли всякую надежду на лучшее будущее, он вернул свободу и спокойствие, не позволив почти никому из грабителей вернуться восвояси [1047]{*481* }

10. С равным успехом он подавил бунт паннонца Валентина. Находясь в ссылке (в Британии), он пытался возмутить общественный покой в тех областях; но дело было потушено прежде чем успело

1044 **1044.** 27, 10, 3–4.

1045 **1045.** Швецинген.

1046 **1046.** 28, 5, 1–7.

1047 **1047.** 27, 8.

разгореться.[1048]Далее, он освободил Африку от серьезных опасностей, в которые она была внезапно ввергнута, когда Фирм, не будучи в состоянии выносить грабежей и высокомерия военных чинов, поднял восстание мавров, чутко откликавшихся на все волнения и раздоры [1049]С равным мужеством он бы отомстил за скорби достойные несчастья Иллирика; но настигшая его смерть не позволила завершить это важное дело.

11. И хотя перечисленные мною успехи являются делом его отличных полководцев, однако верно и то, что он, как человек решительный и закаленный продолжительным опытом военного дела, многое выполнял сам. Блистательным его деянием могло бы стать взятие живым царя Макриана, являвшегося в то время такой грозой, если бы это удалось. Он готовил это с большим старанием, но, к великому своему прискорбию, узнал, что тот ушел к бургундам, которых он сам сблизил с аламаннами.

8.

1. Таков краткий обзор деяний этого императора. А теперь в уверенности, что потомки, не будучи связаны ни страхом, ни мерзостью лести, являются обычно беспристрастными судьями прошлого, я укажу в общих чертах и на его недостатки, а затем отмечу и его достоинства. 2. Хотя он подчас одевал на себя личину кроткого, но по горячности своей натуры он был более склонен к суровости и, очевидно, забывал, что правителю государства следует избегать всего чрезмерного, как крутого утеса. 3. Никогда не случалось, чтобы он удовольствовался мягким взысканием, но иной раз приказывал продолжать кровавое следствие и после допроса с пыткой, а иные допрашиваемые были замучены до самой смерти. Такую он имел склонность причинять страдания, что никогда никого не спас от смертной казни подписанием мягкого приговора, хотя это иногда делали даже самые свирепые государи. 4. И однако мог бы он обратить свои взоры на многочисленные примеры предков и найти у чужеземцев образцы для подражания в проявлении человечности и кротости – качеств, которые, по определению философов, являются добрыми родственницами доблестей. Достаточно будет привести следующие примеры. Артаксеркс, могущественный царь персов, который вслед-{*482* }ствие длины одной из частей тела, имел прозвание Долгорукий, [1050]многократно, по врожденному своему добросердечию, смягчал нередкие у дикого народа смертные казни тем, что отсекал у иных преступников тиары вместо голов; а чтобы не отрезать ушей за проступки, как это принято у персов, отсекал свешивавшиеся с головного убора шнурки. Эта мягкость его нрава принесла ему такое расположение и уважение, что он при всеобщем сочувствии к себе мог совершить много дивных деяний, которые прославлены греческими писателями. 5. Когда во время одной из Самнитских войн [1051]командир пренестинцев, получив

1048 **1048.** 28, 3, 3–6.

1049 **1049.** 29, 5.

1050 **1050.** Прим. ред.: Артаксеркс I, сын Ксеркса, персидский царь в 464–424 гг. до н. э.

1051 **1051.** Прим. ред.: Самнитские войны (с самнитами) происходили в 343–341, 327–304 и 298– 290 гг. до н. э.

приказание спешить на помощь, промедлил с исполнением этого приказания и был за это привлечен к ответственности, Папирий Курсор, бывший тогда диктатором, приказал ликтору обнажить секиру, и когда обвиняемый, оцепенев от страха, потерял всякую способность защищаться – диктатор приказал ликтору рубить росший поблизости кустарник [1052]С этим обращенным в шутку наказанием он отпустил его и нисколько тем не уронил уважения к себе, как полководец, с честью закончивший продолжительную и тяжелую войну. Его считали единственным, кто бы мог сопротивляться Александру Великому, если бы тот вступил на землю Италии. 6. Этого, быть может, и не знал Валентиниан, как не помышлял и о том, каким утешением для несчастных является мягкость государей: он множил казни огнем и мечом, тогда как наши предки, в своем более мягком настроении,[1053]признавали эти казни последним средством в крайних случаях; равным образом Исократ, [1054]со свойственным ему изяществом, изрек об этом навеки поучительное слово, что следует иногда прощать противнику, даже побежденному силою оружия, как если бы он не знал, что такое справедливость [1055]Исходя из того же положения, и Цицерон сказал в защитительной речи за Оппия: «Деятельно трудиться для спасения жизни другого многим послужило во славу, и никогда никому не принесло позора то, что он мало сделал для гибели другого человека».

8. Корыстолюбие, не знавшее различия между пристойным и непристойным и стремившееся всякими путями к обогащению, пусть даже за счет чужой жизни, росло у этого государя все сильнее и сильнее и выходило из всяких границ. Некоторые пытались оправдывать его, указывая на императора Аврелиана: [1056]как тот, после Галлиена и горестных бедствий государства, в пору {*483* } полного опустошения казны устремлялся на богатых, словно горный поток, так и Валентиниан после потерь парфянской (персидской) войны, будучи вынужден предпринимать огромные расходы на пополнение и содержание войск, соединял с жестокостью страсть к накоплению огромных богатств. При этом он делал вид, будто не знает, что есть кое-что, чего не следует делать, хотя бы и было то можно. Он был совершенно не похож на древнего Фемистокла: когда тот после битвы и истребления персидских полчищ свободно прогуливался и увидел лежащие на земле золотые запястья и шейную цепь, то, обращаясь к стоявшему поблизости спутнику, сказал: «Возьми это, потому что ты не Фемистокл». Этим он указывал на то, что корысть не пристойна благородному полководцу... 9.

1052 **1052.** Liv. 9, 16.

1053 **1053.** В чтении этого трудного и запутанного по своему смыслу места придерживаюсь чтения repperit, которое Гардтгаузен переделал на reperitur, а также maiorum, а не animorum, как читает Гардтгаузен.

1054 **1054.** Прим. ред.: Исократ (436–338 гг. до н. э.) – знаменитый афинский оратор; покончил с собой после поражения военных сил антимакедонской коалиции при Херонее.

1055 **1055.** Isocr. Paneg. с. 75.

1056 **1056.** Прим. ред.: См. биографию имп. Аврелиана в SHA.

Примеров подобного воздержания римских вождей имеется множество. Оставив их в стороне, так как они не являются свидетельством совершенной добродетели, – не брать чужого еще не заслуга, – я приведу один из многих образчик бескорыстия простого народа древних времен. Когда Марий и Цинна [1057]предоставили богатые дома проскрибированных граждан на разграбление римской черни, то народ, относившийся, несмотря на свою грубость, с состраданием к чужим невзгодам, пощадил имущество, приобретенное чужими трудами, и не нашлось никого, будь то бедняк или человек самого низкого положения, кто бы захотел поживиться от общественного бедствия, хотя это и было позволено.

10. Кроме этого, вышеназванный император горел в глубине души завистью и, зная, что многие пороки принимают внешний вид добродетелей, постоянно повторял, что строгость есть союзница истинной власти. И так как обладатели верховной власти полагают, что им все позволено и питают сильную склонность к унижению своих противников и устранению лучших людей, то он ненавидел людей хорошо одетых, высокообразованных, богатых, знатных, и принижал храбрых, чтобы казалось, что он один возвышается над другими добрыми качествами, – недостаток, которым, как известно, сильно страдал император Адриан.

11. Валентиниан часто бранил трусливых, говоря про них, что они – позор человечества, низкие души, достойные стоять ниже черни; но сам иной раз позорно бледнел от пустых страхов и пугался до глубины души того, чего вовсе и не было. 12. Магистр оффиций Ремигий подметил эту черту его характера, и когда замечал, что он начинает раздражаться по какому-нибудь поводу, то вставлял невзначай в свою речь замечание о каких-нибудь передвижениях у варваров; Валентиниан тотчас пугался и становился кроток и мягок, как Антонин Пий. 13. Намеренно он никогда не назначал дурных правителей; но если слышал, что назначенные им люди проявляют жестокость, то хвалился, что отыскал Ликургов {*484* } и Кассиев, древних столпов справедливости, и в своих рескриптах наставлял их строго карать за проступки, хотя бы незначительные.

14. Никогда несчастные, попадая в непредвиденные бедствия, не находили убежища в милосердии государя, которое является всегда тем же, чем желанная пристань для гонимых бурным ветром по разыгравшемуся морю. Ибо цель справедливого правления, согласно учению философов, есть польза и благо подданных.

9.

1. Уместно после этого перейти к его поступкам, достойным одобрения и заслуживающим подражания со стороны всякого разумного человека. Если бы он привел в соответствие с ними все остальное, то его можно было бы сравнить с Траяном и Марком (Аврелием). В отношении провинциалов он проявлял большую внимательность и повсюду облегчал бремя податей, своевременно воздвигал укрепления на границах государства, чрезвычайно строго держал военную дисциплину; грешил он только тем, что даже незначительные проступки солдат не оставлял без наказания, а преступлениям высших чинов давал простор разрастаться дальше и дальше, оставаясь иной раз совершенно глух к подаваемым

1057 **1057.** Прим. ред.: Проскрипции Мария и Цинны происходили в 87–83 гг. до н. э.

против них жалобам. Здесь был источник беспорядков в Британии, бедствий в Африке, опустошения Иллирика.

2. И дома, и вне его проявлял он строгое целомудрие, не будучи нисколько заражен язвой безнравственности и разврата. Поэтому он мог удерживать распущенность двора в строгих границах, и ему тем легче было это, что он не потворствовал своей родне: родственников своих он или оставлял в безвестности частной жизни, или предоставлял им звания и посты не очень высокие, за исключением брата, которого принял в соправители, будучи вынужден к этому затруднительными обстоятельствами того времени.

3. В представлении высоких санов он был осторожен до щепетильности: никогда в его правлении не являлся правителем провинции какой-нибудь меняла, никогда не случалось продажи должности; только в начале его правления не обошлось без этого, как вообще случается, что люди, в надежде захватить власть или остаться безнаказанными, совершают преступления.

4. В войне, как наступательной, так и оборонительной он проявлял большую умелость и осторожность, будучи тесно знаком с боевой жизнью; он был весьма предусмотрителен в совете за или против, о дурном и хорошем, чрезвычайно сведущ в военном деле вообще. Он складно писал, хорошо рисовал и моделировал, изобретал новые виды оружия; память и речь его отличались живостью, {*485* } но редко он доходил до красноречия; [1058]он любил изящную обстановку, а в пище – изысканность, а не обилие.

5. Наконец, славу его правления составляет сдержанность, с которой он относился к религиозным спорам; никого он не обеспокоил, не издавал повелений почитать то или другое и не заставлял строгими запрещениями своих подданных склоняться перед тем, во что сам верил; эти вопросы он оставил в том положении, в каком их застал.

6. В отношении тела он был мускулист и крепок, волосы и цвет лица были светлы, глаза голубые со взглядом всегда косым и жестким, рост – красивый, очертания тела правильны, что придавало ему в общем красу царственности.

10.

1. Над телом почившего императора совершено было обычное оплакивание, его труп обрядили, чтобы препроводить его в Константинополь и предать погребению в императорской усыпальнице. Предстоявшие военные действия были отложены и возникло напряженное опасение за ближайшее будущее, так как боялись, чтобы галльские войска, которые не всегда сохраняли верность законному государю, не замыслили при данных обстоятельствах какой-либо переворот, присвоив себе право распоряжения верховной властью. Благоприятным для тайных замыслов могло оказаться и то обстоятельство, что Грациан, оставаясь в неведении о происшедшем, находился все еще в Тревирах (Трир), где определил ему пребывание отец, когда отправлялся в поход. 2. В этом трудном положении, когда будущие участники опасностей, если бы они случились, были как бы на

1058 **1058.** Считаю лишней запятую после слова гаго у Гардтгаузена.

одном корабле и боялись все одного и того же, принято было следующее решение: разобрать мост, который пришлось до этого соорудить для вторжения во вражескую землю, и тотчас отозвать Меробавда, якобы от имени живого еще Валентиниана. 3. Как человек живого ума, он понял, что произошло, или, быть может, узнал от посланного, который явился отозвать его, и, опасаясь, что галльские войска могут начать беспорядки, сделал вид, будто получил приказ вернуться с войсками для охраны берегов Рейна, из-за якобы возросшего возбуждения варваров. Согласно секретному поручению, он подальше отослал Себастиана, не знавшего еще о смерти государя; хотя тот был мирный и спокойный человек, но вследствие огромной своей по-{*486* }пулярности в войсках он должен был именно поэтому быть предметом особых опасений.

4. И вот, когда Меробавд вернулся, дело подвергнуто было еще более внимательному рассмотрению и было решено сделать соправителем четырехлетнего сына покойного императора Валентиниана, [1059]который тогда находился в 100 милях от Тревир и проживал со своею матерью Юстиной на вилле, называемой Муроцинкта (окруженная стеной). 5. Когда такое решение было всеми единодушно поддержано, поскорее отправили за мальчиком дядю его Цериалия. Он посадил его в лектику, привез в лагерь, и на шестой день после смерти отца маленький Валентиниан, с соблюдением всех формальностей, был провозглашен императором и торжественно наречен Августом. 6. В ту пору предполагали, что Грациан будет недоволен, что без его разрешения поставлен другой государь; но впоследствии исчезли всякие опасения: братья жили в полном согласии, и Грациан, как человек благожелательный и рассудительный, нежно любил своего брата и прилагал все заботы для его воспитания. {*487* }

КНИГА XXXI

(годы 375–378)

1. Предзнаменования гибели Валента и поражения от готов.

2. О местожительстве и нравах гуннов, аланов и других племен азиатской Скифии.

3. Гунны присоединяют к себе оружием или по договору аланов-танаитов; они нападают на готов и изгоняют их из их земель.

4. Бóльшая часть готов, по прозвищу тервинги, изгнанная из своих пределов, с разрешения Валента переправляется римлянами во Фракию, пообещав повиноваться и поставлять вспомогательные отряды. Гревтунги, другая часть готов, коварным образом переправляются через Истр на судах.

5. Тервинги, измученные голодом и отсутствием жизненных средств, подвергаясь к тому же всяким притеснениям, отпадают от Валента и наносят поражение Лупицину и его войскам.

6. Почему взбунтовались Сферид и Колия, готские старейшины, принятые раньше со своими людьми. Перебив адрианопольцев, они соединились с Фритигерном и приступили к разграблению Фракии.

1059 **1059.** Прим. ред.: Будущий имп. Валентиниан II (ум. в 392 г.).

7. Профутур, Траян и Рихомер сражаются с готами в нерешительном бою.

8. Готы, запертые в Гемимонте, а затем выпущенные римлянами, оскверняют Фракию грабежом, убийствами, насилиями и пожарами и убивают трибуна скутариев Барзимера.

9. Фригерид, полководец Грациана, разбивает князя Фарнобия с множеством готов и тайфалов; уцелевшим сохранена жизнь и предоставлены земли на реке Паде.

10. Лентиензы-аламанны разбиты в сражении полководцами Августа Грациана, при этом был убит царь Приарий. Когда они сдались {488 }и дали Грациану новобранцев для военной службы, им позволено было вернуться домой.

11. Себастиан, неожиданно напав на нагруженных добычей готов близ Берои, разбил их. Лишь немногие спаслись бегством. Август Грациан спешит к своему дяде Валенту, чтобы оказать ему помощь против готов.

12. Август Валент решил сразиться с готами до прибытия Грациана.

13. Готы, соединившись все вместе, т. е. тервинги под начальством царя Фритигерна и гревтунги под командой вождей Алафея и Сафрака, сражаются в правильном бою с римлянами. Разбив конницу, они обращают в бегство пехоту, не имевшую прикрытия с флангов и скучившуюся, и наносят римлянам страшные потери. Валент был убит и нигде не разыскан.

14. Добрые качества и пороки Августа Валента.

15. Победители-готы осаждают Адрианополь, где Валент оставил свои сокровища и отличия императорского сана с префектом и придворным штатом. Перепробовав все способы взять город, готы отступают, не достигнув своей цели.

16. Готы, присоединив к себе за деньги полчища гуннов и аланов, тщетно пытаются взять Константинополь. Каким способом магистр Юлий за Тавром освободил от готов восточные провинции. {489 }

1.

1. Между тем Фортуна со своим крылатым колесом, вечно чередуя счастливые и несчастные события, вооружала Беллону вместе с Фуриями и перенесла на Восток горестные события, о приближении которых возвещали совершенно ясные предсказания и знамения. 2. Помимо многих вещих предсказаний, изреченных прорицателями и авгурами, (были еще такие знамения): метались собаки под вой волков, ночные птицы издавали жалобные крики, туманный восход солнца омрачал блеск утреннего дня, а в Антиохии в ссорах и драках между простонародьем вошло в обычай, если кто-то считает себя обиженным, дерзко восклицать: «Пусть живым сгорит Валент»; постоянно раздавались возгласы глашатаев, приказывавших сносить дрова, чтобы протопить бани Валентина, которые были сооружены по приказанию самого императора. 3. Все это чуть ли не прямо указывало, какой конец жизни грозит императору. Кроме того, дух убитого армянского царя и жалкие тени лиц, недавно казненных по делу Феодора,[1060]являлись многим во сне, изрекали страшные зловещие слова и наводили ужас. 4. Нашли как-то мертвого

1060 **1060.** 29, 1.

орла, лежавшего с перерезанным горлом, и смерть его знаменовала собой громадные и всеохватные бедствия общегосударственного значения. Наконец, когда сносили старые стены Халкедона, чтобы построить баню в Константинополе, сняв ряд камней, нашли на квадратной плите, находившейся в самой середине стены, следующую высеченную надпись, которая совершенно определенно открывала будущее:

5. Но когда влажные Нимфы по граду закружатся в пляске,
В резвом веселье вдоль улиц несясь хорошо укрепленных,
И когда стены со стоном оградою станут купанья:
В эту годину толпа несметная бранных народов,
Силой прошедши Дуная прекрасно текущего волны,
Скифов обширную область и землю мизинцев погубит.
В дерзком и диком порыве вступивши в страну пеонийцев,
Там же и жизни конец обретет и жестокую гибель. {*490* }

2.

1. Семя и начало всего этого несчастья и многообразных бедствий, вызванных яростью Марса, который своим пожаром сотрясает мир, восходит, как выяснено, вот к какому событию. Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. 2. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. 3. При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть. 4. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней. 5. Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз одетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения. 6. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги – козьими шкурами; обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись

на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути. 8. Иной раз, {*491* } будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. 9. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком. 10. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – вдали оттуда, вырос – еще дальше. 11. Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих союзников. Без всякого подстрекательства, и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся.

12. Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов. Раз я упомянул аланов, то будет уместно рассказать, откуда они и какие земли занимают, показав при этом запутанность географической науки, которая долго многое...и различное, наконец нашла истину... [1061]

13. Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происхо-{*492* }дит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы. 14. Из этих народов нервии занимают среднее положение и соседствуют с высокими крутыми горными хребтами, утесы которых, покрытые льдом, обвевают аквилоны. За ними живут видины и очень

1061 **1061.** В следующем описании автор пользуется не столько живыми сведениями о современном ему населении тех стран, сколько научными материалами, закрепленными на обращавшихся тогда географических картах. См. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, С. 18.

дикий народ гелоны, которые снимают кожу с убитых врагов и делают из нее себе одежды и боевые попоны для коней. С гелонами граничат агафирсы, которые красят тело и волосы в голубой цвет, простые люди – небольшими, кое-где рассеянными пятнами, а знатные – широкими, яркими и частыми. 15. За ними кочуют по разным местам, как я читал, меланхлены и антропофаги, питающиеся человеческим мясом. Вследствие этого ужасного способа питания соседние народы отошли от них и заняли далеко отстоящие земли. Поэтому вся северо-восточная полоса земли до самых границ серов осталась необитаемой. 16. С другой стороны поблизости от места обитания амазонок смежны с востока аланы, рассеявшиеся среди многолюдных и великих народов, обращенных к азиатским областям, которые, как я узнал простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли индов и впадающей в южное море.

17. Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. 18. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же родятся и воспитываются дети, это – их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом. 19. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. 20. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие {*493* } многообразных упражнений великолепными воинами. Поэтому-то и персы, будучи скифского происхождения, весьма опытны в военном деле[1062]21. Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. 22. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых конях содранную с черепа

1062 **1062.** Этнические термины «персы» и «парфяне» автор не различает; в данном месте он должен был бы назвать именно парфян.

кожу убитых. 23. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют. 24. Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается. 25. О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах. Но возвращаюсь к повествованию о дальнейших событиях.

3.

1. И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. 2. Пораженный силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них; но так как молва все более усиливала {*494* } ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью. 3. Витимир, избранный после его кончины царем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли к реке Данастию, которая протекает по обширным равнинам между Истром и Борисфеном [1063]4. Когда слухи об этих неожиданных событиях дошли до Атанариха, правителя тервингов, против которого недавно, как я об этом рассказывал, выступал в поход Валент, чтобы наказать за помощь, оказанную Прокопию,[1064]он решил попытаться оказать сопротивление и развернуть все свои силы, если и на него будет сделано нападение, как на остальных. 5. Он разбил большой лагерь на берегах Данастия в удобной местности поблизости от степей гревтунгов, и в то же время выслал на 20 миль вперед Мундериха (который был впоследствии командиром пограничной полосы в Аравии) с Лагариманом и другими старейшинами, поручив им высматривать приближение врага, пока он сам беспрепятственно занимался приготовлениями к битве. 6. Но дело вышло совсем не так, как он рассчитывал. Гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что главные силы находятся дальше. Они обошли тех, кого увидели, и, когда те спокойно расположились на ночлег,

1063 **1063.** Днестр.

1064 **1064.** См. 27, 5.

сами при свете луны, рассеявшей мрак ночи, перешли через реку вброд и избрали наилучший образ действий. Опасаясь, чтобы передовой вестник не испугал стоявших дальше, они ринулись быстрым натиском на Атанариха.

7. Ошеломленный первым ударом, Атанарих, потеряв кое-кого из своих, вынужден был искать убежища в крутых горах. От неожиданности этого события и еще большего страха перед будущим, он стал воздвигать высокие стены от берегов Гераза (Прута) до Дуная поблизости от области тайфалов. Он полагал, что быстро и основательно соорудив это прикрытие, он обеспечит себе полную безопасность и спокойствие. 8. Пока работа велась со всей энергией, гунны теснили его быстрым наступлением и могли бы совершенно погубить его своим появлением, если бы не оставили этого дела вследствие затруднительного положения, в которое их поставило обилие добычи. {*495* }

Между тем среди остальных готских племен широко распространилась молва о том, что неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает все, что попадается навстречу. Большая часть племен, которая оставила Атанариха вследствие недостатка в жизненных припасах, стала искать место для жительства подальше от всякого слуха о варварах. После продолжительных совещаний о том, какое место избрать для поселения, они решили, что наиболее подходящим для них убежищем будет Фракия; в пользу этого говорили два соображения: во-первых, эта страна имеет богатейшие пастбища и, во-вторых, она отделена мощным течением Истра от пространств, которые уже открыты для перунов чужеземного Марса. То же самое решение как бы на общем совете приняли и остальные.

4.

1. И вот под предводительством Алавива готы заняли берега Дуная и отправили посольство к Валенту со смиренной просьбой принять их; они обещали, что будут вести себя спокойно и поставлять вспомогательные отряды, если того потребуют обстоятельства. 2. Пока происходили эти события за пределами империи, расходились грозные слухи о том, что среди северных народов совершаются новые движения в необычайных размерах, и шла молва, что на всем пространстве от маркоманнов и квадов до самого Понта множество неведомых варварских народов, будучи изгнано из своих обиталищ внезапным натиском подошло к Истру с женами и детьми. 3. Сперва это известие принято было нашими с пренебрежением по той причине, что в тех пределах вследствие отдаленности театра военных действий привыкли получать известия, что войны или закончены, или по крайней мере на время успокоены. 4. Но когда дело стало выясняться в его истине и слухи были подтверждены прибытием посольства варваров, которое настойчиво просило о принятии бездомного народа на правый берег реки, приняли это скорее с радостью, чем со страхом. Поднаторевшие в своем деле льстецы преувеличенно превозносили счастье императора, которое предоставляло ему совсем неожиданно столько рекрутов из отдаленнейших земель, так что он может получить непобедимое войско, соединив свои и чужие силы, и государственная казна получит огромные доходы из военной подати,

которая из года в год платилась провинциями. 5. С этой надеждой отправлены были разные лица, чтобы устроить переправу диких полчищ. Принимались тщательные меры для того, чтобы не был оставлен никто из этих будущих разрушителей римского государства, пусть даже он был поражен смертельной болезнью. Получив от императора {*496* } разрешение перейти через Дунай и занять местности во Фракии, переправлялись они целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев. А так как река эта– самая опасная из всех и уровень воды был выше обычного вследствие частых дождей, то много народа утонуло, как те, кто при крайней переполненности судов слишком решительно плыли против течения, так и те, кто бросался вплавь.

6. Так прилагали все старания навести гибель на римский мир. Хорошо известно, что злосчастные устроители переправы варваров часто пытались определить их численность, но оставили это после многих безуспешных попыток.

«Кто хотел бы это узнать, – говоря словами знаменитого поэта, – тот справляется о ливийском песке, сколько песчинок поднимает зефир».[1065]

7. Вспомним древние свидетельства о вступлении мидийских полчищ в Грецию; переправившись через Геллеспонт, пытались устроить проход, искусно прорыв гору, и были подвергнуты перечислению у Дориска не поголовно, а толпами [1066]что потомство единодушно признало сказкой. 8. Но после того, как бесчисленные толпы варваров рассеялись по провинциям и, распространяясь по широкому простору, заняли все местности и заполнили все горные хребты, – это событие нового времени подтвердило верность древнего сообщения.

Первыми были приняты Алавив и Фритигерн, император приказал выдать им пока провиант и предоставить земли для обработки. 9. В то время, как открыты были запоры на нашей границе и варвары выбрасывали на нас толпы вооруженных людей, как Этна [1067]извергает свой пылающий пепел, и трудное положение государства требовало прославленных военными успехами командиров, именно тогда, словно по вмешательству разгневанного божества, во главе военных сил стояли как на подбор люди с запятнанным именем. На первом месте были Лупицин и Максим, первый – комит во Фракии, второй – командир, вызывавший к себе ненависть, оба они могли соперничать между собою в неосмотрительности. 10. Их зловредное корыстолюбие было причиной всех бед. Оставляя в стороне другие проступки, которые названные командиры или другие при их попустительстве позволили себе самым позорным образом в отношении переходивших к нам иноземцев, ничем до этого не провинившихся, я расскажу об одном столь же постыдном, сколь и неслыханном деянии, которое не могло бы быть признано из-{*497* }винительным, даже в глазах судей, замешанных в этом деле. 11. Пока варвары, переведенные на нашу сторону, терпели голод, эти опозорившие себя командиры завели постыдный торг: за каждую собаку, которых набирало их ненасытное корыстолюбие, они брали по одному

1065 **1065.** Verg. Georg. II, 105.

1066 **1066.** Herod. 7, 60.

1067 **1067.** Прим. ред.: Вулкан на о. Сицилия.

рабу и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин.

12. Между тем приблизился к берегам Истра и Витерик, царь гревтунгов, вместе с Алафеем и Сафраком, которые были его опекунами, а также Фарнобий. Спешно отправив посольство, царь просил императора оказать ему столь же радушный прием. 13. Послы получили отказ, как того, казалось, требовали государственные интересы; и гревтунги находились в тревожной нерешительности, относительно того, что им предпринять. Атанарих, боясь получить такой же отказ, отступил в отдаленные местности: он помнил, что некогда презрительно отнесся к Валенту во время переговоров и заставил императора заключить мир на середине реки, ссылаясь на то, что заклятие не позволяет ему вступить на римскую почву.[1068]Опасаясь, что неудовольствие против него осталось до сих пор, он двинулся со всем своим народом в область Кавкаланда, местность недоступную из-за высоких поросших лесом гор, вытеснив оттуда сарматов.

5.

1. А тервинги, принятые до этого в пределы империи, все еще скитались возле берегов Дуная, так как их угнетало двойное затруднение вследствие подлого поведения командиров: они не получали провианта, и их намеренно задерживали ради позорного торга. 2. Когда они это поняли, то стали горячо говорить, что они примут свои меры для отвращения бедствий, причиняемых им предательством; и Лупицин, опасаясь возможного бунта, подошел к ним с военной силой и побуждал их скорее выступать.

3. Этим удобным моментом воспользовались гревтунги: они заметили, что солдаты заняты были в другом месте и что переплывавшие с одного берега на другой суда, которые препятствовали их переходу, остаются в бездействии, они сколотили кое-как лодки, переправились и разбили свой лагерь вдалеке от Фритигерна.

4. Фритигерн с прирожденной ему предусмотрительностью старался обеспечить себя на всякий возможный случай в будущем, чтобы и императору выказать повиновение, и с могущественными царями быть в союзе; он медленно продвигался вперед и небольшими {*498* } переходами подошел, наконец, к Маркианополю. Тут случилось еще одно тяжкое событие, которое воспламенило факелы Фурий, загоревшиеся на гибель государства. 5. Лупицин пригласил на пир Алавива и Фритигерна; полчища варваров он держал вдалеке от стен города, выставив против них вооруженные караулы, хотя те настойчиво просили разрешить им входить в город для покупки необходимых припасов, ссылаясь на то, что они теперь уже подчинены римской власти и являются мирными людьми. Между горожанами и варварами, которых не пускали в город, произошла большая перебранка, и дело дошло до схватки. Рассвирепевшие варвары, узнав, что несколько их земляков захвачено, перебили отряд солдат и обобрали убитых. 6. Секретным образом был об этом оповещен Лупицин, когда он возлежал за роскошным столом среди шума увеселений, полупьяный и полусонный. Предугадывая исход дела, он приказал перебить всех оруженосцев, которые, как почетная стража и ради охраны

1068 **1068.** Ср. 27, 5, 9.

своих вождей, выстроились перед дворцом. 7. Томившиеся за стенами готы с возмущением восприняли это известие, толпа стала прибывать и в озлобленных криках грозила отомстить за то, что, как они думали, захвачены их цари. Находчивый Фритигерн, опасаясь быть задержанным вместе с остальными в качестве заложников, закричал, что дело примет опасный оборот, если не будет позволено ему вместе с товарищами выйти, чтобы успокоить народ, который взбунтовался, предполагая, что вожди его убиты под предлогом любезного приема. Получив разрешение, все они вошли и приняты были с торжеством и криками радости; вскочив на коней, они умчались, чтобы начать повсюду военные действия. 8. Когда молва, зловредная питательница слухов, распространила об этом весть, весь народ тервингов загорелся жаждой боя. Среди многих зловещих предвестий грядущих великих опасностей, они подняли, по своему обычаю, знамена, раздались грозно звучащие трубные сигналы, стали рыскать грабительские отряды, предавая грабежу и огню селения и производя страшные опустошения где бы ни представилась такая возможность.

9. Лупицин с большой поспешностью собрал войска против них и выступил, действуя скорее наобум, чем по обдуманному плану. В девяти милях от города, он остановился в готовности принять бой. Увидев это, варвары бросились на беспечные отряды наших и, прижав к груди щиты, поражали копьями и мечами всякого, кто был на их пути. В кровавом ожесточенном бою пала большая часть воинов, потеряны были знамена, пали офицеры за исключением злосчастного командира, который думал, пока другие сражались, только о том, как бы ему спастись бегством, и во весь опор поскакал в город. После этого враги оделись в римские доспехи и стали бродить повсюду, не встречая никакого сопротивления. {*499* }

10. Так как наше повествование после изложения различного рода событий дошло до этого пункта, то я обращаюсь с просьбой к тем, кто будет это читать – если будут когда-нибудь такие, – не требовать от меня подробного изложения отдельных фактов и обозначения числа погибших, чего никоим образом невозможно с точностью установить. Я считаю достаточным описать важнейшие события, не допуская ни малейшего искажения истины ложью, так как историческому повествованию подобает полное беспристрастие. 11. Люди, не сведующие в истории древних времен, говорят, будто на государство никогда не опускался такой беспросветный мрак бедствий; но они ошибаются, пораженные ужасом недавно пережитых несчастий. Если обратиться к давним векам или даже и к более к нам близким, то окажется, что такие же и столь же печальные потрясения случались не один раз. 12. Так, Италию наводнили внезапно тевтоны с кимврами, [1069]явившиеся с отдаленных берегов океана. Но после страшных поражений, нанесенных римскому государству, они были побеждены в решительных сражениях славными вождями и в конечном своем истреблении изведали в жестоких бедствиях сколь бессильна оказывается дикая военная мощь перед разумом. 13. Точно так же во время правления Марка (Аврелия) сплотились единодушно против нас различные племена и после страшного бранного шума, после разрушения взятых и разграбленных городов... лишь малая

1069 **1069.** Прим. ред.: В конце 2 в. до н. э.

часть их уцелела. [1070]14. Вскоре, однако, после этих страшных несчастий дела пришли в прежнее состояние, благодаря тому обстоятельству, что наши предки не знали еще заразы распущенной жизни, не видали роскоши стола, не гонялись за постыдным прибытком; но все люди, как высокого, так и низкого положения, с полным, единодушием стремились к славной смерти за отечество, как в тихую спокойную пристань.

15. Полчища скифских народов прорвались на двух тысячах судов через Боспор, прошли по берегам Пропонтиды и произвели жестокие опустошения на море и на суше, но, потеряв большую часть своих, вернулись назад. [1071]16. В сражениях с варварами пали императоры Деции, [1072]отец и сын; подверглись осаде города Памфилии, опустошено было много островов, вся Македония была охвачена пламенем, в течение долгого времени была в осаде Фессалоника, а также Кизик, взят был Анхиал, и в то же время Никополь, который построил император Траян, как свидетельство победы над даками. 17. После многих жестоких поражений с той и другой стороны разрушен был Филиппополь, причем – если верно сообщение историков – убито было в стенах города сто тысяч человек. Пришлые враги свободно бродили по Эпиру, Фессалии и всей Греции; верховная власть была предоставлена славному полководцу Клавдию, [1073]но он пал смертью героя и прогнал их уже {*500* } Аврелиан, человек дельный и строгий мститель за злодейства. После этого в течение продолжительного времени варвары держали себя спокойно и ничего не предпринимали, если не считать того, что изредка в течение последующего времени их грабительские отряды совершали губительные набеги на соседние с их землей местности. Но буду продолжать изложение с того момента, на котором я остановился.

6.

1. В ту пору, когда вести, приходившие одна за другой, сообщили повсюду об этих событиях, готские князья Сферид и Колия, которые были приняты вместе со своими земляками задолго до того и получили разрешение зимовать в Адрианополе, отнеслись ко всему происшедшему с полным равнодушием, ставя выше всего свою собственную безопасность. 2. Неожиданно был им доставлен императорский приказ, повелевавший перейти на Геллеспонт. Они без малейшей дерзости попросили выдать им путевые деньги и провиант и разрешить двухдневную отсрочку. Начальник города, который был сердит на них за

1070 **1070.** Прим. ред.: Имеется в виду 1-я Маркоманнская война (166–175 гг.).

1071 **1071.** Прим. ред.: Вероятно, речь идет о вторжении припонтийских народов при Галлиене в 267 г., когда были захвачены Византий, Аргос, Афины и другие греческие города. Подобное же вторжение было и в 269 г. при имп. Клавдии.

1072 **1072.** Прим. ред.: Имп. Деций погиб вслед за своим сыном Геренннием Этруском в битве с готами и карпами в 251 г. В ходе этого вторжения и были захвачены перечисленные ниже города.

1073 **1073.** Прим. ред.: Клавдий II Готский (268–270 гг.) разгромил готов около г. Наисса в Верхней Мезии в 269 г. В 270 г. император умер от чумы в Сирмии. Его последователь имп. Аврелиан в ряде сражений с трудом одолел варваров, прорвавшихся в Италию в 271 г.

разграбление его пригородного имения, воспринял это враждебно и вооружил на их гибель всю чернь вместе с фабричными рабочими, которых там очень много, и, приказав трубачам играть боевой сигнал, грозил всем им смертью, если они не выступят немедленно, как было им приказано. 3. Пораженные этим неожиданным бедствием и устрашенные напором горожан, скорее стремительным, нежели обдуманным, готы застыли на месте; на них сыпались поношения и брань, в них попадали стрелы, и, раздраженные этим до крайности, они решились на открытый бунт. Перебив множество вырвавшихся вперед в дерзком задоре, остальных они обратили в бегство и перебили различным оружием. Затем они вооружились снятым с убитых римским оружием и, когда поблизости появился Фритигерн, соединились с ним как покорные его союзники, и стали теснить город бедствием осады. Долго они продолжали это трудное дело, совершали приступы то здесь, то там, иные, совершавшие подвиги выдающейся отваги, гибли неотомщенные, многих убивали стрелы и камни, метаемые из пращей. 4. Тогда Фритигерн, видя, что не умеющие вести осаду люди терпят понапрасну такие потери, посоветовал уйти, не доведя дело до конца, оставив там достаточный отряд. Он говорил, что находится в мире со стенами и давал совет приняться за опустошение богатых областей, не подвергаясь при этом никакой опасности, так как не было еще никакой охраны. 5. Одобрив этот план царя, который, как они знали, будет деятельным сотрудником в задуманном деле, они рассеялись по всему берегу Фракии и шли {*501* } осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам, их земляки, или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобильный провиант. Не говоря уже о врожденной дерзости, большой помощью являлось для них то, что каждый день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. 6. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли вынести тяжести налогов; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они указывали скрытые хлебные склады, места убежища жителей и тайники. 7. Только самые недоступные или лежавшие далеко в стороне места остались не задетыми при их передвижениях. Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и все предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди матери младенцев и убивая их, брали в плен матерей, забирали вдов, зарезав на их глазах мужей, через трупы отцов тащили подростков и юношей, уводили, наконец, и много стариков, кричавших, что они достаточно уж пожили на свете. Лишив их имущества и красивых жен, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплакать пепел родного дома, уводили на чужбину.

7.

1. С глубокой скорбью воспринял эти вести император Валент, и различные тревоги терзали его сердце. Немедленно он отправил в Персию магистра конницы Виктора, чтобы тот, из-за затруднений настоящего, заключил соглашение относительно Армении; сам он собирался немедленно выступить из Антиохии, чтобы отправиться в

Константинополь, а впереди себя послал Профутура и Траяна; оба эти командира были о себе высокого мнения, но не годились для войны. 2. Прибыв на место назначения, где им надлежало измотать силы варваров в мелких стычках и засадах, они приняли неподходящий и опасный план: решили противопоставить расходившимся в их дикой храбрости варварам приведенные из Армении легионы, которые, хотя и были не раз с успехом проверены в боевых трудах, не могли, однако, равняться силами с несчетными полчищами варваров, которые заняли хребты крутых гор и равнины. 3. Эти легионы еще не испытали, что может совершить неукротимая ярость в сочетании с отчаянием. Вытеснив врага за обрывистые склоны Гема, они заняли крутые горные проходы, чтобы, отрезав варварам всякий выход, взять их измором, а самим дождаться здесь полководца Фригерида, который подходил с паннонскими и {*502* } трансальпийскими вспомогательными силами: по просьбе Валента, ему приказал двинуться в поход Грациан, чтобы оказать помощь находящимся в крайней опасности. 4. За ним поспешил во Фракию Рихомер, бывший в ту пору комитом доместиков, который, по приказу того же Грациана, выступил из Галлии. Он вел с собою несколько когорт, которые, однако, были таковыми только по названию, так как большая часть людей дезертировала по совету, – как ходили слухи, – Меробавда, опасавшегося, чтобы лишенная охраны Галлия не подверглась опустошению с того берега Рейна. 5. Но так как подагра задержала Фригерида, или впрочем – как сочинили зложелательные его завистники – он воспользовался болезнью, как предлогом, чтобы не участвовать в жестоких сечах, то Рихомер принял на себя с общего согласия главное командование и присоединился к Профутуру и Траяну, которые стояли близ города Салиций.[1074]На небольшом расстоянии оттуда несчетные полчища варваров, оградив себя в виде круга огромным количеством телег, стояли как бы за стенами и наслаждались в полном спокойствии своей богатой добычей.

6. И вот, в надежде на перемены к лучшему, римские вожди, готовые, если представится случай, отважиться на славное дело, внимательно наблюдали за действиями готов. Их план был таков: если готы будут переходить на другое место, как это случалось весьма часто, напасть на них с тыла, в уверенности, что им удастся перебить множество народа и отнять большую часть добычи. 7. Поняв это сами или получив об этом известие от перебежчиков, благодаря которым ничто не оставалось в тайне, варвары долго оставались на одном и том же месте. Но они испытывали страх перед противопоставленной им армией, которая, как они предполагали, была усилена еще другими войсками. Поэтому они призвали к себе обычным у них зовом рассеянные повсюду грабительские шайки, которые, получив приказ старейшин, тотчас же, словно горящие маллеолы, вернулись с быстротой птичьего полета в табор – карраго, как они это называют – и придали огня своим соплеменникам для более крупных предприятий. 8. Теперь уже обе стороны были в бранном напряжении, которое стихало лишь на время. Когда вернулись те, которые до этого покинули лагерь в силу крайней необходимости, вся масса, все еще теснившаяся в пределах табора, страшно бушевала и в диком воодушевлении рвалась испытать крайние опасности, против чего

1074 **1074.** Город в провинции Scythia (Добруджа) к северу от Том (Кюстендже).

не возражали и бывшие здесь главари племени. Но так как день уже склонялся к вечеру и приближавшаяся ночь задерживала их против воли и к {*503* } их огорчению в покое, то они на досуге подкрепились пищей, но провели ночь без сна. 9. Римляне, узнав об этом, сами не отходили ко сну: враг и бешеные его предводители нагоняли на них страх, как бешеные животные. Исход представлялся, правда, сомнительным, так как числом римлян было меньше; но, благодаря справедливости своего дела, они бесстрашно ждали, что он будет для них благоприятен.

10. Едва забрезжил следующий день, как на той и другой стороне раздался трубный сигнал к началу боя, и варвары, принеся по своему обычаю клятву, сделали попытку занять холмистые места, чтобы оттуда по склонам налетать, как катящееся колесо, с большим напором на противника. Увидев это, наши солдаты поспешили каждый к своему манипулу, встали в строй, и никто не оставался в стороне, не выдвигался вперед, покидая свое место в строю. 11. И вот, когда боевые линии на той и на другой стороне, осторожно выступая вперед, встали неподвижно на месте, бойцы оглядывали друг друга, бросая взгляды злобы и ожесточения. Римляне подняли по всей линии боевой клич, который становился все громче и громче – он называется варварским словом баррит [1075]– и возбуждали тем свои мощные силы, а варвары грубыми голосами возглашали славу предков, и среди этого шума разноязычных голосов завязывались легкие схватки. 12. И вот уже, поражая друг друга издали веррутами и другим метательным оружием, грозно сошлись враги для рукопашного боя и, сдвинув щиты в форме черепахи, сошлись нога к ноге с противником. Варвары, легкие и подвижные в своем строю, метали в наших огромные обожженные палицы, поражали в грудь кинжалами наиболее упорно сопротивлявшихся и прорвали левое крыло. Сильный отряд из резерва, храбро двинувшийся с близкого места, оказал поддержку в ту пору, когда смерть уже висела над спинами людей. 13. Битва становилась все кровопролитнее. Люди похрабрее бросались на скучившихся, их встречали мечи и отовсюду летевшие градом стрелы; тут и там преследовали бегущих, поражая мощными ударами в затылки и спины, точно так же в других местах рассекали поджилки упавшим, которых сковывал страх. 14. Все поле битвы покрылось телами убитых; среди них лежали полуживые, тщетно цеплявшиеся за надежду сохранить жизнь, одни – пронзенные свинцом из пращи, другие – окованной железом стрелой, у некоторых были рассечены головы пополам и две половины свешивались на оба плеча, являя ужасающее зрелище. 15. Не истомившись еще в упорном бою, обе стороны взаимно напирали друг на друга с {*504* } равными шансами; крепость тела не сдавалась, пока возбуждение бодрило силы духа. Склонявшийся к вечеру день прекратил смертоубийственную брань: не соблюдая никакого порядка, все расходились куда кто мог, и уцелевшие в унынии вернулись в свои палатки. 16. Некоторые из павших, люди высших рангов, были преданы погребению, насколько позволяли это условия места и времени; хищные птицы привыкшие в ту пору кормиться трупами, сожрали тела остальных, о чем свидетельствуют и до сих пор белеющие костями поля. Известно, впрочем, что римляне, значительно уступавшие числом несметным полчищам варваров, с которыми они сражались, понесли тяжелый урон,

1075 **1075.** Ср. 16, 12, 43.

но нанесли также жестокие потери варварам.

8.

1. После столь печального исхода сражения наши отошли в недалеко отстоявший Маркианополь. Готы без всякого внешнего принуждения засели в своем таборе и в течение семи дней не смели ни выйти, ни показаться оттуда. Поэтому наши войска, воспользовавшись этим удобным случаем заперли в теснинах Гемимонта огромные шайки других варваров, возведя высокие валы. Рассчитывали, конечно, что огромные полчища этих вредоносных врагов, будучи заперты между Истром и пустынями и не находя никаких выходов, погибнут от голода, так как все жизненные припасы были свезены в укрепленные города, из которых они не попытались доселе ни одного осадить из-за своего полного неведения в этого рода предприятиях. 2. После этого Рихомер отправился назад в Галлию, чтобы привести оттуда вспомогательные силы, из-за ожидаемых еще более грозных военных событий. Все это случилось в год консульства Грациана в четвертый раз и Меробавда, когда время шло уже к осени.

3. Между тем Валент, узнав о печальном исходе битвы и о грабежах, послал Сатурнина, бывшего в ту пору магистром конницы, на помощь Профутуру и Траяну. 4. В те же самые дни в местностях Скифии и Мезии, поскольку истреблено было все, что только было съедобного, варвары, стервенея от собственной ярости и голода, напрягали все силы, чтобы прорваться. После неоднократных попыток, которые были отражены сильным сопротивлением наших, засевших на высоких местах, они оказались в крайне затруднительном положении и призвали к себе шайки гуннов и аланов, соблазнив их надеждой на огромную добычу.

5. Когда об этом узнал Сатурнин – он уже прибыл и устанавливал линию постов и пикетов, – то стал мало-помалу стягивать своих и готовился отступить; то был разумный план, так как {*505* } можно было опасаться, что варвары, как прорвавшая плотину река, сметут без больших затруднений всех, заботливо охранявших подозрительные места. 6. Когда теснины были открыты и своевременно отошли наши войска, варвары повсюду, где кто мог, обратились, не встречая никакого сопротивления, к новым неистовствам. Безнаказанно рассыпались они для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями. Повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми. 7. Тут можно было наблюдать жалостные сцены, которые ужасно было видеть и о которых равно ужасно повествовать: гнали бичами пораженных ужасом женщин, и в их числе беременных, которые, прежде чем разрешиться от бремени, претерпевали всякие насилия; малые дети хватались за своих матерей, слышались стоны подростков и девушек благородного происхождения, уводимых в плен со скрученными за спиной руками. 8. За ними гнали взрослых девушек и замужних женщин с искаженными от плача чертами лица, которые готовы были предупредить свое бесчестие смертью, хотя бы самой жестокой. Тут же гнали, как дикого зверя, свободорожденного человека, который незадолго до этого был богат и свободен, а теперь изливал свои жалобы на тебя, Фортуна, за твою жестокость и слепоту: в один миг он лишился своего имущества, своей милой семьи, дома,

который на его глазах пал в пепле и развалинах, и ты отдала его дикому победителю на растерзание или на рабство в побоях и муках.

9. Как дикие звери, сломавшие свои клетки, варвары рассеялись на огромном пространстве и подступили к городу Дибальту [1076]где они наткнулись на Барцимера, трибуна скутариев со своим отрядом, корнутами и другими пешими отрядами, когда он разбивал свой лагерь. То был испытанный и бывалый в боях командир. 10. Немедленно, как требовала того необходимость, он приказал трубить боевой сигнал, укрепил свои фланги и двинулся в бой со своими храбрыми войсками. Мужественно отбивался он от неприятеля, и битва могла бы оказаться для него удачной, если бы конница, прибывавшая все в большем числе, не одолела его, когда он в конец уже изнемог. Итак, он пал, перебив немало варваров, потери которых делало, впрочем, незаметным их несметное количество. {*506* }

9.

1. После таких удач готы, не зная, что им делать дальше, разыскивали Фригерида, видя в нем мощного противника, чтобы уничтожить его там, где удастся найти. Покормившись и освежившись кратким сном, они шли за ним, как дикие звери: они знали, что по приказу Грациана он вернулся во Фракию и, укрепившись в Берое,[1077]наблюдал за сомнительным ходом дел. 2. Для осуществления этого плана они шли со всей возможной поспешностью. А тот, умевший и командовать, и щадить своих солдат, догадываясь о замыслах неприятеля, или точно об этом осведомленный из донесений лазутчиков, которых он послал, вернулся через крутые горы и лесные чащи в Иллирик. Непредвиденный случай предоставил ему тут большую удачу. Продвигаясь медленно вперед в своем отступлении и ведя свои войска в строю тесно связанных клиньев, он наткнулся на готского князя Фарнобия, который беспечно бродил с грабительскими шайками и вел с собой тайфалов, недавно принятых в союз. Тайфалы, если стоит сообщать об этом, когда наши разбежались в страхе перед неведомыми народами, перешли реку, чтобы грабить покинутые защитниками местности. 4. Внезапно увидев их, Фригерид, вообще весьма осторожный командир, стал готовиться вступить с ними в бой и напал на грабителей из того и другого племени, представлявших довольно грозную силу. Он мог уничтожить их всех до последнего человека, так что не оказалось бы и, вестника об этом поражении. Но когда было перебито множество народа и пал Фарнобий, который раньше являлся грозным зачинщиком злодейств, Фригерид внял мольбам уцелевших и дал им пощаду. Они были переселены в итальянские города Мутину, Регий и Парму и получили земли для обработки. 5. О тайфалах рассказывают, что это поганое племя погрязло в гадких пороках, так что у них мужчины вступают в мужеложную связь с юношами, которые и проводят свои молодые годы в этом позорном общении. Если же кто-то из этих последних, возмужав, один на один поймает кабана или убьет огромного медведя, то

1076 **1076.** Близ нынешнего Бургасского залива.

1077 **1077.** Эски-Загра.

освобождается от этой противоестественной скверны.

10.

1. Такие бури сокрушали Фракию, когда эта несчастная осень склонялась к зиме. Фурии, казалось, дошли до бешенства, и бедствия, посетившие римский мир, распространяясь все дальше, за-{*507* }хватывали отдаленные земли. 2. Лентиензы, аламаннское племя, пограничное с областями Рэции, нарушили давно заключенный договор и стали тревожить наши пограничные земли коварными набегами. Несчастным поводом к этому бедствию послужило следующее обстоятельство. 3. Один человек из этого племени, служивший в рядах императорских оруженосцев, вернулся по своим делам домой. На расспросы земляков о том, что делается при дворе, он, как человек болтливый, сказал, что вскоре Грациан, по просьбе своего дяди Валента, двинется с армией на Восток, чтобы, удвоив силы, отразить жителей соседних стран, которые ополчились скопом на погибель римскому государству. 4. Жадно слушали эти речи лентиензы и, так как они благодаря близкому соседству, сами кое-что видели в подтверждение этого слуха, то со стремительной быстротой собрались в грабительские отряды и перешли по льду в феврале через Рейн... Но расположенные поблизости кельты и петуланты [1078]прогнали их, нанеся им чувствительный урон, хотя и сами понесли при этом потери. 5. Германцы были вынуждены отступить, но, узнав, что бóльшая часть армии двинулась в Иллирик, куда должен был прибыть император, пришли в еще бóльшую ярость. Расширив свои замыслы, они собрались изо всех селений в одно место и, в числе сорока – или, как иные заявляли, раздувая славу императора, – семидесяти тысяч, дерзко вторглись в наши пределы в надменном сознании своей силы.

6. Вести об этом подвергли Грациана в большой страх. Он отозвал назад когорты, направленные уже в Паннонию, стянул другие, которые по разумной диспозиции были задержаны в Галлии, и поручил командование Нанниену, полководцу, отличавшемуся спокойной храбростью, приставив к нему товарищем с равными полномочиями Маллобавда, комита доместиков, царя франков, человека воинственного и храброго. 7. И вот пока Нанниен, учитывая переменчивость военного счастья полагал, что необходимо подождать с решительными действиями, Маллобавд, увлеченный, что было в его характере, боевым пылом, не вытерпел задержки и напал на врага. 8. С той и с другой стороны грозно зазвучали трубы, и в первый раз завязалась битва по сигналу трубачей при Аргентарии [1079]Множество стрел и метательных копий неслось с той и другой стороны и поражало многих насмерть. 9. Но когда бой уже разгорелся, наши солдаты, увидев, что неприятель значительно превосходит их числом, стали уклоняться от открытой опасности и рассеялись по тесным заросшим деревьями тропинкам, как кто мог. Вскоре однако они выстроились уже с большей уверенностью. {*508* } Дальний блеск и мерцание оружия вызвали у варваров ложное опасение,

1078 **1078.** Прим. ред.: Имеются в виду соответствующие легионы.

1079 **1079.** Кольмар.

что подходит сам император. 10. Внезапно они повернули и, время от времени оказывая сопротивление, чтобы ничего не упустить в крайности, потерпели такое поражение, что из вышеуказанного числа не более пяти тысяч, как полагали, ушло под прикрытием густых лесов. В числе многих смелых и храбрых людей, которые тут пали, был и царь Приарий, зачинщик этой истребительной войны.

11. Эта удача увеличила еще больше уверенность в себе Грациана и, начав уже свой поход в восточные страны, он повернул налево, незаметно перешел через Рейн, решив в доброй надежде истребить, если будет благоприятствовать счастье, все это вероломное и охочее до волнений племя. 12. Один вестник за другим сообщали об этом лентиензам. Пораженные бедствиями своего племени, почти уничтоженного, и внезапным прибытием императора, лентиензы не знали, что им предпринять, так как не предоставлялось никакой, хотя бы краткой, отсрочки ни для сопротивления, ни для каких бы то ни было предприятий. Они стремительно отступили по трудно проходимым тропинкам в горные местности и, стоя кругом на крутых утесах, всеми силами охраняли свое имущество и семейства, которые привели с собою. 13. Чтобы справиться с представившимся затруднением, решено было выбрать из каждого легиона по пятьсот человек, хорошо проверенных в боевых трудах, и штурмовать эти высоты. Настроение людей поднимало особенно то обстоятельство, что император был постоянно на виду у всех в передних рядах, и они старались взойти на высоты, исполненные уверенности, что если им удастся взобраться на горы, то уже без всякой борьбы они захватят варваров, как добычу на охоте. Но начавшееся около полудня сражение затянулось, и его прекратил ночной мрак. 14. Бой шел с большими потерями с обеих сторон: многие из наших рубили врага, но немало их было зарублено насмерть; блистающие золотом и разноцветными красками доспехи императорской гвардии погнулись под частыми ударами метательных снарядов.

15. Долго держал Грациан совет с главными начальниками; было очевидно, что опасно и бесполезно с неуместной настойчивостью вести наступление на крутые утесы; мнения однако, что естественно в таком деле, расходились; остановились на том, чтобы прекратить военные действия и, так как варваров защищала природа места, то обложить их, чтобы взять голодом. 16. Но так как германцы продолжали с таким же упорством борьбу и, пользуясь знанием местности, перешли на другие горы, еще более высокие, чем те, в которых они засели, то император последовал за ними и туда с войском и с таким же мужеством искал тропинки, ведущие на высоты. 17. Лентиензы, видя, что он во что бы то ни стало решил покончить с ними, стали молить императора со слезными {*509* } просьбами принять их покорность, выдали, по его требованию, всю свою молодежь для зачисления в нашу армию и получили разрешение беспрепятственно вернуться в родную землю.

18. Эту победу, столь вовремя пришедшую и важную по своим последствиям в том смысле, что она ослабила силу сопротивления у западных народов, одержал по мановению вечного бога Грациан благодаря своей прямо невероятной энергии. В эту пору он находился в походе, направленном в другую сторону и очень спешил. То был молодой человек, прекрасно одаренный, красноречивый, сдержанный, воинственный и мягкий, и он мог бы идти по стопам лучших императоров (прошлого времени), когда еще только пушок стал украшать его щеки,

если бы склонность к забавам под развращающим влиянием ближайших к нему лиц, не направила его к пустым занятиям царя Коммода, хотя он и не проявил при этом кровожадности. 18. Как тот, сделавший своей привычкой убивать метательным оружием диких зверей на глазах народа, впадал в нечеловеческий восторг, когда ему удавалось стрелами различных видов перебить за один раз сто львов, впущенных в круг амфитеатра, не повторив ни одного удара, так и этот испытывал восторг, убивая стрелами зубастых зверей в загородках, которые зовутся vivaria. Многим серьезным делам он не придавал значения и это в такое время, когда будь даже власть в руках Марка Антонина, то тот едва ли сумел бы справиться с тяжкими бедствиями государства без соответствующих ему помощников и разумных советов.

19. Сделав в согласии с обстоятельствами времени распоряжения в Галлии и покарав предателя-скутария, сообщившего варварам о том, что император спешит в Иллирик, Грациан выступил оттуда и через укрепление, которое носит имя Феликс Арбор (счастливое дерево) [1080]и Лавриак [1081]направился быстрым маршем на помощь притесняемой части империи.

20. В эти самые дни получил преемника Фригерид, который весьма деятельно принимал меры по охране и спешно укреплял теснины Сукков, чтобы быстро повсюду распространявшиеся шайки неприятеля, как разлившиеся потоки, не проникли в северные провинции. Преемником Фригерида был комит по имени Мавр, при своем суровом виде человек продажный, совершенно неустойчивый и ненадежный. Это он некогда, в момент затруднений Юлиана Цезаря относительно короны, будучи в числе его оруженосцев и находясь на охране дворца, поднес ему, как я об этом {*510* } рассказывал, свою цепь, снятую с шеи[1082]21. Таким образом, в самый критический момент был устранен осторожный и дельный полководец, в ту пору когда, даже если бы он давно вышел в отставку, трудность положения настоятельно обязывала вернуть его обратно к ратной службе.

11.

1. Примерно в то же время Валент выступил, наконец, из Антиохии и после продолжительного путешествия прибыл в Константинополь. Его пребывание там длилось лишь несколько дней, и он имел при этом неприятности вследствие бунта населения. Общее командование пешими войсками передано было Себастиану, полководцу весьма осмотрительному, который незадолго до этого был прислан, по его просьбе, из Италии. Этот пост ранее занимал Траян. Сам Валент отправился в Мелантиаду, на императорскую виллу, где он старался расположить к себе солдат выдачей жалованья, пищевого довольствия и неоднократными заискивающими речами. 2. Объявив о походе приказом, он прибыл оттуда в Нику – так называется этот военный пост. Там он

1080 **1080.** Укрепление на южном берегу Боденского озера (lacus Brigantinus), ныне Арбон.

1081 **1081.** Лорх.

1082 **1082.** См. 20, 4, 18.

узнал из донесений лазутчиков, что нагруженные богатой добычей варвары вернулись из областей Родопы в окрестности Адрианополя. Варвары, узнав о выступлении императора со значительной армией, стали спешить на соединение со своими земляками, которые укрепились вблизи Берои и Никополя. Чтобы не упустить такого удобного случая, Себастиан получил приказ набрать из отдельных отрядов по 300 человек и с возможной поспешностью отправиться туда, чтобы совершить полезное для государства дело, как и сам он это обещал. 3. Когда он форсированным маршем подошел к Адрианополю, ворота были закрыты и ему не позволили вступить в город. Гарнизон опасался того, что не попал ли он в плен и теперь играет фальшивую роль, а на самом деле собирается совершить что-нибудь гибельное для города; так некогда войска Магненция взяли обманом комита Акта и устроили себе через него открытие прохода в Юлиевых Альпах. 4. Когда, наконец, хотя и поздно, признали Себастиана и пустили в город, он накормил солдат и дал им отдых, насколько было возможно, а на следующее утро выступил для тайного набега. День склонялся уже к вечеру, когда он вдруг увидел грабительские отряды готов близ реки Гебра. Под прикрытием возвышенностей и растительности он выжидал некоторое время и глубокой ночью, соблюдая возможную тишину, напал на не успевшего выстроиться {*511* } неприятеля. Он нанес готам такое поражение, что перебиты были почти все, кроме немногих, кого спасла от смерти быстрота ног, и отнял у них огромное количество добычи, которой не мог вместить ни город, ни просторная равнина. 5. Фритигерн был страшно поражен этим и опасался, чтобы этот полководец, отличавшийся, как он часто слышал, быстротой действий, не уничтожил неожиданными нападениями рассеявшихся повсюду отрядов готов, занятых грабежом. Он приказал всем отойти назад и быстро отступил к городу Кабиле [1083]чтобы готы, находясь на равнине не страдали ни от голода, ни от тайных засад.

6. Пока так шли дела во Фракии, Грациан, известив письмом своего дядю о том, как удачно он справился с аламаннами, послал вперед сухим путем обоз и вьюки, а сам с легким отрядом поехал по Дунаю и через Бононию прибыл в Сирмий [1084]Сделав там остановку на четыре дня, он спустился по течению того же Дуная в Кастра-Мартис (Марсов лагерь) [1085]хотя и страдал от перемежающейся лихорадки. На этом переходе он подвергся неожиданному нападению аланов и понес при этом некоторые потери в людях.

12.

1. Два обстоятельства беспокоили в ту пору Валента: во-первых, сообщение о победе над лентиензами, и во-вторых, письменное донесение Себастиана о блестящем деле, которое он старался раздуть пышными

1083 **1083.** Ямболи на Тундже.

1084 **1084.** Митровица. Грациан шел по дороге, пролегавшей по долине Дравы. Слова pedestri itinere понапрасну отделены у Гардтгаузена запятой от дальнейшего. Тут есть некоторая неясность в сообщении Аммиана. Сирмий лежал на Саве, и если бы Грациан был раньше уже на Дунае, то, значит, он отошел назад от своей армии.

1085 **1085.** Этот город лежал в провинции Dacia ripensis, т. е. на правом берегу Дуная.

словами. Император выступил из Мелантиады, торопясь сравниться каким-нибудь славным делом с молодым племянником, доблести которого раздражали его. Он находился во главе армии, составленной из разных войск, которая внушала к себе доверие и была воодушевлена бранным духом, так как он присоединил к ней много ветеранов, и в числе них и офицеров высшего ранга; вступил опять в ряды и Траян, недавно бывший магистром армии. 2. Деятельные разведки выяснили, что враг собирается перекрыть сильными сторожевыми постами дороги, по которым подвозился провиант для армии. Против той попытки немедленно предприняты были соответствующие меры: для удержания за ними ближайших проходов быстро был отправлен отряд всадников с пешими стрелками. 3. В ближайшие три дня варвары {*512* } медленно наступали; опасаясь нападения в теснинах, в 15 милях от города (Адрианополя) они направились к укреплению Ника. По какому-то недоразумению наши передовые легкие войска определяли численность всей этой части полчищ, которую они видели, в десять тысяч человек, и император с лихорадочной поспешностью спешил им навстречу. 4. Продвигаясь вперед в боевом строю, он приблизился к Адрианополю. Там он укрепил свой лагерь палисадом и рвом, с нетерпением ожидая Грациана, и вскоре получил от него письмо, доставленное высланным вперед комитом доместиков Рихомером, в котором тот сообщал, что немедленно прибудет. 5. Грациан просил его в своем письме немного подождать соратника по опасности и не кидаться наобум одному в жестокие опасности. Валент собрал на совет различных сановников, чтобы обсудить, что нужно делать. 6. Одни, по примеру Себастиана, настаивали на том, чтобы немедленно вступить в бой, а магистр всадников по имени Виктор, хотя и сармат по происхождению, но неторопливый и осторожный человек, высказывался, встретив поддержку у других, в том смысле, что следует подождать соправителя, что, присоединив к себе подмогу в виде галльских войск, легче раздавить варваров, пылавших высокомерным сознанием своих сил. 7. Победило, однако, злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать с возможной быстротой, чтобы не допустить к участию в победе, – как они это себе представляли, – Грациана.

8. Пока делались необходимые приготовления к решительному бою, пришел в лагерь императора посланный Фритигерном христианский пресвитер – как они это называют – с другими людьми невысокого ранга. Будучи ласково принят, он представил письмо этого предводителя, который открыто требовал, чтобы ему и его людям, изгнанным из своей земли стремительным набегом диких народов, предоставлена была для обитания Фракия, и только она одна, со всем скотом и хлебом. Он обязывался сохранять вечный мир, если его требования будут удовлетворены. 9. Кроме того тот же самый христианин, как верный человек, посвященный в секреты Фритигерна, передал другое письмо того же самого царя. Весьма искусный в хитростях и разных обманах, Фритигерн сообщал Валенту как человек, который в скором времени должен был стать его другом и союзником, что он не может сдержать свирепость своих земляков и склонить их на условия, удобные для римского государства, иным образом, чем если император покажет им немедленно на близком расстоянии свою армию в боевом снаряжении и страхом, который вызывает имя императора, лишит их гибельного боевого задора. Посольство, как весьма двусмысленное, было отпущено ни с чем.

{*513* }

10. На рассвете следующего дня, который по календарю числился девятым августа, войска были быстро двинуты вперед, а обоз и вьюки размещены были под стенами Адрианополя с соответствующей охраной из легионов... Казна и прочие отличия императорского сана, префект и члены консистория находились в стенах города. 11. Долго шли по каменистым и неровным дорогам, и знойный день стал близиться к полудню; наконец, в восьмом часу [1086]увидели телеги неприятеля, которые по донесению лазутчиков были расставлены в виде круга. Варвары затянули по своему обычаю дикий и зловещий вой, а римские вожди стали выстраивать свои войска в боевой порядок: правое крыло конницы было выдвинуто вперед, а бóльшая часть пехоты была поставлена позади в резерве. 12. Левое крыло конницы строили с большими затруднениями, так как бóльшая часть предназначенных для него отрядов была еще рассеяна по дорогам, и теперь, все они спешили быстрым аллюром. Пока крыло это вытягивалось, не встречая никакого противодействия, варвары пришли в ужас от страшного лязга оружия и угрожающих ударов щитов один о другой, так как часть их сил с Алафеем и Сафраком, находившаяся далеко, хотя и была вызвана, еще не прибыла. И вот они отправили послов просить о мире. 13. Император из-за простого вида отнесся к ним с презрением и потребовал, чтобы для заключения договора были присланы подходящие для этого знатные люди. Готы нарочно медлили, чтобы за время этого обманного перемирия могла вернуться их конница, которая, как они надеялись, должна была сейчас явиться, а с другой стороны, чтобы истомленные летним зноем солдаты стали страдать от жажды, в то время как широкая равнина блистала пожарами: подложив дров и всякого сухого материала, враги разожгли повсюду костры. К этому бедствию прибавилось и другое тяжелое обстоятельство, а именно: людей и лошадей мучил страшный голод.

14. Между тем Фритигерн, хитро рассчитывавший всякие виды на будущее и опасавшийся переменчивости боевого счастья, послал от себя одного простого гота в качестве переговорщика с просьбой прислать ему как можно скорее выбранных лиц, как заложников, и давал ручательство выдержать угрозы своих соплеменников и неизбежные (последствия?). 15. Это предложение внушавшего страх вождя встретило похвалу и одобрение, и трибуну Эквицию, который тогда управлял дворцом, родственнику Валента, было предписано с общего согласия отправиться немедленно к готам, как заложнику. Когда он стал отказываться, так как попал однажды в плен к ним и сбежал от них у Дибальта, а поэтому боялся раздражения с их {*514* } стороны, Рихомер сам предложил свои услуги и заявил, что охотно отправится, считая такое дело достойным и подходящим для храброго человека. И он уже отправился в путь, являя достоинства своего положения и происхождения... 16. Он уже приближался к вражескому валу, когда стрелки и скутарии, которыми тогда командовали ибер Бакурий и Кассион в горячем натиске прошли слишком далеко вперед и завязали бой с противником: как не вовремя они полезли вперед, так и осквернили начало боя трусливым отступлением. 17. Эта несвоевременная попытка остановила смелое решение Рихомера, которому уже не позволили никуда идти. А готская

1086 **1086.** Т. е. около 2 часов по нашему счету.

конница между тем вернулась с Алафеем и Сафраком во главе вместе с отрядом аланов. Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути.

13.

1. Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы. Беллона, неистовствовавшая со свирепостью, превосходившей обычные размеры, испускала бранный сигнал на погибель римлян; наши начали было отступать, но стали опять, когда раздались задерживающие крики из многих уст. Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по несколько человек сразу оказывались пронзенными копьями и стрелами. 2. Наконец, оба строя столкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей, и, тесня друг друга, колебались, словно волны во взаимном движении.

Левое крыло подступило к самому табору, и если бы ему была оказана поддержка, то оно могло бы двинуться и дальше. Но оно не было поддержано остальной конницей, и враг сделал натиск массой; оно было раздавлено, словно разрывом большой плотины, и опрокинуто. Пехота оказалась, таким образом, без прикрытия, и манипулы были так близко один от другого, что трудно было пустить в ход меч и отвести руку. От поднявшихся облаков пыли не видно было неба, которое отражало угрожающие крики. Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель и ранили, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться. 3. Когда же высыпавшие несчетными отрядами варвары стали опрокидывать лошадей и людей, и в этой страшной тесноте нельзя было очистить места для отступления, и давка отнимала всякую возможность уйти, наши в отчаянии взялись снова за мечи и стали рубить врага, и взаимные удары секир пробивали шлемы и панцири. 4. Можно было видеть, как варвар в своей озлобленной свирепости с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти; сце-{*515* }пившиеся враги вместе валились на землю, и равнина сплошь покрылась распростертыми на земле телами убитых. Стоны умирающих и смертельно раненых раздавались повсюду, вызывая ужас. 5. В этой страшной сумятице пехотинцы, истощенные от напряжения и опасностей, когда у них не хватало уже ни сил, ни умения, чтобы понять что делать, и копья у большинства были разбиты от постоянных ударов, стали бросаться лишь с мечами на густые отряды врагов, не помышляя уже больше о спасении жизни и не видя никакой возможности уйти. 6. А так как покрывшаяся ручьями крови земля делала неверным каждый шаг, то они старались как можно дороже продать свою жизнь и с таким остервенением нападали на противника, что некоторые гибли от оружия товарищей. Все кругом покрылось черной кровью, и куда бы ни обратился взор, повсюду громоздились кучи убитых, и ноги нещадно топтали повсюду мертвые тела. 7. Высоко поднявшееся солнце, которое, пройдя созвездие Льва, передвигалось в обиталище небесной Девы,[1087]палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец под напором силы варваров наша боевая

1087 **1087.** Битва происходила 9 августа, солнце вступило в созвездие Девы.

линия совершенно расстроилась, и люди обратились к последнему средству в безвыходных положениях: беспорядочно побежали, кто куда мог.

8. Пока все, разбежавшись, отступали по неизвестным дорогам, император, среди всех этих ужасов, бежал с поля битвы, с трудом пробираясь по грудам мертвых тел, к ланциариям и маттиариям, которые стояли несокрушимой стеной, пока можно было выдержать численное превосходство врага. Увидев его, Траян закричал, что не будет надежды на спасение, если для охраны покинутого оруженосцами императора не вызвать какую-нибудь часть. 9. Когда это услышал комит по имени Виктор, то поспешил к расположенным неподалеку в резерве батавам, чтобы тотчас привести их для охраны особы императора. Но он никого не смог найти и на обратном пути сам ушел с поля битвы. Точно так же спаслись от опасности Рихомер и Сатурнин.

10. Метая молнии из глаз, шли варвары за нашими, у которых кровь уже холодела в жилах. Одни падали неизвестно от чьего удара, других опрокидывала тяжесть напиравших, некоторые гибли от удара своих товарищей; варвары сокрушали всякое сопротивление и не давали пощады сдававшимся. 11. Кроме того дороги были преграждены множеством полумертвых людей, жаловавшихся на муки, испытываемые от ран, а вместе с ними заполняли равнину целые валы убитых коней вперемежку с людьми. Этим никогда {*516* } не восполнимым потерям, которые так страшно дорого обошлись римскому государству, положила конец ночь, не освещенная ни одним лучом луны.

12. Поздно вечером император, находившийся среди простых солдат, как можно было предполагать, – никто не подтверждал, что сам это видел, или был при том, – пал, опасно раненный стрелой, и вскоре испустил дух; во всяком случае, труп его так и не был найден. Так как шайки варваров бродили долго по тем местам, чтобы грабить мертвых, то никто из бежавших солдат и местных жителей не отваживался явиться туда. 13. Подобная несчастная судьба постигла, как известно, Цезаря Деция, [1088]который в жестокой сече с варварами был сброшен на землю падением взбесившейся лошади, удержать которую он не смог. Попав в болото, он не мог оттуда выбраться, и потом нельзя было отыскать его тело[1089]14. Другие рассказывают, что Валент не сразу испустил дух, но несколько кандидатов и евнухов отнесли его в деревенскую хижину и скрыли на хорошо отстроенном втором этаже. Пока там ему делали неопытными руками перевязку, хижину окружили враги, не знавшие, кто он. Это и спасло его от позора пленения. 15. Когда они попытались сломать запертые на засовы двери и их стали обстреливать сверху, то, не желая терять из-за этой задержки возможности пограбить, они снесли вязанки камыша и дров, подложили огонь и сожгли хижину вместе с людьми. 16. Один из кандидатов, выскочивший через окно, был взят в плен варварами. Его сообщение о том, как было дело, повергло в большое горе варваров, так как они лишились великой славы взять живым правителя римского государства. Тот самый юноша, тайком вернувшийся потом к нашим, так рассказывал об этом событии. 17. Такая же смерть постигла при

1088 **1088.** Прим. ред.: См. прим. 5. Почему Деций назван Цезарем, неясно.

1089 **1089.** Император Деций пал в битве с готами при Абритте, в нынешней Добрудже, в 251 году.

отвоевании Испании одного из Сципионов, [1090]который, как известно, сгорел в подожженной врагами башне, в которой скрывался. Верно, во всяком случае, то, что ни Сципиону, ни Валенту не выпала на долю последняя честь погребения.

18. Среди большого числа высокопоставленных людей, которые пали в этой битве, на первом месте следует назвать Траяна и Себастиана. С ними пали 35 трибунов, командовавших полками и свободных от командования, а также Валериан и Эквиций, первый заведовал императорской конюшней, а второй – управлением дворца. Среди павших трибунов был трибун промотов Потенций, совсем еще юноша, но пользовавшийся всеобщим уваже-{*517* }нием; помимо личных прекрасных качеств его выдвигали также и заслуги его отца Урзицина, бывшего магистра армии. Уцелела, как известно, только треть войска. 19. По свидетельствам летописей только битва при Каннах была столь же кровопролитна, [1091]как эта, хотя при неблагоприятном повороте судьбы и благодаря военным хитростям неприятеля, римляне не раз оказывались временно в стесненном положении; точно так же и греки оплакали в жалобных песнях, недостоверных в своих сообщениях, не одну битву [1092]

14.

1. Так погиб Валент в возрасте около 50 лет после почти четырнадцати лет правления. 2. Теперь я упомяну, как его добрые качества, так и недостатки; то и другое многим хорошо известно. Он был верен и надежен в дружбе, строго карал честолюбивые происки, сурово поддерживал военную и гражданскую дисциплину, был всегда до боязливости настороже, чтобы кто-либо под предлогом родства с ним не возносился слишком высоко, был очень осторожен в предоставлении и лишении санов, добросовестнейшим образом охранял провинции, которые он берег от убытков, как свой собственный дом, с особенным старанием смягчал тяжесть податей, не допускал увеличения никаких налогов, был снисходителен во взыскании недоимок, и являлся жестоким и озлобленным врагом проворовавшихся и уличенных в казнокрадстве правителей провинций. 3. Восток не помнит лучшего в этом отношении времени ни при каком другом императоре. Щедр он был со всеми, но в меру. Примеров можно было бы привести множество, но ограничусь одним. При дворе есть всегда много людей жадных до чужого добра; если кто-то просил о предоставлении ему выморочного владения или другого чего-нибудь, как это обычно, он, строго отличая справедливое от несправедливого, предоставлял это имущество просившему, но в то же время давал право голоса возражающему и участие в этом владении

1090 **1090.** Прим. ред.: Гней Корнелий Сципион Кальв, консул 212 г. до н. э., воевавший вместе со своим братом Публием Корнелием Сципионом в Испании против карфагенян.

1091 **1091.** Прим. ред.: В битве при Каннах в 216 г. до н. э. Ганнибал, имевший 40 тыс. пехотинцев и 10 тыс. всадников, наголову разгромил римскую армию, в составе которой было 80 тыс. пехотинцев и 6 тыс. всадников.

1092 **1092.** Разбор свидетельств о битве при Адрианополе и выяснение ее течения см. Delbrück, Geschichte der Kriegskunst. II (1902), стр. 280–297.

делил между тремя или четырьмя лицами, которых иной раз не было на месте. Таким образом, эти беспокойные люди должны были вести себя осторожнее, видя, что добро, на которое они скалили зубы, уменьшалось благодаря этому способу. 4. О зданиях, которые он обновил или возвел от основания в разных больших и малых городах, я не стану говорить, чтобы не растягивать своего изложения, так как они сами наглядно свиде-{*518* }тельствуют о его заслугах. Во всем этом он, как я полагаю, был достоин подражания со стороны всякого хорошего государя. А теперь скажу о его недостатках.

5. В стремлении заполучить большие богатства он не знал меры, не был вынослив в бранных трудах и только выставлял для вида свою закаленность, был склонен к жестокости. Он был мало образован, не прошел курса ни военного, ни изящного образования; охотно искал с ущербом для других пользы и выгод себе самому; особенно невыносим он бывал в тех случаях, когда преступления неуважения или оскорбления величества предоставляли ему возможность выступать против жизни и состояния людей богатых. 6. Невыносимо было в нем и то, что хотя он хотел, чтобы казалось, будто он подчиняет все процессы и следствия действию законов, и поручал рассмотрение дел наилучшим из тех, кто состояли судьями, но в действительности он творил повсюду свой личный произвол. Он был груб в обращении, раздражителен, охотно выслушивал доносы, не отличая правды от лжи: эти недостатки даже в простых обыденных отношениях частной жизни ведут к весьма неприятным последствиям. 7. От природы он был ленив и нерешителен. Цвет лица был у него темный, зрачок одного глаза – слепой, но издали это не было заметно; телосложение пропорциональное и крепкое, рост – не высокий и не низкий, ноги несколько выгнуты, и живот немного выдавался.

8. Сказанного будет достаточно о Валенте; свидетельство моих современников вполне подтверждает справедливость изложенного. Но вот чего нельзя обойти молчанием. Когда от оракула с треножником, который, как я рассказывал [1093]вертели Патриций и Гиларий, он узнал три вещие стиха, из которых последний звучал так:

На равнинах Миманта чрез Арея жестокого в мыслях...

то, как человек необразованный и простой, сначала не обратил на это никакого внимания, но когда, по мере скопления тяжких бед, стал малодушно труслив, то, вспомнив об этом оракуле, стал бояться Азии, так как слышал от людей ученых, что и Гомер и Цицерон [1094]писали о возвышающейся над городом Эритреей горе Миманте. Говорят, что после его смерти, когда варвары отступили, нашли возле места его предполагаемой смерти высокий каменный памятник; на нем по-гречески была высечена подпись, свидетельствовавшая о том, что в давние {*519* } времена там был погребен какой-то знатный человек по имени Мимант.

15.

1. Когда после этой страшной битвы ночь простерла на землю свой мрак, оставшиеся в живых устремились одни вправо, другие влево, куда

1093 **1093.** 29, 1.

1094 **1094.** Hor. Od. 3, 172. Cic. ad Att. 16, 13.

кого погнал страх, и искали каждый своих близких, Темнота не позволяла видеть ни на один шаг от себя, и им все казалось, что над головой поднят меч неприятеля. Издали доносились жалобные стоны покинутых, хрипы умирающих и мукой исторгнутые вопли раненых.

2. На рассвете следующего дня победители, как дикие звери, которых распалил вкус крови, устремились густыми толпами к Адрианополю. Их возбуждали пустые надежды взять город, и они были вполне уверены, что это им удастся. Они знали от перебежчиков, что там, как в сильной крепости, находились самые знатные сановники и были спрятаны отличия императорского сана и казна Валента.

3. Чтобы не дать ослабнуть всеобщему возбуждению, они уже на четвертый день окружили город со всех сторон, и начался жестокий бой. Осаждавшие с врожденной дикостью, дерзко бросались на верную гибель, а осажденные со своей стороны проявляли все свои силы и всю храбрость в обороне.

4. Так как значительное число солдат и погонщиков с лошадьми не смогли войти в город, то они были прижаты к стенам, засели в прилегавших зданиях и храбро сражались до девятого часа дня. В эту пору 300 наших пехотинцев из тех, которые стояли на самом бруствере, построившись тесным клином, перешли на сторону варваров. Но те стремительно бросились на них и, неизвестно по каким мотивам, всех их перебили. Это возымело свое действие в том смысле, что в дальнейшем никто уже даже в самом отчаянном положении не решался на что-нибудь подобное.

5. Среди стольких удручавших нас бедствий внезапно разразилась из черных туч страшная гроза с ливнем и рассеяла отряды напиравших со всех сторон варваров. Вернувшись к своим телегам, которые были расставлены по кругу, они еще дальше простерли свою наглость: прислали нашим угрожающее письмо с требованием сдаться и посла... обещая сохранить жизнь. 6. Но их посланец не осмелился войти, и письмо принес и прочитал какой-то христианин. К этому предложению отнеслись, так как оно того и заслуживало. Остаток дня и следующая ночь были использованы на подготовку средств защиты. Изнутри завалены были ворота огромными камнями, слабые места стен укреплены, для метания во все стороны {*520* } стрел и камней установлены были на удобных местах орудия и подвезена повсюду в достаточном количестве вода, так как накануне некоторые из сражавшихся насмерть замучены были жаждой.

7. Со своей стороны готы, понимая опасную переменчивость боевого счастья, в тревоге о том, что на глазах их падали раненые и убитые храбрецы и что их силы постепенно слабели, придумали хитрый план, который раскрылся по указанию самой Богини справедливости. 8. Они склонили нескольких кандидатов нашей службы, которые накануне перешли на их сторону, чтобы те, притворившись беглецами, вернулись назад и постарались устроить так, чтобы их впустили в город, а когда войдут, чтобы тайком подожгли какую-нибудь часть города: пожар должен был служить условным сигналом к тому, чтобы ворваться в беззащитный город, пока население будет заниматься тушением пожара. 9. Согласно уговору, кандидаты отправились в путь. Приблизившись ко рвам, они подняли руки и просили, чтобы их впустили, как римлян. И действительно, их приняли, так как не возникало никакого подозрения, которое могло бы явиться препятствием. Но когда их спросили о

намерениях врага, они стали показывать разное. Вследствие этого их подвергли пытке; они сознались, для чего пришли, и были казнены через отсечение головы.

10. С нашей стороны сделаны были все приготовления к бою, и в третью стражу ночи варвары, забыв страх, причиненный прежними потерями, устремились густыми рядами к запертым подступам в город, и предводители их проявляли все возраставшее упорство. Но вместе с солдатами поднялись для их отражения провинциалы и дворцовые служители, и при таком множестве нападавших метательное оружие всякого рода, пусть даже брошенное без прицела, не могло упасть, не причинив вреда. 11. Наши заметили, что варвары пользуются теми самыми стрелами, которые были пущены в них. Поэтому был отдан приказ, чтобы прежде, чем пускать стрелу из лука, делать глубокий надрез в дереве на месте прикрепления железного острия. От этого стрелы не теряли силы своего полета, сохраняли всю свою мощь в случае, если впивались в тело, но если падали на пустое место, то тотчас ломались. 12. В разгар битвы большое впечатление произвел совершенно неожиданный случай. Скорпион, род орудия, которое в просторечии зовется онагром (дикий осел), помещенный против густой массы врагов, выбросил громадный камень. Хотя он при падении на землю никого не задел, но вызвал своим видом такой ужас, что варвары отступили перед новым для них зрелищем и готовы были совсем уйти. 13. Начальники их, однако, приказали трубить, и сражение возобновилось. Но римляне снова имели преимущество, так как ни один почти метательный снаряд и камень из пращи не летел {*521* } понапрасну. Командиры готов, возбужденные пламенным желанием овладеть богатствами, которые неправыми путями добыл Валент, становились сами в первые ряды, а остальные присоединялись к ним, в гордом сознании, что они в опасностях сравнялись с начальниками. Многие падали, смертельно раненые, раздавленные огромными тяжестями или с пронзенной грудью, другие несли лестницы, и, со всех сторон пытались лезть на стены, но на них, как по отвесу, падали камни, куски колонн, целые блоки и засыпали их. 14. Ужасающий вид крови не действовал на дошедших до неистовства варваров, и до самого вечера они проявляли ту же дикую храбрость. Их возбуждение поддерживало и то, что падало много защитников, сраженных насмерть их выстрелами и, видя это издали, они испускали крики радости. Так с величайшим воодушевлением длилась борьба без передышки за стены и против стен. 15. Но дело шло безо всякого плана, наскоками, в отдельных отрядах, что было свидетельством полной растерянности. Когда день склонился к вечеру, все вернулись в унынии в свои палатки, упрекая друг друга в бессмысленном безумии за то, что вопреки советам Фритигерна, решились пойти на ужасы штурма.

16.

1. Тогда принялись осматривать раны и лечить их своими народными способами; это заняло всю ночь, не долгую, правда, в данное время года. Когда начался день, они стали обсуждать на различный лад, куда им направиться. После долгих оживленных споров порешили, наконец, захватить Перинф [1095]а затем и другие богатые города. Сведения обо всем

1095 **1095.** Гераклея-Перинф, на берегу Пропонтиды (Мраморного моря), н.

они получали от перебежчиков, которые знали не только то, что имеется в городах, но даже и внутри каждого дома. Согласно этому решению, которое было признано обещающим выгоды, они медленно направились вперед, не встречая никакого сопротивления, и производили по всему пути грабежи и пожары.

2. Войска, подвергавшиеся осаде в Адрианополе, узнав, что готы ушли, и получив через надежных разведчиков сведения, что окрестности свободны от неприятеля, в полночь вышли из города и двинулись, минуя большие дороги, по лесистым местам и окольным тропинкам – одни в Филиппополь, а оттуда в Сердику [1096]другие – в Македонию. Сберегая все наличные свои силы и боевые средства, они шли как можно более быстрым маршем, в надежде {*522* } найти в тех местах Валента. Они были в полном неведении о том, что он пал в самом вихре того сражения, или же, сказать точнее, бежал в деревенский дом, где, как думают, погиб в огне.

3. А к готам присоединились воинственные и храбрые гунны и аланы, закаленные в боевых трудах. Приманкой огромной добычи добился этого союза ловкий Фритигерн. Разбив лагерь около Перинфа, они, памятуя прежние потери, не посмели, однако, ни подойти к городу, ни попытаться взять его, но зато обширную и плодородную область этого города они разграбили дотла, перебив или взяв в плен сельское население. 4. Оттуда они пошли спешным маршем к Константинополю, неисчислимые сокровища которого возбуждали их грабительские инстинкты. Опасаясь засад, они держались в связном строю и готовились напрячь все свои силы на гибель славного города. Но когда они дерзко лезли на него и почти что дергали запоры ворот, Бог небесный отогнал их вот каким случайным обстоятельством. 5. Незадолго до этого прибыл в Константинополь отряд сарацинов, пригодных скорее для грабительских набегов, чем для правильной битвы – о происхождении этого народа, его нравах и обычаях я рассказывал в различных местах моего повествования [1097]Внезапно увидев отряд варваров, сарацины смело сделали вылазку из города, чтобы померяться силами в схватке. Бой затянулся надолго, был упорен и обе стороны разошлись без решительного исхода. 6. Но отряд восточных людей одержал победу новым и раньше никогда не виданным способом. Один человек из него, с копной волос на голове, голый по пояс, издавая хриплые зловещие звуки, бросился между готами с кинжалом в руке. Сразив врага, он приблизил свои уста к его горлу и стал сосать брызнувшую кровь. Эта чудовищная сцена нагнала на варваров такой ужас, что потом они выступали, когда приходилось что-нибудь предпринимать, не со свойственной им дикой отвагой, но с явной нерешительностью. 7. Мало-помалу сломлена была их дерзость, когда они разглядели огромное протяжение стен, широко раскинувшиеся группы зданий, недоступные для них красоты города, несчетное количество населения и возле города пролив, соединяющий Понт с Эгейским морем. Разбросав сооружения, которые они стали готовить для осадных машин, и понеся большие потери, чем те, что нанесли сами, они отошли оттуда и

Эски-Эрекли.

1096 **1096.** София в Болгарии.

1097 **1097.** 14, 4, 24, 2, 4.

рассыпались по северным провинциям, и свободно прошли их до самого подножия Юлиевых Альп, которые в древности назывались Венетскими.

8. В эти дни магистр армии по эту сторону Тавра, Юлий, отличился решительным поступком, имевшим спасительные по-{*523* }следствия. Получив известие о несчастьях, произошедших во Фракии, он отдал относительно всех готов, которые были приняты до этого на службу и распределены по разным городам и укреплениям, тайный приказ ко всем их командирам, – все были римляне, что в наше время случается редко, – в котором повелевал всех их, как по одному сигналу, в один и тот же день, вызвать в предместье как бы для выдачи обещанного жалованья и перебить. Это разумное распоряжение было исполнено без шума и промедления, и благодаря этому восточные провинции были спасены от великих бедствий.

9. Вот что я, бывший солдат и грек по происхождению, изложил по мере сил, начав от правления Цезаря Нервы [1098]и доведя рассказ до гибели Валента. Я обещал в труде своем представить истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием или ложью. Остальные события пусть опишут другие, более сильные, чем я, имеющие преимущество молодых лет и учености. Если же они – будь это им угодно – примутся за подобное, то мой им завет – дать своей речи более высокий полет. {*524* }

AMMIANI MARCELLINI.
HISTORIAE (Res Gestae)

Источник: http://www.gmu.edu/departments/fld/CLASSICS/ammianus.html

LIBER XIV

I

1. Post emensos insuperabilis expeditionis eventus languentibus partium animis, quas periculorum varietas fregerat et laborum, nondum tubarum cessante clangore vel milite locato per stationes hibernas, fortunae saevientis procellae tempestates alias rebus infudere communibus per multa illa et dira facinora Caesaris Galli, qui ex squalore imo miseriarum in aetatis adultae primitiis ad principale culmen insperato saltu provectus ultra terminos potestatis delatae procurrens asperitate nimia cuncta foedabat. propinquitate enim regiae stirpis gentilitateque etiam tum Constantini nominis efferebatur in fastus, si plus valuisset, ausurus hostilia in auctorem suae felicitatis, ut videbatur.

2. Cuius acerbitati uxor grave accesserat incentivum, germanitate Augusti turgida supra modum, quam Hannibaliano regi fratris filio antehac Constantinus iunxerat pater, Megaera quaedam mortalis, inflammatrix saevientis adsidua, humani cruoris avida nihil mitius quam maritus; qui paulatim eruditiores facti processu temporis ad nocendum per clandestinos

1098 **1098.** Прим. ред.: Имп. Марк Кокцей Нерва (96–98 гг.). {544}

versutosque rumigerulos conpertis leviter addere quaedam male suetos falsa et placentia sibi discentes, adfectati regni vel artium nefandarum calumnias insontibus adfligebant.

3. eminuit autem inter humilia supergressa iam impotentia fines mediocrium delictorum nefanda Clematii cuiusdam Alexandrini nobilis mors repentina; cuius socrus cum misceri sibi generum, flagrans eius amore, non impetraret, ut ferebatur, per palatii pseudothyrum introducta, oblato pretioso reginae monili id adsecuta est, ut ad Honoratum tum comitem orientis formula missa letali omnino scelere nullo contactus idem Clematius nec hiscere nec loqui permissus occideretur.

4. Post hoc impie perpetratum quod in aliis quoque iam timebatur, tamquam licentia crudelitati indulta per suspicionum nebulas aestimati quidam noxii damnabantur. quorum pars necati, alii puniti bonorum multatione actique laribus suis extorres nullo sibi relicto praeter querelas et lacrimas, stipe conlaticia victitabant, et civili iustoque imperio ad voluntatem converso cruentam, claudebantur opulentae domus et clarae.

5. nec vox accusatoris ulla licet subditicii in his malorum quaerebatur acervis ut saltem specie tenus crimina praescriptis legum committerentur, quod aliquotiens fecere principes saevi: sed quicquid Caesaris implacabilitati sedisset, id velut fas iusque perpensum confestim urgebatur impleri.

6. excogitatum est super his, ut homines quidam ignoti, vilitate ipsa parum cavendi ad colligendos rumores per Antiochiae latera cuncta destinarentur relaturi quae audirent. hi peragranter et dissimulanter honoratorum circulis adsistendo pervadendoque divites domus egentium habitu quicquid noscere poterant vel audire latenter intromissi per posticas in regiam nuntiabant, id observantes conspiratione concordi, ut fingerent quaedam et cognita duplicarent in peius, laudes vero supprimerent Caesaris, quas invitis conpluribus formido malorum inpendentium exprimebat.

7. et interdum acciderat, ut siquid in penetrali secreto nullo citerioris vitae ministro praesente paterfamilias uxori susurrasset in aurem, velut Amphiarao referente aut Marcio, quondam vatibus inclitis, postridie disceret imperator. ideoque etiam parietes arcanorum soli conscii timebantur.

8. adolescebat autem obstinatum propositum erga haec et similia multa scrutanda, stimulos admovente regina, quae abrupte mariti fortunas trudebat in exitium praeceps, cum eum potius lenitate feminea ad veritatis humanitatisque viam reducere utilia suadendo deberet, ut in Gordianorum actibus factitasse Maximini truculenti illius imperatoris rettulimus coniugem.

9. Novo denique perniciosoque exemplo idem Gallus ausus est inire flagitium grave, quod Romae cum ultimo dedecore temptasse aliquando dicitur Gallienus, et adhibitis paucis clam ferro succinctis vesperi per tabernas palabatur et conpita quaeritando Graeco sermone, cuius erat inpendio gnarus, quid de Caesare quisque sentiret. et haec confidenter agebat in urbe ubi pernoctantium luminum claritudo dierum solet imitari fulgorem. postremo agnitus saepe iamque, si prodisset, conspicuum se fore contemplans, non nisi luce palam egrediens ad agenda quae putabat seria cernebatur. et haec quidem medullitus multis gementibus agebantur.

10. Thalassius vero ea tempestate praefectus praetorio praesens ipse quoque adrogantis ingenii, considerans incitationem eius ad multorum augeri discrimina, non maturitate vel consiliis mitigabat, ut aliquotiens celsae potestates iras principum molliverunt, sed adversando iurgandoque cum parum congrueret, eum ad rabiem potius evibrabat, Augustum actus eius exaggerando creberrime docens, idque, incertum qua mente, ne lateret

adfectans. quibus mox Caesar acrius efferatus, velut contumaciae quoddam vexillum altius erigens, sine respectu salutis alienae vel suae ad vertenda opposita instar rapidi fluminis irrevocabili impetu ferebatur.

II

1. Nec sane haec sola pernicies orientem diversis cladibus adfligebat. Namque et Isauri, quibus est usitatum saepe pacari saepeque inopinis excursibus cuncta miscere, ex latrociniis occultis et raris, alente inpunitate adulescentem in peius audaciam ad bella gravia proruperunt, diu quidem perduelles spiritus inrequietis motibus erigentes, hac tamen indignitate perciti vehementer, ut iactitabant, quod eorum capiti quidam consortes apud Iconium Pisidiae oppidum in amphitheatrali spectaculo feris praedatricibus obiecti sunt praeter morem.

2. atque, ut Tullius ait, ut etiam ferae fame monitae plerumque ad eum locum ubi aliquando pastae sunt revertuntur, ita homines instar turbinis degressi montibus impeditis et arduis loca petivere mari confinia, per quae viis latebrosis sese convallibusque occultantes cum appeterent noctes luna etiam tum cornuta ideoque nondum solido splendore fulgente nauticos observabant quos cum in somnum sentirent effusos per ancoralia, quadrupedo gradu repentes seseque suspensis passibus iniectantes in scaphas eisdem sensim nihil opinantibus adsistebant et incendente aviditate saevitiam ne cedentium quidem ulli parcendo obtruncatis omnibus merces opimas velut viles nullis repugnantibus avertebant. haecque non diu sunt perpetrata.

3. cognitis enim pilatorum caesorumque funeribus nemo deinde ad has stationes appulit navem, sed ut Scironis praerupta letalia declinantes litoribus Cypriis contigui navigabant, quae Isauriae scopulis sunt controversa.

4. procedente igitur mox tempore cum adventicium nihil inveniretur, relicta ora maritima in Lycaoniam adnexam Isauriae se contulerunt ibique densis intersaepientes itinera praetenturis provincialium et viatorum opibus pascebantur.

5. excitavit hic ardor milites per municipia plurima, quae isdem conterminant, dispositos et castella, sed quisque serpentes latius pro viribus repellere moliens, nunc globis confertos, aliquotiens et dispersos multitudine superabatur ingenti, quae nata et educata inter editos recurvosque ambitus montium eos ut loca plana persultat et mollia, missilibus obvios eminus lacessens et ululatu truci perterrens.

6. coactique aliquotiens nostri pedites ad eos persequendos scandere clivos sublimes etiam si lapsantibus plantis fruticeta prensando vel dumos ad vertices venerint summos, inter arta tamen et invia nullas acies explicare permissi nec firmare nisu valido gressus: hoste discursatore rupium abscisa volvente, ruinis ponderum inmanium consternuntur, aut ex necessitate ultima fortiter dimicante, superati periculose per prona discedunt.

7. quam ob rem circumspecta cautela observatum est deinceps et cum edita montium petere coeperint grassatores, loci iniquitati milites cedunt. ubi autem in planitie potuerint reperiri, quod contingit adsidue, nec exsertare lacertos nec crispare permissi tela, quae vehunt bina vel terna, pecudum ritu inertium trucidantur.

8. Metuentes igitur idem latrones Lycaoniam magna parte campestrem cum se inpares nostris fore congressione stataria documentis frequentibus scirent, tramitibus deviis petivere Pamphyliam diu quidem intactam sed

timore populationum et caedium, milite per omnia diffuso propinqua, magnis undique praesidiis conmunitam.

9. raptim igitur properantes ut motus sui rumores celeritate nimia praevenirent, vigore corporum ac levitate confisi per flexuosas semitas ad summitates collium tardius evadebant. et cum superatis difficultatibus arduis ad supercilia venissent fluvii Melanis alti et verticosi, qui pro muro tuetur accolas circumfusus, augente nocte adulta terrorem quievere paulisper lucem opperientes. arbitrabantur enim nullo inpediente transgressi inopino adcursu adposita quaeque vastare, sed in cassum labores pertulere gravissimos.

10. nam sole orto magnitudine angusti gurgitis sed profundi a transitu arcebantur et dum piscatorios quaerunt lenunculos vel innare temere contextis cratibus parant, effusae legiones, quae hiemabant tunc apud Siden, isdem impetu occurrere veloci. et signis prope ripam locatis ad manus comminus conserendas denseta scutorum conpage semet scientissime praestruebant, ausos quoque aliquos fiducia nandi vel cavatis arborum truncis amnem permeare latenter facillime trucidarunt.

11. unde temptatis ad discrimen ultimum artibus multum cum nihil impetraretur, pavore vique repellente extrusi et quo tenderent ambigentes venere prope oppidum Laranda.

12. ibi victu recreati et quiete, postquam abierat timor, vicos opulentos adorti equestrium adventu cohortium, quae casu propinquabant, nec resistere planitie porrecta conati digressi sunt retroque concedentes omne iuventutis robur relictum in sedibus acciverunt.

13. et quoniam inedia gravi adflictabantur, locum petivere Paleas nomine, vergentem in mare, valido muro firmatum, ubi conduntur nunc usque commeatus distribui militibus omne latus Isauriae defendentibus adsueti. circumstetere igitur hoc munimentum per triduum et trinoctium et cum neque adclivitas ipsa sine discrimine adiri letali, nec cuniculis quicquam geri posset, nec procederet ullum obsidionale commentum, maesti excedunt postrema vi subigente maiora viribus adgressuri.

14. proinde concepta rabie saeviore, quam desperatio incendebat et fames, amplificatis viribus ardore incohibili in excidium urbium matris Seleuciae efferebantur, quam comes tuebatur Castricius tresque legiones bellicis sudoribus induratae.

15. horum adventum praedocti speculationibus fidis rectores militum tessera data sollemni armatos omnes celeri eduxere procursu et agiliter praeterito Calycadni fluminis ponte, cuius undarum magnitudo murorum adluit turres, in speciem locavere pugnandi. neque tamen exiluit quisquam nec permissus est congredi. formidabatur enim flagrans vesania manus et superior numero et ruitura sine respectu salutis in ferrum.

16. viso itaque exercitu procul auditoque liticinum cantu, represso gradu parumper stetere praedones exsertantesque minaces gladios postea lentius incedebant.

17. quibus occurrere bene pertinax miles explicatis ordinibus parans hastisque feriens scuta qui habitus iram pugnantium concitat et dolorem proximos iam gestu terrebat sed eum in certamen alacriter consurgentem revocavere ductores rati intempestivum anceps subire certamen cum haut longe muri distarent, quorum tutela securitas poterat in solido locari cunctorum.

18. hac ita persuasione reducti intra moenia bellatores obseratis undique portarum aditibus, propugnaculis insistebant et pinnis, congesta undique saxa telaque habentes in promptu, ut si quis se proripuisset interius, multitudine

missilium sterneretur et lapidum.

19. illud tamen clausos vehementer angebat quod captis navigiis, quae frumenta vehebant per flumen, Isauri quidem alimentorum copiis adfluebant, ipsi vero solitarum rerum cibos iam consumendo inediae propinquantis aerumnas exitialis horrebant.

20. haec ubi latius fama vulgasset missaeque relationes adsiduae Gallum Caesarem permovissent, quoniam magister equitum longius ea tempestate distinebatur, iussus comes orientis Nebridius contractis undique militaribus copiis ad eximendam periculo civitatem amplam et oportunam studio properabat ingenti, quo cognito abscessere latrones nulla re amplius memorabili gesta, dispersique ut solent avia montium petiere celsorum.

III

1. Eo adducta re per Isauriam, rege Persarum bellis finitimis inligato repellenteque a conlimitiis suis ferocissimas gentes, quae mente quadam versabili hostiliter eum saepe incessunt et in nos arma moventem aliquotiens iuvant, Nohodares quidam nomine e numero optimatum, incursare Mesopotamiam quotiens copia dederit ordinatus, explorabat nostra sollicite, si repperisset usquam locum vi subita perrupturus.

2. et quia Mesopotamiae tractus omnes crebro inquietari sueti praetenturis et stationibus servabantur agrariis, laevorsum flexo itinere Osdroenae subsederat extimas partes, novum parumque aliquando temptatum commentum adgressus. quod si impetrasset, fulminis modo cuncta vastarat. erat autem quod cogitabat huius modi.

3. Batnae municipium in Anthemusia conditum Macedonum manu priscorum ab Euphrate flumine brevi spatio disparatur, refertum mercatoribus opulentis, ubi annua sollemnitate prope Septembris initium mensis ad nundinas magna promiscuae fortunae convenit multitudo ad commercanda quae Indi mittunt et Seres aliaque plurima vehi terra marique consueta.

4. hanc regionem praestitutis celebritati diebus invadere parans dux ante edictus per solitudines Aboraeque amnis herbidas ripas, suorum indicio proditus, qui admissi flagitii metu exagitati ad praesidia descivere Romana. absque ullo egressus effectu deinde tabescebat immobilis.

IV

1. Saraceni tamen nec amici nobis umquam nec hostes optandi, ultro citroque discursantes quicquid inveniri poterat momento temporis parvi vastabant milvorum rapacium similes, qui si praedam dispexerint celsius, volatu rapiunt celeri, aut nisi impetraverint, non inmorantur.

2. super quorum moribus licet in actibus principis Marci et postea aliquotiens memini rettulisse, tamen nunc quoque pauca de isdem expediam carptim.

3. apud has gentes, quarum exordiens initium ab Assyriis ad Nili cataractas porrigitur et confinia Blemmyarum, omnes pari sorte sunt bellatores seminudi coloratis sagulis pube tenus amicti, equorum adiumento pernicium graciliumque camelorum per diversa se raptantes, in tranquillis vel turbidis rebus: nec eorum quisquam aliquando stivam adprehendit vel arborem colit aut arva subigendo quaeritat victum, sed errant semper per spatia longe lateque distenta sine lare sine sedibus fixis aut legibus: nec idem

perferunt diutius caelum aut tractus unius soli illis umquam placet.

4. vita est illis semper in fuga uxoresque mercenariae conductae ad tempus ex pacto atque, ut sit species matrimonii, dotis nomine futura coniunx hastam et tabernaculum offert marito, post statum diem si id elegerit discessura, et incredibile est quo ardore apud eos in venerem uterque solvitur sexus.

5. ita autem quoad vixerint, late palantur, ut alibi mulier nubat, in loco pariat alio liberosque procul educat nulla copia quiescendi permissa.

6. victus universis caro ferina est lactisque abundans copia qua sustentantur, et herbae multiplices et siquae alites capi per aucupium possint, et plerosque mos vidimus frumenti usum et vini penitus ignorantes.

7. Hactenus de natione perniciosa. nunc ad textum propositum revertamur.

V

1. Dum haec in oriente aguntur, Arelate hiemem agens Constantius post theatralis ludos atque circenses ambitioso editos apparatu diem sextum idus Octobres, qui imperii eius annum tricensimum terminabat, insolentiae pondera gravius librans, siquid dubium deferebatur aut falsum, pro liquido accipiens et conperto, inter alia excarnificatum Gerontium Magnentianae comitem partis exulari maerore multavit.

2. utque aegrum corpus quassari etiam levibus solet offensis, ita animus eius angustus et tener, quicquid increpuisset, ad salutis suae dispendium existimans factum aut cogitatum, insontium caedibus fecit victoriam luctuosam.

3. siquis enim militarium vel honoratorum aut nobilis inter suos rumore tenus esset insimulatus fovisse partes hostiles, iniecto onere catenarum in modum beluae trahebatur et inimico urgente vel nullo, quasi sufficiente hoc solo, quod nominatus esset aut delatus aut postulatus, capite vel multatione bonorum aut insulari solitudine damnabatur.

4. Accedebant enim eius asperitati, ubi inminuta vel laesa amplitudo imperii dicebatur, et iracundae suspicionum quantitati proximorum cruentae blanditiae exaggerantium incidentia et dolere inpendio simulantium, si principis periclitetur vita, a cuius salute velut filo pendere statum orbis terrarum fictis vocibus exclamabant.

5. ideoque fertur neminem aliquando ob haec vel similia poenae addictum oblato de more elogio revocari iussisse, quod inexorabiles quoque principes factitarunt. et exitiale hoc vitium, quod in aliis non numquam intepescit, in illo aetatis progressu effervescebat, obstinatum eius propositum accendente adulatorum cohorte.

6. Inter quos Paulus eminebat notarius ortus in Hispania, glabro quidam sub vultu latens, odorandi vias periculorum occultas perquam sagax. is in Brittanniam missus ut militares quosdam perduceret ausos conspirasse Magnentio, cum reniti non possent, iussa licentius supergressus fluminis modo fortunis conplurium sese repentinus infudit et ferebatur per strages multiplices ac ruinas, vinculis membra ingenuorum adfligens et quosdam obterens manicis, crimina scilicet multa consarcinando a veritate longe discreta. unde admissum est facinus impium, quod Constanti tempus nota inusserat sempiterna.

7. Martinus agens illas provincias pro praefectis aerumnas innocentium

graviter gemens saepeque obsecrans, ut ab omni culpa inmunibus parceretur, cum non inpetraret, minabatur se discessurum: ut saltem id metuens perquisitor malivolus tandem desineret quieti coalitos homines in aperta pericula proiectare.

8. per hoc minui studium suum existimans Paulus, ut erat in conplicandis negotiis artifex dirus, unde ei Catenae inditum est cognomentum, vicarium ipsum eos quibus praeerat adhuc defensantem ad sortem periculorum communium traxit. et instabat ut eum quoque cum tribunis et aliis pluribus ad comitatum imperatoris vinctum perduceret: quo percitus ille exitio urgente abrupto ferro eundem adoritur Paulum. et quia languente dextera, letaliter ferire non potuit, iam districtum mucronem in proprium latus inpegit. hocque deformi genere mortis excessit e vita iustissimus rector ausus miserabiles casus levare multorum.

9. quibus ita sceleste patratis Paulus cruore perfusus reversusque ad principis castra multos coopertos paene catenis adduxit in squalorem deiectos atque maestitiam, quorum adventu intendebantur eculei uncosque parabat carnifex et tormenta. et ex is proscripti sunt plures actique in exilium alii, non nullos gladii consumpsere poenales. nec enim quisquam facile meminit sub Constantio, ubi susurro tenus haec movebantur, quemquam absolutum.

VI

1. Inter haec Orfitus praefecti potestate regebat urbem aeternam ultra modum delatae dignitatis sese efferens insolenter, vir quidem prudens et forensium negotiorum oppido gnarus, sed splendore liberalium doctrinarum minus quam nobilem decuerat institutus, quo administrante seditiones sunt concitatae graves ob inopiam vini: huius avidis usibus vulgus intentum ad motus asperos excitatur et crebros.

2. Et quoniam mirari posse quosdam peregrinos existimo haec lecturos forsitan, si contigerit, quamobrem cum oratio ad ea monstranda deflexerit quae Romae gererentur, nihil praeter seditiones narratur et tabernas et vilitates harum similis alias, summatim causas perstringam nusquam a veritate sponte propria digressurus.

3.Tempore quo primis auspiciis in mundanum fulgorem surgeret victura dum erunt homines Roma, ut augeretur sublimibus incrementis, foedere pacis aeternae Virtus convenit atque Fortuna plerumque dissidentes, quarum si altera defuisset, ad perfectam non venerat summitatem.

4. eius populus ab incunabulis primis ad usque pueritiae tempus extremum, quod annis circumcluditur fere trecentis, circummurana pertulit bella, deinde aetatem ingressus adultam post multiplices bellorum aerumnas Alpes transcendit et fretum, in iuvenem erectus et virum ex omni plaga quam orbis ambit inmensus, reportavit laureas et triumphos, iamque vergens in senium et nomine solo aliquotiens vincens ad tranquilliora vitae discessit.

5. ideo urbs venerabilis post superbas efferatarum gentium cervices oppressas latasque leges fundamenta libertatis et retinacula sempiterna velut frugi parens et prudens et dives Caesaribus tamquam liberis suis regenda patrimonii iura permisit.

6. et olim licet otiosae sint tribus pacataeque centuriae et nulla suffragiorum certamina set Pompiliani redierit securitas temporis, per omnes tamen quotquot sunt partes terrarum, ut domina suscipitur et regina et ubique patrum reverenda cum auctoritate canities populique Romani nomen

circumspectum et verecundum.

7. Sed laeditur hic coetuum magnificus splendor levitate paucorum incondita, ubi nati sunt non reputantium, sed tamquam indulta licentia vitiis ad errores lapsorum ac lasciviam. ut enim Simonides lyricus docet, beate perfecta ratione vieturo ante alia patriam esse convenit gloriosam.

8. ex his quidam aeternitati se commendari posse per statuas aestimantes eas ardenter adfectant quasi plus praemii de figmentis aereis sensu carentibus adepturi, quam ex conscientia honeste recteque factorum, easque auro curant inbracteari, quod Acilio Glabrioni delatum est primo, cum consiliis armisque regem superasset Antiochum. quam autem sit pulchrum exigua haec spernentem et minima ad ascensus verae gloriae tendere longos et arduos, ut memorat vates Ascraeus, Censorius Cato monstravit. qui interrogatus quam ob rem inter multos... statuam non haberet malo inquit ambigere bonos quam ob rem id non meruerim, quam quod est gravius cur inpetraverim mussitare.

9. Alii summum decus in carruchis solito altioribus et ambitioso vestium cultu ponentes sudant sub ponderibus lacernarum, quas in collis insertas cingulis ipsis adnectunt nimia subtegminum tenuitate perflabiles, expandentes eas crebris agitationibus maximeque sinistra, ut longiores fimbriae tunicaeque perspicue luceant varietate liciorum effigiatae in species animalium multiformes.

10. alii nullo quaerente vultus severitate adsimulata patrimonia sua in inmensum extollunt, cultorum ut puta feracium multiplicantes annuos fructus, quae a primo ad ultimum solem se abunde iactitant possidere, ignorantes profecto maiores suos, per quos ita magnitudo Romana porrigitur, non divitiis eluxisse sed per bella saevissima, nec opibus nec victu nec indumentorum vilitate gregariis militibus discrepantes opposita cuncta superasse virtute.

11. hac ex causa conlaticia stipe Valerius humatur ille Publicola et subsidiis amicorum mariti inops cum liberis uxor alitur Reguli et dotatur ex aerario filia Scipionis, cum nobilitas florem adultae virginis diuturnum absentia pauperis erubesceret patris.

12. At nunc si ad aliquem bene nummatum tumentemque ideo honestus advena salutatum introieris, primitus tamquam exoptatus suscipieris et interrogatus multa coactusque mentiri, miraberis numquam antea visus summatem virum tenuem te sic enixius observantem, ut paeniteat ob haec bona tamquam praecipua non vidisse ante decennium Romam.

13. hacque adfabilitate confisus cum eadem postridie feceris, ut incognitus haerebis et repentinus, hortatore illo hesterno clientes numerando, qui sis vel unde venias diutius ambigente agnitus vero tandem et adscitus in amicitiam si te salutandi adsiduitati dederis triennio indiscretus et per tot dierum defueris tempus, reverteris ad paria perferenda, nec ubi esses interrogatus et quo tandem miser discesseris, aetatem omnem frustra in stipite conteres summittendo.

14. cum autem commodis intervallata temporibus convivia longa et noxia coeperint apparari vel distributio sollemnium sportularum, anxia deliberatione tractatur an exceptis his quibus vicissitudo debetur, peregrinum invitari conveniet, et si digesto plene consilio id placuerit fieri, is adhibetur qui pro domibus excubat aurigarum aut artem tesserariam profitetur aut secretiora quaedam se nosse confingit.

15. homines enim eruditos et sobrios ut infaustos et inutiles vitant, eo quoque accedente quod et nomenclatores adsueti haec et talia venditare, mercede accepta lucris quosdam et prandiis inserunt subditicios ignobiles et obscuros.

16. Mensarum enim voragines et varias voluptatum inlecebras, ne longius progrediar, praetermitto illuc transiturus quod quidam per ampla spatia urbis subversasque silices sine periculi metu properantes equos velut publicos signatis quod dicitur calceis agitant, familiarium agmina tamquam praedatorios globos post terga trahentes ne Sannione quidem, ut ait comicus, domi relicto. quos imitatae matronae complures opertis capitibus et basternis per latera civitatis cuncta discurrunt.

17. utque proeliorum periti rectores primo catervas densas opponunt et fortes, deinde leves armaturas, post iaculatores ultimasque subsidiales acies, si fors adegerit, iuvaturas, ita praepositis urbanae familiae suspensae digerentibus sollicite, quos insignes faciunt virgae dexteris aptatae velut tessera data castrensi iuxta vehiculi frontem omne textrinum incedit: huic atratum coquinae iungitur ministerium, dein totum promiscue servitium cum otiosis plebeiis de vicinitate coniunctis: postrema multitudo spadonum a senibus in pueros desinens, obluridi distortaque lineamentorum conpage deformes, ut quaqua incesserit quisquam cernens mutilorum hominum agmina detestetur memoriam Samiramidis reginae illius veteris, quae teneros mares castravit omnium prima velut vim iniectans naturae, eandemque ab instituto cursu retorquens, quae inter ipsa oriundi crepundia per primigenios seminis fontes tacita quodam modo lege vias propagandae posteritatis ostendit.

18. Quod cum ita sit, paucae domus studiorum seriis cultibus antea celebratae nunc ludibriis ignaviae torpentis exundant, vocali sonu, perflabili tinnitu fidium resultantes. denique pro philosopho cantor et in locum oratoris doctor artium ludicrarum accitur et bybliothecis sepulcrorum ritu in perpetuum clausis organa fabricantur hydraulica, et lyrae ad speciem carpentorum ingentes tibiaeque et histrionici gestus instrumenta non levia.

19. Postremo ad id indignitatis est ventum, ut cum peregrini ob formidatam haut ita dudum alimentorum inopiam pellerentur ab urbe praecipites, sectatoribus disciplinarum liberalium inpendio paucis sine respiratione ulla extrusis, tenerentur minimarum adseclae veri, quique id simularunt ad tempus, et tria milia saltatricum ne interpellata quidem cum choris totidemque remanerent magistris.

20. et licet quocumque oculos flexeris feminas adfatim multas spectare cirratas, quibus, si nupsissent, per aetatem ter iam nixus poterat suppetere liberorum, ad usque taedium pedibus pavimenta tergentes iactari volucriter gyris, dum exprimunt innumera simulacra, quae finxere fabulae theatrales.

21. Illud autem non dubitatur quod cum esset aliquando virtutum omnium domicilium Roma, ingenuos advenas plerique nobilium, ut Homerici bacarum suavitate Lotophagi, humanitatis multiformibus officiis retentabant.

22. nunc vero inanes flatus quorundam vile esse quicquid extra urbis pomerium nascitur aestimant praeter orbos et caelibes, nec credi potest qua obsequiorum diversitate coluntur homines sine liberis Romae.

23. et quoniam apud eos ut in capite mundi morborum acerbitates celsius dominantur, ad quos vel sedandos omnis professio medendi torpescit, excogitatum est adminiculum sospitale nequi amicum perferentem similia videat, additumque est cautionibus paucis remedium aliud satis validum, ut famulos percontatum missos quem ad modum valeant noti hac aegritudine colligati, non ante recipiant domum quam lavacro purgaverint corpus. ita etiam alienis oculis visa metuitur labes.

24. sed tamen haec cum ita tutius observentur, quidam vigore artuum inminuto rogati ad nuptias ubi aurum dextris manibus cavatis offertur, inpigre vel usque Spoletium pergunt. haec nobilium sunt instituta.

25. Ex turba vero imae sortis et paupertinae in tabernis aliqui pernoctant vinariis, non nulli velariis umbraculorum theatralium latent, quae Campanam imitatus lasciviam Catulus in aedilitate sua suspendit omnium primus; aut pugnaciter aleis certant turpi sono fragosis naribus introrsum reducto spiritu concrepantes; aut quod est studiorum omnium maximum ab ortu lucis ad vesperam sole fatiscunt vel pluviis, per minutias aurigarum equorumque praecipua vel delicta scrutantes.

26. et est admodum mirum videre plebem innumeram mentibus ardore quodam infuso cum dimicationum curulium eventu pendentem. haec similiaque memorabile nihil vel serium agi Romae permittunt. ergo redeundum ad textum.

VII

1. Latius iam disseminata licentia onerosus bonis omnibus Caesar nullum post haec adhibens modum orientis latera cuncta vexabat nec honoratis parcens nec urbium primatibus nec plebeiis.

2. denique Antiochensis ordinis vertices sub uno elogio iussit occidi ideo efferatus, quod ei celebrari vilitatem intempestivam urgenti, cum inpenderet inopia, gravius rationabili responderunt; et perissent ad unum ni comes orientis tunc Honoratus fixa constantia restitisset.

3. erat autem diritatis eius hoc quoque indicium nec obscurum nec latens, quod ludicris cruentis delectabatur et in circo sex vel septem aliquotiens vetitis certaminibus pugilum vicissim se concidentium perfusorumque sanguine specie ut lucratus ingentia laetabatur.

4. accenderat super his incitatum propositum ad nocendum aliqua mulier vilis, quae ad palatium ut poposcerat intromissa insidias ei latenter obtendi prodiderat a militibus obscurissimis. quam Constantina exultans ut in tuto iam locata mariti salute muneratam vehiculoque inpositam per regiae ianuas emisit in publicum, ut his inlecebris alios quoque ad indicanda proliceret paria vel maiora.

5. post haec Gallus Hierapolim profecturus ut expeditioni specie tenus adesset, Antiochensi plebi suppliciter obsecranti ut inediae dispelleret metum, quae per multas difficilisque causas adfore iam sperabatur, non ut mos est principibus, quorum diffusa potestas localibus subinde medetur aerumnis, disponi quicquam statuit vel ex provinciis alimenta transferri conterminis, sed consularem Syriae Theophilum prope adstantem ultima metuenti multitudini dedit id adsidue replicando quod invito rectore nullus egere poterit victu.

6. auxerunt haec vulgi sordidioris audaciam, quod cum ingravesceret penuria commeatuum, famis et furoris inpulsu Eubuli cuiusdam inter suos clari domum ambitiosam ignibus subditis inflammavit rectoremque ut sibi iudicio imperiali addictum calcibus incessens et pugnis conculcans seminecem laniatu miserando discerpsit. post cuius lacrimosum interitum in unius exitio quisque imaginem periculi sui considerans documento recenti similia formidabat.

7. eodem tempore Serenianus ex duce, cuius ignavia populatam in Phoenice Celsen ante rettulimus, pulsatae maiestatis imperii reus iure postulatus ac lege, incertum qua potuit suffragatione absolvi, aperte convictus familiarem suum cum pileo, quo caput operiebat, incantato vetitis artibus ad templum misisse fatidicum, quaeritatum expresse an ei firmum portenderetur imperium, ut cupiebat, et cunctum.

8. duplexque isdem diebus acciderat malum, quod et Theophilum insontem atrox interceperat casus, et Serenianus dignus exsecratione cunctorum, innoxius, modo non reclamante publico vigore, discessit.

9. Haec subinde Constantius audiens et quaedam referente Thalassio doctus, quem eum odisse iam conpererat lege communi, scribens ad Caesarem blandius adiumenta paulatim illi subtraxit, sollicitari se simulans ne, uti est militare otium fere tumultuosum, in eius perniciem conspiraret, solisque scholis iussit esse contentum palatinis et protectorum cum Scutariis et Gentilibus, et mandabat Domitiano, ex comite largitionum, praefecto ut cum in Syriam venerit, Gallum, quem crebro acciverat, ad Italiam properare blande hortaretur et verecunde.

10. qui cum venisset ob haec festinatis itineribus Antiochiam, praestrictis palatii ianuis, contempto Caesare, quem videri decuerat, ad praetorium cum pompa sollemni perrexit morbosque diu causatus nec regiam introiit nec processit in publicum, sed abditus multa in eius moliebatur exitium addens quaedam relationibus supervacua, quas subinde dimittebat ad principem.

11. rogatus ad ultimum admissusque in consistorium ambage nulla praegressa inconsiderate et leviter proficiscere inquit ut praeceptum est, Caesar sciens quod si cessaveris, et tuas et palatii tui auferri iubebo prope diem annonas. hocque solo contumaciter dicto subiratus abscessit nec in conspectum eius postea venit saepius arcessitus.

12. hinc ille commotus ut iniusta perferens et indigna praefecti custodiam protectoribus mandaverat fidis. quo conperto Montius tunc quaestor acer quidem sed ad lenitatem propensior, consulens in commune advocatos palatinarum primos scholarum adlocutus est mollius docens nec decere haec fieri nec prodesse addensque vocis obiurgatorio sonu quod si id placeret, post statuas Constantii deiectas super adimenda vita praefecto conveniet securius cogitari.

13. his cognitis Gallus ut serpens adpetitus telo vel saxo iamque spes extremas opperiens et succurrens saluti suae quavis ratione colligi omnes iussit armatos et cum starent attoniti, districta dentium acie stridens adeste inquit viri fortes mihi periclitanti vobiscum.

14. Montius nos tumore inusitato quodam et novo ut rebellis et maiestati recalcitrantes Augustae per haec quae strepit incusat iratus nimirum quod contumacem praefectum, quid rerum ordo postulat ignorare dissimulantem formidine tenus iusserim custodiri.

15. nihil morati post haec militares avidi saepe turbarum adorti sunt Montium primum, qui divertebat in proximo, levi corpore senem atque morbosum, et hirsutis resticulis cruribus eius innexis divaricaturn sine spiramento ullo ad usque praetorium traxere praefecti.

16. et eodem impetu Domitianum praecipitem per scalas itidem funibus constrinxerunt, eosque coniunctos per ampla spatia civitatis acri raptavere discursu. iamque artuum et membrorum divulsa conpage superscandentes corpora mortuorum ad ultimam truncata deformitatem velut exsaturati mox abiecerunt in flumen.

17. incenderat autem audaces usque ad insaniam homines ad haec, quae nefariis egere conatibus, Luscus quidam curator urbis subito visus: eosque ut heiulans baiolorum praecentor ad expediendum quod orsi sunt incitans vocibus crebris. qui haut longe postea ideo vivus exustus est.

18. Et quia Montius inter dilancinantium manus spiritum efflaturus Epigonum et Eusebium nec professionem nec dignitatem ostendens aliquotiens increpabat, qui sint hi magna quaerebatur industria, et nequid

intepesceret, Epigonus e Lycia philosophus ducitur et Eusebius ab Emissa Pittacas cognomento, concitatus orator, cum quaestor non hos sed tribunos fabricarum insimulasset promittentes armorum si novas res agitari conperissent.

19. isdem diebus Apollinaris Domitiani gener, paulo ante agens palatii Caesaris curam, ad Mesopotamiam missus a socero per militares numeros immodice scrutabatur, an quaedam altiora meditantis iam Galli secreta susceperint scripta, qui conpertis Antiochiae gestis per minorem Armeniam lapsus Constantinopolim petit exindeque per protectores retractus artissime tenebatur.

20. Quae dum ita struuntur, indicatum est apud Tyrum indumentum regale textum occulte, incertum quo locante vel cuius usibus apparatum. ideoque rector provinciae tunc pater Apollinaris eiusdem nominis ut conscius ductus est aliique congregati sunt ex diversis civitatibus multi, qui atrocium criminum ponderibus urgebantur.

21. Iamque lituis cladium concrepantibus internarum non celate ut antea turbidum saeviebat ingenium a veri consideratione detortum et nullo inpositorum vel conpositorum fidem sollemniter inquirente nec discernente a societate noxiorum insontes velut exturbatum e iudiciis fas omne discessit, et causarum legitima silente defensione carnifex rapinarum sequester et obductio capitum et bonorum ubique multatio versabatur per orientales provincias, quas recensere puto nunc oportunum absque Mesopotamia digesta, cum bella Parthica dicerentur, et Aegypto, quam necessario aliud reieci ad tempus.

VIII

1. Superatis Tauri montis verticibus qui ad solis ortum sublimius attolluntur, Cilicia spatiis porrigitur late distentis dives bonis omnibus terra, eiusque lateri dextro adnexa Isauria, pari sorte uberi palmite viget et frugibus minutis, quam mediam navigabile flumen Calycadnus interscindit.

2. et hanc quidem praeter oppida multa duae civitates exornant Seleucia opus Seleuci regis, et Claudiopolis quam deduxit coloniam Claudius Caesar. Isaura enim antehac nimium potens, olim subversa ut rebellatrix interneciva aegre vestigia claritudinis pristinae monstrat admodum pauca.

3. Ciliciam vero, quae Cydno amni exultat, Tarsus nobilitat, urbs perspicabilis hanc condidisse Perseus memoratur, Iovis filius et Danaes, vel certe ex Aethiopia profectus Sandan quidam nomine vir opulentus et nobilis et Anazarbus auctoris vocabulum referens, et Mopsuestia vatis illius domicilium Mopsi, quem a conmilitio Argonautarum cum aureo vellere direpto redirent, errore abstractum delatumque ad Africae litus mors repentina consumpsit, et ex eo cespite punico tecti manes eius heroici dolorum varietati medentur plerumque sospitales.

4. hae duae provinciae bello quondam piratico catervis mixtae praedonum a Servilio pro consule missae sub iugum factae sunt vectigales. et hae quidem regiones velut in prominenti terrarum lingua positae ob orbe eoo monte Amano disparantur.

5. orientis vero limes in longum protentus et rectum ab Euphratis fluminis ripis ad usque supercilia porrigitur Nili, laeva Saracenis conterminans gentibus, dextra pelagi fragoribus patens, quam plagam Nicator Seleucus occupatam auxit magnum in modum, cum post Alexandri Macedonis

obitum successorio iure teneret regna Persidis, efficaciae inpetrabilis rex, ut indicat cognomentum.

6. abusus enim multitudine hominum, quam tranquillis in rebus diutius rexit, ex agrestibus habitaculis urbes construxit multis opibus firmas et viribus, quarum ad praesens pleraeque licet Graecis nominibus appellentur, quae isdem ad arbitrium inposita sunt conditoris, primigenia tamen nomina non amittunt, quae eis Assyria lingua institutores veteres indiderunt.

7. Et prima post Osdroenam quam, ut dictum est, ab hac descriptione discrevimus, Commagena, nunc Euphratensis, clementer adsurgit, Hierapoli, vetere Nino et Samosata civitatibus amplis inlustris,

8. Dein Syria per speciosam interpatet diffusa planitiem. hanc nobilitat Antiochia, mundo cognita civitas, cui non certaverit alia advecticiis ita adfluere copiis et internis, et Laodicia et Apamia itidemque Seleucia iam inde a primis auspiciis florentissimae.

9. Post hanc adclinis Libano monti Phoenice, regio plena gratiarum et venustatis, urbibus decorata magnis et pulchris; in quibus amoenitate celebritateque nominum Tyros excellit, Sidon et Berytus isdemque pares Emissa et Damascus saeculis condita priscis.

10. has autem provincias, quas Orontes ambiens amnis imosque pedes Cassii montis illius celsi praetermeans funditur in Parthenium mare, Gnaeus Pompeius superato Tigrane regnis Armeniorum abstractas dicioni Romanae coniunxit.

11. Ultima Syriarum est Palaestina per intervalla magna protenta, cultis abundans terris et nitidis et civitates habens quasdam egregias, nullam nulli cedentem sed sibi vicissim velut ad perpendiculum aemulas: Caesaream, quam ad honorem Octaviani principis exaedificavit Herodes, et Eleutheropolim et Neapolim itidemque Ascalonem Gazam aevo superiore exstructas.

12. in his tractibus navigerum nusquam visitur flumen sed in locis plurimis aquae suapte natura calentes emergunt ad usus aptae multiplicium medelarum. verum has quoque regiones pari sorte Pompeius Iudaeis domitis et Hierosolymis captis in provinciae speciem delata iuris dictione formavit.

13. Huic Arabia est conserta, ex alio latere Nabataeis contigua; opima varietate conmerciorum castrisque oppleta validis et castellis, quae ad repellendos gentium vicinarum excursus sollicitudo pervigil veterum per oportunos saltus erexit et cautos. haec quoque civitates habet inter oppida quaedam ingentes Bostram et Gerasam atque Philadelphiam murorum firmitate cautissimas. hanc provinciae inposito nomine rectoreque adtributo obtemperare legibus nostris Traianus conpulit imperator incolarum tumore saepe contunso cum glorioso marte Mediam urgeret et Parthos.

14. Cyprum itidem insulam procul a continenti discretam et portuosam inter municipia crebra urbes duae faciunt claram Salamis et Paphus, altera Iovis delubris altera Veneris templo insignis. tanta autem tamque multiplici fertilitate abundat rerum omnium eadem Cyprus ut nullius externi indigens adminiculi indigenis viribus a fundamento ipso carinae ad supremos usque carbasos aedificet onerariam navem omnibusque armamentis instructam mari committat.

15. nec piget dicere avide magis hanc insulam populum Romanum invasisse quam iuste. Ptolomaeo enim rege foederato nobis et socio ob aerarii nostri angustias iusso sine ulla culpa proscribi ideoque hausto veneno voluntaria morte deleto et tributaria facta est et velut hostiles eius exuviae classi inpositae in urbem advectae sunt per Catonem, nunc repetetur ordo

gestorum.

IX

1. Inter has ruinarum varietates a Nisibi quam tuebatur accitus Vrsicinus, cui nos obsecuturos iunxerat imperiale praeceptum, dispicere litis exitialis certamina cogebatur abnuens et reclamans, adulatorum oblatrantibus turmis, bellicosus sane milesque semper et militum ductor sed forensibus iurgiis longe discretus, qui metu sui discriminis anxius cum accusatores quaesitoresque subditivos sibi consociatos ex isdem foveis cerneret emergentes, quae clam palamve agitabantur, occultis Constantium litteris edocebat inplorans subsidia, quorum metu tumor notissimus Caesaris exhalaret.

2. sed cautela nimia in peiores haeserat plagas, ut narrabimus postea, aemulis consarcinantibus insidias graves apud Constantium, cetera medium principem sed siquid auribus eius huius modi quivis infudisset ignotus, acerbum et inplacabilem et in hoc causarum titulo dissimilem sui.

3. Proinde die funestis interrogationibus praestituto imaginarius iudex equitum resedit magister adhibitis aliis iam quae essent agenda praedoctis, et adsistebant hinc inde notarii, quid quaesitum esset, quidve responsum, cursim ad Caesarem perferentes, cuius imperio truci, stimulis reginae exsertantis aurem subinde per aulaeum, nec diluere obiecta permissi nec defensi periere conplures.

4. primi igitur omnium statuuntur Epigonus et Eusebius ob nominum gentilitatem oppressi. praediximus enim Montium sub ipso vivendi termino his vocabulis appellatos fabricarum culpasse tribunos ut adminicula futurae molitioni pollicitos.

5. et Epigonus quidem amictu tenus philosophus, ut apparuit, prece frustra temptata, sulcatis lateribus mortisque metu admoto turpi confessione cogitatorum socium, quae nulla erant, fuisse firmavit cum nec vidisset quicquam nec audisset penitus expers forensium rerum; Eusebius vero obiecta fidentius negans, suspensus in eodem gradu constantiae stetit latrocinium illud esse, non iudicium clamans.

6. cumque pertinacius ut legum gnarus accusatorem flagitaret atque sollemnia, doctus id Caesar libertatemque superbiam ratus tamquam obtrectatorem audacem excarnificari praecepit, qui ita evisceratus ut cruciatibus membra deessent, inplorans caelo iustitiam, torvum renidens fundato pectore mansit inmobilis nec se incusare nec quemquam alium passus et tandem nec confessus nec confutatus cum abiecto consorte poenali est morte multatus. et ducebatur intrepidus temporum iniquitati insultans, imitatus Zenonem illum veterem Stoicum qui ut mentiretur quaedam laceratus diutius, avulsam sedibus linguam suam cum cruento sputamine in oculos interrogantis Cyprii regis inpegit.

7. Post haec indumentum regale quaerebatur et ministris fucandae purpurae tortis confessisque pectoralem tuniculam sine manicis textam, Maras nomine quidam inductus est ut appellant Christiani diaconus, cuius prolatae litterae scriptae Graeco sermone ad Tyrii textrini praepositum celerari speciem perurgebant quam autem non indicabant denique etiam idem ad usque discrimen vitae vexatus nihil fateri conpulsus est.

8. quaestione igitur per multiplices dilatata fortunas cum ambigerentur quaedam, non nulla levius actitata constaret, post multorum clades

Apollinares ambo pater et filius in exilium acti cum ad locum Crateras nomine pervenissent, villam scilicet suam quae ab Antiochia vicensimo et quarto disiungitur lapide, ut mandatum est, fractis cruribus occiduntur.

9. post quorum necem nihilo lenius irociens Gallus ut leo cadaveribus pastus multa huius modi scrutabatur. quae singula narrare non refert, me professione modum, quod evitandum est, excedamus.

X

1. Haec dum oriens diu perferret, caeli reserato tepore Constantius consulatu suo septies et Caesaris ter egressus Arelate Valentiam petit, in Gundomadum et Vadomarium fratres Alamannorum reges arma moturus, quorum crebris excursibus vastabantur confines limitibus terrae Gallorum.

2. dumque ibi diu moratur commeatus opperiens, quorum translationem ex Aquitania verni imbres solito crebriores prohibebant auctique torrentes, Herculanus advenit protector domesticus, Hermogenis ex magistro equitum filius, apud Constantinopolim, ut supra rettulimus, populari quondam turbela discerpti. quo verissime referente quae Gallus egerat, damnis super praeteritis maerens et futurorum timore suspensus angorem animi quam diu potuit emendabat.

3. miles tamen interea omnis apud Cabillona collectus morarum inpatiens saeviebat hoc inritatior, quod nec subsidia vivendi suppeterent alimentis nondum ex usu translatis.

4. unde Rufinus ea tempestate praefectus praetorio ad discrimen trusus est ultimum. ire enim ipse compellebatur ad militem, quem exagitabat inopia simul et feritas, et alioqui coalito more in ordinarias dignitates asperum semper et saevum, ut satisfaceret atque monstraret, quam ob causam annonae convectio sit impedita.

5. quod opera consulta cogitabatur astute, ut hoc insidiarum genere Galli periret avunculus, ne eum ut praepotens acueret in fiduciam exitiosa coeptantem. verum navata est opera diligens hocque dilato Eusebius praepositus cubiculi missus est Cabillona aurum secum perferens, quo per turbulentos seditionum concitores occultius distributo et tumor consenuit militum et salus est in tuto locata praefecti. deinde cibo abunde perlato castra die praedicto sunt mota.

6. emensis itaque difficultatibus multis et nive obrutis callibus plurimis ubi prope Rauracum ventum est ad supercilia fluminis Rheni, resistente multitudine Alamanna pontem suspendere navium conpage Romani vi nimia vetabantur ritu grandinis undique convolantibus telis, et cum id inpossibile videretur, imperator cogitationibus magnis attonitus, quid capesseret ambigebat.

7. ecce autem ex inproviso index quidam regionum gnarus advenit et mercede accepta vadosum locum nocte monstravit unde superari potuit flumen: et potuisset aliorsum intentis hostibus exercitus inde transgressus nullo id opinante cuncta vastare, ni pauci ex eadem gente, quibus erat honoratioris militiae cura commissa, populares suos haec per nuntios docuissent occultos, ut quidam existimabant.

8. infamabat autem haec suspicio Latinum domesticorum comitem et Agilonem tribunum stabuli atque Scudilonem Scutariorum rectorem, qui tunc ut dextris suis gestantes rem publicam colebantur.

9. at barbari suscepto pro instantium rerum ratione consilio, dirimentibus

forte auspicibus vel congredi prohibente auctoritate sacrorum, mollito rigore, quo fidentius resistebant, optimates misere delictorum veniam petituros et pacem.

10. tentis igitur regis utriusque legatis et negotio tectius diu pensato cum pacem oportere tribui, quae iustis condicionibus petebatur, eamque ex re tum fore sententiarum via concinens adprobasset, advocato in contionem exercitu imperator pro tempore pauca dicturus tribunali adsistens circumdatus potestatum coetu celsarum ad hunc disservit modum:

11. Nemo quaeso miretur, si post exsudatos labores itinerum longos congestosque adfatim commeatus fiducia vestri ductante barbaricos pagos adventans velut mutato repente consilio ad placidiora deverti.

12. pro suo enim loco et animo quisque vestrum reputans id inveniet verum, quod miles ubique, licet membris vigentibus firmus, se solum vitamque propriam circumspicit et defendit, imperator vero officiosus dum metuit omnibus, alienae custos salutis nihil non ad sui spectare tutelam rationes populorum cognoscit et remedia cuncta quae status negotiorum admittit, arripere debet alacriter secunda numinis voluntate delata.

13. ut in breve igitur conferam et ostendam qua ex causa omnes vos simul adesse volui, commilitones mei fidissimi, accipite aequis auribus quae succinctius explicabo. veritas enim absoluta semper ac perquam est simplex.

14. arduos vestrae gloriae gradus, quos fama per plagarum quoque accolas extimarum diffundit, excellenter adcrescens, Alamannorum reges et populi formidantes per oratores quos videtis summissis cervicibus concessionem praeteritorum poscunt et pacem. quam ut cunctator et cautus utiliumque monitor, si vestra voluntas adest, tribui debere censeo multa contemplans. primo ut Martis ambigua declinentur, dein ut auxiliatores pro adversariis adsciscamus quod pollicentur tum autem ut incruenti mitigemus ferociae flatus perniciosos saepe provinciis, postremo id reputantes quod non ille hostis vincitur solus, qui cadit in acie pondere armorum oppressus et virium, sed multo tutius etiam tuba tacente sub iugum mittitur voluntarius qui sentit expertus nec fortitudinem in rebellis nec lenitatem in supplices animos abesse Romanis.

15. in summa tamquam arbitros vos quid suadetis opperior ut princeps tranquillus temperanter adhibere modum adlapsa felicitate decernens. non enim inertiae sed modestiae humanitatique, mihi credite, hoc quod recte consultum est adsignabitur.

16. Mox dicta finierat, multitudo omnis ad, quae imperator voluit, promptior laudato consilio consensit in pacem ea ratione maxime percita, quod norat expeditionibus crebris fortunam eius in malis tantum civilibus vigilasse, cum autem bella moverentur externa, accidisse plerumque luctuosa, icto post haec foedere gentium ritu perfectaque sollemnitate imperator Mediolanum ad hiberna discessit.

XI

1. Vbi curarum abiectis ponderibus aliis tamquam nodum et codicem difficillimum Caesarem convellere nisu valido cogitabat, eique deliberanti cum proximis clandestinis conloquiis et nocturnis qua vi, quibusve commentis id fieret, antequam effundendis rebus pertinacius incumberet confidentia, acciri mollioribus scriptis per simulationem tractatus publici nimis urgentis eundem placuerat Gallum, ut auxilio destitutus sine ullo interiret obstaculo.

2. huic sententiae versabilium adulatorum refragantibus globis inter quos erat Arbetio ad insidiandum acer et flagrans, et Eusebius tunc praepositus cubiculi effusior ad nocendum id occurrebat Caesare discedente Vrsicinum in oriente perniciose relinquendum, si nullus esset, qui prohiberet altiora meditaturum.

3. isdemque residui regii accessere spadones, quorum ea tempestate plus habendi cupiditas ultra mortalem modum adolescebat, inter ministeria vitae secretioris per arcanos susurros nutrimenta fictis criminibus subserentes: qui ponderibus invidiae gravioris virum fortissimum opprimebant, subolescere imperio adultos eius filios mussitantes, decore corporum favorabiles et aetate, per multiplicem armaturae scientiam agilitatemque membrorum inter cotidiana proludia exercitus consulto consilio cognitos: Gallum suopte ingenio trucem per suppositos quosdam ad saeva facinora ideo animatum ut eo digna omnium ordinum detestatione exoso ad magistri equitum liberos principatus insignia transferantur.

4. Cum haec taliaque sollicitas eius aures everberarent expositas semper eius modi rumoribus et patentes, varia animo tum miscente consilia, tandem id ut optimum factu elegit: et Vrsicinum primum ad se venire summo cum honore mandavit ea specie ut pro rerum tunc urgentium captu disponeretur concordi consilio, quibus virium incrementis Parthicarum gentium a arma minantium impetus frangerentur.

5. et nequid suspicaretur adversi venturus, vicarius eius, dum redit, Prosper missus est comes: acceptisque litteris et copia rei vehiculariae data Mediolanum itineribus properavimus magnis.

6. Restabat ut Caesar post haec properaret accitus et abstergendae causa suspicionis sororem suam, eius uxorem, Constantius ad se tandem desideratam venire multis fictisque blanditiis hortabatur. quae licet ambigeret metuens saepe cruentum, spe tamen quod eum lenire poterit ut germanum profecta, cum Bithyniam introisset, in statione quae Caenos Gallicanos appellatur, absumpta est vi febrium repentina. cuius post obitum maritus contemplans cecidisse fiduciam qua se fultum existimabat, anxia cogitatione, quid moliretur haerebat.

7. inter res enim inpeditas et turbidas ad hoc unum mentem sollicitam dirigebat, quod Constantius cuncta ad suam sententiam conferens nec satisfactionem suscipiet aliquam nec erratis ignoscet, sed, ut erat in propinquitatis perniciem inclinatior, laqueos ei latenter obtendens, si cepisset incautum, morte multaret.

8. eo necessitatis adductus ultimaque ni vigilasset opperiens, principem locum, si copia patuisset [quam] adfectabat, sed perfidiam proximorum ratione bifaria verebatur, qui eum ut truculentum horrebant et levem, quique altiorem Constantii fortunam in discordiis civilibus formidabant.

9. inter has curarum moles inmensas imperatoris scripta suscipiebat adsidua monentis orantisque, ut ad se veniret et mente monstrantis obliqua rem publicam nec posse dividi nec debere, sed pro viribus quemque ei ferre suppetias fluctuanti, nimirum Galliarum indicans vastitatem.

10. quibus subserebat non adeo vetus exemplum quod Diocletiano et eius collegae ut apparitores Caesares non resides, sed ultro citroque discurrentes obtemperabant et in Syria Augusti vehiculum irascentis per spatium mille passuum fere pedes antegressus est Galerius purpuratus.

11. Advenit post multos Scudilo Scutariorum tribunus velamento subagrestis ingenii persuasionis opifex callidus. qui eum adulabili sermone seriis admixto solus omnium proficisci pellexit vultu adsimulato saepius

replicando quod flagrantibus votis eum videre frater cuperet patruelis, siquid per inprudentiam gestum est remissurus ut mitis et clemens, participemque eum suae maiestatis adscisceret, futurum laborum quoque socium, quos Arctoae provinciae diu fessae poscebant.

12. utque solent manum iniectantibus fatis hebetari sensus hominum et obtundi, his incelebris ad meliorum expectationem erectus egressusque Antiochia numine laevo ductante prorsus ire tendebat de fumo, ut proverbium loquitur vetus, ad flammam, et ingressus Constantinopolim tamquam in rebus prosperis et securis, editis equestribus ludis capiti Thoracis aurigae coronam inposuit ut victoris.

13. Quo cognito Constantius ultra mortalem modum exarsit ac nequo casu idem Gallus de futuris incertus agitare quaedam conducentia saluti suae per itinera conaretur, remoti sunt omnes de industria milites agentes in civitatibus perviis.

14. eoque tempore Taurus quaestor ad Armeniam missus confidenter nec appellato eo nec viso transivit. venere tamen aliqui iussu imperatoris administrationum specie diversarum, eundem ne commovere se posset, neve temptaret aliquid occulte custodituri, inter quos Leontius erat, postea urbi praefectus ut quaestor, et Lucillianus quasi domesticorum comes et Scutariorum tribunus nomine Bainobaudes.

15. emensis itaque longis intervallis et planis cum Hadrianopolim introisset urbem Haemimontanam, Vscudamam antehac appellatam, fessasque labore diebus duodecim recreans vires conperit Thebaeas legiones in vicinis oppidis hiemantes consortes suos misisse quosdam, eum ut remaneret promissis fidis hortaturos et firmis, sui fiducia abunde per stationes locati confines, sed observante cura pervigili proximorum nullam videndi vel audiendi quae ferebant furari potuit facultatem.

16. inde aliis super alias urgentibus litteris exire et decem vehiculis publicis, ut praeceptum est, usus relicto palatino omni praeter paucos tori ministros et mensae, quos avexerat secum, squalore concretus celerare gradum conpellebatur adigentibus multis, temeritati suae subinde flebiliter inprecatus, quae eum iam despectum et vilem arbitrio subdiderat infimorum.

17. inter haec tamen per indutias naturae conquiescentis sauciabantur eius sensus circumstridentium terrore larvarum, interfectorumque catervae Domitiano et Montio praeviis correptum eum ut existimabat in somnis uncis furialibus obiectabant.

18. solutus enim corporeis nexibus animus semper vigens motibus indefessis et cogitationibus subiectus et curis, quae mortalium sollicitant mentes, colligit visa nocturna, quas phantasias nos appellamus.

19. Pandente itaque viam fatorum sorte tristissima, qua praestitutum erat eum vita et imperio spoliari, itineribus interiectis permutatione iumentorum emensis venit Petobionem oppidum Noricorum, ubi reseratae sunt insidiarum latebrae omnes, et Barbatio repente apparuit comes, qui sub eo domesticis praefuit, cum Apodemio agente in rebus milites ducens, quos beneficiis suis oppigneratos elegerat imperator certus nec praemiis nec miseratione ulla posse deflecti.

20. Iamque non umbratis fallaciis res agebatur, sed qua palatium est extra muros, armatis omne circumdedit. ingressusque obscuro iam die, ablatis regiis indumentis Caesarem tunica texit et paludamento communi, eum post haec nihil passurum velut mandato principis iurandi crebritate confirmans et statim inquit exsurge et inopinum carpento privato inpositum ad Histriam duxit prope oppidum Polam, ubi quondam peremptum Constantini filium

accepimus Crispum.

21. et cum ibi servaretur artissime terrore propinquantis exitii iam praesepultus, accurrit Eusebius cubiculi tunc praepositus Pentadiusque notarius et Mallobaudes armaturarum tribunus iussu imperatoris conpulsuri eum singillatim docere, quam ob causam quemque apud Antiochiam necatorum iusserat trucidari.

22. ad quae Adrasteo pallore perfusus hactenus valuit loqui, quod plerosque incitante coniuge iugulaverit Constantina, ignorans profecto Alexandrum Magnum urgenti matri ut occideret quendam insontem, et dictitanti spe impetrandi postea quae vellet eum se per novem menses utero portasse praegnantem, ita respondisse prudenter aliam, parens optima, posce mercedem; hominis enim salus beneficio nullo pensatur.

23. quo conperto inrevocabili ira princeps percitus et dolore fiduciam omnem fundandae securitatis in eodem posuit abolendo. et misso Sereniano, quem in crimen maiestatis vocatum praestigiis quibusdam absolutum esse supra monstravimus, Pentadio quin etiam notario et Apodemio agente in rebus, eum capitali supplicio destinavit, et ita conligatis manibus in modum noxii cuiusdam latronis cervice abscisa ereptaque vultus et capitis dignitate cadaver est relictum informe paulo ante urbibus et provinciis formidatum.

24. sed vigilavit utrubique superni numinis aequitas. nam et Gallum actus oppressere crudeles, et non diu postea ambo cruciabili morte absumpti sunt, qui eum licet nocentem blandius palpantes periuriis ad usque plagas perduxere letales. quorum Scudilo destillatione iecoris pulmones vomitans interiit, Barbatio, qui in eum iam diu falsa conposuerat crimina, cum ex magisterio peditum altius niti quorundam susurris incusaretur, damnatus extincti per fallacias Caesaris manibus inlacrimoso obitu parentavit.

25. Haec et huius modi quaedam innumerabilia ultrix facinorum impiorum bonorumque praemiatrix aliquotiens operatur Adrastia atque utinam semper quam vocabulo duplici etiam Nemesim appellamus: ius quoddam sublime numinis efficacis, humanarum mentium opinione lunari circulo superpositum, vel ut definiunt alii, substantialis tutela generali potentia partilibus praesidens fatis, quam theologi veteres fingentes Iustitiae filiam ex abdita quadam aeternitate tradunt omnia despectare terrena.

26. haec ut regina causarum et arbitra rerum ac disceptatrix urnam sortium temperat accidentium vices alternans voluntatumque nostrarum exorsa interdum alio, quam quo contendebant, exitu terminans multiplices actus permutando convolvit. eademque necessitatis insolubili retinaculo mortalitatis vinciens fastus tumentes in cassum et incrementorum detrimentorumque momenta versans, ut novit, nunc erectas mentium cervices opprimit et enervat, nunc bonos ab imo suscitans ad bene vivendum extollit. pinnas autem ideo illi fabulosa vetustas aptavit, ut adesse velocitate volucri cunctis existimetur, et praetendere gubernaculum dedit eique subdidit rotam, ut universitatem regere per elementa discurrens omnia non ignoretur.

27. Hoc inmaturo interitu ipse quoque sui pertaesus excessit e vita aetatis nono anno atque vicensimo cum quadriennio imperasset. natus apud Tuscos in Massa Veternensi, patre Constantio Constantini fratre imperatoris, matreque Galla sorore Rufini et Cerealis, quos trabeae consulares nobilitarunt et praefecturae.

28. fuit autem forma conspicuus bona, decente filo corporis membrorumque recta conpage, flavo capillo et molli, barba licet recens emergente lanugine tenera, ita tamen ut maturius auctoritas emineret, tantum a temperatis moribus Iuliani differens fratris, quantum inter Vespasiani filios

fuit Domitianum et Titum.

29. assumptus autem in amplissimum fortunae fastigium versabilis eius motus expertus est, qui ludunt mortalitatem nunc evehentes quosdam in sidera, nunc ad Cocyti profunda mergentes. cuius rei cum innumera sint exempla, pauca tactu summo transcurram.

30. haec fortuna mutabilis et inconstans fecit Agathoclem Siculum ex figulo regem et Dionysium gentium quondam terrorem Corinthi litterario ludo praefecit.

31. haec Adramyttenum Andriscum in fullonio natum ad Pseudophilippi nomen evexit et Persei legitimum filium artem ferrariam ob quaerendum docuit victum.

32. eadem Mancinum post imperium dedit Numantinis, Samnitum atrocitati Veturium, et Claudium Corsis, substravitque feritati Carthaginis Regulum, istius iniquitate Pompeius post quaesitum Magni ex rerum gestarum amplitudine cognomentum ad spadonum libidinem in Aegypto trucidatur.

33. et Eunus quidam ergastularius servus eluctavit in Sicilia fugitivos. quam multi splendido loco nati eadem rerum domina conivente Viriathi genua sunt amplexi vel Spartaci? quot capita, quae horruere gentes, funesti carnifices absciderunt? alter in vincula ducitur, alter insperatae praeficitur potestati, alius a summo culmine dignitatis excutitur.

34. quae omnia si scire quisquam velit quam varia sint et adsidua, harenarum numerum idem iam desipiens et montium pondera scrutari putabit.

LIBER XV

I

1. Vtcumque potuimus veritatem scrutari, ea quae videre licuit per aetatem, vel perplexe interrogando versatos in medio scire, narravimus ordine casuum exposito diversorum: residua quae secuturus aperiet textus, pro virium captu limatius absolvemus, nihil obtrectatores longi, ut putant, operis formidantes. tunc enim laudanda est brevitas cum moras rumpens intempestivas nihil subtrahit cognitioni gestorum.

2. Nondum apud Noricum exuto penitus Gallo Apodemius quoad vixerat igneus turbarum incentor raptos eius calceos vehens equorum permutatione veloci, ut nimietate cogendi quosdam extingueret, praecursorius index Mediolanum advenit ingressusque regiam ante pedes proiecit Constantii velut spolia regis occisi Parthorum et perlato nuntio repentino, docente rem insperatam et arduam ad sententiam totam facilitate completam, hi qui summam aulam tenebant, omni placendi studio in adulationem ex more conlato virtutem felicitatemque imperatoris extollebant in Caelum, cuius nutu in modum gregariorum militum licet diversis temporibus duo exauctorati sunt principes, Veteranio nimirum et Gallus.

3. quo ille studio blanditiarum exquisito sublatus inmunemque se deinde fore ab omni mortalitatis incommodo fidenter existimans confestim a iustitia declinavit ita intemperanter, ut Aeternitatem meam aliquotiens subsereret ipse dictando scribendoque propria manu orbis totius se dominum appellaret, quod dicentibus aliis indignanter admodum ferre deberet is qui ad aemulationem civilium principum formare vitam moresque suos, ut

praedicabat, diligentia laborabat enixa.

4. namque etiam si mundorum infinitates Democriti regeret, quos Anaxarcho incitante magnus somniabat Alexander, id reputasset legens vel audiens quod ut docent mathematici concinentes ambitus terrae totius, quae nobis videtur inmensa, ad magnitudinem universitatis instar brevis optinet puncti.

II

1. Iamque post miserandam deleti Caesaris cladem sonante periculorum iudicialium tuba in crimen laesae maiestatis arcessebatur Vrsicinus adulescente magis magisque contra eius salutem livore omnibus bonis infesto.

2. hac enim superabatur difficultate quod ad suscipiendas defensiones aequas et probabilis imperatoris aures occlusae patebant susurris insidiantium clandestinis, qui Constantii nomine per orientis tractus omnes abolito ante dictum ducem domi forisque desiderari ut formidolosum Persicae genti fingebant.

3. sed contra accidentia vir magnanimus stabat immobilis, ne se proiceret abiectus cavens, parum tuto loco innocentiam stare medullitus gemens, hocque uno tristior quod amici ante haec frequentes ad potiores desciverant ut ad successores officiorum more poscente solent transire lictores.

4. inpugnabat autem eum per fictae benignitatis inlecebras collega et virum fortem propalam saepe appellans Arbetio ad innectendas letales insidias vitae simplici perquam callens et ea tempestate nimium potens. ut enim subterraneus serpens foramen subsidens occultum adsultu subito singulos transitores observans incessit, ita ille ab ima sorte etiam post adeptum summum militiae munus, nec laesus aliquando nec lacessitus inexplebili quodam laedendi proposito conscientiam polluebat.

5. igitur paucis arcanorum praefectis consciis latenter cum imperatore sententia diu digesta id sederat, ut nocte ventura procul a conspectu militarium raptus Vrsicinus indemnatus occideretur, ut quondam Domitius Corbulo dicitur caesus in conluvione illa Neroniani saeculi, provinciarum fidus defensor et cautus.

6. quibus ita conpositis cum ad hoc destinati praedictum tempus opperirentur, consilio in lenitudinem flexo facinus impium ad deliberationem secundam differri praeceptum est.

7. Indeque ad Iulianum recens perductum calumniarum vertitur machina memorabilem postea principem, gemino crimine, ut iniquitas aestimabat, implicitum: quod a Macelli fundo in Cappadocia posito ad Asiam demigrarat liberalium desiderio doctrinarum et per Constantinopolim transeuntem viderat fratrem.

8. qui cum obiecta dilueret ostenderetque neutrum sine iussu fecisse, nefando adsentatorum coetu perisset urgente, ni adspiratione superni numinis Eusebia suffragante regina ductus ad Comum oppidum Mediolano vicinum ibique paulisper moratus procudendi ingenii causa, ut cupidine flagravit, ad Graeciam ire permissus est.

9. nec defuere deinceps ex his emergentia casibus, quae dispiceres secundis avibus contigisse, dum punirentur ex iure, vel tamquam inrita diffluebant et vana. sed accidebat non numquam, ut opulenti pulsantes praesidia potiorum isdemque tamquam ederae celsis arboribus adhaerentes absolutionem pretiis mercarentur immensis: tenues vero, quibus exiguae res

erant ad redimendam salutem aut nullae, damnabantur abrupte. ideoque et veritas mendaciis velabatur et valuere pro veris aliquotiens falsa.

10. Perductus est isdem diebus et Gorgonius, cui erat thalami Caesariani cura commissa, cumque eum ausorum fuisse participem concitoremque interdum ex confesso pateret, conspiratione spadonum iustitia concinnatis mendaciis obumbrata, periculo evolutus abscessit.

III

1. Haec dum Mediolani aguntur, militarium catervae ab oriente perductae sunt Aquileiam cum aulicis pluribus, membris inter catenas fluentibus spiritum trahentes exiguum vivendique moras per aerumnas detestati multiplices. arcessebantur enim ministri fuisse Galli ferocientis perque eos Domitianus discerptus credebatur et Montius, et alii post eos acti in exitium praeceps.

2. ad quos audiendos Arboreus missus est et Eusebius cubiculi tunc praepositus, ambo inconsideratae iactantiae, iniusti pariter et cruenti. qui nulla perspicacitate sine innocentium sontiumque differentia alios verberibus vel tormentis adflictos exulari poena damnarunt, quosdam ad infimam trusere militiam, residuos capitalibus addixere suppliciis. impletisque funerum bustis reversi velut ovantes gesta rettulerunt ad principem erga haec et similia palam obstinatum et gravem.

3. vehementius tunc et deinde Constantius quasi praescriptum fatorum ordinem convulsurus recluso pectore patebat insidiantibus multis. unde rumorum aucupes subito extitere conplures, honorum vertices ipsos ferinis morsibus adpetentes posteaque pauperes et divites indiscrete: non ut Cibyratae illi Verrini, tribunal unius legati lambentes, sed rei publicae membra totius per incidentia mala vexantes.

4. inter quos facile Paulus et Mercurius eminebant: hic origine Persa, ille natus in Dacia: notarius ille, hic a ministro triclinii rationalis. et Paulo quidem, ut relatum est supra, Catenae inditum est cognomentum, eo quod in conplicandis calumniarum nexibus erat indissolubili ira, inventorum sese varietate dispendens, ut in conluctationibus callere nimis quidam solent artifices palaestritae.

5. Mercurius somniorum appellatus comes, quod ut clam mordax canis interna saevitia submissius agitans caudam, epulis coetibusque se crebris inserens si per quietem quisquam, ubi fusius natura vagatur, vidisse aliquid amico narrasset, id venenatis artibus coloratum in peius patulis imperatoris auribus infundebat et ob hoc homo tamquam inexpiabili obnoxius culpae, gravi mole criminis pulsabatur.

6. haec augente vulgatius fama tantum aberat, ut proderet quisquam visa nocturna, ut aegre homines dormisse sese praesentibus faterentur externis, maerebantque docti quidam, quod apud Atlanteos nati non essent, ubi memorantur somnia non videri, quod unde eveniat rerum scientissimis relinquamus.

7. Inter has quaestionum suppliciorumque species diras in Illyrico exoritur alia clades ad multorum pericula ex verborum inanitate progressa. in convivio Africani Pannoniae secundae rectoris apud Sirmium poculis amplioribus madefacti quidam arbitrum adesse nullum existimantes licenter imperium praesens ut molestissimum incusabant: quibus alii optatam permutationem temporum adventare veluti e praesagiis adfirmabant, non nulli

maiorum auguria sibi portendi incogitabili dementia promittebant.

8. e quorum numero Gaudentius agens in rebus, mente praecipiti stolidus rem ut seriam detulerat ad Rufinum, apparitionis praefecturae praetorianae tunc principem, ultimorum semper avidum hominem et coalita pravitate famosum.

9. qui confestim quasi pinnis elatus ad comitatum principis advolavit eumque ad suspiciones huius modi mollem et penetrabilem ita acriter inflammavit, ut sine deliberatione ulla Africanus et omnes letalis mensae participes iuberentur rapi sublimes. quo facto delator funestus vetita ex more humano validius cupiens biennio id quod agebat, ut postularat, continuare praeceptus est.

10. missus igitur ad eos corripiendos Teutomeres protector domesticus cum collega onustos omnes catenis, ut mandatum est, perducebat. sed ubi ventum est Aquileiam, Marinus tribunus ex campidoctore eo tempore vacans, auctor perniciosi sermonis, et alioqui naturae ferventis in taberna relictus dum parantur itineri necessaria, lateri cultrum... casu repertum inpegit statimque extractis vitalibus interiit.

11. residui ducti Mediolanum excruciatique tormentis et confessi inter epulas petulanter se quaedam locutos iussi sunt attineri poenalibus claustris sub absolutionis aliqua spe licet incerta protectores vero pronuntiati vertere solum exilio, ut Marino isdem consciis mori permisso, veniam Arbetione meruere precante.

IV

1. Re hoc modo finita... et Lentiensibus, Alamannicis pagis indictum est bellum conlimitia saepe Romana latius inrumpentibus, ad quem procinctum imperator egressus in Raetias camposque venit Caninos, et digestis diu consiliis id visum est honestum et utile, ut eo cum militis parte Arbetio magister equitum, cum validiore exercitus manu relegens margines lacus Brigantiae pergeret protinus barbaris congressurus. cuius loci figuram breviter, quantum ratio patitur, designabo.

2. Inter montium celsorum amfractus inmani pulsu Rhenus exoriens per praeruptos scopulos extenditur nullos advenas amnes adoptans, ut per cataractas inclinatione praecipiti funditur Nilus, et navigari ab ortu poterat primigenio copiis exuberans propriis, ni ruenti curreret similis potius quam fluenti.

3. Iamque ad planiora solutus altaque divortia riparum adradens lacum invadit rotundum et vastum, quem Brigantiam accola Raetus appellat, perque quadringenta et sexaginta stadia longum parique paene spatio late diffusum horrore silvarum squalentium inaccessum, nisi qua vetus illa Romana virtus et sobria iter conposuit latum barbaris et natura locorum et caeli inclementia refragante.

4. hanc ergo paludem spumosis strependo verticibus amnis inrumpens et undarum quietem permeans pigram, mediam velut finali intersecat libramento et tamquam elementum perenni discordia separatum nec aucto nec imminuto agmine quod intulit, vocabulo et viribus absolvitur integris nec contagia deinde ulla perpetiens oceani gurgitibus intimatur.

5. quodque est impendio mirum, nec stagnum aquarum rapido transcursu movetur nec limosa subluvie tardatur properans flumen, et confusum misceri non potest corpus: quod, ni ita agi ipse doceret aspectus, nulla vi credebatur

posse discerni.

6. sic Alpheus oriens in Arcadia cupidine fontis Arethusae captus scindens Ionium mare, ut fabulae ferunt, ad usque amatae confinia progreditur nymphae.

7. Arbetio qui adventus barbarorum nuntiaret non exspectans dum adessent, licet sciret orta bellorum, in occultas delatus insidias stetit immobilis malo repentino perculsus.

8. namque improvisi e latebris hostes exiliunt et sine parsimonia quicquid offendi poterat, telorum genere multiplici configebant: nec enim resistere nostrorum quisquam potuit nec aliud vitae subsidium nisi discessu sperare veloci. quocirca vulneribus declinandis intenti inconposito agmine milites huc et illuc dispalantes terga ferienda dederunt. plerique tamen per angustas semitas sparsi periculoque praesidio tenebrosae noctis extracti revoluta iam luce redintegratis viribus agmini quisque proprio sese consociavit. in quo casu ita tristi et inopino abundans numerus armatorum et tribuni desiderati sunt decem.

9. ob quae Alamanni sublatis animis ferocius incedentes secuto die prope munimenta Romana adimente matutina nebula lucem strictis mucronibus discurrebant frendendo minas tumidas intentantes. egressique repente Scutarii cum obiectu turmarum hostilium repercussi stetissent, omnes suos conspiratis mentibus ciebant ad pugnam.

10. verum cum plerosque recentis aerumnae documenta terrerent et intuta fore residua credens haereret Arbetio, tres simul exsiluere tribuni, Arintheus agens vicem armaturarum rectoris et Seniachus qui equestrem turmam comitum tuebatur et Bappo ducens Promotos.

11. Qui cum commissis sibi militibus pro causa communi velut propria Deciorum veterum exemplo instarque fluminis hostibus superfusi non iusto proelio sed discursionibus rapidis universos in fugam coegere foedissimam. qui dispersi laxatis ordinibus dumque elabi properant impediti corpora nudantes intecta gladiorum hastarumque densis ictibus truncabantur.

12. multique cum equis interfecti iacentes etiam tum eorum dorsis videbantur innexi: quo viso omnes e castris effusi, qui prodire in proelium cum sociis ambigebant, cavendi inmemores proterebant barbaram plebem, nisi quos fuga exemerat morti, calcantes cadaverum strues et perfusi sanie peremptorum.

13. hocque exitu proelio terminato imperator Mediolanum ad hiberna ovans revertit et laetus.

V

1. Exoritur iam hinc rebus adflictis haut dispari provinciarum malo calamitatum turbo novarum extincturus omnia simul, ni fortuna moderatrix humanorum casuum motum eventu celeri consummavit inpendio formidatum.

2. cum diuturna incuria Galliae caedes acerbas rapinasque et incendia barbaris licenter grassantibus nullo iuvante perferrent, Silvanus pedestris militiae rector ut efficax ad haec corrigenda principis iussu perrexit Arbetione id maturari modis quibus poterat adigente, ut absenti aemulo quem superesse adhuc gravabatur periculosae molis onus inpingeret.

3. Dynamius quidam actuarius sarcinalium principis iumentorum commendaticias ab eo petierat litteras ad amicos ut quasi familiaris eiusdem esset notissimus. hoc inpetrato, cum ille nihil suspicans simpliciter

praestitisset, servabat epistulas ut perniciosum aliquid in tempore moliretur.

4. memorato itaque duce Gallias ex re publica discursante barbarosque propellente iam sibi diffidentes et trepidantes idem Dynamius inquietius agens ut versutus et in fallendo exercitatus fraudem comminiscitur inpiam subornatore et conscio, ut iactavere rumores incerti, Lampadio praefecto praetorio, et Eusebio ex comite rei privatae, cui cognomentum erat inditum Mattyocopae, atque Aedesio ex magistro memoriae, quos ad consulatum ut amicos iunctissimos idem curarat rogari praefectus, et peniculo serie litterarum abstersa, sola incolumi relicta subscriptione alter multum a vero illo dissonans superscribitur textus: velut Silvano rogante verbis obliquis hortanteque amicos agentes intra palatium, vel privatos inter quos et Tuscus erat Albinus, aliique plures ut se altiora coeptantem et prope diem loci principalis aditurum iuvarent.

5. Hunc fascem ad arbitrium figmenti conpositum, vitam pulsaturum insontis, a Dynamio susceptum praefectus imperatori, avido scrutari haec et similia, censuit offerendum... solus ingressus intimum capto e re tempore, deinde sperans ut pervigilem salutis eius custodem et cautum lectaque in consistorio astu callido consarcinata materia tribuni iussi sunt custodiri, et de provinciis duci privati, quorum epistulae nomina designabant.

6. confestimque iniquitate rei percitus Malarichus Gentilium rector collegis adhibitis strepebat inmaniter circumveniri homines dicatos imperio per factiones et dolos minime debere proclamans, petebatque ut ipse relictis obsidum loco necessitudinibus suis, Mallobaude armaturarum tribuno spondente quod remeabit, velocius iuberetur ire ducturus Silvanum adgredi nihil tale conatum, quale insidiatores acerrimi concitarunt: vel contra se paria promittente Mallobaudem orabat properare permitti, haec quae ipse pollicitus est impleturum.

7. testabatur enim id se procul dubio scire quod, siqui mitteretur externus, suopte ingenio Silvanus etiam nulla re perterrente timidior conposita forte turbabit.

8. Et quamquam utilia moneret et necessaria, ventis tamen loquebatur incassum. namque Arbetione auctore Apodemius ad eum vocandum cum litteris mittitur inimicus bonorum omnium diuturnus et gravis. qui incidentia parvi ducens cum venisset in Gallias, dissidens a mandatis, quae proficiscenti sunt data, nec viso Silvano nec oblatis scriptis ut veniret admonito remansit adscitoque rationali quasi proscripti iamque necandi magistri peditum clientes et servos hostili tumore vexabat.

9. inter haec tamen dum praesentia Silvani speratur et Apodemius quieta perturbat, Dynamius ut argumento validiore impie structorum adsereret fidem, conpositas litteras his concinentes, quas obtulerat principi per praefectum, ad tribunum miserat fabricae Cremonensis nomine Silvani et Malarichi, a quibus ut arcanorum conscius monebatur parare propere cuncta.

10. qui cum haec legisset, haerens et ambigens dia quidnam id esset nec enim meminerat secum aliquando super negotio ullo interiore hos quorum litteras acceperat conlocutos epistulas ipsas per baiulum qui portarat, iuncto milite ad Malarichum misit obsecrans, ut doceret aperte quae vellet, non ita perplexe: nec enim intellexisse firmabat ut subagrestem et simplicem, quid significatum esset obscurius.

11. haec Malarichus subito nanctus etiam tunc squalens et maestus suamque et popularis Silvani vicem graviter ingemiscens adhibitis Francis, quorum ea tempestate in palatio multitudo florebat, erectius iam loquebatur: tumultuabaturque patefactis insidiis retectaque iam fallacia, per quam ex

confesso salus eorum adpetebatur.

12. hisque cognitis statuit imperator dispicientibus consistorianis et militaribus universis in negotium praeterinquiri. cumque iudices fastidissent, Florentius Nigriniani filius agens tunc pro magistro officiorum, contemplans diligentius scripta apicumque pristinorum reliquias quasdam reperiens animadvertit, ut factum est, priore textu interpolato longe alia quam dictarat Silvanus, ex libidine consarcinatae falsitatis adscripta.

13. proinde fallaciarum nube discussa imperator doctus gesta relatione fideli, abrogata potestate praefectum statui sub questione praecepit sed absolutus est enixa conspiratione multorum. suspensus autem Eusebius ex comite privatarum se conscio haec dixerat concitata.

14. Aedesius enim minus scisse quid actum sit pertinaci infitiatione contendens abiit innoxius et ita finito negotio omnes sunt absoluti quos exhiberi delatio conpulit criminosa. Dynamius vero ut praeclaris artibus inlustratus cum correctoris dignitate regere iussus est Tuscos.

15. Agens inter haec apud Agrippinam Silvanus assiduisque suorum conpertis nuntiis, quae Apodemius in labem suarum ageret fortunarum et sciens animum tenerum versabilis principis, timens ne trucidaretur absens et indamnatus, in difficultate positus maxima barbaricae se fidei committere cogitabat.

16. sed Laniogaiso vetante, tunc tribuno, quem dum militaret candidatus solum adfuisse morituro Constanti supra rettulimus, docenteque Francos, unde oriebatur, interfecturos eum aut accepto praemio prodituros, nihil tutum ex praesentibus ratus in consilia cogebatur extrema et sensim cum principiorum verticibus secretius conlocutus isdemque magnitudine promissae mercedis accensis, cultu purpureo a draconum et vexillorum insignibus 13 ad tempus abstracto ad culmen imperiale surrexit.

17. Dumque haec aguntur in Galliis, ad occasum inclinato iam die perfertur Mediolanum insperabilis nuntius aperte Silvanum demonstrans, dum ex magisterio peditum altius nititur, sollicitato exercitu ad angustum culmen evectum.

18. hac mole casus inopini Constantio icto quasi fulmine fati primates consilio secunda vigilia convocato properarunt omnes in regiam. cumque nulli ad eligendum quid agi deberet, mens suppetere posset aut lingua, submissis verbis perstringebatur Vrsicini mentio, ut consiliis rei bellicae praestantissimi frustraque gravi iniuria lacessiti, et per admissionum magistrum qui mos est honoratior accito eodem, ingresso consistorium offertur purpura multo quam antea placidius. Diocletianus enim Augustus omnium primus extero ritu et regio more instituit adorari, cum semper antea ad similitudinem iudicum salutatos principes legerimus.

19. et qui paulo antea cum insectatione malivola orientis vorago invadendaeque summae rei per filios adfectator conpellabatur, tunc dux prudentissimus et Constantini Magni fuerat conmilito solusque ad exstinguendum probis quidem sed insidiosis rationibus petebatur. diligens enim opera navabatur extingui Silvanum ut fortissimum perdvellem, aut si secus accidisset, Vrsicinum exulceratum iam penitus aboleri ne superesset scrupulus inpendio formidandus.

20. igitur cum de profectione celeranda disponeretur, propulsationem obiectorum criminum eundem ducem parantem praegressus oratione leni prohibet imperator, non id esse memorans tempus ut controversa defensio causae susciperetur, cum vicissim restitui in pristinam concordiam partes necessitas subigeret urgentium rerum antequam cresceret mollienda.

21. habita igitur deliberatione multiplici id potissimum tractabatur, quo commento Silvanus gesta etiam tum imperatorem ignorare existimaret. et probabili argumento ad firmandam fidem reperto monetur honorificis scriptis, ut accepto Vrsicino successore cum potestate rediret intacta.

22. post haec ita digesta protinus iubetur exire, tribunis et protectoribus domesticis decem, ut postularat, ad iuvandas necessitates publicas ei coniunctis. inter quos ego quoque eram cum Veriniano collega, residui omnes propinqui et familiares.

23. iamque eum egressum solum de se metuens quisque per longa spatia deducebat. et quamquam ut bestiarii obiceremur intractabilibus feris, perpendentes tamen hoc bonum habere tristia praecedentia, quod in locis suis secunda substituunt, mirabamur illam sententiam Tullianam ex internis veritatis ipsius promulgatam, quae est talis et quamquam optatissimum est perpetuo fortunam quam florentissimam permanere, illa tamen aequalitas vitae non tantum habet sensum, quantum cum ex miseris et perditis rebus ad meliorem statum fortuna revocatur.

24. Festinamus itaque itineribus magnis ut ambitiosus magister armorum ante adlapsum per Italicos de tyrannide ullum rumorem in suspectis finibus appareret. verum cursim nos properantes aeria quaedam antevolans prodiderat fama et Agrippinam ingressi invenimus cuncta nostris conatibus altiora.

25. namque convena undique multitudine trepide coepta fundante coactisque copiis multis pro statu rei praesentis id aptius videbatur, ut ad imperatoris novelli per ludibriosa auspicia virium accessu firmandi sensum ac voluntatem dux flebilis verteretur: quo variis adsentandi figmentis in mollius vergente securitate nihil metuens hostile deciperetur.

26. Cuius rei finis arduus videbatur. erat enim cautius observandum, ut adpetitus opportunitati optemperarent, nec praecurrentes eam nec deserentes. qui si eluxissent intempestive, constabat nos omnes sub elogio uno morte multandos.

27. Susceptus tamen idem dux leniter adactusque, inclinante negotio ipso cervices, adorare sollemniter anhelantem celsius purpuratum, ut spectabilis colebatur et intimus: facilitate aditus honoreque mensae regalis adeo antepositus aliis, ut iam secretius de rerum summa consultaretur.

28. aegre ferebat Silvanus ad consulatum potestatesque sublimes elatis indignis se et Vrsicinum solos post exsudatos magnos pro re publica labores et crebros ita fuisse despectos, ut ipse quidem per quaestiones familiarium sub disceptatione ignobili crudeliter agitatus commisisse in maiestatem arcesseretur, alter vero ab oriente raptus odiis inimicorum addiceretur: et haec adsidue clam querebatur et palam.

29. terrebant nos tamen, cum dicerentur haec et similia, circumfrementia undique murmura causantis inopiam militis et rapida celeritate ardentis angustias Alpium perrumpere Cottiarum.

30. In hoc aestu mentis ancipiti ad effectum tendens consilium occulta scrutabamur indagine sederatque tandem mutatis prae timore saepe sententiis, ut quaesitis magna industria cautis rei ministris, obstricto religionum consecratione conloquio Bracchiati sollicitarentur atque Cornuti, fluxioris fidei et ubertate mercedis ad momentum omne versabiles.

31. firmato itaque negotio per sequestres quosdam gregarios obscuritate ipsa ad id patrandum idoneos, praemiorum exspectatione accensos solis ortu iam rutilo subitus armatorum globus erupit atque, ut solet in dubiis rebus audentior, caesis custodibus regia penetrata Silvanum extractum aedicula,

quo exanimatus confugerat, ad conventiculum ritus Christiani tendentem densis gladiorum ictibus trucidarunt.

32. Ita dux haut exilium meritorum hoc genere oppetit mortis metu calumniarum, quibus factione iniquorum inretitus est absens, ut tueri possit salutem ad praesidia progressus extrema.

33. licet enim ob tempestivam illam cum armaturis proditionem ante Mursense proelium obligatum gratia retineret Constantium, ut dubium tamen et mutabilem verebatur, licet patris quoque Boniti praetenderet fortia facta Franci quidem, sed pro Constantini partibus in bello civili acriter contra Licinianos saepe versati.

34. evenerat autem antequam huius modi aliquid agitaretur in Galliis, ut Romae in Circo maximo populus, incertum ratione quadam percitus an praesagio Silvanus devictus est magnis vocibus exclamaret.

35. Igitur Silvano Agrippinae, ut relatum est, interfecto inaestimabili gaudio re cognita princeps insolentia coalitus et tumore, hoc quoque felicitatis suae prosperis cursibus adsignabat eo more, quo semper oderat fortiter facientes, ut quondam Domitianus, superare tamen quacumque arte contraria cupiebat.

36. tantumque abfuit laudare industrie gesta, ut etiam quaedam scriberet de Gallicanis intercepta thesauris, quos nemo attigerat. idque scrutari iusserat artius interrogato Remigio etiam tum rationario apparitionis armorum magistri, cui multo postea Valentiniani temporibus laqueus vitam in causa Tripolitanae legationis eripuit.

37. post quae ita completa Constantius ut iam caelo contiguus casibusque imperaturus humanis magniloquentia sufflabatur adulatorum, quos augebat ipse spernendo proiciendoque id genus parum callentes ut Croesum legimus ideo regno suo Solonem expulisse praecipitem quia blandiri nesciebat, et Dionysium intentasse poetae Philoxeno mortem cum eum recitantem proprios versus absurdos et inconcinnos laudantibus cunctis solus audiret immobilis.

38. quae res perniciosa vitiorum est altrix. ea demum enim laus grata esse potestati debet excelsae, cum interdum et vituperationi secus gestorum pateat locus.

VI

1. Iamque per securitatem quaestiones agitabantur ex more et vinculis catenisque plures ut noxii plectebantur. exurgebat enim effervens laetitia Paulus, tartareus ille delator, ad venenatas artes suas licentius exercendas, et inquirentibus in negotium consistorianis atque militaribus, et praeceptum est, Proculus admovetur eculeo, Silvani domesticus, homo gracilis et morbosus, metuentibus cunctis, ne vi nimia tormentorum levi corpore fatigato reos atrocium criminum promiscue citari faceret multos. verum contra quam speratum est contigit.

2. memor enim somnii, quo vetitus erat per quietem, ut ipse firmavit, pulsare quendam insontem, usque ad confinia mortis vexatus nec nominavit nec prodidit aliquem sed adserebat factum Silvani constanter, id eum cogitasse quod iniit non cupiditate sed necessitate conpulsum, argumento evidenti demonstrans

3. causam enim probabilem ponebat in medio multorum testimoniis claram, quod die quinto antequam infulas susciperet principatus, donatum stipendio militem Constanti nomine adlocutus est, fortis esset et fidus. unde

apparebat quod, si praesumere fortunae superioris insignia conaretur, auri tam grave pondus largiretur ut suum.

4. post hunc damnatorum sorte Poemenius raptus ad supplicium interiit, qui, ut supra rettulimus, cum Treveri civitatem Caesari clausissent Decentio, ad defendendam plebem electus est. tum Asclepiodotus et Lutto et Maudio Comites interempti sunt aliique plures, haec et similia perplexe temporis obstinatione scrutante.

VII

1. Dum has exitiorum communium clades suscitat turbo feralis, urbem aeternam Leontius regens multa spectati iudicis documenta praebebat in audiendo celer, in disceptando iustissimus, natura benivolus, licet auctoritatis causa servandae acer quibusdam videbatur et inclinatior ad damnandum.

2. prima igitur causa seditionis in eum concitandae vilissima fuit et levis. Philoromum enim aurigam rapi praeceptum secuta plebs omnis velut defensura proprium pignus terribili impetu praefectum incessebat ut timidum, sed ille stabilis et erectus inmissis apparitoribus correptos aliquos vexatosque tormentis nec strepente ullo nec obsistente insulari poena multavit.

3. diebusque paucis secutis cum itidem plebs excita calore quo consuevit vini causando inopiam, ad Septemzodium convenisset, celebrem locum, ubi operis ambitiosi Nymphaeum Marcus condidit imperator, illuc de industria pergens praefectus ab omni toga apparitioneque rogabatur enixius, ne in multitudinem se adrogantem inmitteret et minacem, ex commotione pristina saevientem: difficilis ad pavorem recte tetendit adeo, ut eum obsequentium pars desereret licet in periculum festinantem abruptum.

4. insidens itaque vehiculo cum speciosa fiducia contuebatur acribus oculis tumultuantium undique cuneorum veluti serpentium vultus perpessusque multa dici probrosa agnitum quendam inter alios eminentem vasti corporis rutilique capilli, interrogavit, an ipse esset Petrus Valvomeres, ut audierat, cognomento: eumque cum esse sonu respondisset obiurgatorio, ut seditiosorum antesignanum olim sibi conpertum, reclamantibus multis post terga manibus vinctis suspendi praecepit.

5. quo viso sublimi tribuliumque adiumentum nequicquam implorante vulgus omne paulo ante confertum per varia urbis membra diffusum ita evanuit ut turbarum acerrimus concitor tamquam in iudiciali secreto exaratis lateribus ad Picenum eiceretur, ubi postea ausus eripere virginis non obscurae pudorem Patruini consularis sententia supplicio est capitali addictus.

6. Hoc administrante Leontio Liberius Christianae legis antistes a Constantio ad comitatum mitti praeceptus est tamquam imperatoriis iussis et plurimorum sui consortium decretis obsistens in re, quam brevi textu percurram.

7. Athanasium episcopum eo tempore apud Alexandriam ultra professionem altius se efferentem scitarique conatum externa, ut prodidere rumores adsidui, coetus in unum quaesitus eiusdem loci multorum synodus ut appellant removit a sacramento quod optinebat.

8. dicebatur enim fatidicarum sortium fidem, quaeve augurales portenderent alites scientissime callens, aliquotiens praedixisse futura: super his intendebantur ei alia quoque a proposito legis abhorrentia, cui praesidebat.

9. hunc per subscriptionem abicere sede sacerdotali paria sentiens

ceteris iubente principe Liberius monitus, perseveranter renitebatur nec visum hominem nec auditum damnare nefas ultimum saepe exclamans, aperte scilicet recalcitrans imperatoris arbitrio.

10. id enim ille, Athanasio semper infestus licet sciret impletum, tamen auctoritate quoque potiore aeternae urbis episcopi firmari desiderio nitebatur ardenti: quo non impetrato Liberius aegre populi metu, qui eius amore flagrabat, cum magna difficultate noctis medio potuit asportari.

VIII

1. Et haec quidem Romae, ut ostendit textus superior, agebantur. Constantium vero exagitabant adsidui nuntii deploratas iam Gallias indicantes nullo renitente ad internecionem barbaris vastantibus universa: aestuansque diu, qua vi propulsaret aerumnas ipse in Italia residens ut cupiebat periculosum enim existimabat se in partem contrudere longe dimotam repperit tandem consilium rectum et Iulianum patruelem fratrem haut ita dudum ab Achaico tractu accitum, etiam tum palliatum in societatem imperii adsciscere cogitabat.

2. id ubi urgente malorum inpendentium mole confessus est proximis succumbere tot necessitatibus tamque crebris unum se, quod numquam fecerat, aperte demonstrans: illi in adsentationem nimiam eruditi infatuabant hominem, nihil esse ita asperum dictitantes quod praepotens eius virtus fortunaque tam vicina sideribus non superaret ex more. addebantque noxarum conscientia stimulante conplures deinceps caveri debere Caesaris nomen, replicantes gesta sub Gallo.

3. quis adnitentibus obstinate opponebat se sola regina, incertum, migrationem ad longinqua pertimescens, an pro nativa prudentia consulens in commune omnibusque memorans anteponi debere propinquum. post multaque per deliberationes ambiguas actitata stetit fixa sententia abiectisque disputationibus inritis ad imperium placuit Iulianum adsumere.

4. cum venisset accitus praedicto die, advocato omni quod aderat commilitio, tribunali ad altiorem suggestum erecto, quod aquilae circumdederunt et signa, Augustus insistens eumque manu retinens dextera, haec sermone placido peroravit:

5. Adsistimus apud illos, optimi rei publicae defensores, causae communi uno paene omnium spiritu vindicandae, quam acturus tamquam apud aequos iudices succinctius edocebo.

6. post interitum rebellium tyrannorum, quos ad haec temptanda quae moverunt rabies egit et furor, velut impiis eorum manibus Romano sanguine parentantes persultant barbari Gallias rupta limitum pace, hac animati fiducia, quod nos per disiunctissimas terras arduae necessitates adstringunt.

7. huic igitur malo ultra adposita iam proserpenti, si dum patitur tempus occurrerit nostri vestrique consulti suffragium, et colla superbarum gentium detumescent et imperii fines erunt intacti. restat ut rerum spem, quam gero, secundo roboretis effectu.

8. Iulianum hunc fratrem meum patruelem, ut nostis, verecundia, qua nobis ita ut necessitudine carus est, recte spectatum iamque elucentis industriae iuvenem in Caesaris adhibere potestatem exopto, coeptis, si videntur utilia, etiam vestra consensione firmandis.

9. Dicere super his plura conantem interpellans contio lenius prohibebat arbitrium summi numinis id esse, non mentis humanae velut praescia venturi

praedicans.

10. stansque imperator inmobilis dum silerent, residua fidentius explicavit quia igitur vestrum quoque favorem adesse fremitus indicat laetus, adulescens vigoris tranquilli, cuius temperati mores imitandi sunt potius quam praedicandi, ad honorem prosperatum exsurgat: cuius praeclaram indolem bonis artibus institutam hoc ipso plene videor exposuisse quod elegi. ergo eum praesente nutu dei caelestis amictu principali velabo.

11. Dixit moxque indutum avita purpura Iulianum et Caesarem cum exercitus gaudio declaratum his adloquitur contractiore vultu submaestum:

12. Recepisti primaevus originis tuae splendidum florem, amantissime mihi omnium frater: aucta gloria mea confiteor qui iustus in deferenda suppari potestate nobilitati mihi propinquae, quam ipsa potestate videor esse sublimis.

13. adesto igitur laborum periculorumque particeps et tutelam ministerii suscipe Galliarum, omni beneficentia partes levaturus adflictas: et si hostilibus congredi sit necesse, fixo gradu consiste inter signiferos ipsos, audendi in tempore consideratus hortator, pugnantes accendens praeeundo cautissime turbatosque subsidiis fulciens, modeste increpans desides, verissimus testis adfuturus industriis et ignavis.

14. proinde urgente rei magnitudine perge vir fortis ducturus viros itidem fortes. aderimus nobis vicissim amoris robusta constantia, militabimus simul, una orbem pacatum, deus modo velit quod oramus, pari moderatione pietateque recturi. mecum ubique videberis praesens et ego tibi quodcumque acturo non deero. ad summam i i, propera sociis omnium votis, velut adsignatam tibi ab ipsa re publica stationem cura pervigili defensurus.

15. Nemo post haec finita reticuit sed militares omnes horrendo fragore scuta genibus inlidentes quod est prosperitatis indicium plenum: nam contra cum hastis clipei feriuntur, irae documentum est et doloris immane quo quantoque gaudio praeter paucos Augusti probavere iudicium Caesaremque admiratione digna suscipiebant imperatorii muricis fulgore flagrantem.

16. cuius oculos cum venustate terribiles vultumque excitatius gratum diu multumque contuentes, qui futurus sit colligebant velut scrutatis veteribus libris, quorum lectio per corporum signa pandit animorum interna. eumque ut potiori reverentia servaretur, nec supra modum laudabant nec infra quam decebat, atque ideo censorum voces sunt aestimatae, non militum.

17. susceptus denique ad consessum vehiculi receptusque in regiam hunc versum ex Homerico carmine susurrabat. «ellabe porphyreos thanatos kai moira krataie.» Haec diem octavum iduum Novembrium gesta sunt cum Arbetionem consulem annus haberet et Lollianum.

18. deinde diebus paucis Helena virgine Constanti sorore eidem Caesari iugali foedere copulata paratisque universis, quae maturitas proficiscendi poscebat, comitatu parvo suscepto kalendis Decembribus egressus est deductusque ab Augusto ad usque locum duabus columnis insignem, qui Laumellum interiacet et Ticinum, itineribus rectis Taurinos pervenit, ubi nuntio percellitur gravi, qui nuper in comitatum Augusti perlatus de industria silebatur ne parata diffluerent.

19. indicabat autem Coloniam Agrippinam, ampli nominis urbem in secunda Germania, pertinaci barbarorum obsidione reseratam magnis viribus et deletam.

20. quo maerore perculsus velut primo adventantium malorum auspicio murmurans querulis vocibus saepe audiebatur: nihil se plus adsecutum quam ut occupatior interiret.

21. cumque Viennam venisset, ingredientem optatum quidem et

impetrabilem honorifice susceptura omnis aetas concurrebat et dignitas proculque visum plebs universa cum vicinitate finitima, imperatorem clementem appellans et faustum, praevia consonis laudibus celebrabat, avidius pompam regiam in principe legitimo cernens: communiumque remedium aerumnarum in eius locabat adventu, salutarem quendam genium adfulsisse conclamatis negotiis arbitrata.

22. tunc anus quaedam orba luminibus cum percontando quinam esset ingressus, Iulianum Caesarem conperisset, exclamavit hunc deorum templa reparaturum.

IX

1. Proinde quoniam ut Mantuanus vates praedixit excelsus maius opus moveo maiorque mihi rerum nascitur ordo, Galliarum tractus et situm ostendere puto nunc tempestivum, ne inter procinctus ardentes proeliorumque varios casus ignota quibusdam expediens imitari videar desides nauticos, adtrita lintea cum rudentibus, quae licuit parari securius, inter fluctus resarcire coactos et tempestates.

2. ambigentes super origine prima Gallorum scriptores veteres notitiam reliquere negotii semiplenam, sed postea Timagenes et diligentia Graecus et lingua haec quae diu sunt ignorata collegit ex multiplicibus libris. cuius fidem secuti obscuritate dimota eadem distincte docebimus et aperte.

3. Aborigines primos in his regionibus quidam visos esse firmarunt, Celtis nomine regis amabilis et matris eius vocabulo Galatas dictos ita enim Gallos sermo Graecus appellat alii Dorienses antiquiorem secutos Herculem oceani locos inhabitasse confines.

4. Drasidae memorant re vera fuisse populi partem indigenam, sed alios quoque ab insulis extimis confluxisse et tractibus transrhenanis, crebritate bellorum et adluvione fervidi maris sedibus suis expulsos.

5. aiunt quidam paucos post excidium Troiae fugitantes Graecos ubique dispersos loca haec occupasse tunc vacua.

6. regionum autem incolae id magis omnibus adseverant, quod etiam nos legimus in monumentis eorum incisum, Amphitryonis filium Herculem ad Geryonis et Taurisci saevium tyrannorum perniciem festinasse, quorum alter Hispanias, alter Gallias infestabat: superatisque ambobus coisse cum generosis feminis suscepisseque liberos plures et eos partes quibus imperitabant suis nominibus appellasse.

7. a Phocaea vero Asiaticus populus Harpali inclementiam vitans, Cyri regis praefecti, Italiam navigio petit. cuius pars in Lucania Veliam, alia condidit in Viennensi Massiliam: dein secutis aetatibus oppida aucta virium copia instituere non pauca. sed declinanda varietas saepe satietati coniuncta

8. per haec loca hominibus paulatim excultis viguere studia laudabilium doctrinarum, inchoata per bardos et euhagis et drasidas. et bardi quidem fortia virorum illustrium facta heroicis conposita versibus cum dulcibus lyrae modulis cantitarunt, euhages vero scrutantes seriem et sublimia naturae pandere conabantur. inter eos drasidae ingeniis celsiores, ut auctoritas Pythagorae decrevit, sodaliciis adstricti consortiis, quaestionibus occultarum rerum altarumque erecti sunt et despectantes humana pronuntiarunt animas inmortales.

X

1. Hanc Galliarum plagam ob suggestus montium arduos et horrore nivali semper obductos orbis residui incolis antehac paene ignotam, nisi qua litoribus est vicina, munimina claudunt undique natura velut arte circumdata.

2. et a latere quidem australi Tyrreno adluitur et Gallico mari: qua caeleste suspicit plaustrum, a feris gentibus fluentis distinguitur Rheni: ubi occidentali subiecta est sideri, oceano et altitudine Pyrenaei cingitur; unde ad solis ortus adtollitur, aggeribus cedit Alpium Cottiarum: quas rex Cottius, perdomitis Galliis solus in angustiis latens inviaque locorum asperitate confisus, lenito tandem tumore in amicitiam Octaviani receptus principis, molibus magnis exstruxit ad vicem memorabilis muneris, conpendiarias et viantibus oportunas, medias inter alias Alpes vetustas super quibus conperta paulo postea referemus.

3. in his Alpibus Cottiis, quarum initium a Segusione est oppido, praecelsum erigitur iugum, nulli fere sine discrimine penetrabile

4. est enim e Galliis venientibus prona humilitate devexum pendentium saxorum altrinsecus visu terribile praesertim verno tempore, cum liquente gelu nivibusque solutis flatu calidiore ventorum per diruptas utrimque angustias et lacunas pruinarum congerie latebrosas descendentes cunctantibus plantis homines et iumenta procidunt et carpenta; idque remedium ad arcendum exitium repertum est solum, quod pleraque vehicula vastis funibus inligata pone cohibente virorum vel boum nisu valido vix gressu reptante paulo tutius devolvuntur. et haec, ut diximus, anni verno contingunt.

5. hieme vero humus crustata frigoribus et tamquam levigata ideoque labilis incessum praecipitantem inpellit et patulae valles per spatia plana glacie perfidae vorant non numquam transeuntes. ob quae locorum callidi eminentes ligneos stilos per cautiora loca defigunt, ut eorum series viatorem ducat innoxium: qui si nivibus operti latuerint, montanisve defluentibus rivis eversi, gnaris agrestibus praeviis difficile pervadunt.

6. a summitate autem huius Italici clivi planities ad usque stationem nomine Martis per septem extenditur milia, et hinc alia celsitudo erectior aegreque superabilis ad Matronae porrigitur verticem, cuius vocabulum casus feminae nobilis dedit. unde declive quidem iter sed expeditius ad usque castellum Brigantiam patet.

7. huius sepulcrum reguli, quem itinera struxisse rettulimus, Segusione est moenibus proximum manesque eius ratione gemina religiose coluntur, quod iusto moderamine rexerat suos et adscitus in societatem rei Romanae quietem genti praestitit sempiternam.

8. et licet haec, quam diximus viam, media sit et conpendiaria magisque celebris, tamen etiam aliae multo antea temporibus sunt constructae diversis.

9. et primam Thebaeus Hercules ad Geryonem extinguendum, ut relatum est, et Tauriscum lenius gradiens prope maritimas conposuit Alpes, hisque Graiarum indidit nomen; Monoeci similiter arcem et portum ad perennem sui memoriam consecravit. deinde emensis postea saeculis multis hac ex causa sunt Alpes excogitatae Poeninae.

10. superioris Africani pater Publius Cornelius Scipio Saguntinis memorabilibus aerumnis et fide, pertinaci destinatione Afrorum obsessis iturus auxilio in Hispaniam traduxit onustam manu valida classem, sed civitate potiore Marte deleta Hannibalem sequi nequiens triduo ante transito Rhodano ad partes Italiae contendentem navigatione veloci intercurso spatio maris haut

longo degressurum montibus apud Genuam observabat Liguriae oppidum, ut cum eo, si copiam fors dedisset, viarum asperitate fatigato decerneret in planitie.

11. consulens tamen rei communi Cn. Scipionem fratrem ire monuit in Hispanias, ut Hasdrubalem exinde similiter erupturum arceret. quae Hannibal doctus a perfugis, ut erat expeditae mentis et callidae, Taurinis ducentibus accolis per Tricasinos et oram Vocontiorum extremam ad saltus Tricorios venit. indeque exorsus aliud iter antehac insuperabile fecit: excisaque rupe in inmensum elata, quam cremando vi magna flammarum acetoque infuso in solidam solvit, per Druentiam flumen gurgitibus vagis intutum regiones occupavit Etruscas. hactenus super Alpibus. nunc ad restantia veniamus.

XI

1. Temporibus priscis cum laterent hae partes ut barbarae tripertitae fuisse creduntur in Celtas eosdemque Gallos divisae et Aquitanos et Belgas, lingua institutis legibusque discrepantes.

2. et Gallos quidem, qui Celtae sunt, ab Aquitanis Garumna disterminat flumen, a Pyrenaeis oriens collibus postque oppida multa transcursa in oceano delitescens.

3. a Belgis vera eandem gentem Matrona discindit et Sequana, amnes magnitudinis geminae: qui fluentes per Lugdunensem post circumclausum ambitu insulari Parisiorum castellum, Lutetiam nomine, consociatim meantes protinus prope castra Constantia funduntur in mare.

4. horum omnium apud veteres Belgae dicebantur esse fortissimi ea propter, quod ab humaniore cultu longe discreti nec adventiciis effeminati deliciis, diu cum transrhenanis certavere Germanis.

5. Aquitani enim, ad quorum litora ut proxima placidaque merces adventiciae convehuntur, moribus ad mollitiem lapsis facile in dicionem venere Romanam.

6. regebantur autem Galliae omnes iam inde, uti crebritate bellorum urgenti cessere Iulio dictatori, potestate in partes divisa quattuor, quarum Narbonensis una Viennensem intra se continebat et Lugdunensem: altera Aquitanis praeerat universis: superiorem et inferiorem Germaniam Belgasque duae iurisdictiones isdem rexere temporibus.

7. at nunc numerantur provinciae per omnem ambitum Galliarum: secunda Germania, prima ab occidentali exordiens cardine, Agrippina et Tungris munita, civitatibus amplis et copiosis.

8. dein prima Germania, ubi praeter alia municipia Mogontiacus est et Vangiones et Nemetae et Argentoratus barbaricis cladibus nota.

9. post has Belgica prima Mediomatricos praetendit et Treviros domicilium principum clarum.

10. huic adnexa secunda est Belgica, qua Ambiani sunt urbs inter alias eminens et Catelauni et Remi

11. apud Sequanos Bisontios videmus et Rauracos aliis potiores oppidis multis. Lugdunensem primam Lugdunum ornat et Cabillona et Senones et Biturigae et moenium Augustuduni magnitudo vetusta.

12. secundam enim Lugdunensem Rotomagi et Turini Mediolanum ostendunt et Tricasini: Alpes Graiae et Poeninae exceptis obscurioribus... habent et Aventicum, desertam quidem civitatem sed non ignobilem quondam ut aedificia semiruta nunc quoque demonstrant. haec provinciae urbesque

sunt splendidae Galliarum.

13. in Aquitania quae Pyrenaeos montes et eam partem spectat oceani, quae pertinet ad Hispanos, prima provincia est Aquitanica, amplitudine civitatum admodum culta: omissis aliis multis Burdigala et Arverni excellunt et Santones et Pictavi.

14. Novem populos Ausci commendant et Vasatae, in Narbonensi Elusa et Narbona et Tolosa principatum urbium tenent. Viennensis civitatum exsultat decore multarum, quibus potiores sunt Vienna ipsa et Arelate et Valentia: quibus Massilia iungitur, cuius societate et viribus in discriminibus arduis fultam aliquotiens legimus Romam.

15. his prope Salluvii sunt et Nicaea et Antipolis insulaeque Stoechades,

16. et quoniam ad has partes opere contexto pervenimus, silere super Rhodano maximi nominis flumine incongruum est et absurdum. a Poeninis Alpibus effusiore copia fontium Rhodanus fluens et proclivi impetu ad planiora degrediens proprio agmine ripas occultat et paludi sese ingurgitat nomine Lemanno eamque intermeans nusquam aquis miscetur externis sed altrinsecus summitates undae praeterlabens segnioris quaeritans exitus viam sibi impetu veloci molitur.

17. unde sine iactura rerum per Sapaudiam fertur et Sequanos longeque progressus Viennensem latere sinistro perstringit, dextro Lugdunensem et emensus spatia flexuosa Ararim, quem Sauconnam appellant, [inter Germaniam primam fluentem] suum in nomen adsciscit, qui locus exordium est Galliarum. exindeque non millenis passibus sed leugis itinera metiuntur.

18. hinc Rhodanus aquis advenis locupletior vehit grandissimas naves, ventorum difflatu iactari saepius adsuetas finitisque intervallis, quae ei natura praescripsit, spumeus Gallico mari concorporatur per patulum sinum, quem vocant Ad gradus, ab Arelate octavo decimo ferme lapide disparatum. sit satis de situ locorum. nunc figuras et mores hominum designabo.

XII

1. Celsioris staturae et candidi paene Galli sunt omnes et rutili luminumque torvitate terribiles, avidi iurgiorum et sublatius insolentes. nec enim eorum quemquam adhibita uxore rixantem, multo fortiore et glauca, peregrinorum ferre poterit globus, tum maxime cum illa inflata cervice suffrendens ponderansque niveas ulnas et vastas admixtis calcibus emittere coeperit pugnos ut catapultas tortilibus nervis excussas.

2. metuendae voces conplurium et minaces placatorum iuxta et irascentium, tersi tamen pari diligentia cuncti et mundi, nec in tractibus illis maximeque apud Aquitanos poterit aliquis videri vel femina licet perquam pauper ut alibi frustis squalere pannorum.

3. ad militandum omnis aetas aptissima et pari pectoris robore senex ad procinctum ducitur et adultus gelu duratis artubus et labore adsiduo multa contempturus et formidanda. nec eorum aliquando quisquam ut in Italia munus Martium pertimescens pollicem sibi praecidit, quos localiter murcos appellant.

4. vini avidum genus, adfectans ad vini similitudinem multiplices potus et inter eos humiles quidam obtunsis ebrietate continua sensibus, quam furoris voluntariam speciem esse Catoniana sententia definivit, raptantur discursibus vagis, ut verum illud videatur quod ait defendens Fonteium Tullius Gallos post haec dilutius esse poturos quod illi venenum esse arbitrabantur.

5. Hae regiones, praecipue quae confines Italicis, paulatim levi sudore sub imperium venere Romanum primo temptatae per Fulvium, deinde proeliis parvis quassatae per Sextium, ad ultimum per Fabium Maximum domitae. cui negotii plenus effectus asperiore Allobrogum gente devicta hoc indidit cognomentum.

6. nam omnes Gallias, nisi qua paludibus inviae fuere, ut Sallustio docetur auctore, post decennalis belli mutuas clades Sulpicio, Marcello coss. Caesar societati nostrae foederibus iunxit aeternis. evectus sum longius sed remeabo tandem ad coepta.

XIII

1. Domitiano crudeli morte consumpto Musonianus eius successor orientem praetoriani regebat potestate praefecti, facundia sermonis utriusque clarus. unde sublimius quam sperabatur eluxit.

2. Constantinus enim cum limatius superstitionum quaereret sectas, Manichaeorum et similium, nec interpres inveniretur idoneus, hunc sibi commendatum ut sufficientem elegit: quem officio functum perite Musonianum voluit appellari, ante Strategium dictitatum, et ex eo percursis honorum gradibus multis ascendit ad praefecturam, prudens alia tolerabilisque provinciis et mitis et blandus sed ex qualibet occasione maximeque ex controversis litibus, quod nefandum est, et in totum lucrandi aviditate sordescens, ut inter alia multa evidenter apparuit in quaestionibus agitatis super morte Theophili Syriae consularis, proditione Caesaris Galli, impetu plebis promiscuae discerpti, ubi damnatis pauperibus, quos cum haec agerentur, peregre fuisse constabat, auctores diri facinoris exutis patrimoniis absoluti sunt divites.

3. Hunc Prosper adaequabat, pro magistro equitum, agente etiam tum in Galliis, militem regens, abiecte ignavus et, ut ait comicus, arte despecta furtorum rapiens propalam.

4. Quis concordantibus mutuaque commercia vicissim sibi conciliando locupletatis Persici duces vicini fluminibus rege in ultimis terrarum suarum terminis occupato per praedatorios globos nostra vexabant, nunc Armeniam, aliquotiens Mesopotamiam confidentius incursantes Romanis ductoribus ad colligendas oboedientium exuvias occupatis.

LIBER XVI

I

1. Haec per orbem Romanum fatorum ordine contexto versante Caesar apud Viennam in collegium fastorum a consule octiens Augusto adscitus urgente genuino vigore pugnarum fragores caedesque barbaricas somniabat, colligere provinciae fragmenta iam parans, si adfuisset flatu tandem secundo.

2. quia igitur res magnae quas per Gallias virtute felicitateque correxit, multis veterum factis fortibus praestant, singula serie progrediente monstrabo, instrumenta omnia mediocris ingenii, si suffecerint, commoturus.

3. quicquid autem narrabitur, quod non falsitas arguta concinnat, sed fides integra rerum absolvit documentis evidentibus fulta, ad laudativam paene materiam pertinebit.

4. videtur enim lex quaedam vitae melioris hunc iuvenem a nobilibus cunis ad usque spiritum comitata supremum. namque incrementis velocibus ita domi forisque conluxit ut prudentia [Vespasiani filius] Titus alter aestimaretur, bellorum gloriosis cursibus Traiani simillimus, clemens ut Antoninus, rectae perfectaeque rationis indagine congruens Marco, ad cuius aemulationem actus suos effingebat et mores.

5 et quoniam, ut Tulliana docet auctoritas, omnium magnarum artium sicut arborum altitudo nos delectat, radices stirpesque non item, sic praeclarae huius indolis rudimenta tunc multis obnubilantibus tegebantur, quae anteferri gestis eius postea multis et miris hac ratione deberent, quod adulescens primaevus ut Erechtheus in secessu Minervae nutritus ex academiae quietis umbraculis non e militari tabernaculo in pulverem Martium tractus, strata Germania pacatisque rigentis Rheni meatibus, cruenta spirantium regum hic sanguinem fudit, alibi manus catenis adflixit.

II

1. Agens itaque negotiosam hiemem apud oppidum ante dictum inter rumores, qui volitabant adsidui, conperit Augustuduni civitatis antiquae muros spatiosi quidem ambitus sed carie vetustatis invalidos barbarorum impetu repentino insessos, torpente praesentium militum manu veteranos concursatione pervigili defendisse, ut solet abrupta saepe discrimina salutis ultima desperatio propulsare.

2. nihil itaque remittentibus curis, ancillari adulatione posthabita, qua eum proximi ad amoenitatem flectebant et luxum, satis omnibus conparatis octavum kalendas Iulias Augustudunum pervenit velut dux diuturnus viribus eminens et consiliis per diversa palantes barbaros ubi dedisset fors copiam adgressurus.

3. habita itaque deliberatione adsistentibus locorum peritis, quodnam iter eligeretur ut tutum, multa ultro citroque dicebantur aliis per Arbor... quibusdam per Sedelaucum et Coram iri debere firmantibus.

4. sed cum subsererent quidam Silvanum paulo ante magistrum peditum per conpendiosas vias, verum suspectas quia tenebris multis umbrantur, cum octo auxiliarium milibus aegre transisse, fidentius Caesar audaciam viri fortis imitari magnopere nitebatur.

5. et nequa interveniat mora, adhibitis cataphractariis solis et ballistariis parum ad tuendum rectorem idoneis percurso eodem itinere Autosiodorum pervenit.

6. ubi brevi, sicut solebat, otio cum milite recreatus ad Tricasinos tendebat et barbaros in se catervatim ruentes partim, cum timeret ut ampliores, confertis lateribus observabat, alios occupatis habilibus locis decursu facili proterens, non nullos pavore traditos cepit, residuos in curam celeritatis omne quod poterant conferentes, quia sequi non valebat gravitate praepeditus armorum, innocuos abire perpessus est.

7. proinde certiore iam spe ad resistendum ingruentibus confirmatus per multa discrimina venit Tricasas adeo insperatus ut eo portas paene pulsante diffusae multitudinis barbarae metu aditus urbis non sine anxia panderetur ambage.

8. et paulisper moratus dum fatigato consulit militi, civitatem Remos nihil prolatandum existimans petit, ubi in unum congregatum exercitum vehentem mensis cibaria iusserat opperiri praesentiam suam: cui praesidebat Vrsicini

successor Marcellus et ipse Vrsicinus ad usque expeditionis finem agere praeceptus isdem in locis.

9. post variatas itaque sententias plures cum placuisset per Decem pagos Alamannam adgredi plebem, densatis agminibus tendebat illuc solito alacrior miles.

10. et quia dies umectus et decolor vel contiguum eripiebat aspectum, iuvante locorum gnaritate hostes tramite obliquo discurso post Caesaris terga legiones duas arma cogentes adorti paene delessent, ni subito concitus clamor sociorum auxilia coegisset.

11. Hinc [et] deinde nec itinera nec flumina transire posse sine insidiis putans erat providus et cunctator, quod praecipuum bonum in magnis ductoribus opem ferre solet exercitibus et salutem.

12. audiens itaque Argentoratum, Brotomagum, Tabernas, Salisonem, Nemetas et Vangionas et Mogontiacum civitates barbaros possidentes territoria earum habitare nam ipsa oppida ut circumdata retiis busta declinant primam omnium Brotomagum occupavit eique iam adventanti Germanorum manus pugnam intentans occurrit.

13. cumque in bicornem figuram acie divisa conlato pede res agi coepisset exitioque hostes urgerentur ancipiti, captis non nullis, aliis in ipso proelii fervore truncatis residui discessere celeritatis praesidio tecti.

III

1. Nullo itaque post haec repugnante ad recuperandam ire placuit Agrippinam ante Caesaris in Gallias adventum excisam, per quos tractus nec civitas ulla visitur nec castellum nisi quod apud Confluentes, locum ita cognominatum ubi amnis Mosella confunditur Rheno, Rigomagum oppidum est et una prope ipsam Coloniam turris.

2. igitur Agrippinam ingressus non ante motus est exinde, quam Francorum regibus furore mitescente perterritis pacem firmaret rei publicae interim profuturam et urbem reciperet munitissimam.

3. quibus vincendi primitiis laetus per Treveros hiematurus apud Senonas oppidum tunc oportunum abscessit. ubi bellorum inundantium molem umeris suis, quod dicitur, vehens scindebatur in multiplices curas, ut milites qui a solitis descivere praesidiis, reducerentur ad loca suspecta et conspiratas gentes in noxam Romani nominis disiectaret ac provideret, ne alimenta deessent exercitui per varia discursuro.

IV

1. Haec sollicite perpensantem hostilis adgreditur multitudo oppidi capiundi spe in maius accensa, ideo confidentes quod ei nec Scutarios adesse prodentibus perfugis didicerant, nec Gentiles, per municipia distributos ut commodius vescerentur quam antea.

2. clausa ergo urbe murorumque intuta parte firmata ipse cum armatis die noctuque inter propugnacula visebatur et pinnas, ira exundante substridens cum erumpere saepe conatus paucitate praesentis manus impediretur. post tricesimum denique diem abiere barbari tristes inaniter stulteque cogitasse civitatis obsidium mussitantes.

3. at, quod indignitati rerum est adsignandum, periclitanti Caesari distulit suppetias ferre Marcellus magister equitum agens in stationibus proximis,

cum etiam si civitas absque principe vexaretur opposita multitudine malis obsidionalibus expediri deberet.

4. hoc metu solutus efficacissimus Caesar providebat constanti sollicitudine, ut militum diuturno labori quies succederet aliqua licet brevis ad recreandas tamen sufficiens vires, quamquam ultima squalentes inopia terrae saepe vastitatae exigua quaedam victui congrua suggerebant.

5. verum hoc quoque diligentia curato pervigili, adfusa laetiore spe prosperorum, sublato animo ad exsequenda plurima consurgebat.

V

1. Primum igitur factuque difficile temperantiam ipse sibi indixit atque retinuit tamquam adstrictus sumptuariis legibus viveret, quas ex rhetris [Lycurgi id] et axonibus Romam translatas diuque observatas sed senescentes paulatim reparavit Sylla dictator reputans ex praedictis Democriti, quod ambitiosam mensam fortuna, parcam virtus adponit.

2. id enim etiam Tusculanus Cato prudenter definiens, cui Censorii cognomentum castior vitae indidit cultus ɾmagnaЄ inquit ɾcura cibi, magna virtutis incuriaЄ.

3. denique cum legeret libellum adsidue, quem Constantius ut privignum ad studia mittens manu sua conscripserat, praelicenter disponens, quid in convivio Caesaris inpendi deberet: phasianum et vulvam et sumen exigi vetuit et inferri, munificis militis vili et fortuito cibo contentus.

4. Hinc contingebat ut noctes ad officia divideret tripertita, quietis et publicae rei et musarum, quod factitasse Alexandrum legimus Magnum; sed multo hic fortius. ille namque aenea concha supposita brachio extra cubile protento pilam tenebat argenteam, ut cum nervorum vigorem sopor laxasset infusus, gestaminis lapsi tinnitus abrumperet somnum.

5. Iulianus vero absque instrumento quotiens volvit evigilavit et nocte dimidiata semper exsurgens non e plumis vel stragulis sericis ambiguo fulgore nitentibus, sed ex tapete et sisyra, quam vulgaris simplicitas susurnam appellat, occulte Mercurio supplicabat, quem mundi velociorem sensum esse, motum mentium suscitantem theologicae prodidere doctrinae: atque in tanto rerum defectu explorate rei publicae munera curabat.

6. post quae ut ardua et seria terminata ad procudendum ingenium vertebatur, et incredibile, quo quantoque ardore principalium rerum notitiam celsam indagans et quasi pabula quaedam animo ad sublimiora scandenti conquirens per omnia philosophiae membra prudenter disputando currebat.

7. sed tamen cum haec effecte pleneque colligeret, nec humiliora despexit, poeticam mediocriter et rhetoricam amavit ut ostendit orationum epistularumque eius cum gravitate comitas incorrupta et nostrarum externarumque rerum historiam multiformem. super his aderat latine quoque disserendi sufficiens sermo.

8. si itaque verum est, quod scriptores varii memorant, Cyrum regem et Simonidem lyricum et Hippiam Eleum sophistarum acerrimum ideo valuisse memoria, quod epotis quibusdam remediis id impetrarunt, credendum est hunc etiam tum adultum totum memoriae dolium, si usquam reperiri potuit, exhausisse. et haec quidem pudicitiae virtutumque sunt signa nocturna.

9. Diebus vero quae ornate dixerit et facete, quaeve in apparatu vel in ipsis egerit congressibus proeliorum, aut in re civili magnanimitate correxerit et liberalitate, suo quaeque loco demonstrabuntur. IO. cum exercere proludia

disciplinae castrensis philosophus cogeretur ut princeps, artemque modulatius incedendi per pyrricham concinentibus disceret fistulis, vetus illud proverbium ґ clitellae bovi sunt inpositae: plane non est nostrum onusЄ Platonem crebro nominans exclamabat.

11. inductis quadam sollemnitate agentibus in rebus in consistorium ut aurum acciperent, inter alios quidam ex eorum consortio, non ut moris est pansa chlamyde sed utraque manu cavata suscepit. et imperator ґrapereЄ inquit ґnon accipere sciunt agentes in rebusЄ.

12. aditus a parentibus virginis raptae, eum qui violarat convictum relegari decrevit. hisque indigna pati querentibus, quod non sit morte multatus, responderat hactenus ґincusent iura clementiam, sed imperatorem mitissimi animi legibus praestare severis decetЄ.

13. egressurum eum ad expeditionem plures interpellabant ut laesi, quos audiendos provinciarum rectoribus commendabat: et reversus, quid egerint singuli quaerens, delictorum vindictas genuina lenitudine mitigabat.

14. ad ultimum exceptis victoriis, per quas vastantes saepe incolumi contumacia barbaros fudit, quod profuerit anhelantibus extrema penuria Gallis, hinc maxime claret, quod primitus partes eas ingressus pro capitibus singulis tributi nomine vicenos quinos aureos repperit flagitari, discedens vero septenos tantum munera universa conplentes: ob quae tamquam solem sibi serenum post squalentes tenebras adfulsisse cum alacritate et tripudiis laetabantur.

15. denique id eum ad usque imperii finem et vitae scimus utiliter observasse, ne per indulgentias quas appellant tributariae rei concederet reliqua. norat enim hoc facto se aliquid locupletibus additurum, cum constet ubique pauperes inter ipsa indictorum exordia solvere universa sine laxamento conpelli.

16. Inter has tamen regendi moderandique vias bonis principibus aemulandas barbarica rabies exarserat in maius. I

17. utque bestiae custodum neglegentia raptu vivere solitae ne his quidem remotis adpositisque fortioribus abscesserunt, sed tumescentes inedia sine respectu salutis armenta vel greges incursant, ita etiam illi cunctis quae diripuere consumptis fame urgente agebant aliquotiens praedas; interdum antequam contingerent aliquid, oppetebant.

VI

1. Haec per eum annum spe dubia, eventu tamen secundo per Gallias agebantur. in comitatu vero Augusti circumlatrabat Arbetionem invidia velut summa mox adepturum decora cultus imperatorii praestruxisse, instabatque ei strepens inmania comes Verissimus nomine arguens coram, quod a gregario ad magnum militiae culmen evectus hoc quoque non tentus ut parvo locum adpeteret principalem.

2. sed specialiter eum insectabatur Dorus quidam ex medico Scutariorum, quem nitentium rerum centurionem sub Magnentio Romae provectum rettulimus accusasse Adelphium urbi praefectum ut altiora coeptantem.

3. cumque res in inquisitionem veniret necessariisque negotio tentis obiectorum probatio speraretur tamquam per saturam subito cubiculariis suffragantibus, ut loquebatur pertinax rumor, et vinculis sunt exutae personae quae stringebantur ut consciae et Dorus evanuit et Verissimus ilico tacuit velut aulaeo deposito scenae.

VII

1. Isdem diebus adlapso rumore Constantius doctus obsesso apud Senonas Caesari auxilium non tulisse Marcellum, eum sacramento solutum abire iussit in larem. qui tamquam iniuria gravi perculsus quaedam in Iulianum moliebatur auribus Augusti confisus in omne patentibus crimen.

2. ideoque cum discederet, Eutherius praepositus cubiculi mittitur statim post eum siquid finxerit convicturus. verum ille hoc nesciens mox venit Mediolanum strepens et tumultuans, ut erat vanidicus et amenti propior, admissus in consistorium Iulianum ut procacem insimulat, iamque ad evagandum altius validiores sibi pinnas aptare: ita enim cum motu quodam corporis loquebatur ingenti.

3. haec eo fingente licentius Eutherius ut postulavit inductus iussusque loqui quod vellet, verecunde et modice docet velari veritatem mendaciis. magistro enim armorum, ut credebatur, cessante consulto industria vigili Caesarem obsessum apud Senonas diu barbaros reppulisse apparitoremque fidum auctori suo quoad vixerit fore obligata cervice sua spondebat.

4. Res monuit super hoc eodem Eutherio pauca subserere forsitan non credenda ea re, quod, si Numa Pompilius vel Socrates bona quaedam dicerent de spadone dictisque religionum adderent fidem, a veritate descivisse arguebantur. sed inter vepres rosae nascuntur et inter feras non nullae mitescunt. itaque carptim eius praecipua, quae sunt conperta, monstrabo.

5. natus in Armenia sanguine libero captusque a finitimis hostibus etiam tum parvulus abstractis geminis Romanis mercatoribus venundatus ad palatium Constantini deducitur: ubi paulatim adulescens rationem recte vivendi sollertiamque ostendebat, litteris quantum tali fortunae satis esse poterat eruditus, cogitandi inveniendique dubia et scrupulosa acumine nimio praestans, inmensum quantum memoria vigens, benefaciendi avidus plenusque iusti consilii, quem si Constans imperator olim ex adulto... iamque maturum audiret honesta suadentem et recta, nulla vel venia certe digna peccasset.

6. is praepositus cubiculi etiam Iulianum aliquotiens corrigebat Asiaticis coalitum moribus ideoque levem. denique digressus ad otium adscitusque postea in palatium semper sobrius et in primis consistens ita fidem continentiamque virtutes coluit amplas, ut nec prodidisse aliquando arcanum, nisi tuendae causa alienae salutis, nec exarsisse cupidine plus habendi arcesseretur ut ceteri.

7. unde factum est, ut subinde Romam secedens ibique fixo domicilio consenescens, comitem circumferens conscientiam bonam colatur a cunctis ordinibus et ametur, cum soleant id genus homines post partas ex iniquitate divitias latebras captare secretas, ut lucifugae vitantes multitudinis laesae conspectus.

8. cui spadonum veterum hunc conparare debeam antiquitates replicando conplures invenire non potui. fuerunt enim apud veteres licet oppido pauci fideles et frugi sed ob quaedam vitia maculosi. inter praecipua enim, quae eorum quisque studio possederat vel ingenio, aut rapax aut feritate contentior fuit aut propensior ad laedendum, vel clientibus nimium blandus, aut potentiae fastu superbior: ex omni latere autem ita perfectum neque legisse me neque audisse confiteor, aetatis nostrae testimonio locupleti confisus.

9. verum si forte scrupulosus quidam lector antiquitatum Menophilum

Mithridatis Pontici regis eunuchum nobis opponat, hoc monitu recordetur nihil super eo relatum praeter id solum, quod in supremo discrimine gloriose monstravit.

10. ingenti proelio superatus a Romanis et Pompeio rex praedictus fugiensque ad regna Colchorum adultam filiam nomine Drypetinam vexatam asperitate morborum in castello Sinhorio huic Menophilo commissam reliquit. qui virginem omni remediorum solacio plene curatam patri tutissime servans cum a Manlio Prisco imperatoris legato munimentum, quo claudebatur, obsideri coepisset defensoresque eius deditionem meditari sentiret, veritus, ne parentis opprobrio puella nobilis captiva superesset et violata, interfecta illa mox gladium in viscera sua conpegit. nunc redeam unde diverti.

VIII

1. Superato ut dixi Marcello reversoque Serdicam, unde oriebatur, in castris Augusti per simulationem tuendae maiestatis imperatoriae multa et nefanda perpetrabantur.

2. nam siquis super occentu soricis vel occursu mustelae vel similis signi gratia consuluisset quemquam peritum, aut anile incantamentum ad leniendum adhibuisset dolorem quod medicinae quoque admittit auctoritas reus, unde non poterat opinari, delatus raptusque in iudicium poenaliter interibat.

3. Per id tempus fere servum quendam nomine Danum terrore tenus uxor rerum levium incusarat certum an incertum; unde insontem Rufinus subsidebat quo indicante quaedam cognita per Gaudentium agentem in rebus, consularem Pannoniae tunc Africanum, cum convivis rettulimus interfectum apparitionis praefecturae praetorianae tum etiam princeps ob devotionem.

4. is, ut loquebatur iactantius, versabilem feminam post nefandum concubitum in periculosam fraudem inlexit: suasit consarcinatis mendaciis laesae maiestatis arcessere maritum insontem et fingere quod velamen purpureum a Diocletiani sepulcro furatus quibusdam consciis occultabat.

5. hisque ad multorum exitium ita formatis ipse spe potiorum ad imperatoris pervolat castra excitaturus calumnias consuetas. reque conperta iubetur Mavortius tunc praefectus praetorio, vir sublimis constantiae crimen acri inquisitione spectare iuncto ad audiendi societatem Vrsulo largitionum comite, severitatis itidem non inprobandae.

6. exaggerato itaque negotio ad arbitrium temporum cum nihil post tormenta multorum inveniretur iudicesque haererent ambigui, tandem veritas respiravit oppressa et in abrupto necessitatis mulier Rufinum totius machinae confitetur auctorem, nec adulterii foeditate suppressa: statimque legibus contemplatis, prout poscebat ordo et iustitia ambos sententia damnavere letali.

7. quo cognito Constantius fremens et tamquam vindicem salutis suae lugens extinctum missis equitibus citis Vrsulum redire ad comitatum minaciter iussit ac sistere veritati, sed ille spretis, qui prohibebant, perrupit intrepidus ingressusque consistorium ore et pectore libero docuit gesta: hacque fiducia linguis adulatorum occlusis et praefectum et se discrimine gravi subtraxit.

8. Tunc illud apud Aquitanos evenit, quod latior fama vulgarat. veterator quidam ad lautum convivium rogatus et mundum, qualia sunt in his regionibus plurima, cum vidisset linteorum toralium par, duos clavos ita latissimos ut sibi vicissim arte ministrantium cohaererent, mensamque operimentis paribus

tectam, anteriorem chlamydis partem utraque manu vehens intrinsecus structuram omnem ut amictus adornaverat principales: quae res patrimonium dives evertit.

9. Malignitate simili quidam agens in rebus in Hispania ad cenam itidem invitatus cum inferentes vespertina lumina pueros exclamasse audisset ex usu ґvincamusЄ, verbum sollemne interpretatum atrociter, delevit nobilem domum.

10. Haec taliaque ideo magis magisque crescebant, quod Constantius inpendio timidus semper se feriri sperabat, ut Dionysius tyrannus ille Siciliae, qui ob hoc idem vitium et tonstrices docuit filias, necui alieno ora committeret leviganda, aedemque brevem, ubi cubitare sueverat, alta circumdedit fossa eamque ponte solubili superstravit, cuius disiectos asseres et axiculos secum in somnum abiens transferebat eosdemque conpaginabat lucis initio processurus.

11. inflabant itidem has malorum civilium bucinas potentes in regia ea re, ut damnatorum petita bona suis adcorporarent essetque materia per vicinitates eorum late grassandi.

12. namque ut documenta liquida prodiderunt, proximorum fauces aperuit primus omnium Constantinus, sed eos medullis provinciarum saginavit Constantius.

13. sub hoc enim ordinum singulorum auctores infinita cupidine divitiarum arserunt sine iustitiae distinctione vel recti, inter ordinarios iudices Rufinus primus praefectus praetorio, et inter militares equitum magister Arbetio, praepositusque cubiculi... anus quaestor, et in urbe Anicii, quorum ad avorum aemulationem posteritas tendens satiari numquam potuit cum possessione multo maiore.

IX

1. At Persae in oriente per furta et latrocinia potius quam, ut solebant antea, per concursatorias pugnas hominum praedas agitabant et pecorum, quis non numquam lucrabantur ut repentini, aliquotiens superati multitudine militum amittebant, interdum nihil prospicere prorsus quod poterat rapi permittebantur.

2. Musonianus tamen praefectus praИtorio multis, ut ante diximus, bonis artibus eruditus, sed venalis et flecti a veritate pecunia facilis per emissarios quosdam fallendi perstringendique gnaros Persarum scitabatur consilia adsumpto in deliberationes huius modi Cassiano Mesopotamiae duce, stipendiis et discriminibus indurato diversis.

3. qui cum fide concinente speculatorum aperte cognossent Saporem 3 in extremis regni limitibus suorum sanguine fuso multiplici aegre propulsare gentes infestas, Tamsaporem ducem parti nostrae contiguum occultis per ignotos milites temptavere conloquiis, ut si copiam fors dedisset, suaderet regi per litteras pacem tandem aliquando cum principe Romano firmare, ut hoc facto latere ab omni securus perduelles advolaret adsiduos.

4. paruit Tamsapor hisque fretus refert ad regem, quod bellis acerrimis Constantius inplicatus pacem postulat precativam. dumque ad Chionitas et Eusenos haec scripta mittuntur, in quorum confiniis agebat hiemem Sapor, tempus interstitit longum.

X

1. Haec dum per Eoas partes et Gallias pro captu temporum disponuntur, Constantius quasi recluso Iani templo stratisque hostibus cunctis Romam visere gestiebat post Magnenti exitium absque nomine ex sanguine Romano triumphaturus.

2. nec enim gentem ullam bella cientem per se superavit, aut victam fortitudine suorum conperit ducum, vel addidit quaedam imperio, aut usquam in necessitatibus summis primus vel inter primos est visus, sed ut pompam nimis extentam rigentiaque auro vexilla et pulchritudinem stipatorum ostenderet agenti tranquillius populo haec vel simile quicquam videre nec speranti umquam nec optanti:

3. ignorans fortasse quosdam veterum principum in pace quidem lictoribus fuisse contentos, ubi vero proeliorum ardor nihil perpeti poterat segne, alium anhelante rabido flatu ventorum lenunculo se commisisse piscantis 2, alium ad Deciorum exempla vovisse pro re publica spiritum 3, alium hostilia castra per semet ipsum cum militibus infimis explorasse 4, diversos denique actibus inclaruisse magnificis, ut glorias suas posteritati celebri memoria commendarent.

4. Vt igitur multa quaeque consumpta sunt in apparatu regio, pro meritis cuilibet munera reddita, secunda Orfiti praefectura, transcurso Ocriculo, elatus honoribus magnis stipatusque agminibus formidandis tamquam acie ducebatur instructa, omnium oculis in eo contuitu pertinaci intentis.

5. cumque urbi propinquaret, senatus officia reverendasque patriciae stirpis effigies ore sereno contemplans non ut Cineas ille Pyrri legatus in unum coactam multitudinem regum sed asylum mundi totius adesse existimabat.

6. unde cum se vertisset ad plebem, stupebat, qua celeritate omne quod ubique est hominum genus confluxerit Romam. et tamquam Euphratem armorum specie territurus aut Rhenum altrinsecus praeeuntibus signis insidebat aureo solus ipse carpento fulgenti claritudine lapidum variorum, quo micante lux quaedam misceri videbatur alterna.

7. eumque post antegressos multiplices alios purpureis subtegminibus texti circumdedere dracones hastarum aureis gemmatisque summitatibus inligati, hiatu vasto perflabiles et ideo velut ira perciti sibilantes caudarumque volumina relinquentes in ventum.

8. et incedebat hinc inde ordo geminus armatorum clipeatus atque cristatus corusco lumine radians, nitidis loricis indutus, sparsique cataphracti equites, quos clibanarios dictitant, [personati] thoracum muniti tegminibus et limbis ferreis cincti, ut Praxitelis manu polita crederes simulacra, non viros: quos lamminarum circuli tenues apti corporis flexibus ambiebant per omnia membra diducti ut, quocumque artus necessitas commovisset, vestitus congrueret iunctura cohaerenter aptata.

9. Augustus itaque faustis vocibus appellatus minime vocum lituorumque intonante fragore cohorruit, talem se tamque immobilem, qualis in provinciis suis visebatur, ostendens.

10. nam et corpus perhumile curvabat portas ingrediens celsas, et velut collo munito rectam aciem luminum tendens nec dextra vultum nec laeva flectebat tamquam figmentum hominis: non cum rota concuteret nutans, nec spuens aut os aut nasum tergens vel fricans, manumve agitans visus est umquam.

10. quae licet adfectabat, erant tamen haec et alia quaedam in citeriore vita patientiae non mediocris indicia, ut existimari dabatur, uni illi concessae.

12. quod autem per omne tempus imperii nec in consessum vehiculi quemquam suscepit, nec in trabea socium privatum adscivit, ut fecere principes consecrati, et similia multa, quae elatus in arduum supercilium tamquam leges aequissimas observavit, praetereo memor ea me rettulisse cum incidissent.

13. Proinde Romam ingressus imperii virtutumque omnium larem, cum venisset ad rostra, perspectissimum priscae potentiae forum, obstupuit perque omne latus quo se oculi contulissent miraculorum densitate praestrictus, adlocutus nobilitatem in curia populumque e tribunali, in palatium receptus favore multiplici, laetitia fruebatur optata, et saepe, cum equestres ederet ludos, dicacitate plebis oblectabatur nec superbae nec a libertate coalita desciscentis, reverenter modum ipse quoque debitum servans.

14. non enim, ut per civitates alias, ad arbitrium suum certamina finiri patiebatur, sed ut mos est variis casibus permittebat. deinde intra septem montium culmina per adclivitates planitiemque posita urbis membra conlustrans et suburbana, quicquid viderat primum, id eminere inter alia cuncta sperabat: Iovis Tarpei delubra, quantum terrenis divina praecellunt: lavacra in modum provinciarum exstructa: amphitheatri molem solidatam lapidis Tiburtini compage, ad cuius summitatem aegre visio humana conscendit: Pantheum velut regionem teretem speciosa celsitudine fornicatam: elatosque vertices scansili suggestu consulum et priorum principum imitamenta portantes, et Vrbis templum forumque Pacis et Pompei theatrum et Odeum et Stadium aliaque inter haec decora urbis aeternae.

15. verum cum ad Traiani forum venisset, singularem sub omni caelo structuram, ut opinamur, etiam numinum adsensione mirabilem, haerebat adtonitus per giganteos contextus circumferens mentem nec relatu effabiles nec rursus mortalibus adpetendos. omni itaque spe huius modi quicquam conandi depulsa Traiani equum solum locatum in atrii medio, qui ipsum principem vehit, imitari se velle dicebat et posse.

16. Cui prope adstans regalis Ormizda, cuius e Perside discessum supra monstravimus, respondit astu gentili ɼanteЄ inquit ɼimperator stabulum tale condi iubeto, si vales: equus, quem fabricare disponis, ita late succedat, ut iste quem videmus Є. is ipse interrogatus quid de Roma sentiret, id tantum sibi placuisse aiebat, quod didicisset ibi quoque homines mori.

17. multis igitur cum stupore visis horrendo imperator in fama querebatur ut invalida vel maligna, quod augens omnia semper in maius erga haec explicanda quae Romae sunt obsolescit: deliberansque diu quid ageret, urbis addere statuit ornamentis, ut in maximo circo erigeret obeliscum, cuius originem formamque loco conpetenti monstrabo.

18. Inter haec Helenae sorori Constanti, Iuliani coniugi Caesaris, Romam adfectionis specie ductae regina tunc insidiabatur Eusebia, ipsa quoad vixerat sterilis, quaesitumque venenum bibere per fraudem inlexit, ut quotienscumque concepisset, immaturum abiceret partum.

19. nam et pridem in Galliis, cum marem genuisset infantem, hoc perdidit dolo, quod obstetrix corrupta mercede mox natum praesecto plus quam convenerat umbilico necavit: tanta tamque diligens opera navabatur, ne fortissimi viri soboles appareret.

20. Cupiens itaque augustissima omnium sede morari diutius imperator, ut otio puriore frueretur et voluptate, adsiduis nuntiis terrebatur et certis,

indicantibus Suebos Raetias incursare, Quadosque Valeriam, et Sarmatas latrocinandi peritissimum genus superiorem Moesiam et secundam populari Pannoniam: quibus percitus tricensimo post quam ingressus est die quartum kal. Iunias ab urbe profectus per Tridentum iter in Illyricum festinavit.

21. unde misso in locum Marcelli Severo bellorum usu et maturitate firmato Vrsicinum ad se venire praecepit. et ille litteris gratanter acceptis Sirmium venit comitantibus sociis libratisque diu super pace consiliis, quam fundari posse cum Persis Musonianus rettulerat, in orientem cum magisterii remittitur potestate; provectis e consortio nostro ad regendos milites natu maioribus, adulescentes eum sequi iubemur, quicquid pro re publica mandaverit impleturi.

XI

1. At Caesar exacta apud Senonas hieme turbulenta, Augusto novies seque iterum consulibus Germanicis undique circumfrementibus minis, secundis ominibus motus Remos properavit alacrior magisque laetus, quod exercitum regebat Severus nec discors nec adrogans, sed longa militiae frugalitate conpertus et eum recta praeeuntem secuturus ut ductorem morigerus miles.

2. parte alia Barbatio post Silvani interitum promotus ad peditum magisterium ex Italia iussu principis cum XXV milibus armatorum Rauracos venit.

3. cogitatum est enim solliciteque praestructum, ut saevientes ultra solitum Alamanni vagantesque fusius multitudine geminata nostrorum forcipis specie trusi in angustias caederentur.

4. dum haec tamen rite disposita celerantur, Laeti barbari ad tempestiva furta sollertes inter utriusque exercitus castra occulte transgressi invasere Lugdunum incautam, eamque populatam vi subita concremassent, ni clausis aditibus repercussi quicquid extra oppidum potuit inveniri vastassent.

5. qua clade cognita agili studio Caesar missis cuneis tribus equitum expeditorum et fortium tria observavit itinera sciens per ea erupturos procul dubio grassatores: nec conatus inritus fuit.

6. cunctis enim qui per eos tramites exiere truncatis receptaque praeda omni intacta, hi soli innoxii absoluti sunt, qui per vallum Barbationis transiere securi, ideo labi permissi, quod Bainobaudes tribunus et Valentinianus postea imperator cum equestribus turmis quas regebant ad exsequendum id ordinati a Cella tribuno Scutariorum, qui Barbationi sociatus venerat ad procinctum, iter observare sunt vetiti, unde redituros didicere Germanos.

7. quo non contentus magister peditum ignavus et gloriarum Iuliani pervicax obtrectator sciens se id contra utilitatem Romanam iussisse hoc enim cum argueretur, Cella confessus est relatione fefellit Constantium finxitque hos eosdem tribunos ad sollicitandos milites quos duxerat per speciem venisse negotii publici: qua causa abrogata potestate ad lares rediere privati.

8. Isdem diebus exercituum adventu perterriti barbari, qui domicilia fixere cis Rhenum, partim difficiles vias et suapte natura clivosas concaedibus clausere sollerter, arboribus inmensi roboris caesis: alii occupatis insulis sparsis crebro per flumen Rhenum ululantes lugubre conviciis et Romanos incessebant et Caesarem: qui graviore motu animi percitus ad corripiendos aliquos, septem a Barbatione petierat naves ex his, quas velut transiturus amnem ad conpaginandos paraverat pontes: qui, nequid per eum

impetraretur, omnes incendit.

9. doctus denique exploratorum delatione recens captorum aestate iam torrida fluvium vado posse transiri, hortatus auxiliares velites cum Bainobaude Cornutorum tribuno misit, facinus memorabile si iuvisset fors patraturos, qui nunc incedendo per brevia aliquotiens scutis in modum alveorum subpositis nando ad insulam venere propinquam egressique promiscue virile et muliebre secus sine aetatis ullo discrimine trucidabant ut pecudes, nanctique vacuas lintres per eas licet vacillantes evecti huius modi loca plurima perruperunt et, ubi caedendi satietas cepit, opimitate praedarum onusti, cuius partem vi fluminis amiserunt, rediere omnes incolumes.

10. hocque conperto residui Germani, ut infido praesidio insularum relicto, ad ulteriora necessitudines et fruges opesque barbaricas contulerunt.

11. conversus hinc Iulianus ad reparandas Tres tabernas, munimentum ita cognominatum, haut ita dudum obstinatione subversum hostili quo aedificato constabat ad intima Galliarum, ut consueverant, adire Germanos arceri et opus spe celerius consummavit et victum defensoribus ibi locandis ex barbaricis messibus non sine discriminis metu collectum militis manu condidit ad usus anni totius.

12. nec sane hoc solo contentus sibi quoque viginti dierum alimenta parata collegit. libentius enim bellatores quaesito dexteris propriis utebantur admodum indignati, quoniam ex commeatu, qui eis recens advectus est, ideo nihil sumere potuerunt quod partem eius Barbatio, cum transiret iuxta, superbe praesumpsit: residuum quod superfuit congestum in acervum exussit, quae utrum ut vanus gerebat et demens, an mandatu principis confidenter nefanda multa temptabat usque in id temporis latuit.

13. Illud tamen rumore tenus ubique iactabatur quod Iulianus non levaturus incommoda Galliarum electus est, sed ut possit per bella deleri saevissima, rudis etiam tum ut existimabatur et ne sonitum quidem duraturus armorum.

14. Dum castrorum opera mature consurgunt militisque pars stationes praetendit agrarias, alia frumenta insidiarum metu colligit caute, multitudo barbarica rumorem nimia velocitate praeversa Barbationem cum exercitu quem regebat, ut praedictum est, Gallico vallo discretum impetu repentino adgressa sequensque fugientes ad usque Rauracos et ultra quoad potuit, rapta sarcinarum et iumentorum cum calonibus parte maxima redit ad suos.

15. et ille tamquam expeditione eventu prospero terminata milite disperso per stationes hibernas ad comitatum imperatoris revertit crimen conpositurus in Caesarem ut solebat.

XII

1. Quo dispalato foedo terrore Alamannorum reges Chonodomarius et Vestralpus, Vrius quin etiam et Vrsicinus cum Serapione et Suomario et Hortario in unum robore virium suarum omni collecto consedere prope urbem Argentoratum, extrema metuentem Caesarem arbitrati retrocessisse cum ille tum etiam perficiendi munimenti studio stringeretur.

2. erexit autem confidentiam caput altius adtollentem Scutarius perfuga, qui commissi criminis metuens poenam transgressus ad eos post ducis fugati discessum armatorum tredecim milia tantum remansisse cum Iuliano docebat is enim numerus eum sequebatur barbara feritate certaminum rabiem undique concitante.

3. cuius adseveratione eadem subinde replicantis ad maiora stimulati fiducia missis legatis satis pro imperio Caesari mandaverunt ut terris abscederet virtute sibi quaesitis et ferro: qui ignarus pavendi nec ira nec dolore perculsus sed fastus barbaricos ridens tentis legatis ad usque perfectum opus castrorum in eodem gradu constantiae stetit inmobilis.

4. Agitabat autem miscebatque omnia sine modo ubique sese diffunditans et princeps audendi periculosa rex Chonodomarius ardua subrigens supercilia ut saepe secundis rebus elatus

5. nam et Decentium Caesarem superavit aequo Marte congressus et civitates erutas multas vastavit et opulentas licentiusque diu nullo refragante Gallias persultavit. ad cuius roborandam fiduciam recens quoque fuga ducis accessit numero praestantis et viribus.

6. Alamanni enim scutorum insignia contuentes norant eos milites permisisse paucis suorum latronibus terram, quorum metu aliquotiens, cum gradum conferrent, amissis pluribus abiere dispersi. quae anxie ferebat sollicitus Caesar quod trudente ipsa necessitate digresso periculis cum paucis licet fortibus, populosis gentibus occurrere cogebatur.

7. Iamque solis radiis rutilantibus tubarumque concinente clangore pedestres copiae lentis incessibus educuntur earumque lateri equestres iunctae sunt turmae, inter quas cataphractarii erant et sagittarii, formidabile genus armorum.

8. et quoniam a loco, unde Romana promota sunt signa, ad usque vallum barbaricum quarta leuga signabatur et decima id est unum et viginti milia passuum, utilitati securitatique recte consulens Caesar revocatis praecursatoribus iam antegressis indictaque solitis vocibus quiete cuneatim circumsistentes adloquitur genuina placiditate sermonis:

9. ґVrget ratio salutis tuendae communis ut parcissime dicam non iacentis animi Caesarem hortari vos et orare, conmilitones mei, ut adulta robustaque virtute confisi cautiorem viam potius eligamus ad toleranda vel ad depellenda quae sperantur, non praeproperam et ancipitem.

10. ut enim in periculis iuventutem inpigram esse convenit et audacem, ita cum res postulat, regibilem et consultam. quid igitur censeo, si arbitrium adfuerit vestrum, iustaque sustinet indignatio, paucis absolvam.

11. iam dies in meridiem vergit, lassitudine nos itineris fatigatos scrupulosi tramites excipient et obscuri, nox senescente luna nullis sideribus adiuvanda, terrae protinus aestu flagrantes nullis aquarum subsidiis fultae: quae si dederit quisquam commode posse transiri, ruentibus hostium examinibus post otium cibique refectionem et potus, quid nos agimus? quo vigore inedia siti laboreque membris marcentibus occurramus?

12. ergo quoniam negotiis difficillimis saepe dispositio tempestiva prospexit et statum nutantium rerum recto consilio in bonam partem accepto aliquotiens divina remedia repararunt, hic quaeso vallo fossaque circumdati divisis vigiliis quiescamus somnoque et victu congruis potiti pro tempore, pace dei sit dictum, triumphaturas aquilas et vexilla victricia primo lucis moveamus exordioЄ.

13. Nec finiri perpessi quae dicebantur, stridore dentium infrendentes ardoremque pugnandi hastis inlidendo scuta monstrantes, in hostem se duci iam conspicuum exorabant, caelestis dei favore fiduciaque sui et fortunati rectoris expertis virtutibus freti, atque, ut exitus docuit, salutaris quidam genius praesens ad dimicandum eos, dum adesse potuit, incitabat. I4. accessit huic alacritati plenus celsarum potestatum adsensus maximeque Florentii praefecti praetorio, periculose quidem sed ratione secunda pugnandum esse

censentis dum instarent barbari conglobati, qui si diffluxissent, motum militis in seditiones nativo calore propensioris ferri non posse aiebat, extortam sibi victoriam, ut putavit, non sine ultimorum conatu graviter toleraturi.

15. addiderat autem fiduciam nostris consideratio gemina recordantibus quod anno nuper emenso Romanis per transrhenana spatia fusius volitantibus nec visus est quisquam laris sui defensor nec obvius stetit sed concaede arborum densa undique semitis clausis sidere urente brumali aegre vixere barbari longius amendati, quodque imperatore terras eorum ingresso nec resistere ausi nec apparere pacem impetraverunt suppliciter obsecrantes.

16. sed nullus mutatam rationem temporis aduertebat quod tunc tripertito exitio premebantur imperatore urgente per Raetias, Caesare proximo nusquam elabi permittente, finitimis, quos hostes fecere discordiae, modo non occipitia conculcantibus hinc indeque cinctorum. postea vero pace data discesserat imperator et sedata iurgiorum materia vicinae gentes iam concordabant et turpissimus ducis Romani digressus ferociam natura conceptam auxit in maius.

17. alio itidem modo res est adgravata Romana ex negotio tali. regii duo fratres vinculo pacis adstricti, quam anno praeterito impetraverant a Constantio, nec tumultuare nec commoveri sunt ausi. sed paulo postea uno ex his Gundomado, qui potior erat fideique firmioris, per insidias interempto omnis eius populus cum nostris hostibus conspiravit et confestim Vadomarii plebs ipso invito, ut adserebat agminibus bella cientium barbarorum sese coniunxit.

18. Cunctis igitur summis infimisque adprobantibus tunc oportune congrediendum nec de rigore animorum quicquam remittentibus exclamavit subito signifer ⸢perge, felicissime omnium Caesar, quo te fortuna prosperior ducit: tandem per te virtutem et consilia militare sentimus. i praevius ut faustus antesignanus et fortis: experieris, quid miles sub conspectu bellicosi ductoris testisque individui gerendorum, modo adsit superum numen, viribus efficiet excitatisЄ.

19. his auditis cum nullae laxarentur indutiae, promotus exercitus prope collem advenit molliter editum, opertum segetibus iam maturis, a superciliis Rheni haut longo intervallo distantem: e cuius summitate speculatores hostium tres equites exciti subito nuntiaturi Romanum exercitum adventare festinarunt ad suos, unus vero pedes, qui sequi non potuit, captus agilitate nostrorum indicavit per triduum et trinoctium flumen transisse Germanos.

20. quos cum iam prope densantes semet in cuneos nostrorum conspexere ductores, steterunt vestigiis fixis, antepilanis hastatisque et ordinum primis velut insolubili muro fundatis et pari cautela hostes stetere cuneati.

21. cumque ita ut ante dictus docuerat perfuga, equitatum omnem a dextro latere sibi vidissent oppositum, quicquid apud eos per equestres copias praepollebat, in laevo cornu locavere confertum. isdemque sparsim pedites miscuere discursatores et leves profecto ratione tuta poscente.

22. norant enim licet prudentem ex equo bellatorem cum clibanario nostro congressum frena retinentem et scutum, hasta una manu vibrata, tegminibus ferreis abscondito bellatori nocere non posse, peditem vero inter ipsos discriminum vertices, cum nihil caveri solet praeter id quod occurrit, humi occulte reptantem latere forato iumenti incautum rectorem praecipitem agere levi negotio trucidandum.

23. hoc itaque disposito dextrum sui latus struxere clandestinis insidiis et obscuris. ductabant autem populos omnes pugnaces et saevos Chonodomarius

et Serapio potestate excelsiores ante alios reges.

24. et Chonodomarius quidem nefarius belli totius incentor, cuius vertici flammeus torulus aptabatur, anteibat cornu sinistrum audax et fidens ingenti robore lacertorum, ubi ardor proelii sperabatur inmanis, equo spumante sublimior, erectus in iaculum formidandae vastitatis armorumque nitore conspicuus, antea strenuus et miles et utilis praeter ceteros ductor.

25. latus vero dextrum Serapio agebat etiam tum adultae lanuginis iuvenis, efficacia praecurrens aetatem: Mederichi fratris Chonodomarii filius, hominis quoad vixerat perfidissimi: ideo sic appellatus, quod pater eius diu obsidatus pignore tentus in Galliis doctusque Graeca quaedam arcana hunc filium suum Agenarichum genitali vocabulo dictitatum ad Serapionis transtulit nomen. 26. hos sequebantur potestate proximi reges mumero quinque regalesque decem et optimatum series magna armatorumque milia triginta et quinque, ex variis nationibus partim mercede, partim pacto vicissitudinis reddendae quaesita.

27. Iamque torvum concrepantibus tubis Severus dux Romanorum aciem dirigens laevam cum prope fossas armatorum refertas venisset, unde dispositum erat ut abditi repente exorti cuncta turbarent, stetit inpavidus suspectiorque de obscuris nec referre gradum nec ulterius ire temptavit.

28. quo viso animosus contra labores maximos Caesar ducentis equitibus saeptus, ut ardor negotii flagitabat, agmina peditum impetu veloci discurrens verbis hortabatur.

29 et quoniam adloqui pariter omnes nec longitudo spatiorum extenta nec in unum coactae multitudinis permitteret crebritas et alioqui vitabat gravioris invidiae pondus ne videretur id adfectasse quod soli sibi deberi Augustus existimabat cautior sui hostium tela praetervolans his et similibus notos pariter et ignotos ad faciendum fortiter accendebat:

30. ɼadvenit, o socii, iustum pugnandi iam tempus olim exoptatum mihi vobiscum, quod antehac arcessentes, arma inquietis motibus poscebatisЄ.

31. item cum ad alios postsignanos in acie locatos extrema venisset ɼenЄ inquit ɼconmilitones, diu speratus praesto est dies conpellens nos omnes elutis pristinis maculis Romanae maiestati reddere proprium decus. hi sunt barbari, quos rabies et inmodicus furor ad perniciem rerum suarum coegit occurrere nostris viribus opprimendos Є.

32. alios itidem bellandi usu diutino callentes aptius ordinans his exhortationibus adiuvabat ɼexsurgamus viri fortes: propellamus fortitudine congrua inlisa nostris partibus probra: quae contemplans Caesaris nomen cunctando suscepiЄ.

33. quoscumque autem pugnae signum inconsulte poscentes rupturosque imperium inrequietis motibus praevideret ɼquaesoЄ inquit ɼne hostes vertendos in fugam sequentes avidius futurae victoriae gloriam violetis, neu quis ante necessitatem ultimam cedat. nam fugituros procul dubio deseram, hostium terga caesuris adero indiscretus, si hoc pensatione moderata fiat et cautaЄ.

34. Haec aliaque in eundem modum saepius replicando maiorem exercitus partem primae barbarorum opposuit fronti, et subito Alamannorum peditum fremitus indignationi mixtus auditus est unanimi conspiratione vociferantium relictis equis secum oportere versari regales, ne, siquid contigisset adversum, deserta miserabili plebe facilem discedendi copiam reperirent.

35. hocque conperto Chonodomarius iumento ipse statim desiluit et secuti eum residui idem facere nihil morati: nec enim eorum quisquam

ambigebat partem suam fore victricem.

36. Dato igitur aenatorum accentu sollemniter signo ad pugnandum utrimque magnis concursum est viribus. propilabantur missilia et properantes cito quam considerato cursu Germani telaque dextris explicantes involavere nostrorum equitum turmas frendentes inmania eorumque ultra solitum saevientium comae fluentes horrebant et elucebat quidam ex oculis furor, quos contra pertinax miles scutorum obicibus vertices tegens eiectansque gladios vel tela concrispans mortem minitantia perterrebat.

37. cumque in ipso proeliorum articulo eques se fortiter conturmaret et muniret latera sua firmius pedes, frontem artissimis conserens parmis, erigebantur crassi pulveris nubes variique fuere discursus nunc resistentibus nunc cedentibus nostris, et obnixi genibus quidam barbari peritissimi bellatores hostem propellere laborabant, sed destinatione nimia dexterae dexteris miscebantur et umbo trudebat umbonem caelumque exultantium cadentiumque resonabat a vocibus magnis, et cum cornu sinistrum altius gradiens urgentium tot agmina Germanorum vi nimia pepulisset, iretque in barbaros fremens, equites nostri cornu tenentes dextrum, praeter spem incondite discesserunt, dumque primi fugientium postremos inpediunt, gremio legionum protecti fixerunt integrato proelio gradum.

38. hoc autem exinde acciderat, quod dum ordinum restituitur series, cataphracti equites viso rectore suo leviter vulnerato et consorte quodam per cervicem equi labentis pondere armorum oppresso dilapsi qua quisque poterat peditesque calcando cuncta turbassent, ni conferti illi sibique vicissim innixi stetissent immobiles. igitur cum equites nihil praeter fugae circumspectantes praesidia vidisset longius Caesar, concito equo eos velut repagulum quoddam cohibuit.

39. quo agnito per purpureum signum draconis, summitati hastae longioris aptatum velut senectutis pendentis exuvias, stetit unius turmae tribunus et pallore timoreque perculsus ad aciem integrandam recurrit.

40. utque in rebus amat fieri dubiis, eosdem lenius increpans Caesar ɼquoЄ inquit ɼcedimus, viri fortissimi? an ignoratis fugam, quae salutem numquam repperit, inriti conatus stultitiam indicare? redeamus ad nostros, saltim gloriae futuri participes, si eos pro re publica dimicantes reliquimus inconsulteЄ.

41. haec reverenter dicendo reduxit omnes ad munia subeunda bellandi imitatus salva differentia veterem Syllam, qui cum contra Archelaum Mithridatis ducem educta acie proelio fatigabatur ardenti, relictus a militibus cunctis cucurrit in ordinem primum raptoque et coniecto vexillo in partem hostilem ɼiteЄ dixerat ɼsocii periculorum electi et scitantibus ubi relictus sim imperator, respondete nihil fallentes: solus in Boeotia pro omnibus nobis cum dispendio sanguinis sui decernensЄ.

42. Proinde Alamanni pulsis disiectisque equitibus nostris primam aciem peditum incesserunt, eam abiecta resistendi animositate pulsuri.

43. sed postquam comminus ventum est, pugnabatur paribus diu momentis. Cornuti enim et Bracchiati usu proeliorum diuturno firmati eos iam gestu terrentes barritum ciere vel maximum: qui clamor ipso fervore certaminum a tenui susurro exoriens paulatimque adulescens ritu extollitur fluctuum cautibus inlisorum: iaculorum deinde stridentium crebritate hinc indeque convolante pulvis aequali motu adsurgens et prospectum eripiens arma armis corporaque corporibus obtrudebat.

44. sed violentia iraque inconpositi barbari in modum exarsere flammarum nexamque scutorum conpagem, quae nostros in modum testudinis

tuebatur, scindebant ictibus gladiorum adsiduis.

45. quo cognito opitulatum conturmalibus suis celeri cursu Batavi venere cum regibus formidabilis manus, extremae necessitatis articulo circumventos, si iuvisset fors, ereptura torvumque canentibus classicis adultis viribus certabatur.

46. verum Alamanni bella alacriter ineuntes altius anhelabant velut quodam furoris adfectu opposita omnia deleturi. spicula tamen verrutaque missilia non cessabant ferrataeque arundines fundebantur, quamquam etiam comminus mucro feriebat contra mucronem et loricae gladiis findebantur, et vulnerati nondum effuso cruore ad audendum exsertius consurgebant.

47. pares enim quodam modo coivere cum paribus, Alamanni robusti et celsiores, milites usu nimio dociles: illi feri et turbidi, hi quieti et cauti: animis isti fidentes, grandissimis illi corporibus freti.

48. resurgebat tamen aliquotiens armorum pondere pulsus loco Romanus lassatisque inpressus genibus laevum reflectens poplitem barbarus subsidebat hostem ultro lacessens, quod indicium est obstinationis extremae.

49. exiluit itaque subito ardens optimatium globus, inter quos decernebant et reges, et sequente vulgo ante alios agmina nostrorum inrupit et iter sibi aperiendo ad usque Primanorum 14 legionem pervenit locatam in medio quae confirmatio castra praetoria dictitatur ubi densior et ordinibus frequens miles instar turrium fixa firmitate consistens proelium maiore spiritu repetivit et vulneribus declinandis intentus seque in modum mirmillonis operiens hostium latera, quae nudabat ira flagrantior, districtis gladiis perforabat.

50. at illi prodigere vitam pro victoria contendentes temptabant agminis nostri laxare conpagem. sed continuata serie peremptorum, quos Romanus iam fidentior stravit, succedebant barbari superstites interfectis auditoque occumbentium gemitu crebro, pavore perfusi torpebant.

5I. fessi denique tot aerumnis et ad solam deinceps strenui fugam per diversos tramites tota celeritate egredi festinabant ut e mediis saevientis pelagi fluctibus quocumque avexerit ventus eici nautici properant et vectores: quod voti magis quam spei fuisse fatebitur quilibet tunc praesens.

52. aderatque propitiati numinis arbitrium clemens et secans terga cedentium miles cum interdum flexis ensibus feriendi non suppeterent instrumenta, ipsis barbaris tela eorum vitalibus inmergebat, nec quisquam vulnerantium sanguine iram explevit nec satiavit caede multiplici dexteram vel miseratus supplicantem abscessit.

53. iacebant itaque plurimi transfixi letaliter remedia mortis conpendio postulantes, alii semineces labente iam spiritu lucis usuram oculis morientibus inquirebant, quorundam capita discissa trabalibus telis et pendentia iugulis cohaerebant, pars per lutosum et lubricum solum in sauciorum cruore lapsi intactis ferro corporibus acervis superruentium obruti necabantur.

54. quae ubi satis evenere prosperrime, validius instante victore acumina densis ictibus hebescebant splendentesque galeae sub pedibus volvebantur et scuta, ultimo denique trudente discrimine barbari, cum elati cadaverum aggeres exitus inpedirent, ad subsidia fluminis petivere, quae sola restabant eorum terga iam perstringentis.

55. et quia cursu sub armis concito fugientes miles indefessus urgebat, quidam nandi peritia eximi se posse discriminibus arbitrati animas fluctibus commiserunt. qua causa celeri corde futura praevidens Caesar cum tribunis et ducibus clamore obiurgatorio prohibebat, ne hostem avidius sequens nostrorum quisquam se gurgitibus committeret verticosis.

56. unde id observatum est ut marginibus insistentes confoderent telorum varietate Germanos, quorum siquem morti velocitas subtraxisset, iacti corporis pondere ad ima fluminis subsidebat.

57. et velut in quodam theatrali spectaculo aulaeis miranda monstrantibus multa licebat iam sine metu videre, nandi strenuis quosdam nescios adhaerentes, fluitantes alios cum expeditioribus linquerentur ut stipites, et velut luctante amnis violentia vorari quosdam fluctibus involutos, non nullos clipeis vectos praeruptas undarum occursantium moles obliquatis meatibus declinantes ad ripas ulteriores post multa discrimina pervenire. spumans denique cruore barbarico decolor alveus insueta stupebat augmenta.

58. Dum haec aguntur, rex Chonodomarius reperta copia discedendi lapsus per funerum strues cum satellitibus paucis celeritate rapida properabat ad castra, quae prope Tribuncos et Concordiam munimenta Romana fixit intrepidus, ut escensis navigiis dudum paratis ad casus ancipites in secretis se secessibus amendaret.

59. et quia non nisi Rheno transito ad territoria sua poterat pervenire, vultum ne agnosceretur operiens, sensim retulit pedem. cumque propinquaret iam ripis, lacunam palustribus aquis interfusam circumgrediens ut transiret, calcata mollitie glutinosa, equo est evolutus et confestim licet obeso corpore gravior ad subsidium vicini collis evasit, quem agnitum nec enim potuit celare qui fuerit, fortunae prioris magnitudine proditus statim anhelo cursu cohors cum tribuno secuta, armis circumdatum aggerem nemorosum cautius obsidebat, perrumpere verita, ne fraude latenti inter ramorum tenebras exciperetur occultas.

60. quibus visis conpulsus ad ultimos metus ultro se dedit solus egressus comitesque eius ducenti numero et tres amici iunctissimi, flagitium arbitrati post regem vivere, vel pro rege non mori, si ita tulerit casus, tradidere se vinciendos.

61. utque nativo more sunt barbari humiles in adversis disparesque in secundis, servus alienae voluntatis trahebatur pallore confusus claudente noxarum conscientia linguam, inmensum quantum ab eo differens qui post feros lugubresque terrores cineribus Galliarum insultans multa minabatur et saeva.

62. Quibus ita favore superni numinis terminatis post exactum iam diem occinente liticine revocatus invitissimus miles prope supercilia Rheni tendebat scutorumque ordine multiplicato vallatus victu fruebatur et somno.

63. ceciderunt autem in hac pugna Romani quidem CCXL et III, rectores vero IIII: Bainobaudes Cornutorum tribunus adaeque Laipso et Innocentius cataphractarios ducens et vacans quidam tribunus cuius non suppetit nomen: ex Alamannis vero sex milia corporum numerata sunt in campo constrata et inaestimabiles mortuorum acervi per undas fluminis ferebantur.

64. tunc Iulianus ut erat fortuna sui spectatior meritisque magis quam imperio potens, Augustus adclamatione concordi totius exercitus appellatus ut agentes petulantius milites increpabat, id se nec sperare nec adipisci velle iurando confirmans.

65. et ut augeret eventus secundi laetitiam, concilio convocato propositisque praemiis, propitio ore Chonodomarium sibi iussit offerri. qui primo curvatus, deinde humi suppliciter fusus gentilique prece veniam poscens bono animo esse est iussus.

66. et diebus postea paucis ductus ad comitatum imperatoris missusque exinde Romam in castris peregrinis, quae in monte sunt Caelio, morbo veterni consumptus est.

67. His tot ac talibus prospero peractis eventu in palatio Constanti quidam Iulianum culpantes, ut princeps ipse delectaretur, inrisive Victorinum ideo nominabant, quod verecunde referens, quotiens imperaret, superatos indicabat saepe Germanos.

68. interque exaggerationem inanium laudum ostentationemque aperte lucentium inflabant ex usu imperatorem suopte ingenio nimium quicquid per omnem terrae ambitum agebatur felicibus eius auspiciis adsignantes.

69. quocirca magniloquentia elatus adulatorum tunc et deinde edictis propositis adroganter satis multa mentiebatur, se solum, cum gestis non adfuisset, et dimicasse et vicisse et supplices reges gentium erexisse aliquotiens scribens, et si verbi gratia eo agente tunc in Italia dux quidam egisset fortiter contra Persas, nulla eius mentione per textum longissimum facta laureatas litteras ad provinciarum damna mittebat, se inter primores versatum cum odiosa sui iactatione significans.

70. exstant denique eius edicta in tabulariis principis publicis condita... delata narrandi extollendique semet in caelum. ab Argentorato cum pugnaretur mansione quadragesima disparatus, describens proelium aciem ordinasse et stetisse inter signiferos et barbaros fugasse praecipites sibique oblatum falso indicat Chonodomarium pro rerum indignitas super Iuliani gloriosis actibus conticescens, quos sepelierat penitus ni fama res maximas vel obumbrantibus plurimis silere nesciret.

LIBER XVII

I

1. Hac rerum, quas iam digessimus, varietate ita conclusa Martius iuvenis Rheno post Argentoratensem pugnam otiose fluente securus, sollicitusque ne dirae volucres consumerent corpora peremptorum, sine discretione cunctos humari mandavit, absolutisque legatis, quos ante certamen superba quaedam portasse praediximus, ad Tres tabernas revertit.

2. unde cum captivis omnibus praedam Mediomatricos servandam ad reditum usque suum duci praecipit et petiturus ipse Mogontiacum, ut ponte conpacto transgressus in suis requireret barbaros, cum nullum reliquisset in nostris, refragante vetabatur exercitu: verum facundia iucunditateque sermonum allectum in voluntatem traduxerat suam. amor enim post documenta flagrantior sequi libenter hortatus est omnis operae conturmalem, auctoritate magnificum ducem, plus laboris indicere sibi quam militi, sicut perspicue contigit, adsuetum. moxque ad locum praedictum est ventum, flumine pontibus constratis transmisso occupavere terras hostiles.

3. at barbari praestricti negotii magnitudine, qui se in tranquillo positos otio tunc parum inquietari posse sperabant, aliorum exitio quid fortunis suis inmineret anxie cogitantes, simulata pacis petitione, ut primae vertiginis impetum declinarent, misere legatos cum verbis conpositis quae denuntiarent concordem foederum firmitatem; incertumque quo consilio aut instituto mutata voluntate per alios cursu celeri venire conpulsos acerrimum nostris minati sunt bellum, ni eorum regionibus excessissent.

4. Quibus clara fide conpertis Caesar noctis prima quiete navigiis modicis et velocibus octingentos inposuit milites ea re, ut vi ingenti sursum versum decurso egressi quicquid invenire potuerint ferro violarent et flammis.

5. quo ita disposito solis primo exortu visis per montium vertices barbaris ad celsiora ducebatur alacrior miles nulloque invento – hoc si quidem opinati discessere confestim – eminus ingentia fumi volumina visebantur indicantia nostros perruptas populari terras hostiles.

6. quae res Germanorum perculit animos atque desertis insidiis, quas per arta loca et latebrosa struxerant nostris, trans Menum nomine fluvium ad opitulandum suis necessitudinibus avolarunt.

7. ut enim rebus amat fieri dubiis et turbatis, hinc equitum nostrorum adcursu, inde navigiis vectorum militum impetu repentino perterrefacti evadendi subsidium velox locorum invenere prudentes, quorum digressu miles libere gradiens opulentas pecore villas et frugibus rapiebat nulli parcendo. extractisque captivis domicilia cuncta curatius ritu Romano constructa flammis subditis exurebat.

8. emensaque aestimatione decimi lapidis eum prope silvam venisset squalore tenebrarum horrendam, stetit diu cunctando, indicio perfugae doctus per subterranea quaedam occulta fossasque multifidas latere plurimos, ubi habile visum fuerit erupturos.

9. ausi tamen omnes accedere fidentissime, ilicibus incisis et fraxinis roboreque abietum magno semitas invenere constratas. ideoque gradientes cautius retro non nisi per anfractus longos et asperos ultra progredi posse vix indignationem capientibus animis advertebant.

10. et quoniam aeris urente saevitia cum discriminibus ultimis laboratur in cassum – aequinoctio quippe autumnali exacto per eos tractus superfusae nives opplevere montes simul et campos – opus arreptum est memorabile.

11. et dum nullus obsisteret, munimentum, quod in Alamannorum solo conditum Traianus suo nomine voluit appellari, dudum violentius oppugnatum, tumultuario studio reparatum est; locatisque ibi pro tempore defensoribus, ex barbarorum visceribus alimenta congesta sunt.

12. quae illi maturata ad suam perniciem contemplantes metuque rei peractae volucriter congregati precibus et humilitate suprema petiere missis oratoribus pacem: quam Caesar omni consiliorum via firmata, causatus veri similia plurima, per decem mensuum tribuit intervallum: id nimirum sollerti colligens mente quod castra, supra quam optari potuit occupata sine obstaculo, tormentis muralibus et apparatu deberent valido conmuniri.

13. hac fiducia tres inmanissimi reges venerunt tandem aliquando iam trepidi, ex his qui misere victis apud Argentoratum auxilia, iurantes conceptis ritu patrio verbis nihil inquietum acturos sed foedera ad praestitutum usque diem, quia id nostris placuerat, cum munimento servaturos intacto frugesque portaturos humeris, si defuisse sibi docuerint defensores. quod utrumque metu perfidiam frenante fecerunt.

14. Hoc memorabili bello, conparando quidem Punicis et Teutonicis, sed dispendiis rei Romanae peracto levissimis ut faustus Caesar exultabat et felix: credique obtrectatoribus potuit, ideo fortiter eum ubique fecisse fingentibus, quod oppetere dimicando gloriose magis optabat quam damnatorum sorte, sicut sperabant, ut frater Gallus occidi: ni pari proposito post excessum quoque Constanti actibus mirandis inclaruisset.

II

1. Quibus ut in tali re conpositis firmiter, ad sedes revertens hibernas sudorum reliquias repperit tales. Remos Severus magister equitum per

Agrippinam petens et Iuliacum Francorum validissimos cuneos in sexcentis velitibus, ut postea claruit, vacua praesidiis loca vastantes offendit: hac opportunitate in scelus audaciam erigente, quod Caesare in Alamannorum secessibus occupato nulloque vetante expleri se posse praedarum opimitate sunt arbitrati. sed metu iam reversi exercitus, munimentis duobus, quae olim exinanita sunt, occupatis se quoad fieri poterat tuebantur.

2. hac Iulianus rei novitate perculsus et coniciens quorsum erumperet, si isdem transisset intactis, retento milite circumvallare disposuit castella munita quae Mosa fluvius praeterlambit, et ad usque quartum et quinquagesimum diem, Decembri scilicet et Ianuario mense, obsidionales tractae sunt morae, destinatis barbarorum animis incredibili pertinacia reluctatis.

3. tunc pertimescens sollertissimus Caesar, ne observata nocte inluni barbari gelu vinctum amnem pervaderent, cotidie a sole in vesperam flexo ad usque lucis principium lusoriis navibus discurrere flumen ultro citroque milites ordinavit, ut crustis pruinarum diffractis nullus ad erumpendi copiam facile perveniret. hocque commento, inedia et vigiliis et desperatione postrema lassati sponte se propria dederunt statimque ad comitatum Augusti sunt missi.

4. ad quos eximendos periculo multitudo Francorum egressa, cum captos conperisset et asportatos, nihil amplius ausa repedavit ad sua, hisque perfectis acturus hiemem revertit Parisios Caesar.

III

1. Quia igitur plurimae gentes vi maiore conlaturae capita sperabantur, dubia bellorum coniectans sobrius rector magnis curarum molibus stringebatur. dumque per indutias licet negotiosas et breves aerumnosis possessorum damnis mederi posse credebat, tributi ratiocinia dispensavit.

2. cumque Florentius praefectus praetorio cuncta permensus, ut contendebat, quicquid in capitatione deesset, ex conquisitis se supplere firmaret, talium gnarus, animam prius amittere quam hoc sinere fieri memorabat.

3. norat enim huius modi provisionum, immo eversionum, ut verius dixerim, insanabilia vulnera saepe ad ultimam egestatem provincias contraxisse, quae res, ut docebitur postea, penitus evertit Illyricum.

4. ob quae praefecto praetorio ferri non posse clamante se repente factum infidum, cui Augustus summam commiserit rerum, Iulianus eum sedatius leniens scrupulose conputando et vere docuit non sufficere solum, verum etiam exuberare capitationis calculum ad commeatuum necessarios apparatus.

5. nihilo minus tamen diu postea indictionale augmentum oblatum sibi nec recitare nec subnotare perpessus humi proiecit. litterisque Augusti monitus ex relatione praefecti, non agere ita perplexe ut videretur parum Florentio credi, rescripsit gratandum esse si provincialis hinc inde vastatus saltem sollemnia praebeat, nedum incrementa, quae nulla supplicia egenis possent hominibus extorquere. factumque est tunc et deinde unius animi firmitate, ut praeter solita nemo Gallis quicquam exprimere conaretur . . .

6. inusitato exemplo id petendo Caesar inpetraverat a praefecto ut secundae Belgicae multiformibus malis oppressae dispositio sibi committeretur ea videlicet lege, ut nec praefectianus nec praesidalis apparitor

ad solvendum quemquam urgeret. quo levati solatio cuncti, quos in cura . . . . . . separat suam, nec interpellati ante praestitutum tempus debita contulerunt.

IV

1. Inter haec recreandarum exordia Galliarum administrante secundam adhuc Orfito praefecturam obeliscus Romae in circo erectus est maximo. super quo nunc, quia tempestivum est, pauca discurram.

2. urbem priscis saeculis conditam ambitiosa moenium strue et portarum centum aditibus celebrem hecatompylos Thebas institutores ex facto cognominarunt, cuius vocabulo provincia nunc usque Thebais adpellatur.

3. hanc inter exordia pandentis se late Carthaginis inproviso excursu duces oppressere Poenorum, posteaque reparatam Persarum rex ille Cambyses quoad vixerat alieni cupidus et inmanis Aegypto perrupta adgressus est, ut opes exinde raperet invidendas, ne deorum quidem donariis parcens.

4. qui dum inter praedatores turbulente concursat, laxitate praepeditus indumentorum concidit pronus ac suomet pugione, quem aptatum femori dextro gestabat, subita vi ruinae nudato vulneratus paene letaliter interisset.

5. longe autem postea Cornelius Gallus Octaviano res tenente Romanas Aegypti procurator exhausit civitatem plurimis interceptis reversusque cum furtorum arcesseretur et populatae provinciae, metu nobilitatis acriter indignatae, cui negotium spectandum dederat imperator, stricto incubuit ferro. is est, si recte existimo, Gallus poeta, quem flens quodam modo in postrema Bucolicorum parte Vergilius carmine leni decantat.

6. In hac urbe inter labra ingentia diversasque moles figmenta Aegyptiorum numinum exprimentes obeliscos vidimus plures aliosque iacentes et conminutos, quos antiqui reges bello domitis gentibus aut prosperitatibus summarum rerum elati montium venis vel apud extremos orbis incolas perscrutatis excisos erectosque dis superis in religione dicarunt.

7. est autem obeliscus asperrimus lapis in figuram metae cuiusdam sensim ad proceritatem consurgens excelsam, utque radium imitetur, gracilescens, paulatim specie quadrata in verticem productus angustum, manu levigatus artifici.

8. formarum autem innumeras notas, hieroglyphicas appellatas, quas ei undique videmus incisas, initialis sapientiae vetus insignivit auctoritas.

9. volucrum enim ferarumque, etiam alieni mundi, genera multa sculpentes ad aevi quoque sequentis aetates ut inpetratorum vulgatius perveniret memoria, promissa vel soluta regum vota monstrabant.

10. non enim ut nunc litterarum numerus praestitutus et facilis exprimit quicquid humana mens concipere potest, ita prisci quoque scriptitarunt Aegyptii, sed singulae litterae singulis nominibus serviebant et verbis; non numquam significabant integros sensus.

11. cuius rei scientiam his inseram duobus exemplis. per vulturem naturae vocabulum pandunt, quia mares nullos posse inter has alites inveniri rationes memorant physicae, perque speciem apis mella conficientis indicant regem moderatori cum iucunditate aculeos quoque innasci debere his signis ostendentes. et similia plurima.

12. Et quia sufflantes adulatores ex more Constantium id sine modo strepebant quod, cum Octavianus Augustus obeliscos duos ab Heliopolitana civitate transtulisset Aegyptia, quorum unus in Circo maximo, alter in Campo locatus est Martio, hunc recens advectum difficultate magnitudinis territus

nec contrectare ausus est nec movere, discant qui ignorant, veterem principem translatis aliquibus hunc intactum ideo praeterisse, quod Deo Soli speciali munere dedicatus fixusque intra ambitiosi templi delubra, quae contingi non poterant, tamquam apex omnium eminebat.

13. verum Constantinus id parvi ducens, avulsam hanc molem sedibus suis nihilque committere in religionem recte existimans, si ablatum uno templo miraculum Romae sacraret, id est in templo mundi totius, iacere diu perpessus est, dum translationi pararentur utilia. quo convecto per alveum Nili proiectoque Alexandriae, navis amplitudinis antehac inusitatae aedificata est sub trecentis remigibus agitanda.

14. quibus ita provisis digressoque vita principe memorato urgens effectus intepuit, tandemque sero inpositus navi per maria fluentaque Tibridis velut paventis ne, quod paene ignotus miserat Nilus, ipse parum sub meatus sui discrimine moenibus alumnis inferret, defertur in vicum Alexandri, tertio lapide ab urbe seiunctum. unde chamulcis inpositus tractusque lenius per Ostiensem portam piscinamque publicam Circo inlatus est maximo.

15. sola post haec restabat erectio, quae vix aut ne vix quidem sperabatur posse conpleri: digestisque ad perpendiculum altis trabibus, ut machinarum cerneres nemus, innectuntur vasti funes et longi ad speciem multiplicium liciorum caelum densitate nimia subtexentes. quibus conligatus mons ipse effigiatus scriptilibus elementis, paulatimque in arduum per inane protentus, diu pensilis, hominum milibus multis tamquam molendinarias rotantibus metas, cavea locatur in media eique sphaera superponitur ahenea aureis lamminis nitens, qua confestim vi ignis divini contacta ideoque sublata facis imitamentum infigitur aereum, itidem auro imbracteatum velut abundanti flamma candentis.

16. secutaeque aetates alios transtulerunt. quorum unus in Vaticano, alter in hortis Sallusti, duo in Augusti monumento erecti sunt.

17. qui autem notarum textus obelisco incisus est veteri, quem videmus in Circo, Hermapionis librum secuti interpretatum litteris subiecimus Graecis ....

V

1. Datiano et Cereali consulibus cum universa per Gallias studio cautiore disponerentur formidoque praeteritorum barbaricos hebetaret excursus, rex Persarum in confiniis agens adhuc gentium extimarum, iamque cum Chionitis et Gelanis omnium acerrimis bellatoribus pignore icto societatis rediturus ad sua, Tamsaporis scripta suscepit, pacem Romanum principem nuntiantis poscere precativam

2. ideoque non nisi infirmato imperii robore temptari talia suspicatus latius semet extentans pacis amplectitur nomen et condiciones proposuit graves, missoque cum muneribus Narseo quodam legato litteras ad Constantium dedit nusquam a genuino fastu declinans, quarum hunc fuisse accepimus sensum:

3. "Rex regum Sapor, particeps siderum, frater Solis et I,unae, Constantio Caesari fratri meo salutem plurimam dico. Gaudeo tandemque mihi placet ad optimam viam te revertisse et incorruptum aequitatis agnovisse suffragium rebus ipsis expertum, pertinax alieni cupiditas quas aliquotiens ediderit strages.

4 quia igitur veritatis oratio soluta esse debet et libera et celsiores

fortunas idem loqui decet atque sentire, propositum meum in pauca conferam, reminiscens haec quae dicturus sum me saepius replicasse.

5. ad usque Strymona flumen et Macedonicos fines tenuisse maiores meos, antiquitates quoque vestrae testantur: haec me convenit flagitare – ne sit adrogans, quod adfirmo – splendore virtutumque insignium serie vetustis regibus antistantem, sed ubique mihi cordi est recta ratio, cui coalitus ab adulescentia prima nihil umquam paenitendum admisi.

6. ideoque Armeniam recuperare cum Mesopotamia debeo, avo meo conposita fraude praereptam. Illud apud nos numquam in acceptum feretur, quod adseritis vos exsultantes nullo discrimine virtutis ac doli prosperos omnes laudari debere bellorum eventus.

7. postremo si morem gerere suadenti volueris recte, contemne partem exiguam semper luctificam et cruentam, ut cetera regas securus, prudenter reputans medellarum quoque artifices urere non numquam et secare et partes corporum amputare, ut reliquis uti liceat integris; hocque bestias factitare: quae cum advertant cur maximo opere capiantur, illud propria sponte amittunt ut vivere deinde possint inpavidae.

8. id sane pronuntio quod, si haec mea legatio redierit inrita, post tempus hiemalis quietis exemptum, viribus totis accinctus, fortuna condicionumque aequitate spem successus secundi fundante venire, quoad ratio siverit, festinabo".

9. His litteris diu libratis recto pectore, quod dicitur, considerateque responsum est hoc modo:

10. "Victor terra marique Constantius semper Augustus fratri meo Sapori regi salutem plurimam dico. Sospitati quidem tuae gratulor ut futurus, si velis, amicus, cupiditatem vero semper indeflexam fusiusque vagantem vehementer insimulo.

11. Mesopotamiam poscis ut tuam perindeque Armeniam et suades integro corpori adimere membra quaedam, ut salus eius deinceps locetur in solido, quod infringendum est potius quam ulla consensione firmandum. accipe igitur veritatem non obtectam praestigiis sed perspicuam nullisque minis inanibus perterrendam.

12. praefectus praetorio meus opinatus adgredi negotium publicae utilitati conducens cum duce tuo per quosdam ignobiles, me inconsulto, sermones conseruit super pace. non refutamus hanc nec repellimus: adsit modo cum decore et honestate nihil pudori nostro pra ereptura vel maiestati.

13. est enim absonum et insipiens cum gestarum rerum ordine placatae sint aurae invidiae, quae nobis multipliciter inluserunt, cum deletis tyrannis totus orbis Romanus nobis obtemperat, ea prodere, quae contrusi in orientales angustias diu servavimus inlibata.

14. cessent autem quaeso formidines quae nobis intentantur ex more, eum ambigi nequeat non inertia nos sed modestia pugnas interdum excepisse potius quam intulisse et nostra, quotiens lacessimur, fortissimo benevolentiae spiritu defensare, id experiendo legendoque scientes in proeliis quibusdam raro rem titubasse Romanam, in summa vero bellorum numquam ad deteriora prolapsam".

15. Hanc legationem nullo inpetrato remissam – nec enim effrenatae regis cupiditati responderi amplius quicquam potuit – post paucissimos dies secutus est Prosper comes et Spectatus tribunus et notarius itemque Eustathius Musoniano suggerente philosophus, ut opifex suadendi: imperatoris scripta perferentes et munera, enisuri apparatum interim Saporis arte quadam suspendere, ut supra humanum modum provinciae munirentur arctoae.

VI

1. Inter quae ita ambigua Iuthungi Alamannorum pars Italicis conterminans tractibus obliti pacis et foederum, quae adepti sunt obsecrando, Raetias turbulente vastabant, adeo ut etiam oppidorum temptarent obsidia praeter solitum.

2. ad quos repellendos cum valida manu missus Barbatio in locum Silvani peditum promotus magister, ignavus sed verbis effusior, alacritate militum vehementer erecta prostravit acerrime multos, ita ut exigua portio, quae periculi metu se dedit in fugam, aegre dilapsa lares suos non sine lacrimis viseret et lamentis.

3. huic pugnae Nevitta, postea consul, equestris praepositus turmae, et adfuisse et fortiter fecisse firmatur.

VII

1. Isdem diebus terrae motus horrendi per Macedoniam Asiamque et Pontum adsiduis pulsibus oppida multa concusserunt et montes. inter monumenta tamen multiformium aerumnarum eminuere Nicomediae clades, Bithyniae urbium matris, cuius ruinarum eventum vere breviterque absolvam.

2. Primo lucis exortu diem nonum kal. Septembrium concreti nubium globi nigrantium laetam paulo ante caeli speciem confuderunt et amendato solis splendore nec contigua vel adposita cernebantur: ita oculorum obtutu praestricto humo involutus crassae caliginis squalor insedit.

3. dein velut numine summo fatales contorquente manubias ventosque ab ipsis excitante cardinibus magnitudo furentium incubuit procellarum, cuius inpetu pulsorum auditus est montium gemitus et elisi litoris fragor, haecque secuti typhones atque presteres cum horrifico tremore terrarum civitatem et suburbana funditus everterunt.

4. et quoniam adclivitate collium aedes pleraeque devehebantur, aliae super alias concidebant reclangentibus cunctis sonitu ruinarum inmenso. inter quae clamoribus variis celsa culmina resultabant quaeritantium coniugium liberosque et siquid necessitudines artae constringunt.

5. post horam denique secundam, multo ante tertiam, aer iam sudus et liquidus latentes retexit funereas strages. non nulli enim superruentium ruderum vi nimia constipati sub ipsis interiere ponderibus. quidam collo tenus aggeribus obruti cum superesse possent siqui iuvissent, auxiliorum inopia necabantur. alii lignorum exstantium acuminibus fixi pendebant.

6. uno ictu caesi conplures, paulo ante homines, tunc promiscuae strages cadaverum cernebantur. quosdam domorum inclinata fastigia intrinsecus serabant intactos, angore et inedia consumendos. inter quos Aristaenetus affectatam recens dioecensin curans vicaria potestate, quam Constantius ad honorem uxoris Eusebiae Pietatem cognominarat, animam hoc casu cruciatam diutius exhalavit.

7. alii subita ruinae magnitudine oppressi, isdem adhuc molibus conteguntur. conlisis quidam capitibus vel umeris praesectis aut cruribus inter vitae mortisque confinia aliorum adiumenta paria perferentium inplorantes cum obtestatione magna deserebantur.

8. et superesse potuit aedium sacrarum et privatarum hominumque pars maior, ni palantes abrupte flammarum ardores per quinque dies et noctes

quicquid consumi poterat exussissent.

9. Adesse tempus existimo pauca dicere, quae de terrae pulsibus coniectura veteres conlegerunt. ad ipsius enim veritatis arcana non modo haec nostra vulgaris inscitia, sed ne sempiterna quidem lucubrationibus longis nondum exhausta physicorum iurgia penetrarunt. IO. unde et in ritualibus et pontificiis obtemperantibus sacerdotiis cavetur, ne alio deo pro alio nominato, cum, qui eorum terram concutiat sit in abstruso, piacula committantur.

11. accidunt autem, ut opiniones aestimant, inter quas Aristoteles aestuat et laborat, aut in cavernis minutis terrarum, quas Graece syriggas appellamus, inpulsu crebriore aquis undabundis: aut certe, ut Anaxagoras adfirmat, ventorum vi subeuntium ima terrarum: qui cum soliditatibus concrustatis inciderint, eruptiones nullas reperientes, eas partes soli convibrant, quas subrepserint umidi. unde plerumque observatur terra tremente ventorum apud nos spiramina nulla sentiri, quod in ultimis eius secessibus occupantur.

12. Anaximander ait arescentem nimia aestuum siccitate aut post madores imbrium terram rimas pandere grandiores, quas penetrat supernus aer violentus et nimius, ac per eas vehementi spiritu quassatam cieri propriis sedibus. qua de causa terrores huius modi vaporatis temporibus aut nimia aquarum caelestium superfusione contingunt. ideoque Neptunum umentis substantiae potestatem Ennosigaeon et Sisichthona poetae veteres et theologi nuncuparunt.

13. Fiunt autem terrarum motus modis quattuor. aut enim brasmatiae sunt, qui humum intus suscitantes sursum propellunt inmanissimas moles, ut in Asia Delos emersit et Hiera et Anaphe et Rhodus, Ophiusa et Pelagia prioribus saeculis dictitata, aureo quondam imbri perfusa, et Eleusina in Boeotia et apud Tyrrenos Vulcanus insulaeque plures; aut climatiae qui limes ruentes et obliqui urbes aedificia montesque conplanant; aut chasmatiae qui grandiore motu patefactis subito voratrinis terrarum partes absorbent, ut in Atlantico mari Europaeo orbe spatiosior insula s et in Crisaeo sinu Helice et Bura et in Ciminia Italiae parte oppidum Saccumum ad Erebi profundos hiatus abactae aeternis tenebris occultantur.

14. inter haec tria genera terrae motuum mycematiae sonitu audiuntur minaci cum dissolutis elementa conpagibus ultro adsiliunt vel relabuntur concidentibus terris. tunc enim necesse est velut taurinis reboare mugitibus fragores fremitusque terrenos. sed hinc ad exorsa.

VIII

1. At Caesar hiemem apud Parisios agens Alamannos praevenire studio maturabat ingenti, nondum in unum coactos sed in insaniam post Argentoratum audaces omnes et saevos, operiensque Iulium mensem, unde sumunt Gallicani procinctus exordia, diutius angebatur. nec enim egredi poterat antequam ex Aquitania aestatis remissione solutis frigoribus et pruinis veheretur annona.

2. sed ut est difficultatum paene omnium diligens ratio victrix, multa mente versans et varia id tandem repperit solum, ut anni maturitate non exspectata barbaris occurreret insperatus firmatoque consilio XX dierum frumentum ex eo, quod erat in sedibus consumendum, ad usus diuturnitatem excoctum bucellatum, ut vulgo appellant, umeris inposuit libentium militum, hocque subsidio fretus secundis, ut ante, auspiciis profectus est, intra mensem quintum vel sextum duas expeditiones consummari posse urgentes et

necessarias arbitratus.

3. quibus paratis petit primos omnium Francos, eos videlicet quos consuetudo Salios appellavit, ausos olim in Romano solo apud Toxandriam locum habitacula sibi figere praelicenter. cui cum Tungros venisset, occurrit legatio praedictorum, opinantium reperiri imperatorem etiam tum in hibernis, pacem sub hac lege praetendens ut quiescentes eos tamquam in suis nec lacesseret quisquam nec vexaret. hos legatos negotio plene digesto oppositaque condicionum perplexitate ut in isdem tractibus moraturus, dum redeunt, muneratos absolvit.

4. dictoque citius secutus profectos Severo duce misso per ripam subito cunctos adgressus tamquam fulminis turbo perculsit iamque precantes potius quam resistentes in oportunam clementiae partem effectu victoriae flexo dedentes se cum opibus liberisque suscepit.

5. Chamavos itidem ausos similia adortus eadem celeritate partim cecidit partim acriter repugnantes vivosque captos conpegit in vincula, alios praecipiti fuga trepidantes ad sua, ne militem spatio longo defatigaret, abire interim permisit innocuos, quorum legatis paulo postea missis precatum consultumque rebus suis humi prostratis sub obtutibus eius pacem hoc tribuit pacto ut ad sua redirent incolumes.

IX

1. Cunctis igitur ex voto currentibus studio pervigili properans modis omnibus utilitatem fundare provinciarum, munimenta tria recta serie superciliis inposita fluminis Mosae, subversa dudum obstinatione barbarica reparare pro tempore cogitabat, et ilico sunt instaurata procinctu paulisper omisso.

2. atque ut consilium prudens celeritas faceret tutum, ex annona decem dierum et septem, quam in expeditionem pergens vehebat cervicibus miles, portionem subtractam in isdem condidit castris sperans ex Chamavorum segetibus id suppleri posse quod ablatum est.

3. longe autem aliter accidit. frugibus enim nondum etiam maturis miles, expensis quae portabat, nusquam reperiens victus, extrema minitans Iulianum conpellationibus incessebat et probris, Asianum appellans Graeculum et fallacem et specie sapientiae stolidum. utque inveniri solent quidam inter armatos verborum volubilitate conspicui, haec et similia multa strepebant:

4. "quo trahimur spe meliorum abolita, olim quidem dura et perpessu asperrima per nives tolerantes et acumina crudelium pruinarum? sed nunc – pro nefas – cum ultimis hostium fatis instamus, fame, ignavissimo mortis genere tabescentes.

5. et nequi nos turbarum existimet concitores, pro vita loqui sola testamur, non aurum neque argentum petentes, quae olim nec contrectare potuimus nec videre, ita nobis negata velut contra rem publicam tot suscepisse labores et pericula confutatis".

6. et erat ratio iusta querellarum. inter tot enim rerum probabilium cursus articulosque necessitatum ancipites sudoribus Gallicanis miles exhaustus nec donativum meruit nec stipendium iam inde ut Iulianus illo est missus, ea re quod nec ipsi quod daret suppetere poterat usquam nec Constantius erogari more solito permittebat.

7. hocque exinde claruit fraude potius quam tenacitate committi quod, cum idem Caesar petenti ex usu gregario cuidam ut barbas detonderet,

dedisset aliquid vile, contumeliosis calumniis adpetitus est a Gaudentio tunc notario ad explorandos eius actus diu morato per Gallias, quem postea ipse interfici iussit, ut loco monstrabitur conpetenti.

X

1. Lenito tandem tumultu non sine blanditiarum genere vario contextoque navali ponte Rheno transito terris Alamannorum calcatis Severus magister equitum bellicosus ante haec et industrius repente conmarcuit.

2. et qui saepe universos ad fortiter faciendum hortabatur et singulos, tunc dissuasor pugnandi contemptus videbatur et timidus mortem fortasse metuens adventantem, ut in Tageticis libris legitur et Vegonicis fulmine mox tangendos adeo hebetari ut nec tonitrum nec maiores aliquos possint audire fragores. et iter ignaviter egerat praeter solitum, ut ductores viarum praeeuntes alacri gradu ultima minitando terreret, ni omnes conspirantes in unum se loca penitus ignorare firmarent. qui interdicti metuentes auctoritatem nusquam deinde sunt progressi.

3. Inter has tamen moras Alamannorum rex Suomarius ultro cum suis inprovisus occurrit, ferox ante saeviensque in damna Romana sed tum lucrum existimans insperatum, si propria retinere permitteretur. et quia vultus incessusque supplicem indicabat, susceptus bonoque animo esse iussus et placido, nihil arbitrio suo relinquens pacem genibus curvatis oravit.

4. et eam cum concessione praeteritorum sub hac meruit lege, ut captivos redderet nostros et, quotiens sit necesse, militibus alimenta praeberet, susceptorum vilium more securitates accipiens pro inlatis: quas si non ostendisset in tempore, sciret se rursus eadem fatigandum.

5. Quod ita recte dispositum est impraepedite conpletum. Hortari nomine petendus erat regis alterius pagus et quia nihil videbatur deesse praeter ductores, Nesticae tribuno Scutariorum et Chariettoni viro fortitudinis mirae imperaverat Caesar, ut magna quaesitum industria conprehensumque offerrent sibi captivum, et correptus velociter adulescens ducitur Alamannus pacto obtinendae salutis pollicitus itinera se monstraturum.

6. hoc progresso secutus exercitus celsarum arborum obsistente concaede ire protinus vetabatur. Verum per circuitus longos et flexuosos ventum est tandem ad loca; et ira quisque percitus armatorum urebat agros, pecora diripiebat et homines, resistentesque sine ulla parsimonia contruncabat.

7. his malis perculsus rex cum multiplices legiones, vicorumque reliquias cerneret exustorum, ultimas fortunarum iacturas adesse iam contemplatus oravit ipse quoque veniam, facturum se imperanda iurandi exsecratione restituere universos promisit: id enim cura agebatur inpensiore: detentisque plurimis reddidit paucos.

8. quo cognito ad indignationem iustam Iulianus erectus, cum munerandus venisset ex more, quattuor comites eius, quorum ope et fide maxime nitebatur, non ante absolvit, dum omnes rediere captivi.

9. ad colloquium tandem accitus a Caesare trementibus oculis adorato victorisque superatus aspectu condicione difficili premebatur, hac scilicet ut, quoniam consentaneum erat post tot secundos eventus civitates quoque reparari vi barbarorum excisas, carpenta et materias ex opibus suis suorumque praeberet: et haec pollicitus inprecatusque si perfidum quicquam egisset, luenda sibi cruore supplicia, ad propria remeare permissus est.

annonam enim transferre, ita ut Suomarius, ea re conpelli non potuit, quod ad internicionem regione eius vastata nihil inveniri poterat quod daretur.

10. Ita reges illi tumentes quondam inmaniter rapinisque ditescere adsueti nostrorum Romanae potentiae iugo subdidere colla iam domita et velut inter tributarios nati et educati obsecundabant imperiis ingravate. quibus hoc modo peractis disperso per stationes milite consuetas ad hiberna regressus est Caesar.

XI

1. Haec cum in comitatu Constantii subinde noscerentur – erat enim necesse tamquam apparitorem Caesarem super omnibus gestis ad Augusti referre scientiam – omnes qui plus poterant in palatio, adulandi professores iam docti recte consulta prospereque conpleta vertebant in deridiculum: talia sine modo strepentes insulse «in odium venit cum victoriis suis capella, non homo» ut hirsutum Iulianum carpentes appellantesque loquacem talpam et purpuratam simiam et litterionem Graecum: et his congruentia plurima aeque ut tintinnabula principi resonantes, audire haec taliaque gestienti, virtutes eius obruere verbis inpudentibus conabantur ut segnem incessentes et timidum et umbratilem gestaque secus verbis comptioribus exornantem: quod non tunc primitus accidit.

2. namque ut solet amplissima quaeque gloria obiecta esse semper invidiae, legimus in veteres quoque magnificos duces vitia criminaque, etiam si inveniri non poterant, finxisse malignitatem spectatissimis actibus eorum offensam.

3. ut Cimonem Miltiadis filium insimulatum intemperantiae, qui saepe ante et prope Eurymedonta Pamphylium flumen Persarum populum delevit innumerum coegitque gentem insolentia semper elatam obsecrare suppliciter pacem: Aemilianum itidem Scipionem ut somniculosum aemulorum incusari malivolentia, cuius inpetrabili vigilantia obstinatae in perniciem Romae duae sunt potentissimae urbes excisae.

4 nec non etiam in Pompeium obtrectatores iniqui multa scrutantes cum nihil unde vituperari deberet inveniretur, duo haec observarunt ludibriosa et inrita: quod genuino quodam more caput digito uno scalpebat, quodque aliquandiu tegendi ulceris causa deformis fasciola candida crus colligabat: quorum alterum factitare ut dissolutum, alterum ut novarum rerum cupidum adserebant: nihil interesse oblatrantes argumento subfrigido quam partem corporis redimiret regiae maiestatis insigni: eum virum, quo nec fortior nec cautior quisquam patriae fuit, ut documenta praeclara testantur.

5. Dum haec ita aguntur, Romae Artemius curans vicariam praefecturam pro Basso quoque agebat, qui recens promotus urbi praefectus fatali decesserat sorte. cuius administratio seditiones perpessa est turbulentas nec memorabile quicquam habuit quod narrari sit dignum.

XII

1. Augusto inter haec quiescenti per hiemem apud Sirmium indicabant nuntii graves et crebri permixtos Sarmatas et Quados vicinitate et similitudine morum armaturaeque concordes Pannonias Moesiarumque alteram cuneis incursare dispersis.

2. quibus ad latrocinia magis quam aperto habilibus Marti hastae sunt

longiores et loricae ex cornibus rasis et laevigatis, plumarum specie linteis indumentis innexae: equorumque plurimi ex usu castrati, ne aut feminarum visu exagitati raptentur aut in subsidiis ferocientes prodant hinnitu densiore vectores.

3. et per spatia discurrunt amplissima sequentes alios vel ipsi terga vertentes, insidendo velocibus equis et morigeris trahentesque singulos, interdum et binos, uti permutatio vires foveat iumentorum vigorque otio integretur alterno.

4. Aequinoctio itaque temporis verni confecto imperator coacta militum valida manu, ductu laetioris fortunae profectus cum ad locum aptissimum pervenisset, flumen Histrum exundantem, pruinarum iam resoluta congerie, super navium foros ponte contexto transgressus populandis barbarorum incubuit terris. qui itinere festinato praeventi catervasque bellatoris exercitus iugulis suis inminere cernentes, quem nondum per anni tempus colligi posse rebantur, nec spirare ausi nec stare, sed vitantes exitium insperatum semet omnes effuderunt in fugam.

5. stratisque plurimis, quorum gressus vinxerat timor, hi, quos exemit celeritas morti, inter latebrosas convalles montium occultati videbant patriam ferro pereuntem, quam vindicassent profecto, si vigore, quo discesserant, restitissent.

6. gerebantur haec in ea parte Sarmatiae, quae secundam prospectat Pannoniam, parique fortitudine contra Valeriam opes barbaras urendo rapiendoque occurrentia militaris turbo vastabat.

7. cuius cladis inmensitate permoti posthabito latendi consilio Sarmatae petendae specie pacis agmine tripertito agentes securius nostros adgredi cogitarunt: ut nec expedire tela nec vim vulnerum declinare, nec, quod est in rebus artissimis ultimum, verti possent in fugam.

8. aderant autem ilico Sarmatis periculorum Quadi participes, qui noxarum saepe socii fuerant indiscreti: sed ne eos quidem prompta iuvit audacia in discrimina ruentes aperta.

9. caesis enim conpluribus pars, quae potuit superesse, per notos calles evasit: quo eventu vires et animos incitante iunctis densius cuneis ad Quadorum regna properabat exercitus, qui ex praeterito casu inpendentia formidantes rogaturi suppliciter pacem, fidentes ad principis venere conspectum erga haec et similia lenioris, dictoque die statuendis condicionibus, [modo] Zizais quoque etiam tum regalis, haud parvi corporis iuvenis ordines Sarmatarum more certaminis instruxit ad preces; visoque imperatore abiectis armis pectore toto procubuit exanimis stratus. et amisso vocis officio prae timore, tum cum orare deberet maiorem misericordiam movit conatus aliquotiens parumque inpediente singultu permissus explicare quae poscebat.

10. recreatus denique tandem iussusque exsurgere, genibus nixus, usu linguae recuperato concessionem delictorum sibi tribui supplicavit et veniam, eoque ad precandum admissa multitudo, cuius ora formido muta claudebat, periculo adhuc praestantioris ambiguo, ubi ille solo iussus attolli orandi signum exspectantibus diu monstravit, omnes clipeis telisque proiectis manus precibus dederunt plura excogitantes ut vincerent humilitate supplicandi regalem.

11. duxerat potior cum ceteris Sarmatis etiam Rumonem et Zinafrum et Fragiledum subregulos plurimosque optimates cum inpetrandi spe similia petituros. qui, licet elati gaudio salutis indultae, condicionum sarcina conpensare inimice facta pollicebantur seque cum facultatibus et liberis et

coniugibus terrarumque suarum ambitu Romanae potentiae libenter offerebant, praevaluit tamen aequitati iuncta benignitas iussique obtinere sedes inpavidi nostros reddidere captivos. duxeruntque obsides postulatos et oboedire praeceptis deinde promptissime spoponderunt.

12. hortante hoc exemplo clementiae advolarunt regales cum suis omnibus Araharius et Vsafer inter optimates excellentes, agminum gentilium duces, quorum alter Transiugitanorum Quadorumque parti, alter quibusdam Sarmatis praeerat locorum confiniis et feritate iunctissimis: quorum plebem arcuit imperator, ne ferire foedera simulans in arma repente consurgeret; discreto consortio pro Sarmatis obsecrantes iussit paulisper abscedere dum Araharii et Quadorum negotium spectaretur.

13. qui cum reorum ritu oblati, stantes curvatis corporibus facinora gravia purgare non possent, ultimae sortis infortunia metuentes dederunt obsides imperatos, numquam antea pignora foederis exhibere conpulsi.

14. his ex aequo bonoque conpositis Vsafer in preces admissus est Arahario pertinaciter obstrepente firmanteque pacem, quam ipse meruit, ei quoque debere proficere ut participi licet inferiori et obtemperare suis imperiis consueto.

15. verum quaestione discussa, aliena potestate eripi Sarmatae iussi ut semper Romanorum clientes offerre obsides quietis vincula conservandae gratanter amplexi sunt.

16. ingerebat autem se post haec maximus numerus catervarum confluentium nationum et regum, suspendi a iugulis suis gladios obsecrantium postquam Araharium inpune conpererant abscessisse: et pari modo ipsi quoque adepti pacem, quam poscebant, accitos ex intimis regnis procerum filios obsidatus sorte opinione celerius obtulerunt itidemque captivos, ut placuerat, nostros, quos haut minore gemitu perdidere quam suos.

17. Quibus ordinatis translata est in Sarmatas cura miseratione dignos potius quam simultate: quibus incredibile quantum prosperitatis haec attulit causa: ut verum illud aestimaretur, quod opimantur quidam, fatum vinci principis potestate vel fieri.

18. potentes olim ac mobiles erant huius indigenae regni, sed coniuratio clandestina servos armavit in facinus. atque ut barbaris esse omne ius in viribus adsuevit, vicerunt dominos ferocia pares sed numero praeminentes.

19. qui confundente metu consilia ad Victohalos discretos longius confugerunt, obsequi defensoribus ut in malis optabile quam servire suis mancipiis arbitrati: quae deplorantes post impetratam veniam recepti in fidem poscebant praesidia libertati eosque iniquitate rei permotus inspectante omni exercitu convocatos adlocutus verbis mollioribus imperator nulli nisi sibi ducibusque Romanis parere praecepit.

20. atque ut restitutio libertatis haberet dignitatis augmentum, Zizaim regem isdem praefecit, conspicuae fortunae tum insignibus aptum profecto, ut res docuit, et fidelem, nec discedere quisquam post haec gloriose gesta permissus est antequam, ut placuerat, remearent nostri captivi.

2I. his in barbarico gestis Bregetionem castra commota sunt, ut etiam ibi belli Quadorum reliquias circa illos agitantium tractus lacrimae vel sanguis extingueret. quorum regalis Vitrodorus Viduari filius regis et Agilimundus subregulus aliique optimates et iudices variis populis praesidentes viso exercitu in gremio regni solique genitalis sub gressibus iacuere militum et adepti veniam iussa fecerunt, sobolemque suam obsidatus pignore ut obsecuturi condicionibus inpositis tradiderunt eductisque mucronibus, quos pro numinibus colunt, iuravere se permansuros in fide.

XIII

1. His, ut narratum est, secundo finitis eventu ad Limigantes Sarmatas servos ocius signa transferri utilitas publica flagitabat, quos erat admodum nefas inpune multa et nefaria perpetrasse. nam velut obliti priorum tunc erumpentibus Liberis ipsi quoque tempus aptissimum nancti limitem perrupere Romanum, ad hanc solam fraudem dominis suis hostibusque concordes.

2. deliberatum est tamen id quoque lenius vindicari quam criminum magnitudo poscebat, hactenus ultione porrecta, ut ad longinqua translati amitterent copiam nostra vexandi, quos pericula formidare monebat scelerum conscientia diutius conmissorum.

3. ideoque in se pugnae molem suspicati vertendam dolos parabant et ferrum et preces. verum aspectu primo exercitus tamquam fulminis ictu perculsi ultimaque cogitantes, vitam precati, tributum annuum delectumque validae iuventutis et servitium spoponderunt, abnuere parati si iuberentur aliorsum migrare ut gestibus indicabant et vultibus, locorum confisi praesidio, ubi lares post exactos dominos fixere securi.

4. has enim terras Parthiscus inruens obliquatis meatibus Histro miscetur. sed dum solus licentius fluit, spatia longa et lata sensim praeterlabens et ea coartans prope exitum in angustias, accolas ab impetu Romanorum alveo Danubii defendit, a barbaricis vero excursibus suo tutos praestat obstaculo, ubi pleraque umidioris soli natura et incrementis fluminum redundantia stagnosa sunt et referta salicibus ideoque invia nisi perquam gnaris: et super his insularem anfractum aditu Parthisci paene contiguum amnis potior ambiens terrae consortio separavit.

5. hortante igitur principe cum genuino fastu ad citeriorem venere fluminis ripam, ut exitus docuit, non iussa facturi sed ne viderentur militis praesentiam formidasse, stabantque contumaciter, ideoque propinquasse monstrantes ut iubenda repudiarent.

6. quae imperator accidere posse contemplans in agmina plurima clam distributo exercitu celeritate volucri migrantes intra suorum acies clausit. stansque in aggere celsiore cum paucis et stipatorum praesidio tectus eos, ne ferocirent, lenius admonebat.

7. sed fluctuantes ambiguitate mentium in diversa rapiebantur et furori mixta versutia temptabant cum precibus proelium vicinumque sibi in nostros parantes excursum proiecere consulto longius scuta, ut ad ea recuperanda sensim progressi sine ullo fraudis indicio spatia furarentur.

8. Iamque vergente in vesperum die cum moras rumpere lux moneret excedens, erectis vexillis in eos igneo miles impetu ferebatur. qui conferti acieque densiore contracta adversus ipsum principem stantem, ut dictum est, altius omnem impetum contulerunt eum oculis incessentes et vocibus truculentis.

9. cuius furoris amentiam exercitus ira ferre non potuit eosque imperatori, ut dictum est, acriter imminentes desinente in angustum fronte, quem habitum caput porci simplicitas militaris appellat, impetu disiecit ardenti, et dextra pedites catervas peditum obtruncabant, equites laeva equitum se turmis agilibus infuderunt.

10. cohors praetoria ex adverso Augustum cautius stipans resistentium pectora moxque terga fugientium incidebat et cadentes insuperabili

contumacia barbari non tam mortem dolere quam nostrorum laetitiam horrendo stridore monstrabant, et iacentes absque mortuis plurimi succisis poplitibus ideoque adempto fugiendi subsidio, alii dexteris amputatis, non nulli ferro quidem intacti sed superruentium conlisi ponderibus cruciatus alto silentio perferebant.

11. nec eorum quisquam inter diversa supplicia veniam petit aut ferrum proiecit aut exoravit celerem mortem, sed arma iugiter retinentes licet adflicti minus criminis aestimabant alienis viribus potius quam conscientiae suae iudicio vinci: mussantesque audiebantur interdum, fortunae non meriti fuisse quod evenit. ita in semihorae curriculo discrimine proeliorum emenso tot procubuere subito barbari ut pugnam fuisse sola victoria declararet.

12. Vix dum populis hostilibus stratis gregatim peremptorum necessitudines ducebantur humilibus extractae tuguriis aetatis sexusque promiscui et fastu vitae prioris abolito ad infimitatem obsequiorum venere servilium, et exiguo temporis intervallo decurso caesorum aggeres et captivorum agmina cernebantur.

13. incitante itaque fervore certaminum fructuque vincendi consurrectum est in perniciem eorum, qui deseruere proelia, vel in tuguriis latitantes occultabantur. hos, cum ad loca venisset avidus barbarici sanguinis miles, disiectis culmis levibus obtruncabat nec quemquam casa vel trabibus conpacta firmissimis periculo mortis extraxit.

14. denique cum inflammarentur omnia nullusque latere iam posset, cunctis vitae praesidiis circumcisis, aut obstinate igni peribat absumptus, aut incendium vitans egressusque uno supplicio declinato ferro sternebatur hostili.

15. fugientes tamen aliqui tela incendiorumque magnitudinem amnis vicini se conmisere gurgitibus, peritia nandi ripas ulteriores occupare posse sperantes, quorum plerique summersi necati sunt, alii iaculis periere confixi adeo ut abunde cruore diffuso meatus fluminis spumaret immensi: ita per elementum utrumque Sarmatas vincentium ira virtusque delevit.

16. Placuerat igitur post hunc rerum ordinem cunctis adimi spem omnem vitaeque solacium. et post lares incensos raptasque familias navigia iussa sunt colligi ad indagandos, quos a nostrorum acie ulterior discreverat ripa.

17. Statimque ne alacritas intepesceret pugnatorum, inpositi lintribus per abdita ducti velites expediti occuparunt latibula Sarmatarum, quos repentinus fefellit aspectus, gentiles lembos et nota remigia conspicantes.

18. ubi vero procul micantibus telis, quod verebantur propinquare senserunt, ad suffugia locorum palustrium se contulerunt eosque secutus infestius miles caesis plurimis ibi victoriam repperit, ubi nec caute posse consistere nec audere aliquid credebatur.

19. post absumptos paene diffusosque Amicenses petiti sunt sine mora Picenses, ita ex regionibus appellati conterminis: quos tutiores fecere sociorum aerumnae rumorum adsiduitate conpertae. ad quos opprimendos – erat enim arduum sequi per diversa conspersos inprudentia viarum arcente – Taifalorum auxilium et Liberorum adaeque Sarmatarum adsumptum est.

20. cumque auxiliorum agmina locorum ratio separaret, tractus contiguos Moesiae sibi miles elegit, Taifali proxima suis sedibus obtinebant, Liberi terras occupaverant e regione sibi oppositas.

21. Limigantes territi subactorum exemplis et prostratorum diu haesitabant ambiguis mentibus, utrum oppeterent an rogarent, cum utriusque rei suppeterent documenta non levia. vicit tamen ad ultimum coetu seniorum urgente dedendi se consilium. variaeque palmae victoriarum accessit eorum

quoque supplicatio, qui armis libertatem invaserant, et reliqui eorum cum precibus, ut superatos et inbelles dominos aspernati fortioribus visis inclinavere cervices.

22. accepta itaque publica fide, deserto montium propugnaculo ad castra Romana convolavit eorum pars maior diffusa per spatia ampla camporum cum parentibus et natis atque coniugibus opumque vilitate, quam eis celeritatis ratio furari permisit.

23. et qui animas amittere potius quam cogi solum vertere putabantur, dum licentem amentiam libertatem existimarent, parere imperiis et sedes alias suscipere sunt adsensi tranquillas et fidas, ut nec bellis vexari nec mutari seditionibus possint. isdemque ex sententia, ut credebatur, acceptis quievere paulisper, post feritate nativa in exitiale scelus erecti, ut congruo docebitur textu.

24. Hoc rerum prospero currente successu tutela Illyrico conpetens gemina est ratione firmata, cuius negotii duplicem magnitudinem imperator adgressus utramque perfecit. infidis . . . exules populos licet mobilitate suppares, acturos tamen paulo verecundius, tandem reductos in avitis sedibus conlocavit. isdemque ad gratiae cumulum non ignobilem quempiam regem sed quem ipsi antea sibi praefecere, regalem inposuit, bonis animi corporisque praestantem,

25. tali textu recte factorum Constantius iam metuente sublimior militarique consensu secundo Sarmaticus appellatus ex vocabulo subactorum, iamque discessurus convocatis cohortibus et centuriis et manipulis omnibus tribunal insistens signisque ambitus et aquilis et agmine multiplicium potestatum his exercitum adlocutus est, ore omnium favorabilis, ut solebat:

26. "Hortatur recordatio rerum gloriose gestarum omni iucunditate viris fortibus gratior admodum verecunde replicare, quae divinitus delata sorte vincendi et ante proelia et in ipso correximus fervore pugnarum, Romanae rei fidissimi defensores. quid enim tam pulchrum tamque posteritatis memoriae iusta ratione mandandum quam ut miles strenue factis, ductor prudenter consultis exultet?

27. persultabat Illyricum furor hostilis, absentiam nostram inanitate tumenti despiciens, dum Italos tueremur et Gallos, variisque discursibus vastabat extima limitum, nunc cavatis roboribus, aliquotiens peragrans pedibus flumina, non congressibus nec armis fretus aut viribus sed latrociniis adsuetus occultis, astu et ludificandi varietate iam inde ab instituta gente nostris quoque maioribus formidatus: quae longius disparati, qua ferri poterant, tulimus, leviores iacturas efficacia ducum vetari posse sperantes.

28. ubi vero per licentiam scandens in maius ad funestas provinciarum clades erepsit et crebras, communitis aditibus Raeticis tutelaque pervigili Galliarum securitate fundata, terrore nullo relicto post terga venimus in Pannonias, ut placuit numini sempiterno, labentia firmaturi: cunctisque paratis, ut nostis, vere adulto egressi arripuimus negotiorum maximas moles: primum ne struendo textis conpagibus ponti telorum officeret multitudo, quo opera levi perfecto visis terris hostilibus et calcatis, obstinatis ad mortem animis conatos resistere Sarmatas absque nostrorum dispendio stravimus, parique petulantia ruentes in agmina nobilium legionum Quados Sarmatis adiumenta ferentes adtrivimus. qui post aerumnosa dispendia inter discursus et repugnandi minaces anhelitus, quid nostra valeat virtus experti, manus ad dimicandum aptatas armorum abiecto munimine pone terga vinxerunt restareque solam salutem contemplantes in precibus, adfusi sunt vestigiis Augusti clementis, cuius proelia saepe conpererant exitus habuisse felices.

29. his sequestratis Limigantes quoque fortitudine superavimus pari, interfectisque pluribus alios periculi declinatio adegit suffugia petere latebrarum palustrium.

30. hisque secundo finitis eventu lenitatis tempus aderat tempestivae. Limigantes ad loca migrare conpulimus longe discreta, ne in perniciem nostrorum se commovere possent ulterius, et pepercimus plurimis et Zizaim praefecimus Liberis, dicatum nobis futurum et fidum, plus aestimantes creare quam auferre barbaris regem, hoc decore augente sollemnitatem quod isdem quoque rector tributus antehac electus est et acceptus.

31. quadruplex igitur praemium, quod unus procinctus absolvit, nos quaesivimus et res publica, primo ultione parta de grassatoribus noxiis, deinde quod vobis abunde sufficient ex hostibus captivi. his enim virtutem oportet esse contentam, quae sudore quaesivit et dexteris.

32. nobis amplae facultates opumque sunt magni thesauri: integra omnium patrimonia nostri labores et fortitudo servarint. hoc enim boni principis menti, hoc successibus congruit prosperis.

33. postremo ego quoque hostilis vocabuli spolium prae me fero, secundum Sarmatici cognomentum, quod vos unum idemque sentientes mihi – ne sit adrogans dicere – merito tribuistis". Post hunc dicendi finem contio omnis alacrior solito, aucta spe potiorum et lucri, vocibus festis in laudes imperatoris adsurgens deumque ex usu testata non posse Constantium vinci, tentoria repetit laeta. et reductus imperator ad regiam otioque bidui recreatus Sirmium cum pompa triumphali regressus est et militares numeri destinatas remearunt sedes.

XIV

1. Hisce isdem diebus Prosper et Spectatus atque Eustathius legati ad Persas, ut supra docuimus, missi Ctesiphonta reversum regem adiere, litteras perferentes imperatoris et munera, poscebantque rebus integris pacem et mandatorum memores nusquam ab utilitate Romanae rei maiestateque discedebant, amicitiae foedus sub hac lege firmari debere adseverantes, ne super turbando Armeniae vel Mesopotamiae statu quicquam moveretur.

2. diu igitur ibi morati cum obstinatissimum regem nisi harum regionum dominio sibi adiudicata obdurescentem ad suscipiendam cernerent pacem, negotio redierunt infecto.

3. post quod id ipsum condicionum robore pari inpetraturi Lucillianus missus est comes et Procopius tunc notarius, qui postea nodo quodam violentae necessitatis adstrictus ad res consurrexit novas.

LIBER XVIII

I

1. Haec per orbis varias partes uno eodemque anno sunt gesta. at in Galliiscum in meliore statu res essent et Eusebium atque Hypatium fratressublimarent vocabula consulum, Iulianus contextis successibus clarus apudParisios hibernans sequestratis interim sollicitudinibus bellicis haut minore curaprovinciarum fortunis multa conducentia disponebat, diligenter observans,nequem tributorum sarcina praegravaret, neve potentia

praesumeret aliena,aut hi versarentur in medio, quorum patrimonia publicae clades augebant, veliudicum quisquam ab aequitate deviaret inpune.

2. idque ea re levi labore correxit quod ipse iurgia dirimens, ubi causarumcogebat magnitudo vel personarum, erat indeclinabilis iustorum iniustorumquedistinctor.

3. et licet multa sint eius laudanda in huius modi controversiis, unum tamensufficiet poni, ad cuius similitudinem acta vel dicta sunt.

4. Numerium Narbonensis paulo ante rectorem accusatum ut furem inusitatocensorio vigore pro tribunali palam admissis volentibus audiebat, qui cuminfitiatione defenderet obiecta, nec posset in quoquam confutari, Delphidiusorator acerrimus vehementer eum inpugnans documentorum inopia percitusexclamavit 'ecquis, florentissime Caesar, nocens esse poterit usquam si negaresufficiet?' contra quem Iulianus prudenter motus ex tempore 'ecquis' ait 'innocens esse poterit si accusasse sufficiet?'. et haec quidem et huius modimulta civilia.

II

1. Egressurus autem ad procinctum urgentem, cum Alamannorum pagosaliquos esse reputaret hostiles et ausuros inmania, ni ipsi quoque ad ceterorumsternerentur exempla, haerebat anxius qua vi, qua celeritate, cum primumratio copiam tribuisset, rumore praecurso terras eorum invaderet repentinus,seditque tandem multa et varia cogitanti, id temptare quod utile probaviteventus.

2. Hariobaudem vacantem tribunum fidei fortitudinisque notae nullo consciolegationis specie ad Hortarium miserat regem iam pacatum, ut exinde facile adconlimitia progressus eorum, in quos erant arma protinus commovenda, scitaripossit quid molirentur, sermonis barbarici perquam gnarus.

3. quo fidenter ad haec patranda digresso ipse anni tempore oportuno adexpeditionem undique milite convocato profectus id inter potissima matureduxit implendum, ut ante proeliorum fervorem civitates multo ante excisasintroiret receptasque conmuniret, horrea quin etiam exstrueret pro incensis,ubi condi possit annona a Brittannis sueta transferri. et utrumque perfectumest spe omnium citius.

4. nam et horrea veloci opere surrexerunt alimentorumque in isdem satiascondita, et civitates occupatae sunt septem: Castra Herculis, Quadriburgium,Tricensimae, Novesium, Bonna, Antennacum et Bingio, ubi laeto quodameventu etiam Florentius praefectus apparuit subito partem militum ducens etcommeatuum perferens copiam sufficientem usibus longis.

5. Post haec inpetrata restabat adigente necessitatum articulo receptarumurbium moenia reparari nullo etiam tum interturbante, idque claris indiciisapparet ea tempestate utilitati publicae metu barbaros oboedisse, rectorisamore Romanos.

6. reges ex pacto superioris anni aedificiis habilia multa suis misere carpentis etauxiliarii milites semper munia spernentes huius modi ad obsequendisedulitatem Iuliani blanditiis deflexi quinquagenarias longioresque materiasvexere cervicibus ingravate et fabricandi ministeriis opem maximamcontulerunt.

7. Quae dum diligenti maturantur effectu, Hariobaudes exploratis omnibusrediit docuitque conperta. post cuius adventum incitatis viribus

omnes venereMogontiacum, ubi Florentio et Lupicino, Severi successore, destinatecertantibus per pontem illic constitutum transiri debere, renitebatur firmissimeCaesar adserens pacatorum terras non debere calcari ne, ut saepe contigit, perincivilitatem militis occurrentia vastitantis abrupte foedera frangerentur.

8. Alamanni tamen omnes, quos petebat exercitus, confine, periculumcogitantes Suomarium regem amicum nobis ex pactione praeterita monueruntminaciter ut a transitu Romanos arceret. eius enim pagi Rheni ripis ulterioribusadhaerebant. quo testante resistere solum non posse, in unum coacta barbaramultitudo venit prope Magontiacum prohibitura viribus magnis exercitum netransmitteret flumen.

9. gemina itaque ratione visum est habile quod suaserat Caesar, ne pacatorumterrae corrumperentur, neve renitente pugnacissima plebe pons cum multorumdiscrimine iungeretur, iri in locum ad conpaginandum pontem aptissimum.

10. quod hostes sollertissime contemplati per contrarias ripas leniter incedentesubi nostros figere tentoria procul cernebant, ipsi quoque noctes agebantexsomnes custodientes pervigili studio ne transitus temptaretur.

11. verum cum nostri locum adventarent provisum, vallo fossaque quieverecircumdati et adscito Lupicino in consilium Caesar certis imperavit tribunis, uttrecentenos pararent cum sudibus milites expeditos, quid agi, quove iri deberetpenitus ignorantes.

12. et collecti nocte provecta inpositique omnes, quos lusoriae navesquadraginta quae tunc aderant solae ceperunt, decurrere iubentur per flumenadeo taciti ut etiam remi suspenderentur ne barbaros sonitus excitaretundarum, atque mentis agilitate et corporum, dum hostes nostrorum ignesobservant, adversas perrumpere limitis ripas.

13. Dum haec celerantur, Hortarius, rex nobis antea foederatus, nonnovaturus quaedam, sed amicus finitimis quoque suis, reges omnes et regales etregulos ad convivium conrogatos retinuit epulis ad usque vigiliam tertiamgentili more extentis, quos discedentes inde casu nostri ex inproviso adorti necinterficere nec corripere ullo genere potuerunt tenebrarum equorumqueadiumento, quo dubius impetus trusit, abreptos, lixas vero vel servos, qui eospedibus sequebantur, nisi quos exemit discrimine temporis obscuritas,occiderunt.

14. Cognito denique Romanorum transitu, qui tunc perque expeditionespraeteritas ibi levamen sumere laborum opimabantur, ubi hostem contingeretinveniri, perculsi reges eorumque populi, qui pontem, ne strueretur, studioservabant intento, metu exhorrescentes diffuse vertuntur in pedes: et indomitofurore sedato necessitudines opesque suas transferre longius festinabant.statimque difficultate omni depulsa, ponte constrato sollicitarum gentiumopinione praeventa visus in barbarico miles per Hortarii regna transibatintacta

15. ubi vero terras infestorum etiam tum tetigit regum, urens omnia rapinisqueper medium rebellium solum grassabatur intrepidus. Postque saepimentafragilium penatium inflammata et obtruncatam hominum multitudinemvisosque cadentes multos aliosque supplicantes cum ventum fuisset adregionem cui Capellatii vel Palas nomen est, ubi terminales lapidesAlamannorum et Burgundiorum confinia distinguebant, castra sunt posita eapropter ut Macrianus et Hariobaudus germani fratres et reges susciperenturinpavidi, qui propinquare sibi perniciem sentientes venerant pacem anxiisanimis precaturi.

16. post quos statim rex quoque Vadomarius venit, cuius erat domicilium contraRauracos, scriptisque Constanti principis, quibus commendatus est artius,allegatis leniter susceptus est, ut decebat, olim ab Augusto in clientelam reiRomanae susceptus.

17. et Macrianus quidem cum fratre inter aquilas admissus et signa stupebatarmorumque varium decus, visa tunc primitus, proque suis orabat. Vadomariusvero nostris coalitus utpote vicinus limiti mirabatur quidem apparatumambitiosi procinctus sed vidisse se talia saepe ab adulescentia meminneratprima

18. libratis denique diu consiliis concordi adsensione cunctorum Macrianoquidem et Hariobaudo pax est adtributa, Vadomario vero, qui suam locaturussecuritatem in tuto et legationis nomine precator venerat pro Vrio et Vrsicinoet Vestralpo regibus pacem itidem obsecrans interim responderi non poteratne, ut sunt fluxioris fidei barbari, post abitum recreati nostrorum parumadquiescerent per alios inpetratis.

19. sed cum ipsi quoque missis legatis post messes incensas et habitaculacaptosque plures et interfectos ita supplicarent, tamquam ipsi haec deliquissentin nostros, pacem condicionum similitudine meruerunt. inter quas id festinatumest maxime, ut captivos restituerent omnes, quos rapuerant excursibus crebris.

III

1. Haec dum in Galliis caelestis corrigit cura, in comitatu Augusti turbonovarum exoritur rerum a primordiis levibus ad luctus et lamenta progressus.in domo Barbationis pedestris militiae tunc rectoris examen apes fecereperspicuum, superque hoc ei prodigiorum gnaros sollicite consulenti discrimenmagnum portendi responsum est, coniectura videlicet tali, quod hae volucrespost conpositas sedes opesque congestas fumo pelluntur et turbulento sonitucymbalorum.

2. huic uxor erat Assyria nomine nec taciturna nec prudens, quae eo adexpeditionem profecto et multiplici metu suspenso ob ea quae meminerat sibipraedicta, perculsa vanitate muliebri, ancilla adscita notarum perita, quam apatrimonio Silvani possederat, ad maritum scripsit intempestive velut flensobtestans, ne post obitum Constanti propinquantem in imperium ipse utsperabat admissus, despecta se anteponeret Eusebiae matrimonium tuncreginae decore corporis inter multas feminas excellentis.

3. quibus litteris occulte quantum fieri potuit missis ancilla, quae dominadictante perscripserat, reversis omnibus e procinctu exemplum ferens adArbetionem noctis prima quiete confugit avideque suscepta chartulam prodidit.

4. hocque indicio ille confisus ut erat ad criminandum aptissimus principi detulitatque ex usu nec mora ulla negotio tributa nec quiete Barbatio epistulamsuscepisse confessus et mulier scripsisse documento convicta non levi cervicibusinteriere praecisis.

5. hisque punitis quaestiones longe serpebant vexatique multi nocentes sunt etinnocentes. inter quos etiam Valentinus ex primicerio protectorum tribunus utconscius inter conplures alios tortus aliquotiens supervixit, penitus quid eratgestum ignorans. ideoque ad iniuriae periculique conpensationem ducis inIllyrico meruit potestatem.

6. Erat autem idem Barbatio subagrestis adrogantisque propositi, ea re

multisexosus quo et, dum domesticos protectores sub Gallo regeret Caesare, proditorerat et perfidus et post eius excessum nobilioris militiae fastu elatus inIulianum itidem Caesarem paria confingebat crebroque detestantibus bonis subAugusti patulis auribus multa garriebat et saeva,

7. ignorans profecto vetus Aristotelis sapiens dictum, qui Callisthenemsectatorem et propinquum suum ad regem Alexandrum mittens ei saepemandabat, ut quam rarissime et iucunde apud hominem loqueretur vitaepotestatem et necis in acie linguae portantem.

8. ne sit hoc mirum, homines profutura discernere non numquam et nocentiaquorum mentes cognatas caelestibus arbitramur, animalia ratione carentiasalutem suam interdum alto tueri silentio solent, ut exemplum est hoc perquamnotum.

9. linquentes orientem anseres ob calorem plagamque petentes occiduam cummontem penetrare coeperint Taurum aquilis abundantem, timentes fortissimasvolucres, rostra lapillis occludunt, ne eis eliciat vel necessitas extremaclangorem, isdemque collibus agiliore volatu transcursis proiciunt calculosatque ita securius pergunt.

IV

1. Dum apud Sirmium haec diligentia quaeruntur inpensa, orientis fortunapericulorum terribiles tubas inflabat. rex enim Persidis ferarum gentium, quasplacarat, adiumentis accinctus augendique regni cupiditate supra hominesflagrans arma viresque parabat et commeatus, consilia tartareis manibusmiscens et praesciones omnes consulens de futuris, hisque satis collectispervadere cuncta prima verni temperie cogitabat.

2. Et cum haec primo rumores, dein nuntii certi perferrent omnesque suspensosadventantium calamitatum conplicaret magna formido, Comitatensis fabricaeandem incudem – ut dicitur – diu noctuque tundendo ad spadonum arbitrium,imperatori suspicaci ac timido intendebat Vrsicinum velut vultus Gorgoneitorvitatem, haec saepe taliaque replicans quod interempto Silvano quasipenuria meliorum ad tuendas partes eoas denuo missus altius anhelabat.

3. hac autem adsentandi nimia foeditate mercari conplures nitebantur Eusebifavorem, cubiculi tunc praepositi, apud quem – si vere dici debeat – multaConstantius potuit, ante dicti magistri equitum salutem acriter inpugnantisratione bifaria, quod omnium solus nec opis eius egebat ut ceteri, et domo suanon cederet Antiochiae, quam molestissime flagitabat.

4. qui ut coluber copia virus exuberans natorum multitudinem etiam tum aegreserpentium excitans ad nocendum, emittebat cubicularios iam adultos, ut interministeria vitae secretioris gracilitate vocis semper puerilis et blandae apudprincipis aures nimium patulas existimationem viri fortis invidia gravipulsarent. et brevi iussa fecerunt.

5. horum et similium taedio iuvat veterem laudare Domitianum, qui licet patrisfratrisque dissimilis memoriam nominis sui inexpiabili detestatione perfudit,tamen receptissima inclaruit lege qua minaciter interdixerat ne intra terminosiuris dictionis Romanae castraret quisquam puerum, quod ni contigisset, quiseorum ferret examina, quorum raritas difficile toleratur?

6. actum est tamen cautius ne, ut fingebat, rursus accitus idem Vrsicinus metucuncta turbaret, sed cum fors copiam detulisset, raperetur ad mortem.

7. Haec operientibus illis et ancipiti cogitatione districtis, nobis apudSamosatam, Commageni quondam regni clarissimam sedem,

parumpermorantibus repente novi motus rumoribus densis audiuntur et certis. quoddocebit orationis progrediens textus.

V

1. Antoninus quidam ex mercatore opulento rationarius apparitorMesopotamiae ducis, tunc protector, exercitatus et prudens perque omnes illasnotissimus terras, aviditate quorundam nexus ingentibus damnis cum iurgandocontra potentes se magis magisque iniustitia frangi contemplaretur, addeferendam potioribus gratiam qui spectabant negotium inclinatis, ne contraacumina calcitraret, flexit se in blanditias molliores confessusque debitum perconludia in nomen fisci translatum, iamque ausurus inmania rimabatur tectiusrei publicae membra totius et utriusque linguae litteras sciens circa ratiociniaversabatur, qui vel quarum virium milites ubi agant vel procinctus tempore quosint venturi describens, itidem armorum et commeatuum copiae aliaque usuibello futura an abunde suppetant indefessa sciscitatione percontans.

2. et cum totius orientis didicisset interna, virorum stipendiique parte maximaper Illyricum distributa, ubi distinebatur ex negotiis seriis imperator, adlapsuroiam praestituto die solvendae pecuniae, quam per syngrapham debere seconfiteri vi metuque conpulsus est, cum omnibus se prospiceret undiquepericulis opprimendum, largitionum comite ad alterius gratiam infestiusperurgente, fugam ad Persas cum coniuge liberis et omni vinculo caritatumingenti molimine conabatur.

3. atque ut lateret stationarios milites, fundum in Hiaspide, qui locus Tigridisfluentis adluitur, pretio non magno mercatur. hocque commento cum nulluscausam veniendi ad extremas Romani limitis partes iam possessorem cumplurimis auderet exigere, per familiares fidos peritosque nandi occultis saepeconloquiis cum Tamsapore habitis, qui tractus omnes adversos ducis potestatetunc tuebatur, et antea cognitus misso a Persicis castris auxilio virorumpernicium, lembis inpositus cum omni penatium dulcedine nocte concubiatransfretat, re contraria, specie Zopyri illius simi]is Babylonii proditoris.

4. Rebus per Mesopotamiam in hunc statum deductis Palatina cohorspalinodiam in exitium concinens nostrum invenit tandem amplam nocendifortissimo viro, auctore et incitatore coetu spadonum, qui feri et acidi sempercarentesque necessitudinibus ceteris divitias solas ut filiolas iucundissimasamplectuntur.

5. stetitque sententia ut Sabinianus vietus quidem senex et bene nummatus sedinbellis et ignavus et ab impetranda magisterii dignitate per obscuritatemadhuc longe discretus praeficiendus eois partibus mitteretur, Vrsicinus verocuraturus pedestrem militiam et successurus Barbationi ad comitatumreverteretur, quo praesens rerum novarum avidus concitor, ut iactabant, agravibus inimicis et metuendis incesseretur.

6. Dum haec in castris Constantii quasi per lustra aguntur et scaenam etdiribitores venundatae subito potestatis pretium per potiores diffunditantdomos, Antoninus ad regis hiberna perductus aventer suscipitur et apicisnobilitatus auctoritate – quo honore participantur mensae regales etmeritorum apud Persas ad suadendum ferendasque sententias in contionibusora panduntur – non contis nec remulco ut aiunt, id est non flexiloquisambagibus vel obscuris, sed velificatione plena in rem publicam

ferebatureundemque incitans regem ut quondam Maharbal lentitudinis increpansHannibalem, posse eum vincere sed victoria uti nescire adsidue praedicabat.

7. educatus enim in medio ut rerum omnium gnarus auditorum nanctus vigilessensus et aurium delenimenta captantes nec laudantium sed secundumHomericos Phaeacas cum silentio admirantium iam inde quadragesimi annimemoriam replicabat, post bellorum adsiduos casus et maxime apud Hileiamet Singaram, ubi acerrima illa nocturna concertatione pugnatum est,nostrorum copiis ingenti strage confossis quasi dirimente quodam medio fetialiPersas nondum Edessam nec pontes Euphratis tetigisse victores, quosarmipotentia fretos successibusque magnificis ita dilatasse decuerat rem etmaxime eo tempore quo diuturnis bellorum civilium motibus sanguis utrimqueRomani roboris fundebatur.

8. His ac talibus subinde inter epulas sobrius perfuga, ubi de apparatu bellorumet seriis rebus apud eos Graiorum more veterum consultatur, regemincendebat ardentem, ut exacta hieme statim arma fretus fortunae suaemagnitudine concitaret, ipse quoque in multis ac necessariis operam suamfidenter promittens.

VI

1. Sub isdem fere diebus Sabinianus adepta repentina potestate sufflatus etCiliciae fines ingressus decessori suo principis litteras dedit hortantis, ut adcomitatum dignitate adficiendus superiore citius properaret, eo necessitatumarticulo quo etiam, si apud Thulen moraretur Vrsicinus, acciri eum magnitudorerum ratione probabili flagitabat, utpote disciplinae veteris et longo usubellandi artis Persicae scientissimum.

2. quo rumore provinciis percitis ordines civitatum et populi decretis etadclamationibus densis iniecta manu detinebant penes se publicumdefensorem, memores, quod relictus ad sui tutelam cum inerti et umbratilimilite nihil amiserat per decennium, simul metuentes saluti quod temporedubio, remoto illo advenisse hominem compererant inertissimum.

3. credimus – neque enim dubium est – per aerios tramites famam praepetemvolitare, cuius indicio haec gesta pandente, consiliorum apud Persas summoproponebatur: et multis ultro citroque deliberatis placuit Antonino suadente utVrsicino procul amoto despectoque novello duce, posthabitis civitatumperniciosis obsidiis perrumperetur Euphrates ireturque prorsus, ut occuparipossint provinciae fama celeritate praeventa, omnibus ante bellis, nisitemporibus Gallieni, intactae paceque longissima locupletes, cuius reiprosperante deo ductorem commodissimum fore spondebat.

4. laudato firmatoque concordi omnium voluntate consilio conversisqueuniversis ad ea quae erant citius congerenda, commeatus milites armaceteraque instrumenta, quae poscebat procinctus adventans, perpetua hiemeparabantur.

5. Nos interea paulisper cis Taurum morati ex imperio ad partes Italiaefestinantes prope flumen venimus Hebrum ex Odrysarum montibusdecurrentem ibique principis scripta suscepimus iubentia omni causationeposthabita reverti Mesopotamiam sine apparitione ulla expeditionem curaturipericulosam, ad alium omni potestate translata.

6. quod ideo per molestos formatores imperii struebatur ut, si Persae frustrahabiti redissent ad sua, ducis novi virtuti facinus adsignaretur

egregium; sifortuna sequior ingruisset, Vrsicinus reus proditor rei publicae deferretur.

7. agitati ita sine rationibus, diu cunctati reversique fastidii plenumSabinianum invenimus hominem mediocris staturae et parvi angustique animivix sine turpi metu sufficientem ad levem convivii nedum proelii strepitumperferendum.

8. Tamen quoniam speculatores apparatus omnes apud hostes fervereconstanti adseveratiove perfugis concinentibus adfirmabant, oscitantehomunculo Nisibin propere venimus utilia paraturi, me dissimulantes obsidiumPersae civitati supervenirent incautae.

9. dumque intra muros maturanda perurgerentur, fumus micantesque ignesadsidue a Tigride per Castra Maurorum et Sisara et conlimitia reliqua adusque civitatem continui perlucebant solito crebriores, erupisse hostiumvastatorias manus superato flumine permonstrantes.

10. qua causa ne occuparentur itinera, celeri cursu praegressi cum ad secundumlapidem venissemus, liberali forma puerum torquatum, ut coniectabamusoctennem, in aggeris medio vidimus heiulantem, ingenui cuiusdam filium, utaiebat; quem mater dum inminentium hostium terrore percita fugeret,inpeditior trepidando reliquerat solum. hunc dum imperatu ducis miseraticommotique inpositum equo prae me ferens ad civitatem reduco, circumvallatomurorum ambitu praedatores latius vagabantur.

11. et quia me obsidionales aerumnae terrebant, intra semiclausam posticamexposito puero nostrorum agmen agilitate volucri repetebam exanimis, necmultum afuit quin caperer.

12. nam cum Abdigildum quendam tribunum fugientem cum calone alasequeretur hostilis, lapsoque per fugam domino servum deprehensum, cum egorapido ictu transirem, interrogassent quisnam provectus sit iudex,audissentque Vrsicinum paulo ante urbem ingressum montem Izalam petere:occiso indice in unum quaesiti conplures nos inrequietis cursibus sectabantur.

13. quos cum iumenti agilitate praegressus apud Amudin munimentuminfirmum dispersis per pabulum equis recubantes nostros securius invenissem,porrecto extentius brachio et summitatibus sagi contortis elatius adesse hostessigno solito demonstrabam isdemque iunctus impetu communi ferebar equoiam fatiscente.

14. terrebat autem nos plenilunium noctis et planities supina camporum, nulla,si occupasset artior casus, latibula praebere sufficiens, ubi nec arbores necfrutecta nec quicquam praeter herbas humiles visebatur.

15. excogitatum est ergo ut ardente superposita lampade et circumligata, nerueret, iumentum solum, quod eam vehebat, solutum sine rectore laevorsus irepermitteretur, cum nos ad montanos excessus dextra positos tenderemus utpraelucere sebalem facem duci lenius gradienti Persae credentes eum tenerentpotissimum cursum; quod nisi fuisset praevisum, circumventi et capti subdicionem venissemus hostilem.

16. Hoc extracti periculo cum ad nemorosum quendam locum vineisarbustisque pomiferis consitum Meiacarire nomine venissemus, cui fontesdedere vocabulum gelidi, lapsis accolis omnibus solum in remoto secessulatentem invenimus militem, qui oblatus duci et locutus varia prae timoreideoque suspectus, adigente metu qui intentabatur, pandit rerum integramfidem docetque quod apud Parisios natus in Galliis, et equestri militans turmavindictam quondam commissi facinoris timens ad Persas abierat profugus,exindeque morum probitate spectata sortita coniuge liberisque

susceptisspeculatorem se missum ad nostra, saepe veros nuntios reportasse. at nunc sea Tamsapore et Nohodare optimatibus missum, qui catervas ductaverantpraedatorum, ad eos redire, quae didicerat, perlaturum. Post haec, adiectisquae agi in parte diversa norat, occiditur.

17. Proinde curarum crescente sollicitudine inde passibus citis Amidam protemporis copia venimus civitatem postea secutis cladibus inclytam. quo reversisexploratoribus nostris in vaginae internis notarum figuris membranamrepperimus scriptam a Procopio ad nos perferri mandatam – quem legatum adPersas antea missum cum comite Lucilliano praedixi – haec consulto obscuriusindicantem, ne captis baiulis sensuque intellecto scriptorum excitaretur materiafunestissima.

18. 'Amendatis procul Graiorum legatis, forsitan et necandis rex longaevusnon contentus Hellesponto, iunctis Granici et Rhyndaci pontibus Asiam cumnumerosis populis pervasurus adveniet, suopte ingenio inritabilis etasperrimus, auctore et incensore Hadriani quondam Romani Principissuccessore; actum et conclamatum est ni caverit Graecia'.

19. Qui textus significabat Persarum regem transitis fluminibus Anzaba etTigride, Antonino hortante dominium orientis adfectare totius. his obperplexitatem nimiam aegerrime lectis consilium suscipitur prudens.

20. Erat eo tempore Satrapa Corduenae, quae obtemperabat potestatiPersarum, Iovinianus nomine appellatus in solo Romano adulescens, nobiscumocculte sentiens ea gratia, quod obsidatus sorte in Syriis detentus et dulcedineliberalium studiorum inlectus remeare ad nostra ardenti desiderio gestiebat.

21. ad hunc missus ego cum centurione quodam fidissimo exploratius noscendigratia, quae gerebantur, per avios montes angustiasque praecipites veni.visusque et agnitus comiterque susceptus causam praesentiae meae uni illiconfessus adiuncto taciturno aliquo locorum perito mittor ad praecelsas rupesexinde longe distantes, unde nisi oculorum deficeret acies, ad quinquagesimumusque lapidem quodvis etiam minutissimum apparebat.

22. ibi morati integrum biduum, cum sol tertius adfulsisset, cernebamusterrarum omnes ambitus subiectos, quos horizontas appellamus, agminibusoppletos innumeris et antegressum regem vestis claritudine rutilantem. quemiuxta laevus incedebat Grumbates Chionitarum rex novus aetate quidemmedia rugosisque membris sed mente quadam grandifica multisquevictoriarum insignibus nobilis; dextra rex Albanorum pari loco atque honoresublimis; post duces varii auctoritate et potestatibus eminentes, quos ordinumomnium multitudo sequebatur ex vicinarum gentium roboribus lecta, adtolerandam rerum asperitatem diuturnis casibus erudita.

23. Quo usque nobis Doriscum Thraciae oppidum et agminatim intra consaeptaexercitus recensitos Graecia fabulosa narrabis? cum nos cauti vel, ut veriusdixerim, timidi nihil exaggeremus praeter ea quae fidei testimonia nequeincerta monstrarunt.

VII

1. Postquam reges Nineve Adiabenae ingenti civitate transmissa, in mediopontis Anzabae hostiis caesis, extisque prosperantibus transiere laetissimi,coniectantes nos residuam plebem omnem aegre penetrare post triduum posse,citius exinde ad satrapen reversi quievimus hospitalibus officiis recreati.

2. unde per loca itidem deserta et sola magno necessitatis ducente solaciocelerius quam potuit sperari reversi confirmavimus animos haesitantium,unum e navalibus pontem transisse reges absque ulla circumitione perdoctos.

3. extemplo igitur equites citi mittuntur ad Cassianum Mesopotamiae ducemrectoremque provinciae tunc Euphronium, conpulsuri agrestes cum familiis etpecoribus universis ad tutiora transire et agiliter deseri Carras oppiduminvalidis circumdatum muris, super his campos omnes incendi, ne pabulorumsuppeteret copia.

4. et imperatis sine mora conpletis, iniecto igni furentis elementi vis maximafrumenta omnia, cum iam stipula flaventi turgerent, herbasque pubentes itacontorruit, ut ad usque Euphraten ab ipsis marginibus Tigridis nihil viridecerneretur. tunc exustae sunt ferae conplures maximeque leones per ea locasaevientes inmaniter, consumi vel caecari sueti paulatim hoc modo.

5. inter harundineta Mesopotamiae fluminum et frutecta leones vaganturinnumeri, clementia hiemis ibi mollissimae semper innocui. at ubi solis radiisexarserit tempus, in regionibus aestu ambustis vapore sideris et magnitudineculicum agitantur, quorum examinibus per eas terras referta sunt omnia. etquoniam oculos quasi umida et lucentia membra eaedem appetunt volucrespalpebrarum libramentis mordicus insidentes, idem leones cruciati diutius autfluminibus mersi sorbentur, ad quae remedii causa confugiunt, aut amissisoculis, quos unguibus crebro lacerantes effodiunt, inmanius efferascunt: quodni fieret, universus oriens huius modi bestiis abundaret.

6. Dum campi cremantur, ut dictum est, tribuni cum protectoribus missiciterioris ripae Euphratis castella et praeacutis sudibus omnique praesidiorumgenere conmunibant, tormenta, qua non erat voraginosum, locis oportunisaptantes.

7. Dum haec celerantur, Sabinianus inter rapienda momenta periculorumcommunium lectissimus moderator belli internecivi, per Edessena sepulchraquasi fundata cum mortuis pace nihil formidans, more vitae remissioris fluxiusagens militari pyrrica sonantibus modulis pro histrionicis gestibus in silentiosummo delectabatur ominoso sane et incepto et loco, cum haec et huius modifactu dictuque tristia [futuros praenuntiant motus] vitare optimum quemquedebere saeculi progressione discamus.

8. interea reges Nisibi prostratione vili transmissa, incendiis aridanutrimentorum varietate crescentibus, fugitantes inopiam pabuli sub montiumpedibus per valles gramineas incedebant.

9. cumque Bebasen villam venissent, unde ad Constantinam usque oppidum,quod centesimo lapide disparatur, arescunt omnia siti perpetua, nisi quod inputeis aqua reperitur exilis, quid agerent diu cunctati iamque suorum duritiaefiducia transituri, exploratore fido docente cognoscunt Euphratem nivibustabefactis inflatum late fusis gurgitibus evagari, ideoque vado nequaquamposse transiri.

10. convertuntur ergo ad ea quae amplectenda fortuita daret occasio, speconcepta praeter opinionem exclusi, ac proposito pro abrupto rerumpraesentium statu urgenti consilio, Antoninus dicere quid sentiat iussus orditur,flecti iter suadens in dexterum latus, ut per longiorem circumitum omniumrerum usu regionum feracium et consideratione ea qua rectus pergeret hostisadhuc intactarum, castra duo praesidiaria Barzalo et Claudias peterentur seseductante, ubi tenuis fluvius prope originem et angustus nullisque adhuc aquisadvenis adulescens facile penetrari poterit ut vadosus.

11. his auditis laudatoque suasore et iusso ducere qua norat, agmina

cuncta abinstituto itinere conversa praevium sequebantur.

VIII

1. Quo certis speculationibus cognito nos disposuimus properare Samosatamut superato exinde flumine pontiumque apud Zeugma et Capersana iuncturisabscisis hostiles impetus, si iuvisset fors ulla, repelleremus.

2. sed contigit atrox et silentio omni dedecus obruendum. namque duarumturmarum equites circiter septingenti ad subsidium Mesopotamiae recens exIllyrico missi enerves et timidi praesidium per eos traductus agentesnocturnasque paventes insidias ab aggeribus publicis vesperi, quando custodirimagis omnes tramites conveniret, longius discedebant.

3. hocque observato eos vino oppressos et somno viginti milia fere PersarumTamsapore et Nohodare ductantibus nullo prospiciente transgressa posttumulos celsos vicinos Amidae occultabantur armata.

4. Moxque, ut dictum est, cum abituri Samosatam luce etiam tum dubiapergeremus, ab alta quadam specula radiantium armorum splendorepraestricti hostisque adesse excitatius clamitantes, signo dato quod adproelium solet hortari, restitimus conglobati, nec fugam capessere cum essentiam in contuitu qui sectarentur, nec congredi cum hoste equitatu et numeropraevalente metu indubitatae mortis cautum existimantes.

5. denique ex ultima necessitate manibus iam conserendis, cum quid agioporteat cunctaremur, occiduntur quidam nostrorum temere procursantes eturgente utraque parte Antoninus ambitiose praegrediens agmina, ab Vrsicinoagnitus et obiurgatorio sonu vocis increpitus proditorque et nefariusappellatus, sublata tiara, quam capiti summo ferebat honoris insigne, desiluitequo curvatisque membris, humum vultu paene contingens salutavit patronumappellans et dominum, manus post terga conectens, quod apud Assyriossupplicis indicat formam.

6. et 'ignosce mihi' inquit 'amplissime comes, necessitate, non voluntate adhaec, quae novi scelesta, prolapso: egere me praecipitem iniqui flagitatores, utnosti, quorum avaritiae ne tua quidem excelsa illa fortuna propugnans miseriismeis potuit refragari'. simul haec dicens e medio prospectu abscessit nonaversus, sed dum evanesceret verecunde retrogradiens et pectus ostentans.

7. Quae dum in curriculo semihorae aguntur, postsignani nostri, qui tenebanteditiora collis, exclamant aliam cataphractorum multitudinem equitum ponevisam celeritate quam maxima propinquare.

8. atque ut in rebus solent adflictis, ambigentes cuinam deberet aut possetoccurri, trudente pondere plebis immensae passim, qua cuique proximumvidebatur, diffundimur universi, dumque se quisque expedire discrimine magnoconatur, sparsim disiecti hosti concursatori miscemur.

9. itaque spreta iam vivendi cupiditate fortiter decernentes ad ripas pellimurTigridis alte excisas. unde quidam praecipites pulsi implicantibus armishaeserunt ubi vadosus est amnis, alii lacunarum hausti vertigine vorabantur,non nulli cum hoste congressi vario eventu certabant, quidam cuneorumdensitate perterriti petebant proximos Tauri montis excessus.

10. inter quos dux ipse agnitus pugnatorumque mole circumdatus cumAiadalthe tribuno caloneque uno equi celeritate ereptus abscessit.

11. Mihi dum avius ab itinere comitum quid agerem circumspicio,

Verennianusdomesticus protector occurrit femur sagitta confixus, quam dum avellereobtestante collega conarer, cinctus undique antecedentibus Persis, civitatempetebam anhelo cursu rependo ex eo latere quo incessebamur in arduo sitam,unoque ascensu perangusto meabilem, quem scissis collibus molinae ad callesartandas aedificatae densius constringebant.

12. hic mixti cum Persis eodem ictu procurrentibus ad superiora nobiscum, adusque ortum alterius solis immobiles stetimus ita conferti, ut caesorumcadavera multitudine fulta reperire ruendi spatium nusquam possent, utquemiles ante me quidam discriminato capite, quod in aequas partes ictus gladiifiderat validissimus, in stipitis modum undique coartatus haereret.

13. et licet multiplicia tela per tormentorum omnia genera volarent epropugnaculis, hoc tamen periculo murorum nos propinquitas eximebat,tandemque per posticam ingressus refertam inveni confluente ex finitimis viriliet muliebri sexu. nam et casu illis ipsis diebus in suburbanis peregrinacommercia circumacto anno solita celebrare multitudo convenarum augebatagrestium.

14. interea sonitu vario cuncta miscentur partim amissos gementibus, aliis cumexitio sauciis, multis caritates diversas, quas prae angustiis videre nonpoterant, invocantibus.

IX

1. Hanc civitatem olim perquam brevem Caesar etiam tum Constantius, utaccolae suffugium possint habere tutissimum, eo tempore quo Antoninupolimoppidum aliud struxit, turribus circumdedit amplis et moenibus, locatoque ibiconditorio muralium tormentorum fecit hostibus formidatam suoque nominevoluit appellari.

2. et a latere quidem australi geniculato Tigridis meatu subluitur propiusemergentis; qua euri opponitur flatibus, Mesopotamiae plana despectat; undeaquiloni obnoxia est, Nymphaeo amni vicina, verticibus Taurinis umbraturgentes Transtigritanas dirimentibus et Armeniam; spiranti zephyrocontraversa Gumathenam contingit regionem uberem et cultu iuxta fecundam,in qua vicus est Abarne nomine sospitalium aquarum lavacris calentibus notus.in ipso autem Amidae meditullio sub arce fons dives exundat potabilis quidem,sed vaporatis aestibus non numquam faetens.

3. cuius oppidi praesidio erat semper quinta Parthica legio destinata cumindigenarum turma non contemnenda. sed tunc ingruentem Persarummultitudinem sex legiones raptim percursis itineribus antegressae murisadstitere firmissimis. Magnentiaci et Decentiaci quos post consummatos civilesprocinctus, ut fallaces et turbidos ad orientem venire compulit imperator, ubinihil praeter bella timetur externa, et Tricensimani Decimanique Fortenses etSuperventores atque Praeventores cum Aeliano iam Comite, quos tirones tumetiam novellos hortante memorato adhuc protectore erupisse a SingaraPersasque fusos in somnum rettulimus trucidasse complures.

4. aderat comitum quoque sagittariorum pars maior, equestres videlicetturmae ita cognominatae, ubi merent omnes ingenui barbari, armorumviriumque firmitudine inter alios eminentes.

X

1. Haec dum primi impetus turbo conatibus agitat insperatis, rex cum populosuo gentibusque quas ductabat, a Bebase loco itinere flexo dextrorsus, utmonuerat Antoninus, per Horren et Meiacarire et Charcha ut transiturusAmidam, cum prope castella Romana venisset, quorum unum Reman, alterumBusan appellatur, perfugarum indicio didicit multorum opes illuc translatasservari, ut in munimentis praecelsis et fidis, additumque est ibi cum suppellectilipretiosa inveniri feminam pulchram cum filia parvula Craugasii Nisibenicuiusdam uxorem, in municipali ordine genere, fama, potentiaquecircumspecti.

2. aviditate itaque rapiendi aliena festinans petit inpetu fidenti castella, undesubita animi consternatione defensores armorum varietate praestricti secunctosque prodidere qui ad praesidia confugerunt, et digredi iussi confestimclaves obtulere portarum, patefactisque aditibus quicquid ibi congestum erateruitur et productae sunt adtonitae metu mulieres et infantes matribusimplicati, graves aerumnas inter initia tenerioris aetatis experti.

3. cumque rex percontando cuiusnam coniux esset, Craugasii conperisset, vimin se metuentem prope venire permisit intrepidam et visam opertamque adusque labra ipsa atro velamine, certiore iam spe mariti recipiendi et pudorisinviolati mansuri benignius confirmavit. audiens enim coniugem miro eiusamore flagrare, hoc praemio Nisibenam proditionem mercari se possearbitrabatur.

4. inventas tamen alias quoque virgines Christiano ritu cultui divino sacratascustodiri intactas et religioni servire solito more nullo vetante praecepit,lenitudinem profecto in tempore simulans, ut omnes, quos antehac diritatecrudelitateque terrebat, sponte sua metu remoto venirent exemplis recentibusdocti humanitate eum et moribus iam placidis magnitudinem temperassefortunae.

LIBER XIX

I

1. Hoc miserae nostrorum captivitatis eventu rex laetus successusque operiens similes, egressus exinde paulatimque incedens Amidam die tertio venit.

2. cumque primum aurora fulgeret, universa quae videri poterant armis stellantibus coruscabant ac ferreus equitatus campos opplevit et colles.

3. insidens autem equo ante alios celsior ipse praeibat agminibus cunctis, aureum capitis arietini figmentum interstinctum lapillis pro diademate gestans, multiplici vertice dignitatum et gentium diversarum comitatu sublimis. satisque eum constabat conloquio tenus defensores moenium temptaturum, aliorsum Antonini consilio festinantem.

4. verum caeleste numen ut Romanae rei totius aerumnas intra unius regionis concluderet ambitum, adegerat in immensum se extollentem credentemque, quod viso statim obsessi omnes metu exanimati supplices venirent in preces,

5. portis obequitabat comitante cohorte regali, qui dum se prope confidentius inserit, ut etiam vultus eius possit aperte cognosci, sagittis missilibusque ceteris ob decora petitus insignia corruisset, ni pulvere iaculantium adimente conspectum parte indumenti tragulae ictu discissa

editurus postea strages innumeras evasisset.

6. hinc quasi in sacrilegos violati saeviens templi temeratumque tot regum et gentium dominum praedicans eruendae urbis apparatu nisibus magnis instabat, et orantibus potissimis ducibus, ne profusus in iram a gloriosis descisceret coeptis, leni summatum petitione placatus postridie quoque super deditione moneri decreverat defensores.

7. Ideoque cum prima lux advenisset, rex Chionitarum Grumbates fidenter suam operam navaturus tendebat ad moenia cum manu promptissima stipatorum, quem ubi venientem iam telo forte contiguum contemplator peritissimus advertisset, contorta ballista filium eius primae pubis adulescentem lateri paterno haerentem thorace cum pectore perforato perfodit proceritate et decore corporis aequalibus antestantem.

8. cuius occasu in fugam dilapsi populares eius omnes moxque, ne raperetur, ratione iusta regressi numerosas gentes ad arma clamoribus dissonis concitarunt, quarum concursu ritu grandinis hinc inde convolantibus telis atrox committitur pugna.

9. et post interneciva certamina ad usque finem diei protenta cum iam noctis esset initium, per acervos caesorum et scaturigines sanguinis aegre defensum caligine tenebrarum extrahitur corpus, ut apud Troiam quondam super comite Thessali ducis exanimi acies Marte acerrimo conflixerunt

10. quo funere regia maesta et optimatibus universis cum parente subita clade perculsis indicto iustitio iuvenis nobilitate commendabilis et dilectus ritu nationis propriae lugebatur. itaque ut armari solebat elatus in amplo quodam suggestu locatur et celso, circaque eum lectuli decem sternuntur figmenta vehentes hominum mortuorum, ita curate pollincta, ut imagines essent corporibus similes iam sepultis, ac per dierum spatium septem, viri quidem omnes per contubernia et manipulos epulis indulgebant saltando et cantando tristia quaedam genera naeniarum regium iuvenem lamentantes.

11 . feminae vero miserabili planctu in primaevo flore succisam spem gentis solitis fletibus conclamabant, ut lacrimare cultrices Veneris saepe spectantur in sollemnibus Adonidis sacris, quod simulacrum aliquod esse frugum adultarum religiones mysticae docent.

II

1. Post incensum corpus ossaque in argenteam urnam conlecta, quae ad gentem humo mandanda portari statuerat pater, agitata summa consiliorum placuerat busto urbis subversae expiare perempti iuvenis manes; nec enim Grumbates inulta unici pignoris umbra ire ultra patiebatur.

2. biduoque ad otium dato ac missis abunde qui pacis modo patentes agros pingues cultosque vastarent, quinquiens ordine multiplicato scutorum cingitur civitas ac tertiae principio lucis corusci globi turmarum impleverunt cuncta quae prospectus humanus potuit undique contueri, et sorte loca divisa clementi gradu incedentes ordines occuparunt.

3. Persae omnes murorum ambitus obsidebant. pars, quae orientem spectabat, Chionitis evenit qua funestus nobis ceciderat adulescens.... meridiano lateri sunt destinati, tractum servabant septentrionis Albani, occidentali portae oppositi sunt Segestani, acerrimi omnium bellatores, cum quibus elata in arduum specie elephantorum agmina rugosis horrenda corporibus leniter incedebant armatis onusta, ultra omnem diritatem taetri spectaculi formidanda, ut rettulimus saepe.

4. Cernentes populos tam indimensos ad orbis Romani incendium diu quaesitos in nostrum conversos exitium, salutis rata desperatione gloriosos vitae exitus deinde curabamus, iamque omnibus nobis optatos.

5. a sole itaque orto usque diei ultimum acies immobiles stabant ut fixae nullo variato vestigio nec sonitu vel equorum audito hinnitu, eademque figura digressi qua venerant, cibo recreati et somno, cum superesset exiguum noctis, aeneatorum clangore ductante urbem ut mox casuram terribili corona cinxerunt.

6. vixque ubi Grumbates hastam infectam sanguine ritu patrio nostrique more coniecerat fetialis, armis exercitus concrepans involat muros confestimque lacrimabilis belli turbo crudescit, rapido turmarum processu in procinctum alacritate omni tendentium, et contra acri intentaque occursatione nostrorum.

7. Proinde diffractis capitibus multos hostium scorpionum iactu moles saxeae colliserunt, alii traiecti sagittis, pars confixi tragulis humum corporibus obstruebant, vulnerati alii socios fuga praecipiti repetebant.

8. nec minores in civitate luctus aut mortes, sagittarum creberrima nube auras spissa multitudine obumbrante tormentorumque machinis, quae direpta Singara possederant Persae, vulnera inferentibus plura.

9. namque viribus collectis propugnatores omissa vicissim certamina repetentes in maximo defendendi ardore saucii perniciose cadebant, aut laniati volvendo stantes proxime subvertebant, aut certe spicula membris infixa viventes adhuc vellendi peritos quaeritabant.

10. ita strages stragibus inplicatas et ad extremum usque diei productas ne vespertinae quidem hebetaverunt tenebrae ea re, quod obstinatione utrimque magna decernebatur.

11. agitatis itaque sub onere armorum vigiliis resultabant altrinsecus exortis clamoribus colles nostris virtutes Constanti Caesaris extollentibus ut domini rerum et mundi, Persis Saporem saansaan appellantibus et pirosen, quod rex regibus imperans et bellorum victor interpretatur.

12. Ac priusquam lux occiperet, signo per lituos dato ad fervorem similium proeliorum excitae undique inaestimabiles copiae in modum alitum ferebantur, unde longe ac late prospici poterat campis et convallibus nihil praeter arma micantia ferarum gentium demonstrantibus.

13. moxque clamore sublato cunctis temere prorumpentibus telorum vis ingens volabat e muris, utque opinari dabatur, nulla frustra mittebantur inter hominum cadentia densitatem. tot enim nos circumstantibus malis non obtinendae causa salutis, ut dixi, sed fortiter moriendi studio flagrabamus, et a diei principio ad usque lucem obscuram neutrubi proelio inclinato ferocius quam consultius pugnabatur. exurgebant enim ruentium ferientiumque clamores ut prae alacritate consistere sine vulnere vix quisquam possit.

14. tandemque nox finem caedibus fecit et satias aerumnarum indutias partibus dederat longiores. ubi enim quiescendi nobis tempus est datum, exiguas quae supererant vires continuus cum insomnia labor absumpsit sanguine et pallente exspirantium facie perterrente, quibus ne suprema quidem humandi solacia tribui sinebant angustiae spatiorum, intra civitatis ambitum non nimium amplae legionibus septem et promiscua advenarum civiumque sexus utriusque plebe et militibus aliis paucis ad usque numerum milium centum viginti cunctis inclusis.

15. medebatur ergo suis quisque vulneribus pro possibilitate vel curantium copia, cum quidam graviter saucii cruore exhausto spiritus reluctantes efflarent, alii confossi mucronibus prostratique humi animis in

ventum solutis proiciebantur extincti, aliquorum foratis undique membris mederi periti vetabant ne offensionibus cassis animae vexarentur adflictae, non nulli vellendis sagittis in ancipiti curatione graviora morte supplicia perferebant.

III

1. Dum apud Amidam hac partium destinatione pugnatur, Vrsicinus maerens, quod ex alterius pendebat arbitrio, auctoritatis tunc in regendo milite potioris Sabinianum etiam tum sepulcris haerentem crebro monebat, ut compositis velitaribus cunctis per imos pedes montium occultis itineribus properarent, quo levium armorum auxilio, siqua fors iuvisset, stationibus interceptis nocturnas hostium adgrederentur excubias, quae ingenti circumitu vallaverant muros, aut lacessitionibus crebris occuparent obsidioni fortiter adhaerentes.

2. quibus Sabinianus renitebatur ut noxiis, palam quidem litteras imperiales praetendens, intacto ubique milite quicquid geri potuisset impleri debere aperte iubentes, clam vero corde altissimo retinens saepe in comitatu sibi mandatum ut amplam omnem adipiscendae laudis decessori suo ardenti studio gloriae circumcideret etiam ex re publica processuram.

3. adeo vel cum exitio provinciarum festinabatur, ne bellicosus homo memorabilis alicuius facinoris auctor nuntiaretur aut socius. ideoque his attonitus malis exploratores ad nos saepe mittendo, licet ob custodias artas nullus facile oppidum poterat introire, et utilia agitando complura nihil proficiens visebatur ut leo magnitudine corporis et torvitate terribilis inclusos intra retia catulos periculo ereptum ire non audens unguibus ademptis et dentibus.

IV

1. Sed in civitate ubi sparsorum per vias cadaverum multitudo humandi officia superaret, pestilentia tot malis accessit verminantium corporum lue tabifica, vaporatis aestibus varioque plebis languore nutrita, quae genera morborum unde oriri solent breviter explicabo.

2. Nimietatem frigoris aut caloris vel umoris vel siccitatis pestilentias gignere philosophi et illustres medici tradiderunt. unde accolentes loca palustria vel humecta tusses et oculares casus et similia perferunt, contra confines caloribus tepore febrium arescunt. sed quanto ignis materies ceteris est efficacior, tanto ad perimendum celerior siccitas.

3. hinc cum decennali bello Graecia desudaret ne peregrinus poenas dissociati regalis matrimonii lucraretur, huius modi grassante pernicie telis Apollinis periere conplures, qui sol aestimatur.

4. atque ut Thucydides exponit, clades illa, quae in Peloponnesiaci belli principiis Athenienses acerbo genere morbi vexavit, ab usque ferventi Aethiopiae plaga paulatim proserpens Atticam occupavit.

5. aliis placet auras, ut solent, aquasque vitiatas faetore cadaverum vel similibus salubritatis violare maximam partem, vel certe aeris permutationem subitam aegritudines parere leviores.

6. adfirmant etiam aliqui terrarum halitu densiore crassatum aera emittendis corporis spiraminibus resistentem necare non nullos, qua causa animalia praeter homines cetera iugiter prona Homero auctore et

experimentis deinceps multis, cum talis incesserit labes, ante novimus interire.

7. et prima species luis pandemus adpellatur, quae efficit in aridioribus locis agentes caloribus crebris interpellari, secunda epidemus, quae tempore ingruens acies hebetat luminum et concitat periculosos humores, tertia loemodes, quae itidem temporaria est sed volucri velocitate letabilis.

8. Hac exitiali peste quassati, paucis intemperanti aestu consumptis, quos multitudo angebat, tandem nocte, quae diem consecuta est decimum, exiguis imbribus disiecto concreto spiritu et crassato sospitas retenta est corporum firma.

V

1. Verum inter haec inquies Persa vimineis civitatem pluteis circumdabat et erigi aggeres coepti turresque fabricabantur frontibus ferratis excelsae, quarum fastigiis ballistae locatae sunt singulae, ut a propugnaculis propellerent defensores, levia tamen per funditores et sagittarios proelia ne puncto quidem brevi cessabant.

2. erant nobiscum duae legiones Magnentiacae recens e Galliis ductae, ut praediximus, virorum fortium et pernicium ad planarios conflictus aptorum, ad eas vero belli artes, quibus stringebamur, non modo inhabiles sed contra nimii turbatores, qui cum neque in machinis neque in operum constructione iuvarent aliquem, stolidius erumpentes dimicantesque fidentissime minuto numero revertebant, tantum proficientes quantum in publico, ut aiunt, incendio aqua unius hominis manu adgesta.

3. postremo obseratis portis praecaventibusque tribunis egredi nequeuntes frendebant ut bestiae. verum secutis diebus efficacia eorum eminuit ut docebimus.

4. In summoto loco partis meridianae murorum, quae despectat fluvium Tigrim, turris fuit in sublimitatem exurgens, sub qua hiabant rupes abscisae ut despici sine vertigine horrenda non posset, unde cavatis fornicibus subterraneis per radices montis scalae ad usque civitatis ducebant planitiem, quo ex amnis alveo haurirentur aquae furtim, ut in omnibus per eas regiones munimentis, quae contingunt flumina, vidimus, fabre politae.

5. per has tenebras ob dirupta neglectas oppidano transfuga quodam ductante, qui ad diversam partem desciverat, septuaginta sagittarii Persae ex agmine regio arte fiduciaque praestantes, silentio summoti loci defensi, subito singuli noctis medio ad contignationem turris tertiam ascenderunt, ibique occultati mane sago punicei coloris elato, quod erat subeundae indicium pugnae, cum ex omni parte circumveniri urbem suis copiis inundantibus advertissent, exinanitis proiectisque ante pedes pharetris clamoris ululabilis incendio tela summa peritia dispergebant. moxque acies omnes densae petebant multo infestius quam antea civitatem.

6. inter incertos nos et ancipites quibus occurri deberet, instantibus supra an multitudini transcensu scalarum iam propugnacula ipsa prensanti, dividitur opera, et translatae leviores quinque ballistae contra turrim locantur, quae ocius lignea tela fundentes non numquam binos forabant, e quibus pars graviter vulnerati ruebant, alii machinarum metu stridentium praecipites acti laniatis corporibus interibant.

7. quibus hac celeritate confectis relatisque ad loca sueta tormentis, paulo securius moenia omnium concursu defendebantur.

8. et quoniam augebat curas militum scelestum facinus perfugae, quasi decurrentes in planum ita iaculantes diversa missilia lacertis fortibus incumbebant, ut vergente in meridiem die gentes vulnerum acri repulsa disiectae, lacrimantes complurium mortes, tentoria repeterent metu.

VI

1. Adspiravit auram quandam salutis fortuna innoxio die cum hostili clade emenso, cuius reliquo tempore ad quietem reficiendis corporibus dato, posterae lucis initio ex arce innumeram cernimus plebem, quae Ziata capto castello ad hosticum ducebatur, quem in locum ut capacissimum et munitum – spatio quippe decem stadiorum ambitur – promiscua confugerat multitudo.

2. nam etiam alia munimenta isdem diebus capta sunt et incensa, unde hominum milia extracta complura servituri sequebantur, inter quos multi senecta infirmi et mulieres iam grandaevae, cum ex variis deficerent causis itineris longinquitate offensae, abiecta vivendi cupiditate suris vel suffraginibus relinquebantur exsectis.

3. Has miserabiles turmas Galli milites contuentes rationabili quidem sed intempestivo motu conserendae cum hostibus manus copiam sibi dari poscebant, mortem tribunis vetantibus primisque ordinibus minitantes si deinceps prohiberent.

4. utque dentatae in caveis bestiae taetro paedore acerbius efferatae evadendi spe repagulis versabilibus inliduntur, ita gladiis portas caedebant, quas supra diximus obseratas, admodum anxii, ne urbe excisa ipsi quoque sine ullo specioso facinore deleantur, aut exuta periculis nihil egisse operae pretium pro magnanimitate Gallica memorentur, licet antea saepe egressi structoresque aggerum confossis quibusdam impedire conati, paria pertulerunt.

5. Inopes nos consilii et quid opponi deberet saevientibus ambigentes id potissimum aegre isdem adsentientibus tandem elegimus ut, quoniam ultra ferri non poterant, paulisper morati custodias adgredi permitterentur hostiles, quae non procul erant a coniectu locatae telorum, ut eis perruptis pergerent prorsus. apparebat enim eos, si inpetrassent, strages maximas edituros.

6. quae dum parantur, per varia certaminum genera defensabantur acriter muri laboribus et vigiliis et tormentis ad emittenda undique saxa telaque dispositis. et expugnatio civitatis struebatur operibus lentis: duo tamen aggeres celsi Persarum peditum manu erecti, contra quos nostrorum quoque impensiore cura moles excitabantur altissimae, fastigio adversae celsitudinis aequatae, propugnatorum vel nimia pondera duraturae.

7. Inter haec Galli morarum impatientes securibus gladiisque succincti patefacta sunt egressi postica, observata nocte squalida et interluni, orantes caeleste praesidium ut propitium adesset et libens. atque ipsum spiritum reprimentes cum prope venissent, conferti valido cursu quibusdam stationariis interfectis exteriores castrorum vigiles ut in nullo tali metu sopitos obtruncantes supervenire ipsi regiae, si prosperior iuvisset eventus, occulte meditabantur.

8. verum audito licet levi reptantium sonitu gemituque caesorum discusso somno, excitatis multis et ad arma pro se quoque clamitante steterunt milites vestigiis fixis progredi ultra non ausi; nec enim cautum deinde expergefactis, quos petebant insidiae, in apertum properare discrimen, cum iam undique frendentium catervae Persarum in proelia venirent accensae.

9. contra Galli corporum robore audaciaque quoad poterant inconcussi, gladiis secantes adversos, parte suorum strata vel sagittarum undique volantium crebritate confixa, cum unum in locum totam periculi molem conversam et currentium hostium agmina advertissent, nullo terga vertente evadere festinabant et, velut repedantes sub modulis, sensim extra vallum protrusi, cum manipulos confertius invadentes sustinere non possent, tubarum perciti clangore castrensium discedebant.

10. et resultantibus e civitate lituis multis portae panduntur recepturae nostros si pervenire illuc usque valuissent, tormentorumque machinae stridebant sine iaculatione ulla telorum, ut stationibus praesidentes post interemptos socios, quae pone agerentur ignari, urbis appositi moenibus nudarent intuta et porta viri fortes susciperentur innoxii.

11. hacque arte Galli portam prope confinia lucis introiere minuto numero, quidam perniciose, pars leviter vulnerati quadringentis ea nocte desideratis, qui non Rhesum nec cubitantes pro muris Iliacis Thracas, sed Persarum regem armatorum centum milibus circumsaeptum, ni obstitisset violentior casus, in ipsis tentoriis obtruncarant.

12. horum campidoctoribus ut fortium factorum antesignanis post civitatis excidium armatas statuas apud Edessam in regione celebri locari iusserat imperator, quae ad praesens servantur intactae.

13. Retectis sequenti luce funeribus cum inter caesorum cadavera optimates invenirentur et satrapae clamores dissoni fortunam aliam alibi cum lacrimis indicabant, luctus ubique et indignatio regum audiebatur arbitrantium per stationes muris obiectas inrupisse Romanos: indutiisque ob haec tridui datis adsensu communi Ilos quoque spatium ad respirandum accepimus.

VII

1. Perculsae deinde novitate rei efferataeque gentes omissa omni cunctatione operibus, quoniam vis minime procedebat, decernere iam censebant et concito extremo belli ardore omnes oppetere gloriose iam properabant, aut ruina urbis animis litasse caesorum.

2. Iamque apparatu cunctorum alacritate perfecto, exsiliente lucifero operum variae species cum turribus ferratis admovebantur, quorum in verticibus celsis aptatae ballistae propugnatores agitantes humilius disiectabant.

3. et albescente iam die ferrea munimenta membrorum caelum omne subtexunt densitataeque acies non inordinatim ut antea, sed tubarum sonitu leni ductante nullis procursantibus incedebant machinarum operti tegminibus cratesque vimineas praetendentes.

4. cumque propinquantes ad coniectum venere telorum, oppositis scutis Persae pedites sagittas tormentis excussas e muris aegrius evitantes laxarunt aciem nullo paene iaculi genere in vanum cadente: etiam cataphracti hebetati et cedentes animos auxere nostrorum.

5. tamen quia hostiles ballistae ferratis inpositae turribus in humiliora ex supernis valentes ut loco dispari ita eventu dissimili nostra multo cruore foedabant, ingruente iam vespera cum requiescerent partes, noctis spatium maius consumptum est, ut excogitari possit quid exitio ita atroci obiectaretur.

6. Et tandem multa versantibus [nobis] sedit consilium, quod tutius celeritas fecit, quattuor isdem ballistis scorpiones opponi, qui dum translati e

regione caute, quod artis est difficillimae, conlocantur, lux nobis advenit maestissima Persarum manipulos formidatos ostentans adiectis elephantorum agminibus, quorum stridore inmanitateque corporum nihil humanae mentes terribilius cernunt.

7. cumque omni ex latere armorum et operum beluarumque molibus urgeremur, per scorpionum ferreas fundas e propugnaculis subinde rotundi lapides acti dissolutis turrium coagmentis ballistas earumque tortores ita fudere praecipites, ut quidam citra vulnerum noxas, alii obtriti magnitudine ponderum interirent, elephantis vi magna propulsis, quos flammis coniectis undique circumnexos iam corporibus tactis gradientesque retrorsus retinere magistri non poterant, postque exustis operibus nulla quies certaminibus data.

8. rex enim ipse Persarum, qui numquam adesse certaminibus cogitur, his turbinum infortuniis percitus novo et nusquam antea cognito more proeliatoris militis ritu prosiluit in confertos, et quia conspectior tegentium multitudine procul speculantibus visebatur, petitus crebritate telorum multis stipatoribus stratis abscessit alternans regibilis acies, et ad extremum diei nec mortium truci visu nec vulnerum territus tandem tempus exiguum tribui quieti permisit.

VIII

1. Verum nocte proelia dirimente, somno per breve otium capto, nitescente iam luce ad potiunda sperata ira et dolore exundan,s nec fas ullum prae oculis habiturus gentes in nos excitabat. cumque crematis operibus, ut docuimus, pugna per aggeres celsos muris proximos temptaretur, ex adgestis erectis intrinsecus, quantum facere nitique poterant, nostri aequis viribus per ardua resistebant.

2. Et diu cruentum proelium stetit nec metu mortis quisquam ex aliqua parte a studio propugnandi removebatur, eoque producta contentione cum sors partium eventu regeretur indeclinabili, diu laborata, moles illa nostrorum velut terrae quodam tremore quassata procubuit, et tamquam itinerario aggere vel superposito ponte conplanatum spatium, quod inter murum congestamque forinsecus struem hiabat, patefecit hostibus transitum nullis obicibus inpeditum, et pars pleraque militum deiectorum oppressa vel debilitata cessabat.

3. concursum est tamen undique ad propulsationem periculi tam abrupti, et festinandi studio aliis inretientibus alios audacia hostium ipso successu crescebat.

4. accitis igitur regis imperio proeliatoribus universis strictoque comminus ferro cum sanguis utrubique inmensis caedibus funderetur, oppletae sunt corporibus fossae latiorque via ideo pandebatur, et concursu copiarum ardenti iam civitate oppleta cum omnis defendendi vel fugiendi spes esset abscisa, pecorum ritu armati et inbelles sine sexus discrimine truncabantur.

5. Itaque vespera tenebrante cum adhuc licet iniqua reluctante fortuna multitudo nostrorum manu conserta distringeretur, in abstrusa quadam parte oppidi cum duobus aliis latens obscurae praesidio noctis postica, per quam nihil servabatur, evado et squalentum peritia locorum comitumque adiutus celeritate ad decimum lapidem tandem perveni.

6. in qua statione lenius recreati cum ire protinus pergeremus et incedendi nimietate iam superarer ut insuetus ingenuus, offendi dirum

aspectum, sed fatigato mihi lassitudine gravi levamen impendio tempestivum.

7. fugaci equo nudo et infreni calonum quidam sedens, ne labi possit, ex more habenam, qua ductabatur, sinistra manu artius inligavit moxque decussus vinculi nodum abrumpere nequiens per avia saltusque membratim discerptus iumentum exhaustum cursu pondere cadaveris detinebat, cuius dorsuali conprensi servitio usus in tempore cum isdem sociis ad fontes sulphureos aquarum suapte natura calentium aegre perveni.

8. et quia per aestum arida siti reptantes aquam diu quaeritando profundum bene vidimus puteum et neque descendendi prae altitudine nec restium aderat copia, necessitate docente postrema indumenta lintea, quibus tegebamur, in oblongos discidimus pannulos, unde explicato fune ingenti centonem, quem sub galea unus ferebat e nostris, ultimae aptavimus summitati, qui per funem coniectus aquasque hauriens ad peniculi modum facile sitim, qua hauriebamur, extinxit

9. unde citi ferebamur ad flumen Euphratem, ulteriorem ripam petituri per navem, quam transfretandi causa iumenta et homines in eo tractu diuturna consuetudo locarat.

10. ecce autem Romanum agmen cum equestribus signis disiectum eminus cernimus, quod persequebatur multitudo Persarum, incertum unde impetu tam repentino terga viantum adgressa.

11. quo exemplo terrigenas illos non sinibus terrae emersos, sed exuberanti pernicitate credimus natos, qui quoniam inopini per varia visebantur, spartoi vocitati humo exsiluisse, vetustate ut cetera fabulosius extollente, sunt aestimati.

12. hoc conciti, cum omne iam esset in celeritate salutis praesidium, per dumeta et silvas montes petimus celsiores exindeque Melitinam minoris Armeniae oppidum venimus, ubi repertum ducem comitatumque iam profecturum Antiochiam revisimus.

IX

1. Interea Sapor et Persae quia tendere iam introrsus autumno praecipiti haedorumque sidere exorto prohibebantur, captivos agentes et praedas remeare cogitabant ad sua.

2. inter haec tamen funera direptionesque civitatis excisae Aeliano comite et tribunis, quorum efficacia diu defensa sunt moenia stragesque multiplicatae Persarum, patibulis sceleste suffixis Iacobus et Caesius numerarii apparitionis magistri equitum aliique protectores post terga vinctis manibus ducebantur, Transtigritanis, qui sollicita quaerebantur industria, nullo infimi summique discrimine ad unum omnibus contruncatis.

3. Vxor vero Craugasii quae retinens pudorem inviolatum ut matrona nobilis colebatur, maerebat velut orbem alium sine marito visura, quamquam sperabat documentis praesentibus altiora.

4. in rem itaque consulens suam et accidentia longe ante prospiciens anxietate bifaria stringebatur viduitatem detestans et nuptias. ideo familiarem suum perquam fidum regionumque Mesopotamiae gnarum per Izalam montem inter castella praesidiaria duo Maride et Lorne introiturum Nisibin occulte dimisit mandatis arcanisque vitae secretioris maritum exorans ut auditis, quae contigerint, veniret secum beate victurus.

5. quibus contentus expeditus viator per saltuosos tramites et frutecta Nisibin passibus citis ingressus, causatusque se domina nusquam visa et

forsitan interempta data evadendi copia castris hostilibus abscessisse, et ideo ut vilis neglectus docet Craugasium gesta: moxque accepta fide quod, si tuto licuerit, sequetur coniugem libens, evasit exoptatum mulieri nuntium ferens, quae hoc cognito per Tamsaporem ducem supplicaverat regi ut, si daretur facultas, antequam Romanis excederet finibus, in potestatem suam iuberet propitius maritum adsciscí.

6. Praeter spem itaque omnium digresso advena repentino, qui postliminio reversus statim sine ullius evanuit conscientia perculsus suspicione dux Cassianus praesidentesque ibi proceres alii minitantes ultima Craugasium incessebant, non sine eius voluntate vel venisse vel abisse hominem clamitantes.

7. qui proditoris metuens crimen inpendioque sollicitus, ne transitione perfugae uxor eius superesse doceretur et tractari piissime, per simulationem matrimonium alterius splendidae virginis adfectavit. et velut paraturus necessaria convivio nuptiali egressus ad villam octavo lapide ab urbe distantem, concito equo ad Persarum vastatorium globum, quem didicerat adventare, confugit susceptusque aventer, qui esset ex his cognitus quae loquebatur, Tamsapori post diem traditur quintum perque eum regi oblatus, opibus et necessitudine omni recuperata cum coniuge, quam paucos post menses amisit, erat secundi loci post Antoninum, ut ait poeta praeclarus ṙlongo proximus intervalloЄ.

8. ille enim ingenio et usu rerum diuturno firmatus consiliis validis sufficiebat in cuncta quae conabatur, hic natura simplicior, nominis tamen itidem pervulgati. et haec quidem haut diu postea contigerunt.

9. Rex vero licet securitatem praeferens vultu exultansque specie tenus urbis excidio videbatur, profundo tamen animi graviter aestuabat reputans in obsidionalibus malis saepe luctuosas se pertulisse iacturas multoque ampliores se ipsum populos perdidisse, quam e nostris ceperat vivos, vel certe per diversas fuderat pugnas, ut apud Nisibin aliquotiens evenit et Singaram, parique modo cum septuaginta tresque dies Amidam multitudine circumsedisset armorum, triginta milia perdidit bellatorum, quae paulo postea per Discenen tribunum et notarium numerata sunt hac discretione facilius, quod nostrorum cadavera mox caesorum fatiscunt et diffluvnt adeo, ut nullius mortui facies post quatriduum agnoscatur, interfectorum vero Persarum inarescunt in modum stipitum corpora, ut nec liquentibus membris nec sanie perfusa madescant, quod vita parcior facit et ubi nascuntur exustae caloribus terrae.

X

1. Dum haec per varios turbines in orientis extimo festinantur, difficultatem adventantis inopiae frumentorum urbs verebatur aeterna, vique minacissimae plebis famem ultimum malorum omnium exspectantis subinde Tertullus vexabatur, ea tempestate praefectus, inrationabiliter plane, nec enim per eum steterat, quo m inus tempore congruo alimenta navibus veherentur, quas maris casus asperiores solitis ventorumque procellae reflantium delatas in proximos sinus introire portum Augusti discriminum magnitudine perterrebant.

2. quocirca idem saepe praefectus seditionibus agitatus ac plebe iam saeviente inmanius, quam urebat inpendens exitium, ab omni spe tuendae salutis exclusus, ut aestimabat, tumultuanti acriter populo sed accidentia

considerare sueto prudenter obiecit parvulos filios et lacrimans

3. ɾenЄ inquit ɾcives vestri – procul omen dii caelestes avertant – eadem perlaturi vobiscum ni fortuna adfulserit laetior. si itaque his abolitis nil triste accidere posse existimatis, praesto in potestate sunt vestraЄ. qua miseratione vulgus ad clementia suapte natura proclive lenitum conticuit aequanimiter venturam operiens sortem.

4. moxque divini arbitrio numinis, quod auxit ab incunabulis Romam perpetuamque fore respondit, dum Tertullus apud Ostia in aede sacrificat Castorum, tranquillitas mare mollivit, mutatoque in austrum placidum vento, velificatione plena portum naves ingressae frumentis horrea referserunt.

XI

1. Inter haec ita ambigua Constantium Sirmi etiam tum hiberna quiete curantem permovebant nuntii metuendi et graves indicantes id, quod tunc magnopere formidabat, Limigantes Sarmatas, quos expulisse paternis avitisque sedibus dominos suos ante monstravimus, paulatim posthabitis locis, quae eis anno praeterito utiliter sunt destinata, ne, ut sunt versabiles, aliquid molirentur inicum, regiones confines limitibus occupasse vagarique licentius genuino more, ni pellerentur, omnia turbaturos.

2. Quae superbius incitando prope diem imperator dilato negotio credens, coacta undique multitudine militis ad bella promptissimi, nec dum adulto vere ad procinctum egressus est gemina consideratione alacrior, quod expletus praedarum opimitate exercitus aestate nuper emensa similium spe fidenter in effectus animabitur prosperos, quodque Anatolio regente tunc per Illyricum praefecturam necessaria cuncta vel ante tempus coacta sine ullius dispendiis adfluebant.

3. nec enim dispositionibus umquam alterius praefecturae, ut inter omnes constat, ad praesens Arctoae provinciae bonis omnibus floruerunt, correctione titubantium benivola et sollerti, vehiculariae rei iacturis ingentibus, quae clausere domos innumeras et censuali professione speciosa fiducia relevatae: indemnesque deinde et innoxii earum incolae partium querelarum sopitis materiis viverent, ni postea exquisitorum detestanda nomina titulorum per offerentes suscipientesque criminose in maius exaggerata, his propugnare sibi nitentibus potestates, illis adtenuatis omnium opibus se fore sperantibus tutos, ad usque proscriptiones miserorumque suspendia pervenerunt.

4. Rem igitur emendaturus urgentem profectus cum instrumentis ambitiosis imperator, ut dictum est, Valeriam venit, partem quondam Pannoniae, sed ad honorem Valeriae Diocletiani filiae et institutam et ita cognominatam, sub pellibusque exercitu diffuso per Histri fluminis margines barbaros observabat ante adventum suum amicitiae velamento Pannonias furtim vastandas invadere hiemis durissimo cogitantes, cum nec dum solutae vernis caloribus nives amnem undique pervium faciunt nostrique pruinis subdivales moras difficile tolerabant.

5. Confestim itaque missis ad Limigantes duobus tribunis cum interpretibus singulis explorabat modestius percunctando, quam ob rem relictis laribus post pacem et foedera petentibus adtributis ita palarentur per varia limitesque contra interdicta pulsarent.

6. qui vana quaedam causantes et inrita, pavore adigente mentiri, principem exorabant in veniam obsecrantes ut simultate abolita transmisso flumine ad eum venire permitterentur docturi, quae sustinerent incommoda,

paratique intra spatia orbis Romani, si id placuerit, terras suscipere longe discretas, ut diuturno otio involuti et Quietem colentes tamquam salutarem deam tributariorum onera subirent et nomen.

7. His post reditum tribunorum conpertis imperator exultans ut negotio, quod rebatur inexplicabile, sine ullo pulvere consummando cunctos admisit, aviditate plus habendi incensus, quam adulatorum cohors augebat id sine modo strepentium, quod externis sopitis et ubique pace conposita proletarios lucrabitur plures et tirocinia cogere poterit validissima: aurum quippe gratanter provinciales corporibus dabunt, quae spes rem Romanam aliquotiens adgravavit.

8. proinde vallo prope Acimincum locato celsoque aggere in speciem tribunalis erecto naves vehentes quosdam legionarios expeditos alveum fluminis proximum ripis observare sunt iussae cum Innocentio quodam agrimensore huius auctore consilii, ut si barbaros tumultuare sensissent, aliorsum intentos post terga pervaderent inprovisi.

9. quae Limigantes licet properari sentirent, nihil tam praeceps fingentes stabant incurvi, longe alia, quam quae gestu praeferebant et verbis altis, mentibus perpensantes .

10. Visoque imperatore ex alto suggestu iam sermonem parante lenissimum, meditanteque adloqui velut morigeros iam futuros, quidam ex illis furore percitus truci, calceo suo in tribunal contorto ɼmarha marhaЄ, quod est apud eos signum bellicum, exclamavit eumque secuta incondita multitudo vexillo elato repente barbarico ululans ferum in ipsum principem ferebatur.

11. qui cum ex alto despiciens plena omnia discurrentis turbae cum missilibus vidisset, retectisque gladiis et verrutis iam propinquam perniciem, externis mixtus et suis ignotusque dux esset an miles, quia neque cunctandi aderat tempus neque cessandi, equo veloci inpositus cursu effuso evasit.

12. stipatores tamen pauci dum ignis more inundantes conabantur arcere, aut vulnerati interierunt aut ponderibus superruentium solis adflicti, sellaque regalis cum aureo pulvinari nullo vetante direpta est.

13. Mox autem audito, quod ad ultimum paene tractus exitium in abrupto staret adhuc imperator, antiquissimum omnium exercitus ratus eum iuvare – nondum enim exemptum periculis aestimavit – salutis fastu fidentior, licet ob procursionem subitam semitectus, sonorum et Martium frendens barbarorum mori obstinatorum catervis semet inmersit.

14. et quia virtute dedecus purgatura ardens copia nostrorum erupit, iras in hostem perfidum parans, obvia quaeque obtruncabat sine parsimonia vivos conculcans et semineces et peremptos: et antequam exsatiaret caedibus barbaricis manus, acervi constipati sunt mortuorum.

15. urgebantur enim rebelles aliis trucidatis, aliis terrore disiectis, quorum pars spem vitae cassis precibus usurpando multiplicatis ictibus caedebantur, postque deletos omnes in receptum canentibus lituis nostri quoque licet rari videbantur exanimes, quos impetus conculcaverat vehemens aut furori resistentes hostili lateraque nudantes intecta ordo fatalis absumpsit.

16. mors tamen eminuit inter alios Cellae Scutariorum tribuni, qui inter confligendi exordia primus omnium in medios Sarmatarum globos se inmisit.

17. Post quae tam saeva, digestis pro securitate limitum, quae rationes monebant urgentes, Constantius Sirmium redit ferens de hoste fallaci vindictam, et maturatis, quae necessitates temporis poscebant instantes, egressus exinde Constantinopolim petit, ut orienti iam proximus cladibus apud Amidam mederetur acceptis et redintegrato supplementis exercitu impetus regis Persarum pari virium robore cohiberet, quem constabat, ni caelestis

ratio inpensiorque repelleret cura multorum, Mesopotamia relicta post terga per extenta spatia signa moturum.

XII

1. Inter has tamen sollicitudines velut ex recepto quodam antiquitus more ad vicem bellorum civilium inflabant litui quaedam colorata laesae crimina maiestatis, quorum exsecutor et administer saepe dictandus ille notarius missus est Paulus, qui peritus artium cruentarum ut lanista ex commerciis libitinae vel ludi, ipse quoque ex eculeo vel carnifice quaestum fructumque captabat.

2. ut enim erat obstinatum fixumque eius propositum ad laedendum, ita nec furtis abstinuit, innocentibus exitialis causas adfingens dum in calamitosis stipendiis versaretur.

3. Materiam autem in infinitum quaestionibus extendendis dedit occasio vilis et parva. oppidum est Abydum in Thebaidis parte situm extrema. hic Besae dei localiter adpellati oraculum quondam futura pandebat, priscis circumiacentium regionum caerimoniis solitum coli.

4. et quoniam quidam praesentes, pars per alios desideriorum indice missa scriptura supplicationibus expresse conceptis consulta numinum scitabantur, chartulae seu membranae, continentes quae petebantur, post data quoque responsa interdum remanebant in fano.

5. ex his aliqua ad imperatorem maligne sunt missa, qui, ut erat angusti pectoris, obsurdescens in aliis etiam nimium seriis in hoc titulo ima, quod aiunt, auricula mollior et suspicax et minutus acri felle concaluit: statimque ad orientem ocius ire monuit Paulum potestate delata, ut instar ducis rerum experientia clari ad arbitrium suum audiri efficeret causas.

6. datumque est negotium Modesto etiam tum per orientem comiti apto ad haec et similia. Hermogenes enim Ponticus ea tempestate praefectus praetorio ut lenioris ingenii spernebatur.

7. Perrexit, ut praeceptum est, Paulus funesti furoris et anhelitus plenus dataque calumniae indulgentia plurimi ducebantur ab orbe prope terrarum iuxta nobiles et obscuri, quorum aliquos vinculorum adflixerant nexus, alios claustra poenalia consumpserunt.

8. et electa est spectatrix suppliciorum feralium civitas in Palaestina Scythopolis, gemina ratione visa magis omnibus oportuna, quod secretior et inter Antiochiam Alexandriamque media, unde multi plerumque ad crimina trahebantur.

9. Ductus est itaque inter primos Simplicius Philippi filius ex praefecto et consule, reus hac gratia postulatus, quod super adipiscendo interrogasse dicebatur imperio, perque elogium principis torqueri praeceptus, qui in his casibus nec peccatum aliquando pi[et]ari dederat nec erratum, fato quodam arcente corpore inmaculato lata fuga damnatus est.

10. dein Parnasius ex praefecto Aegypti, homo simplicium morum, eo deductus periculi, ut pronuntiaretur capitis reus, itidem pulsus est in exilium, saepe auditus multo antehac rettulisse quod, cum Patras

2 Achaicum oppidum, ubi genitus habuit larem, inpetrandae causa cuiusdam relinqueret potestatis, per quietem deducentia se habitus tragici figmenta viderat multa.

11. Andronicus postea studiis liberalibus et claritudine carminum notus in iudicium introductus, cum secura mente nullis suspicionibus urgeretur,

purgando semper et fidentius absolutus est.

12. Demetrius itidem Cythras cognomento philosophus, grandaevus quidem sed corpore durus et animo, sacrificasse aliquotiens confutatus, infitiari non potuit, adserens propitiandi causa numinis haec a prima adulescentia factitasse, non temptandi sublimiora scrutatis; nec enim quemquam id noverat adfectare. diu itaque adhaerens eculeo cum fiducia gravi fundatus nequaquam varians eadem oraret intrepidus, Alexandriam, unde oriebatur, innoxius abire permissus est.

13. Et hos quidem aliosque paucos aequa sors veritatis adiutrix periculis eximit abruptis. criminibus vero serpentibus latius per inplicatos nexus sine fine distentos quidam corporibus laniatis extinguebantur, alii poenis ulterioribus damnati sunt bonis ereptis Paulo succentore fabularum crudelium quasi e promptuaria cella fallaciarum et nocendi species suggerente conplures, cuius ex nutu prope dixerim pendebat incedentium omnium salus.

14. nam siqui remedia quartanae vel doloris alterius collo gestaret, sive per monumentum transisse vesperum malivolorum argueretur indiciis, ut veneficus sepulchrorumque horrores et errantium ibidem animarum ludibria colligens vana pronuntiatus reus capitis interibat.

15. et prorsus ita res agebatur, quasi Clarum Dodonaeas arbores et effata Delphorum olim sollemnia in imperatoris exitium sollicitaverint multi.

16 unde blanditiarum taetra commenta palatina cohors exquisite confingens inmunem eum fore malorum communium adserebat, fatum eius vigens semper et praesens in abolendis adversa conantibus eluxisse vocibus magnis exclamans.

17. Et inquisitum in haec negotia fortius nemo, qui quidem recte sapiat, reprehendit. nec enim abnuimus salutem legitimi principis propugnatoris bonorum et defensoris, unde salus quaeritur aliis, consociato studio muniri debere cunctorum; cuius retinendae causa validius ubi maiestas pulsata defenditur, a quaestionibus vel cruentis nullam Corneliae leges exemere fortunam.

18. sed exultare maestis casibus effrenate non decet, ne videantur licentia regi subiecti, non potestate. imitandus sit Tullius cum parcere vel laedere potuisset, ut ipse adfirmat, ignoscendi quaerens causas, non puniendi occasiones, quod iudicis lenti et considerati est proprium.

19. Tunc apud Daphnen amoenum illud et ambitiosum Antiochiae suburbanum visu relatuque horrendum natum est monstrum infans ore gemino cum dentibus binis et barba quattuorque oculis et brevissimis duabus auriculis, qui partus ita distortus praemonebat rem publicam in statum verti deformem.

20. nascuntur huius modi saepe portenta indicantia rerum variarum eventus, quae quoniam non expiantur ut apud veteres publice, inaudita praetereunt et incognita.

XIII

1. His temporibus Isauri diu quieti post gesta, quae superior continet textus, temptatumque Seleuciae civitatis obsidium paulatim reviviscentes, ut solent verno tempore foveis exilire serpentes, saltibus degressi scrupulosis et inviis confertique in cuneos densos per furta et latrocinia finitimos adflictabant, praetenturas militum ut montani fallentes perque rupis et dumeta ex usu facile discurrentes.

2. ad quos vi vel ratione sedandos Lauricius adiecta comitis dignitate missus est rector, homo civilis prudentiae, qui minis potius quam acerbitate pleraque correxit, adeo ut eo diu provinciam obtinente nihil accideret quod animadversione dignum aestimaretur.

LIBER XX

I

1. Haec per Illyricum perque orientem rerum series fuit. consulatu vero Constantii deciens terque Iuliani in Brittanniis cum Scottorum Pictorumque gentium ferarum excursus rupta quiete condicta loca limitibus vicina vastarent et inplicaret formido provincias praeteritarum cladium congerie fessas, hiemem agens apud Parisios Caesar distractusque in sollicitudines varias, verebatur ire subsidio transmarinis, ut rettulimus ante fecisse Constantem, ne rectore vacuas relinqueret Gallias Alamannis ad saevitiam etiam tum incitatis et bella.

2. ire igitur ad haec ratione vel vi conponenda Lupicinum placuit ea tempestate magistrum armorum bellicosum sane et castrensis rei peritum, sed supercilia erigentem ut cornua et de tragico, quod aiunt, cothurno strepentem, super quo diu ambigebatur, avarus esset potius an crudelis.

3. moto igitur velitari auxilio, Aerulis scilicet et Batavis numerisque Moesiacorum duobus, adulta hieme dux ante dictus Bononiam venit quaesitisque navigiis et omni inposito milite, observato flatu secundo ventorum ad Rutupias sitas ex adverso defertur petitque Lundinium ut exinde suscepto pro rei qualitate consilio festinaret ocius ad procinctum.

II

1. Quae cum ita geruntur, post Amidae oppugnationem Vrsicinum ad conmilitium principis ut peditum magistrum reversum – successisse enim eum Barbationi praediximus – obtrectatores excipiunt primo disseminantes mordaces susurros, dein propalam ficta crimina subnectentes.

2. quibus imperator adsensus, ex opinione pleraque aestimans et insidiantibus patens, Arbitionem et Florentium officiorum magistrum quaesitores dederat spectaturos, quas ob res oppidum sit excisum.

3. quibus apertas probabilesque refutantibus causas veritisque, ne offenderetur Eusebius cubiculi tunc praepositus, si documenta suscepissent perspicue demonstrantia Sabiniani pertinaci ignavia haec accidisse quae contigerunt, a veritate detorti inania quaedam longeque a negotio distantia scrutabantur.

4. Qua iniquitate percitus qui audiebatur ꞌetsi meЄ inquit ꞌdespicit imperator, negotii tamen est magnitudo, ut non nisi iudicio principis nosci possit et vindicari; sciat tamen velut quodam praesagio quod, dum maeret super his, quae apud Amidam gesta emendata didicit fide, dumque ad spadonum arbitrium trahitur, defrustandae Mesopotamiae proximo vere ne ipse quidem cum exercitus robore omni opitulari poterit praesensЄ.

5. Relatis adiectisque cum interpretatione maligna conpluribus iratus ultra modum Constantius nec discusso negotio nec patefieri, quae scientiam eius latebant, permissis adpetitum calumniis deposita militia digredi iussit ad

otium, Agilone ad eius locum inmodico saltu promoto ex Gentilium et Scutariorum tribuno.

III

1. Eodem tempore per eoos tractus caelum subtextum caligine cernebatur obscura, et a primo aurorae exortu ad usque meridiem intermicabant iugiter stellae hisque terroribus accedebat, quod, cum lux caelestis operiretur, e mundi conspectu penitus lance abrepta defecisse diutius solem pavidae mentes hominum aestimabant: primo adtenuatum in lunae corniculantis effigiem, deinde in speciem auctum semenstrem posteaque in integrum restitutum.

2. quod alias non evenit ita perspicue, nisi cum post inaequales cursus iter menstruum lunae ad idem revocatur initium certis temporum intervallis, id est cum in domicilio eiusdem signi tota reperitur luna sub sole, liniamentis obiecta rectissimis, atque in his paulisper consistit minutis, quae geometrica ratio partium partes appellat.

3. ac licet utriusque sideris conversiones et motus, ut scrutatores causarum intellegibilium adverterant, in unum eundemque finem lunari cursu impleto perenni distinctione conveniunt, tamen sol non semper his diebus obducitur, sed cum luna e regione velut libramento quodam igneo orbi et aspectui nostro opponitur media.

4. ad summam tum sol occultatur splendore suppresso, cum ipse et lunaris globus astrorum omnium infimus parili comitatu obtinentes circulos proprios salvaque ratione altitudinis interiectae iunctim locati, ut scienter et decore Ptolemaeus exponit, ad dimensiones venerint, quos anabibazontas et katabibazontas ekleiptikous syndesmous coagmenta videlicet defectiva Graeco dictitant sermone. et si contigua isdem iuncturis praestrinxerint spatia, dilutior erit defectus.

5. si vero articulis ipsis inhaeserint, qui coactius ascensus vinciunt et descensus, offunditur densioribus tenebris caelum, ut crassato aere ne proxima quidem et adposita cernere queamus.

6. Sol autem geminus ita videri existimatur, si evecta solito celsius nubes, aeternorumque ignium propinquitate conlucens, orbis alterius claritudinem tamquam e speculo puriore formaverit.

7. Nunc veniamus ad lunam. apertum et evidentem ita demum sustinet luna defectum, cum pleno lumine rotundata solique contraria ab eius orbe centum octoginta partibus, id est signo septimo disparatur. et quamquam hoc per omne plenilunium semper eveniat, non semper deficit tamen.

8. sed quoniam circa terrenam mobilitatem locata est ac caeli totius pulchritudinis extima, non numquam ferienti se subserit lanci obiectum metae noctis in conum desinentis angustum: tum latet parumper umbrata, tumque nigrantibus involvitur globis, si sol sphaerae inferioris curvamine circumfusus, mole obsistente terrena, radiis eam suis inlustrare non possit, quam numquam habere proprium lumen opiniones variae collegerunt.

9. Et cum ad idem signum aequis partibus soli concurrerit obscuratur, ut dictum est, penitus hebetato candore. menes Graece synodos dicitur.

10. nasci autem putatur, cum parva declinatione velut e perpendiculo superiectum gerit solem. exortus vero eius adhuc gracilescens primitus mortalitati videtur, cum ad secundum relicto sole migraverit signum. progressa itaque porrectius iamque abunde nitens cornutae habitu menoeides

est appellata. cum autem sole longo coeperit interstitio summoveri et ad quartum pervenerit signum, radiis eius ad se conversis maius concipit lumen et fit Graeco sermone dichomenis, quae forma semiorben ostendit.

11 . procedens deinde iam disiunctissime, quintoque signo arrepto, figuram monstrat amphicyrti utrimque prominentibus gibbis. e regione vero cum normaliter steterit contra, lumine pleno fulgebit, domicilium septimi retinens signi, et in eodem tum etiam agens paululumque progressa minuitur, quem habitum vocamus apokrousin, atque easdem formas repetit senescendo, traditurque doctrina multiplici congruente, non nisi tempore intermenstrui deficere visam usquam lunam.

12. Quod autem solem nunc in aethere, nunc in mundo inferiore cursare praediximus, sciendum est siderea corpora quantum ad universitatem pertinet, nec occidere nec oriri, sed ita videri nostris obtutibus constitutis in terra, spiritus cuiusdam interni motu suspensa: rerumque magnitudini instar exigui subditum puncti, nunc caelo infixas suspicere stellas, quarum ordo est sempiternus, aliquotiens humana visione languente discedere suis sedibus arbitrari. verum ad instituta iam revertamur.

IV

1. Properantem Constantium orienti ferre suppetias turbando prope diem excursibus Persicis, ut perfugae concinentes exploratoribus indicabant, urebant Iuliani virtutes, quas per ora gentium diversarum fama celebrior effundebat, magnorum eius laborum factorumque vehens adoreas celsas post Alamanniae quaedam regna prostrata receptaque oppida Gallicana, ante direpta a barbaris et excisa, quos tributarios ipse fecit et vectigales.

2. ob haec et similia percitus metuensque me augerentur in maius, stimulante, ut ferebatur, praefecto Florentio, Decentium tribunum et notarium misit auxiliares milites exinde protinus abstracturum Aerulos et Batavos cumque Petulantibus Celtas et lectos ex numeris aliis trecentenos, hac specie iussos adcelerare, ut adesse possint armis primo vere movendis in Parthos.

3. Et super auxiliariis quidem et trecentenis cogendis ocius proficisci Lupicinus conventus est solus, transisse ad Brittannias nondum conpertus, de Scutariis autem et Gentilibus excerpere quemque promptissimum et ipse perducere Sintula iubetur Caesaris stabuli tunc tribunus.

4. Conticuit hisque adquieverat Iulianus, potioris arbitrio cuncta concedens. illud tamen nec dissimulare potuit nec silere: ut illi nullas paterentur molestias, qui relictis laribus transrhenanis sub hoc venerant pacto, ne ducerentur ad partes umquam transalpinas, verendum esse adfirmans ne voluntarii barbari militares, saepe sub eius modi legibus adsueti transire ad nostra, hoc cognito deinceps arcerentur. sed loquebatur in cassum.

5. tribunus enim parvi querelas Caesaris ducens Augusti iussis obtemperabat et lecta expeditiore manu vigore corporumque levitate praestanti cum isdem profectus est spe potiorum erectus.

6. Et quia sollicitus Caesar quid de residuis mitti praeceptis agi deberet, perque varias curas animum versans, adtente negotium tractari oportere censebat, cum hinc barbara feritas inde iussorum urgeret auctoritas, maximeque absentia magistri equitum augente dubietatem, redire ad se praefectum hortatus est, olim Viennam specie annonae parandae digressum, ut se militari eximeret turba.

7. perpendebat enim ad relationem suam, quam olim putabatur misisse,

abstrahendos e Galliarum defensione pugnaces numeros barbarisque iam formidatos.

8. qui cum suscepisset Caesaris litteras monentis petentisque, ut venire adceleraret rem publicam consiliis iuvaturus, obstinatissime detrectabat ea ratione pavore mente confusa, quod aperte scripta significabant ab imperatore nusquam diiungi debere praefectum in ardore terribilium rerum. adiectumque est quod, si procursare dissimulasset, ipse propria sponte proiceret insignia principatus, gloriosum esse existimans iussa morte oppetere, quam ei provinciarum interitum adsignari. sed vicit praefecti propositum pertinax his, quae rationabiliter poscebantur, parere contentione maxima reluctantis.

9. Inter has tamen moras absentis Lupicini motusque militares timentis praefecti, Iulianus consiliatorum adminiculo destitutus ancipitique sententia fluctuans id optimum factu existimavit: via sollemni cunctos e stationibus egressos, in quibus hiemabant, maturare disposuit.

10. hocque conperto apud Petulantium signa famosum quidam libellum humi proiecit occulte, inter alia multa etiam id continentem ɾnos quidem ad orbis terrarum extrema ut noxii pellimur et damnati, caritates vero nostrae Alamannis denuo servient, quas captivitate prima post internecivas liberavimus pugnasЄ.

11. quo textu ad comitatum perlato lectoque Iulianus contemplans rationabiles querelas, cum familiis eos ad orientem proficisci praecepit, clabularis cursus facultate permissa, et cum ambigeretur diutius qua pergerent via, placuit notario suggerente Decentio per Parisios omnes transire, ubi morabatur adhuc Caesar nusquam motus.

12. et ita est factum. isdemque adventantibus in suburbanis princeps occurrit, ex more laudans quos agnoscebat, factorumque fortium singulos monens animabat lenibus verbis, ut ad Augustum alacri gradu pergerent, ubi potestas est ample patens et larga, praemia laborum adepturi dignissima.

13. utque honoratius procul abituros tractaret, ad convivium proceribus conrogatis, petere iure, siquid in promptu esset, edixit. qui liberaliter ita suscepti, dolore duplici suspensi discesserunt et maesti, quod eos fortuna quaedam inclemens et moderato rectore et terris genitalibus dispararet. hocque angore inpliciti in stativa solita cesserunt.

14. nocte vero coeptante in apertum erupere discidium incitatisque animis ut quemque insperata res adflictabat, ad tela convertuntur et manus fremituque ingenti omnes petiverant palatium et spatiis eius ambitis, ne ad evadendi copiam quisquam perveniret, Augustum Iulianum horrendis clamoribus concrepabant, eum ad se prodire destinatius adigentes exspectareque coacti dum lux promicaret, tandem progredi conpulerunt. quo viso iterata magnitudine sonus Augustum appellavere consensione firmissima.

15. Et ille mente fundata universis resistebat et singulis, nunc indignari semet ostendens, nunc manus tendens oransque et obsecrans, ne post multas felicissimasque victorias agatur aliquid indecorum, neve intempestiva temeritas et prolapsio discordiarum materias excitaret. haecque adiciebat tandem sedatos leniter adlocutus :

16. ɾCesset ira quaeso paulisper: absque dissensione vel rerum adpetitu novarum impetrabitur facile quod postulatis. quoniam dulcedo vos patriae retinet, et insueta peregrinaque metuitis loca, redite iam nunc ad sedes nihil visuri, quia displicet, transalpinum. hocque apud Augustum capacem rationis et prudentissimum ego conpetenti satisfactione purgaboЄ.

17. Conclamabatur post haec ex omni parte nihilo minus, uno parique ardore nitentibus universis maximoque contentionis fragore probro et

conviciis mixto, Caesar adsentire coactus est. inpositusque scuto pedestri et sublatius eminens nullo silente Augustus renuntiatus iubebatur diadema proferre, negansque umquam habuisse, uxoris colli vel capitis poscebatur.

18. eoque adfirmante primis auspiciis non congruere aptari muliebri mundo, equi phalerae quaerebantur, uti coronatus speciem saltem obscuram superioris praetenderet potestatis sed cum id quoque turpe esse adseveraret, Maurus nomine quidam, postea comes, qui rem male gessit apud Succorum angustias, Petulantium tunc hastatus, abstractum sibi torquem, quo ut draconarius utebatur, capiti Iuliani inposuit confidenter, qui trusus ad necessitatem extremam iamque periculum praesens vitare non posse advertens, si reniti perseverasset, quinos omnibus aureos argentique singula pondo, promisit.

19. Hisque gestis haut minore quam antea cura constrictus, futuraque celeri providens corde, nec diadema gestavit, nec procedere ausus est usquam, nec agere seria quae nimis urgebant.

20. sed cum ad latebras secessisset occultas accidentium varietate perterritus Iulianus, aliqui palatii decurio, qui ordo est dignitatis, pleniore gradu signa Petulantium ingressus atque Celtarum, facinus indignum turbulente exclamat, pridie Augustum eorum arbitrio declaratum clam interemptum.

21. hocque conperto milites, quos ignota pari sollicitudine movebant et nota, pars crispantes missilia, alii minitantes nudatis gladiis, diverso vagoque, ut in repentino solet, excursu occupavere volucriter regiam, strepituque inmani excubitores perculsi et tribuni et domesticorum comes Excubitor nomine veritique versabilis perfidiam militis, evanuere metu mortis subitae dispalati.

22. viso tamen otio summo, quieti stetere paulisper armati et interrogati, quae causa esset inconsulti motus et repentini, diu tacendo haesitantes super salute principis, non antea discesserunt quam adsciti in consistorium fulgentem eum augusto habitu conspexissent.

V

1. His tamen auditis etiam illi, quos antegressos rettulimus ducente Sintula, cum eo iam securi Parisios revertuntur: edictoque ut futura luce cuncti convenirent in campo, progressus princeps ambitiosius solito tribunal ascendit signis aquilisque circumdatus et vexillis saeptusque tutius armatarum cohortium globis.

2. cumque interquievisset paululum, dum alte contemplatur praesentium vultus, alacres omnes visos et laetos, quasi lituis, verbis, ut intellegi possit, simplicibus incendebat:

3. rʻRes ardua poscit et flagitat, propugnatores mei reique publicae fortes et fidi, qui mecum pro statu provinciarum vitam saepius obiecistis, quoniam Caesarem vestrum firmo iudicio ad potestatum omnium columen sustulistis, perstringere pauca summatim, ut remedia permutatae rei iusta conligantur et cauta.

4. vix dum adulescens specie tenus purpuratus, ut nostis, vestrae tutelae nutu caelesti commissus, numquam a proposito recte vivendi deiectus sum, vobiscum in omni labore perspicuus, cum dispersa gentium confidentia post civitatum excidia peremptaque innumera hominum milia, pauca, quae semiintegra sunt relicta, cladis inmensitas persultaret. et retexere superfluvm

puto, quotiens hieme cruda rigentique caelo, quo tempore terrae ac maria opere Martio vacant, indomitos antea cum iactura virium suarum reppulimus Alamannos.

5. id sane nec praetermitti est aequum; nec taceri quod, cum prope Argentoratum inluxisset ille beatissimus dies vehens quodam modo Galliis perpetuam libertatem, inter confertissima tela me discurrente, vos vigore ususque diuturnitate fundati velut incitatos torrentes hostes abruptius inundantes superastis ferro prostratos, vel fluminis profundo submersos, paucis relictis nostrorum, quorum exsequias honestavimus celebri potius laude quam luctu.

6. post quae opinor tanta et talia nec posteritatem tacituram de vestris in rem publicam meritis in gentibus cunctis, si plene, quem altiore fastigio maiestatis ornastis, virtute gravitateque, siquid adversum ingruerit, defendatis.

7. ut autem rerum integer ordo servetur, praemiaque virorum fortium maneant incorrupta, nec honores ambitio praeripiat clandestina, id sub reverenda consilii vestri facie statuo, ut neque civilis quisquam iudex nec militiae rector, alio quodam praeter merita suffragante, ad potiorem veniat gradum, non sine detrimento pudoris eo, qui pro quolibet petere temptaverit discessuroЄ.

8. Hac fiducia spei maioris animatus inferior miles, dignitatum iam diu expers et praemiorum, hastis feriendo clipeos sonitu adsurgens ingenti, uno prope modum ore dictis favebat et coeptis.

9. statimque ne turbandae dispositioni consultae tempus saltem breve concederetur, pro actuariis obsecravere Petulantes et Celtae, recturi, quas placuisset provincias, mitterentur, quo non inpetrato abiere nec offensi nec tristes.

10. Nocte tamen, quae declarationis Augustae praecesserat diem, iunctioribus proximis rettulerat imperator per quietem aliquem visum, ut formari genius publicus solet, haec obiurgando dixisse ɼolim Iuliane vestibulum aedium tuarum observo latenter, augere tuam gestiens dignitatem et aliquotiens tamquam repudiatus abscessi: si ne nunc quidem recipior, sententia concordante multorum, ibo demissus et maestus. id tamen retineto imo corde quod tecum non diutius habitaboЄ.

VI

1. Haec dum per Gallias agerentur intente, truculentus rex ille Persarum, incentivo Antonini adventu Craugasii duplicato, ardore obtinendae Mesopotamiae flagrans, dum ageret cum exercitu procul Constantius, armis multiplicatis et viribus, transmisso sollemniter Tigride, oppugnandam adoritur Singaram, milite usuique congruis omnibus, ut existimavere, qui regionibus praeerant, abunde munitam.

2. cuius propugnatores viso hoste longissime, clausis ocius portis, ingentibus animis per turres discurrebant et minas, saxa tormentaque bellica congerentes, cunctisque praestructis stabant omnes armati, multitudinem parati propellere, si moenia subire temptasset.

3. adventans itaque rex cum per optimates suos propius admissos pacatiore conloquio flectere defensores ad suum non potuisset arbitrium, quieti diem integrum dedit et matutinae lucis exordio, signo per flammeum erecto vexillum circumvaditur civitas a quibusdam vehentibus scalas, aliis

conponentibus machinas, plerisque obiectu vinearum pluteorumque tectis, iter ad fundamenta parietum quaerentibus subvertenda.

4. contra haec oppidani superstantes propugnaculis celsis lapidibus eminus telorumque genere omni ad interiora ferocius se proripientes arcebant.

5. Et pugnabatur eventu ancipiti diebus aliquot, hinc inde multis amissis et vulneratis: postremo fervente certaminum mole et propinquante iam vespera inter machinas plures admotus aries robustissimus orbiculatam turrim feriebat ictibus densis, unde reseratam urbem obsidio superiore docuimus,

6. ad quam conversa plebe dimicabatur artissime facesque cum taedis ardentibus et malleolis ad exurendum inminens malum undique convolabant nec sagittarum crebritate nec glandis hinc inde cessante. vicit tamen omne prohibendi commentum acumen arietis coagmenta fodiens lapidum recens structorum madoreque etiam tum infirmium.

7. dumque adhuc ferro certatur et ignibus, turri conlapsa cum patuisset iter in urbem, nudato propugnatoribus loco, quos periculi disiecerat magnitudo, Persarum agmina undique ululabili clamore sublato, nullo cohibente cuncta oppidi membra conplebant, caesisque promiscue paucissimis residui omnes mandatu Saporis vivi conprehensi ad regiones Persidis ultimas sunt asportati.

8. Tuebantur autem hanc civitatem legiones duae, prima Flavia primaque Parthica, et indigenae plures cum auxilio equitum ilico ob repentinum malum inclusorum, qui omnes, ut dixi, vinctis manibus ducebantur nullo iuvante nostrorum.

9 Nisibin enim sub pellibus agens pars maior exercitus custodiebat intervallo perquam longo discretam, alioqui numquam labenti Singarae vel temporibus priscis quisquam ferre auxilium potuit aquarum penuria cunctis circum arentibus locis. et licet ad praesciscendos adversos subitosque motus id munimentum oportune locavit antiquitas, dispendio tamen fuit rei Romanae cum defensorum iactura aliquotiens interceptum.

VII

1. Exciso itaque oppido rex Nisibin prudenti consilio vitans, memor nimirum quae saepius ibi pertulerat, dextrum latus itineribus petit obliquis, Bezabden, quam Phaenicham quoque institutores veteres appellarunt, vi vel promissorum dulcedine inlectis defensoribus retenturus, munimentum inpendio validum in colle mediocriter edito positum vergensque in margines Tigridis atque, ubi loca suspecta sunt et humilia, duplici muro vallatum, ad cuius tutelam tres legiones sunt deputatae, secunda Flavia secundaque Armeniaca et Parthica itidem secunda cum sagittariis pluribus Zabdicenis, in quorum solo tunc nobis obtemperantium hoc est municipium positum.

2. Primo igitur impetu cum agmine cataphractorum fulgentium rex ipse sublimior ceteris castrorum ambitum circumcursans prope labra ipsa fossarum venit audentius, petitusque ballistarum ictibus certis et sagittarum densitate, opertus armorum in modum testudinis contextorum abscessit innoxius.

3. ira tamen tum sequestrata caduceatoribus missis ex more clausos blandius hortabatur, ut vitae speique consulturi obsidium deditione solverent oportuna, reseratisque portis egressi supplices victori gentium semet

offerrent.

4. Quibus adire propius ausis defensores moenium ideo pepercerunt, quod cohaerenter sibi iunctos duxerant isdem notos ingenuos Singarae captos: eorum enim miseratione telum nemo contorsit nec super pace respondit.

5. Deinde datis indutiis diei totius et noctis, ante alterius lucis initium Persarum populus omnis adortus avide vallum, acriter minans ac fremens, ubi ad ipsa moenia confidenter accessit, instabat vi magna resistentibus oppidanis.

6. Atque ea re sauciabantur plerique Parthorum, quod pars scalas vehentes, alii opponentes vimineas crates velut caeci pergebant introrsus nec nostris innocui. sagittarum enim nimbi crebrius volitantes stantes confertius perforabant, partibusque post solis occasum aequa iactura digressis, adpetente postridie luce, ardentius multo quam antea pugnabatur, hinc inde concinentibus tubis, nec minores strages utrubique visae sunt ambobus obstinatissime conluctatis.

7. Verum secuto die otio conmuni adsensu post aerumnas multiplices adtributo, cum magnus terror circumsisteret muros Persaeque paria formidarent, Christianae legis antistes exire se velle gestibus ostendebat et nutu, acceptaque fide quod redire permitteretur incolumis, usque ad tentoria regis accessit.

8. Ubi data copia dicendi quae vellet, suadebat placido sermone discedere Persas ad sua, post communes partis utriusque luctus formidari etiam maiores adfirmans forsitan adventuros. sed perstabat in cassum haec multaque similia disserendo, efferata vesania regis obstante, non ante castrorum excidium digredi pertinaciter adiurantis.

9. Perstrinxit tamen suspicio vana quaedam episcopum, ut opinor, licet adseveratione vulgata multorum, quod clandestino conloquio Saporem docuerat, quae moenium adpeteret membra ut fragilia intrinsecus et invalida. hocque exinde veri simile visum est, quod postea intuta loca carieque nutantia cum exsultatione magna, velut regentibus penetralium callidis contemplabiliter machinae feriebant hostiles.

10. Et quamquam angusti calles difficiliorem aditum dabant ad muros, aptatique arietes aegre promovebantur, manualium saxorum sagittarumque metu arcente, nec ballistae tamen cessavere nec scorpiones, illae tela torquentes, hi lapides crebros, qualique simul ardentes pice et bitumine inliti, quorum adsiduitate per proclive labentium machinae haerebant velut altis radicibus fixae, easque malleoli et faces iactae destinatius exurebant.

11. Sed cum haec ita essent caderentque altrinsecus multi, ardebant magis oppugnatores naturali situ et ingenti opere munitum oppidum ante brumale sidus excindere, rabiem regis non ante sedari posse credentes. quocirca nec multa cruoris effusio, nec confixi mortiferis vulneribus plurimi ceteros ab audacia parili revocabant.

12. Sed diu cum exitio decernentes postremo periculis obiectavere semet abruptis, et agitantes arietes denso saxorum molarium pondere fomentisque ignium variis ire protinus vetabantur.

13. Verum unus aries residuis celsior umectis taurinis opertus exuviis, ideoque minus casus flammeos pertimescens aut tela, antegressus omnes repsit nisibus magnis ad murum vastoque acumine coagmenta lapidum fodiens turrim laxatam evertit. qua sonitu lapsa ingenti superstantes quoque repentina ruina deiecti diffractique vel obruti mortibus interiere diversis et insperatis, inventoque tutiore ascensu armata inruit multitudo.

14. Trepidis deinde superatorum auribus ululantium undique Persarum intonante fragore artius proelium intra muros exarsit, hostium nostrorumque catervis certantibus comminus, cum confertis inter se corporibus hinc indeque stricto mucrone nulli occurrentium parceretur.

15. Magna denique mole, ancipiti diu exitio renitentes obsessi postremo plebis inmensae ponderibus effuse disiecti sunt. et post haec iratorum hostium gladii quicquid inveniri poterat concidebant, abreptique sinibus matrum parvuli, ipsae quoque matres trucidabantur, nullo quid ageret respectante. inter tam funesta gens rapiendi cupidior, onusta spoliorum genere omni, captivorumque examen maximum ducens, tentoria repetivit exultans.

16. Rex tamen gaudio insolenti elatus diuque desiderio capiendae Phaenichae flagrans, munimenti perquam tempestivi, non ante discessit quam labefactata murorum parte reparata firmissime alimentisque adfatim conditis armatos ibi locaret insignis origine bellique artibus claros. verebatur enim, quod accidit, ne amissionem castrorum ingentium ferentes aegre Romani ad eadem obsidenda viribus magnis accingerentur.

17. Latius se proinde iactans additaque spe quicquid adgredi posset adipiscendi, interceptis castellis aliis vilioribus Virtam adoriri disposuit, munimentum valde vetustum, ut aedificatum a Macedone credatur Alexandro, in extremo quidem Mesopotamiae situm, sed muris velut sinuosis circumdatum et cornutis instructioneque varia inaccessum.

18. Quod cum omni arte temptaret, nunc promissis defensores alliciens, nunc poenas cruciabiles minitans, aliquotiens struere aggeres parans obsidionalesque admovens machinas, multis acceptis vulneribus quam inlatis, omisso vano incepto tandem abscessit.

VIII

1. Haec eo anno inter Tigrim gesta sunt et Euphratem. quae cum frequentibus nuntiis didicisset Constantius, metuens expeditiones Parthicas, hiemem apud Constantinopolim agens inpensiore cura limitem instruebat eoum omni apparatu bellorum. arma quoque et tirocinia cogens legionesque augens iuventutis validae supplementis, quarum statariae pugnae per orientales saepius eminuere procinctus, auxilia super his Scytharum poscebat mercede vel gratia, ut adulto vere profectus e Thraciis loca suspecta protinus occuparet.

2. Inter quae Iulianus apud Parisios hibernis locatis, summa coeptorum quorsum evaderet pertimescens, erat anxius, nusquam adsensurum Constantium factis multa volvendo considerans, apud quem sordebat ut infimus et contemptus.

3. circumspectis itaque trepidis rerum novarum exordiis legatos ad eum mittere statuit gesta docturos eisque concinentes litteras dedit, quid actum sit quidve fieri oporteat deinceps monens apertius et demonstrans.

4. quamquam eum haec dudum conperisse opinabatur relatu Decentii olim reversi et cubiculariorum recens de Galliis regressorum, qui ad Caesaream aliqua portavere sollemnia. et quamquam non repugnanter, tamen nec adrogantibus verbis quicquam scripsit ne videretur subito redundasse. Erat autem litterarum sensus huius modi:

5. ŗEgo quidem propositi mei fidem non minus moribus quam foederum pacto, quoad fuit, umum semper atque idem sentiens conservavi, ut effectu multiplici claruit evidenter.

6. iamque inde uti me creatum Caesarem pugnarum horrendis fragoribus obiecisti, potestate delata contentus currentium ex voto prosperitatum nuntiis crebris ut apparitor fidus tuas aures implevi, nihil usquam periculis meis adsignans, cum documentis adsiduis constet, diffusis permixtisque passim Germanis in laboribus me semper visum omnium primum, in laborum refectione postremum.

7. Sed bona tua venia dixerim, siquid novatum est nunc, ut existimas: in multis bellis et asperis aetatem sine fructu conterens miles olim deliberatum implevit, fremens secundique inpatiens loci rectorem, cum nullas sibi vices a Caesare diuturni sudoris et victoriarum frequentium rependi posse contemplaretur.

8. cuius iracundiae nec dignitatum augmenta nec annuum merentis stipendium id quoque inopinum accessit, quod ad partis orbis eoi postremas venire iussi homines adsueti glacialibus terris, separandique liberis et coniugibus egentes trahebantur et nudi. unde solito saevius efferati nocte in unum collecti palatium obsidere, Augustum Iulianum vocibus magnis appellantes et crebris.

9. cohorrui, fateor, et secessi amendatusque dum potui salutem mussatione quaeritabam et latebris. cumque nullae darentur indutiae, libero pectoris muro, ut ita dixerim, saeptus, progressus ante conspectum omnium steti, molliri posse tumultum auctoritate ratus vel sermonibus blandis.

10. exarsere mirum in modum, eo usque provecti, ut, quoniam precibus vincere pertinaciam conabar, instanter mortem contiguis adsultibus intentarent. victus denique mecumque ipse contestans, quod alter confosso me forsitan libens declarabitur princeps, adsensus sum, vim lenire sperans armatam.

11. Gestorum hic textus est, quem mente quaeso accipito placida. nec actum quicquam secus existimes, vel susurrantes perniciosa malignos admittas, ad conpendia sua excitare secessiones principum adsuetos ; sed adulatione vitiorum altrice depulsa, excellentissimam virtutum omnium adverte iustitiam, et condicionum aequitatem, quam propono, bona fide suscipito, cum animo disputans haec statui Romano prodesse, nobisque, qui caritate sanguinis et fortunae superioris culmine sociamur.

12. ignosce enim: quae cum ratione poscuntur, non tam fieri cupio, quam a te utilia probari et recta, avide tua praecepta deinde quoque suscepturus.

13. Quae necesse sit fieri in conpendium redigam breve. equos praebebo currules Hispanos et miscendos Gentilibus atque Scutariis adulescentes Laetos quosdam, cis Rhenum editam barbarorum progeniem, vel certe ex dediticiis qui ad nostra desciscunt. et haec ad usque exitum vitae me spondeo non modo grato animo, verum cupido quoque facturum.

14. praefectos praetorio aequitate et meritis notos tua nobis dabit clementia, residuos ordinarios iudices militiaeque moderatores promovendos arbitrio meo concedi est consentaneum itidemque stipatores. stultum est enim, cum ante caveri possit ne fiat, eos ad latus imperatoris adscisci, quorum mores ignorantur et voluntates.

15. Hoc sane sine ulla dubitatione firmaverim: tirones ad peregrina et longinqua Galli mittere, diuturna perturbatione casibusque vexati gravissimis, nec sponte sua poterunt nec coacti, ne consumpta penitus iuventute, ut adfliguntur praeterita recordantes, ita desperatione pereant inpendentium.

16. nec Parthicis gentibus opponenda auxilia hinc acciri conveniet, cum adhuc nec barbarici sint impetus interclusi et, si dici quod verum est pateris, hae provinciae malis iactatae continuis externis indigeant adiumentis et

fortibus.

17. Haec hortando, ut aestimo, salutariter scripsi poscens et rogans. scio enim, scio, nequid sublatius dicam cum imperio congruens, quas rerum acerbitates iam conclamatas et perditas concordia vicissim sibi cedentium principum meliorem revocavit in statum, cum appareat maiorum exemplo nostrorum moderatores haec et similia cogitantes, fortunate beateque vivendi reperire quodam modo viam, et ultimo tempori posteritatique iucundam sui memoriam commendareЄ.

18. His litteris iunctas secretiores alias Constantio offerendas clanculo misit obiurgatorias et mordaces, quarum seriem nec scrutari licuit nec, si licuisset, proferre decebat in publicum.

19. Ad id munus inplendum electi viri sunt gravis Pentadius officiorum magister, et Eutherius cubiculi tunc praepositus, post oblatas litteras relaturi nullo suppresso quae viderunt et super ordine futurorum fidenter acturi.

20. Auxerat inter haec coeptorum invidiam Florenti fuga praefecti, qui velut praesagiens concitandos motus ob militem, ut sermone tenus iactabatur, accitum, consulto discesserat Viennam, alimentariae rei gratia divelli causatus a Caesare, quem saepe tractatum asperius formidabat.

21. dein cum conperisset eum ad augustum culmen evectum, exigua ac prope nulla vivendi spe versus in metum, ut longe disiunctus, malis se, quae suspicabatur, exemit et necessitudine omni relicta digressus venit ad Constantium itineribus lentis, utque se nulli obnoxium culpae monstraret, Iulianum ut perduellem multis criminibus adpetebat.

22. cuius post abitum bene Iulianus cogitans et prudenter, scirique volens quod praesenti quoque pepercisset, caritates eius cum re familiari intacta, publici cursus usu permisso, ad orientem redire tutius inperavit.

IX

1. Nec minore studio secuti legati haec secum ferentes, quae praediximus, intentique ad viandum cum venirent ad iudices celsiores, oblique tenebantur, morasque per Italiam et Illyricum perpessi diuturnas et graves, tandem transfretati per Bosporum itineribusque lentis progressi, apud Caesaream Cappadociae etiam tum degentem invenere Constantium, Mazacam antehac nominatam, oportunam urbem et celebrem sub Argaei montis pedibus sitam.

2. qui intromissi data potestate offerunt scripta hisque recitatis ultra modum solitae indignationis excanduit imperator, limibusque oculis eos ad usque metum contuens mortis, egredi iussit, nihil post haec percontatus vel audire perpessus.

3. Perculsus tamen ardenter cunctatione stringebatur ambigua, utrum in Persas an contra Iulianum moveri iuberet acies quibus fidebat, haesitansque diu perpensis consiliis flexus est quorundam sententia utilium suasorum, et iter orientem versus edixit.

4. statim tamen et legatos absolvit et Leonam quaestorem suum in Gallias cum litteris datis ad Iulianum pergere celeri statuit gradu, nihil novatorum se adserens suscepisse, et eum, si saluti suae proximorumque consulit, tumenti flatu deposito intra Caesaris se potestatem continere praecipiens.

5. utque id facile formido intentatorum efficeret, velut magnis viribus fretus in locum Florentii praefectum praetorio Nebridium tum quaestorem eiusdem Caesaris promoverat, et Felicem notarium officiorum magistrum et

quosdam alios. Gumoarium enim successorem Lupicini antequam sciretur huius modi quicquam magistrum provexit armorum.

6. Ingressus itaque Parisios Leonas susceptus ut honoratus et prudens, postridie principi progresso in campum cum multitudine armata pariter et plebeia, quam de industria convocarat, e tribunali, ut emineret altius, superstanti, scripta iubetur offerre. replicatoque volumine edicti, quod missum est, et legi ab exordio coepto, cum ventum fuisset ad locum id continentem, quod gesta omnia Constantius inprobans Caesaris potestatem sufficere Iuliano censebat, exclamabatur undique vocum terribilium sonu.

7. ŗAuguste Iuliane, ut provincialis et miles et rei publicae decrevit auctoritas recreatae quidem, sed adhuc metuentis redivivos barbarorum excursusЄ.

8. Quibus auditis Leonas cum Iuliani litteris haec eadem indicantibus revertit incolumis, solusque admissus est ad praefecturam Nebridius. id enim Caesar quoque scribens ex sententia sua fore aperte praedixit. magistrum enim officiorum iam pridem ipse Anatolium ordinavit, libellis antea respondentem, et quosdam alios ut sibi utile videbatur et tutum.

9. Et quoniam cum haec ita procederent, timebatur Lupicinus licet absens agensque etiam tum apud Brittannos, homo superbae mentis et turgidae, eratque suspicio quod, si haec trans mare didicisset, novarum rerum materias excitaret, notarius Bononiam mittitur observaturus sollicite, ne quisquam fretum oceani transire permitteretur. quo vetito reversus Lupicinus, antequam horum quicquam sciret, nullas ciere potuit turbas.

X

1. Iulianus tamen iam celsiore fortuna militisque fiducia laetior, ne intepesceret neve ut remissus argueretur et deses, legatis ad Constantium missis in limitem Germaniae secundae egressus est, omnique apparatu, quem flagitabat instans negotium, communitus Tricensimae oppido propinquabat.

2. Rheno exinde transmisso regionem subito pervasit Francorum, quos Atthuarios vocant, inquietorum hominum licentius etiam tum percursantium extima Galliarum. quos adortus subito nihil metuentes hostile nimiumque securos, quod scruposa viarum difficultate arcente nullum ad suos pagos introisse meminerant principem, superavit negotio levi: captisque plurimis et occisis, orantibus aliis qui superfuere, pacem ex arbitrio dedit, hoc prodesse possessoribus finitimis arbitratus.

3. unde reversus pari celeritate per flumen, praesidiaque limitis explorans diligenter et corrigens, ad usque Rauracos venit, locisque recuperatis, quae olim barbari intercepta retinebant ut propria, isdemque pleniore cura firmatis per Besantionem Viennam hiematurus abscessit.

XI

1. Hic per Gallias erat ordo gestorum. quae dum ita prospere succedunt et caute, Constantius adcitum Arsacen Armeniae regem summaque liberalitate susceptum praemonebat et hortabatur, ut nobis amicus esse perseveraret et fidus.

2. audiebat enim saepius eum temptatum a rege Persarum fallaciis et minis et dolis, ut Romanorum societate posthabita suis rationibus stringeretur.

3. qui crebro adiurans animam prius posse amittere quam sententiam,

muneratus cum comitibus, quos duxerat, redit ad regnum nihil ausus temerare postea promissorum, obligatus gratiarum multiplici nexu Constantio, inter quas illud potius excellebat quod Olympiada, Ablabi filiam praefecti quondam praetorio, ei copulaverat coniugem, sponsam fratris sui Constantis.

4. Quo dimisso a Cappadocia ipse per Melitenam, minoris Armeniae oppidum, et Lacotena et Samosata transito Euphrate Edessam venit, ibique dum agmina undique convenientium militum et dei cibariae abundantes copias operitur, diu moratus post aequinoctium egreditur autumnale Amidam petens.

5. Cuius cum prope venisset moenia, favillis oppleta collustrans flebat cum gemitu, reputans qualis miseranda civitas pertulerat clades. ibi tunc forte Vrsulus

2 praesens, qui aerarium tuebatur, dolore percitus exclamavit ɾen quibus animis urbes a milite defenduntur, cui ut abundare stipendium possit imperii opes iam fatiscunt!Є. quod dictum ita amarum militaris multitudo postea apud Chalcedona recordata ad eius exitium consurrexit.

6. Exinde cuneis confertis incedens cum Bezabden adventaret, fixis tentoriis, vallo fossarumque altitudine circumsaeptis, obequitans castrorum ambitum longius, docebatur relatione multorum instaurata esse firmius loca, quae antehac incuria corruperat vetustatis.

7. et nequid omitteret, quod ante fervorem certaminum erat necessario praestruendum, viris prudentibus missis condicione posita dupla urgebat moenium defensores redire ad suos, alienis sine cruore concessis, aut in dicionem venire Romanam dignitatibus augendos et praemiis. atque cum illi destinatione nativa reniterentur ut clarentes periculisque et laboribus iam cuncta obsidioni congrua parabantur.

8. Densis itaque ordinibus cum tubarum incitamentis latera oppidi cuncta adortus alacris miles, legionibus in testudines varias conglobatis, paulatim tuto progrediens subruere moenia conabatur, et quia telorum omne genus in subeuntes effundebatur, nexu clypeorum soluto discessum est, in receptum canentibus signis.

9. laxatis deinde ad diem unum indutiis, tertia luce curiosius tecti, elatis passim clamoribus ascensus undique temptabant. et licet defensoribus obtentis ciliciis ne conspicerentur ab hostibus latebant intrinsecus, tamen, quotiens flagitabat necessitas, lacertos fortiter exsertantes lapidibus subiectos incessebant et telis.

10. et vimineae crates cum procederent confidenter essentque parietibus contiguae, dolia desuper cadebant, molae et columnarum fragmenta, quorum ponderibus nimiis obruebantur oppugnatores, hiatuque violento disiectis operimentis cum periculis ultimis evadebant.

11. Decimo itaque postquam pugnari coeptum est die, cum spes nostrorum interiora cuncta maerore conpleret, transferri placuerat molem arietis magnam, quam Persae quondam Antiochia pulsibus eius excisa relatam reliquerant apud Carras, quae subito visa aptataque faberrime, clausorum hebetaverat mentes ad usque deditionis remedia paene prolapsas, ni resumptis viribus opponenda minaci machinae praeparassent.

12. nec temeritas post haec cessaverat nec consilium. namque dum instrueretur aries vetustus et dissolutus, ut facile veheretur omni arte.

LIBER XXI

I

1. Intercluso hac bellorum difficili sorte Constantio trans flumen Euphratem, Iulianus agens apud Viennam formandis in futura consiliis dies inpendebat et noctes, quantum opes patiebantur angustae altius semet adtollens, semperque ambigens utrum Constantium modis omnibus alliceret in concordiam, an terroris incutiendi gratia lacesseret prior.

2. quae sollicite reputans utrumque formidabat, et amicum cruentum et in aerumnis civilibus saepe victorem, maximeque Galli fratris exemplum mentem eius anxiam suspendebat, quem inertia mixtaeque periuriis fraudes prodidere quorundam.

3. erigebat tamen aliquotiens animum ad multa et urgentia, tutissimum ratus inimicum se ex confesso monstrare ei, cuius ex praeteritis motus coniectabat ut prudens, ne per amicitias fictas insidiis falleretur occultis.

4. parvi igitur habitis, quae per Leonam Constantius scripserat, nulloque arbitrio eius promotorum suscepto praeter Nebridium, quinquennalia Augustus iam edidit: et ambitioso diademate utebatur lapidum fulgore distincto, cum inter exordia principatus adsumpti vili corona circumdatus erat xystarchae similis purpurato.

5. inter quae Helenae coniugis defunctae suprema miserat Romam in suburbano viae Nomentanae condenda, ubi uxor quoque Galli quondam, soror eius, sepulta est Constantina.

6. Accedebat autem incendebatque eius cupiditatem, pacatis iam Galliis incessere ultro Constantium, coniciens eum per vaticinandi praesagia multa, quae callebat, et somnia e vita protinus excessurum.

7. Et quoniam erudito et studioso cognitionum omnium principi malivoli praenoscendi futura pravas artes adsignant, advertendum est breviter, unde sapienti viro hoc quoque accidere poterit doctrinae genus haud leve.

8. elementorum omnium spiritus, utpote perennium corporum praesentiendi motu semper et ubique vigens, ex his, quae per disciplinas varias adfectamus, participat nobiscum munera divinandi: et substantiales potestates ritu diverso placatae, velut ex perpetuis fontium venis, vaticina mortalitati suppeditant verba, quibus numen praeesse dicitur Themidis, quam ex eo quod fixa fatali lege decreta praescire facit in posterum, quae tetheimena sermo Graecus appellat, ita cognominatam in cubili solioque Iovis vigoris vivifici theologi veteres conlocarunt.

9. Auguria et auspicia non volucrum arbitrio futura nescientium conliguntur – nec enim hoc vel insipiens quisquam dicet – sed volatus avium dirigit deus, ut rostrum sonans aut praetervolans pinna turbido meatu vel leni futura praemonstret. amat enim benignitas numinis, seu quod merentur homines, seu quod tangitur eorum adfectione, his quoque artibus prodere quae inpendent.

10. Extis itidem pecudum attenti fatidicis, in species converti suetis innumeras, accidentia sciunt. cuius disciplinae Tages nomine quidam monstrator est, ut fabulantur, in Etruriae partibus emersisse subito visus e terra.

11. Aperiunt tunc quoque ventura cum aestuant hominum corda sed locuntur divina. sol enim, ut aiunt physici, mens mundi, nostras mentes ex sese velut scintillas diffunditans cum eas incenderit vehementius, futuri conscias reddit. unde Sibyllae crebro se dicunt ardere torrente vi magna flammarum. multa significant super his crepitus vocum et occurrentia signa,

tonitrua quin etiam et fulgura et fulmina itidemque siderum sulci.

12. Somniorum autem rata fides et indubitabilis foret, ni ratiocinantes coniectura fallerentur. interdumque, ut Aristoteles adfirmat, tum fixa sunt et stabilia, cum animantis altius quiescentis ocularis pupilla neutrubi inclinata rectissime cernit.

13. et quia vanities aliquotiens plebeia strepit, haec inperite mussando, si esset praesentiendi notitia quaedam, cur ille se casurum in bello vel alius hoc se passurum ignoravit aut illud, sufficiet dici, quod et grammaticus locutus interdum est barbare, et absurde cecinit musicus, et ignoravit remedium medicus: at non ideo nec grammatica nec musica nec medicina subsistit.

14. unde praeclare hoc quoque ut alia Tullius ґsigna ostenduntur Є ait ґa dis rerum futurarum. in his siqui erraverit, non deorum natura sed hominum coniectura peccavitЄ. ne igitur extra calcem, quod dicitur, sermo decurrens lecturo fastidium ferat, ad explicanda prospecta revertamur.

II

1. Cum apud Parisios adhuc Caesar Iulianus quatiens scutum variis motibus exerceretur in campo, axiculis, quis orbis erat conpaginatus, in vanum excussis ampla remanserat sola, quam retinens valida manu stringebat.

2. territisque ut omine diro praesentibus cunctis ґnemoЄ inquit ґvereatur: habeo firmiter quod tenebamЄ. item cum apud Viennam postea quiesceret sobrius, horrore medio noctis imago quaedam visa splendidior hos ei versus heroos modo non vigilanti aperte dixit eadem saepius replicando, quibus fretus nihil asperum sibi superesse existimabat Zeus hotan eis platy terma molei klytou hydrochooio Parthenikes de Kronos moirei bainei epi pempte eikostei, basileus Konstantios Asidos aies terma philou biotou stygeron kai epodynon hexei.

3. agebat itaque nihil interim de statu rerum praesentium mutans, sed animo tranquillo et quieto incidentia cuncta disponens paulatimque sese conroborans ut dignitatis augmento virium quoque congruerent incrementa

4. utque omnes nullo inpediente ad sui favorem inliceret, adhaerere cultui Christiano fingebat, a quo iam pridem occulte desciverat, arcanorum participibus paucis, haruspicinae auguriisque intentus et ceteris quae deorum semper fecere cultores.

5. et ut haec interim celarentur, feriarum die, quem celebrantes mense Ianuario Christiani Epiphania dictitant, progressus in eorum ecclesiam sollemniter numine orato discessit.

III

1. Dum haec ita aguntur, propinquante iam vere, nuntio percitus inopino ad tristitiam versus est et maerorem. didicit enim Alamannos a pago Vadomarii exorsos, unde nihil post ictum foedus sperabatur incommodum, vastare confinis Raetiis tractus, nihilque sinere intemptatum manus, praedatorias fusius discurrentes.

2. quod ne dissimulatum redivivas bellorum materias excitaret, Libinonem quendam comitem cum Celtis et Petulantibus misit hiemantibus secum, negotium, ut poscebat ratio, correcturum.

3. qui cum mature prope oppidum Sanctionem venisset longe visus a

barbaris, qui iam certamina meditantes sese per valles abdiderant, hortatusque milites licet numero inpares, cupidine tamen pugnandi vehementius inritatos, adgreditur inconsulte Germanos interque dimicandi exordia ipse concidit omnium primus, cuius interitu erecta barbarorum fiducia Romanisque ad ducis vindictam accensis certamen committitur obstinatum, et urgente magnitudinis mole disiecti sunt nostri occisis paucis et vulneratis.

4. Cum hoc Vadomario et Gundomado eius fratre itidem rege Constantius, ut iam relatum est, firmaverat pacem. post quae mortuo Gundomado hunc sibi fore existimans fidum secretorumque taciturnum exsecutorem et efficacem mandabat, si famae solius admittenda est fides, scribebatque, ut tamquam rupto concordiae pacto subinde conlimitia sibi vicina vexaret, quo Iulianus id metuens nusquam a tutela discederet Galliarum.

5. quibus, ut dignum est credere, obtemperans Vadomarius haec et similia perpetrabat, ad perstringendum fallendumque miris modis ab aetatis primitiis callens, ut postea quoque ducatum per Phoenicen regens ostendit. sed re ipsa convictus abstinuit. capto enim a stationariis militibus notario, quem miserat ad Constantium, scrutatoque siquid portaret, epistula eius reperta est, in qua praeter alia multa id quoque scripserat ґCaesar tuus disciplinam non habetЄ. Iulianum autem adsidue per litteras dominum et Augustum appellabat et deum.

IV

1. Haec ut erant periculosa et dubia, Iulianus in exitiale malum eruptura considerans, in unum omni cogitatione intenta, eum incautum rapere festinabat, ut securitatem suam provinciarumque locaret in tuto, et iniit consilium tale.

2. Philagrium notarium, orientis postea comitem, ad eas miserat partes, cuius prudentiae fidebat olim sibi conperti, eique inter multa, quae pro captu instantium rerum erat acturus, signatam quoque chartulam tradidit, mandavitque, ne aperiret vel recitaret nisi Vadomario viso cis Rhenum.

3. perrexit Philagrius ut praeceptum est, eoque praesente et negotiis adstricto diversis transgressus Vadomarius flumen, ut nihil in profunda metuens pace, nihilque secus gestorum simulans scire, viso praeposito militum ibi degentium, pauca locutus ex more, ultro semet, ut suspicionis nihil relinqueret abiturus, ad convivium eius venire promisit, ad quod erat etiam Philagrius invitatus.

4. qui statim ingressus, rege conspecto imperatoris recordatus est verba, causatusque rem seriam et urgentem, ad diversorium rediit, scriptisque lectis doctus quid agi conveniret, confestim reversus discubuit inter ceteros.

5. finitisque epulis Vadomarium fortiter adprehensum rectori militum arte custodiendum apud signa conmisit, textu lecto iussorum, comitibus eius ad sua redire conpulsis, super quibus nihil fuerat imperatum.

6. exhibitus tamen idem rex ad principis castra iamque spe veniae omni praeclusa, cum interceptum notarium et quae scripserat ad Constantium conperisset iam publicata, ne convicio quidem tenus conpellatus missus est ad Hispanias. id enim studio curabatur ingenti, ne Iuliano discedente a Galliis inmanissimus homo provinciarum statum aegre conpositum licentius conturbaret.

7. Hoc casu elatior Iulianus, regis opinione citius intercepti, quem profecturus ad longinqua formidabat, nihil remittentibus curis barbaros

adoriri disposuit, quos peremisse Libinonem comitem in congressu cum militibus docuimus paucis.

8. et ne rumor adventus sui eos ad remotiora traduceret, superato Rheno noctis alto silentio cum auxiliorum expeditissimis globis nihil metuentes huius modi circumvenit, excitatosque hostilium fragore armorum dum gladios circumspectant et tela, celeriter involavit et quosdam occidit, orantes alios praedamque offerentes dediticios cepit, reliquis, qui remansere, pacem precantibus dedit quietem pollicitis firmam.

V

1. Quae dum mentibus aguntur erectis, coniectans quantas intestinae cladis excitaverat moles, nihilque tam convenire conatibus subitis quam celeritatem sagaci praevidens mente, professa palam defectione se tutiorem fore existimavit, incertusque de militum fide, placata ritu secretiore Bellona, classico ad contionem exercitu convocato, saxeo suggestu insistens, iamque, ut apparebat, fidentior haec clarius solito disserebat:

2. ɼIam dudum tacita deliberatione vos aestimo, magni commilitones, gestorum excitos amplitudine hoc operiri consilium ut eventus, qui sperantur, perpendi possint et praecaveri. plus enim audire quam loqui militem decet actibus coalitum ... gloriosis, nec alia spectatae aequitatis sentire rectorem, quam ea, quae laudari digne potuerunt et probari. ut igitur quae proposui abiectius absolvam, advertite oro benivole, quae sermone brevi percurram.

3. Arbitrio dei caelestis vobis inter ipsa iuventae rudimenta permixtus inruptiones Alamannorum adsiduas et Francorum populandique iugem licentiam fregi, et vigore communi Romanis agminibus quotiens libet Rhenum pervium feci, contra rumorum fremitus gentiumque validarum violentos excursus stando inmobilis, virtutis vestrae nimirum firmamento confisus.

4. et haec laborum, quos exhausimus, Galliae spectatrices post funera multa iacturasque recreatae diuturnas et graves, posteritati per aetatum examina commendabunt.

5. at nunc cum auctoritate vestri iudicii rerumque necessitate conpulsus ad augustum elatus sum culmen, deo vobisque fautoribus, si fortuna coeptis adfuerit, altius adfecto maiora, id prae me ferens quod exercitui, cuius aequitas armorumque inclaruit magnitudo, domi moderatus visus sum et tranquillus et in crebritate bellorum contra conspiratas gentium copias consideratus et cautus.

6. ut igitur adversa praeveniamus mentium societate iunctissima, sequimini viam consilii mei salutarem, ut puto, cum integritas rerum intentioni nostrae voluntatique respondeat, et dum maioribus vacant praesidiis regiones Illyricae, inpraepedito cursu tendentes Daciarum interim fines extimos occupemus, exinde quid agi oporteat bonis successibus instruendi.

7. at vos ex more fidentium ducum iuramento quaeso concordiam spondete mansuram et fidem, operam mihi navaturo sedulam et solitam, nequid agatur inconsultum et segne, et producturo, siquis exegerit, incorruptam conscientiam meam, quod nihil voluntate praeter ea, quae in commune conducunt, adgrediar aut temptabo.

8. Illud sane obtestor et rogo observate, ne inpetu gliscentis ardoris in privatorum damna quisquam vestrum exiliat, id cogitans quod ita nos inlustrarunt hostium innumerae strages, ut indemnitas provinciarum et salus exemplis virtutum pervulgataeЄ.

9. Hoc sermone imperatoris vice alicuius oraculi conprobato mota est incitatius contio et rerum cupida novandarum unanimanti consensu voces horrendas inmani scutorum fragore miscebat, magnum elatumque ducem et, ut experta est, fortunatum domitorem gentium adpellans et regum.

10. iussique universi in eius nomen iurare sollemniter gladiis cervicibus suis admotis sub exsecrationibus diris verbis iuravere conceptis omnes pro eo casus, quoad vitam profuderint, si id necessitas exegerit, perlaturos; quae secuti rectores omnesque principis proximi fidem simili religione firmarunt.

11. Solus omnium licet proposito stabili, audacter tamen praefectus repugnavit Nebridius, iuris iurandi nexu contra Constantium nequaquam se constringi posse commemorans, cuius beneficiis obligatus erat crebris et multis. I

2. quibus auditis cum stantes propius milites acriter inflammati eum adpeterent trucidandum, ad genua sua prolapsum imperator paludamento protexit, indeque reversus in regiam cum antegressum eum vidisset supplicemque iacentem orare, ut levandi causa timoris ei porrigeret dexteram ṙecquidЄ ait ṙpraecipuum amicis servabitur, si tu manum tetigeris meam? sed hinc quo libet abi securusЄ. hocque audito ille innoxius ad larem suum recessit in Tusciam.

13. his Iulianus, ut poscebat negotii magnitudo, praestructis expertus, quid in rebus tumultuosis anteversio valeat et praegressus, per tesseram edicto itinere in Pannonias, castris promotis et signis temere se fortunae conmisit ambiguae.

VI

1. Replicare nunc convenit tempori et narrare summatim quae, dum aguntur in Galliis ante dicta, Constantius hiemans Antiochiae domi militiaeque perfecit. inter conplures alios honore conspicuos adoraturi imperatorem peregre venientem ordinantur etiam ex tribunis insignibus.

2. cum igitur a Mesopotamia reversus Constantius hoc exciperetur officio, Amphilochius quidam ex tribuno Paphlago, quem dudum sub Constante militantem discordiarum sevisse causas inter primores fratres suspiciones contiguae veritati pulsabant, ausus paulo petulantius stare, ut ipse quoque ad parile obsequium admittendus, agnitus est et prohibitus, strepentibusque multis et intueri lucem ulterius non debere clamantibus ut perduellem et obstinatum, Constantius circa haec lenior solito ṙdesiniteЄ ait ṙurgere hominem ut existimo sontem sed nondum aperte convictum et mementote quod, siquid admisit huius modi, sub obtutibus meis conscientiae ipsius sententia punietur, quam latere non poterit Є et ita discessum est.

3. postridie ludis Circensibus idem ex adverso imperatoris, ubi consueverat, spectans repentino clamore sublato cum certamen opinatum emitteretur, diffractis cancellis, quibus una cum pluribus incumbebat, cunctis cum eo in vanum excussis laesisque leviter paucis, interna conpage disrupta efflasse spiritum repertus solus, unde Constantius futurorum quoque praescius exsultabat.

4. Eodem tempore Faustinam nomine sortitus est coniugem amissa iam pridem Eusebia, cuius fratres erant Eusebius et Hypatius consulares, corporis morumque pulchritudine pluribus antistante et in culmine tam celso humana, cuius favore iustissimo exemptum periculis declaratumque Caesarem rettulimus Iulianum.

5. Habita est isdem diebus etiam Florentii ratio e Galliis novitatis metu digressi, et Anatolio recens mortuo praefecto praetorio per Illyricum, ad eius mittitur locum, cumque Tauro itidem praefecto praetorio per Italiam amplissimi suscepit insignia magistratus.

6. Parabantur nihilo minus externorum atque civilium instrumenta bellorum et augebatur turmarum equestrium numerus parique studio supplementa legionibus scripta sunt indictis per provincias tirociniis, omnisque ordo et professio vexabatur, vestem armaque exhibens et tormenta, aurum quin etiam et argentum, multiplicisque rei cibariae copias et diversa genera iumentorum.

7. et quia Persarum rege ob difficultatem hiberni temporis aegre contruso, reserata caeli temperie validior impetus timebatur, ad Transtigritanos reges et satrapas legati cum muneribus missi sunt amplis, monituri cunctos et hortaturi nostra sentire et nihil fallax temptare vel fraudulentum.

8. ante omnia tamen Arsaces et Meribanes, Armeniae et Hiberiae reges, cultu ambitioso indumentorum emercabantur et multiformibus donis, damna negotis Romanis inlaturi, si rebus tum etiam dubiis descivissent ad Persas.

9. inter tot urgentia Hermogene defuncto ad praefecturam promovetur Helpidius ortus in Paphlagonia, aspectu vilis et lingua sed simplicioris ingenii, incruentus et mitis adeo, ut cum ei coram innocentem quendam torquere Constantius praecepisset, aequo animo abrogari sibi potestatem oraret haecque potioribus aliis ex sententia principis agenda permitti.

VII

1. Rigore itaque instantium negotiorum anceps Constantius, quid capesseret ambigebat, diu multumque anxius, utrum Iulianum peteret et longinqua, an Parthos repelleret iam transituros ut minabantur Euphratem, haerensque tandem cum ducibus communicato saepe consilio, in id flexus est, ut finito propiore bello vel certe mollito, nullo post terga relicto quem formidaret, Illyriis percursis et Italia, ut rebatur, Iulianum inter exordia ipsa coeptorum tamquam venaticiam praedam caperet. hoc enim ad leniendum suorum metum subinde praedicabat.

2. tamen ne intepesceret aut omisisse belli videretur aliud latus, adventus sui terrorem ubique dispergens, veritusque ne Africa absente eo perrumperetur ad omnes casus principibus oportuna, velut finibus orientis egressus per mare notarium misit Gaudentium

2, quem exploratorem actuum Iuliani per Gallias aliquamdiu fuisse praestrinximus.

3. hunc enim obsequio celeri cuncta consideratione gemina efficere posse sperabat, quod adversam partem metueret offensam, et properabit nanctus hanc oportunitatem commendari Constantio, quem credebat procul dubio fore victorem: nemo enim omnium tunc ab hac constanti sententia discrepabat.

4. qui cum eo venisset, mandatorum principis memor per litteras Cretione comite quid ageretur edocto reliquisque rectoribus, lecto undique milite fortiore translatisque ab utraque Mauritania discursatoribus expeditis, Aquitaniae et Italiae obiecta litora tuebatur artissime.

5. neque id consilium fefellit Constantium. eo enim superstite nullus adversorum illas tetigit terras, licet oram Siciliensem a Lilybaeo protentam ad Pachynum multitudo servabat armata, si patuisset facultas, ocius transitura.

6. His pro rerum ratione, ut sibi prodesse existimabat Constantius, aliisque minutis et levioribus ordinatis, ducum nuntiis docebatur et litteris Persarum copias in unum coactas, rege turgido praeeunte, iam prope margines tendere Tigridis, incertum quonam erumpere cogitantes.

7. quibus percitus, ut propius agens futuros possit antevenire conatus, quam primum hibernis egressus, accito undique equitatu peditumque robore, quo fidebat, per Capersanam Euphrate navali ponte transcurso Edessam petit uberem commeatibus et munitam, ibi parumper operiens dum exploratores aut perfugae motum castrorum hostilium indicarent.

VIII

1. Discedens inter haec Iulianus a Rauracis, peractis, quae docuimus dudum, Sallustium praefectum promotum remisit in Gallias, Germaniano iusso vicem tueri Nebridii, itidemque Nevittae magisterium commisit armorum, Gumoarium proditorem antiquum timens, quem cum Scutarios ageret, latenter prodidisse Veteranionem suum principem audiebat; et Iovio quaesturam, cuius in actibus Magnenti

6 meminimus, et Mamertino largitiones curandas, et Dagalaifum praefecit domesticis, aliosque plures ex arbitrio suo militibus regendis adposuit, quorum merita norat et fidem.

2. profecturus itaque per Marcianas silvas viasque iunctas Histri fluminis ripis, inter subita vehementer incertus id verebatur ne contemptus ut comitantibus paucis multitudinem offenderet repugnantem.

3. quod ne fieret consilio sollerti praevidit et agminibus distributis, per itinera Italiae nota quosdam properaturos cum Iovino misit et Iovio, alios per mediterranea Raetiarum magistro equitum Nevittae commissos, quo diffusi per varia opinionem numeri praeberent immensi, formidineque cuncta conplerent. id enim et Alexander Magnus et deinde alii plures negotio ita poscente periti fecere ductores.

4. mandabat tamen egressis, ut tamquam hoste protinus occursuro tutius graderentur, stationesque nocturnas agerent et vigilias, ne improviso hostium invaderentur excursu.

IX

1. Quibus ita, ut videbatur, apte dispositis, more quo tractus perruperat saepe barbaricos, contextis successibus fidens porrectius ire pergebat.

2. cumque ad locum venisset, unde navigari posse didicit flumen, lembis escensis, quos oportune fors dederat plurimos, per alveum, quantum fieri potuit, ferebatur occulte, ideo latens quod toleranter et fortiter nullius cibi indigens mundioris sed paucis contentus et vilibus, oppida forinsecus transibat et castra, imitatus egregium illud Cyri veteris dictum, qui cum delatus ad hospitem interrogaretur ab eo, quid ad convivium parari deberet, panem responderat solum: sperare enim aiebat prope rivum se cenaturum.

3. fama vero, quae mille, ut aiunt, linguis rerum mire exaggerat fidem, per Illyrios omnes celebrior fundebatur, Iulianum strata per Gallias multitudine regum et gentium, numeroso exercitu et successibus tumidum variis adventare.

4 quo rumore perculsus praefectus praetorio Taurus ut hostem vitans externum mature discessit, vectusque mutatione celeri cursus publici,

transitis Alpibus Iuliis eodem ictu Florentium itidem praefectum secum abduxit.

5. levibus tamen indiciis super Iuliani motu Lucillianus percitus comes, qui per illas regiones rem curabat ea tempestate castrensem, agensque apud Sirmium milites congregans, quos ex stationibus propriis acciri celeritatis ratio permittebat, venturo resistere cogitabat.

6. sed ille ut fax vel incensus malleolus volucriter ad destinata festinans, cum venisset Bononeam a Sirmio miliario nono disparatam et decimo, senescente luna ideoque obscurante noctis maximam partem e navi exiluit inprovisus, statimque Dagalaifum misit cum expeditis ad Lucillianum vocandum trahendumque si reniteretur.

7. qui tum etiam quiescens cum strepitu excitatus turbulento vidisset ignotorum hominum se circulo circumsaeptum, concepto negotio et imperatorii nominis metu praestrictus, praeceptis paruit invitissimus, secutusque alienum arbitrium magister equitum paulo ante superbus et ferox, iumentoque inpositus repentino, principi ut captivus offertur ignobilis, oppressam terrore vix colligens mentem.

8. verum cum primitus visus adorandae purpurae datam sibi copiam advertisset, recreatus tandem suique securus ɼincauteЄ inquit ɼimperator et temere cum paucis alienis partibus te conmisistiЄ. cui amarum Iulianus subridens ɼhaec verba prudentia servaЄ inquit ɼConstantio. maiestatis enim insigne non ut consiliario tibi, sed ut desinas pavere porrexiЄ.

X

1. Nihil deinde amoto Lucilliano differendum nec agendum segne ratus, ut erat in rebus trepidis audax et confidentior, civitatem ut praesumebat dediticiam petens, citis passibus incedebat, eumque suburbanis propinquantem amplis nimiumque protentis, militaris et omnis generis turba cum lumine multo et floribus votisque faustis Augustum adpellans et dominum duxit in regiam.

2. qui eventu laetus et omine, firmata spe venturorum, quod ad exemplum urbium matris populosae et celebris per alias quoque civitates ut sidus salutare susciperetur, edito postridie curuli certamine cum gaudio plebis, ubi lux excanduit tertia, morarum impatiens percursis aggeribus publicis Succos nemine auso resistere praesidiis occupavit, isdemque tuendis Nevittam praefecit ut fidum. cuius loci situm exnunc conveniet ostendi.

3. Consertae celsorum montium summitates Haemi et Rhodopes, quorum alter ab ipsis Histri marginibus, alter ab Axii fluminis citeriore parte consurgit, in angustias tumulosis collibus desinentes Illyrios interscindunt et Thracas, hinc vicinae mediterraneis Dacis et Serdicae, inde Thracias despectantes et Philippopolim, civitates amplas et nobiles, et tamquam natura in dicionem Romanam redigendas nationes circumsitas praenoscente, ita figuratae consulto, inter artos colles quondam hiantes obscurius, ad magnitudinem splendoremque postea rebus elatis patefactae sunt et carpentis, aditibusque aliquotiens clausis magnorum ducum populorumque reppulere conatus.

4. et pars, quae Illyricum spectat, mollius edita velut incauta subinde superatur. latus vero e regione oppositum Thraciis prona humilitate deruptum hincque et inde fragosis tramitibus inpeditum difficile scanditur etiam nullo vetante. sub hac altitudine aggerum utrubique spatiosa camporum planities

iacet, superior ad usque Iulias Alpes extenta, inferior ita resupina et panda ut nullis habitetur obstaculis ad usque fretum et Propontidem.

5. His ut in re tali tamque urgenti conpositis, magistro equitum illic relicto imperator revertitur Naessum copiosum oppidum, quo inpraepedite cuncta disponeret suis utilitatibus profutura.

6. ubi Victorem apud Sirmium visum scriptorem historicum exindeque venire praeceptum, Pannoniae secundae consularem praefecit et honoravit aenea statua, virum sobrietatis gratia aemulandum, multo post urbi praefectum.

7. iamque altius se extollens et numquam credens ad concordiam provocari posse Constantium, orationem acrem et invectivam, probra quaedam in eum explanantem et vitia, scripserat ad senatum. quae cum Tertullo administrante adhuc praefecturam recitarentur in curia, eminuit nobilitatis cum speciosa fiducia benignitas grata. exclamatum est enim in unum cunctorum sententia congruente ґauctori tuo reverentiam rogamusЄ.

8. Tunc et memoriam Constantini ut novatoris turbatorisque priscarum legum et moris antiquitus recepti vexavit, eum aperte incusans, quod barbaros omnium primus ad usque fasces auxerat et trabeas consulares, insulse nimirum et leviter, qui cum vitare deberet id quod infestius obiurgavit, brevi postea Mamertino in consulatu iunxit Nevittam nec splendore nec usu nec gloria horum similem, quibus magistratum amplissimum detulerat Constantinus : contra inconsummatum et subagrestem et, quod minus erat ferendum, celsa in potestate crudelem .

XI

1. Haec et talia cogitanti sollicitoque super maximis rebus et seriis, nuntius metuendus intimatur et insperatus, ausa indicans quorundam inmania, inpeditura cursus eius ardentes, ni vigilanter haec quoque antequam adolescerent hebetasset. quae breviter exponentur.

2. Duas legiones Constantiacas addita una sagittariorum cohorte, quas invenerat apud Sirmium, ut suspectae adhuc fidei per speciem necessitatum urgentium misit in Gallias. quae pigrius motae spatiaque itinerum longa et Germanos hostes truces et adsiduos formidantes, novare quaedam moliebantur auctore et incitatore Nigrino, equitum turmae tribuno in Mesopotamia genito: reque digesta per secreta conloquia et alto roborata silentio, cum Aquileiam pervenissent uberem situ et opibus murisque circumdatam validis, eam hostiliter repente clausere iuvante indigena plebe tumultus horrorem, cui Constanti nomen erat tum etiam amicum.

3. et obseratis aditibus turribusque armatis et propugnaculis, futurae concertationi praeparabant utilia, interim soluti et liberi, hocque facinore ita audaci ad favendum Constanti partibus ut superstitis Italicos incolas excitabant.

XII

1. Quibus Iulianus acceptis, agens tunc apud Naessum nihil a tergo timens adversum, legensque et audiens hanc civitatem circumsessam quidem aliquotiens, numquam tamen excisam aut deditam, inpensiore studio sibi sociare vel fraude vel diversis adulationum generibus, antequam maius oriretur aliquid, properabat.

2. ideoque Iovinum magistrum equitum venientem per Alpes, Noricosque ingressum ad id, quod exarserat, quoquo modo corrigendum redire citius imperavit et nequid deesset, milites omnes, qui comitatum sequebantur aut signa, retineri iussit per idem oppidum transeuntes pro viribus laturos auxilium.

3. Hisque dispositis ipse haut diu postea cognita morte Constanti, discursis Thraciis Constantinopolim introiit: ac saepe doctus lentius fore id obsidium quam verendum, Immone cum comitibus aliis ad hoc destinato removit exinde Iovinum, alia quae potiores flagitabant necessitates acturum.

4. Ordine itaque scutorum gemino Aquileia circumsaepta, concinentibus sententiis ducum conveniens visum est ad deditionem allicere defensores minacium blandorumque varietate sermonum: et multis ultro citroque dictitatis in inmensum obstinatione gliscente ex conloquio re infecta disceditur.

5. et quia nihil praeter pugnam iam sperabatur, curatis utrubique cibo somnoque corporibus, aurora iam surgente, concrepante sonitu bucinorum partes accensae in clades mutuas, ferocientes magis quam consultius elatis clamoribus ferebantur.

6. pluteos igitur praeferentes oppugnatores cratesque densius textas, sensim incedentes et caute, murorum ima suffodere ferramentorum multitudine conabantur, factas plerique vehentes ad mensuram moenium scalas, iamque parietibus paene contigui pars lapidibus volutis in pronum conlisi, pars confixi stridentibus iaculis retroque gradientes averterunt secum omnes alios metu similium a proposito pugnandi detortos.

7. hoc primo congressu erecti in audaciam clausi, adsumpta fiducia meliorum parvi ducebant restantia, mentibusque fundatis et conpositis per oportuna tormentis, indefesso labore vigilias et cetera subsidia securitatis implebant.

8. contra munitores licet pavore discriminum anxii, pudore tamen, ne secordes viderentur et segnes, ubi parum vis procedebat Marte aperto temptata, ad instrumenta obsidionalium artium transtulerunt. et quia nec arietibus admovendis nec ad intemptandas machinas vel ut possint forari cuniculi inveniebatur usquam habilis locus, disparatione brevi civitatem Natisone amni praeterlabente, commentum excogitatum est cum veteribus admirandum.

9. constructas veloci studio ligneas turres propugnaculis hostium celsiores inposuere trigeminis navibus valde sibi conexis, quibus insistentes armati uno parique ardore prohibitores dispellere conlatis ex propinquo viribus nitebantur: subterque expediti velites a turrium cavernis egressi, iniectis ponticulis, quos ante conpaginarant, transgredi festinarunt indiviso negotio ut, dum vicissim missilibus se petunt et saxis utrimquesecus alte locati, hi qui transiere per pontes, nullo interpellante aedificii parte convulsa aditus in penetralia reserarent.

10. verum summa coepti prudentis aliorsum evasit. cum enim adventarent iam turres, contortis malleolis madentibus pice, harundine quin etiam, sarmentis ac vario fomite flammarum incessebantur. quae quoniam incendio celeri ponderibusque trepide superstantium inclinatae prociderunt in flumen, armatorum aliqui per earum fastigia interibant eminus confixi tormentis.

11. inter quae destituti pedites post navalium sociorum occasum obtriti sunt saxis inmanibus praeter paucos, quos morte scilicet per inpedita suffugia velocitas exemerat pedum. ad ultimum certamine protracto in vesperam,

datoque signo in receptum, ex more ambo digressi diei residuum animis egere disparibus.

12. munitorum enim maerores, funera lugentium propria, prohibitores spe iam superandi firmabant, licet ipsi quoque paucos gemebant amissos. properabatur tamen nihilo minus et, quantum recreandis viribus quiete et cibo satis fuit, tributo per noctis integrae spatium, reparatur lucis exordio proelium incitamento tubarum.

13. et quidam elatis super capita scutis ut pugnaturi levius, alii vehentes umeris ut antea scalas ferventique impetu procurrentes, pectora multiformium telorum ictibus exponebant. alii ferratas portarum obices effringendas adorti, ultro ignibus petebantur vel saxis muralibus oppetebant. quidam fossam fidentius transire conati, repentinis eorum adsultibus, qui erumpebant clanculo per posticas, ruebant incaute vel saucii discedebant. recursus enim ad moenia tutior vallumque antemuranum cespitibus fultum insidiantes ab omni discrimine defendebat.

14. et quamquam prohibitores duritia bellorumque artibus antistarent, quibus nihil praeter moenium supererat adiumentum, collectus tamen ex potioribus numeris miles diuturnas ferre nequiens moras, suburbana omnia circumibat diligenter inquirens, qua vi vel machinis posset patefactam inrumpere civitatem.

15. quod ubi patrare non poterat magnitudine vetante difficultatum, obsideri remissius coepta est, et excubiis stationibusque relictis, praesidiarii milites vastantes agros propinquos omnibus congruentibus abundabant raptorum pleraque concorporalibus suis inpertientes. unde largiore admodum potu saginisque distenti marcebant.

16. His relatione Immonis consortiumque cognitis, Iulianus Constantinopoli etiam tum hibernans, sollerti remedio turbatis consuluit rebus, moxque Agilonem magistrum peditum ea tempestate probe cognitum miserat, ut viso honoratissimo viro conpertaque per eum morte Constanti solveretur obsidium.

17. Inter quae ne cessaret Aquileiae oppugnatio cum in reliquis opera consumeretur in cassum, placuit resistentes acriter ad deditionem siti conpelli. et ubi aquarum ductibus intersectis nihilo minus celsiore fiducia repugnarent, flumen laboribus avertitur magnis. quod itidem frustra est factum. attenuatis enim avidioribus bibendi subsidiis, hi, quos temeritas clauserat, contenti putealibus aquis parce vixerunt.

18. Quae dum agitantur casibus ante dictis, supervenit, ut praeceptum est, Agilo, scutorumque densitate contectus prope fidenter accessit, multaque locutus et vera, quibus Constanti obitum firmatumque Iuliani docebat imperium, non sine conviciis confutabatur ut fallax. nec ei quisquam credidit gesta narranti, antequam pacta salute susceptus ad pugnaculum solus, fide religiosius reddita ea, quae docuerat, replicaret.

19. his auditis ex diuturno angore portis reclusis omnes effusi suscepere laeti pacificum ducem, seque purgantes Nigrinum totius furoris auctorem paucosque alios obtulerunt, eorum supplicio laesae crimina maiestatis et urbis aerumna expiari poscentes.

20. paucis denique post diebus exploratius spectato negotio, Mamertino tum iudicante praefecto praetorio, Nigrinus ut acerrimus belli instinctor exustus est vivus. Romulus vero post eum et Sabostius curiales convicti sine respectu periculi in studia saeviisse discordiarum, poenali consumpti sunt ferro. residui omnes abierunt innoxii, quos ad certaminum rabiem necessitas egerat, non voluntas. id enim aequitate pensata statuerat placabilis imperator

et clemens.

21. Et haec quidem postea gesta sunt. Iulianus vero agens etiam tum apud Naessum curis altioribus stringebatur, multa utrimque pertimescens. formidabat enim ne clausorum militum apud Aquileiam repentino adsultu obseratis angustiis Alpium Iuliarum, provincias et adminicula perderet, quae exinde sperabat in dies.

22. itidemque opes orientis magnopere verebatur audiens dispersum per Thracias militem contra vim subitam cito coactum adventare Succorum confinia, comite Martiano ducente. sed tamen congrua instantium sollicitudinum moli ipse quoque agitans, efficaciter Illyricum contrahebat exercitum, pulvere coalitum Martio, promptumque in certaminibus bellicoso iungi rectori. nec privatorum utilitates in tempore adflagranti despiciens litesque audiens controversas maxime municipalium ordinum, ad quorum favorem propensior iniuste plures muneribus publicis adnectebat.

24. ibi Symmachum repertum et Maximum senatores conspicuos, a nobilitate legatos ad Constantium missos, exinde reversos honorifice vidit, et potiore posthabito in locum Tertulli Maximum urbi praefecit aeternae ad Rufini Vulcati gratiam, cuius sororis eum filium norat. hoc administrante alimentaria res abundavit et querelae plebis excitari crebro solitae cessaverunt.

25. tunc ut securitatem trepidis rebus adferret et oboedientium nutriret fiduciam, Mamertinum praefectum praetorio per Illyricum designavit consulem, et Nevittam, qui nuper ut primum augendae barbaricae vilitatis auctorem inmoderate notaverat Constantinum.

XIII

1. His ac talibus inter spem metumque nova negotia commovente, Constantius apud Edessam exploratorum relationibus variis anxius in rationes diducebatur ancipites, nunc ad concursatorias pugnas militem struens, nunc, si copia patuisset, obsidione gemina Bezabden aggressurus, consultans prudenter ne mox partes petiturus arctoas inprotectum Mesopotamiae relinqueret latus.

2. verum consiliorum ambiguum retinebant multiplices morae, tardante trans Tigridem rege dum moveri permitterent sacra. nam si permeato flumine nullum qui resisteret invenisset, absque difficultate penetrarat Euphratem: alioqui ad civilia bella custodiens militem timebat eum periculis obiectare circummuranis, firmitatem moenium munimenti defensorumque alacritatem expertus.

3. Ne quiesceret tamen neve condemnaretur inertiae, Arbitionem et Agilonem, pedestris equestrisque militiae magistros cum agminibus maximis properare coegit, non ut lacesserent Persas in proelia sed praetenturis iuncturos citeriores Tigridis ripas, et speculaturos quonam rex erumperet violentus. addebatque monendo saepius et scribendo ut, si multitudo transire coepisset hostilis, referrent citius pedem.

4. dumque conlimitia iussa custodiunt duces, et occulta fallacissimae gentis observantur, agens ipse cum parte validiori exercitus curabat urgentia velut pugnaturus, oppidaque tuebatur excursu. speculatores vero et transfugae subinde venientes repugnantia prodebant, ideo futurorum incerti, quod apud Persas nemo consiliorum est conscius praeter optimates taciturnos et fidos, apud quos silentii quoque colitur numen.

5. accersebatur autem a memoratis ducibus imperator adsidue, orantibus ferri sibi suppetias. testabantur enim se non nisi coactis in unum viribus cunctis posse impetum regis ardentissimi sustinere.

6. Quae dum aguntur ita sollicite, nuntii percrebuere certissimi, quorum clara fide conpertum est Iulianum Italiam et Illyricum cursu celeri praetergressum claustra interim occupasse Succorum, accita undique praestolantem auxilia, ut multitudine stipatus armatorum pervaderet Thracias.

7. quo cognito, maerore offusus Constantius, solacio uno sustentabatur, quod intestinos semper superaverit motus, re tamen magnam ei difficultatem ad capessendum consilium adferente id elegit potissimum, ut vehiculis publicis inpositum paulatim praemitteret militem, inminenti casus atrocitati velocius occursurum.

8. omniumque consensu adprobata sententia pergebant, ut praeceptum est, expediti. eique haec disponenti luce postera nuntiatur, regem cum omni manu, quam duxerat, ad propria revertisse, auspiciis dirimentibus, lenitoque metu, revocatis omnibus praeter eos, quos consuetudo praesidio Mesopotamiae destinarat, reversus est Hierapolim.

9. Summa itaque coeptorum quorsum evaderet ambigens, cum in unum exercitus convenisset, omnes centurias et manipulos et cohortes in contionem vocavit, concinentibus tubis oppletoque multitudinis campo, ut eam ad firmanda promptius adigeret inperanda, tribunali celso sistens, stipatoque solita densius, haec prosecutus est ad serenitatis speciem et fiduciae vultu formato:

10. rSollicitus semper nequid re levi vel verbo conmittam inculpatae parum congruens honestati, utque cautus navigandi magister clavos pro fluctuum motibus erigens vel inclinans, conpellor nunc apud vos, amantissimi viri, confiteri meos errores, quin potius, si dici liceat verum, humanitatem, quam credidi negotiis communibus profuturam. proinde ut sciri facilius possit, quae sit huius concilii convocandi materia, accipite quaeso aequis auribus et secundis.

11. Gallum patruelem meum tempore, quo confundendis rebus pertinaciter Magnentius inhaerebat, quem obruere vestrae virtutes, potestate Caesaris sublimatum ad orientis praesidium misi. qui cum a iustitia per multa visu relatuque nefaria defecisset, arbitrio punitus est legum.

12. atque utinam hoc contenta fuisset Invidia, turbarum acerrima concitatrix: et angebat nos una sed secura doloris praeteriti recordatio. at nunc aliud accidit, ausim dicere praeteritis maestius, quod per fortitudinem vobis ingenitam adiumenta caelestia coercebunt.

13. Iulianus, quem, dum circumfrementes Illyricum nationes exteras oppugnatis, tuendis praefecimus Galliis, levium confidentia proeliorum, quae cum Germanis gessit, semermibus ut vecors elatus, adscitis in societatem superbam auxiliaribus paucis, feritate speque postrema ad perniciosam audaciam promptis, in noxam publicam conspiravit, aequitate calcata, parente nutriceque orbis Romani, quam tumentes spiritus tamquam favillas esse facturam deinde ut sceleste factorum ultricem et ipse expertus et docente antiquitate facile credo.

14. Quid igitur superest, nisi ut turbinibus excitis occurramus, subcrescentis rabiem belli antequam pubescat validius, celeritatis remediis oppressuri ? nec enim dubium, favore numinis summi praesente, cuius perenni suffragio damnantur ingrati, ferrum impie praeparatum ad eorum interitum esse vertendum, qui non lacessiti sed aucti beneficiis pluribus ad insontium pericula surrexerunt.

15. ut enim mea mens augurat iustitiaque rectis consiliis adfutura promittit, spondeo quod, si ventum fuerit comminus, ita pavore torpescent, ut nec oculorum vestrorum vibratae lucis ardorem nec barritus sonum perferant primumЄ.

16. Omnes post haec dicta in sententiam ibant suam hastasque vibrantes irati post multa, quae benivole responderant, petebant duci se protinus in rebellem. qua gratia in laetitiam imperator versus ex metu, contione mox absoluta, Arbitionem ante alios faustum ad intestina bella sedanda ex ante actis iam sciens, iter suum praeire cum Lanceariis et Mattiariis et catervis expeditorum praecepit, et cum Laetis itidem Gomoarium, venturis in Succorum angustias opponendum, ea re aliis antelatum, quod ut contemptus in Galliis erat Iuliano infestus.

XIV

1. In hoc rerum adversarum tumultu haerens eius fortuna iam et subsistens, adventare casum vitae difficilem, modo non loquentibus signis aperte monstrabat. namque et nocturnis imaginibus terrebatur, et nondum penitus mersus in somnum umbram viderat patris obtulisse pulchrum infantem, eumque susceptum et locatum in gremio suo excussam sibi proiecisse longius sphaeram, quam ipse dextera manu gestabat. id autem permutationem temporum indicabat licet interpretantes placentia responderent.

2. post haec confessus est iunctioribus proximis, quod tamquam desolatus secretum aliquid videre desierit, quod interdum adfuisse sibi squalidius aestimabat, et putabatur genius esse quidam tutelae salutis adpositus eum reliquisse mundo citius digressurum.

3. ferunt enim theologi in lucem editis hominibus cunctis salva firmitate fatali huius modi quaedam velut actus rectura numina sociari, admodum tamen paucissimis visa, quos multiplices auxere virtutes.

4. idque et oracula et auctores docuere praeclari. inter quos est etiam Menander comicus, apud quem hi senarii duo leguntur: hapanti daimon andri symparistatai euthys genomenoi, mystagogos tou biou.

5. itidem ex sempiternis Homeri carminibus intellegi datur, non deos caelestes cum viris fortibus conlocutos nec adfuisse pugnantibus vel iuvisse, sed familiaris genios cum isdem versatos, quorum adminiculis freti praecipuis Pythagoras enituisse dicitur et Socrates Numaque Pompilius et superior Scipio et, ut quidam existimant, Marius et Octavianus, cui Augusti vocabulum delatum est primo, Hermesque Termaximus et Tyaneus Apollonius atque Plotinus, ausus quaedam super hac re disserere mystica, alteque monstrare, quibus primordiis hi genii animis conexi mortalium eas tamquam gremiis suis susceptas tuentur, quoad licitum est, docentque maiora, si senserint puras et a conluvione peccandi inmaculata corporis societate discretas.

XV

1. Ingressus itaque Antiochiam festinando Constantius, ad motum certaminum civilium, ut solebat, avide surrecturus, paratis omnibus exire properabat inmodice, renitentibus plurimis murmure tenus. nec enim dissuadere palam audebat quisquam vel vetare.

2. autumno iam senescente profectus cum ad suburbanum venisset

disiunctum exinde tertio lapide, Hippocephalum nomine, lucente iam die cadaver hominis interfecti dextra iacens capite avulso conspexit, contra occiduum latus extensum: territusque omine, finem parantibus fatis, destinatius ipse tendebat venitque Tarsum, ubi leviore febri contactus ratusque itinerario motu inminutae valetudinis excuti posse discrimen, petit per vias difficiles Mopsucrenas, Ciliciae ultimam hinc pergentibus stationem, sub Tauri montis radicibus positam, egredique secuto die conatus invalente morbi gravitate detentus est: paulatimque urente calore nimio venas, ut ne tangi quidem corpus eius posset in modum foculi fervens, cum usus deficeret medelarum, ultimum spirans deflebat exitium mentisque sensu tum etiam integro successorem suae potestatis statuisse dicitur Iulianum.

3. deinde anhelitu iam pulsante letali conticuit, diuque cum anima conluctatus iam discessura abiit e vita tertium nonarum Octobrium, imperii tricesimo octavo vitaeque anno quadragesimo quarto et mensibus paucis.

4. Post quae, supremis cum gemitu conclamatis excitisque lamentis et luctu, deliberabant locum obtinentes in aula regia primum, quid agerent quidve moliri deberent: paucisque occulte super eligendo imperatore temptatis, incitante, ut ferebatur, Eusebio, quem noxarum conscientia stimulabat, cum novandis rebus imminens obsisteret Iulianus, mittuntur ad eum Theolaifus et Aligildus tunc comites, mortem indicantes propinqui et oraturi, ut mora omni depulsa ad obtinendum obtemperare sibi paratum tenderet orientem.

5. fama tamen rumorque loquebatur incertus Constantium voluntatem ordinasse postremam, in qua Iulianum, ut praediximus, scripsit et heredem et his quos diligebat, fidei commissa detulit et legata.

6. uxorem autem praegnantem reliquit, unde edita postuma 2 eiusque nomine appellata cum adolevisset, matrimonii iure copulata est Gratiano.

XVI

1. Bonorum igitur vitiorumque eius differentia vere servata, praecipua prima conveniet expediri. imperatoriae auctoritatis cothurnum ubique custodiens, popularitatem elato animo contemnebat et magno, erga tribuendas celsiores dignitates inpendio parcus, nihil circa administrationum augmenta praeter pauca novari perpessus, numquam erigens cornua militarium.

2. nec sub eo dux quisquam cum clarissimatu provectus est. erant enim, ut nos quoque meminimus, perfectissimi. nec occurrebat magistro equitum provinciae rector nec contingi ab eo civile negotium permittebat. sed cunctae castrenses et ordinariae potestates ut honorum omnium apicem priscae reverentiae more praefectos semper suspexere praetorio.

3. in conservando milite nimium cautus, examinator meritorum non numquam subscruposus, palatinas dignitates velut ex quodam tribuens perpendiculo, et sub eo nemo celsum aliquid acturus in regia repentinus adhibitus est vel incognitus, sed qui post decennium officiorum magisterium vel largitiones vel simile quicquam esset recturus, apertissime noscebatur. valdeque raro contigerat ut militarium aliquis ad civilia regenda transiret contraque non nisi pulvere bellico indurati praeficiebantur armatis.

4. doctrinarum diligens adfectator, sed cum a rhetorica per ingenium desereretur obtunsum, ad versificandum transgressus nihil operae pretium fecit.

5. in vita parca et sobria edendi potandique moderatione valetudinem ita retinuit firmam, ut raros colligeret morbos, sed eos non procul a vitae periculis: id enim evenire corporibus a lascivia dimotis et luxu, diuturna experimenta et probationes medendi monstrarunt.

6. somno contentus exiguo, cum id posceret tempus et ratio, perque spatia vitae longissima inpendio castus, ut nec amaro ministro saltem suspicione tenus posset redargui, quod crimen etiam si non invenit, malignitas fingit, in summarum licentia potestatum.

7. equitandi et iaculandi, maximeque perite dirigendi sagittas, artiumque armaturae pedestris perquam scientissimus. quod autem nec tersisse umquam nares in publico nec spuisse nec transtulisse in partem alterutram vultum aliquando est visus, nec pomorum quoad vixerat gustaverit, ut dicta saepius praetermitto.

8. Dinumeratis carptim bonis, quae scire potuimus, nunc ad explananda eius vitia veniamus. cum esset in negotiis aliis principibus mediis conparandus, si adfectatae dominationis amplam quandam falsam repperisset aut levem, hanc sine fine scrutando, fasque eodem loco ducens et nefas, Caligulae et Domitiani et Commodi inmanitatem facile superabat, quorum aemulatus saevitiam inter imperandi exordia cunctos sanguine et genere se contingentes stirpitus interemit.

9. addebatur miserorum aerumnis, qui rei maiestatis inminutae vel laesae deferebantur, acerbitas eius et iracundae suspiciones in huius modi cuncta distentae. et siquid tale increpuisset, in quaestiones acrius exurgens quam civiliter, spectatores adponebat his litibus truces, mortemque longius in puniendis quibusdam, si natura permitteret, conabatur extendi, in eius modi controversiarum partibus etiam Gallieno ferocior.

10. ille enim perduellionum crebris verisque adpetitus insidiis, Aureoli et Postumi et Ingenui et Valentis, cognomento Thessalonici, aliorumque plurium mortem factura crimina aliquotiens lenius vindicabat: hic etiam ficta vel dubia adigebat videri certissima vi nimia tormentorum.

11. iustumque in eius modi titulis capitaliter oderat, cum maxime id ageret, ut iustus aestimaretur et clemens. et tamquam ex arida silva volantes scintillae flatu leni ventorum ad usque discrimina vicorum agrestium incohibili cursu perveniunt, ita ille quoque ex minimis causis malorum congeries excitabat, Marci illius dissimilis principis verecundi, qui cum ad imperiale culmen in Syria Cassius surrexisset, epistularum fascem ab eo ad conscios missum, perlatore capto sibi oblatum ilico signatum exuri praecepit, agens adhuc in Illyrico, ne insidiatoribus cognitis invitus quosdam habere posset offensos.

12. utque recte sentientes quidam arbitrabantur, virtutis erat potius indicium magnae, imperio eundem Constantium sine cruore cessisse quam vindicasse tam inclementer.

13. ut Tullius quoque docet crudelitatis increpans Caesarem in quadam ad Nepotem epistula: ɾneque enim quicquam aliud est felicitasЄ inquit ɾnisi honestarum rerum prosperitas. vel ut alio modo definiam: felicitas est fortuna adiutrix consiliorum bonorum, quibus qui non utitur, felix esse nullo pacto potest. ergo in perditis impiisque consiliis, quibus Caesar usus est, nulla potuit esse felicitas. feliciorque meo iudicio Camillus exulans quam temporibus isdem Manlius, etiam si – id quod cupierat – regnare potuissetЄ.

14. id Ephesius quoque Heraclitus adserens monet et ab inertibus et ignavis, eventus variante fortuna, superatos aliquotiens viros fuisse praestantes: illud vero eminere inter praecipuas laudes, cum potestas in

gradu, velut sub iugum missa nocendi saeviendi cupiditate et irascendi, in arce victoris animi tropaeum erexerit gloriosum.

15. Vt autem in externis bellis hic princeps fuit saucius et adflictus, ita prospere succedentibus pugnis civilibus tumidus et intestinis ulceribus rei publicae sanie perfusus horrenda: quo pravo proposito magis quam recto vel usitato triumphalis arcus ex clade provinciarum sumptibus magnis erexit in Galliis et Pannoniis titulis gestorum adfixis, quoad stare poterunt, monumenta lecturis.

16. uxoribus et spadonum gracilentis vocibus et palatinis quibusdam nimium quantum addictus ad singula eius verba plaudentibus et quid ille aiat aut neget, ut adsentiri possint, observantibus.

17. Augebat etiam amaritudinem temporum flagitatorum rapacitas inexpleta plus odiorum ei quam pecuniae conferentium. hocque multis intolerantius videbatur, quod nec causam aliquando audivit nec provinciarum indemnitati prospexit, cum multiplicatis tributis et vectigalibus vexarentur. eratque super his adimere facilis quae donabat.

18. Christianam religionem absolutam et simplicem anili superstitione confundens, in qua scrutanda perplexius quam conponenda gravius, excitavit discidia plurima, quae progressa fusius aluit concertatione verborum, ut catervis antistitum iumentis publicis ultro citroque discurrentibus per synodos, quas appellant, dum ritum omnem ad suum trahere conantur arbitrium, rei vehiculariae succideret nervos.

19. Figura tali situque membrorum: subniger, luce oculorum edita, cernensque acutum, molli capillo, rasis adsidue genis lucentibus ad decorem, usque ad pubem ab ipsis colli confiniis longior, brevissimis cruribus et incurvis [unde saltu valebat et cursu].

20. Pollinctum igitur corpus defuncti conditumque in loculis Iovianus etiam tum protector domesticus cum regia prosequi pompa Constantinopolim usque iussus est prope necessitudines eius humandum.

21. eique vehiculo insidenti quod portabat reliquias, ut principibus solet, annonae militaris offerebantur indicia, ut ipsi nominant, proba et animalia publica monstrabantur et ex usu crebrescebant occursus, quae et alia horum similia eidem Ioviano imperium quidem sed et cassum et umbratile ut ministro rerum funebrium portendebant.

LIBER XXII

I

1. Dum haec in diversa parte terrarum fortunae struunt volubiles casus, Iulianus inter multa, quae per Illyricum agitabat, exta rimabatur adsidue, avesque suspiciens praescire festinabat accidentium finem sed responsis ambiguis et obscuris haerebat futurorum incertus.

2. eique tandem aruspicinae peritus Aprunculis Gallus orator, promotus rector postea Narbonensis, nuntiavit eventus inspectu iecoris, ut aiebat ipse, praedoctus quod operimento duplici viderat tectum cumque ille timeret ne cupiditati suae congruentia fingerentur, atque ideo maestus, omen multo praesentius ipse conspexit, quod excessum Constanti clare monstrabat. eodem enim puncto quo idem obierat in Cilicia, lapso milite qui se insessurum equo dextra manu erexit, humique prostrato exclamavit ilico audientibus multis

cecidisse qui eum ad culmen extulerat celsum. Et quamquam haec laetifica sciret, velut fixa tamen firmitate consistens intra terminos Daciae se continebat, sic quoque plurima pertimescens. nec enim cautum ducebat coniecturis credere forsitan in contrarium erupturis.

II

1. Inter quae tam suspensa advenere subito missi ad eum legati Theolaifus atque Aligildus, defunctum Constantium nuntiantes, addentesque quod eum voce suprema successorem suae fecerit potestatis.

2. qua re cognita post exemptos periculorum aestus et bellicarum sollicitudinum turbas in inmensum elatus, iamque vaticiniis credens et celeritatem negotiis suis aliquotiens profuisse expertus, edixit iter in Thracias, motisque propere signis emensa declivitate Succorum Philippopolim petit, Eumolpiada veterem, alacri gradu, sequentibus quos duxerat cunctis.

3. advertebant enim imperium, quod ereptum ibant cum ultimorum metu discriminum, praeter spem ordinario iure concessum. utque solet fama novitates augere, properabat exinde sublimior ut quodam Triptolemi curru, quem ob rapidos circumgressus aeriis serpentibus et pinnigeris fabulosa vetustas inponit: perque terras et maria formidatus, nullis obstantibus muris, Heracleam ingressus est Perinthum.

4. quo apud Constantinopolim mox conperto effundebatur aetas omnis et sexus tamquam demissum aliquem visura de caelo. exceptus igitur tertium Iduum Decembrium verecundis senatus officiis et popularium consonis plausibus, stipatusque armatorum et togatorum agminibus, velut acie ducebatur instructa, omnium oculis in eum non modo contuitu destinato sed cum admiratione magna defixis.

5. somnio enim propius videbatur adultum adhuc iuvenem exiguo corpore, factis praestantem ingentibus, post cruentos exitus regum et gentium ab urbe in urbem inopina velocitate transgressum, quaqua incederet accessione opum et virium famae instar cuncta facilius occupasse, principatum denique deferente nutu caelesti absque ulla publicae rei suscepisse iactura.

III

1. Brevi deinde Secundo Sallustio, promoto praefecto praetorio, summam quaestionum agitandarum ut fido conmisit: Mamertino a et Arbitione et Agilone atque Nevitta adiunctis, itidemque Iovino magistro equitum per Illyricum recens provecto.

2. qui omnes transgressi Chalcedona, praesentibus Iovianorum Herculianorumque

6 principiis et tribunis, causas vehementius aequo bonoque spectaverunt praeter paucas, in quibus veritas reos nocentissimos offerebat.

3. et Palladium primum ex magistro officiorum in Brittannos exterminarunt suspicione tenus insimulatum quaedam in Gallum conposuisse apud Constantium, dum sub eodem Caesare officiorum esset magister.

4. dein Taurum ex praefecto praetorio in exilium egere Vercellum, cuius factum apud iudices iustorum iniustorumque distinctores videri potuit veniae plenum. quid enim deliquit si ortum turbinem veritus ad tutelam principis sui confugit? et acta super eo gesta non sine magno legebantur horrore, cum id

voluminis publici contineret exordium ⸢consulatu Tauri et Florenti inducto sub praeconibus Tauro⸣.

5. ad exitium itidem tale Pentadius trahebatur, cui id obiectum est, quod a Constantio missus notis excepit, quae propinquante pernicie super multis interrogatus responderat Gallus. sed cum se iuste defenderet tandem abiit innoxius.

6. iniquitate simili Florentius tunc magister officiorum, Nigriniani filius, contrusus est in insulam Delmatiam Boas. alter enim Florentius, ex praefecto praetorio consul etiam tum, rerum mutatione subita territus cum coniuge periculis exemptus diu delituit, nec redire ante mortem potuit Iuliani, capitis crimine tamen damnatus est absens.

7. pari sorte Evagrius comes rei privatae et Saturninus ex cura palatii et Cyrinus ex notario portati sunt in exilium. Vrsuli vero necem largitionum comitis ipsa mihi videtur flesse Iustitia, imperatorem arguens ut ingratum. cum enim Caesar in partes mitteretur occiduas omni tenacitate stringendus, nullaque potestate militi quicquam donandi delata, ut pateret ad motus asperior exercitus, hic idem Vrsulus datis litteris ad eum, qui Gallicanos tuebatur thesauros, quicquid posceret Caesar procul dubio iusserat dari.

8. quo extincto cum maledicis exsecrationibusque multorum se Iulianus sentiret expositum, inpurgabile crimen excusari posse existimans, absque conscientia sua hominem adfirmabat occisum, praetendens, quod eum militaris ira delevit, memor quae dixerat, ut ante rettulimus, cum Amidam vidisset excisam.

9. ideoque timidus videbatur vel parum intellegens quid conveniret, cum Arbitionem semper ambiguum et praetumidum his quaestionibus praefecisset, aliis specie tenus cum principiis legionum praesentibus, quem primum omnium saluti suae norat obiectum, ut decuit victoriarum civilium participern fortem.

10. Et quamquam haec, quae rettulimus, eius displicuere fautoribus, sequentia tamen severitatis recto vigore sunt gesta. Apodemium enim ex agente in rebus, quem in Silvani necem et Galli effrenatius arsisse docuimus, Paulumque notarium cognomento Catenam, cum multorum gemitu nominandum, vivos exustos qui sperari debuit, oppressit eventus.

11. Eusebium super his, cui erat Constantiani thalami cura commissa, alte spirantem et dirum, addixere poenae letali, quem ab ima sorte ad usque iubendum imperatori paene elatum ideoque intolerabilem, humanorum spectatrix Adrastia aurem – quod dicitur – vellens monensque ut castigatius viveret, reluctantem praecipitem tamquam e rupe quadam egit excelsa.

IV

1. Conversus post haec princeps ad palatinos omnes omnino qui sunt quique esse possunt, non ut philosophus veritatis indagandae professor.

2. laudari enim poterat, si saltem moderatos quosdam licet paucos retinuisset morumque probitate conpertos. namque fatendum est, pleramque eorum partem vitiorum omnium seminarium effusius aluisse ita, ut rem publicam infecerint cupiditatibus pravis, plusque exemplis, quam peccandi licentia laederent multos.

3. pasti enim ex his quidam templorum spoliis, et lucra ex omni odorantes occasione, ab egestate infima ad saltum sublati divitiarum ingentium, nec largiendi nec rapiendi nec absumendi tenuere aliquem modum, aliena

invadere semper adsuefacti.

4. unde fluxioris vitae initia pullularunt et periuria et nullus existimationis respectus, demensque superbia fidem suam probrosis quaestibus polluebat.

5. inter quae ingluvies et gurgites crevere praerupti conviviorum et pro victorialibus epulares triumphi, ususque abundantes serici et textiles auctae sunt artes et culinarum sollicitior cura, et ambitiosa ornatarum domorum exquisita sunt spatia, quorum mensuram si in agris consul Quinctius possedisset, amiserat etiam post dictaturam gloriam paupertatis.

6. Quibus tam maculosis accessere flagitia disciplinae castrensis, cum miles cantilenas meditaretur pro iubilo molliores: et non saxum erat ut antehac armato cubile, sed pluma et flexiles lectuli et graviora gladiis pocula – testa enim bibere iam pudebat – quaerebantur et aedes marmoreae, cum scriptum sit antiquitatibus Spartanum militem coercitum acriter, quod procinctus tempore ausus sit videri sub tecto.

7. adeo autem ferox erat in suos illis temporibus miles et rapax, ignavus vero in hostes et fractus, ut per ambitiones otiumque opibus partis, auri et lapillorum varietates discerneret scientissime, contra quam recens memoria tradidit.

8. notum est enim sub Maximiano Caesare vallo regis Persarum direpto gregarium quendam post sacculum Parthicum, in quo erant margaritae, repertum, proiectis imperitia gemmis abisse, pellis nitore solo contentum .

9. Evenerat isdem diebus, ut ad demendum imperatoris capillum tonsor venire praeceptus introiret quidam ambitiose vestitus. quo viso Iulianus obstupuit ɼegoЄ inquit ɼnon rationalem iussi sed tonsorem acciriЄ. interrogatus tamen ille quid haberet ex arte conpendii, vicenas diurnas respondit annonas totidemque pabula iumentorum, quae vulgo dictitant capita, et annuum stipendium grave absque fructuosis petitionibus multis.

10. unde motus omnes huius modi cum cocis similibusque aliis eadem paene accipere consuetos, ut parum sibi necessarios, data quo velint eundi potestate, proiecit,

V

1. Et quamquam a rudimentis pueritiae primis inclinatior erat erga numinum cultum paulatimque adulescens desiderio rei flagrabat, multa metuens tamen agitabat quaedam ad id pertinentia, quantum fieri poterat, occultissime.

2. ubi vero abolitis quae verebatur, adesse sibi liberum tempus faciendi quae vellet advertit, pectoris patefecit arcana et planis absolutisque decretis aperiri templa arisque hostias admovere et reparari deorum statui cultum.

3 utque dispositorum roboraret effectum, dissidentes Christianorum antistites cum plebe discissa in palatium intromissos monebat civilius, ut discordiis consopitis quisque nullo vetante religioni suae serviret intrepidus.

4. quod agebat ideo obstinate, ut dissensiones augente licentia non timeret unanimantem postea plebem, nullas infestas hominibus bestias, ut sunt sibi ferales plerique Christianorum expertus. saepeque dictitabat ɼaudite me quem Alamanni audierunt et FranciЄ imitari putans Marci principis veteris dictum. sed parum advertit hoc ab eo nimium discrepare.

5. ille enim cum Palaestinam transiret Aegyptum petens, Iudaeorum faetentium et tumultuantium saepe taedio percitus dolenter dicitur exclamasse ɼo Marcomanni, o Quadi, o Sarmatae, tandem alios vobis

inertiores inveniЄ.

VI

1. Per hoc idem tempus rumoribus exciti variis Aegyptii venere conplures, genus hominum controversum et adsuetudine perplexius litigandi semper laetissimum, maximeque avidum multiplicatum reposcere, si conpulsori quicquam dederit, ut levari debito possit, vel certe commodius per dilationem inferre, quae flagitantur, aut criminis vitandi formidine, divites pecuniarum repetundarum interrogare.

2. hi omnes densati in unum, principem ipsum et praefectos praetorio graculorum more strepentes interpellabant incondite, modo non ante septuagensimum annum extorquentes quae dedisse se iure vel secus plurimis adfirmabant.

3. cumque nihil aliud agi permitterent, edicto proposito universos iussit transire Chalcedona, pollicitus quod ipse quoque protinus veniret, cuncta eorum negotia finiturus.

4. quibus transgressis mandatum est navigiorum magistris ultro citroque discurrentium, nequis transfretare auderet Aegyptium, hocque observato cura perpensiore evanuit pertinax calumniandi propositum, et omnes spe praesumpta frustrati redierunt ad lares.

5. unde velut aequitate ipsa dictante lex est promulgata, qua cavetur nullum interpellari suffragatorem super his quae eum recte constiterit accepisse.

VII

1. Adlapso itaque Calendarum Ianuariarum die cum Mamertini et Nevittae nomina suscepissent paginae consulares, humilior princeps visus est, in officio pedibus gradiendo cum honoratis, quod laudabant alii, quidam ut adfectatum et vile carpebant.

2. dein Mamertino ludos edente circenses, manu mittendis ex more inductis per admissionum proximum, ipse lege agi dixerat, ut solebat, statimque admonitus iuris dictionem eo die ad alterum pertinere, ut errato obnoxium decem libris auri semet ipse multavit.

3. Frequentabat inter haec curiam agendo diversa, quae divisiones multiplices ingerebant. et cum die quodam ei causas ibi spectanti venisse nuntiatus esset ex Asia philosophus Maximus, exsiluit indecore: et qui esset oblitus, effuso cursu a vestibulo longe progressus exosculatum susceptumque reverenter secum induxit per ostentationem intempestivam nimius captator inanis gloriae visus, praeclarique illius dicti inmemor Tulliani, quo tales notando ita relatum:

4. ɼipsi illi philosophi etiam in his libris, quos de contemnenda gloria scribunt, nomen suum inscribunt ut in eo ipso, quo praedicationem nobilitatemque despiciunt, praedicari de se ac se nominari velintЄ.

5. Haut multo deinceps duo agentes in rebus ex his, qui proiecti sunt, eum adiere fidentius, promittentes latebras monstrare Florentii, si eis gradus militiae redderetur, quos incessens delatoresque adpellans addebat non esse imperatorium, obliquis flecti indiciis ad retrahendum hominem mortis metu absconditum, qui forte non diu latitare citra spem veniae permitteretur.

6. Aderat his omnibus Praetextatus, praeclarae indolis gravitatisque

priscae senator, ex negotio proprio forte repertus apud Constantinopolim, quem arbitrio suo Achaiae proconsulari praefecerat potestate.

7. Nec tamen, cum corrigendis civilibus ita diligenter instaret, omisit castrensia, rectores militibus diu exploratos adponens, urbes quin etiam per Thracias omnes cum munimentis reparans extimis, curansque sollicite, ne arma vel indumenta aut stipendium vel alimenta deessent his quos per supercilia Histri dispersos excursibusque barbarorum oppositos agere vigilanter audiebat et fortiter.

8. quae cum ita divideret nihil segnius agi permittens, suadentibus proximis, ut adgrederetur propinquos Gothos saepe fallaces et perfidos, hostes quaerere se meliores aiebat: illis enim sufficere mercatores Galatas, per quos ubique sine condicionis discrimine venundantur.

9. Haec eum curantem et talia commendabat externis nationibus fama ut fortitudine, sobrietate, militaris rei scientia, virtutumque omnium incrementis excelsum, paulatimque progrediens ambitum oppleverat mundi.

10. proinde timore eius adventus per finitimos longeque distantes latius explicato legationes undique solito ocius concurrebant: hinc Transtigritanis pacem obsecrantibus et Armeniis, inde nationibus Indicis certatim cum donis optimates mittentibus ante tempus ab usque Divis et Serendivis, ab australi plaga ad famulandum rei Romanae semet offerentibus Mauris, ab aquilone et regionibus solis, per quas in mare Phasis accipitur, Bosporanis aliisque antehac ignotis legationes vehentibus supplices, ut annua conplentes sollemnia intra terrarum genitalium terminos otiose vivere sinerentur.

VIII

1. Adpositum est, ut existimo, tempus ad has partes nos occasione magni principis devolutos super Thraciarum extimis situque Pontici sinus visa vel lecta quaedam perspicua fide monstrare.

2. Athos in Macedonia mons ille praecelsus navibus quondam Medicis pervius, et Caphareus Euboicus scopulus, ubi Nauplius Palamedis pater classem conlisit Argivam, licet longo spatio controversi a Thessalo mari distinguunt Aegaeum, quod paulatim fusius adulescens, dextra, qua late protenditur, per Sporadas est insulosum atque Cycladas, ideo sic appellatas quod omnes ambiunt Delon partu deorum insignem, laeva Imbrum et Tenedum circumluens et Lemnum et Thasum, quando perflatur, Lesbo inliditur violentius.

3. unde gurgitibus refluis Apollinis Sminthii templum et Troada perstringit et Ilium heroicis casibus claram, efficitque Melana sinum oppositum Zephyro, cuius apud principium Abdera visitur Protagorae domicilium et Democriti, cruentaeque Diomedis Thracii sedes et convalles, per quas Hebrus sibi miscetur, et Maronea et Aenus, qua diris auspiciis coepta moxque relicta ad Ausoniam veterem ductu numinum properavit Aeneas.

4. Hinc gracilescens paulatim et velut naturali quodam commercio ruens in Pontum eiusque partem ad se iungens, in speciem Ю litterae formatur, exin Hellespontum a Rhodopa scindens, Cynossema, ubi sepulta creditur Hecuba, et Coelan praeterlabitur et Seston et Callipolin contra per Achillis Aiacisque sepulchra Dardanum contingit et Abydon, unde iunctis pontibus Xerxes maria pedibus peragravit, dein Lampsacum Themistocli dono datam a rege Persarum et Parion, quam condidit Iasionis filius Paris.

5. unde semiorbe curvescens altrinsecus, lataque aperiens terrarum

divortia, circumfluis spatiis Propontidos respergit ex eoo latere Cyzicum et Dindyma, religiosa Matris Magnae delubra, et Apamiam Ciumque, ubi Hylam insecuta rapuit Nympha et Astacum secuto tempore Nicomediam a rege cognominatam, qua in occasum procedit Cherronesum pulsat et Aegospotamus, in quo loco lapides casuros ex caelo praedixit Anaxagoras, et Lysimachiam et civitatem, quam Hercules conditam Perinthi comitis sui memoriae dedicavit.

6. et ut effectae plenaeque Ю litterae figura servetur, in meditullio ipso rotunditatis Proconesus insula est oblonga et Besbicus.

7. Post cuius summitatem in angustias rursus extenuatum Europam et Bithyniam intercurrens, per Chalcedona et Chrysopolim et stationes transit obscuras.

8. nam supercilia eius sinistra Athyras portus despectat et Selymbria et Constantinopolis, vetus Byzantium, Atticorum colonia, et promuntorium Ceras praelucentem navibus vehens constructam celsius turrim, quapropter Ceratas adpellatur ventus inde suetus oriri praegelidus.

9. Hoc modo fractum et participatione maris utriusque finitum iamque mitescens in aequoream panditur faciem. quantum potest cadere sub aspectum late diffusum et longe.

10. omnis autem eius velut insularis circuitus litorea navigatio viginti tribus dimensa milibus stadiorum, ut Eratosthenes adfirmat et Hecataeus et Ptolomaeus aliique huius modi cognitionum minutissimi scitatores, in speciem Scythici arcus nervo coagmentati geographiae totius adsensione formatur.

11. et qua sol oceano exsurgit eoo, paludibus clauditur Maeotidos: qua declinat in vesperum, Romanis provinciis terminatur: unde suspicit sidus arctoum, homines alit linguis et moribus dispares: latus eius austrinum molli devexitate subductum.

12. per haec amplissima spatia oppida sunt dispersa Graecorum, quae cuncta aetatibus variis praeter pauca Atheniensium coloni condidere Milesii, inter Ionas alios in Asia per Nileum multo ante locati, Codri illius filium, qui se pro patria bello fertur Dorico devovisse.

13. extremitates autem arcus utrimque tenues duo exprimunt Bospori e regione sibi oppositi Thracius et Cimmericus: hac causa Bospori vocitati, quod per eos quondam Inachi filia mutata, ut poetae locuntur, in bovem ad mare Ionium permeavit.

14. Dextram igitur inflexionem Bospori Thracii excipit Bithyniae litus, quam veteres dixere Mygdoniam, in qua Thynia et Mariandena sunt regiones et Amyci saevitia Bebryces exempti virtute Pollucis, remotaque statio, in qua volitantes minaciter harpyias Phineus vates horrebat; per quae litora in sinus oblongos curvatus Sangarius et Phyllis et Lycus et Rhebas fluvii funduntur in maria, quibus controversae cyaneae sunt Synplegades, gemini scopuli in vertices undique porrecti diruptos, adsueti priscis saeculis obviam sibi cum horrendo fragore conlisis molibus ferri, cedentesque retrorsus acri adsultu ad ea reverti, quae pulsarant. per has saxorum dehiscentium concursantiumque crebritates si etiam ales intervolasset, nulla celeritate pinnarum eripi poterat quin interiret oppressa.

15. hi scopuli cum eos Argo prima omnium navis Colchos ad direptionem aurei properans velleris praeterisset innoxia, inmobiles turbine circumfracto stetere concorporati, ut eos aliquando Ivisse diremptos nulli nunc conspicantium credant, nisi super hoc congruerent omnes priscorum carminum cantus.

16. Post Bithyniae partem provinciae Pontus et Paphlagonia protenduntur,

in quibus Heraclea et Sinope et Polemonion, et Amisos amplae sunt civitates et Tios et Amastris, omnes ab auspicio diligentia fundatae Graecorum, et Cerasus, unde advexit huius modi poma Lucullus, insulaeque arduae, et Trapezunta et Pityunta continentis oppida non obscura.

17. ultra haec loca Acherusium specus est, quod accolae ponton adpellant, et portus Acone, fluvii diversi, Acheron, idemque Arcadius, et Iris et Tibris et iuxta Parthenius, omnes in mare ictu rapido decurrentes. Thermodon his est proximus ab Armonio defluens monte et Themiscyraeos interlabens lucos, ad quos Amazonas quondam migrare necessitas subegerat talis.

18. Adtritis damnorum assiduitate finitimis, Amazones veteres, quae eos cruentis populabantur incursibus, altiora spirabant, viresque suas circumspectantes his, quae propinqua saepius adpetebant, validiores, raptae praecipiti cupiditatis ardore, perruptis nationibus plurimis manus Atheniensibus intulerunt, acrique concertatione effuse disiectae omnes nudatis equitatus sui lateribus conruere.

19. harum interitu cognito residuae ut imbelles domi relictae, extrema perpessae, vicinitatis eis repensantis similia funestos impetus declinantes, ad pacatiorem sedem transiere Thermodontis, quarum progenies longe deinde propagata per numerosam subolem manu firmissima ad loca reverterat genitalia, secuto tempore populis diversarum originum formidabilis.

20. Haut procul inde attollitur Carambis placide collis contra [septentrionem] Helicen exsurgens, cuius e regione est Criumetopon, Tauricae promuntorium, duobus milibus et quingentis stadiis disparatum. hocque ex loco omnis ora maritima, cuius initium Halys est amnis, velut longitudine lineali directa nervi efficit speciem, duabus arcus summitatibus conligati.

21. his regionibus Dahae confines sunt, acerrimi omnium bellatores, et Chalybes, per quos erutum et domitum est primitus ferrum. post quos terras patentes Byzares obtinent et Sapires et Tibareni et Mossynoeci et Macrones et Philyres, populi nulla nobis adsuetudine cogniti.

22. a quibus brevi spatio distant virorum monumenta nobilium, in quibus Sthenelus est humatus et Idmon et Tiphys, primus Herculis socius Amazonico bello letaliter vulneratus, alter augur Argonautarum, tertius eiusdem navis cautissimus rector.

23. praetercursis partibus memoratis Aulion antron est, et fluenta Callichori ex facto cognominati, quod superatis post triennium Indicis nationibus, ad eos tractus Liber reversus, circa huius ripas virides et opacas orgia pristina reparavit et choros: trieterica huius modi sacra quidam existimant appellari ...

24. post haec confinia Camaritarum pagi sunt celebres, et Phasis fremebundis cursibus Colchos attingit, Aegyptiorum antiquam subolem, ubi inter civitates alias Phasis est nomine fluvii dictitata, et Dioscurias nunc usque nota, cuius auctores Amphitus et Cercius Spartani traduntur, aurigae Castoris et Pollucis, quibus Heniochorum natio est instituta.

25. paulum ab his secernuntur Achaei, qui bello anteriore quodam apud Troiam consummato, non cum super Helena certaretur, ut auctores prodidere non nulli, in Pontum reflantibus ventis errore delati cunctisque hostilibus, stabilem domiciliis sedem nusquam reperientes, verticibus montium insedere semper nivalium, et horrore caeli districti, victum etiam sibi cum periculis rapto parare adsuefacti sunt, atque eo ultra omnem deinde ferociam saevierunt. super Cercetis, qui isdem adnexi sunt, nihil memoratu traditur dignum.

26. Quorum post terga Cimmerici agitant incolae Bospori, ubi Milesiae

sunt civitates, harumque velut mater omnium Panticapaeum, quam perstringit Hypanis fluvius genuinis intumescens aquis et externis.

27. itineribus hinc extensis Amazones ad usque Caspium mare porrectae circumcolunt Tanain, qui inter Caucasias oriens rupes per sinuosos labitur circumflexus, Asiamque disterminans ab Europa, in stagnis Maeoticis delitescit.

28. huic Ra vicinus est amnis, in cuius superciliis quaedam vegetabilis eiusdem nominis gignitur radix, proficiens ad usus multiplices medelarum.

29. Vltra Tanain panduntur in latitudinem Sauromatae, per quos amnes fluvnt perpetui Marabius et Rombitus et Theophanius et Totordanes. licet alia quoque distans inmanibus intervallis Sauromatarum praetenditur natio litori iuncta, quod Coracen suscipiens fluvium in aequor eiectat extremum.

30. Prope palus est Maeotis amplissimi circumgressus, ex cuius uberrimis venis per Panticapes angustias undarum magnitudo prorumpit in Pontum, cuius in dextro latere insulae sunt Phanagorus et Hermonassa studio constructae Graecorum.

31. circa haec stagna ultima extimaque plures habitant gentes, sermonum institutorumque varietate dispariles, Iaxamatae et Maeotae et Iazyges, Roxolanique et Halani et Melanchlaenae et cum Gelonis Agathyrsi, apud quos adamantis est copia lapidis: aliique ultra latentes, quod sunt omnium penitissimi.

32. sed Maeotidos lateri laevo Cherronesus est propinqua, coloniarum plena Graecarum. unde quieti sunt homines et sedati, adhibentes vomeri curam et proventibus fructuariis victitantes.

33. A quibus per varia regna diducti itineribus modicis Tauri dissociantur, inter quos inmani diritate terribiles Arichi et Sinchi et Napaei, intendente saevitiam licentia diuturna, indidere mari nomen inhospitali, et a contrario per cavillationem Pontus Euxinus appellatur, ut evethe Graeci dicimus stultum et noctem euphronen, et furias eumenidas.

34. dis enim hostiis litantes humanis et immolantes advenas Dianae, quae apud eos dicitur Orsiloche, caesorum capita fani parietibus praefigebant, velut fortium perpetua monumenta facinorum.

35. In hac Taurica insula Leuce sine habitatoribus ullis Achilli est dedicata. in quam si fuerint quidam forte delati, visis antiquitatis vestigiis temploque et donariis eidem heroi consecratis, vesperi repetunt naves: aiunt enim non sine discrimine vitae illic quemquam pernoctare. ibi et aquae sunt et candidae aves nascuntur halcyonibus similes, super quarum origine et Hellespontiaci proelii tempore disserebamus.

36. sunt autem quaedam per Tauricam civitates, inter quas eminet Eupatoria et Dandace, et Theodosia et minores aliae nullis humanis hostiis inpiatae.

37. Hactenus arcus apex protendi existimatur. eius nunc residua leniter sinuata, subiectaque ursae caelesti ad usque laevum Bospori Thracii latus, ut ordo postulat, exsequemur id admonentes, quod, cum arcus omnium gentium flexis curventur hastilibus, Scythici soli vel Parthici circumductis utrimque introrsus pandis et patulis cornibus effigiem lunae decrescentis ostendunt, medietatem recta et rotunda regula dividente.

38. Ergo in ipso huius conpagis exordio, ubi Riphaei deficiunt montes, habitant Arimphaei iusti homines, placiditateque cogniti, quos amnes Chronius et Visula praeterfluvnt; iuxtaque Massagetae Halani et Sargetae, aliique plures obscuri, quorum nec vocabula nobis sunt nota nec mores.

39. interiectu deinde non mediocri Carcinites panditur sinus eiusdemque

nominis fluvius, et religiosus per eas terras Triviae lucus.

40. dein Borysthenes a montibus oriens Nerviorum, primigeniis fontibus copiosus concursuque multorum amnium adulescens, mari praeruptis undarum verticibus intimatur, cuius in marginibus nemorosis Borysthenes est civitas et Cephalonesus, et arae Alexandro Magno Caesarique Augusto sacratae.

41. longo exinde intervallo paene est insula, quam incolunt Sindi ignobiles, post heriles in Asia casus coniugiis potiti dominorum et rebus, quibus subiectum gracile litus Achilleos vocant indigenae dromon, exercitiis ducis quondam Thessali memorabilem. eique proxima est civitas. Tyros colonia Phoenicum, quam praestringit fluvius Tyras.

42. In medio autem spatio arcus, quod prolixae rotunditatis esse praediximus, quodque expedito viatori diebus conficitur quindecim, Europaei sunt Halani et Costobocae gentesque Scytharum innumerae, quae porriguntur ad usque terras sine cognito fine distentas, quarum pars exigua frugibus alitur, residuae omnes palantes per solitudines vastas nec stivam aliquando nec sementem expertas, sed squalentes et pruinosas ferarum taetro ritu vescuntur, eisque caritates et habitacula, vilesque suppellectiles plaustris inpositae sunt corticibus tectis, et cum placuerit, sine obstaculo migrant, eodem carpenta quo libuerit convolventes.

43. Cum autem ad alium portuosum ambitum fuerit ventum, qui arcus figuram determinat ultimam, Peuce prominet insula, quam circumcolunt Trogodytae et Peucini minoresque aliae gentes, et Histros quondam potentissima civitas, et Tomi et Apollonia et Anchialos et Odissos, aliae praeterea multae, quas litora continent Thraciarum.

44. amnis vero Danubius oriens prope Rauracos monte confine limitibus Raeticis per latiorem orbem praetentus ac sexaginta navigabilis paene omnes recipiens fluvios, septem ostiis per hoc Scythicum litus erumpit in mare.

45. quorum primum est Peuce insula supra dicta, ut interpretata sunt vocabula Graeco sermone, secundam Naracustoma, tertium Calonstoma, quartum Pseudostoma; nam Borionstoma ac deinde Stenostoma languidiora sunt ceteris; septimum segnius et palustri specie nigrum.

46. Omnis autem circumfluo ambitu Pontus et nebulosus est, et dulcior aequorum ceteris et vadosus, quod et concrescit aer ex umorum spiramine saepe densatus, et inruentium undarum magnitudine temperatur, et consurgit in brevia dorsuosa, limum globosque adgerente multitudine circumvenientium fluentorum.

47. et constat ab ultimis nostri finibus maris agminatim ad hunc secessum pariendi gratia petere pisces, ut aquarum suavitate salubrius fetus educant in receptaculis cavis – quae sunt ibi densissima– securi voracium beluarum: nihil enim in Ponto huius modi aliquando est visum, praeter innoxios delphinas et paucos.

48. quicquid autem eiusdem pontici sinus aquilone caeditur et pruinis, ita perstringitur gelu, ut nec amnium cursus subtervolvi credantur nee per infidum et labile solum gressus hominis possit vel iumenti firmari, quod vitium numquam mare sincerum sed permixtum aquis amnicis temptat. – prolati aliquantorsum longius quam sperabamus pergamus ad reliqua.

49. Accesserat aliud ad gaudiorum praesentium cumulum diu quidem speratum, sed dilationum ambage multiplici tractum. nuntiatum est enim per Agilonem et Iovium postea quaestorem Aquileiae defensores longioris obsidii taedio, cognitoque Constanti excessu, patefactis portis egressos auctores prodidisse turbarum, isdemque vivis exustis, ut supra relatum est, omnes

concessionem inpetrasse delictorum et veniam.

IX

1. At prosperis Iulianus elatior ultra homines iam spirabat, periculis expertus adsiduis, quod ei orbem Romanum placide iam regenti velut mundanam cornucopiam Fortuna gestans propitia cuncta gloriosa deferebat et prospera, antegressis victoriarum titulis haec quoque adiciens, quod, dum teneret imperium solus, nec motibus internis est concitus nec barbarorum quisquam ultra suos exsiluit fines: populi omnes, aviditate semper insectandi praeterita ut damnosa et noxia, in laudes eius studiis miris accendebantur.

2. Omnibus igitur, quae res diversae poscebant et tempora, perpensa deliberatione dispositis, et militibus orationibus crebris stipendioque conpetenti ad expedienda incidentia promptius animatis, cunctorum favore sublimis Antiochiam ire contendens reliquit Constantinopolim incrementis maximis fultam: natus enim illic diligebat eam ut genitalem patriam et colebat.

3. transgressus itaque fretum praetercursa Chalcedona et Libyssa, ubi sepultus est Hannibal Poenus, Nicomediam venit urbem antehac inclytam, ita magnis retro principum amplificatam inpensis, ut aedium multitudine privatarum et publicarum recte noscentibus regio quaedam urbis aestimaretur aeternae.

4. cuius moenia cum vidisset in favillas miserabiles concidisse, angorem animi tacitis fletibus indicans pigriore gradu pergebat ad regiam, hoc maxime aerumnis eius inlacrimans, quod ordo squalens occurrit et populus nimium quantum antehac florentissimus; et agnoscebat quosdam ibidem ab Eusebio

3 educatus episcopo, quem genere longius contingebat.

5. hic quoque pari modo ad reparanda, quae terrae subverterat tremor, abunde praestitis plurimis per Nicaeam venit ad Gallograeciae fines, unde dextrorsus itinere declinato Pessinunta convertit, visurus vetusta Matris magnae delubra, a quo oppido bello Punico secundo, carmine Cumano monente per Scipionem Nasicam simulacrum translatum est Romam.

6. cuius super adventu in Italiam pauca cum aliis huic materiae congruentibus in actibus Commodi principis digessimus per excessum. quam autem ob rem hoc nomine oppidum sit appellatum, variant rerum scriptores:

7. quidam enim figmento deae caelitus lapso apo tou pesein, quod cadere nos dicimus, urbem adseruere cognominatam. alii memorant Ilum, Trois filium Dardaniae regem, locum sic appellasse. Theopompus non Ilum id egisse, sed Midam adfirmat Phrygiae quondam potentissimum regem.

8. Venerato igitur numine hostiisque litato et votis Ancyram redit: eumque exinde progredientem ulterius multitudo inquietabat, pars violenter erepta reddi sibi poscentium, alii querentes consortiis se curiarum addictos iniuste, non nulli sine respectu periculi agentes ad usque rabiem, ut adversarios suos laesae maiestatis criminibus inligarent.

9. verum ille iudicibus Cassiis tristior et Lycurgis, causarum momenta aequo iure perpendens, suum cuique tribuebat, nusquam a vero abductus, acrius in calumniatores exsurgens, quos oderat, multorum huius modi petulantem saepe dementiam ad usque discrimen expertus dum esset adhuc humilis et privatus.

10. exemplumque patientiae eius in tali negotio, licet sint alia plurima, id unum sufficiet poni. inimicum quidam suum, cum quo discordabat asperrime,

commisisse in maiestatem turbulentius deferebat, imperatoreque dissimulante eadem diebus continuis replicans, interrogatus ad ultimum, qui esset quem argueret, respondit, municipem locupletem. quo audito princeps renidens ґquibus indiciisЄ ait ґad hoc pervenisti?Є.

11 . et ille ґpurpureum sibiЄ inquit ґindumentum ex serico pallio paratЄ iussusque post haec ut vilis arduae rei vilem incusans abire tacitus sed innoxius, nihilo minus instabat. quo taedio Iulianus defatigatus ad largitionum comitem visum propius ґiubeЄ inquit ґpericuloso garrulo pedum tegmina dari purpurea ad adversarium perferenda, quem, ut datur intellegi, chlamydem huius coloris memorat sibi consarcinasse, ut sciri possit sine viribus maximis quid pannuli proficiant levesЄ.

12. Sed ut haec laudanda et bonis moderatoribus aemulanda, ita illud amarum et notabile fuit, quod aegre sub eo a curialibus quisquam adpetitus, licet privilegiis et stipendiorum numero et originis penitus alienae firmitudine communitus, obtinebat aequissimum, adeo ut plerique territi emercarentur molestias pretiis clandestinis . . .

13. Itineribus itaque emensis cum ad Pylas venisset, qui locus Cappadocas discernit et Cilicas, osculo susceptum rectorem provinciae nomine Celsum, iam inde a studiis cognitum Atticis, adscitumque in consessum vehiculi Tarsum secum induxit.

14. at hinc videre properans Antiochiam, orientis apicem pulcrum, usus itineribus solitis venit, urbique propinquans in speciem alicuius numinis votis excipitur publicis, mi ratus voces multitudinis magnae, salutare sidus inluxisse eois partibus adclamantis.

15. evenerat autem isdem diebus annuo cursu conpleto Adonea ritu veteri celebrari, amato Veneris, ut fabulae fingunt, apri dente ferali deleto, quod in adulto flore sectarum est indicium frugum et visum est triste quod amplam urbem principumque domicilium introeunte imperatore nunc primum, ululabiles undique planctus et lugubres sonus audiebantur.

16.hic patientiae eius et lenitudinis documentum leve quidem apparuit sed mirandum. Thalassium quendam ex proximo libellorum, insidiatorem fratris oderat Galli, quo adorare adesseque officio inter honoratos prohibito adversarii, cum quibus litigabat in foro, postridie turba congregata superflua, adito imperatore ґThalassiusЄ clamitabant ґinimicus pietatis tuae nostra violenter eripuitЄ.

10. et ille hac occasione hominem opprimi posse coniciens ґagnoscoЄ respondit ґquem dicitis offendisse me iusta de causa, sed silere vos interim consentaneum est, dum mihi inimico potiori faciat satisЄ. mandavitque adsidenti praefecto ne audiretur eorum negotium, antequam ipse cum Thalassio rediret in gratiam, quod brevi evenit.

X

1. Ibi hiemans ex sententia nullis interim voluptatis rapiebatur inlecebris, quibus abundant Syriae omnes, verum per speciem quietis iudicialibus causis intentus non minus arduis quam bellicis distrahebatur multiformibus curis, exquisita docilitate librans, quibus modis suum cuique tribueret: iustisque sententiis et inprobi modicis coercerentur suppliciis, et innocentes fortunis defenderentur intactis.

2. et quamquam in disceptando aliquotiens erat intempestivus, quid quisque iurgantium coleret tempore alieno interrogans, tamen nulla eius

definitio litis a vero dissonans reperitur, nec argui umquam potuit ob religionem vel quodcumque aliud ab aequitatis recto tramite deviasse.

3. iudicium enim hoc est optandum et rectum, ubi per varia negotiorum examina iustum id est et iniustum, a quo ille ne aberraret, tamquam scopulos cavebat abruptos. hoc autem ideo adsequi potuit, quod levitatem agnoscens commotioris ingenii sui praefectis proximisque permittebat, ut fidenter impetus suos aliorsum tendentes, ad quae decebat, monitu oportuno frenarent: monstrabatque subinde se dolere delictis et gaudere correctione.

4. cumque eum defensores causarum ut conscium rationis perfectae plausibus maximis celebrarent, fertur id dixisse permotus ɼgaudebam plane prae meque ferebam si ab his laudarer, quos et vituperare posse adverterem, siquid factum sit secus aut dictumЄ.

5. sufficiet autem pro multis, quae clementer egit in litibus cognoscendis, hoc unum ponere nec abhorrens a proposito, nec absurdum. inducta in iudicium femina quaedam cum palatinum adversarium suum e numero proiectorum cinctum praeter spem conspexisset, hoc factum insolens tumultuando querebatur, et imperator ɼprosequereЄ ait ɼmulier, siquid te laesam existimas: hic enim sic cinctus est ut expeditius per lutum incedat: parum nocere tuis partibus potestЄ.

6. Et aestimabatur per haec et similia, ut ipse dicebat adsidue, vetus illa Iustitia, quam offensam vitiis hominum Aratus extollit in caelum, imperante eo reversa ad terras, ni quaedam suo ageret, non legum arbitrio, errансque aliquotiens obnubilaret gloriarum multiplices cursus.

7. post multa enim etiam iura quaedam correxit in melius, ambagibus circumcisis, indicantia liquide quid iuberent fieri vel vetarent. illud autem erat inclemens, obruendum perenni silentio, quod arcebat docere magistros rhetoricos et grammaticos ritus christiani cultores.

XI

1. Isdem diebus notarius ille Gaudentius, quem opponendum per Africam missum supra diximus a Constantio, Iulianus quin etiam ex vicario earundem partium nimius fautor retracti sub vinculis, morte periere poenali.

2. tunc et Artemius ex duce Aegypti Alexandrinis urgentibus atrocium criminum mole supplicio capitali multatus est. post quem Marcelli ex magistro equitum et peditum filius ut iniectans imperio manus publica deletus est morte. Romanus quin etiam et Vincentius, Scutariorum scholae primae secundaeque tribuni, agitasse convicti quaedam suis viribus altiora, acti sunt in exilium.

3. Cumque tempus interstetisset exiguum, Alexandrini Artemii conperto interitu, quem verebantur, ne cum potestate reversus – id enim minatus est – multos laederet ut offensus, iram in Georgium verterunt episcopum, vipereis, ut ita dixerim, morsibus ab eo saepius adpetiti.

4. in fullonio natus, ut ferebatur, apud Epiphaniam Ciliciae oppidum, auctusque in damna conplurium contra utilitatem suam reique communis episcopus Alexandriae est ordinatus, in civitate quae suopte motu, et ubi causae non suppetunt, seditionibus crebris agitatur et turbulentis, ut oraculorum quoque loquitur fides.

5. his efferatis hominum mentibus Georgius quoque ipse grave accesserat incentivum, apud patulas aures Constantii multos exinde incusans ut eius recalcitrantes imperiis, professionisque suae oblitus, quae nihil nisi iustum

suadet et lene, ad delatorum ausa feralia desciscebat.

6. et inter cetera dicebatur id quoque maligne docuisse Constantium, quod in urbe praedicta aedificia cuncta solo cohaerentia, a conditore Alexandro magnitudine inpensarum publicarum exstructa, emolumentis aerarii proficere debent ex iure.

7. ad haec mala id quoque addiderat, unde paulo post actus est in exitium praeceps. reversus ex comitatu principis cum transiret per speciosum Genii templum, multitudine stipatus ex more, flexis ad aedem ipsam luminibus ґquam diuЄ inquit ґsepulcrum hoc stabit?Є. quo audito velut fulmine multi perculsi, metuentesque ne illud quoque temptaret evertere, quicquid poterant in eius perniciem clandestinis insidiis concitabant.

8. ecce autem repente perlato laetabili nuntio indicante extinctum Artemium, plebs omnis elata gaudio insperato, vocibus horrendis infrendens Georgium petit raptumque diversis mulcandi generibus proterens et conculcans divaricatis pedibus.

9. Cumque eo Dracontius monetae praepositus et Diodorus quidam, veluti comes, iniectis per crura funibus simul exanimati sunt; ille quod aram in moneta, quam regebat, recens locatam evertit; alter quod dum aedificandae praeesset ecclesiae, cirros puerorum licentius detondebat, id quoque ad deorum cultum existimans pertinere.

10. quo non contenta multitudo inmanis dilaniata cadavera peremptorum camelis inposita vexit ad litus isdemque subdito igne crematis cineres proiecit in mare id metuens, ut clamabat, ne collectis supremis aedes illis exstruerentur ut reliquis, qui deviare a religione conpulsi pertulere cruciabiles poenas, ad usque gloriosam mortem intemerata fide progressi, et nunc martyres appellantur. Poterantque miserandi homines ad crudele supplicium ducti christianorum adiumento defendi, ni Georgii odio omnes indiscrete flagrabant.

11. hoc comperto imperator ad vindicandum facinus nefandum erectus, iamque expetiturus poenas a noxiis ultimas, mitigatus est lenientibus proximis, missoque edicto acri oratione scelus detestabatur admissum, minatus extrema, si deinde temptatum fuerit aliquid quod iustitia vetet et leges.

XII

1. Inter haec expeditionem parans in Persas, quam dudum animi robore conceperat celso, ad ultionem praeteritorum vehementer elatus est, sciens et audiens gentem asperrimam per sexaginta ferme annos inussisse orienti caedum et direptionum monumenta saevissima, ad internecionem exercitibus nostris saepe deletis.

2. urebatur autem bellandi gemino desiderio, primo quod inpatiens otii lituos somniabat et proelia, dein quod in aetatis flore primaevo obiectus efferatarum gentium armis, recalentibus etiam tum regum precibus et regalium, qui vinci magis posse quam supplices manus tendere credebantur, ornamentis inlustrium gloriarum inserere Parthici cognomentum ardebat.

3. Quae maximis molibus festinari cernentes obtrectatores desides et maligni, unius corporis permutatione tot cieri turbas intempestivas, indignum et perniciosum esse strepebant, studium omne in differendo procinctu ponentes. et dictitabant his praesentibus, quos audita referre ad imperatorem posse rebantur, eum, ni sedatius ageret, inmodica rerum secundarum

prosperitate, velut luxuriantes ubertate nimia fruges, bonis suis protinus occasurum.

4. et haec diu multumque agitantes frustra virum circumlatrabant inmobilem occultis iniuriis, ut Pygmaei vel Thiodamas agrestis homo Lindius Herculem.

5. ille tamen ut maioris praeter ceteros spiritus, nihilo lentius magnitudinem expeditionis secum commentans in praeparandis congruis operam navabat enixam.

6. Hostiarum tamen sanguine plurimo aras crebritate nimia perfundebat, tauros aliquotiens inmolando centenos et innumeros varii pecoris greges avesque candidas terra quaesitas et mari, adeo ut in dies paene singulos milites carnis distentiore sagina victitantes incultius, potusque aviditate corrupti, umeris inpositi transeuntium per plateas ex publicis aedibus, ubi vindicandis potius quam concedendis conviviis indulgebant, ad sua diversoria portarentur, Petulantes ante omnes et Celtae, quorum ea tempestate confidentia creverat ultra modum.

7. augebantur autem caerimoniarum ritus inmodice cum inpensarum amplitudine antehac inusitata et gravi: et quisque, cum inpraepedite liceret, scientiam vaticinandi professus, iuxta imperitus et docilis, sine fine vel praestitutis ordinibus, oraculorum permittebantur scitari responsa, et extispicia non numquam futura pandentia, oscinumque et auguriorum et ominum fides, si reperiri usquam posset, affectata varietate quaerebatur.

8. haecque dum ita procedunt more pacis, multorum curiosior Iulianus novam consilii viam ingressus est, venas fatidicas Castalii recludere cogitans fontis, quem obstruxisse Caesar dicitur Hadrianus mole saxorum ingenti, veritus ne, ut ipse praecinentibus aquis capessendam rem publicam conperit, etiam alii similia docerentur: ac statim circumhumata corpora statuit exinde transferri eo ritu, quo Athenienses insulam purgaverant Delon,

XIII

1. Eodem tempore diem undecimum kalendarum Novembrium amplissimum Daphnaei Apollinis fanum, quod Epiphanes Antiochus rex ille condidit iracundus et saevus, et simulacrum in eo Olympiaci Iovis imitamenti aequiperans magnitudinem, subita vi flammarum exustum est.

2. quo tam atroci casu repente consumpto ad id usque imperatorem ira provexit, ut quaestiones agitari iuberet solito acriores et maiorem ecclesiam Antiochiae claudi. suspicabatur enim id christianos egisse stimulatos invidia, quod idem templum inviti videbant ambitioso circumdari peristylio.

3. ferebatur autem licet rumore levissimo hac ex causa conflagrasse delubrum, quod Asclepiades philosophus, cuius in actibus Magnenti meminimus, cum visendi gratia Iuliani peregre ad id suburbanum venisset, deae caelestis argenteum breve figmentum, quocumque ibat secum solitus efferre, ante pedes statuit simulacri sublimes, accensisque cereis ex usu cessit, unde medietate noctis emensa cum nec adesse quisquam potuit nec iuvare, volitantes scintillae adhaesere materiis vetustissimis, ignesque aridis nutrimentis erecti omne quicquid contingi potuit, licet ardua discretum celsitudine concremarunt.

4. eo anno sidere etiam tum instante brumali quarum incessit inopia metuenda, ut et rivi cassescerent quidam et fontes antehac aquarum copiosis pulsibus abundantes, sed in integrum postea restituti sunt.

5. et quartum nonas Decembres, vergente in vesperam die, reliqua Nicomedia conlapsa est terrae motu, itidemque Nicaeae portio non mediocris.

XIV

1. Quae tametsi maestitiam sollicito incuterent principi, residua tamen non contemnebat urgentia, dum pugnandi tempus ei veniret optatum. inter praecipua tamen et seria illud agere superfluvm videbatur, quod, nulla probabili ratione suscepta, popularitatis amore vilitati studebat venalium rerum, quae non numquam secus quam convenit ordinata inopiam gignere solet et famem.

2. et Antiochensi ordine id tunc fieri, cum ille iuberet, non posse aperte monstrante nusquam a proposito declinabat, Galli similis fratris licet incruentus. quocirca in eos deinceps saeviens ut obtrectatores et contumaces volumen conposuit invectivum, quod Antiochense vel Misopogonem appellavit, probra civitatis infensa mente dinumerans addensque veritati conplura: post quae multa in se facete dicta conperiens, coactus dissimulare pro tempore, ira sufflabatur interna.

3. ridebatur enim ut Cercops, homo brevis, humeros extentans angustos et barbam prae se ferens hircinam, grandiaque incedens tamquam Oti frater et Ephialtis, quorum proceritatem Homerus in inmensum tollit, itidemque victimarius pro sacricola dicebatur ad crebritatem hostiarum alludentibus multis, et culpabatur hinc oportune, cum ostentationis gratia vehens licenter pro sacerdotibus sacra, stipatusque mulierculis litabat. et quamquam his paribusque de causis indignaretur, tacens tamen motumque in animi retinens potestate sollemnia celebrabat.

4. Denique praestituto feriarum die Casium montem ascendit nemorosum et tereti ambitu in sublime porrectum, unde secundis galliciniis videtur primo solis exortus. cumque Iovi faceret rem divinam, repente conspexit quendam humi prostratum, supplici voce vitam precantem et veniam. interrogantique ei, qui esset, responsum est praesidalem esse Theodotum Hierapolitanum, qui profectum a civitate sua Constantium inter honoratos deducens adulando deformiter tamquam futurum sine dubietate victorem, orabat lacrimas fingens et gemitum ut Iuliani ad eos mitteret caput perduellis ingrati, specie illa, qua Magnenti circumlatum meminerat membrum.

5. quibus auditis ɼaccepiЄ inquit, ɼolim hoc dictumЄ imperator ɼrelatione multorum, sed abi securus ad lares, exutus omni metu clementia principis, qui ut prudens definivit inimicorum minuere numerum augereque amicorum sponte sua contendit ac libensЄ.

6. Exin sacrorum perfecto ritu digresso offeruntur rectoris Aegypti scripta, Apim bovem operosa quaesitum industria tamen post tempus inveniri potuisse firmantis, quod ut earum regionum existimant incolae faustum et ubertatem frugum diversaque indicat bona.

7. Super qua re pauca conveniet expediri. inter animalia antiquis observationibus consecrata Mnevis et Apis sunt notiora: Mnevis Soli sacratur, super quo nihil dicitur memorabile; sequens Lunae. est enim Apis bos diversis genitalium notarum figuris expressus, maximeque omnium corniculantis lunae specie latere dextro insignis, qui cum post vivendi spatium praestitutum sacro fonte inmersus e vita abierit – nec enim ultra eum trahere licet aetatem quam secreta librorum praescribit auctoritas mysticorum – necatur choragio pari bos femina, quae ei inventa cum notis certis offertur, quo perempto alter cum

publico quaeritur luctu, et si omnibus signis consummatus reperiri potuerit, ducitur Memphim, urbem frequentem praesentiaque numinis Aesculapii claram.

8. cumque initiante antistitum numero centum, inductus in thalamum esse coeperit sacer, coniecturis apertis signa rerum futurarum dicitur demonstrare et adeuntes quosdam indiciis averti videtur obliquis, ut offerentem cibum aliquando Germanicum Caesarem, sicut lectum est, aversatus portenderat paulo post eventura.

XV

1. Strictim itaque, quoniam tempus videtur hoc flagitare, res Aegyptiacae tangantur, quarum notitiam in actibus Hadriani et Severi principum digessimus late visa pleraque narrantes.

2. Aegyptiam gentem omnium vetustissimam, nisi quod super antiquitate certat cum Scythis, a meridiali latere Syrtes maiores et Phycus promuntorium et Borion et Garamantes nationesque variae claudunt, qua orientem e regione prospicit, Elephantinen et Meroen urbes Aethiopum et Catadupos rubrumque pelagus et Scenitas praetenditur Arabas, quos Sarracenos nunc appellamus, septentrioni supposita terrarum situ cohaeret inmenso, unde exordium Asia Syriarumque provinciae sumunt, a vespera Issiaco disiungitur mari, quod quidam nominavere Parthenium.

3. Pauca itaque super [benivolo omnium flumine] Nilo, quem Aegyptum Homerus appellat, praestringi conveniet, mox ostendendis aliis, quae sunt in his regionibus admiranda.

4 origines fontium Nili, ut mihi quidem videri solet, sicut adhuc factum est, posterae quoque ignorabunt aetates. verum quoniam fabulantes poetae variantesque geographi in diversa latentem notitiam scindunt, opiniones eorum veritati confines, ut arbitror, expediam paucis.

5. adfirmant aliqui physicorum in subiectis septentrioni spatiis, cum hiemes frigidae cuncta constringunt, magnitudines nivium congelascere, easque postea vi flagrantis sideris resolutas, fluxis umoribus nubes efficere gravidas, quae in meridianam plagam etesiis flantibus pulsae, expressaeque tepore nimio incrementa ubertim suggerere Nilo creduntur.

6. ex Aethiopicis imbribus, qui abundantes in tractibus illis per aestus torridos cadere memorantur, exundationes eius erigi anni temporibus adserunt alii praestitutis: quod utrumque dissonare videtur a veritate. imbres enim apud Aethiopas aut numquam aut per intervalla temporum longa cadere memorantur.

7. opinio est celebrior alia, quod spirantibus prodromis, perque dies quadraginta et quinque etesiarum continuis flatibus repellentibus eius meatum, velocitate cohibita, superfusis fluctibus intumescit: et reluctante spiritu controverso adulescens in maius, hinc vi reverberante ventorum, inde urgente cursu venarum perennium, progrediens in sublime tegit omnia, et humo suppressa per supina camporum speciem exhibet maris.

8. rex autem Iuba Punicorum confisus textu librorum a monte quodam oriri eum exponit, qui situs in Mauritania despectat oceanum, hisque indiciis hoc proditum ait, quod pisces et herbae et beluae similes per eas paludes gignuntur.

9. Aethiopiae autem partes praetermeans Nilus nominum diversitate decursa, quae ei orbem peragranti nationes indidere conplures, aestuans

inundatione ditissima ad cataractas id est praeruptos scopulos venit, e quibus praecipitans ruit potius quam fluit: unde Atos olim accolas usu aurium fragore adsiduo deminuto necessitas vertere solum ad quietiora coegit.

10. exinde lenius means per ostia septem, quorum singula perpetuorum amnium usum et faciem praebent, nullis per Aegyptum aquis externis adiutus eiectatur. et praeter amnis plurimos ex alveo derivatos auctore, cadentesque in suppares eius, septem navigabiles sunt et undosi, quibus subiecta vocabula veteres indiderunt: Heracleoticus, Sebennyticus, Bolbiticus, Pathmiticus, Mendesius, Taniticus et Pelusiacus.

11. oriens autem inde, ut dictum est, propellitur e paludibus ad usque cataractas insulasque efficit plures, quarum aliquae ita porrectis aquis dicuntur extentae ut singulas aegre tertio die relinquat.

12. inter quas duae sunt clarae Meroe et Delta, a triquetrae litterae forma hoc vocabulo signatius appellata. cum autem sol per Cancri sidus coeperit vehi, augescens ad usque transitum eius in Libram, diebusque centum sublatius fluens minuitur postea et mitigatis ponderibus aquarum navibus antea pervios equitabiles campos ostendit.

13. abunde itaque luxurians ita est noxius, ut infructuosus, si venerit parcior: gurgitum enim nimietate umectans diutius terras culturas moratur agrorum, parvitate autem minatur steriles segetes. eumque nemo aliquando extolli cubitis altius sedecim possessor optavit. et si inciderit moderatius, aliquotiens iactae sementes in liquore pinguis cespitis cum augmento fere septuagesimo renascuntur: solusque fluminum auras nullas inspirat.

14. Exuberat Aegyptus etiam pecudibus multis, inter quas terrestres sunt et aquatiles. aliae quae humi et in humoribus vivunt unde amphibioi nominantur. et in aridis quidem capreoli vescuntur et bubali et spinturnicia omni deformitate ridicula, aliaque monstra quae enumerare non refert.

15. Inter aquatiles autem bestias crocodilus ubique per eos tractus abundat, exitiale quadrupes malum, adsuetum elementis ambobus, lingua carens, maxillam superiorem commovens solum, ordine dentium pectinato, perniciosis morsibus quicquid contigerit pertinaciter petens, per ova edens fetus anserinis similia.

16. utque armatus est unguibus, si haberet etiam pollices, ad evertendas quoque naves sufficeret viribus magnis: ad cubitorum enim longitudinem octodecim interdum extentus, noctibus quiescens per undas, diebus humi versatur confidentia cutis, quam ita validam gerit, ut eius terga cataphracta vix tormentorum ictibus perforentur.

17. et saevientes semper eaedem ferae quasi pacto foedere quodam castrensi per septem caerimoniosos dies mitescunt ab omni saevitia desciscentes, quibus sacerdotes Memphi natales celebrant Nili.

18. praeter eos autem, qui fortuita pereunt morte, alii dirumpuntur suffossis alvis mollibus serratis ferarum dorsualibus cristis, quas delphinis similes nutrit fluvius ante dictus, alii exitio intereunt tali.

19. trochilus avicula brevis dum escarum minutias captat, circa cubantem feram volitans blande, genasque eius inritatius titillando pervenit ad usque ipsam viciniam gutturis. quod factum contuens enhydrus ichneumonis genus oris aditum penetrat alite praevia patefactum et populato ventre, vitalibus dilancinatis erumpit.

20. audax tamen crocodilus monstrum fugacibus; ubi audacem senserit, timidissimum, et in terra acutius cernens, per quattuor menses hibernos nullo vesci dicitur cibo.

21. Hippopotami quoque generantur in illis partibus ultra animalia cuncta

ratione carentia sagacissimi, ad speciem equorum bifidas habentes ungulas caudasque breves, quorum sollertiae duo interim ostendere documenta sufficiet.

22. inter arundines celsas et squalentes nimia densitate haec belua cubilibus positis, otium pervigili studio circumspectat, laxataque copia ad segetes depascendas egreditur. cumque iam coeperit redire distenta, aversis vestigiis distinguit tramites multos, ne unius plani itineris lineas insidiatores secuti repertum sine difficultate confodiant.

23. item cum aviditate nimia extuberato ventre pigrescit, super calamos recens exsectos femora convolvit et crura, ut pedibus vulneratis cruor egestus sagina distentum faciat levem: et partes saucias caeno oblinit quam diu in cicatrices conveniant plagae.

24. has monstruosas antehac raritates in beluis in aedilitate Scauri vidit Romanus populus primitus, patris illius Scauri, quem defendens Tullius imperat Sardis, ut de familia nobili ipsi quoque cum orbis terrarum auctoritate sentirent, et per aetates exinde plures saepe huc ducti nunc inveniri nusquam possunt, ut coniectantes regionum incolae dicunt, insectantis multitudinis taedio ad Blemmyas migrasse conpulsi.

25. Inter Aegyptias alites, quarum varietas nullo conprehendi numero potest, ibis sacra est et amabilis et innocua ideo, quod nidulis suis ad cibum suggerens ova serpentum, efficit ut rarescant mortiferae pestes absumptae.

26. occurrunt eaedem volucres pinnatis agminibus anguium, qui ex Arabicis emergunt paludibus venena malignantes, eosque, antequam finibus suis excedunt, proeliis superatos aeriis vorant, quas aves per rostra edere fetus accepimus.

27 serpentes quoque Aegyptus alit innumeras, ultra omnem perniciem saevientes: basiliscos et amphisbaenas et scytalas et acontias et dipsadas et viperas aliasque conplures, quas omnes magnitudine et decore aspis facile supereminens, numquam sponte sua fluenta egreditur Nili.

28. Multa in illis tractibus pretium est operae maximum cernere. e quibus pauca conveniet explicari. templa ubique molibus magnis exstructa. pyramides ad miracula septem provectae, quarum diuturnas surgendi difficultates scriptor Herodotus docet, ultra omnem omnino altitudinem, quae humana manu confici potest, erectae sunt turres, ab imo latissimae in summitates acutissimas desinentes.

29. quae figura apud geometras ideo sic appellatur quod ad ignis speciem, tou pyros, ut nos dicimus, extenuatur in conum. quarum magnitudo quoniam in celsitudinem nimiam scandens gracilescit paulatim, umbras quoque mechanica ratione consumit.

30. Sunt et syringes subterranei quidam et flexuosi secessus, quos, ut fertur, periti rituum vetustorum adventare diluvium praescii, metuentesque, ne caerimoniarum oblitteraretur memoria, penitus operosis digestos fodinis per loca diversa struxerunt, et excisis parietibus volucrum ferarumque genera multa sculpserunt, et animalium species innumeras multas, quas hierographicas litteras appellarunt ...

31. Dein Syene, in qua solstitii tempore, quo sol aestivum cursum extendit, recta omnia ambientes radii excedere ipsis corporibus umbras non sinunt. inde si stipitem quisquam fixerit rectum vel hominem aut arborem viderit stantem, circa lineamentorum ipsas extremitates contemplabitur umbras absumi, sicut apud Meroen Aethiopiae partem aequinoctiali circulo proximam dicitur evenire, ubi per nonaginta dies umbrae nostris in contrarium cadunt, unde Antiscios eius incolas vocant.

32. quae quoniam miracula multa sunt opusculi nostri propositum excedentia, ad ingenia celsa paramus, pauca super provinciis narraturi.

XVI

1. Tres provincias Aegyptus fertur habuisse temporibus priscis, Aegyptum ipsam et Thebaidem et Libyam, quibus duas adiecit posteritas, ab Aegypto Augustamnicam et Pentapolim a Libya sicciore disparatam.

2. Igitur Thebais multas inter urbes clariores aliis Hermopolim habet et Copton et Antinou, quam Hadrianus in honorem Antinoi ephebi condidit sui: hecatompylos enim Thebas nemo ignorat.

3. In Augustamnica Pelusium est oppidum nobile, quod Peleus Achillis pater dicitur condidisse, lustrari deorum monitu iussus in lacu, qui eiusdem civitatis adluit moenia, cum post interfectum fratrem nomine Phocum horrendis furiarum imaginibus raptaretur, et Cassium, ubi Pompei sepulcrum est Magni, et Ostracine et Rhinocorura.

4. In Pentapoli Libya Cyrene est posita, urbs antiqua sed deserta, quam Spartanus condidit Battus, et Ptolomais et Arsinoe eademque Teuchira et Darnis et Berenice, quas Hesperidas appellant.

5. in sicciore vero Libya Paraetonion et Chaerecla et Neapolis inter municipia pauca et brevia.

6. Aegyptus ipsa, quae iam inde, uti Romano imperio iuncta est regitur a praefectis, exceptis minoribus multis, Athribi et Oxyryncho et Thmui et Memphi maximis urbibus nitet.

7. Alexandria enim vertex omnium est civitatum, quam multa nobilitant et magnificentia conditoris altissimi et architecti sollertia Dinocratis, qui cum ampla moenia fundaret et pulchra paenuria calcis ad momentum parum repertae omnes ambitus lineales farina respersit, quod civitatem post haec alimentorum uberi copia circumfluere fortuito monstravit.

8. inibi aurae salubriter spirantes, aer tranquillus et clemens atque, ut periculum docuit per varias collectum aetates, nullo paene die incolentes hanc civitatem solem serenum non vident.

9. hoc litus cum fallacibus et insidiosis accessibus adfligeret antehac navigantes discriminibus plurimis, excogitavit in portu Cleopatra turrim excelsam, quae Pharos a loco ipso cognominatur, praelucendi navibus nocturna suggerens ministeria, cum quondam ex Parthenio pelago venientes vel Libyco, per pandas oras et patulas, montium nullas speculas vel collium signa cernentes, harenarum inlisae glutinosae mollitiae frangerentur.

10. haec eadem regina heptastadium sicut vix credenda celeritate ita magnitudine mira construxit ob causam notam et necessariam. insula Pharos, ubi Protea cum phocarum gregibus diversatum Homerus fabulatur inflatius, a civitatis litore mille passibus disparata Rhodiorum erat obnoxia vectigali.

11. quod cum in die quodam nimium quantum petituri venissent, femina callida semper in fraudes, sollemnium specie feriarum isdem publicanis secum ad suburbana perductis, opus iusserat inrequietis laboribus consummari, et septem diebus totidem stadia molibus iactis in mare, solo propinquanti terrae sunt vindicata. quo cum vehiculo ingressa errare ait Rhodios insularum non continentis portorium flagitantes.

12. His accedunt altis sufflata fastigiis templa. inter quae eminet Serapeum, quod licet minuatur exilitate verborum, atriis tamen columnariis amplissimis et spirantibus signorum figmentis et reliqua operum multitudine

ita est exornatum, ut post Capitolium, quo se venerabilis Roma in aeternum attollit, nihil orbis terrarum ambitiosius cernat.

13. in quo bybliothecae fuerunt inaestimabiles: et loquitur monumentorum veterum concinens fides septingenta voluminum milia, Ptolomaeis regibus vigiliis intentis conposita bello Alexandrino, dum diripitur civitas sub dictatore Caesare, conflagrasse.

14. Canopus inde duodecimo disiungitur lapide, quem, ut priscae memoriae tradunt, Menelai gubernator sepultus ibi cognominavit. amoenus inpendio locus fanis et diversoriis laetis exstructus, auris et salutari temperamento perflabilis, ita ut extra mundum nostrum morari se quisquam arbitretur in illis tractibus agens, cum saepe aprico spiritu inmurmurantes audierit ventos.

15. Sed Alexandria ipsa non sensim, ut aliae urbes, sed inter initia prima aucta per spatiosos ambitus, internisque seditionibus diu aspere fatigata, ad ultimum multis post annis Aureliano imperium agente, civilibus iurgiis ad certamina interneciva prolapsis dirutisque moenibus amisit regionis maximam partem, quae Bruchion appellabatur, diuturnum praestantium hominum domicilium.

16. unde Aristarchus grammaticae rei doctrinis excellens, et Herodianus artium minutissimus sciscitator, et Saccas Ammonius Plotini magister, aliique plurimi scriptores multorum in litteris nobilium studiorum, inter quos Chalcenterus eminuit Didymus, multiplicis scientiae copia memorabilis, qui in illis sex libris ubi non numquam inperfecte Tullium reprehendit sillographos imitatus scriptores maledicos, iudicio doctarum aurium incusatur, ut inmania frementem leonem putredulis vocibus canis catulus longius circumlatrans.

17. et quamquam veteres cum his quorum memini floruere conplures, tamen ne nunc quidem in eadem urbe doctrinae variae silent; nam et disciplinarum magistri quodam modo spirant et nudatur ibi geometrico radio quicquid reconditum latet, nondumque apud eos penitus exaruit musica, nec harmonica conticuit, et recalet apud quosdam adhuc licet raros consideratio mundani motus et siderum, doctique sunt numeros haut pauci, super his scientiam callent quae fatorum vias ostendit.

18. medicinae autem, cuius in hac vita nostra nec parca nec sobria desiderantur adminicula crebra, ita studia augentur in dies ut, licet opus ipsum redoleat, pro omni tamen experimento sufficiat medico ad commendandam artis auctoritatem, si Alexandriae se dixerit eruditum.

19. et haec quidem hactenus. sed si intellegendi divini aditionem multiplicem et praesensionum originem mente vegeta quisquam voluerit replicare, per mundum omnem inveniet mathemata huius modi ab Aegypto circumlata.

20. hic primum homines longe ante alios ad varia religionum incunabula, ut dicitur, pervenerunt et initia prima sacrorum caute tuentur condita scriptis arcanis.

21 . hac institutus prudentia Pythagoras colens secretius deos, quicquid dixit aut voluit auctoritatem esse instituit ratam, et femur suum aureum apud Olympiam saepe monstrabat, et cum aquila conloquens subinde visebatur.

22. hinc Anaxagoras lapides e caelo lapsuros et putealem limum contrectans tremores futuros praedixerat terrae. et Solon sententiis adiutus Aegypti sacerdotum, latis iusto moderamine legibus, Romano quoque iuri maximum addidit firmamentum. ex his fontibus per sublimia gradiens sermonum amplitudine Iovis aemulus Platon visa Aegypto militavit sapientia gloriosa.

23. Homines autem Aegyptii plerique subfusculi sunt et atrati magis quam maesti oris, gracilenti et aridi, ad singulos motus excandescentes, controversi et reposcones acerrimi. erubescit apud eos siqui non infitiando tributa plurimas in corpore vibices ostendat. et nulla tormentorum vis inveniri adhuc potuit, quae obdurato illius tractus latroni invito elicere potuit, ut nomen proprium dicat.

24. Id autem notum est, ut annales veteres monstrant, quod Aegyptus omnis sub amicis erat antea regibus, sed superatis apud Actium bello navali Antonio et Cleopatra, provinciae nomen accepit ab Octaviano Augusto possessa. aridiorem Libyam supremo Apionos regis consecuti sumus arbitrio, Cyrenas cum residuis civitatibus Libyae Pentapoleos Ptolomaei liberalitate suscepimus. evectus longius ad ordinem remeabo coeptorum.

LIBER XXIII

I

1. Haec eo anno – ut praetereamus negotiorum minutias – agebantur. Iulianus vero iam ter consul, adscito in collegium trabeae Sallustio praefecto per Gallias, quater ipse amplissimum inierat magistratum: et videbatur novum adiunctum esse Augusto privatum, quod post Diocletianum et Aristobulum nullus meminerat gestum.

2. et licet accidentium varietatem sollicita mente praecipiens multiplicatos expeditionis apparatus flagranti studio perurgeret, diligentiam tamen ubique dividens imperiique sui memoriam magnitudine operum gestiens propagare, ambitiosum quondam apud Hierosolymam templum, quod post multa et interneciva certamina obsidente Vespasiano posteaque Tito aegre est expugnatum, instaurare sumptibus cogitabat inmodicis, negotiumque maturandum Alypio dederat Antiochensi, qui olim Brittannias curaverat pro praefectis.

3. cum itaque rei idem fortiter instaret Alypius iuvaretque provinciae rector, metuendi globi flammarum prope fundamenta crebris adsultibus erumpentes fecere locum exustis aliquotiens operantibus inaccessum, hocque modo elemento destinatius repellente cessavit inceptum.

4. Isdem diebus legatos ad se missos ab urbe aeterna clare natos meritisque probabilis vitae compertos imperator honoribus diversis adfecit. et Apronianum Romae decrevit esse praefectum, Octavianum proconsulem Africae, Venusto vicariam commisit Hispaniae, Rufinum Aradium comitem orientis in locum avunculi sui Iuliani recens defuncti provexit.

5. quibus ut convenerat ordinatis, terrebatur omine quodam ut docuit exitus praesentissimo. Felice enim largitionum comite profluvio sanguinis repente extincto eumque comite Iuliano secuto vulgus publicos contuens titulos Felicem Iulianum Augustumque pronuntiabat.

6. praecesserat aliud saevum. namque kalendis ipsis ianuariis ascendente eo gradile Genii templum e sacerdotum consortio quidam ceteris diuturnior nullo pulsante repente concidit animamque insperato casu efflavit, quod adstantes – incertum per inperitiam an adulandi cupiditate – memorabant consulum seniori portendi nimirum Sallustio, sed ut apparuit non aetati sed potestati maiori interitum propinquare monstrabatur.

7. super his alia quoque minora signa subinde quid accideret

ostendebant. inter ipsa enim exordia procinctus Parthici disponendi nuntiatum est Constantinopolim terrae pulsu vibratam: quod horum periti minus laetum esse pronuntiabant aliena pervadere molienti rectori. ideoque intempestivo conatu desistere suadebant, ita demum haec et similia contemni oportere firmantes, cum inruentibus armis externis lex una sit et perpetua, salutem omni ratione defendere, nihil remittente vi mortis. isdem diebus nuntiatum est ei per litteras Romae super hoc bello libros Sibyllae consultos, ut iusserat, imperatorem eo anno discedere a limitibus suis aperto prohibuisse responso.

II

1. Inter haec tamen legationes gentium plurimarum auxilia pollicentium, liberaliter susceptae remittebantur, speciosa fiducia principe respondente, nequaquam decere adventiciis adiumentis rem vindicari Romanam, cuius opibus foveri conveniret amicos et socios, si auxilium eos adegerit necessitas inplorare.

2. solum Arsacem monuerat Armeniae regem ut collectis copiis validis iubenda operiretur, quo tenderet, quid deberet urgere propere cogniturus. proinde cum primam consultae rationes copiam praebuissent, rumore praecurso hostiles occupare properans terras nondum adulto vere, missa per militares numeros expeditionali tessera cunctos transire iussit Euphraten.

3. quo conperto omnes evolant ex hibernis transmissoque, ut textus docebat scriptorum, dispersi per stationes varias adventum principis exspectabant. ipse autem Antiochiam egressurus Heliopoliten quendam Alexandrum Syriacae iuris dictioni praefecit turbulentum et saevum: dicebatque non illum meruisse, sed Antiochensibus avaris et contumeliosis huius modi iudicem convenire.

4. cumque eum profecturum deduceret multitudo promiscua, itum felicem reditumque gloriosum exoptans oransque ut deinde placabilis esset et lenior, nondum ira, quam ex conpellationibus et probris conceperat, emollita loquebatur asperius se esse eos adserens postea non visurum.

5. disposuisse enim aiebat hiemandi gratia per conpendiariam viam consummato procinctu Tarsum Ciliciae reversurum, scripsisseque ad Memorium praesidem, ut in eadem urbe cuncta usui congrua pararentur. et hoc haut diu postea contigit. corpus namque eius illuc relatum exsequiarum humili pompa in suburbano sepultum est ut ipse mandarat,

6. Iamque apricante caelo tertium nonas Martias profectus Hierapolim solitis itineribus venit. ubi cum introierit civitatis capacissimae portas, sinistra porticus subito lapsa, subter tendentes quinquaginta milites exceptis plurimis vulneratis tignorum tegularumque pondere magno conlisit.

7. unde contractis copiis omnibus Mesopotamiam tam propere signa commovit ut fama de se nulla praeversa – id enim curatius observarat – inprovisus Assyrios occuparet. denique cum exercitu et Scytharum auxiliis Euphrate navali ponte transmisso venit ad Batnas municipium Osdroenae ibique inlaetabile portentum offendit.

8. cum enim calonum frequens multitudo ad suscipiendum consuete pabulum prope acervum palearum stetisset inpendio celsum – hoc enim modo per regiones illas tales species construuntur – rapientibus multis quassata congeries inclinata est, parique exitio quinquaginta obruit homines mole maxima ruinarum

III

1. Maestus exinde digressus venit cursu propero Carras antiquum oppidum, Crassorum et Romani exercitus aerumnis insigne unde duae ducentes Persidem viae regiae distinguuntur, laeva per Adiabenam et Tigridem, dextra per Assyrios et Euphraten.

2. ibi moratus aliquot dies dum necessaria parat, et Lunae, quae religiose per eos colitur tractus, ritu locorum fert sacra, dicitur ante aras nullo arbitrorum admisso occulte paludamentum purpureum propinquo suo tradidisse Procopio mandasseque arripere fidentius principatum si se interisse didicerit apud Parthos.

3. hic Iuliani quiescentis animus agitatus insomniis eventurum triste aliquid praesagiebat. quocirca et ipse et visorum interpretes praesentia contemplantes, diem secuturum, qui erat quartum decimum kalendas Apriles, observari debere pronuntiabant. verum ut conpertum est postea, hac eadem nocte Palatini Apollinis templum praefecturam regente Aproniano in urbe conflagravit aeterna, ubi, ni multiplex iuvisset auxilium, etiam Cumana carmina consumpserat magnitudo flammarum.

4. Post quae ita digesta, agmina et commeatus omnis generis disponenti procursatorum adventu anhelantium etiam tum indicatur equestres hostium turmas vicino limite quodam perrupto avertisse subito praedas.

5. cuius atrocitate mali perculsus ilico, ut ante cogitaverat, triginta milia lectorum militum eidem commisit Procopio iuncto ad parilem potestatem Sebastiano comite ex duce Aegypti, isdemque praecepit, ut intra Tigridem interim agerent vigilanter omnia servaturi, nequid inopinum ex incauto latere oreretur, qualia multa saepe didicerat evenisse, mandabatque eis ut, si fieri potius posset, regi sociarentur Arsaci cumque eo per Corduenam et Moxoenam, Chiliocomo uberi Mediae tractu, partibusque aliis praestricto cursu vastatis apud Assyrios adhuc agenti sibi concurrerent necessitatum articulis adfuturi.

6. His ita ordinatis ipse exitu simulato per Tigridem, quod iter etiam re cibaria de industria iusserat instrui, flexit dextrorsus et quieta nocte emensa, mane iumentum quo veheretur ex usu, poposcit, oblatusque ei equus Babylonius nomine ictu torminis consternatus dum dolorum inpatiens volvitur, auro lapillisque ornamenta distincta conspersit. quo ostento laetior exclamavit plaudentibus proximis ꜒Babylona humi procidisse ornamentis omnibus spoliatam϶.

7. et paulisper detentus, ut omen per hostias litando firmaret, Davanam venit castra praesidiaria, unde ortus Belias fluvius funditur in Euphraten. hic corporibus cibo curatis et quiete, postridie ventum est ad Callinicum

4, munimentum robustum et commercandi opimitate gratissimum, ubi diem sextum kalendas Apriles, quo Romae Matri deorum pompae celebrantur annales, et carpentum, quo vehitur simulacrum, Almonis undis ablui perhibetur, sacrorum sollemnitate prisco more conpleta, somno per otium capto exultans pernoctavit et laetus.

8. luce vero secuta profectus exinde per supercilia riparum fluvialium aquis adulescentibus undique convenis cum armigera gradiens manu in statione quadam sub pellibus mansit, ubi Saracenarum reguli gentium genibus supplices nixi oblata ex auro corona tamquam mundi nationumque suarum dominum adorarunt, suscepti gratanter ut ad furta bellorum adpositi.

9. dumque hos adloquitur, Xerxis illius potentissimi regis instar, classis

advenit tribuno Constantiano cum comite Lucilliano ductante, quae latissimum flumen Euphraten artabat, in qua mille erant onerariae naves ex diversa trabe confectae, commeatus abunde ferentes et tela et obsidionales machinas; quinquaginta aliae bellatrices totidemque ad conpaginandos necessariae pontes.

IV

1. Re ipsa admoneor, breviter, quantum mediocre potest ingenium haec instrumentorum genera ignorantibus circumscripte monstrare; et ballistae figura docebitur prima.

2. ferrum inter axiculos duos firmum conpaginatur et vastum in modum regulae maioris extentum, cuius ex volumine tereti, quod in medio pars polita conponit, quadratus eminet stilus extentius, recto canalis angusti meatu cavatus, et hac multiplici chorda nervorum tortilium inligatus: eique cochleae duae ligneae coniunguntur aptissime, quarum prope unam adsistit artifex contemplabilis et subtiliter adponit in temonis cavamine sagittam ligneam spiculo maiore conglutinatam, hocque facto hinc inde validi iuvenes versant agiliter rotabilem flexum.

3. cum ad extremitatem nervorum acumen venerit summum, percita interno pulsu a ballista ex oculis avolat, interdum nimio ardore scintillans, et evenit saepius, ut antequam telum cernatur, dolor letale vulnus agnoscat.

4. Scorpionis autem, quem appellant nunc Onagrum, huius modi forma est. dolantur axes duo quernei vel ilicei, curvanturque mediocriter, ut prominere videantur in gibbas, hique in modum serratoriae machinae conectuntur ex utroque latere patentius perforati, quos inter per cavernas funes conligantur robusti, conpagem, ne dissiliat, continentes.

5. ab hac medietate restium ligneus stilus exsurgens obliquus et in modum iugalis temonis erectus ita nervorum nodulis inplicatur, ut altius tolli possit et inclinari, summitatique eius unci ferrei copulantur, e quibus pendet stuppea vel ferrea funda, cui ligno fulmentum prosternitur ingens, cilicium paleis confertum minutis, validis nexibus inligatum et locatum super congestos cespites vel latericios aggeres. nam muro saxeo huius modi moles inposita disiectat quidquid invenerit subter concussione violenta, non pondere.

6. cum igitur ad concertationem ventum fuerit, lapide rotundo fundae inposito, quaterni altrinsecus iuvenes repagula, quibus incorporati sunt funes, explicantes, retrorsus stilum paene supinum inclinant: itaque demum sublimis adstans magister claustrum, quod totius operis continet vincula, reserat malleo forti perculsum, unde absolutus ictu volucri stilus et mollitudine offensus cilicii saxum contorquet, quicquid incurrerit conlisurum.

7. et tormentum quidem appellatur ex eo quod omnis explicatio torquetur, scorpio autem quoniam aculeum desuper habet erectum, cui etiam onagri vocabulum indidit aetas novella ea re, quod asini feri eum venatibus agitantur, ita eminus lapides post terga calcitrando emittunt, ut perforent pectora sequentium aut perfractis ossibus capita ipsa displodant.

8. Hinc ad arietem veniemus. eligitur abies vel ornus excelsa, cuius summitas duro ferro concluditur et prolixo, arietis efficiens prominulam speciem, quae forma huic machinamento vocabulum indidit, et sic suspensa utrimque transversis asseribus et ferratis quasi ex lance vinculis trabis alterius continetur, eamque quantum mensurae ratio patitur multitudo retro

repellens rursus ad obvia quaeque rumpenda protrudit ictibus validissimis instar adsurgentis et cedentis arietis qua crebritate velut reciproci fulminis impetu aedificiis scissis in rimas concidunt structurae laxatae murorum.

9. hoc genere operis si fuerit exserto vigore discussum, nudatis defensoribus ideoque solutis obsidiis civitates munitissimae recluduntur.

10. Pro his arietum meditamentis iam crebritate despectis conditur machina scriptoribus historicis nota, quam elepolin Graeci cognominamus. cuius opera diuturna Demetrius Antigoni filius regis Rhodo aliisque urbibus oppugnatis Poliorcetes est appellatus.

11. aedificatur autem hoc modo. testudo conpaginatur inmanis axibus roborata, longissimis ferreisque clavis aptata et contegitur coriis bubulis virgarumque recenti textura atque limo asperguntur eius suprema ut flammeos detrectet et missiles casus.

12. conseruntur autem eius frontalibus trisulcae cuspides praeacutae, ponderibus ferreis graves, qualia nobis pictores ostendunt fulmina vel fictores, ut quicquid petierit aculeis exsertis abrumpat.

13. hanc ita validam molem rotis et funibus regens numerosus intrinsecus miles languidiori murorum parti viribus admovet concitis, et nisi desuper propugnantium valuerint vires conlisis parietibus aditus patefacit ingentes.

14. Malleoli autem, teli genus, figurantur hac specie. sagitta est cannea inter spiculum et harundinem multifido ferro coagmentata, quae in muliebris coli formam, quo nentur lintea stamina, concavatur ventre subtiliter et plurifariam patens atque in alveo ipso ignem cum aliquo suscipit alimento.

15. et si emissa lentius arcu invalido – ictu enim rapidiore extinguitur – haeserit usquam, tenaciter cremat aquisque conspersa acriores excitat aestus incendiorum, nec remedio ullo quam superiacto pulvere consopitur. hactenus de instrumentis muralibus, e quibus pauca sunt dicta. nunc ad rerum ordinem revertamur.

V

1. Adscitis Saracenorum auxiliis, quae animis obtulere promptissimis, tendens imperator agili gradu Cercusium principio mensis Aprilis ingressus est munimentum tutissimum et fabre politum. cuius moenia Abora et Euphrates ambiunt flumina velut spatium insulare fingentes.

2. quod Diocletianus exiguum antehac et suspectum muris turribusque circumdedit celsis, cum in ipsis barbarorum confiniis interiores limites ordinaret, ne vagarentur per Syriam Persae ita ut paucis ante annis cum magnis provinciarum contigerat damnis.

3. namque, cum Antiochiae in alto silentio scaenicis ludis mimus cum uxore inmissus e medio sumpta quaedam imitaretur, populo venustate attonito coniunx ɼnisi somnus estЄ inquit ɼen PersaeЄ et retortis plebs universa cervicibus exacervantia in se tela declinans spargitur passim. ita civitate incensa et obtruncatis pluribus, qui pacis more palabantur effusius, incensisque locis finitimis et vastatis, onusti praeda hostes ad sua remearunt innoxii, Mareade vivo exusto, qui eos ad suorum interitum civium duxerat inconsulte. et haec quidem Gallieni

2 temporibus evenerunt.

4. Iulianus vero dum moratur apud Cercusium, ut per navalem Aborae pontem exercitus et omnes sequelae transirent, litteras tristes Sallusti Galliarum praefecti suscepit orantis suspendi expeditionem in Parthos

obtestantisque, ne ita intempestive nondum pace numinum exorata inrevocabile subiret exitium.

5. posthabito tamen suasore cautissimo fidentius ultra tendebat, quoniam nulla vis humana vel virtus meruisse umquam potuit, ut quod praescripsit fatalis ordo non fiat. statimque transgressus pontem avelli praecepit, necui militum ab agminibus propriis revertendi fiducia remaneret.

6. pari sorte hic quoque omen inlaetabile visum est apparitoris cuiusdam cadaver extentum carnificis manu deleti, quem praefectus Sallustius praesens, ea re supplicio capitali damnarat, quod intra praestitutum diem alimentorum augmentum exhibere pollicitus casu inpediente frustratus est. sed miserando homine trucidato postridie advenit, ut ille promiserat, alia classis abunde vehens annonam.

7. Profecti exinde Zaitham venimus locum, qui olea arbor interpretatur. hic Gordiani imperatoris longe conspicuum vidimus tumulum, cuius actus a pueritia prima exercituumque felicissimos ductus et insidiosum interitum digessimus tempore conpetenti

8. ubi cum pro ingenita pietate consecrato principi parentasset pergeretque ad Duram desertum oppidum, procul militarem cuneum conspicatus stetit inmobilis eique dubitanti quid ferrent, offertur ab eis inmanissimi corporis leo, cum aciem peteret multiplici telorum iactu confossus. quo omine velut certiore iam spe status prosperioris elatus exsultantius incedebat, sed incerto fatu fortunae aliorsum prorupit eventus. obitus enim regis portendebatur, sed cuius, erat incertum.

9. nam et oracula dubia legimus, quae non nisi casus discrevere postremi, ut fidem vaticinii Delphici, quae post Halyn flumen transmissum maximum regnum deiecturum praedixerat Croesum, et aliam quae Atheniensibus ad certandum contra Medos oblique destinaverat mare, sortemque his posteriorem veram quidem sed non minus ambiguam: aio te Aeacida Romanos vincere posse.

10. Etrusci tamen haruspices qui comitabantur, gnari prodigialium rerum, cum illis procinctum hunc saepe arcentibus non crederetur, prolatis libris exercitualibus ostendebant signum hoc esse prohibitorium principique aliena licet iuste invadenti contrarium.

11 . sed calcabantur philosophis refragantibus, quorum reverenda tunc erat auctoritas, errantium subinde et in parum cognitis perseverantium diu. et enim ut probabile argumentum ad fidem implendam scientiae suae id praetendebant, quod et Maximiano antehac Caesari cum Narseo Persarum rege iam congressuro itidem leo et aper ingens trucidati simul oblati sunt, et superata gente discessit incolumis, illo minime contemplato, quod aliena petenti portendebatur exitium et Narseus primus Armeniam Romano iuri obnoxiam occuparat.

12. secuto itidem die, qui erat septimum idus Aprilis, sole vergente iam in occasum ex parva nubecula subito aere crassato usus adimitur lucis, et post minacem tonitruum crebritatem et fulgurum Iovianus nomine miles de caelo tactus cum duobus equis concidit, quos potu satiatos a flumine reducebat.

13. eoque viso harum rerum interpretes arcessiti interrogatique etiam id vetare procinctum fidentius adfirmabant, fulmen consiliarium esse monstrantes: ita enim appellantur quae dissuadent aliquid fieri vel suadent ideoque hoc nimis cavendum, quod militem celsi nominis cum bellatoriis iumentis extinxit, et hoc modo contacta loca nec intueri nec calcari debere fulgurales pronuntiant libri.

14. contra philosophi candorem ignis sacri repente conspecti nihil

significare aiebant, sed esse acrioris spiritus cursum ex aethere aliqua vi ad inferiora detrusum, aut si exinde praenoscitur aliquid, incrementa claritudinis imperatori portendi gloriosa coeptanti, cum constet flammas suapte natura nullo obstante ad sublimia convolare.

15. Peracto igitur, ut ante dictum est, ponte cunctisque transgressis imperator antiquissimum omnium ratus est militem adloqui sui rectorisque fiducia properantem intrepide. signo itaque per lituos dato cum centuriae omnes et cohortes et manipuli convenissent, ipse aggere glebali adsistens coronaque celsarum circumdatus potestatum talia ore sereno disservit favorabilis studio concordi cunctorum:

16. ⸢Contemplans maximis viribus et alacritate vos vigere, fortissimi milites, contionari disposui, docturus ratione multiplici non nunc primitus, ut maledici mussitant, Romanos penetrasse regna Persidis. namque ut Lucullum transeam vel Pompeium, qui per Albanos et Massagetas, quos Alanos nunc appellamus, hac quoque natione perrupta vidit Caspios lacus, Ventidium novimus Antoni legatum strages per hos tractus innumeras edidisse.

17. sed ut a vetustate discedam, haec quae tradidit recens memoria replicabo. Traianus et Verus et Severus hinc sunt digressi victores et tropaeati, redissetque pari splendore iunior Gordianus, cuius monumentum nunc vidimus honorate, apud Resainam superato fugatoque rege Persarum, ni factione Philippi praefecti praetorio sceleste iuvantibus paucis in hoc ubi sepultus est loco, vulnere impio cecidisset. nec erravere diu manes eius inulti, quod velut clarente iustitia omnes, qui in eum conspiravere, cruciabilibus interiere suppliciis.

18. et illos quidem voluntas ad altiora propensior subire inpulit facinora memoranda, nos vero miseranda recens captarum urbium et inultae caesorum exercituum umbrae et damnorum magnitudines carorumque amissiones ad haec, quae proposuimus, hortantur, votis omnium sociis ut medeamur praeteritis et honorata huius lateris securitate re publica, quae de nobis magnifice loquatur posteritas relinquamus.

19. adero ubique vobis adiumento numinis sempiterni imperator et antesignanus et conturmalis ominibus secundis, ut reor. at si fortuna versabilis in pugna me usquam fuderit, mihi vero pro Romano orbe memet vovisse sufficiet ut Curtii Muciique veteres et clara prosapia Deciorum. abolenda nobis natio molestissima cuius in gladiis nondum nostrae propinquitatis exaruit cruor.

20. plures absumptae sunt maioribus nostris aetates, ut interirent radicitus quae vexabant. devicta est perplexo et diuturno Marte Carthago, sed eam dux inclytus timuit superesse victoriae. evertit funditus Numantiam Scipio post multiplices casus obsidionis emensos. Fidenas ne imperio subcrescerent aemulae, Roma subvertit, et Faliscos ita oppressit et Veios, ut suadere nobis laboret monumentorum veterum fides, ut has civitates aliquando valuisse credamus.

21. haec ut antiquitatum peritus exposui, superest ut aviditate rapiendi posthabita, quae insidiatrix saepe Romani militis fuit, quisque agmini cohaerens incedat, cum ad necessitatem congrediendi fuerit ventum, signa propria secuturus sciens, quod, si remanserit quisquam, exsectis cruribus relinquetur. nihil enim praeter dolos et insidias hostium vereor nimium callidorum.

22. ad summam polliceor universis rebus post haec prospere mitigatis absque omni praerogativa principum, qui quod dixerint vel censuerint pro potestate auctoritatis iustum esse existimant, rationem me recte consultorum

vel secus siquis exegerit redditurum.

23. quocirca erigite iam nunc, quaeso, erigite animos vestros, multa praesumentes et bona aequata sorte nobiscum quicquid occurrerit difficile subituri et coniectantes aequitati semper solere iungi victoriam€.

24. Conclusa oratione ad hunc gratissimum finem, ductoris gloria proeliator miles exsultans, speque prosperorum elatior, sublatis altius scutis nihil periculosum fore vel arduum clamitabat sub imperatore plus sibi laboris quam gregariis indicente.

25. maxime omnium id numeri Gallicani fremitu laetiore monstrabant, memores aliquotiens eo ductante perque ordines discurrente cadentes vidisse gentes aliquas, alias supplicantes.

VI

1. Res adegit huc prolapsa, ut in excessu celeri situm monstrare Persidis, descriptoribus gentium curiose digestum, e quibus aegre vera dixere paucissimi. quod autem erit paulo prolixior textus, ad scientiam proficiet plenam. quisquis enim adfectat nimiam brevitatem ubi narrantur incognita non quid signatius explicet, sed quid debeat praeteriri, scrutatur.

2. Hoc regnum quondam exiguum multisque antea nominibus appellatum ob causas quas saepe rettulimus, cum apud Babylona Magnum fata rapuissent Alexandrum, in vocabulum Parthi concessit Arsacis obscure geniti, latronum inter adulescentiae rudimenta ductoris, verum paulatim in melius mutato proposito clarorum contextu factorum aucti sublimius.

3. qui post multa gloriose et fortiter gesta superato Nicatore Seleuco eiusdem Alexandri successore, cui victoriarum crebritas hoc indiderat cognomentum, praesidiisque Macedonum pulsis ipse tranquillius agens temperator oboedientium fuit et arbiter lenis.

4. denique post finitima cuncta vi vel aequitatis consideratione vel metu subacta, civitatum et castrorum castellorumque munimentis oppleta Perside, adsuefactaque timori esse accolis omnibus, quos antea formidabat, medium ipse agens cursum aetatis placida morte decessit. certatimque summatum et vulgi sententiis concinentibus, astris, ut ipsi existimant, ritus sui consecratione permixtus est omnium primus.

5. unde ad id tempus reges eiusdem gentis praetumidi appellari se patiuntur Solis fratres et Lunae, utque imperatoribus nostris Augusta nuncupatio amabilis est et optata, ita regibus Parthicis abiectis et ignobilibus antea, incrementa dignitatum felicibus Arsacis auspiciis accessere vel maxima.

6. quam ob rem numinis eum vice venerantur et colunt ea usque propagatis honoribus ut ad nostri memoriam non nisi Arsacides is sit, quisquam in suscipiendo regno cunctis anteponatur, et in qualibet civili concertatione, quae adsidue apud eos eveniunt, velut sacrilegium quisque caveat ne dextra sua Arsaciden arma gestantem feriat vel privatum.

7. Satisque constat hanc gentem regna populis vi superatis conpluribus dilatasse ad usque Propontidem et Thracias, sed alte spirantium ducum superbia licenter grassantium per longinqua aerumnis maximis inminutam primo per Cyrum, quem Bospori fretum cum multitudine fabulosa transgressum ad internecionem delevit Tomyris regina Scytharum ultrix acerrima filiorum.

8. deinde cum Dareus posteaque Xerxes Graeciam elementorum usu

mutato adgressi cunctis paene copiis terra marique consumptis vix ipsi tutum invenere discessum, ut bella praetereamus Alexandrina et testamento nationem omnem in successoris unius iura translatam.

9. Quibus peractis transcursisque temporibus longis sub consulibus et deinceps in potestatem Caesarum redacta re publica, nobiscum hae nationes subinde dimicarunt paribusque momentis interdum, aliquotiens superatae, non numquam abiere victrices.

10. Nunc locorum situm, quantum ratio sinit, carptim breviterque absolvam. hae regiones in amplitudines diffusae longas et latas ex omni latere insulosum et celebre Persicum ambiunt mare, cuius ostia adeo esse perhibentur angusta, ut ex Harmozonte Carmaniae promuntorio contra oppositum aliud promuntorium, quod appellant incolae Maces, sine inpedimento cernatur.

11. quibus angustiis permeatis cum latitudo patuerit nimis extensa, navigatio ad usque urbem Teredona porrigitur, ubi post iacturas multiplices pelago miscetur Euphrates, omnisque sinus dimensione litorea in numerum viginti milium stadiorum velut spatio detornato finitur, cuius per oras omnes oppidorum est densitas et vicorum naviumque crebri discursus.

12. ergo permeatis angustiis ante dictis venitur ad Carmaniae sinum orienti obiectum intervallo. Cantichus nomine panditur sinus australis. haut procul inde alius, quem vocant Chaliten, occiduo obnoxius sideri. hinc praestrictis pluribus insulis, e quibus paucae sunt notae, Indorum mari iunguntur oceano, qui ferventem solis exortum suscipit omnium primus ipse quoque nimium calens.

13. utque geographici stili formarunt, hac specie distinguitur omnis circuitus ante dictus. ab arctoo cardine usque ad Caspias portas Cadusiis conterminat et Scytharum gentibus multis et Arimaspis hominibus luscis et feris. ab occidua plaga contingit Armenios et Niphaten et in Asia sitos Albanos, mare rubrum et Scenitas Arabas, quos Saracenos posteritas appellavit: Mesopotamiam sub axe meridiali despectat: orienti a fronte contrarius ad Gangen extenditur flumen, quod Indorum intersecans terras in pelagus eiectatur australe.

14. Sunt autem in omni Perside hae regiones maximae, quas Vitaxae id est magistri equitum curant, et reges et satrapae – nam minores plurimas recensere difficile est et superfluvm Assyria, Susiana, Media, Persis, Parthia, Carmania maior, Hyrcania, Margiana, Bactriani, Sogdiani, Sacae, Scythia infra Imaum et ultra eundem montem, Serica, Aria, Paropanisadae, Drangiana, Arachosia et Gedrosia.

15. Citra omnes provincias est nobilis Assyria celebritate et magnitudine et multiformi feracitate ditissima. quae per populos pagosque amplos diffusa quondam et copiosa, ad unum concessit vocabulum et nunc omnis appellatur Assyria, ubi inter bacarum vulgariumque abundantiam frugum bitumen nascitur prope lacum nomine Sosingiten, cuius alveo Tigris voratus fluensque subterraneus percursis spatiis longis emergit.

16. hic et naphtha gignitur picea specie glutinosa, similis ipsa quoque bitumini, cui etiam si avicula insederit brevis, praepedito volatu submersa penitus evanescit. et cum hoc liquoris ardere coeperit genus, nullum inveniet humana mens praeter pulverem extinguendi commentum.

17. In his pagis hiatus quoque conspicitur terrae, unde halitus letalis exsurgens quodcumque animal proxime steterit odore gravi consumit. quae lues oriens a profundo quodam puteo, cum os eius excesserit latum, antequam sublimius vagaretur, terras circumsitas inhabitabiles acerbitate fecisset.

18. cuius simile foramen apud Hierapolim Phrygiae antehac, ut adserunt aliqui, videbatur. unde emergens itidem noxius spiritus perseveranti odore quicquid prope venerat conrumpebat absque spadonibus solis, quod qua causa eveniat, rationibus physicis permittatur.

19. apud Asbamaei quoque Iovis templum in Cappadocia, ubi amplissimus ille philosophus Apollonius traditur natus prope oppidum Tyana, stagno effluens fons cernitur, qui magnitudine aquarum inflatus seseque resorbens numquam extra margines intumescit.

20. Intra hunc circuitum Adiabena est, Assyria priscis temporibus vocitata longaque adsuetudine ad hoc translata vocabulum ea re quod inter Onam et Tigridem sita navigeros fluvios adiri vado numquam potuit: transire enim diabainein dicimus Graeci.

21. et veteres quidem hoc arbitrantur. nos autem id dicimus quod in his terris amnes sunt duo perpetui, quos ipsi transivimus, Diabas et Adiabas iunctis navalibus pontibus, ideoque intellegi Adiabenam cognominatam ut a fluminibus maximis Aegyptos Homero auctore et India et Euphratensis ante hoc Commagena, itidemque Hiberia ex Hibero, nunc Hispania, et a Baeti amne insigni provincia Baetica.

22. In hac Adiabena Ninus est civitas, quae olim Persidis regna possederat, nomen Nini potentissimi quondam regis Samiramidis mariti declarans, et Ecbatana et Arbela et Gaugamela, ubi Dareum Alexander post discrimina varia proeliorum incitato Marte prostravit.

23. In omni autem Assyria multae sunt urbes. inter quas Apamia eminet Mesene cognominata et Teredon et Apollonia et Vologessia hisque similes multae. splendidissimae vero et pervulgatae hae solae sunt tres: Babylon cuius moenia bitumine Samiramis struxit – arcem enim antiquissimus rex condidit Belus – et Ctesiphon quam Vardanes temporibus priscis instituit, posteaque rex Pacorus incolarum viribus amplificatam et moenibus Graeco indito nomine, Persidis effecit specimen summum. post hanc Seleucia ambitiosum opus Nicatoris Seleuci.

24. qua per duces Veri Caesaris, ut ante rettulimus, expulsata, avulsum sedibus simulacrum Comei Apollinis perlatumque Romam in aede Apollinis Palatini deorum antistites collocarunt. fertur autem quod post direptum hoc idem figmentum incensa civitate milites fanum scrutantes invenere foramen angustum, quo reserato, ut pretiosum aliquid invenirent, ex adyto quodam concluso a Chaldaeorum arcanis labes primordialis exiluit, quae insanabilium vi concepta morborum eiusdem Veri Marcique Antonini temporibus ab ipsis Persarum finibus ad usque Rhenum et Gallias cuncta contagiis polluebat et mortibus.

25. Hic prope Chaldaeorum est regio altrix philosophiae veteris, ut memorant ipsi, apud quos veridica vaticinandi fides eluxit. perfluvnt autem has easdem terras potiores ante alios amnes hi, quos praediximus, et Marses et Flumen regium et Euphrates cunctis excellens. qui tripertitus navigabilis per omnes est rivos, insulasque circumfluens, et arva cultorum industria diligentius rigans vomeri et gignendis arbustis habilia facit.

26. His tractibus Susiani iunguntur, apud quos non multa sunt oppida. inter alia tamen eminet Susa saepe domicilium regum, et Arsiana et Sele et Aracha. cetera brevia sunt et obscura. fluvii vero multi per haec loca discurrunt, quibus praestant Oroates et Harax et Mosaeus, per harenosas angustias, quae a rubro prohibent Caspium mare, aequoream multitudinem inundantes.

27. At in laeva Media confinis Hyrcano panditur mari: quam ante regnum

Cyri superioris et incrementa Persidos legimus Asiae reginam totius Assyriis domitis, quorum plurimos pagos in Atropatenae vocabulum permutatos belli iure possedit.

28. pugnatrix natio et formidanda post Parthos, quibus vincitur solis, regiones inhabitans ad speciem quadratae figurae formatas. harum terrarum incolae omnes ad latitudinem nimiam extenduntur, eisque maximae celsitudines imminent montium, quos Zagrum et Orontem et Iasonium vocant.

29. Coroni quoque montis altissimi partem habitantes occiduam frumentariis agris adfluvnt et vinariis, pingui fecunditate laetissimi et fluminibus fontiumque venis liquidis locupletes.

30. edunt apud eos prata virentia fetus equorum nobilium, quibus, ut scriptores antiqui docent nosque vidimus, ineuntes proelia viri summates vehi exultantes solent, quos Nesaeos appellant.

31. abundat aeque civitatibus ditibus Media et vicis in modum oppidorum exstructis et multitudine incolarum. utque absolute dicatur, uberrimum est habitaculum regum.

32. In his tractibus Magorum agri sunt fertiles, super quorum secta studiisque, quoniam huc incidimus, pauca conveniet expediri. magiam opinionum insignium auctor amplissimus Plato machagistiam esse verbo mystico docet, divinorum incorruptissimum cultum, cuius scientiae saeculis priscis multa ex Chaldaeorum arcanis Bactrianus addidit Zoroastres, deinde Hystaspes rex prudentissimus Darei pater.

33. qui cum superioris Indiae secreta fidentius penetraret, ad nemorosam quandam venerat solitudinem, cuius tranquillis silentiis praecelsa Brachmanorum ingenia potiuntur, eorumque monitu rationes mundani motus et siderum purosque sacrorum ritus quantum colligere potuit eruditus, ex his, quae didicit, aliqua sensibus magorum infudit, quae illi cum disciplinis praesentiendi futura per suam quisque progeniem posteris aetatibus tradunt.

34. ex eo per saecula multa ad praesens una eademque prosapia multitudo creata deorum cultibus dedicatur. feruntque, si iustum est credi, etiam ignem caelitus lapsum apud se sempiternis foculis custodiri, cuius portionem exiguam ut faustam praeisse quondam Asiaticis regibus dicunt.

35. huius originis apud veteres numerus erat exilis eiusque ministeriis Persicae potestates in faciendis rebus divinis sollemniter utebantur. eratque piaculum aras adire vel hostiam contrectare antequam magus conceptis precationibus libamenta diffunderet praecursoria. verum aucti paulatim in amplitudinem gentis solidae concesserunt et nomen villasque inhabitantes nulla murorum firmitudine conmunitas et legibus suis uti permissi religionis respectu sunt honorati.

36. ex hoc magorum semine septem post mortem Cambysis regnum inisse Persidos antiqui memorant libri docentes eos Darei factione oppressos, imperitandi initium equino hinnitu sortiti.

37. In hac regione oleum conficitur Medicum, quo inlitum telum, si emissum lentius laxiore arcu – nam ictu extinguitur rapido – haeserit usquam, tenaciter cremat, et si aqua voluerit abluere quisquam, aestus excitat acriores incendiorum, nec remedio ullo quam iactu pulveris consopitur.

38. paratur autem hoc modo. oleum usus communis herba quadam infectum condiunt harum rerum periti ad diuturnitatem servantes et coalescens durant ex materia venae naturalis similis oleo crassiori: quae species gignitur apud Persas, quam ut diximus, naphtam vocabulo appellavere gentili.

39. Per haec loca civitates dispersae sunt plures, quis omnibus praestant

Zombis et Patigran et Gazaca. inter quas opibus et magnitudine moenium conspicuae sunt Heraclia et Arsacia et Europos et Cyropolis et Ecbatana sub Iasonio monte in terris sitae Syromedorum.

40. amnes has regiones praetereunt multi, quorum maximi sunt Choaspes et Gyndes et Amardus et Charinda et Cambyses et Cyrus, cui magno et specioso Cyrus ille superior rex amabilis abolito vetere id vocabulum dedit cum ereptum ire regna Scythica festinaret, quod et fortis est, ut ipse etiam ferebatur, et vias sibi ut ille impetu ingenti molitus in Caspium delabitur mare.

41. Per tractus meridianos expansa post haec confinia litoribus proxima Persis habitatur antiqua, minutis frugibus dives et palmite aquarumque copia iucundissima. amnes quippe multi per eam ante dictum influvnt sinum, quorum maximi sunt Batradites et Rogomanius et Brisoana atque Bagrada.

42. oppida vero mediterranea sunt ampliora – incertum enim, qua ratione per oras maritimas nihil condiderunt insigne – inter quae Persepolis est clara et Ardea et Obroatis atque Tragonice. insulae vero visuntur ibi tres tantum Tabiana et Fara et Alexandria.

43. His propinquant Parthi siti sub aquilone colentes nivales terras et pruinosas, quorum regiones Choatres fluvius interscindit ceteris abundantior: et haec potiora residuis sunt oppida Oenunia, Moesia, Charax, Apamia, Artacana et Hecatompylos, a cuius finibus per Caspia litora ad usque portarum angustias stadia quadraginta numerantur et mille.

44. feri sunt illic habitatores pagorum omnium atque pugnaces eosque ita certamina iuvant et bella, ut iudicetur inter alios omnes beatus, qui in proelio profuderit animam. excedentes enim e vita morte fortuita conviciis insectantur ut degeneres et ignavos.

45. Quibus ab orientali australique plaga Arabes beati conterminant, ideo sic appellati quod frugibus iuxta et fetibus et palmite odorumque suavitate multiplici sunt locupletes, magnaeque eorum partes mare rubrum a latere dextro contingunt, laeva Persico mari conlimitant, elementi utriusque potiri bonis omnibus adsueti.

46. ubi et stationes et portus tranquilli sunt plures et emporia densa et diversoria regum ambitiosa nimium et decora, aquarumque suapte natura calentium saluberrimi fontes et rivorum fluminumque multitudo perspicua, sospitalisque temperies caeli, ut recte spectantibus nihil eis videatur ad felicitatem deesse supremam.

47. ac licet abundet urbibus mediterraneis atque maritimis, campisque copiosis et vallibus, has tamen civitates habet eximias Geapolim et Nascon et Baraba itidemque Nagara et Maepham et Tapphara et Dioscurida. insulas autem conplures habet per utrumque proximas mare, quas dinumerare non refert. insignior tamen aliis Turgana est, in qua Serapidis maximum esse dicitur templum.

48. Post huius terminos gentis Carmania maior verticibus celsis erigitur ad usque Indicum pertinens mare, fructuariis arboreisque fetibus culta sed obscurior Arabum terris multo et minor. fluminibus tamen ipsa quoque non minus abundans caespiteque ubere iuxta fecunda.

49. amnes autem sunt hic ceteris notiores Sagareus et Saganis et Hydriacus. sunt etiam civitates licet numero paucae victu tamen et cultu perquam copiosae, inter quas nitet Carmana omnium mater et Portospana et Alexandria et Hermupolis.

50. Interius vero pergenti occurrunt Hyrcani, quos eiusdem nominis adluit mare. apud quos, glebae macie internecante sementes, ruris colendi cura est levior, sed vescuntur venatibus, quorum varietate inmane quantum

exuberant. ubi etiam tigridum milia multa cernuntur feraeque bestiae plures, quae cuiusmodi solent capi commentis dudum nos meminimus rettulisse.

51. nec ideo tamen stivam ignorant, sed seminibus teguntur aliquae partes ubi solum est pinguius, nec arbusta desunt in locis habilibus ad plantandum et marinis mercibus plerique sustentantur.

52. hic amnes duo pervulgati sunt nominis Oxus et Maxera, quos urgente inedia superantes natatu aliquotiens tigris improvisae finitima populantur. habent etiam civitates inter minora municipia validas duas quidem maritimas Socanda et Saramanna, mediterraneas alias Asmurnam et Salen et his nobiliorem Hyrcanam.

53. Contra hanc gentem sub aquilone dicuntur Abii versari genus piissimum, calcare cuncta mortalia consuetum, quos, ut Homerus fabulosius canit, Iuppiter ab Idaeis montibus contuetur.

54. Sedes vicinas post Hyrcanos sortiti sunt Margiani, omnes paene collibus altis undique circumsaepti, ideo a mari discreti. et quamquam pleraque sunt ibi deserta soli aquarum penuria, quaedam tamen habent oppida; sed Iasonion et Antiochia et Nigaea sunt aliis notiora.

55. Proximos his limites possident Bactriani, natio antehac bellatrix et potentissima Persisque semper infesta antequam circumsitos populos omnes ad dicionem gentilitatemque traheret nominis sui, quam rexere veteribus saeculis etiam Arsaci formidabiles reges.

56. eius pleraeque partes ita ut Margiana procul a litoribus sunt disparatae, sed humi gignentium fertiles, et pecus, quod illic per campestria loca vescitur et montana, membris est magis conpactis et validis, ut indicio sunt cameli a Mithridate exinde perducti et primitus in obsidione Cyzicena visi Romanis.

57. gentes isdem Bactrianis oboediunt plures, quas exsuperant Tochari, et ad Italiae speciem crebris fluminibus inundantur. e quibus Artamis et Zariaspes ante sibi consociati itidemque Ochus et Dargomanes iuncti convenis aquis augent inmania Oxi fluenta.

58. sunt et hic civitates, quas amnes diversi perstringunt, his cedentes ut melioribus, Chatracharta et Alicodra et Astacana et Menapia et Bactra ipsa, unde regnum et vocabulum nationis est institutum.

59.... sub imis montium pedibus, quos appellant Sogdios, inter quos amnes duo fluvnt navium capacissimi Araxates et Dymas, qui per iuga vallesque praecipites in campestrem planitiem fluvii decurrentes Oxiam nomine paludem efficiunt late longeque diffusam. hic inter alia oppida celebrantur Alexandria et Cyreschata et Drepsa metropolis.

60. His contigui sunt Sacae natio fera, squalentia incolens loca soli pecori fructuosa, ideo nec civitatibus culta. cui Ascanimia mons inminet et Comedus. praeter quorum radices et vicum, quem Lithinon pyrgon appellant, iter longissimum patet mercatoribus pervium ad Seras subinde commeantibus.

61. Circa defectus et crepidines montium, quos Imavos et Apurios vocant, Scythae sunt intra Persicos fines Asianis contermini Sarmatis Halanorumque latus tangentes extremum. qui velut agentes quodam secessu coalitique solitudine per intervalla dispersi sunt longa adsueti victu vili et paupertino.

62. et gentes quidem variae hos incolunt tractus, quas nunc recensere alio properans superfluvm puto. illud tamen sciendum est inter has nationes paene ob asperitatem nimiam inaccessas homines esse quosdam mites et pios ut Iaxartae sunt et Galactophagi, quorum meminit vates Homerus in hoc versu glaktophagon Abion te dikaiotaton anthropon.

63. inter flumina vero multa, quae per has terras vel potioribus iungit

natura vel lapsu post trahit in mare, Rhymmus celebris est et Iaxartes, et Daicus. civitates autem non nisi tres solas habere noscuntur Aspabota et Chauriana et Saga.

64. Vltra haec utriusque Scythiae loca contra orientalem plagam in orbis speciem consertae celsorum aggerum summitates ambiunt Seras ubertate regionum et amplitudine circumspectos, ab occidentali latere Scythis adnexos, a septentrione et orientali nivosae solitudini cohaerentes: qua meridiem spectant ad usque Indiam porrectos et Gangen. appellantur autem ibidem montes Anniba et Auzacium et Asmira et Emodon et Oporocorra.

65. hanc itaque planitiem undique prona declivitate praeruptam terrasque lato situ distentas duo famosi nominis flumina Oechardes et Bautis lentiore meatu percurrunt. et dispar est tractuum diversorum ingenium: hic patulum, alibi molli devexitate subductum, ideoque satietate frugum et pecoribus et arbustis exuberat.

66. incolunt autem fecundissimam glebam variae gentes, e quibus Anthropophagi et Annibi et Sizyges et Chardi aquilonibus obiecti sunt et pruinis. exortum vero solis suspiciunt Rabannae et Asmirae et Essedones omnium splendidissimi, quibus Athagurae ab occidentali parte cohaerent et Aspacarae: Baetae vero australi celsitudine montium inclinati. urbibus licet non multis, magnis tamen celebrantur et opulentis, inter quas maximae Asmira et Essedon et Aspacara et Sera nitidae sunt et notissimae.

67. agunt autem ipsi quietius Seres, armorum semper et proeliorum expertes, utque hominibus sedatis et placidis otium est voluptabile, nulli finitimorum molesti. caeli apud eos iucunda salubrisque temperies, aeris facies munda leniumque ventorum commodissimus flatus et abunde silvae sublucidae, a quibus arborum fetus aquarum asperginibus crebris velut quaedam vellera molientes ex lanugine et liquore mixtam subtilitatem tenerrimam pectunt, nentesque subtegmina conficiunt sericum ad usus antehac nobilium, nunc etiam infimorum sine ulla discretione proficiens.

68. ipsi praeter alios frugalissimi pacatioris vitae cultores vitantes reliquorum mortalium coetus. cumque ad coemenda fila vel quaedam alia fluvium transierint advenae, nulla sermonum vice propositarum rerum pretia solis oculis aestimantur, et ita sunt abstinentes ut apud se tradentes gignentia nihil ipsi comparent adventicium.

69. Ariani vivunt post Seras, Boreae obnoxii flatibus, quorum terras amnis vehendis sufficiens navibus Arias perfluit nomine, faciens lacum ingentem eodem vocabulo dictitatum. abundat autem haec eadem Aria oppidis, inter quae sunt celebria Vitaxa Sarmatina et Sotira et Nisibis et Alexandria, unde naviganti ad Caspium mare quingenta stadia numerantur et mille.

70. His locis Paropanisadae sunt proximi, Indos ab oriente Caucasumque ab occidentali latere prospectantes, ipsi quoque montium defectibus inclinati, quos residuis omnibus maior Ortogordomaris interluit fluvius a Bactrianis exsurgens. habent autem etiam civitates aliquas, quibus clariores sunt Agazaca et Naulibus et Ortospana, unde litorea navigatio ad usque Mediae fines, portis proximos Caspiis stadiorum sunt duo milia et ducenta.

71. Ante dictis continui sunt Drangiani collibus cohaerentes, ... Arabium nomine ideo adpellatum quod inde exoritur, interque alia duobus municipiis exultantes Prophthasia et Ariaspe ut opulentis et claris.

72. Post quos exadversum Arachosia visitur, dextrum vergens in latus Indis obiecta, quam ab Indo fluviorum maximo, unde regiones cognominatae sunt, amnis multo minor exoriens aquarum adluit amplitudine efficitque paludem Arachotoscrenem appellatam. hic quoque civitates sunt inter alias

viles Alexandria et Arbaca et Choaspa.

73. At in penitissima parte Persidos Gedrosia est, dextra terminos contingens Indorum, inter minores alios Arabio uberior flumine, ubi montes deficiunt Arbitani, quorum ex pedibus imis emergentes alii fluvii Indo miscentur, amittentes nomina magnitudine potioris. civitates autem etiam hic sunt praeter insulas Sedratira et Gynaecon limen meliores residuis aestimantur.

74. Ne igitur orae maritimae spatia adluentia Persidis extremitates per minutias demonstrantes a proposito longius aberremus, id sufficiet dici, quod mare praetentum a Caspiis montibus per borium latus ad usque memoratas angustias novem milium stadiorum, australe vero ab ostiis Nili fluminis ad usque principia Carmanorum quattuordecim milium stadiorum numero definitur.

75. Per has nationes dissonas et multiplices hominum quoque diversitates sunt ut locorum. sed ut generaliter corpora describamus et mores graciles paene sunt omnes, subnigri vel livido colore pallentes, caprinis oculis torvi et superciliis in semiorbium speciem curvatis iunctisque, non indecoribus barbis capillisque promissis hirsuti, omnes tamen promiscue vel inter epulas festosque dies gladiis cincti cernuntur. quem Graecorum veterum morem abiecisse primos Athenienses Thucydides est auctor amplissimus.

76. effusius plerique soluti in venerem aegreque contenti multitudine pelicum, puerilium stuprorum expertes, pro opibus quisque adsciscens matrimonia plura vel pauca. unde apud eos per libidines varias caritas dispersa torpescit. munditias conviviorum et luxum maximeque potandi aviditatem vitantes ut luem.

77. nec apud eos extra regales mensas hora est praestituta prandendi, sed venter uni cuique velut solarium est, eoque monente quod inciderit editur, nec quisquam post satietatem superfluos sibi ingerit cibos.

78. inmane quantum restricti et cauti, ut inter hostiles hortos gradientes non numquam et vineta, nec cupiant aliquid nec contingant venenorum et secretarum artium metu.

79. super his nec stando mingens nec ad requisita naturae secedens facile visitur Persa: ita observantius haec aliaque pudenda declinant.

80. adeo autem dissoluti sunt et artuum laxitate vagoque incessu se iactitantes ut effeminatos existimes, cum sint acerrimi bellatores, sed magis artifices quam fortes eminusque terribiles, abundantes inanibus verbis insanumque loquentes et ferum, magnidici et graves ac taetri, minaces iuxta in adversis rebus et prosperis, callidi superbi crudeles, vitae necisque potestatem in servos et plebeios vindicantes obscuros: cutes vivis hominibus detrahunt particulatim vel solidas, nec ministranti apud eos famulo mensaeque adstanti hiscere vel loqui licet vel spuere: ita prostratis pellibus labra omnium vinciuntur.

81. leges apud eos inpendio formidatae, inter quas diritate exsuperant latae contra ingratos et desertores, et abominandae aliae, per quas ob noxam unius omnis propinquitas perit.

82. ad iudicandum autem usu rerum spectati destinantur et integri, parum alienis consiliis indigentes, unde nostram consuetudinem rident, quae interdum facundos iurisque publici peritissimos post indoctorum conlocat terga. nam quod supersidere corio damnati ob iniquitatem iudicis iudex alius cogebatur, aut finxit vetustas aut olim recepta consuetudo cessavit.

83. militari cultu ac disciplina proludiisque continuis rei castrensis et armaturae, quam saepe formavimus metuendi vel exercitibus maximis,

equitatus virtute confisi, ubi desudat nobilitas omnis et splendor. pedites enim in speciem mirmillonum contecti iussa faciunt ut calones. sequiturque semper haec turba tamquam addicta perenni servitio nec stipendiis aliquando fulta nec donis. et gentes plurimas praeter eas quas abunde perdomuit, sub iugum haec natio miserat ita audax et ad pulveres Martios erudita, ni bellis civilibus externisque adsidue vexarentur.

84. indumentis plerique eorum ita operiuntur lumine colorum fulgentibus vario ut, licet sinus lateraque dissuta relinquant flatibus agitari ventorum, inter calceos tamen et verticem nihil videatur intectum. armillis uti monilibusque aureis et gemmis, praecipue margaritis quibus abundant, adsuefacti post Lydiam victam et Croesum.

85. Restat ut super ortu lapidis huius pauca succinctius explicentur. apud Indos et Persas margaritae reperiuntur in testis marinis robustis et candidis permixtione roris anni tempore praestituto conceptae. cupientes enim velut coitum quendam humores ex lunari aspergine capiunt densius oscitando. exindeque gravidulae edunt minutas binas aut ternas vel uniones ideo sic appellatas quod evisceratae conchulae singulas aliquotiens pariunt sed maiores.

86. idque indicium est aetheria potius derivatione, quam saginis pelagi hos oriri fetus vesci, quod guttae matutini roris isdem infusae claros efficiunt lapillos et teretes, vespertini vero flexuosos contra et rutilos et maculosos interdum. minima autem vel magna pro qualitate haustuum figurantur casibus variatis. conclusae vero saepissime metu fulgurum inanescunt aut debilia pariunt aut certe vitiis diffluvnt abortivis.

87. capturas autem difficiles et periculosas et amplitudines pretiorum illa efficit ratio quod frequentari sueta litora propter piscantium insidias declinantes, ut quidam coniciunt, circa devios scopulos et marinorum canum receptacula delitescunt.

88. quod genus gemmae etiam in Brittannici secessibus maris gigni legique licet dignitate dispari non ignoramus.

LIBER XXIV

I

1. Post exploratam alacritatem exercitus, uno parique ardore inpetrabilem principem superari non posse, deum usitato clamore testati, Iulianus summae rei finem inponendum maturius credens, extracta quiete nocturna itinerarium sonare lituos iubet, praestructisque omnibus, quae difficultates arduae belli poscebant, candente iam luce Assyrios fines ingressus celso praeter alios spiritu obequitans ordinibus aemulatione sui cunctos ad officia fortitudinis incendebat.

2. utque ductor usu et docilitate firmatus metuens, ne per locorum insolentiam insidiis caperetur occultis, agminibus incedere quadratis exorsus est. excursatores quidem quingentos et mille sensim praeire disposuit, qui cautius gradientes ex utroque latere itidemque a fronte, nequis repentinus inrueret, prospectabant. ipse vero medios pedites regens, quod erat totius roboris firmamentum, dextra legiones aliquas cum Nevitta supercilia fluminis praestringere iussit Euphratis. cornu vero laevum cum equitum copiis Arintheo tradidit et Ormizdae ducendum confertius per plana camporum et

mollia. agmina vero postrema Dagalaifus cogebat et Victor, ultimusque omnium Osdruenae dux Secundinus.

3. deinde ut hostibus, si erupissent usquam, vel conspicantibus procul timorem multitudinis maioris incuteret, laxatis cuneis iumenta dilatavit et homines, ut decimo paene lapide postremi dispararentur a signiferis primis, quod arte mira saepe fecisse Pyrrhus ille rex dicitur Epirotes, oportunis in locis castra metandi armorumque speciem diffundendi ex industria vel attenuandi perquam scientissimus, ut ubi usu venisset plures aestimarentur aut pauci.

4. Sarcinas vero et calones et apparationem inbellem inpedimentorumque genus omne inter utrumque latus instituit procedentium ordinatim, nequa vi subita raperentur, ut saepe contigit, inprotecta. classis autem licet per flumen ferebatur adsiduis flexibus tortuosum, nec residere nec praecurrere sinebatur.

5. Emenso itaque itinere bidui prope civitatem venimus Duram desertam, marginibus amnis inpositam. in quo loco greges cervorum plures inventi sunt, quorum alii confixi missilibus, alii ponderibus elisi remorum ad satietatem omnes paverunt; pars maxima natatu adsueta veloci alveo penetrato incohibili cursu evasit ad solitudines notas.

6. Exin dierum quattuor itinere levi peracto vespera incedente cum expeditis mille inpositis navibus Lucillianus comes imperio principis mittitur Anathan munimentum expugnaturus, quod ut pleraque alia circumluitur fluentis Euphratis. et navibus, ut praeceptum est, per oportuna dispersis obsidebatur insula, nebulosa nocte obumbrante impetum clandestinum.

7. sed postquam advenit lux certa, aquatum quidam egressus visis subito hostibus ululabili clamore sublato excitos tumultuosis vocibus propugnatores armavit. et mox a specula quadam altissima explorato situ castrorum, quam ocissime cum duarum praesidio navium amnem supermeat imperator, pone sequentibus navigiis multis, quae obsidionales machinas advehebant.

8. iamque muris propinquans cum non absque discriminibus multis consideraret esse certandums sermone cum leni tum aspero et minaci hortabatur ad deditionem defensores, qui ad conloquium petito Ormizda promissi, eius et iuramentis inlecti multa sibi de lenitudine Romana spondebant.

9. denique prae se bovem coronatum agentes, quod est apud eos susceptae pacis indicium, descendere suppliciter, et statim munimento omni incenso Pusaeus eius praefectus, dux Aegypti postea, honore tribunatus adfectus est. reliqui vero cum caritatibus suis et supellectile humaniore cultu ad Syriacam civitatem Chalcida transmissi sunt.

10. inter hos miles quidam, cum Maximianus perrupisset quondam Persicos fines in his locis aeger relictus, prima etiam tum lanugine iuvenis, ut aiebat, uxores sortitus gentis ritu conplures cum numerosa subole tunc senex incurvus exultans proditionisque auctor ducebatur ad nostra testibus adfirmans et praescisse se olim et praedixisse, quod centenario iam contiguus sepelietur in solo Romano. post quae Saraceni procursatores quosdam partis hostium obtulere laetissimo principi et munerati ad agenda similia sunt remissi.

11. Acciderat aliud postridie dirum. ventorum enim turbo exortus pluresque vertigines concitans ita confuderat omnia tecta, ut tabernacula multa conscinderentur et supini plerique milites sternerentur vel proni, spiritu stabilitatem vestigii subvertente. nec minus eodem die aliud periculosum evenit. amne enim repente extra margines evagato mersae sunt quaedam frumentariae naves cataractis avulsis, ad defundendas reprimendasque aquas

rigare suetas opere saxeo structis: quod utrum per insidias an magnitudine acciderit fluentorum sciri non potuit.

12. Post perruptam incensamque urbem omnium primam et captivos transmissos certiore iam spe provectus exercitus ad fiduciam elatis vocibus in favores principis consurgebat, adfore sibi etiam deinde caelestem existimans curam.

13. Et quia per regiones ignotas de obscuris erat suspectior cura, astus gentis et ludificandi varietas timebatur. ideoque imperator nunc antesignanus, nunc agminibus cogendis insistens cum expeditis velitibus, nequid lateret abstrusum, frutecta squalida vallesque scrutabatur, licentiores militum per longinqua discursus adfabilitate nativa prohibendo vel minis.

14 . hostiles tamen agros omni frugum genere divites cum segetibus et tuguriis inflammari permisit ita demum cum usui necessaria abunde sibi quisque collegisset, et hoc modo sauciabatur salus hostium nesciorum.

15. bellatores enim libenter quaesitis dextris propriis utebantur, alia virtutis suae horrea repperisse existimantes, et laeti quod vitae quoque subsidiis adfluentes alimenta servabant quae navigiis vehebantur.

16. hic vino gravis quidam temerarius miles ad ulteriorem ripam nullo urgente transgressus in conspectu nostro ab hostibus captus occisus est.

II

1. Quibus tali casu patratis ad castra pervenimus nomine Thilutha in medio fluminis sita, locum inmenso quodam vertice tumescentem et potestate naturae velut manu circumsaeptum humana, cuius ad deditionem incolae temptati mollius, ut decebat, quoniam asperitas edita vim superabat armorum, intempestivam tunc defectionem esse firmabant. sed hactenus responderunt, quod cum interiora occupaverint protinus gradientes Romani, se quoque utpote regnorum sequelas victoribus accessuros.

2. et post haec praetermeantes moenia ipsa naves nostras verecunda quiete spectabant inmobiles. quo transito cum ad munimentum aliud Achaiachalam nomine venissemus fluminis circumitione vallatum arduumque transcensu, refutati pari responso discessimus. alia postridie castra ob muros invalidos derelicta praetereuntur incensa.

3. postera igitur et insequenti die stadiis ducentis emensis ventum est ad locum Baraxmalcha. unde amne transito miliario septimo disparata Diacira invaditur civitas habitatoribus vacua, frumento et salibus nitidis plena, in qua templum alti culminis arci vidimus superpositum, qua incensa caesisque mulieribus paucis, quae repertae sunt, traiecto fonte scatenti bitumine Ozogardana occupavimus oppidum, quod formidine advenientis exercitus itidem deseruere cultores. in quo principis Traiani tribunal ostendebatur.

4. hac quoque exusta, biduo ad refectio nem corporum dato prope extremum noctis, quae secundum diem secuta est, Surena post regem apud Persas promeritae dignitatis, et Malechus Podosacis nomine, phylarchus Saracenorum Assanitarum, famosi nominis latro, omni saevitia per nostros limites diu grassatus, structis Ormizdae insidiis, quem ad speculandum exiturum – incertum unde – praesenserant, ideo sunt temptamento frustrati quod angusta fluminis interluvies et praealta transiri vado non potuit.

5. et primo lucis exordio cum essent hostes iam in contuitu, visi tunc primitus corusci galeis et horrentes indutibus rigidis, milites in procinctum impetu veloci tendentes eos involavere fortissime. et quamvis arcus validis

viribus flecterentur et splendor ferri intermicans Romanorum metum augeret, ira tamen acuente virtutem clipeorum densitate contecti, ne possint emittere coegerunt.

6. animatus his vincendi primitiis miles ad vicum Macepracta pervenit, in quo semiruta murorum vestigia videbantur, qui priscis temporibus in spatia longa protenti tueri ab externis incursibus Assyriam dicebantur.

7. hinc pars fluminis scinditur largis aquarum agminibus ducens ad tractus Babylonios interiores usui agris futura et civitatibus circumiectis, alia Naarmalcha nomine, quod fluvius regum interpretatur, Ctesiphonta praetermeat, cuius in exordio turris in modum Phari celsior surgit.

8. hanc peditatus omnis pontibus caute digestis transivit. equites vero cum iumentis armati clementiores gurgites fluminis obliquati transnarunt, alii multitudine subita petiti telorum hostilium, quos egressi auxiliares ad cursuram levissimi, fugientiumque cervicibus insistentes, laniatu avium prostraverunt.

9. Quo negotio itidem gloriose perfecto ad civitatem Pirisaboram ventum est amplam et populosam, ambitu insulari circumvallatam. cuius obequitans moenia imperator et situm, obsidium omni cautela coeptabat quasi sola formidine oppidanos a propugnandi studio submoturus. quibus per conloquia saepe temptatis cum nec promissis quisquam flecteretur nec minis, suscipitur oppugnandi exordium et armatorum triplici corona circumdatis muris die primo ad usque noctis initium missilibus certabatur.

10. tum defensores animo praestantes et viribus per propugnacula ciliciis undique laxius pansis, quae telorum impetus cohiberent, obtecti scutis vimine firmissimo textis et crudorum tergorum densitate vestitis validissime resistebant, ferrea nimirum facie omni: quia lamminae singulis membrorum lineamentis cohaerenter aptatae fido operimento totam hominis speciem contegebant.

11. et aliquotiens Ormizdae et indigenae et regalis conloquia petentes obnixe propinquantem probris atque conviciis ut male fidum incessebant et desertorem. hac lenta cavillatione diei maxima parte exempta tenebrarum silentio primo multiformes admotae sunt machinae coeptaque altitudo conplanari fossarum.

12. quae vixdum ambigua luce defensores intentius contemplati, eo accedente quod angularem turrim ictus foravit arietis violentior, relictis civitatis duplicibus muris continentem occupant arcem, asperi montis interrupta planitie superpositam, cuius medietas in sublime consurgens tereti ambitu Argolici scuti speciem ostendebat, nisi quod a septemtrione id, quod rotunditati deerat, in Euphratis fluenta proiectae cautes eminentius tuebantur, in qua excellebant minae murorum bitumine et coctilibus laterculis fabricatae, quo aedificii genere nihil esse tutius constat.

13. iamque ferocior miles pervasa urbe, quam viderat vacuam, adversus oppidanos ab arce multimoda tela fundentes acri contentione pugnabat. cum enim idem prohibitores catapultis nostrorum urgerentur atque ballistis, ipsi quoque ex edito arcus erigebant fortiter tensos, quibus panda utrimque surgentia cornua ita lentius flectebantur ut nervi digitorum acti pulsibus violentis harundines ferratas emitterent, quae corporibus inlisae contrariis letaliter figebantur.

14. dimicabatur nihilo minus utrubique saxorum manualium nimbis et neutrubi inclinato momento proelium atrox a lucis ortu ad initium noctis destinatione magna protractum pari sorte diremptum est. proinde die secuto cum certaretur asperrime multique funderentur altrinsecus et aeque vires

gesta librarent, imperator omnes aleae casus inter mutuas clades experiri festinans cuneatim stipatus densetisque clipeis ab ictu sagittarum defensus, veloci saltu comitantibus promptis prope portam venit hostilem crasso ferro crustatam.

15. et licet saxis et glande ceterisque telis cum periculo salutis premeretur, fodicare tamen paratos valvarum latera ut aditum patefacerent, vocibus increpans crebris non ante discessit quam telorum congerie, quae superiaciebantur, se iam cerneret obruendum.

16. evasit cum omnibus tamen, paucis levius vulneratis, ipse innoxius verecundo rubore suffusus. legerat enim Aemilianum Scipionem cum historiarum conditore Polybio Megalopolitano Arcade et triginta militibus portam Carthaginis impetu simili subfodisse. sed fides recepta scriptorum veterum recens factum defendit.

17. Aemilianus enim testudine lapidea tectus successerat portam, sub qua tutus et latens dum moles saxeas detegunt hostes urbem nudatam inrupit, Iulianus vero locum patentem adgressus obumbrata caeli facie fragmentis montium et missilibus aegre repulsus abscessit.

18. His raptim ac tumultuarie agitatis cum operositas vinearum et aggerum inpeditissima a ceteris urgentibus cerneretur, machinam quae cognominatur Helepolis iussit expeditius fabricari, qua ut supra docuimus rex usus Demetrius superatis oppidis pluribus Poliorcetes appellatus est.

19. ad hanc molem ingentem superaturam celsarum turrium minas prohibitores oculorum aciem intentius conferentes itidemque instantiam obsidentium perpensantes subito vertuntur ad preces circumfusique per turres ac moenium minas, et fidem Romanam pansis manibus protestantes vitam cum venia postulabant.

20. cumque cessasse opera et munitores nihil temptare viderent ulterius, quod quietis erat indicium certum, copiam sibi dari conferendi sermonis cum Ormizda poscebant.

21. hocque inpetrato Mamersidis praesidiorum praefectus demissus per funem ductusque ad imperatorem, ut obsecravit, vita cum inpunitate sibi consortibusque suis firmiter pacta, redire permissus est. gestisque nuntiatis plebs omnis utriusque sexus ad sententiam suam cunetis acceptis, pace foederata cum religionum consecrationibus fidis patefactis egreditur portis, salutarem genium adfulsisse sibi clamitans Caesarem magnum et lenem.

22. numerata sunt autem dediticiorum duo milia et quingenti. nam cetera multitudo obsidium ante suspectans navigiis parvis permeato amne discessit. in hac arce armorum alimentorumque copia reperta est maxima, unde necessariis sumptis reliqua cum loco ipso exussere victores.

III

1. Postera die quam haec acta erant, perfertur ad imperatorem cibos per otium capientem nuntius gravis Surenam Persicum ducem procursatorum partis nostrae tres turmas inopinum adgressum paucissimos trucidasse, inter quos strato tribuno unum rapuisse vexillum.

2. statimque concitus ira inmani cum armigera manu festinatione ipsa tutissimus pervolavit et grassatoribus foeda consternatione depulsis residuos duos tribunos sacramento solvit ut desides et ignavos: decem vero milites ex his qui fugerant exauctoratos capitali addixit supplicio secutus veteres leges.

3. Incensa de nique urbe, ut memoratum est, constructo tribunali

insistens actis gratiis, exercitui convocato cunctos ad paria facienda deinceps hortabatur et argenteos nummos centenos viritim pollicitus cum eos parvitate promissi percitos tumultuari sensisset, ad indignationem plenam gravitatis erectus:

4. ɼEnЄ inquit ɼPersae circumfluentes rerum omnium copiis: ditare vos poterit opimitas gentis, si unum spirantibus animis fortiter fecerimus. ex inmensis opibus egentissima est tandem, credite, Romana res publica per eos, qui, ut augerent divitias, docuerunt principes auro quiete a barbaris redempta redire.

5. impetitum aerarium est, urbes exinanitae, populatae provinciae: mihi nec facultates nec propinquitas generis suppetit, quamvis ortus sim nobilis, praeter pectus omni liberum metu: nec pudebit imperatorem cuncta bona in animi cultu ponentem profiteri paupertatem honestam. nam et Fabricii familiari re pauperes rexere bella gravissima, gloria locupletes.

6. haec vobis cuncta poterunt abundare si inperterriti deo meque, quantum humana ratio patitur, caute ductante mitius egeritis : sin resistitis ad seditionum revoluti dedecora pristinarum, pergite.

7. ut imperatorem decet, ego solus confecto tantorum munerum cursu moriar stando contempturus animam quam mihi febricula eripiet una. aut certe discedam, nec enim ita vixi ut non possim aliquando esse privatus. praeque me fero et laetor ductores spectatissimos esse nobiscum perfectos bellicarum omni genere doctrinarumЄ.

8. Hac modesta imperatoris oratione inter secunda et aspera medii miles pro tempore delenitus adsumpta cum meliorum exspectatione fiducia regibilem se fore pollicitus et morigerum, cunctorum adspirante consensu auctoritatem eius sublimitatemque cordis extollebat in caelum, quod cum vere atque ex animo dicitur, solet armorum crepitu leni monstrari.

9. repetitis post haec tentoriis pro copia rei praesentis victu se recreavit et quiete nocturna. animabat autem Iulianus exercitum cum non per caritates, sed per inchoatas negotiorum magnitudines deieraret adsidue: ɼsic sub iugum mitteret Persas, ita quassatum recrearet orbem RomanumЄ: ut Traianus fertur aliquotiens iurando dicta consuesse firmare ɼsic in provinciarum speciem redactam videam Daciam: sic pontibus Histrum et Euphratem superemЄ et similia plurima.

10. Post haec decursis milibus passuum quattuordecim ad locum quendam est ventum arva aquis abundantibus fecundan tem, quo itinere nos ituros Persae praedocti sublatis cataractis undas evagari fusius permiserunt.

11. itaque humo late stagnante altero die militi requie data imperator ipse praegressus constratis ponticulis multis ex utribus et coriaceis navibus itidemque consectis palmarum trabibus exercitum non sine difficultate traduxit.

12. In his regionibus agri sunt plures consiti vineis varioque pomorum genere: ubi oriri arbores adsuetae palmarum per spatia ampla ad usque Mesenen et mare pertinent magnum instar ingentium nemorum. et quaqua incesserit quisquam, termites et spadica cernit adsidua, quorum ex fructu mellis et vini conficitur abundantia, et maritari palmae ipsae dicuntur facileque sexus posse discerni.

13. additur etiam generare feminas seminibus inlitas marium, feruntque eas amore mutuo delectari, hocque inde clarere, quod contra se vicissim nutantes ne turgidis quidem flatibus avertuntur. et si ex more femina maris non inlita fuerit semine, abortus vitio fetus amittit intempestuosos. et siqua femina, cuius arboris amore perculsa sit ignoretur, unguento ipsius inficitur

truncus, et arbor alia naturaliter odoris dulcedinem concipit, hisque indiciis velut coeundi quaedam proditur fides.

14. Qua cibi copia satur exercitus plures praetergressus est insulas et, ubi formidabatur inopia, ibi timor saginae gravis incessit. sagittariorum denique hostilium impetu latenti temptatus neque inultus, prope locum venit ubi pars maior Euphratis in rivos dividitur multifidos.

IV

1. In hoc tractu civitas ob muros humiles ab incolis Iudaeis deserta iratorum manu militum conflagravit. quibus actis pergebat ulterius imperator placida ope numinis, ut arbitrabatur, erectior.

2. cumque Maiozamalcham venisset urbem magnam et validis circumdatam moenibus, tentoriis fixis providit sollicite, ne castra repentino equitatus Persici turbarentur adcursu, cuius fortitudo in locis patentibus inmane quantum gentibus est formidata.

3. et hoc disposito stipatus velitibus paucis ipse quoque pedes civitatis situm diligenti inquisitione exploraturus in perniciosas praecipitatus insidias ex ipso vitae discrimine tandem emersit.

4. namque per latentem oppidi portam Persae decem armati degressi, imaque clivorum pervadentes poplitibus subsidendo, repentino impetu nostros adgressi sunt. e quibus duo conspectiorem habitu principem gladiis petiere districtis, sed occurrit ictibus erectum altius scutum, quo contectus magna elataque fiducia unius lateri ferrum infixit, alterum stipatores multiplicatis ictibus occiderunt. residuis, e quibus vulnerati sunt aliqui, disiectis in fugam spoliatisque ambobus reducens incolumes socios cum exuviis remeavit ad castra omnium laetitia magna susceptus.

5. sustulit in hoste prostrato aureum colli monile Torquatus, fudit confidentissimum Gallum alitis propugnatione Valerius postea cognomento Corvinus, hacque gloria posteritati sunt commendati: non invidemus: accedat hoc quoque monumentis veteribus facinus pulchrum.

6. Constratis postridie pontibus exercituque travecto et metatis alibi salubrius castris vallo duplici circumductis, quoniam ut diximus timebantur solitudines planae, oppidi suscepit obsidium, periculosum fore existimans si gradiens prorsus a tergo relinqueret quos timeret.

7. Haec dum magno molimine conparantur, Surena hostium dux iumenta adortus, quae in lucis palmaribus vescebantur, a cohortibus nostris repulsoriis cum paucorum exitio habitus frustra discessit.

8. et duarum incolae civitatum, quas amnes amplexi faciunt insulas, parva sui fiducia trepidi ad Ctesiphontis moenia se contulerunt, pars per silvarum densa, alii per paludes vicinas alveis arborum cavatarum invecti ad unicum auxilium et potissimum itineris longi, quod supererat, dilabuntur ulteriora petituri terrarum.

9. e quibus resistentes aliquos nostri milites trucidabant, ipsi quoque lintribus et cymbis per varia discurrentes captivos alios subinde perducebant. id enim erat librata ratione dispositum ut, dum copiae pedestres muros oppugnant, equestres turmae divisae per globos abigendis insisterent praedis: hocque proviso nullo provincialium damno miles visceribus hostium pascebatur.

10. Iamque imperator muris duplicibus oppidum ordine circumdatum trino scutorum, spe patrandi incepti maximis viribus oppugnabat. sed ut erat

necessarius adpetitus, ita effectu res difficillima. nam accessus undique rupibus anfractu celsiore discissis flexuosisque excessibus ob periculum anceps adeundi copiam denegabat maxime cum turres crebritate et altitudine formidandae montem saxeum arcis naturaliter editum aequabant et proclivis planicies flumini inminens propugnaculorum firmitate muniebatur.

11 . accedebat his haut levius malum, quod lecta manus et copiosa, quae obsidebatur, nullis ad deditionem inlecebris flectebatur, sed tamquam superatura vel devota cineribus patriae resistebat adversis. iam aegre retentabatur inferens se protervius miles et pugnam vel aequo campo iustoque proelio poscens, cumque receptui caneretur, adsidue animosis hostem urgendi conatibus urebatur.

12. Vicit tamen nostrorum consilium contentionem virium maximam, divisisque operibus officia quisque distributa capessit ocissime. hinc enim ardui suggestus erigebantur, inde fossarum altitudines alii conplanabant, terrarum latibula concava oblongis tramitibus alibi struebantur, locabant etiam artifices tormenta muralia in funestos sonitus proruptura

13. et cuniculos quidem cum vineis Nevitta et Dagalaifus curabant, ineundis autem conflictibus et defendendis ab incendio vel eruptionibus machinis praeerat imperator. Cumque apparatu omni excindendae urbis labore multiplici consummato pugna flagitaretur, Victor nomine dux reversus est ad usque Ctesiphonta itineribus exploratis, nulla obstacula nuntians offendisse.

14. quo efferati gaudio milites omnes elatique firmioribus animis ad certandum signum operiebantur armati.

15. Iamque clangore Martio sonantibus tubis strepebant utrimque partes, et primi Romani hostem undique lamminis ferreis in modum tenuis plumae conseptum fidentemque, quod tela rigentis ferri lapsibus inpacta resiliebant, crebris procursationibus et minaci murmure lacessebant: non numquam compage scutorum, qua velut testudine infigurabilium fornicum operiebantur aptissime, adsiduis motibus laxius dehiscente. contra Persae muris obstinatius adhaerentes, quantum facere nitique poterant, eludere et frustrari exitiales impetus conabantur.

16. verum ubi vimineas crates prae se ferentes oppugnatores iam moenia perurgerent, cum sagittariis funditores, alii quin etiam saxa volventes ingentia cum facibus et malleolis eos longius propulsabant, tum aptatae ligneis sagittis ballistae flexu stridoreque torquebantur, creberrima spicula funditantes, et scorpiones quocumque manus peritae duxissent, rotundos lapides evibrabant.

17. iterum deinde ac saepe geminatis congressibus aestus in meridiem crescens, effervescente vaporatius sole, apparatu operum et studio proeliandi intentos cunctos revocaverat fatigatos et sudore perfusos.

18. Eodem mentis proposito secuto quoque die per varia certaminum genera controversae partes dimicantes instanter aequis manibus et pari fortuna discedunt. verum in omne discrimen armatis proximus princeps civitatis urgebat excidium, ne circa muros diu excubans omitteret maiora quae temptabat.

19. sed in districtis necessitatibus nihil tam leve est, quod non interdum etiam contra sperata rerum adferat momenta magnarum. cum enim ut saepe discessurae partes levius concertarent, abusive incusso ariete, qui paulo ante erat admotus, sternitur residuis omnibus altior turris latere coctili firmissime structa, cuius ruina muri contiguum latus secum inmani fragore protraxit.

20. ibi tum varietate casuum obsidentium labor obsessorumque industria vicissim facinoribus speciosis inclaruit. nihil enim asperum ira et dolore

succenso militi videbatur, nihil munitoribus erat pro salute currentibus metuendum aut dirum. nam cum anceps pugna diutius fervens, sanguine utrimque multis caedibus fuso, diei finisset occasu, tandem fatigationi consulitur.

21. Dumque haec luce agerentur ac palam, nuntiatur imperatori pervigili cura distento, legionarios milites, quibus cuniculorum erant fodinae mandatae, cavatis tramitibus subterraneis sublicibusque suspensis ima penetrasse fundamentorum, iam, si ipse disposuerit, evasuros.

22. cum itaque noctis plerumque processisset, aeneatorum accentu signo dato progrediendi ad pugnam, ad arma concursum est: et consulto murorum invaduntur utrimque frontes, ut, dum propulsaturi pericula defensores ultro citroque discurrunt, nec proxima fodientis audiretur ferri tinnitus nec quoquam intrinsecus obsistente cunicularior um subito manus emergat.

23. quibus ita, ut convenerat, ordinatis et occupatis prohibitoribus patefactisque latebris evolat Exsuperius de Victorum numero miles, post quem Magnus tribunus et Iovianus notarius, quos audax multitudo secuta, his prius confossis, quos in aede, per quam in lucem prodierant, invenerunt, suspensis gradibus procedentes obtruncarunt vigiles omnes, ex usu moris gentici iustitiam felicitatemque regis sui canoris vocibus extollentes.

24. existimabatur Mars ipse – si misceri hominibus numina maiestatis iura permittunt – adfuisse castra Lucanorum invadenti Luscino. hocque ideo creditum est, quod in congressu flagranti scalas vehens visus formidandae vastitatis armatus postridie, cum recenseretur exercitus, praecipuo studio quaesitus reperiri non potuit, cum se ultro offerret, si miles fuisset memorabilis conscius facti. sed ut tunc qui esset pulcri facinoris auctor penitus est ignoratum, ita nunc enituerunt hi, qui fecere fortissime, obsidionalibus coronis donati et pro contione laudati veterum more.

25. Tandem nudata reseratis aditibus multis, lapsura invaditur civitas et sine sexus discrimine vel aetatis quicquid impetus repperit potestas iratorum absumpsit, alii exitii imminentis timore, cum hinc ignis, inde mucrones urgerent, ultimum flentes e muris acti sua sponte praecipites, membrisque omnibus infirmati, vitam morte funestiorem paulisper dum caederentur egerunt.

26. extractus est autem vivus cum satellitibus octoginta Nabdates praesidiorum magister, quem oblatum sibi cum aliis servari iussit intactum serenus imperator et clemens. Divisa itaque perpensis meritis et laboribus praeda ipse, ut erat parvo contentus, mutum puerum oblatum sibi suscepit gesticularium, multa, quae callebat, nutibus venustissimis explicantem, et tris aureos nummos, partae victoriae praemium iucundum ut existimabat et gratum.

27. ex virginibus autem, quae speciosae sunt captae ut in Perside, ubi feminarum pulcritudo excellit, nec contrectare aliquam voluit nec videre, Alexandrum imitatus et Africanum, qui haec declinabant ne frangerentur cupiditate, qui se invictos a laboribus ubique praestiterunt.

28. Inter haec certamina nostrae partis architectus, cuius nomen non suppetit, post machinam scorpionis forte adsistens, reverberato lapide, quem artifex titubanter aptaverat fundae, obliso pectore supinatus profudit animam, disiecta conpage membrorum adeo ut ne signa quidem totius corporis noscerentur.

29. Exin profecto imperatori index nuntiaverat certus circa muros subversi oppidi fallaces foveas et obscuras, quales in tractibus illis sunt plurimae, subsedisse manum insidiatricem latenter, ut inproviso inde exorta

agminis nostri terga feriret extrema.

30. confestimque ad extrahendam eam missi sunt conpertae fortitudinis pedites. qui cum neque pervadere foraminum aditus nec amendatos intus prolicere possent ad decernendum, collectam stipulam et sarmenta specuum faUClbus adgesserunt. unde fumus angustias penetrans ideoque spissior quosdam vitalibus obstructis necavit, alios ignium adflatus immissus prodire in perniciem coegit abruptam, et ita omnibus ferro incendioque consumptis ad signa repedavit ocius miles. hoc modo civitas ampla et populosa virtute roboris excisa Romani in pulverem concidit et ruinas.

31. Post quae tam gloriosa transitis pontibus multorum amnium concursu continvatis, ad munimenta gemina venimus aedificiis cavatis exstructa, ubi Victorem comitem exercitus praevium a transitu fluminis regis filius, progressus a Ctesiphonte cum optimatibus et multitudine armata, prohibere conatus, catervis sequentium militum visis abscessit.

V

1. Pergentes itaque protinus ad lucos venimus agrosque pube variorum seminum laetos, ubi reperta regia Romano more aedificata, quoniam id placuerat, mansit intacta.

2. erat etiam in hac eadem regione extentum spatium et rotundum, loricae ambitu circumclausum, destinatas regiis voluptatibus continens feras, cervicibus iubatis leones armisque hispidos apros et ursos, ut sunt Persici, ultra omnem rabiem saevientes et alia lecta immania corpora bestiarum: quas omnes diffractis portarum obicibus equites nostri venatoriis lanceis et missilium multitudine confoderunt.

3. quae loca pingui situ et cultu, quibus Coche, quam Seleuciam nominant, haut longius disparatur, ubi vallatis opere tumultuario castris, et exercitu omni per aquarum et pabuli oportuna biduo recreato, antegressus cum procursatoribus princeps et civitatem desertam conlustrans, a Severo principe quondam excisam, in qua perpetuus fons stagnum ingens eiectat, in Tigridem defluens, corpora vidit suffixa patibulis multa necessitudinum eius, quem prodidisse civitatem Pirisaboram rettulimus supra.

4. hic et Nabdates vivus exustus est, quem extractum cum octoginta latebris expugnatae docui civitatis, eo quod inter exordia obsidii coepti clam pollicitus prodere, dimicavit acerrime adeptusque veniam insperatam ad id proruperat insolentiae, ut Ormizdam laceraret omnibus probris.

5. Itaque aliquantum progressi tristi percellimur facto. dum enim tres procursatorum cohortes expeditae cum cuneo Persico decertarent, quem patefactis subito portis profuderat civitas, proruptores alii ex contraria fluminis ripa iumenta nos sequentia cum pabulatoribus paucis licenter palantibus intercipiunt et obtruncant.

6. unde profectus imperator iratus et frendens iamque regionibus Ctesiphontis propinquans, celsum castellum offendit et munitissimum, ad quod explorandum ausus accedere obscurior, ut ipse rebatur, cum paucis obequitans muros, pauloque avidius intra ictum telorum repertus, latere non potuit: statimque diversorum missilium nube exagitatus oppetisset tormento murali, ni vulnerato armigero, qui lateri eius haerebat, ipse scutorum densitate contectus, evitato magno discrimine discessisset.

7. Qua causa concitus inmane, munimentum disposuit obsidere, prohibitoribus acriter ad resistendum intentis, quod loco fidebant

propemodum inaccesso, quodque rex cum ambitiosis copiis passibus citis incedens propediem adfore credebatur. iamque vineis et residuis omnibus, quae poscebat obsidium, paratis, vigilia secunda praecipiti, cum nox casu tunc lunari splendore nitens his, qui propugnaculis insistebant, aperte cuncta monstraret, repente in unum pondus coacta multitudo patefactis subito portis erupit, cohortemque nec opinantem adorta nostrorum cecidit conplures, inter quos etiam tribunus peremptus est periculum propulsare conatus.

9. quae dum ita aguntur, pari modo ut antea Persae ex adversa fluminis ripa partem adorti nostrorum, interfectis quibusdam vivos cepere non nullos. et timore simul quia venisse in maiorem numerum copiae putabantur hostiles, egere nostri tunc segnius, sed ubi animis in audaciam restitutis armisque raptis inter tumultum exercitus cantu concitus bucinarum cum minaci murmure festinaret, eruptores perterriti reverterunt intacti.

10. et imperator ira gravi permotus reliquos ex ea cohorte, qui abiecte sustinuerant impetum grassatorum, ad pedestrem conpegit militiam, quae onerosior est, dignitatibus inminutis.

11. flagrans post haec ad eruendum castellum, ubi periclitatus est, operam convertit et curam, nusquam ab antesignanis ipse digrediens, ut inter primos dimicans militi ad fortiter faciendum esset exemplo spectator probatorque gestorum. quo inter discriminum vertices diu multumque versato varietate munitionum atque telorum et conspiratione oppugnatorum idem castellum incenditur captum.

12. post quae consideratis asperitatibus ante gestarum rerum et inpendentium requievit exercitus, labore nimio quassatus, multis victui congruis adfatim distributis. vallum tamen sudibus densis et fossarum altitudine cautius deinde struebatur, cum a vicina iam Ctesiphonte repentini excursus et alia formidarentur occulta.

VI

1. Ventum est hinc ad fossile flumen Naarmalcha nomine, quod amnis regum interpretatur, tunc aridum. id antehac Traianus posteaque Severus egesto solo fodiri in modum canalis amplissimi studio curaverat summo, ut aquis illuc ab Euphrate transfusis naves ad Tigridem conmigrarent.

2. tutissimumque ad omnia visum est eadem loca purgari, quae quondam similia Persae timentes mole saxorum obruere multorum. hacque valle purgata, avulsis cataractis undarum magnitudine classis secura stadiis triginta decursis in alveum eiecta est Tigridis, et contextis ilico pontibus transgressus exercitus iter Cochen versus promovit.

3. utque lassitudini succederet quies oportuna, in agro consedimus opulento, arbustis et vitibus et cupressorum viriditate laetissimo, cuius in medio diversorium opacum est et amoenum, gentiles picturas per omnes aedium parietes ostendens regis bestias venatione multiplici trucidantis; nec enim apud eos pingitur vel fingitur aliud praeter varias caedes et bella.

4. Proinde cunctis ex sententia terminatis Augustus altius iam contra difficultates omnes incedens, tantumque a fortuna sperans nondum adflicta, ut propius temeritatem multa crebro auderet, validiores naves ex his, quae alimenta portabant et machinas, deoneratas octogenis implevit armatis, retentoque secum classis robore firmiore, quam in tres diviserat partes, unam cum Victore comite quiete prima noctis emitti disposuit, ut flumine raptim transmisso ripae occuparentur hostiles.

5. quod cum acri metu territi duces concordi precatu fieri prohibere temptarent, neque destinationem flecterent principis, sublato vexillo, ut iussum est, evolant e conspectu quinque subito naves, sed cum ripas iam adventarent, facibus et omni materia, qua alitur ignis, petitae adsiduis iactibus cum militibus iam conflagrassent, ni veloci vigore pectoris excitus imperator signum sibi datum nostros, quod margines iam tenerent, ut mandatum est, erexisse proclamans, classem omnem properare citis remigiis adegisset.

6 quo facto et naves incolumes sunt receptae et residuus miles quamquam saxis et varietate telorum ex edito vexaretur, post concertationem acerrimam praealtas ripas et arduas supergressus stabat immobilis.

7. et miratur historia Rhodanum arma et loricam retinente Sertorio transnatatum, cum eo momento turbati quidam milites, veritique ne remanerent, post signum erectum, scutis, quae patula sunt et incurva, proni firmius adhaerentes, eaque licet inperite regendo per voraginosum amnem velocitatem comitati sunt navium.

8. Contra haec Persae obiecerunt instructas cataphractorum equitum turmas sic confertas, ut lamminis coaptati corporum flexus splendore praestringerent occursantes obtutus, operimentis scorteis equorum multitudine omni defensa, quorum in subsidiis manipuli locati sunt peditum, contecti scutis oblongis et curvis, quae texta vimine et coriis crudis gestantes densius se commovebant. post hos elephanti gradientium collium specie motuque inmanium corporum propinquantibus exitium intentabant documentis praeteritis formidati.

9. Hinc imperator catervis peditum infirmis medium inter acies spatium secundum Homericam dispositionem praestituit, ne locati priores cedentesque deformiter, cunctos averterent secum, aut postsignani pone omnes reiecti centurias, nullo retinente licentius verterent terga, ipse cum levis armaturae auxiliis per prima postremaque discurrens.

10. Ergo ubi vicissim contiguae se cernerent partes, cristatis galeis corusci Romani vibrantesque clipeos velut pedis anapaesti praecinentibus modulis lenius procedebant, et praepilatis missilibus per procursatores principiis pugnae temptatis excita undique humus rapido turbine portabatur.

11. et cum undique solito more conclamaretur, virorumque alacritatem sonantia classica iam iuvarent, hastis et mucronibus strictis hinc inde comminus pugnabatur: sagittarum periculis miles erat inmunis, quantum interiora festinatius occupabat. inter quae Iulianus pulsos fulcire subsidiis incitareque tardantes quasi conturmalis strenuus properabat et rector.

12. laxata itaque acies prima Persarum leni ante, dein concito gradu calefactis armis retrorsus gradiens propinquam urbem petebat, quam sequebatur miles itidem fessus in campis torridis ad usque diei finem a lucis ortu decernens, eiusque occipitiis pertinacius haerens omnem cum Pigrane et Surena et Narseo potissimis ducibus ad usque Ctesiphontis muros egit praecipitem adversorum feriens suras et terga.

13. perrupissetque civitatis aditus lapsorum agminibus mixtus, ni dux Victor nomine manibus erectis prohibuisset et vocibus, ipse umerum et sagitta praestrictus et timens ne intra moenium ambitus rapidus miles inconsulte repertus nullosque inveniens exitus multitudinis pondere circumveniretur.

14. Sonent Hectoreas poetae veteres pugnas, fortitudinem Thessali ducis extollant, longae loquantur aetates Sophanem et Aminiam et Callimachum et Cynaegirum, Medicorum in Graecia fulmina illa bellorum: non minus illo die quorundam ex nostris inclaruisse virtutem omnium confessione monstratur.

15. Post timorem depositum calcatasque ruinas hostilium corporum, iusto sanguine miles etiam tum cruentus, ad impe ratoris tentoria congregatus laudes ei perhibebat et gratias, quod ignoratus ubique dux esset an miles magis, tum ita rem prospere gesserat ut caesis Persarum plus minusve duobus milibus et quingentis, septuaginta caderent soli nostrorum. qui appellans plerosque nominatim, quos stabili mente aliquid clarum fecisse ipse arbiter perspexit, navalibus donavit coronis et civicis et castrensibus.

17. Abunde ratus post haec prosperitates similis adventare, conplures hostias Marti parabat ultori, et ex tauris pulcherrimis decem ad hoc perductis, nondum aris admoti voluntate sua novem procubuere tristissimi, decimus vero, qui diffractis vinculis lapsus aegre reductus est, mactatus ominosa signa monstravit. quibus visis exclamavit indignatus acriter Iulianus Iovemque testatus est, nulla Marti iam sacra facturum: nec resecravit celeri morte praereptus.

VII

1. Digesto itaque consilio cum primatibus super Ctesiphontis obsidio, itum est in voluntatem quorundam, facinus audax et inportunum esse noscentium id adgredi, quod et civitas situ ipso inexpugnabilis defendebatur et cum metuenda multitudine protinus rex adfore credebatur.

2. vicit sententia melior, cuius utilitate princeps sollertissimus adprobata, Arintheum cum manu peditum expedita ad populandas regiones circumsitas misit, armentis laetas et frugibus, hostes pari persecuturum industria, quos dispalatos nuper densi tramites et latebrae texere notissimae; hinc opulenta ...

3. sed ille avidae semper ad ulteriora cupiditatis, parvi habitis vetantium dictis et increpitis optimatibus, quod ob inertiam otiique desiderium amitti suaderent prope iam parta regna Persidis, flumine laeva relicto, infaustis ductoribus a praeviis, mediterraneas vias arripere citato proposuit gradu.

4. et tamquam funesta face Bellonae subiectis ignibus exuri cunctas iusserat naves

4 praeter minores duodecim, quas profuturas pangendis pontibus disposuit vehi carpentis, idque putabat utiliter ordinasse, ne relicta classis usui hostibus foret, aut certe, ut ab expeditionis primordio factum est, armatorum fere viginti milia in trahendis occuparentur isdem navibus et regendis.

5. Dein cum metuens sibi quisque mussaret monstraretque perspicua veritas, quod repulsus forsitan ariditate vel altitudine montium, ad aquas redire non poterit miles, tortique perfugae aperte faterentur se fefellisse, concursu maximo extingui iussae sunt flammae. et quoniam ignis auctus inmaniter plerasque consumpsit, duodecim tantum modo naves potuerunt intactae servari, quae ut possint custodiri discretae sunt.

6. hoc casu classe cum non oporteret abolita, Iulianus consociato fretus exercitu, cum armatorum nulli per diversa distringerentur, numero potior ad interiora tendebat, alimenta adfatim opulentis suggerentibus locis.

7. Quo cognito hostes, ut inedia nos cruciarent, herbas cum adultis segetibus incenderunt, et conflagratione procedere vetiti stativis castris dum flammae senescerent tenebamur. insultantesque nobis longius Persae nunc de industria se diffundebant, aliquotiens confertius resistentes, ut procul conspicantibus viderentur advenisse iam regis auxilia, ideoque eos aestimaremus erupisse ad audaces excursus et insolita tempta menta.

8. maerebat tamen ob haec imperator et miles, quod nec contabulandi pontis erat facultas amissis navibus temere, nec occurri poterat hostis adventicii motibus, quem adesse coruscus nitor indicabat armorum arte pro singulis membris inflexus. hisque accedebat aliud haut exiguum malum, quod nec adminicula, quae praestolabamur cum Arsace et nostris ducibus, adparebant ob causas inpedita praedictas.

VIII

1. Has ob res ut solaretur anxios milites princeps, captivos graciles suapte natura, ut omnes paene sunt Persae, et macie iam confectos iussit in medium duci, nostrosque respiciens ɼenЄ inquit ɼquos Martia ista pectora viros existimant, deformes inluvie capellas et taetras, utque crebri docuerunt eventus, antequam manus conferant abiectis armis vertentes semet in fugamЄ.

2. quibus dictis remotisque captivis super rerum summa consultabatur. et multis ultro citroque dictitatis cum reverti debere per loca, qua venimus, plebs vociferaretur inprudens, resistebat intentius princeps, multis cum eo nequaquam fieri posse monstrantibus per effusam planitiem pabulo absumpto et frugibus, vicorumque reliquiis exustorum inopia squalentibus ultima: quodque liquentibus iam brumae pruinis omne inmaduerat solum et ruptis riparum terminis aucti inhorruere torrentes.

3. eo etiam ad difficultatem accedente negotii, quod per eas terras vapore sideris calescentes muscarum et culicum multitudine referta sunt omnia, earumque volatu dies et astrorum noctu micantium facies obumbratur.

4. et cum nihil humani proficerent sensus diu fluctuantes et dubii, exstructis aris caesisque hostiis consulta numinum scitabamur, utrum nos per Assyriam reverti censerent, an praeter radices montium lenius gradientes Chiliocomum prope Corduenam sitam ex inproviso vastare: quorum neutrum extis inspectis confore dicebatur.

5. sedit tamen sententia, ut omni spe meliorum succisa Corduenam arriperemus, et sextum decimum Kalendas Iulias promotis iam signis, progresso imperatore cum lucis exordio fumus vel vis quaedam turbinata pulveris apparebat, ut opinari daretur asinorum esse greges agrestium, quorum multitudo in tractibus est illis innumera, ideo simul incedens ut constipatione densa feroces leonum frustrentur adsultus.

6. quidam arbitrabantur Arsacen ac duces adventare iam nostros rumoribus percitos, quod imperator Ctesiphonta magnis viribus oppugnaret, non nulli Persae nobis viantibus incubuisse firmabant.

7. ideo inter haec ita ambigua, nequid adversum accideret revocantibus agmina classicis, in valle graminea prope rivum multiplicato scutorum ordine in orbiculatam figuram metatis tutius quievimus castris. nec enim ad usque vesperam aere concreto discerni potuit quidnam esset, quod diu squalidius videbatur.

LIBER XXV

I

1. Et hanc quidem noctem nullo siderum fulgore splendentem, ut solet in

artis rebus et dubiis, exegimus, nec sedere quoquam auso nec flectere in quietem lumina prae timore. ubi vero primum dies inclaruit, radiantes loricae limbis circumdatae ferreis et corusci thoraces longe prospecti adesse regis copias indicabant.

2. hocque viso accensum properantem congredi militem dirimente fluvio brevi prohibuit imperator, et non procul a vallo ipso inter excursatores nostros et Persicos proelio acri conserto Machameus cecidit ductor unius agminis nostri. cui propugnaturus Maurus frater, dux postea Phoenices, cum germani trucidasset interfectorem, obvium quemque perterrens, infirmatus et ipse umerum telo, pallescentem morte propinqua Machameum extrahere pugna viribus valuit magnis.

3. Et cum fatiscerent vix toleranda aestuum magnitudine crebrisque congressibus partes, ad ultimum hostiles turmae gravi sunt repulsa discussae. hinc recedentibus nobis longius Saraceni nostrorum metu peditum repedare conpulsi, paulo post innexi Persarum multitudine ocius inruebant, Romana inpedimenta rapturi, verum viso imperatore ad alas subsidiarias reverterunt:

4. qua ex regione profecti ad Hucumbra nomine villam pervenimus, ubi per biduum omnibus ad usum congruis, et satietate quaesita frumenti, ultra spem recreati discessimus, et confestim absque his, quae tempus vehi permisit, reliqua flammis exusta sunt.

5. Postridie exercitu sedatius procedente, extremos, qui eo die forte cogendorum agminum officia sustinebant, nec opinantes Persae adorti negotio levi interfecissent, ni proximus equitatus noster hoc ocius intellecto per patulas valles late diffusus tantam molem discriminis, vulneratis, qui supervenerant, reppulisset.

6. in hac cecidit pugna Adaces nobilis satrapa, legatus quondam ad Constantium principem missus ac benigne susceptus, cuius exuviis interfector Iuliano oblatis remuneratus est ut decebat.

7. eodem die Tertiacorum a equestris numerus a legionibus incusatus est quod, cum ipsae hostium adversas inrumperent acies, illi paulatim dilapsi alacritatem paene totius minuissent exercitus.

8. unde ad indignationem iustam imperator erectus ademptis signis hastisque diffractis omnes eos, qui fugisse arguebantur, inter inpedimenta et sarcinas et captivos agere iter inposuit, ductore eorum, qui solus fortiter decertarat, aliae turmae adposito, cuius tribunus turpiter proelium deseruisse convincebatur.

9. abiecti sunt autem sacramento etiam alii quattuor ob flagitium simile vexillationum tribuni: hoc enim correctionis moderamine leniori inpendentium consideratione difficultatum contentus est imperator.

10. Progressi itaque septuaginta stadia, attenuata rermn omnium copia, herbis frumentisque crematis, ex flammis ipsis raptas fruges et pabula, ut quisque vehere potuit, conservavit.

11. hoc etiam loco relicto cum ad tractum Maranga appellatum omnis venisset exercitus, prope lucis confinia inmensa Persarum apparuit multitudo cum Merene equestris magistro militiae filiisque regis duobus et optimatibus plurimis.

12. erant autem omnes catervae ferratae ita per singula membra densis lamminis tectae, ut iuncturae rigentes conpagibus artuum convenirent, humanorumque vultuum simulacra ita capitibus diligenter apta, ut inbracteatis corporibus solidis ibi tantum incidentia tela possint haerere, qua per cavernas minutas et orbibus oculorum adfixas parcius visitur, vel per supremitates narium angusti spiritus emittuntur.

13. quorum pars contis dimicatura stabat immobilis, ut retinaculis aereis fixam existimares, iuxtaque sagittarii, cuius artis fiducia ab incunabulis ipsis gens praevaluit maxima, tendebant divaricatis brachiis flexiles arcus, ut nervi mammas praestringerent dexteras, spicula sinistris manibus cohaererent, summaque peritia digitorum pulsibus argutum sonantes harundines evolabant vulnera perniciosa portantes.

14. post hos elephantorum fulgentium formidandam speciem et truculentos hiatus vix mentes pavidae perferebant, ad quorum stridorem odoremque et insuetum aspectum magis equi terrebantur.

15. quibus insidentes magistri manubriatos cultros dexteris manibus inligatos gestabant, acceptae apud Nisibin memores cladis, et si ferociens animal vires exuperasset regentis, ne reversum per suos, ut tunc acciderat, conlisam sterneret plebem, vertebram, quae caput a cervice disterminat, ictu maximo terebrabant. exploratum est enim aliquando ab Hasdrubale Hannibalis fratre ita citius vitam huius modi adimi beluarum.

16. quibus non sine magno terrore perspectis, stipatus armatarum cohortium globis cum primatibus fidentissimus imperator ut flagitabat maior vis et atrocior, lunari acie sinuatisque lateribus occursuros hosti manipulos instruebat.

17. et ne sagittariorum procursus nostrorum cuneos disiectaret, inlatis concitatius signis spiculorum impetum fregit, datoque ad decernendum sollemniter signo denseti Romani pedites confertas hostium frontes nisu protruserunt acerrimo.

18. et fervente certaminum mole, clipeorum sonitus et virorum armorumque lugubre sibilantium fragor, nihil perpetiens iam remissum, campos cruore et corporum strage contexit, effusius cadentibus Persis, quibus saepe languidis in conflictu artius pes pede conlatus graviter obsistebat, pugnare fortiter eminus consuetis et, si inclinatas suorum copias senserint, cedendo in modum imbrium pone versus directis sagittis hostes a persequendi fiducia deterrere. pulsis igitur pondere magnarum virium Parthis miles solis cursu flammeo diu lassatus, signo in receptum dato in tentoria repedat ad audenda deinceps maiora sublatus.

19. In hoc proelio Persarum maior, ut dictum est, apparuit strages, nostrorum admodum levis. eminuit tamen inter varios certaminum casus Vetranionis mors viri pugnacis, qui legionem Ziannorum regebat.

II

1. Post quae triduo indutiis destinato, dum suo quisque vulneri medetur vel proximi, commeatibus nos destitutos inedia cruciabat iam non ferenda: et quoniam frugibus exustis et pabulis homines in discrimen ultimum venerant et iumenta, ex eo cibo, quem animalia tribunorum vehebant et comitum, imae quoque militum plebi penitus indigenti pars distributa est magna.

2. et imperator, cui non cuppediae ciborum ex regio more sed sub columellis tabernaculi parvis cenaturo, pultis portio parabatur exigua, etiam munifici fastidienda gregario, quicquid ad ministeria postulabatur, per contubernia paupertina sui securus egessit.

3. ipse autem ad sollicitam suspensamque quietem paulisper protractus cum somno ut solebat depulso, ad aemulationem Caesaris Iulii quaedam sub pellibus scribens obscuro noctis altitudine sensus cuiusdam philosophi teneretur, vidit squalidius, ut confessus est proximis, speciem illam Genii

publici, quam, cum ad Augustum surgeret culmen, conspexit in Galliis, velata cum capite Cornucopia per aulaea tristius discedentem.

4. et quamquam ad momentum haesit stupore defixus, omni tamen superior metu ventura decretis caelestibus commendabat, relictoque humi strato cubili, adulta iam excitus nocte et numinibus per sacra depulsoria supplicans, flagrantissimam ffcem cadenti similem visam, aeris parte sulcata, evanuisse existimavit, horroreque perfusus est, ne ita aperte minax Martis apparuerit sidus.

5. Erat autem nitor igneus iste, quem diaissonta nos appellamus, nec cadens umquam nec terram contingens. corpora enim qui credit caelitus posse labi, profanus merito iudicatur et demens. fit autem hic habitus modis conpluribus, e quibus sufficiet pauca monstrare

6. scintillas quidam putant ab aetherio candentes vigore, parumque porrectius tendere sufficientes, extingui, vel certe radiorum flammas iniectas nubibus densis acri scintillare contactu, aut cum lumen aliquod cohaeserit nubi. id enim in stellae speciem figuratum decurrit quidem dum viribus ignium sustentatur: amplitudine vero spatiorum exinanitum in aerium solvitur corpus ad substantiam migrans, cuius adtritu incaluit nimio.

7. Confestim itaque ante lucis primitias Etrusci haruspices accersiti consultique, quid astri species portenderet nova, vitandum esse cautissime responderunt nequid tunc temptaretur: ex Tarquitianis libris in titulo de rebus divinis id relatum esse monstrantes, quod face in caelo visa committi proelium vel simile quicquam non oportebit.

8. quo etiam id inter alia multa spernente orabant haruspices saltem aliquot horis profectionem differri, et ne hoc quidem sunt adepti imperatore omni vaticinandi scientiae reluctante, sed exorto iam die promota sunt castra.

III

1. Hinc nos egressos Persae cum saepe adflicti peditum stabiles pugnas horrerent, structis insidiis occulte comitabantur, altrinsecus viantes catervas a celsis collibus explorando, ut id suspicans miles ad usque perpetuum diem nec vallum erigeret nec sudibus se communiret.

2. dumque teguntur firmiter latera et exercitus pro locorum situ quadratis quidem sed laxis incedit agminibus, invasa subito terga pone versus arma cogentium principi indicatur, etiam tum inermi ad speculanda anteriora progresso.

3. qua concitus clade oblitus loricae, scuto inter tumultum adrepto, properans ultimis ferre suppetias, revocatur alio metu, qui etiam antesignanos, unde discesserat, paria perpeti nuntiabat.

4. quae dum sine respectu periculi sui redintegrare festinat, ex alia parte cataphractorum Parthicus globus centurias adoritur medias, ac sinistro cornu inclinato acriter superfusus, faetorem stridoremque elephantorum inpatienter tolerantibus nostris contis et multiplicatis missilibus decernebat.

5. verum principe volitante inter prima discrimina proeliorum exilivit nostra succinctior armatura, aversorumque Persarum et beluarum suffragines concidebat et dorsa.

6. quos cum Iulianus cavendi inmemor diffluxisse trepidos, elatis vociferando manibus aperte demonstrans, irasque sequentium excitans, audenter effunderet semet in pugnam, clamabant hinc inde candidati, quos disiecerat terror, ut fugientium molem tamquam ruinam male conpositi

culminis declinaret, et – incertum unde – subita equestris hasta, cute brachii eius praestricta, costis perfossis haesit in ima iecoris fibra.

7. quam dum avellere dextra manu conatur, acuto utrimque ferro digitorum nervos sensit excisos, et provolutus iumento praesentiumque veloci concursu relatus in castra, medicinae ministeriis fovebatur.

8. moxque ubi lenito paulisper dolore timere desiit, magno spiritu contra exitium certans arma poscebat et equum, ut reviso proelio suorum fiduciam repararet ac videretur sui securus alienae salutis sollicitudine vehementer adstringi: eo vigore licet in negotio dispari, quo Epaminondas ille dux inclitus letaliter apud Mantiniam saucius et revectus ex acie conquirebat sollicite scutum. quod cum vidisset propius, laetior vi vulneris interiit, et qui animam intrepidus amittebat, iacturam clipei formidavit.

9. sed cum vires parum sufficerent voluntati sanguinisque profluvio vexaretur, mansit immobilis, ideo spe deinceps vivendi absumpta, quod percunctando Phrygiam appellari locum ubi ceciderat conperit. hic enim obiturum se praescripta audierat sorte .

10. reducto ad tentoria principe, incredibile dictu est, quo quantoque ardore miles ad vindictam ira et dolore ferventior involabat, hastis ad scuta concrepans, etiam mori si tulisset fors obstinatus. et quamvis offundebatur oculis altitudo pulveris, et aestus calescens officeret alacritati membrorum, tamen velut exauctoratus amisso ductore sine sui parsimonia ruebat in ferrum.

11 . contra animosius :Persae sagittarum volantium crebritate conspectum sui rapiebant oppositis, quos elephanti tardius praecedentes magnitudine corporum stridorumque horrore pavorem iumentis incutiebant et viris.

12. concursus itaque armatorum et cadentium gemitus, equorum flatus, tinnitus ferri procul audiebatur, quamdiu satietate vulnerum partibus fessis nox diremit certamina iam tenebrosa.

13. quinquaginta tum Persarum optimates et satrapae cum plebe maxima ceciderunt, inter has turbas Merena et Nohodare potissimis ducibus interfectis. obstupescat magniloquentia vetustatis diversis in locis proelia viginti Marcelli Sicinium Dentatum adiciat ornatum militarium multitudine coronarum: miretur super his Sergium, qui viciens et ter vulneratus est in variis pugnis, ut fertur, cuius posteritatis ultimus Catilina claras gloriarum adoreas sempiternis maculis obumbravit. deformabat tamen tristitia laetiores eventus.

14. dum haec enim post discessum ducis ubique aguntur, exercitus cornu dextro defatigato et Anatolio interfecto, qui tunc erat officiorum magister, Sallustius praefectus actus in exitium praeceps et opera sui apparitoris ereptus, Phosphorio amisso consiliario, qui ei aderat, casu evasit et fuga: quidamque milites per multa discrimina occupato castelli vicini praesidio post diem denique tertium iungi exercitui potuerunt.

15. Quae dum ita aguntur, Iulianus in tabernaculo iacens circumstantes adlocutus est demissos et tristes: «advenit, o socii, nunc abeundi tempus e vita inpendio tempestivum, quam reposcenti naturae ut debitor bonae fidei redditurus exulto, non ut quidam opinantur adflictus et maerens, philosophorum sententia generali perdoctus, quantum corpore sit beatior animus, et contemplans, quotiens condicio melior a deteriore secernitur, laetandum esse potius quam dolendum. illud quoque advertens quod etiam dii caelestes quibusdam piissimis mortem tamquam summum praemium persolverunt.

16. munus autem id mihi delatum optime scio, ne difficultatibus subcumberem arduis, neve me proiciam umquam aut prosternam, expertus quod dolores omnes ut insultant ignavis, ita persistentibus cedunt.

17. nec me gestorum paenitet aut gravis flagitii recordatio stringit vel cum in umbra et angulis amendarer, vel post principatum susceptum: quem tamquam a cognatione caelitum defluentem inmaculatum, ut existimo, conservavi, et civilia moderatius regens et examinatis rationibus bella inferens et repellens, tametsi prosperitas simul utilitasque consultormn non ubique concordent, quoniam coeptorum eventus superae sibi vinclicant potestates.

18. reputans autem iusti esse finem imperii, oboedientium commodum et salutem, ad tranquilliora semper ut nostis propensior fui, licentiam omnem actibus meis exterminans, rerum corruptricem et morum, gaudensque abeo gestiensque ubicumque me velut imperiosa parens consideratis periculis obiecit res publica, steti fundatus, turbines calcare fortuitorum adsuefactus.

19. nec fateri pudebit, interiturum me ferro dudum didici fide fatidica praecinente. ideoque sempiternum veneror numen quod non clandestinis insidiis nec longa morborum asperitate vel damnatorum fine decedo, sed in medio cursu florentium gloriarum hunc merui clarum e mundo digressum. aequo enim iudicio iuxta timidus est et ignavus, qui cum non oportet, mori desiderat, et qui refugiat, cum sit oportunum.

20. hactenus loqui vigore virium labente sufficiet. super imperatore vero creando caute reticeo, ne per inprudentiam dignum praetereeam, aut nominatum quem habilem reor, anteposito forsitan alio, in discrimen ultimum trudam. ut alumnus autem rei publicae frugi, opto bonum post me reperiri rectorem».

21. Post haec placide dicta familiares opes iunctioribus velut supremo distribuens stilo, Anatolium quaesivit officiorum magistrum, quem cum beatum fuisse Sallustius respondisset praefectus, intellexit occisum acriterque amici casum ingemuit, qui elate ante contempserat suum.

22. et flentes inter haec omnes qui aderant auctoritate integra etiam tum increpabat, humile esse caelo sideribusque conciliatum lugeri principem dicens.

23 quibus ideo iam silentibus ipse cum Maximo et Prisco philosophis super animorum sublimitate perplexius disputans, hiante latius suffossi lateris vulnere et spiritum tumore cohibente venarum, epota gelida aqua, quam petiit medio noctis horrore, vita facilius est absolutus anno aetatis altero et tricensimo, natus apud Constantinopolim, a pueritia usque parentis obitu destitutus Constanti, quem post fratris Constantini excessum inter conplures alios turba consumpsit imperii successorum, et Basilina matre, iam inde a maioribus nobili.

IV

1. Vir profecto heroicis connumerandus ingeniis, claritudine rerum et coalita maiestate conspicuus. cum enim sint, ut sapientes definiunt, virtutes quattuor praecipuae, temperantia prudentia iustitia fortitudo, eisque accedentes extrinsecus aliae, scientia rei militaris, auctoritas felicitas atque liberalitas, intento studio coluit omnes ut singulas.

2. Et primum ita inviolata castitate enituit ut post amissam coniugem nihil umquam venereum agitaret: illud advertens, quod apud Platonem legitur, Sophoclem tragoediarum scriptorem aetate grandaevum interrogatum ecquid

adhuc feminis misceretur, negantem id adiecisse, quod gauderet harum rerum amorem ut rabiosum quendam effugisse dominum et crudelem.

3. item ut hoc propositum validius confirmaret, recolebat saepe dictum lyrici Bacchylidis, quem legebat iucunde id adserentem quod ut egregius pictor vultum speciosum effingit, ita pudicitia celsius consurgentem vitam exornat. quam labem in adulto robore iuventutis ita caute vitavit, ut ne suspicione quidem tenus libidinis ullius vel citerioris vitae ministris incusaretur, ut saepe contingit.

4. Hoc autem temperantiae genus crescebat in maius iuvante parsimonia ciborum et somni, quibus domi forisque tenacius utebatur. namque in pace victus eius mensura atque tenuitas erat recte noscentibus admiranda, velut ad pallium mox reversuri, per varios autem procinctus stans interdum more militiae cibum brevem vilemque sumere visebatur.

5. ubi vero exigua dormiendi quiete recreasset corpus laboribus induratum, expergefactus explorabat per semet ipsum vigiliarum vices et stationum, post haec serias ad artes confugiens doctrinarum.

6. et si nocturna lumina, inter quae lucubrabat, potuissent voces ullae testari, profecto ostenderant inter hunc et quosdam principes multum interesse, quem norant voluptatibus ne ad necessitatem quidem indulsisse naturae .

7. Dein prudentiae eius indicia fuere vel plurima, e quibus explicari sufficiet pauca. armatae rei scientissimus et togatae, civilitati admodum studens, tantum sibi adrogans quantum a contemptu et insolentia distare existimabat: virtute senior quam aetate: studiosus cognitionum omnium et indeclinabilis aliquotiens iudex: censor moribus regendis acerrimus, placidus, opum contemptor, mortalia cuncta despiciens, postremo id praedicabat, turpe esse sapienti, cum habeat animum, captare laudes ex corpore.

8. Quibus autem iustitiae inclaruit bonis, multa significant, primo quod erat pro rerum et hominum distinctione sine crudelitate terribilis, deinde quod paucorum discrimine vitia cohibebat, tum autem quod minabatur ferro potius quam utebatur.

9. postremo ut multa praeteream, constat eum in apertos aliquos inimicos insidiatores suos ita consurrexisse mitissime, ut poenarum asperitatem genuina lenitudine castigaret.

10. Fortitudinem certaminum crebritas ususque bellorum ostendit et patientia frigorum inmanium et fervoris quoque. corporis munus a milite, ab imperatore vero animi poscitur. ipse trucem hostem ictu confecit audacter congressus, ac nostros cedentes obiecto pectore suo aliquotiens cohibuit solus: regnaque furentium Germanorum excindens et in pulvere vaporato Persidis augebat fiduciam militis dimicans inter primos.

11. castrensium negotiorum scientiam plura declarant et nota: civitatum oppugnationes et castellorum inter ipsos discriminum vertices, acies figura multiformi conpositae, salubriter et caute castra metata, praetenturae stationesque agrariae tutis rationibus ordinatae.

12. auctoritas adeo valuit, ut dilectus artissime, dum timetur, ac si periculorum socius et laborum et inter concertationes acerrimas animadverti iuberet in desides, et Caesar adhuc sine stipendio regeret militem feris oppositum gentibus, ut dudum est dictum; adlocutusque tumentes armatos, discessurum ad vitam minaretur privatam, ni tumultuare desisterent.

13. denique id pro multis nosse sufficiet: exhortatum eum simplici contione militem Gallicanum pruinis adsuetum et Rheno, peragratis spatiis regionum extentis per tepentem Assyriam ad usque confinia traxisse

Medorum.

14. Felicitas ita eminuit ut ipsis quodammodo cervicibus Fortunae aliquam diu bonae gubernatricis evectus victoriosis cursibus difficultates superstaret inmensas. et postquam ex occidua plaga digressus est, et quoad fuit in terris, quievere nationes omnes immobiles ac si quodam caduceo leniente mundana.

15. Liberalitatis eius testimonia plurima sunt et verissima, inter quae indicta sunt tributorum admodum levia, coronarium indultum, remissa debita multa diuturnitate congesta, aequata fisci iurgia cum privatis, vectigalia civitatibus restituta cum fundis absque his, quos velut iure vendidere praeteritae potestates, quodque numquam augendae pecuniae cupidus fuit, quam cautius apud dominos servari existimabat, id aliquotiens praedicans Alexandrum Magnum, ubi haberet thesauros interrogatum, «apud amicos» benivole respondisse.

16. Digestis bonis, quae scire potuimus, nunc ad explicanda eius vitia veniamus, licet dicta sint carptim. levioris ingenii, verum hoc instituto rectissimo temperabat, emendari se cum deviaret a fruge bona permittens.

17. linguae fusioris et admodum raro silentis, praesagiorum sciscitationi nimiae deditus, ut aequiperare videretur in hac parte principem Hadrianum, superstitiosus magis quam sacrorum legitimus observator, innumeras sine parsimonia pecudes mactans, ut aestimaretur, si revertisset de Parthis, boves iam defuturos, Marci illius similis Caesaris, in quem id accipimus dictum: hoi Boes hoi leukoi Markoi toi Kaisari chairein an pali nikeseis, ammes apolometha.

18. Vulgi plausibus laetus, laudum etiam ex minimis rebus intemperans adpetitor, popularitatis cupiditate cum indignis loqui saepe adfectans.

19. Verum tamen cum haec essent, aestimari poterat, ut ipse aiebat, vetus illa Iustitia, quam offensam vitiis hominum Aratus extollit in caelum, eo imperante redisse rursus ad terras, ni quaedam ad arbitrium agens interdum ostenderet se dissimilem sui.

20. namque et iura condidit non molesta, absolute quaedam iubentia fieri vel arcentia, praeter pauca. inter quae erat illud inclemens quod docere vetuit magistros rhetoricos et grammaticos Christianos, ni transissent ad numinum cultum.

21. illud quoque itidem parum ferendum quod municipalium ordinum coetibus patiebatur iniuste quosdam adnecti vel peregrinos vel ab his consortiis privilegiis aut origine longe discretos.

22. Figura talis utique membrorum. mediocris erat staturae, capillis perquam pexis et mollibus, hirsuta barba in acutum desinente vestitus, venustate oculorum micantium flagrans, qui mentis eius argutias indicabant, superciliis decoris et naso rectissimo ore paulo maiore, labro inferiore demisso, opima et incurva cervice, umeris vastis et latis, ab ipso capite usque unguium summitates liniamentorum recta conpage, unde viribus valebat et cursu.

23. Et quoniam eum obtrectatores novos bellorum tumultus ad perniciem rei communis insimulant concitasse, sciant docente veritate perspicue, non Iulianum sed Constantinum ardores Parthicos succendisse, cum Metrodori mendaciis avidius adquiescit, ut dudum rettulimus plene:

24. unde caesi ad internecionem exercitus nostri, capti militares aliquotiens numeri, urbes excisae, rapta munimenta vel diruta, provinciae gravibus inpensis exhaustae, et ad effectum tendentibus minis cuncta petebantur a Persis ad usque Bithynos et litora Propontidis.

25. at in Galliis bellorum tenore gliscente, diffusis per nostra Germanis, iamque Alpibus ad vastandam Italiam perrumpendis nihil, multa et nefanda perpessis hominibus, praeter lacrimas supererat et terrores, ubi et praeteritorum recordatio erat acerba et expectatio tristior inpendentium. quae omnia iuvenis iste ad occiduam plagam specie Caesaris missus, regesque pro mancipiis agitans ignobilibus cuncta paene mira dictu celeritate correxit.

26. itaque ut orientem pari studio recrearet, adortus est Persas, triumphum exinde relaturus et cognomentum, si consiliis eius et factis inlustribus decreta caelestia congruissent.

27. et cum sciamus experimento adeo quosdam ruere inprovidos, ut bella interdum victi et naufragi repetant maria, et ad difficultates redeant, quibus succubuere saepissime, sunt qui reprehendant paria repetisse principem ubique victorem.

V

1. Nec fuit post haec lamentis aut fletibus locus. corpore enim curato pro copia rerum et temporis, ut, ubi ipse olim statuerat, conderetur, principio lucis secutae, quae erat quintum Kalendas Iulias, hostibus ex omni latere circumfusis, collecti duces exercitus, advocatisque legionum principiis et turmarum, super creando principe consultabant.

2. discissique studiis turbulentis Arintheus et Victor et e palatio Constanti residui de parte sua quendam habilem scrutabantur, contra Nevitta et Dagalaifus proceresque Gallorum virum talem ex conmilitio suo quaeritabant.

3. quae dum ambiguntur, nulla variante sententia itum est voluntate omnium in Sallustium

2, eoque causante morbos et senectutem, honoratior aliquis miles advertens destinatius reluctantem «ecquid ageretis» ait «si id bellum vobis curandum commisisset absens, ut saepe factum est, imperator? nonne posthabitis ceteris militem instantibus aerumnis eriperetis? id nunc agite, et si Mesopotamiam videre licuerit, utriusque exercitus consociata suffragia legitimum principem declarabunt».

4. Inter has exiguas ad tantam rem moras, nondum pensatis sententiis, tumultuantibus paucis, ut in rebus extremis saepe est factum, Iovianus eligitur imperator, domesticorum ordinis primus, paternis meritis mediocriter conmendabilis. erat enim Varroniani notissimi comitis filius, haut dudum post depositum militiae munus ad tranquilliora vitae digressi.

5. et confestim indumentis circumdatus principalibus, subitoque productus e tabernaculo per agmina iam discurrebat proficisci parantia.

6. et quoniam acies ad usque lapidem quartum porrigebatur, antesignani clamare quosdam Iovianum audientes Augustum, eadem multo maius sonabant: gentilitate enim prope perciti nominis, quod una littera

6 discernebat, Iulianum recreatum arbitrati sunt deduci magnis favoribus ut solebat. verum cum incurvus ille visus et longior adventaret, suspicati quod acciderat in lacrimas effusi sunt omnes et luctum.

7. quod si gravis quidam aequitatis spectator in ultimo rerum spiritu factum criminatur inprovide, nauticos idem iustius incusabit, amisso perito navigandi magistro, saevientibus flabris et mari, quod clavos regendae navis cuilibet periculi socio conmiserunt.

8. his ita caeco quodam iudicio fortunae peractis, Iovianorum signifer, quos Varronianus rexerat dudum, cum novo dissidens principe etiam tum

privato, ut patris eius obtrectator molestus, periculum ex inimico metuens iam communia supergresso, discessit ad Persas, ac data dicendi copia quae sciret, docet Saporem iam propinquantem, extincto quem verebatur, turbine concitato calonum ad umbram imperii Iovianum adhuc protectorem adscitum, inertem quendam et mollem. hoc ille audito, quod semper trepidis votis expetebat et inopina prosperitate elatus, multitudine ex regio equitatu adiuncta his, qui dimicavere nobiscum, celeri disposuit gradu agminis nostri invadi terga postremi.

VI

1. Quae dum ultro citroque ordinantur, hostiis pro Ioviano extisque inspectis, pronuntiatum est eum omnia perditurum, si intra vallum remansisset ut cogitabat, superiorem vero fore profectum.

2. proinde egredi iam coeptantes adoriuntur nos elephantis praeviis Persae, ad quorum fremitum accessumque terribilem equis inter initia turbatis et viris, Ioviani et Herculiani occisis beluis paucis, cataphractis equitibus acriter restiterunt.

3. dein legiones Ioviorum atque Victorum laborantibus suis ferentes auxilium, elephantos duo straverunt cum hostium plebe non parva, et in laevo proelio viri periere fortissimi, Iulianus et Macrobius et Maximus legionum tribuni, quae tunc primas exercitus obtinebant.

4. hisque sepultis ut rerum angustiae permiserunt, prope confinia noctis cum ad castellum Sumere nomine citis passibus tenderemus, iacens Anatolii corpus est agnitum quod tumultuaria opera terrae mandatum est. hic et milites sexaginta cum palatinis recepimus, quos in munimentum vacuum coxfugisse rettulimus.

5. Secuto deinde die pro captu locorum reperta in valle castra ponuntur, velut murali ambitu circumclausa, praeter unum exitum eundemque patentem, undique in modum mucronum praeacutis sudibus fixis.

6. hocque viso e saltibus nos hostes diversitate telorum et verbis turpibus incessebant ut perfidos et lectissimi principis peremptores: audierant enim ipsi quoque referentibus transfugis, rumore iactato incerto, Iulianum telo cecidisse Romano.

7. ausi denique inter haec equitum cunei, porta perrupta praetoria, prope ipsum tabernaculum principis advenire, occisis multis suorum et vulneratis vi repulsi sunt magna.

8. Egressi exinde proxima nocte Charcham occupavimus locum, ideo tuti, quod riparum aggeribus humana manu structis, ne Saraceni deinceps Assyriam persultarent, nostrorum agmina nullus ut ante vexabat.

9. cumque his Kalendis Iuliis stadiis triginta confectis, civitatem nomine Duram adventaremus, fatigatis iumentis, vectores eorum novissimi pedibus incedentes, a Saracena multitudine circumsaepti protinus interissent, ni expeditiores turmae nostrorum opem laborantibus attulissent.

10. hos autem Saracenos ideo patiebamur infestos, quod salaria muneraque plurima a Iuliano ad similitudinem praeteriti temporis accipere vetiti, questique apud eum, solum audierant, imperatorem bellicosum et vigilantem ferrum habere, non aurum.

11. in hoc loco Persarum obstinatione tritum est quadriduum. nam progredientes nos sequebantur crebris lacessitionibus retrahentes, et cum staremus ut pugnaturi, gradum sensim referentes, moris diuturnis

excruciabant. iamque, ut solent extrema metuentibus etiam ficta placere, fama circumlata fines haut procul limitum esse nostrorum, exercitus vociferans inmodeste dari sibi copiam transeundi Tigridis flagitabat.

12. quibus oppositus cum rectoribus imperator, tumentemque iam canis exortu sideris amnem ostendens, ne se periculosis committerent gurgitibus exorabat, nandi inperitos adserens esse conplures, simulque adiciens hostiles manus hinc inde margines superfusi fluminis occupasse.

13. sed cum haec saepe congeminando refragaretur in cassum, milesque conclamans magno contentionis fragore minaretur extrema, id impetratur aegerrime, ut mixti cum arctois Germanis Galli amnem primi omnium penetrarent, ut his magnitudine fluentorum abreptis residuorum pertinacia frangeretur, aut si id perfecissent innocui, transitus fidentior temptaretur.

14. electique sunt ad id negotium habiles, qui maxima prae ceteris flumina transmeare in regionibus genuinis a prima pueritia sunt instituti, et cum latendi copiam nocturna quies daret, tamquam e transenna simul emissi, spe citius ripas occupavere contrarias, Persarumque conculcatis pluribus et truncatis, quos loca servare dispositos securitas placido vinxerat somno, efficacis audaciae signum elatis manibus contortisque sagulis ostendebant.

15. hoc longe conspecto ardens ad transitum miles ea mora tantum modo tenebatur quod utribus e caesorum animalium coriis coagmentare pontes architecti promittebant.

VII

1. Quae dum vanis conatibus agitantur, rex Sapor et procul absens et cum prope venisset, exploratorum perfugarumque veris vocibus docebatur fortia facta nostrorum, foedas suorum strages et elephantos, quot numquam rex ante meminerat, interfectos, exercitumque Romanum continuis laboribus induratum post casum gloriosi rectoris non saluti suae, ut memorabat, consulere sed vindictae, difficultatemque rerum instantium aut victoria summa aut morte memorabili finiturum.

2. ob quae reputabat multa et formidanda: diffusum abunde militem per provincias levi tessera colligi posse, expertus et sciens populum suum post amissam maximam plebem ultimis terroribus deformatum, simul conperiens in Mesopotamia relictum haut multo minorem exercitum.

3. quae super omnia hebetarunt eius anxiam mentem uno parique natatu quingenti viri transgressi tumidum flumen incolumes, custodibusque confossis, reliquos consortes suos ad similem fiduciam concitantes.

4. Haec inter cum neque pontes conpaginari paterentur undae torrentes, et absumptis omnibus quae mandi poterant utilibus, exacto miserabiliter biduo, furebat inedia iraque percitus miles, ferro properans quam fame ignavissimo genere mortis absumi.

5. Erat tamen pro nobis aeternum dei caelestis numen, et Persae, praeter sperata priores, super fundanda pace oratores Surenam et optimatetm alium mittunt, animos ipsi quoque despondentes, quos omnibus paene proeliis pars Romana superior gravius quassabat in dies.

6. condiciones autem ferebant dificiles et perplexas, fingentes humanorum respectu reliquias excrcitus redire sinere clementissimum regem, quae iubet si impleverit cum primatibus Caesar.

7. Contra hos cum Sallustio praefecto mittitur Arintheus, et dum deliberatur examinatius quid fieri deberet, dies quattuor sunt evoluti inedia

cruciabiles et omni supplicio tristiores.

8. quo temporis spatio antequam hi mitterentur, si exabusus princeps paulatim terris hostilibus excessisset, profecto venisset ad praesidia Corduenae, uberis regionis et nostrae, ex eo loco, in quo haec agebantur, centesimo lapide disparatae.

9. Petebat autem rex obstinatius, ut ipse aiebat, sua dudum a Maximiano erepta, ut docebat autem negotium pro redemptione nostra quinque regiones Transtigritanas: Arzanenam et Moxoenam et Zabdicenam itidemque Rehimenam et Corduenam cum castellis quindecim et Nisibin et Singaram et Castra Maurorum, munimentum perquam oportunum.

10. et cum pugnari deciens expediret, ne horum quicquam dederetur, adulatorum globus instabat timido principi, Procopii metuendum subserens nomen, eumque adfirmans, nisi rediret, cognito Iuliani interitu cum intacto milite, quem regebat, novas res nullo renitente facile moliturum.

11. hac perniciosa verborum ille adsiduitate nimia succensus, sine cunctatione tradidit omnia quae petebantur, difficile hoc adeptus ut Nisibis et Singara sine incolis transirent in iura Persarum, a munimentis vero alienandis reverti ad nostra praesidia Romani permitterentur.

12. quibus exitiale aliud accessit et inpium, ne post haec ita conposita Arsaci poscenti contra Persas ferretur auxilium, amico nobis semper et fido. quod ratione gemina cogitatum est, ut puniretur homo, qui Chiliocomum mandatu vastaverat principis, et remaneret occasio, per quam subinde licenter invaderetur Armenia. unde postea contigit ut vivus caperetur idem Arsaces, et Armeniae maximum latus Medis conterminans, et Artaxata inter dissensiones et turbamenta raperent Parthi.

13. Quo ignobili decreto firmato, nequid committeretur per indutias contrarium pactis, obsidatus specie viri celebres altrinsecus dantur Nemota et Victor ex parte nostrorum et Bellovaedius, insignium numerorum tribuni, ex parte vero diversa Bineses e numero nobilium optimatum, tresque alii satrapae non obscuri. I

4. foederata itaque pace annorum triginta, eaque iuris iurandi religionibus consecrata, reversi itineribus aliis, quoniam loca contigua flumini ut confragosa vitabantur et aspera, potus inopia premebamur et cibi.

VIII

1. Et pax specie humanitatis indulta in perniciem est versa multorum, qui fame ad usque spiritum lacerati postremum, ideoque latenter progressi, aut inperitia nandi gurgite fluminis absorbebantur, aut si undarum vi superata venirent ad ripas, rapti a Saracenis vel Persis, quos, ut diximus paulo ante, exturbavere Germani, cadebantur ut pecora vel longius amendati sunt venundandi.

2. ubi vero transeundi amnis aperte signum dedere buccinae concrepantes, inmane quo quantoque ardore temere rapiendo momenta periculorum semet quisque reliquis omnibus anteponens, vitare multa et terribilia festinabat, et pars cratibus temere textis iumenta retinentes hinc inde natantia, alii supersidentes utribus, quidam diversa in necessitatis abrupto versantes undarum occursantium fluctus obliquis meatibus penetrabant.

3. imperator ipse brevibus lembis, quos post exustam classem docuimus remansisse, cum paucis transvectus eadem navigia ultro citroque discurrere

statuit dum omnes conveheremur. tandemque universi praeter mersos ad ulteriores venimus margines, favore superi numinis discrimine per difficiles casus extracti.

4. Dum nos inpendentium aerumnarum opprimit timor, conpertum est procursatorum indicio, Persas pontem iungere procul e nostro conspectu, ut post firmatam pacem et foedera, sopitis belli turbinibus incuriosius gradientes aegros et animalia peterent diu defatigata, verum cum se proditos advertissent, a conatu nefario destiterunt.

5. hac etiam suspicione iam liberi properantesque itineribus magnis prope Hatram venimus, vetus oppidum in media solitudine positum, olimque desertum, quod eruendum adorti temporibus variis Traianus et Severus principes bellicosi cum exercitibus paene deleti sunt, ut in eorum actibus has quoque digessimus partes.

6. unde cognito per porrectam planitiem ad usque lapidem septuagensimum in regionibus aridis nec aquam inveniri posse praeter salsam at faetidam, nec ad victum aliquid nisi abrotonum et absinthium et dracontium, aliaque herbarum genera tristissima; vasa quae portabantur aquis impleta sunt dulcibus, et mactatis camelis iumentisque aliis alimenta quaesita sunt licet noxia.

7. Et via sex dierum emensa, cum ne gramina quidem invenirentur, solacia necessitatis extremae, dux Mesopotamiae Cassianus et tribunus Mauricius pridem ob hoc missus ad Vr nomine Persicum venere castellum, cibos ferentes ex his quos relictus cum Procopio et Sebastiano exercitus parcius victitans conservarat.

8. hinc Procopius alter notarius et Memoridus militaris tribunus ad tractus Illyricos mittuntur et Galliarum, nuntiaturi Iuliani mortem et Iovianum post eius obitum ad culmen augustum evectum.

9. quibus mandaverat princeps ut Lucillianum socerum suum post depositum militiae munus digressum ad otium, morantemque eo tempore apud Sirmium, oblatis magisterii equitum et peditum codicillis, quos isdem tradiderat, properare Mediolanum urgerent, res firmaturum ancipites, et, quod magis metuebatur, si casus novi quidam exsurgerent opponendum.

10. quibus secretiores addiderat litteras, Lucillianum itidem monens, ut quosdam lectos exploratae industriae fideique duceret secum, adminiculis eorum usurus pro incidentium captu negotiorum.

11. prudentique consilio Malarichum ex familiaribus negotiis, agentem etiam tum in Italia, missis insignibus Iovino iussit succedere armorum magistro per Gallias, gemina utilitate praespeculata, ut et dux meriti celsioris ideoque suspectus abiret e medio, et homo inferioris spei ad sublimiora provectus auctoris sui nutantem adhuc statum studio fundaret ingenti.

12. iussum est autem ad implenda haec perrecturis extollere seriem gestorum in melius, et rumores quaqua irent verbis diffundere concinentibus, procinctum Parthicum exitu prospero terminatum, additisque festinando itineri noctibus, provinciarum militiaeque rectoribus insinuare novi principis scripta, omniumque sententiis occultius sciscitatis remeare velociter cum responsis, ut conperto quid in longinquis agatur, principatus corroborandi matura consilia quaerantur et cauta.

13. Hos tabellarios fama praegrediens, index tristiorum casuum velocissima, per provincias volitabat et gentes, maximeque omnium Nisibenos acerbo dolore perculsit, cum urbem Sapori deditam conperissent, cuius iram metuebant et simultates, recolentes quae adsidue pertulerit funera, eam saepius oppugnare conatus.

14. constabat enim orbem eoum in dicionem potuisse transire Persidis, nisi haec civitas habili situ et moenium magnitudine restitisset. miseri tamen licet maiore venturi pavore constringerentur, spe tamen sustentari potuerunt exigua, hac scilicet, quod velut suopte motu vel exoratus eorum precibus imperator eodem statu retinebit urbem, orientis firmissimum claustrum.

15. Dum gestorum seriem ubique rumores diffunditant varii, in exercitu absumptis commeatibus paucis, quos advectos praediximus, in corpore sua necessitas erat humana vertenda, ni iumentorum caro caesorum aliquatenus perdurasset, unde effectum est, ut et armorum pleraque proicerentur et sarcinarum. adeo enim atroci tabuimus fame, ut, si usquam modius unus farinae fuisset repertus, quod raro contigerat, aureis decem mutaretur ut minus.

16. Profecti exinde Thilsaphata venimus, ubi Sebastianus atque Procopius cum tribunis principiisque militum sibi ad tuendam Mesopotamiam commissorum, ut poscebat sollemnitas, occurrerunt. et sequebantur benigne suscepti.

17. post quae itinere festinato, Nisibi cupide visa, extra urbem stativa castra posuit princeps, rogatusque enixe precante multiplici plebe, ut ingressus palatium more succederet principum, pertinaciter reluctatus est, erubescens agente se intra muros, urbem inexpugnabilem iratis hostibus tradi.

18. ibi tunc vespera tenebrante raptus a cena Iovianus primus inter notarios omnes, quem in obsidione civitatis Maiozamalchae per cuniculum docuimus evasisse cum aliis, ductusque ad devium locum et praeceps actus in puteum siccum obrutus est saxorum multitudine superiacta, hanc profecto ob causam quod Iuliano perempto ipse quoque nominatus a paucis ut imperio dignus nec post creatum Iovianum egit modeste, sed susurrans super negotio quaedam audiebatur, invitabatque ad convivia subinde militares.

IX

1. Postridie Bineses, unus ex Persis, quem inter alios excellere diximus, mandata regis conplere festinans, promissa flagitabat instanter, et principe permittente Romano, civitatem ingressus, gentis suae signum ab arce extulit, submigrationem e patria civibus nuntians luctuosam.

2. et vertere solum extemplo omnes praecepti, manusque tendentes orabant ne inponeretur sibi necessitas abscedendi, ad defendendos penates se solos sufficere sine adiumentis publicis adfirmantes et milite, satis confisi adfuturam iustitiam pro genitali sede dimicaturis, ut experti sunt saepe. et haec quidem suppliciter ordo et populus precabatur sed ventis loquebantur in cassum imperatore, ut fingebat alia metuens, periurii piacula declinante.

3. tum Sabinus fortuna et genere inter municipes clarus ore volubili replicabat, Constantium inmani crudescente bellorum materia superatum a Persis interdum, deductumque postremo per fugam cum paucis ad Hibitam stationem intutam, panis frusto vixisse precario ab anu quadam agresti porrecto, nihil tamen ad diem perdidisse supremum, et Iovianum inter exordia principatus provinciarum muro cessisse, cuius obices iam inde a vetustate innoxiae permanserunt.

4. cumque nihil promoveretur, iuris iurandi religionem principe destinatius praetendente, cum oblatam ei coronam aliquamdiu recusans, coactus denique suscepisset, Silvanus quidam causarum defensor confidentius

exclamavit «ita» inquit «imperator, a civitatibus residuis coroneris». quo verbo exasperatus, intra triduum omnes iussit excedere moenibus, detestantes rerum praesentium statum.

5. Adpositis itaque conpulsoribus, mortem, siqui distulerit egredi, minitantibus, moenia permixta sunt lamentis et luctu et per omnia civitatis membra una vox cunctorum erat gementium, cum laceraret crines matrona exul fuganda laribus, in quibus nata erat et educata, orbataque mater liberis vel coniuge viduata, procul ab eorum manibus pelleretur, et turba flebilis, postes penatium amplexa vel limina, lacrimabat.

6. exin variae complentur viae qua quisque poterat dilabentium. properando enim multi furabantur opes proprias, quas vehi posse credebant, contempta reliqua supellectili pretiosa et multa. hanc enim reliquerunt penuria iumentorum.

7. Tu hoc loco, Fortuna orbis Romani, merito incusaris, quae difflantibus procellis rem publicam excussa regimenta perito rei gerendae ductori, consummando iuveni porrexisti, quem nullis ante actae vitae insignibus in huius modi negotiis cognitum, nec vituperari est aequum nec laudari.

8. illud tamen ad medullas usque bonorum pervenit quod, dum extimescit aemulum potestatis, dumque in animo per Gallias et Illyricum versat quosdam saepe sublimiora coeptasse, famam adventus sui praevenire festinans, indignum imperio facinus amictu periurii fugiendi commisit, Nisibi prodita, quae iam inde a Mithridatici regni temporibus, ne oriens a Persis occuparetur, viribus restitit maximis.

9. numquam enim ab urbis ortu inveniri potest annalibus replicatis, ut arbitror, terrarum pars ulla nostrarum ab imperatore vel consule hosti concessa, sed ne ob recepta quidem, quae direpta sunt, verum ob amplificata regna triumphales glorias fuisse delatas.

10. unde Publio Scipioni ob recuperatas Hispanias, Fulvio Capua post diuturna certamina superata et Opimio post diversos exitus proeliorum Fregellanis tunc internecivis hostibus ad deditionem conpulsis, triumphi sunt denegati.

11. id etiam memoriae nos veteres docent, in extremis casibus icta cum dedecore foedera, postquam partes verbis iuravere conceptis, repetitione bellorum ilico dissoluta, ut temporibus priscis apud Furcas Caudinas sub iugum legionibus missis in Samnio, et per Albinum in Numidia sceleste pace cogitata, et auctore turpiter pactionis festinatae Mancino dedito Numantinis.

12. Proinde extractis civibus et urbe tradita missoque tribuno Constantio, qui munimenta praesidiaria cum regionibus Persicis optimatibus adsignaret, cum Iuliani supremis Procopius mittitur, ea ut superstes ille mandarat, humaturus in suburbano Tarsensi.

13. qui ad exsequendum profectus confestim corpore sepulto discessit, nec inveniri usquam potuit studio quaesitus ingenti, nisi quod multo postea apud Constantinopolim visus est subito purpuratus.

X

1. His hoc modo peractis discursisque itineribus Antiochiam venimus, ubi per continuos dies velut offenso numine multa visebantur et dira, quorum eventus fore luctificos gnari rerum prodigialium praecinebant.

2. nam et Maximiani statua Caesaris, quae locata est in vestibulo regiae, amisit repente sphaeram aeream formatam in speciem poli, quam gestabat, et

cum horrendo stridore sonuerunt in consistorio trabes, et visa sunt interdiu sidera cometarum, super quorum natura ratiocinantes physici variant.

3. quidam enim eos hoc nomine ideo existimant appellari, quod tortos ignes spargunt ut crines, in unum stellis multiplicibus congregatis. alii eos arbitrantur ex halitu sicciore terrarum ignescere paulatim in sublimiora surgente. quidam currentes radios solis densiore nube obiecta digredi ad inferiora prohibitos, splendore infuso corpori crasso, lucem velut stellis distinctam mortali conspectu monstrare. sedit quorundam opinioni, hanc speciem tunc apparere, cum evecta solito celsius nubes aeternorum ignium vicinitate conluceat, vel certe stellas esse quasdam ceteris similes, quarum ortus obitusque, quibus sint temporibus praestituti, humanis mentibus ignorari. plura alia de cometis apud peritos mundanae rationis sunt lecta, quae digerere nunc vetat aliorsum oratio properans.

4. Moratum paulisper Antiochiae principem, curarumque ponderibus diversis adflictum exeundi mira cupiditas agitabat: proinde nec iumento parcens nec militi, flagrante hieme inde profectus, signis, ut dictum est, vetantibus plurimis, Tarsum urbem Cilicum nobilem introiit, cuius originem docuimus supra.

5. exindeque egredi nimiu m properans, exornari sepulchrum statuit Iuliani, in pomerio situm itineris, quod ad Tauri montis angustias ducit, cuius suprema et cineres, siqui tunc iuste consuleret, non Cydnus videre deberet, quamvis gratissimus amnis et liquidus, sed ad perpetuandam gloriam recte factorum praeterlambere Tiberis intersecans urbem aeternam divorumque veterum monumenta praestringens.

6. Deinde Tarso profectus extentis itineribus venit oppidum Cappadociae Tyana, ubi ei reversi Procopius notarius et Memoridus tribunus occurrunt, gestorumque aperiunt textum, hinc, ut ordo poscebat, exorsi, quod Lucillianus Mediolanum ingressus cum Seniaucho et Valentiniano tribunis, quos duxerat secum, cognito quod Malarichus recusavit suscipere magisterium, effuso cursu petierat Remos.

7. et tamquam in alto gentis silentio extra calcem, ut dicitur, procurrebat, et intempestive, parum etiam tum firmatis omnibus, ex actuario ratiociniis scrutandis incubuit, qui fraudum conscius et noxarum ad militaria signa confugit, finxitque Iuliano superstite in res novas quendam medium surrexisse, cuius fallaciis turbo militaris acerrime concitus Lucillianum et Seniauchum occidit. Valentinianum enim paulo postea principem, trepidum et quo confugeret ambigentem, Primitivus hospes tutius amendarat.

8. his ita tristibus laetum aliud addebatur, missos a Iovino milites adventare, quos capita scholarum ordo castrensis appellat, nuntiantes aequo animo Ioviani imperium amplecti exercitum Gallicanum.

9. Quibus conpertis, Valentiniano, qui cum isdem redierat, regenda Scutariorum secunda committitur schola, et Vitalianus domesticorum consortio iungitur, Erulorum e numero miles, qui multo postea auctus comitis dignitate male rem per Illyricum gessit, confestimque mittitur in Gallias Arintheus ferens litteras ad Iovinum, ut constanter ageret suum obtinens locum, eique mandatum est ut animadverteretur in concitorem tumultus, auctoresque seditionis ad comitatum vincti transmitterentur.

10. post quae, ut videbatur expedire, disposita apud Aspuna Galatiae municipium breve Gallicani milites visi principi, ingressique consistorium, post audita gratanter, quae pertulerant, munerati redire iubentur ad signa.

11. Et cum introisset Ancyram imperator, paratis ad pompam pro tempore necessariis, consulatum iniit adhibito in societatem trabeae Varroniano filio

suo admodum parvulo, cuius vagitus pertinaciter reluctantis, ne in curuli sella veheretur ex more, id quod mox accidit portendebat.

12. Hinc quoque Iovianum celeri gradu praescriptus vitae finiendae dies exegit. cum enim venisset Dadastanam, qui locus Bithyniam distinguit et Galatas, exanimatus inventus est nocte. super cuius obitu dubietates emersere conplures

13. fertur enim recenti calce cubiculi illiti ferre odorem noxium nequivisse, vel extuberato capite perisse succensione pruna rum inmensa, aut certe ex colluvione ciborum avida cruditate distentus. decessit autem anno tricensimo aetatis et tertio. cumque huic et Aemiliano Scipioni vitae exitus similis evenisset, super neutrius morte quaestionem conperimus agitatam.

14. Incedebat autem motu corporis gravi, vultu laetissimo, oculis caesiis, vasta proceritate et ardua, adeo ut diu nullum indumentum regium ad mensuram eius aptum inveniretur. et aemulari malebat Constantium, agens seria quaedam aliquotiens post meridiem, iocarique palam cum proximis adsuetus.

15. Christianae legis idem studiosus et non numquam honorificus, mediocriter eruditus, magisque benivolus, et perpensius, ut apparebat ex paucis, quos promoverat, iudices electurus; edax tamen et vino Venerique indulgens, quae vitia imperiali verecundia forsitan correxisset.

16. dicebatur autem Varronianus pater eius monitu cuiusdam somnii dudum praescisse quod evenit, idque duobus amicis commisisse fidissimis, illo adiecto quod ipsi quoque deferretur trabea consularis. sed inpetrato uno adipisci non potuit aliud. audita enim filii celsiore fortuna, antequam eum videret, fatali praeventus est morte.

17. et quia huic nomini amplissimum magistratum portendi per quietem praedictum est seni, Varronianus nepos eius infans etiam tum cum Ioviano patre declaratus est ut supra rettulimus consul.

LIBER XXVI

I

1. Dictis inpensiore cura rerum ordinibus ad usque memoriae confinia propioris convenerat iam referre a notioribus pedem, ut et pericula declinentur veritati saepe contigua, et examinatores contexendi operis deinde non perferamus intempestivos, strepentes ut laesos, si praeteritum sit, quod locutus est imperator in cena, vel omissum quam ob causam gregarii milites coerciti sunt apud signa, et quod non decuerat in descriptione multiplici regionum super exiguis silere castellis, quodque cunctorum nomina, qui ad urbani praetoris officium convenere, non sunt expressa, et similia plurima praeceptis historiae dissonantia, discurrere per negotiorum celsitudines adsuetae, non humilium minutias indagare causarum, quas si scitari voluerit quispiam, individua illa corpuscula volitantia per inane, atomous, ut nos appellamus, numerari posse sperabit.

2. haec quidam veterum formidantes, cognitiones actuum variorum stilis uberibus explicatas non edidere superstites, ut in quadam ad Cornelium Nepotem epistula Tullius quoque testis reverendus adfirmat. proinde inscitia vulgari contempta ad residua narranda pergamus.

3. Hac volubilium casuum diritate exitu luctuoso finita, obituque

intervallato trium brevi tempore principum, corpore curato defuncti, missoque Constantinopolim, ut inter Augustorum reliquias conderetur, progresso Nicaeam versus exercitu, quae in Bithynia mater est urbium, potestatum civilium militiaeque retcores magnitudine curarum adstricti communium, interque eos quidam spe vana sufflati, moderatorem quaeritabant diu exploratum et gravem.

4. Et rumore tenus obscuris paucorum susurris nomen praestringebatur Aequitii, scholae primae Scutariorum etiam tum tribuni, qui cum potiorum auctoritate displicuisset ut asper et subagrestis, translata est suffragatio levis in Ianuarium Ioviani adfinem curantem summitatem necessitatum castrensium per Illyricum.

5. quo itidem spreto quia procul agebat, ut aptus ad id quod quaerebatur atque conveniens Valentinianus nulla discordante sententia numinis adspiratione caelestis electus est, agens scholam Scutariorum secundam relictusque apud Ancyram, postea secuturus ut ordinatum est. et quia nullo renitente hoc e re publica videbatur, missis qui eum venire ocius admonerent, diebus decem nullus imperii tenuit gubernacula, quod tunc evenisse extis Romae inspectis haruspex edixerat Marcus.

6. Inter haec tamen nequid novaretur contrarium placitis, neve armatorum mobilitas saepe versabilis ad praesentium quendam inclinaret arbitrium, adtente providebat Aequitius et cum eo Leo, adhuc sub Dagalaifo magistro equitum rationes numerorum militarium tractans, exitialis postea magister officiorum, exercitus universi iudicium quantum facere nitique poterant, ut Pannonii fautoresque principis designati firmantes.

7. Qui cum venisset accitus, inplendique negotii praesagiis, ut opinari dabatur, vel somniorum adsiduitate, nec videri die secundo nec prodire in medium voluit, bissextum vitans Februarii mensis tunc illucescens, quod aliquotiens rei Romanae fuisse dignorat infaustum. cuius notitiam certam designabo.

8. Spatium anni vertentis id esse periti mundani motus et siderum definiunt veteres, inter quos Meton et Euctemon et Hipparchus et Archimedes excellunt, cum sol perenni rerum sublimium lege polo percurso signifero, quem zodiakon sermo Graecus appellat, trecentis et sexaginta quinque diebus emensis et noctibus ad eundem redierit cardinem, ut verbo tenus, si a secunda particula elatus Arietis ad eam dimensione redierit terminata.

9. sed anni intervallum verissimum memoratis diebus et horis sex usque ad meridiem concluditur plenam, annique sequentis erit post horam sextam initium porrectum ad vesperam. tertius a prima vigilia sumens exordium ad horam noctis extenditur sextam. quartus a medio noctis ad usque claram trahitur lucem.

10. ne igitur haec conputatio variantibus annorum principiis et quodam post horam sextam diei, alio post sextam excursa nocturnam, scientiam omnem squalida diversitate confundat et autumnalis mensis inveniatur quandoque vernalis, placuit senas illas horas, quae quadriennio viginti colliguntur atque quattuor, in unius diei noctisque adiectae transire mensuram.

11. hocque alte considerato, eruditis concinentibus multis effectum est, ut ad unum distinctumque exitum circumversio cursus annui revoluta, nec vaga sit nec incerta, nulloque errore deinceps obumbrata ratio caelestis appareat et menses tempora retineant praestituta.

12. haec nondum extentis fusius regnis diu ignoravere Romani, perque saecula multa obscuris difficultatibus inplicati, tunc magis errorum profunda

caligine fluctuabant cum in sacerdotes potestatem transtulissent interkalandi, qui licenter gratificantes publicanorum vel litigantium commodis ad arbitrium suum subtrahebant tempora vel augebant.

13. hocque ex coepto emerserunt alia plurima, quae fallebant, quorum meminisse nunc supervacuum puto. quibus abolitis Octavianus Augustus Graecos secutus hanc inconstantiam correcta turbatione conposuit, spatiis duodecim mensium et sex horarum magna deliberatione collectis, per quae duodecim siderum domicilia sol discurrens motibus sempiternis anni totius intervalla concludit.

14. quam rationem bissexti probatam etiam victura cum saeculis Roma adiumento numinis divini fundavit. proinde pergamus ad reliqua.

II

1. Elapso die parum apto ad inchoandas rerum magnitudines, ut quidam existimant, propinquante iam vespera, monitu praefecti Sallustii sub exitii denuntiatione statutum est prompta consensione cunctorum, ne potioris quisquam auctoritatis, vel suspectus altiora conari, procederet postridie mane.

2. cumque multorum taedio, quos votorum inanitas cruciabat, tandem finita nocte lux advenisset, in unum quaesito milite omni, progressus Valentinianus in campum permissusque tribunal ascendere celsius structum comitiorum specie, voluntate praesentium secundissima ut vir serius rector pronuntiatur imperii.

3. mox principali habitu circumdatus et corona, Augustusque nuncupatus cum laudibus amplis, quas novitatis potuit excitare dulcedo, praemeditata dicere iam parabat. eoque, ut expeditius loqueretur, brachium exertante, obmurmuratio gravis exoritur concrepantibus centuriis et manipulis cohortiumque omnium plebe urgentium destinate, confestim imperatorem alterum declarari.

4. quod licet non nulli existimarunt paucis corruptis ad gratiam fieri despectorum, ex eo tamen id frustra creditum videbatur, quod non emercati sed consoni totius multitudinis paria volentis clamores audiebantur, documento recenti fragilitatem pertimescentis sublimium fortunarum. dein ex susurris inmaniter strepentis exercitus cieri tumultus violentior apparebat, et confidentia militis erumpentis interdum ad perniciosa facinora timebatur.

5. quod Valentinianus magis prae cunctis ne fieret extimescens, elata prospere dextera, vi principis fiducia pleni ausus increpare quosdam ut seditiosos et pertinaces, cogitata nullis interpellantibus absolvebat:

6. «Exsulto, provinciarum fortissimi defensores, et prae me fero semperque laturus sum, nec speranti nec adpetenti moderamina orbis Romani mihi ut potissimo omnium vestras detulisse virtutes.

7. quod erat igitur in manu positum vestra, nondum electo imperii formatore utiliter et gloriose conplestis adscito in honorum verticem eo, quem ab ineunte adulescentia ad hanc usque aetatis maturitatem splendide integreque vixisse experiundo cognoscitis. proinde pacatis auribus accipite quaeso, simplicioribus verbis quod conducere arbitror in commune.

8. adhiberi oportere in omnes casus socia potestate collegam contemplatione poscente multiplici nec ambigo nec repugno, curarum acervos et mutationes varias accidentium ipse quoque ut homo formidans, sed studendum est concordiae viribus totis, per quam res quoque minimae convalescunt, quod inpetrabitur facile, si patientia vestra cum aequitate

consentiens id mihi, quod mearum est partium, concesserit libens.

9. dabit enim, ut spero, fortuna consiliorum adiutrix bonorum, quantum efficere et consequi possum, diligenter scrutantibus temperatum. ut enim sapientes definiunt, non modo in imperio, ubi pericula maxima sunt et creberrima, verum etiam in privatis cottidianisque rationibus, alienum ad amicitiam, cum iudicaverit quisquam prudens, adiungere sibi debebit, non, cum adiunxerit, iudicare.

10. haec cum spe laetiorum polliceor, vos firmitatem factorum retinentes et fidem, dum hiberna patitur quies, animorum reparate vigorem atque membrorum, ob nuncupationem augustam debita protinus accepturi».

11 . Finita oratione, quam auctoritas erexerat inopina, flexit imperator in suam sententiam universos, consiliique eius viam secuti qui paulo ante flagrantissimis vocibus aliud postulabant, circumsaeptum aquilis et vexillis agminibusque diversorum ordinum ambitiose stipatum iamque terribilem duxerunt in regiam.

III

1. Dum haec in oriente volubiles fatorum explicant sortes, Apronianus regens urbem aeternam iudex integer et severus inter curarum praecipua, quibus haec praefectura saepe sollicitatur, id primum opera curabat enixa, ut veneficos, qui tunc rarescebant, captos postque agitatas quaestiones nocuisse quibusdam apertissime confutatos, indicatis consciis morte multaret, atque ita paucorum discrimine reliquos, siqui laterent, formidine parium exturbaret.

2. haec egisse ideo efficaciter fertur quod Iuliani promotus arbitrio agentis etiam tum per Syrias in itinere unum amiserat oculum, suscipicatusque artibus se nefariis adpetitum iusto quidem sed inusitato dolore haec et alia magna quaeritabat industria. unde quibusdam atrox visus est, in amphitheatrali curriculo undatim coevente aliquotiens plebe, causas dispiciens criminum maximorum.

3. denique post huius modi vindicata conplura Hilarinum aurigam convictum atque confessum, vixdum pubescentem filium suum venefico tradidisse docendum secretiora quaedam legibus interdicta, ut nullo conscio adminiculis iuvaretur internis, capitali animadversione damnavit, qui laxius retinente carnifice subito lapsus confugit ad ritus Christiani sacrarium, abstractusque exinde ilico abscia cervice consumptus est.

4. verum haec similiaque tum etiam ut coercenda mox cavebantur, et nulli vel admodum pauci in his versati flagitiis vigori publico insultarunt, sed tempore secuto longaeva inpunitas nutrivit inmania, usque eo grassante licentia ut imitatus Hilarinum quidam senator, servumque suum modo non per syngrapham arcanis piacularibus inducendum commisisse doctori malarum artium confutatus, supplicium redimeret opima mercede, ut crebrior fama vulgarat.

5. isque ipse hoc genere, quo iactum est, absolutus, cum vitae pudere debet et culpae, non abolendae incubuit maculae, sed tamquam inter multos probrosos solus vacuus ab omni delicto equo phalerato insidens, discurrensque per silices, multa post se nunc usque trahit agmina servulorum per novum quoddam insigne curiosius spectari adfectans, ut Duillium accepimus veterem post gloriosa illa navalis rei certamina id sibi sumpsisse ut tibicine lenius praecinente rediret ad sua post cenam.

6. Sub hoc tamen Aproniano ita iugiter copia necessariorum exuberavit,

ut nulla saltim levia murmura super inopia victui congruentium orerentur, quod adsidue Romae contingit.

IV

1. At in Bithynia Valentinianus princeps, ut praediximus, declaratus, dato in perendinum diem signo proficiscendi, convocatis primoribus, quasi tuta consilia quam sibi placentia secuturus, percunctabatur quemnam ad imperii consortium oporteret adsumi, silentibusque cunctis Dagalaifus tunc equestris militiae rector respondit fidentius «si tuos amas» inquit, «imperator optime, habes fratrem, si rem publicam, quaere quem vestias».

2. quo dicto asperatus ille sed tacitus et occultans quae cogitabat, Nicomediam itineribus citis ingressus Kalendis Martiis Valentem fratrem stabulo suo cum tribunatus dignitate praefecit.

3. indeque cum venisset Constantinopolim, multa secum ipse divolvens et magnitudine urgentium negotiorum iam se superari considerans, nihil morandum ratus quintum Kalendas Aprilis productum eundem Valentem in suburbanum universorum sententiis concinentibus – nec enim audebat quisquam refragari – Augustum pronuntiavit, clecoreque imperatorii cultus ornatum et tempora diademate redimitum in eodem vehiculo secum reduxit, participem quidem legitimum potestatis, sed in modum apparatoris morigerum, ut progrediens aperiet textus.

4. Quibus ita nullo interturbante perfectis, constricti rabidis febribus imperatores ambo diu, spe vivendi firmata, ut erant in inquirendis rebus gnaviores quam in conponendis, suspectas morborum causas investigandas acerrime Vrsatio officiorum magistro Delmatae crudo et Viventio Sisciano quaestori tunc commiserunt, ut loquebatur pertinax rumor, invidiam cientes Iuliani memoriae principis amicisque eius, tamquam clandestinis praestigiis laesi. sed hoc evanuit facile, ne verbo quidem tenus insidiarum indicio ullo reperto.

5. Hoc tempore velut per universum orbem Romanum bellicum canentibus bucinis excitae gentes saevissimae limites sibi proximos persultabant. Gallias Raetiasque simul Alamanni populabantur; Sarmatae Pannonias et Quadi; Picti, Saxonesque et Scotti et Attacotti Brittannos aerumnis vexavere continuis; Austoriani Mauricaeque aliae gentes Africam solito acrius incursabant; Thracias et diripiebant praedatorii globi Gothorum.

6. Persarum rex manus Armeniis iniectabat, eos in suam dicionem ex integro vocare vi nimia properans, sed iniuste causando quod post Ioviani excessum, cum quo foedera firmarat et pacem, nihil obstare debebit quo minus ea recuperaret, quae antea ad maiores suos pertinuisse monstrabat.

V

1. Acta igitur tranquillius hieme concordissimi principes, unus nuncupatione praelatus, alter honore specie tenus adiunctus, percursis Thraciis Naessum advenerunt, ubi in suburbano, quod appellatum Mediana a civitate tertio lapide disparatur, quasi mox separandi partiti sunt comites.

2. et Valentiniano quidem, cuius arbitrio res gerebatur, Iovinus evenit dudum promotus a Iuliano per Gallias magister armorum, et Dagalaifus, quem militiae rectorem provexerat Iovianus: in orientem vero secuturus Valentem ordinatus est Victor, ipse quoque iudicio principis ante dicti provectus, cui

iunctus est Arintheus. Lupicinus enim pridem a Ioviano pari modo promotus magister equitum partes tuebatur eoas.

3. tunc et Aequitius Illyriciano praeponitur exercitui, nondum magister sed comes, et Serenianus, olim sacramento digressus, recinctus est, ut Pannonius sociatusque Valenti domesticorum praefuit scholae. quibus ita digestis et militaris partiti numeri.

4. Et post haec cum ambo fratres Sirmium introissent, diviso palatio, ut potiori placuerat, Valentinianus Mediolanum, Constantinopolim Valens discessit.

5. et orientem quidem regebat potestate praefecti Sallustius, Italiam vero cum Africa et Illyrico Mamertinus, et Gallicas provincias Germanianus.

6. agentes igitur in memoratis urbibus principes sumpserunt primitus trabeas consulares, omnisque hic annus dispendiis gravibus rem Romanam adflixit.

7. Alamanni enim perrupere Germaniae limites, hac ex causa solito infestius moti. cum legatis eorum missis ad comitatum certa et praestituta ex more munera praeberi deberent, minora et vilia sunt adtributa, quae illi suscepta furenter agentes ut indignissima proiecere. tractatique asperius ab Vrsatio tunc magistro officiorum, iracundo quodam et saevo, regressi factumque exaggerentes ut contumeliose despectas gentes inmanissimas concitarunt.

8. Et circa id tempus aut non multo posterius in oriente Procopius in res surrexerat novas, quae prope Kalendas Novembris venturo Valentiniano Parisios ... eodemque nuntiata sunt die.

9. Et Alamannis quidem occursurum Dagalaifum pergere mature praecepit, qui vastitatis propinquioribus locis longius discesserant incruenti. super adpetitu vero Procopi antequam adulesceret reprimendo curis diducebatur ambiguis, ea potissimum ratione sollicitus quod ignorabat utrum Valente superstite an extincto memoratus imperium adfectarat.

10. Aequitius enim relatione Antoni tribuni accepta, agentis in Dacia mediterranea militem, qui nihil praeter negotium ipsum auditum obscure significabat, ipse quoque nondum liquida fide conperta simplicibus verbis principem gestorum conscium fecit.

11. his cognitis Valentinianus eodem Aequitio aucto magisterii dignitate repedare ad Illyricum destinabat, ne persultatis Thraciis perduellis iam formidatus invaderet hostili excursu Pannonias. documento enim recenti inpendio terrebatur, reputans paulo antea Iulianum, contempto imperatore bellorum civilium ubique victore, nec speratum ante nec exspectatum ab urbe in urbem incredibili velocitate transisse.

12. verum ardens ad redeundum eius impetus molliebatur consiliis proximorum, suadentium et orantium ne interneciva minantibus barbaris exponeret Gallias, neve hac causatione provincias desereret egentes adminiculis magnis, iisque legationes urbium accessere nobilium, precantes ne in rebus duris et dubiis inpropugnatas eas relinqueret, quas praesens eripere poterit discriminibus maximis, metu ambitiosi nominis sui Germanis incusso.

13. Tandem denique utilitate rei perpensius excogitata, in multorum sententias flexus replicabat aliquotiens, hostem suum fratrisque solius esse Procopium, Alamannos vero totius orbis Romani; statuitque nusquam interim extra confinia moveri Gallorum.

14. et ad usque Remos progressus sollicitusque super Africa, ne repente perrumperetur, Neoterium, postea consulem, tunc notarium, ad eandem

tuendam ire disposuit, et Masaucionem domesticum protectorem ea consideratione, quod diu sub patre Cretione quondam comite educatus suspecta noverat loca, hisque scutarium adiunxit Gaudentium olim sibi cognitum et fidelem.

15. Quia igitur uno eodemque tempore utrubique turbines exarsere maestissimi, conpetenti loco singula digeremus, nunc partem in oriente gestorum, deinde bella barbarica narraturi, quoniam pleraque et in occidentali et in eoo orbe isdem mensibus sunt actitata, ne dum ex loco subinde saltuatim redire festinamus in locum, omnia confundentes squaliditate maxima rerum ordines inplicemus.

VI

1. Insigni genere Procopius in Cilicia natus et educatus, ea consideratione qua propinquitate Iulianum postea principem contingebat, a primo gradu eluxit, et ut vita moribusque castigatior licet occultus erat et taciturnus, notarius diu perspicaciter militans et tribunus iamque summatibus proximus, post Constanti obitum in rerum conversione velut imperatoris cognatus altius anhelabat, adiunctus consortio comitum: et adparebat eum si umquam potuisset, fore quietis publicae turbatorem.

2. hunc Iulianus Persidem ingrediens, consociato pari potestatis iure Sebastiano, in Mesopotamia cum manu militum reliquerat valida, mandaratque, ut susurravit obscurior fama – nemo enim dicti auctor extitit verus – pro cognitorum ageret textu, et si subsidia rei Romanae languisse sensisset, imperatorem ipse se provideret ocius nuncupari.

3. qui iniuncta civiliter agens et caute, Iuliani letaliter vulnerati funus, et ad regenda communia conperit Iovianum evectum, falsoque rumore disperso inter abeuntis anhelitus animae eundem Iulianum sero mandasse, placere sibi Procopio clavos summae rei gerendae committi, veritus ne hac ex causa indemnatus occideretur, e medio se conspectu discrevit, maxime post Ioviani territus necem notariorum omnium primi, quem Iuliano perempto veluti dignum imperio paucis militibus nominatum, novaque exinde coeptare suspectum cruciabiliter didicerat interfectum.

4. et quia se quaeri industria didicerat magna, vitans gravioris invidiae pondus, ad abdita longiusque remota discessit. cumque a Ioviano exploratius indagari latibula sua sentiret, et ferinae vitae iam fuisset pertaesum – quippe a celsiore statu deiectus ad inferiora etiam edendi penuria in locis squalentibus stringebatur hominumque egebat conloquiis – postremae necessitatis inpulsu deviis itineribus ad Chalcedonos agrum pervenit.

5. ubi, quoniam ei illud firmius visum est receptaculum, apud fidissimum amicorum delitescebat, Strategium quendam ex palatino milite senatorem, Constantinopolim quantum fieri poterat clanculo saepe intermeans, ut indicio eiusdem Strategi patuit, postquam saepius in factionis conscios est inquisitum.

6. ritu itaque sollertissimi cuiusdam speculatoris ignotus ob squalorem vultus et maciem rumusculos colligebat tunc crebrescentes, ut sunt acerba semper istantia, incusantium multorum Valentem quasi cupiditate aliena rapiendi succensum.

7. cuius diritati adiectum erat incentivum exitiale socer Petronius, ex praeposito Martensium militum promotus repentino saltu patricius, animo deformis et habitu, qui ad nudandos sine discretione cunctos inmaniter

flagrans, nocentes pariter et insontes post exquisita tormenta quadrupli nexibus vinciebat, debita iam inde a temporibus principis Aureliani perscrutans et inpendio maerens, si quemquam absolvisset indemnem.

8. cuius morum intolerantiae haec quoque pernicies accedabat quod, cum ditaretur luctibus alienis, erat inexorabilis et crudelis et intrepido corde crudissimus, nec reddendae nec accipiendae rationis umquam capax, invisior Cleandro quem agentem sub imperatore Commodo praefecturam sublata vecordia diversas legimus vexasse fortunas, et onerosior Plautiano qui praefectus itidem sub Severo ultra mortale tumens cuncta confuderat, ni gladio perisset ultore.

9. haec lacrimosa, quae incitante Petronio sub Valente clausere multas paupertinas et nobiles domos, inpendentiumque spes atrocior provincialium et militum paria gementium sensibus imis haerebant, et votis licet obscuris et tacitis permutatio status praesentis ope numinis summi concordi gemitu poscebatur.

10. quae Procopius latenter accipiens, arbitratusque, ubi felicius acciderit fatum, negotio levi ad apicem summae potestatis adsumi, subsidebat ut praedatrix bestia viso, quod capi poterit, protinus eruptura.

11. cui ad quae maturabat ardenti fors hanc materiam dedit inpendio tempestivam. consumpta hieme festinans ad Syriam Valens iamque fines Bithynorum ingressus docetur relationibus ducum gentem Gothorum ea tempestate intactam ideoque saevissimam conspirantem in unum ad pervadenda parari conlimitia Thraciarum: hocque cognito ut inpraepedite ipse pergeret quo tendebat sufficiens equitum adiumentum et peditum mitti iussit ad loca, in quibus barbarici timebantur excursus.

12. dimoto itaque longius principe, Procopius aerumnis diuturnis adtritus et vel atrocem mortem clementiorem ratus malis quibus adflictabatur, aleam periculorum omnium iecit abrupte; extrema iam perpeti nequaquam timens praeeunte perdita ratione facinus adoritur audacissimum Divitenses Tungricanosque Iuniores ad procinctum urgentem per Thracias inter alios celerare dispositos et Constantinopoli moraturos sollemniter biduum per quosdam ex isdem numeris notos sollicitare properans, quia cum omnibus loqui periculosum erat et arduum, fidem paucorum elegit.

13. qui pellecti spe praemiorum ingentium sub consecratione iuris iurandi promisere se quae vellet cuncta facturos, favorem quoque polliciti conturmalium, inter quos ipsi potiorem locum obtinebant in suadendo stipendiis excellentes et meritis.

14. utque condictum est, ubi excanduit radiis dies, idem Procopius diductus in cogitationes varias Anastasianas balneas petit a sorore Constantini cognominatas, ubi locata noverat signa, doctusque per arcanorum conscios omnes in eius studium consensisse societate coita nocturna fide salutis data libenter admissus constipatione vendibilium militum cum honore quidem sed in modum tenebatur obsessi, qui ut praetoriani quondam post Pertinacis necem licitantem imperii praemia Iulianum susceperant, ipsi quoque Procopium infausti dominatus exordia molientem adtenti ad omne conpendium defenderunt.

15. Stetit itaque subtabidus – excitum putares ab inferis – nusquam reperto paludamento, tunica auro distincta ut regius minister, indutus a calce in pubem in paedagogiani pueri speciem, purpureis opertus tegminibus pedum, hastatusque purpureum itidem pannulum laeva manu gestabat, ut in theatrali scaena simulacrum quoddam insigne per aulaeum vel mimicam cavillationem subito putares emersum.

16. ad hoc igitur dehonestamentum honorum omnium ludibriose sublatus, et ancillari adulatione beneficii adlocutus auctores, opesque pollicitus amplas et dignitates ob principatus primitias, processit in publicum multitudine stipatus armatorum, signisque sublatis erectius ire pergebat, circumclausus horrendo fragore scutorum lugubre concrepantium, quae metuentes ne a celsioribus tectis saxis vel tegularum fragmentis conflictarentur, densius ipsis galearum cristis aptabant.

17. Huic intimidius incedenti nec resistebat populus nec favebat, accendebatur tamen insita plerisque vulgarium novitatis repentina iucunditate, ea re potius incitante, quod Petro nium, ut praediximus, divitias violenter augentem omnes eadem mente detestabant, qui sepulta iam dudum negotia et redivivas nebulas debitorum in diversos ordines excitabat.

18. cum itaque tribunal idem escendisset Procopius, et cunctis stupore defixis teneretur silentium triste, procliviorem viam ad mortem, ut sperabat, existimans advenisse, per artus tremore diffuso inplicatior ad loquendum, diu tacitus stetit, pauca tamen interrupta et moribunda voce dicere iam exorsus, quibus stirpis propinquitatem imperatoriae praetendebat, leni paucorum susurro pretio inlectorum, deinde tumultuariis succlamationibus plebis imperator appellatus incondite, petit curiam raptim. ubi nullo clarissimorum sed ignobili paucitate inventa, palatium pessimo pede festinatis passibus introiit.

19. Mirantur quidam profecto inrisione digna principia incaute coepta et temere, ad ingemiscendas erupisse rei publicae clades, ignari forsitan exemplorum, accidisse primitus arbitrantes.

20. Sic Adramyttenus Andriscus de genere quidam infimae sortis ad usque Pseudophilippi nomen evectus bellis Macedonicis tertium addidit grave. sic Antiochiae Macrino imperatore agente ab Emesa Heliogabalus exivit Antoninus ita inopino impetu Maximini Alexander cum Mamaea matre confossus est. in Africa superior Gordianus in imperium raptus adventantium periculorum angoribus inplicatus vitam laqueo spiritu intercluso profudit.

VII

1. Igitur cupediarum vilium mercatores et qui intra regiam apparebant aut parere desierant, quique coetu militarium nexi ad pacatiora iam vitae discesserant, in insoliti casus ambigua partim inuiti, alii volentes adsciscebantur, non nulli omnia tutiora praesentibus rati e civitate occulte dilapsi imperatoris castra petivere itineribus festinatis.

2. Hos omnes Sophronias vivacissimo cursu praegressus, tunc notarius, praefectus postea Constantinopoleos, Valentem a Caesarea Cappadocum iam profecturum ut vaporatis aestibus Ciliciae iam lenitis ad Antiochiae percurreret sedes, textu narrato gestorum, spe dubia et in talibus percitum et stupentem, avertit Galatiam, res adhuc trepidas arrepturum.

3. Qui dum itineribus properat magnis, attentissima cura Procopius in dies agitabat et noctes, subditivos quosdam ostentans, qui astutia confidenti partim ab oriente, alii e Gallis se venisse et Valentinianum obisse fingentes cuncta patere novo et favorabili principi memorabant.

4. et quia res novae petulanter arreptae celeritate muniri solent interdum, nequid formidandum omitteretur, confestim Nebridius in locum Sallusti praefectus praetor io factione Petronii recens promotus, et Caesarius Constantinopolitanae urbis praefectus in vincula conpinguntur, et iubetur

civitatem curare solita potestate Phronemius, esseque magister officiorum Euphrasius, ambo Galli institutis bonarum artium spectatissimi, et administratio negotiorum castrensium Gomoario et Agiloni revocatis in sacramentum committitur inconsulte, ut docuit rerum exitus proditor.

5. quia igitur Iulius comes per Thracias copiis militaribus praesidens, oppressurus rebelles, si conperisset conata, ex propinquis stationibus timebatur, commentum excogitatum est validum, et quasi iussu Valentis seria super barbaricis motibus tractaturus, Nebridii litteris adhuc clausi violenter expressis accitus Constantinopolim, strictius tenebatur. hacque callida fraude bellatrices Thraciae gentes sine cruore adquisitae, adminicula ausis tumultuariis maxima conpararunt.

6. post quae ita eventu laetiore completa Araxius exambita regia praetorio praefectus accessit, velut Agilone genero suffragante, aliique plures ad aulae varios actus et administrandas provincias sunt admissi, quidam inviti, alii ultro semet offerentes cum praemiis.

7. utique in certaminibus intestinis usu venire contingit, emergebant ex vulgari faece non nulli, desperatione consiliisque ductantibus caecis, contraque quidam orti splendide a culminibus summis ad usque mortes et exilia conruebant.

8. Vbi per haec et similia factio firmiter videbatur esse conposita, restabat ut abundans cogeretur militum manus, et impetratum est facile, id quod in publicis turbamentis aliquotiens ausa ingentia vel iustis exorsa primordiis inpedivit.

9. transeuntes ad expeditionem per Thracias concitatae equitum peditumque turmae blandeque acceptae et liberaliter cum essent, omnesque in unum quaesitae, iamque exercitus species appareret, promissis uberrimis inhiantes, sub exsecrationibus diris in verba iuravere Procopii, hanc polliciti pertinaciam quod eum suis animis defensabunt.

1O. inventa est enim occasio ad alliciendos eos perquam oportuna, quod Constanti filiam parvulam, cuius recordatio colebatur, sinu ipse circumferens necessitudinem praetendebat et Iuliani. adeptusque est aliud tempori congruum, quod Faustina matre puellae casu praesente quaedam acceperat habitus insignia principalis.

11. adiungit his aliud veloci diligentia maturandum, et electi quidam stoliditate praecipites ad capessendum Illyricum missi sunt nullo praeter petulantiam adiumento confisi, aureos scilicet nummos effigiatos in vultum novi principis aliaque ad inlecebras aptantes, quos correptos Aequitius per eas regiones militum rector exstinxit genere diverso poenarum.

12. pariaque deinde metuens obstruxit tres aditus angustissimos, per quos provinciae temptantur arctoae, unum per ripensem Daciam, alterum per Succos notissimum, tertium per Macedonas quem appellant Acontisma. hacque cautela vana persuasione rapiendi Illyrici destitutus usurpator indebitae potestatis magna perdidit instrumenta bellorum.

13. Dum haec ita aguntur, atrocitate nuntii Valens perculsus iamque revertens per Gallograeciam, auditis apud Constantinopolim gestis diffidenter incedebat et trepide, ac repentino pavore vias providendi turbante, eo usque desponderat animum ut augustos amictus abicere tamquam gravem sarcinam cogitaret, fecissetque profecto, ni vetantibus proximis detractus a deformi proposito firmatusque meliorum sententiis agmina duo praeire iussisset, quibus nomina sunt Iovii atque Victores, castra perduellium inrupturos.

14. his iam propinquantibus ipse Procopius a Nicaea regressus, quo nuper advenerat, cum Divitensibus desertorumque plebe promiscua, quam

dierum brevi spatio congregarat, Mydgum adceleravit, qui locus Sangario adluitur flumine.

15. ubi cmn legiones iam pugnaturae congrederentur, inter reciprocantes missilia quasi procursatione hostem lacessens solus prorupit in medium. et secundioris ductu fortunae ex contraria acie velut agnitum quendam Vitalianum, quem si norat ambigitur, Latine salute data blande produxit, eumque porrecta dextera saviatus omnibus hinc inde attonitis.

16. «en» inquit «cana Romanorum exercituum fides et religionibus firmis iuramenta constricta! placet, fortissimi viri, pro ignotis tot suorum consurrexisse mucrones, utque Pannonius degener labafactans cuncta et proterens, imperio, quod ne votis quidem concipere ausus est umquam, potiatur, ingemiscere nos vestris nostrisque vulneribus. quin potius sequimini culminis summi prosapiam, non ut rapiat aliena sed in integrum maiestatis avitae restituatur, arma iustissima commoventem».

17. Hac sermonis placiditate molliti omnes, qui acriter venerant pugnaturi, signorum apicibus aquilisque summissis descivere libentes ad eum, et pro terrifico fremitu, quem barbari dicunt barritum, nuncupatum imperatorem stipatumque idem consentientes in unum reduxerunt ad castra, testati more militiae Iovem, invictum Procopium fore.

VIII

1. Huic perduellium prosperitati laetior accessit. Rumitalca enim tribunus in societatem Procopianorum adscitus et suscepta cura palatii, digesto mature consilio, permeatoque cum militibus mari ad Drepanum antea, nunc Helenopolim venit exindeque Nicaeam spe celerius occupavit.

2. ad quam obsidendam cum huius modi pugnarum peritis Vadomario misso ex duce et rege Alamannorum, Valens Nicomediam pergit. exindeque profectus oppugnationi Chalcedonis magnis viribus insistebat, cuius e muris probra in eum iaciebantur et iniuriose conpellebatur ut Sabaiarius. est autem sabaia ex ordeo vel frumento in liquorem conversis paupertinus in Illyrico potus.

3. fessus denique inopia commeatuum, et obstinatione nimia defensorum, discedere iam parabat, cum inter haec clausi apud Nicaeam, patefactis subito portis egressi, munitorum magna parte prostrata, ductore fidentissimo Rumitalca properabant ardenter circumventuri Valentem a tergo, nondum a Chalcedonos suburbano digressum, et patrassent conata, ni rumore quodam praeverso imminens exitium ille perdoctus, instantem vestigiis hostem per Sunonensem lacum et fluminis Galli sinuosos amfractus propere discedendo frustra sequentem lusisset. et hoc casu Bithynia quoque in Procopii dicionem redacta est.

4. Vnde cum Ancyram Valens citis itineribus revertisset, conperissetque Lupicinum ab oriente cum catervis adventare non contemnendis, spe prosperorum erectior Arintheum lectissimum ducem occursurum hostibus misit.

5. qui ubi Dadastanam tetigit, in qua statione perisse diximus Iovianum, Hyperethium sibi oppositum repente vidit cum copiis antehac rectoris Castrensis adparitorem id est ventris ministrum et gutturis, cui at amico Procopius auxilia ductanda commisit. et dedignatus hominem superare certamine despicabilem, auctoritatis et celsi fiducia corporis, ipsis hostibus iussit suum vincire rectorem: atque ita turmarum antesignanus umbratilis

conprensus suorum manibus.

6. Quae dum hoc modo procedunt, Venustus quidam largitionum apparitor sub Valente, multo ante Nicomediam missus, ut aurum susceptum stipendii nomine militibus per orientem diffusis viritim tribueret, hac tristitia cognita alienum pervidens tempus, Cyzicum cum his, quae susceperat, se citius contulit.

7. ubi forte Serenianus repertus domesticorum tunc comes, missus ad thesauros tuendos, urbem inexsuperabili moenium ambitu monumentis quoque veteribus cognitam, fretus tumulturio praesidio custodiebat: ad quam expugnandam Procopius, ut, possessa Bithynia, sibi etiam Hellespontum iungeret, validam destinaverat manum.

8. morabantur autem effectum sagittis et glandibus ceterisque iaculis obsidentium saepe globi confixi, et propugnatorum sollertia claustrum per catenam ferream valde robustam ori portus insertum, quae, ne rostratae inruerent naves hostiles, erat altrinsecus conligata.

9. hanc post varios militum labores et ducum, fatigatorum acerrimis proeliis, Aliso quidam tribunus abscidit, exsertus bellator et prudens, hoc modo. coniunctis tribus navigiis, testudinem hac specie superstruxit. densetis cohaerentes supra capita scutis, primi transtris instabant armati, alii post hos semet curvantes humilius, tertiis gradatim inclinatis summisse, ita ut novissimi suffraginibus insidentes formam aedificii fornicati monstrarent. quod machinae genus contra murales pugnas ideo figuratur hac specie, ut missilium ictus atque saxorum per decursus cadentium labiles, instar imbrium evanescant.

10. itaque coniectu telorum Aliso paulisper defensus ingenti corporis robore, supposito stipite eandem catenam fortius bipenni concidens ita confregit, ut disiecta patefaceret aditum latum, hocque exitu civitas hostili impetu patuit improtecta. qua causa extincto postea proterviae totius auctore cum in factionis participes saeviretur, hic idem tribunus contemplatione facinoris clari vitam cum militia retinens, diu post in Isauria oppetit vastatoria manu confossus.

11. Hoc Marte Cyzico reserata, Procopius ad eam propere festinavit, veniaque universis, qui repugnavere, donatis Serenianum solum iniectis vinculis iussit duci Nicaeam servandum artissime.

12. statimque Ormizdae maturo iuveni, Ormizdae regalis illius filio, potestatem proconsulis detulit, et civilia more veterum et bella recturo. qui agens pro moribus lenius, a militibus, quos per devia Phrygiae miserat Valens, subito corripiendus incursu, tanto vigore evasit ut escensa navi, quam ad casus pararat ancipites, sequentem ac paene captam uxorem sagittarum nube diffusa defensam averteret secum: matronam opulentam et nobilem, cuius verecundia et destinatio gloriosa abruptis postea discriminibus maritum exemit.

13. Ea victoria ultra homines sese Procopius efferens et ignorans quod quivis beatus versa rota Fortunae ante vesperum potest esse miserrimus, Arbitionis domum, cui antea tamquam eadem sibi sentientis parcebat ut propriae, iussit exinaniri mobilis census inaestimabilis plenam, ideo indignatus quod venire ad eum accitus aliquotiens distulit, causatus incommoda senectutis et morbos.

14. et licet hac ex causa praesumptor momentum pertimesceret grave, tamen, cum obsistente nullo se in orientales provincias effundere libenti cunctorum adsensione iam licentius posset, avidas novitatem quandam visere taedio asperioris imperii, quo tunc tenebantur: erga alliciendas quasdam

civitates Asiae legendosque eruendi peritos auri, ut sibi profuturos proeliis, quae magna exspectabat et crebra, segnius commoratus in modum acuti mucronis obtunsus est.

15. ut quondam Pescennius Niger ad subveniendum spei rerum extremae a Romano populo saepe accitus dum diu cunctatur in Syria, a Severo superatus in sinu Issico, qui est in Cilicia, ubi Dareum Alexander fudit, fugatusque in suburbano quodam Antiochiae gregarii manu militis interiit.

IX

1. Haec adulta hieme Valentiniano et Valente consulibus agebantur. translato vero in Gratianum t adhuc privatum et Dagalaifum amplissimo magistratu, aperto iam vere, suscitatis viribus Valens iuncto sibi Lupicino cum robustis auxiliis Pessinunta signa propere tulit, Phrygiae quondam, nunc Galatiae oppidum.

2. quo praesidiis ocius communito, nequid inopinum per eos emergeret tractus, praeter radices Olympi montis excelsi tramitesque fragosos ire tendebat ad Lyciam, oscitantem ibi Gomoarium adgressurus.

3. cui pertinaci conspiratione multorum hac maxima consideratione resistebatur, quod hostis eius, ut ante relatum est, Constanti filiam parvulam cum matre Faustina et in agminibus et cum prope in acie starent, lectica circumferens secum, ut pro imperiali germine, cui se quoque iunctum addebat, pugnarent audentius, iras militum accenderat. sicut aliquando dimicaturi Macedones cum Illyriis regern adhuc infantem in cunis locavere post aciem, cuius metu, ne traheretur captivus, adversos fortius oppresserunt.

4. Contra has calliditatis argutias sagaci opitulatione nutanti negotio consuluit imperator: et Arbitionem ex consule, agentem iam dudum in otio, ad se venire hortatus est, ut Constantiniani ducis verecundia truces animi lenirentur, neque secus evenit.

5. nam cum omnibus provectior natu et dignitate sublimior canitiem reverendam ostenderet multis ad perfidiam inclinatis, publice grassatorem Procopium, milites vero secutos eius errorem filios et laborum participes pristinorum adpellans orabat, ut se ac si parentem magis sequerentur felicissimis ductibus cognitum, quam profligato morem gererent nebuloni destituendo iam et casuro.

6. quibus cognitis Gomoarius cum elusis hostibus, unde venerat, redire posset innoxius, ad castra imperatoris oportunitate intervalli proximi, captivi colore transivit, velut adcursu multitudinis visae subito circumsaeptus.

7. Qua successus alacritate Valens castra promovit ad Phrygiam et prope Nacoliam conlatis manibus partium dux in ancipiti Agilo rem excursu prodidit repentino, eumque secuti conplures iam pila quatientes et gladios ad imperatorem transeunt, cum vexillis scuta perversa gestantes, quod defectionis signum est apertissimum.

8. Hoc praeter spem omnium viso Procopius, salutis intercluso suffugio, versus in pedes, circumiectorum nemorum secreta et montium petebat, Florentio sequente et Barchalba tribuno, quem per saevissima bella iam inde a Constanti temporibus notum necessitas in crimen traxerat, non voluntas.

9. maiore itaque noctis parte consumpta cum a vespertino ortu luna praelucens in diem metum augeret, undique facultate evadendi exempta, consiliorum inops Procopius, ut in arduis necessitatibus solet, cum Fortuna expostulabat luctuosa et gravi, mersusque multiformibus curis subito a

comitibus suis artius vinctus relato iam die ductus ad castra imperatori offertur reticens atque defixus, statimque abscisa cervice discordiarum civilium gliscentes turbines sepelivit et bella ad veteris Perpennae exemplum, qui post Sertorium inter epulas obtruncatum dominatione paulisper potitus a frutectis, ubi latebat, extractus oblatusque Pompeio eius iussu est interfectus.

10. Parique indignationis impetu Florentius et Barchalba, qui eum duxerunt, confestim non pensata ratione sunt interfecti. Nam si principem legitimum prodidissent, vel ipsa Iustitia iure caesos pronuntiaret; si rebellem et oppugnatorem internae quietis, ut ferebatur, amplas eis memorabilis facti oportuerat deferri mercedes.

11. Excessit autem vita Procopius anno quadragesimo, amplius mensibus decem: corpore non indecoro nec mediocris staturae, subcurvus humumque intuendo semper incedens, perque morum tristium latebras illius similis Crassi, quem in vita semel risisse Lucilius adfirmat et Tullius, sed, quod est mirandum, quoad vixerat, incruentus.

X

1. Isdem fere diebus protector Marcellus, eiusdem cognatus, agens apud Nicaeam praesidium, proditione militum et interitu Procopii cognito, Serenianum intra palatium clausum medio noctis horrore incautum adortus occidit. cuius mors saluti plurimis fuit.

2. nam si victoriae superfuisset incultis moribus homo et nocendi acerbitate conflagrans, Valentique ob similitudinem morum et genitalis patriae vicinitatem acceptus, occultas voluntates principis introspiciens ad crudelitatem propensioris multas innocentium ediderat strages.

3. Quo interfecto idem Marcellus occupata celeri cursu Chalcedone, concrepantibus paucis, quos vilitas et desperatio trudebat in scelus, umbram principatus funesti capessit gemina ratione fallente, quod et Gothorum tria milia regibus iam lenitis ad auxilium erant missa Procopio, Constantianam praetendenti necessitudinem, quae ad societatem suam parva mercede traduci posse existimabat, quodque gesta in Illyrico etiam tum latebant.

4. Inter quae tam trepida, speculationibus fidis Aequitius doctus conversam molem belli totius in Asiam, digressus per Succos Philippopolim clausam praesidiis hostium, Eumolpiadam veterem reserare magna vi conabatur, urbem admodum oportunam et inpedituram eius adpetitus, si pone relicta adiumenta Valenti laturus – nondum enim apud Nacoliam gesta conpererat – festinare ad Haemimontum cogeretur.

5. verum paulo postea cognita levi praesumptione Marcelli, milites missi sunt audaces et prompti, qui eum raptum ut deditum noxae mancipium in custodiam conpegerunt. unde post dies productus, lateribus sulcatis acerrime, pariaque perpessis consortibus interiit, hoc favorabilis solo quod abstulit Serenianum e medio, crudelem ut Phalarim, et illi fidum ad doctrinarum diritatem, quam causis inanibus praetexebat.

6. Exstirpatis occasu ducis funeribus belli, saevitum est in multos acrius quam errata flagitaverant vel delicta, maximeque in Philippopoleos defensores, qui urbem seque ipsos non nisi capite viso Procopii, quod ad Gallias portabatur, aegerrime dediderunt.

7. ad gratiam tamen precantium coerciti sunt aliqui lenius. inter quos eminebat Araxius, in ipso rerum exustarum ardore adeptus ambitu praefecturam, et Agilone intercedente genero supplicio insulari multatus,

breve post tempus evasit.

8. Euphrasius vero itemque Phronemius missi ad occiduas partes arbitrio obiecti sunt Valentiniani, et absoluto Euphrasio Phronemius Cherronesum deportatur, inclementius in eodem punitus negotio ea re, quod divo Iuliano fuit acceptus, cuius memorandis virtutibus ambo fratres principes obtrectabat nec similes eius nec suppares.

9. His accedebant alia graviora et multo magis quam in proeliis formidanda. carnifex enim et unci et cruentae quaestiones sine discrimine ullo aetatum et dignitatum per fortunas omnes et ordines grassabantur et pacis obtentu ius detestandum agitabatur, infaustam victoriam exsecrantibus universis internecivo bello quovis graviorem.

10. nam inter arma et lituos condicionis aequatio leviora facit pericula, et Martiae virtutis potestas aut id, quod ausum, occupat, aut inopinata mors, si acciderit, nullum ignominiae continet sensum finemque secum vivendi simul et dolendi perducit: ubi vero consiliis impiis iura quidem praetenduntur et leges et Catonianae vel Cassianae sententiae fuco perliti resident iudices, agitur autem, quod agitur, ad voluntatem praetumidae potestatis, et ex eius libidine incedentium vitae necisque momenta pensantur, ibi capitalis vertitur pernicies et abrupta.

11. nam ut quisque ea tempestate ob quamlibet voluerat causam, regiae propere accedens et aliena rapiendi aviditate exustus, licet aperte insontem arcessens ut familiaris suscipiebatur et fidus, ditandus casibus alienis.

12. imperator enim promptior ad nocendum, criminantibus patens et funereas delationes adsciscens, per supplitiorum diversitates effrenatius exultavit, sententiae illius Tullianae ignarus, docentis infelices esse eos qui omnia sibi licere existimarunt.

13. haec inplacabilitas causae quidem piissimae sed victoriae foedioris innocentes tortoribus exposuit multos, vel sub eculeo caput incurvos aut ictu carnificis torvi substravit: quibus, si pateretur natura, vel denas animas profundere praestabat in pugna quam lateribus fodicatis omni culpa inmunes, fortunis gementibus universis, quasi laesae maiestatis luere poenas, dilaniatis ante corporibus, quod omni est tristius morte.

14. exin cum superata luctibus ferocia deflagrasset, proscriptiones et exilia et quae leviora quibusdam videntur, quamquam sint aspera, viri pertulere summates, et ut ditaretur alius, genere nobilis et forte meritis locupletior actus patrimonio praeceps trususque in exilium consumebatur angore aut stipe precaria victitabat, nec modus ullus exitialibus malis inpositus quam diu principem et proximos opum satietas cepit et caedis.

15. Hoc novatore adhuc superstite, cuius actus multiplices docuimus et interitum, diem duodecimum Kalendas Augustas, consule Valentiniano primum cum fratre, horrendi terrores per omnem orbis ambitum grassati sunt subito, qualis nec fabulae nec veridicae nobis antiquitates exponunt.

16. paulo enim post lucis exortum densitate praevia fulgurum acrius vibratorum tremefacta concutitur omnis terreni stabilitas ponderis, mareque dispulsum retro fluctibus evolutis abscessit, ut retecta voragine profundorum, species natantium multiformes limo cernerentur haerentes, valliumque vastitates et montium tunc, ut opinari dabatur, suspicerent radios solis, quos primigenia rerum sub inmensis gurgitibus amendavit.

17. multis igitur navibus velut arida humo conexis, et licenter per exiguas undarum reliquias palantibus plurimis, ut pisces manibus colligerent et similia: marini fremitus velut gravati repulsam versa vice consurgunt perque vada ferventia insulis et continentis terrae porrectis spatiis violenter inlisi,

innumera quaedam in civitatibus et ubi reperta sunt aedificia, conplanarunt: proinde ut elementorum furente discordia involuta facies mundi miraculorum species ostendebat.

18. relapsa enim aequorum magnitudo cum minime speraretur, milia multa necavit hominum et submersit recurrentiumque aestuum incitata vertigine, quaedam naves, postquam umentis substantiae consenuit tumor, pessum datae visae sunt exanimataque naufragiis corpora supina iacebant aut prona.

19. ingentes aliae naves extrusae rabidis flatibus culminibus insedere tectorum, ut Alexandriae contigit: et ad secundum lapidem fere procul a litore contortae sunt aliquae, ut Laconicam prope Mothonen oppidum nos transeundo conspeximus diuturna carie fatiscentem.

LIBER XXVII

I

1. Dum per eoum orbem haec, quae narravimus, diversi rerum expediunt casus, Alamanni post aerumnosas iacturas et vulnera, quae congressi saepe Iuliano Caesari pertulerunt, viribus tandem resumptis licet inparibus pristinis, ob causam expositam supra Gallicanos limites formidati iam persultabant. statimque post Kalendas Ianuarias, cum per glaciales tractus hiemis rigidum inhorresceret sidus, cuneatim egressa multitudo licentius vagabatur.

2. horum portioni primae Charietto, tunc per utramque Germaniam comes, occursurus cum milite egreditur ad bella ineunda promptissimo, adscito in societatem laboris Severiano itidem comite invalido et longaevo, qui apud Cabillona Divitensibus praesidebat et Tungricanis.

3. proinde confertius agmine in unum coacto ponteque brevioris aquae firma celeritate transmisso, visos eminus barbaros Romani sagittis aliisque levibus iaculis incessebant, quae illi reciprocis iactibus valide contorquebant.

4. ubi vero turmae congressae strictis conflixere mucronibus, nostrorum acies impetu hostium acriore concussa nec resistendi nec faciendi fortiter copiam repperit, cunctis metu conpulsis in fugam, cum Severianum vidissent equo deturbatum missilique telo per os fixum.

5. ipse denique Charietto dum cedentes obiectu corporis et vocis iurgatorio sonu audentius retinet, pudendumque diluere dedecus fiducia diu standi conatur, oppetit telo letali confixus.

6. post cuius interitum Erulorum Batavorumque vexillum direptum, quod insultando tripudiantes barbari crebro sublatum altius ostendebant, post certamina receptum est magna.

II

1. Qua clade cum ultimo maerore conperta conrecturus secius gesta Dagalaifus a Parisiis mittitur. eoque diu cunctante causanteque diffusos per varia barbaros semet adoriri non posse, accitoque paulo post ut cum Gratiano etiam tum privato susciperet insignia consulatus, Iovinus equitum magister accingitur, et instructus paratusque, cautissime observans utrumque sui agminis latus, venit prope locum Scarponna, ubi inopinus maiorem barbarorum plebem antequam armaretur temporis brevi puncto praeventam

ad internecionem extinxit.

2. exultantes innoxii proelii gloria milites ad alterius globi perniciem ducens sensimque incedens rector eximius speculatione didicit fida, direptis propius villis vastatoriam manum quiescere prope flumen, iamque adventans, abditusque in valle densitate arbustorum obscura, videbat lavantes alios, quosdam comas rutilantes ex more potantesque non nullos.

3. et nanctus horam inpendio tempestivam, signo repente per lituos dato, latrocinalia castra perrupit contraque Germani nihil praeter inefficaces minas iactanter sonantes et fremitum, nec expedire arma dispersa nec conponere aciem nec resurgere in vires permittebantur urgente victore. quocirca forati pilis et gladiis cecidere conplures absque his, quos versos in pedes texere flexuosi tramites et angusti.

4. Hoc prospero rerum effectu, quem virtus peregerat et fortuna, aucta fiducia Iovinus militem ducens, diligenti speculatione praemissa, in tertium cuneum, qui restabat, propere castra commovit, et maturato itinere omnem prope Catelaunos invenit ad congrediendum promptissimum.

5. et vallo oportune metato suisque pro temporis copia cibo recreatis et somno, primo aurorae exortu in aperta planitie conposuit aciem dilatatam arte sollerti, ut spatiis amplioribus occupatis aequiperare Romani hostium multitudinem apparerent, inferiores numero, licet viribus pares.

6. signo itaque per bucinas dato cum pede conlato res agi coepisset, insueta vexillorum splendentium facie territi stetere Germani. quibus hebetatis parumper reparatisque confestim, ad usque diei extimum concertatione protenta validius inminens miles fructum rei bene gestae sine dispendio quaesisset, ni Balchobaudes armaturarum tribunus magniloquentia socordi coalitus, propinquante iam vespera cessisset incondite. quem si secutae residuae cohortes abissent, ad tristes exitus eo usque negotium venerat, ut nec acta nuntiaturus quisquam posset superesse nostrorum.

7. sed resistens animorum acri robore miles ita lacertis eminuit, ut hostium quattuor milibus sauciis sex alia interficeret milia, ipse vero non amplius mille ducentis amitteret, ducentis tantum modo vulneratis.

8. noctis itaque adventu proelio iam dirempto, refectisque viribus fessis prope confinia lucis ductor egregius in agminis quadrati figuram producto exercitu, cum conperisset occultantibus tenebris barbaros lapsos, securus insidiarum per aperta camporum sequebatur et mollia, calcando semineces et constrictos, quos vulneribus frigorum asperitate contractis dolorum absumpserat magnitudo.

9. exin progressus ulterius, revertens, ubi nullum repperat, didicit regem hostilium agminum cum paucis captum ab Ascariis, quos ipse per iter aliud ad diripienda tentoria miserat Alamannica, suffixum patibulo. ideoque iratus in tribunum animadvertere statuit ausum hoc inconsulta potestate superiore fecisse, eumque damnasset, ni militari impetu commissum facinus atrox documentis evidentibus constitisset.

10. Et post haec redeunti Parisios post claritudinem recte gestorum imperator laetus occurrit, eumque postea consulem designavit, illo videlicet ad gaudii cumulum accedente, quod isdem diebus Procopii susceperat caput a Valente transmissum.

11. praeter haec alia multa narratu minus digna conserta sunt proelia per tractus varios Galliarum, quae superfluvm est explicare, cum neque operae pretium aliquod eorum habuere proventus, nec historiam producere per minutias ignobiles decet.

III

1. Hoc tempore vel paulo ante nova portenti species per Annonariam apparuit Tusciam, idque quorsum evaderet prodigialium rerum periti penitus ignorarunt. in oppido enim Pistoriensi prope horam diei tertiam spectantibus multis asinus tribunali escenso audiebatur destinatius rugiens, et stupefactis omnibus, qui aderant, quique didicerant referentibus aliis, nulloque coniectante ventura, postea, quod portendebatur, evenit.

2. Terentius enim humili genere in urbe natus et pistor ad vicem praemii, quia peculatus reum detulerat Orfitum ex praefecto, hanc eandem provinciam correctoris administraverat potestate. eaque confidentia deinceps inquietius agitans multa, in naviculariorum negotio falsum admisisse convictus, ut ferebatur, perit carnificis manu, regente Claudio Romam .

3. Multo tamen antequam hoc contingeret, Symmachus Aproniano successit, inter praecipua nominandus exempla doctrinarum atque modestiae, quo instante urbs sacratissima otio copiisque abundantius solito fruebatur et ambitioso ponte exultat atque firmissimo quem condidit ipse, et magna civium laetitia dedicavit ingratorum, ut res docuit apertissima.

4. qui consumptis aliquot annis domum eius in transtiberino tractu pulcherrimam incenderunt, ea re perciti quod vilis quidam plebeius finxerat, illum dixisse sine indice ullo vel teste, libenter se vino proprio calcarias extincturum, quam id venditurum pretiis, quibus sperabatur.

5. advenit post hunc urbis moderator Lampadius ex praefecto praetorio, homo indignanter admodum sustinens si, etiam cum spueret, non laudaretur, ut id quoque prudenter praeter alios faciens, sed non numquam severus et frugi.

6. hic cum magnificos praetor ederet ludos et uberrime largiretur, plebis nequiens tolerare tumultum, indignis multa donari saepe urgentis, ut liberalem se sed multitudinis ostenderet contemptorem, accitos a Vaticano quosdam egentes opibus ditaverat magnis.

7. vanitatis autem eius exemplum, ne latius evagemur, hoc unum sufficiet poni leve quidem sed cavendum iudicibus. per omnia enim civitatis membra, quae diversorum principum exornarunt inpensae, nomen proprium inscribebat, non ut veterum instaurator sed conditor. quo vitio laborasse Traianus dicitur princeps, unde eum herbam parietinam iocando cognominarunt.

8. Hic praefectus exagitatus et motibus crebris, uno omnium maximo, cum collecta plebs infima domum eius prope Constantinianum lavacrum iniectis facibus incenderat et malleolis, ni vicinorum et familiarum veloci concursu a summis tectorum culminibus petita saxis et tegulis abscessisset.

9. eaque vi territus ipse primitus crebrescentis seditionis in maius secessit ad Mulvium pontem – quem struxisse superior dicitur Scaurus – adlenimenta ibidem tumultus opperiens, quem causa concitaverat gravis.

10. aedificia erigere exoriens nova, vel vetusta quaedam instaurans, non ex titulis solitis parari iubebat inpensas sed, si ferrum quaerebatur aut plumbum aut aes aut quicquam simile, apparitores inmittebantur, qui velut ementes diversa raperent species, nulla pretia persolvendo, unde accensorum iracundiam pauperum damna deflentium crebra aegre potuit celeri vitare digressu.

11. advenit successor eius ex quaesitore palatii Viventius integer et prudens Pannonius, cuius administratio quieta fuit et placida, copia rerum

omnium adfluens. sed hunc quoque discordantis populi seditiones terruere cruentae, quae tale negotium excitavere.

12. Damasus et Vrsinus supra humanum modum ad rapiendam episcopalem sedem ardentes, scissis studiis asperrime conflictabantur ad usque mortis vulnerumque discrimina adiumentis utriusque progressis, quae nec corrigere sufficiens Viventius nec mollire, coactus vi magna secessit in suburbanum.

13. et in concertatione superaverat Damasus, parte, quae ei favebat, instante. constatque in basilica Sicinini, ubi ritus Christiani est conventiculum, uno die centum triginta septem reperta cadavera peremptorum, efferatamque diu plebem aegre postea delenitam.

14. Neque ego abnuo, ostentationem rerum considerans urbanarum, huius rei cupidos ob impetrandum, quod appetunt, omni contentione laterum iurgari debere, cum id adepti, futuri sint ita securi ut ditentur oblationibus matronarum, procedantque vehiculis insidentes circumspecte vestiti, epulas curantes profusas adeo ut eorum convivia regales superent mensas.

15. qui esse poterant beati re vera, si magnitudine urbis despecta, quam vitiis opponunt, ad imitationem antistitum quorundam provincialium viverent, quos tenuitas edendi potandique parcissime, vilitas etiam indumentorum et supercilia humum spectantia perpetuo numini verisque eius cultoribus ut puros commendant et verecundos. hactenus deviasse sufficiet, nunc ad rerum ordines revertamur.

IV

1. Dum aguntur ante dicta per Gallias et Italiam, novi per Thracias exciti sunt procinctus. Valens enim ut consulto placuerat fratri, cuius regebatur arbitrio, arma concussit in Gothos ratione iusta pemotus, quod auxilia misere Procopio civilia bella coeptanti ergo convenit pauca super harum origine regionum et situ transcurrere per brevem excessum.

2. Erat Thraciarum descriptio facilis, si veteres concinerent stili, quorum obscura varietas quoniam opus veritatem professum non iuvat, sufficiet ea, quae vidisse meminimus, expedire.

3. has terras inmensa quondam camporum placiditate aggerumque altitudine fuisse porrectas, Homeri perennis auctoritas docet, aquilonem et zephyrum [ventos] exinde flare fingentis, quod aut fabulosum est, aut tractus antehac diffusi latissime, destinatique nationibus feris, cuncti Thraciarum vocabulo censebantur.

4. et partem earum habitavere Scordisci, longe nunc ab isdem provinciis disparati, saevi quondam et truces, ut antiquitas docet, hostiis captivorum Bellonae litantes et Marti, humanumque sanguinem in ossibus capitum cavis bibentes avidius, quorum asperitate post multiplices pugnarum aerumnas saepe res Romana vexata postremo omnem amisit exercitum cum rectore.

5. Sed ut nunc cernimus, eadem loca formata in cornuti sideris modum effingunt theatri faciem speciosam. cuius in summitate occidentali montibus praeruptis densitate Succorum patescunt angustiae, Thracias dirimentes et Daciam.

6. partem vero sinistram arctois obnoxiam stellis Haemimontanae celsitudines claudunt et Hister, qua Romanum cespitem lambit, urbibus multis et castris contiguus et castellis.

7. per dextrum, quod australe est, latus scopuli tenduntur Rhodopes,

unde eoum iubar exsurgit, finitur in fretum; cui undosius ab Euxino ponto labenti, pergentique fluctibus reciprocis ad Aegaeum, discidium panditur terrarum angustum.

8. ex angulo tamen orientali Macedonicis iungitur conlimitiis per artas praecipitesque vias, quae cognominantur Acontisma : cui proxima Arethusa cursualis est statio, in qua visitur Euripidis sepulcrum, tragoediarum sublimitate conspicui, et Stagira, ubi Aristotelem, ut Tullius ait, fundentem aureum flumen accepimus natum

9. haec quoque priscis temporibus loca barbari tenuere, morum sermonumque varietate dissimiles. e quibus praeter alios ut inmaniter efferati memorantur Odrysae, ita humanum fundere sanguinem adsueti ut, cum hostium copia non daretur, ipsi inter epulas post cibi satietatem et potus suis velut alienis corporibus inprimerent ferrum.

10. Verum aucta re publica, dum consulare vigeret imperium, has gentes antehac semper indomitas vagantesque sine cultu vel legibus, Marcus Didius ingenti destinatione pressit, Drusus intra fines continuit proprios, Minucius prope amnem Hebrum a celsis Odrysarum montibus fluentem, superatos proelio stravit, post quos residui ab Appio Claudio pro consule sunt infesta concertatione deleti. oppida enim in Bosporo sita et Propontide classes optinuere Romanae.

11 . advenit post hos imperator Lucullus, qui cum durissima gente Bessorum conflixit omnium primus, eodemque impetu Haemimontanos acriter resistentes oppressit. quo inminente Thraciae omnes in dicionem veterum transiere nostrorum, hocque modo post procinctus ancipites rei publicae sex provinciae sunt quaesitae.

12. Inter quas prima ex fronte, quae Illyriis est confinis, Thracia speciali nomine appellatur; quam Philippopolis, Eumolpias vetus, et Beroea amplae civitates exornant. post hanc Haemimontus Hadrianopolim habet, quae dicebatur Uscudama, et Anchialon, civitates magnas. dein Mysia, ubi Marcianopolis est a sorore Traiani principis ita cognominata, et Dorostorus et Nicopolis et Odyssus, iuxtaque Scythia, in qua celebriora sunt [aliis] oppida Dionysopolis et Tomi et Calatis. Europa omnium ultima praeter municipia urbibus nitet duabus, Apris et Perintho, quam Heracleam posteritas dixit.

13. Rhodopa huic adnexa Maximianopolim habet et Maroneam et Aenum, qua condita et relicta Aeneas Italiam auspiciorum prosperitate perpetua post diuturnos occupavit errores.

14. Constat autem, ut vulgavere rumores adsidui, omnes paene agrestes, qui per regiones praedictas montium circumcolunt altitudines, salubritate virium et praerogativa quadam vitae longius propagandae nos anteire, idque inde contingere arbitrantur, quod conluvione ciborum abstinent calidisque et perenni viriditate roris asperginibus gelidis corpora constringente, aurae purioris dulcedine potiuntur, radiosque solis suapte natura vitales primi omnium sentiunt nullis adhuc maculis rerum humanarum infectos. his ita digestis pedem referamus ad coepta.

V

1. Procopio superato in Phrygia internarumque dissensionum materia consopita, Victor magister equitum ad Gothos est missus cogniturus aperte, quam ob causam gens amica Romanis foederibusque ingenuae pacis obstricta armorum dederat adminicula bellum principibus legitimis inferenti. qui ut

factum firma defensione purgarent, litteras eiusdem obtulere Procopii, ut generis Constantiniani propinquo imperium sibi debitum sumpsisse commemorantis, veniaque dignum adserentes errorem.

2. Quibus eodem referente Victore conpertis Valens parvi pendens excusationem vanissimam in eos signa commovit, motus adventantis iam praescios, et pubescente vere quaesito in unum exercitu, prope Daphnen nomine munimentum est castra metatus, ponteque contabulato supra navium foros flumen transgressus est Histrum resistentibus nullis.

3. iamque sublatus fiducia cum ultro citroque discurrens nullum inveniret, quem superare poterat vel terrere: omnes enim formidine perciti militis cum apparatu ambitioso propinquantis, montes petivere Serrorum arduos et inaccessos nisi perquam gnaris.

4. ne [igitur] aestate omni consumpta sine ullo remearet effectu, Arintheo magistro peditum misso cum praedatoriis globis familiarum rapuit partem, quae antequam ad dirupta venirent et flexuosa capi potuerunt per plana camporum errantes. hocque tantum, quod fors dederat, impetrato redit cum suis innoxius nec inlato gravi vulnere nec accepto.

5. Anno secuto ingredi terras hostiles pari alacritate conatus fusius Danubii gurgitibus vagatis inpeditus mansit immobilis prope Carporum vicum stativis castris ad usque autumnum locatis emensum, unde quia nihil agi potuit dirimente magnitudine fluentorum, Marcianopolim ad hiberna discessit.

6. Simili pertinacia tertio quoque anno per Novidunum navibus ad transmittendum amnem conexis, perrupto barbarico, continuatis itineribus longius agentes Greuthungos bellicosam gentem adgressus est, postque leviora certamina Athanaricum ea tempestate iudicem potentissimum ausum resistere cum manu, quam sibi crediderit abundare, extremorum metu coegit in fugam, ipseque cum omnibus suis Marcianopolim redivit ad hiemem agendam ut in illis tractibus habilem.

7. Aderant post diversos triennii casus finiendi belli materiae tempestivae. prima quod ex principis diuturna permansione metus augebatur hostilis, dein quod conmerciis vetitis ultima necessariorum inopia barbari stringebantur. adeo ut legatos supplices saepe mittentes venialem poscerent pacem.

8. quibus imperator rudis quidem, verum spectator adhuc aequissimus rerum, antequam adulationum perniciosis inlecebris captus rem publicam funeribus perpetuo deflendis adfligeret, in commune consultans pacem dare oportere decrevit.

9. missique vicissim Victor et Arintheus, qui tunc equestrem militiam curabant et pedestrem cum propositis condicionibus adsentiri Gothos docuissent litteris veris, praestituitur conponendae paci conveniens locus. et quoniam adserebat Athanaricus sub timenda exsecratione iuris iurandi se esse obstrictum, mandatisque prohibitum patris ne solum calcaret aliquando Romanorum, et adigi non poterat, indecorumque erat et vile ad eum imperatorem transire; recte noscentibus placuit navibus remigio directis in medium flumen, quae vehebant cum armigeris principem, gentisque iudicem inde cum suis, foederari, ut statutum est, pacem.

10. hocque conposito et acceptis obsidibus Valens Constantinopolim redit, ubi postea Athanaricus proximorum factione genitalibus terris expulsus, fatali sorte decessit et ambitiosis exsequiis ritu sepultus est nostro.

VI

1. Inter haec Valentiniano magnitudine quassato morborum, agitanteque extrema, convivio occultiore Gallorum, qui aderant in conmilitio principis, ad imperium Rusticus Iulianus tunc magister memoriae poscebatur, quasi adflatu quodam furoris bestiarum more humani sanguinis avidus, ut ostenderat, cum proconsulari potestate regeret Africam.

2. in praefectura enim urbana, quam adhuc administrans extinctus est, tempus anceps metuens tyrannidis, cuius arbitrio tamquam inter dignorum inopiam ad id escenderat culmen, lenis videri cogebatur et mollior.

3. contra hos nitebantur aliqui studiis altioribus in favorem Severi, magistri tunc peditum, ut apti ad hoc impetrandum, qui licet asper esset et formidatus, tolerabilior tamen fuit et praeferendus modis omnibus ante dicto.

4. Sed dum haec cogitantur in cassum, imperator remediis multiplicibus recreatus, vixque se mortis periculo contemplans extractum, Gratianum filium suum adulto iam proximum, insignibus principatus ornare meditabatur.

5. et paratis omnibus militeque firmato, ut animis id acciperet promptis, cum Gratianus venisset, progressus in campum, tribunal escendit, splendoreque nobilium circumdatus potestatum, dextra puerum adprehensum productumque in medium oratione contionaria destinatum imperatorem exercitui commendabat.

6. ɼFaustum erga me vestri favoris indicium, hunc loci principalis circumferens habitum, quo potior aliis iudicatus sum multis et claris: consiliorum sociis votorumque auspicibus vobis, pietatis officium adgrediar tempestivum, prospera deo spondente, cuius sempiternis auxiliis stabit Romana res inconcussa.

7. accipite igitur, quaeso, placidis mentibus, viri fortissimi, desiderium nostrum, id reputantes quod haec, quae fieri caritatis sanciunt iura, non tantum transire voluimus per conscientiam vestram, verum etiam probata firmari ut congrua nobis et profutura.

8. Gratianum hunc meum adultum, quem diu versatum inter liberos vestros commune diligitis pignus, undique muniendae tranquillitatis publicae causa in augustum sumere conmilitium paro, si propitia caelestis numinis vestraeque maiestatis voluntas parentis amorem iuverit praeeuntem: non rigido cultu ab incunabulis ipsis ut nos educatum, nec tolerantia rerum coalitum asperarum, nec capacem adhuc Martii pulveris, ut videtis, sed familiae suae laudibus maiorumque factis praestantibus concinentem, potioribus – invidiae metu dicitur – protinus surrecturum, ut enim mihi videri solet, mores eius et adpetitus licet nondum maturos saepe pensanti.

9. ineunte adulescentia quoniam humanitate et studiis disciplinarum sollertium est expolitus, librabit suffragiis puris merita recte secusve factorum: faciet, ut sciant se boni intellegi: in pulchra facinora procursabit signis militaribus et aquilis adhaesurus: solem nivesque et pruinas et sitim perferet et vigilias: castris, si necessitas adegerit aliquotiens, propugnabit: salutem pro periculorum sociis obiectabit: et quod pietatis summum primumque [munus] est, rem publicam ut domum paternam diligere poterit et avitamЄ.

10. Nondum finita oratione, dictis cum adsensu laeto auditis pro suo quisque loco et animo milites alius alium anteire festinans tamquam utilitatis et gaudiorum participes Gratianum declararunt Augustum, classicorum amplissimo sonu blandum fragorem miscentes armorum.

11 . quo viso maiore fiducia Valentinianus exultans corona indumentisque supremae fortunae ornatum filium osculatus, iamque fulgore conspicuum, adloquitur advertentem, quae dicebantur.

12. ṙEnЄ inquit ṙhabes, mi Gratiane, amictus, ut speravimus omnes, augustos, meo conmilitonumque nostrorum arbitrio delatos ominibus faustis. accingere igitur pro rerum urgentium pondere ut patris patruique collega, et adsuesce inpavidus penetrare cum agminibus peditum gelu pervios Histrum et Rhenum, armatis tuis proximus stare, sanguinem spiritumque considerate pro his inpendere, quos regis, nihil alienum putare quod ad Romani imperii pertinet salutem.

13. haec pro tempore praecepisse sufficiet, cetera monere non desinam. nunc reliqui vos estis, rerum maximi defensores, quos rogo et obtestor, ut adcrescentem imperatorem fidei vestrae commissum servetis adfectione fundataЄ.

14. His dictis sollemnitate omni firmatis Eupraxius Caesariensis Maurus, magister ea tempestate memoriae, primus omnium exclamavit ṙfamilia Gratiani hoc mereturЄ statimque promotus quaestor multa et prudentibus aemulanda bonae fiduciae reliquit exempla, nusquam a statu naturae discedens intrepidae, sed constans semper legumque similis, quas omnibus una eademque voce loqui in multiplicibus advertimus causis: qui tunc magis in suscepta parte iustitiae permanebat cum eum recta monentem exagitaret minax imperator et nimius.

15. consurrectum est post haec in laudes maioris principis et novelli, maximeque pueri, quem oculorum flagrantior lux commendabat vultusque et reliqui corporis iucundissimus nitor et egregia pectoris indoles: quae imperatorem implesset cum veterum lectissimis conparandum, si per fata proximosque licuisset, qui virtutem eius etiam tum instabilem obnubilarunt actibus pravis.

16. In hoc tamen negotio Valentinianus morem institutum antiquitus supergressus non Caesares sed Augustos germanum nuncupavit et filium benivole satis. nec enim quisquam antehac adscivit sibi pari potestate collegam praeter principem Marcum qui Verum adoptivum fratrem absque diminutione aliqua maiestatis imperatoriae socium fecit.

VII

1. His ex sententia rectoris et militum ordinatis vix dies intercessere pauci, cum Mamertinum praefectum praetorio ab urbe regressum, quo quaedam perrexerat correcturus, Avitianus ex vicario peculatus detulerat reum.

2. cui ideo Vulcatius successit Rufinus omni ex parte perfectus et velut apicem senectutis honoratae praetendens, sed lucrandi oportunas occasiones occultationis spe numquam praetermittens.

3. qui nanctus copiam principis, Orfitum ex praefecto urbis solutum exilio, patrimonii redintegrata iactura remitti fecit in lares.

4. Et quamquam Valentinianus homo propalam ferus inter imperitandi exordia ut asperitatis opinionem molliret, impetus truces retinere non numquam in potestate animi nitebatur, serpens tamen vitium et dilatum, aliquamdiu licentius erupit ad perniciem plurimorum, quod auxit ira acerbius effervescens. hanc enim ulcus esse animi diuturnum interdumque perpetuum prudentes definiunt, nasci ex mentis mollitia consuetum, id adserentes

argumento probabili, quod iracundiores sunt incolumibus languidi, et feminae maribus, et iuvenibus senes, et felicibus aerumnosi.

5. Eminuit tamen per id tempus inter alias humilium neces mors Dioclis ex comite largitionum Illyrici, quem ob delicta levia flammis iussit exuri ; et Diodori ex agente in rebus, triumque adparitorum potestatis vicariae per Italiam ob id necatorum atrociter, quod apud eum questus est comes Diodorum quidem adversus se civiliter implorasse iuris auxilium, officiales vero iussu iudicis ausos monere proficiscentem ut responderet ex lege. quorum memoriam apud Mediolanum colentes nunc usque Christiani, locum ubi sepulti sunt Ad Innocentes adpellant.

6. Dein cum in negotio Maxentii cuiusdam Pannonii, ob exsecutionem a iudice recte maturari praeceptam, trium oppidorum ordines mactari iussisset, interpellavit Eupraxius tunc quaestor et ґparciusЄ inquit ґagito, piissime principum: hos enim, quos interfici tamquam noxios iubes, ut martyras, id est divinitati acceptos, colet religio ChristianaЄ.

7. cuius salutarem fiduciam praefectus imitatus Florentius cum in re quadam venia digna audisset, eum percitum ira iussisse itidem ternos per ordines urbium interfici plurimarum ґecquid ageturЄ ait ґsi oppidum aliquod curiales non haberet tantos? inter reliqua id quoque suspendi debet, ut, cum habuerit, occidanturЄ.

8. ad hanc inclementiam illud quoque accedebat dictu dirum et factu quod, siquis eum adisset iudicium potentis inimici declinans, aliumque sibi postulans dari, hoc non inpetrato ad eundem, quem metuebat, licet multa praetenderet iusta, remittebatur. itemque aliud audiebatur horrendum quod, ubi debitorum aliquem egestate obstrictum nihil reddere posse dicebatur, interfici debere pronuntiabat.

9. Haec autem et similia licenter ideo altiore fastu quidam principes agunt, quod amicis emendandi secus cogitata vel gesta copiam negant, inimicos loqui terrent amplitudine potestatis. nulla vacat quaestio pravitatum apud eos, qui, quod velint fieri, maximas putant esse virtutes.

VIII

1. Profectus itaque ab Ambianis, Treverosque festinans, nuntio percellitur gravi, qui Brittannias indicabat barbarica conspiratione ad ultimam vexatas inopiam, Nectaridumque comitem maritimi tractus occisum, et Fullofauden ducem hostilibus insidiis circumventum.

2. quibus magno cum horrore conpertis Severum etiam tum domesticorum comitem misit, si fors casum dedisset optatum, correcturum sequius gesta: quo paulo postea revocato Iovinus eadem loca profectus, Provertuidem celeri gradu praemisit, adminicula petiturus exercitus validi. id enim instantes necessitates flagitare firmabant.

3. postremo ob multa et metuenda, quae super eadem insula rumores adsidui perferebant, electus Theodosius illuc properare disponitur, officiis Martiis felicissime cognitus, adscitaque animosa legionum et cohortium pube, ire tendebat praeeunte fiducia speciosa.

4. Et quoniam, cum Constantis principis actus conponerem, motus adulescentis et senescentis oceani situmque Brittanniae pro captu virium explanavi, ad ea, quae digesta sunt semel, revolvi superfluvm duxi, ut Vlixes Homericus apud Phaeacas ob difficultatem nimiam replicare formidat.

5. illud tamen sufficiet dici, quod eo tempore Picti in duas gentes divisi,

Dicalydonas et Verturiones, itidemque Attacotti bellicosa hominum natio et Scotti per diversa vagantes multa populabantur, Gallicanos [vero] tractus Franci et Saxones isdem confines, quo quisque erumpere potuit terra vel mari, praedis acerbis incendiisque et captivorum funeribus hominum violabant.

6. Ad haec prohibenda, si copiam dedisset fortuna prosperior, orbis extrema dux efficacissimus petens cum venisset ad Bononiae litus, quod a spatio controverso terrarum angustiis reciproci distinguitur maris, attolli horrendis aestibus adsueti, rursusque sine ulla navigantium noxa in speciem conplanari camporum, exinde transmeato lentius freto, defertur Rutupias stationem ex adverso tranquilla unda.

7. Cum consecuti Batavi venissent et Heruli Ioviique et Victores, fidentes viribus numeri, egressus tendensque ad Lundinium

6 vetus oppidum, quod Augustam posteritas appellavit, divisis plurifariam globis adortus est vagantes hostium austatorias manus, graves onere sarcinarum, et propere fusis, qui vinctos homines agebant et pecora, praedam excussit, quam tributarii perdidere miserrimi.

8. isdemque restituta omni praeter partem exiguam, inpensam militibus fessis, mersam difficultatibus summis antehac civitatem, sed subito, quam salus sperari potuit recreatam, in ovantis speciem laetissimus introiit.

9. Vbi ad audenda maiora prospero successu elatus, tutaque scrutando consilia, futuri morabatur ambiguus, diffusam variarum gentium plebem et ferocientem inmaniter, non nisi per dolos occultiores et inprovisos excursus superari posse, captivorum confessionibus et transfugarum indiciis doctus.

10. denique edictis propositis inpunitateque promissa desertores ad procinctum vocabat et multos [alios] per diversa libero commeatu dispersos. quo monitu ut rediere plerique, incentivo percitus retentusque anxiis curis, Civilem nomine recturum Brittannias pro praefectis ad se poposcerat mitti, virum acrioris ingenii sed iusti tenacem et recti, itidemque Dulcitium, ducem scientia rei militaris insignem.

IX

1. Haec in Brittanniis agebantur. Africam vero iam inde ab exordio Valentiniani imperii exurebat barbarica rabies, per procursus audentiores et crebris caedibus et rapinis intenta quam rem militaris augebat socordia et aliena invadendi cupiditas maximeque Romani nomine comitis.

2. qui venturi providus transferendaeque in alios invidiae artifex, saevitia morum multis erat exosus, hac praecipue causa quod superare hostes in vastandis provinciis festinabat, adfinitate Remigii [tunc] magistri officiorum confisus, quo prava et contraria referente princeps – ut prae se ferebat ipse – cautissimus lacrimosa dispendia diutius ignoravit Afrorum.

3. Gestorum autem per eas regiones seriem plenam et Rurici praesidis legatorumque mortem et cetera luctuosa cum adegerit ratio, diligentius explicabo.

4. et quoniam adest liber locus dicendi quae sentimus, aperte loquimur: hunc imperatorem omnium primum in maius militares fastus ad damna rerum auxisse communium, dignitates opesque eorum sublimius erigentem, et quod erat publice privatimque dolendum, indeflexa saevitia punientem gregariorum errata, parcentem potioribus, qui tamquam peccatis indulta licentia ad labes delictorum inmanium consurgebant; qui ex eo anhelantes ex nutu suo indistanter putant omnium pendere fortunas.

5. horum flatus et pondera inventores iuris antiqui mollientes etiam insontes quosdam aliquotiens suppliciis aboleri censuere letalibus. quod saepe contingit, cum ob multitudinis crimina non nulli sortis iniquitate plectuntur innoxii: id enim non numquam ad privatorum pertinuit causas.

6. At in Isauria globatim per vicina digressi praedones, oppida villasque uberes libera populatione vexantes magnitudine iacturarum Pamphyliam adflictabant et Cilicas. quos cum nullis arcentibus internecive cuncta disperdere Asiae vicarius ea tempestate Musonius advertisset, Athenis Atticis antehac magister rhetoricus, deploratis novissime rebus, luxuque adiumento militari marcente, adhibitis semiermibus paucis, quos Diogmitas appellant, unum grassatorum cuneum, si patuisset facultas, adoriri conatus, per angustum quendam transiens devexitatis anfractum, ad inevitabiles venit insidias, et ibi cum his confossus est quos ducebat.

7. tali successu latrones praetumidos palantesque per varia confidentius, interfectis aliquibus, ad latebrosa montium saxa quae incolunt excitae tandem copiae contruserunt; ubi cum eis nec quiescendi nec inveniendi ad victum utilia copia laxaretur, per indutias pacem sibi tribui poposcerunt, Germanicopolitanis auctoribus, quorum apud eos ut signiferae manus, semper valuere sententiae, obsidibusque datis, ut imperatum est, immobiles diu mansere, nihil audentes hostile.

8. Haec inter Praetextatus praefecturam urbis sublimius curans, per integritatis multiplices actus et probitatis, quibus ab adulescentiae rudimentis inclaruit, adeptus est id quod raro contingit, ut cum timeretur, amorem non perderet civium, minus firmari solitum erga iudices formidatos.

9. cuius auctoritate iustisque veritatis suffragiis tumultu lenito, quem Christianorum iurgia concitarunt, pulsoque Vrsino, alta quies parta, proposito civium Romanorum aptissima, et adulescebat gloria [prae]clari rectoris plura et utilia disponentis.

10. nam[que] et Maeniana sustulit omnia, fabricari Romae priscis quoque vetita legibus, et discrevit ab aedibus sacris privatorum parietes isdem inverecunde conexos, ponderaque per regiones instituit universas, cum aviditati multorum ex libidine trutinas conponentium occurri nequiret. in examinandis vero litibus ante alios id impetravit quod laudando Brutum Tullius refert, ut cum nihil ad gratiam faceret, omnia tamen grata viderentur [esse], quae factitabat.

X

1. Sub idem fere tempus Valentiniano ad expeditionem caute, ut rebatur, profecto, Alamannus regalis Rando nomine, diu praestruens quod cogitabat, Mogontiacum praesidiis vacuam cum expeditis ad latrocinandum latenter inrepsit.

2. et quoniam casu Christiani ritus invenit celebrari sollemnitatem, inpraepedite cuiusque modi fortunae virile et muliebre secus cum supellectili non parva indefensum abduxit.

3. Parvo inde post intervallo inopina rei Romanae spes laetiorum adfulsit. cum enim Vithicabius rex, Vadomarii filius specie quidem molliculus et morbosus sed audax et fortis, ardores in nos saepe succenderet bellicos, opera navabatur inpensior ut qualibet concideret strage.

4. et quia temptatus aliquotiens nullo genere potuit superari vel prodi, fraude citerioris vitae ministri, studio sollicitante nostrorum occubuit, cuius

post necem aliquatenus hostiles torpuere discursus. interfector tamen prae metu poenarum, quas verebatur si patuisset negotium, ad Romanum solum se celeri transtulit gradu.

5. Parabatur post haec lentioribus curis et per copias multiformes in Alamannos expeditio solitis gravior, destinatius id publica tutela poscente, quoniam reparabilis gentis motus timebantur infidi: milite nihilo minus accenso, cui ob suspectos eorum mores nunc infimorum et supplicum, paulo post ultima minitantium, nullae quiescendi dabantur indutiae.

6. Contracta igitur undique mole maxima catervarum, armis et subsidiis rei cibariae diligenter instructa, accitoque Sebastiano comite cum Illyriis et Italicis numeris, quos regebat, anni tempore iam tepente Valentinianus cum Gratiano Rhenum transiit, visoque nemine, indivisis agminibus quadratis ipse medius incedebat, Iovino et Severo magistris rei castrensis altrinsecus ordinum latera servantibus, ne repentino invaderentur adsultu.

7. protinusque inde ductantibus itinerum callidis, exploratis accessibus, per regiones longo itu porrectas sensim gradiens miles inritatior ad pugnandum velut repertis barbaris minaciter infrendebat, et quoniam aliquod diebus emensis nullus potuit qui resisteret inveniri, cuncta satorum et tectorum, quae visebantur, iniecta cohortium manu vorax flamma vastabat praeter alimenta, quae colligi dubius rerum eventus adigebat et custodiri.

8. post haec leniore gressu princeps ulterius tendens cum prope locum venisset, cui Solicinio nomen est, velut quadam obice stetit, doctus procursantium relatione verissima barbaros longe conspectos.

9. qui nullam ad tuendam salutem viam superesse cernentes, nisi se celeri defendissent occursu, locorum gnaritate confisi unum spirantibus animis montem occupavere praecelsum, per confragosos colles undique praeruptum et invium absque septentrionali latere, unde facilem habet devexitatem et mollem. signis ilico fixis ex more, cum undique ad arma conclamaretur, imperio principis et ductorum stetit regibilis miles, vexillum opperiens extollendum: quod erat oportune subeundae indicium pugnae.

10. ergo quia spatium deliberandi aut exiguum dabatur aut nullum, hinc inpatientia militis perterrente, inde horrenda circumsonantibus Alamannis, id consilium ratio celeritatis admisit, ut arctoam montium partem, quam clementer diximus esse proclivem, Sebastianus cum suis occuparet, fugientes Germanos, si fors ita tulisset, levi negotio confossurus: quo, ut placuit, maturato Gratianoque apud signa Iovianorum retro detento, cuius aetas erat etiam tum proeliorum inpatiens et laborum, Valentinianus ut dux cunctator et tutus centurias et manipulos capite intecto conlustrans, nullo potentium in conscientiam arcani adhibito, remota multitudine stipatorum, speculatum radices aggerum avolavit cum paucis, quorum industriam norat et fidem, praedicans, ut erat sui adrogans aestimator, inveniri posse aliam viam ducentem ad arduos clivos praeter eam, quam inspexere proculcatores.

11, per ignota itaque et palustres uligines devius tendens insidiatricis manus locatae per obliqua subito oppetisset adcursu, ni necessitatis adiumento postremo per labilem limum incitato iumento digressus, legionum se gremiis inmersisset post abruptum periculum, cui adeo proximus fuit, ut galeam eius cubicularius ferens auro lapillisque distinctam, cum ipso tegmine penitus interiret nec postea vivus reperiretur aut interfectus.

12. Proinde quiete reficiendis corporibus data, signoque erecto, quod solet ad pugnam hortari, tubarum minacium accendente clangore, fidentissimo impetu acies motas prompte ante alios praeiere duo iuvenes lecti in principiis adeundi discriminis, Salvius et Lupicinus, Scutarius unus, alter e

schola Gentilium, fragore terribili concitantes: hastasque crispando cum ad rupium obiecta venissent, trudentibusque Alamannis evadere ad celsiora conarentur, advenit omne pondus armorum, isdemque antesignanis per hirta dumis et aspera magno virium nisu in editas sublimitates erepsit.

13. acri igitur partium spiritu conflictus cuspidibus temptatur infestis, et hinc arte belli doctior miles, inde licet feroces sed incauti barbari dexteris coiere conlatis, quos latius sese pandens exercitus infusis utrimque cornibus adflictabat, per fremitus territos et equorum hinnitus et tubas.

14. nihilominus tamen ipsi adsumpta fiducia restiterunt, aequataque parumper proeliorum sorte, haud parva mole certatum est, dum turmarum funeribus mutuis res gerebatur.

15. disiecti denique Romanorum ardore metuque turbati, miscentur ultimis primi, dumque in pedes versi discedunt, verrutis hostilibus forabantur et pilis. postremo dum anheli currunt et fessi, pandebant sequentibus poplites et suras et dorsa. stratis denique multis, lapsorum partem Sebastianus cum subsidiali manu locatus post montium terga trucidavit ex incauto latere circumventam: dispersi ceteri silvarum se latebris amendarunt.

16. In hac dimicatione nostri quoque oppetiere non contemnendi. inter quos Valerianus fuit domesticorum omnium primus, et Natuspardo quidam Scutarius, exsertus ita bellator, ut Sicinio veteri conparetur et Sergio. hisque tali casuum diversitate perfectis milites ad hiberna, imperatores Treveros reverterunt.

XI

1. Per haec tempora Vulcatio Rufino absoluto vita, dum administrarat, ad regendam praefecturam praetorianam ab urbe Probus

2 accitus, claritudine generis et potentia et opum amplitudine cognitus orbi Romano, per quem universum paene patrimonia sparsa possedit, iuste an secus non iudicioli est nostri.

2. hunc quasi genuina quaedam, ut fingunt poetae, fortuna vehens praepetibus pinnis, nunc beneficum ostendebat et amicos altius erigentem, aliquotiens insidiatorem dirum et per cruentas noxium simultates. et licet potuit, quoad vixit, ingentia largiendo, et intervallando potestates adsiduas, erat tamen interdum timidus ad audaces, contra timidos celsior, ut videretur cum sibi fideret, de cothurno strepere tragico, et ubi paveret, omni humilior socco.

3. atque ut natantium genus elemento suo expulsum haut tam diu spirat in terris, ita ille marcebat absque praefecturis, quas ob iurgia familiarum ingentium capessere cogebatur, numquam innocentium per cupiditates inmensas, utque multa perpetrarent inpune, dominum suum mergentium in rem publicam.

4. namque fatendum est: numquam illa magnanimitate coalitus clienti vel servo agere quicquam iussit inlicitum, sed si eorum quemquam crimen ullum conpererat admisisse, vel ipsa repugnante iustitia, non explorato negotio sine respectu boni honestique defendebat. quod vitium reprehendens ita pronuntiat Cicero ґ quid enim interest inter suasorem facti et probatorem? aut quid refert utrum voluerim fieri an gaudeam factum?Є.

5. suspiciosus tamen, et munitus suopte ingenio fuit et subamarum adridens blandiensque interdum, ut noceat.

6. id autem perspicuum est in eius modi moribus malum, tum maxime

cum celari posse existimatur; ita inplacabilis et directus, ut si laedere quemquam instituisset, nec exorari posset nec ad ignoscendum erroribus inclinari, ideoque aures eius non cera sed plumbis videbantur obstructae. in summis divitiarum et dignitatum culminibus anxius et sollicitus, ideoque semper levibus morbis adflictus. hae per occidentales plagas series rerum fuere gestarum.

XII

1. Rex vero Persidis longaevus ille Sapor, et ab ipsis imperitandi exordiis dulcedini rapinarum addictus, post imperatoris Iuliani excessum et pudendae pacis icta foedera, cum suis paulisper nobis visus amicus, calcata fide sub Ioviano pactorum, iniectabat Armeniae manum, ut eam velut placitorum abolita firmitate, dicioni iungeret suae.

2. et primo per artes fallendo diversas, nationem omnem renitentem dispendiis levibus adflictabat, sollicitans quosdam optimatum et satrapas, alios excursibus occupans inprovisis.

3. dein per exquisitas periuriisque mixtas inlecebras captum regem ipsum Arsacen adhibitumque in convivium iussit ad latentem trahi posticam, eumque effossis oculis vinctum catenis argenteis, quod apud eos honoratis vanum suppliciorum aestimatur esse solacium, exterminavit ad castellum Agabana nomine, ubi discruciatus cecidit ferro poenali.

4. deinde nequid intemeratum perfidia praeteriret, Sauromace pulso, quem auctoritas Romana praefecit Hiberiae, Aspacurae cuidam potestatem eiusdem detulit gentis diademate addito, ut arbitrio se monstraret insultare nostrorum.

5. quibus ita studio nefando perfectis, Cylaci spadoni et Artabanni, quos olim susceperat perfugas, commisit Armeniam – horum alter ante gentis praefectus, alter magister fuisse dicebatur armorum – isdemque mandarat, ut Artogerassam intentiore cura excinderent, oppidum muris et viribus validum, quod thesauros et uxorem cum filio tuebatur Arsacis.

6. iniere, ut statutum est, obsidium duces. et quoniam munimentum positum in asperitate montana, rigente tunc caelo nivibus et pruinis adiri non poterat, eunuchus Cylaces aptusque ad muliebria palpamenta, Artabanne adscito, prope moenia ipsa fide non amittendae salutis accepta propere venit, et cum socio ad interiora susceptus ut postulavit, suadebat minaciter defensoribus et reginae, motum Saporis inclementissimi omnium lenire deditione veloci.

7. multis post haec ultro citroque dictitatis, heiulanteque muliere truces mariti fortunas, proditionis acerrimi conpulsores in misericordiam flexi mutavere consilium, et spe potiorum erecti, secretis conloquiis ordinarunt hora praestituta nocturna, reclusis subito portis validam manum erumpere, vallumque hostile caedibus adgredi repentinis, ut lateant id temptantes, polliciti se provisuros.

8. quibus religione firmatis egressi, biduumque ad deliberandum, quid capessere debeant, sibi concedi clausos petisse adseverantes, in desidiam obsessores traduxerunt et vigiliis, quibus ob securitatem altiore stertitur somno, civitatis aditu reserato iuventus exiluit velox, passibusque insonis expeditis mucronibus repens, cum castra nihil metuentium invasissent, iacentes multos nullis resistentibus trucidarunt.

9. haec inopina defectio necesque insperatae Persarum, inter nos et

Saporem discordiarum excitavere causas inmanes, illo etiam accedente, quod Arsacis filium Papam suadente matre cum paucis e munimento digressum, susceptumque imperator Valens apud Neocaesaream morari praecepit, urbem Polemoniaci ponti notissimam, liberali victu curandum et cultu. Qua humanitate Cylaces et Artabannes illecti, missis oratoribus ad Valentem, auxilium eundemque Papam sibi regem tribui poposcerunt.

10. sed pro tempore adiumentis negatis, per Terentium ducem Papa reducitur in Armeniam, recturus interim sine ullis insignibus gentem, quod ratione iusta est observatum ne fracti foederis nos argueremur et pacis.

11. Hoc conperto textu gestorum Sapor ultra hominem efferatus, concitis maioribus copiis Armenias aperta praedatione vastabat. cuius adventu territus Papa itidemque Cylaces et Artabannes, nulla circumspectantes auxilia, celsorum montium petivere secessus, limites nostros disterminantes et Lazicam, ubi per silvarum profunda et flexuosos colles mensibus quinque delitescentes regis multiformes lusere conatus.

12. qui operam teri frustra contemplans, sidere flagrante brumali, pomiferis exustis arboribus castellisque munitis et castris, quae ceperat superata, vel prodita cum omni pondere multitudinis Artogerassam circumsaeptam et post varios certaminum casus lassatis defensoribus patefactam incendit: Arsacis uxorem erutam inde cum thesauris abduxit.

13. Quas ob causas ad eas regiones Arintheus cum exercitu mittitur comes, suppetias laturus Armeniis, si eos exagitare procinctu gemino temptaverint Persae.

14. Inter quae Sapor inmensum quantum astutus et, cum sibi conduceret, humilis aut elatus, societatis futurae specie Papam ut incuriosum sui per latentes nuntios increpabat quod maiestatis regiae velamento Cylaci serviret et Artabanni, quos ille praeceps blanditiarum inlecebris interfecit, capitaque caesorum ad Saporem ut ei morigerus misit.

15. Hac clade late diffusa, Armenia omnis perisset ni propugnatoris Arinthei adventu territi Persae eam incursare denuo distulissent, hoc solo contenti quod ad imperatorem misere legatos petentes nationem eandem, ut sibi et Ioviano placuerat, non defendi.

16. quibus repudiatis Sauromaces pulsus, ut ante diximus, Hiberiae regno, cum duodecim legionibus et Terentio remittitur, et eum amni Cyro iam proximum Aspacures oravit ut socia potestate consobrini regnarent, causatus ideo se nec cedere nec ad partes posse transire Romanas, quod Vltra eius filius obsidis lege tenebatur adhuc apud Persas.

17. Quae imperator doctus, ut concitandas ex hoc quoque negotio turbas consilio prudentiaque molliret, divisioni adquievit Hiberiae, ut eam medius dirimeret Cyrus, et Sauromaces Armeniis finitima retineret et Lazis, Aspacures Albaniae Persisque contigua.

18. His percitus Sapor, pati se exclamans indigna, quod contra foederum textum iuvarentur Armenii, et evanuit legatio, quam super hoc miserat corrigendo, quodque se non adsentiente nec conscio dividi placuit Hiberiae regnum: velut obseratis amicitiae foribus, vicinarum gentium auxilia conquirebat, suumque parabat exercitum, ut reserata caeli temperie subverteret omnia, quae ex re sua struxere Romani.

LIBER XXVIII

I

1. Dum apud Persas, ut supra narravimus, perfidia regis motus agitat insperatos, et in eois tractibus bella rediviva consurgunt, anno sexto decimo et eo diutius post Nepotiani exitium, saeviens per urbem aeternam urebat cuncta Bellona, ex primordiis minimis ad clades excita luctuosas, quas obliterasset utinam iuge silentium! ne forte paria quandoque temptentur, plus exemplis generalibus nocitura quam delictis.

2. ac licet ab hoc textu cruento gestorum exquisite narrando iustus me retraheret metus multa reputantem et varia, tamen praesentis temporis modestia fretus, carptim ut quaeque memoria digna sunt explanabo, nec pigebit, quid ex his, quae apud veteres acciderint, timuerim, docere succincte.

3. bello Medico primo cum diripuissent Asiam Persae, obsidentes Miletum molibus magnis, minantesque defensoribus cruciabiles neces, iniecere clausis necessitatem, ut omnes magnitudine malorum adflicti, peremptis caritatibus propriis, proiectoque in ignem mobili censu, arsuros se certatim congererent in communem pereuntis patriae rogum.

4. hoc argumentum paulo postea digestum tumore tragico Phrynichus in theatrum induxerat Athenarum, paulisperque iucunde auditus, cum cothurnatius stilus procederet lacrimosus, indignatione damnatus est populi arbitrati non consolandi gratia sed probrose monendi, quae pertulerat amabilis civitas, nullis auctorum adminiculis fulta, hos quoque dolores scaenicis adnumerasse fabulis insolenter. erat enim Atheniensium colonia Miletus, deducta inter Ionas alios per Nileum filium Codri, qui fertur pro patria bello se Dorico devovisse.

5. sed ad proposita veniamus. Maximinus regens quondam Romae vicariam praefecturam, apud Sopianas Valeriae oppidum obscurissime natus est, patre tabulario praesidialis officii, orto a posteritate Carporum, quos antiquis excitos sedibus Diocletianus transtulit in Pannoniam.

6. is post mediocre studium liberalium doctrinarum defensionemque causarum ignobilem, et administratas Corsicam itidemque Sardiniam, rexit deinde Tusciam. unde morato in itinere diutius successore, progressus ad curandam urbis annonam, etiam provinciae moderamina retinebat, egitque consideratione triplici inter exordia cautius.

7. primo quod recalebat in auribus eius parentis effata, quid augurales alites vel cantus monerent oscinum adprime callentis, ad usque sublimia regimenta..., sed periturum ferro poenali: dein quod nanctus hominem Sardum, quem ipse postea per dolosas fallacias interemit, ut circumtulit rumor, eliciendi animulas noxias et praesagia sollicitare larvarum perquam gnarum: dum superesset ille, timens ne proderetur, tractabilis erat et mollior; postremo quod tamquam subterraneus serpens per humiliora reptando nondum maiores funerum excitare poterat causas.

8. Principium autem unde latius se funditabat, emersit ex negotio tali. Chilo ex vicario et coniux eius Maxima nomine, questi apud Olybrium ea tempestate urbi praefectum, vitamque suam venenis petitam adseverantes inpetrarunt ut hi, quos suspectati sunt, ilico rapti conpingerentur in vincula, organarius Sericus et Asbolius palaestrita et aruspex Campensis.

9. verum negotio tepescente propter diuturnam morborum asperitatem, qua tenebatur Olybrius, morarum inpatientes hi, qui rem detulerunt, libello petiverunt oblato, ut examinandum iurgium praefecto mandaretur annonae, idque studio celeritatis concessum est.

10. accepta igitur nocendi materia Maximinus effudit genuinam ferociam pectori crudo adfixam, ut saepe faciunt amphitheatrales ferae, diffractis tandem solutae posticis. Cumque multiformiter quasi in proludiis negotium spectaretur, et quidam sulcatis lateribus nominassent nobiles aliquos tamquam usos artificibus laedendi per clientes aliosque humiles notos reos et indices, supra plantam, ut dicitur, evagatus tartareus cognitor relatione maligna docuit principem, non nisi suppliciis acrioribus [perniciosa facinora] scrutari posse vel vindicari, quae Romae perpetravere conplures.

11. his ille cognitis efferatus, ut erat vitiorum inimicus acer magis quam severus, uno proloquio in huius modi causas, quas adroganter proposito maiestatis inminutae miscebat, omnes quos iuris prisci iustitia divorumque arbitria quaestionibus exemere cruentis, si postulasset negotium, statuit tormentis adfligi.

12. utque congeminata potestas erectaque sublatius altiores consarcinaret aerumnas, Maximino Romae agere disposito pro praefectis sociavit ad haec cognoscenda, quae in multorum pericula struebantur, Leonem notarium, postea officiorum magistrum, bustuarium quendam latronem Pannonium, efflantem ferino rictu crudelitatem, etiam ipsum nihilo minus humani sanguinis avidissimum.

13. auxit obstinatum Maximini ingenium ad laedendum adventus collegae similis et litterarum cum ampla dignitate dulcedo. ideoque pedes huc et illuc exultando contorquens, saltare, non incedere videbatur, dum studebat inter altaria celsius gradientes, ut quidam memorant, imitari Brachmanas.

14. Iamque lituis cladium concrepantibus internarum, rerum atrocitate torpentibus cunctis, praeter multa cruda et inmitia, quorum nec diversitas conprehendi nec numerus potest, mors Marini causarum defensoris eminuit. quem ut ausum Hispanillae cuiusdam artibus pravis adfectasse coniugium, transeunter indiciorum fide discussa, supplicio letali damnavit.

15. et quoniam existimo, forsitan aliquos haec lecturos, exquisite scrutando notare, strepentes id actum esse prius, non illud, aut ea, quae viderint praetermissa: hactenus faciendum est satis quod non omnia narratu sunt digna, quae per squalidas transiere personas, nec si fieri fuisset necesse, instructiones vel ex ipsis tabulariis suppeterent publicis, tot calentibus malis et novo furore sine retinaculis imis summa miscente, cum iustitium esse, quod timebatur, non iudicium aperte constaret

16. Tunc Cethegus senator adulterii reus delatus, cervice perit abscisa, et Alypius nobilis adulescens, ob levem relegatus errorem, aliique humiles publica morte oppetiverunt: in quorum miseriis velut sui quisque discriminis cernens imaginem, tortorem et vincula somniabat et diversoria tenebrarum.

17. Eodem tempore etiam Hymetii praeclarae indolis viri negotium est actitatum, cuius hunc novimus esse textum. cum Africam pro consule regeret Carthaginiensibus victus inopia iam lassatis, ex horreis Romano populo destinatis frumentum dedit, pauloque postea cum provenisset segetum copia, integre sine ulla restituit mora.

18. verum quoniam denis modiis singulis solidis indigentibus venundatis, emerat ipse tricenos, interprehi conpendium ad principis aerarium misit. ideoque Valentinianus per nundinationem suspicatus parum, quam oportuerat, missum, eum bonorum parte multavit.

19. ad cuius cladem exaggerandam id quoque isdem diebus acciderat non minus exitiale. Amantius aruspex ea tempestate prae ceteris notus, occultiore indicio proditus, quod ob prava quaedam implenda ad sacrificandum ab eodem esset adscitus Hymetio, inductusque in iudicium, quamquam incurvus sub

eculeo staret, pertinaci negabat instantia.

20. quo infitiante, secretioribus chartis ab eius domo prolatis, commonitorium repertum est manu scriptum Hymetii, petentis ut obsecrata ritu sacrorum sollemnium numina erga se imperatores delenirent, cuius extima parte quaedam invectiva legebantur in principem ut avarum et truculentum.

21. haec Valentinianus relatione iudicum doctus, asperius interpretantium facta, vigore nimio in negotium iussit inquiri. et quia Frontinus consiliarius ante dicti, minister fuisse conceptae precationis arguebatur, concisus virgis atque confessus ablegatus est in exilium ad Brittannos, Amantius vero damnatus postea rerum capitalium interiit.

22. post hanc gestorum seriem Hymetius ad oppidum ductus Ocriculum, audiendus ab Ampelio urbi praefecto et Maximino vicario, confestimque perdendus, ut apparebat, data sibi copia erectius imperatoris praesidium appellavit, nominisque eius perfugio tectus servabatur incolumis.

23. super hoc princeps consultus senatui negotium dedit. qui cum rem librata iustitia conperisset, eumque ad Boas Delmatiae locum exterminasset, aegre imperatoris iracundiam tulit, perciti vehementer, quod hominem addictum, ut ipse proposuerat, morti, clementiori sententia didicerat plexurm.

24. Ob haec et huius modi multa, quae cernebantur in paucis, omnibus timeri sunt coepta. et ne tot malis dissimulatis paulatimque serpentibus acervi crescerent aerumnarum, nobilitatis decreto legati mittuntur: Praetextatus ex urbi praefecto et ex vicario Venustus et ex consulari Minervius oraturi, ne delictis supplicia sint grandiora, neve senator quisquam inusitato et inlicito more tormentis exponeretur.

25. qui cum intromissi in consistorium haec referrent, negantem Valentinianum se id statuisse, et calumnias perpeti clamitantem moderate redarguit quaestor Eupraxius, hacque libertate emendatum est crudele praeceptum supergressum omnia diritatis exempla.

26. Circa hos dies Lollianus primae lanuginis adulescens, Lampadi filius ex praefecto, exploratius causam Maximino spectante, convictus codicem noxiarum artium nondum per aetatem firmato consilio descripsisse, exulque mittendus, ut sperabatur, patris inpulsu provocavit ad principem, et iussus ad eius comitatum duci, de fumo, ut aiunt, in flammam traditus Phalangio Baeticae consulari cecidit funesti carnificis manu.

27. Super his etiam Tarracius Bassus, postea urbi praefectus et frater eius Camenius et Marcianus quidam et Eusaphius, omnes clarissimi, arcessiti in crimen, quod eiusdem conscii uneficii aurigam fovere dicebantur Auchenium, documentis etiam tum ambiguis suffragante absoluti sunt Victorino, ut dispersus prodidit rumor, qui erat amicus Maximino iunctissimus.

28. Nec minus feminae quoque calamitatum participes fuere similium. nam ex hoc quoque sexu peremptae sunt originis altae conplures, adulteriorum flagitiis obnoxiae vel stuprorum. inter quas notiores fuere Claritas et Flaviana, quarum altera cum duceretur ad mortem, indumento, quo vestita erat, abrepto, ne velemen quidem secreto membrorum sufficiens retinere permissa est. ideoque carnifex nefas admisisse convictus inmane, vivus exustus est.

29. Paphius quin etiam et Cornelius senatores, ambo venenorum artibus pravis se polluisse confessi, eodem pronuntiante Maximino sunt interfecti. pari sorte etiam procurator monetae extinctus est. Sericum enim et Asbolium supra dictos, quoniam cum hortaretur passim nominare, quos vellent, adiecta religione firmarat, nullum igni vel ferro se puniri iussurum, plumbi validis

ictibus interemit. et post hoe flammis Campensem aruspicem dedit, in negotio eius nullo sacramento constrictus.

30. Oportunum est, ut arbitror, explanare nunc causam, quae ad exitium praecipitem Aginatium inpulit iam inde a priscis maioribus nobilem, ut locuta est pertinacior fama. nec enim super hoc ulla documentorum rata est fides.

31. anhelans flatu superbo Maximinus, etiam tum praefectus annonae, nanctusque audaciae incitamenta non levia, tendebat ad usque Probi contemptum, viri summatum omnium maximi, iureque praefecturae praetorianae regentis provincias.

32. quod Aginatius indignissime ferrens dolensque in examinandis causis Maximinum ab Olybrio sibi praelatum, cum esset ipse vicarius Romae: familiari sermone docuit Probum occulte, facile vanum hominem recalcitrantem sublimibus meritis posse opprimi, si ille id fieri censuisset.

33. has litteras, ut quidam adseverabant, Probus ad Maximinum eruditiorem iam in sceleribus, conmendatumque principi pertimescens, nullo conscio praeter baiulum misit. hisque recitatis ita homo ferus exarsit, ut machinas omnes in Aginatium deinde commoveret, velut serpens vulnere noti cuiusdam adtritus.

34. accessit his alia potior insidiarum materia, quae eundem Aginatium obruit. Victorinum enim defunctum insimulabat, ut Maximini actus, dum supererat, venditantem, cuius ex testamento legata ipse sumpserat non aspernanda, parique petulantia Anepsiae quoque eius uxori lites minabatur et iurgia.

35. quae haec metuens, ut Maximini etiam muniretur auxilio, finxit maritum in voluntate, quam condiderat nuper, argenti tria milia pondo eidem reliquisse. qui aviditate nimia flagrans – nec enim hoc quoque vitio caruit – petit hereditatis medietatem. verum etiam hoc ut parum sufficienti nequaquam contentus aliud commentus est, ut arbitrabatur, honestum et tutum, et ne amitteret amplam sibi oblatam lucrandi uberis patrimonii, Victorini privignam Anepsiae filiam petit filio coniugem, idque adsentiente muliere prompte firmatum est.

36. Per haec et alia simili maerore deflenda, quae decolorabant speciem urbis aeternae, grassabatur per strages multiplices fortunarum homo cum gemitu nominandus, ultra forenses terminos semet extentans. namque et resticulam de fenestra praetorii quadam remota dicitur semper habuisse suspensam, cuius summitas quadam velut ansula colligaret nullis quidem indiciis fulta sed nocitura insontibus multis: et Mucianum Barbarumque apparitores aliquotiens discretim trudi iubebat, ad fallendum aptissimos.

37. hi tamquam heiulando casus, quibus se simulabant oppressos, iudicis exaggerando crudelitatem, remedium nullum aliud reis ad obtinendam vitam superesse eadem replicando saepe adseverabant, ni criminibus magnis petissent nobiles viros, quibus ad sui societatem adnexis facile eos absolvi posse firmabant.

38. Ob quae inplacabilitate ultra adposita iam pergente, manus vinculis sunt artatae conplurium, ortuque nobiles inculti videbantur et anxii. nec eorum culpari quisquam debuit cum salutantes humum paene curvatis contingentibus membris, persaepe clamantem audirent spiritus ferini latronem, nullum se invito reperiri posse insontem.

39. quae verba effectui propere iuncta terruissent profecto Numae Pompilii similis et Catonem. prorsus enim sic agebatur, ut nec in alienis malis quorumdam exarescerent lacrimae: quod in variis et confragosis actibus vitae plerumque contingit.

40. a iure tamen iustitiaque crebro discedens ferreus cognitor, erat uno quasi praecipuo tolerabilis. interdum enim exoratus parcebat aliquibus, quod prope vitium esse in hoc loco legitur apud Tullium «nam si inplacabiles iracundiae sunt, summa est acerbitas: sin autem exorabiles, summa levitas: quae tamen, ut in malis, acerbitati anteponenda est».

41. Post haec praegresso Leone acceptoque successore ad principis comitatum Maximinus accitus, auctusque praefectura praetoriana, nillilo lenior fuit etiam longius nocens ut basilisci serpentes.

42. in id tempus aut non multo prius scopae florere sunt visae, quibus nobilitatis curia mundabatur, idque portendebat extollendos quosdam despicatissimae sortis ad gradus postestatum excelsos.

43. Et quamlibet tempestivum est ad ordinem redire coeptorum, tamen nihil impedituri temporum cursus inmorabimur paucis, quae per iniquitatem curantium vicariam praefecturam in urbe contra quam oportuerat gesta sunt, quia ad nutum Maximini et voluntatem isdem ministris velut apparitoribus gerebantur.

44. post hunc venit Vrsicinus ad mitiora propensior, qui quoniam cautus esse voluit et civilis, rettulerat Esaiam cum aliis, ob commissum adulterium in Rufinam detentis, Marcellum maritum eius ex agente in rebus, reum inminutae maiestatis deferre conatis: ideoque ut cunctator contemptus et ad haec fortiter exsequenda parum conveniens e vicaria potestate discessit.

45. huic successit Hemonensis Simplicius, Maximini consiliarius ex grammatico, post administratam nec erectus nec tumidus sed obliquo aspectu terribilis, qui conpositis ad modestiam verbis acerba meditabatur in multos. et primo Rufinam cum universis auctoribus adulterii commissi vel consciis interfecit, super quibus Vrsicinum rettulisse praediximus, alios deinde conplures nullo noxiorum discrimine vel insontium.

46. in cruento enim certamine cum Maximino velut antepilano suo contendens, superare eum in succidendis familiarum nobilium nervis studebat, Busirim veterem et Antaeum imitatus et Phalarim, ut taurus ei solus deesse videretur Agrigentinus.

47. His in hunc modum ac talibus actitatis, Hesychia quaedam matrona ob intentatum crimen in domo apparitoris, cui custodienda est tradita, multa pertimescens et saeva, fulcro plumeo vultu contracto incubuit, et animam occluso narium spiramento effudit.

48. Adiunctum est his aliud haut mitius malum. Eumenius enim et Abienus ambo ex coetu amplissimo infamati sub Maximino in Fausianam feminam non obscuram, post Victorini obitum, quo iuvante vixere securius, Simplicii adventu perterrefacti, non secus volentis magna cum minis, ad secreta receptacula se contulerunt.

49. sed Fausiana damnata inter reos recepti, vocatique edictis, semet abstrusius amendarunt: quorum Abienus apud Anepsiam diu delitescebat. sed ut solent insperati casus adgravare miserabilis clades, Apaudulus nomine servus Anepsiae, verberatae coniugis dolore perculsus, negotium ad Simplicium detulit nocte progressus, missique apparitores indicatos e latebris abstraxerunt.

50. et Abienus quidem exaggerato crimine stupri, quod intulisse dicebatur Anepsiae, morte multatus est. mulier vero ut continendae vitae spem firmam dilato posset habere supplicio, adpetitam se nefariis artibus, vim in domo Aginati perpessam adseveravit.

51. haec, ut gesta sunt, auctius ad principem Simplicius rettulit, agensque ibi Maximinus infestus ob causam, quam supra docuimus, Aginatio,

simultate una cum potestate in maius accensa, oravit inpense ut rescriberetur eum occidi: et inpetravit facile male sanus incitator et potens.

52. metuensque gravioris invidae pondus, ne pronuntiante Simplicio et consiliario suo et amico, periret homo patriciae stirpis, retinuit apud se paulisper imperiale praeceptum, haerens et ambigens, quemnam potissimum exsecutorem atrocis rei fidum inveniret et efficacem.

53. tandemque, ut solent pares facile congregari cum paribus, Doryphorianus quidam repertus est Gallus, audax ad usque insaniam, cui hanc operam implere brevi pollicito deferri providit vicariam, et commonitorium cum Augusti litteris tradidit, instruens hominem saevum quidem et rudem, qua celeritate Aginatium sine ullo deleret obstaculo, dilatione qualibet inventa, forsitan evasurum.

54. festinavit, ut mandatum est, Doryphorianus magnis itineribus Romam, et inter administrandi initia magna quaeritabat industria, qua vi senatorem perspicui generis interficeret iuvantibus nullis. cognitoque eum iam pridem repertum in villa propria custodiri, ipse tamquam caput sontium pariterque Anepsiam horrore medio tenebrarum audire disposuit, quo tempore hebetari solent obstrictae terroribus mentes: ut inter innumera multa Aiax quoque Homericus docet optans perire potius luce, quam pati formidinis augmenta nocturnae.

55. et quoniam iudex, quin immo praedo nefandus ad id solum, quod promisit, intentus cuncta extollebat in maius, iusso Aginatio statui, agmina fecit introire carnificum, catenisque sonantibus triste, mancipia squalore diuturno marcentia in domini caput ad usque ultimum lacerabat exitium, quod in stupri questione fieri vetuere clementissimae leges.

56. denique cum iam contigua morti tormenta ancillae voces expressissent obliquas, indicii fide parum plene discussa, Aginatius ad supplicium duci pronuntiatus abrupte, nec auditus, cum magnis clamoribus appellaret nomina principum, sublimis raptus occiditur, pari sententia Anepsia interfecta. haec agitante, cum adesset, perque emissarios cum procul ageret, Maximino funera urbs deploravit aeterna.

57. Sed accelerarunt ultimae dirae caesorum. namque ut postea tempestive dicetur, et idem Maximinus sub Gratiano intoleranter se efferens damnatorio iugulatus est ferro, et Simplicius in Illyrico trucidatus, et Doryphorianum pronuntiatum capitis reum trusumque in carcerem Tullianum, matris consilio princeps exinde rapuit, reversumque ad lares per cruciatus oppressit inmensos. Ut unde huc fleximus revertamur, is urbanarum rerum status, ut ita dixerim, fuit.

II

1. At Valentinianus magna animo concipiens et utilia, Rhenum omnem a Raetiarum exordio ad usque fretalem Oceanum magnis molibus conmuniebat, castra extollens altius et castella turresque adsiduas per habiles locos et oportunos, qua Galliarum extenditur longitudo: non numquam etiam ultra flumen aedificiis positis subradens barbaros fines.

2. denique cum reputaret munimentum celsum et tutum, quod ipse a primis fundarat auspiciis, praeterlabente Nicro nomine fluvio, paulatim subverti posse undarum pulsu inmani, meatum ipsurr aliorsum vertere cogitavit et quaesitis artificibus peritis aquariae rei, copiosaque militis manu arduum est opus adgressus.

3. per multos enim dies conpaginatae formae e roboribus, coniectaeque in alveum, fixis refixisque aliquotiens prope ingentibus stilis, fluctibus erectis confundebantur, avulsaeque vi gurgitis interibant.

4. vicit tamen imperatoris vehementior cura et morigeri militis labor, mento tenus, dum operaretur, saepe demersi: tandem non sine quorundam discrimine castra praesidiaria, inquietudine urgentis amnis exempta, nunc valida sunt.

5. Ac talibus laetus exsultansque, pro anni et temporis statu dilapsos conducens, rei publicae curam habuit, ut officio principis congruebat. ratusque aptissimum ad id, quod deliberabat, inplendum, trans Rhenum in monte Piri, qui barbaricus locus est, munimentum extruere disposuit raptim. utque celeritas effectum negotii faceret tutum, per Syagrium tunc notarium, postea praefectum et consulem, Aratorem monuit ducem, ut, dum undique altum esset silentium, id arripere conaretur.

6. transiit cum notario dux, ut iussum est, statim fodereque per militem, quem duxit, fundamenta exorsus, Hermogenen susceperat successorem, eodemque puncto quidam optimates Alamanni venere obsidum patres, quos lege foederis mansuraeque diutius pacis haut aspernanda pignora tenebamus.

7. qui flexis poplitibus supplicabant, ne Romani securitatis inprovidi, quorum fortunam sempiterna fides caelo contiguam fecit, pravo deciperentur errore, pactisque calcatis rem adorerentur indignam.

8. verum haec et similia loquentes in cassum, cum nec audirentur, nec quietum aliquid vel mite referri sentirent, filiorum flentes exitium discesserunt, isdemque digressis, ex abdito collis propinqui barbaricus prosiluit, globus optimatibus tum danda responsa, ut intellegi dabatur, opperiens: adortusque milites seminudos, humum etiam tum gestantes, expeditis agiliter gladiis obtruncabant, inter quos etiam duces ambo sunt caesi.

9. nec indicaturus gesta superfuit quisquam praeter Syagrium, qui deletis omnibus ad comitatum reversus, irati sententia principis sacramento exutus abiit ad lares, id conmeruisse saevo iudicatus arbitrio, quod evaserit solus.

10. Haec inter per Gallias, latrociniorum rabies saeva scatebat in perniciem multorum, observans celebres vias, fundensque indubitanter quidquid inciderat fructuosum. denique praeter conplures alios, quos absumpserunt insidiae tales, Constantianus tribunus stabuli, impetu est clandestino exceptus moxque interfectus, Valentiniani adfinis, Cerealis et Iustinae germanus.

11. At procul, tamquam horum similia agitantibus furiis per omne latus, Maratocupreni grassatores acerrimi vagabantur, vici huius nominis incolae in Syria prope Apamiam positi, nimium quantum numero et exquisitis fallaciis abundantes, ideoque formidati quod mercatorum militumque honoratorum specie sine strepitu ullo diffusi, opimas domos et villas et oppida pervadebant.

12. nec quisquam adventum eorum cavere poterat inopinum, non destinata sed varia petentium et longinqua, et quoquo ventus duxerat, inrumpentium: quam ob causam prae ceteris hostibus Saxones timentur ut repentini. et quamlibet coniurati multorum opes attriverint, oestroque concepti furosis exagitati caedes edidere luctificas, sanguinis nihilo minus avidi quam praedarum, sed ne per minutias gesta narrando ....operis inpediam cursum, id unum sufficiet eorum exitiale poni commentum.

13. quaesitus in unum impiorum [hominum] globus, imitatus rationalis officium ipsumque iudicem, vespertinis tenebris lugubre clamante praecone civitatem ingressi, ambitiosam domum cuiusdam primatis ut proscripti

iussique interfici cum gladiis obsederunt, raptaque suppellectili pretiosa, quia subito perculsi familiares hebetatis sensibus non defenderant dominum, caesis pluribus ante revolutam lucem gressu discessere veloci.

14. verum cum exuviis referti multorum, rapiendi dulcedine nihil praetermitterent, intercepti imperiali motu, oppressi interiere omnes ad unum, eorumque suboles parva etiam tum, ne ad parentum exempla subcresceret, pari sorte deleta est, et lares versi, quos ambitiose luctuosis aliorum dispendiis construxerunt. et haec quidem textu processere narrato.

III

1. Theodosius vero dux nominis inclyti, animi vigore collecto ab Augusta profectus, quam veteres appellavere Lundinium, cum milite industria conparato sollerti, versis turbatisque Brittannorum fortunis opem maximam tulit, oportuna ubique ad insidiandum barbaris praeveniens loca, nihilque gregariis imperans, cuius non ipse primitias alacri capesseret mente.

2. hocque genere cum strenui militis munia et praeclari ducis curas expleret, fusis variis gentibus et fugatis, quas insolentia nutriente securitate adgredi Romanas res inflammabat, in integrum restituit civitates et castra multiplicibus quidem damnis adflicta, sed ad quietem temporis longi fundata.

3. Evenerat autem eodem haec agente facinus dirum, erupturum in periculum grave, ni inter ipsa conatus principia fuisset extinctum.

4. Valentinus quidam in Valeria Pannoniae superbi spiritus homo, Maximini illius exitialis vicarii, postea praefecti coniugis frater, ob grave crimen actus in Brittannias exsul, quietis inpatiens malefica bestia ad res perniciosas consurgebat et novas, in Theodosium tumore quodam, quem solum resistere posse nefandis cogitationibus advertebat

5. multa tamen clam palamque circumspiciens, crescente flatu cupiditatis inmensae exules sollicitabat et milites, pro temporis captu ausorum inlecebras pollicendo mercedes

6. iamque propinquante temptatorum effectu, doctus haec, unde convenerat dux alacrior ad audendum, et corde celso ad vindictam conpertorum erectus, Valentinum quidem cum paucis arta societate iunctissimis letali poena plectendos Dulcitio dediderat duci: militari scientia vero, qua superabat praesentes, futura coniciens, de coniuratis quaestionis agitari prohibuit, ne formidine sparsa per multos reviviscerent provinciarum turbines con positi.

7. Hinc ad corrigenda plura conversus et necessaria, periculo penitus dempto, cum aperte constaret nulla eius proposita deseruisse fortunam, instaurabat urbes et praesidiaria, ut diximus, castra, limitesque vigiliis tuebatur et praetenturis, recuperatamque provinciam, quae in dicionem concesserat hostium, ita reddiderat statui pristino, ut eodem referente e rectorem haberet legitimum, et Valentia deinde vocaretur arbitrio principis velut ovantis.

8. ....haec etiam praecipua. Arcanos genus hominum a veteribus institutum, super quibus aliqua in actibus Constantis rettulimus, paulatim prolapsos in vitia a stationibus suis removit: aperte convictos, acceptarum promissarumque magnitudine praedarum allectos, quae apud nos agebantur, aliquotiens barbaris prodidisse. id enim illis erat officium, ut ultro citroque [per longa spatia] discurrentes, vicinarum gentium strepitus nostris ducibus intimarent.

9. Ita spectatissime ante dictis rebus aliisque administratis similibus, ad comitatum accitus tripudiantesque relinquens provincias ut Furius Camillus vel Cursor Papirius victoriis crebris et salutaribus erat insignis. et favore omnium ad usque fretum deductus, leni vento transgressus, venit ad conmilitium principis, cumque gaudio susceptus et laudibus, in locum Valentis Iovini successit, qui equorum copias tuebatur.

IV

1. Diu multumque a negotiis discussus urbanis, adigente cumulo foris gestorum, ad ea strictim exequenda regrediar, exorsus ab Olybrii praefectura tranquilla nimis et leni, qui numquam ab humanitatis statu deiectus, sollicitus erat et anxius, nequid usquam factum eius asperum inveniretur aut dictum, calumniarum acerrimus insectator, fisci lucra, unde poterat, circumcidens, iustorum iniustorumque distinctor et arbiter plenus, in subiectos admodum temperatus.

2. Sed obnubilabat haec omnia vitium parum quidem nocens [rei communi], sed in alto iudice maculosum, quod citeriorem vitam paene omnem vergentem in luxum per argumenta scaenica amoresque peregerat nec vetitos nec incestos.

3. Post hunc urbem rexit Ampelius, cupidus ipse quoque voluptatum, Antiochiae genitus, ex magistro officiorum ad proconsulatum geminum, indeque multo postea ad praefecturae culmen evectus, alias ad populi favorem adipiscendum aptissimus, non numquam tamen rigidus atque utinam in proposito perseverans. correxisset enim ex parte licet exigua inritamenta gulae et ganeas taetras, ni flexus in molliora amisisset gloriam diu victuram.

4. namque statuerat, ne taberna vinaria ante horam quartam aperiretur, neve aquam vulgarium calefaceret quisquam, vel usque ad praestitutum diei spatium lixae coctam proponerent carnem, vel honestus quidam mandens videretur in publico.

5. quae probra aliaque his maiora dissimulatione iugi neglecta ita effrenatius exarserunt, ut nec Epimenides ille Cretensis, si fabularum ritu ab inferis excitatus redisset ad nostra, solus purgare sufficeret Romam: tanta plerosque labes insanabilium flagitiorum oppressit.

6. Et primo nobilitatis, ut aliquotiens pro locorum copia fecimus, dein plebis digeremus errata, incidentia veloci constringentes excessu.

7. praenominum claritudine conspicui quidam, ut putant, in inmensum semet extollunt, cum Reburri et Elabunii et Pagonii Gereonesque appellentur ac Dalii cum Tarraciis et Perrasiis, aliisque ita decens sonantibus originum insignibus multis.

8. non nullos fulgentes sericis indumentis, ut ducendos ad mortem, vel ut sine diritate ominis loquamur, praegresso exercitu arma cogentes, manipulatim concitato fragore sequitur multitudo servorum.

9. tales ubi comitantibus singulos quinquaginta ministris tholos introierint balnearum, «ubi sunt nostri?» minaciter clamant: si apparuisse subito ignotam conpererint meretricem, aut oppidanae quondam prostibulum plebis, vel meritorii corporis veterem lupam, certatim concurrunt, palpantesque advenam deformitate magna blanditiarum ita extollunt, ut Samiramim Parthi vel Cleopatras Aegyptus aut Artemisiam Cares vel Zenobiam Palmyreni. et haec admittunt hi, quorum apud maiores censoria nota senator adflictus est, ausus, dum adhuc non deceret praesente communi filia, coniugem osculari.

10. Ex his quidam cum salutari pectoribus oppositis coeperunt, osculanda capita in modum taurorum minacium obliquantes, adulatoribus offerunt genua suavianda vel manus, id illis sufficere ad beate vivendum existimantes, et abundare omni cultu humanitatis peregrinum [putantes], cuius forte etiam gratia sunt obligati, interrogatum, quibus thermis utatur aut aquis, aut ad quam successerit domum.

11. Et cum ita graves sint et cultores virtutum, ut putant, si venturos undelibet equos aut aurigas quendam didicerint nuntiasse, ita velociter imminent, vident et percunctantur, ut Tyndaridas fratres eorum suspexere maiores, cum priscis illis victoriis indicatis gaudio cuncta complessent.

12. Horum domus otiosi quidam garruli frequentant, variis adsentandi figmentis ad singula ulterioris fortunae verba plaudentes, parasitorum in comoediis adsentationes facetas adfectando. ut enim illi sufflant milites gloriosos, obsidiones urbium et pugnas et milia hostium isdem ut heroicis aemulis adsignantes, ita hi quoque columnarum constructiones alta fronte suspensas mirando, atque parietes lapidum circumspectis coloribus nitidos, ultra mortalitatem nobiles viros extollunt.

3. poscuntur etiam in conviviis aliquotiens trutinae, ut adpositi pisces et volucres ponderentur et glires, quorum magnitudo saepius praedicata non sine taedio praesentium, ut antehac inusitata laudatur adsidue, maxime cum haec eadem numerantes notarii triginta prope adsistant cum thecis et pugillaribus tabulis, ut deesse solus magister ludi litterarii videretur.

14. Quidam detestantes ut venena doctrinas, Iuvenalem et Marium Maximum curatiore studio legunt, nulla volumina praeter haec in profundo otio contrectantes, quam ob causam non iudicioli est nostri.

15. cum multa et varia pro amplitudine gloriarum et generum lectitare deberent, audientes destinatum poenae Socratem, coniectumque in carcerem, rogasse quendam scite lyrici carmen Stesichori modulantem, ut doceretur id agere, dum liceret : interroganteque musico quid ei poterit hoc prodesse morituro postridie, respondisse 'ut aliquid sciens amplius e vita discedam".

16. Ita autem pauci sunt inter eos severi vindices delictorum ut, si aquam calidam tardius attulerit servus, trecentis adfligi verberibus iubeatur : si hominem sponte occiderit propria, instantibus plurimis ut damnetur reus, dominus hactenus exclamet «quid faciat maniosus et nequam? et siquis aliud eius modi deinceps ausus fuerit, corrigetur».

17. Civilitatis autem hoc apud eos est nunc summum, quod expedit peregrino fratrem interficere cuiuslibet, quam cum rogatur ad convivium excusare: defectum enim patrimonii se oppido perpeti senator existimat, si is defuerit, quem aliquotiens libratis sententiis invitaverit semel.

18. Pars eorum, si agros visuri processerunt longius, aut alienis laboribus venaturi, Alexandri Magni itinera se putant aequiperasse vel Caesaris: aut si a lacu Averni lembis invecti sunt pictis Puteolos, velleris certamen, maxime cum id vaporato audeant tempore. ubi si inter aurata flabella laciniis sericis insederint muscae, vel per foramen umbracul pensilis radiolus inruperit solis, queruntur quod non sunt apuc Cimmerios nati.

19. dein cum a Silvani lavacro vel Mamaeae aquis ventitant sospitalibus, ut quisquam eorum egressus tenuissimis se terserit linteis, solutis pressoriis vestes luce nitentes ambigua diligenter explorat, quae una portantur sufficientes ad induendos homines undecim: tandemque electis aliquot involutus, receptis anulis, quos, ne violentur humoribus, famulo tradiderat, digitis ut metatis abit.

20. Enim vero siquis e militia principis recens digressus abierit in larem,

aut provectibus, tali praesente .....irio ....lenii praesul existimatur: ceteri taciturni audiunt dicta ...... solus pater familias tectus narrans aliena et placentia referens et utile pleraque fallendo.

21. Quidam ex his licet rari aleatorum vocabulum declinantes ideoque se cupientes appellari tesserarios: inter quos tantum differt, quantum inter fures et latrones. hoc tamen fatendum est quod, cum omnes amicitiae Romae tepescant, aleariae solae, quasi gloriosis quaesitae sudoribus, sociales sunt et adfectu nimio firmitate plena conexae : unde quidam ex his gregibus inveniuntur ita concordes ut Quintilios

13 esse existimes fratres. ideoque videre licet ignobilem artis tesserariae callentem arcana, ut Catonem Porcium ob repulsam praeturae nec suspectam antea nec speratam, incedere gravitate conposita maestiorem, quod ei in maiore convivio vel consessu proconsularis quidam est antelatus.

22. Subsident aliqui copiosos homines senes aut iuvenes, orbos vel caelibes, aut etiam uxores habentes et liberos – nec enim hoc titulo discrimen aliquod observatur – ad voluntates condendas allicientes eos praestigiis miris: qui cum supremis iudiciis ordinatis, quae habebant, reliquerint his, quibus morem gerendo testati sunt, ilico pereunt, ut id impleri sorte fatorum opperiente [nec] putes, nec facili potest aegritudo testamen ....comitatu est his quisquam.

23. Alius cum dignitate licet mediocri, cervice tumida gradiens notos antea obliquato contuetur aspectu, ut post captas Syracusas existimes reverti M. Marcellum.

24. Multi apud eos negantes esse superas potestates in caelo, nec in publicum prodeunt nec prandent nec lavari arbitrantur se cautius posse, antequam ephemeride scrupulose sciscitata didicerint, ubi sit verbi gratia signum Mercurii vel quotam cancri sideris partem polum discurrens obtineat luna.

25. Alius si creditorem suum flagitare molestius adverterit debitum, ad aurigam confugit audentem omnia praelicenter, eumque ut veneficum curat urgeri: unde non nisi reddita cautione dispendioque adflictus gravi discedit. et additur huic, debitorem voluntarium includit ut proprium, nec ante eius professionem absolvit.

26. Parte alia uxor, ut proverbium loquitur vetus, eandem incudem diu noctuque tundendo maritum testari conpellit, hocque idem ut faciat uxor urget maritus instanter: et periti iuris altrinsecus adsciscuntur, unus in cubiculo, alter eius aemulus in triclinio, repugnantia tractaturi: isdemque subseruntur genitalium extorum interpretes controversi, hinc praefecturas profusius largientes et sepulturas divitum matro narum; inde ad exequias virorum iam iam adventantes necessaria parari oportere iubentes: et testatura ... .. ancillas suapte natura pallidi aspirati pridie consumpta defuncta ...... um Romaque, ut Tullius ait: «nec in rebus humanis quicquam bonum norunt nisi quod fructuosum sit: amicos tamquam pecudes eos potissimum diligunt, ex quibus se sperant maximum fructum esse capturos».

27. Cumque mutuum illi quid petunt, soccos et Miconas videbis et Lachetas: cum adiguntur ut reddant, ita cothurnatos et turgidos ut Heraclidas illos Cresphontem et Temenum putes. hactenus de senatu.

28. Nunc ad otiosam plebem veniamus et desidem. in qua nitent ut nominibus cultis et quidam calceorum expertes, Cimessores Statarii Semicupae et Serapini et Cicimbricus cum Gluturino et Trulla, et Lucanicus cum Pordaca et Salsula similesque innumeri.

29. hi omne, quod vivunt, vino et tesseris inpendunt et lustris et

voluptatibus et spectaculis: eisque templum et habitaculum et contio et cupitorum spes omnis Circus est maximus: et videre licet per fora et compita et plateas et conventicula circulos multos collectos in se controversis iurgiis ferri, aliis aliud, ut fit, defendentibus.

30. inter quos hi qui ad satietatem vixerunt, potiores auctoritate longaeva, per canos et rugas clamitant saepe, rem publicam stare non posse, si futura concertatione, quem quisque vindicat, carceribus non exiluerit princeps, et funalibus equis parum cohaerenter circumflexerit metam.

31. et ubi neglegentiae tanta est caries, exoptato die equestrium ludorum inlucescente, nondum solis puro iubare, effusius omnes festinant praecipites ut velocitate currus ipsos anteeant certaturos: super quorum eventu discissi votorum studiis anxii plurimi agunt pervigiles noctes.

32. Vnde si ad theatralem ventum fuerit vilitatem, artifices scaenarii per sibilos exploduntur, siquis sibi aere humiliorem non conciliaverit plebem. qui si defuerit strepitus, ad imitationem Tauricae gentis peregrinos vociferantur pelli debere – quorum subsidiis semper nisi sunt ac steterunt – et taetris vocibus et absurdis; quae longe abhorrent a studiis et voluntate veteris illius plebis, cuius multa facete dicta memoria loquitur et venusta.

33. Id enim nunc repertum est pro sonitu laudum inpensiore per applicatos homines ad plodendum, ut in omni spectaculo, exodiario, venatori, aurigae et histrionum generi omni et iudicibus celsis itidemque minoribus, nec non etiam matronis clametur adsidue «per te ille discat» quid autem debeat disci nemo sufficit explanare.

34. In his plerique distentioribus saginis addicti, praeeunte nidoris indagine acutisque vocibus feminarum, a galliciniis ipsis in modum pavonum ieiunitate clangentium humum summis pedum unguibus contingentes aulis adsistunt, digitos praerodentes dum patinae defervescunt: alii nauseam horridae carnis, dum excoquitur, intentius despectantes, ut discissarum pecudum exta rimari cum anatomicis Democritum putes, docentem quibus modis posteritas mederi doloribus possit internis.

35. Sit satis interim haec digessisse super rebus urbanis. nunc redeamus ad cetera, quae per provincias agitavere multiplices casus.

V

1. Erupit Augustis ter consulibus Saxonum multitudo et Oceani difficultatibus permeatis Romanum limitem gradu petebat intento, saepe nostrorum funeribus pasta: cuius eruptionis primae procellam Nannenus sustinuit comes, regionibus isdem adpositus, dux diuturno bellorum labore conpertus.

2. Sed tunc ad mortem destinatae plebi congressus, cum milites quosdam ruisse et se vulneratum inparem fore certaminibus adverteret crebris, docto imperatore quid agi deberet, id est adeptus, ut peditum magister Severus opitulatum rebus dubiis adveniret.

3. qui ducens militem rei sufficientem cum venisset ad loca, discriminatis ordinibus barbaros ante conluctationem adeo terruit et turbavit, ut nec controversas opponerent manus sed signorum aquilarumque fulgore praestricti venialem poscerent pacem.

4. diuque variatis consiliis, cum id rei publicae conducere videretur, pactis indutiis et datis ex condicione proposita iuvenibus multis habilibus ad militiam, discedere permissi sunt Saxones, sine inpedimento, unde venerant,

reversuri.

5. quibus omni iam formidine vacuis, reditumque parantibus, occulte pedites missi insidias in abdita quadam valle struxerunt, unde praetereuntes adgredi negotio poterant levi. sed longe secus accidit quam sperabatur.

6. sonitu enim adventantium perciti exsiluere quidam intempestive, visique subito, dum se firmare festinant, ululantibus lugubre barbaris, vertuntur in pedes. stetere tamen mox eonglobati, extremaque sorte vires licet non integras suggerente confligere cogebantur, multaque caede perculsi concidissent nullo relicto, ni cataphractorum equitum cuneus ad inferendum periculum transeuntibus barbaris ex alio latere prope divortium itineris pari modo locatus, clamore percitus tristi, agiliter subvenisset.

7. exin concursum infestius, firmatisque pectoribus hinc inde incumbentes Romani clausos hostes eductis gladiis obtruncabant: nec quisquam eorum genitales revisere potuit lares, ne uno quidem caedibus concorporalium superesse permisso. ac licet iustus quidam arbiter rerum factum incusabit perfidum et leforme, pensato tamen negotio non feret indigne manum latronum exitialem tandem copia data captam.

8. Post haec ita prospere consummata, Valentinianus versando sententias multiformes, anxia sollicitudine stringebatur, reputans multa et circumspiciens quibus commentis Alamannorum et Macriani regis frangeret fastus, sine fine vel modo rem Romanam inrequietis motibus confundentes.

9. inmanis enim natio, iam inde ab incunabulis primis varietate casuum inminuta, ita saepius adulescit, ut fuisse longis saeculis aestimetur intacta. seditque consilio alia post alia imperatori probanti, Burgundios in eorum excitari perniciem, bellicosos et pubis inmensae viribus adfluentes, ideoque metuendos finitimis universis.

10. scribebatque frequenter ad eorum reges per taciturnos quosdam et fidos, ut isdem tempore praestituto supervenirent, pollicitus ipse quoque transito cum Romanis agminibus Rheno occurrere pavidis, pondus armorum vitantibus insperatum .

11 . Gratanter ratione gemina principis acceptae sunt litterae: prima quod iam inde a temporibus priscis subolem se esse Romanam Burgundii sciunt, dein quod salinarum finiumque causa Alamannis saepe iurgabant. et catervas misere lectissimas, quae, antequam milites congregarentur in unum, ad usque ripas Rheni progressae, imperatore ad struenda munimenta districto, terrori nostris fuere vel maximo.

12. igitur paulisper morati cum neque Valentinianus, ut spoponderat, die praedicto venisset, nec promissorum aliquid adverterent factum, ad comitatum misere legatos poscentes adminicula sibi dari, redituris ad sua, ne nuda hostibus exponerent terga. I

3. quod ubi negari per ambages sentirent et moras, maesti exinde discesserunt et indignati. hocque conperto reges ut ludibrio habiti saevientes, captivis omnibus interfectis genitales repetunt terras.

14. Apud hos generali nomine rex appellatur Hendinos, et ritu veteri potestate deposita removetur, si sub eo fortuna titubaverit belli vel segetum copiam negaverit terra, ut solent Aegyptii casus eius modi suis adsignare rectoribus. nam sacerdos apud Burgundios omnium maximus vocatur Sinistus, et est perpetuus, obnoxius discriminibus nullis, ut reges.

15. Per hanc occasionem inpendio tempestivam Alamannos gentis ante dictae metu dispersos adgressus per Raetias Theodosius, ea tempestate magister equitum, pluribus caesis, quoscumque cepit ad Italiam iussu principis misit, ubi fertilibus pagis acceptis iam tributarii circumcolunt Padum.

VI

1. Hinc tamquam in orbem migrantes alium, ad Tripoleos Africanae provinciae veniamus aerumnas, quas, ut arbitror, Iustitia quoque ipsa deflevit, quae unde instar exarsere flammarum, textus aperiet absolutus.

2. Austoriani his contermini partibus barbari, in discursus semper expediti veloces, vivereque adsueti rapinis et caedibus, paulisper pacati, in genuinos turbines revoluti sunt hanc causam praetendentes ut seriam.

3. Stachao quidam nomine popularis eorum, ut in otio nostra peragrando licentius, agebat quaedam vetita legibus, inter quae illud potius eminebat, quod provinciam omni fallaciarum via prodere conabatur, ut indicia docuere verissima: quocirca supplicio flammarum absumptus est.

4. Huius necem ulcisci, ut propinqui damnatique iniuste causantes, ferarum similes rabie concitarum exsiluere sedibus suis, Ioviano etiam tum imperante, veritique prope Leptim accedere, civitatem muris et populo validam, suburbano eius uberrimo insedere per triduum, mactatisque agrestibus, quos inopinus hebetaverat pavor, vel confugere coegerat ad speluncas, incensa suppellectili multa, quae vehi non poterat, referti rapinis reverterunt ingentibus, trahentes captivum Silvam quoque casu cum caritatibus in agro inventum, ordinis sui primatem.

5. Hac subita clade Leptitani perterriti, ante incrementa malorum, quae intentabat barbaricus tumor, praesidium inploravere Romani comitis per Africam recens provecti. qui cum venisset militaris copias ducens, ferreque opem rebus rogaretur adflietis, non nisi abundanti commeatu adgesto, et camelorum quattuor milibus apparatis, castra firmabat esse moturum.

6. hocque responso miserandis civibus stupefactis, atque negantibus sufficere se posse post vastationes et incendia ita enormibus instrumentis remedia quaerere damnorum inmanium, dissimulanter diebus ibi quadraginta consumptis, nullo temptato inde discesserat comes.

7. Qua spe Tripolitani frustrati formidantesque extrema, adlapso legitimo die concilii, quod apud eos est annuum, Severum et Flaccianum creavere legatos, Victoriarum aurea simulacra Valentiniano ob imperii primitias oblaturos, utque lacrimosas provinciae ruinas docerent intrepide.

8. quibus conpertis Romanus, misso equite velocissimo magistrum officiorum petit Remigium, adfinem suum vel rapinarmn participem, ut provideret imperatoris arbitrio cognitionem huius negotii vicario sibique deferri.

9. venerunt in comitatum legati, aditoque principe, verbis, quae perpessi sunt, ostenderunt: obtulerunt decreta, textum continentia rei totius. quibus lectis cum neque relationi officiorum magistri faventis Romani flagitiis, nec contraria referentibus crederetur, promissa disceptatio plena dilata est eo more, quo solent inter potiorum occupationes ludi potestates excelsae.

10. Dum remedia quaedam a conmilitio principis exspectantur, suspensis Tripolitanis diuque anxiis, rursus globi supervenere barbarici, fiducia sublati praeteritorum, Leptitanoque agro et Oeensi interneciva populatione transcursis, expleti praedarum acervis ingentibus abscesserunt, occisis decurionibus multis, inter quos Rusticianus sacerdotalis et Nicasius enitebat aedilis.

11. haec autem eruptio ideo arceri non potuit, quod ad legatorum preces negotiorum quoque militarium cura praesidi delata Ruricio, mox translata est

ad Romanum.

12. et iam recens inflitcae cladis nuntius missus ad Gallias, excitavit acrius principem. ideoque tribunus et notarius Palladius mittitur, ut et militi disperso per Africam praeberet stipendium debitum, et gesta per Tripolim fide congrua scrutaretur.

13. Inter tales tamen consulendi moras exspectandique responsa, Austoriani successu gemino insolentes, ut rapaces alites aduolarunt inritamento sanguinis atrocius efferatae; cunctisque, nisi quos fuga discriminibus eximeret, interemptis, praedas, quas antehac reliquerant, avexerunt arboribus exsectis et vitibus.

14. tunc Mychon quidam nobilis oppidanus et potens, captus in suburbano lapsusque, antequam vinciretur, quia pedibus aeger evadere penitus vetabatur, in puteum aquis vacuum sese coniecit, unde costa diffracta levatus a barbaris, ductusque prope portas, coniugis miseratione redemptus est, et ad pinnas muri fune sublatus post biduum interiit.

15. unde elati in pertinaciam saevissimi grassatores, ipsa pulsavere moenia Leptitana, funestis plangoribus resonantia feminarum, quas numquam antea hostiliter clausas pavor exanimabat insolitus, obsessaque urbe per octo continuos dies, cum quidam oppugnatores sine ullo vulnerarentur effectu, redierunt ad propria tristiores.

16, Ob quae super salute dubii cives, ultimaque temptantes, profectis ante legatis, nondum reversis, Iovinum mittunt atque Pancratium, quae viderint, quae ipsi perpessi sint, imperatorem fida relatione docturos. qui Severum apud Carthaginem inventum et Flaccianum superiores illos legatos percontando quid egerint, cognoverunt eos audiri a vicario iussos et comite. e quibus Severus ilico perit vexatus acerbitate morborum: nihilo minus tamen properarunt ad comitatum magnis itineribus ante dicti.

17. Ingresso post haec Palladio Africam, Romanus, quas ob res venerat, ante praestructurus, ut securitatem suam in tuto locaret, numerorum principiis per quosdam secretorum mandaverat conscios, ut ei tamquam potenti et palatii summatibus proximo, stipendii, quod pertulerat, praestarent maximam partem: et ita est factum.

18. confestimque ille ditatus perrexit ad Leptim, utque ad veritatis perveniret indaginem, Erechthium et Aristomenem facundos municipes et insignes, libere suas civiumque et finitimorum retexentes aerumnas, ad loca vastata secum eduxit.

19. quibus aperte cuncta monstrantibus, luctuosis provinciae cineribus visis revertit, Romanumque ut desidem increpans, relaturum se cuncta verissime, quae viderat, minabatur ad principem. atque ille ira percitus et dolore, se quoque mox referre firmavit, quod missus ut notarius incorruptus, donativum militis omne in quaestus averterit proprios.

20. qua gratia flagitiorum arbitra conscientia, cum Romano deinde Palladius concordabat, reversusque ad comitatum, arte mendaciorum impia Valentinianum fefellerat, Tripolitanos frustra queri commemorans. ideoque rursus ad Africam cum Iovino postremo omnium legatorum remittitur – Pancratius enim decesserat apud Treveros – ut cum vicario ipse rmerita legationis quoque secundae spectaret: praeter haec linguas Erechthi et Aristomenis praecidi iusserat imperator, quos invidiosa quaedam locutos idem Palladius intimarat.

21. Secutus, ut statutum est, vicarium notarius venit ad Tripolim. hocque conperto Romanus domesticum suum illuc volucriter misit, et Caecilium consiliarium in ea provincia genitum, per quos – incertum pretio an fallaciis –

circumventi municipes omnes gravabant Iovinum, destinatius adserentes nihil eorum mandasse, quas docuerat principem: eo usque iniquitate grassante ut ipse quoque Iovinus ad salutis suae discrimen confiteretur se imperatori mentitum.

22. Quibus per Palladium regressum cognitis, Valentinianus ad acerbitatem proclivior Iovinum quidem ut auctorem, Caelestinum vero Concordiumque et Lucium ut falsi conscios et participes puniri supplicio capitali praecepit, Ruricium autem praesidem ut mendacem morte multari, hoc quoque accedente quod in relatione eius verba quaedam, ut visum est, inmodica legebantur.

23. ac Ruricius quidem apud Sitifim caesus, reliqui apud Vticam sententia vicarii Crescentis addicti. Flaccianus tamen ante legatorum interitum cum a vicario audiretur et comite, constanter saluti suae propugnans, adclamationibus iratorum militum impetuque cum conviciis paene confossus est, obicientium ideo Tripolitanos non potuisse defendi, quod ipsi ad expeditionalis usus praebere necessaria detrectarunt.

24. et ob haec trusus in carcerem, dum consultus super eo, quid conveniret agi, decerneret imperator, sollicitatis, ut dabatur opinari, custodibus, in urbem Romam abierat profugus, ibique delitescens fatali lege decessit.

25. Hoc memorando fine externis domesticisque cladibus vexata conticuit Tripolis non indefensa, quia vigilavit Iustitiae oculus sempiternus ultimaeque legatorum et praesidis dirae. diu enim postea huius modi casus emersit. solutus sacramento Palladius destitutusque fastu, quo tumebat, discessit ad otium.

26. et cum Theodosius ductor exercituum ille magnificus, oppressurus Firmum perniciosa coeptantem, venisset in Africam, et praescripti Romani rem mobilem, ut iussum est, scrutaretur, inter chartas eius inventa est Meteri cuiusdam epistula, id continens «domino patrono Romano Meterius» et in fine post multa nihil ad rem pertinentia «salutat te Palladius proiecticius, qui non aliam ob causam dicit se esse proiectum, nisi quod in causa Tripolitanorum apud aures sacras mentitus est».

27. his litteris ad comitatum missis et lectis, Valentiniani iussu Meterius raptus suam esse confitetur epistulam, ideoque Palladius exhiberi praeceptus, cogitans quas criminum coxerit moles, in statione primis tenebris observata custodum absentia, qui festo die Christiani ritus in ecclesia pernoctabant, innodato gutture laquei nexibus interiit.

28. hoc fortunae secundioris iudicio plene conperto, deletoque tristium concitore turbarum, exsiluerunt Erechthius et Aristomenes e latebris, qui cum sibi iussas abscidi linguas didicissent ut prodigas, ad longe remota declinarunt et abdita, doctoque super nefanda fraude gratiano imperatore fidentius – Valentinianus enim obierat – ad Hesperium proconsulem et Flavianum vicarium audiendi sunt missi, quorum aequitas auctoritate nixa iustissima, torto Caecilio, aperta confessione cognovit, ipsum suasisse civibus, gravarent mentiendo legatos. haec acta secuta est relatio, gestorum pandens plenissimam fidem; ad quam nihil responsum est.

29. Et nequid cothurni terribilis fabulae relinquerent intemptatum, hoc quoque post depositum accessit aulaeum. Romanus ad comitatum profectus secum Caecilium duxit, cognitores accusaturum ut inclinatos in provinciae partem : isque Merobaudis favore susceptus, necessarios sibi plures petierat exhiberi.

30. qui cum Mediolanum venissent, frustraque se tractos obsimulatis

documentis probabilibus ostendissent, absoluti redierunt ad lares. Valentiniano tamen superstite, post superiora, quae narravimus, Remigius quoque digressus ad otium, laqueo vitam elisit, ut congruo docebimus loco.

LIBER XXIX

I

1. Exacta hieme rex Persarum gentis Sapor, pugnarum fiducia pristinarum inmaniter adrogans, suppleto numero suorum abundeque firmato, erupturos in nostra cataphractos et sagittarios et conductam misit plebem.

2. contra has copias Traianus comes et Vadomarius ex rege Alamannorum cum agminibus perrexere pervalidis, hoc observare principis iussu adpositi, ut arcerent potius quam lacesserent Persas.

3. qui cum venissent Vagabanta, legionibus habilem locum, rapidos turmarum procursus hostilium in se ruentium acriter exceperunt inviti, operaque consulta retrocedentes, ne ferro violarent adversorum quemquam primi, et iudicarentur discissi foederis rei, ultima trudente necessitate congressi sunt, confossisque multis discessere victores.

4. inter moras tamen utrimquesecus temptatis aliquotiens levibus proeliis, varioque finitis eventu, pactis indutiis ex consensu aestateque consumpta, partium discessere ductores etiam tum discordes. et rex quidem Parthus hiemem Ctesiphonte acturus, redit ad sedes, et Antiochiam imperator Romanus ingressus. qui, dum ibi moratur securus interim hostium externorum, intestinis paene perierat fraudibus, ut aperiet series delata gestorum.

5. Procopius quidam, inquies homo, turbarum cupiditati semper addictus, Anatolium detulerat et Spudasium palatinos, exigi, quae de aerario interceperant, iussos, insidiari comiti Fortunatiano, molesto illi flagitatori. qui animi asperitate confestim ad insanum percitus modum, pro potestatis auctoritate, quam regebat, Palladium quendam obscurissime natum ut veneficum a memoratis conductum, et Heliodorum fatorum per genituras interpretem, adigendos prodere quae scirent, praetorianae iudicio tradidit praefecturae.

6. cumque ad facti vel temptati quaestionem acrius veniretur, exclamabat Palladius confidenter levia esse haec, de quibus agitur, et praetereunda: alia se, si licuerit dicere, monstraturum metuenda et potiora, quae ingenti molimine iam praestructa, nisi prospectum fuerit, universa confundent. iussusque docere fidenter, quae norat, rudentem explicuit inmensum, adfirmans Fidustium praesidialem et cum Irenaeo Pergamium nomen imperaturi post Valentem detestandis praesagiis didicisse secretim.

7. et correptus Fidustius ilico – namque aderat forte – occulteque inductus, viso indice, nulla infitiatione obumbrare iam publicata conatus rei totius calamitosum aperit textum, absolute confessus, se cum Hilario et Patricio vaticinandi peritis, quorum Hilarius militaverat in palatio, de imperio consuluisse futuro: motasque secretis artibus sortes et nuncupationem principis optimi et ipsis consultoribus luctuosos exitus praedixisse.

8. atque cunctantibus, quisnam ea tempestate omnibus vigore animi antistaret, visus est aliis excellere Theodorus, secundum inter notarios adeptus iam gradum. et erat re vera ita ut opinati sunt. namque antiquitus

claro genere in Galliis natus et liberaliter educatus a primis pueritiae rudimentis, modestia, prudentia, humanitate, gratia, litteris ornatissimus, semper officio locoque, quem retinebat, superior videbatur, altis humilibusque iuxta acceptus. solusque paene omnium erat, cuius linguam non infrenem sed dispicientem quae loqueretur, nullius claudebat periculi metus.

9. his addebat idem Fidustius, excarnificatus iam ad interitum, omnia quae praedixit, se indicante Theodorum per Euserium didicisse, virum praestabili scientia litterarum abundeque honoratum: Asiam quippe paulo ante rexerat pro praefectis.

10. quo in custodia condito, gestorumque volumine imperatori recitato de more, prodigiosa feritas in modum ardentissimae facis fusius vagabatur, elata turpi adulatione multorum, maximeque omnium praefecti praetorio tunc Modesti.

11. qui dum formidine successoris agitaretur in dies, obumbratis blanditiarum concinnitatibus cavillando Valentem subrusticum hominem sibi varie conmulcebat, horridula eius verba et rudia flosculos Tullianos appellans et ad extollendam eius vanitiem sidera quoque, si iussisset, exhiberi posse promittens.

12. Igitur et Theodorus a Constantinopoli, quam ex negotio familiari petierat, rapi celeri iubetur effectu, et dum ille reducitur, ex praeiudiciis variis, quae diebus exercebantur et noctibus, plures a disiunctissimis regionibus trahebantur, dignitatibus et nobilitate conspicui .

13. cumque nec carceres publici iam distenti inclusorum iam catervas, nec privata domicilia sustinerent constipatione vaporata confertas, quoniam vinculis maxima pars eorum attinebatur, et suam et proximi cuiusque vicem omnes horrebant.

14. advenit aliquando tamen ipse quoque Theodorus, praemortuus et atratus, quo in devia territorii parte abscondito, paratis omnibus, quae indagines futurae poscebant, internarum cladum litui iam sonabant.

15. Et quia fallere non minus videtur, qui gesta praeterit sciens, quam ille, qui numquam facta fingit: non abnuimus – neque enim ambigitur – salutem Valentis et antea saepius per occultas coitiones, et tunc in extrema demersam, ferrumque ad iugulum eius prope adactum a militaribus, fato reflectente depulsum, quem lacrimosis in Thracia discriminibus destinarat.

16. namque et in nemoroso quodam inter Antiochiam et Seleuciam loco leni quiete post meridiem consopitus, a Sallustio tunc scutario, et saepe alias adpetitus insidiantibus multis, vitae terminis a primigenio ortu adscriptis ausa inmania frenantibus evadebat.

17. ut sub principibus Commodo et Severo non numquam accidebat, quorum summa vi salus crebro oppugnabatur, adeo ut post intestina pericula multa et varia alter in amphitheatrali cavea cum adfuturus spectaculis introiret, a Quintiano senatore inlicitae cupidinis homine ad debilitatem paene pugione vulneraretur: alter inopinabili impetu, tempore aetatis extremo, a Saturnino centurione consilio Plautiani praefecti in cubiculo iacens confoderetur, ni tulisset suppetias filius adulescens.

18. quocirca etiam Valens erat venia dignus, vitam, quam ereptum ire perfidi properabant, omni cautela defendens. sed inexpiabile illud erat, quod regaliter turgidus, pari eodemque iure, nihil inter se distantibus meritis, nocentes innocentesque maligna insectatione volucriter perurgebat, ut, dum adhuc dubitaretur de crimine, imperatore non dubitante de poena, damnatos se quidam prius discerent quam suspectos.

19. adulescebat autem obstinatum eius propositum, admovente stimulos

avaritia et sua et eorum, qui tunc in regia versabantur, novos hiatus aperientium, et, siqua humanitatis fuisset mentio rara, hanc appellantium tarditatem: qui cruentis adulationibus institutum hominis, mortem in acie linguae portantis, ad partem pessimam depravantes, omnia turbine intempestivo perflabant, eversum ire funditus domus opulentissimas festinantes.

20. erat enim expositus accessu insidiantium et reclusus, vitio gemino perniciose inplicitus, quod intoleranter irascebatur tunc magis, cum eum puderet irasci, et quae facilitate privati opertis susurris audierat, an vera essent, excutere tumore principis supersidens pro veris accipiebat et certis.

21. inde factum est, ut clementiae specie penatibus multi protruderentur insontes, praecipites in exilium acti, quorum in aerario bona coacta et ipse ad quaestus proprios redigebat, ut damnati cibo precario victitarent, angustiis formidandae paupertatis adtriti, cuius metu vel in mare nos ire praecipites suadet Theognis poeta vetus et prudens.

22. quae etiam si recta fuisse concesserit quisquam, erat tamen ipsa nimietas odiosa. unde animadversum est recte hoc definitum, nullam esse crudeliorem sententiam ea, quae est, cum parcere videtur, asperior.

23. Igitur cum praefecto praetorio summatibus quaesitis in unum, quibus cognitiones commissae sunt, intenduntur eculei, expediuntur pondera plumbea cum fidiculis et verberibus, resultabant omnia truculentae vocis horroribus, inter catenarum sonitus «tene, claude, conprime, abde» ministris officiorum tristium clamitantibus.

24. et quoniam addici post cruciabiles poenas vidimus multos, ut in tenebrosis rebus confusione cuncta miscente, summatim quia nos penitissima gestorum memoria fugit, quae recolere possumus expeditius absolvemus.

25. Primo intro vocatus post interrogatiunculas leves Pergamius, a Palladio, ut dictum est, proditus quaedam inprecationibus praescisse nefariis, sicut erat inpendio eloquentior et in verba periculosa proiectus, inter ambigentes iudices, quid prius quaeri debeat quidve posterius, dicere audacter exorsus, multa hominum milia quasi consciorum sine fine strependo fundebat, modo non ab extremo Atlante magnorum criminum arguendos poscens aliquos exhiberi. quo, ut consarcinante nimis ardua, morte multato, aliisque gregatim post illum occisis, ad ipsius Theodori causam quasi ad Olympici certaminis pulverum pervenitur.

26. eodem die inter conplura alia hoc quoque evenerat triste, quod Salia, thesaurorum paulo ante per Thracias comes, cum de vinculis educitur audiendus, et calceo inserit pedem, quasi ruina incidentis inmensi terroris repente perculsus, animam inter retinentium manus efflavit.

27. Constituto itaque iudicio, et cognitoribus praescripta ostentantibus legum, sed ex voluntate dominantis moderantibus momenta causarum, horror pervaserat universos. totus enim devius ab aequitate dilapsus, iamque eruditior ad laedendum in modum harenariae ferae, si admotus quisquam fabricae diffugisset, ad ultimam rabiem saeviebat.

28. Inducti itaque Patricius et Hilarius ordinemque replicare iussi gestorum, cum inter exordia variarent, fodicatis lateribus, inlato tripede quo utebantur, adacti ad summas angustias aperiunt negotii fidem ab ipsis exordiis replicatam. et prius Hilarius:

29."Construximus", inquit "magnifici iudices, ad cortinae similitudinem Delphicae diris auspiciis de laureis virgulis infaustam hanc mensulam quam videtis, et inprecationibus carminum secretorum choragiisque multis ac diuturnis ritualiter consecratam movimus tandem: movendi autem, quotiens

super rebus arcanis consulebatur, erat institutio talis.

30. conlocabatur in medio domus emaculatae odoribus Arabicis undique, lance rotunda pure superposita, ex diversis metallicis materiis fabrefacta. cuius in ambitu rotunditatis extremo elementorum viginti quattuor scriptiles formae incisae perite, diiungebantur spatiis examinate dimensis.

31. ac linteis quidam indumentis amictus, calceatusque itidem linteis soccis, torvlo capiti circumflexo, verbenas felicis arboris gestans, litato conceptis carminibus numine praescitionum auctore, caerimoniali scientia supersistit cortinulae sacerdos pensilem anulum librans, sartum ex Carphathio filo perquam levi, mysticis disciplinis initiatum: qui per intervalla distincta retinentibus singulis litteris incidens saltuatim, heroos efficit versus interrogationibus consonos, ad numeros et modos plene conclusos, quales leguntur Pythici, vel ex oraculis editi Branchidarum.

32. ibi tum quaerentibus nobis, qui praesenti succedet imperio, quoniam omni parte expolitus fore memorabatur, et adsiliens anulus duas perstrinxerat syllabas THEO cum adiectione litterae postremae, exclamavit praesentium quidam, Theodorum praescribente fatali necessitate portendi. nec ultra super negotio est exploratum: satis enim apud nos constabat hunc esse qui poscebatur".

33. Cumque totius rei notitiam ita signate sub oculis iudicum subiecisset, adiecit benivole id Theodorum penitus ignorare. post haec interrogati an ex fide sortium, quas agitabant, ea praescierint quae sustinerent: versus illos notissimos ediderunt clare pronuntiantes capitalem eis hanc operam scrutandi sublimiora cito futuram: nihilo minus tamen ipsi quoque cum cognitoribus principi caedes incendiaque flagitantes furias inminere; quorum tres ponere sufficiet ultimos: ou man nepoinige syn essetai aima kai autois Tisiphone barymenis ephoplissei kakon oiton en pedioisi Mimantos agaiomenoio Areos. quibus lectis, unguibus male mulcati separantur exanimes.

34. postea ut cogitati sceleris officina pateret aperte, honoratorum inducitur globus, vertices ipsos continens rerum. cumque nihil praeter se quisque cernens, ruinam suam inpelleret super alium, permissu quaesitorum coeptans dicere Theodorus, primo in precem venialem prostratus, dein artius respondere conpulsus ostendit se cognita per Euserium, ne ad imperatorem referret, ut conatus est aliquotiens, ab eo prohibitum adserente non adpetitu regni occupandi inlicito, sed ratione quadam indeclinabilis fati id, quod sperabatur ultro venturum.

35. deinde haec eadem Euserio sub cruenta quaestione confesso confutabant Theodorum litterae suae per ambagis obliquas ad Hilarium scriptae, quibus spe iam firma concepta ex vatibus, de re non cunctabatur sed tempus patrandae cupidinis quaeritabat.

36. Quibus post haec cognita sequestratis, Eutropius Asiam proconsulari tunc obtinens potestate, ut factionis conscius arcessitus in crimen, abscessit innocuus, Pasiphilo eximente philosopho, qui ut eum mendacio iniusto perverteret, crudeliter tortus de statu robustae mentis non potuit deturbari.

37. his accessit philosophus Simonides, adulescens ille quidem, verum nostra memoria severissimus. qui cum audisse negotium per Fidustium deferretur, et causam non ex veritate sed ex unius nutu pensari vidisset, didicisse se dixit praedicta, sed conmissa pro firmitate animi tacuisse.

38. Quis omnibus perspicaciter inquisitis, imperator cognitorum consultationi respondens, sub uno proloquio cunctos iubet occidi, et vix sine animorum horrore funestum spectaculum multitudine innumera contuente et onerante questibus caelum – namque singulorum mala omnium esse

communia credebantur – ducti universi flebiliter iugulantur praeter Simonidem, quem solum saevus ille sententiae lator, efferatus ob constantiam gravem, iusserat flammis exuri.

39. qui vitam ut dominam fugitans rabidam, ridens subitas momentorum ruinas, inmobilis conflagravit, Peregrinum illum imitatus Protea cognomine philosophum clarum, qui cum mundo digredi statuisset, Olympiae quinquennali certamine sub Graeciae conspectu totius escenso rogo, quem ipse construxit, flammis absumptus est.

40. et post hunc diebus secutis omnium fere ordinum multitudo, quam nominatim recensere est arduum, in plagas calumniarum coniecta, percussorum dexteras fatigavit, tormentis et plumbo et verberibus ante debilitata, sumptumque est de quibusdam sine spiramento vel mora supplicium, dum quaeritur, an sumi deberet, et ut pecudum ubique trucidatio cernebatur.

41. Deinde congesti innumeri codices et acervi voluminum multi sub conspectu iudicum concremati sunt, ex domibus eruti variis ut inliciti, ad leniendam caesorum invidiam, cum essent plerique liberalium disciplinarum indices variarum et iuris.

42. Neque ita multo post Maximus ille philosophus, vir ingenti nomine doctrinarum, cuius ex uberrimis sermonibus ad scientiam copiosus Iulianus exstitit imperator, oraculi supra dicti versus audisse insimulatus, seque conperisse adsensus, sed reticenda professionis consideratione non effudisse, verum ultro praedixisse consultores ipsos suppliciis poenalibus perituros, Ephesum ad genuinam patriam ductus ibique [capite] truncatus, sensit docente periculo postremo, quaesitoris iniquitatem omnibus esse criminibus graviorem.

43. constrictus etiam Diogenes laqueis impiae falsitatis, vir nobili prosapia editus, ingenio facundia forensi suavitateque praestans, dudum Bithyniae rector, ut opimum patrimonium eius diriperetur, capitali est poena adfectus.

44. ecce autem Alypius quoque ex vicario Brittanniarum, placiditatis homo iucundae post otiosam et repositam vitam – quoniam huc usque iniustitia tetenderat manus – in squalore maximo volutatus, ut veneficii reus citatus est cum Hierocle filio, adulescente indolis bonae, urgente Diogene quodam et vili et solo, omnique laniena excruciato, ut verba placentia principi vel potius accersitori loqueretur: quo, cum poenis non sufficerent membra, vivo exusto, ipse quoque Alypius post multationem bonorum exulare praeceptus, filium miserabiliter ductum ad mortem casu quodam prospero revocatum excepit.

II

1. Per id omne tempus Palladius ille, coagulum omnium aerumnarum, quem captum a Fortunatiano docuimus primum, ipsa sortis infimitate ad omnia praeceps, clades alias super alias cumulando lacrimis universa perfuderat luctuosis.

2. nanetus enim copiam nominandi sine fortunarum distantia quos voluisset ut artibus interdictis inbutos, ita ut ferarum occulta vestigia doctus observare venator, multos intra casses lugubres includebat, quosdam veneficiorum notitia pollutos, alios ut adpetitoribus inminuendae conscios maiestatis.

3. et ne vel coniugibus maritorum vacaret miserias flere, inmittebantur confestim qui signatis domibus inter scrutinia suppellectilis poenis addicti, incantamenta quaedam anilia vel ludibriosa subderent amatoria, ad insontium perniciem concinnata: quibus in iudicio recitatis, ubi non lex, non religio, non aequitas veritatem a mendaciis dirimebat, indefensi bonis ablatis, nullo contacti delicto, promiscue iuvenes aliique membris omnibus capti ad supplicia sellis gestatoriis ducebantur.

4. inde factum est per orientales provincias ut omnes metu similium exurerent libraria omnia: tantus universos invaserat terror. namque ut pressius loquar, omnes ea tempestate velut in Cimmeriis tenebris reptabamus, paria convivis Siculi Dionysii pavitantes, qui cum epulis omni tristioribus fame saginarentur, ex summis domorum laqueariis, in quibus discumbebant, setis nexos equinis et occipitiis incumbentes gladios perhorrebant.

5. Tunc et Bassianus procerum genere natus, notarius militans inter primos, quasi praenoscere altiora conatus, licet ipse de qualitate partus uxoris consuluisse firmaret, ambitioso necessitudinum studio, quibus tegebatur, morte ereptus, patrimonio opimo exutus est.

6. Inter fragores tot ruinarum Heliodorus, tartareus ille malorum omnium cum Palladio fabricator, mathematicus, ut memorat vulgus, conloquiis ex aula regia praepigneratus abstrusis, iam funebres aculeos excitabat, omni humanitatis invitamento ad prodenda, quae sciret vel fingeret, lacessitus.

7. nam et sollicitius cibo mundissimo fovebatur, et ad largiendum paelicibus merebat aes conlaticium grave, et incedebat passim ac late os circumferens vultuosum, omnibusque formidatus, ea fiducia sublatior, quod ad lupanar, quo, sicut ipse voluit, liberius servabatur, cubiculariis officiis praepositus, adsidue propalam ventitabat, elogia parentis publici praeferens futura pluribus luctuosa.

8. perque eum ut forensium causarum patronum, quid in primis orationis partibus conlocaret, ut proficere possit facilius et valere, quibusve figurarum commentis splendida loca adtemptare debeat praemonebatur.

9. Et quoniam longum est quod cruciarius ille conflavit, hoc unum edisseram, quam praecipiti confidentia patriciatus columina ipsa pulsavit. qui ex clandestinis, ut dictum est, regiorum confabulationibus inmaniter adrogans, et ipsa vilitate ad facinus omne venalis, egregium illud par consulum Eusebium et Hypatium germanos fratres, Constanti principis quondam adfines, ad cupidinem altioris fortunae erectos et consuluisse et agitasse quaedam super imperio detulit, addens itineri ad mendacium ficte constructo, quod Eusebio, etiam principalia indumenta parata sint.

10. quibus haustis aventer, fremebundus et minax, cui nihil licere debuerat, quia omnia sibi licere etiam iniusta existimabat, inremisse ab extremis regionum intervallis exhibitis omnibus, quos solutus legibus accusator perduci debere profunda securitate mandarat, suscipi quaestionem criminose praecepit.

11. cumque nodosis coartationibus aequitate diu iactata, et nexibili adseveratione perditi nebulonis durante, nullam confessionem exprimere tormenta gravia potuissent, ablegatosque ab omni huius modi, conscientia ipsa viros ostenderet claros, calumniator quidem ita ut antea honorabiliter colebatur, illi vero exilio et pecuniariis adflicti dispendiis, paulo postea, reddita sibi multa, sunt revocati, dignitatibus integris et splendore.

12. Nec tamen post haec tam paenitenda repressius actum est vel pudenter, non reputante alta nimium potestate, quod recte institutis ne cum inimicorum quidem incommodis in delicta convenit ruere voluntaria, nihilque

sit tam iniquum quam ad ardua imperii supercilia etiam acerbitatem naturae adiungi

13. sed Heliodoro – incertum morbo an quadam excogitata vi – mortuo (nolim dicere: utinam nec ipsa res loqueretur!) funus eius per vespillones elatum pullati praecedere honorati conplures, inter quos et fratres iussi sunt consulares.

14. ibi tunc rectoris imperii caries tota stoliditatis apertius est profanata, qui cum abstinere inconsolabili malo rogaretur, obnixe inflexibilis mansit, ut videretur aures occlusisse ceris quasi scopulos Sirenios transgressurus.

15. superatus tamen precibus destinatis tandem, nudatis capitibus infaustam bustuarii libitinam ad usque sepulcrum incedentes et pedibus, quosdam etiam conplicatis articulis, praeire mandavit. horret nunc reminisci quo iustitio humilitati tot rerum apices visebantur, et praecipue consulares post scipiones et trabeas et fastorum monumenta mundana.

16. inter quos omnes ex adulescentia virtutum pulchritudine commendabilis noster Hypatius praeminebat, vir quieti placidique consilii, honestatem lenium morum velut ad perpendiculum librans, qui et maiorum claritudini gloriae fuit et ipse posteritatem mirandis actibus praefecturae geminae decoravit.

17. Accesserat hoc quoque eodem tempore ad Valentis ceteras laudes, quod cum in aliis ita saeviret infeste, ut poenarum moras aegre ferret finiri cum morte, Pollentianum tribunum malitia quendam exsuperantem, isdem diebus convictum confessumque, quod exsecto vivae mulieris ventre atque intempestivo partu extracto, infernis manibus excitis de permutatione imperii consulere ausus est, familiaritatis contuitu, ordine omni musante abire iussit inlaesum, salutem et invidendas opes et militiae statum integrum retenturum.

18. O praeclara informatio doctrinarum, munere caelesti indulta felicibus, quae vel vitiosas naturas saepe excoluisti! quanta in illa caligine temporum correxisses, si Valenti scire per te licuisset nihil aliud esse imperium, ut sapientes definiunt, nisi curam salutis alienae bonique esse moderatoris, restringere potestatem, resistere cupiditati omnium rerum et inplacabilibus iracundiis, nosseque, ut Caesar dictator aiebat, miserum esse instrumentum senectuti recordationem crudelitatis, ideoque de vita et spiritu hominis, qui pars mundi est et animantium numerum complet, laturum sententiam diu multumque cunctari oportere, nec praecipiti studio, ubi inrevocabile factum est, agitari, ut exemplum est illud antiquitati admodum notum.

19. apud proconsulem Asiae Dolabellam Smyrnaea materfamilias filium proprium et maritum venenis necasse confessa, quod filium ex alio matrimonio ab eis occisum conperisset et conperendinata, cum consilium, ad quod res ex more delata est, anceps, quid inter ultionem et scelus statui debeat, haesitaret, ad Areopagitas missa est Athenienses iudices tristiores, quorum aequitas deorum quoque iurgia dicitur distinxisse. hi causa cognita centesimo post anno cum accusatore mulierem adesse iusserunt, ne aut absolverent veneficam aut ultrix necessitudinum puniretur. ita numquam tardum existimatur, quod est omnium ultimum.

20. Post commissa iniquitatibus variis ante dicta, et inpressas foede corporibus liberis, quae suppervixerant, notas, inconivens Iustitiae oculus arbiter et vindex perpetuus rerum vigilavit adtente. namque caesorum ultimae dirae, perpetuum numen ratione querelarum iustissima commoventes, Bellonae accenderant faces, ut fides oraculi firmaretur, quod nihil inpune praedixerat perpetrari.

21. Dum haec, quae supra digesta sunt, Antiochiae Parthico fragore

cessante per intestinas dilatantur aerumnas, coetus furiarum horrificus post inconvolutos multiplices casus ab eadem urbe digressus, cervicibus Asiae totius insedit hoc modo.

22. Festinus quidam Tridentinus ultimi sanguinis et ignoti, in ne xum germanitatis a Maximino dilectus ut sodalis et contogatus, decernentibus fatis ad orientem transgressus est, ibique administrata Syria magisterioque memoriae peracto, bona lenitudinis et reverentia reliquit exempla, unde regere Asiam proconsulari potestate exorsus, velificatione tranquilla, ut aiunt, ferebatur ad gloriam.

23. audiens autem Maximinum optimo cuique exitialem, obtrectabat subinde actibus eius ut perniciosis et foedis. sed cum impie peremptorum exsequiis suffragantibus ad praefecturam venisse hominem conperisset inmeritum, exarsit ad agenda sperandaque similia, et histrionis ritu mutata repente persona, studio nocendi concepto incedebat oculis intentis ac rigidis, praefecturam autumans adfore prope diem, si ipse quoque se contaminasset insontium poenis.

24. et quamquam sint multa et varia, quae, ut levius interpretemur, egit asperrime: pauca tamen dici sufficiet, quae sunt nota ac pervulgata, ad aemulationem eorum commissa, quae facta sunt Romae. ratio enim eadem est ubique recte secusve gestorum, etiam si magnitudo sit dissimilis rerum.

25. philosophum quendam Coeranium, haut exilis meriti virum, ea causa tormentorum inmanitate multa occidit, quod ad coniugem suam familiariter scribens, id sermone addiderat Graeco sy de noei kai stephe ten tylen, quod dici proverbialiter solet, ut audiens altius aliquid agendum agnoscat.

26. anum quandam simplicem, intervallatis febribus mederi leni carmine consuetam, occidit ut noxiam, postquam filiam suam ipso conscio curavit accita.

27. in chartis cuiusdam municipis clari scrutari ex negotio iussis, genitura Valentis cuiusdam inventa est, repellensque calumnias is, cuius intererat, cum obiectaretur ei, quam ob rem constellationem principis collegisset, fratrem suum fuisse Valentem, dudumque obisse documentorum plena fide monstrare pollicitus, inexspectato veritatis indicio laniatis lateribus trucidatus est.

28. visus adulescens in balneis admovere marmori manus utriusque digitos alternatim et pectori, septemque vocales litteras numerasse, ad stomachi remedium prodesse id arbitratus: in iudicium tractus, percussus est gladio post tormenta.

III

1. His et mihi vertenti stilum in Gallias confunditur ordo seriesque gestorum, inter multa et saeva Maximinum reperiens iam praefectum, qui potestate late diffusa scaevum imperatori accesserat incentivum, maiestati fortunae miscenti licentiam gravem. quisquis igitur dicta considerat, perpendat etiam cetera, quae tacentur, veniam daturus ut prudens, si non cuncta conplectimur, quae consiliorum pravitas crimina in maius exaggerando commisit.

2. adulescente enim acerbitate, rationum inimica rectarum, trux suopte ingenio Valentinianus, post eiusdem Maximini adventum, nec meliora monente ullo nec retentante, per asperos actus velut aestu quodam fluctuum ferebatur et procellarum, adeo ut irascentis saepe vox et vultus et incessus mutaretur et color. quam rem indicia varia testantur et certa, e quibus pauca sufficiet poni.

3. Adultus quidam ex his, quos paedagogianos appellant, ad observandam venaticiam praedam Spartanum canem retinere dispositus, ante praedictum tempus absolvit, adsultu eius evadere conantis adpetitus et morsu: ideoque necatus ad exitium fustibus, eadem humatus est die.

4. praepositum fabricae oblato thorace polito faberrime, praemiumque ideo exspectantem, ea re praecepit occidi, quod pondus paulo minus habuit species ferrea quam ille firmarat. Epiroten aliquem ritus Christiani presbyterum.................... item Octavianum ex proconsule ....offensarum auctore licet tardius redire ad sua permisso.

5. Constantianus strator paucos militares equos ex his ausus mutare, ad quos probandos missus est in Sardiniam, eodem iubente lapidum ictibus oppetit crebris. Athanasius favorabilis tunc auriga, suspectus ei vulgari levitate, ut vivus incendi iuberetur, si quid temptasset huius modi; non multo postea veneficiis usus merebatur, nullaque delata voluptatum artifici venia, ignibus aboleri praeceptus est.

6. Africanus causarum in urbe defensor adsiduus, post administratam provinciam ad regendam aliam adspiravit, cuius suffragatori magistro equitum Theodosio id petenti, subagresti verbo pius respondit imperator: «abi,» inquit «comes, et muta ei caput, qui sibi mutari provinciam cupit» et hoc elogio perit homo disertus ad potiora festinans ut multi.

7. Claudium et Sallustium ex Iovianorum numero, ad usque tribunatus dignitates progressos, accusabat quidam vilitate ipsa despectus, quod, cum imperium Procopius adfectasset, aliqua pro eo locuti sunt bona. cumque nihil quaestiones reperirent adsiduae, mandare magistris equitum auditoribus princeps, ut agerent Claudium in exilium et Sallustium pronuntiarent capitis reum, pollicitus, quod eum revocabit ad supplicium raptum ; hocque ita, ut statutum est, observato, nec Sallustius morte exemptus est, nec Claudius, nisi post eiusdem Valentiniani obitum deportationis maestitia liberatus .... ge recusaverit, cum illi saepissime torquerentur.

8. replicatis igitur quaestionibus dense, et quibusdam vi nimia tormentorum absumptis, ne vestigia quidem ulla delatorum reperta sunt criminum. in hoc negotio protectores, ad exhibendas missi personas de fustibus praeter solitum caesi.

9. Horrescit animus omnia recensere, simulque reformidat, ne ex professo quaesisse videamur in vitia principis, alia commodissimi. illud tamen nec praeteriri est aequum nec sileri, quod cum duas haberet ursas saevas hominum ambestrices, Micam auream et Innocentiam, cultu ita curabat enixo, ut earum caveas prope cubiculum suum locaret, custodesque adderet fidos, visuros sollicite nequo casu ferarum deleretur luctificus calor. Innocentiam denique post multas, quas eius laniatu cadaverum viderat sepulturas, ut bene meritam in silvas abire dimisit innoxiam, exop ....simile sedit .....

IV

1. Et haec quidem morum eius et propositi cruenti sunt documenta verissima. sollertiae vero circa rem publicam usquam digredientis nemo eum vel obtrectator pervicax incusabit, illud contemplans, quod maius pretium operae forsitan regendis verius milite barbaris quam pellendis. et cum dedisset .... e speculis, siquis hostium se commovisset, desuper visus obruebatur.

2. Agitabatur autem inter multiplices curas id omnium primum et potissimum, ut Macrianum regem auctum inter mutationes crebras sententiarum, iamque in nostros adultis viribus exsurgentem, vi superstitem raperet vel insidiis, ut multo ante Vadomarium Iulianus: et provisis, quae negotium poscebat et tempus, cognitoque transfugarum indiciis, ubi conprehendi nihil operiens poterit ante dictus, tacite, quantum concessit facultas, nequi conserendo officeret ponti, iunxit navibus Rhenum.

3. et antegressus contra Mattiacas aquas primus Severus, qui pedestrem curabat exercitum, perpensa militum paucitate territus stetit timens, ne resistere nequiens inruentium opprimeretur hostilium agminum mole.

4. et quia suspicabatur venalia ducentes mancipia scurras, casu illic repertos, id, quod viderant, excursu celeri nuntiare, cunctos mercibus direptis occidit.

5. adventu itaque plurium copiarum animati iudices, castrisque ad tempus brevissimum fixis, quia nec sarcinale iumentum quisquam nec tabernaculum habuit praeter principem, cui tapetes......suffecerant pro tentorio, parumper ob tenebras morati nocturnas, exiliente procinctu pergebant ulterius, itinerum gnaris ducentibus, frequenti equitatu cum Theodosio rectore praeire disposito, ne quid lateret .... tempore iaceat, extento strepitu suorum est inpeditus quibus adsidue mandans, ut rapinis et incendiis abstinerent, inpetrare non potuit. ignium enim crepitu dissonisque clamoribus satellites exciti, idque, quod acciderat, suspicati, carpento veloci inpositum regem angusto aditu circumfractis collibus abdiderunt.

6. hac Valentinianus gloria defraudatus nec sua culpa nec ducum sed intemperantia militis, quae dispendiis gravibus saepe rem Romanam adflixit, ad usque quinquagesimum lapidem terris hostilibus inflammatis, redit Treveros maestus.

7. ubi tamquam leo ob cervum amissum vel capream morsus vacuos concrepans, dum hostium disiecta frangeret timor, in Macriani locum Bucinobantibus, quae contra Mogontiacum gens est Alamanna, regem Fraomarium ordinavit, quem paulo postea, quoniam recens excursus eundem penitus vastaverat pagum, in Brittannos translatum potestate tribuni Alamannorum praefecerat numero, multitudine viribusque ea tempestate florenti: Bitheridum vero et Hortarium nationis eiusdem primates item regere milites iussit, e quibus Hortarius proditus relatione Florenti Germaniae ducis contra rem publicam quaedam ad Macrianum scripsisse barbarosque optimates, veritate tormentis expressa, conflagravit flamma poenali.

V

1. Abhinc inter.. .... proximo haec narratione disseri continua placuit, ne, dum negotiis longe discretis et locis alia subseruntur, cognitio multiplex necessario confundatur.

2. Nubel velut regulus per nationes Mauricas potentissimus vita digrediens, et legitimos et natos e concubinis reliquit filios, e quibus Zammac comiti nomine Romano acceptus, latenter a fratre Firmo peremptus discordias excitavit et bella. eius enim necem ulcisci inpensiore studio properans comes,

ad insidiatoris perniciem multa ciebat et formidanda. utque rumores distulerunt adsidui, navabatur opera diligens in palatio, Romani quidem relationes multa et aspera congerentes in Firmum libenter suscipi recitarique principi, in earum favorem concinentibus multis: ea vero, quae contra Firmus salutis tuendae gratia docebat crebro per suos, accepta diutius occultari, Remigio tunc officiorum magistro, adfine amicoque Romani, inter potiores imperatoris necessitates haec velut minima et superflua non nisi oportune legi posse adseverante.

3. Quae cum ad obruendam defensionem suam agitari adverteret Maurus, ultimorum metu iam trepidans, ne amendatis, quae praetendebat, ut perniciosus et contumax condemnatus occideretur, ab imperii dicione descivit et adiumenta ....tium ad vastandum ....

4. Quare ne hostis inplacabilis incrementis virium adulescerent, ad abolendum cum comitatensis auxilio militis pauci Theodosius magister equitum mittitur, cuius virtutes ut inpetrabilis ea tempestate prae ceteris nitebant: Domitii Corbulonis et Lusii veterum simillimi, quorum prior sub Nerone, alter Traiano rem regente Romanam pluribus inclaruere fortibus factis.

5. proinde ab Arelate secundis egressus auspiciis, emeatoque mari cum classe, quam ductabat, nullo de se rumore praegresso, defertur ad Sitifensis Mauritaniae litus, quod appellant accolae Igilgitanum. ibique inventum casu Romanum leniter adlocutus, misit ad vigilias ordinandas et praetenturas, parum super his, quae verebatur, increpitum.

6. quo ad Caesariensem digresso Gildonem Firmi fratrem et Maximum misit correpturos Vincentium, qui curans Romani vicem, incivilitatis eius erat particeps et furtorum.

7. recepto itaque tardius milite, quem amplitudo morabatur maris, Sitifim properans, Romanum cum domesticis custodiendum protectoribus conmitti mandavit, agensque in oppido sollicitudine diducebatur ancipiti, multa cum animo versans, qua via quibusve conmentis per exustas caloribus terras pruinis adsuetum duceret militem, vel hostem caperet discursatorem et repentinum insidiisque potius clandestinis quam proeliorum stabilitate confisum.

8. Quod ubi Firmo levi rumore, dein apertis est indiciis cognitum, spectatissimi ducis adventu praestrictus, veniam cum concessione praeteritorum, missis oratoribus poscebat et scriptis, docentibus eum non sponte sua ad id erupisse, quod norat scelestum sed iniquitate grassante licentius, ut monstrare pollicebatur.

9. quibus lectis paceque obsidibus acceptis promissa, duc recensendas legiones, quae Africam tuebantur, ire pergebat ad Pancharianam stationem, quo convenire praeceptae sunt. ibi magnificis verbis atque prudentibus spe cunctorum erecta, reversus Sitifim, concitato indigena milite cum eo, quem ipse perduxerat, aegre perpetiens moras ad procinctus ire ocius festinabat.

10. inter residua autem multa et clara id amorem eius auxerat in inmensum, quod a provincialibus commeatum exercitui prohibuit dari, messes et condita hostium virtutis nostrorum horrea esse, fiducia memorans speciosa.

11. His ita cum laetitia possessorum dispositis, ad Tubusuptum progressus, oppidum Ferrato contiguum monti, legationem secundam Firmi repudiavit, quae obsides, ut ante statutum est, non duxerat secum. unde omnibus pro loco et tempore cautius exploratis, concito gradu Tyndensium gentem et Masinissensium petit levibus armis instructas, quas Mascizel et

Dius fratres Firmi ductabant.

12. cum essent hostes iam in contuitu membris omnibus celeres, post missilia hinc inde crebrius iacta committitur certamen asperrimum, interque gemitus mortis et vulnerum audiebantur barbarorum ululabiles fletus captorum et caesorum, pugnaque dirempta plures agri populati sunt et incensi.

13. inter quos clades eminuere fundi Petrensis, excisi radicitus, quem Salmaces dominus, Firmi frater, in modum urbis exstruxit. hoc successu victor elatus mira velocitate Lamfoctense oppidum occupavit, inter gentes positum ante dictas, ubi abunde rei cibariae copiam condi effecit, ut, si pergens interius alimentorum offendisset penuriam, iuberet e propinquo convectari.

14. quae dum ita procedunt, Mascizel reparatis viribus nationum confinium adminicula ductans, conserta manu cum nostris, fusis e parte suorum pluribus, ipse equi pernicitate aegre discrimine mortis exemptus est.

15. Fessus aerumnis gemini proelii Firmus, imoque aestuans corde, nequid ultimae rationis omitteret, Christiani ritus antistites oraturos pacem cum obsidibus misit. qui quoniam suscepti lenius, pollicitique victui congrua militibus, ut praeceptum est, laeta rettulere responsa: praemissis muneribus Maurus ipse fidentius ad Romanum perrexerat ducem, equo insidens apto ad ancipites casus, cumque prope venisset, fulgore signorum et terribili vultu Theodosi praestrictus, iumento desiluit, curvataque cervice humi paene adfixus, temeritatem suam flebiliter incusabat, pacem obsecrando cum venia.

16. susceptusque cum osculo, quoniam id rei publicae conducebat, bonae spei iam plenus, sufficientia praebuit alimenta, et quibusdam propinquis suis ad obsidum vicem relictis abscessit, captivos, ut spoponderat, redditurus, quos primis turbarum exordiis rapuit: biduoque post Icosium oppidum, cuius supra docuimus conditores, militaria signa et coronam sacerdotalem cum ceteris quae interceperat, nihil cunctatus restituit, ut praeceptum est.

17. Exinde cum discursis itineribus magnis Tiposam noster dux introiret, legatis Mazicum, qui se consociaverant Firmo, suppliciter obsecrantibus veniam, animo elato respondit se in eos ut perfidos arma protinus commoturum.

18. quibus minantis periculi metu defixis revertique iussis ad sua, Caesarea mire tendebat urbem opulentam quondam et nobilem, cuius itidem originem in Africae situ digessimus plene, eamque ingressus cum omnem paene incendiis late dispersis vidisset exustam, horridasque canitie silices, primam et secundam legionem ad tempus ibi locari disposuit, ut favillarum egerentes acervos, agitarent ibi praesidium, ne repetito barbarorum impetu vastaretur.

19. Quae cum rumores veri distulissent et crebri, provinciae rectores tribunusque Vincentius e latibulis, quibus sese commiserant, egressi, tandem intrepidi ad ducem ocius pervenerunt. quibus ille gratanter visis atque susceptis, agens etiam apud Caesaream, fide rerum diligentius explorata, conperit Firmum per speciem paventis et supplicis tectiore consilio id moliri ut nihil hostile metuentem exercitum in modum tempestatis subitae conturbaret.

20. quam ob rem conversus hinc venit ad municipium Sugabarritanum Transcellensi monti adcline, ubi inventos equites quartae Sagittariorum cohortis, quae ad rebellem defecerat, ut contentum se supplicio leniori monstraret, omnes contrusit ad infimum militiae gradum, eosque et Constantianorum peditum partem Tigavias venire iusserat cum tribunis, e quibus unus torquem pro diademate capiti inposuit Firmi.

21. dumque haec aguntur, reverterunt Gildo et Maximus, Bellen e principibus Mazicum et Fericium gentis praefectum ducentes, qui factionem iuverant quietis publicae turbatoris .... producerent vinctos.

22. quo ita ut statutum est facto, lucis primo exortu ipse egressus cum invenisset eos in exercitu circumsaeptos: «quid de istis nefariis» inquit «proditoribus fieri oportere, contubernales devoti, censetis?», secutusque adclamationem rogantium sanguine vindicari, eos qui inter Constantianos merebant, prisco more militibus dedit occidendos, Sagittariorum vero primoribus manus incidit, residuos supplicio capitali multavit, ad aemulationem Curionis acerrimi illius ducis, qui Dardanorum ferociam in modum Lernaeae serpentis aliquotiens renascentem hoc genere poenarum extinxit.

23. sed obtrectatores malivoli vetus factum laudantes, hoc ut dirum vituperant et asperrimum, Dardanos hostes memorantes internecivos, et iuste, quae sustinuere, perpessos, hos vero subsignanos milites debuisse lenius corrigi, ad unum prolapsos errorem. quos scientes forsitan admonemus, hanc cohortem et facto fuisse et exemplo adversam.

24. ante dictos Bellen et Fericium, quos duxerat Gildo, tribunumque Sagittariorum Curandium ea re iussit occidi, quod nec ipse umquam cum hostibus congredi voluit, nec suos ut pugnarent hortari. agebat autem haec Tullianum illud advertens quod ‚salutaris rigor vincit inanem speciem clementiae",

25. Exin profectus, fundum nomine Gaionatis, muro circumdatum valido, receptaculum Maurorum tutissimum arietibus admotis evertit, et caesis omnibus incolis moenibusque conplanatis, ad Tingitanum castellum progressus, per Ancorarium montem Mazicas in unum collectos invasit, iam tela reciprocantes volitantia grandinis ritu.

26. et cum esset utrimque discursum, agmina viribus armisque incitata nostrorum non perferentes Mazices, licet bellicosum genus et durum, diversis stragibus inplicati foedo diffluxere terrore, ruentesque in fugam caesi sunt absque his, qui reperta copia discedendi, supplici prece veniam, quam dari tempus flagitaverat, inpetrarunt.

27. Suggen eorum ductorem .... Romano successerat, in Sitifensem Mauritaniam ire disposito ad agitanda praesidia, ne provincia pervaderetur, ipse praeteritis elatior casibus gentem petit Musonum, quam conscientia rapinarum et caedum actibus congregaverat Firmi, ut sperabatur maiora mox adepturi.

28. Progressusque aliquantum iuxta Addense municipium comperit, dissonas cultu et sermonum varietate nationes plurimas unum spirantibus animis, inmanium exordia concitare bellorum, adigente hortanteque maxima spe praemiorum sorore Firmi nomine Cyria, quae abundans divitiis et destinatione feminea, nisibus magnis instituit iuvare germanum.

29. quocirca Theodosius veritus, ne Marti sese committeret inpari, congressusque multitudini inmensae cum paucis – tria enim armatorum milia ductabat atque quingentos – amitteret universos, inter pudorem cedendi pugnandique ardorem gradiens retro paulatim, trudente pondere plebis abscessit.

30. hocque eventu barbari nimium quantum elati sequentesque pertinaciter .... certare necessitate ....semet ipsum et ad internecionem perdiderat cunctos, ni gentium turbulenta concussio procul

Mazicum visis auxiliis, quos anteibant quidam Romani, arbitrata in se impetum agminum ferri conplurium, versa in pedes aperuisset nostris exitus antehac intersaeptos.

31. exinde cum militem ducens incolumem Theodosius ad fundum venisset nomine Mazucanum, exustis desertoribus paucis, aliisque ad sagittariorum exemplum, quibus manus ademptae sunt, contruncatis, Tipatam mense Februario venit.

32. ubi diutius agens ut antiquus ille Cunctator pro negotio consultabat, commentis potius et prudentia quam periculosis congressibus hostem pugnacem et inpetrabilem iactu telorum, si fors copiam dederit, oppressurus.

33. mittebat tamen adsidue suadendi quosdam peritos ad gentes circumsitas, Baiuras Cantaurianos Avastomates Cafaves Davaresque et finitimos alios, nunc timore, nunc nummis eos ad societatem alliciens veniamque petulantiae interdum promittendo cum .... per ambages et moras hostem frangentem suos impetus oppressurus, ut quondam Pompeius Mithridatem.

34. Qua causa declinans perniciem proximam Firmus, licet praesidiorum magnitudine communitus, relicta plebe, quam coegerat magna mercede, quoniam latendi copiam nocturna quies dedit, Caprarienses montes longe remotos penetravit, et diruptis rupibus inaccessos.

35. cuius abitu clandestino multitudo dispersa, sine rectore particulatim diffluens, invadendi eius castra nostris copiam dedit. hisque direptis, et interfectis, qui resistebant, vel in deditionem acceptis, regionum maxima parte vastata, gentibus, per quas transibat dux consultissimus, adposuit fidei conpertae praefectos.

36. hac inopina sequendi confidentia territus perduellis, servis comitantibus paucis, digressu celeri consulturus saluti, nequo praepediretur obstaculo, abiecit pretiosarum sarcinas specierum, quas avexerat secum. uxorem namque fessam labore continuo et per ancipitis ....

37. Theodosius nullique adeuntium parcens, mundiore victu stipendioque milite recreato, Caprariensibus Abannisque eorum vicinis proelio levi sublatis, ad municipium properavit ...... ense: verisque nuntiis doctus barbaros occupasse iam tumulos, per anfracta undique spatia in sublime porrectos, nullique pervios nisi indigenis locorum perquam gnaris, repedando dedit hostibus facultatem per indutias licet breves Aethiopum iuxta agentium adminiculis augeri vel maximis.

38. qui concatervatis copiis fremituque minaci sine sui respectu ruentes in pugnam, averterunt eum inaestimabilium turmarum specie dira perterrefactum, statimque redintegratis animis, commeatus vehens abunde, revertit et conglobatis suis scutaque in formidabilem moventibus gestum, controversas isdem opposuit manus.

39. quamquam igitur inmite quiddam barbaricis concrepantibus armis manipuli furentium inminebant, ipsi quoque parmas genibus inlidentes: tamen ut pugnator ille cautus et prudens, militis paucitate diffisus, audacter agmine quadrato incedens, ad civitatem nomine Contensem flexit iter intrepidus, ubi captivos nostros Firmus ut in munimento abstruso locarat et celso: cunctisque receptis in proditores satellitesque memorati animadvertit acriter, ut solebat.

40. Hoc ei magni numinis adiumento gerenti prosperrime, verus indicat explorator confugisse ad Isaflensium populum Firmum: ad quem resposcendum una cum fratre Mazuca ceterisque necessitudinibus illuc ingressus, cum adipisci non posset, genti bellum indixit.

41. et proelio atroci commisso, ferocientibus barbaris ultra modum, aciem in rotundo habitu figuratam opponit, adeoque Isaflenses pondere catervarum urgentium inclinati sunt, ut plurimi caderent, et ipse Firmus ferox et saepe in suam perniciem praeceps equo auferretur in fugam, per saxa et rupes discurrere citius adsueto, Mazuca vero frater eius caperetur letaliter saucius.

42. qui Caesaream mitti dispositus, ubi saeva inusserat monumenta facinorum pessimorum, dilatato vulneris hiatu decessit. caput tamen eius avulsum residuo corpore, cum magno visentium gaudio urbi inlatum est ante dictae.

43. post haec Isaflensium gentem, quae obstitit, superatam dux nobilis incommodis multis, ut aequitas poscebat, adflixit. ibi Evasium potentem municipem Florumque eius filium et quosdam alios, per secretiora consilia temeratorem quietis iuvisse confutatos aperte, flammis absumpsit.

44. Exindeque pergens interius, nationem Iubalenam spiritu adgressus ingenti, ubi natum Nubelem patrem didicerat Firmi, repulsus altitudine montium et flexuosis angustiis stetit. et quamlibet facto in hostem impetu, pluribusque peremptis aperuerit viam, formidans tamen sublimia collium ad insidiandum aptissima, ducens suos incolumes revertit ad Audiense castellum: ubi Iesalensium gens fera semet dedit, voluntaria auxilia praestare spondens et commeatus.

45. His et eius modi gloriosis actibus exultans amplissimus ductor, ipsum otii turbatorem petebat valido virium nisu, ideoque prope munimentum nomine Medianum diu consistens, per multas prudentesque sententiarum vias eundem sibi prodi posse sperabat.

46. haecque cogitationibus anxiis altioreque prospiciens cura, rursus ad Isaflenses hostem conperit revertisse: quos nihil moratus, ut antea, agminibus adoritur incitatis. cui rex Igmazen nomine, spectatus per eos tractus opibusque insignis, progressus obviam confidenter: «cuius loci es tu» inquit «vel quid acturus huc venisti? responde.» quem Theodosius fundata mente intuens torvum: «comes» ait «Valentiniani sum, orbis terrarum domini, ad opprimendum latronem funereum missus: quem nisi statim reddideris, ut invictus statuit imperator, peribis funditus cum gente, quam regis.» quo audito Igmazen post convicia multa, quae congessit in ducem, ira doloreque perculsus abscessit.

47. et secutae principio lucis, utrimque occursurae sibi ad confligendum processerunt acies minacissimae, et barbarorum viginti paene milia in ipsis locata sunt frontibus, occultatis pone terga subsidialibus globis, ut adsurgentes paulatim nostros multitudine clauderent insperata: hisque Iesalenses auxiliares accessere quam plures, quos adiumenta et commeatus nostris docuimus promisisse.

48. contra Romani, quamvis admodum pauci, tamen fortibus animis victoriisque antegressis elati, densatis lateribus, scutisque in testudinis formam cohaerenter aptatis restiterunt gradibus fixis, et a sole orto usque ad diei extimum pugna protenta, paulo ante vesperam visus est Firmus, equo celsiori insidens, sago puniceo porrectius panso milites clamoribus magnis hortari, ut dedant Theodosium oportune, truculentum eum adpellans et dirum et suppliciorum saevum repertorem, si discriminibus eximi vellent, quae perferebant.

49. hae insperatae voces ad dimicandum quosdam acrius incitarunt, alios deserere proelium inlexerunt. proinde ubi noctis advenit quies prima, partibus tenebrarum obvolutis horrore, dux reversus ad Duodiense castellum, militesque recognoscens, eos quos a pugnandi proposito pavor et verba

detorserant Firmi, diverso genere poenarum extinxit: alios ademptis dexteris, quosdam vivos conbustos.

50. excubiasque agens cura pervigili, barbarorum aliquos ausos, cum apparere non possent, post occasum lunae castra sua temptare, fudit, vel inruentes audentius capit. digressus exinde passibus citis, Iesalenses ut ambiguae fidei per tramites adortus obliquos, unde parum sperari potuit, ad penuriam vastavit extremam, perque Caesariensis Mauritaniae oppida reversus Sitifim, Castorem et Martinianum rapinarum flagitiorumque Romani participes, ad interitum tortos incendit.

51. Redintegratur post haec cum Isaflensibus bellum, primoque conflictu barbarorum pluribus pulsis et interfectis, rex eorum Igmazen, vincere antehac adsuetus, terrore fluctuans mali praesentis, nihilque commerciis vetitis ad vitam spei sibi restare, si obstinatius egerit, arbitratus, quantum caute fieri potuit et occulte, prorupit ex acie solus, visumque Theodosium suppliciter petit, ut Masillam Mazicum optimatem ad se venire iuberet.

52. per quem, ut rogaverat, missum, clandestinis conloquiis monuit ducem suopte ingenio pertinacem, ut ad praebendam sibi copiam agendi, quae vellet, popularibus suis acriter inmineret, eosque adsiduitate pugnandi mutaret in metum, promptos quidem ad perduellis favorum sed iacturis multiplicibus fessos.

53. paruit Theodosius dictis et crebritate certaminlum Isaflenses ita protrivit, ut isdem labentibus move pecudum, Firmus latenter evaderet, et aviis et diuturnis latebris amendandus, inibi, dum de fuga consultat, tentus ab Igmazene custodiretur.

54. et quoniam obscurius gesta didicerat per Masillam, in extremis rebus unum remedium superesse contemplans, calcare vivendi cupiditatem voluntaria statuit morte: vinoque consulto distentis et crapulentis, silenti nocte oppressis altiore somno custodibus, pervigil ipse inpendentis aerumnae terrore, insonis gradibus relicto cubili, manibus repens et pedibus longius sese discrevit, repertumque funicu]um, quem finiendae vitae paravere casus, de clavo parieti adfixo suspendit, ubi collo inserto animam absque mortis cruciabilibus exhalavit.

55. Quod dolenter ferens Igmazen, ereptamque sibi gloriam gemens, quia non contigerat ad castra Romana vivum ducere perduellem, interposita fide publica per Masillam, ipse camelo necati cadaver inpositum ferens, cum tentoria exercitus adventaret ad Subicarense castellum locata, in iumentum transtulit sarcinale, et Theodosio obtulit exultanti.

56. qui convocatis armatis simul atque plebeiis, interrogatisque an agnoscerent vultum, cum eiusdem esse sine ulla didicisset ambage, ibi paulisper moratus Sitifim triumphanti similis redit, aetatum ordinumque omnium celebrabili favore susceptus.

VI

1. Dum hoc pulvere per Mauritaniam dux ante dictus anhelat et Africam, Quadorum natio motu est excita repentino, parum nunc formidanda, sed inmensum quantum antehac bellatrix et potens, ut indicant properata quondam raptu proclivi, obsessaque ab isdem ac Marcomannis Aquileia Opitergiumque excisum et cruenta conplura perceleri acta procinctu, vix resistente perruptis Alpibus Iuliis principe serio, quem ante docuimus, Marco. et erat, ut barbaris, ratio iusta querelarum.

2. Valentinianus enim studio muniendorum limitum glorioso quidem sed nimio ab ipso principatus initio flagrans, trans flumen Histrum in ipsis Quadorum terris quasi Romano iuri iam vindicatis aedificari praesidiaria castra mandavit: quod accolae ferentes indigne, suique cautiores, legatione tenus interim et susurris arcebant.

3. sed Maximinus in omne avidus nefas et genuinos mitigare nequiens flatus, quibus praefecturae accesserat tumor, increpabat Aequitium per Illyricum eo tempore magistrum armorum ut pervicacem et desidem, nec dum opere, quod maturari dispositum est, consummato: addebatque ut consulens in commune quod, si parvo suo Marcelliano deferretur potestas per Valeriam ducis, munimentum absque ulla causatione consurgeret.

4. utrumque mox est impetratum. qui promotus profectusque cum venisset ad loca, intempestive turgens ut filius, nullis adfatibus delinitis his, quos numquam temptatae cupiditatis figmenta regionum suarum faciebant extorres, opus paulo ante inchoatum adgreditur, admissa copia rogandi suspensum.

5. denique Gabinium regem, nequid novaretur modeste poscentem, ut adsensurus humanitate simulata cum aliis ad convivium conrogavit, quem digredientem post epulas, hospitalis officii sanctitate nefarie violata, trucidari securum fecit.

6. Cuius rei tam atrocis disseminatus rumor ilico per diversa et Quados et gentes circumsitas efferavit, regisque flentes interitum, in unum coactae misere vastatorias manus, quae Danubium transgressae, cum nihil exspectaretur hostile, occupatam circa messem agrestem adortae sunt plebem, maioreque parte truncata, quicquid superfuit, domum cum multitudine varii pecoris abduxerunt.

7. evenisset profecto tunc inexpiabile scelus, numerandum inter probrosas rei Romanae iacturas – paulo enim afuit, quin filia caperetur Constanti cibum sumens in publica villa, quam appellant Pistrensem, cum duceretur Gratiano nuptura – ni favore propitii nmninis praesens Messalla provinciae rector eam iudiciali carpento inpositam ad Sirmium vicensimo sexto lapide disparatam cursu reduxisset effuso.

8. Hoc casu prospero regia virgine periculo miserae servitutis exempta, cuius nisi potuisset impetrari redemptio captae, magnas inussisset rei publicae clades, latius se cum Sarmatis Quadi pandentes, ad raptus et latrocinia gentes aptissimae, praedas hominum virile et muliebre secus agebant et pecorum, villarum cineribus exustarum caesorumque incolentium exultantes aerumnis, quos necopinantes sine ulla parsimonia deleverunt.

9. per omnia itaque propinqua malorum similium dispersa formidine, praefectus praetorio agens tunc apud Sirmium Probus, nullis bellorum terroribus adsuetus, rerum novarum lugubri visu praestrictus, oculosque vix attollens, haerebat diu, quid capesseret ambigens: et cum paratis velocibus equis noctem proximam destinasset in fugam, monitus tutiore consilio mansit inmobilis.

10. didicerat enim omnes secuturos confestim, qui moenibus claudebantur, tegendos latebris oportunis: quod si contigisset, impropugnata civitas venisset in manus hostiles.

11. proinde parumper lenito pavore, ad arripienda, quae urgebant, acri animo adsurgens, retersit obrutas ruderibus fossas, murorumque maximam partem pacis diuturnitate contemptam et subversam ad usque celsarum turrium minas expediit, studio aedificandi coalitus: hac ratione opere velociter absoluto, quod inpensas aedificandi causa theatri dudum congestas

sufficientes ad id, quod efficere maturabat, invenit. atque huic spectato consilio salutare addidit aliud, et sagittariorum cohortem e statione proxima, adfuturam obsidio, si venisset, accivit.

12. His velut obicibus barbari ab oppugnanda urbe depulsi, parum ad has calliditates dimicandi sollertes, sarcinisque inpediti praedarum, ad Aequitii vertuntur indaginem. et cum ad Valeriae spatia longe remota secessisse raptorum didicissent indiciis, illuc properato petierant. gradu frendentes, hacque ex causa iugulo eius intenti, quod per ipsum circumventum regem existimabant insontem.

13. quibus concito cursu ruentibus infestius, obviam legiones motae sunt duae, Pannonica et Moesiaca, valida proeliis manus: quae si conspirasset, abierat procul dubio victrix. sed dum discretim grassatores adoriri festinant, ortis inter se discordiis inpediti de honore certabant et dignitate.

14. quo intellecto Sarmatae sagacissimi, non exspectato certandi signo sollemni, Moesiacam primam incessunt, dumque milites arma tardius per tumultum expediunt, interfectis plurimis aucti fiducia, aciem perrupere Pannonicam, disiectaque agminis mole, geminatis ictibus omnem paene delessent, ni periculo mortis aliquos citum extraxisset effugium.

15. Inter haec fortunae dispendia tristioris dux Moesiae Theodosius iunior, prima etiam tum lanugine iuvenis, princeps postea perspectissimus, Sarmatas Liberos ad discretionem servorum rebellium appellatos, conlimitia nostra ex alio latere invadentes, aliquotiens expulit et adflixit, congressibus densis adtritos, adeoque obsistentes fortissime turbas confluentes oppressit, ut caesorum plurium alites iuste sanguine satiaret et feras.

16. unde residui tumore iam deflagrante metuentes, ne idem dux virtutis, ut apparuit, expeditae, in primo finium aditu incursantes cuneos sterneret aut fugaret, vel insidias per silvarum locaret occulta, post multos perrumpendi conatus subinde temptatos in cassum, abiecta pugnandi fiducia concessionem petivere praeteritorum et veniam, victique ad tempus indultae foederibus pacis nihil egere contrarium, eo maxime timore perculsi quod ad tutelam Illyrici Gallicani militis validum accesserat robur.

17. Dum haec tot ac talia per turbines agitantur adsiduos, Claudio regente urbem aeternam, Tiberis, qui media intersecans moenia, cloacis et fluviis abundantibus multis Tyrreno mari miscetur, effusione imbrium exuberans nimia et supra amnis speciem pansus, omnia paene contexit.

18. et stagnantibus civitatis residuis membris, quae tenduntur in planitiem molliorem, monti soli et quicquid insularum celsius eminebat, a praesenti metu defendebatur: et ne multi inedia contabescerent, undarum magnitudine nusquam progredi permittente, lembis et scaphis copia suggerebatur abunde ciborum at vero ubi tempestas mollivit et flumen retinaculis ruptis redit ad solitum cursum, absterso metu nihil postea molestum exspectabatur.

19. hic ipse praefectus egit admodum quiete, nullam seditionem super querela iusta perpessus, et instauravit vetera plurima. inter quae porticum excitavit ingentem lavacro Agrippae contiguam, Eventus Boni cognominatam ea re, quod huius numinis prope visitur templum.

LIBER XXX

I

1. Inter has turbarum difficultates, quas perfidia ducis rege Quadorum excitavit occiso per scelus, dirum in oriente committitur facinus, Papa Armeniorum rege clandestinis insidiis obtruncato: cuius materiae impio conceptae consilio hanc primordialem fuisse novimus causam.

2. consarcinabant in hunc etiam tum adultum crimina quaedam apud Valentem exaggerentes male sollertes homines, dispendiis saepe communibus pasti. inter quos erat Terentius dux demisse ambulans, semperque submaestus, sed, quoad vixerat, acer dissensionum instinctor.

3. qui adscitis in societatem gentilibus paucis, ob flagitia sua suspensis in metum, scribendo ad comitatum adsidue Cylacis necem replicabat et Artabanis, addens eundem iuvenem ad superbos actus elatum nimis esse in subiectos inmanem.

4. unde quasi futurus particeps suscipiendi tunc pro instantium rerum ratione tractatus, idem Papa regaliter vocatus, et apud Tarsum Ciliciae obsequiorum specie custoditus, cum neque ad imperatoris castra accipi nec urgentis adventus causam scire cunctis reticentibus posset, tandem secretiore indicio conperit, per litteras Romano rectori suadere Terentium, mittere prope diem alterum Armeniae regem, ne odio Papae speque quod revertetur, natio nobis oportuna deficeret ad iura Persarum, eam rapere vi vel metu vel adulatione flagrantium.

5. Quae reputans ille, inpendere sibi praesagiebat exitium grave. et doli iam prudens, neque aliam nisi cito discessu salutis reperiens viam, suadentibus his, quibus fidebat, conglobatis trecentis comitibus secutis eum e patria, cum equis velocissimis, ut in magnis solet dubiisque terroribus, audacter magis quam considerate pleraque diei parte emensa egressus cuneatim properabat intrepidus.

6. cumque eum provinciae moderator, apparitoris, qui portam tuebatur percitus festinato studio, repperisset in suburbanis, ut remaneret enixius obsecrabat, et parum hoc impetrato, mortis aversus est metu.

7. nec minus paulo postea legionem secutam iamque adventantem ipse cum promptissimis retrorsus excurrens, fundensque in modum scintillarum sagittas, sed voluntate errans, ita in fugam conpulit ut cum tribuno milites universi perterrefacti vividius quam venerant remearent ad muros.

8. exin solutus omni formidine, biduo et binoctio exanclatis itinerum laboribus magnis, cum ad flumen venisset Euphraten, et inopia navium voraginosum amnem vado transire non posset, nandi imprudentia paventibus multis, ipse omnium maxime cunctabatur: et remansisset, ni cunctis versantibus varia, id reperire potuisset effugium in necessitatis abrupto tutissimum.

9. lectulos in villis repertos binis utribus suffulserunt, quorum erat abundans prope in agris vinariis copia: quibus singulis proceres insisidentes et regulus ipse, iumenta trahentes, praeruptos undarum occursantium fluctus obliquatis meatibus declinabant: hocque commento tandem ad ulteriorem ripam post extrema discrimina pervenerunt.

10. residui omnes equis invecti natantibus, et circumluente flumine saepe demersi iactatique, infirmati periculoso madore expelluntur ad contrarias margines, ubi paulisper refecti expeditius quam diebus praeteritis incedebant.

11. Hoc nuntiato princeps ante dicti fuga perculsus, quem elaqueatum fidem rupturum existimabat, cum sagittariis mille succinctis et levibus

Danielum mittit et Barzimerem revocaturos eum, comitem unum, alterum Scutariorum tribunum.

12. hi locorum gnaritate confisi, quod ille properans ut peregrinus et insuetus, maeandros faciebat et gyros, conpendiosis vallibus eius itinera praevenerunt, et divisis inter se copiis, clausere vias proximas duas, trium milium intervallo distinctas, ut transiturus per utramvis caperetur inprovidus: sed evanuit cogitatum hoc casu.

13. viator quidam ad citeriora festinans cum clivum armato milite vidisset oppletum, per posterulam tramitem medium squalentem frutectis et sentibus vitabundus excedens, in Armenios incidit fessos, et ductus ad regem, arcano semone solum, quae viderat, docet ac retinetur intactus.

14. moxque metu dissimulato eques mittitur clandestinus ad dextrum itineris latus, diversoria paraturus et cibum, quo paulum progresso, in laevum tractum item talia facturus ire iubetur ocissime, alterum aliorsum nesciens missum.

15. quibus ita utiliter ordinatis, rex ipse cum suis, dumeta per quae venit relegente eo rursus monstranteque hispidam et iumento onusto exiguam callem post terga relictis militibus evolavit, qui captis eius ministris, missis ad mentes observantium praestringendas, quasi venaticiam praedam modo non porrectis brachiis exspectabant. dumque hi venturum operiuntur, ille regno incolumis restitutus et cum gaudio popularium summo susceptus fide grandi remansit inmobilis, iniuriis, quas pertulerat, omnibus demussatis.

16. Danielus post haec et Barzimeres cum lusi iam iam revertissent, probrosis lacerati conviciis ac si inertes et desides, ut hebetatae primo adpetitu venenatae serpentes, ora exacuere letalia, cum primum potuissent, lapso pro virium copia nocituri.

17. et leniendi causa flagitii sui vel fraudis, quam meliore consilio pertulerunt, apud imperatoris aures rumorum omnium tenacissimas incessebant falsis criminibus Papam, incentiones Circeas in vertendis debilitandisque corporibus miris modis eum callere fingentes: addentesque quod huius modi artibus offusa sibi caligine mutata sua suorumque forma transgressus, tristes sollicitudines, si huic inrisioni superfuerit, excitabit.

18. Hinc in illum inexplicabile auctum principis odium, et doli struebantur in dies, ut per vim ei vel clam vita adimeretur: agentique tunc in Armenia Traiano, et rem militarem curanti id secretis committitur scriptis.

19. qui inlecebrosis regem insidiis ambiens, et modo serenae mentis Valentis indices litteras tradens, modo ipse sese eius conviviis ingerens, ad ultimum conposita fraude ad prandium verecundius invitavit: qui nihil adversum metuens venit, concessoque honoratiore discubuit loco.

20. cumque adponerentur exquisitae cuppediae, et aedes amplae nervorum et articulato flatilique sonitu resultarent, iam vino incalescente, ipso convivii domino per simulationem naturalis cuiusdam urgentis egresso, gladium destrictum intentans, torvo lumine ferociens quidam inmittitur barbarus asper ex his, quos scurras appellant, confossurus iuvenem, ne exilire posset etiam tum praepeditum.

21. quo viso regulus forte prominens ultra torvm, expedito dolone adsurgens ut vitam omni ratione defenderet, perforato pectore deformis procubuit victima, ictibus multiplicatis foede concisa.

22. hocque figmento nefarie decepta credulitate, inter epulas, quae reverendae sunt vel in Euxino ponto, hospitali numine contuente peregrinus cruor in ambitiosa lintea conspersus spumante sanie satietati superfuit convivarum, horrore maximo dispersorum. ingemiscat siquis vita digressis est

dolor, huius adrogantiam facti Fabricius ille Luscinus, sciens qua animi magnitudine Democharen vel, ut quidam scribunt, Niciam ministrum reppulerit regium, conloquio occultiore pollicitum, quod Pyrrum Italiam tunc bellis saevissimis exurentem veneno poculis necabit infectis, scripseritque ad regem ut ab interiore caveret obsequio. tantum reverentiae locum apud priscam illam iustitiam vel hostilis mensae genialitas obtinebat.

23. verum excusabatur recens inusitatum facinus et pudendum necis exemplo Sertorianae, adulatoribus forsitan ignorantibus quod, ut Demosthenes perpetuum Graeciae decus adfirmat, numquam similitudine aut inpunitate alterius criminis diluitur id quod contra ac liceat arguitur factum.

II

1. Haec per Armeniam notabiliter gesta sunt. Sapor vero post suorum pristinam cladem conperto interitu Papae, quem sociare sibi inpendio conabatur, maerore gravi perculsus augenteque nostri exercitus alacritate formidinem, maiora sibi praeseminans,

2. Arsace legato ad principem misso, perpetuam aerumnarum causam deseri penitus suadebat Armeniam: si id displicuisset, aliud poscens, ut Hiberiae divisione cessante remotisque inde partis Romanae praesidiis, Aspacures solus regnare permitteretur, quem ipse praefecerat genti.

3. ad quae Valens in hanc respondit sententiam nihil derogare se posse placitis ex consensu firmatis, sed ea studio curatiore defendere. glorioso proposito contrariae regis litterae hieme iam extrema perlatae sunt, vana causantis et tumida. adseverabat enim non posse semina radicitus amputari discordiarum, nisi intervenissent conscii pacis foederatae cum Ioviano, quorum aliquos vita didicerat abscessisse.

4. Ingravescente post haec altius cura, imperator eligere consilia quam invenire sufficiens, id conducere rebus existimans, Victorem magistrum equitum et Vrbicium Mesopotamiae ducem ire propere iussit in Persas, responsum absolutum et unius modi perferentes: quod rex iustus et suo contentus, ut iactitabat, sceleste concupiscat Armeniam, ad arbitrium suum vivere cultoribus eius permissis: sed ni Sauromaci praesidia militum inpertita principio sequentis anni, ut dispositum est, inpraepedita reverterint, invitus ea conplebit, quae sponte sua facere supersedit.

5. quae legatio recta quidem et libera, ni deviasset in eo, quod absque mandatis oblatas sibi regiones in eadem Armenia suscepit exiguas. Qua regressa advenit Surena potestatis secundae post regem, has easdem imperatori offerens partes, quas audacter nostri sumpsere legati.

6. quo suscepto liberaliter et magnifice sed parum impetrato, quod poscebat, remisso, parabantur magna instrumenta bellorum, ut mollita hieme imperatore tribus agminibus perrupturo Persidem, ideoque Scytharum auxilia festina celeritate mercante.

7. Proinde parum adeptus ea, quae spe vana conceperat Sapor, ultraque solitum asperatus, quod ad expeditionem accingi rectorem conpererat nostrum: iram eius conculcans Surenae dedit negotium, ut ea, quae Victor comes susceperat et Vrbicius, armis repeteret, si quisquam repugnaret, et milites Sauromacis praesidio destinati malis adfligerentur extremis.

8. haecque, ut statuerat, maturata confestim nec emendari potuerunt nec vindicari, quia rem Romanam alius circumsteterat metus totius Gothiae, Thracias licentius perrumpentis: quae funera tunc explicari poterunt carptim,

si ad ea quoque venerimus.

9. Haec per eoos agitata sunt tractus. quorum inter seriem Africanas clades et legatorum Tripoleos manes inultos etiam tum et errantes sempiternus vindicavit iustitiae vigor, aliquotiens serus sed scrupulosus quaesitor gestorum recte vel secius, hoc modo.

10. Remigius, quem populanti provincias rettulimus comiti favisse Romano, postquam Leo in eius locum magister esse coepit officiorum, a muneribus rei publicae iam quiescens, negotiis se ruralibus dedit prope Mogontiacum in genitalibus locis.

11. quem ibi morantem securius praefectus praetorio Maximinus reversum ad otium spernens, ut solebat dirae luis ritu grassari per omnia, laedere modis quibus poterat adfectabat: utque rimaretur plura, quae latebant, Caesarium antehac eius domesticum, postea notarium principis, raptum, quae Remigius egerit vel quantum acceperit, ut Romani iuvaret actus infandos, per quaestionem cruentam interrogabat. I

2. quibus ille cognitis, cum esset, ut dictum est, in secessu, conscientia malorum urgente, vel rationem formidine superante calumniarum, innodato gutture laquei nexibus interiit.

III

1. Secuto post haec anno, Gratiano adscito in trabeae societatem Aequitio consule, Valentiniano post vastatos aliquos Alamanniae pagos munimentum aedificanti prope Basiliam, quod appellant accolae Robur, offertur praefecti relatio Probi, docentis Illyrici clades.

2. quibus ille ut cunctatorem decuerat ducem, examinatius lectis, attonitus cogitationibus anxiis, Paterniano notario misso negotium scrupulosa quaesivit indagine, moxque veris per eum nuntiis gestorum acceptis, evolare protinus festinabat, ausos temerare limitem barbaros primo fragore, ut mente conceperat, oppressurus armorum.

3. quia igitur abeunte autumno multa inpediebant et aspera, adnitebantur omnes per regiam optimates, ut ad usque principium veris oratum eum pertinerent et exoratum: primum durata pruinis itinera, ubi nec adultae in pastum herbae reperirentur nec cetera usui congrua, penetrari non posse firmantes: dein vicinorum Galliis regum inmanitatem, maximeque omnium Macriani ut formidati tunc praetendentes, quem constabat inpacatum relictum etiam ipsa urbium moenia temptaturum.

4. haec memorantes addentesque utilia, reduxere eum in meliorem sententiam, statimque, ut conducebat rei communi, prope Mogontiacum blandius rex ante dictus accitur, proclivis ipse quoque ad excipiendum foedus, ut apparebat. et venit inmane quo quantoque flatu distentus ut futurus arbiter superior pacis, dieque praedicto conloquii ad ipsam marginem Rheni caput altius erigens stetit, hinc inde sonitu scutorum intonante gentilium.

5. contra Augustus escensis amnicis lembis, saeptus ipse quoque multitudine castrensium ordinum, tutius prope ripas accessit, signorum fulgentium nitore conspicuus, et inmodestis gestibus murmureque barbarico tandem sedato, post dicta et audita ultro citroque versus, amicitia media sacramenti fide firmatur.

6. hisque perfectis discessit turbarum rex artifex delenitus, futurus nobis deinceps socius, et dedit postea ad usque vitae tempus extremum constantis in concordiam animi facinorum documentum pulchrorum.

7. periit autem in Francia postea, quam dum internecive vastando perrupit avidius, oppetit Mallobaudis bellicosi regis insidiis circumventus. post foedus tamen sollemni ritu impletum Treveros Valentinianus ad hiberna discessit.

IV

1. Haec per Gallias et latus agebantur arctoum. at in eois partibus alto externorum silentio intestina pernicies augebatur per Valentis amicos et proximos, apud quos honestate utilitas erat antiquior. navabatur enim opera diligens ut homo rigidus, audire cupiens lites, a studio iudicandi revocaretur, metu ne ita ut Iuliani temporibus defensione innocentiae respirante, frangeretur potentium tumor adsumpta licentia latius solitus evagari.

2. ob haec et similia concordi consensu dehortantibus multis, maximeque Modesto praefecto praetorio regiorum arbitrio spadonum exposito, et subagreste ingenium nullis vetustatis lectionibus expolitum coacto vultu fallente, et adserente, quod infra imperiale columen causarum essent minutiae privatarum, ille ad humilitandam celsitudinem potestatis negotiorum examina spectanda instituta esse arbitratus, ut monebat, abstinuit penitus, laxavitque rapinarum fores, quae roborabantur in dies iudicum advocatorumque pravitate sentientium paria, qui tenuiorum negotia militaris rei rectoribus vel intra palatium validis venditantes, aut opes aut honores quaesivere praeclaros.

3. Hanc professionem oratorum forensium politikes moriou eidolon, id est civilitatis particulae umbram vel adulationis partem quartam esse definit amplitudo Platonis, Epicurus autem kakotechnian nominans inter artes numerat malas. Tisias suasionis opificem esse memorat adsentiente Leontino Gorgia.

4. quam a veteribus ita determinatam orientalium quorundam versutia ad usque bonorum extulit odium, unde etiam retinaculis temporis praestituti frenatur. ergo absolutis super eius indignitate paucis, quam in illis partibus agens expertus sum, ad coeptorum cursum regrediar institutum.

5. Florebant elegantiae priscae patrociniis tribunalia, cum oratores concitae facundiae, attenti studiis doctrinarum, ingenio fide copiis ornamentisque dicendi pluribus eminebant, ut Demosthenes, quo dicturo concursus audiendi causa ex tota Graecia fieri solitos monumentis Atticis continetur, et Callistratus, quem nobilem illam super Oropo causam [qui locus in Euboea est] perorantem idem Demosthenes Academia cum Platone relicta sectatus est: ut Hyperides et Aeschines et Andocides et Dinarchus et Antiphon ille Rhamnusius, quem ob defensum negotium omnium primum antiquitas prodidit accepisse mercedem.

6. nec minus apud Romanos Rutilii et Galbae et Scauri vita moribus frugalitateque spectati et postea per varias aevi sequentis aetates censorii et consulares multi et triumphales, Crassi et Antonii et cum Philippis Scaevolae aliique numerosi post exercitus prosperrime ductos, post victorias et tropaea civilibus stipendiorum officiis floruerunt, laureasque fori speciosis certaminibus occupantes summis gloriae honoribus fruebantur.

7. post quos excellentissimus omnium Cicero, orationis imperiosae fluminibus saepe depressos aliquos iudiciorum eripiens flammis «non defendi homines sine vituperatione fortasse posse, neglegenter defendi sine scelere non posse» firmabat.

8. At nunc videre est per eoos omnes tractus violenta et rapacissima genera hominum per fora omnia volitantium, et subsidentium divites domus, ut Spartanos canes aut Cretas, vestigia sagacius colligendo ad ipsa cubilia pervenire causarum.

9. In his primus est coetus eorum, qui seminando diversa iurgia per vadimonia mille iactantur, viduarum postes et orborum liminia deterentes, et aut inter discordantes amicos aut propinquantes vel adfines, si simultatum levia senserint receptacula, odia struentes infesta : in quibus aetatis progressu non ut aliorum vitia intepescunt, sed magis magisque roborantur: inter rapinas insatiabiles inopes ad capiendam versutis orationibus iudicum fidem, quorum nomen ex iustitia natum est, sicam ingenii destringentes.

10. horum [obstinatione] libertatem temeritas, constantiam audacia praeceps, eloquentiam inanis quaedam imitatur fluentia loquendi: quarum artium scaevitate, ut Tullius adseverat, nefas est religionem decipi iudicantis. ait enim «cumque nihil tam incorruptum esse debeat in re publica quam suffragium, quam sententia, non intellego cur, qui ea pecunia corruperit, poena dignus sit: qui eloquentia, laudem etiam ferat. mihi quidem hoc plus mali facere videtur, qui oratione, quam qui pretio iudicem corrumpit: quod pecunia corrumpere pudentem nemo potest, dicendo potest».

11. Secundum est genus eorum, qui iuris professi scientiam, quam repugnantium sibi legum abolevere discidia, velut vinculis ori inpositis reticentes, iugi silentio umbrarum sunt similes propriarum. hi velut fata natalicia praemonstrantes aut Sibyllae oraculorum interpretes, vultus gravitate ad habitum conposita tristiorem, ipsum quoque venditant, quod oscitantur.

12. hi ut altius videantur iura callere, Trebatium locuntur et Cascellium et Alfenum et Auruncorum Sicanorumque iam diu leges ignotas, cum Evandri matre abhinc saeculis obrutas multis. et si voluntate matrem tuam finxeris occidisse, multas tibi suffragari absolutionem lectiones reconditas pol]licentur, si te senserint esse nummatum.

13. Tertius eorum est ordo, qui ut in professione turbulenta clarescant, ad expugnandam veritatem ora mercenaria procudentes, per prostitutas frontes vilesque latratus, quo velint, aditus sibi patefaciunt crebros: qui inter sollicitudines iudicum per multa distentas inresolubili nexu vincientes negotia, laborant, ut omnis quies litibus inplicetur, et nodosis quaestionibus de industria iudicia circumscribunt, quae cum recte procedunt, delubra sunt aequitatis: cum depravantur, foveae fallaces et caecae: in quas si captus ceciderit quisquam, non nisi per multa exiliet lustra, ad usque ipsas medullas exsuctus.

14. Quartum atque postremum est genus inpudens, pervicax et indoctmn eorum, qui cum inmature a litterariis eruperint ludis, per angulos civitatum discurrunt, mimiambos non causarum remediis congrua commentantes, fores divitum deterendo, cenarum ciborumque aucupantes delicias exquisitas.

15. qui cum semel umbraticis lucris, et inhiandae undique pecuniae sese dediderint, litigare frustra quoslibet innocentes hortantur, et ad defendendam causam admissi, quod raro contingit, suscepti nomen et vim negotii sub ore disceptatoris inter ipsos conflictuum articulos instruuntur, circumlocutionibus indigestis ita scatentes, ut conluvionis taeterrimae audire existimes ululabili clamore Thersiten.

16. cum autem ad inopiam muniendarum venerint allegationum, ad effrenatam deflectunt conviciandi licentiam: quo nomine ob adsidua in personas honorabiles probra diebus dictis aliquotiens sunt damnati, e quibus

ita sunt rudes non nulli ut numquam se codices habuisse meminerint.

17. et si in circulo doctorum auctoris veteris inciclerit nomen, piscis aut edulii peregrinum esse vocabulum arbitrantur: si vero advena quisquam inusitatum sibi antea Marcianum verbo tenus quaesierit oratorem, omnes confestim Marcianos appellari se fingunt.

18. nec iam fas ullum prae oculis habent, sed tamquam avaritiae venundati et usucapti, nihil praeter interminatam petendi licentiam norunt. et siquem semel intra retia ceperint, cassibus mille inpedicant, per morborum simulationem vicissim consulto cessantes: utque pervulgati iuris proferatur lectio vana, septem vendibiles introitus praeparant, dilationum examina longissima contexentes.

19. et cum nudatis litigatoribus dies cesserint et menses et anni, tandem obtrita vetustate controversia intromissa, ipsa capita splendoris ingressa alia secum advocatorum simulacra inducunt. cumque intra cancellorum venerint saepta, et agi coeperint alicuius fortunae vel salus, atque laborari debeat, ut ab insonte gladius vel calamitosa detrimenta pellantur, conrugatis hinc inde frontibus brachiisque histrionico gestu formatis, ut contionaria Gracchi fistula post occipitium desit, consistitur altrinsecus diu: tandemque ex praemeditato conludio per eum, qui est in verba fidentior, suave quoddam principium dicendi exeritur, Cluentianae vel pro Ctesiphonte orationum aemula ornamenta promittens: et in eam conclusionem cunctis finem cupientibus desinit, ut nondum se patroni post speciem litis triennium editam causentur instructos, spatioque prorogati temporis impetrato, quasi cum Antaeo vetere conluctati, perseveranter flagitant pulveris periculosi mercedes.

20. Verum tamen haec cum ita sint, non desunt advocatis incommoda plurima, parum sustinenda recte victuro. namque sellulariis quaestibus inescati, inter se hostiliter dissident et erupta maledicendi ferocia, ut dictum est, multos offendunt: quam tunc effutiunt cum commissarum sibi causarum infirmitatem rationibus validis convallare non possunt.

21. et iu dices patiuntur interdum doctos ex Philistionis aut Aesopi cavillationibus, quam ex Aristidis illius Iusti vel Catonis disciplina productos: qui aere gravi mercati publicas potestates, ut creditores molesti opes cuiusque modi fortunae rimantes, alienis gremiis excutiunt praedas.

22. ad ultimum id habet causidicina cum ceteris metuendum et grave, quod hoc ingenitum est paene litigantibus cunctis, ut, cum iurgia mille casibus cadant, accidentia secus in potestate esse existiment patronorum, et omnem certaminum exitum isdem soleant adsignare, et non vitiis rerum aut iniquitati aliquotiens disceptantium sed solis defensantibus irascantur. verum unde huc declinavimus revertamur.

V

1. Pubescente iam vere Valentinianus a Treveris motus, per nota itinera gradu celeri contendebat, eique regiones adventanti, quas petebat, legatio Sarmatarum offertur: pedibusque eius prostrata orabat pacifica prece, ut propitius veniret et lenis, nullius diri facinoris participes popularis suos inventurus aut conscios.

2. Quibus saepe eadem iterantibus, hactenus perpensa deliberatione respondit, haec in locis, ubi dicuntur admissa, quaerenda verissimis documentis et vindicanda. cumque exinde Carnuntum Illyriorum oppidum introisset, desertum quidem nunc et squalens sed ductori exercitus perquam

oportunum, ubi fors copiam dedisset aut ratio, e statione proxima reprimebat barbaricos adpetitus.

3. Et quamquam terrori cunctis erat, dum sperabatur ut acer et vehemens mox iudices damnari iussurus, quorum perfidia vel secessione Pannoniarum nudatum est latus: cum illuc venisset, ita intepuit ut neque in Gabinii regis inquireret necem neque inusta rei publicae vulnera, quo sinente vel agente segnius evenissent, accuratius vestigaret: eo videlicet more quo erat severus in gregariis corrigendis, remissior erga maiores fortunas vel verbis asperioribus incessendas.

4. solum tamen incitato petebat odio Probum, numquam, ex quo eum viderat, minari desinens vel mitescens: cuius rei causae nec obscurae fuerunt nec leves. hic praefecturam praetorio non tunc primitus nanctus, eamque multis atque utinam probabilibus modis in longum proferre gestiens, non ut prosapiae suae claritudo monebat, plus adulationi quam verecundiae dedit.

5. contemplatus enim propositum principis, quaerendae undique pecuniae vias absque iustormn iniustorumque discretione scrutantis, errantem non reducebat ad aequitatis tramitem, ut saepe moderatores fecere tranquilli: sed ipse quoque flexibilem sequebatur atque transversum.

6. uncle graves obedientium casus, exitialia provisorum nomina titulorum, iuxta opulentas et tenues enervatas succidere fortunas, argumentis aliis post validioribus aliis, usu laedendi reperiente longaevo. denique tributorum onera vectigaliumque augmenta multiplicata, optimatum quosdam ultimorum metu exagitatos mutare conpulerunt sedes, et flagitantium ministrorum amaritudine quidam expressi, cum non suppeteret quod daretur, erant perpetui carcerum inquilini: e quibus aliquos, cum vitae iam taederet et lucis, suspendiorum exoptata remedia consumpserunt.

7. haec ita inlecebrosius atque inhumanitѕ agi loquebatur quidem pertinax rumor, Valentinianus vero tamquam auribus cera inlitis ignorabat, indifferenter quidem lucrandi vel ex rebus minimis avidus, idque tantum cogitans quod offerebatur, parsurus tamen fortasse Pannoniis, si haec ante ingemiscenda conpendia conperisset, quae nimium sero tali didicit casu.

8. ad provincialium residuorum exemplum etiam Epirotae acturos sibi gratias a praefecto mittere conpulsi legatos, Iphiclem quendam philosophum, spectatum robore pectoris hominem, adegere non sponte propria pergere ad id munus implendum.

9. qui cum imperatorem vidisset, agnitus adventusque sui causam interrogatus, Graece respondit, atque ut philosophus veritatis professor quaerente curatius principe si hi, qui misere, ex animo bene sentiunt de praefecto, «gementes», inquit «et inviti».

10. quo ille verbo tamquam telo perculsus, actus eius ut sagax bestia rimabatur, genuino percunctando sermone, quos noscitabat: ubinam ille esset verbi gratia honore ante suos excellens et nomine, vel ille dives, aut alius ordinis primus. cumque disceret perisse aliquem laqueo, abisse alium trans mare, conscivisse sibi alium mortem, aut plumbo vita erepta extinctum, in inmensum excanduit, urente irarum nutrimenta tunc officiorum magistro Leone – pro nefas – ipso quoque praefecturam, ut e celsiore scopulo caderet, adfectante: quam si adeptus rexisset, prae his, quae erat ausurus, administratio Probi ferebatur in caelum.

11. Agens itaque apud Carnuntum imperator per continuos tres menses aestivos arma parabat et alimenta, siqua fors secundasset, pervasurus oportune Quados, tumultus atrocis auctores; in quo oppido Faustinus, filius sororis Viventii praefecti praetorio, notarius militans, Probo spectante

negotium, carnificis manu peremptus est post tormenta, vocatus in crimen, quod asinum occidisse dicebatur ad usum artium secretarum, ut adserebant quidam urgentes, ut autem aiebat ille, ad imbecillitatem firmandam fluentium capillorum.

12. alio quoque in eum perniciose conposito, quod petenti per iocum cuidam Nigrino, ut eum notarium faceret, exclamavit ille hominem ridens «fac me imperatorem, si id volueris impetrare». hocque ludibrio inique interpretato et Faustinus ipse et Nigrinus et alii sunt interfecti.

13. Praemisso igitur Merobaude cum militari peditum manu, quam regebat, ad vastandos cremandosque barbaricos pagos, comite adiuncto Sebastiano, Valentinianus Acincum propere castra commovit, navigiisque ad repentinum casum coniunctis, et contabulato celeri studio ponte, per partem aliam transiit in Quados, speculantes quidem ex diruptis montibus eius adventum, quo plerique ancipites incertique accidentium cum suis caritatibus secesserunt: sed stupore defixos cum in regionibus suis contra quam opinabantur augusta cernerent signa.

14. progressus ergo coacto gradu in quantum res tulit, iugulataque aetate promiscua, quam etiam tum palantem subitus occupavit excursus, et tectis conbustis redit cum incolumibus cunctis, quos duxerat secum, itidemque apud Acincum moratus autumno praecipiti, per tractus conglaciari frigoribus adsuetos commoda quaerebat hiberna, nullaque sedes idonea reperiri praeter Sabariam poterat, quamvis eo invalidam tempore adsiduisque malis adflictam.

15. unde hoc etiam si magni intererat, paulisper sequestrato, inpigre motus, peragrata fluminis ripa, castrisque praesidio conpetenti munitis atque castellis, Bregitionem pervenit, ibique diu conpositum ad quietem principis fatum sortem denuntiabat ei supremam prodigiis ingerentibus multis.

16. namque diebus ante paucissimis ruinas fortunarum indicantia celsarum, arsere crinita sidera cometarum, quorum originem supra docuimus. ante apud Sirmium repentino fragore nubium fulmen excussum, palatii et curiae partem incendit et fori, et apud Sabariam eodem adhuc constituto, bubo culminibus regii lavacri insidens occentansque funebria, nulla iacientium sagittas et lapides contemplabili dextera cadere potuit, certatim licet ardenti studio petebatur.

17. item cum ab urbe praedicta tenderet ad procinctum, per portam volvit, unde introiit, exire, ut omen colligeret, quod cito remeabit ad Gallias. cumque locus adgestis ruderibus neglectus purgatur, lapsam forem ferratam, quae exitum obseravit, multitudo removere non potuit viribus magnis enisa, et dum frustra tereret diem, coactus per aliam egressus est portam.

18. nocteque, quam lux eruptura eum vita secuta est, ut per quietem solet, videbat coniugem suam absentem sedere passis capillis, amictu squalenti contectam: quam aestimari dabatur Fortunam eius esse cum taetro habitu iam discessuram.

19. progressus deinde matutinus, contractiore vultu substristis cum eum oblatus non susciperet equus, anteriores pedes praeter morem erigens in sublime, innata feritate concitus, ut erat inmanis, dexteram stratoris militis iussit abscidi, quae eum insilientem iumento pulsarat inconsulto: perissetque cruciabiliter innocens iuvenis, ni tribunus stabuli Cerealis dirum nefas cum sui periculo distulisset.

VI

1. Post haec Quadorum venere legati, pacem cum praeteritorum oblitteratione suppliciter obsecrantes, quam ut adipisci sine obstaculo possent, et tirocinium et quaedam utilia rei Romanae pollicebantur.

2. quos quoniam suscipi placuit, et redire indutiis, quae poscebantur, indultis – quippe eos vexari diutius nec ciborum inopia nec alienum tempus anni patiebantur – in consistorium Aequitio suadente sunt intromissi. cumque membris incurvatis starent metu debiles et praestricti, docere iussi, quae ferebant, usitatas illas causationum species iurandi fidem addendo firmabant: nihil ex communi mente procerum gentis delictum adseverantes in nostros, sed per extimos quosdam latrones amnique confines evenisse, quae inciviliter gesta sunt, etiam id quoque addendo, ut sufficiens ad facta purganda firmantes, quod munimentum extrui coeptum nec iuste nec oportune, ad ferociam animos agrestes accendit.

3. ad haec imperator ira vehementi perculsus, et inter exordia respondendi tumidior, increpabat verborum obiurgatorio sonu nationem omnem ut beneficiorum inmemorem et ingratam. paulatimque lenitus et ad molliora propensior, tamquam ictus e caelo vitalique via voceque simul obstructa, suffectus igneo lamine cernebatur; et repente cohibito sanguine, letali sudore perfusus, ne laberetur spectantibus et vilibus, concursu ministrorum vitae secretioris ad conclave ductus est intimum.

4. ubi locatus in lecto, exiguas spiritus reliquias trahens, nondum intellegendi minuto vigore, cunctos agnoscebat adstantes, quos cubicularii, nequis eum necatum suspicaretur, celeritate maxima conrogarant. et quoniam viscerum flagrante conpage laxanda erat necessario vena, nullus inveniri potuit medicus hanc ob causam, quod eos per varia sparserat, curaturos militem pestilentiae morbo temptatum.

5. unus tamen repertus, venam eius iterum saepiusque pungendo, ne guttam quidem cruoris elicere potuit, internis nimietate calorum ambustis, vel, ut quidam existimabant, arefactis ideo membris, quod meatus aliqui, quos haemorrhoidas nunc appellamus, obserati sunt gelidis frigoribus concrustati.

6. sensit inmensa vi quadam urgente morborum, ultimae necessitatis adesse praescripta, dicereque conatus aliqua vel mandare, ut singultus ilia crebrius pulsans, stridorque dentium et brachiorum motus velut caestibus dimicantium indicabat, iam superatus liventibusque maculis interfusus, animam diu conluctatam efflavit, aetatis quinquagesimo anno et quinto, imperii, minus centum dies, secundo et decimo.

VII

1. Replicare nunc est oportunum, ut aliquotiens fecimus, et ab ortu primigenio patris huiusce principis ad usque ipsius obitum actus eius discurrere per epilogos brevis, nec vitiorum praetermisso discrimine vel bonorum, quae potestatis amplitudo monstravit, nudare solita semper animorum interna.

2. Natus apud Cibalas Pannoniae oppidum Gratianus maior ignobili stirpe, cognominatus est a pueritia prima Funa rius ea re, quod nondum adultus venalem circumferens funem, quinque militibus eum rapere studio magno conatis nequaquam cessit: aemulatus Crotoniaten Milonem, cui mala saepe cohaerenter laeva manu retinenti vel dextra, nulla umquam virium fortitudo abstraxit.

3. ob ergo validi corporis robur, et peritiam militum more luctandi notior

multis, post dignitatem protectoris atque tribuni comes praefuit rei castrensi per Africam, unde furtorum suspicione contactus digressusque, multo postea pari potestate Brittannum rexit exercitum, tandemque honeste sacramento solutus revertit ad larem, et agens procul a strepitu, multatione bonorum adflictus est a Constantio hoc nomine, quod civili flagrante discordia, hospitio dicebatur suscepisse Magnentium, per agrum suum ad proposita festinantem.

4. Cuius meritis Valentinianus ab ineunte adulescentia commendabilis, contextu suarum quoque suffragante virtutum, indutibus imperatoriae maiestatis apud Nicaeam ornatus, in Augustum collegium fratrem Valentem adscivit, ut germanitate ita concordia sibi iunctissimum, inter probra medium et praecipua, quae loco docebimus conpetenti.

5. igitur Valentinianus post periculorum molestias plures, dum esset privatus, emensas, inperitare exorsus, arces prope flumina sitas et urbes, et Gallias petit Alamannicis patentes excursibus, reviviscentibus erectius cognito principis Iuliani interitu, quem post Constantem solum omnium formidabant.

6. ideo autem etiam Valentinianus merito timebatur, quod auxit et exercitus valido supplemento, et utrubique Rhenum celsioribus castris munivit atque castellis, ne latere usquam hostis ad nostra se proripiens possit.

7. Utque multa praetereamus, quae egit moderatoris auctoritate fundati, quaeque per se vel duces correxit industrios : post Gratianum filium in societatem suae potestatis adsumptum, Vithicabium regem Alamannorum Vadomario genitum, adulescentem in flore primo genarum, nationes ad tumultus cientem et bella, clam, quia non potuit aperte, confodit: et Alamannis congressus prope Solicinium locum, ubi insidiis paene perierat circumventus, ad exitium ultimum delere potuit universos, ni paucos velox effugium tenebris amendasset.

8. Inter haec tamen caute gesta, iam conversos ad metuendam rabiem Saxonas, semper quolibet inexplorato ruentes, delatosque tunc ad terrestres tractus, quorum spoliis paene redierant locupletes, malefido quidem sed utili commento peremit, praeda raptoribus vi fractis excussa.

9. Itidemque Brittannos, catervas superfusorum ostium non ferentes, spe meliorum adsumpta, in libertatem et quietem restituit placidam, nullo paene redire permisso grassatorum ad sua.

10. Efficacia pari Valentinum quoque Pannonium exulem, per has provincias molientem otium turbare commune, antequam negotium effervescat, oppressit. Africam deinde malo repentino perturbatam discriminibus magnis exemit, cum voraces militarium fastus ferre nequiens Firmus, ad omnes dissensionum motus perflabiles gentes Mauricas concitasset. Similique fortitudine clades ingemiscendas Illyrici vindicasset, ni morte praeventus reliquisset rem seriam inperfectam.

11. Ac licet opera praestabilium ducum haec, quae rettulimus, consummata sunt: tamen ipsum quoque satis constat ut erat expeditae mentis usuque castrensis negotii diuturno firmatus, egisse conplura : inter quae illud elucere clarius potuit, si Macrianum regem ea tempestate terribilem, vivum capere potuisset, ut industria magna temptarat, postquam eum evasisse Burgundios, quos ipse admoverat Alamannis, maerens didicisset et tristis.

VIII

1. Haec super actibus principis brevi sunt textu percursa: nunc confisi, quod nec metu nec adulandi foeditate constricta posteritas, incorrupta

praeteritorum solet esse spectatrix, summatim eius numerabimus vitia, post et bene merita narraturi.

2. adsimulavit non numquam clementiae speciem cum esset in acerbitatem naturae calore propensior, oblitus profecto quod regenti imperium omnia nimia velut praerupti scopuli sunt devitanda.

3. nec enim usquam reperitur miti cohercitione contentus sed aliquotiens quaestiones multiplicari iussisse cruentas, post interrogationes funestas non nullis ad usque discrimina vitae vexatis: et ita erat effusior ad nocendum ut nullum aliquando damnatorum capitis eriperet morte subscriptionis elogio leni, cum id etiam principes interdum fecere saevissimi.

4. atquin potuit exempla multa contueri maiorum et imitari peregrina atque interna humanitatis et pietatis, quas sapientes consanguineas virtutum esse definiunt bonas. e quibus haec sufficiet poni. Artaxerxes Persarum ille rex potentissimus, quem Macrochira membri unius longitudo commemoravit, suppliciorum varietates, quas natio semper exercuit cruda, lenitate genuina castigans, tiaras ad vicem capitum quibusdam noxiis amputabat: et ne secaret aures more regio pro delictis, ex galeris fila pendentia praecidebat: quae temperantia morum ita tolerabilem eum fecit et verecundum, ut adnitentibus cunctis multos et mirabiles actus impleret Graecis scriptoribus celebratos.

5. Praenestino praetore, qui bello quodam Samnitico properare iussus ad praesidium venerat segnius, ad crimen diluendum exhibito Papinus Cursor ea tempestate dictator securem per lictorem expediri, homineque abiecta purgandi se fiducia stupefacto, visum prope fruticem iussit abscidi: hocque ioci genere castigatum eum absolvit, non ideo contemptus, ut qui bella diuturna per se superavit et gravia, solus ad resistendum aptus Alexandro Magno, si calcasset Italiam, aestimatus.

6. haec forsitan Valentinianus ignorans minimeque reputans adflicti solacia status semper esse lenitudinem principum, poenas per ignes augebat et gladios: quod ultimum in adversis rebus remedium pietas reperitur animorum, ut Isocratis memorat pulchritudo: cuius vox est perpetua docentis, ignosci debere interdum armis superato rectori, quam iustum quid sit ignoranti.

7. unde motum existimo Tullium praeclare pronuntiasse, cum defenderet Oppium «et enim multum posse ad salutem alterius, honori multis; parum potuisse ad exitium, probro nemini umquam fuit».

8. Aviditas plus habendi sine honesti pravique differentia, et indagandi quaestus varios per alienae vitae naufragia exundavit in hoc principe flagrantius adulescens. quam quidam praetendentes imperatorem Aurelianum purgare temptabant, id adfirmando quod, ut ille post Gallienum et lamentabilis rei publicae casus exinanito aerario torrentis ritu ferebatur in divites, ita hic quoque post procinctus Parthici clades magnitudine indigens inpensarum, ut militi supplementa suppeterent et inpendium, crudelitati cupiditatem opes nimias congerendi miscebat: dissimulans scire quod sunt aliqua, quae fieri non oportet, etiam si licet, Themistoclis illius veteris dissimilis, qui cum post pugnam agminaque deleta Persarum licenter obambulans, armillas aureas vidisset humi proiectas et torquem «tolle» inquit «haec» ad comitum quendam prope adstantem versus quia Themistocles non es, quodlibet spernens in duce magnanimo lucrum....

9. huius exempla continentiae similia plurima in Romanis exuberant ducibus : quibus omissis quoniam non sunt perfectae virtutis indicia – nec enim aliena non rapere laudis est – unum ex multis constans innocentiae vulgi veteris specimen ponam. cum proscriptorum locupletes domus diripiendas

Romanae plebi Marius dedisset et Cinna, vulgi rudes animi sed humana soliti respectare, alienis laboribus pepercerunt, ut nullus egens reperiretur aut infimus qui de civili luctu fructum contrectare pateretur sibi concessum.

10. Invidia praeter haec ante dictus medullitus urebatur et sciens pleraque vitiorum imitari solere virtutes, memorabat adsidue livorem severitatis rectae potestatis esse [invidiam] sociam. utque sunt dignitatum apices maximi, licere sibi cuncta existimantes, et ad supplicandum contrarios exturbandosque meliores pronius inclinati, bene vestitos oderat et eruditos et opulentos et nobiles: et fortibus detra hebat, ut solus videretur bonis artibus eminere, quo vitio exarsisse principem legimus Hadrianum.

11. Arguebat hic idem princeps timidos saepius, maculosos tales appellans et sordidos et intra sortem humilem amendandos, ad pavores inritos aliquotiens abiectius pallens et, quod nusquam erat, ima mente formidans.

12 quo intellecto magister officiorum Remigius cum eum ex incidentibus ira fervere sentiret, fieri motus quosdam barbaricos inter alia subserebat: hocque ille audito, quia timore mox frangebatur, ut Antoninus Pius erat serenus et clemens.

13. iudices numquam consulto malignos elegit, sed si semel promotos agere didicit inmaniter, Lycurgos invenisse praedicabat et Cassios, columina iustitiae prisca, scribensque hortabatur adsidue ut noxas vel leves acerbius vindicarent.

14. nec adflictis, si fors ingruisset inferior, erat ullum in principis benignitate perfugium, quod semper ut agitato mari iactatis portus patuit exoptatus. finis enim iusti imperii, ut sapientes docent, utilitas obedientium aestimatur et salus.

IX

1. Consentaneum est venire post haec ad eius actus sequendos recte sentientibus et probandos: cum quibus si reliqua temperasset, vixerat ut Traianus et Marcus. in provinciales admodum parcus, tributorum ubique molliens sarcinas ': oppidorum et limitum conditor tempestivus: militaris disciplinae censor eximius, in hoc tantum deerrans quod, cum gregariorum etiam levia puniret errata, potiorum ducum flagitia progredi sinebat in maius, ad querelas in eos motas aliquotiens obsurdescens: unde Brittannici strepitus et Africanae clades et vastitas emersit Illyrici.

2. Omni pudicitiae cultu domi castus et foris, nullo contagio conscientiae violatus obscenae, nihil incestum: hancque ob causam tamquam retinaculis petulantiam frenarat aulae regalis, quod custodire facile potuit, necessitudinibus suis nihil indulgens, quas aut in otio reprimebat aut mediocriter honoravit absque fratre, quem temporis conpulsus angustiis in amplitudinis suae societatem adsumpsit.

3. Scrupulosus in deferendis potestatibus celsis nec imperante eo provinciam nummularius rexit aut administratio venundata, nisi inter initia ut solent occupationis spe vel inpunitatis quaedam scelesta committi.

4. Ad inferenda propulsandaque bella sollertissimus, cautus, aestu Martii pulveris induratus, boni pravique suasor et desuasor admodum prudens, militaris rei ordinum scrutantissimus: scribens decore, venusteque pingens et fingens et novorum inventor armorum: memoria sermoneque incitato quidem sed raro, facundiae proximo vigens, amator munditiarum laetusque non profusis epulis sed excultis.

5. Postremo hoc moderamine principatus inclaruit quod inter religionum diversitates medius stetit nec quemquam inquietavit neque, ut hoc coleretur, imperavit aut illud: nec interdictis minacibus subiectorum cervicem ad id, quod ipse coluit, inclinabat, sed intemeratas reliquit has partes ut repperit.

6. Corpus eius lacertosum et validum, capilli fulgor colorisque nitor, cum oculis caesiis semper obliquum intuentis et torvum, atque pulchritudo staturae liniamentorumque recta conpago maiestatis regiae decus implebat.

X

1. Post conclamata imperatoris suprema corpusque curatum ad sepulturam, ut missum Constantinopolim inter divorum reliquias humaretur, suspenso instante procinctu anceps rei timebatur eventus cohortibus Gallicanis, quae, non semper dicatae legitimorum principum fidei velut imperiorum arbitrae, ausurae novum quoddam in tempore sperabantur: hoc temptandae novitati res adiuvante quod gestorum ignarus etiam tum Gratianus agebat tum apud Treveros, ubi profecturus eum morari disposuerat pater.

2. cum negotium in his esset angustiis et tamquam in eadem navi futuri periculorum, si accidissent, participes, omnes eadem formidarent: sedit summatum consilio, avulso ponte, quem compaginarat ante necessitas, invadens terras hostilis, ut superstitis Valentiniani mandato Merobaudes protinus acciretur.

3. hocque ille ut erat sollertis ingenii, quod evenerat ratus, aut forte doctus ab eo, per quem vocabatur, rupturum concordiae iura Gallicanum militem suspicatus, missam ad se tesseram finxit redeundi cum eo ad observandas Rheni ripas quasi furore barbarico crudescente: utque erat secrete mandatum, Sebastianum principis adhuc ignorantem excessum longius amendavit, quietum quidem virum et placidum sed militari favore sublatum, ideo maxime tunc cavendum.

4. Reverso itaque Merobaude, altiore cura prospectum, expedito consilio Valentinianus puer defuncti filius tum quadrimus, vocaretur in imperium cooptandus, centesimo lapide disparatus degensque cum Iustina matre in villa, quam Murocinctam appellant.

5. hocque concinenti omnium sententia confirmato Cerealis avunculus eius ocius missus eundem puerum lectica inpositum duxit in castra sextoque die post parentis obitum imperator legitime declaratus Augustus nuncupatur more sollemni.

6. et licet cum haec agerentur, Gratianum indigne laturum existimantes absque sui permissu principem alium institutum, postea metus sollicitudine discussa vixere securius, quod ille, ut erat benivolus et peritus, consanguineum pietate nimia dilexit et educavit.

LIBER XXXI

I

1. Interea et Fortunae volucris rota, adversa prosperis semper alternans, Bellonam furiis in societatem adscitis armabat maestosque transtulit ad orientem eventus, quos adventare praesagiorum fides clara monebat et

portentorum.

2. post multa enim, quae vates auguresque praedixere veridice, resultabant canes ululantibus lupis, et querulum quoddam nocturnae volucres tinniebant et flebile, et squalidi solis exortus hebetabant matutinos diei candores, et Antiochiae per rixas tumultusque vulgares id in consuetudinem venerat, ut quisquis vim se pati existimaret «vivus ardeat Valens» licentius clamitaret, vocesque praeconum audiebantur adsidue mandantium congeri ligna ad Valentini lavacri succensionem, studio ipsius principis conditi.

3. quae hunc illi inpendere exitum vitae modo non aperte loquendo monstrabant. super his larvale simulacrum Armeniae regis et miserabiles umbrae paulo ante in negotio Theodori caesorum per quietem stridendo carmina quaedam nimium horrenda multos diris terroribus agitabant.

4. vaccula gurgulione consecto exanimis visa est iacens, cuius mors publicorum funerum aerumnas indicabat amplas et pervulgatas. denique cum Chalcedonos subverterentur veteres muri, ut apud Constantinopolim aedificaretur lavacrum, ordine resoluto saxorum in quadrato lapide, qui structura latebat in media, hi Graeci versus incisi reperti sunt, futura plene pandentes:

5. All'hopotan nymphai droserai kata asty choreiei terpomenai strophoontai eustrepheas kat'agyias kai teichos loutroio polystonon essetai alkar, de tote myria phyla polyspereon anthropon Istrou kallirooio poron peraonta syn aichme, kai Skythiken olesei choren kai Mysida gaian, Paionies d'epibanta syn elpisi mainomeneisin autou kai biotoio telos kai deris ephexei.

II

1. Totius autem sementem exitii et cladum originem diversarum, quas Martius furor incendio solito miscendo cuncta concivit, hanc conperimus causam. Hunorum gens monumentis veteribus leviter nota ultra paludes Maeoticas glacialem oceanum accolens, omnem modum feritatis excedit.

2. ubi quoniam ab ipsis nascendi primitiis infantum ferro sulcantur altius genae, ut pilorum vigor tempestivus emergens conrugatis cicatricibus hebetetur, senescunt imberbes absque ulla venustate, spadonibus similes, conpactis omnes firmisque membris et opimis cervicibus, prodigiosae formae et pavendi, ut bipedes existimes bestias vel quales in conmarginandis pontibus effigiati stipites dolantur incompte.

3. in hominum autem figura licet insuavi ita visi sunt asperi, ut neque igni neque saporatis indigeant cibis sed radicibus herbarum agrestium et semicruda cuiusvis pecoris carne vescantur, quam inter femora sua equorumque terga subsertam fotu calefaciunt brevi.

4. aedificiis nullis umquam tecti sed haec velut ab usu communi discreta sepulcra declinant. nec enim apud eos vel arundine fastigatum reperiri tugurium potest. sed vagi montes peragrantes et silvas, pruinas famem sitimque perferre ab incunabulis adsuescunt. peregre tecta nisi adigente maxima necessitate non subeunt: nec enim apud eos securos existimant esse sub tectis...

5. indumentis operiuntur linteis vel ex pellibus silvestrium murum consarcinatis, nec alia illis domestica vestis est, alia forensis. sed semel obsoleti coloris tunica collo inserta non ante deponitur aut mutatur quam diuturna carie in pannulos defluxerit defrustata.

6. galeris incurvis capita tegunt, hirsuta crura coriis muniendis haedinis,

eorumque calcei formulis nullis aptati vetant incedere gressibus liberis. qua causa ad pedestres parum adcommodati sunt pugnas, verum equis prope adfixi, duris quidem sed deformibus, et muliebriter isdem non numquam insidentes funguntur muneribus consuetis. ex ipsis quivis in hac natione pernox et perdius emit et vendit, cibumque sumit et potum, et inclinatus cervici angustae iumenti in altum soporem ad usque varietatem effunditur somniorum.

7. et deliberatione super rebus proposita seriis, hoc habitu omnes in commune consultant. aguntur autem nulla severitate regali sed tumultuario primatum ductu contenti perrumpunt quicquid inciderit.

8. et pugnant non numquam lacessiti sed ineuntes proelia cuneatim variis vocibus sonantibus torvum. utque ad pernicitatem sunt leves et repentini, ita subito de industria dispersi vigescunt, et inconposita acie cum caede vasta discurrunt, nec invadentes vallum nec castra inimica pilantes prae nimia rapiditate cernuntur.

9. eoque omnium acerrimos facile dixeris bellatores, quod procul missilibus telis, acutis ossibus pro spiculorum acumine arte mira coagmentatis, et distantia percursa comminus ferro sine sui respectu confligunt, hostisque, dum mucronum noxias observant, contortis laciniis inligant, ut laqueatis resistentium membris equitandi vel gradiendi adimant facultatem.

10. nemo apud eos arat nec stivam aliquando contingit. omnes enim sine sedibus fixis, absque lare vel lege aut victu stabili dispalantur, semper fugientium similes, cum carpentis, in quibus habitant: ubi coniuges taetra illis vestimenta contexunt et coeunt cmn maritis et pariunt et ad usque pubertatem nutriunt pueros. nullusque apud eos interrogatus respondere, unde oritur, potest, alibi conceptus, natusque procul, et longius educatus.

11. per indutias infidi inconstantes ad omnem auram incidentis spei novae perquam mobiles, totum furori incitatissimo tribuentes. inconsultorum animalium ritu, quid honestum inhonestumve sit penitus ignorantes, flexiloqui et obscuri, nullius religionis vel superstitionis reverentia aliquando districti, auri cupidine inmensa flagrantes, adeo permutabiles et irasci faciles ut eodem aliquotiens die a sociis nullo inritante saepe desciscant, itidemque propitientur nemine leniente.

12. Hoc expeditum indomitumque hominum genus, externa praedandi aviditate flagrans inmani, per rapinas, finitimorum grassatum et caedes ad usque Halanos pervenit, veteres Massagetas, qui unde sint vel quas incolant terras – quoniam huc res prolapsa est – consentaneum est demonstrare, geographica perplexitate monstrata, quae diu multa indagans acute et varia, tandem repperit veritatis interna.....

13. Abundans Hister advenarum magnitudine fluenti Sauromatas praetermeat ad usque amnem Tanaim pertinentes, qui Asiam terminat ab Europa. hoc transito in inmensum extentas Scythiae solitudines Halani inhabitant, ex montium appellatione cognominati, paulatimque nationes conterminas crebritate victoriarum adtritas ad gentilitatem sui vocabuli traxerunt, ut Persae.

14. inter hos Nervi mediterranea incolunt loca, vicini verticibus celsis, quos praeruptos geluque torpentes aquilones adstringunt. post quos Vidini sunt et Geloni perquam feri, qui detractis peremptorum hostium cutibus indumenta sibi, equisque tegmina conficiunt bellatoria. Gelonis Agathyrsi conlimitant, interstincti colore caeruleo corpora simul et crines, et humiles quidem minutis atque raris, nobiles vero latis, fucatis et densioribus notis.

15. post hos Melanchlaenas et Anthropophagos palari accepimus per diversa, humanis corporibus victitantes, quibus ob haec alimenta nefanda desertis finitimi omnes longa petiere terrarum. ideoque plaga omnis orienti aestivo obiecta usque dum venitur ad Seras, inhabitabilis mansit.

16. parte alia prope Amazonum sedes Halani sunt orienti adclines, diffusi per populosas gentes et amplas, Asiaticos vergentes in tractus, quas dilatari ad usque Gangen accepi fluium intersecantem terras Indorum, mareque inundantem australe.

17. Bipertiti per utramque mundi plagam Halani – quorum gentes varias nunc recensere non refert – licet dirempti spatiis longis, per pagos ut Nomades vagantur inmensos, aevi tamen progressu ad unum concessere vocabulum et summatim omnes Halani cognominantur ob mores et modum efferatum vivendi eandemque armaturam.

18. nec enim ulla sunt illisce tuguria aut versandi vomeris cura, sed carne et copia victitant lactis, plaustris supersidentes, quae operimentis curvatis corticum per solitudines conferunt sine fine distentas. cumque ad graminea venerint, in orbiculatam figuram locatis sarracis ferino ritu vescuntur, absumptisque pabulis, velut carpentis civitates inpositas vehunt, maresque supra cum feminis coeunt et nascuntur in his et educantur infantes, et habitacula sunt haec illis perpetua, et quocumque ierint, illic genuinum exi stimant larem.

19. armenta prae se agentes cum gregibus pascunt, maximeque equini pecoris est eis sollicitior cura. ibi campi semper herbescunt, intersitis pomiferis locis: atque ideo transeuntes quolibet, nec alimentis nec pabulis indigent, quod efficit umectum solum et crebri fluminum praetermeantium cursus.

20. omnis igitur aetas et sexus inbellis circa vehicula ipsa versatur, muniisque distringitur mollibus: iuventus vero equitandi usu a prima pueritia coalescens, incedere pedibus existimat vile, et omnes multiplici disciplina prudentes sunt bellatores. unde etiam Persae, qui sunt originitus Scythae, pugnandi sunt peritissimi.

21. Proceri autem Halani paene sunt omnes et pulchri, crinibus mediocriter flavis, oculorum temperata torvitate terribiles et armorum levitate veloces, Hunisque per omnia suppares verum victu mitiores et cultu, latrocinando et venando ad usque Maeotica stagna et Cimmerium Bosporum, itidemque Armenios discurrentes et Mediam.

22. utque hominibus quietis et placidis otium est voluptabile, ita illos pericula iuvant et bella. iudicatur ibi beatus qui in proelio profuderit animam, senescentes enim et fortuitis mortibus mundo digressos ut degeneres et ignavos conviciis atrocibus insectantur, nec quicquam est quod elatius iactent quam homine quolibet occiso, proque exuviis gloriosis interfectorum avulsis capitibus detractas pelles pro phaleris iumentis accommodant bellatoriis.

23. nec templum apud eos visitur aut delubrum, ne tugurium quidem culmo tectum cerni usquam potest, sed gladius barbarico ritu humi figitur nudus, eumque ut Martem, regionum, quas circumcircant, praesulem verecundius colunt.

24. futura miro praesagiunt modo. nam rectiores virgas vimineas colligentes, easque cum incantamentis quibusdam secretis praestituto tempore discernentes, aperte quid portendatur norunt.

25. servitus quid sit ignorabant, omnes generoso semine procreati, iudicesque etiam nunc eligunt diuturno bellandi usu spectatos. sed ad reliqua textus propositi revertamur.

III

1. Igitur Huni pervasis Halanorum regionibus quos Greuthungis confines Tanaitas consuetudo nominavit, interfectisque multis et spoliatis, reliquos sibi concordandi fide pacta iunxerunt, eisque adiuti confidentius Ermenrichi late patentes et uberes pagos repentino impetu perruperunt, bellicosissimi regis et per multa variaque fortiter facta vicinis nationibus formidati.

2. qui vi subitae procellae perculsus quamvis manere fundatus et stabilis diu conatus est, inpendentium tamen diritatem augente vulgatius fama, magnorum discriminum metum voluntaria morte sedavit.

3. cuius post obitum rex Vithimiris creatus restitit aliquantisper Halanis, Hunis aliis fretus, quos mercede sociaverat partibus suis. verum post multas, quas pertulit clades, animam effudit in proelio, vi superatus armorum. cuius parvi filii Viderichi nomine curam susceptam Alatheus tuebatur et Saphrax, duces exerciti et firmitate pectorum noti, qui cum tempore arto praeventi abiecissent fiduciam repugnandi, cautius discedentes ad amnem Danastium pervenerunt, inter Histrum et Borysthenem per camporum ampla spatia diffluentem.

4. haec ita praeter spem accidisse doctus Athanarichus Theruingorum iudex – in quem, ut ante relatum est, ob auxilia missa Procopio dudum Valens commoverat signa – stare gradu fixo temptabat, surrecturus in vires, si ipse quoque lacesseretur, ut ceteri.

5. castris denique prope Danasti margines ac Greuthungorum vallem longius oportune metatis, Munderichum ducem postea limitis per Arabiam, cum Lagarimano et optimatibus aliis ad usque vicensimmn lapidem misit, hostium speculaturos adventum, ipse aciem nullo turbante interim struens.

6. verum longe aliter, quam rebatur, evenit. Huni enim, ut sunt in coniectura sagaces, multitudinem esse longius aliquam suspicati, praetermissis quos viderant, in quietem tamquam nullo obstante conpositis, rumpente noctis tenebras luna vado fluminis penetrato, id quod erat potissimum elegerunt, et veriti ne praecursorius index procul agentes absterreat, Athanaricum ipsum ictu petivere veloci.

7. eumque stupentem ad impetum primum, amissis quibusdam suorum, coegerunt ad effugia properare montium praeruptorum. qua rei novitate maioreque venturi pavore constrictus, a superciliis Gerasi fluminis ad usque Danubium Taifalorum terras praestringens, muros altius erigebat: hac lorica diligentia celeri consummata, in tuto locandam securitatem suam existimans et salutem.

8. dumque efficax opera suscitatur, Huni passibus eum citis urgebant et iam oppresserant adventantes, ni gravati praedarum onere destitissent. Fama tamen late serpente per Gothorum reliquas gentes, quod invisitatum antehac hominum genus modo nivium ut turbo montibus celsis, ex abdito sinu coortum adposita quaeque convellit et corrumpit: populi pars maior, quae Athanaricum attenuata necessariorum penuria deserverat, quaeritabat domicilium remotum ab omni notitia barbarorum, diuque deliberans, quas eligeret sedes, cogitavit Thraciae receptaculum gemina ratione sibi conveniens, quod et caespitis est feracissimi et amplitudine fluentorum Histri distinguitur ab arvis, patentibus iam peregrini fulminibus Martis: hoc quoque idem residui velut mente cogitavere communi.

IV

1. Itaque duce Alavivo ripas occupavere Danubii, missisque oratoribus ad Valentem, suscipi se humili prece poscebant, et quiete victuros se pollicentes et daturos, si res flagitasset, auxilia.

2. dum aguntur haec in externis, novos maioresque solitis casus versare gentes arctoas, rumores terribiles diffuderunt: per omne, quicquid ad Pontum a Marcomannis praetenditur et Quadis, multitudinem barbaram abditarum nationum vi subita sedibus pulsam circa flumen Histrum vagari cum caritatibus suis disseminantes.

3. quae res aspernanter a nostris inter initia ipsa accepta est hanc ob causam, quod illis tractibus non nisi peracta aut sopita audiri procul agentibus consueverant bella.

4. verum pubescente iam fide gestorum, cui robur adventus gentilium addiderat legatorum, precibus et obtestatione petentium citra flumen suscipi plebem extorrem: negotium laetitiae fuit potius quam timori, eruditis adulatoribus in maius fortunam principis extollentibus, quod ex ultimis terris tot tirocinia trahens ei nec opinanti offerret ut conlatis in unum suis et alienigenis viribus invictum haberet exercitum, et pro militari supplemento, quod provinciatim annuum pendebatur, thesauris accederet auri cumulus magnus.

5. hacque spe mittuntur diversi, qui cum vehiculis plebem transferant truculentam. et navabatur opera diligens nequi Romanam rem eversurus relinqueretur, l vel quassatus morbo letali. proinde permissu imperatoris transeundi Danubium copiam colendique adepti Thraciae partes, transfretabantur in dies et noctes, navibus ratibusque et cavatis arborum alveis agminatim inpositi, atque per amnem longe omnium difficillimum imbriumque crebritate tunc auctum ob densitatem nimiam contra ictus aquarum nitentes quidam et natare conati, hausti sunt plures.

6. Ita turbido instantium studio orbis Romani pernicies ducebatur. illud sane neque obscurum est neque incertum, infaustos transvehendi barbaram plebem ministros, numerum eius conprehendere calculo saepe temptantes, conquievisse frustratos, «quem qui scire velit» ut eminentissimus memorat vates «Libyci velit aequoris idem discere, quam multae zephyro truduntur harenae.» reviviscant tandem memoriae veteres, Medicas acies ductantes ad Graeciam: quae ductum Hellesponti occupanteset discidio quodam fabrili maris, litus montanum pede quaesitum exponunt et turmatim apud Doriscum exercitus recensitos, concordante omni posteritate ut fabulosae sunt lectae.

8. nam postquam innumerae gentium multitudines per provinciascircumfusae, pandentesque se in spatia ampla camporum, regiones omnes et cuncta opplevere montium iuga, fides quoque vetustatis recenti documento firmata est. et primus cum Alavivo suscipitur Fritigernus, quibus et alimenta pro tempore et subigendos agros tribui statuerat imperator.

9. Per id tempus nostri limitis reseratis obicibus atque, ut Aetnaeas favillas armatorum agmina diffundente barbaria, cum difficiles necessitatum articuli correctores rei militaris poscerent aliquos claritudine gestarum rerum notissimos: quasi laevo quodam numine deligente in unum quaesiti potestatibus praefuere castrensibus homines maculosi: quibus Lupicinus antistabat et Maximus, alter per Thracias comes, dux alter exitiosus, ambo aemulae temeritatis.

10. quorum insidiatrix aviditas materia malorum omnium fuit. nam – ut

alia omittamus, quae memorati vel certe sinentibus isdem alii perditis rationibus in commeantes peregrinos adhuc innoxios deliquerunt – illud dicetur, quod nec apud sui periculi iudices absolvere ulla poterat venia, triste et inauditum.

11. cum traducti barbari victus inopia vexarentur, turpe commercium duces invisissimi agitarunt, et quantos undique insatiabilitas colligere potuit canes, pro singulis dederunt mancipiis, inter quae et filii ducti sunt optimatum.

12. Per hos dies interea etiam Vithericus Greuthungorum rex cum Alatheo et Saphrace, quorum arbitrio regebatur, itemque Farnobio propinquans Histri marginibus, ut simili susciperetur humanitate obsecravit imperatorem legatis propere missis.

13. quibus, ut communi rei conducere videbatur, repudiatis, et quid capesserent anxiis, Athanarichus paria pertimescens abscessit, memor, Valentem dudum cum foederaretur concordia despexisse, adfirmantem se religione devinctum, ne calcaret solum aliquando Romanum, hacque causatione principem firmare pacem in medio flumine coegisse. quam simultatem veritus ut adhuc durantem, ad Caucalandensem locum altitudine silvarum inaccessum et montium cum suis omnibus declinavit, Sarmatis inde extrusis.

V

1. At vero Theruingi iam dudum transire permissi prope ripas etiam tum vagabantur, duplici inpedimento adstricti, quod ducum dissimulatione perniciosa nec victui congruis sunt adiuti, et tenebantur consulto nefandis nundinandi commerciis.

2. quo intellecto ad perfidiam instantium malorum subsidium vertendi mussabant, et Lupicinus, ne iam deficerent pertimescens, eos admotis militibus adigebat ocius proficisci.

3. Id tempus oportunum nancti Greuthungi cum, alibi militibus occupatis, navigia ultro citroque discurrere solita transgressum eorum prohibentia quiescere perspexissent, ratibus transiere male contextis castraque a Fritigerno locavere longissime.

4. At ille genuina praevidendi sollertia venturos muniens casus ut et imperiis oboediret et regibus validis iungeretur, incendens segnius, Marcianopolim tarde pervenit itineribus lentis. ubi aliud accessit atrocius, quod arsuras in commune exitium faces furiales accendit.

5. Alavivo et Fritigerno ad convivium conrogatis, Lupicinus ab oppidi moenibus barbaram plebem opposito milite procul arcebat, introire ad conparanda victui necessaria, ut dicioni nostrae obnoxiam et concordem, per preces adsidue postulantem, ortisque maioribus iurgiis inter ha bitatores et vetitos ad usque necessitatem pugnandi est ventum. efferatique acrius barbari cum necessitudines hostiliter rapi sentirent, spoliarunt interfectam militum manum.

6. quod accidens idem Lupicinus latenti nuntio doctus dum in nepotali mensa ludicris concrepantibus diu discumbens vino marcebat et somno, futuri coniciens exitum, satellites omnes, qui pro praetorio honoris et tutelae causa duces praestolabantur, occidit.

7. hocque populus, qui muros obsidebat, dolenter accepto ad vindictam detentorum regum, ut opinabatur, paulatim augescens multa minabatur et

saeva. utque erat Fritigernus expediti consilii, veritus ne teneretur obsidis vice cum ceteris, exclamavit, graviore pugnandum exitio, ni ipse ad leniendum vulgus sineretur exire cum sociis, quod arbitratum humanitatis specie ductores suos occisos, in tumultum exarsit. hocque impetrato egressi omnes exceptique cum plausu et gaudiis, ascensis equis evolarunt, moturi incitamenta diversa bellorum.

8. haec ubi fama rumorum nutrix maligna dispersit, urebatur dimicandi studio Theruingorum natio omnis et inter metuenda multa periculorumque praevia maximorum, vexillis de more sublatis auditisque triste sonantibus classicis iam turmae praedatoriae concursabant, pilando villas et incendendo vastisque cladibus quicquid inveniri poterat permiscentes.

9. adversus quos Lupicinus properatione tumultuaria coactis militibus temere magis quam consulte progressus, in nono ab urbe miliario stetit paratus ad decernendum. barbarique hoc contemplato globos inrupere nostromm incauti, et parmas oppositis corporibus inlidendo obvios hastis perforabant et gladiis, furoreque urgente cruento et tribuni et plera que pars armatorum periere signis ereptis praeter ducem infaustum, qui ad id solum intentus, ut confligentibus aliis proriperet ipse semet in fugam, urbem cursu concito petit. post quae hostes armis induti Romanis, nullo vetante per varia grassabantur.

10. Et quoniam ad has partes post multiplices ventum est actus, id lecturos – siqui erunt umquam – obtestamur, nequis a nobis scrupulose gesta vel numerum exigat peremptorum, qui conprehendi nullo genere potuit. sufficiet enim, veritate nullo velata mendacio, ipsas rerum digerere summitates: cum explicandae rerum memoriae ubique debeatur integritas fida.

11. negant antiquitatum ignari tantis malorum tenebris offusam aliquando fuisse rem publicam, sed falluntur malorum recentium stupore confixi. namque si superiores vel recens praeteritae revolvantur aetates, tales tamque tristes rerum motus saepe contigisse monstrabunt.

12. inundarunt Italiam ex abditis oceani partibus Teutones repente cum Cimbris, sed post inflictas rei Romanae clades inmensas, ultimis proeliis per duces amplissimos superati, quid potestas Martia adhibita prudentiae valeat, radicitus extirpati discriminibus didicere supremis.

13. Marco itidem moderante imperium, unum spirando vesania gentium dissonarum, post bellorum fragores inmensos, post ruinas urbium captarum et direptarum, et pessum + concitas procuratoris interitus partes eorum exiguas reliquisset intactas.

14. verum mox post calamitosa dispendia res in integrum sunt restitutae hac gratia, quod nondum solutioris vitae mollitie sobria vetustas infecta nec ambitiosis mensis nec flagitiosis quaestibus inhiabat, sed unanimanti ardore summi et infimi inter se congruentes ad speciosam pro re publica mortem tamquam ad portum aliquem tranquillum properabant et placidum.

15. Duobus navium milibus perrupto Bosporo et litoribus Propontidis Scythicarum gentium catervae transgressae ediderunt quidem acerbas terra marique strages; sed amissa suorum parte maxima reverterunt.

16. ceciderunt dimicando cum barbaris imperatores Decii pater et filius. obsessae Pamphyliae civitates, insulae populatae conplures, inflammata Macedonia omnis, diu multitudo Thessalonicam circumsedit itidemque Cyzicum. Anchialos capta et tempore eodem Nicopolis, quam indicium victoriae contra Dacos Traianus condidit imperator.

17. post clades acceptas inlatasque multas et saevas excisa est

Philippopolis, centum hominum milibus – nisi fingunt annales – intra moenia iugulatis. vagati per Epirum Thessaliamque et omnem Graeciam licentius hostes externi, sed adsumpto in imperium Claudio glorioso ductore et eodem honesta morte praerepto per Aurelianum, acrem virum et severissimum noxarum ultorem, pulsi per longa saecula siluerunt inmobiles, nisi quod postea latrocinales globi vicina cum sui exitio rarius incursabant. verum ea persequar unde deverti.

VI

1. Hoc gestorum textu circumlato nuntiis densis Sueridus et Colias, Gothorum optimates, cum populis suis longe ante suscepti et curare apud Hadrianopolim hiberna dispositi, salutem suam ducentes antiquissimam omnium, otiosis animis accidentia cuncta contuebantur.

2. verum imperatoris litteris repente perlatis, quibus transire iussi sunt in Hellespontum, viaticum cibos biduique dilationem tribui sibi sine tumore poscebant. quod civitatis magistratus ferens indigne – succensebat enim isdem ob rem suam in suburbanis vastatam – imam plebem omnem cum Fabricensibus, quorum illic ampla est multitudo, productam in eorum armavit exitium, iussisque bellicum canere bucinis, ni abirent ocius, ut statutum est, pericula omnibus minabatur extrema.

3. quo malo praeter spem Gothi perculsi et concito quam considerato civium adsultu perterriti steterunt inmobiles, laceratique ad ultimum detestatione atque conviciis et temptati missilium iactibus raris ad defectionem erupere confessam, et caesis plurimis, quos impetus deceperat petulantior, aversisque residuis et telorum varietate confixis, habitu iam Romano cadaveribus spoliatis armati, viso propius Fritigerno iunxerunt semet ut morigeri socii urbemque clausam obsidionalibus aerumnis urgebant. in qua difficultate diutius positi, passim et promiscue ruebant, eminensque aliquorum audacia peribat inulta, multique sagittis et rotatis per fundas lapidibus interibant.

4. tunc Fritigernus frustra cum tot cladibus conluctari homines ignaros obsidendi contemplans, relicta ibi manu sufficiente abire negotio inperfecto suasit, pacem sibi esse cum parietibus memorans, suadensque ut populandas opimas regiones et uberes absque discrimine ullo, vacuas praesidiis etiam tum adorerentur.

5. laudato regis consilio, quem cogitatorum norant fore socium efficacem, per Thraciarum latus omne dispersi caute gradiebantur, dediticiis vel captivis vicos uberes ostendentibus, eos praecipue, ubi alimentorum reperiri satias dicebatur, eo maxime adiumento praeter genuinam erecti fiduciam, quod confluebat ad eos in dies ex eadem gente multitudo, dudum a mercatoribus venundati, adiectis plurimis, quos primo transgressu necati inedia, vino exili vel panis frustis mutavere vilissimis.

6. quibus accessere sequendarum auri venarum periti non pauci, vectigalium perferre posse non sufficientes sarcinas graves, susceptique libenti consensione cunctorum, magno usui idem fuere ignota peragrantibus loca, conditoria frugum occulta et latebras hominum et receptacula secretiora monstrando.

7. nec quicquam nisi inaccessum et devium praeeuntibus isdem mansit intactum. sine distantia enim aetatis vel sexus caedibus incendiorumque magnitudine cuncta flagrabant, abstractisque ab ipso uberum suctu parvulis

et necatis raptae sunt matres et viduatae maritis coniuges ante oculos caesis, et puberes adultique pueri per parentum cadavera tracti sunt.

8. senes denique multi, ad satietatem vixisse clamantes, post amissas opes cum speciosis feminis, manibus post terga contortis, defletisque gentilium favillis aedium ducebantur extorres.

VII

1. Haec ex Thraciis magno maerore accepta Valentem principem in sollicitudines varias distraxerunt. et confestim Victore magistro equitum misso ad Persas, ut super Armeniae statu pro captu rerum conponeret inpendentium, ipse Antiochia protinus egressurus, ut Constantinopolim interim peteret, Profuturum praemisit et Traianum, ambo rectores, anhelantes quidem altius sed inbellis.

2. qui cum ad loca venissent, ubi particulatim perque furta magis et latrocinia multitudo minui deberet hostilis, ad id, quod erat perniciosum, intempestive conversi, legiones ab Armenia ductas opposuere vesanum adhuc spirantibus barbaris, opere quidem Martio saepe recte conpertas sed inpares plebi inmensae, quae celsorum iuga montium occuparat et campos.

3. hi numeri nondum experti quid cum desperatione rabies valeret indomita, trusos hostes ultra Haemi montis abscisos scopulos faucibus impegere praeruptis, ubi barbaros locis inclusos, nusquam reperientes exitum diuturna consumeret fames et opperirentur ipsi Frigeridum ducem, cum Pannonicis et transalpinis auxiliis adventantem, quem petitu Valentis Gratianus ire disposuit in procinctum, laturum suppetias his qui ad ultimum vexabantur exitium.

4. post quem Richomeres a, domesticorum tunc comes, imperatu eiusdem Gratiani motus e Galliis, properavit ad Thracias ductans cohortes aliquas nomine tenus, quarum pars pleraque deserverat – ut iactavere quidam – Merobaudis suasu, veriti ne destitutae adminiculis Galliae vastarentur licenter Rheno perrupto.

5. verum articulorum dolore Frigerido praepedito, vel certe, ut obtrectatores finxere malivoli, morbum causante ne ferventibus proeliis interesset, universos regens ex communi sententia Richomeres Profuturo sociatur et Traiano, tendentibus prope oppidum Salices: unde haut longo spatio separatum vulgus inaestimabile barbarorum ad orbis rotundi figuram multitudine digesta plaustrorum tamquam intramuranis cohibitum spatiis, otio fruebatur et ubertate praedarum.

6. Praevia igitur spe meliorum Romani duces, si fors copiam attulisset, ausuri aliquid gloriosum, Gothos, quicquid molirentur sagaciter observabant: id scilicet praestruentes ut, si aliorsum castra movissent, quod fecere creberrime, terga ultimorum adorti plures perfoderent confisi magnamque spoliorum averterent partem.

7. hoc intellecto hostes vel transfugarum indiciis docti, per quos nilul latebat incognitum, in eodem loco diu manserunt: sed oppositi exercitus metu praestricti aliorumque militum, quos adfuere iam sperabant: tessera data gentili, per diversa prope diffusas accivere vastatorias manus, quae iussis optimatum acceptis statim ut incensi malleoli, ad carraginem – quam ita ipsi appellant – aliti velocitate regressae incentivum audendi maiora popularibus addiderunt.

8. nihil post haec inter partes praeter indutias laxatum est breves.

reversis enim his, quos necessitas evocarat, plebs omnis intra saeptorum ambitum etiam tum contrusa, inmaniter fremens animisque concita truculentis, experiri postrema discrimina, nec principibus gentis, qui aderant, renuentibus, cruditate festinabat. et quoniam haec sole agebantur extremo noxque adventans ad quietem invitos retinebat et maestos, capto per otium cibo, somni manserunt expertes.

9. contra Romani his cognitis ipsi quoque exsomnes verebantur hostes et male sanos eorum ductores ut rabidas feras: eventum licet ancipitem ut numero satis inferiores, prosperum tamen ob iustiorem sui causam mentibus exspectantes inpavidis.

10. Candente itaque protinus die, signo ad arma capienda ex utraque parte per lituos dato, barbari postquam inter eos ex more iuratum est, tumulosos locos adpetere temptaverunt: quo exinde per proclive rotarum modo obvios impetu convolverent acriore. hocque viso ad suos quisque manipulos properans miles, stabili gradu consistens nec vagabatur nec relictis ordinibus procursabat.

11. ergo ubi utrimque acies cautius incedentes gressu steterunt immobili, torvitate mutua bellatores luminibus se contuebantur obliquis. et Romani quidem voce undique Martia concinentes, a minore solita ad maiorem protolli, quam gentilitate appellant barritum, vires validas erigebant. barbari vero maiorum laudes clamoribus stridebant inconditis, interque varios sermonis dissoni strepitus leviora proelia temptabantur.

12. iamque verrutis et missilibus aliis utrimque semet eminus lacessentes ad conferendas coiere minaciter manus, et scutis in testudinum formam coagmentatis pes cum pede conlatus est. barbarique ut reparabiles semper et celeres, ingentes clavas in nostros conicientes ambustas mucronesque acrius resistentium pectoribus inlidentes, sinistrum cornu perrumpunt: quod inclinatum subsidialis robustissimus globus e propinquo latere fortiter excitus haerente iam morte cervicibus sustentavit.

13. fervente igitur densis caedibus proelio in confertos quisque promptior ruens, ritu grandinis undique volitantibus telis oppetebat et gladiis, et sequebantur equites hinc inde fugientium occipitia lacertis ingentibus praecidentes et terga, itidemque altrinsecus pedites lapsorum, timore impeditorum, secando suffragines.

14. et cum omnia caesorum corporibus opplerentur, iacebant inter eos quidam semianimes, spem vitae inaniter usurpando, alii glande fundis excussa vel harundinibus armatis ferro confixi, quorundam capita per medium frontis et verticis mucrone distincta in utrumque humerum magno cum horrore pendebant.

15. et pertinaci concertatione nondum lassatae, aequo Marte partes semet altrinsecus adflictabant, nec de rigore genuino quisquam remittebat, dum vires animorum alacritas excitaret. diremit tamen interneciva certamina cedens vespero dies, et cunctis, qua quisque potuit, inconposite discedentibus residui omnes repetunt tentoria tristiores.

16. humatis denique pro locorum et temporis ratione honoratis quibusdam inter defunctos, reliqua peremptorum corpora dirae volucres consumpserunt adsuetae illo tempore cadaveribus pasci, ut indicant nunc usque albentes ossibus campi. constat tamen in numero longe minores Romanos, cum ea copiosa multitudine conluctatos, funerea multa perpessos: non tamen sine deflendis aerumnis exagitasse barbaram plebem.

VIII

1. His casibus proeliorum ita luctuose finitis nostri proximos Marcianopoleos petivere secessus. Gothi intra vehiculorum anfractus sponte sua contrusi numquam exinde per dies septem egredi vel videri sunt ausi, ideoque oportunitatem milites nancti, inmensas alias barbarorum catervas inter Haemimontanas angustias clauserunt aggerum obiectu celsorum, hac spe nimirum ut inter Histrum et solitudines perniciosa hostium multitudo conpacta nullosque reperiens exitus periret inedia, cunctis utilibus ad vivendum in civitates validas conportatis, quarum nullam etiam tum circumsedere conati sunt, haec et similia machinari penitus ignorantes.

2.post quae re petivit Gallias Richomeres ob maiorem proeliorum fremitum, qui sperabatur, inde adminicula perducturus. haec Gratiano quater et Merobaude consulibus agebantur, anno in autumnum vergente.

3. Inter quae Valens audito lugubri bellorum direptionumque eventu Saturninum, equestris exercitus ad tempus cura commissa, suppetias Traiano ferentem misit et Profuturo.

4. forteque isdem diebus per Scythiae regiones et Moesiae omnibus, quae poterant mandi, consumptis, feritate urgente pariter et inopia, barbari erumpere molibus magnis ardebant. hocque saepe temptato cum obruerentur vigore nostrorumper asperitates scruposas valide resistentium, adacti necessitate postrema, Hunorum et Halanorum aliquos ad societatem spe praedarum ingentium adsciverunt.

5. Quo cognito Saturninus – iam enim aderat et praetenturas stationesque disponebat agrarias – paulatim conligens suos, digredi parabat consilio non absurdo: ne subita multituclo uti amnis inpulsu undarum obicibus ruptis emissus, convelleret levi negotio cunctos, suspecta loca acutius observantes.

6. deinde post reseratas angustias abitumque militis tempestivum, incomposite, qua quisque clausorum potuit, nullo vetante turbandis incubuit rebus: et vastabundi omnes per latituclines Thraciae pandebantur impune, ab ipsis tractibus, quos praetermeat Hister, exorsi, ad usque Rhodopen et fretum, quod immensa disterminat maria, rapinis et caedibus sanguineque et incendiis et liberorum corporum corruptelis omnia foedissime permiscentes.

7. tunc erat spectare cum gemitu facta dictu visuque praedira, attonitas metu feminas flagris concrepantibus agitari, fetibus gravidas adhuc immaturis, antequam prodirent in lucem, impia tolerantibus multa: implicatos alios matribus parvulos et puberum audire lamenta puellarumque nobilium, quarum stringebat fera captivitas manus.

8. post quae adulta virginitas castitasque nuptarum ore abiecto flens ultima ducebatur, mox profanandum pudorem optans morte, licet cruciabili, praevenire. inter quae cum beluae ritu traheretur ingenuus paulo ante dives et liber, de te Fortuna ut inclementi querebatur et caeca, quae eum puncto temporis brevi opibus exutum et dulcedine caritatum domoque extorrem, quam concidisse vidit in cinerem et ruinas, aut lacerandum membratim, aut serviturum sub verberibus et tormentis crudo devovisti victori.

9. Barbari tamen velut diffractis caveis bestiae per spatiorum amplitudines fusius incitati, oppidum petivere nomine Dibaltum, ubi tribunum Scutariorum Barzimeren inventum cum suis, Cornutisque et aliis peditum numeris castra ponentem adsiliunt, eruditum pulvere militari rectorem.

10. qui confestim, ut adigebat necessitas instantis exitii, iussa canere bellicum tuba, lateribus firmatis, praerupit cum promptis adcinctis ad

proelium: fortiterque resistendo pari pugnandi sorte discessisset, ni eum equitum adcursus complurium anhelum circumvenisset et fessum. et ita cecidit interfectis barbarorum non paucis, quorum clades copiarum magnitudo celabat.

IX

1. Re in hunc modum peracta, Gothi, quid postea molirentur incerti, quaeritabant Frigeridum, tamquam obicem validun, ubi reperirent, excisuri: et cultiore victu somnoque parumper adsumpto, eum sequebantur ut ferae: docti quod Gratiani monitu reversus in Thracias, et prope Beroeam vallo metato, eventus rerum speculabatur ancipites.

2. et hi quidem ad patrandum propositum discursione rapida maturabant. ille vero regendi conservandique militis non ignarus, id quod cogitatum est suspicatus, vel exploratorum relatione, quos miserat, aperte instructus, per montium celsa silvarumque densitates ad Illyricum redit, erectus prosperitate nimia, quam ei fors obtulit insperata.

3. repedando enim congregatosque in cuneos sensim progrediens, Gothorum optimatem Farnobium cum vastatoris globis vagantem licentius occupavit, ducentemque Taifalos nuper in societatem adhibitos: qui, si dignum est dici, nostris ignotarum gentium terrore dispersis, transiere flumen directuri vacua defensoribus loca.

4. eorum catervis subito visis certare comminus dux cautissimus parans adortusque nationis utriusque grassatores minantes etiam tum acerba, trucidasset omnes ad unum, ut ne nuntius quidem cladis post appareret, ni cum aliis multis perempto Farnobio, metuendo antehac incensore turbarum, obtestatus prece impensa superstitibus pepercisset, vivosque omnes circa Mutinam Regiumque et Parmam Italica oppida, rura culturos exterminavit.

5 Taifalorum gentem turpem obscenae vitae flagitiis ita accepimus mersam, ut apud eos nefandi concubitus foedere copulentur maribus puberes, aetatis viriditatem in eorum pollutis usibus consumpturi. porro siqui iam adultus aprum exceperit solus vel interemerit ursum immanem, conluvione liberatur incesti.

X

1. Haec autumno vergente in hiemem funesti per Thracias turbines converrebant. quae temporum rabies velut cuncta cientibus Furiis ad regiones quoque longinquas progrediens late serpebat.

2. et iam Lentiensis Alamannicus populus, tractibus Raetiarum confinis, per fallaces discursus violato foedere dudum concepto, conlimitia nostra temptabat, quae clades hinc exitiale primordium sumpsit.

3. ex hac natione quidam inter principis armigeros militans, poscente negotio reversus in larem, ut erat in loquendo effusior, interrogantes multos quid ageretur in palatio, docet arcessitu Valentis patrui Gratianum orientem versus mox signa moturum, ut duplicatis viribus repellantur plagarum terminalium adcolae, ad Romanorum rerum excidium coniurati.

4. quibus avide Lentienses acceptis, ipsi quoque haec quasi vicini cernentes, ut sunt veloces et rapidi, conferti in praedatorios globos, Rhenum gelu pervium pruinis Februario mense . .. tendentes prope cum Petulantibus Celtae, non sine sui iactura adflictos graviter adultis viribus averterunt.

5. verum retrocedere coacti Germani, noscentesque exercitus pleramque partem in Illyricum, ut imperatore mox adfuturo, praegressam, exarsere flagrantius: maioraque conceptantes, pagorum omnium incolis in unum conlectis cum quadraginta armatorum milibus vel septuaginta, ut quidam laudes extollendo principis iactarunt, sublati in superbiam nostra confidentius inruperunt.

6. Quibus Gratianus cum formidine magna compertis, revocatis cohortibus, quas praemiserat in Pannonias, convocatisque aliis, quas in Galliis retinuerat dispositio prudens, Nannieno negotium dedit, virtutis sobriae duci: eique Mallobauden iunxit pari potestate conlegam, domesticorum comitem, regemque Francorum, virum bellicosum et fortem.

7. Nannieno igitur pensante fortunarum versabiles casus ideoque cunctandum esse censente Mallobaudes alta pugnandi cupiditate raptatus, ut consueverat, ire in hostem differendi impatiens angebatur.

8. proinde horrifico adversum fragore terrente, primum apud Argentariam signo per cornicines dato concurri est coeptum, sagittarum verrutorumque missilium pulsibus crebriores hinc indeque sternebantur.

9. sed in ipso proeliorum ardore infinita hostium multitudine milites visa, vitantesque aperta discrimina, per calles consitas arboribus et angustas, ut quisque potuit, dispersi, paulo postea stetere fidentius: et splendore consimili proculque nitore fulgentes armorum, imperatorii adventus iniecere barbaris metum.

10. qui repente versi in terga resistentesque interdum, nequid ultimae rationis omitterent, ita sunt caesi ut ex praedicto numero non plus quam quinque milia, ut aestimabatur, evaderent densitate nemorum tecta, inter complures alios audaces et fortes rege quoque Priario interfecto, exitialium concitore pugnarum.

11. Hac laeti successus fiducia Gratianus erectus, iamque ad partes tendens eoas, laevorsus flexo itinere latenter Rheno transito, spe incitatior bona, universam, si id temptanti fors adfuisset, delere statuit malefidam et turbamm avidam gentem.

12. hocque urgentibus aliis super alios nuntiis cognito, Lentienses aerumnis populi sui ad internecionem paene deleti, et repentino principis adventu defixi, quid capesserent ambigentes, cum neque repugnandi neque agendi aliquid aut moliendi laxamentum possent invenire vel breve, impetu celeri obsessos petiverunt inviis cautibus colles, abruptisque per ambitum rupibus insistentes, rebus caritatibusque suis, quas secum duxerant, omni virium robore propugnabant.

13. qua difficultate perpensa, velut murorum obicibus opponendi per legiones singulas quingenteni leguntur annati, usu prudenter bellandi comperti. qui ea re animorum aucta fiducia quod versari inter antesignanos visebatur acriter princeps, montes scandere nitebantur, tamquam venaticias praedas, si calcassent editiora, confestim sine certamine ullo rapturi: exorsumque proelium vergente in meridiem die, tenebrae quoque occupavere nocturnae.

14. quippe magno utriusque partis pugnabatur exitio: caedebant cadebantque nostrorum non pauci, simul arma imperatorii comitatus auro colorumque micantia claritudine, iaculatione ponderum densa confringebantur.

15. Et enim diu reputante Gratiano cum optimatibus perniciosum apparebat et inritum contra asperitates aggerum prominentium intempestiva contendere pertinacia, multis – ut in tali negotio – variatis sententiis, otioso

milite circumvallari placuit barbaros inedia fatigatos, quia locorum iniquitate defenderetur.

16. verum cum obstinatione simili renitentes Germani peritique regionum petissent alios montes, his, quos ante insederant, altiores: conversus illuc cmn exercitu imperator, eadem qua antea fortitudine semitas ducentes ad ardua quaeritabat.

17. quem l,entienses intentum iugulis suis omni perseverandi studio contemplantes, post deditionem, quam inpetravere supplici prece, oblata – ut praeceptum est – iuventute valida nostris tirociniis permiscenda, ad genitales terras innoxii ire permissi sunt.

18. Hanc victoriam oportunam et fructuosam, quae gentes hebetavit occiduas, sempiterni numinis nutu Gratianus incredibile dictu est quo quantoque cum vigore exerta celeritate aliorsum properans expedivit: praeclarae indolis adulescens, facundus et moderatus et bellicosus et clemens, ad aemulationem lectorum progrediens principum, dum etiam tum lanugo genis inserperet speciosa, ni vergens in ludibriosos actus natura, laxantibus proximis semet ad vana studia Caesaris Commodi convertisset, licet hic incruentus.

19. ut enim ille, quia perimere iaculis plurimas feras spectante consueverat populo, et centum leones in amphitheatrali circulo simul emissos telorum vario genere, nullo geminato vulnere contruncavit, ultra hominem exsultavit, ita hic quoque intra saepta, quae appellant vivaria, sagittarum pulsibus crebris dentatas conficiens bestias: incidentia multa parvi ducebat et seria: eo tempore, quo etiam si imperium Marcus regeret Antoninus, aegre sine collegis similibus et magna sobrietate consiliorum lenire luctuosos rei publicae poterat casus.

20. Dispositis igitur, quae pvo temporum captu per Gallias res rationesque poscebant, et punito Scutario proditore, qui festinare principem ad Illyricum barbaris indicarat, Gratianus exinde digressus per castra, quibus Felicis Arboris nomen est per Lauriacum ad opitulandum oppressae parti porrectis itineribus ire tendebat.

21. Isdemque diebus Frigerido multa atque utilia pro securitate communi sollertissime cogitanti munireque properanti Succorum angustias, ne discursatores hostes et leves tamquam exaestuantes vi torrentes per septentrionales provincias fusius vagarentur, successor Maurus nomine mittitur comes, venalis ferociae specie et ad cuncta mobilis et incertus, is est quem praeteritorum textu rettulimus, ambigenti super corona capiti inponenda Iuliano Caesari, dum inter eius armigeros militaret, arroganti confidentia torquem obtulisse collo abstractam.

22. remotusque in ipsa vertigine pereuntium rerum dux cautus et diligens, cum etiam si dudum discessisset in otium, ad procinctum reduci negotiorum magnitudine poscente deberet.

XI

1. His forte diebus Valens tandem excitus Antiochia, longitudine viarum emensa venit Constantinopolim, ubi moratus paucissimos dies seditioneque popularium levi pulsatus, Sebastiano paulo ante ab Italia, ut petierat, misso, vigilantiae notae ductori pedestris exercitus cura commissa, quem regebat antea Traianus: ipse ad Melanthiada villam Caesarianam profectus, militem stipendio fovebat et alimentis et blanda crebritate sermonum.

2. unde cum itinere edicto per tesseram Nicen venisset, quae statio ita cognominatur: relatione speculatorum didicit refertos opima barbaros praeda a Rhodopeis tractibus prope Hadrianopolim revertisse: qui motu imperatoris cum abundanti milite cognito, popularibus iungere festinant, circa Beroeam et Nicopolim agentibus praesidiis fixis: atque ilico ut oblatae occasionis maturitas postulabat, cum trecentenis militibus per singulos numeros lectis Sebastianus properare dispositus est, conducens rebus publicis aliquid, ut promittebat, acturus.

3. qui itineribus celeratis conspectus prope Hadrianopolim, obseratis vi portis iuxta adire prohibebatur: veritis defensoribus ne captus ab hoste veniret et subornatus atque contingeret aliquid in civitatis perniciem, quale per Actum acciderat comitem, quo per fraudem Magnentiacis militibus capto claustra patefacta sunt Alpium Iuliarum.

4. agnitus tamen licet sero Sebastianus et urbem introire permissus, cibo et quiete curatis pro copia, quos ductabat, secuta luce impetu clandestino erupit, vesperaque incedente Gothorum vastatorios cuneos prope flumen Hebrum subito visos paulisper opertus aggeribus et frutectis obscura nocte suspensis passibus inconpositos adgressus est, adeoque prostravit ut praeter paucos, quos morte velocitas exemerat pedum, interirent reliqui omnes, praedamque retraxit innumeram, quam nec civitas cepit nec planities lata camporum.

5. qua causa percitus Fritigernus et extimescens, ne dux, ut saepe audierat, impetrabilis dispersos licenter suorum globos raptuique intentos consumeret, inprovisos adoriens : revocatis omnibus prope Cabylen oppidum cito discessit, ut agentes in regionibus patulis nec inedia nec occultis vexarentur insidiis.

6. Dum haec aguntur in Thraciis, Gratianus docto litteris patruo, qua industria superaverit Alamanos, pedestri itinere, praemissis inpedimentis et sarcinis, ipse cum expeditiore militum manu permeato Danubio, delatus Bononiam, Sirmium introiit, et quadriduum ibi moratus per idem flumen ad Martis castra descendit, febribus intervallatis adflictus: in quo tractu Halanorum impetu repentino temptatus amisit sequentium paucos.

XII

1. Isdemque diebus exagitatus ratione gemina Valens, quod Lentienses conpererat superatos, quodque Sebastianus subinde scribens facta dictis exaggerabat, e Melanthiade signa commovit, aequiperare facinore quodam egregio adulescentem properans filium fratris, cuius virtutibus urebatur: ducebatque multiplices copias nec contemnendas nec segnes, quippe etiam veteranos isdem iunxerat plurimos, inter quos et honoratiores alii et Traianus recinctus est, paulo ante magister armorum.

2. et quoniam exploratione sollicita cognitum est cogitare hostes fortibus praesidiis itinera claudere, per quae commeatus necessarii portabantur, occursum est huic conatui conpetenter, ad retinendas oportunitates angustiarum, quae prope erant, peditibus sagittariis et equitum turma citius missa.

3. triduoque proximo cum barbari gradu incederent leni et metuentes eruptionem per devia, quindecim milibus passuum a civitate discreti stationem peterent Nicen – incertum quo errore – procursatoribus omnem illam multitudinis partem, quam viderant, in numero decem milium esse

firmantibus, imperator procaci quodam calore perculsus isdem occurrere festinabat.

4. proinde agmine quadrato incedens prope suburbanum Hadrianopoleos venit, ubi vallo sudibus fossaque firmato, Gratianum inpatienter operiens, Richomerem comitem domesticorum suscepit ab eodem imperatore praemissum cum litteris, ipsum quoque venturum mox indicantibus.

5. quarum textu oratus ut praestolaretur paulisper periculorum participem, neve abruptis discriminibus temere semet committeret solum, adhibitis in consilium potestatibus variis, quid facto opus esset deliberabat.

6. et cum Sebastiano auctore quidam protinus eundum ad certamen urgerent, Victor nomine magister equitum, Sarmata sed cunctator et cautus, eadem sentientibus multis imperii socium exspeetari eensebat, ut incrementis exercitus Gallicani adscitis opprimeretur levius tumor barbaricus flammans.

7. vicit tamen funesta principis destinatio et adulabilis quorundam sententia regiorum, qui, ne paene iam partae victoriae – ut opinabantur – consors fieret Gratianus, properari cursu celeri suadebant.

8. Et dum neeessaria parabantur ad decernendum, Christiani ritus presbyter, ut ipsi appellant, missus a Fritigerno legatus cum aliis humilibus venit ad principis castra, susceptusque leniter eiusdem ductoris obtulit scripta petentis propalam ut sibi suisque, quos extorres patriis laribus rapidi ferarum gentium exegere discursus, habitanda Thracia sola eum pecore omni concederentur et frugibus: hoc impetrato spondentis perpetuam pacem.

9. praeter haec idem Christianus ut eonscius arcanorum et fidus, secretas alias eiusdem regis obtulit litteras, qui astu et ludificandi varietate nimium sollers docebat Valentem quasi mox amicus futurus et socius, aliter se popularium saevitiam mollire non posse vel ad condiciones rei Romanae profuturas allicere, nisi subinde armatum isdem iuxta monstraret exercitum et timore imperatorii nominis intentato eos a pernicioso pugnandi revocaret ardore. et legati quidem ut ambigui frustra habiti discesserunt.

10. Exoriente vero aurora diei, quem quintum Iduum Augustarum numerus ostendit annalis, signa praepropere commoventur, inpedimentis et sarcinis prope Hadrianopoleos muros cum legionum tutela congrua conlocatis. thesauri enim et principalis fortunae insignia cetera cum praefecto et consistorianis ambitu moenium tenebantur.

11. decursis itaque viarum spatiis confragosis cum in medium torridus procederet dies, octava tandem hora hostium carpenta cernuntur, quae ad speciem rotunditatis detornata digestaque exploratorum relatione adfirmabantur. atque, ut mos est, ululante barbara plebe ferum et triste, Romani duces aciem struxere: et anteposito dextro cornu equitum primo, peditatus pars maxima subsidebat.

12. cornu autem equitum laevum disiectis adhuc per itinera plurimis summa difficultate conductum properabat passibus citis. dumque idem cornu nullo etiam tum interturbante extenditur, horrendo fragore sibilantibus armis pulsuque minaci scutorum territi barbari, quoniam pars eorum cum Alatheo et Saphrace procul agens et accita nondum venerat, oraturos pacem misere legatos.

13. eorum dum vilitatem despicit imperator, ut firma fierent paciscenda, optimates poscens idoneos mitti: illi de industria cunctabantur ut inter fallaces indutias equites sui redirent, quos adfore iam sperabant: et miles fervore calefactus aestivo, siccis faucibus commarceret relucente amplitudine camporum incendiis, quos lignis nutrimentisque aridis subditis, ut hoc fieret, idem hostes urebant. cui malo aliud quoque accedebat exitiale quod homines

et iumenta cruciabat inedia gravis.

14. Inter quae Fritigernus callidus futuri coniector, Martemque pertimescens ancipitem, velut caduceatorem unum e plebe suo misit arbitrio, impetens nobiles quosdam et electos ad se prope diem obsides mitti, inpavidus ipse minas militares laturus et necessaria.

15. laudato probatoque formidati ducis proposito, tribunus Aequitius, cui tunc erat cura palatii credita, Valentis propinquus, adsentientibus cunctis ire pignoris loco mature disponitur. quo renitente, quia semel captus ab hostibus lapsusque a Dibalto, verebatur eorum inrationabiles motus, Richomeres se sponte obtulit propria, ireque promiserat libens, pulcrum hoc quoque facinus et viro convenire existimans forti: iamque pergebat indicia dignitatis et natalium ....

16. eo ad vallum hostile tendente sagittarii et scutarii, quos Bacurius Hiberus quidam tunc regebat et Cassio, avidius impetu calenti progressi iamque adversis conexi, ut inmature proruperant, ita inerti discessu primordia belli foedarunt.

17. hocque inpedimento conatus intempestivi et Richomeris alacritas fracta est, nusquam ire permissi, et equitatus Gothorum cum Alatheo reversus et Saphrace, Halanorum manu permixta, ut fulmen prope montes celsos excussus, quoscumque adcursu veloci invenire comminus potuit, incitata caede turbavit.

XIII

1. Cumque arma ex latere omni concuterentur et tela, lituosque Bellona luctuosos in clades Romanas solito inmanius furens, cedentes nostri multis interclamantibus restiterunt et proelium flammarum ritu adcrescens terrebat militum animos, confixis quibusdam rotatis ictibus iaculorum et sagittarum.

2. deinde conlisae in modum rostratarum navium acies trudentesque se vicissim, undarum specie motibus sunt reciprocis iactitatae. Et quia sinistrum cornu ad usque plaustra ipsa accessit, ultra., siqui tulissent suppetias, processurum: a reliquo equitatu desertum, multitudine hostili urgente sicut ruina aggeris magni oppressum atque deiectum est: steterunt inprotecti pedites, ita concatervatis manipulis ut vix mucronem exerere aut ma,nus reducere quisquam posset. nec iam obiectu pulveris caelum patere potuit ad prospectum, clamoribus resultans horrificis. qua causa tela undique mortem vibrantia destinata cadebant et noxia, quod nec provideri poterant nec caveri.

3. verum ubi effusi inmensis agminibus barbari iumenta conterebant et viros, et neque ad receptum confertis ordinibus laxari usquam poterat locus, et evadendi copiam constipatio densior adimebat: nostri quoque ultimo cadendi contemptu occursantes receptis gladiis obtruncabant, et mutuis securium ictibus galeae perfringebantur atque loricae.

4. videreque licebat celsum ferocia barbarum, genis stridore constrictis, succiso poplite aut abscisa ferro dextera vel confosso latere inter ipsa quoque mortis confinia minaciter circumferentem oculos truces: ruinaque confligentium mutua humo corporibus stratis campi peremptis impleti sunt, et morientium gemitus profundisque vulneribus transfixorum cum timore audiebantur ingenti.

5. in hoc tanto tamque confusae rei tumultu exhausti labore et periculis pedites cum deinceps neque vires illis neque mentes suppeterent ad consilium, diffractis hastarum plerisque conlisione adsidua, gladiis contenti

destrictis in confertas hostium turmas mergebant se, salutis inmemores, circumspectantes ademptum esse omne evadendi suffugium.

6. et quia humus rivis operta sanguineis gressus labiles evertebat, conabantur modis omnibus vitam inpendere non inultam: adeo magno animorum robore oppositi incumbentibus, ut etiam telis quidam propriis interirent. atra denique cruoris facie omnia conturbante et, quocumque se inflexerant oculi, acervis caesorum adgestis, exanimata cadavera sine parsimonia calcabantur.

7. solque sublimior decurso Leone ad domicilium caelestis Virginis transiens, Romanos magis attenuatis inedia sitique confectos etiam armorum gravantibus sarcinis exurebat. ad ultimum incumbente barbarorum pondere acies inclinatae nostrorum, quod solum postremis malis habuere subsidium, incondite qua quisque poterat, vertuntur in pedes.

8. Dumque omnes dispersi per ignotos tramites cedunt, imperator diris pavoribus circumsaeptus paulatimque insiliens funerum moles, ad Lancearios confugit et Mattiarios: qui, dum multitudo tolerabatur hostilis, fixis corporibus steterant inconcussi. eoque viso Traianus exclamat spem omnem absumptam, ni desertus ab armigeris princeps saltim adventicio tegeretur auxilio.

9. hocque audito Victor nomine comes Batavos in subsidiis locatos haut procul ad imperatoris praesidium raptim cogere properans cum invenire neminem posset, gradiens retro discessit, parique modo Richomeres periculo semet exemit et Saturninus.

10. Sequebantur itaque furore ex oculis lucente barbari nostros, iam linquente venarum calore torpentes : quorum aliqui percussoribus cadebant incertis, non nulli ponderibus solis urgentium obruti ictuque suorum aliqui trucidati: nec enim saepe renitentibus cedebatur aut parcebat cedentibus quisquam.

11. super his obstruebant itinera iacentes multi semineces, cruciatus vulnerum conquerentes: cum quibus aggeres quoque equorum constrati cadaveribus campos implerunt. diremit haec numquam pensabilia damna, quae magno rebus stetere Romanis, nullo splendore lunari nox fulgens.

12. Primaque caligine tenebrarum inter gregarios imperator, ut opinari dabatur – neque enim vidisse se quisquam vel praesto fuisse adseveravit – sagitta perniciose saucius ruit, spirituque mox consumpto decessit nec postea repertus est usquam. hostium enim paucis spoliandi gratia mortuos per ea loca diu versatis, nullus fugatorum vel accolarum illuc adire est ausus.

13. simili clade Caesarem accepimus Decium dimicantem cum barbaris acriter, equi lapsu prostratum, quem ferventem retinere non valuit, abiectumque in paludem nec emergere potuisse nec inveniri.

14. alii dicunt Valentem animam non exhalasse confestim sed cum candidatis et spadonibus paucis prope ad agrestem casam relatum secunda contignatione fabre munitam, dum fovetur manibus imperitis, circumsessum ab hostibus, qui esset ignorantibus, dedecore captivitatis exemptum.

15. cum enim oppessulatas ianuas perrumpere conati, qui secuti sunt, a parte pensili domus sagittis incesserentur, ne per moras inexpedibiles populandi ammitterent copiam, congestis stipulae fascibus et lignorum, flammaque supposita, aedificium cum hominibus torruerunt.

16. unde quidam de candidatis per fenestram lapsus captusque a barbaris prodidit factum et eos maerore adflixit, magna gloria defraudatos, quod Romanae rei rectorem non cepere superstitem. is ipse iuvenis occulte postea reversus ad nostros haec ita accidisse narravit.

17. pari clade recuperatis Hispaniis Scipionum alterum cremata turri, in

quam confugerat, absumptum incendio hostili conperimus. illud tamen certum est, nec Scipioni, nec Valenti sepulturam, qui supremitatis honor est, contigisse.

18. In hac multiplici virorum inlustrium clade Traiani mors eminuit et Sebastiani, cum quibus triginta quinque oppetivere tribuni vacantes et numerorum rectores et Valerianus atque Aequitius, quorum alter stabulum, alter curabat palatium. inter hos etiam Promotorum tribunus Potentius cecidit in primaevo aetatis Ilore, bono cuique spectatus, meritis Vrsicini patris magistri quondam armorum suisque commendabilis. constatque vix tertiam evasisse exercitus partem.

19. nec ulla annalibus praeter Cannensem pugnam ita ad internecionem res legitur gesta, quamquam Romani aliquotiens reflante Fortuna fallaciis lusi bellorum iniquitati cesserunt ad tempus, et certamina multa fabulosae naeniae flevere Graecorum.

XIV

1. Perit autem hoc exitu Valens quinquagesimo anno contiguus, cum per annos quattuor inperasset et decem parvo minus.

2. cuius bona multis cognita dicemus et vitia. amicus fidelis et firmus, ultor acer ambitionum, severus militaris et civi]is disciplinae corrector, pervigil semper et anxius, ne propinquitatem quis praetendens altius semet ferret, erga deferendas potestates vel adimendas nimium tardus, provinciarum aequissimus tutor, quarum singulas ut domum propriam custodiebat indemnes, tributorum onera studio quodam molliens singulari, nulla vectigalium admittens augmenta, in adaerandis reliquorum debitis non molestus, furibus et in peculatu deprehensis iudicibus inimicus asper et vehemens.

3. nec sub alio principe in huius modi negotiis melius secum actum esse meminit oriens. super his omnibus liberalis erat cum moderatione, cuius rei licet abundent exempla, unum tamen sufficiet poni. ut sunt in palatiis non nulli alienarum rerum avidi, siqui caducum vel aliud petisset ex usu, cum magna iustorum iniustorumque distinctione contradictori copia servata, donabat ei, qui petierat, tres vel quattuor alios absentes aliquotiens impetratorum participes iungens: ut castigatius agerent inquieti, lucra, quibus inhiabant, hoc minui commento cernentes.

4. super aedificiis autem, quae per diversas urbes et oppida vel instauravit vel a primis instruxit auspiciis – ne sim longior – taceo, rebus ipsis id apertius monstrare concedens. haec bonis omnibus aemulanda sunt, ut existimo: nunc eius vitia percurramus.

5. Magnarum opum intemperans adpetitor, laborum inpatiens, duritiamque magis adfectans inmanem in crudelitatem proclivior, subagrestis ingenii, nec bellicis nec liberalibus studiis eruditus: alienis gemitibus libenter emolumenta fructusque conquirens, tuncque magis intolerabilis cum incidentia crimina ad contemptam vel laesam principis amplitudinem trahens in sanguinem saeviebat et dispendia locupletum.

6. illud quoque ferri non poterat quod, cum legibus lites omnes quaestionesque committere videri se vellet, destinatisque velut lectis iudicibus negotia spectanda mandabat, nihil agi contra libidinem suam patiebatur: iniuriosus alias et iracundus et criminantibus sine differentia veri vel falsi facillime patens, quae vitiorum labes etiam in his privatis cotidianisque

rationibus inpendio est formidanda.

7. Cessator et piger: nigri coloris, pupula oculi unius obstructa, sed ita, ut non eminus appareret, figura bene conpacta membrorum, staturae nec procerae nec humilis, incurvis cruribus extanteque mediocriter ventre.

8. Haec super Valente dixisse sufficiet, quae vera esse aequalis nobis memoria plene testatur. illud autem praeteriri non convenit, quod cum oraculo tripodis, quem movisse Patricium docuimus et Hilarium, tres versus illos fatidicos comperisset, quorum ultimus est. en pedioisi Mimantos agaiomenoio Areos ut erat inconsummatus et rudis, inter initia contemnebat, processu vero luctuum maximorum abiecte etiam timidus, eiusdem sortis recordatione Asiae nomen horrebat: ubi Erythraeo oppido superpositum montem Mimanta et Homerum scripsisse et Tullium doctis referentibus audiebat.

9. denique post interitum eius discessumque hostilem, prope locum, in quo cecidisse existimatus est, inventus dicitur saxeus monumenti suggestus, cui lapis adfixus incisis litteris Graecis, sepultum ibi nobilem quendam Mimanta veterem indicabat.

XV

1. Post exitialem pugnam cum iam tenebris nox terras implesset, hi qui superfuere, dextra pars, alii laeva vel quo metus traxerat, ferebantur, quisque proximos quaerens: cum praeter se nihil singuli cernere poterant, occipitiis propriis ferrum arbitrantes haerere. audiebantur tamen, licet longius, heiulatus miserabiles relictorum singultusque morientium et vulneratorum crucibabiles fletus.

2. Luce vero coeptante victores ut bestiae sanguinis inritamento atrocius efferatae, spei inanis inlecebris agitati, Hadrianopolim agminibus petivere densetis, eam vel cum discriminibus excisuri postremis: docti per proditores et transfugas potestatum culmina maximarum et fortunae principalis insignia thesaurosque Valentis illic ut arduo in munimento conditos.

3. et ne intervallatis ardor intepesceret moris, hora diei quarta ambitu cincto murorum, infestissime certabatur: oppugnatoribus genuina ferocia ad praeceps exitium festinantibus, contraque defensorum vigore validis viribus incitato.

4. et quia militum calonumque numerus magnus civitatem cum iumentis introire prohibitus, adfixus parietibus moenium aedibusque continuis, pro loci humilitate fortiter decernebat, superatque rabies inmientium ad usque horam diei nonam, subito pedites nostri trecenti, ex his, qui prope ipsas stetere loricas, conferti in cuneum desciverunt ad barbaros, eosque illi avide raptos confestim – incertum quo consilio – trucidarunt; et ex eo deinceps observatum est, neminem huius modi aliquid vel in desperatione rerum ultima cogitasse.

5. fervente itaque tot malorum congerie, repente cum fragore caelesti imbres nubibus atris effusi dispersere circumfrementium globos, reversique ad vallum dimensum tereti figura plaustrorum, inmanes spiritus latius porrigentes iubebant nostris per minaces litteras, et legatum ... fide retinendae salutis accepta.

6. verum introire non auso, qui missus est, per Christianum quendam portatis scriptis et recitatis, utque decebat contemplatis, parandis operibus dies et nox omnis absumpta. nam intrinsecus silicibus magnis obstrusae sunt portae et moenium intuta firmata, et ad emittenda undique tela vel saxa, tormenta per locos aptata sunt habiles adgestaque prope sufficiens aqua.

pridie enim dimicantium quidam siti ad usque ipsa vitae detrimenta vexati sunt.

7. Contra Gothi reputantes difficiles Martis eventus, anxiique cum sterni et sauciari cernerent fortiores, et particulatim vires suas convelli, astutum iniere consilium, quod ipsa indicante iustitia publicatum est.

8. partis enim nostrae candidatos aliquos, qui die praeterito ad eos defecerant, pellexere ut simulata fuga velut ad propria remeantes, intra muros suscipi se curarent, ingressique latenter quandam incenderent partem: ut tamquam signo erecto occultius, dum circa exstinguendum incendium distringitur multitudo clausorum, civitas perrumperetur inpropugnata

9. perrexere, ut statutum est, candidati: cumque prope fossas venissent, manus tendentes orantesque ut Romanos semet admitti poscebant. et recepti, quia nulla erat suscipio quae vetaret, interrogatique super consiliis hostium, variarunt: unde factum est ut cruenta quaestione vexati cervicibus perirent abscisis, quid acturi venerant aperte confessi.

10. Omni itaque bellandi apparatu praestructo, adventante vigilia tertia, barbari abolito praeteritorum vulnerum metu, in urbis obseratos aditus multiplicatis ordinibus inundarunt, et obstinatione magnatium maiore, at cum armatis provinciales et palatini ad obruendos eos excitatius exurgebant, et cuiusque modi tela in multitudine tanta vel temere missa cadere sine noxa non poterant.

11. animadversum est a nostris isdem telis barbaros uti, quibus, petebantur. ideoque mandatum est ut nervis ferrum hgnumque conectentibus ante iactum incisis emitterentur arcu sagittae, quae volitantes vires integras servabant, infixae vero corporibus nihil vigoris perdebant, aut certe, si cecidissent in vanum, ilico frangebantur.

12. dedit autem rebus ita flagrantibus grave momentum casus admodum inopinus. Scorpio genus tormenti, quem Onagrum sermo vulgaris appellat, e regione contra hostium aciem densam locatus, lapidem contorsit ingentem, qui licet humo frustra inlisus est visus, tamen ita eos metu exanimavit, ut stupore spectaculi novi cedentes e medio abire temptarent.

13. sed bucinis optimatum monitu occinentibus instauratum est proelium, et pari modo res Romana superior stetit, nullo ferme alio telo vel funditoris amento in cassum excusso. agmina enim praeeuntium ductorum, quos rapiendi Valentis malis lucubrationibus quesiti cupiditas incendebat, secuti ceteri prae se ferebant aequiperasse discrimina potiorum: namque semineces aliqui aut magnis obtriti ponderibus vel confixi iaculis pectora volvebantur, non nulli scalas vehendo ascensumque in muros ex latere omni parantes sub oneribus ipsis obruebantur, contrusis per pronum saxis et columnarum fragmentis et cylindris.

14. nec quemquam furentium cruoris horrenda species ad serum usque diem ab alacritate faciendi fortiter avertebat, hoc incitante quod etiam defensorum plurimos cadere diversis ictibus videntes eminus laetabantur. ita sine requie ulla vel modo pro moenibus et contra moenia ingentibus animis pugnabatur.

15. et quia nullo ordine iam sed per procursus pugnabatur et globos, quod desperationis erat signum extremae, flexo in vesperam die cligressi omnes rediere ad tentoria tristes, inconsideratae dementiae alter alterum arguentes, quod non, ut suaserat antea Fritigernus, obsiclionales aerumnas ubique declinarunt.

XVI

1. Conversi post haec per omne tempus noctis, ut aestivae non longum, ad vulnerum curas artesque medendi gentiles, redclita luce in varias consiliorum vias diducebantur, quorsum tenderent ambigentes, multisque dictatis et controversis occupare statuunt Perinthum, exinde quaeque divitiarum referta, docentibus omnia perfugis, etiam domorum nedum urbium interna noscentes. hanc secuti sententiam, quam utilem existimarunt, itineribus lentis, miscentes cuncta populationibus et incendiis, nullo renitente pergebant.

2. Obsessi vero apud Hadrianopolim, post eorum abitum perceptum, cum vacare hoste loca proxima conpertae fidei nuntiassent exploratores: egressi media nocte, vitatis aggeribus publicis per nemorosa et devia, pars Philippopolim, exindeque Serdicam, alia ad Macedoniam cum intemeratis opibus, quas habebant, omni studio ad properandum excogitato currebant, velut in regionibus illis repperiendo Valente: quem inter medios certaminum turbines oppetisse, vel certe ad tugurium confugisse, ubi aestimatus est vi periisse flammarum, penitus ignorabant.

3. At Gothi Hunis Halanisque permixti nimium bellicosis et fortibus, rerumque asperarum difficultatibus induratis, quos miris praemiorum inlecebris sibi sociarat sollertia Fritigerni, fixis iusta Perinthum castris, ipsam quidem urbem cladium memores pristinarum nec adire nec temptare sunt ausi, agros vero fertiles late distentos et longe ad extremam vastavere penuriam, cultoribus caesis aut captis.

4. unde Constantinopolim, copiarum cumulis inhiantes amplissimis, formas quadratorum agminum insidiarum metu servantes, ire ocius festinabant, multa in exitium urbis inclitae molituri. quos inferentes sese inmodice obicesque portarum paene pulsantes, hoc casu caeleste reppulit numen.

5. Saracenorum cuneus – super quorum origine moribusque diversis in locis rettulimus plura – ad furta magis expeditionalium rerum quam ad concursatorias habilis pugnas, recens illuc accersitus, congressurus barbarum globo repente conspecto a civitate fidenter erupit, diuque extento certamine pertinaci, aequis partes discessere momentis.

6. sed orientalis turma novo neque ante viso superavit eventu. ex ea enim crinitus quidam, nudus omnia praeter pubem, subraucum et lugubre strepens, educto pugione agmini se medio Gothorurn inservit et interfecti hostis iugulo labra admovit effusumque cruorem exuxit. quo monstroso miraculo barbari territi, postea non ferocientes ex more, cum agendum adpeterent aliquid, sed ambiguis gressibus incedebant.

7. processu dein audacia fracta, cum murorum ambitum insularumque spatiis inmensis oblongum, et inaccessas pulchritudines urbis et incolentium plebem considerarent inmensam, iuxtaque fretum, quod Pontum disterminat et Aegaeum, disicttis bel lorum officinis, quas parabant, post accepta maiora funera quam inlata, exinde digressi sunt effusorie per arctoas provincias, quas peragravere licenter ad usque radices Alpium Iuliarum, quas Venetas appellabat antiquitas.

8. His diebus efficacia Iulii magistri militiae trans Taurum enituit salutaris et velox. conperta enim fatorum sorte per Thracias, Gothos antea susceptos, dispersosque per varias civitates et castra, datis tectioribus litteris ad eorum rectores Romanos omnes, quod his temporibus raro contingit, universos

tamquam vexillo erecto uno eodemque die mandavit occidi, exspectatione promissi stipendi securos ad suburbana productos. quo consilio prudenti sine strepitu vel mora completo, orientales provinciae discriminibus ereptae sunt magnis.

9. Haec ut miles quondam et Graecus, a principatu Caesaris Nervae exorsus ad usque Valentis interitum pro virium explicavi mensura: opus veritatem professum numquam, ut arbitror, sciens silentio ausus corrumpere vel mendacio. scribant reliqua potiores, aetate doctrinisque florentes. quos id, si libuerit, adgressuros, procudere linguas ad maiores moneo stilos.

УКАЗАТЕЛИ

I. УКАЗАТЕЛЬ ОБЩИЙ.

Агафирсы, народ на карте Аммиана поблизости от Азовского моря; в их земле залежи камня-адаманта; окрашивают в синий цвет тело и волосы 31, 1, 14

Агилон, трибун царской конюшни, заподозренный в сношениях с соплеменниками-аламаннами 14, 10, 8; позднее трибун скутариев; преемник Урзицина в звании магистра пехоты 20, 2, 4–5, послан в Аквилею с извещением о смерти Констанция 21, 12, 16; намечен в персидский поход 21, 13, 3; член судебной комиссии в Халкедоне 22, 3, 1; принес известие Юлиану о сдаче Аквилеи 22, 8, 49; вызван Прокопием из отставки 26, 7, 4; изменил Прокопию 26, 9, 7.

Агилимунд, царь квадов, вассал царя Видуария 17, 12, 21.

Агинаций, патриций, викарий Рима, казнен по интригам Максимином, при посредстве викария Дорифориана 28, 1, 30.

Адак, персидский вельможа, член посольства к Констанцию, убит в битве с римлянами 25, 1, 6.

Адвокаты, их характеристика 30, 4.

Адрастия – Немезида, ее теологический и мифический образ 14, 11, 25. Адрианополь, в древности Ускудама 14, 11, 15; столкновение жителей с готским отрядом, стоявшим в этом городе 31, 6, 1; Себастиан перед воротами города 31, 11, 1; база в битве с готами 31, 12, 10; осада его готами 31, 15.

Аквилея, два легиона, присоединенные Юлианом к своей армии и направленные им в Галлию, взбунтовались по пути и захватили эту сильную крепость; она была осаждена войсками Юлиана и сдалась только после того, как магистр пехоты Агилон удостоверил смерть Констанция 21, 11–12.

Акондисма, горный проход из Македонии во Фракию 26, 7, 12.

Алипий, родом из Антиохии, б. вице-префект Британии, командирован Юлианом для отстройки Иерусалимского храма 23, 1, 2; процесс, возбужденный против него и его сына при Валенте 29, 1, 44.

Аламанны, германское население на востоке от среднего Рейна, от Майнца до Базеля. Поход против них Констанция 14, 10; набеги их в Галлию и грабежи, экспедиция Юлиана 16, 2; поход Юлиана совместно с Барбационом 16, 11; битва при Аргенторате 16, 12; клятва верности, принесенная Юлиану 17, 1, 13; поход Юлиана в их земли 17, 10;

мероприятия Юлиана и поход 18, 1; набег Либинона и битва, в которой пал Хариеттон 27, 1; экспедиция Иовина против их грабительских шаек 27, 2.

Аланы, их местожительство и нравы 31, 2, 17; участие в битве при Адрианополе 31, 12, 17; их шайки на Дунае 31, 11, 6.

Альпийские горные проходы 15, 10.

Алафей, опекун готского царя; переход через Дунай; участие в битве при Адрианополе 31, 12, 12; 17.

Алавив, вождь вестготов 31, 4, 1. {*546* }

Амида, значение города, его гарнизон 18, 8; 9; осада персами и взятие его 19, 1–8; вылазка галльских солдат 19, 5.

Амицензы, одно из племен сарматов-рабов, разгром их Констанцием 17, 13.

Аммиан Марцеллин, грек по происхождению, прикомандирован к Урзицину 14, 9, 1; в звании протектора сопровождает его в Галлию 15, 5, 22; личные приключения близ Нисибиса и Амиды 18, 5, 8; спасение из Амиды после ее взятия 19, 8.

Анатолий, префект Иллирика 19, 11, 3.

Антоний, магистр оффиций при Юлиане 20, 9, 8; пал в битве с персами, в которой был смертельно ранен Юлиан 25, 3, 14.

Антонин, протектор-доместик, бегство его к персам 18, 5, 1; его положение при дворе Сапора 18, 5, 8; встреча с Урзицином 18, 8, 5–7.

Апис, его культ 22, 14, 6.

Аподемий, имперский агент 14, 11, 19; 15, 1, 2; 15, 5, 8; сожжен живым 22, 3, 10.

Арбецион, враг Барбациона 18, 3; из простых солдат 15, 2, 4; магистр конницы, интриговавший против Урзицина 14, 11, 2; интриги против него комита Вериссима; командовал передовым отрядом Юлиана 21, 13, 6; вызван из отставки Валентом против Прокопия 26, 9, 4.

Ареаны, вероятно angarii, продавали римские интересы варварам 28, 3, 8.

Аринфей, трибун, участвует в битве с лентиензами 15, 4, 10; в звании комита командует левым крылом армии Юлиана в походе в Персию 24, 1, 2; 24, 7, 2; ведет переговоры с Сапором 25, 7, 7; послан Иовианом в Галлию 25, 10, 9; остается на Востоке при Валенте 26, 5, 2.

Армения, сношения Констанция с царем Армении в обеспечение союза; сношения с ним Юлиана 23, 1; старания Сапора подчинить себе Армению; захват царя Арсака Сапором 27, 12, 1–3; агенты царя Сапора, Артабанн и Килак, изменили ему и содействовали освобождению Армении; интриги Сапора и казнь их царем Парою 27, 12; гибель царя Пары 30, 1.

Аспакур, царь Иверии 27, 12, 17.

Атакотты, варварское племя, нападавшее на римские владения в Британии 26, 4, 5; 27, 8, 4.

Атанарих, царь вестготов, походы Валента в его земли в течение трех лет, мир, заключенный на Дунае 27, 5; война его с гуннами 31, 3; удаление в Кавкаланд 31, 4, 12; умер в Константинополе 27, 5, 9.

Аттуарийские франки 25, 10, 1.

Африкан, римский адвокат, правитель провинции, казнен без вины Валентинианом 29, 3, 6.

Африкан, правитель Второй Паннонии, попавший под следствие за речи на пирушке 15, 3, 7.

Афанасий, патриарх Александрийский, его низложение 15, 7, 9–10.

Баллиста, осадное орудие, его описание (см. рисунок в конце книги) 23, 4; прислуга орудия называлась баллистарии 16, 2, 5.

Барбацион, комит доместиков при Галле-Цезаре 14, 11, 19–20; назначен магистром пехоты вместо Сильвана; с армией в 25 тыс. человек действует против аламаннов 16, 11; интриги против Юлиана; поход против ютунгов, вторгавшихся в Рэцию 17, 6; казнен по интригам Арбециона 18, 3.

Барды, народные певцы у кельтов, воспевавшие славу героев 15, 9, 8.

Басс, префект города Рима, бурные волнения черни во время его управления 17, 11, 5.

Батна, важный центр восточной торговли 14, 3, 3.

Беллен, царевич племени мазиков в Мавритании, казнен 29, 5, 21.

Беза, бог, чтимый в Фиваиде 19, 12, 3.

Безабда на Тигре, осада и взятие Сапором 20, 7; безуспешная попытка Констанция отвоевать ее 20, 11, 6.

Библиотека Александрийская 22, 16, 12. {*547*}

Бинез, персидский сатрап, выдан заложником в обеспечение мирного договора 25, 7, 13; послан для принятия под власть Сапора уступленных Иовианом городов и областей 25, 9, 1.

Битерид, знатный аламанн, получивший от Валентиниана командование легионом римской армии 29, 4, 7.

Борисфен (Днепр), его истоки и течение 22, 8, 40.

Боспор в Тавриде (Керчь), посольство боспорян к Юлиану в Константинополь 22, 7, 9; до него доходили аланы в своих кочевках 31, 2, 21.

Брахманы, от их мудрости заимствовал Зороастр 23, 5, 32–36; особая их походка между жертвенниками 28, 1, 13.

Бриганция, озеро, ныне Боденское, его описание 15, 4, 3.

Британия, доставка хлеба из Британии в Галлию 18, 2, 2; грабежи пиктов и скоттов; экспедиция Лупицииа по приказанию Юлиана 20, 1; набеги и грабежи пиктов, саксов, скоттов и атакоттов при Валентиниане 26, 4, 5; экспедиция Феодосия 27, 8; Британия, как место ссылки 28, 3, 4.

Бургунды, германское племя, жившее к востоку от аламаннов 18, 2, 15; раздоры их с аламаннами из-за соляных варниц, чем воспользовался Валентиниан, чтобы вовлечь их в войну с аламаннами 28, 5, 9; цари их носят имя hendinos, а жрец – sinistus. Бургунды считали себя в родстве с римлянами 28, 5, 14.

Буцинобанты, аламанское племя напротив Могонциака (Майнца) 29, 4, 7, см. Фрамоарий.

Вадомарий, царь аламаннов, набег его в Галлию 14, 10, 1, с соизволения Констанция считался вассалом Рима и являлся ходатаем за других царей 18, 2, 16; Констанций давал ему поручения против Юлиана 21, 3; Юлиан схватил его и препроводил в Испанию 21, 4; впоследствии он был duксом Финикии 21, 3, 5; командовал римскими войсками против Прокопия 26, 8, 2, и Сапора 29, 1, 2.

Валентиниан, его избрание в Никее 26, 1; принятие императорского сана 26, 2, 3; болезнь и следствие по этому поводу 26, 4, 4; раздел с Валентом 26, 4, 3; 5, 1–4; провозглашение соправителем Грациана 27, 6, 4; его жестокость 27, 7; поход против аламаннов 27, 10; меры охраны границы на Рейне 28, 2; сношения с бургундами 28, 5, 9–15; жестокие поступки императора 29, 3; попытка овладеть Макрианом 29, 4; сборы в

поход против аламаннов и мир с Макрианом 30, 3; поход из Трира в Паннонию 30, 5; предзнаменования его смерти 30, 5, 16–19, прием посольства квадов и смерть императора 30, 6; его характеристика 30, 7.

Валентиниан II, провозглашение его императором 30, 10.

Валент, провозглашен императором в Гебдоме 26, 4, 3; корыстолюбие его тестя Петрония 26, 6, 7; война с Прокопием 26, 8; война с готами за Дунаем 27, 5; сношение с Сапором по вопросу об Армении; раздел Иверии между Савромаком и Аспакуром 27, 12; дело Феодора и страшные казни 29, 1; процессы о колдовстве и стремлении к верховной власти 29, 2; дела в Армении 30, 1; сношения с Сапором по вопросу об Армении и Иверии 30, 2; предсказания его гибели 31, 1; прибытие во Фракию 31, 11, 1; переговоры с готами 31, 12; личное участие в битве и смерть 31, 13; его характеристика 31, 14.

Валентин, паннонец, его попытка бунта в Британии 28, 3, 4.

Валериан, первый в корпусе доместиков, пал в битве с аламаннами 27, 10, 16.

Варрониан, комит, отец Иовиана 25, 5, 4.

Вертурионы, племя пиктов 27, 8, 5.

Вестральп, царь аламаннов 16, 12, 1; 18, 2, 16.

Ветеранион, претендент, преданный Гумоарием 15,1, 2; 21, 8, 1.

Вивенций, квестор, производит следствие о болезни императора 26, 4, 4.

Видуарий, царь квадов 17, 12.

Виктогалы, готское племя 17, 12, 19.

Виктор, сармат по происхождению, комит, командир арьергарда в походе Юлиана 24, 1, 2; рекогносцировка его до Ктесифона 24, 4, 13; личное участие в битве 24, 6, 13; в звании магистра пехоты ведет сношения с Сапором 31, 7, 1; на {*548* } военном совете высказывается против немедленной битвы с готами 31, 12, 6; ушел с поля битвы 31, 13, 9.

Витаксы, начальники конницы у персов 23, 6, 14.

Витерик, царь готов 31, 4, 12.

Витикабий, сын царя аламаннов, предательски убит Валентинианом 31, 7, 7.

Витимир, царь готов 31, 3, 3.

Витродор, царь квадов, сын царя Видуария 17, 12, 21.

Високосный год, объяснение вставки дня 26, 1, 8–14.

Восток, описание провинций 14, 8.

Габиний, царь квадов, вероломно убит на пиру 29, 6, 5.

Гадания Юлиана 24, 1.

Гадание с блюдцем 29, 1, 30.

Гадание у алан 31, 2, 24.

Георгий, патриарх Александрии, его казнь самосудом черни 22, 11.

Галлия, описание провинций и перечисление важнейших городов 15, 11.

Галлы, свидетельства о происхождении народа 15, 0; их нравы 15, 12.

Галл Цезарь, его правление на Востоке и поведение 14, 1; вызов к императору, свержение и казнь 14, 11.

Гариобавд, царь аламаннов, брат Макриана 18, 2, 18.

Гауденций, имперский агент 15, 3, 8; 16, 8, 3; нахождение в Галлии для наблюдения за Юлианом 17, 9, 7; отправлен в Африку 21, 7, 3; казнен Юлианом 22, 11, 1.

Гезихия, знатная матрона, лишила себя жизни удушением во

избежание суда 28, 1, 47.

Гений римского государства, явление его Юлиану 20, 5, 10; 25, 2, 3–4. 47.

Географические экскурсы: описание провинций Востока 14, 8; о происхождении галлов 15, 2; описание проходов через Альпы 15, 10; описание провинций, на которые делилась Галлия 15, 11; характеристика галлов 15, 12; описание Фракии и областей к северу от Евксинского Понта 22, 8; описание Египта 22, 15; описание Персии и примыкающих к ней стран 23, 6.

Гильдон, брат Фирма, мавританский царевич 29, 5, 6.

Гиппопотамы, их смышленость 22, 15, 21.

Гортарий, знатный аламанн, поставлен командиром легиона, а затем сожжен живым за сношения с соплеменниками 29, 4, 7.

Гортарий, царь аламаннов 16, 12, 1; набег Юлиана в его землю и заключение мира 17, 10; верный союзник Рима 18, 2, 2; 13.

Готы, война с ними Валента и его походы 27, 5; нашествие гуннов на остготов 31, 3; вестготов 31, 3; переход вестготов через Дунай 31, 4; эпизод в Маркианополе 31, 5; грабежи и разбои во Фракии 31, 6; организация борьбы против них и военные действия 31, 7; выступление Валента и битва при Адрианополе 31, 12; осада Адрианополя 31, 15; эпизод под стенами Константинополя 31, 16.

Грациан, провозглашение императором 27, 6, 4; участие в походе на аламаннов 27, 10, 10; поход его на лентиензов 31, 10, 3.

Гревтунги, другое имя остготов 31, 3, 1.

Грумбат, царь хионитов, славный воитель, союзник Сапора 18, 6, 22; подъезжал к стенам Амиды для переговоров, причем римский снаряд убил его сына 19, 1.

Гумоарий, магистр конницы, сменивший в командовании Лупицина 20, 9, 5; Юлиан назначил вместо него Невитту 21, 8, 1; командовал летами на стороне Констанция 21, 13, 16; вновь призван на службу Прокопием 26, 7, 4; поставленный во главе военных сил, бездействовал и сдался Валенту 27, 9, 1.

Гундомад (Гундомар), царь аламаннов 14, 10, 1; набеги в Галлию; заключил мир с Констанцием, но был убит своими 16, 12, 17.

Гунны, их характеристика 31, 2; борьба с остготами 31, 3, 1–3; – с вестготами 31, 3, 4–8.

Дагалайф, комит доместиков, назначен Юлианом 21, 8, 1; захватил в Сирмии магистра конницы Луциллиана 21, 9, 6; командир арьергарда в походе на {*549* } персов 24, 1, 2; ведет инженерные работы при осаде Майозамальхи 24, 4, 13; агитирует за выборы в императоры по смерти Юлиана человека известного на западе 25, 5, 2; его совет Валентиниану насчет соправителя 26, 4, 1; действует против аламаннов 26, 5, 9; консул вместе с Грацианом в 366 году 26, 9, 1.

Даик, река Яик (Урал) 23, 6, 63.

Дамас, римский папа; роскошные условия жизни папы 27, 3, 11–15.

Дезертир – солдат конного отряда, родом из Паризиев, бежавший в Персию; на разведках попался навстречу Урзицину и был убит 18, 6, 16; дезертиры из военных частей в Мавритании сожжены живыми Феодосием 29, 5, 31; тот же Феодосий вызывал в Британии дезертиров под знамена с обещанием безнаказанности их преступления 27, 8, 10.

Диогмиты, туземные полицейские солдаты в греческих городах восточных провинций империи 27, 9, 6.

Диодор, комит, убитый чернью в Александрии 22, 11, 9.
Диокл, комит финансов в Иллирике, сожжен живым 27, 7, 5.
Домициан, б. комит финансов, послан к Галлу-Цезарю, растерзан солдатами 14, 7, 9.
Дразиды – друиды; их учение о бессмертии души 15, 9, 8.
Драконций, префект монетного двора в Александрии, растерзан чернью за разрушение жертвенника 22, 11, 9.
Дунай, описание его устья 22, 8, 44.
Евагрий, комит императорской казны, сослан по приговору суда в Халкедоне 22, 3, 7.
Евнухи, изобретательница оскопления царица Семирамида 14, 6, 17; дурные качества их натуры 16, 7, 4–10.
Евпраксий, магистр канцелярии рескриптов, произведен в квесторы 27, 6, 14; своими разъяснениями задержал действие жестоких распоряжений Валентиниана 28, 1, 25.
Евсевия, жена Констанция, защитила Юлиана 15, 2, 8; молва обвиняла ее в том, что у Елены, жены Юлиана, случился выкидыш 16, 10, 18; ее смерть 21, 6, 4.
Евсевий, препозит опочивальни Констанция, евнух, послан в Кабиллон успокоить возмущение солдат 14, 10, 5; большой интриган 14, 11, 2; человек весьма корыстный 16, 8, 13; назначен произвести следствие о виновных по делу Галла-Цезаря 15, 3, 2, причем выказал большую жестокость; член следственной комиссии по делу о сдаче Амиды 20, 2, 3; казнен по приговору судебной комиссии в Халкедоне 22, 3, 7.
Евтерий, евнух, препозит спальни Юлиана в Галлии, почтенный человек, доживавший свой век в Риме 20, 8, 19.
Езайя, знатный римлянин, казненный за прелюбодеяние с Руфиной 28, 1, 44.
Забдицена, область в Месопотамии 25, 7, 9.
Затмение Солнца и объяснение этого явления 20, 3.
Землетрясение в Азии и объяснение этого явления 17, 7; землетрясение на море 26, 10, 15–19.
Зианны, легион 25, 1, 19.
Зизаис, царь сарматов, признание его Констанцием 17, 12, 9; 20, 13, 30.
Зинафр, царь сарматов 17, 12, 11.
Зороастр, распространитель магии 23, 5, 32.
Жемчуг, его происхождение и ловля 23, 6, 85.
Иверия (Грузия) разделена на два царства 27, 12, 17.
Игмазен, царь исафлензиев в Мавритании 29, 5, 46.
Исавры, их разбои 14, 2; 19, 13; 27, 9.
Иерусалимский храм, попытка Юлиана его отстроить 23, 1.
Иовиан, император, его избрание 25, 5; отступление к римской границе из Персии 25, 6; переговоры о мире с персами 25, 7; заключение мира 25, 7, 12–13; беспорядочное отступление римского войска 25, 8; возвращение на римскую территорию 25, 8, 7; смерть Иовиана в Дадастане 25, 10, 12. {*550* }
Иовиан, нотарий, его военный подвиг, казнь 24, 4, 23; 25, 8, 18.
Иовиниан, сатрап Кордуэны; пребывание у него Аммиана Марцеллина 24, 8.
Иовин, магистр конницы, послан Юлианом с войсками в Италию 21, 8, 3; откомандирован к Аквилее 21, 12, 16; командует в Иллирике 22, 3, 1;

в Галлии 25, 8, 11; попадает в число комитов Валентиниана 26, 5, 2; действует против аламаннов, вторгшихся в Галлию 27, 2; отправлен в Британию 27, 8, 2.

Кавкаланд, горная страна (Трансильванские горы) 31, 4, 13.

Кампенсий, гаруспик, привлечен к ответственности по обвинению в отравительстве сожжен живым 28, 1, 29.

Карпы, народ, живший на левом берегу нижнего Дуная 28, 5, 5; часть их переселена Диоклетианом в Паннонию 28, 1, 5.

Квады, германское племя в соседстве с Паннонией, их вторжения 16, 10, 20; 17, 12; заключение мира 17, 12, 21; набеги 26, 4, 5; 29, 6; посольство к Валентиниану и его прием 30, 6.

Карраго, готское слово – обоз 31, 7, 7.

Кассиева гора близ Антиохии, на которой Юлиан совершал жертвы богу Солнца 22, 14, 4.

Кассиан, дукс Месопотамии; встретил армию по возвращении из персидского похода 25, 8, 7.

Кастор, африканец, сожжен живым за участие в преступлениях Романа 29, 5, 50.

Кизик, город на Пропонтиде, взятие его Прокопием 26, 8, 6–11.

Кларитас, римская матрона, казнена за прелюбодеяние 28, 1, 28.

Колия, готский князь на римской службе 31, 6, 1.

Кометы, ученые объяснения 25, 10.

Константина, дочь имп. Константина, жена Галла-Цезаря, побуждавшая мужа к жестокости 14, 1.

Констанция, дочь Константина от Фаустины, родившаяся по его смерти, впоследствии супруга Грациана 21, 15, 5; вместе с матерью попала в руки Прокопия 26, 7, 10; едва не попала в плен к квадам близ Сирмии 29, 6, 7.

Констанций, император, его пристрастность в процессах об оскорблении величества 14, 5; поход против германцев и заключение мирного договора 14, 10; суд над Урзицином 15, 2; суд над соучастниками в преступлениях Галла-Цезаря 15, 3; посещение Рима 16, 10; поход на сарматов и квадов 17, 12; заключение мира 17, 12, 11; избиение сарматов-рабов 17, 13, 1–4; речь к солдатам 17, 13, 26; поход против лимигантов-сарматов и их истребление 19, 11; процессы об оскорбления величества 19, 12; интриги против Урзицина 20, 2; интриги против Юлиана 20, 4; выход на Восток, безуспешная осада Безабды 20, 11; женитьба на Фаустине 21, 6, 4; пребывание в Антиохии 21, 6; смерть Констанция 21, 15; его характеристика 21, 16.

Костобоки, народ, живший к северу от нижнего течения Дуная 22, 8, 42.

Краугазий, знатный гражданин Нисибиса, бежал к Сапору из любви к попавшей в плен жене 19, 9.

Крокодилы, своеобразные черты этого животного, его враги и друзья 22, 15, 15–20.

Лагариман, вождь вестготов 31, 3, 5.

Латин, комит доместиков, аламанн по происхождению 14, 10, 8.

Левка, остров, где обитал Ахилл 22, 8, 35.

Лентиензы, племя аламаннов, война с ними под командованием Арбециона 15, 4; набеги их в Рэцию и поход Грациана 31, 10.

Леты, аламанны, переселившиеся на римскую территорию в Галлии, обязаны военной службой 16, 11; их разбойничий набег на Лугдун 16, 11,

4; обещание Юлиана доставлять летов Констанцию для укомплектования схол 20, 8, 13.
Либерий, римский папа, сослан за отказ присоединиться к осуждению Афанасия Александрийского 15, 7, 6.
Лоллиан, сын б. префекта Лампадия, казнен за переписку книги о чародействе 28, 1, 26. {*551* }
Лупицин, магистр конницы в Галлии при Юлиане 18, 2, 7; послан в Британию 20, 1, 1; вернулся после переворота 20, 9, 9; заменен Гумоарием 20, 9, 5; магистр на Востоке 26, 5, 2; состоит при Валенте 26, 9, 1; заведует переправой готов 31, 4, 9; неудача в битве с готами 31, 5, 9.
Львы в Месопотамии, отчего они слепнут 18, 7, 5.
Маги и их учение 23, 5, 32–36.
Макриан, царь аламаннов 18, 2, 15; попытка Валентиниана захватить его 29, 4.
Максим, философ, учитель и друг Юлиана 22, 7, 3; казнен 29, 1, 42.
Максимин, его карьера 28, 1, 5; префект хлебоснабжения, получил поручение произвести следствие 28, 1, 10; деятельность его на западе 29, 3, 1–2.
Маллеолы, огненосные снаряды 21, 12, 10; 23, 4, 14.
Маратокупрены, разбойники в Сирии, называвшиеся так от имени селения близ Апамеи, их разбои и коварства 28, 2, 11–14.
Марк, гаруспик в Риме, знал о событии в Никомедии в тот же день 26, 1, 5.
Марцелл, протектор, родственник Прокопия, продолжает бунт и по его смерти, схвачен и казнен 26,10.
Маяк в Александрии, построенный Клеопатрой 22, 16, 9.
Медики, слава александрийской врачебной школы 22, 16, 18.
Меробавд, магистр армии Валентиниана, виновник провозглашения императором Валентиниана 30, 10; послан на помощь Валенту 31, 7, 4.
Метеор, изъяснение этого явления 25, 2, 5.
Мидийское масло 25, 5, 37.
Монций, квестор Галла-Цезаря, растерзан солдатами 14, 7, 12–18.
Набдата, знатный перс, комендант Майозамальхи, взят в плен; сожжен живым 24, 5, 4.
Нанниен, комит, не в силах отразить саксов, просит помощи у императора 26, 5, 2; разбил аламаннов 31, 10, 6.
Нафта 23, 6, 38.
Небридий, комит Востока 14, 2, 20; квестор при Юлиане, назначен магистром оффиций 20, 95; не присягнул Юлиану и вышел в отставку 21, 5, 11; префект претория при Валентиниане, заключен в тюрьму Прокопием 26, 7, 4.
Невитта, франк по происхождению, консул года 362 года 21, 10, 8; занял проход Сукки 21, 10, 2; член судебной комиссии 22, 3, 1; участвовал в персидском походе 24, 1, 2; 25, 5, 2.
Никомедия, главный город Вифинии, ужасы землетрясения 17, 7.
Нисибис, город, сданный персам 25, 8; 25, 9.
Обелиск, разъяснение идеи этого вида сооружений, доставка обелиска из Александрии и постановка в цирке в Риме; перевод иероглифических надписей на нем 17, 4.
Олибрий, префект города Рима 28, 1, 8.
Ормизда, персидский царевич на римской службе, в свите Констанция при посещении Рима 16, 10, 16; в походе с Юлианом 24, 1, 2;

8; 2, 4; 11; 20; 5, 4.
Ормизда, сын предшествующего, командир на службе у Прокопия 26, 8, 12.
Органы гидравлические, музыкальные инструменты 14, 5, 18.
Павел, нотарий по прозвищу Катена, большой мастер в интригах 14, 5, 6, сожжен живым 22, 3, 10.
Палладий, магистр оффиций Галла-Цезаря, сосланный в Британию по приговору суда, составленного в Халкедоне Юлианом 22, 3, 3.
Палладий, трибун и нотарий, отправленный в Африку для расследования злых дел Романа, подкуплен последним; когда дело раскрылось, повесился 28, 6, 12; 16–25.
Пальмы, способ их оплодотворения 24, 3, 12.
Пара, царь армянский, водворен римской силой 27, 12, 9; вызов его ко двору, бегство, убийство его 30, 1.
Пасифил, молодой философ, сожжен живым по делу Феодора 29, 1, 36. {*552* }
Пентадий, нотарий 14, 11, 21; магистр оффиций Юлиана, послан с поручением к Констанцию 20, 8, 19; привлечен к ответственности за участие в деле Галла-Цезаря 22, 3, 5.
Персы, описание царства персидского и соседних областей 23, 6; нравы и обычаи персов 23, 6, 75–84; вторжение Сапора в римские переделы в 359 году 18, 7; пленение жены Краугазия 18, 10; отношение Сапора к монахиням 18, 10, 4; осада и взятие Амиды 19, 1–8; казни пленных; поход Сапора в 360 году, осада и взятие Сингары и Безабды 20, 7; война Юлиана в Персии 24, 1–8; условия мира с Иовианом 25, 7; дипломатические сношения Сапора с Коистанцием 16, 9; с Валентом 30, 2. Предзнаменования смерти Констанция 21, 14; вера самого Аммиана в предзнаменования и ученое их толкование 21, 1; предзнаменования перед походом Юлиана в Персию 23, 1; в Антиохии 25, 10; предзнаменования смерти Валента 31, 3; смерти Валентиниана 30, 16–19; нашествия готов 31, 1, 5.
Приарий, царь аламаннов, пал в битве 31, 10, 10.
Проб, происходивший из самой высшей римской знати, префект претория в Иллирике 27, 11, 1; испугавшись вторжения сарматов, хотел бежать из Сирмии 29, 6, 9; карьера и характер Проба 27, 11.
Письмо царя Сапора к имп. Констанцию 17, 5, 3–8.
» Констанция к царю Сапору 17, 5, 10–14.
» Прокопия к Урзицину 18, 6, 18.
» Юлиана к Констанцию 20, 8, 5–17.
Пицензы, племя сарматов-рабов 17, 13, 19.
Пикты, вторжения их в римскую Британию 20, 1, 1; 27, 8, 5.
Пирамиды, этимология слова и описание 23, 15, 28.
Присяга Юлиану солдат и чинов 21, 5, 10.
Прокопий, родом из Киликии, в родстве с Юлианом, остался в Месопотамии во время выступления Юлиана против персов 26, 6, 1; вынужден был скрываться после воцарения Валента 26, 6, 2–10; выступил претендентом в Константинополе 26, 6, 12; организация борьбы с Валентом 26, 7; успехи; измена Гумоария и войск, выдача Прокопия и его казнь 26, 9.
Профутур, комит, посланный вместе с Траяном против готов 31, 7, 1.
Провертвид, вождь римских войск, отправленный в Британию 27, 8, 2.
Пурпур воспрещен для частных лиц, уголовное преследование

дьякона Мараса 14, 9, 7; дело в Аквитании 16, 8, 8; донос Юлиану 22, 9, 10; Сильван, объявив себя императором, временно воспользовался пурпуром, снятым с знамен-драконов 15, 5, 16. – На приемах император давал целовать полу своего пурпурного плаща, обычай заведен Диоклетианом.

Ра, река (Волга), одноименная с растением, важным в медицине 22, 8, 28.

Рабанны, народ в Серике (Китай) 23, 6, 66.

Радуга, объяснение этого явления 20, 11, 26.

Рандон, царь аламаннов, сделавший удачный набег на Могонциак (Майнц) 27, 10, 1.

Регимена, провинция за Тигром, одна из пяти уступленных Иовианом Сапору 25, 7, 9.

Ремигий, казначей при магистре пехоты, допрошен по делу о слухе насчет сокровищ, попавших будто бы к нему после гибели Сильвана 15, 5, 36; позднее магистр оффиций 27, 9, 2; мироволил Роману в его злоупотреблениях в Африке 28, 6, 8; не допускал до доклада оправдания Фирма 29, 5, 2; лишил себя жизни уже в отставке, когда грозили выйти наружу его преступления 30, 2, 12.

Рим, его памятники, поразившие Констанция 16, 10; характеристика нравов населения 14, 6; бунт при Тертулле 19, 10; беспорядки при Лампадии 27, 3, 5–10; наводнение 373 года 29, 6, 17–19.

Рихомер, комит доместиков Грациана, послан во Фракию 27, 9; уходит назад в Галлию 31, 8, 2; является к Валенту послом от Грациана 31, 12, 4. {*553*}

Роман, комит Африки, допускает различные злоупотребления 27, 9; его нечестное поведение относительно жителей Лептиса 28, 6; отношение к Фирму 29, 5; самоубийство Романа 28, 6, 29.

Румон, знатный сармат 17, 12, 11.

Руфина, жена имперского агента Марцелла, казнена за прелюбодеяние и ложный донос 28, 1, 44.

Руфин, начальник канцелярии преторианского префекта 15, 3, 8, казнен за интриги и ложные доносы.

Руфин, преторианский префект Галлии, дядя Галла-Цезаря 14, 10, 4; 11, 27; в звании префекта претория заместил Мамертина 27, 7, 2.

Руриций, правитель провинции в Африке, без вины казнен 28, 6, 23.

Рустик Юлиан, начальник канцелярии рескриптов, намечался как достойный быть императором во время болезни Валентиниана 27, 6, 1–2.

Речи имп. Констанция к войскам 14, 11, 11; 21, 13, 11–15; во время провозглашения Юлиана Цезарем 15, 8, 5; Юлиана 21, 5, 2–8; перед битвой при Аргенторате 16, 12, 9–11; к войскам во время похода 23, 5, 16–23; 24, 3, 4–7; имп. Валентиниана к войскам после избрания в императоры 26, 1, 6–10; во время провозглашения императором его сына Грациана 27, 6, 69; Прокопия к войскам 27, 6, 6–9.

Саансаан и Пирозен, персидские слова: царь царей и победитель в битвах 19, 2, 11.

Сабайя, напиток из ячменя, употреблявшийся в Иллирии, отсюда насмешливое прозвище Валента – Сабайярий 26, 8, 2.

Сабиниан, магистр конницы, сменивший Урзицина, бездеятельный и непредприимчивый; Аммиан обвиняет его в неудачах римского оружия в войне с персами 18, 6; 7, 6; 19, 3, 2; 20, 2, 3.

Савромак, царь Иверии 27, 12, 17.

Саксы, неожиданность их нападений 28, 2, 12; соседи франков 27, 8, 4; нападения на Британию 26, 4, 5; нападения с моря на Галлию; предательское избиение их шайки римскими войсками 28, 5.

Сапор, царь персидский, см. персы.

Сатурнин, магистр армии в войне с готами 31, 8, 3.

Сарацины, их быт и нравы 14, 4; сценитские арабы 22, 15, 2; сарацины-ассаниты, союз Юлиана с сарацинами 23, 3, 8; часть племени на стороне персов 25, 1, 3; 25, 6, 9; стычка с готами 31, 16, 5.

Сарматы, племя иранского корня, жившее в местностях левого берега среднего течения Дуная, в ближайшем соседстве и общении с квадами. Сарматы делились на «свободных» и «рабов»; последние называются также лимиганты 17, 13; 19, 11; их грабежи в Верхней Мезии и Второй Паннонии при Констанции 16, 10, 20; при Валентиниане; поход Констанция 17, 13; заняли новые места, подальше от римской границы, но покинули их 19, 11, 1; вторая экспедиция Констанция 19, 11; набег в Паннонию и успешные действия Феодосия 29, 6, 8.

Сафрак, опекун, остготского царя 31, 33; участвует в битве при Адрианополе 31, 12, 17.

Свиная голова, вид боевого построения 17, 13, 9.

Себастиан, комит и дукс Египта; участвует в походе Юлиана в Персии 23, 3, 5; 25, 8, 7; оставлен в Месопотамии с Прокопием 26, 6, 2; участвует в походе Валентиниана за Рейн 27, 10, 6; в Паннонии с Меробавдом 30, 5, 13; очень популярен в армии 30, 10, 3; прислан Валенту из Италии и командует пехотой 31, 11, 1; вступил в Адрианополь 31, 11, 3, пал в битве с готами 31, 13, 18.

Север, магистр конницы в Галлии 16, 11, 1; участвует в битве при Аргенторате 16, 12, 27; в походе на франков 17, 8, 4; отставка 18, 2, 7; выставлен кандидатом в императоры во время болезни Валентиниана 27, 6, 3; послан в Британию {*554* } 27, 8, 2; участвует в походе Валентиниана на аламаннов 27, 10, 6, и набеге на Макриана 29, 4, 3.

Серапион, царь аламаннов, командовал в битве при Аргенторате 16, 12, 23.

Сильван, магистр пехоты, сын франкского царя Бонита, интриги против него, его восстание и гибель 15, 5.

Скорпион, военное орудие 23, 4, 4–6.

Скотты, дикое племя на севере Британии 20, 1, 1; 27, 8, 5.

Соборы христианских епископов, частые при Констанции, суждение о них Аммиана 21, 16, 18.

Судебные дела при дворе Цезаря Галла 14, 5; 14, 7; Констанция 15, 3; 15, 6; 19, 12; Юлиана 22, 3; Валента 26, 10; в городе Риме 28, 1; в Антиохии 29, 1, 5–44.

Суомарий, царь аламаннов 16, 12, 1; заключает мир с Юлианом 17, 10, 3; 18, 2, 8.

Сферид, готский князь, на римской службе 31, 6, 1.

Тавр, префект претория, сослан по приговору суда в Халкедоне 22, 3, 4.

Тагет, изобретатель ауспиций 21, 1, 10; книги Тагета 17, 10, 2.

Таран, описание орудия 23, 3, 8; персидский таран, брошенный в Каррах, употреблен в дело Констанцием при осаде Безабды 20, 11, 11.

Тайфалы, народ готского племени, живший близ Дуная к западу от вестготов, в соседстве с сарматами 18, 13, 20; вторжение в Иллирик; часть племени поселена в северной Италии 31, 9.

Тамсапор, персидский вельможа, командовавший персидскими военными силами в пограничных областях; через него завязались дипломатические сношения Констанция с Сапором 17, 5, 2; сношения с ним Антонина 18, 5, 3; с армией в 20 тыс. человек перешел границу 18, 8, 3.

Теренций, член корпорации хлебников Рима, правитель провинции Тусции 27, 3, 2.

Теренций, дукс, затем комит, водворил царя Пару на армянском престоле 27, 12, 10; интрига его против Пары 30, 1, 2.

Тертулл, префект города Рима 19, 10, 1; докладывал в сенате обличительную речь Юлиана на Констанция, встреченную всеобщим негодованием 21, 10, 7.

Талассий, префект претория Востока, не сдерживал свирепости Галла-Цезаря 14, 1, 10; доносил Констанцию на Галла 14, 7, 9; примирение с ним Юлиана 22, 9, 17.

Тервинги, другое имя вестготов 31, 3, 4.

Тиара, головной убор персидских вельмож, предоставление права носить тиару перебежчику Антонину 18, 5, 6; 18, 8, 5.

Токсиандрия, город на римской земле, близ которого прочно обосновались франки 17, 8, 3.

Траян, комит, выслан вместе с Вадомарием во главе римских войск против Сапора 29, 1, 2; в Армении, состоя во главе римских войск, исполнил приказ Валента убить царя Пару 30, 1, 18; действует против готов 31, 7, 1; пал в битве 31, 13, 18.

Треножник, сработанный из лавровых прутьев для гадания с блюдечком 29, 1, 29.

Триполис, провинция в Африке, бедствия этой страны от разбоев соседних диких племен и злоупотреблений римских чиновников 28, 6.

Удушение, казнь по приговору суда 29, 1, 38.

Ультра, сын Аспакура, царя Иверии, состоял заложником у Сапора 27, 12, 16.

Урий, царь аламаннов 16, 1, 1; 18, 2, 18.

Урзицин, царь аламаннов 16, 1, 1; 18, 2, 18.

Урзицин, магистр конницы на Востоке, а течение десяти лет охранял границу от персов 18, 6, 2; производит следствие о привлеченных к ответственности Галлом-Цезарем 14, 9, 1; интриги против него при дворе 14, 11, 12; обвинение в оскорблении величества 15, 2; отправлен в Галлию против Сильвана 15, 5, 18; отправлен вторично на Восток, но интриги при дворе вызвали назначение Сабиниана главнокомандующим против персов 18, 4, вызван в Италию, получил приказ вернуться назад на Восток 19, 3; безуспешно старается помочь Амиде; отдан под суд и смещен 20, 2; сын его Потенций убит в битве при Адрианополе 31, 13, 18. {*555* }

Урсин, соперник Дамаса, побежденный им в споре о римском епископском троне 27, 3, 11.

Урсул, комит казначейства 16, 8, 5; в свите Констанция на развалинах Амиды 20, 11, 5; казнен по приговору суда в Халкедоне 22, 3, 7.

Франки, в множестве на службе при дворе 15, 5, 8; салийские, поход против них Юлиана 17, 8, 3.

Фарнобий, готский князь, его набег с готами и тайфалами в Иллирик, пал в бою 31, 4, 12; 9, 4.

Фаузиана, знатная римская матрона, осуждена за прелюбодеяние и

казнена 28, 1, 49.
Фаустина, третья жена Констанция; дочь от нее родилась по смерти отца 21, 15, 5.
Фестин, родом из Тридента, человек низкого происхождения, достигший сана проконсула Азии, его жестокие казни 29, 2, 22–28.
Феодор, нотарий, человек, имевший безупречную репутацию, указанный гаданием как будущий император; привлечен к ответственности и казнен; в число замешанных включено было очень много лиц, и казни имели свирепый характер 29, 1, 8.
Феодосий, трибун, затем дукс, успешно действовал в Британии 27, 8; 28, 3; в звании магистра конницы послан в Африку, где успокоил волнение, вызванное Фирмом 29, 5.
Феодосий, будущий император, дукс Мезии 29, 6, 15.
Феофил, правитель Сирии, растерзан чернью в Антиохии 14, 7, 5; 15, 13, 2.
Фирм, мавританский царевич, сын Нубеля, вождь восстания и виновник большой войны в провинции Мавритании, кончил жизнь повешением 29, 5.
Флоренций, префект претория в Галлии, не желавший поддержать Юлиана 20, 8, 20; заочно приговорен к смерти 22, 3, 4.
Флавиана, знатная римская матрона, казнена вместе с Кларитас за прелюбодеяние, палач одну из них обнажил по дороге на казнь и был за это сожжен живым 28, 1, 28.
Фраомарий, поставлен Валентинианом царем аламаннского племени буцинобантов, а затем командиром аламаннского легиона в Британии 29, 4, 7.
Фригерид, магистр армии Грациана, послан к Валенту 31, 7, 5; встреча с тайфалами в Иллирике 31, 9; укрепляет проход Сукки, замещен Мавром 31, 10, 20.
Фритигерн, вождь вестготов 31, 5, 6.
Фуллофавд, римский командир в Британии, пал в битве с варварами 27, 8, 1.
Фунарий, прозвище отца имп. Валентиниана 30, 7, 2.
Хамавы, германское племя на нижнем Рейне, победа над ними Юлиана.
Хариеттон, трибун при Юлиане; позднее комит обеих Германий, пал в бою с аламаннами 27, 1, 2.
Хилон, бывший викарий, его жалоба префекту Рима 28, 1, 8.
Хиониты, народ, соседствовавший с Персией, в войне с Сапором 16, 9, 4; в союзе с ним 17, 5, 1; участвуют в походе и осаде Амиды; их погребальный обряд 19, 1, 10–11.
Хонодомарий, царь аламаннов, взят в плен в битве при Аргенторате и умер в плену в Риме 16, 12, 58.
Цезарий, префект Константинополя 26, 7, 4.
Цезий, счетный чиновник при магистре конницы, уведен в числе других в плен Сапором после взятия Амиды 19, 9, 2.
Целестин, казнен в Африке по обвинению в злоупотреблениях 28, 5, 22.
Цецилий, состоявший в должности советника при Романе в Африке; послан в Рим, чтобы предупредить раскрытие злоупотреблений 28, 5, 21; на пытке разъясняется виновность Романа 28, 5, 29.
Цивилис, вызван Феодосием в Британию на пост префекта 27, 8, 10.

Цэлийский холм в Риме, где были казармы для иноплеменных солдат 16, 12, 66.
Чума, ученые объяснения этой болезни 19, 4.
Этрусские гаруспики на службе Юлиана 23, 5, 10; их ритуальные книги. {*556* }
Эрменрих, царь готов 31, 3.
Эквиций, один из кандидатов, намечавшихся в императоры по смерти Юлиана 26, 1, 4; в звании комита получил командование армией в Иллирике 26, 5, 3; меры, принятые им против Прокопия 26, 5, 11.
Юлиан, возведение его в сан Цезаря 15, 8; отъезд в Галлию 15, 8, 3; первый поход на Рейн 16, 2; его поведение и добродетели 16, 5, интриги при дворе 16, 6, поход на аламаннов совместно с Барбационом 16, 11; битва при Аргенторате 16, 12; третий поход на аламаннов 17, 1; встреча с франками; заботы об облегчении податного бремени в Галлии 17, 3; война с франками 17, 8; неудовольствия солдат 17, 9; поход на аламаннов, царь Гортарий 17, 10; интриги при дворе 17, 11; отправление правосудия 18, 1; восстановление крепостей на нижнем течении Рейна 18, 2; поход на аламаннов и заключение мирного договора с царями 18, 2, 8–19; мотивы и поводы принятия императорского титула 20, 4; видение 20, 5, 10; сношения с Констанцием 20, 8–9; поход на франков и верхний Рейн 20, 11; и пребывание в Виенне 21, 1, 1–6; предсказания успеха 21, 2; дела с аламаннами и захват Вадомария 21, 3–4; речь к солдатам 21, 5; поход против Констанция 21, 9–10; бунт в Аквилее и его подавление 21, 11–12; путь в Константинополь 22, 2; следствие и суд в Халкедоне 22, 3; отпадение от христианства и политика в отношении христиан 22, 5; пребывание в Антиохии 22, 9; жертвоприношения Юлиана 22, 12; 24, 6, 16; насмешки антиохийцев и раздражение Юлиана 22, 14; выступление в поход против персов 23, 2; поход в Персию 23, 3; 23, 5; 24, 1–3; речи к солдатам 23, 5, 16–23; 24, 3; смерть Юлиана 25, 3; предсмертная речь 25, 2, 15–20; характеристика 25, 4; погребение в Тарсе 25, 9, 12.
Юлий, комит во Фракии, захвачен и заточен Прокопием 26, 7, 5; в звании магистра за Тавром перебил всех готов, расквартированных по городам Азии 31, 16, 8.
Юстина, жена Валентиниана 30, 10, 4.
Ютунги, аламаннское племя, жившее к северу от Рэции; отражены экспедицией Барбациона 17, 6. {*557* }

II. Имена трибунов и солдат. [1099]

Абдигид, взят в плен персами близ Нисибиса 18, 6, 12.
Агилон, трибун конюшни, родом аламанн 14, 10, 8; трибун гентилов-скутариев, возведен в магистры конницы 20, 5, 2.
Айадальт, в свите Урзицина 18, 8, 10.
Ализон, отличившийся при взятии Кизика 26, 8, 9.
Антоний, командовавший во Внутренней Дакии 26, 5, 10.
Аринфей, трибун арматур, военный подвиг его в войне с лентиензами под командованием Арбециона 15, 4, 10.
Бальхобавд, трибун арматур, едва не погубил дело в битве с

1099 **1099.** В тех случаях, где не названа часть, в которой данное лицо было трибуном, опущено в указателе и самое слово трибун.

аламаннами 27, 2, 6.
Баппон, отличившийся в битве с лентиензами 15, 4, 10.
Барзимер, трибун скутариев 30, 1, 11; 16; пал в битве с готами близ Дибальта 31, 8, 9.
Бархальба, случайный сподвижник Прокопия, выдал его и был казнен 26, 9, 8.
Белловедин, отдан заложником персам 25, 13, 7.
Байнобавд, трибун скутариев 14, 11, 14.
Байнобавд, трибун корнутов 16, 12, 6, 9, пал в битве при Аргенторате 16, 12, 63.
Валентиниан, б. примицерий протекторов, трибун, подвергнут пытке по делу Арбециона 18, 3, 5.
Валентиниан 25, 10, 6.
Валериан, первый в корпусе доместиков 27, 10, 16.
Верениан, протектор-доместик 15, 5, 22; 18, 7, 11.
Виктор, выдан заложником персам 25, 13, 7.
Винценций, трибун скутариев 22, 11, 2.
Виталиан, служил в отряде герулов, перечислен в доместики, впоследствии комит 25, 10, 9.
Виталиан, солдат, опознанный Прокопием в строю 26, 7, 15.
Гариобавд, трибун на вакансии, послан Юлианом в землю аламаннов 18, 2, 2; 7.
Геркулан, протектор-доместик, сын магистра конницы 14, 10, 2.
Даниил, комит 30, 1, 11; 16.
Деценций, трибун и нотарий, послан Констанцием в Галлию, чтобы увести часть войск 20, 4, 2; 11; 8, 4.
Дисцен, трибун и нотарий, сделавший подсчет потерь Сапора под Амидой 19, 9, 9.
Иовиан, солдат, убитый молнией 23, 5, 12.
Иовиан, нотарий, отличившийся в битве у Майозамальхи 24, 3, 23.
Констанций, командирован для сдачи городов персам 25, 9, 12.
Констанциан, трибун царской конюшни, брат Юстины, жены Валентиниана, убит разбойниками в Галлии 28, 2, 10.
Ланиогайз, франк, свидетель смерти Константа в звании кандидата, друг Сильвана 15, 5, 16.
Лупицин, гентил, выбранный для начала боя 27, 10, 12.
Маврикий, послан с провиантом навстречу армии, возвращавшейся из Персии 25, 8, 7.
Мавр, знаменоносец петулантов, возложивший на Юлиана свою шейную цепь вместо короны 20, 4, 18; впоследствии комит, потерпел поражение при Сукках от готов 31, 10, 20.
Магн, отличившийся при взятии Майозамальхи 24, 3, 23.
Макробий, трибун легиона, пал в битве 25, 6, 3.
Максим, пал в бою 25, 6, 3. {*558* }
Маларих, франк, начальник гентилов 15, 5, 11, позднее магистр в Галлии 25, 8; отказался принять командование при Иовиане 25, 10, 6.
Маларих, трибун кремонской оружейной фабрики 15, 5, 9.
Маллобавд, франк, трибун арматур 14, 11, 21; друг Сильвана 15, 5, 6–9; впоследствии комит доместиков и царь франков 31, 10, 6.
Марин, до трибуната кампидуктор, служил в Сирмии, попал под суд и по дороге в Медиолан лишил себя жизни в Аквилее 15, 7, 10–11.
Меморид, послан Иовианом в Иллирик и Галлию с известием о

смерти Юлиана 25, 8, 7; 10, 6.

Натуспардо, скутарий, знаменитый боец 27, 10, 16.

Невитта, франк, трибун турмы; впоследствии магистр и консул 17, 6, 3.

Немота, отданный заложником персам 25, 13, 7.

Нестика, трибун скутариев 17, 10, 5.

Нигрин, трибун турмы, зачинщик бунта в Аквилее 21, 11, 2.

Палладий, трибун и нотарий, производит следствие в Африке по жалобе лептинцев на Романа 28, 6.

Полленциан, трибун, его чудовищное по дикости гадание, оставленное Валентом без наказания 29, 2, 17.

Потенций, трибун промотов 31, 13, 18.

Прокопий, послан в Галлию с известием о смерти Юлиана 25, 8, 7; 10, 6.

Прокул, доместик Сильвана 15, 6, 1.

Проспер 17, 4, 14; член посольства к Сапору 17, 14, 1.

Роман, трибун скутариев 22, 11, 2.

Румиталька, случайный сподвижник Прокопия 26, 8, 3.

Сальвий, скутарий, избранный начать битву 27, 10, 12.

Сениавх, командир турмы комитов 15, 3, 10; 25, 10, 6.

Серениан, комит доместиков, охранял казну 26, 8, 6.

Синтула, трибун конюшни Цезаря 20, 4, 3; 5, 1.

Скудилон, трибун скутариев, аламанн по происхождению 14, 10, 8; 11, 11.

Спектат, трибун и нотарий 17, 4, 14, член посольства к Сапору 17, 14, 1.

Тевтомер, франк, протектор-доместик 15, 3, 9.

Флоренций, предатель Прокопия, казнен 26, 9, 8.

Целла, трибун скутариев 16, 12, 6; убит в схватке с сарматами 19, 16, 11.

Экссуперий, храбрый солдат, выскочивший первым из подкопа при взятии Майозамальхи 24, 3, 23.

Эквиций, трибун первой схолы скутариев, впоследствии комит и консул 26, 1, 4.

Эквиций, родственник Валента, трибун и куратор дворца 31, 12, 15.

Юлиан, трибун легиона 25, 6, 3; 6. {*559* }

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Реконструкция скорпиона и баллисты (23, 4) с объяснением чертежа.
2. Карта фракийских областей по данным Аммиана Марцеллина (21, 8).
3. Карта Египта по данным Аммиана Марцеллина (22, 16).
4. Карта похода имп. Юлиана в Персию.
5. Карта Азии по Птолемею. {*560* }

СКОРПИОН

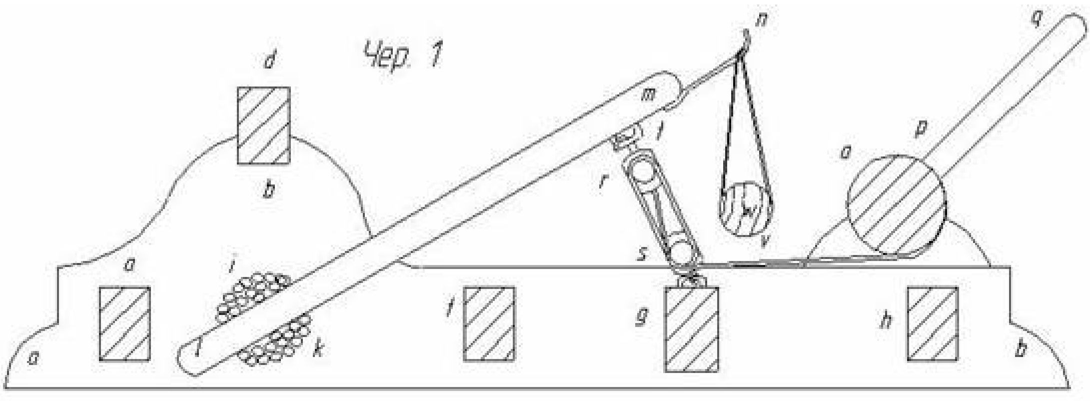


Рис. 1 – продольный разрез орудия.

a – один из двух продольных брусьев.
b – горбообразное утолщение бруса.
d – поперечное скрепление параллельных брусьев.
a f g h – такие же скрепления внизу орудия.
1 m – вертикально стоящее дышло.

i k – канат из жил, продетый через отверстия в горизонтальной подставке и представляющий собой как бы пружину, которая держит дышло в вертикальном положении.

m n – железный крючок на конце дышла.
n v – праща, укрепленная на крючке.
w – снаряд, положенный в пращу.

rs – два блока, из которых один зацеплен за дышло, а другой соединен с горизонтальной подставкой орудия.

o – вал, на который наматывается канат, стягивающий блоки r s.
p q – рычаг, при помощи которого происходит наматывание каната.

Когда дышло стянуто вниз и доведено почти до горизонтального положения, канонир сбивает блок с крючка t; дышло освобождается и быстро принимает вертикальное положение, вследствие чего из пращи вылетает камень. {*561* }

БАЛЛИСТА

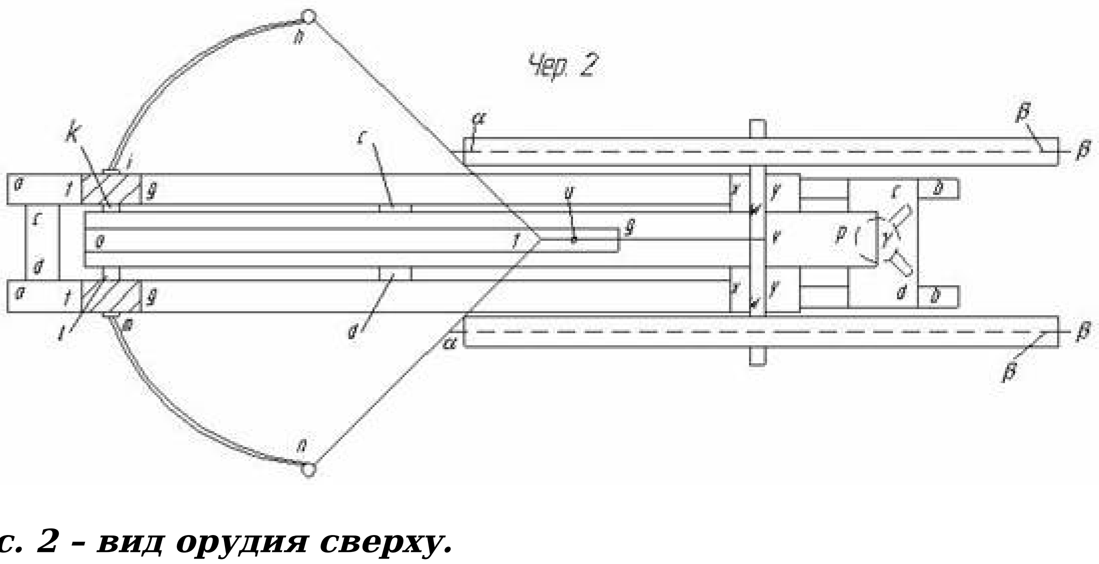


Рис. 2 – вид орудия сверху.

a b – два параллельных деревянных бруса.

c, d, c, d – поперечные скрепы этих брусьев.

fg – два вертикальных столба в передней части орудия, установленные на горизонтальной подставке.

h i k 1 m n – железная полоса, пропущенная через вертикально стоящие столбы; в этой своей части – 1m – она имеет цилиндрическую поверхность.

op – деревянное дышло, через которое в переднем его конце пропущена железная полоса – 1k.

og – полуцилиндрическое углубление в дышле, в которое кладут стрелу.

γ – винт, на который опирается задняя часть дышла (см. рис. 3).

htn – тетива, стягивающая концы железной полосы.

u – крючок, за который зацеплена тетива посередине.

uv – канат, прикрепленный к крючку.

ww – вращающаяся ось, на которую наворачивается канат.

αβ – вертикально установленные колеса, при помощи которых наворачивается канат, оттягивающий тетиву до определенного места.

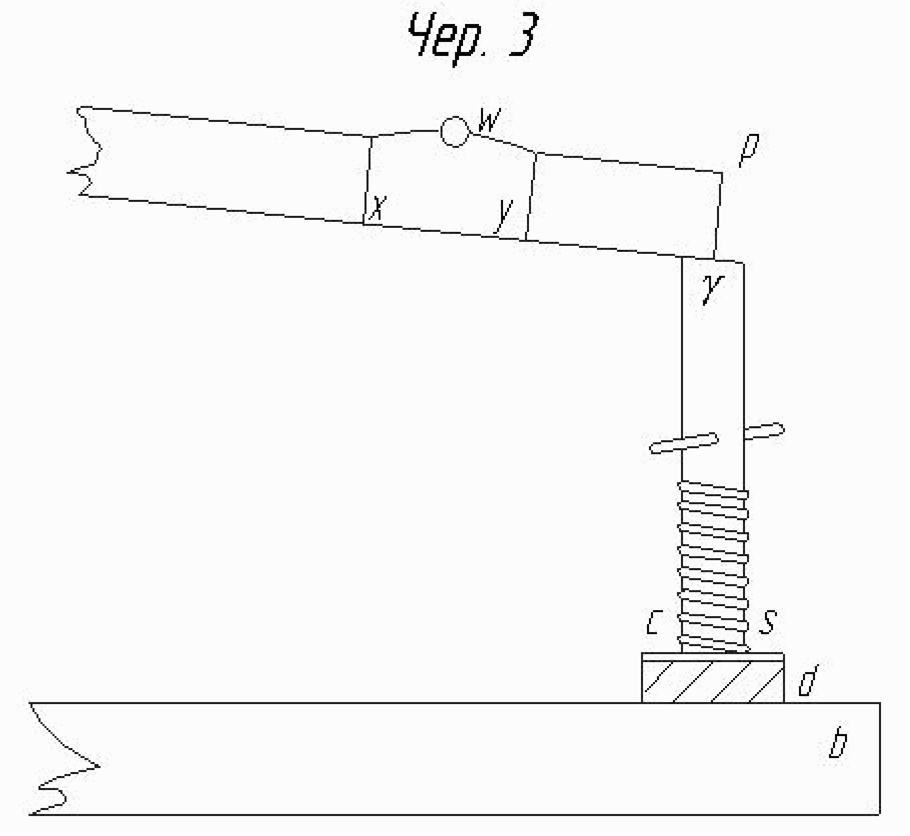


Рис. 3 – задняя часть баллисты, вид сбоку.

b – подставка орудия.

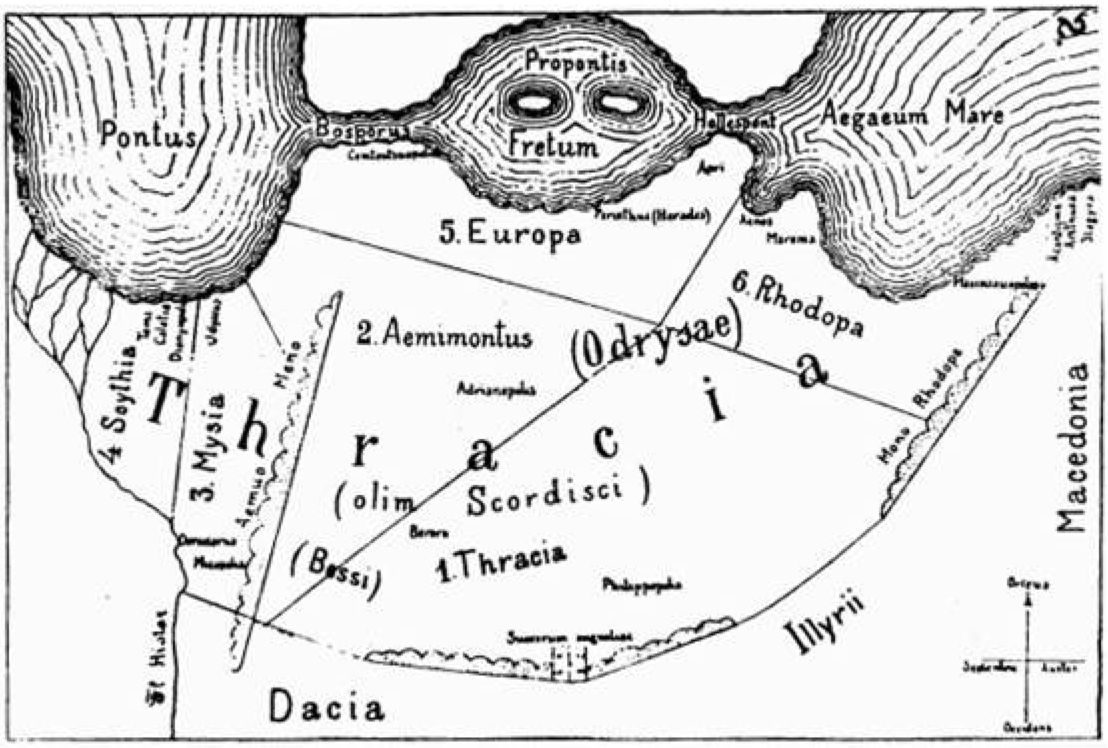
γ – столб с винтообразной нарезкою, вращая который направо или налево, можно изменять положение дышла.

Когда высвобождают тетиву из-под крючка, она выбрасывает стрелу, лежащую в углублении дышла.

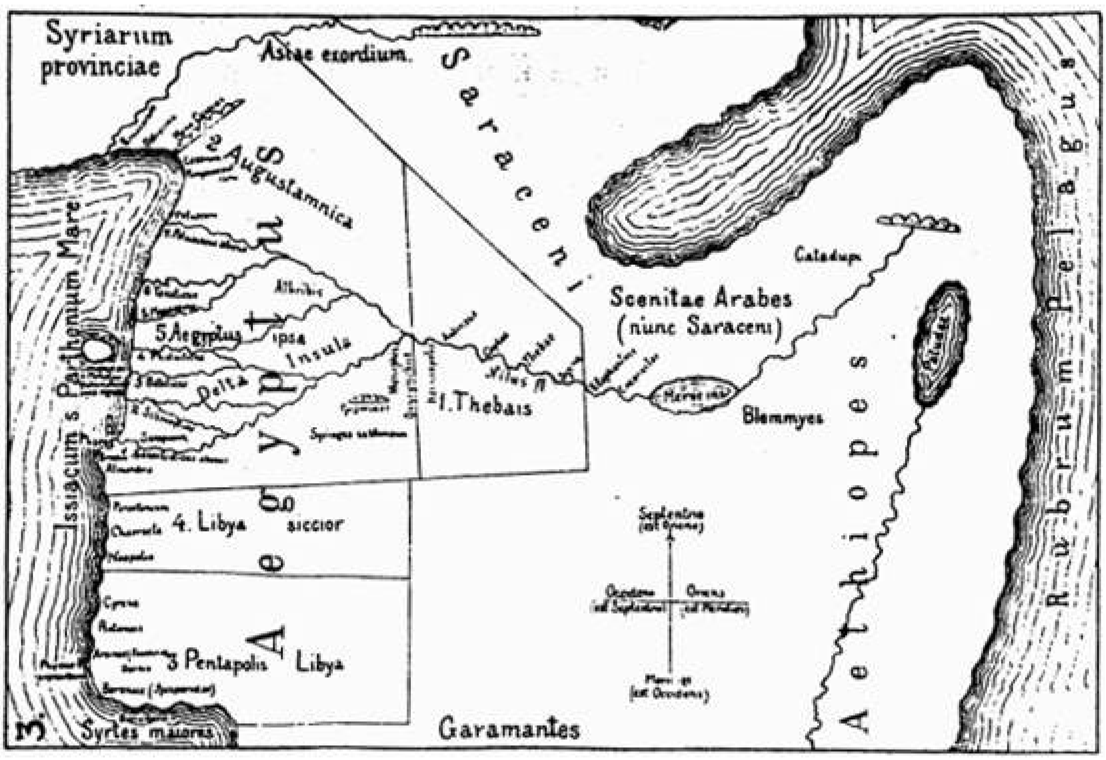
Приведенные чертежи не могут претендовать на то, что в них точно угадан вид орудий, столь неясно и кратко описанных Аммианом

Марцеллином. {*563* }

2. Карта фракийских областей по данным Аммиана Марцеллина (21, 8).



3. Карта Египта по данным Аммиана Марцеллина (22, 16).



4. Карта похода имп. Юлиана в Персию.

5. Карта Азии по Птолемею.

КАРТА АЗІИ
по ПТОЛЕМЕЮ
Гирканское море
(Каспійское)
Согдіана
Индія по ту сторону Ганга
Индія по сю сторону Ганга
Сины